ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

De Secreto / О Секрете

Сборник научных трудов

Четвертое издание

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2022

УДК 32.001(082)
ББК 66.0я43
О 11

De Secreto / О Секрете. Сборник научных трудов. А.И. Фурсов (сост.). М.: Товарищество научных изданий КМК. 4-е изд. 2022. 699 с.

Сборник научных трудов логически продолжает сборники «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013) и «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015). В представленных работах исследуется ряд скрывающихся за завесой секретности событий XIX–XX вв. Речь идёт о событиях мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы.

© А.И. Фурсов, предисловие, 2016, 2017, 2019, 2022
© К.А. Фурсов, «Большая Игра: взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка», 2016, 2017, 2019, 2022
© Д.Ю. Перетолчин, «New Farben Order. История синтеза нового мирового порядка», 2016, 2017, 2019, 2022
© Ю.В. Емельянов, «Тайны берлинского Первомая 1945 года», 2016, 2017, 2019, 2022
© А.И. Фурсов, «Серые волки и коричневые рейхи», 2016, 2017, 2019, 2022
© А.В. Островский, С.П. Островская, «Солженицын, КГБ, крушение СССР», 2016, 2017, 2019, 2022
© К.А. Черемных, «Психопатологические шифры эпохи. Опыт расплетения узлов идеологии, клиники и конъюнктуры», 2016, 2017, 2019, 2022
© Н.В. Кравчук, «О загадках 1986 года», 2016, 2017, 2019, 2022
© Институт системно-стратегического анализа, 2019, 2022
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2016, 2017, 2019, 2022

ISBN 978-5-907372-82-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4
Фурсов К.А. Большая Игра: взгляд из Британии.
Обзор работ Питера Хопкирка 7
Перетолчин Д.Ю. New Farben Order. История
синтеза нового мирового порядка 89
Емельянов Ю.В. Тайны берлинского Первомая 1945 года 205
Фурсов А.И. Серые волки и коричневые рейхи 277
Островский А.В. Солженицын, КГБ, крушение СССР 321
Черемных К.А. Психопатологические шифры эпохи.
Опыт расплетения узлов идеологии, клиники и конъюнктуры 531
Кравчук Н.В. О загадках 1986 года 651

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед читателем новый, третий, сборник из «чёрной» серии — «De Secreto / О Секрете». Как и предыдущие — «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013) и «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015) — он посвящён тенденциям, событиям и механизмам реальной власти. Реальная власть — тайная власть, т.е. то, чем профессорско-профанная наука не занимается в принципе. В сборнике — семь работ. Они следуют в хронологическом порядке, стартуя Большой Игрой XIX в. и заканчиваясь чернобыльской катастрофой — тоже элементом Большой Игры против исторической России как бы она ни называлась.

Работа **К.А. Фурсова «Большая Игра: взгляд из Британии»** посвящена истории противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX – начале XX в. В «нулевые» годы XX в. в эту борьбу попытались вклиниться Второй рейх и США. К.А. Фурсов представил британский взгляд на Большую Игру, дав обзор шести книг весьма интересного автора — Питера Хопкирка (1930–2014), которые высоко оценивались разными людьми, как учёными, так и профессиональными разведчиками (например, генерал-лейтенантом КГБ Л.В. Шебаршиным).

Необходимо сказать несколько слов о самом Хопкирке — человеке интересной и насыщенной судьбы. Не будучи кабинетным учёным, он объехал те страны и регионы, о которых пишет в своей саге о Большой Игре: Центральную Азию и Кавказ, Китай и Пакистан, Индию, Иран, Турцию. До того как заняться исследовательской работой, Хопкирк поработал репортёром на британском «International News Television», нью-йоркским корреспондентом «Daily Telegraph» и почти 20 лет в «The Times» (5 лет в качестве главного репортёра, 15 лет в качестве специалиста-аналитика по Среднему и Дальнему Востоку). А ещё раньше, в 1950-е гг., он был редактором западноафриканского журнала «Drum».

Многие герои книг Хопкирка прожили жизнь, полную приключений. Но и автор этих книг повидал в жизни немало. В свой дожурналистский период он служил младшим чином в батальоне Королевских африканских стрелков — там же, где уланский капрал Иди Амин, будущий диктатор Уганды; Хопкирка арестовывали и бросали в тюрьму спецслужбы на Кубе и Среднем Востоке; однажды его похитили арабские террористы. Иными словами, о Большой Игре написал человек, чья жизнь

сама похожа на полную приключений игру. В 1999 г. Королевским азиатским обществом Великобритании и Ирландии Хопкирк был награждён Мемориальной медалью сэра Перси Сайкса за труды и путешествия.

Из шести книг П. Хопкирка только одна («Большая Игра: О разведке в высокогорной Азии») переведена на русский язык; теперь читатель может ознакомиться с содержанием всей «батареи» полностью.

Работа **Д.Ю. Перетолчина «New Farben Order. История синтеза нового мирового порядка»** посвящена немецкому концерну ИГ Фарбен Индустри. У нас больше известны англо-американские корпорации — главным образом те, что принадлежат Ротшильдам и Рокфеллерам; впрочем, постепенно начали писать и о не менее интересном, например, о «Vanguard», о Ларри Финке. Значительно меньше работ на Западе и тем более в России о немецком гиганте «ИГ Фарбен». А ведь он сыграл огромную роль не только в немецкой, но и в европейской и мировой истории как минимум первой половины XX в. Во-первых, «ИГ Фарбен» во многом стал организационной моделью корпоративных структур во всём мире. Во-вторых, он внёс весомый вклад в приход Гитлера к власти, в возникновение Третьего рейха. В-третьих, схемы «ИГ Фарбен» во многом определили развитие концепции Нового Мирового Порядка.

Исследование историка **Ю.В. Емельянова «Тайны берлинского Первомая 1945 года»** посвящено главным образом секретам закулисной борьбы нацистской верхушки в последние месяцы, недели и дни существования Третьего рейха. Картина, которую рисует Ю.В. Емельянов, существенно отличается от принятой.

Завершает немецкий «триптих» сборника статья **А.И. Фурсова «Серые волки и коричневые рейхи»**. По сути это обзор нескольких работ, посвящённых, во-первых, Четвёртому рейху — структуре, которую с 1943 г. начал создавать Мартин Борман, в 1945 г. к нему присоединились Мюллер («Гестапо-Мюллер») и Камммлер; во-вторых, версии о бегстве Гитлера из Берлина и его жизни в послевоенном мире. Изложение конкретного материала предварено рассуждениями автора о том, что Т. Кун назвал «нормальной наукой» (А.И. Фурсов называет это профессорско-профанной наукой), с одной стороны, и об аналитике как особой области когнитивной деятельности, с другой.

Великолепную работу специально для данного сборника подготовил замечательный, первоклассный российский историк **А.В. Островский**. Это — одна из последних его работ: Александр Владимирович безвременно скончался в феврале 2015 г. Исследования А.В. Островского отличаются широтой интересов (тематика, хронологический охват) и глубиной анализа. С одной стороны, он — автор дотошных исследований о зерновом хозяйстве, скотоводстве деревни России XIX в., о русском самодержавии и революции; с другой — блестящих аналитических работ, посвящённых Сталину, Горбачёву, событиям 1993 г.

В 2004 г. четырёхтысячным тиражом вышла блестящая работа (более 700 страниц текста) А.В. Островского «Солженицын. Прощание с мифом». По сути это историческое расследование, выявившее многие секреты, неприятные как для самого Солженицына, так и для КГБ. Книга подозрительно быстро исчезла — значительно быстрее, чем раскупается даже бестселлер.

Девять лет спустя я попросил Александра Владимировича сделать сокращённую версию большой книги, сосредоточившись на политике (в издании 2004 г. —

значительный литературный сегмент), на тайных играх спецслужб. Автор добавил тему разрушения СССР и роли в этом КГБ. Результат — публикуемая в сборнике работа **«Солженицын, КГБ, крушение СССР»**.

Исследование политического аналитика **К.А. Черемных** (психолога и психиатра по профессии) называется **«Психопатологические шифры эпохи. Опыт расплетения узлов идеологии, клиники и конъюнктуры»**. Я затрудняюсь определить жанр данной работы, по сути — книги. Это и историко-научное исследование, и политический детектив, и конспирологический трактат, и аналитическая история. В ней автор развязывает завязанные в один узел секреты Фрейда, нацистов, КПСС.

Завершает сборник большая статья физика **Н.В. Кравчука «О загадках 1986 года»**. Одна из главных загадок, если не главная — Чернобыльская катастрофа, зловещий предвестник разрушения СССР силами внутренних интересантов и их западных союзников. Автор восстанавливает картину аварии, а заканчивает работу разделом с интригующим названием «Заметки о ещё одной катастрофе 1986 года (и о “запланированных диверсиях”)». Речь, в частности, идёт о столкновении сухогруза «Пётр Васев» с круизным лайнером «Адмирал Нахимов».

Материалы сборника показывают: всё тайное когда-то становится явным. Или почти всё. Нужно работать над тем, чтобы в тайноявном явного становилось всё больше, а секретов оставалось всё меньше. Именно этим и занимается группа авторов сборника — «бригада следователей по особо важным историческим делам».

А.И. Фурсов

К.А. Фурсов

БОЛЬШАЯ ИГРА:
ВЗГЛЯД ИЗ БРИТАНИИ

Обзор работ Питера Хопкирка

Фурсов Кирилл Андреевич —
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Появление у России и Британии интереса к Центральной Азии 11
2. Начало Большой Игры 16
3. Деятельность пандитов 25
4. Обострение Большой Игры в 1870–80-е годы 29
5. Гонка за древности Синьцзяна 38
6. Гонка за Лхасу 48
7. Вступление Германии в Большую Игру 53
8. Британцы на обломках Российской империи 62
9. Возрождение Большой Игры: большевики против британцев 69
10. Западные путешественники в Тибете в первой половине XX в. 78
11. По следам Кима 86

В настоящее время Центральная Азия[1] является ареной интенсивного геополитического и экономического противостояния различных сил — мировых и региональных держав, транснациональных корпораций, спецслужб, преступных группировок. За этим противостоянием прочно устоялось наименование «новая Большая Игра» по аналогии с Большой Игрой (Great Game) — под таким названием вошла в историю борьба за этот регион Российской и Британской империй XIX – начала XX в. После Октябрьской революции в России эта борьба возобновилась и продолжалась до начала Второй мировой войны, когда, как и в первый раз, участники свернули её перед лицом того же общего врага.

Предлагаемое в настоящем обзоре краткое содержание работ крупнейшего западного специалиста XX в. по Большой Игре, британского исследователя Питера Хопкирка (1930–2014) хронологически охватывает всю «имперскую» фазу этой борьбы (до 1907 г.) и начальный (наиболее драматичный) этап её англо-советской фазы, а географически — по сути всю территорию региона от Каспия до Тибета и от Алтая до Гималаев.

---

[1] С географическим понятием «Центральная Азия» связана терминологическая путаница, и переводить английское *Central Asia* на русский лучше разными терминами. В советской географии под Центральной Азией понимали только зарубежные азиатские территории — Монголию, Синьцзян, Тибет, а пять ССР к востоку от Каспия обозначали устойчивым словосочетанием «Казахстан и Средняя Азия» (Средней Азией регион называли в России ещё с XIX в.). В западной географии как «Центральная Азия» значились и значатся вторые (ныне — независимые государства), а первые носят название «Внутренняя Азия» (*Inner Asia*). Целесообразно наиболее широкое определение Центральной Азии, принятое ЮНЕСКО, — оно включает пять постсоветских республик, российскую Южную Сибирь, Монголию, автономные округа КНР Синьцзян-Уйгурский, Тибет, Нинся-Хуэйский и Внутреннюю Монголию, провинции КНР Цинхай и Ганьсу, а также Кашмир, Афганистан и Хорасан. Поэтому когда Хопкирк пишет только о территории современных Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, *Central Asia* в данном обзоре переводится как «Средняя Азия»; если смысл шире и включает Афганистан, Синьцзян или Тибет — «Центральная Азия». — *К.Ф.*

1. Появление у России и Британии интереса к Центральной Азии

Заинтересованность России в регионе возникала по мере продвижения её границ всё дальше на юг и восток (начало перехода в подданство России казахских жузов относится к 1730-м гг.). Что касается британцев, они соприкоснулись с данным регионом, когда к началу XIX в. более или менее консолидировали власть Ост-Индской Компании в Индии.

Неудачное имперское начинание России в Центральной Азии относится к 1716 г., когда Пётр I отправил военную экспедицию под командованием князя Александра Бековича-Черкасского установить контроль над Хивинским ханством. Долгосрочной целью было попытаться переориентировать через Россию поток товаров из Индии в Европу. Четырёхтысячный отряд дошёл в 1717 г. до Хивы, разметав сопротивление, но хан взял хитростью: объяснил, что хивинцы не смогут принять столько людей в столице, поэтому русские должны разделить войско на несколько отрядов. Бекович разделил, хивинцы тут же напали на разрозненные силы и всех перебили.

Пётр больше не возвращался к идее открыть сухопутный путь в Индию. Правда, после его смерти в 1725 г. в Европе стали ходить слухи о его завещании, в котором царь якобы велел своим наследникам выполнить историческое предназначение России — достичь мирового господства, ключом к которому было обладание Индией и Стамбулом. Большинство историков считают, что такого документа в помине не было, но страх перед Петром заставлял многих верить в его существование.

Одним из первых британцев, кто почувствовал угрозу Индии от растущего присутствия России на Ближнем Востоке и Кавказе, был председатель Контрольного совета по делам Ост-Индской Компании Генри Дандас. Правда, тогда эту угрозу затмила другая, связанная с экспедицией генерала Н. Бонапарта в Египет. Он рассматривал её как первый шаг к тому, чтобы отрезать британцев от Индии — источника их могущества и богатства. В мае 1798 г. французский флот с 40 тыс. солдат на борту тайно отплыл из Тулона и Марселя[1].

В Лондоне и Калькутте сильно встревожились, поскольку позиции британцев в Индии ещё не были прочными. Впрочем, генерал-губернатор Ост-Индской Компа-

[1] Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. L.: John Murray, 1990. P. 23–24.

нии в Калькутте лорд Уэлсли сомневался в осуществимости похода на Индию, зато воспользовался возможностью сокрушить тех индийских правителей, которые демонстрировали дружбу с Францией. А 1 августа 1798 г. адмирал Г. Нельсон разбил французскую эскадру в Абукирском заливе, отрезав Бонапарта от Франции.

После того как Бонапарт стал первым консулом, царь Павел в 1801 г. решил возродить отвергнутый Екатериной план. Он предложил Бонапарту совместное нападение на Индию России и Франции. Согласно плану, 35 тыс. казаков должны были двигаться через Туркестан, привлекая на свою сторону воинственные туркменские племена обещаниями грабежей, если те помогут выдворить британцев из Индии. Равная по численности французская армия должна была спуститься по Дунаю, пересечь Чёрное море на русских судах и по Дону, Волге и Каспийскому морю прибыть в Астарабад в Северо-Восточном Иране. Тут две армии должны были соединиться и следовать через Иран и Афганистан к Инду. Не встретив поддержки Бонапарта, Павел решил действовать в одиночку[1].

24 января 1801 г. царь велел атаману донских казаков собрать в Оренбурге большое войско. Удалось собрать лишь 22 тыс. человек с пушками. Они должны были идти через Хиву и Бухару, причём освободить в русских, попавших там в рабство. Индию предполагалось поставить под контроль Петербурга — вместе с её внешней торговлей.

Плохо подготовленная военная экспедиция выступила на Хиву в разгар зимы. Она продвинулась уже на 400 миль, когда её нагнал гонец, сообщивший, что Павла убили заговорщики, а его преемник Александр приказал вернуть казаков (он не собирался воевать с Британией)[2]. Вернув войско, Александр спас его от гибели, так как впереди ждали многочисленные трудности с продовольствием, болезни, стычки с враждебными туркменами, не говоря об армиях Хивы и Бухары.

Даже не зная о плане Павла, британцы в Индии всё острее сознавали уязвимость страны для нападения извне[3]. Ходили слухи о французских агентах в Иране. Другим потенциальным агрессором был соседний Афганистан. Поэтому в 1800 г. в Тегеран прибыла дипломатическая миссия Компании с богатыми дарами, которую возглавлял капитан Джон Малколм. Ему удалось заключить с шахом два договора — политический и торговый. Однако вскоре британская разведка узнала о возрождении плана похода на Индию.

---

[1] По другим данным, разработал и предложил этот план как раз Бонапарт, хотя его истинной целью при этом было лишь натравить Россию на Британию, а французский корпус не отправлять вовсе. В связи с этим прискорбно, что такой эрудированный историк, как Хопкирк, находится в плену исторических мифов и утверждает: «Наполеон почти наверняка понимал, что Павел… быстро теряет рассудок» (Ibid. P. 29). Павел был властолюбивым самодуром — но не безумцем. — *К.Ф.*

[2] Хопкирк отмечает, будто исходным пунктом похода был Оренбург, а дойти войско успело почти до Аральского моря. Он явно спутал описываемый поход атамана В.П. Орлова 1801 г. с походом военного губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского 1839–40 гг. (о котором сам же расскажет далее). Орлов выступил из четырёх станиц на Дону и дойти успел лишь до Саратовской губернии (перейдя по льду Волгу). Особенно забавно, что в версии Хопкирка Волга осталась: казаки, мол, пересекли её по пути из Оренбурга к Аралу (Ibid. P. 29). Автор не дал себе труда взглянуть на карту. — *К.Ф.*

[3] Британцы прекрасно знали о плане Павла. Он предусматривал не только сухопутный поход, но и отправку из Петропавловска-Камчатского в Индийский океан трёх фрегатов блокировать британскую торговлю с Китаем (последнее напугало британцев ещё больше идеи сухопутного похода). Не случайно в заговоре против Павла активно участвовал бывший британский посол Ч. Уитворт. — *К.Ф.*

В 1808 г. генерал-губернатор Компании лорд Минто вновь отправил Малколма в Иран, но дальше Бушира персы его не пустили. После этого прибыл эмиссар из Лондона сэр Харфорд Джоунз. Шах узнал о тайной сделке Наполеона с Александром и понял, что французы тоже не помогут ему против русских. Он вновь склонился к Британии, а французскую миссию выслал. Джоунз заключил с шахом новый договор, согласно которому тот обязался не пускать через Иран войска любой державы, идущие на Индию, и не участвовать в предприятиях, вредящих британским интересам. Британия обязалась оказать шаху военную помощь в случае нападения извне, а если это невозможно, поставить ему достаточное количество оружия и советников — если сама находится с агрессором в мире. Данный пункт явно имел в виду Россию: шах не собирался делать одну ошибку дважды. Кроме того британцы обещали шаху ежегодную субсидию в 120 тыс. ф. ст. и военных советников для модернизации армии[1]. Эту миссию вновь возглавил Малколм.

Одновременно британские разведчики были отправлены из Индии в дикие земли Белуджистана и Афганистана. Весной 1810 г. капитан Чарлз Кристи и лейтенант Генри Поттинджер из 5-го бомбейского полка туземной пехоты отправились в эти места под видом мусульман. К счастью для них никто из жителей этого отдалённого региона никогда не видел европейцев. Кристи взял курс на Герат, маскируясь под торговца лошадьми, но вскоре сменил легенду на благочестивого хаджи, возвращающегося из Мекки (так было безопаснее ехать по кишевшей разбойниками территории). Однако новая легенда создавала свои проблемы. Так, в одной деревне местный мулла-шиит вступил с британцем в богословский спор и ему удалось избежать разоблачения, прикинувшись суннитом. Из Герата Кристи проследовал в Восточный Иран, где мог чувствовать себя в безопасности.

Двадцатилетний лейтенант Поттинджер между тем проделал 900-мильное путешествие южнее, через Белуджистан. Он выбрал маршрут, по которому в следующие сто лет не рискнул проехать ни один европеец. Путь занял три месяца и лежал через две опасные пустыни. Поттинджер вёл подробный дневник, отмечая наличие колодцев, рек, характер растительности, осадков и климата, лучшие оборонительные позиции, союзы между местными ханами. Он составил первую военную карту западных подступов к Индии. Для этого лейтенант пользовался компасом, и однажды его спутники-белуджи заметили это. Он находчиво объяснил, что это прибор, указывающий ему направление на Мекку, чтобы знать, в какую сторону молиться.

Если ответственным за превращение России в пугало можно назвать одного конкретного человека, то это британский генерал сэр Роберт Уилсон. Во время вторжения Наполеона он был официальным британским наблюдателем при русской армии. По возвращении в Лондон Уилсон начал единоличную кампанию против русских, твердя о жестокости русского солдата и некомпетентности генералов. В 1817 г. генерал опубликовал книгу «Описание военной и политической мощи России». Автор утверждал, что русские, воодушевлённые своей победой над французами, планируют выполнить завещание Петра I и завоевать весь мир. Первой мишенью будет Стамбул, затем придёт черёд Индии. Уилсон снабдил книгу картой, на которой прошлые границы России были показаны зелёным цветом, а нынеш-

[1] Hopkirk P. The Great Game… P. 36.

ние — красным, чтобы продемонстрировать скорость расширения империи и исходящую от неё угрозу.

После унизительного для Ирана Гулистанского мирного договора с Россией 1813 г. некоторые члены военной миссии Малколма в Иране уже беспокоились относительно растущей мощи России на Востоке. Одним из них был капитан индийской армии Джон Макдоналд Киннейр, который собрал воедино данные географической разведки, собранные Кристи, Поттинджером и другими разведчиками. Его книга «Географический мемуар Персидской империи» (1813 г.) много лет оставалась главным источником сведений в этой области. Киннейр немало поездил по региону сам и в приложении ко второй работе, посвящённой его собственным путешествиям на Востоке, изложил свои взгляды на потенциальную русскую угрозу британским интересам в Азии. Если Кристи и Поттинджер были первыми игроками Большой Игры, а Уилсон — её первым полемистом, то Киннейра можно назвать её первым серьёзным аналитиком.

Киннейр указал, что морской агрессор Британской Индии больше не страшен, а вот с суши она уязвима. Захватчик мог воспользоваться двумя путями — непосредственно на восток через Ближний Восток или на юго-восток через Среднюю Азию (первый путь избрал бы захватчик из Европы, второй — Россия). Киннейр подробно разобрал географические, политические, логистические и прочие препятствия на пути возможной армии вторжения.

Первым русским участником Большой Игры стал 24-летний капитан Николай Муравьёв, которого в 1819 г. наместник на Кавказе генерал Ермолов отправил из Тифлиса в Хиву. Его целью было выяснить судьбу большого количества русских рабов. Казахи близ Оренбурга захватывали солдат и поселенцев, туркмены на побережье Каспийского моря захватывали рыбаков и их семьи; пленных продавали в рабство на рынки Средней Азии. Правда, Ермолов предупредил Муравьёва, что в случае его заточения или казни хивинцами русское правительство от него откажется, так как вызволить его будет невозможно, а царь не может позволить себе потерять лицо перед среднеазиатским князьком.

По прибытии к Хиве Муравьёва отвезли в небольшую крепость и велели ждать приёма у хана. Хан был не в восторге от приезда посланца могущественной державы и проклинал его туркменских спутников за то, что те не ограбили и не убили его далеко в пустыне, чтобы хану не пришлось иметь с ним дела. Если бы была возможность разделаться с Муравьёвым так, чтобы русские наверняка не узнали, кто виноват, хан не колебался бы — но вероятность того, что русские узнают, существовала. Поэтому спустя семь недель хан всё же дал Муравьёву аудиенцию и даже отправил с ним в обратный путь к Ермолову в Дербент своих посланцев.

Вернувшись на Кавказ, Муравьёв написал подробный отчёт о поездке, упомянув численность ханской армии, описав лучшие маршруты для вторжения, хозяйство, систему управления и методы казни. Капитан высказался за скорейшее завоевание Хивы, так как это освободило бы русских рабов и положило бы конец ханской тирании. К тому же, по его мысли, это позволило России покончить с монополией Британии на торговлю с Индией: всю азиатскую торговлю предполагалось переориентировать к Каспию по Волге в Россию, так как это был бы более короткий и дешёвый путь, чем вокруг мыса Доброй Надежды. Побочным результатом мыслился конец британской власти в Индии.

Грандиозному плану Муравьёва ходу не дали. Ермолов уже становился опальным, а у Александра было немало внутренних проблем. Тем не менее, собранные Муравьёвым сведения послужили России предлогом для последующей экспансии в Средней Азии.

Одним из тех, кто понимал это, был заведующий конными заводами Ост-Индской компании Уильям Муркрофт, который провёл несколько лет в поездках по крайнему северу Индии. Он предостерегал своё начальство в Калькутте, что русские намерены захватить весь Туркестан и Афганистан, поэтому надо вести себя активнее.

И в Британии и в Индии русофобы ещё находились в меньшинстве и не пользовались поддержкой властей. Однако в 1820 г. Муркрофт настоял на поездке в Бухару, где рассчитывал найти легендарных туркменских скакунов, а также открыть рынки Средней Азии для британских товаров, опередив русских. Достигнув Бухары, он неприятно удивился, обнаружив на рынках много русских товаров, а коней не нашёл. На обратном пути через Афганистан Муркрофт в 1825 г. умер. Географы оценили его вклад в изучение региона, а многие считают его основоположником изучения Гималаев.

Между тем шах Ирана вынашивал планы вернуть утраченные в пользу России территории, и в 1826–28 гг. произошла очередная русско-иранская война. Однако она была для Ирана неудачной и завершилась Туркманчайским договором. Несмотря на убийство посланника А.С. Грибоедова, Иран фактически стал протекторатом своего северного соседа, который получил право учреждать консульства по всей стране и купцы которого пользовались особыми привилегиями[1].

[1] Хопкирк преувеличивает степень влияния России в Иране в первой половине XIX в. — *К.Ф.*

2. Начало Большой Игры

В этих условиях одним из тех, кто был убеждён в реальности завещания Петра I, был британский полковник Джордж де Ласи Эванс. В 1828 г. он издал книгу «О замыслах России», в которой утверждал, будто Петербург планирует вскоре напасть на Индию. Сразу после русской победы над Османами в 1829 г. он выпустил другую книгу — «Об осуществимости вторжения в Британскую Индию». Эта книга была своевременна и хорошо встречена, особенно в правящих кругах. Цитируя (часто весьма избирательно) Поттинджера, Киннейра, Муравьёва, Муркрофта, Эванс пытался доказать вероятность русского натиска на Индию и сумел представить вторжение в Индию весьма лёгким предприятием, особенно для тех, кто не знал местных условий. Несмотря на недостатки, книга Эванса оказала глубокое влияние на политиков в Лондоне и Калькутте.

Одним из заметных участников Большой Игры был Артур Конолли, 23-летний лейтенант 6-го бенгальского туземного полка лёгкой кавалерии. Именно он впервые употребил термин «Большая Игра». Конолли верил в цивилизаторскую миссию христианства, причём даже русское правление (при условии, что оно будет далеко от границ Индии) предпочитал власти тиранов-мусульман, а стремление Петербурга освободить рабов в ханствах искренне поддерживал. Вместе с тем Конолли был разведчиком, и склонность к приключениям заставила его совершить дерзкое путешествие. Осенью 1829 г. он, возвращаясь по суше в Индию из отпуска, выехал из Москвы на Кавказ. Несмотря на ухудшающиеся отношения двух держав, русские офицеры в Тифлисе тепло встретили британца и даже снабдили казачьим эскортом до иранской границы. Конолли восхищался выносливостью русских солдат, которые спали на снегу без палаток, и был потрясён подвигом драгунского полка, который захватил вражескую крепость, галопом въехав в её ворота прежде, чем защитники успели их захлопнуть.

Конолли намеревался достичь Хивы через пустыню Каракум. Совершить путешествие в 4 тыс. миль от Москвы до Индии и остаться в живых уже было немалым достижением. Кроме того, пройдя по возможным маршрутам враждебной русской армии, Конолли смог ответить на многие вопросы, мучившие тех, кто отвечал за оборону Индии. Его наиболее важные военные и политические наблюдения пред-

назначались только для начальства. Однако Конолли написал и книгу для широкого читателя, вышедшую в 1834 г. В приложении автор проанализировал возможности русского вторжения в Индию, выделив два потенциальных маршрута. Один проходил через Хиву, Балх, Кабул и Хайберский проход; этот путь был богаче водными источниками, но длиннее и предполагал предварительно захват Хивы. Второй маршрут — через Герат, Кандагар, Кветту и Боланский проход; он предполагал предварительный захват русскими Герата.

В 1831 г. на судне вверх по Инду был отправлен 25-летний лейтенант Александр Бёрнс с дипломатической миссией к сикхскому правителю Панджаба Ранджит Сингху в Лахор. Он вёз правителю ответный подарок от британского короля Вильгельма IV — четырёх гигантских кобыл, жеребца и роскошную карету. Умный, находчивый, обаятельный, Бёрнс бегло говорил на фарси, хиндустани и по-арабски. Плавание по Инду заняло 5 месяцев, в течение которых Бёрнс картографировал реку (включая замеры глубин). Выяснилось, что Инд судоходен на 700 миль от устья, хотя лишь для плоскодонных судов. По результатам экспедиции было решено открыть Инд для британского судоходства. Генерал-губернатор лорд Бентинк отправил к амирам Синда (уже полковника) Генри Поттинджера заключить соответствующий договор.

Затем Бёрнс вызвался отправиться с более амбициозной миссией — в Кабул и Бухару, чтобы завязать связи с амиром Афганистана Дост Мухаммадом и эмиром Бухары[1]. В 1832 г. Дост Мухаммад хорошо принял Бёрнса, засыпал его вопросами о праве, сборе налогов, наборе армий в европейских странах, о намерениях британцев относительно Афганистана. Бёрнс пришёл к выводу, что в интересах Британии — поддерживать амира Кабула. Проследовав в Бухару, он был принят *кушбеги* — здешним первым министром.

После отчёта Бентинку Бёрнс отправился в Лондон, где познакомил с ситуацией в Центральной Азии кабинет и короля. Он стал героем, получил золотую медаль Королевского географического общества и издал трёхтомное «Путешествие в Бухару». Описание его поездки впервые познакомило читателя с романтикой и тайнами Центральной Азии, став бестселлером. Для начальства Бёрнс составил четыре тайных отчёта — военный, политический, топографический и торговый. В военном отчёте он утверждал, что Кабул в руках русских представлял бы такую же опасность, как Герат, поскольку перевалы Гиндукуша для современной армии не помеха. В ноябре 1836 г. Бёрнса вновь отправили в Кабул.

В это время на Северном Кавказе британские агенты начали орудовать среди племён, снабжая их оружием и воодушевляя на сопротивление «неверным». Двумя главными очагами сопротивления были Адыгея и Дагестан. Лидеры повстанцев использовали к своей выгоде ландшафт и неожиданно нашли союзника в лице Дэйвида Урквартa, который в 1827 г. уехал в Грецию помочь ей избавиться от турок, но проникся к последним симпатией. В 1830-е гг. он стал главным русофобом в Британии. Контакты с адыгами Урквартa установил в 1834 г., живя в Стамбуле. Он нанёс тайный визит в их горные твердыни, помогая повстанцам советами, даже написал для них декларацию независимости.

[1] *Амир* как титул мусульманского правителя — арабское слово, которое в таком виде перешло в языки фарси, дари, пушту, хиндустани. *Эмир* — тюркизированный вариант этого слова, поэтому здесь употребляю его только, когда речь идёт о правителе Бухары. — *К.Ф.*

В 1836 г. Уркварт приехал в Стамбул в качестве первого секретаря британского посольства и по собственной инициативе устроил провокацию со шхуной «Vixen». Он убедил британскую судоходную компанию отправить судно из Стамбула с грузом соли в порт Суджук-Кале на черноморском побережье Кавказа. Уркварт считал, что не проиграет в любом случае: если русские перехватят шхуну, это взбудоражит британскую общественность и заставит правительство прислать в Чёрное море военный флот; если русские не перехватят шхуну, значит, можно успешно давить на них и начать поставлять адыгам оружие. Русский бриг арестовал «Vixen», но даже известный своими антироссийскими настроениями министр иностранных дел Пальмерстон не решился раздувать из этого скандал. К ярости русофобов он рассудил, что Суджук-Кале — российская территория, отозвал Уркварта в Лондон и уволил со службы. Тот развернул против министра кампанию в прессе, утверждая, что он отрабатывает русское золото, а вскоре Уркварту удалось-таки организовать адыгам контрабанду оружия. Он сделался членом парламента и немало сделал для разжигания русофобии в Британии. Благодаря Уркварту и его единомышленникам Кавказ стал одним из театров Большой Игры.

В правящих кругах Британии были и такие люди, как посол в Петербурге лорд Дарэм[1], который был убеждён, что Николай не в силах предпринимать экспансионистские действия. Однако послы в Стамбуле и Тегеране лорд Понсонби и сэр Джон Макнилл разделяли опасения Уркварта. Макнилл до этого служил в Иране под началом Киннейра; в России его не без оснований подозревали в натравливании толпы на посольство Грибоедова в 1829 г. Макнилл тоже издал книгу — «Продвижение и настоящее положение России на Востоке» (1836 г.), в которой описал её территориальные приобретения со времени Петра Великого, приложив складную карту и таблицу. Они демонстрировали тревожные темпы русской экспансии за последние полтора века: со времени вступления на престол Петра численность царских подданных выросла с 15 млн. до 58 млн. человек; границы России приблизились к Стамбулу на 500 миль, а к Тегерану — на 1000[2]. Макнилл предостерёг, что следующими мишенями России будут Османская и Персидская империи, которые не в силах противостоять ей.

В 1834 г. Ранджит Сингх отвоевал у афганского амира Дост Мухаммада богатую провинцию с центром в Пешаваре. Амир обратился за помощью к британцам, но, не найдя поддержки, обратился к русским. Николай I отправил в Кабул лейтенанта Яна Виткевича, задачей которого было выяснить, что может предложить Дост. В январе 1838 г. генерал-губернатор Ост-Индской Компании лорд Окленд лично написал Дост Мухаммаду, окончательно разрушив его надежды на британскую помощь в возвращении Пешавара и посоветовав помириться с сикхами. Кроме того Окленд предупредил Доста — не иметь никаких дел с русскими, иначе Британия не будет считать себя обязанной сдерживать экспансионизм Ранджит Сингха.

---

[1] Известная фигура в истории Британской империи. В 1838–39 гг. служил генерал-губернатором Британской Северной Америки (Канады) и в 1839 г. представил правительству ставший знаменитым Отчёт Дарэма (*Durham Report*), в котором рекомендовал предоставить переселенческим колониям самоуправление (*responsible government*). С Отчёта Дарэма ведут историю (Британского) Содружества наций. — *К.Ф.*

[2] Hopkirk P. The Great Game… P. 163.

Письмо Окленда вызвало в Кабуле ярость. В апреле 1838 г. амир тепло принял Виткевича в столичной крепости Бала Хисар, а британскому агенту Бёрнсу пришлось покинуть Кабул, выразив амиру личное сожаление относительно политики своего правительства.

Между тем в 1837 г. войска иранского шаха осадили Герат, а за походом стоял русский посол граф Симонич. Шах лично руководил осадой, но город не сдавался. В Герате в это время оказался британский разведчик — лейтенант Элдред Поттинджер (племянник полковника Генри Поттинджера), который прибыл под видом мусульманского святого человека. Формально в Герате правил Камран-шах, в молодости он был великим воином, но со временем пристрастился к вину, и реальная власть перешла к его визирю Яр Мухаммаду. Угроза над Гератом нависла серьёзная: говорили, что на службе шаха — русский генерал и часть, укомплектованная из бежавших в Иран русских дезертиров. Поттинджер явился к Яр Мухаммаду, назвался и стал советовать, как лучше вести оборону.

«Встревоженное триумфом Виткевича в Кабуле и опасаясь такой же победы русских в Герате, британское правительство наконец решило действовать. Отправку подкрепления через Афганистан к осаждённому городу исключили как слишком опасную и медленную. Вместо этого решили отправить военные силы в Персидский залив. Заставить шаха ослабить хватку на Герате рассчитывали угрозой противоположному концу его владений в то время, когда его руки были полностью связаны на востоке. В то же время Пальмерстон оказал давление на русского министра иностранных дел Нессельроде, чтобы тот прекратил деятельность Симонича, никак не соответствующую его статусу. Оба шага принесли быстрые и удовлетворительные результаты»[1]. Британский десант высадился на острове Харг у иранского побережья, а Макнилл предупредил шаха о серьёзных последствиях в случае продолжения осады. Шах уступил и ушёл из-под города. Пальмерстон также потребовал отозвать Симонича и Виткевича. Николай предпочёл уступить. Симонича сделали козлом отпущения, обвинив в превышении полномочий. Виткевич весной 1839 г. тоже вернулся в Петербург, но что там произошло, остаётся загадкой. По версии русских источников, Нессельроде тепло принял его и поздравил с успехом. По версии британской разведки, министр, напротив, отказался принять его. Однако две версии сходятся в одном: вернувшись от министра в гостиницу, Виткевич сжёг свои бумаги и застрелился.

Одержав такую победу, британцам самое время было остановиться. Однако с того момента, как Дост Мухаммад отверг ультиматум Окленда, в Лондоне и Калькутте его считали союзником России. Вопреки мнению Бёрнса и Макнилла было решено согнать его с трона и заменить кем-то посговорчивее. Британию и Индию охватила антирусская истерия. Газета «The Times» в 1838 г. писала: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала… русский дьявол преследует весь людской род и причиняет ему горе, усердно осуществляя свои злобные планы… к досаде этой трудолюбивой и по сути мирной империи (Британской. — *К.Ф.*)»[2].

«Армия Инда», как она официально называлась, насчитывала 15 тыс. британских и индийских солдат под командованием генерала сэра Джона Кина. За ней сле-

[1] Ibid. P. 183–184.

[2] Ibid. P. 192.

довали 30 тыс. обозников — носильщики, конюхи, прачки, повара. Армию сопровождало небольшое войско самого Шаха Шуджи, правда, большинство его воинов были не афганцами, а индийцами.

Начало вторжения прошло гладко, и в апреле 1839 г. Шуджа без единого выстрела въехал в Кандагар. Вскоре британцы штурмом взяли мощную крепость города Газни на пути к Кабулу, что деморализовало войско Дост Мухаммада. В июле 1839 г. Кин подошёл к Кабулу и узнал, что амир бежал. Столица сдалась, и Шах Шуджа вступил в неё на белом коне. Основная часть британской армии вернулась в Индию, но в Кабуле, Газни, Кандагаре, Джалалабаде и Кветте остались англо-индийские гарнизоны. Британцы устраивались в Афганистане надолго: были организованы скачки, к некоторым офицерам из Индии приехали семьи.

Посланник Ост-Индской Компании при Шахе Шудже Уильям Макнатен ликовал, но уже в августе 1839 г. пришли две плохие новости: бухарский эмир арестовал отправленного к нему полковника Чарлза Стоддарта и бросил в яму, а из Оренбурга на Хиву идёт крупный русский отряд.

Поскольку Британия так агрессивно вела себя в Афганистане, Россия едва ли нашла бы лучший момент для собственного первого броска в Центральную Азию — тем более что благовидный предлог имелся. Официальной целью экспедиции военного губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского было освободить русских и прочих рабов в Хивинском ханстве, наказать туркменских работорговцев и разбойников, грабивших караваны с русскими товарами, и заменить хана более сговорчивым кандидатом (как раз этим занимались в Афганистане британцы). К попытке захватить Хиву Россию подтолкнули ложные сведения, будто в ханство с предложением военной помощи уже прибыла британская миссия из 25 человек.

Перовский собрал более 5 тыс. пехотинцев и кавалеристов с артиллерией и в ноябре 1839 г. выступил. Однако зима выдалась самая морозная на памяти местных степняков, и к концу января умерли более 200 человек. 1 февраля 1840 г. Перовский повернул обратно. В Оренбург экспедиция вернулась в мае, потеряв более тысячи людей и более 9 тыс. из 10 тыс. верблюдов[1].

В Бухару вызволять Стоддарта прибыл капитан Конолли. Его мечтой было объединить под британским покровительством три постоянно ссорившихся туркестанских ханства — Хиву, Бухару и Коканд, что, по его мнению, создало бы для Индии щит от России. Сначала Конолли побывал в Хиве, но здешний хан не хотел союзов ни с Бухарой, ни с Кокандом. В последнем случилось то же. Наконец Конолли приехал в Бухару. Однако эмир Насрулла был всё более и более недоволен отсутствием письма на дружественное послание, которое он за несколько месяцев до этого отправил королеве Виктории. Он расценил это либо как намеренное унижение, либо как свидетельство того, что Стоддарт и Конолли — самозванцы, а значит, шпионы. Судьбу двух офицеров решили вести из Кабула о катастрофе, постигшей британцев в Афганистане.

Причин растущего антагонизма по отношению к британцам и Шаху Шудже было много. Присутствие большого числа войск ударило по карману простых афганцев: из-за возросшего спроса на пищевые продукты и другие товары на базарах

[1] Ibid. P. 205–209.

взлетели цены. Шуджа повысил налоги. Британцы, несмотря на прежние заверения, не демонстрировали намерения уйти. Иные офицеры уводили у афганцев жён.

Вечером 1 ноября 1841 г. помощник Бёрнса кашмирец Мохан Лал предупредил его, что ночью будет совершено покушение на его жизнь. Бёрнс и несколько офицеров жили не в англо-индийском кантонменте (военном лагере) за городом, а в особняке в сердце старого города. Бёрнс не внял предостережениям, тем более что гарнизон находился менее чем в 2 милях. У дома собралась толпа, которая напала на особняк и перебила всех, кто там находился. Англо-сипайский лагерь под Кабулом оказался в осаде.

Афганцы перебили небольшие британские отряды вне Кабула. Зима началась рано, и стало не хватать пищи, воды и лекарств. Однажды британцы сделали вылазку, чтобы захватить близлежащую деревню, занятую афганцами, но англо-индийские солдаты в красных мундирах были лёгкими мишенями для афганцев с их длинноствольными *джазаилями* (британские ружья уступали им в дальнобойности). Британцы в беспорядке бежали обратно в кантонмент, потеряв 300 человек.

Во главе повстанцев встал сын Дост Мухаммада Акбар-хан, а силы афганцев, осаждающих лагерь, выросли до 30 тыс. человек[1]. Макнатен начал переговоры с Акбаром о сделке: гарнизон уходит в Индию, а оттуда отпускают Дост Мухаммада. Однако его сгубило собственное интриганство. Макнатен решил перехитрить афганских вождей, играя на страхе некоторых из них перед Дост Мухаммадом. В декабре 1841 г. Акбар предложил Макнатену новые условия: Шах Шуджа остаётся на троне, сам он становится его визирем, британцы остаются в Афганистане до весны и уходят будто по собственному желанию; человек, ответственный за убийство Бёрнса, выдаётся британцам; Акбар получает 300 тыс. ф.ст. и ежегодную субсидию в 40 тыс. плюс британскую военную помощь против некоторых племенных вождей — своих врагов. На самом деле со стороны Акбара то была провокация. Узнав о двуличии Макнатена, он хотел показать другим вождям готовность британца заключить тайную сделку за их спинами. 23 декабря Макнатен выехал на встречу с Акбаром. Тот спросил Макнатена, принимает ли он предложенные условия. «Почему бы нет?» — отвечал тот. По приказу Акбара его убили.

Даже после этого у британцев были силы разгромить афганцев. Политический офицер Э. Поттинджер пытался убедить нерешительного командующего гарнизоном генерала У. Элфинстона ударить по Акбару и его союзникам, которые далеко не были единой армией. Однако старшие офицеры окончательно потеряли волю к победе и хотели быстрее вернуться домой. Элфинстон принял все условия Акбар-хана. 1 января 1842 г. с последним было подписано соглашение: Акбар гарантировал безопасность уходящих из Кабула британцев, обещал им вооружённый эскорт для защиты от враждебных племён; британцы оставляли почти все пушки. Утром 6 января Армия Инда, бросив Шаха Шуджу в Бала Хисаре на произвол судьбы, выступила из Кабула на восток в Джалалабад, где стоял ближайший британский гарнизон. Колонна насчитывала 16 тыс. человек[2].

Через неделю часовой на стенах крепости в Джалалабаде заметил на равнине раненого всадника, цеплявшегося за шею коня. Эта сцена изображена на одной

[1] Ibid. P. 250.

[2] Ibid. P. 261.

из самых известных картин викторианской эпохи — «Остатки армии» леди Батлер. Всадником был доктор Уильям Брайдон, который рассказал, что на всём пути из Кабула афганцы обстреливали колонну с гор. Колонна потеряла строгий порядок, военные и гражданские перемешались. Немало индийцев, не привыкших к холодам и не имевших тёплой одежды, замёрзли до смерти. Даже если бы Акбар хотел защитить отступающих, он не смог бы этого сделать, так как не контролировал племена, через земли которых шла колонна.

Правда, позднее оказалось, что Брайдон спасся не один. Британцы вскоре выпустили Дост Мухаммада обратно в Афганистан, после чего в Индию вернулись взятые Акбаром заложники-британцы. В течение следующих месяцев на родину вернулось какое-то количество сипаев и других индийцев, которым удалось спрятаться в пещерах.

Весть об уничтожении кабульского гарнизона состарила лорда Окленда на 10 лет: лишь за несколько недель до этого Макнатен в письме заверял его, что всё под контролем. Вскоре его сменил лорд Элленборо, который принял энергичные меры. В марте 1842 г. генерал-майор Дж. Поллок захватил Хайберский проход. Генерал сэр Уильям Нотт разбил афганцев, угрожавших гарнизону в Кандагаре. Между тем в Кабуле Шаха Шуджу выманили из Бала Хисара на переговоры и застрелили. Однако в сентябре 1842 г. Поллок ворвался в Кабул и в знак мести взорвал знаменитый крытый базар, где за 9 месяцев до этого висел расчленённый труп Макнатена. Англо-индийские войска разграбили и пожгли город, после чего покинули Афганистан.

«Честь Британии номинально была спасена, поэтому она была готова оставить афганскую политику афганцам — по крайней мере, пока. Первая афганская война, как называют её современные историки, наконец закончилась. Британцы получили жестокую взбучку, несмотря на все претензии лорда Элленборо, будто она завершилась триумфом, — включая эффектное празднование победы. Никакое количество розданных медалей, триумфальных арок, полковых балов и других мероприятий не могло скрыть финальной иронии»[1].

Между тем бухарский эмир Насрулла, больше не опасавшийся возмездия, велел бросить британских офицеров Стоддарта и Конолли обратно в тюрьму, а через несколько дней их обезглавили. Британский кабинет предпочёл не реагировать, чтобы не терять лицо.

В англо-русских отношениях последовало десятилетие разрядки напряжённости. В 1844 г. Николай посетил Британию. Стороны согласились сохранять Османскую империю, так как её распад был невыгоден. Разрядка длилась недолго — в 1853 г. вспыхнула Крымская война, проигранная Россией.

После войны британцы надеялись преградить экспансию России не только на Ближний Восток, но и в Среднюю Азию. Однако эффект оказался противоположным. В 1858 г. Александр II отправил графа Николая Игнатьева с миссией в Среднюю Азию. Игнатьев должен был выяснить степень политического и торгового проникновения в этот регион Британии, установить регулярные торговые связи с Хивой и Бухарой и собрать максимум сведений об обороноспособности ханств и

[1] Ibid. P. 277.

судоходности Амударьи. Хивинский хан принял подарки, но категорически отказался пропускать русские суда по Амударье в Бухару. Проехав туда по суше, Игнатьев добился большего, так как Насрулла воевал со своим восточным соседом ханом Коканда.

Назначенный в награду директором Азиатского департамента МИД, Игнатьев стал одним из «ястребов» в правящих кругах России. Другими были военный министр граф Дмитрий Милютин, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Муравьёв и наместник Кавказа князь Александр Барятинский. Им противостояли «голуби», стоявшие против курса продвижения в Средней Азии: министр финансов Михаил Рейтерн и министр иностранных дел князь Александр Горчаков. «Ястребы» победили.

В 1864 г. русские заняли несколько небольших городов на севере Коканда. Хан отправил посланца в Индию просить военной помощи. Однако после краха в Кабуле и казни Стоддарта и Конолли британцы стали руководствоваться в Центральной Азии доктриной, вошедшей в историю как «искусное бездействие». Пограничная деятельность, включая картографирование и строительство стратегических дорог, ограничивалась сопредельными с Индией районами — в надежде, что русские проявят такую же сдержанность.

Однако в 1865 г. генерал-майор Михаил Черняев без приказа из Петербурга, но зная, что победителей не судят, отбил у Кокандского ханства Ташкент. После победы он постарался заручиться поддержкой населения: заверил, что позволит старейшинам управлять городскими делами как прежде и не станет вмешиваться в религиозную жизнь; зная недовольство населения высокими налогами в пользу хана, провёл популярную меру — на год освободил население от налогов. Великодушие Черняева привлекло к русским многих из тех, кто прежде смотрел на них враждебно. Как он и ожидал, в Петербурге простили неповиновение и щедро наградили победителей. Лондон, конечно, протестовал, но всерьёз не ожидал, что Россия покинет Ташкент. Было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Первым генерал-губернатором был назначен ветеран Кавказской войны генерал Константин Кауфман — блестящий военный, получивший от Александра чрезвычайные полномочия. Он стал главным архитектором Российской империи в Средней Азии.

К смятению «ястребов» в Лондоне и Калькутте реакция британского правительства, прессы и общества на всё это была удивительно сдержанной. Русофобы так часто кричали «Волки, волки!», что не могли больше ждать поддержки. В 1865 г. ветеран Большой Игры, член парламента от консерваторов сэр Генри Роулинсон в статье в журнале «Quarterly Review» проанализировал положение Британии и России в Азии, указав, что со времён Уилсона и Макнилла оно кардинально изменилось. Причины британской апатии он объяснял памятью об афганской катастрофе и распространённым убеждением, что помешать аннексии Россией среднеазиатских ханств всё равно невозможно.

Роулинсону и другим «ястребам» противостоял кабинет вигов во главе с лордом Расселлом, которого поддерживал вице-король Индии сэр Джон Лоуренс. Последний считал, что Афганистана на пути возможной русской армии достаточно: она потерпит там такое же поражение от племён, как британцы в 1842 г. Между тем с приездом в Туркестан Кауфмана дни независимых ханств были сочтены.

Несмотря на заверения Горчакова, их включение в Российскую империю было главной целью генерал-губернатора. В России опасались, что британцы монополизируют торговлю региона. Русские купцы и фабриканты давно положили глаз на рынки и ресурсы Средней Азии. Был и вопрос имперской гордости: блокированная в Европе и на Ближнем Востоке, Россия была намерена продемонстрировать воинскую доблесть завоеваниями в Азии (почти повсеместно тем же занимались другие европейские державы). Наконец свою роль играл и стратегический фактор: как Балтика в случае конфликта с Британией была Ахиллесовой пятой России, так Индия была Ахиллесовой пятой Британии. Базы в Средней Азии резко усиливали сделочную позицию России.

Недосягаемым за своими пустынями оставался лишь хан Хивы. Чтобы включить Хиву в новую империю России в Средней Азии, сначала требовалось улучшить пути сообщения в регионе. Начало этому положили в 1869 г., когда небольшой русский отряд высадился на восточном берегу Каспия и основал крепость в Красноводске. До этого времени Лондон ограничивался протестами в отношении поступательного движения России в Средней Азии. «Экспансионистская школа» (*Forward school*), главным оратором которой был Роулинсон, требовала от правительства отказаться от политики «искусного бездействия». Роулинсон даже предложил сделать Афганистан квазипротекторатом, чтобы не пускать туда Россию. Вскоре начались переговоры министров иностранных дел лорда Кларендона и князя Горчакова о разграничении сфер влияния в Азии. Однако они сильно затянулись из-за разногласий по вопросу о точной северной границе Афганистана. К этому времени британцы принялись запускать в Центральную Азию с целью картографирования разведчиков-индийцев — *пандитов*.

3. Деятельность пандитов

«Идея использовать для тайного картографирования неподвластных никому районов за границами Индии туземных исследователей возникла в результате строгого запрета вице-королём ездить туда британским офицерам. Из-за этого Топографическая служба Индии… оказалась в весьма затруднительном положении, когда пришло время составлять карты Северного Афганистана, Туркестана и Тибета. Тогда работавший в этой службе молодой офицер, капитан Томас Монтгомери из службы королевских инженеров выдвинул блестящее предложение. Почему бы, спросил он своё начальство, не отправлять в эти запретные районы исследователей-туземцев, обученных тайным приёмам картографирования? Разоблачить их было намного труднее, чем европейца, как бы хорошо тот ни маскировался. Если бы всё же они были достаточно неудачливы и подверглись разоблачению, для властей это представляло бы менее серьёзную политическую проблему, чем если бы за руку схватили британского офицера, составляющего карты в этих весьма секретных и опасных местах»[1]. Смелый план Монтгомери был одобрен, и в учреждении Топографической службы Индии в Дехрадуне в предгорьях Гималаев он стал обучать индийских разведчиков.

Первым агентом Монтгомери стал Мухаммад-и-Хамид, молодой писарь-мусульманин, уже обученный простым методам картографирования. Летом 1863 г. он отправился из Ладакха через перевалы Каракорума в Яркенд. Специально для него были изготовлены тригонометрические инструменты минимального размера. Мухаммад благополучно достиг Яркенда и прожил там полгода, тайно составляя карты и собирая информацию о возможной деятельности русских в регионе. Предупреждённый другом, что им заинтересовались цинские чиновники, он спешно отправился в обратный путь, но умер на перевалах, не вынеся трудностей пути. Однако записи Мухаммада были доставлены Монтгомери.

Эксперимент оказался успешен, и было решено заслать агентов в Тибет. С помощью майора Этуалла Смита были завербованы два говоривших по-тибетски горца — 30-летний Наин Сингх и его двоюродный брат Мани Сингх. Их доставили в Дехрадун, где два года обучали приёмам картографирования и разведки. Тайные

[1] Ibid. P. 329–330.

агенты-индийцы стали называться пандитами, как называют в Индии учёных брахманов. Действовали они под кодовыми именами. Наин Сингх именовался «Номер 1», или «Главный пандит», Мани — «Пандит номер 2», или «GM».

Монтгомери и его начальник полковник Джеймс Уокер отправили их в Лхасу с заданием установить её местоположение и высоту, караванный путь из Лхасы к Гартоку и траекторию р. Цангпо, а также собрать информацию политического рода. Два пандита отправились в путь в январе 1865 г. Проникнуть в Тибет сходу им не удалось, но в марте Наин Сингху посчастливилось перейти границу из Непала, выдавая себя за ладакхца. Демонстрируя решительность, находчивость и коммуникабельность, он был желанным гостем любого каравана, к которому присоединялся. Сначала Наин Сингх шёл с непальским караваном, но когда тот отвернул на запад, горец, прикинувшись больным, отстал и пристал к другому, — шедшему из Ладакха в Лхасу. В какой-то момент купцы погрузили товары на лодки и отправились по Цангпо, но Наин Сингх для выполнения задания до Шигацзе продолжал путь пешком. Через год после отправки из Дехрадуна Наин Сингх добрался до Лхасы, посчитав каждый шаг пути и осуществив бесчисленное количество замеров с помощью компаса и т.д. В святом буддийском городе он прожил три месяца, подрабатывая тем, что обучал торговцев-непальцев индуистским методам ведения счетов. Для установления местоположения и высоты тибетской столицы Наин произвёл около 20 солнечных и звёздных наблюдений, придя к выводу, что Лхаса расположена на 29 градусах и 39 минутах северной широты (ошибся менее чем на 2 минуты). Установленная Наином высота равнялась 3566 м над уровнем моря (сегодня её дают как 3650 м)[1]. Наин Сингх собрал немало сведений о городе и его окрестностях, климате, хозяйстве, водоснабжении, управлении, религиозных обычаях.

В апреле 1866 г. Наин Сингх отправился с тем же ладакхским караваном в обратный путь. Путь занял более двух месяцев и проходил по торговой дороге Дзонглам. (Передвигаться в одиночку по кишащим разбойниками районам было опасно.) В июне Наин повернул на юг и, путешествуя теперь в одиночку, был захвачен бандитами, но сумел бежать. За своё путешествие он прошёл 1200 миль и посчитал с помощью чёток 2,5 млн. шагов[2]. Наблюдения Наин Сингха показали, что существующие карты Тибета в корне ошибочны. Одна из таких карт была создана в 1717 г. и опубликована в Париже в знаменитом атласе д'Анвилля (1735 г.).

В 1867 г. Монтгомери отправил сразу трёх пандитов — Наин Сингха, Мани Сингха и Калиана — с тайной миссией изучить легендарные тибетские золотые прииски в Тхок Дзалунге. Продвинувшись вглубь Тибета, пандитам пришлось оставить Мани Сингха заложником в лагере кочевников, вождь которых усомнился в их легенде торговцев. Наин Сингх отправил Калиана исследовать верховья Инда, а сам взял курс на Тхок Дзалунг. Прииск оказался богатым, Наин Сингх видел самородок массой не менее 0,9 кг[3]. Вернулись пандиты в Индию тоже порознь, чтобы

---

[1] Рассчитано по: Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World: The Race for Lhasa. L.: John Murray, 1982. P. 32. Для удобства читателя я перевёл футы в метры. — *К.Ф.*

[2] Ibid. P. 35.

[3] Рассчитано по: Ibid. P. 40. Фунты переведены в килограммы. — *К.Ф.*

изучить как можно больше местности. Всего они прошли 850 миль, что позволило Монтгомери и его картографам заполнить многие белые пятна на картах.

Успех тайных исследований заставил Монтгомери начать вербовать и обучать других пандитов из числа грамотных горцев. Однако в 1868 г. Уокер отправил подробный отчёт о первом путешествии Наин Сингха в Королевское географическое общество для публикации. В следующем выпуске журнала тайна пандитов, включая их молитвенные колёса, чётки и т.д., была раскрыта всем. Учитывая изобретательность и терпение, проявленные в связи с подготовкой экспедиций, понять это трудно. Нелогичный поступок можно объяснить рядом причин. Имена пандитов не раскрывались, их было почти невозможно разоблачить среди сотен, если не тысяч паломников и торговцев, которые каждый месяц проходили через гималайские перевалы. «Журнал Королевского географического общества» не продавался публично, а рассылался только членам общества. Правда, членство было международным и журнал жадно читали русские военные и географы. Однако не в их интересах было предупреждать тибетцев или китайцев о тайных действиях британцев, поскольку проникнуть в Тибет пытались и русские. Китайцы, похоже, о деятельности пандитов так и не узнали.

В 1870-е гг. количество пандитов выросло почти до дюжины. Монтгомери в 1878 г. умер, успев обеспечить Наин Сингху золотую медаль Королевского географического общества. В том же году в Тибет отправился пандит Кишен Сингх. Его целью был неизвестный северо-восточный угол Тибета вокруг озера Кукунор. Кишен был вынужден целый год пробыть в Лхасе в ожидании каравана в ту сторону; в пути караван подвергся нападению разбойников, пандит потерял вьючных животных и большинство купленных в Лхасе товаров. Дважды ему пришлось наниматься пастухом. Добраться он смог до оазиса Дуньхуан, где китайские власти заподозрили его и его слугу в шпионаже, но знакомый тибетский лама вызволил их. Вернулись путешественники через Восточный Тибет. Кишен Сингх достиг Дарджилинга, потратив на путешествие 4,5 года и проделав 2800 миль, т.е. сосчитав с помощью чёток 5,5 млн. шагов[1].

По верности долгу ничто не может затмить историю пандита Кинтупа, которого послал в Тибет капитан Дж. Хармэн из Топографической службы Индии выяснить, являются ли Цангпо и Брахмапутра одной рекой. Задачей пандита было бросить в реку меченые брёвна. Однако в спутники пандиту Хармэн неосмотрительно выбрал некоего китайского ламу, который в какой-то момент продал его в рабство и скрылся. Кинтуп работал на нового хозяина несколько месяцев, бежал, был настигнут преследователями и просил заступничества у настоятеля монастыря. Тот выкупил его, за что Кинтуп отработал в монастыре. Затем пандит выполнил поручение с брёвнами, хотя его записка с предупреждением не достигла Топографической службы, и 500 брёвен уплыли в Индийский океан незамеченными. Тем не менее загадка Цангпо была к этому времени уже решена.

«Что стало бы с этими выдающимися героями, если бы они были не простыми индийскими горцами, а англичанами? Этот вопрос поставил и ответ на него дал ещё в 1891 г. замечательный американский учёный и путешественник. Уильям

[1] Ibid. P. 48.

Рокхилл, которому самому предстояло совершить два наполненных приключениями нелегальных путешествия по Тибету, в своей книге «Страна лам» писал: «Если бы любой британский исследователь совершил треть того, чего достигли Наин Сингх… или Кишен Сингх [он перечисляет других], на него посыпались бы медали и награды, доходные должности и продвижение по службе, возможность жить в любом городе и всяческое возвеличивание. Что касается тех туземных исследователей, всё чего они могли ожидать, — это небольшое денежное вознаграждение и безвестность…».

Что же тогда заставляло таких людей как Наин Сингх, Кишен Сингх и Кинтуп, совершать столь замечательные подвиги и так серьёзно рисковать ради своих британских хозяев? Было ли это просто воодушевляющее лидерство таких офицеров, как Монтгомери и Уокер? Может, это было чувство принадлежности к некой элите, которое порождало *esprit de corps*[1] в этих горцах, каждый из которых знал, что он тщательно отобран? Едва ли мы когда-нибудь узнаем истину, так как все, связанные с пандитами, давно умерли»[2].

Тибет был не единственной страной, куда британцы отправляли пандитов. Те совершали путешествия на Каракорум, Памир, в Афганистан, Среднюю Азию, а также в Кашгарию (Мухаммад-и-Хамид, Мирза), где мусульманское население в 1860-е гг. восстало против Цинской империи и власть захватил авантюрист Якуб-бег. Скоро его княжество простёрлось далеко на восток, включив Урумчи, Турфан и Хами. Якуб-бег стал заигрывать и с Россией, и с Британией, рассчитывая укрепить своё положение по отношению к Китаю. Однако в 1877 г. он умер, и Цины вернули Кашгарию.

[1] Сословный дух (фр.). — *К.Ф.*

[2] Ibid. P. 52.

4. Обострение Большой Игры в 1870–80-е годы

В январе 1873 г. русские неожиданно уступили британцам, признав, что горные районы Бадахшан и Вахан в верховьях Амударьи входят во владения афганского амира, а сам Афганистан лежит в британской сфере влияния. Эта уступка была ширмой для дальнейшей экспансии в Средней Азии. Через месяц Государственный совет России принял решение отправить масштабную экспедицию против Хивы.

В отличие от 1717 и 1839 гг. русские подготовились основательно, отправив отряды через пустыню одновременно из Ташкента, Оренбурга и Красноводска. В мае 1873 г. хан бежал из столицы, Кауфман вступил в неё, и чуть позднее хан подписал договор о протекторате. Русские получили контроль над судоходством в низовьях Амударьи и полное преобладание на восточном берегу Каспия. С занятием Хивы войска Кауфмана оказались в 500 милях от Герата — стратегических ворот Индии. Мрачные предсказания Уилсона, Муркрофта, Эванса и Киннейра начали сбываться. Британцы чувствовали себя вновь обманутыми, тогда как русские в который раз настаивали, что действовать их принудили военная необходимость и изменившиеся обстоятельства. В 1875 г. в Кокандском ханстве вспыхнуло восстание против русских и зависимого от них хана. Войска Кауфмана разбили повстанцев, заняли Андижан и Ош, а ханство было ликвидировано, став Ферганской областью.

Для тех, кто отвечал за оборону Индии, всё это было тревожным симптомом. С аннексией Коканда войска Кауфмана оказались в 200 милях от Кашгара. Захват Кашгара и Яркенда принёс бы России контроль над перевалами в Ладакх и Кашмир. Тогда русское кольцо вокруг северных границ Индии сжалось бы окончательно, и русские могли бы ударить на юг почти из любой точки. Путь им пока преграждали только Памир и Каракорум.

В 1874 г. к власти в Британии вернулись тори во главе с Бенджамином Дизраэли. Он верил в имперское предназначение Британии и стоял за энергичную внешнюю политику. Вице-королём Индии новый премьер-министр назначил лорда Литтона. Тот активизировал пограничную политику и заставил хана Келата в Белуджистане сдать британцам в постоянную аренду Боланский проход и Кветту.

Обеспокоенность амбициями России выросла благодаря изданию книги Роулинсона «Англия и Россия на Востоке» (1875 г.). Автор мало добавил к тому, что уже сказали другие авторы, но эта книга (как и прежде с литературой Большой Игры) вышла вовремя и оказала влияние на правительство. В следующем году в Калькутте вышел английский перевод русского классика Большой Игры полковника М.А. Терентьева «Россия и Англия в борьбе за рынки». Автор обвинял британцев в тайном распределении ружей среди туркменских племён и утверждал, что индийское восстание 1857–59 гг. провалилось лишь потому, что у повстанцев не было плана и помощи извне — но теперь они ждут «хирурга с севера». В случае новой англо-русской войны Терентьев призывал воспользоваться близостью Индии к Средней Азии.

Между тем в отношениях Британии и России вновь наступило ухудшение. В 1875 г. на Балканах вспыхнуло восстание против османского владычества, турки вырезали 12 тыс. болгар, русская армия вновь перевалила через Балканы. Королева Виктория призвала Дизраэли действовать, и тот прислал в Дарданеллы эскадру.

Предусмотрев возможность войны, генерал-губернатор Туркестана Кауфман собрал 30-тысячную армию — крупнейшую, которую когда-либо собирала Россия в Средней Азии. Одновременно он отправил генерал-майора Николая Столетова с миссией в Кабул — в случае войны заручиться сотрудничеством афганцев.

Вице-король Литтон был взбешён появлением в Кабуле русской миссии и направил в Афганистан свою миссию, но афганцы не пустили её в Хайберский проход. В Лондоне решили предъявить Шер Али-хану ультиматум: если он до заката 20 ноября не извинится, начнутся военные действия. Когда ответа не последовало, в Афганистан вошли три колонны британских войск (письмо амира не успело дойти, хотя в нём он согласился принять британскую миссию). Литтон был полон решимости преподать Афганистану урок и показать Петербургу, что Британия не потерпит в этой стране конкурентов.

Шер Али обратился к Кауфману за военной помощью, но тот отговорился зимними условиями и советовал помириться с британцами. Амир в отчаянии решил ехать в Петербург просить самого царя и другие европейские державы, но в Русский Туркестан его не пустили. Сломленный духом и с подорванным здоровьем, Шер Али в феврале 1879 г. умер в Балхе. Его сын Якуб-хан предпочёл договориться с захватчиками. В мае он к неудовольствию большинства подданных подписал с британцами Гандамакский договор. По этому договору в Кабуле учреждалась постоянная британская миссия — первая со времени убийства Бёрнса и Макнатена в 1841 г. Её возглавлял сэр Луи Каваньяри. Афганистан позволял Британии контролировать свою внешнюю политику и уступил ей ряд сопредельных с Индией территорий, включая Хайберский проход. За это амир получил гарантию защиты от России и Ирана, а также ежегодную субсидию в 60 тыс. ф. ст.[1] В Лондоне и Калькутте многие поздравляли себя. Однако не все смотрели на сделку с амиром оптимистично, помня опыт 40-летней давности.

Британская миссия в составе Каваньяри, секретаря и военного хирурга в сопровождении охраны прибыла в афганскую столицу в июле 1879 г. Её разместили в

[1] Hopkirk P. The Great Game… P. 385.

крепости Бала Хисар недалеко от дворца амира. Несколько недель всё шло хорошо, хотя Каваньяри сообщил в Индию, что из Герата в Кабул прибыло большое количество афганских войск. 2 сентября он прислал телеграмму, которая заканчивалась словами: «Всё в порядке». Больше от миссии ничего не слышали.

Произошло то, о чём предостерегал Лоуренс. Вернувшимся в Кабул полкам амира задолжали жалованье за 4 месяца. Якуб-хан выдал им деньги всего за месяц, а остальное они решили получить от Каваньяри: было известно, что в резиденции британского посланника имеются средства. Получив отказ, солдаты пытались проникнуть в резиденцию, но их встретили выстрелами. Афганцы атаковали здание, которое не было приспособлено к обороне. В ходе многочасового боя все защитники резиденции были перебиты.

В Афганистан вновь вступил генерал Фредерик Робертс, который в 1878 г. командовал одной из трёх колонн. Якуб-хан пытался заверить его, что наведёт порядок, но Робертс настоял, что его долг — помочь его высочеству наказать виновников. Он вошёл в Кабул и провёл массовые казни, Якуб-хан был свергнут. К Кабулу с трёх сторон начали стягиваться отряды племён. Казалось, повторяется мрачная для британцев ситуация конца 1841 г.

Однако в отличие от некомпетентного генерала Элфинстона Робертс был блестящим командующим, у него было больше войска (6,5 тыс. человек) и современное вооружение — заряжающиеся с казённой части винтовки, 2 пулемёта Гатлинга, 12 полевых и 8 горных пушек. Утром 23 декабря 1879 г. афганцы совершили массированное нападение, но благодаря шпиону Робертс точно знал час и место атаки. Афганцы были наголову разбиты, потеряв не менее 3 тыс. человек (британцы — всего 5)[1]. Однако в стране по-прежнему не было правителя, а британская оккупация продолжала вызывать раздражение.

Между тем Кауфман выпустил из Самарканда племянника Шер Али-хана — Абд-ур-Рахмана, который за 12 лет до этого бежал в Туркестан и жил на русскую пенсию. Целью Кауфмана было противопоставить британцам афганского лидера, который организует сопротивление им, а после победы станет зависимым от России правителем. Однако британцы переиграли Кауфмана. Понимая, что Абд-ур-Рахман не столько прорусский или антибританский, сколько проафганский лидер, они договорились с ним, предложив ему трон сами. Было заключено соглашение: британцы уходят из Кабула, оставляя своим единственным представителем здесь агента-мусульманина; Абд-ур-Рахман обязался не поддерживать сношений с внешними державами, кроме Британии, а она — не вмешиваться в его внутренние дела. В июле 1880 г. новый амир въехал в столицу и оказался способным правителем и надёжным союзником британцев.

Между тем русские воспользовались занятостью британцев в Афганистане, чтобы присоединить туркменские земли. В декабре 1880 г. выдающийся генерал Михаил Скобелев, отличившийся в недавней войне с турками, подступил к главному оплоту враждебных России туркмен крепости Геок-Тепе и осадил её. Русские сапёры подвели подкоп под стену, и войска Скобелева взяли крепость. Туркмены, которые два столетия грабили русские караваны, нападали на аванпосты и угоня-

[1] Ibid.. P. 394–395.

ли в рабство царских подданных, больше проблем не создавали. В 1884 г. в состав России добровольно вошёл Мерв.

Неудивительно, что в 1885 г. Британия и Россия оказались на грани войны из-за Центральной Азии. Горячей точкой стал отдалённый оазис Пандждех на полпути между Мервом и Гератом. Британцы и афганцы считали его принадлежащим Афганистану, но русские считали иначе и придвинули войска. Афганцы укрепили гарнизон Пандждеха. Русский командующий генерал Комаров обратился к члену Афганской пограничной комиссии генералу сэру Питеру Ламсдену, чтобы тот посоветовал афганцам покинуть оазис. Не встретив понимания, Комаров предъявил афганцам ультиматум и по истечении срока велел войскам наступать на Пандждех, но не стрелять первыми. По версии губернатора Мерва Алиханова, огонь открыли афганцы, ранив казачью лошадь. После этого русские выбили афганцев из оазиса.

Многие в Лондоне считали, что война между двумя державами неизбежна. Новый премьер-министр У.Ю. Гладстон добился выделения парламентом военного кредита в 11 млн. ф. ст. — крупнейшая сумма со времени Крымской войны. Форинофис подготовил официальное объявление о начале военных действий. Королевский флот был приведён в боевую готовность; рассматривалась возможность ударов по Владивостоку и Кавказу (последнее предпочтительно с турецкой помощью). Вице-король Индии собрался выдвинуть 25 тыс. солдат в Кветту[1]. В газете «New York Times» вышла статья, начинавшаяся словами: «Это война».

И всё же войны удалось избежать — во многом благодаря здравомыслию афганского амира Абд-ур-Рахмана. Он в то время находился с визитом в Индии. Если бы амир в соответствии с англо-афганским соглашением потребовал от британцев помощи, избежать войны было бы трудно. Однако Абд-ур-Рахман не хотел, чтобы его страна ещё раз стала театром военных действий[2]. К тому же за сам Пандждех Британия и Россия воевать не хотели; Герат — дело другое. На этот раз русские увидели, что если они двинутся дальше, британцы непременно готовы воевать, даже с либеральным правительством у власти. Было решено, что русский гарнизон выйдет из оазиса и судьбу Пандждеха решит совместная Афганская пограничная комиссия. Её работа продолжалась до лета 1887 г. Россия удержала Пандждех за собой, обменяв его у Абд-ур-Рахмана на стратегический перевал западнее этого оазиса.

Однако дальше к востоку, на Памире, границу ещё предстояло прочертить. Именно в этот пустынный район на следующие 10 лет переместился центр Большой Игры. Памир уже картографировали русские военные путешественники, заезжая далеко на юг от Амударьи. В 1885 г. туда была направлена группа британских военных топографов.

Падение правительства либералов в Лондоне привело к снятию запрета на отправку за пределы Индии британских разведчиков. Особенно вице-король лорд Дафферин беспокоился о Синьцзяне. После Петербургского договора, по которому Россия в 1881 г. вернула Китаю Илийский край, тот согласился на открытие россий-

[1] Ibid. P. 429.

[2] Представляется, что Хопкирк преувеличивает роль афганского правителя и «забывает» того, благодаря жёсткой позиции которого Лондон не решился на войну, — царя Александра III. Вспомним, что именно он вошёл в историю как Миротворец. — *К.Ф.*

ского консульства в Кашгаре. Консулом стал военный-англофоб Николай Петровский. Обладая сильным характером, он сделался фактическим правителем Кашгара, запугивая китайских чиновников[1].

Между тем ещё в 1880 г. по приказу генерала Скобелева началось строительство железной дороги из Красноводска на восток. В 1888 г. её дотянули до Бухары и Самарканда. Генерал Робертс требовал от вице-короля Индии аналогичных действий — строительства дорог, включая железные; правда, не все члены Совета по делам Индии в Лондоне были убеждены в необходимости столь крупных расходов. Обеспокоенный освоением Россией Средней Азии, в 1888 г. поездку по региону совершил Джордж Кёрзон — амбициозный член парламента от партии консерваторов и будущий вице-король Индии. Вернувшись на родину, Кёрзон издал книгу «Россия в Средней Азии и англо-русский вопрос» (1889 г.). Он был вынужден признать, что русское правление принесло мусульманским народам Средней Азии значительные блага, а новая железная дорога способствует экономическому развитию региона. Вместе с тем Закаспийская железная дорога резко изменила стратегический баланс в регионе не в пользу Британии.

Одной из выдающихся британских фигур в истории Большой Игры конца XIX – начала XX в. был Фрэнсис Янгхазбенд, который начинал лейтенантом 1-го драгунского гвардейского полка. В 1887 г. он пересёк Китай с востока на запад по маршруту, которым до него не следовал ни один европеец. Янгхазбенд поставил себе целью выяснить, смогут ли маньчжурские правители страны отразить вторжение России. Начав путешествие в Пекине, лейтенант завершил его в Индии, попав туда через неисследованный перевал Музтаг на Каракоруме.

К этому времени царские генералы тоже начали проявлять интерес к высокогорной ничейной территории, где сходились Гиндукуш, Памир, Каракорум и Гималаи. Русские военные топографы и путешественники, подобные полковнику Николаю Пржевальскому, забирались всё дальше в неизученные верховья Амударьи и даже на Северный Тибет. В 1888 г. один русский добрался до отдалённого горного княжества Хунза, которое британцы считали лежащим в их сфере влияния. В следующем году исследователь польского происхождения капитан Громбчевский въехал в Хунзу с эскортом из 6 казаков и был тепло принят правителем.

В 1890 г. Янгхазбенд вместе с коллегой из политического департамента Джорджем Макартни вновь отправился на Памир, а затем в Кашгар. К тому времени англо-китайские отношения улучшились, и британцам позволили перезимовать в этом городе. Петровский принял их радушно, хотя пытался убедить, что у Британии в Центральной Азии ничего не выйдет. Заданием Янгхазбенда было убедить китайцев выдвинуть претензии на Памир и послать туда войска, чтобы он не достался русским; если бы те попытались прорваться в Индию, им пришлось бы пересечь китайский Памир, что было бы уже актом прямой агрессии. Петровский узнал о тайной агитации Янгхазбенда, и Россия действовала быстро.

В августе 1891 г., когда Янгхазбенд возвращался через Памир в Индию, к его лагерю подъехали 20 казаков с 6 офицерами и российским флагом. Командовавший ими полковник Ионов дружески приветствовал Янгхазбенда, пригласил на обед,

[1] Автор преувеличивает степень влияния России в Синьцзяне. — *К.Ф.*

но настоял, чтобы тот покинул Памир, так как это российская территория. В Лондоне произошёл взрыв негодования, и Россия неохотно вывела отряды с Памира. Впрочем, Лондон и Петербург смогли урегулировать границу между русской Средней Азией и Восточным Афганистаном. «Более того, так долго тревожившая британских стратегов памирская дыра наконец была заделана. С одобрения Абд-ур-Рахмана узкий коридор земли, который прежде никому не принадлежал и тянулся на восток до китайской границы, стал афганской суверенной территорией. Хотя местами его ширина не превышала 10 миль — самое меньшее расстояние, на какое подошли друг к другу Британия и Россия в Центральной Азии, — этот коридор гарантировал, что их границы нигде не соприкоснутся. Конечно, бóльшая часть Памира осталась в постоянном владении русских. Однако британцы понимали, что если Санкт-Петербург решил занять этот район, помешать ему они практически бессильны»[1].

Однако и с урегулированием на Памире Большая Игра не завершилась, а вновь сместилась на восток — на сей раз в Тибет, который долго был закрыт для иностранцев и защищён высочайшими горами в мире.

На рубеже XIX–XX вв. британцы забеспокоились о крепнущих связях между теократическим правителем Тибета далай-ламой XIII и Николаем II: между Петербургом и Лхасой ездили бурятские ламы, в том числе советник далай-ламы Агван Доржиев. Многие в Калькутте и Лондоне были готовы верить о русских почти всему. Большинство современных историков считают, что страхи британцев были по большей части безосновательны.

К лету 1902 г. страхи вице-короля Индии лорда Кёрзона относительно русских намерений в Тибете и в конечном счёте в Индии стали патологией. Он был убеждён, что между Петербургом и Пекином существует какой-то тайный договор по поводу Тибета. Основанием во многом служило письмо от 7 августа 1902 г. китайского сановника Кан Ювэя, который был вынужден бежать из Китая и поселился в Дарджилинге.

Кёрзон склонился к идее, что единственным эффективным шагом будет отправка в Лхасу миссии (если надо, с использованием силы), чтобы выяснить правду относительно деятельности там русских и отбить у далай-ламы охоту иметь с ними дела. После унизительной войны с бурами британское правительство смотрело на возможность новых авантюр без энтузиазма, но в 1903 г. Кёрзон добился его одобрения на отправку к границе с Тибетом небольшой дипломатической миссии для переговоров о нормализации отношений, так как тибетцы не признавали англо-китайских соглашений о протекторате Индии над Сиккимом и пограничном товарообороте.

Возглавил миссию старый друг Кёрзона полковник Янгхазбенд, который уже к 28 годам был ветераном Большой Игры, завершив несколько тайных миссий в горных районах, где сходились Британская, Российская и Цинская империи. Тибетцы отказались вести переговоры, и тогда вице-король убедил Лондон отправить вторую миссию во главе с тем же Янгхазбендом. Она уже включала тысячный военный отряд гуркхов и сикхов под началом бригадного генерала Дж. Макдоналда,

[1] Hopkirk P. The Great Game… P. 499.

2 пулемёта «Максим» и 4 пушки[1] и должна была продвинуться вглубь страны, до Гьянцзе, чтобы получить от тибетцев «удовлетворение». По сути то была карательная экспедиция.

Пограничный с Тибетом перевал Джелап англо-индийская экспедиция пересекла в декабре 1903 г. Это был последний экспансионистский шаг в Большой Игре. Россия (а также, естественно, Китай) протестовала против экспедиции Янгхазбенда. Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война избавила Британию от опасений ответных шагов с русской стороны.

Сначала тибетское население относилось к отряду по-дружески, но из Лхасы прибыли монахи, которые велели деревенским жителям не общаться с британцами, не продавать им пищи и не сдавать в аренду животных. Температура упала ниже –46º, стали замерзать ружейные замки и рабочие части пулемётов, поэтому их брали с собой на ночь в спальные мешки. Один из сопровождавших экспедицию журналистов, корреспондент *Daily Mail* Эдмунд Кендлер писал, что идея русского наступления на Лхасу абсурдна, учитывая, с какими трудностями столкнулась англо-индийская армия на пути всего в 150 миль от индийской железнодорожной станции Силигури — при том, что ближайший русский пост находится в более тысячи миль, а Северный Тибет по природным условиям ещё более негостеприимен, чем Южный. Однако Кёрзон и Янгхазбенд верили в призрак царизма.

Оборонительную стену, которую тибетцы выстроили поперёк пути отряда, и крепость в Хари, которая находилась на высоте 15 тыс. футов над уровнем моря и считалась самой высокогорной в мире, британцы взяли без единого выстрела. Первый бой произошёл в деревне Гуру, где дорогу экспедиции преградили 1500 оборванных тибетских воинов с фитильными мушкетами и лоскутами бумаги с личной печатью далай-ламы; ламы убеждали их, что эти талисманы дают неуязвимость от пуль. Сипаи попытались разоружить тибетцев, и те атаковали их, но благодаря значительному превосходству британцев в вооружении были отбиты с большим уроном. За 4 минуты было выкошено около 700 тибетцев. По свидетельству Кендлера, повернувшие назад тибетцы вели себя странно. Они не убегали, а медленно уходили с поля боя. «Они были сбиты с толку. Случилось невозможное. Молитвы, заклинания, мантры и святейший из их святых людей не помогли им… Они уходили, повесив голову, как если бы разочаровались в своих богах»[2].

После нескольких стычек Янгхазбенд дошёл до Гьянцзе, где обнаружил, что вести переговоры никто не собирается. Тогда он счёл необходимым для успеха миссии двинуться прямо на Лхасу. Далай-лама с Доржиевым бежали в Ургу — второй священный город ламаизма, а 1 августа 1904 г. британцы завидели позолоченную крышу дворца Потала с его тысячей комнат. Однако если они «надеялись найти компрометирующие свидетельства царских махинаций в Лхасе, они были разочарованы. Здесь не оказалось ни арсеналов русского оружия, о которых доносил Кавагути, ни советников из Петербурга, ни следов какого-либо тайного договора… Вот вам и донесения разведки о царских интригах за спиной Британии. Вот вам и

[1] Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World… P. 164.

[2] Ibid. P. 175.

русское пугало»[1]. Петербург не метал громов и молний. Ему нечего было прятать в Тибете, а Лондон должен был выглядеть глупо.

Неожиданный побег далай-ламы поставил Янгхазбенда в тупик: с кем вести переговоры? Он подумывал броситься в погоню, но никто не открыл бы ему пути, которым спасся правитель. Правда, далай-лама оставил свою печать пожилому регенту, но не оставил инструкций, как разрешить кризис, и не делегировал никому своих полномочий. Однако тут вмешались китайцы и официально лишили далай-ламу светской власти за то, что бросил свой народ в час нужды. Что касается британцев, то население Лхасы приняло их неплохо и интересовалось пришельцами. В частности, тибетцы интересовались назначением телеграфа, который британцы протянули по маршруту своего пути; им отвечали, что после завершения переговоров этот шнур поможет экспедиции найти путь назад в Индию (это говорилось, чтобы тибетцы не пытались перерезать кабель).

Янгхазбенд навязал тибетскому регенту и Национальному собранию Англо-тибетскую конвенцию, по которой тибетцы признали границу с Сиккимом, согласились открыть два новых рынка, срыть укрепления между Гьянцзе и индийской границей, выплатить в течение 75 лет контрибуцию в 75 лакхов рупий и не иметь сношения с иностранными державами (кроме Китая) без согласия Британии. Последний пункт был направлен главным образом против России. В сентябре 1904 г. военная экспедиция покинула Лхасу. Вторжение стоило жизни около 2700 тибетцев[2]. Правда, позднее британское правительство, опасаясь портить отношения с Россией, смягчило многие пункты конвенции.

Частично из-за поражения России в войне с Японией страх перед Россией в Британии в это время слабел перед лицом новой угрозы — экспансионистской Германии. 31 августа 1907 г. министры иностранных дел сэр Эдуард Грэй (через посла в Петербурге сэра Артура Николсона) и граф Александр Извольский заключили тайную конвенцию об Иране, Афганистане и Тибете. Две державы договорились воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Тибета, не искать там концессий на строительство железных дорог, разработку недр или прокладывание телеграфа, не держать там представителей, а сноситься с Лхасой только через Китай, в зависимости от которого она находилась. Афганистан русские признали лежащим в британской сфере влияния, обязавшись не отправлять туда агентов и осуществлять все политические сношения с Кабулом через Лондон, хотя имели право торговать там; британцы обязались не давать Кабулу проявлять враждебность в отношении русского правления в Средней Азии. Относительно Ирана две державы обязались уважать его независимость и позволять другим странам свободно торговать там, но поделили его на сферы влияния, обозначив между ними нейтральную зону. Россия получила север и центр с Тегераном, Тебризом и Исфаханом, а Британия — юг, включая вход в Персидский залив. Грэй уверял, что Британия от сделки выиграла, хотя «ястребы» в обеих странах осуждали конвенцию как крупную уступку противнику.

«Однако что бы ни думали о ней критики, англо-русская конвенция 1907 г. наконец привела Большую Игру к завершению. Две противоборствующие империи

[1] Ibid. P. 186.

[2] Ibid. P. 194.

наконец достигли пределов своей экспансии. Тем не менее в Индии и дома (в Британии. — *К.Ф.*) ещё сохранялись подозрения относительно намерений России, особенно в Персии, которую Санкт-Петербург продолжал сжимать жёсткой хваткой. Однако этих опасений было недостаточно, чтобы власти Индии почувствовали серьёзную угрозу. Русское пугало наконец положили отдыхать. Большая Игра заняла бóльшую часть столетия и стоила жизней многим смельчакам с обеих сторон, но в конце концов была разрешена посредством дипломатии»[1].

Разрешена ли? Так казалось в августе 1914 г., когда британцы и русские оказались союзниками в Азии и Европе. Однако время Николая II кончалось. Октябрьская революция привела к краху всего Восточного фронта от Балтики до Кавказа, большевики разорвали договоры своих предшественников, сделав пустой бумажкой и англо-русскую конвенцию 1907 г. Когда Ленин поставил целью зажечь Восток с помощью марксизма, Большая Игра возобновилась в новом облике и с новой энергией.

[1] Hopkirk P. The Great Game… P. 522.

5. Гонка за древности Синьцзяна

Параллельно с геополитической Большой Игрой держав в Центральной Азии со второй половины XIX в. набирала обороты ещё одна «игра» — соревнование европейских учёных за доступ к материальным (и духовным) остаткам древних цивилизаций, прежде существовавших в этом регионе. Особое место в этой научной гонке заняла территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В глубине Центральной Азии, где Китай теперь испытывает своё ядерное оружие, раскинулся океан песка, в котором некогда бесследно исчезали целые караваны. Более тысячи лет пустыня Такла-Макан пользовалась среди путешественников недоброй репутацией. С трёх сторон её окружает ряд высочайших горных систем мира (с севера Тянь-Шань, с запада Памир, с юга Каракорум и Кунь-Лунь), а с четвёртой — пустыня Гоби, поэтому даже приблизиться к Такла-Макану — дело опасное. Исследователь Свен Гедин называл Такла-Макан худшей и опаснейшей пустыней в мире, а сэр Аурэл Стайн считал пустыни Аравии по сравнению с ней «ручными». Ещё великий китайский путешественник VII в. Сюань Цзан упоминал о страшных песчаных бурях этой пустыни. По красочному описанию британского генерального консула в Кашгаре в 1920-е гг. сэра Клэрмонта Скрайна, дюны Такла-Макана подобны уходящим за горизонт гигантским волнам окаменевшего океана.

Этот малоизвестный регион Китая обозначался на картах по-разному: Китайская Татария, Высокая Татария, Китайский Туркестан, Восточный Туркестан, Китайская Центральная Азия, Кашгария, Сериндия и Синьцзян. Китайцы эпохи Хань знали Такла-Макан как Лю-ша, «Движущиеся пески». На карте современного Китая Такла-Макан (по-уйгурски «пойдёшь — не вернёшься») выглядит яйцевидным пятном в центре Синьцзяна.

Во II в. до н.э. путешествие с тайным заданием достичь таинственных тогда западных стран совершил китайский чиновник Чжан Цянь. Он был послан ханьским императором У-ди заключить союз с жившим за Такла-Маканом народом юэчжи против общего врага — кочевой державы Хунну. По пути Чжан попал в плен к хунну, 10 лет прожил среди них, бежал и всё же добрался до юэчжи. Правда, выяснилось, что после поражения от хунну они перешли к оседлой жизни и потеряли ин-

терес отомстить. Чжан прожил среди них год и спустя 13 лет после отъезда из Китая вернулся в ханьскую столицу Чанъань (современный Сиань), где его давно считали мёртвым. Привезённые им сведения военного, политического, экономического и географического характера вызвали при дворе сенсацию. Император узнал о богатых и дотоле неизвестных царствах Ферганы, Самарканда, Бухары и Балха, о существовании Ирана и далёкой страны Ли-гань — Рима. Весьма заинтересовало их открытие Чжаном в Фергане новой породы боевых коней. У-ди снарядил в Фергану несколько экспедиций за этими лошадьми, и их привезли в Китай. Именно Чжан Цянь (получивший от У-ди титул Великий Путешественник) может считаться основателем Шёлкового пути, связавшего две империи — Хань и Рим.

Термин «Шёлковый путь», впервые употреблённый немецким учёным бароном Фердинандом фон Рихтхофеном в XIX в., немного неточен: караванный путь из Китая через Центральную Азию и Ближний Восток состоял из нескольких маршрутов, а везли по нему разные товары. Китайцы постепенно двигали свои границы на запад, размещая на торговом пути гарнизоны и смотровые башни. Шёлковый путь начинался от Чанъани и шёл на северо-запад через коридор Ганьсу к оазису Дуньхуан в Гоби. Проходя через Нефритовые ворота, он разделялся на две дороги, огибая Такла-Макан с обеих сторон. Северная дорога шла через Хами и цепь оазисов по северной кромке пустыни — Турфан, Карашахр, Куча, Аксу, Тумчук и Кашгар. Южная дорога вилась между Тибетом и южной кромкой пустыни по оазисам Миран, Эндере, Ния, Керия, Хотан и Яркенд. Две дороги воссоединялись в Кашгаре, откуда начиналось опасное восхождение на Памир. Оттуда Шёлковый путь спускался в Коканд и проходил через Самарканд, Бухару, Мерв, Иран и Ирак к берегам Средиземного моря, откуда корабли увозили товары в Александрию и Рим.

Другой путь ответвлялся от южной дороги на западном краю Такла-Макана и проходил через Балх, воссоединяясь с Шёлковым путём в Мерве. Ещё один путь отходил от Яркенда через опасные перевалы Каракорума в города Лех и Шринагар, откуда дорога спускалась в Индию. «Существование и выживание Шёлкового пути всецело зависели от расположенной по периметру Такла-Макана цепи стратегических оазисов, каждый из которых находился не более чем в нескольких днях пути от следующего. Оазисы, в свою очередь, полностью зависели от питаемых ледниками рек, стекавших с длинных горных хребтов, которые обрамляют великую пустыню с трёх сторон как подкова. Когда движение по Шёлковому пути активизировалось, эти оазисы превратились в важные торговые центры сами по себе, а не просто места стоянки и отдыха проходящих через них караванов»[1].

Китай и кочевники Центральной Азии боролись за контроль над Шёлковым путём. Этот контроль периодически переходил к какому-нибудь племени или независимому правителю, который облагал оазисы данью или просто грабил караваны, пока китайцам не удавалось восстановить власть с помощью оружия или договора. Однако и в последнем случае караваны редко двигались без охраны, так как всегда был риск нападения разбойников (особенно тибетцев с Кунь-Луня). Это делало путешествие дорогостоящим, повышая цену товаров и в конце концов приведя к развитию морских сообщений. И всё же Шёлковый путь продолжал процветать.

[1] Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia. L.: John Murray, 1980. P. 18.

Уходившие из Рима в Китай караваны были гружены не только драгоценными металлами, но и сукном и льняными товарами, слоновой костью, кораллами, стеклом, которое в Китае стали производить лишь в V в. Из Китая кроме шёлка везли меха, керамику, железо, лакированные изделия, бронзу. Не все эти товары проделывали весь путь: многие выменивались или продавались в оазисах или городах по дороге, заменяясь другими, такими как нефрит. Едва ли один и тот же караван проходил весь Шёлковый путь длиной 9 тыс. миль туда и обратно. В Риме никогда не видели китайских купцов, а в Чанъани — римских.

Великая трансазиатская дорога была путём распространения ещё одного «товара», которому предстояло революционизировать искусство и мысль на всём Дальнем Востоке, — буддизма. Проникновение этой религии в Китай помимо прочего дало миру совершенно новый стиль искусства. Попавшее в Китай буддийское искусство само было гибридом: то было греко-буддийское искусство гандхарской школы с северо-запада Индии. Оно двигалось по Шёлковому пути на восток вслед за миссионерами и купцами, постепенно впитывая внешние влияния. Это привело к бурному распространению в оазисах вокруг Такла-Макана монастырей, гротов и ступ. Они пользовались покровительством местных династий и богатых купцов. Некоторые паломники оставили описание жизни в оазисах Такла-Макана. Одним из них был китаец Фа Сянь, который в 399 г. побывал в Хотане и насчитал там 14 крупных монастырей с пагодами. Кроме буддизма в Китай по Шёлковому пути со своими искусством и литературой пришли ещё две иностранные религии — христианство несторианского толка и манихейство.

Искусство и цивилизация Шёлкового пути достигли зенита в период правления китайской династии Тан (618–907), который считается «золотым веком» Китая. Когда империя склонилась к упадку, то же произошло с цивилизацией Шёлкового пути. Вместе с монастырями, храмами и произведениями искусства исчезли многие некогда процветавшие города. Следы славной эпохи испарились, и лишь в XIX в. её открыли заново. Главных причин исчезновения цивилизации было две: постепенное высыхание питаемых ледниками рек и внезапное появление воинствующих приверженцев ислама. При династии Мин (1368–1644), когда Китай закрылся от контактов с Западом, Шёлковый путь был окончательно заброшен, что привело к дальнейшей изоляции и упадку региона. Выжили лишь крупнейшие оазисы, наиболее обеспеченные водой, а религия у них уже была другая. Неудивительно, что среди жителей Такла-Макана от дедов к внукам передавались легенды о погребённых под песками древних городах с сокровищами.

Эти легенды повторяли мусульманские историки, а в XIX в. о заброшенных городах узнали европейские учёные. Первые надёжные сведения представил в 1865 г. Мухаммад-и-Хамид, пандит, которого Монтгомери послал с тайной миссией в Яркенд.

Первым европейским исследователем, которому удалось добраться из Индии до Такла-Макана, был топограф Уильям Джонсон, который посетил засыпанный песком город близ Хотана. Среди тех, кто был зачарован обрывками сведений о том, что могут таить пески Такла-Макана, был чиновник гражданской службы в Панджабе сэр Даглас Форсайт. Вернувшись из миссии к правителю Кашгарии Якуб-бегу 1873 г., он отправил в Королевское географическое общество в Лондоне текст «О городах, похороненных в движущихся песках великой пустыни Гоби».

(О Такла-Макане тогда слышали немногие, и названием «Гоби» обозначали обе пустыни.) Форсайт поведал о статуэтках Будды и индуистского бога-обезьяны Ханумана, золотых кольцах и железных монетах времён Греко-Бактрийского царства I в. до н.э. Через год–два о заброшенных городах на окраинах Такла-Макана начали сообщать русские путешественники.

Первое открытие сделала в 1889 г. группа местных охотников за сокровищами, которые прорыли проход в загадочную куполообразную башню (буддийскую ступу) близ оазиса Куча. Внутри эти люди нашли кипы старых бумаг, мумифицированные трупы животных и загадочные надписи на стене. Бумаги они отнесли местному кази, у которого их купил хаджи Гулам Кадир. У него, в свою очередь, одну из рукописей (в составе 51 берестяного листа) купил британский разведчик Хэмилтон Боуэр, отправив Азиатскому обществу Бенгалии в Калькутту. Там письмена расшифровал англо-немецкий востоковед доктор Аугустус Хернл. Манускрипт был написан на санскрите письменностью *брахми* и повествовал о медицине и волшебстве. Он был составлен около V в. и оказался одним из старейших дошедших до нас письменных сочинений (что стало возможно благодаря исключительно сухому климату Такла-Макана). Позднее сам Хернл приобрёл у Гулам Кадира другие манускрипты. Остальные рукописи из ступы близ Кучи скупил русский консул в Кашгаре Петровский, который постоянно снабжал учёных в Петербурге предметами древности (некоторые из них выставлены в Эрмитаже). Хернл просил правительство Индии оказать содействие в приобретении антикварных вещей, и в 1893 г. политическим агентам в Шринагаре, Гилгите, Читрале, Лехе, Хорасане, Мешхеде и Кашгаре было предписано искать такие артефакты и пересылать их Хернлу в Калькутту.

Первой чисто археологической экспедицией в Китайскую Центральную Азию была поездка в Турфан русского учёного Дмитрия Клеменца в 1898 г. под эгидой Академии наук. Клеменц подтвердил существование руин вокруг оазиса, сфотографировал некоторые и привёз буддийские рукописи и фрагменты фресок.

Однако человеком, которому было суждено приоткрыть давние тайны Шёлкового пути, стал швед Свен Гедин — один из величайших путешественников в мировой истории. Несмотря на низкий рост и проблемы со зрением, он был решителен, силён и амбициозен. Наградами за заслуги его осыпали многие правительства. В Британии он получил рыцарское звание, степень почётного доктора Оксфорда и Кембриджа, две золотые медали Королевского географического общества. У него было около 50 опубликованных работ, переведённых на 30 языков, а среди его личных друзей были царь, кайзер, король Швеции, Гинденбург, Китченер и Кёрзон. Правда, когда в 1952 г. он умер, о нём почти забыли. Это связано с тем, что во время обеих мировых войн Гедин занял бескомпромиссную пронемецкую позицию.

Первая экспедиция Гедина по Китайской Центральной Азии началась в феврале 1895 г., причём путешественник не обогнул пустыню, а углубился в неё, что было чрезвычайно опасно. Уже первая поездка в Такла-Макан едва не стала для Гедина последней, когда у его экспедиции кончилась вода и два спутника умерли.

В декабре 1895 г. Гедин начал вторую экспедицию, вновь выехав из Кашгара на восток. В Борасане близ Хотана он нашёл или приобрёл у местных охотников за сокровищами около 500 предметов древностей (терракотовые фигурки Будды, людей и верблюдов, рукописи, монеты). Близ реки Керия экспедиция набрела на развали-

ны с фресками, изображавшими Будду и буддийских божеств. Гедин понял, что наткнулся на утерянную буддийскую цивилизацию, описанную Фа Сянем. Не будучи профессиональным искусствоведом, он, тем не менее, сумел отличить в иконографии индийское, гандхарское, персидское и греческое влияние. У самой реки Гедин обнаружил ещё один занесённый песком город, который местные жители называли Карадонг, «Чёрный холм». Вернувшись в Хотан, Гедин отправился в Тибет, откуда через Пекин и по Транссибирской магистрали вернулся в Швецию, где обнаружил, что уже знаменит.

Величайшее археологическое достижение ждало Гедина во время его третьей экспедиции в сентябре 1899 г. — открытие древнего китайского гарнизонного города Лоулань. Экспедицию финансировали король Швеции Оскар и миллионер Э. Нобель. На этот раз Гедин отправился на лодке по реке Тарим, чтобы найти блуждавшее по пустыне солёное озеро Лобнор. Однако в начале декабря река замёрзла, и двигаться пришлось пешком. Температура по ночам иногда падала до –22°, и постоянно шёл снег. Заехав в Тибет и потеряв там одного человека, 10 лошадей и 3 верблюда, Гедин вернулся к обнаруженным в пустыне Лоб деревянным руинам. Вскоре его люди наткнулись на куски дерева и обрывки древней бумаги с индийским письмом и китайскими иероглифами. Всего было найдено 120 деревянных документов и фрагмент древнего ковра со свастикой. Учёные прочитали найденные Гедином носители информации и восстановили повседневную жизнь древнего города, получив массу сведений от бытовавших там наказаний неплательщиков налогов до школьной таблицы умножения.

Тем временем на другом конце Такла-Макана первую из своих трёх археологических экспедиций по Шёлковому пути начал другой знаменитый путешественник — Марк Аурел Стайн. За время его экспедиций, продолжавшихся 16 лет, из Китайского Туркестана было привезено произведений искусства и рукописей на целый музей. Это принесло Стайну ненависть китайцев, которые до сего дня считают его главным среди тех «чужеземных чертей», которые лишили их памятников родной истории. Стайн проехал по Китайскому Туркестану 25 тыс. миль. С Гедином у него было много общего, но имелось и существенное различие. Стайн был блестящим востоковедом, который хотел проверить на практике определённые выводы. Гедин был квалифицированным картографом и просто археологом, что сближает его с великим русским путешественником Пржевальским.

Стайн родился в 1862 г. в Будапеште в еврейской семье, но был крещён. Со школьных лет он был очарован кампаниями Александра Великого; возможно, как венгерских востоковедов Ксому де Кёрёша и Арминиуса Вамбери, Центральная Азия подсознательно манила его преданием, согласно которому венгры происходят от гуннов. Изучив восточные языки в университетах Вены и Лейпцига и защитив диссертацию в Тюбингене, Стайн три года провёл в Оксфорде и Британском музее.

В мае 1900 г. Стайн с четырьмя азиатскими спутниками выехал из Шринагара в Кашгар. В местечке Дандан-уйлык он обнаружил разграбленный буддийский храм с фресками, а в нём несколько *потхи* —индийских рукописей, в которых страницы скреплялись с помощью бечёвки. Всё это были санскритские тексты буддийского канона, иные из которых датировались V–VI вв. Там же Стайн нашёл китайскую монету VIII в. и свитки на китайском.

В январе 1901 г. Стайн проследовал к р. Керия, а затем к развалинам города Ния, где обнаружил сотни деревянных табличек с надписями чёрными чернилами на одном из индийских пракритов письменностью *кхарошткхи*. На иных были глиняные печати, где археолог с изумлением узнал Афину Палладу и других греческих божеств. В Раваке к северу от Хотана он обнаружил полузасыпанную песком большую ступу, вокруг которой лежали отбитые головы статуй Будды и боддхисаттв.

«Между тем в антикварных кругах Европы открытия первой экспедиции Стайна вызвали сенсацию. Это были свидетельства прежде неизвестной буддийской цивилизации, прозябающей на задворках мира, но обладающей собственными замечательными искусством и литературой. До тех пор археологи интересовались почти исключительно классическими, древнеегипетскими и библейскими местами раскопок. Центральноазиатская археология была чем-то новым»[1]. В 1901 г. на 13-м международном съезде востоковедов в Гамбурге была принята специальная резолюция с поздравлением Стайна с его открытиями. Она помогла ему добиться у правительства Индии средств на вторую экспедицию и привлекла внимание к региону востоковедов Парижа, Берлина и Петербурга.

Экспедиции Стайна положили начало международной гонке за древние буддийские сокровища Такла-Макана и Гоби. Она продолжалась четверть века, и в ней участвовали археологи семи наций. Путешественники вывезли из Китайского Туркестана древности, которые разошлись более чем по 30 музеям и институтам в Европе, Америке, России и на Дальнем Востоке. В целом конкуренция велась по-джентльменски, и лишь иногда случались ссоры по поводу того, кто имеет право на раскопки в определённом месте.

Первые серьёзные конкуренты Стайна обнаружились в Этнологическом музее Берлина, и в Азию отправилась экспедиция профессора Альберта Грюнведеля. Немцы избрали целью район Турфана — плодородный оазис в низменности, которая считается самой глубокой в мире и отличается огромной амплитудой температур: зимой исключительно холодно, а летом стоит зной до +54ºС. Находки Грюнведеля заполнили 46 ящиков: буддийские фрески, рукописи, скульптуры. Результаты экспедиции были обнадёживающими, и был учреждён комитет для выполнения более амбициозной программы; средства пожертвовали Крупп и кайзер. Вторую экспедицию возглавил Альберт фон Ле Кок, родившийся в Берлине в 1860 г. в семье богатого виноторговца-гугенота. По стопам отца он не пошёл, а выучил восточные языки и работал в индийской секции Этнологического музея.

Приступив к раскопкам развалин города Караходжа к востоку от Турфана, немцы обнаружили много ценного, включая остатки фресок, изображавших Мани: в VIII в. в городе существовала многочисленная манихейская община. Другие артефакты (рукописи, фрески, картины на ткани) демонстрировали сильное персидское влияние. Нашёл фон Ле Кок в Караходже и буддийский монастырь, а также небольшую несторианскую церковь за чертой старого города. Бартус нашёл псалтырь V в., отрывки Евангелия от Матфея и другие христианские тексты. Из Караходжи немцы переехали в Безеклык, где находился комплекс буддийских пещер.

В Хами немцы узнали от купца-туркмена об открытии за пять лет до этого крупной библиотеки древних книг и рукописей в оазисе Дуньхуан в 200 милях к

[1] Ibid. P. 109.

югу через Гоби. Правда, им пришлось отказаться от поездки туда, так как у них была назначена встреча в Кашгаре с ехавшим из Германии Грюнведелем. Втроём немцы в декабре 1905 г. направились к комплексу скальных храмов в Кызыле в горах Тянь-Шаня, где обнаружили фресковое изображение легенды о Будде. В конце концов фон Ле Кок заболел дизентерией и в 1907 г. с приключениями вернулся через Ладакх и Индию в Европу. Добыча третьей немецкой экспедиции составила 128 ящиков артефактов[1].

Между тем в Китайский Туркестан вновь выехал Стайн, а также французский археолог Поль Пелльо. Стайн на этот раз приехал из Индии через «Памирский узел» — место, где смыкаются Памир, Каракорум и Гиндукуш в Восточном Афганистане. Его поездку финансировали Британский музей и правительство Индии. Стайн опасался, что Пелльо первым достигнет его главной цели — Лоуланя, поэтому спешил. Лоулань, где имелась разрушенная ступа, был самым отдалённым из всех мест развалин в пустыне. Среди находок Стайна по соседству, в Миране, были великолепные буддийские фрески, включая крылатых ангелов, и ему почудилось, что он находится не в сердце Внутренней Азии, а где-нибудь в Сирии или другой восточной провинции Римской империи. В феврале 1907 г. Стайн направился на северо-восток по замёрзшей пустыне Лоб в Дуньхуан.

Пещеры тысячи будд в Дуньхуане — одно из наименее известных чудес Китая. Это 469 древних храмов, вырубленных в скале рядами подобно сотам и содержащих великолепные фрески и скульптуры. Место веками славилось по всему буддийскому миру как религиозный центр. Сам городок Дуньхуан служил воротами Китая на Запад, последней стоянкой отправлявшихся по Шёлковому пути караванов, местом, где сходились его северная и южная ветви. Скальные храмы Дуньхуана берут начало в 366 г., когда по легенде монаху Лоцзуню явилась тысяча будд в облаке. Он убедил богатого паломника дать средства на роспись небольшой пещеры фресками. Его примеру последовали другие. Дуньхуан называют одним из богатейших музеев в мире, великой галереей искусства в пустыне. В 1879 г. его посетил Пржевальский, а позднее (случайно) венгерская геологическая экспедиция.

Стайн приехал в Дуньхуан в марте 1907 г., не предполагая, что он станет местом его величайшего открытия. Тут он услышал от торговца из Урумчи, что несколько лет назад даосский жрец Ван Юаньли, назначивший себя смотрителем пещер, наткнулся на замурованный в одной из них огромный склад древних рукописей. Стайн встретился с Ваном, и началось то, что в Европе приветствовали как его величайший триумф, а китайцы осуждали как позорный обман, если не сказать грабёж. Сыграв на гордости Вана за подопечный ему музей и на почитании им Сюань Цзана, Стайн заявил, что тоже прошёл более 10 тыс. *ли*[2] по горам и пустыням в поисках буддийских руин. Благочестивый монах показал археологу небольшую комнату, заваленную свитками рукописей общим объёмом около 500 кубических футов. Их открытие европейцем стоит в одном ряду с открытием гробницы Тутанхамона и развалин шумерского города Ура. С позволения Вана и в обмен на богатое пожертвование храму (130 ф. ст.) Стайн увёз из Дуньхуана несколько сот пачек ру-

[1] Ibid. P. 146.

[2] Китайская мера длины, равная 500 м. — *К.Ф.*

кописей. Ван понимал, что в Дуньхуане древние буддийские литература и искусство рано или поздно погибнут от безразличия властей.

Вернувшись из второй экспедиции, Стайн снискал немало почестей в европейских странах и написал двухтомный отчёт «Развалины пустынного Катая». Самое знаменитое произведение, вывезенное Стайном из комнаты со свитками, — Алмазная сутра, наиболее ранняя из известных печатных книг, датируется 11 мая 868 г. Подавляющее большинство рукописей из тайника Вана были на китайском — 7 тыс. полных манускриптов и 6 тыс. отрывков. Их каталог составили лишь через полвека. Совершивший этот подвиг доктор Лайонел Джайлз подсчитал, что ему пришлось проделать путь в 10–20 миль убористого текста[1].

На пятки Стайну наступал француз Пелльо. Он приехал в Китайский Туркестан в августе 1906 г., когда британцы, шведы, немцы и японцы (не говоря о русских) уже побывали здесь хотя бы по разу. Опоздание французов, возможно, объясняет открытие ими незадолго до этого некогда богатой цивилизации в джунглях Индокитая, включая величественные руины Ангкора, которая и занимала их востоковедов. Теперь был учреждён комитет во главе с востоковедом Эмилем Сенаром, который решил отправить в Китайский Туркестан экспедицию из трёх человек под началом блестящего молодого китаиста Поля Пелльо. Он отличался великолепной памятью, знал 13 языков и был кавалером ордена Почётного легиона.

Французы проехали через Москву и Ташкент в Кашгар. Первым местом, представлявшим для них интерес, был Тумчук — город вокруг буддийского монастыря, который процветал по меньшей мере до 800 г. Французы вели раскопки в Куче, затем посетили Пещеры тысячи будд в Дуньхуане и даже убедили Вана показать библиотеку. Пелльо три недели перебирал пыльные свитки и тайно купил у Вана две пачки рукописей (примерно за 90 ф. ст.).

В Париж Пелльо в 1909 г., где его встретили как героя, хотя коллеги-недоброжелатели утверждали, будто всё ценное уже выбрал Стайн, поэтому привезённые Пелльо рукописи — поддельные. Доставленные экспедицией картины, скульптуры, ткани были выставлены в Лувре. Во время Первой мировой войны Пелльо работал французским военным атташе в Пекине и положил глаз на ещё несколько древних развалин. Однако когда у него появились деньги на раскопки, было уже поздно — китайцы захлопнули дверь перед западными археологами.

Осенью 1908 г. британская разведка заинтересовалась передвижениями по Шёлковому пути двух молодых японских археологов. То были учёные монахи из монастыря графа Кодзуи Отани в Киото, искавшие в Китайской Центральной Азии её буддийское прошлое.

Соперничество великих держав за сокровища Шёлкового пути становилось напряжённее. Первым русским, который поведал о засыпанных песком развалинах в пустынях Китая, был полковник Николай Пржевальский. Однако в первую очередь он был зоологом и не пытался вести раскопки в виденном им в 1876 г. «очень большом городе» в пустыне Лоб. В 1879 г. ботаник Альберт Регель в ходе разведывательной миссии в Восточном Тянь-Шане открыл близ Турфана опоясанную стеной древнюю уйгурскую столицу Караходжа, но ему помешали китайцы. Следую-

[1] Ibid. P. 174.

щим был Дмитрий Клеменц, который вместе с женой-ботаником в 1898 г. был отправлен Академией наук и Императорским географическим обществом выяснить слухи об обилии древних развалин в Турфане. Он изучил несколько мест вокруг Турфана, насчитал 130 пещерных храмов, во многих из которых хорошо сохранились фрески. Однако лишь в 1905 г., когда братья Березовские отправились в Кучу и правительство учредило Комитет изучения Центральной и Восточной Азии, Россия стала навёрстывать упущенное в изучении Центральной Азии. В 1908 г. протеже Пржевальского полковник Пётр Козлов открыл во Внутренней Монголии развалины большого города Харахото, «Чёрного города». Козлов и его люди нашли немало рукописей, книг, монет и предметов буддийского культа, которыми заполнили 10 ящиков.

Между тем Стайн в Шринагаре и фон Ле Кок в Берлине собирались в новые экспедиции. Стайн беспокоился, что немцы раньше него доберутся до Мирана и вывезут оттуда обнаруженные им в 1907 г. фрески. В 1914 г. немецкая экспедиция была прервана из-за начала Первой мировой войны и Стайн остался хозяином Шёлкового пути. Правда, когда он достиг Мирана, то нашёл там лишь гипсовые осколки. В Дуньхуане он приобрёл ещё 5 ящиков рукописей.

Наконец осенью 1923 г. по Шёлковому пути проехали два американских востоковеда — Лэнгдон Уорнер из Художественного музея Фогга в Гарварде и Хорас Джейн из Пенсильванского музея. За 8 лет до этого ни один археолог не вывез из Китайского Туркестана ничего — из-за мировой войны и политического кризиса в Китае, где нарастало раздражение против всех иностранцев, а власть на местах захватили воевавшие друг с другом милитаристы. Правда, целью экспедиции Уорнера и Джейна не был массовый вывоз произведений искусства; они хотели только разведать обстановку и решить ряд искусствоведческих головоломок.

Уорнер уже побывал в 1903 г. в Русском Туркестане в составе геологической и археологической экспедиции, посещал Японию и Китай. В ноябре 1923 г. американцы добрались на верблюдах до Харахото, после чего отправились через замёрзшую Гоби в Дуньхуан. Там они с огорчением увидели, что некоторые фрески испорчены солдатами Белой армии, которые процарапали номера своих полков. Уорнер собрал несколько фресок, чему смотритель не препятствовал. Через 9 месяцев Уорнер вернулся в Пекин с сокровищами для своего музея.

«Хотя американцы поняли это не сразу, археологический открытый доступ в Центральную Азию почти закончился. За 30 лет с первого смелого путешествия Свена Гедина в пустыню Такла-Макан доступ в затерянные города и разрушенные монастыри Шёлкового пути был практически неограниченным. Шедевры буддийского искусства приобретались почти за бесценок… Однако время для иностранных археологов быстро подходило к концу»[1].

30 мая 1925 г. британский полицейский офицер в Шанхае велел открыть огонь по недовольным китайским студентам. 11 человек было убито, и Китай захлестнула волна негодования против «чужеземных чертей». Уорнер как раз прибыл в Пекин во главе более крупной экспедиции и намеревался вывезти из Дуньхуана ещё фресок. Местные власти и население стали чинить экспедиции препятствия, и аме-

[1] Ibid. P. 223.

риканцам пришлось свернуть её. Правда, через два года немецкой геологической экспедиции удалось вывезти ряд артефактов из отдалённых и неохраняемых Равака и Дандан-уйлыка.

Уорнеру пришла мысль обратиться к обладавшему большим авторитетом сэру Марку Аурелу Стайну, который уже ушёл на покой, отправиться в Китай от имени музея Фогга. Стайн согласился и добился в Нанкине разрешения на раскопки в Туркестане. Однако в среде китайской интеллигенции и в прессе началась энергичная кампания против его экспедиции. Стайн уже проехал из Кашгара по оазисам Такла-Макана 2 тыс. миль, собирая для своих американских спонсоров скудный археологический материал, как его противники взяли верх и ему пришлось прервать экспедицию. К тому же его заставили показать властям всё, что он собирался вывезти из страны. Рукописи III в. из Нии пришлось оставить в Кашгаре.

Гедин в 1926 г. вернулся в Китай по приглашению правительства, чтобы изучить маршрут для воздушного сообщения Берлин – Урумчи – Пекин, но собирался заняться и научными изысканиями, включая археологию и палеонтологию. Однако в Пекине он и его люди попали под огонь враждебной критики: китайцы, мол, не нуждаются в иностранной помощи для изучения собственной страны. Гедину навязали 10 китайских спутников-учёных и условие, что все археологические находки останутся собственностью китайского правительства.

Находки Стайна, Пелльо, фон Ле Кока и других археологов сегодня поделены между музеями и институтами десятка стран. Масштаб коллекций варьируется от очень крупных (Британский музей, Музей индийского искусства в Берлине, Национальный музей в Дели, Токийский национальный музей, Эрмитаж) до небольших (музей Чернуски в Париже, галерея Нельсона в Канзасе). Правда, и их мало кто знает. Немногие крупные музеи в недосягаемости большинства, а многие находки с Шёлкового пути хранятся в запасниках. Немало фресок, привезённых фон Ле Коком (Турфанская коллекция Этнологического музея в Берлине), погибло в годы Второй мировой войны. Что касается вывезенных Стайном рукописей и книг, то они поделены между Британской библиотекой и Библиотекой министерства по делам Индии в Лондоне. В целом тысячи рукописей из Китайского Туркестана находятся сейчас по меньшей мере в 8 странах, и многие ещё предстоит перевести. Расшифровка неизвестной письменности или перевод целой коллекции манускриптов может стать для учёного делом всей жизни.

6. Гонка за Лхасу

Ещё одним состязанием в Центральной Азии, которое шло параллельно и англо-русской Большой Игре, и соревнованию географов и археологов девяти стран в Синьцзяне, была гонка путешественников за Лхасу, за честь первым достичь столицы загадочного Тибета. Закрытие границ этой страны её властями лишь подстёгивало интерес путешественников.

В Европе о таинственной стране за Гималаями слышали ещё Геродот и Птолемей, но её первое описание достигло Европы в XIV в., когда на неё наткнулся, по его собственному утверждению, путешественник-францисканец Одорик. Сначала тибетцы не препятствовали европейским путешественникам пересекать их границы и даже посещать Лхасу; правда, это оказалось под силу лишь горстке путешественников, в основном иезуитов и францисканцев. Однако когда к плохо охраняемым границам Тибета стали приближаться Британская и Российская империи, тибетцы испугались за свои образ жизни и религию, не говоря о золотых приисках. С этого времени горная страна стала запретной — для всех, кроме китайцев, поскольку Цинская империя рассматривала Тибет как часть своих владений. В Лхасе размещался китайский *амбань* (наместник), хотя по мере упадка маньчжурской династии его влияние сокращалось.

Огромная природная крепость, какой является Тибет, получила у путешественников викторианской эпохи прозвание «Крыша мира», а столь далёкая и загадочная столица этой страны — «Запретный город». Находясь на средней высоте 3650 м над уровнем моря, Лхаса была самой высокогорной столицей в мире. Поездки по Тибету сопряжены с немалыми трудностями. Вода там кипит при более низкой температуре, чем обычно, зато, если опустить руку в кипяток, будет терпимо. Тибетское нагорье образовалось около 60 млн. лет назад при столкновении огромного острова, ставшего Индийским субконтинентом, с остальной частью Азии (это подтверждают находки в Тибете морских окаменелостей)[1]. С трёх сторон Тибет отрезан от Азии высочайшими горами мира: с севера его защищают Кунь-Лунь и Нань-Шань, с запада — Каракорум и Ладакх, с юга — Гималаи.

Тибетов существует два. Ведущий знаток этой страны в межвоенный период сэр Чарлз Белл различал «политический» Тибет, где правили далай-ламы или их ре-

[1] Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World… P. 5.

генты, и намного более обширный «этнографический» Тибет, который включал все районы с преобладанием тибетского населения (части китайских провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, а также Ладакх). До X в. воинственные тибетцы были одной из имперских держав Азии, ходили походами до Самарканда, Кашгара, Турфана и в Западный Китай.

За тысячелетия в Тибете сложился особый образ жизни. Страна была полностью изолирована от внешнего влияния. Людям приходилось выживать в одном из самых суровых климатов на Земле (в Тибете можно получить одновременно обморожение и солнечный удар). Приспособление к жизни на высокогорье привело к тому, что, попадая на равнины Индии или Китая, тибетцы чувствуют себя плохо (горная болезнь наоборот). Неудивительно, что у тибетцев более высокий порог боли, чем у других людей.

Возможно, больше всего в Тибете западных путешественников привлекало то, что время там как бы остановилось. До прихода китайцев у них не было электричества, радио, часов, швейных машин и даже колёсного транспорта. Даже в 1930-е гг. оценка численности населения Тибета была весьма приблизительной, варьируясь от 1 до 4 млн. человек, тем более что до половины населения — кочевники. В конце XX в. численность оценивали в 1,8 млн. человек, что означало плотность населения менее 4 человек на кв. милю[1]. Это объясняется исключительно неблагоприятными условиями ландшафта, высокой детской смертностью, полиандрией, болезнями и распространённым целибатом в обществе, где 1 мужчина из 6 жил в монастыре.

Особенно суровыми условиями отличается пустынное плато Чангтанг на севере страны, где температура порой падает до –44º С. К этому добавляются яростные ветра, которые могут сбить всадника с лошади. Вместе с тем воздух настолько чист, что можно увидеть человека за 10 миль. Эти районы так неблагоприятны даже для кочевников, что один западный путешественник проехал 81 день, не встретив ни души.

Большинство населения Тибета сосредоточено в четырёх крупнейших городах: Лхаса, Шигацзе, Гьянцзе и Чамдо. В Тибете берут начало несколько великих рек Азии: Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Салуин, Брахмапутра и Инд. Истоки трёх из них отстоят друг от друга всего на 50 миль, а их ущелья местами столь глубоки, что солнце заглядывает туда всего на час.

Название «Тибет» Запад заимствовал у арабских географов, которые называли страну *Туббат*, или у китайцев, которые в древности знали её как *Ту-бат*. Возможно, это искажение китайского слова *то* «высокий» и тибетского слова *Бод* — самоназвание страны. Последнее, вероятно, происходит от названия *бон* — шаманистской религии тибетцев до прихода буддизма. Сами тибетцы ещё употребляют название Гангдзонг «Страна снегов», а китайцы — Сицзан.

Буддизм достиг Тибета в середине VII в. и способствовал ослаблению воинственности народа. Правда, религия бон так и не была полностью искоренена, а тибетский буддизм многое заимствовал из её пантеона и из других религий, включая христианство несторианского толка. Тибетский буддизм (иногда называемый ламаизмом) едва ли был бы узнан своим основателем. По преданию, первый монастырь построен около 775 г., а общее количество монастырей достигло пример-

[1] Ibid. P. 8.

но 2700[1]. Один ранний путешественник назвал Тибет «огромным монастырём, населённым народом монахов». Каждая тибетская семья должна была отдать одного ребёнка церкви. До XV в. страной правила династия царей при поддержке направления монахов-красношапочников. В XV в. их при поддержке монголов вытеснили монахи-желтошапочники, которых возглавил далай-лама I. К середине XVII в. переход власти от царей к далай-ламам завершился, и Тибетом правил далай-лама V, построивший всемирно известный дворец Поталу. Он же создал институт панчен-ламы (таши-ламы), резиденция которого находится в монастыре Ташилхунпо близ Шигацзе. Далай- и панчен-ламы считаются реинкарнациями разных аспектов Будды; панчен занимался духовными делами, а далай ещё и был правителем страны.

Когда умирал далай-лама, искали его преемника-перевоплощение. Мальчик должен был обладать особыми мистическими качествами (например, способностью узнать вещи своего предшественника), иметь большие уши и т.д. Успешного кандидата в возрасте 2–3 лет увозили в Лхасу для духовного обучения будущей роли. Так же искали панчен-лам. Перевоплощения неизменно обнаруживали в домах простолюдинов — чтобы ни одна знатная семья не могла сделать титул наследственным. До 18 лет светские обязанности далай-ламы выполнял регент. Некоторые регенты не собирались передавать власть, и подозрительно большое число далай-лам умерли до достижения 18-летнего возраста. Не все далай-ламы своим образом жизни являли образец святости.

В уникальной теократии Тибета религиозные верования неразрывно переплетались с повседневной жизнью. В каждом жилище было место для предметов культа, а кроме монастырей страна была усеяна тысячами *чортенов* — буддийских ступ (почти все уничтожены в ходе «культурной революции»). Использовались молитвенные флаги, каждое колыхание которых, по поверьям, отправляло написанную на нём молитву к небесам. Другое изобретение тибетцев — молитвенное колесо, состоящее из металлического цилиндра с длинным свитком, на котором бесчисленное количество раз написана молитвенная формула *Ом мани падме хум!* «О, сокровище в лотосе!»; каждый поворот цилиндра считается прочтением всех молитв в нём.

Верующие порой доводили себя до крайности самоистязания, замуровываясь в пещерах. Другим суровым ритуалом было совершение паломничества с постоянным падением ниц. Иные для подвижничества носили с собой тяжёлые камни. В Тибете распространены рассказы о сверхъестественных способностях святых, которые могли воскрешать мёртвых и совершать другие чудеса. Как почти всё остальное в этой стране, суровыми были и наказания.

«Однако, несмотря на суровость и жестокость жизни в Тибете, где угрожали не только демоны и деспотические ламы, но и землетрясения, оспа, волки и разбойники, путешественники во все периоды истории всегда находили тибетцев исключительно привлекательным народом. Отличающиеся грубоватым юмором, они демонстрировали свои гостеприимство и надёжность. Вообще говоря, они были удивительно сдержанны в отношении незваных гостей. Однако если они чувствовали угрозу и подвергались воздействию зажигательных речей лам, тибетцы могли быть свирепыми и безжалостными, даже если их оружие и тактика были средневековыми. Также они могли быть исключительно храбры»[2].

[1] Ibid. P. 13.

[2] Ibid. P. 18–19.

«Ничто не останавливало тех предприимчивых путешественников, которые, во многом воодушевлённые успехом пандитов (см. выше. — *К.Ф.*), поставили себе целью проникнуть в Тибет и, если это в человеческих силах, достичь Лхасы. Более того, чем больше трудностей возникало на их пути, тем более притягательной казалась задача. Среди британских пограничных офицеров желанию посетить эту таинственную, но запретную страну в близком соседстве предстояло стать "профессиональной болезнью", как выразился один историк этого периода… Они происходили из девяти разных стран и пробирались в Тибет почти со всех сторон света. Все кроме одного — японца — были белыми, и все были людьми исключительной решительности и мужества. Три из самых отважных были женщинами. Никто ни на миг не сомневался в своём праве стать в Тибете незваным гостем — и менее всего первый участник гонки, полковник императорской русской армии Николай Пржевальский»[1].

В 1878 г. Пржевальский проник в Тибет с севера через плато Чангтанг. Лхасы стали достигать слухи, что русская экспедиция — авангард царской армии, цель которой — похитить далай-ламу. В 150 милях от столицы Пржевальского остановили два тибетских чиновника. На тибетцев не произвёл впечатления добытый царём для Пржевальского китайский пропуск. После препирательств Пржевальский уступил, так как даже с семью казаками и современными ружьями не смог бы пробиться в Лхасу силой. Через четыре года он вновь выехал к заветной цели, но близ озера Иссык-Куль умер.

В 1888 г. в Тибет с востока отправился американец Уильям Рокхилл. Убеждённый, что пришелец с Запада может достичь тибетской столицы лишь тайком, он надел китайское платье и надеялся, что его неазиатские черты лица объяснят принадлежностью к одному из национальных меньшинств Китая. Со слугой-китайцем Рокхилл добрался до территории между собственно Китаем и Тибетом и пожил в монастыре Кумбум, выдавая себя за паломника и собирая сведения о тибетцах и их религии. Однако достичь Лхасы ему не удалось: из-за огромных расстояний не хватило денег на дорогу. Менее чем через два года он совершил вторую попытку и этот раз подобрался к Лхасе на 110 миль, но тибетцы отправили его назад. Позднее Рокхилл стал послом США в Пекине, Петербурге и Стамбуле.

Зимой 1888–1889 гг. в Ладакх прибыл английский священник Генри Лэнсделл, который вёз письмо «великого ламы Запада» (архиепископа Кентерберийского) «великому ламе Востока». Однако ему не удалось отправить это письмо, а когда он перебрался в Пекин, британский посол отговорил его от идеи поездки, так как это ухудшило бы непростые англо-тибетские отношения (только что произошла стычка на границе).

Француз Габриэль Бонвало проник в Тибет с севера в компании принца Генриха Орлеанского и бельгийского миссионера Дедекена. В условиях высокогорья и зимы путь был весьма трудным. На расстоянии всего 95 миль от Лхасы экспедицию остановил отряд тибетцев, и французам пришлось покинуть страну.

В 1891 г. из Ладакха в Тибет тайно проникли два офицера индийской армии Х. Боуэр и У. Торолд. Цель поездки была разведывательной. Какое-то время им удавалось скрывать свою национальность, но затем их остановили и пришлось вернуться, хотя британцы настояли на возвращении не прежним путём, а через восточ-

[1] Ibid. P. 57–58.

ную границу. В отчёте о путешествии Боуэр описал, как управляется Тибет, как выбирают далай-лам, разобрал обороноспособность страны.

Следующей (1892 г.) была англичанка Энни Тэйлор, которая исповедовала пресвитерианство и мечтала проповедовать Евангелие в языческой столице. Проводника она выбрала на редкость неудачного — китайца, который по пути стал вымогать у неё деньги, угрожая разоблачить, а потом так и сделал. Всего в трёх днях от Лхасы её и её последователя-тибетца остановили, и после шести дней споров с чиновником ей предоставили сопровождение, лошадей, палатку и пищу для обратного пути до Янцзы.

В 1893 г. из Китайского Туркестана в Тибет проник французский исследователь Жюль Дютрей де Ренс вместе с востоковедом Фернаном Гренаром. В шести днях пути от Лхасы их тоже остановили, и путники отправились к границе с Китаем, но в одной деревне (по-видимому, из-за высокомерного обращения с жителями) на французов напали, и де Ренс погиб.

Происшедшее лишь усилило притягательность Лхасы для путешественников: не прошло и года, как туда отправился английский землевладелец Сент-Джордж Литлдэйл с женой и племянником. В Тибет экспедиция проникла с севера в апреле 1895 г. Экспедиция двигалась только ночью, высылая лазутчиков. Расчётом Литлдэйла было двигаться так быстро, чтобы у тибетцев не осталось времени собрать ополчение, чтобы преградить им путь. Отряды тибетцев перекрыли путь всего в дне пути от столицы, но заболела жена Литлдэйла и пришлось повернуть.

Если верить рассказу колоритного путешественника Генри Сэвиджа Лэндора, то рядом с ним приключения остальных блекнут. В 1897 г. он пересёк границу Тибета и с двумя слугами двигался вдоль Цангпо к Лхасе. Их схватили тибетцы (возможно, тоже сыграла роль надменность Лэндора) и подвергли изощрённым пыткам, но затем отпустили. Правда, профессиональные альпинисты и картографы в Британии усомнились в достоверности его рассказа.

Самым юным путешественником в Тибете был Чарлз Рейнхарт, которому, когда его родители-миссионеры весной 1898 г. отправились в Лхасу, было всего 11 месяцев. Петрус Рейнхарт и его жена-канадка Сьюзи собирались в Тибете проповедовать. В пути лёгкие маленького Чарлза не выдержали разреженного воздуха высокогорья, и он умер. Позднее бандиты увели почти всех пони, а Петруса убили.

В 1901 г. в Лхасу прибыл настоятель японского буддийского монастыря Кавагути Экаи. Ему удалось прожить там инкогнито 14 месяцев: его преимуществом было то, что он был азиат и буддист. Одновременно с ним в Лхасе побывал японский разведчик Нарита Ясутеру: Японию начинала беспокоить активизация России в Азии. Кавагути тоже выполнял функции разведчика и передавал сведения британскому агенту Сарат Чандре Дасу. В неверно названной книге «Три года в Тибете» Кавагути подробно описал жизнь в этой стране от монастырского быта до погребальных обрядов.

«Однако, будучи вооружены лишь фитильными ружьями и саблями, тибетцы не могли надеяться не пускать в Лхасу любопытных жителей Запада неопределённое время. Следующий незваный гость — победитель в этой необычной гонке — проложил себе путь туда пулями во главе армии»[1]. Речь идёт об экспедиции Янгхазбенда, о которой рассказано выше.

---

[1] Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World... P. 158.

7. Вступление Германии в Большую Игру

Классический период англо-русской Большой Игры пришёл к концу в 1907 г., который ознаменовался конвенцией по Ирану, Афганистану и Тибету. Две державы сблизились для противодействия общему врагу — Германии. Последняя, когда началась Первая мировая война, включилась в Большую Игру в качестве нового участника.

Летом 1914 г., когда кайзер Вильгельм II понял, что крупно ошибся, рассчитывая на нейтралитет Британии, он решил развязать против неё священную войну мусульман. По замыслу кайзера, следовало объединить народы Османской империи, Кавказа, Ирана и Афганистана против британцев, а это позволило бы вырвать из их рук Индию. По сути, как заметил немецкий историк Ф. Фишер, это было всего лишь «продолжение иными средствами» агрессивной восточной политики, какую Вильгельм вёл ещё с 1890-х гг. Замысленная в Берлине, но развязанная из Стамбула, эта священная война была новой, более зловещей версией Большой Игры.

Ключевым был союз с османским султаном[1], который в своей ипостаси халифа всего исламского мира имел авторитет издать приказ о начале священной войны. Наиболее уязвимыми в таком случае действительно оказывались британцы, поскольку под их властью находилось численно больше мусульман, чем где-либо ещё в мире. Никогда прежде в Новое время священная война не объявлялась против европейской державы, и никто не знал, чего ожидать. Если бы мусульмане задались вопросом: «Что делает христианский государь, разжигая и обеспечивая средствами священную войну против своих единоверцев?», у советников Вильгельма ответ был готов. В мечетях и на базарах Востока пустили слух, будто кайзер тайно принял ислам и инкогнито совершил паломничество в Мекку («хаджи Вильгельм Мухаммад»).

Ещё в 1835 г. военным советником османского султана был назначен прусский капитан Хельмут фон Мольтке. Его задачей было помочь туркам модернизировать армию по прусскому образцу, хотя из этого мало что вышло. Вернувшись в 1839 г. в

[1] Точнее, шахом. Титулом «султан» применительно к правителю Османской империи широко пользовались европейцы, но ещё в середине XV в. тот принял более пышный персидский титул «шах» (не переставая, впрочем, быть султаном — это две параллельные традиции власти, иранская и арабо-мусульманская). — *К.Ф.*

Берлин, Мольтке просил начальство присмотреться к Османской империи, так как она созрела для проникновения туда немцев. Её можно было связать с Берлином и в экономическом и в военном плане с помощью железной дороги через Балканы, что позволило бы обойти контролируемые британцами морские пути. Кроме того, Мольтке назвал Палестину и междуречье Тигра и Евфрата идеальными странами для колонизации энергичными немцами.

В 1846 г. политэконом Фридрих Лист писал, что западные берега Чёрного моря и северная половина Турции представляют собой удобный объект для немецких колонистов. Ему вторил профессор Лейпцигского университета Вильгельм Рошер, который считал, что после распада Османской империи азиатская Турция должна по праву принадлежать немецкому народу.

В то время эти идеи были только мечтами, поскольку немецкий народ был политически разобщён в самой Европе. Однако после объединения Германии в 1871 г. ситуация изменилась. Более того, немцы настаивали, что нуждаются в *Lebensraum* острее, чем другие европейские державы, так как те уже обзавелись заморскими территориями. Германия подоспела к «драке за Африку» 1880–1890-х гг., всего за год прихватив Камерун, Юго-Западную и часть Восточную Африки (позднее к ним добавились часть Новой Гвинеи и Самоа в Тихом океане). Однако мало кто из немцев был готов эмигрировать в тропики. Всего в колонии переселилось не более 20 тыс. поселенцев; большинство эмигрантов из Германии уезжали в США[1]. Всё больше немцев попадали под влияние Пангерманской лиги и других патриотических организаций, твердивших, что экономическое будущее лежит на богатых и редкозаселённых османских территориях.

Канцлер Бисмарк не поощрял экспансионистов, избегая конфликтов с европейскими державами, но дела пангерманистов пошли в гору, когда на престол в 1888 г. вступил ярый экспансионист Вильгельм II. Германия начала активно осваивать Османскую империю экономически. Параллельно её осваивали немецкие путешественники, которые проникали в отдалённые районы под маской археологов и антропологов. Одним из наиболее энергичных был востоковед Макс фон Оппенхайм. Кайзер воспользовался непопулярностью Абд-ул-Хамида в Европе из-за резни армян в 1894 и 1896 гг. и на фоне его изоляции протянул ему руку дружбы, а в 1898 г. посетил Османскую империю с государственным визитом. Главной целью визита было обеспечить Германии концессию на строительство Багдадской железной дороги. Султан увидел в этой дороге свою выгоду — средство сохранять владычество над отдалёнными территориями империи.

В Европе отношения Британии и Германии становились всё напряжённее. Главной причиной была тревога британцев по поводу военно-морского флота кайзера. Беспокоились и русские. Они с тревогой наблюдали за растущим влиянием Берлина в Стамбуле, подозревали кайзера в притязаниях на богатый минералами Кавказ. Однако англо-русская конвенция 1907 г. лишь «облегчила *Drang nach Osten*. Ведь обнаружив унизительный факт, что их “поделили” между Британией и Россией, даже не посоветовавшись, острую враждебность к этим двум державам стали испытывать персы. Естественно, немцы не преминули в полной мере этим восполь-

[1] Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring down the British Empire. L.: John Murray, 1994. P. 12.

зоваться. Такое же недовольство ощущали в Афганистане, с которым тоже не посоветовались. Это немцы тоже в своё время попытаются обратить к своей выгоде»[1].

За несколько лет до войны работавший в Каире фон Оппенхайм подал своему начальству в министерстве иностранных дел тайный меморандум, в котором показал, как в случае войны можно использовать воинствующий ислам к выгоде Германии. Когда началась война, его вызвали в Берлин и дали задание подготовить конкретный план. Другим сторонником развязывания священной войны был начальник генерального штаба генерал Хельмут фон Мольтке, племянник того Мольтке, который впервые привлёк внимание к возможностям для Германии на Востоке. Он стоял за разжигание восстаний в Индии и на Кавказе. В выполнимости плана не сомневался Свен Гедин, который с началом войны предоставил в распоряжение Вильгельма свои глубокие знания о Востоке. В немецком истеблишменте идея получила поддержку, в частности, от «стального короля» Августа Тиссена, который хотел вырвать из рук британцев Индию с её сырьём.

На Вильгельмштрассе (в министерстве иностранных дел Германии) подготовкой плана ведал заместитель министра Артур Циммерманн, поэтому проект стал известен как План Циммерманна. Базой, из которой началось осуществление этого проекта, стало немецкое посольство в Стамбуле. За два дня до начала войны между Британией и Германией немецкий посол Вангенхайм подписал тайное военное соглашение с прогерманской группой в Стамбуле во главе с Энвер-пашой. Энверу для вступления в войну требовалось 3–4 месяца, в течение которых он собирался мобилизовать силы и подготовить народ к непопулярной войне. Османскую империю Британия во многом оттолкнула тем, что первый лорд адмиралтейства У. Черчилль неожиданно реквизировал два османских военных корабля, которые строились на верфях Британии.

Через три недели после присоединения Османской империи к воюющим странам султан объявил Британии и её союзникам священную войну. Сам он был марионеткой младотурецких лидеров. Для Энвера это было начало реализации мечты о пантюркской империи от Стамбула до китайской границы. Целью священной войны было разжечь на исламских территориях под британским и русским правлением крупные восстания и убедить мусульманские части британской и русской армий не сражаться против Османов и немцев. Тысячи листовок на арабском печатались в Стамбуле для транспортировки контрабандой в Индию, Египет, на Кавказ, в Среднюю Азию.

Значение этого инструмента войны немцы всё же переоценивали. Так, Вангенхайм считал, что одна угроза восстания мусульман Британской империи заставит Британию бросить Бельгию и Францию на произвол судьбы. Хотя план священной войны принадлежал кайзеру, Энвер быстро оценил его и предложил Берлину отправить в Иран и Афганистан совместную немецко-османскую миссию. Осенью 1914 г. немцы стали набирать такую группу. В неё вошли дипломат Вильгельм Вассмусс, имевший несколько лет опыта работы на Востоке (был немецким консулом в Бушире, бегло говорил на фарси и по-арабски, поездил среди племён Южного Ирана), капитан Оскар фон Нидермайер, который тоже с разведывательными целя-

[1] Ibid. P. 34–35.

ми посещал Иран, Белуджистан и Индию. По словам современника, благодаря своей жёсткости, безжалостности и находчивости Нидермайер относился к тому типу людей, которые делали германскую армию почти непобедимой. Вассмуссу и Нидермайеру предстояло стать немецкими Лоуренсами[1]. Отобранные сопровождать их офицеры и сержанты обладали специальными навыками или опытом жизни в тропиках. Точная численность миссии неясна, но британская разведка идентифицировала 84 имени.

В это же время в Индию из США отправились суда с сикхскими революционерами из организации Гхадр, созданной эмигрантом Хар Даялом. Сикхи собирались раствориться в Индии до нужного момента, а затем по сигналу начать восстание, пустив в ход контрабандное немецкое оружие. К декабрю 1914 г. в Индию въехали около тысячи эмигрантов-сикхов из США, Канады, Шанхая, Гонконга. Однако сохранять конспирацию было трудно, и британские власти приняли меры (400 человек задержали, 2500 ограничили передвижение). Большое количество оружия и боеприпасов было найдено на борту немецкого судна, которое отправлялось на Восток из Италии, но было интернировано властями.

В феврале 1915 г. революционеры на тайном собрании в Лахоре выработали план восстания. Предполагалось привлечь недовольные части индийской армии. Агитаторы Гхадра распространяли в казармах слухи о том, что Германия непобедима, британцы заставят сикхов обрезать свои традиционно длинные волосы, а индийские части на Западном фронте пускают в бой впереди британских. Были заготовлены декларация независимости и трёхцветные флаги будущей республиканской Индии. Однако британцы благодаря агенту в рядах заговорщиков узнали о подготовке выступления и провели массовые аресты, подавив его в зародыше. Перед трибуналами предстали 175 революционеров, из них 18 были повешены[2].

Между тем дела Четверного союза на войне шли неважно. Франция вопреки ожиданиям кайзера и его генералов не пала, и немцы застряли на статичном фронте. За два первых месяца войны они недосчитались Самоа и Новой Гвинеи, которые были заняты австралийцами и новозеландцами. Затем Япония отняла у Германии китайский порт Циндао, а британцы и французы — африканские колонии. Османов постигла крупная неудача на Кавказе. Энвер лично возглавил наступавшую на Кавказ 90-тысячную армию, но она испытала трудности с подвозом продовольствия и боеприпасов, была плохо экипирована для зимней кампании. Наступление турок на городок Сарыкамыш сопровождалось крупными потерями от обморожений. Османская армия отступила; выжили всего 15 тыс. человек[3].

В это же время второй член младотурецкого триумвирата Джемаль-паша потерпел неудачу в нападении на британский Египет. По сути он собирался выкроить для себя империю на Ближнем Востоке с центром в Египте так же, как Энвер — в Центральной Азии. Первой целью Джемаля был Суэцкий канал. В феврале 1915 г. Джемаль совершил нападение, но вопреки его ожиданиям египетское население

[1] Имеется в виду Томас Лоуренс «Аравийский», знаменитый британский разведчик, который в годы Первой мировой войны сыграл ключевую роль в разжигании восстания арабов Хиджаза против Османского султаната. — *К.Ф.*

[2] Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople… P. 82–83.

[3] Ibid. P. 76.

(пусть в значительной мере и настроенное антибритански) не желало возвращения жёсткой власти Османов. Не удалось Джемалю и застать британцев врасплох. Он отступил, потеряв 2 тыс. человек.

По прибытии немецкой миссии в Стамбул Вассмусс рассорился с её другими членами и поехал отдельно. Он собирался поднять вождей племён Южного Ирана на борьбу с британцами, после чего соединиться с миссией в Афганистане. В эту страну он так и не попал, но британским интересам в Иране навредил изрядно.

Турки потеряли к экспедиции интерес, и немцы под началом Нидермайера отправились самостоятельно. В Берлине в феврале 1915 г. министерство иностранных дел создало Индийский революционный комитет, придав ему полный посольский статус и устроив ему закупки вооружений (30 тыс. американских ружей и пистолетов). Немцы решили подкрепить миссию Нидермайера присутствием в ней видного индийца, который обратился бы к своим соотечественникам и просил бы афганского амира Хабибуллу помочь избавить Индию от британцев. Для этой цели был выбран живший в Швейцарии раджа Махендра Пратап. А поскольку Нидермайер лишился в лице Вассмусса авторитетного дипломата, на смену ему из Берлина прислали Вернера Отто фон Хентига, который имел опыт путешествий по Азии. В миссию включили и видного революционера-мусульманина Мухаммада Баракатуллу. Экспедиция везла Хабибулле подарки (золотые часы и ручки, бинокли, фотоаппараты и т.д.), призванные демонстрировать превосходство немецкой инженерии. Также миссия везла личные письма Хабибулле от кайзера и османского султана и 27 писем немецкого канцлера махарадже Непала и индийским князьям.

Что касается Вассмусса, то он весной 1915 г. достиг побережья Персидского залива и приступил к действиям. Одетый в персидскую одежду, бегло говоря на фарси и выставляя себя новообращённым мусульманином, он начал поднимать племена на борьбу с британцами, чтобы заставить тех либо уйти из Залива, либо отвлечь сюда войска. Племена нападали на посты британской армии в Южном Иране. Убеждать их почти не пришлось, так как оккупировавшие юг страны британцы положили конец прибыльной контрабанде оружия из Персидского залива на северо-западную границу Индии. Вассмусс убеждал простодушных иранцев, что кайзер принял ислам, а сам он регулярно контактирует с ним по радио. Для этого он ставил представления: надевал наушники, выдвигал какую-то антенну и с помощью магнита вызывал искры в темноте, утверждая, что получает «личные послания» от кайзера к конкретным вождям племён. Однажды британцам удалось завлечь Вассмусса в ловушку, но тому удалось бежать. Однако ему пришлось бросить свои вещи, включая книжку с кодами шифров, которыми пользовались немецкие дипломаты. Она достигла Лондона и стала для британцев настоящей находкой, возможно, повлияв на исход войны (см. ниже).

Главными союзниками Вассмусса стали воинственные тангистанцы — племя, контролировавшее побережье вокруг Бушира. Вассмусс сыграл на соперничестве тангистанцев с их северными соседями бахтиарами: последние получали от британцев субсидию за то, что не мешали перевозкам нефти с месторождений Англо-персидской компании. Главным противником Вассмусса был генерал-майор сэр Перси Кокс — британский резидент и главный политический офицер экспедиционных сил в Басре.

Для военных в Индии перспектива присоединения Афганистана к священной войне была кошмаром. Войска Ирана они не воспринимали всерьёз; войска Афганистана — дело другое. Если бы Афганистан объединился с Германией и Османской империей, это могло повлиять на исход войны. В мирное время индийская армия справилась бы с угрозой, но существовали другие театры военных действий и в Индии не хватало войск.

Вице-король Индии лорд Хардинг в телеграмме британскому консулу в Мешхеде заявил, что исключительно важно не пропустить какую-либо немецкую миссию в Афганистан. Так возник Восточно-персидский кордон — линия патрулирования казаками и кавалерийскими частями индийской армии границы Ирана с Афганистаном и Белуджистаном (секторы двух держав соприкасались в Бирджанде). Правда, кордон не гарантировал 100%-ного успеха. Британский сектор границы растянулся на 500 миль по пустыням и горам. Закупорить его полностью не было возможности: для этого потребовались бы тысячи солдат. Кроме военного кордона британцы создали сеть платных местных информаторов, которые должны были следить за иностранцами.

Нидермайер и его группа выехали из Исфахана на восток в июле 1915 г. На тысячу миль перед ними лежала одна из наиболее неблагоприятных зон в мире — пустыня Дешт-е-Кавир. Миссия состояла из сотни всадников: дюжина немецких офицеров и сержантов и эскорт персидских наёмников. Несколько немцев были посланы вперёд, чтобы разведывать дорогу и покупать у племенных вождей безопасный проезд. Ситуацию осложняло соперничество Нидермайера и Хентига: первый был военным руководителем экспедиции, а второй дипломатическим, но каждый считал себя выше. К трудностям пути добавлялось то, что местность кишела змеями, и приходилось отправлять вперёд людей с плетьми, чтобы расчистить дорогу. Иногда лагерь осаждали гигантские скорпионы, которые, спасаясь от жары, заползали в одежду. К этому добавлялись полчища насекомых. Иногда по утрам температура в тени превышала +40°С.

Между тем в Османской империи росли подозрения относительно истинных намерений Германии на Востоке. Задавали вопрос: не войдёт ли Турция после победы в новую Германскую империю от Берлина до Бирмы с султаном-императором Вильгельмом во главе? Почти во всех своих неудачах турки вскоре стали винить немцев.

В октябре 1915 г. немецким послом в Стамбуле стал главный архитектор священной войны Макс фон Оппенхайм, и она активизировалась: из Берлина везли большие количества оружия, золота и пропагандистской литературы, которые распространяли в Иране. Правда, не все немецкие советники в османских вооружённых силах были убеждены в целесообразности священной войны. Многие (например, доктор Х. Штурмер) считали её пустой тратой людских и денежных средств, да ещё чреватой отрикошетить по немцам.

Однако для британцев опасность, какую представляла священная война, становилась достаточно реальной. На значительной части территории Ирана немцы расширяли контроль день за днём. К осени 1915 г. их количество в стране выросло до 300. На их содержании находились около тысячи персидских наёмников и некоторое число дезертиров из индийской армии. В их руки попали 7 из 17 филиалов Им-

перского банка Персии[1]. Во многих местах немцы захватывали телеграф. Пронемецкая жандармерия Ирана не мешала им. Лишь на подконтрольном России севере Ирана немецким агентам не давали развернуться казаки.

В 50 милях от Бирджанда группа лейтенанта Вагнера ночью была атакована казачьим патрулём. Надежда Нидермайера была в том, чтобы найти щель в кордоне и проскользнуть между патрулями. Отправив небольшую группу на юго-восток от Бирджанда и пустив слух, будто основная часть экспедиции следует за ней, Нидермайер повернул на север, выбрав для пересечения границы особенно суровую пустынную местность.

2 октября 1915 г. миссия Нидермайера достигла Кабула. Узнав, что немцы проскользнули-таки в Афганистан, в Уайтхолле решили действовать. Хотя сообщение между британским правительством и амиром Афганистана обычно шло через вице-короля Индии, на этот раз ему написал сам король Георг V. Он поблагодарил амира за дружбу и заверил, что победа союзников не за горами. Вице-король в сопутствующем письме сообщил амиру, что британцы увеличивают его ежегодную субсидию на 25 тыс. ф. ст. Британцы пытались нейтрализовать возможное влияние немцев.

Внешне Хабибулла принял немецкую миссию весьма тепло, но не выдавал своих настоящих настроений и не торопился соглашаться. Вскоре он призвал официального агента правительства Индии (мусульманина) и заверил его в лояльности британцам, но предупредил, что не может демонстрировать её открыто, опасаясь обвинений в предательстве веры. Недели шли, и немцы начали понимать, что амир не собирается вступать в войну, а намерен в последний момент присоединиться к победившей стороне. Так же считали некоторые чиновники вице-короля.

В Ширазе Вассмусс организовал арест персидской жандармерией штата британского консульства. В Тегеране шло перетягивание каната. 11 ноября 1915 г. британский и русский послы заверили шаха, что русские войска в Иране лишь защищают посольства Антанты от пронемецких элементов. Они предостерегли, что вступление Ирана в войну на стороне Германии повлечёт катастрофические последствия для страны и шаха. 15 ноября немецкий посол принц Генрих Прусский и штат посольства пошли ва-банк: покинули Тегеран, уверенные, что шах последует за ними. Однако когда шах уже велел седлать коня, один уважаемый родственник убедил его, что оккупация русскими Тегерана будет означать конец династии. В Тегеране Германия проиграла. Однако в Куме возник пронемецкий Комитет национальной обороны, который забросал страну официального вида телеграммами, объявив, что в столице революция и британский и русский послы бежали. Жандармерия захватила Хамадан.

Между тем в Сингапуре ещё в июне 1915 г. был арестован прибывший туда под маскировкой немецкий офицер Винсент Крафт. У него нашли карту Бенгалии с какими-то пометками на берегу. На допросе он рассказал о немецких планах. Если бы не его арест, Рождество 1915 г. ознаменовалось бы резнёй британской общины в Калькутте. В июле перевозившая индийским повстанцам оружие шхуна «Генри С» странным образом потерпела кораблекрушение и была вынуждена зайти в порт на

[1] Ibid. P. 133–134.

Сулавеси, где голландцы обыскали её и нашли оружие. Второе судно загадочным образом пропало в море. Ко всему этому приложили руку британцы благодаря информации Крафта. Вскоре власти Сиама схватили несколько сот индийских и бирманских боевиков, сорвав планы Берлина поднять восстание в Бирме. 15 декабря полиция арестовала более 300 заговорщиков в Калькутте и Бирме.

Хабибулла по-прежнему медлил. Когда немцы в третий раз пригрозили уехать, он заявил, что рассматривает их предложение заключить договор о дружбе с Германией. Последовало обсуждение условий этого договора, что опять заняло много времени — возможно, как и планировал амир. В середине января 1916 г. черновик договора был готов. Германия признавала полную независимость Афганистана и обязывалась позаботиться о том, чтобы Афганистан был представлен на послевоенной конференции. Немцы обещали безвозмездно снабдить амира 100 тыс. современных ружей, 300 пушками и другими военными материалами, а также передать ему 10 млн. ф. ст.[1] Однако для вступления договора в силу его должны были подписать не только амир, но и министр иностранных дел кайзера, так как у Хентига не было на то полномочий.

Через несколько недель амир начал разворот на 180 градусов. Отправленные им в Иран эмиссары для переговоров с немцами были отозваны, а при дворе была проведена чистка от пронемецких чиновников. Наконец он сообщил немцам, что вступит в священную войну, только если к нему на помощь подойдёт турецко-немецкий корпус численностью не менее 20 тыс. солдат. На письмо Георга V Хабибулла ответил, повторяя заверения в лояльности.

Для миссии Хентига то был окончательный удар. Причиной перемены поведения Хабибуллы могли быть вести о победах Антанты в Азии. В феврале 1916 г. русские войска очистили Северо-Западный Иран от турок, немцев и их персидских сторонников и углубились в Восточную Турцию. Для Османской империи это была катастрофа. Ну а британцы могли вздохнуть спокойно: потеря турками Эрзерума устранила непосредственную угрозу Египту.

В апреле 1916 г. немецкая подрывная деятельность в Иране прекратилась. Вскоре британцы восстановили контроль над Ширазом и Керманом. На свободе оставался лишь Вассмусс, который продолжал удерживать заложниками членов британского консульства. Правда, 29 апреля 1916 г. более 9 тыс. англо-индийских солдат генерала Ч. Тауншенда сдались в Куте, что Энвер-паша объявил великой победой в священной войне.

Единственной заботой миссии Нидермайера и Хентига теперь было вернуться в Европу. Кабул они покинули 21 мая 1916 г., вновь разделившись на две группы. Нидермайер поехал на запад к иранской границе, а Хентиг — на восток через Памир в Китайский Туркестан. Нидермайеру удалось добраться до Тегерана, а оттуда в Берлин, где его лично наградил кайзер. Когда через несколько месяцев домой вернулся и Хентиг, он был очень недоволен, что вся слава досталась Нидермайеру. Хентиг умер в 1984 г. на 97-м году жизни, а Нидермайер — за 40 лет до него в советском ГУЛаге.

Вассмусс оставался в Иране до конца войны, ещё пытаясь поднимать племена. Наконец его схватили власти и выдали британцам. Кёрзон и другие хотели су-

[1] Ibid. P. 192.

дить его за военные преступления, но ему позволили вернуться в Германию. Через несколько лет, узнав, что он нарушил данные во время войны обещания тангистанцам, Вассмусс вернулся в Южный Иран, чтобы научить их современным методам ведения хозяйства. Однако затея провалилась и Вассмусс вернулся на родину, где вскоре умер в бедности.

В июне 1916 г. шариф Мекки Хусейн высунул ружьё из окна своего дворца и произвёл единственный выстрел по находившимся напротив османским казармам. То был сигнал к арабскому восстанию против султана. Это восстание исходно было назначено на август, но его перенесли на два месяца раньше, поскольку к Мекке двигалась мощная османская колонна в сопровождении внушительной немецкой миссии. Британцы опасались, что эти силы создадут угрозу их угольной станции в Адене и установят стратегические связи с немецкими войсками в Восточной Африке. Когда Томас Лоуренс и его товарищи начали подстрекать арабов на восстание, чиновники в Лондоне и Дели смотрели на это скептически. Они опасались, что турки сделают ответный шаг — будут поднимать недовольных британской властью мусульман и индуистов в Индии. Правда, вскоре Британия и Франция тайно договорились разделить арабские территории после войны, а министр иностранных дел А. Бальфур обещал британскому сионисту лорду Ротшильду создать в Палестине еврейский национальный очаг.

Через два месяца после отъезда миссии Нидермайера – Хентига из Кабула серия восстаний вспыхнула в русской Средней Азии. Если бы немцы знали, что назревает на севере, они попытались бы управлять событиями, так как, возможно, то была та самая искра, высечь которую им так и не удалось в Афганистане. Непосредственной причиной восстания стала трудовая мобилизация. 4 июля 1916 г. толпа забросала камнями полицейский участок в городе восточнее Самарканда[1]; её отогнали, перебив или ранив 30 человек. Власти Туркестанского края объявили военное положение, и казаки подавили разрозненные выступления плохо вооружённых повстанцев. Вместе с тем русская администрация согласилась отсрочить мобилизацию трудовых ресурсов до уборки урожая хлопка.

После капитуляции в Куте в апреле 1916 г. британцы готовили в Междуречье реванш. В декабре вверх по Тигру на Багдад вновь пошла армия. Она была значительно больше (150 тыс. человек), а командовал ею опытный генерал сэр Стэнли Мод. В марте 1917 г. он занял Багдад. Взятие этого города было важным стратегическим приобретением, так как позволяло британцам надёжно закупорить пути через Иран в Афганистан, Индию и Среднюю Азию. Вести о захвате конечного терминала Багдадской железной дороги были крахом надежд кайзера[2].

---

[1] Это был Ходжент (нынешнее написание — Худжанд). — *К.Ф.*

[2] Активность Германии (Второго и Третьего Райхов) на Ближнем и Среднем Востоке известна достаточно хорошо. Менее известен интерес, который проявляла Германия к Центральной Азии эпохи Большой Игры: немцы рассчитывали обратить чужое соперничество в свою пользу, попытаться стать «третьим радующимся». Об этом повествует недавнее добротное исследование: Mark R.A. Im Schatten des «Great Game»: Deutsche «Weltpolitik» und russischer Imperialismus im Zentralasien, 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. — *К.Ф.*

8. Британцы на обломках Российской империи

Русская революция февраля 1917 г., безусловно, спасла османские армии от уничтожения на востоке. Если бы (как планировалось исходно) 70-тысячная русская армия на Кавказе объединилась со 150-тысячной армией генерала Мода к северу от Багдада, турки были бы сокрушены. Революция дала им возможность перегруппироваться, отсрочив крах Османской империи на 18 месяцев.

В Тифлисе было сформировано многонациональное революционное правительство — Закавказский комиссариат в составе меньшевиков, эсеров и членов других партий. Однако в Баку большевикам под руководством харизматического лидера, «кавказского Ленина» Степана Шаумяна удалось взять верх. Правда, азербайджанцы склонялись на сторону Османской империи. Наступление турок угрожало не только большевистской власти в Баку, но и армянским беженцам. «Однако причина для тревоги была не только у них. Если бы турки, не говоря о немцах, вошли на Кавказ, а оттуда в Среднюю Азию, они создали бы весьма серьёзную угрозу Индии. Даже просачивание горстки турецких или немецких офицеров, проповедующей опьяняющее евангелие пантюркизма или священной войны, могло бы достичь того, чего не сумели Нидермайер, Хентиг и Вассмусс: больше не было русских войск, которые могли бы придавить такую попытку. Зажжённый на Кавказе или Средней Азии, этот огонь мог перекинуться южнее — через Персию и Афганистан в Индию»[1].

Скорость событий на Востоке вслед за большевистским переворотом застала военный кабинет в Лондоне врасплох. С разложением русской армии в Восточной Турции в обороне Индии образовалась большая дыра. Перспектива прорыва турецко-немецкой армии через Кавказ была кошмаром. Кроме того в рассеянных по Средней Азии лагерях размещались 40 тыс. немецких и австро-венгерских военнопленных, которые теперь были свободны. В Лондоне и Дели на них смотрели как на потенциальную армию вторжения в Индию. К тому же Германия отчаянно нуждалась в нефти, а если бы ей удалось дотянуться до нефтяных промыслов в Баку, это поправило бы её положение. В довершение всего в Туркестане были накоплены запасы в 200 тыс. тонн хлопка-сырца, который использовали при изготов-

[1] Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople… P. 254.

лении мундиров и взрывчатки. Когда выяснилось, что для транспортировки этого хлопка в Индию понадобится 750 тыс. вьючных животных, британцы потеряли на него надежду — но опасались, как бы эти стратегические запасы не попали в руки немцев[1].

Лишних войск, чтобы заткнуть дыру, у британского командования не было. Военный кабинет видел только одно средство: убедить кавказское население сформировать ополчение. В Тифлис был направлен 40-летний майор Эниас Макдонелл, 7 лет служивший вице-консулом в Баку. Его задачей было выяснить, какая из многочисленных этнических и религиозных групп Кавказа может оказать серьёзное сопротивление захватчику. Очевидным кандидатом были армяне, которым он тайно выплатил миллион рублей. Правда, армяне разболтали об этом, что вызвало гнев грузин и азербайджанцев. Макдонеллу пришлось распределить деньги и среди командиров-грузин, в то время как азербайджанцы отвергли британское предложение и увели свои части с фронта, не желая сражаться с близкими по этносу и вере турками.

Баку между тем погрузился в кровавый хаос: на город напали части Дикой дивизии, которые отбили у большевиков порт Ленкорань и вместе с горожанами-азербайджанцами пытались свергнуть бакинский совет. В бои на стороне большевиков вмешались армяне во главе с дашнаками, и азербайджанцы были разбиты. По данным азербайджанцев, мусульман погибло 12 тыс. человек (включая стариков, женщин и детей); по данным Шаумяна — не более 3 тыс.[2]

К концу мая 1918 г. Грузия, Армения и Азербайджан объявили о независимости друг от друга и от Москвы. Грузины, опасаясь «освобождения» своей страны Османами, пригласили с Украины немецкие войска. Армяне продолжали сопротивляться наступающим туркам. Азербайджанцы, напротив, ждали их прихода с нетерпением. Между тем немцы и турки не поделили нефтяные промыслы Баку: в нефти нуждались обе державы — как и Ленин, который стремился восстановить разрушенную войной экономику России. Энвер, опасаясь, что немцы прибудут в Баку первыми, стал перебрасывать на Кавказ части с фронта в Палестине. В этих условиях весной 1918 г. Макдонелл отправился в Баку. Его задачей было убедить Шаумяна пока не поздно принять британскую военную помощь — отряд генерала Л. Данстервилла, находившийся в Хамадане.

Шаумян принял Макдонелла хорошо, хотя сначала заверил, что большевики организуют оборону от турок сами. Однако позже комиссар подумывал принять предложение, но настаивал на полномочиях увольнять и судить британских офицеров и солдат. Когда Лондон потерял терпение в игре с Шаумяном, Макдонелл оказался втянут в заговор с целью свергнуть его. Не похоже, что он был главным организатором, но посетил тайную встречу заговорщиков (бывших царских офицеров и эсеров) и выделил денег на его осуществление. Кроме того, он был причастен к планам уничтожить нефтяные скважины Баку, чтобы те не достались туркам. Однако большевики узнали о заговоре и провели аресты, включая Макдонелла. Правда, его отпустили и дали возможность покинуть Баку, не желая обострять отношения с Британией.

---

[1] Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. L.: John Murray, 1984. P. 14.

[2] Ibid. P. 287.

Между тем в июле 1918 г. в Баку под видом персидско-армянского торговца прибыл британский капитан Реджиналд Тиг-Джоунз. Он сообщил Макдонеллу, что Британия и Франция теперь поддерживают антибольшевистские силы. Тиг-Джоунз был классическим разведчиком, имел способности к языкам, учился в Петербурге, с 1910 г. вёл разведдеятельность на северо-западной границе Индии, а во время Первой мировой войны — в Персидском заливе. Находясь в Баку, он сорвал отправку туда из Красноводска партии хлопка, чтобы она не досталась ни немцам, ни большевикам.

Вскоре бакинский совет проголосовал за обращение за помощью к британцам. Шаумян и его сторонники возмущённо вышли из совета и отплыли в Астрахань. Контроль над Баку перешёл в руки эсеров — Центрально-каспийской диктатуры в составе пяти человек. Этот орган обратился к Данстервиллу за помощью против надвигающихся турок. За Шаумяном и его комиссарами послали погоню, вернули их и посадили в тюрьму.

Данстервилл высадился в Баку 17 августа 1918 г. Защищать город от турок было бы трудно, так как с трёх сторон его окружали холмы. В Баку находились 3 тыс. русских и 7 тыс. армянских добровольцев с ружьями, но без военной подготовки. На город наступали 14 тыс. закалённых в боях турок. В Баку были разочарованы размерами британской помощи: *Dunsterforce* насчитывала не более тысячи солдат и офицеров. Её задача состояла не в том, чтобы защищать Баку самой, а в том, чтобы выковать из русских и армянских добровольцев отряд, способный сдержать натиск турок до подхода подкреплений.

26 августа 1918 г. тысячный турецкий отряд совершил первое нападение на слабейший сектор обороны Баку. Из-за ненадёжности бакинских добровольцев ключевые позиции почти день обороняла рота Северостаффордширского полка. После второго нападения Данстервилл, видя, что помощи от бакинцев никакой, тайно от Центрально-каспийской диктатуры эвакуировал войска из Баку. Всё, чего добились британцы, — это немного оттянули падение города ценой 180 убитых, раненых и пропавших без вести[1].

Советские историки обвиняли британцев в том, что те сознательно бросили защитников Баку на произвол судьбы. Они, мол, знали, что война продлится ещё недолго и спокойно дали туркам наложить руку на бакинскую нефть. На деле британцы ещё не видели конца войны. В Лондоне и Дели по поводу эвакуации из Баку сыпались обвинения: британцы потеряли в регионе лицо. Козлом отпущения сделали Данстервилла и отозвали его из Энзели. Британцы были не единственными, кому удалось покинуть Баку перед захватом турками. Более 8 тыс. солдат и гражданских лиц уплыли на небольших судах в Астрахань или Красноводск. Среди тех, кого вывезли, находились 26 освобождённых из тюрьмы бакинских комиссаров[2].

Их последние дни всегда будут окутаны тайной. Так, мы никогда не узнаем, почему перевозившее их судно «Туркмен» изменило курс. Советские историки утверждали, что это британские агенты заставили судно плыть вместо Астраха-

[1] Ibid. P. 350.

[2] Как известно, из 26 человек комиссарами Бакинской коммуны являлись не все; среди них были два личных охранника комиссаров, три журналиста и другие лица. Тем не менее, после казни эта группа вошла в историю как «26 бакинских комиссаров». — *К.Ф.*

ни в Красноводск, зная, что ждёт там комиссаров. Историки не принимали во внимание, что отвезти комиссаров в Астрахань велел сам Данстервилл — от греха подальше. Зато они ухватились за информацию о том, что на борту «Туркмена» находились майор и сержант из числа его людей. По собственным словам Данстервилла, их просто забыли и они пробрались на судно в последнюю минуту, чтобы спастись (в конце концов они попали в Астрахань к большевикам). Если бы Данстервилл действительно собирался покончить с комиссарами, для этого были более лёгкие пути — например, позаботиться, чтобы они остались в Баку, где с ними расправились бы турки и азербайджанцы.

В Красноводске большевики за недолгий период правления снискали нехорошую репутацию. Неудивительно, что по прибытии комиссаров казачий офицер Кун арестовал их и дал знать в Ашхабад. Подозревали, что эти опытные революционеры могут совершить в городе контрпереворот. Незадолго до падения Баку Мэллесон подписал с Ашхабадским комитетом соглашение, обещав военную помощь против наступающих из Ташкента большевиков; за это новая власть позволила отправить небольшой британский отряд в Красноводск, чтобы защищать начало Закаспийской железной дороги от возможного турецкого десанта. Между тем в сентябре 1918 г. англо-индийские войска вступили в бой с большевиками у Каахки. 500 солдат 16-го панджабского полка под командованием полковника Д. Ноллиса вместе с русскими, армянами и туркменскими всадниками встали на пути наступающего противника. Когда большевики внезапно напали, туркмены бежали, а за ними последовали другие части. Атаку Красной армии отбили панджабцы. Это был первый случай военного столкновения британских и русских войск за всю историю соперничества двух держав в Азии.

Турки, узнав о выводе британских отрядов из Баку, не стали входить в город первыми, а позволили сделать это своим азербайджанским союзникам, чтобы те отомстили за резню бакинских мусульман. 15–16 сентября азербайджанцы резали армян, буквально завалив улицы трупами. По армянским сведениям, жертв насчитывалось около 9 тыс., тогда как согласно газете «Известия» и немецкому разведчику В. Литтену, — 23–30 тыс.[1]

Ашхабадский комитет был не в восторге от того, что в его руки попали известные революционные деятели. У него была альтернатива: либо убедить Мэллесона отправить комиссаров под охраной в Индию, либо расстрелять их. Поскольку существовала возможность восстановления большевистской власти, палачи комиссаров могли поплатиться, поэтому было предпочтительнее сбыть их британцам. Мэллесон, похоже, согласился принять комиссаров. Он сделал это тем охотнее, что в Ташкенте пропал разведчик Ф. Бэйли (см. ниже); если его удерживали местные большевики, Шаумяна и его товарищей можно было сделать заложниками и обменять.

Относительно дальнейших событий есть две версии. Согласно одной (высказанной в отчёте Мэллесона и его подчинённого полковника Ч.Х. Эллиса), посланник Ашхабадского комитета, договорившись с Мэллесоном в Мешхеде о передаче комиссаров, прибавил: «Если ещё не поздно», пояснив, что Ашхабад мог уже решить расстрелять заключённых. Согласно другой версии, высказанной в 1956 г. в

[1] Hopkirk P. Setting the East Ablaze… P. 357.

газете *The Observer* служившим под началом Мэллесона полковником У. Нэшом, он сам отнёс Мэллесону телеграмму из Ашхабада, где содержалась просьба посоветовать, что делать с комиссарами. Мэллесон якобы отвечал, что это внутреннее дело русских. Данную версию частично подтверждает посмертно изданный дневник Тиг-Джоунза.

На заседании Ашхабадского комитета его председатель Фунтиков объявил, что Мэллесон отказался принять заключённых и просил разобраться с ними на месте. Присутствовавшего при этом Тиг-Джоунза позднее обвиняли в том, что он не всё сделал для спасения комиссаров. Однако, похоже, ему просто не достало смелости спорить с закаспийским правительством по вопросу, который его по сути не касался, тем более что к Шаумяну и его товарищам он симпатии не питал.

Хладнокровное убийство бакинских комиссаров породило одну из революционных легенд, известных каждому советскому школьнику. Узнав о расстреле, Мэллесон по приказу своего правительства телеграфировал Ашхабадскому комитету протест. В Лондоне были недовольны, что потеряли потенциальных заложников. Впрочем, в переписке с властями Индии Мэллесон цинично отметил, что расстрел комиссаров[1] политически выгоден Британии, так как означает, что власти Ашхабада «сожгли мосты» в отношении большевиков.

В середине октября большевики неожиданно сами оставили Душак и следующий городок по железной дороге — Теджен, а затем и Мерв, отходя к Бухаре. Возможной причиной были распускаемые британцами слухи о готовящемся наступлении на Ташкент. 1 ноября англо-индийские и закаспийские войска заняли Мервский оазис без единого выстрела. Это обеспечило базары Ашхабада большим количеством мяса, зерна и другого продовольствия и позволило Фунтикову продержаться у власти ещё несколько месяцев.

Генерал Мэллесон был готов наступать вслед за большевиками до самого Ташкента. Однако, к его разочарованию, из Индии поступил приказ дальше Мерва не двигаться. Между тем на Западном фронте немцы отступали к линии Гинденбурга, в Палестине Алленби при поддержке арабской конницы шёл к Дамаску. Вскоре из Османской империи бежали младотурецкие триумвиры. В феврале 1919 г. Мэллесон получил приказ вернуться из Туркестана в Мешхед: война с Германией и Османами была окончена. Однако с целью оттянуть поражение союзников Британии — антибольшевистских сил в Закаспийской области — агенты Мэллесона распространили слух, будто намерение британцев уйти есть лишь маскировка настоящей цели, которая состоит во внезапном броске к позициям большевиков. До большевистских агентов довели соответствующие «документы». Иные из них были столь убедительны, что осели в архивах и использовались советскими историками. Большевики спешно готовились отступать.

Некоторые члены британского военного кабинета опасались, что до конца войны Британия не успеет оккупировать важные для неё районы Ближнего Востока, включая нефтяные месторождения близ Мосула. Поэтому командующий в Месопотамии генерал Маршалл получил приказ «занять столько нефтеносной территории, сколько возможно». 30 октября Османская империя подписала перемирие на борту

[1] По другой, весьма правдоподобной, версии, смертный приговор привёл в исполнение силач-туркмен, отрубивший осуждённым головы. — *К.Ф.*

военного корабля «Агамемнон». Это была безоговорочная капитуляция, позволившая Антанте оккупировать ключевые районы страны, включая Стамбул. 11 ноября капитулировала Германия.

Кайзер Вильгельм II нашёл убежище в Нидерландах и до смерти в 1941 г. жил на доходы с обширных имений в Германии, написал два тома мемуаров. Талаат осел в Берлине, где жил на скромную пенсию, пока весной 1921 г. не был застрелен на улице армянином, вся семья которого погибла в армянской резне. Джемаля убили два армянина в Тифлисе. Что касается Энвера, то он бежал в Берлин, а оттуда в Москву, где вступил в сделку со большевиками и отбыл в Среднюю Азию. Однако, прибыв туда, он перехитрил большевиков.

В первой половине 1920-х гг. в Средней Азии полыхало восстание басмачей. На пике движения под ружьём находилось до 20 тыс. человек, хотя многие были повстанцами не всё время: днём трудились как крестьяне, а ночью выступали партизанами[1]. У движения не было единства и харизматического лидера. Как и у моджахедов Афганистана в 1980-е гг., между группами и лидерами басмачей существовало соперничество и недоверие; они происходили из разных племён и не имели политической программы. После ударов Фрунзе басмачи, вытесненные из городов и деревень Ферганской долины, сохранили опорные пункты в горах. Справиться с ними не удавалось, в связи с чем Ленин и привлёк к решению задачи бывшего правителя Османской империи Энвер-пашу, чтобы тот своим авторитетом перетянул мусульманское население от басмачей на сторону советской власти. Однако сделка была масштабнее. «Предложение Энвера Ленину… было гениально простым. Благодаря своей доблести одновременно солдата и революционера он собирался добыть для большевиков Британскую Индию в обмен на помощь в восстановлении его у власти в Турции, которая находилась теперь под контролем одного из его бывших полковников — Мустафа-паши, более известного сегодня как Кемаль Ататюрк. Энвер намеревался сперва захватить Китайский Туркестан и, выгнав оттуда китайцев, создать там мусульманскую республику в качестве базы. Оттуда (а не из Афганистана, как предлагал Рой) должна была быть развязана полномасштабная священная война против Британской Индии»[2].

Энвер рассматривал большевиков как временных союзников, а своей целью ставил пантюркскую империю от Стамбула до Китайского Туркестана. Хотя Ататюрк демонстрировал к своим советским соседям дружественное отношение и в марте 1921 г. Москва заключила с ним договор, в случае изменения турецкого курса амбициозный Энвер мог оказаться для большевиков козырем в рукаве. Однако последний обманул Ленина: прибыв в ноябре 1921 г. в Бухару, Энвер вскоре примкнул к басмачам. Он сделался авторитетным лидером и начал одерживать военные победы. Так, в феврале 1922 г. во главе 200 плохо вооружённых партизан он захватил Душанбе, затем дерзко напал на Бухару.

К весне 1922 г. под знаменем Энвера стояли 7 тыс. человек, контролируя значительную часть территории бывшего Бухарского эмирата[3]. Структура командования

[1] Hopkirk P. Setting the East Ablaze... P. 55.

[2] Ibid. P. 156.

[3] Ibid. P. 160.

строилась по немецкому образцу, а в штабе Энвера находились несколько опытных турецких офицеров. Большевики встревожились и пытались вести с Энвером переговоры. Он опрометчиво не пошёл на них, и тогда большевики взялись за него всерьёз. В июне 1922 г. он потерпел крупное поражение, последователи стали расходиться по деревням или переходить в другие басмаческие отряды. Энвер понимал, что дело проиграно, но не собирался бежать в Афганистан и 4 августа 1922 г. предпочёл погибнуть в бою. Басмачи из своих горных убежищ тревожили большевиков ещё несколько лет.

О судьбе бакинских комиссаров большевики узнали лишь после ухода британцев из Закаспия (до этого полагали, что их держат где-то в заключении). В Москве быстро решили, что виноваты британцы, а комиссаров объявили революционными мучениками. В бакинской газете вышла статья эсера Вадима Чайкина, в которой говорилось, будто Тиг-Джоунз сам требовал расстрела заключённых, а позднее выразил удовлетворение содеянным. Похоже, Чайкин, будучи эсером, пытался таким образом добиться расположения большевиков, в то же время обеляя своих товарищей по партии.

Неудивительно, что у британского разведчика были основания опасаться убийства или похищения, за которым последует показательный суд в Баку или Москве. Весной 1922 г. он, женившись на русской, предпочёл исчезнуть из поля зрения публики и сменил имя на Роналд Синклэр. Однако Форин-офис не собирался оставлять это дело, и по его заданию Тиг-Джоунз написал подробное опровержение обвинений Чайкина. 20 декабря 1922 г. британское правительство в письме заместителю наркома иностранных дел Максиму Литвинову сообщило, что провело тщательное расследование, но не обнаружило оснований для обвинений Чайкина. Советскую сторону это не удовлетворило.

Чем занимался Тиг-Джоунз в течение следующих лет 30, точно неизвестно. Он умер в 1988 г. в возрасте 99 лет, а в следующем году опубликовали его дневник под названием «Исчезнувший шпион: дневник тайной миссии в русскую Центральную Азию в 1918 г.». Похоже, причиной исчезновения Тиг-Джоунза были не только опасения мести большевиков. Его издатель обнаружил пустую папку, озаглавленную «Майор Синклэр, МИ-5». Вероятнее всего в 1920–30-е гг. Тиг-Джоунз работал в Разведывательном бюро в Дели. Некоторые документы наводят на мысль, что в этом качестве Тиг-Джоунз совершил ряд тайных поездок на Ближний и Дальний Восток. Так, в 1926 г. майор проехал на автомобиле по Ирану якобы с торговой миссией, а на деле изучая степень советского проникновения в эту страну (неслучайно он бегло говорил на фарси и по-русски). В 1941 г. Тиг-Джоунз был назначен вице-консулом Британии в Нью-Йорке, по сути оставаясь разведчиком. После войны он со второй женой ушёл на покой во Флориде, затем они переехали в Испанию, а позднее вернулись в Британию.

9. Возрождение Большой Игры: большевики против британцев

Когда большевики взяли в России власть, главное препятствие на пути мировой революции Ленин видел в Великобритании как имперской державе. В 1920 г. он заявил: «Англия — наш главный враг. Именно в Индии мы должны нанести ей самый сильный удар». По мысли Ленина, если бы удалось вырвать Индию из лап Британии, последняя больше не смогла бы покупать лояльность собственных рабочих посредством тяжкого труда и дешёвого сырья Востока. Результатом стали бы экономический крах и революция. Если бы удалось разжечь восстания по всему колониальному миру, то революция захлестнула бы всю Европу. «Восток, — говорил Ленин, — поможет нам завоевать Запад».

Британцы, несмотря на истощённость Первой мировой войной, не собирались уступать, а их разведка была самой мощной в мире. Важной ареной противостояния большевиков и британской разведки стало обширное пространство от Ирана до Тибета, где царил политический вакуум.

Одним из главных участников этой схватки был британский подполковник Фредерик Бэйли из политического и тайного департамента Индии. Летом 1918 г. он во главе небольшой группы был послан из Кашгара в Ташкент с задачей выяснить, что происходит в бывших владениях Российской империи в Туркестане. Даже Ленин имел об этом смутное представление, а тем, кто отвечал за оборону Индии, знать это было необходимо.

Идея отправить офицеров в Среднюю Азию принадлежала члену парламента от либералов Джозайе Уэджвуду, который сам успел отличиться в бурской и Первой мировой войне. Уэджвуд по-прежнему видел главную угрозу не в большевиках, а в немцах, и целью миссии Бэйли было противодействовать возможным происками Германии в Средней Азии. К этому времени та малая информация, которая доходила до британцев о Средней Азии после Октябрьской революции, поступала из Кашгара (консулом там 28 лет служил сэр Джордж Макартни) или Мешхеда (где агентурную сеть возглавлял подполковник Эрнест Редл). В Британии опасались, что выход России из войны откроет путь немецко-османским войскам через Центральную Азию в Индию. Задачей Редла в случае их вторжения было пробраться в Туркестан и уничтожить стратегически важную Закаспийскую железную

дорогу. Британцы опасались даже не столько регулярных немецких или османских войск в Центральной Азии, сколько подъёма всеобщего джихада против них в случае появления пусть одной-единственной такой военной части[1]. С 1915 г. британцы и русские совместно патрулировали границу Ирана с Афганистаном, чтобы не дать вражеским агентам пробраться в Афганистан. Крушение России застигло британцев врасплох, но русский сектор этого кордона был занят британскими военными под командованием генерал-майора сэра Уилфрида Мэллесона.

Опасения совместного немецко-османского нападения на Индию усугублялись присутствием в Русском Туркестане 40 тысяч бывших военнопленных, которых отправили туда после пленения на Восточном фронте (3 тыс. были немцами, остальные австрийцами и венграми). Формально они были теперь свободны, но по-прежнему жили в своих лагерях, надеясь на репатриацию; некоторые обрели жильё и даже работу по соседству. До Дели доходили сведения, что среди пленных активно действуют немецкие агенты, пытаясь организовать их в отряды для диверсионных операций в Северной Индии.

Вместе с тем дальновидные стратеги уже начинали размышлять о ситуации после окончания войны, о том, каковы будут долгосрочные намерения большевиков в отношении Азии. 7 декабря 1917 г. Ленин издал «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». На следующий день британский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен собрал пресс-конференцию и осудил призыв большевиков к восстанию индийцев. Однако через 18 дней Совнарком выделил 2 млн. золотых рублей на разжигание революции «во всех странах, независимо от того, воюют ли они с Россией, находятся ли с ней в союзе или нейтральны».

Группа, в составе которой был Бэйли, въехала на территорию Туркестана в июле 1918 г. 14 августа 1918 г. Бэйли и его спутник Блэкер сошли с поезда в Ташкенте и стали добиваться пресечения деятельности немецкого лейтенанта Циммермана среди бывших военнопленных. Бэйли обзавёлся в Ташкенте агентурой. 15 октября его арестовала и стала допрашивать ЧК. Он предупредил, что когда вести о его аресте достигнут британского парламента, он не позавидует людям, давшим на это санкцию. Бэйли сыграл на невежестве чекистов: те вообразили, будто палата общин — это какой-то революционный орган, одобрения которого им следует добиваться. Британца вскоре отпустили, но 20 октября он получил записку с предупреждением о новом аресте и возможном расстреле. В тот же день Бэйли обманул следивших за ним чекистов, войдя в один из домов и так и не выйдя из него — он вышел из другого дома в форме австро-венгерского военнопленного.

Обведя вокруг пальца чекистских агентов, Бэйли провёл 14 месяцев в бегах, что позднее описал в книге «Миссия в Ташкент». После его исчезновения большевики устроили в городе облаву. Бэйли намеренно пустил слух, будто движется к границе, надеясь перебраться в Кашгар. Не поймав его, ЧК успокоилась, сделав вывод, что либо Бэйли скрылся, либо его устранили немцы. Свидетельство в пользу второго предположения видели в том, что он исчез без своей зубной щётки. По мнению большевиков, англичане так не поступают (на деле у Бэйли была запасная).

[1] Ibid. P. 13.

Всё это время Бэйли оставался в Ташкенте, под боком у преследователей. Его приютила семья Лебедевых, пряча в подполе. Ташкент он покинул за 6 дней до перемирия 1918 г., управляя телегой с соломой и по-прежнему одетый в серую австро-венгерскую форму. Целью Бэйли было выяснить, какую помощь может получить Мэллесон от антибольшевистских сил в Средней Азии (он не знал, что британские части уже вернулись в Иран). Бэйли был убеждён, что большевики вскоре станут угрожать Индии, но понимал, что их власть в Средней Азии пока весьма хрупкая и этим надо воспользоваться[1]. Правда, не имея сообщения с Дели или Лондоном, Бэйли мог лишь догадываться о политике своего правительства в отношении большевиков. Чёткой политики тогда по сути не было. Победа Мэллесона под Ашхабадом и высадка британских войск в Архангельске, казалось, подтверждали интервенционистские намерения Британии.

Выбравшись из Ташкента, Бэйли укрылся на пасеке в Ферганской долине. Поэтому вопреки утверждениям советских историков, будто он сыграл ключевую роль в антибольшевистском восстании комиссара Осипова в Ташкенте января 1919 г., на момент восстания его в городе не было. Вместе с тем установлено, что Бэйли снабжал деньгами участника этого восстания, геолога и этнографа Павла Назарова. В архиве министерства по делам Индии сохранилась записка Бэйли с просьбой британскому консулу в Кашгаре полковнику П. Этертону передать агенту Назарова 200 тыс. рупий (15 тыс. ф. ст.)[2]. Однако после подавления восстания Бэйли сумел пробраться в Ташкент и, найдя возможность передавать информацию с помощью тайных курьеров, стал отправлять подробные отчёты о происходящем в Средней Азии (написанные невидимыми чернилами и с помощью шифра) Этертону в Кашгар и Мэллесону в Мешхед. Правда, большевики этих курьеров обычно ловили.

Что касается Мэллесона, то и в Мешхеде он не сидел сложа руки, а следил за перемещениями тайных эмиссаров между Кабулом и Ташкентом. «Не слишком приятный человек, Мэллесон был бесспорным мастером грязной стороны разведывательной деятельности и знатоком пограничной политики»[3]. Он немало поработал над тем, чтобы расстроить намечавшийся союз большевиков и афганцев. В речи перед Королевским центральноазиатским обществом в 1922 г. он рассказал: «Благодаря многочисленным агентам в обоих лагерях, имея весьма точное представление о происходящем и о том, как эти две заинтересованные стороны стремятся получше обмануть друг друга, мы занялись тем, что неофициально информировали каждую сторону о предательстве другой. Примерно в это время афганцы, услышав о серьёзном и перспективном антибольшевистском восстании в Фергане, были достаточно неосторожны, чтобы отправить лидерам повстанцев специальных посланцев с письмами и подарками. Мы посчитали своим долгом довести информацию об этом до большевиков»[4]. В немалой степени благодаря усилиям агентуры Мэллесона большевики прекратили обещанные афганскому амиру Аманулле поставки денег и оружия, подозревая, что тот разжигает в Средней Азии масштабное панисламское восстание против них (основания для подозрений имелись).

[1] Ibid. P. 61–62.

[2] Ibid. P. 63.

[3] Ibid. P. 82.

[4] Ibid.

Выбираясь из Средней Азии, Бэйли проявил почти невероятную смелость. От работавшего в ЧК серба Мандича он узнал, что большевики напуганы слухами, будто войска бухарского эмира обучают британские офицеры и в Бухаре даже стоит индийский полк. Большевики отправили в Бухару одного за другим 15 шпионов, но всех их задушила тайная полиция эмира. Бэйли вызвался стать 16-м, и Мандич убедил начальника разведки Дункова, что в Бухару готов отправиться один его албанский друг (за которого выдал себя Бэйли). Последнему вместе с Мандичем, его женой и ещё группой лиц удалось добраться до Бухары, а затем после стычки с красноармейским патрулём пересечь иранскую границу.

Проведя 17 месяцев на советской территории, Бэйли вернулся к своим героем и стал в советской Средней Азии легендой. Не случайно большевики предпочли объявить, что в той стычке на границе он был убит. На самом деле Бэйли, которого называют последним игроком Большой Игры, служил правительству Индии ещё 18 лет — политическим офицером в Сиккиме, резидентом в Шринагаре и, наконец, послом при непальском дворе. В 1938 г. Бэйли подал в отставку и уехал с женой на родину. Он умер в 1967 г. в Норфолке в возрасте 85 лет.

В то же время, когда Бэйли покидал Ташкент, из Кашгара за действиями большевиков наблюдал майор (позднее полковник) Перси Этертон. За свои 4 года пребывания в должности британского генерального консула в этом городе он вёл против большевиков безжалостную войну. Свив паутину агентуры, он регулярно посылал в Дели через перевалы Каракорума бегунов с сообщениями. К январю 1918 г. в Кашгаре установили радио, чтобы перехватывать радиосообщения большевиков между Ташкентом, Москвой и другими местами. Деятельность Этертона варьировалась от слежки за численностью большевистских гарнизонов по ту сторону границы до вброса в Ташкент из Индии пачек подрывной литературы.

Между тем советская власть совершала своё триумфальное шествие по России, а революционная агитация затронула даже британскую армию. Летом 1920 г. в Москве собрался II конгресс Коминтерна. Среди азиатских делегатов был заметен высокий индийский революционер с горящими глазами Манабендра Натх Рой. Он начал революционную карьеру подростком в антибританском террористическом обществе в Бенгалии, чуть не попался при контрабандном ввозе в Калькутту оружия и уехал в США, откуда перебрался в Мексику. Там его заметил агент Коминтерна Михаил Бородин, и они основали первую коммунистическую партию за пределами России — мексиканскую. На конгрессе Коминтерна Рой выступил против тезисов Ленина о необходимости для коммунистов вступить в союз с немарксистскими освободительными движениями в колониях, считая это буржуазным соглашательством. Однако именно тезисы Ленина стали официальной доктриной Коминтерна.

Дела большевиков шли в гору: интервенция провалилась, в гражданской войне победа осталась за ними, в феврале 1920 г. Фрунзе захватил Хиву, а в сентябре Бухару. В этих обстоятельствах Рой предложил сформировать в Средней Азии армию и захватить часть Индии. Добровольцев он предложил набрать из недовольных индийских мусульман, воспользовавшись халифатистским движением. Помимо этого Рой предложил вооружить пуштунов северо-западной границы, сыграв на их реваншистских настроениях после неудачной для них англо-афганской войны 1919 г. Рой надеялся на цепную реакцию — разжечь череду восстаний в Индии. Осенью

1920 г. конвой с оружием и инструкторами был готов к отправке из Москвы в Ташкент, который уже служил очагом распространения антибританской пропаганды. Рой основал в Ташкенте тайную военную школу.

Не дремали и британцы в Индии. В январе 1920 г. они учредили специальную разведслужбу для борьбы с большевизмом и слежки за агентами Коминтерна. Сотрудники новой спецслужбы читали письма подозреваемых, перехватывали и расшифровывали радиосообщения большевиков и внедряли агентов в индийские националистические группы, которых подозревали в связях с Москвой. Очень эффективной мерой оказался запрет циркуляции в Индии рублей: это затрудняло агентам Роя задачу действовать подкупом.

Большевики между тем стали распространять слухи, будто в Индию пробираются 400 индийцев-агитаторов с оружием и советским золотом, будто в Самарканде пропагандистская школа уже выпустила 3 тыс. агитаторов, причём четверть из них — индийцы. «Такие слухи явно распускались Москвой, чтобы породить в Индии тревогу. Важно, что они совпали с изменениями во внешней политике Ленина и могли иметь целью давление на британское правительство, побуждая его вступить в переговоры с Москвой о торговых отношениях. После провала революционного крестового похода в Европе Ленин остро нуждался в жизненно важных поставках промышленного оборудования для восстановления пошатнувшейся экономики России. Оборудование можно было приобрести лишь на Западе, а значит, во враждебной Британии. Ленин, похоже, собирался усидеть на двух стульях. Усиливая давление на Индию, он надеялся вырвать у Британии уступки — старая игра царизма, — не отказываясь от мечтаний о советской Индии»[1].

В начале 1920-х гг. поджечь Азию мечтал не один Ленин. Были и другие мессии, хотя и мельче масштабом. Об одном — Энвер-паше — рассказано выше. Другим был барон Роман Фёдорович фон Унгерн-Штернберг — русский буддист, считавший себя перевоплощением Чингис-хана. Это был человек с маленькой головой и измождённым лицом, с большим лбом над пронзительно смотрящими глазами, которые пожирали собеседника как глаза пещерного зверя. Он происходил из рода балтийских баронов и называл себя потомком Аттилы. Когда в 1911 г. между Монголией и Китаем вспыхнули военные действия, Унгерн командовал отрядом монгольской конницы. Он проникся любовью к монголам и их степям и даже принял буддизм ламаистского толка. В годы Первой мировой войны Унгерн воевал против немцев, показав себя храбрым воином. После разгрома белых армий Унгерн оказался в Сибири, кишевшей бандами казаков. У него родился план организовать из них и монголов армию, выгнать китайцев из монгольской столицы Урги и возродить империю Чингис-хана, после чего избавить Россию от большевизма.

Барону помогли японцы, весьма подозрительно смотревшие на намерения Москвы в Азии. Они предоставили ему оружие, средства и несколько десятков военных советников. Выдвинутая Унгерном идея Великой Монголии отвечала их идее паназиатизма; его будущую империю они видели своим протекторатом. Барон уже «прославился» жестокостью, и при приближении его армии (по разным оценкам, от 1200 до 6000 человек) население Урги впало в панику. По пути к барону присоединя-

[1] Ibid. P. 121–122.

лись остатки разбитых белых армий, так как не видели другого выхода. В октябре 1920 г. Унгерн напал на Ургу, но китайцы хорошо подготовились и отбили четыре приступа. Командующий китайским гарнизоном не стал его преследовать, что было ошибкой.

Когда в январе 1921 г. барон вернулся к Урге с более внушительными силами, обитатели неожиданно взглянули на него как на освободителя, поскольку жизнь в городе становилась всё тяжелее, китайцы ужесточали контроль. Унгерн пошёл на хитрость: ночью велел разжечь на холмах вокруг Урги большие костры. Это создало впечатление, будто Урга окружена со всех сторон почти сотней тысяч русских, тогда как у барона была всего 1700 человек, а китайский гарнизон Урги доходил до 12 тыс.[1] Если бы люди Унгерна не взяли города, мало кто из них пережил бы зиму, и это придавало им силы. К середине следующего дня они взяли верх и разграбили город, насилуя и убивая. Унгерн был убеждён в собственном военном гении и хвастал, что построит от Монголии до Москвы дорогу из виселиц.

Между тем стратегия Ленина по вырыванию уступок у Британии путём давления на Индию стала приносить плоды. В марте 1921 г. Лондон и Москва заключили сделку, которая позволила большевикам закупать оборудование. Это англо-советское торговое соглашение по сути принесло Советской России частичное признание со стороны крупнейшей империалистической державы (военный министр Черчилль и министр иностранных дел Кёрзон были против соглашения). Взамен премьер-министр Ллойд Джордж потребовал гарантий, что Москва прекратит всякую тайную деятельность против Индии.

В связи с этим Ленин был вынужден отменить грандиозный план Роя по вторжению в Индию и закрыть военную школу в Ташкенте. Впрочем, это не означало отказа Коминтерна от притязаний на Британскую Индию. Как писал Рой в мемуарах, начатая в Ташкенте работа должна была продолжаться в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В режиме глубокой тайны Ташкент продолжал функционировать как центр по разжиганию восстаний.

В Монголии в мае 1921 г. Унгерн повёл войска на север, на советскую территорию. Первые бои с Красной армией окончились неудачей, но Унгерн повторил вторжение, одержав две победы. Однако большевики к тому времени взяли Ургу. С остатками войск Унгерн направился к Китайскому Туркестану. Его люди разуверились в нём, на него совершили покушение. Наконец в пути барон соскользнул с седла и упал на землю без чувств, а его людям удалось уйти за китайскую границу. Унгерна нашёл красноармейский патруль, его судили в Новосибирске и 15 сентября 1921 г. расстреляли.

В Индии революционный призыв Роя к массам не достиг цели и даже, возможно, заставил Индийский национальный конгресс отказаться от радикализации действий, чтобы не быть обвинённым в связях с большевиками. В результате, по данным «The Times» от 1 января 1923 г., среди членов Политбюро ВКП(б) был распространён тайный меморандум за подписью Сталина. Хотя Роя в это время чествовали на IV конгрессе Коминтерна, тон меморандума был пессимистичен: «Теперь ясно, что на нынешнем этапе развития коммунизм полностью неприемлем для индийцев и предварительное условие — независимость. Наши пропагандисты не отдавали себе в этом отчёта и не сообщали об этом, а продолжали работать в совершенно ошибочном направлении»[2].

[1] Ibid. P. 131.

[2] Ibid. P. 166.

8 мая 1923 г. лорд Кёрзон прислал в Москву ультиматум: если в течение 10 дней она не отзовёт всех агентов, работающих против британцев за рубежом, двусторонние торговые отношения будут разорваны. В британской ноте были перечислены случаи нарушения большевиками торгового соглашения, включая просачивание агитаторов в Индию. Большевистские лидеры не поняли значения недавней смены правительства в Британии и были ошеломлены нотой Кёрзона. В своём официальном ответе они отрицали причастность к антибританским интригам на Востоке и указали на деятельность британских агентов на границах Средней Азии (включая помощь басмачам). Впрочем, тон советского ответа был примирительным. В конце концов Советская Россия уступила.

Вскоре британцы увидели угрозу Индии с другой стороны — из Китая, где военные советники из Советской России во главе с Михаилом Бородиным серьёзно укрепили Гоминьдан, куда просачивались китайские коммунисты. В подготовленном политическим департаментом министерства по делам Индии отчёте говорилось о «постепенном окружении Индии на суше большевизированными политическими организмами (entities)», причём указывалось на особую угрозу со стороны Синьцзяна. Во время консульства в Кашгаре Этертона (1918–22) британцы сдерживали влияние большевиков, но после его отъезда китайцы ослабили противодействие и позволили открыть советские консульства в Урумчи, Кашгаре и других городах Синьцзяна. Британская разведка выяснила, что согласно тайной сделке Гоминьдана с Москвой китайские провинции Синьцзян и Ганьсу с помощью советских денег образуют то, что политический департамент Индии считал «более или менее красной республикой». Находясь под «покровительством» милитариста Фэн Юйсяна, эта новая центральноазиатская республика вытянулась бы в сторону Индии как ятаган[1]. Аналитики опасались, что последует просачивание в Северную Индию советских агентов с пропагандистскими материалами, средствами и небольшими партиями оружия для подрывной деятельности.

К весне 1927 г. отношения Москвы и Лондона серьёзно ухудшились, и в Кремле опасались, что капиталистические державы собираются напасть на СССР. В это же время большевики потерпели крупную неудачу в Китае. В 1925 г. умер Сунь Ятсен, завещавший соратникам продолжать сотрудничать с Москвой. В борьбе за власть победил начальник штаба Гоминьдана генерал Чан Кайши. Он опасался роста влияния китайской коммунистов в своей партии и, получив обещания щедрых займов от шанхайских банкиров, перешёл в её правое крыло. Сначала Чан Кайши ещё нуждался в помощи коммунистов во время Северного похода на Пекин. Именно благодаря советским военным инструкторам под началом Бородина армия Гоминьдана одерживала победу за победой. Однако в 1927 г. Чан Кайши перестал нуждаться в коммунистах и устроил их резню, которая началась в Шанхае. Бородину и другим советским специалистам пришлось спасаться бегством.

В Москве Бородина и Роя сделали козлами отпущения за события, которые выходили за рамки их контроля. Бородин признал приписываемые ему ошибки перед следственной комиссией, и его оставили в покое (в 1951 г. он умер в ГУЛаге). Роя исключили из Коминтерна, и он быстро покинул СССР.

[1] Ibid. P. 186.

В январе 1928 г. с юга Туркестана во время охоты бежали в Иран два советских чиновника, одним из которых был Борис Бажанов; он не только служил личным секретарём Сталина, но и одно время исполнял обязанности секретаря Политбюро. Британская разведка в Иране быстро узнала о бегстве двоих русских и взяла их под покровительство. Их доставили в Шимлу, где их допросил глава индийской разведки Фредерик Айсмангер. Бажанов рассказал, что в СССР смотрят на войну с Британской империей как на неизбежность, но в ближайшем будущем стратегия заключается в её ослаблении изнутри. По иронии, через 18 месяцев к британцам перебежал человек, которому было поручено ликвидировать Бажанова, — глава советских подпольных операций в Иране Георгий Агабеков. По его словам, одной из его задач было подготовить племена курдов и бахтиаров к грядущей войне с Британией.

Британские власти Индии восприняли угрозу серьёзно, и были проведены аресты коммунистов. Результатом стал судебный процесс в Мератхе, целью которого было показать миру зловещие намерения Москвы в отношении Индии. Процесс растянулся на четыре с половиной года. В ходе процесса в Бомбее в Индии арестовали Роя, который приехал туда, чтобы попытаться поднять революцию. Его признали виновным и приговорили к 6 годам заключения. Позднее он разочаровался в борьбе и посвятил остаток жизни философскому течению, которое назвал «радикальным гуманизмом». Рой умер в 1954 г. в Дехрадуне.

Зато в Синьцзяне удача Москве улыбнулась. В 1930 г. против китайской власти восстало исламское население края — дунгане (китайцы-мусульмане) и уйгуры. Во главе восстания встал молодой дунганин полусолдат-полубандит Ма Чжунин. Он видел себя центральноазиатским махди, призванным освободить единоверцев от китайских угнетателей. Синьцзян погрузился в пучину священной войны, которая велась с большой жестокостью. В 1933 г. в Урумчи произошёл переворот и к власти пришёл способный военный Шэн Шицай.

В следующем году Ма Чжунин в третий раз подступил под Урумчи. Однако в это время интерес к Синьцзяну проявил Сталин. Во-первых, была опасность того, что мусульманское восстание перекинется на Среднюю Азию (там только что с трудом победили басмачей). Во-вторых, Ма поддерживал связи с Японией; в его штабе кроме турецкого полковника находились два японских советника. После захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. Сталина тревожили её амбиции в Азии. Как отмечала одна ташкентская газета, если бы Ма победил и пригласил в Синьцзян своих японских друзей, нефтяные месторождения Баку оказались бы в радиусе полётов японских бомбардировщиков. К тому же очутились бы под угрозой новые промышленные центры СССР в Западной Сибири, не говоря о Монголии.

Губернатор Шэн принял предложение Сталина о помощи с благодарностью. Первые части Красной Армии перешли китайскую границу в декабре 1933 г. Всего в Синьцзян вступили не более 2 тыс. советских солдат[1]. Вместе с войсками Шэна они разбили и преследовали дунган. Ма неожиданно передал командование сводному брату и уехал на территорию СССР, причина чего осталась загадкой. После подавления восстания Шэн Шицай стал ориентироваться на Советский Союз и активно развивал с ним экономическое и военное сотрудничество. «Используя свою марионетку

[1] Ibid. P. 226.

Шэна, рука Москвы теперь протянулась от Хами на востоке до Кашгара и Яркенда на западе. А Яркенд, как знал каждый стратег-любитель, контролировал жизненно важные проходы в Северную Индию»[1]. Как отмечено в справочнике разведки правительства Индии 1935 г., впервые в истории русская граница соприкоснулась с индийской.

Наблюдатели давали разные прогнозы. Британский писатель и путешественник Питер Флеминг, приехавший в Синьцзян по заданию *The Times*, скептически смотрел на перспективу советизации Синьцзяна. Немало поездивший по стране полковник Реджиналд Шомберг, напротив, заявил в отчёте, что в Индии и Британии советскую угрозу из Центральной Азии недооценивают. История показала, что прав был скорее Флеминг. В 1930-е гг. в СССР всё большую угрозу на Востоке видели не в британцах, а в японцах. Отсюда призыв Сталина к коммунистам, социалистам и националистам всего мира бороться с мировым фашизмом.

В октябре 1942 г., в тяжёлое время для Советского Союза, Шэн Шицай выдвинул ему ультиматум: в течение трёх месяцев отозвать своих советников. Оппортунист Шэн не собирался оказаться с проигравшими. СССР протестовал и подчинился, запечатав 25 нефтяных скважин и вывезя оборудование. Сталин вновь потерпел поражение в Азии после обнадёживающего начала. Шэн устроил в Синьцзяне антикоммунистическую «охоту на ведьм» с применением варварских пыток. Ориентироваться он стал на Чан Кайши. Однако когда в Европе Советская Армия стала теснить войска Гитлера, Шэн понял, что крупно просчитался. В апреле 1944 г. он объявил, что раскрыл заговор Чана с целью свергнуть его, обрушил репрессии на чиновников Гоминьдана в Синьцзяне и пригласил советских специалистов обратно, соблазняя СССР идеей полного присоединения края к советской Средней Азии. Сталин даже не ответил.

Чан Кайши, намереваясь избавиться от Шэна, предложил ему министерский пост-синекуру в центральном правительстве, и тот в сентябре 1944 г. согласился. Вскоре он со своим неправдами нажитым богатством переехал на Тайвань, где и умер. После победы в Китае коммунистов в 1949 г. советские специалисты вернулись в Синьцзян и немало сделали для развития региона, пока идеологическое расхождение между двумя соседями не привело к новому отъезду русских домой. Однако на этот раз Синьцзян всё время прочно оставался под контролем Пекина.

К этому времени Британия потеряла интерес не только к Синьцзяну, но даже к Индии. Что касается призрака Коминтерна, он её больше не тревожил. «Великая мечта Ленина об империи в Азии, как и мечты Штернберга, Энвера и Ма, кончилась крахом. В течение тридцати лет Восток упорно отказывался поджигаться от большевистского факела. Где-то когда-то всё пошло не так. Теневые операции Коминтерна в Азии, как и в Европе, были в основном пустой тратой денег и сил. Единственным прочным приобретением Москвы стала Монголия»[2].

[1] Ibid. P. 229. Ориентироваться на иностранную державу — одно, а выступать её марионеткой — всё-таки другое. Автор порой так же необоснованно преувеличивает геополитическое влияние России на её евразийских рубежах, как это делали британские стратеги Индии, о которых он пишет. Можно сказать, что Синьцзян в то время находился в орбите Советского Союза, но советской марионеткой Шэн Шицай не был. См., например: Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003; Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. — *К.Ф.*

[2] Ibid. P. 240. Упоминая перед этим приход коммунистов к власти в Китае, автор сам себе противоречит. Для СССР то был крупнейший успех в Азии. Другое дело, что, встав на ноги, КНР не захотела оставаться «младшим братом». — *К.Ф.*

10. Западные путешественники в Тибете в первой половине XX в.

После возвращения военной экспедиции Янгхазбенда в Тибет 1904 г. в Европе стали выходить книги, в которых наконец раскрывались тайны святого города буддизма. Всего через четыре месяца после отъезда оттуда участника экспедиции Персивала Лэндона вышел его двухтомник «Лхаса» с фотографиями. За ним последовали «Разоблачение Лхасы» Э. Кендлера, «Лхаса и её тайны» подполковника Л. Уодделла и «Наконец в Лхасу» некоего Пауэлла Миллингтона, настоящее имя которого так и не было раскрыто. В следующем году вышла работа капитана У. Оттли «С конной пехотой в Тибет». Наконец через четыре года был опубликован скромный отчёт самого Янгхазбенда — «Индия и Тибет».

«После столь мощного разоблачения Лхаса уже не могла претендовать на то, чтобы быть самым таинственным городом в мире. Для исследователей и путешественников гонка за тибетскую столицу завершилась. Теперь там, казалось, побывал каждый рядовой индийской армии. Однако если Лхаса уступила любопытному миру последние из своих секретов, в этой загадочной земле площадью около половины Европы ещё существовали обширные полосы территории, которые предстояло изучать и картографировать. Там не только были исполинские горы, которые следовать покорить (включая высочайшие пики мира), но и новые растения и, возможно, неизвестные животные, которых предстояло открыть. Для тех, кто интересовался оккультизмом или паранормальными явлениями, Тибет с его рассказами о людях, способных летать и совершать другие удивительные подвиги, обещал немало находок. А если было недостаточно и этого, всегда существовало и его золото»[1].

Однако те, кто думал, что теперь попасть в Тибет будет легче, должны были разочароваться. Британское правительство решило, что страна должна остаться запретной. Премьер-министр сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман больше не хотел проблем с Тибетом. Одним из первых, кто почувствовал запрет на себе, оказался Свен Гедин. Индийское правительство не пустило исследователя в Тибет, но он обманул власти, поехав для отвода глаз на север якобы в Китайский Туркестан, а на деле внезапно совершив бросок на восток в Тибет, где два года путешествовал, нанося

[1] Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World… P. 194.

на карты реки, горы и священные озёра. Британское правительство оценило его научный вклад, наградив рыцарским званием.

Критики британской политики в отношении Тибета имелись и в рядах администрации Индии. Появившийся в Гьянцзе торговый агент капитан Ф. О'Коннор убеждал своё начальство в условиях продолжающегося отсутствия далай-ламы начать поддерживать панчен-ламу и снабдить его современными ружьями. На это власти не пошли, но в 1907 г. прислали панчен-ламе первый в Тибете автомобиль («Клемент»).

Видя, как британцы один за другим сдают пункты конвенции, ради заключения которой они пошли на такие тяготы, китайцы, должно быть, были сбиты с толку не меньше тибетцев. Однако они видели, что Британия намеревается умыть руки, и собирались заполнить образовавшийся вакуум. В апреле 1906 г. Британия подписала с Китаем договор, по которому по сути признала его верховную власть над Тибетом. А в 1907 г., как сказано выше, была заключена тайная англо-русская конвенция, имевшая отношение и к Тибету.

За этим последовало вторжение в Тибет китайцев, и едва вернувшийся в Лхасу далай-лама XIII с министрами вновь бежал, на этот раз в Сикким. Когда в 1911 г. в Китае разразилась Синьхайская революция и маньчжурская династия была сметена, в Лхасе началась окопная война. В ходе этой войны значительная часть города была разрушена. Китайцам стало не хватать провизии, и в обмен на беспрепятственное возвращение домой они сложили оружие. В 1913 г. далай-лама вторично вернулся в столицу и объявил Китаю о намерении взять полный контроль над Тибетом в свои руки. Пекин оспорил это решение только через 37 лет.

Будучи в Сиккиме, далай-лама сдружился с британским резидентом Чарлзом Беллом. В 1913 г. по инициативе последнего в английскую школу Рагби отправили четырёх тибетских мальчиков. Эксперимент удался лишь частично: мальчики почти забыли родной язык, а главное, слишком многие в ламской иерархии не приняли самой идеи отправки детей в Англию. Правда, один из выпускников Рагби содействовал электрификации части Лхасы. В ходе Первой мировой войны далай-лама молился за победу Британии и предложил ей тысячу воинов. Также благодаря влиянию Белла британские альпинисты после войны получили преимущество над соперниками в гонке за покорение Эвереста.

Высоту этой горы Топографическая служба Индии вычислила ещё в 1852 г. с помощью измерений, сделанных на равнинах Индии. Гору назвали в честь основателя этой службы сэра Джорджа Эвереста. Впервые идею экспедиции к Эвересту высказал в 1893 г. известный путешественник по Гималаям лейтенант Чарлз Брюс. Второе предложение было сделано через 13 лет, и британское правительство тоже отвергло его — из-за переговоров об англо-русской конвенции 1907 г. В апреле 1913 г. в Тибет из Сиккима проник капитан Джон Ноэл, нарядившись местным жителем и без разрешения своего правительства и Лхасы. Наняв трёх местных жителей, он подобрался почти к самому Эвересту, но на расстоянии 40 миль от него был вынужден отправиться назад после вооружённой стычки с тибетцами. Однако собранные им сведения о маршруте пригодились первой официальной экспедиции, которая состоялась благодаря влиянию Белла на далай-ламу.

Едва ли экспедиции альпинистов имели бы место, если бы далай-лама не пригласил своего друга Белла в Лхасу — он стал первым приглашённым туда ев-

ропейцем. Альтернативным путём был Непал, а эта страна была ещё закрыта для европейских путешественников. Главной причиной дружественного жеста далай-ламы XIII были стычки его войск на восточной границе с отрядами нового республиканского правительства Китая. Теократический правитель надеялся, что Белл (хотя и в отставке) убедит своё правительство снабдить Тибет современным оружием и военными специалистами. Тот прибыл в Лхасу в 1920 г. В мае 1921 г. небольшая группа альпинистов была отправлена к Эвересту Королевским географическим обществом и Альпийским клубом. В её состав входил лучший альпинист своего времени Джордж Лей-Мэллори. Четырёхсотмильный путь к стоявшему у Эвереста монастырю Ронгбук занял месяц. Это был самый высокогорный монастырь в мире. Здесь британцы впервые услышали о йети, которые иногда уносили женщин или прокусывали шею якам и пили кровь. Началось восхождение, альпинистам пришлось пользоваться принесённым с собой кислородом, так как никто до этого не забирался выше отметки 7500 м. При восхождении обрушилась лавина, и 8 сопровождавших экспедицию шерпов погибли. Позднее карабкавшиеся к вершине Мэллори и Ирвин исчезли. Их гибель в Тибете, как гибель Скотта и его спутников на Южном полюсе — одна из эпопей в истории географических исследований. Это заставило экспедицию повернуть назад, но стало ясно, что Эверест можно покорить.

В 1933 г. член лондонского аэроклуба Морис Уилсон вознамерился покорить гору с помощью самолёта: долететь до середины Эвереста, а затем карабкаться к вершине. Тренировка Уилсона состояла из голодания: он был убеждён, что если желудку требуется всё меньше и меньше пищи, можно пустить высвободившиеся силы организма на дыхание, увеличив приток кислорода. К этому он добавлял мистическое измерение. По его мнению, если человек обходится без пищи около трёх недель, он может достичь полусознательного состояния на грани жизни и смерти, из которого вышел бы очищенным от всех телесных и духовных недугов. Когда выяснилось, что Уилсон собирается нарушить правила воздушного сообщения пролётом через Непал, власти Индии конфисковали его частный самолёт. Тогда Уилсон нанял в Дарджилинге трёх шерпов, и те провели его через границу. Не обладая навыками альпиниста и не имея верёвок, Уилсон всё же смог достичь высоты 6400 м, где первая экспедиция разбила свой третий лагерь. Оставив там шерпов, англичанин полез выше, но не дошёл. В следующем году альпинист Эрик Шиптон нашёл его тело в уже разорванной к тому времени бурями палатке: альпинист-любитель умер от истощения.

«Хотя Лхаса во многом потеряла свою притягательность, нелегально переходить тибетскую границу начала целая череда нарушителей, включая мистиков охотников за растениями, исследователей и просто искателей приключений. В то время как их страна ещё официально была закрыта для всех иностранцев (за исключением тех немногих, кого приглашал сам далай-лама), тибетцы значительно снизили бдительность на перевалах, ведущих в Британскую Индию, которую считали дружественной. При условии, что путешественник по достаточно широкой дуге обходил Лхасу, явиться незваным гостем в Тибет в 1920-е годы было гораздо менее трудным или опасным, чем в любое время с того момента, когда страна в XVIII в. повернулась к миру спиной. Как показывают документы этих нарушите-

лей, некоторые из них сперва добивались разрешения. Однако если им отказывали, они шли всё равно»[1].

Одним из таких нарушителей была исследовательница тибетского буддизма француженка Александра Дэйвид-Нил. Это была первая белая женщина, побывавшая в Лхасе. В Тибет она проникла в 1923 г. в возрасте 54 лет, уже поездив по Азии. Дэйвид-Нил вместе с молодым сиккимским монахом Йонгденом (позднее её приёмным сыном) побывала в Бирме, Китае, Корее, Японии. Почти три года они прожили в монастыре Кумбум на северо-восточной границе Тибета, изучая тантрический буддизм и переводя священные тексты. Спрятав карты и путевые заметки в обуви, Александра и Йонгден проникли в Тибет и странствовали под видом тибетцевнищих, совершающих паломничество к святому городу. Однажды после преодоления особенно высокого перевала они остановились раскинуть палатку и обнаружили, что у них промокли кремень и огниво. До восхода было несколько часов, и если бы они легли спать в мокрой одежде и без огня, то замёрзли бы насмерть. Александра совершила ритуал *тхумо рескянг*, которому её научили в Тибете. Это способ произвольно повысить температуру тела, чтобы выжить на морозе. Француженка прижала кремень и огниво к телу под рубищем и сконцентрировалась. По её словам, вскоре она увидела окружившие её языки пламени и заснула. Проснувшись, она обнаружила, что её тело согрелось, и они смогли добыть огонь из кремня. Это паранормальное явление неоднократно наблюдали европейские путешественники. Если самосогревание ещё находится в рамках научной достоверности, едва ли то же можно сказать об искусстве летать — *лунгдом*, которое Александра, по её словам, наблюдала в предыдущее посещение Тибета в 1914 г. Однажды она увидела на горизонте человека, который передвигался на большой скорости с помощью удивительных прыжков; он не бежал, а, казалось, отталкивался от земли подобно упругому мячу. Полстолетия назад читающая публика была более падкой на такие сенсации, и в таинственном Тибете возможно было всё. Книги Александры Дэйвид-Нил появились в то время, когда интерес к восточной мистике и оккультизму находился в зените, а зародился он с работ серьёзных учёных XIX в., таких как Макс Мюллер, а также с более сомнительных сочинений Елены Блаватской.

Добравшись до Лхасы, Александра и Йонгден два месяца свободно бродили по этому «ламаистскому Риму». Некоторые тибетцы всерьёз уверяли её, будто Белл приехал в Лхасу получить приказы далай-ламы для британского короля. Путешественникам пришлось спешно покинуть город, когда выяснилось, что они должны давать свидетельские показания в суде (что могло разоблачить их). Во Франции Дэйвид-Нил получила золотую медаль Географического общества и орден Почётного легиона. Она умерла в 1969 г. в возрасте ста лет.

За год до француженки в Тибет из Индии, переодевшись в носильщика при караване, проник доктор Уильям Макговерн из Школы восточных исследований в Лондоне. Однако в Лхасе он заболел дизентерией и, похоже, воспалением лёгких, и ему пришлось открыться властям. У дома собралась большая толпа, которая кричала «Смерть иностранцу!» и в окна швыряла палки и камни. Правда, никто не знал, как Макговерн выглядит, поэтому ему удалось скрыться через боковую дверь. Бо-

[1] Ibid. P. 220.

лее того, как рассказал он в своей книге «Переодетым в Лхасу», он даже присоединился к толпе, кричал и даже швырнул небольшой камень в собственное окно. Почти месяц англичанин оставался в городе под домашним арестом, а затем после аудиенции у далай-ламы был отправлен в Индию под вооружённым эскортом.

«Престиж побывать в Лхасе, будь то легально или нелегально, начинал потихоньку уменьшаться. Кроме сэра Чарлза Белла там побывали по приглашению два других британских чиновника — сам Макдоналд и политический офицер в Сикким полковник Эрик Бэйли. Не только тайны Лхасы были открыты внешнему миру чередой посетителей — приглашённых или незваных, — но и сама она практически перестала быть запретным городом»[1].

В документах правительства Индии того времени, относящихся к «несанкционированному проникновению» в Тибет, фигурирует мисс Гертруда Бенхэм. Вскоре после возвращения Дэйвид-Нил она проникла в страну и добралась до Гьянцзе. Через четыре года, в 1929 г., она опять попыталась пробраться в страну. Полковник Бэйли написал: «Она принадлежит к плохому типу британского путешественника, поэтому позволять е й проникнуть в Тибет не следует»; объяснения не содержится. В 1937 г. 25-летняя шведка мисс Айна Седерблом въехала в Сикким, но не подписала обычную декларацию, по которой приезжающие обязывались не пытаться въехать в Тибет. Она проникла в страну, переодевшись тибеткой (чиновники Раджа быстро узнали об этом от пограничной сети разведки). Прикреплённый к британской торговой миссии в Ятунге врач капитан У.С. Морган получил инструкцию поймать и выдворить мисс Седерблом, что и сделал.

В межвоенный период среди альпинистов ходили слухи о существовании на восточной границе Тибета ещё более высокого пика, чем Эверест; местные знали его под названием Амнэ-Мачин. Первым западным путешественником, который увидел эту гору (хотя и за много миль), был британский военный атташе в Пекине генерал Джордж Перейра в 1922 г. В 1925 г. к этому пику во главе небольшой, но хорошо вооружённой экспедиции отправился американский ботаник Джозеф Рок, который провёл много лет в поисках неизвестных науке растений на китайско-тибетской границе. В течение нескольких месяцев экспедиция не могла попасть в место назначения из-за отличавшейся зверствами войны между мусульманами и тибетскими племенами. Население было настолько известно своими жестокостями, что китайские войска в этот район не совались. Рок и его группа наконец добрались до верховьев Хуанхэ, где наткнулись на монаха, который «печатал» священные образы Будды на воде с помощью медной формы на деревянной доске: по его мнению, этим он приобретал религиозные заслуги. Подойдя к нужному хребту, Рок насчитал 9 пиков, но, не имея с собой теодолита (странно, что в такую экспедицию прибор не взяли), он не мог измерить высоту крупнейшего из них с научной точностью. Однако он заявил, что высота горы не менее 8500 м. Легенда укоренилась, и целое поколение альпинистов и исследователей верило в существование такой горы. Прошло более 20 лет, пока не установили истинную высоту Амнэ-Мачин — всего 6282 м.

Некоторые собиравшие растения британские чиновники во время и после Второй мировой войны имели возможность работать в богатом ещё не открытыми ви-

[1] Ibid. P. 228–229.

дами районе Лхасы. В это время в столице Тибета существовала небольшая британская миссия, юридический статус которой был нечётким; специального письменного соглашения не было. По договору Янгхазбенда британские чиновники могли въезжать в Тибет не дальше Гьянцзе, но если далай-лама хотел, он мог приглашать отдельных чиновников в Лхасу. Так посетил её в 1920 г. сэр Чарлз Белл. В 1924 г. за ним последовал полковник Бэйли, а в 1930 г. — его преемник на посту политического офицера в Сиккиме полковник Лесли Уэйр с женой. Через два года Уэйр вторично посетил Лхасу, так как далай-лама искал британской помощи против китайцев. Преемник Уэйра Гарри Уильямсон тоже посетил Лхасу дважды и там и умер: когда он заболел, в Калькутте хотели послать за ним самолёт, но тибетские власти воспротивились, опасаясь разгневать этим духов (в Лхасе прежде не садился ни один самолёт). В 1937 г. Лхасу по приглашению тибетцев посетил политический офицер в Сиккиме Гоулд.

После смерти далай-ламы XIII у тибетцев опять возникли проблемы с китайцами и они искали совета британцев. Китай под видом миссии соболезнования основал в Лхасе небольшое представительство и не собирался его закрывать. Гоулд, уезжая, оставил в Лхасе чиновника Хью Ричардсона, который сделался выдающимся знатоком Тибета. Китайцы протестовали, но тибетцы заверили их, что как только те выведут собственную миссию и прекратят радиовещание, о том же попросят британцев. Пекин не собирался отказываться от присутствия в Лхасе, поэтому маленькая британская миссия стала более или менее постоянной, хотя и без дипломатического статуса.

В годы Второй мировой войны эту миссию возглавлял сначала известный собиратель растений Фрэнк Ладлоу, а затем его спутник-ботаник капитан Джордж Шеррифф с женой. Шерриффы познакомили тибетцев с настольным теннисом и крикетом, причём ламы научились обманывать партнёра, используя свои длинные одеяния для скрытного перемещения крикетного мяча. У миссии был кинопроектор, и тибетцы без устали смотрели Чарли Чаплина.

Однажды ночью в ноябре 1943 г. грузовой самолёт ВВС США попал в тропическую бурю над горами Северной Бирмы. Экипаж в составе пяти человек, включая командира — лейтенанта Роберта Крозье — возвращался из Куньмина на юго-западе Китая (американцы снабжали Чан Кайши в войне с японцами) на базу Джорхат в Северной Индии. До этого снабжение шло наземным путём через Бирму, но быстрое наступление японцев сделало его невозможным. Несмотря на давление Британии и угрозы со стороны Китая, тибетцы отказались пустить снабжение по своей территории, желая соблюсти нейтралитет.

О приключении лейтенанта Крозье и его команды поведал он сам после войны, и была издана книга «Прыжок на Землю бога». Попав в бурю, экипаж самолёта понял, что заблудился; радио вышло из строя, кончалось горючее. Теряя высоту, команда с изумлением увидела огни города, но без аэродрома — это была Лхаса. Пилоты катапультировались, а самолёт врезался в подножие горы и взорвался. Американцы очутились близ горной деревни Цетанг и стали объектом недоверчивого, но дружественного любопытства. Из Лхасы прибыл чиновник с приказом препроводить американцев в столицу. Население снабдило их меховой одеждой, обувью и одеялами. По прибытии в Лхасу китайские представители приветствовали амери-

канцев как союзников. В китайской миссии в городе был дан обед, но вдруг у миссии собралась толпа разгневанных тибетцев. Как с удивлением узнали американцы, те были возмущены их святотатством: пролетев над Лхасой, американцы как бы взглянули на далай-ламу сверху, что недопустимо. В дом полетели камни. Однако китайцы, сев верхом, направили лошадей на толпу и стали разгонять её плетьми, поддержанные группой тибетских полицейских. Американцы укрылись в здании британской миссии у Шерриффов, а в декабре 1943 г. в сопровождении солдат уехали из Лхасы к индийской границе.

История австрийских альпинистов Генриха Харрера и Петера Ауфшнайтера, которые бежали, будучи интернированными в Британской Индии, и в январе 1946 г. достигли Лхасы, слишком известна. Харрер стал наставником и другом юного далай-ламы XIV, познакомив его с современной наукой и историей[1]. Менее известна другая история побега в Тибет во время Второй мировой войны; она изложена в книге поляка Славомира Равича «Долгий путь». Автор с семью товарищами бежал из сибирского ГУЛага и через Тибет добрался до Индии. Одни считают его книгу шедевром литературы о путешествиях, но другие, знакомые с регионом лучше, поставили достоверность рассказа под сомнение. Немало ездивший по Центральной Азии до войны Питер Флеминг выразил удивление, как Равич мог пересечь главную военную дорогу между Ланьчжоу и Урумчи и не помнить её. Как мог он достичь Тибетского нагорья и не заметить горного бастиона, который ему пришлось бы преодолеть в первую очередь? Когда через 14 лет вышла книга, ни три выживших спутника Равича, ни сотрудники больницы в Калькутте, где он поправлял здоровье, ни директор военной разведки Индии ничего об этом эпизоде не рассказали. Равич, поселившийся под Ноттингемом, объяснил, что они были не исследователи, а голодные беглецы, и не помнить пересечённых дорог или гор для них естественно, тем более что карт у них не было.

Ещё одним бестселлером о Тибете стала книга «Третий глаз», написанная якобы ламой по имени Лобсанг Рампа. Автор познакомил читателей с тайнами тибетского монастыря, где, по его словам, его в возрасте 7 лет выбрали для операции с целью открыть его «третий глаз». По его утверждению, ему в лоб вживили деревянную щепку, стимулируя железу ясновидения. Автор красочно описал, как имел мистический опыт «живой смерти» в вулканических пещерах под Поталой. Публика жадно ловила каждое слово этого бестселлера — даже после того, как вскрылась истина. Автором оказался водопроводчик из Корнуолла Сирил Хоскинс с тя-

[1] К сожалению, Хопкирк не говорит о геополитической и оккультной составляющей экспедиции Харрера и других посланцев нацистской Германии в Тибет. Однако на эту тему существуют увлекательные работы, такие как: Воробьевский Ю. Аненербе — оккультный меч рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2004; Кранц фон, Г.-У. Аненэрбе. «Наследие предков». Секретный проект Гитлера. СПб.: Вектор, 2006. Вообще жаль, что в контекст Большой Игры Хопкирк поместил Тибет лишь рубежа XIX–XX вв., а при взгляде на эту страну в первой половине XX в. ограничился поездками туда путешественников, без рассмотрения Тибета на фоне широкой панорамы евразийской геополитики (в отличие от того, как он рассмотрел Среднюю Азию, Афганистан и Кашгарию XIX в.). Пробел восполняют новейшие книги других авторов, прежде всего: Шишкин О.А. Битва за Гималаи: Путь в Шамбалу. НКВД: магия и шпионаж. М.: Яуза, 2003; Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. N.Y.: Basic Books, 2006. В частности, в этих двух книгах подробно поведано о роли Н.К. Рериха в его малоизвестной ипостаси агента спецслужб. — *К.Ф.*

гой к оккультизму. В Тибете он никогда не бывал, а после разоблачения объяснил репортёрам, что в тибетском монастыре жил… в предыдущей реинкарнации. История с Хоскинсом показала, что интерес публики к Тибету в середине XX в. оставался столь же ненасытным, как и в XIX.

В 1950 г. Тибет заняла армия коммунистического Китая. Далай-лама XIV взывал о помощи к другим странам, к ООН, но безуспешно. Сначала китайцы вели себя в отношении местного населения сдержанно, но видя, что тибетцы не в восторге от их присутствия, развернули антирелигиозную кампанию. Началось вооружённое партизанское сопротивление, а в 1959 г. в Лхасе вспыхнуло антикитайское восстание. Одни видят в этом опасения тибетцев за свою религию и образ жизни, другие — руку ЦРУ. Как бы то ни было, восстание было подавлено, далай-лама бежал в Индию, и за ним эмигрировали около 80 тыс. тибетцев[1]. Подавление восстания навредило образу КНР в «третьем мире». Китайские власти стали искоренять влияние монастырей и крупное землевладение. В годы «культурной революции» хунвэйбины уничтожили ещё уцелевшие святыни.

После смерти Мао власти КНР признали, что имели место перегибы, и ослабили хватку («правило 31»): прекратили религиозные гонения, восстановили традиционные тибетские методы хозяйствования. Даже далай-лама теперь не утверждает, будто для обычных тибетцев китайцы не сделали ничего. Тем не менее власти разгоняют антикитайские выступления и переселяют в Тибет ханьцев. Сегодня страна подверглась и новому вторжению — западных туристов. Возможно, тибетцы уже смирились с потоком незваных гостей. «Даже если это и так, трудно не чувствовать некоторую симпатию к этому мягкому, весёлому и немало вытерпевшему народу, который всегда просил внешний мир лишь об одном — оставить его в покое»[2].

[1] Ibid. P. 260.

[2] Ibid. P. 266.

11. По следам Кима

В завершение — о романе Редьярда Киплинга «Ким» о мальчике-шпионе, который с детства был любимой книгой Хопкирка. Эта книга и пробудила в нём интерес к Большой Игре.

В детстве Хопкирк мечтал вступить в англо-индийскую армию, но родился слишком поздно для этого: в августе 1947 г. (когда ему ещё не было и 17 лет) британцы ушли из Индии. Однако послужить в колониальных войсках будущий исследователь успел — в Сомали в рядах Королевских африканских стрелков. В советскую Среднюю Азию он впервые попал в 1968 г., посетил также Кашгар, Кабул, Монголию, Северный Пакистан и Гималаи — все места, связанные с Большой Игрой. Работая корреспондентом газеты *The Times* по Ближнему и Дальнему Востоку, Хопкирк всё же находил время для написания книг об имперском соперничестве в Центральной Азии. К 1994 г. он вернулся к началу своей деятельности и решил отыскать прототипов персонажей «Кима» и проехать по маршруту путешествий главного героя[1].

Идея персонажа Кима пришла Киплингу в голову летом 1892 г. Оригинальная рукопись романа хранится в Британской библиотеке, подаренная автором в 1925 г. Роман был впервые опубликован в декабре 1900 – октябре 1901 г. в нью-йоркском ежемесячнике «McClure's Magazine». Первое издание книги появилось 1 октября 1901 г. в издательстве «Macmillan»; иллюстрации рисовал отец Киплинга, одарённый художник.

В начале романа сироте-ирландцу Киму было 13 лет; киплинговеды выяснили, что мальчик должен был родиться 1 мая 1865 г. В том же году родился сам Киплинг, который отчасти писал роман как автобиографию. Маленький Редьярд провёл значительную часть детства, общаясь с индийскими слугами; неудивительно, что на хиндустани он изъяснялся свободнее, чем по-английски. Вместе с тем написанием «Кима» Киплинг во многом обязан глубоким познаниям об Индии своего отца. Именно Локвуд Киплинг — основатель Лахорского музея — послужил прототипом белобородого куратора «Дома удивительных вещей» в романе.

Кроме самого автора имелись у Кима и другие прототипы, например, загадочный молодой человек по имени Дьюри, сын британского солдата и индианки, который в 1812 г. появился в бунгало политического офицера М. Элфинстона после пу-

[1] Hopkirk P. Quest for Kim: In Search of Kipling's Great Game. L.: John Murray, 1996. P. 6–11.

тешествия через Афганистан под видом мусульманина. Другим прототипом Кима послужил сын ирландского сержанта и тибетки Тим Дулан[1]. Существует отдалённое, но узнаваемое сходство Кима с Маугли.

Поскольку Ким предположительно родился одновременно с Киплингом, 13 лет (когда открывается повествование) ему должно быть в 1878 г., когда Большая Игра как раз находилась в зените. Газета, с которой позднее сотрудничал Киплинг, — *Pioneer* — была весьма русофобской. Русофобские мотивы в его рассказах и поэмах присутствуют. Примеры — рассказ «Человек, который был» (1890 г.) о визите казачьего офицера в британский полк в Пешаваре и стихотворение «Перемирие с медведем» (1898 г.) о вероломном медведе, который покалечил пощадившего его человека.

Свой путь по стопам Кима Хопкирк начал с Лахора. Он выяснил, что прототипом монастыря, откуда пришёл тибетский лама, послужил монастырь Лунг-Кар. Побывав в Лахоре у музея, Хопкирк увидел пушку Замзама и нескольких пакистанских мальчиков на ней: за последние сто лет здесь изменилось очень мало. Лахорский музей был построен для Панджабской выставки 1864 г., а в 1890 г. началось строительство нового здания музея, который сейчас известен своими буддийскими и исламскими коллекциями, принимая в год 600 тыс. посетителей[2]. Старое здание «Дома удивительных вещей» ещё существует, превращённое в крытый рынок. Сам Киплинг знал индийские кварталы старого Лахора лучше любого другого англичанина.

Другой персонаж романа, торговец лошадьми и агент британской разведки Махбуб Али списан с реального афганца, которого Киплинг знал, будучи молодым журналистом. Приезжая в Лахор, тот заходил к «Каппилин-сахибу», снабжая его сведениями о событиях за Хайберским проходом. Хопкирк побывал на месте лошадиного рынка Султан-серай и обнаружил, хотя и плохо сохранившиеся, деревянные ворота того времени.

Следуя по пути Кима с ламой, Хопкирк проехал по железной дороге из Лахора до пограничного с Индией местечка Вагах, вернулся в Лахор, затем въехал в Индию на такси и добрался до Амбалы. В описанную в романе эпоху это был значительный гарнизонный город на стратегической Великой колёсной дороге от Калькутты до Хайберского прохода. В Амбале автор искал дом, который напоминал бы таковой полковника Крейтона из романа, и нашёл бунгало, которое было старше и больше прочих. В саду была прибита табличка с именем современного владельца — какого-то полковника.

Прототипом полковника Крейтона скорее всего послужил начальник индийской разведки капитан (позднее полковник) Томас Монтгомери. Киплинг, несомненно, знал о деятельности пандитов. Не случайно идея кодовых имён шпионов в романе (C25, R17 и E23) заимствована у Монтгомери.

Хотя в описанное в «Киме» время в Индии не было всевидящей спецслужбы, которую столь живо изобразил Киплинг, продвижение России по Средней Азии в южном направлении беспокоило британских военных в Шимле. В 1879 г. они создали Отдел разведки в составе пяти офицеров и двух клерков-индийцев. Его задачей было собирать информацию о расположении русских войск и русских военных картах региона, а также переводить на английский военную литературу. Однако разведка невоенного характера, особенно вопросы, связанные с благонадёжно-

[1] Ibid. P. 23.

[2] Ibid. P. 47.

стью махараджей и племенных вождей, была епархией Иностранного и политического департамента Британской Индии. Тем не менее Киплинг продемонстрировал предвидение: в 1904 г. британцы учредили спецслужбу, которая напоминала охватывавшую всю Индию шпионскую сеть Крейтона. Это было реакцией на брожение в стране, вылившееся в волну терроризма против британских чиновников.

Школы св. Ксавьера, куда в романе отправили Кима, в Лакхнау не существовало. Однако мало кто из киплинговедов сомневается, что школа смоделирована по одной из самых известных в Британской Индии публичных школ — колледжу *La Martinière* в том же Лакхнау. Основателем колледжа был французский авантюрист Клод Мартэн, который дослужился до генерал-майора в армии Ост-Индской Компании и стал миллионером. Перед смертью в 1800 г. он завещал крупную сумму на содержание названной его именем школы для мальчиков[1].

Город Шимла, куда перенеслось действие романа из Лакхнау, во времена Кима был летней столицей Британской Индии. Прототипом Лурган-сахиба, который обучал Кима в Шимле шпионскому искусству, стал некий А.М. Джекоб. Этот загадочный человек выдавал себя за турка, но некоторые считали его армянином или польским евреем, родившимся в Турции. Десяти лет Джекоба продали в рабство к богатому паше, и он глубоко познал восточную жизнь, языки и искусство. Служил секретарём у придворного в Хайдарабаде, перебрался в Дели, где стал торговать драгоценностями, а в 1870-е гг. объявился в Шимле, где был окутан тайнами благодаря своим предполагаемым магическим способностям. Дела Джекоба стали ухудшаться, когда он не получил возмещения за проданный низаму Хайдарабада бриллиант «Виктория». Джекоб стал банкротом, был вынужден продать имущество и перебрался в Бомбей, где умер в 1921 г. По-видимому, Киплинг знал, что Джекоб тайно работает на правительство Британской Индии, поэтому и сделал его в романе правой рукой Крейтона.

Прототипом бенгальца Хари Чандера Мукерджи (или Бабу/R17) выступил пандит Сарат Чандра Дас, который совершил два путешествия в Тибет. По возвращении он жил в Дарджилинге, собирая сведения о Тибете для индийского правительства и посвятив себя изучению страны.

Ким борется в романе с двумя иностранными шпионами — русским и французом. Французская угроза Индии существовала в начале XIX в., а в 1898 г. Британия и Франция едва не вступили в войну после Фашодского инцидента. Прототипом француза, вероятно, послужил французский исследователь Габриэль Бонвало, который в 1887 г. переполошил британцев своим появлением на Памире и в Читрале (его приняли за русского). Прототипом русского шпиона почти наверняка стал капитан Громбчевский, посетивший в 1889 г. княжество Хунза.

Наконец Хопкирк проделал путь на запад, побывал в Дехрадуне на месте штабквартиры Тригонометрической службы Индии, где Монтгомери обучал своих пандитов. Автор посетил здание 1823 г., которое сейчас превращено в частный музей с бронзовыми статуями отцов-основателей.

Как сказал в романе Лурган-сахиб: «Большая Игра не прекращается ни днём, ни ночью». Борьба за политическое влияние в Центральной Азии и за обширные экономические ресурсы этого огромного региона идёт и сегодня, обостряясь буквально с каждым годом.

[1] Ibid. P. 134.

Д.Ю. Перетолчин

NEW FARBEN ORDER. ИСТОРИЯ СИНТЕЗА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Перетолчин Дмитрий Юрьевич —
аналитик

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Пятый элемент 92
2. Новые Ост-Индские компании 98
3. Союз двух, трёх, четырёх… 120
4. Рождение «IG Farben» 138
5. «Сообщество интересов» Варбургов, Рокфеллеров и Шрёдеров 155
6. «Черное золото» алхимиков из «IG Farben» 169

1. Пятый элемент

«Новая эпоха требует не только нового рационального (хотя и постнаучного) знания о мире и человеке, знания, формирующегося вокруг и по поводу иных объектов, чем "рынок", "гражданское общество" и т.п., но и некой идейной (хотя и постидеологической) системы, которая придаёт социальный смысл новому рациональному знанию о мире».

А.И. Фурсов «"Биг Чарли", или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория»

Удивительно, но о немецком концерне «IG Farbenindustrie», оказавшем на историю XX века и нашу современность такое огромное влияние, почти ничего не известно широкому кругу. Как удалось остаться в тени истории корпорации, разбор участия которой в преступлениях, совершённых во время Второй мировой войны, судьям Нюрнбергского процесса пришлось выделить в отдельное судопроизводство? Ответ на этот вопрос мог бы претендовать на отдельную книгу или целое исследование, ставящее ряд неожиданных вопросов. К примеру, часто ли встречается объяснение исторических событий с точки зрения центров сил, являющихся мировыми финансовыми центрами? Классическая история, не обладая инструментами финансового анализа, просто выпускает их из внимания, события же зачастую объясняются стечением обстоятельств или личными ошибками её субъектов. Как, к примеру, приход Гитлера к власти объясняется недальновидным выбором немецкого народа, желающего твёрдой руки. А ведь понятия «фюрер» и «фюрерство» родились в осевой компании концерна — «Bayer», которой принадлежало 42% акций. В политику оно попало уже как производное от управления в промышленной сфере.

Сегодня история капитализма осталась неописанной, потому что без анализа мировых финансовых центров невозможно осмысление такой истории. Кто является её субъектом? К сожалению, по-прежнему нет даже понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы провести такой анализ. Карл Маркс это делал инструментами начала XIX века, но в начале XX в. мир был уже совершенно другим. Карл фон Клаузевиц первым определил, что «*война есть продолжение политики иными средствами*»; в свете описываемых событий важно, что он был прусским генералом, описавшим войну с точки зрения ресурсного противостояния. Однако не является ли политика, в свою очередь, инструментом экономики, а война — лишь неконкурентным методом раздела рынков, где субъектами и выступают корпорации? А так как экономика капитализма из-за необходимости расширения рынка может быть только экспансивной, то её крайним средством и является война, продолжающая логический ряд элементов, начатый политикой и экономикой. Попечители иностранной собственности не зря определили «IG Farben» как «коммерческое ору-

жие» (commercial warfare), и история концерна является примером сказанному. Поэтому участники Нюрнбергского процесса призывали сделать историю картеля общим достоянием, дабы она не могла повториться.

Однако когда в 1978 г. «Bayer» открывала своё представительство в СССР, во главе её стоял бывший командир танкового полка Бруно Каль, кавалер одной из высших наград Третьего Рейха — Рыцарского Креста и Дубовых Листьев к нему. Не стоит ли считать именно эту дату датой начала падения СССР? Ведь именно «Bayer» проводила в лагерях Третьего Рейха эксперименты на людях, одним из направлений которых в «IG» был контроль над рождаемостью. Сегодня «Bayer CropScience» входит в тройку держателей 90% патентов генно-модифицированных растений. При этом ежегодно 26 сентября «Bayer» проводит Всемирный день контрацепции, но СМИ стараются не ворошить прошлое и настоящее одного из основных рекламодателей. Историческая наука, переведённая на гранты, мало чем отличается от СМИ, власть денег корпораций позволяет им не давать изучать себя как субъектов капитализма. Свою историю Второй мировой войны сразу после её окончания заказал наиболее весомый зарубежный партнёр Третьего Рейха — Standard Oil. Параллельно Нюрнбергскому процессу в США шли заседания Американской исторической ассоциации. Одно из них, посвященное «Проблемам написания истории крупных предпринимательских объединений», в 1947 г. возглавлял Чарльз Мур, председатель правления филиала шведской фирмы SKF, основного поставщика подшипников для Третьего Рейха. Ранее, кстати, компанию возглавлял родственник Геринга — Гуго фон Розен. Поэтому целенаправленных исследований об участии корпораций в создании Третьего Рейха почти не существует.

Однако история корпораций как исторических субъектов по-прежнему актуальна; изучают ли с этой точки зрения другого «ценного» рекламодателя — Google? «IG Farben» можно в полной мере считать его прообразом с поправкой на технологические уклады. Интернет-поисковик между прочим, особо не афишируя, приобрёл восемь ведущих компаний-производителей робототехники, включая Boston Dynamics, чей робот военного назначения «BigDog» завоевал популярность на видеохостинге «YouTube», который также принадлежит Google. Поглощениями компаний в Google заведует основатель стартапа Android — Энди Рубин, в прошлом инженер немецкой компании Carl Zeiss. Его коллега, эксперт в области искусственного интеллекта Питер Норвиг занимается тестированием искусственных нейронных сетей, которыми, вероятно, снабдят военных роботов из Boston Dynamics. Google не только обслуживает закрытые интранет-сети для ЦРУ и является владельцем data-центров по всему миру, но и дополнительно запатентовал систему «*распределения заданий множеству робототехнических устройств*». Один из сооснователей компании Сергей Брин считает её миссией «*нести свободную информацию людям в странах с авторитарными режимами*», но, обладая такими возможностями, ограничится ли интернет-поисковик донесением информации?

В одном из последних интервью Жорес Алфёров напомнил, что «*создание транзистора знаменовало наступление постиндустриального времени, времени информационного общества. Оно привело к изменению социальной структуры населения планеты*». Ещё один из проектов Google — развитие использования автомобилей без водителей. Процесс роботизации начинался с роста простой механиза-

ции производства, который в течение XIX века увеличил производительность труда на порядок, сделав невостребованными большую часть рабочих вместе с их семьями. Реакция господствующего класса была разной, далеко не всегда такой, как её описывает классическая марксистская теория. Укладывая весь ход исторического процесса в противостояние классов, реальной картины мира не построить. Парадокс, но то, что в сознании широкого круга принято называть «социализмом», внедрено немецкими промышленниками в XIX веке: от медицинского страхования до пенсионного обеспечения. Участие в прибыли предприятия — частая практика для рабочих конца XIX – начала XX века. За разделение дополнительной прибыли между всеми участниками предприятия выступал Вальтер Ратенау, убитый, как водится, террористами. Такая же судьба постигла подхватившего лозунг «Разделим наше богатство» Хьюи Лонга в США.

Только в СССР была реализована социально ориентированная концепция устройства общества в условиях роста производительности. Фашизм же, с его сегрегацией и жёсткой регламентацией потребления при требовании максимальной отдачи от низшей касты, стал другим ответом на вызов со стороны лишних для рыночной экономики людей. Придатками к машинам, существующим в промышленном подземном аду, рисовал рабочее сословие в фильме «Метрополис» режиссер Фриц Ланге, которому Геббельс предлагал возглавить всю киноиндустрию Третьего Рейха. Создателям последнего казалось очевиднее выстроить систему концентрационных лагерей и контролировать рождаемость. Поэтому советский проект не был пустой идеолого-идеалистической концепцией, как его пытаются зачастую выставить. Американский социолог Баррингтон Мур писал: «*Революции рождаются не столько из победного крика восходящих классов, как считал Маркс, сколько из предсмертного рёва тех слоёв, над которыми вот-вот сомкнётся волна прогресса*». Кому адресован тот рёв? Следует процитировать еще одного нобелевского лауреата. Норберт Винер предупреждал: «*Вспомним, что автоматическая машина… представляет собой точный эквивалент рабского труда. Любой труд, конкурирующий с рабским трудом, должен принять экономические условия рабского труда*». «*Мы также знаем, что промышленников трудно чем-либо сдержать, когда дело доходит до извлечения из промышленности всех прибылей, которые только можно оттуда извлечь, чтобы затем предоставить обществу довольствоваться крохами*» — писал основатель науки, из которой появился тот же Google.

Владелец концентрационных лагерей «IG» — прямой участник социальной инженерии Третьего Рейха. Как позднее вспоминал А. Шпеер, «*Гиммлер хотел превратить лагеря в огромные фабрики*», услугами которых пользовались BMW, Nestle, Kodak, Volkswagen и, конечно, Farben. Суть процесса в общем выражена словами Муссолини о том, что «*фашизм отрицает в демократии абсурдную общепринятую ложь о политическом равенстве*». Ещё точнее высказался Гитлер: «*Будущее не принадлежит коммунистическому идеалу равенства*». По словам американского конгрессмена Гомера Боума, «*Farben — означало Гитлер и Гитлер — означало Farben*». Концерн больше других корпораций вкладывался в партию фюрера; получается, концерн вкладывался в ликвидацию равенства? Странно, но аналогичные взгляды высказывали нобелевские лауреаты по экономике Фридрих фон Хайек, считавший, что «*эволюция не может быть справедливой*», и Милтон Фрид-

ман, который «*не сторонник справедливости*». По отношению к массам платформы либеральных экономистов и фашистов сходятся: мир не для всех. Так может ли быть, что и заказчик у них один?

В. Ньюбольд определяет государство как «организованных собственников». Такие контролирующие персоналии есть у каждого предприятия; могут ли быть субъектами истории они или семейные кланы? Pater familia, те самые оплоты частной собственности в контексте римского права — будут ли они когда-либо рассмотрены классической наукой как субъекты истории, будут ли рассмотрены их цели и мотивация, степень влияния на события? То, без чего невозможно построить реальной картины мира. Можем ли мы считать мировые войны между государствами противостоянием именно таких организованных собственников? Или, в контексте СССР, — их противостояние концепции советского государства, отрицающего собственность для pater familia. Факт отсутствия частной собственности адвокаты Третьего Рейха считали оправдательным в ответ на обвинения в грабеже оккупированных территорий, критерием права и преступления для них была только такая собственность — собственность pater familia.

Может ли в основе утилизирующей лишнее население мировой войне быть осевым четвёртый элемент — социальный? Но тогда победа СССР была шансом для человечества, победой социального проекта против антисоциального, политики равенства против программ эвтаназии и сегрегации «ненужных» масс по расовому признаку. Ещё одним направлением инвестиционного интереса Google стало радикальное продление жизни в рамках проекта «Calico». С учётом того, что современная геномика добралась до изучения конкретных белков, отвечающих за старение, эта задача для компании Брина может оказаться по силам, тем более что в её активах уже есть хранитель ДНК-данных компания Google Genomics. В целом это не может не породить новый процесс социальной инженерии, связанной с отбором искусственных долгожителей.

Не стоит забывать, что одним из первых «научных» сторонников сокращения населения был Томас Мальтус, преподаватель закрытого университета первой транснациональной компании — Ост-Индской. У «IG Farben» также были свои исследовательские центры в виде системы институтов кайзера Вильгельма. Google объединяет с этими компаниями способность трансформировать технологическое превосходство в военное и экономическое и наоборот. «*Чем сегодня занимается фундаментальная наука, завтра может стать предметом прикладных разработок, а послезавтра основой для новых типов оружия*» — так описывали ситуацию на «круглом столе» в октябре 2015 г. «Цивилизационное развитие и вооружённые конфликты будущего».

Именно технологии являются ключевым фактором истории капитализма, а точнее, политики его экспансионизма. Поэтому неслучайно в Советской России в 1917–1919 гг. открылось 33 новых вуза. Контроль над знаниями обеспечивает контроль над развитием в целом. Американский исследователь «чёрных дыр» Митио Каку считает, что уже совсем скоро образование будет базироваться на устройствах типа Google Glass, которые будут рисовать вашу картину мира в прямом и переносном смысле. Кроме того, в настоящее время Google совместно с NASA основали в США Singularity University. Но заинтересован ли Google в том, чтобы по-

тенциальные конкуренты обладали реальной картиной мира, тем более если в качестве конкурентов воспринимаются целые социальные слои, требующие своей доли общественного блага? Недаром в США Союз обеспокоенных учёных (Union of Concerned Scientists) уже стал беспокоить Закон о свободе информации, позволяющий проводить общественные расследования на основании запросов конкретной информации.

Почти каждая известная сегодня компания появлялась на основе оригинального технологического решения или изобретения. По сути корпорации и есть экономическое воплощение научных решений или целых прорывов, что характеризует важность доступа к знаниям. В Венеции смертная казнь грозила всякому, кто раскроет секрет технологии производства венецианских зеркал. О том, что всё меньше информации дают нам «*артиллерийские журналы последнего десятилетия*», сетовал английский автор В. Ньюбольд в начале прошлого века: «*несмотря на тесное переплетение военно-промышленных фирм и общность интересов капиталистов-промышленников, официальные секреты*» не спешат раскрываться. Технологическое превосходство является инструментом экспансии, неважно, экономической или военной, потому что по сути это экспансия контроля над вашим развитием, распространяющаяся на территории или социальные слои. То, что наука становилась основным орудием после Первой мировой войны, отмечал анализировавший её английский офицер Виктор Лефебр: «*Тенденция современной войны в перемещении инициативы в сферу тыла. Штаб не может не принимать в расчёт разработки техников или научных лабораторий, внезапное введение которых в кампанию может иметь большее влияние на результат, чем массив миллиона человек с их вооружением и снаряжением для внезапного нападения. В этом плане использование новых военных технологий может всколыхнуть противостоящие формирования больше чем изощренно устроенная атака*». Успехом будущих войн полковник английских химических войск считал новые неожиданные решения промышленных предприятий. Именно ноу-хау создают экологические ниши для корпораций и их собственников, в которых как грибы начинают расти капиталы, мицелий которых зачастую разрастается далеко за пределы государства. Демографические циклы в концепции С. Нефедова обеспечены ёмкостью воспроизводства в рамках экологической ниши «carrying capacity». Теперь жизнь обеспечивается не биологическими, а экономическими нишами, которые дают технологии и создаваемые ими рынки. Битва за технологическое превосходство и есть битва за жизнь в условиях так называемой рыночной экономики, в которую предложено вписываться всем: государствам, социальным слоям. И здесь знания о мире и его законах становятся ключевым элементом истории.

Доступ к знаниям и информации — основной критерий стратификации общества. Идея обеспечения гегемонии социальной верхушки за счёт знаний последовательно развивается Бертраном Расселом в книге «Научное мировоззрение» («*Научные правители будут давать одно образование обычным мужчинам и женщинам, и другое тем, кто должен унаследовать научную власть*») и более поздней книге «Влияние науки на общество» («*доступ к ней [науке] будут иметь представители исключительно правящего класса*»). Показательно, что, согласно докладу Американской академии науки и искусства госинвестиции в сфере высшего образова-

ния в США в последние десять лет резко сократились, из 15 обследованных штатов 11 стали больше тратить на содержание тюрем, чем на образование; тенденция понятна.

Отличительной особенностью знания как движущего элемента истории в том, что оно не может устанавливаться участниками социального процесса с помощью договорённостей, как определяются правила экономики или социальных конструкций. Научное понимание природы окружающего мира, механизмов его функционирования, способное быть трансформированным в технологию, и есть осевой, определяющий остальные пятый элемент, движущий историю капитализма. Для создания реальной картины мира должна появиться история капитализма не только как история войн «организованных собственников», их политического и экономического противостояния, но и как история социальных преобразований, а самое главное, как история технологической мысли, порождающей остальное лишь как инструмент того, что мы называем капитализмом. Данное исследование является попыткой показать историю капитализма XX века через историю консорциума химических корпораций Германии, определивших не только её историческую судьбу, но и оказавших столь значительное влияние на нашу современность.

Ранее всенародно осмеянная забава эксцентричных алхимиков-чудаков и любителей стала важным средством в двигателе всех изменений: война, политический переворот и новые идеи в экономике, философии, науке и технологии — всё, что трансформировало общество с тех пор, как началась научно-техническая революция.

Д. Джеффрейс «Синдикат дьявола. “IG Farben” и создание гитлеровской военной машины»

2. Новые Ост-Индские компании

Историю о том, как химия и война, переплетаясь, создавали узор исторической картины прошлого века, лучше было бы начинать с предыстории, с описания отравленных стрел архаичных племён, с «греческого огня», применение которого описано Плинием Старшим, или с использования дыма горящей серы в Пелопоннесской войне. Однако предметом данной работы является не описание примеров изобретательности человеческого ума, а то, как его обладатели сформировались в научно-финансовое сообщество, в котором химия стала не только решать военные задачи, но и формировать их, а вскоре и вовсе определять историю XX века целиком.

Примечательно, что центры, производящие главный «нерв войны» — деньги, накладываются на центры, связанные с производством самого известного военного химического продукта — пороха, представляющего собой смесь угля, селитры и серы. Вплоть до XIX века сера в основном добывалась в вулканических районах Сицилии, и логично предположить, что к её поставкам имели отношение знаменитые банковские дома Венеции. В перенесённом «венецианцами» в Голландию финансовом центре была основана Ост-Индская Компания, по подобию которой в Англии развилась такая же корпорация — будущий правитель Индии. Доколониальные власти страны в лице шаха Аурангзеба пытались запретить продажу селитры христианам. До конца XVIII века индийская селитра питала большинство европейских войн, а Ост-Индская компания была основным мировым поставщиком этой «души» пороха, разместив склады на Коромандельском побережье; *sel petrae* была одним из основных товаров Ост-Индской компании [2]. Ещё одним был опиум; окончательный контроль над наиболее прибыльными районами производства опиума в Бенаресе, Бенгалии и Бихаре был установлен в 1765 г. [21].

Когда управление Индией сконцентрировалось в Лондоне, о британской столице заговорили как о новом мировом финансовом центре, а добыча селитры стала уделом низшей касты колонизированных индийцев, сделавших свою Родину «кровавым алмазом» британской короны, источником того, без чего не могла произойти ни одна война. Если в 1660-х гг. ежегодный экспорт селитры из Индии составлял 600 тонн, во время войны за испанское наследство он вырос до 2 тыс. тонн [2].

В России при Петре I производство пороха некоторое время принадлежало английскому коммерсанту А. Стелсу на монопольной основе; согласно указу, прочим царь «*делать порох не велит*» [343]. В период наполеоновских войн мировой экспорт селитры составлял уже 20 тыс. тонн [2], за период 1811–1813 гг. из Англии в Россию поступило 1100 тонн пороха, по завышенной, кстати, цене, что составило до 40% всего использовавшегося в войне пороха [58]. Именно поэтому

«*Англия существует до тех пор, пока она владеет Индией. Не найдется ни одного англичанина, который станет оспаривать, что Индию стоит охранять не только от действительного нападения, но даже от одной мысли о нём*» [59].

лорд Джордж Керзон, 1889 г.

До середины XIX века источником селитры становилась земля в местах, где она пропитывалась человеческими и животными отбросами, так чтобы «*пощипывать язык, подобно хорошим специям*». Из этой земли селитру выпаривали по рецептам, не менявшимся с ранних трактатов средневековья до Гражданской войны в США, когда ограниченность поставок заставила южан оборудовать в отхожих местах специальные «селитряницы» [2].

Ни одна война не могла продолжаться без пороха, а рынок химически связанного азота контролировался Англией, основным поставщиком которого со временем стала чилийская селитра [27]. Как указывает Стивен Боун, «*единственный коммерчески значимый природный источник органических нитратов, способный удовлетворить растущий во всём мире спрос на взрывчатку и азотные удобрения, находился в Южной Америке, то есть практически на противоположной стороне земного шара от основных рынков потребления в Европе*».

В начале XIX Александр Гумбольдт, путешествуя по Южной Америке, выяснил, что перуанский климат, один из самых засушливых в мире, позволил скопиться на береговой линии огромным, толщиной до 50 метров залежам птичьего помёта, который местное население называло «уано», а англичане читали как «guano». Инки использовали его для удобрения полей и во избежание конфликтов места добычи разделили между провинциями [2], так что стратегическое значение гуано было известно давно.

В 1822 г. по рекомендации Гумбольдта английское горное общество направило студента Парижского горного института Жана Батиста Буссенго в армию генерала Симона Боливара, у которого он дослужился до полковника, изучая в своей походной лаборатории чилийскую селитру и гуано. Буссенго выявил связь количества азота в урожае кукурузы с количеством азота, внесённого в почву [302; 303], определив азот как главный источник плодородности и подтвердив его стратегическую значимость.

Поэтому тот факт, что рождение современного Перу после того, как Антонио Сукре, начальник штаба Боливара, вторгся на территорию испанской колонии в 1824 г. [28; 29], практически совпадает с началом промышленной торговли перуанским гуано вновь появившейся «свободной страны», весьма примечателен. Особенно с учётом того, что лицензию на торговлю дали лишь «небольшому числу доверенных фирм», а к середине XIX века это право сосредоточилось в руках британской компании Энтони Гиббса. Англичане всё ещё оставались главными контролёрами пороха, а значит, и мировых войн.

Отсюда и исследовательский пыл французов и американцев, бороздивших Тихий океан в поисках островов с залежами гуано. Одними из них стали острова Чинча, где добыча азотосодержащего продукта была уделом пойманных дезертиров, осуждённых, чернокожих рабов и обманом заманённых китайских кули, которых французские, испанские и британские суда вывезли на острова более 100 тыс. человек. Любой попавший на остров становился невольником и не имел права покидать его в течение пяти лет, но двадцатичасовой рабочий день мало кто выдерживал в течение такого срока на производстве, где дышать из-за аммиачной пыли было почти невозможно. «*Они ходят почти голые, не имея ни куска ткани, чтобы прикрыть наготу, живут хуже псов*» — такую картину увидел американский журналист Джорж Вашингтон Пек. Он и другие пассажиры торговых кораблей наблюдали харкающих кровью, прикованных к тачкам, покрытых ядовитой едкой пылью невольников, многие из которых предпочитали отравиться опиумом или кинуться со скал, поэтому потребность в новых рабочих никогда не убывала. В 1862 г. несколько перуанских судов вывезли на острова Чинча всё мужское население острова Пасхи. Благодаря усилиям французского священника вернулись лишь несколько выживших, тут же заразив подхваченными болезнями оставшихся на острове женщин и детей, после чего население острова практически вымерло.

После того как в 1846 г. английский химик Хиллс запатентовал способ превращения нитрата натрия в нитрат калия, производство нитратов переместилось в районы залежей хлористого калия в Германии, ставшей источником селитры во время Крымской войны. Однако необходимый в процессе, но сложный в изготовлении йод был слишком дорогим компонентом. В 1857 г. Ламонт Дюпон, глава компании «Dupon», открыл способ приготовления пороха из «каличе», горной породы, известной в Индии как «канкар» [2; 30].

Теперь внимание военных подрядчиков по иронии судьбы снова переместилось в богатую каличе Южную Америку, а добытая там чилийская селитра позволила американцам устроить у себя гражданскую войну. Историками было замечено, что «*прибыли, полученные ранее за счёт торговли гуано, теперь вкладывались в удобрение-конкурента, каличе*». В результате уже Уильям Гиббс, глава «Antony Gibbs & Sons» возвёл себе в Лондоне особняк, названный «чудом возрождения готики». Попытка перуанского правительства в 1875 г. национализировать предприятия по добыче каличе привела к тому, что продукт вдруг резко подешевел на бирже, так и не принеся правительству существенного дохода. А буквально через четыре года в ответ на увеличение налога на предприятие Гиббса Боливией войска Чили сначала оккупировали порт Антофагасту, развязав войну с Боливией и Перу, в результате забрав права почти на все месторождения каличе. Это сделало Чили, а фактически британский капитал мировым монополистом селитры на пике мирового спроса.

В 1830 г. французский учёный Теофиль Пелуз, экспериментируя с азотной кислотой, обнаружил у неё взрывчатые свойства, а его итальянский ученик Асканио Собреро экспериментировал с раствором серной и азотной кислоты с добавлением селитры, который был известен ещё древним алхимикам как aqua fortis, в результате выделив нитроглицерин и сделав азот самым важным военно-стратегическим ресурсом [2]. В 1846 г. химики Христиан Шёнбейн и Рудольф Бёттгер выработали

способ получения нитроцеллюлозы, горение которой было бездымным; скорость его была в 500 раз быстрее, с выделением втрое большего количества газообразных, чем чёрный порох. Это сразу оценили военные и промышленники [312].

В 1867 г. шведы Ольсен (Ohlssen) и Норбин (Norrbin) запатентовали смесь аммиачной селитры и угля, права на которую первым оценил человек с известной фамилией Нобель, приобретя их. В 1879 г. Нобель запатентовал введение селитры в нитроглицериновые взрывчатые вещества, так называемый экстрадинамит, мощность которого в течение половины следующего столетия не была превзойдена никаким другим взрывчатым веществом [277].

Историк К. Манро писал: «*Можно с уверенностью утверждать, что без открытия и разработки нитратов в Чили производство взрывчатых веществ, каким мы его сейчас знаем, было бы невозможно, а прогресс в горнодобывающих и транспортных отраслях, достигнутый в XIX веке, не состоялся бы*» [2]. По-прежнему со времён Ост-Индской компании контроль над нитратами, от снабжения которыми зависел исход войны, оставался за Лондоном. Где-то в этот период на историческую сцену поднимутся немецкие химики и обозначится конфликт между держателями сырья из Англии и держателями технологий из Германии. Дело в том, что в середине XIX века шерсть окрашивали мурексидом — солью пурпуровой кислоты, сырьём для которой было как раз гуано, поставляемое из Перу [347].

То, что современная химия появилась из средневековой алхимии, ни для кого не секрет, но вот то, что общественное мнение, объявив «*эксцентричных алхимиков-чудаков*» таковыми, их явно недооценило, — тоже факт. К примеру, доктор Вальтер Герлах в 1924 г. в одной из франкфуртских газет открыто писал о научной алхимии, призывая финансировать изучение подобных явлений [3]. При этом нельзя недооценивать Герлаха как учёного: профессор Франкфуртского университета (1921–1925 гг.), лауреат Нобелевской премии по физике, специализировавшийся на магнитном спине, резонансе и гравитации, он являлся одним из руководителей германского атомного проекта «Uranverein» («Урановый клуб») и другого, также «определяющего исход войны» (Kriegsendscheideidend), под кодовым названием «Колокол» [3; 4]. В своё время Герлах являлся руководителем лаборатории физики «Farbenfabriken Elberfeld», относящейся к концерну «Bayer-Werke AG», о котором далее и пойдёт речь.

Другой известный химик, почётный член АН СССР с 1932 г. Фриц Хабер (Fritz Haber) хотя и не употреблял термин «алхимия», в те же годы целых пять лет занимался секретным проектом по добыче золота из морской воды [5]. Тогда у него не вышло, а вот в 2007 г. у современной компании «Swiss École Polytechnique» вышло: доработанная парижской «Magpie Polymers» технология использования пластиковой смолы позволяет получать от 50 до 100 граммов драгоценного металла из 9 кубометров воды [6]. Преподавателем Хабера, кстати, был Август Вильгельм Гофманн (August Wilhelm von Hofmann), президент Лондонского химического общества и основатель Германского [7], президентом которого он избирался 14 раз подряд с 1868 по 1892 г. [8]. Все эти люди будут иметь непосредственное отношение к сообществу, которое Г.Д. Препарата в книге «Гитлер, Inc.», говоря об «IG Farben», опишет так: «*Объединение стояло как индустриальный колосс... возвышавшийся над всей мировой химической промышленностью... Немного нашлось бы универси-*

тетов, которые могли бы поспорить с этим гигантом по числу лауреатов Нобелевской премии».

Еще одним учеником Гофманна был Уильям Генри Перкин (William Henri Perkin) [1], прадед которого по преданию был как раз алхимиком. В преддверии пасхальных каникул 1856 г. восемнадцатилетний юноша выслушал задачу от Гофманна: «*Вот если бы синтезировать хинин. Попробуйте добиться этого окислением анилина или толуидина; их можно выделить из каменноугольной смолы*». Задача была на тот момент крайне актуальна, потому что хинин — наиболее эффективное средство от малярии, жизненно необходимое для колонизации Африки и Азии. Монопольным поставщиком хинина на тот момент являлась Перу. Альтернатива её плантациям появится в Индонезии и Индии только в конце XIX века [286]. На нашу территорию, кстати, семена всё ещё тщательно охраняемого хинного дерева доставит из Перу академик Н.И. Вавилов лишь в 30-х годах прошлого столетия [287].

Это не единственный пример запоздалой реакции на научные события или вовсе её отсутствия в России. Достаточно отметить, что первый патент, или, как его тогда называли, «привилегия» на красители был выдан у нас неким Суханову и Беляеву ещё в конце 1749 г. [286]. При этом русскоязычный термин «краситель» как соответствующий «духу русской научной и технической терминологии» появился лишь перед Первой мировой войной усилиями будущего основателя научной школы красителей в СССР Александра Порай-Кошица [352].

Вопрос красителей зачастую являлся настолько стратегическим, что в XIV веке между Италией и Швейцарией разразилась «шафранная война», причиной которой стали всего лишь 800 фунтов шафрана. Однако то, что в Европе вызывало войны и вызовет потрясения всего XX века, в России оставалось без внимания: в 1840 г. в Петербурге будущий академик Юлий Федорович Фрицше перегонкой природного индиго с едким натром получил маслянистую жидкость, которую назвал анилином. Через два года казанский профессор, академик Николай Николаевич Зинин, впоследствии первый президент Русского химического общества, получил тот же анилин восстановлением нитробензола. Гофманн отзывался о его работе так: «*Если бы Зинин не сделал ничего больше, кроме превращения нитробензола в анилин, то его имя и тогда осталось бы записанным золотыми буквами в истории химии*». Но в то время для «золотых букв» Академия наук использовала исключительно иностранные языки и работы Зинина перевели и издали только в военном 1943 г. Как знать, стал бы этот год военным, если бы наука в России была более востребованной и для перевода работ Зинина не потребовалось сто лет, за которые на анилиновых красителях появилась и развилась немецкая химическая промышленность, превратившаяся в агрессивную экономическую и политическую силу [286].

«*… за последние 300 лет в России возникло огромное множество удивительных технических и научных идей, из которых эти люди не смогли извлечь практически никакой экономической выгоды*» [340].

Лорен Грэхэм,
историк науки Массачусетского технологического института

Трудно сказать, как вообще развивалась бы мировая история, если бы к научным открытиям Зинина, как, впрочем, и ко всем русским научным открытиям «эти люди» отнеслись бы с должным вниманием. В 1853 г. Зинин провел исследование нитроглицерина как взрывчатого вещества для нужд Крымской войны [312] и нашёл метод безопасной транспортировки нитроглицерина, поделившись идеей с соседом по даче Альфредом Нобелем [306], что дало для последнего возможность заниматься развитием промышленного производства нитроглицерина [2].

В этот судьбоносный для истории химии 1856 год, когда Гофманн объяснял задание своему ученику, в России варшавский профессор Якуб Натансон химически выделил красный краситель фуксин. Однако опять же по нерасторопности его изобретение так и осталось незамеченным и легло под сукно [286]. В 1858 г. его начал производить французский химик И. Верген (Emmanuel Verguin), продавая в Россию по астрономической для того времени цене 700 рублей за килограмм [291; 307]. Совсем по-другому сложилась судьба у аналогичного изобретения в прижимистой Англии.

Всё время каникул Перкин по заданию своего учителя проводил эксперименты в комнате на верхнем этаже своего дома в восточном Лондоне, пока однажды не обратил внимание, что продукты окисления анилина, превращенного во влажную смесь со спиртом, окрашивают тряпку, которой он вытирал стол, в ярко-фиолетовый цвет. Результат настолько понравился Перкину, что он продолжил создавать образцы вместе со своим другом Артуром Курчем и братом Томасом. Их эксперименты показали, что новое вещество красит шёлк так, что цвет сохраняется даже после стирки и воздействия солнечных лучей.

Увлечение живописью и фотографией подтолкнуло Перкина послать небольшую партию красителя владельцу красильной фабрики в шотландском городе Перт Роберту Пуллару. Ответ был крайне оптимистичным: «*Если использование Вашего открытия не очень удорожит товар, то оно — одно из ценнейших изобретений последнего времени. Этот цвет требуется для самых разнообразных товаров. До сих пор получение такого тона на хлопчатобумажных тканях обходилось чрезвычайно дорого, а на шелковых вообще не удавалось*».

В тот же год предприимчивый юноша понял, что мог бы расширить производство фиолетовой субстанции и начать продавать её как краску. Он попрощался с Королевским колледжем и Гофманном и подал заявку на патент. Через год после увольнения из колледжа, в июне 1857 г., в Гринфорд-Грин в Хэрроу на северо-западе Лондона при участии его отца, имевшего опыт в строительстве, появилась небольшая фабрика по производству красителя [1; 286]. Поначалу товар не находил сбыта, так как предприниматели просто бойкотировали новый продукт из-за боязни испортить ткани и нежелания рисковать, до тех пор пока «анилиновый пурпурный» не появился во Франции, где краситель на языке этой законодательницы мировой моды по названию цветка мальвы стал модным «мовеином», наконец по полной загрузившим фабрику Перкина. «*Рано или поздно* — писал Гофманн об изобретении своего ученика во время открытия Международной лондонской выставки в 1862 г., — *каменный уголь станет исходным материалом для производства красителей и полностью вытеснит все дорогостоящие источники естественных красителей, которые использовались до настоящего времени. Эта химическая революция не заставит себя ждать*» [286]. Действительно, в 1877 г. общий объём

производимых красок составил 750 тонн, изготовленных преимущественно в Германии [307], где самые крупные в Европе запасы угля дадут шанс использовать все 300 различных ароматических продуктов каменноугольной смолы, являющихся сырьём для получения красителей [308].

Франция обеспечила Перкину успех, но пострадала сама. В июне 1869 г. молодой основатель красильной промышленности запросил патент на краситель красного цвета — ализарин. Одновременно с его заявкой в Лондон пришел запрос от учеников Адольфа фон Байера (Adolf von Baeyer), немецких химиков из BASF Карла Гребе (C. Graebe) и Карла Либерманна (C. Liebermann). Английское Патентное управление выдало патенты обоим заявителям, и они поделили рынок сбыта, что будет ещё не раз происходить в истории химических красильных концернов.

Красное красящее вещество ранее добывали из корня марены на юге Франции, который теперь из-за отсутствия заказов оказался под угрозой разорения. Наполеон III, пытаясь оказать поддержку французским производителям, повторил декрет Луи Филиппа о введении во всей французской армии красных штанов, но синтетическая химия одержала первую рыночную победу, вытеснив производство марены, а красную краску для штанов французской армии теперь вплоть до войны 1914 г. поставляли германские заводы синтетических красителей, вовсю набиравшие обороты. В компании BASF даже действовал отдел военного текстиля, разработавший краску для шерсти «ализарин красный-S» [286; 307]. Вероятно, яркие цвета мундиров имели особое значение для ближнего боя.

«*Теперь химики почти всех европейских стран кинулись исследовать каменноугольную смолу, извлекая из неё всё новые и новые интересные вещества. Фирмы росли как грибы, в химию красителей вкладывались миллионные капиталы. Англия поставляла во все страны подскочившую в цене каменноугольную смолу. Стали появляться новые синтетические красители разных цветов. Первые из них были получены из анилина. Поэтому вообще все синтетические красители стали называть анилиновыми красками, а вновь возникшая отрасль производства получила название анилинокрасочной промышленности*».

В. Парини, З. Казакова «Палитра химии»

Всю вторую половину XIX века химики совершали открытия новых красильных составов. Создание А.М. Бутлеровым теории строения органических соединении дало возможность приступить к выяснению закономерностей процесса их образования на научной основе, а не методом угадывания нужных пропорций, как происходило изначально. Период с 1856 до 1876 г. характеризуется открытием трифенилметановых красителей, с 1876 по 1893 г. — азокрасителей, после 1902 г. — сернистых красителей [347].

Новое направление химии породило целый промышленный сектор экономики и науки. Вместе с Августом Гофманном химию в Англии изучал его коллега Карл Мартиус (Carl Martius), который разработал жёлтый краситель «martius yellow». В 1867 г. благодаря финансированию сына автора известного свадебного марша Поля Мендельсона-Бартольди (Paul Mendelssohn-Bartholdy) под Берлином заработала фабрика «AGFA» (Artiengesellschaft für Anilinfabrikation), которая не останови-

лась на выпуске красок и в 1898 г. запустила в производство рентгеновские пластины для использования в новых областях медицины [1], а также сконцентрировалась на производстве фотоплёнки и фотооборудования [153]. В 1903–1905 гг. появились новые красители на основе цианинов, делающих фотопластины чувствительными к красным, оранжевым, зелёным и инфракрасным участкам спектра [347].

В Германии в 1863 г. открылись еще две красильные фабрики — «Hoechst» и «Bayer». «Bayer» заработал усилиями Фридриха Байера (Friedrich Bayer) и его тезки Вескотта (Johann Friedrich Weskott), добавив в историю города Вуппераля ещё двоих, после Энгельса, знаменитых Фридрихов [9]. В 1881 г., когда штат сотрудников увеличился до 300 человек, «Bayer» была преобразована в акционерную компанию «Farbenfabriken vorm. Friedr. Bayer & Co.». Через пятнадцать лет после основания у Фридрихов Байера и Вескотта открылось первое зарубежное представительство — Московская фабрика анилиновых красителей «Фридрих Байер и Ко.», через двадцать «Farbenfabriken vorm. Friedr. Bayer & Co.» добралась до Америки [10], вскоре расширив ассортиментную линейку красителем красного цвета, приобретённым у компании «Dr. Carl Leverkus & Sons» [14].

Самый известный завод «Bayer» в Леверкузене был запланирован только в 1890 г. [307]. Своим названием фирма обязана географическому району возле Нюрнберга, как и «Hoechst», появившаяся в городке Хёхст на реке Майне стараниями двух родственников — Ойгена Луциуса и гамбургского коммерсанта Карла Майстера, женатых на дочерях художника Якоба Беккера из Франкфурта-на-Майне. «Hoechster Farbwerke» производила красители из каменноугольной смолы [10], разработав уникальный способ получения индиго [312]. Концерн изменил название с «Theerfarbenfabrik Meister Lucius & Co.» (с 1863 г.) на «Farbwerke Meister Lucius & Brüning» (с 1865 г.), став через пятнадцать лет акционерным обществом «Farbwerke vorm. Meister Lucius & Brüning AG», и изначально имел логотипом льва в качестве геральдического символа прусской провинции Гессен-Нассау. Лишь с 1923 г. он начал использовать в символике компании название «Hoechst» [139], и компания стала развиваться более стремительными темпами, чем «Bayer»: началась она с пяти рабочих в 1863 г., в 1880 г. работало уже 1 900 рабочих, к 1912 г. их численность увеличилась до 7 700, исправно принося 27% годовой прибыли [12; 61]. В 1912 г. на службе «Hoechst» состояло 307 подготовленных химиков и 74 инженера [375].

К этому времени уже вовсю работала компания бывшего ювелирного подмастерья, еще одного Фридриха — Энгельгорна (Friedrich Engelhorn), сына виноторговца, после окончания школы и длительного путешествия по промышленным центрам Европы открывшего мастерскую в Манхейме (Mannheim), а позже фирму «Engelhorn & Cie.» по продаже бутилированного газа для городского освещения. В 1851 г. появилась осветительная компания «Badische Gesellschaft für Gasbeleuchtung».

Деньги от продажи бизнеса партнеру Фридриху Зонтагу (Friedrich Sonntag) пошли на открытие нового предприятия «BASF», появившегося 6 апреля 1865 г. в юго-западном немецком городе Людвигсхафене как акционерное общество «Badische Anilin & Soda-Fabrik» (BASF), изначально занимавшееся также газовым освещением [11; 61; 307]. Учредительное собрание 25 марта 1865 г. провёл владелец банка «W.H. Ladenburg & Sons» Зелигманн Ладенбург (Seligmann Ladenburg),

преуспевший в финансовом обслуживании железных дорог; его предприятие станет известным банком «Süddeutsche Disconto-Gesellschaft AG». Среди акционеров компании присутствовали его сыновья Карл и Фердинанд, а также и племянник Мориц Ладенбург. Акционерами также стали фирма «Weinsteinsaurefabrik Benckiser» и Кристоф Бёрингер (Christoph Böhringer), родственник Энгельгорна и совладелец фабрики по производству хинина «F.C. Böhringer & Söhne». Техническим директором стал опытный в химическом производстве глава «Verein Chemischer Fabriken» Юлиус Гайзе (Julius Geise). Хотя завод располагался в Людвигсхафене, до 1919 г. компания была зарегистрирована в более престижном Мангейме [307].

Итак, любой компании, работавшей с коксованием угля, красителями заниматься приходилось по необходимости. Дело в том, что в 1792 г. благодаря Уильяму Мердоку стали применять для освещения горючий газ, получаемый перегонкой — коксованием каменного угля [286]. В технологическом процессе получения газа неизбежным продуктом была смола, собирающаяся в таких количествах, что выливанием в ямы освободиться от неё уже не удавалось, она стала заражать местность вокруг заводов и вопрос её использования стал насущной необходимостью.

В 1816 г. в Англии метод «варки» позволил получить заменитель скипидара. В 1822 г. первый смолоперегонный завод начал снабжать фабрики Макинтоша, изготовлявшие изделия, пропитывая натуральный каучук; через десять лет смолу стали использовать ещё и как топливо [291; 362]. В 1825 г. Майкл Фарадей выделил из каменноугольной смолы бензол. Из бензола получали нитробензол, а из нитробензола анилин [286], давший название фабрике «BASF». В качестве главного химика на фабрику был приглашён Генрих Каро (Heinrich Caro), стоявший у истоков технологии создания искусственных красителей [63].

Необходимостью утилизировать каменноугольную смолу и найти «свой» краситель, специализируясь на котором удалось бы завоевать своё место на рынке красителей, объясняется размер инвестиции, с которой фабрика стартовала на новом для себя поприще. В 1875 г. капитал компании «BASF» составлял 16,5 млн. марок; тем не менее 18 млн. марок было вложено в разработку синтеза красителя цвета индиго [11; 61], которой с 1865 г. занимался Адольф Байер [286]. Вне сомнения, возможности финансовых вложений способствовал тот факт, что Энгельгорн заседал в наблюдательном совете «Creditbank» и имел отношение к «Hypothekenbank» [307].

Через пятнадцать лет наконец удалось установить строение индиго и получить краситель синтетическим путём. Угроза конкуренции инициировала панику на Калькуттской бирже, после которой были отменены пошлины на вывоз индиго из Индии. Опасения были вызваны перспективой разорения плантаций естественного индиго в Индии. В то время индиго интенсивно производили в Индии, которая была английской колонией, на Яве, в Центральной Америке и Египте. Однако чтобы довести стоимость красителя до конкурентной, немецкой компании пришлось потратить на технологию красителя ещё 17 лет, и лишь в 1897 г. на рынке появился синтетический краситель под маркой «индиго чистое Баденской анилиновой и содовой фабрики». В 1899 г. фабрика официально обратилась в Форин-офис за поддержкой своей продукции, так как в Англии многие считали синтетический индиго «реальной опасностью» для собственников тысяч акров плантаций.

Конкуренты запустили проект «чёрного пиара», в рамках которого группа «авторитетных» химиков объявила, что «*представленное вещество является не чем иным, как одной из очищенных форм природного индиго, и не имеет с искусственным индиго абсолютно ничего общего*». Стало понятно, что рынок красителей англичане так просто не сдадут — за него придётся драться, что в буквальном смысле на дуэлях делали специально сформированные и оплачиваемые «BASF» группы из двух человек, вызывавшие на поединок всех, кто публично порочил новый продукт [286; 307].

Придёт время, и немецкие химические концерны начнут вызывать на дуэль целые государства. Но тогда и такая игра стоила свеч, так как с момента выхода на рынок до 1904 г. «BASF» заработал на индиго баснословные 74 млн. марок, окупив огромные инвестиции. Начав с дуэлянтов, в будущем картель химиков будет нанимать для своего продвижения целые армии. Пока же о том, что рынок удалось отстоять, свидетельствовали возрастающие объёмы производства: в 1866 г. Энгельгорн заложил новый газовый завод и комплекс из 10 дополнительных строений для фабрики [61]. К 1900 г. их количество дойдёт до 421 здания в одном Людвигсхафене [307]. Росла и численность работающих: если изначально штат компании составил 30 человек, в 1875 г. их было около тысячи, в 1900 г. уже 6 700 (6 300, по данным Кембриджа), а в 1911 г. «BASF» стал нанимателем для 11 тыс. сотрудников [61; 307]. Согласно ведомости, в 1899 г. заработную плату получали 150 химиков, 62 техника и 120 менеджеров по продажам [307].

В начале столетия компания перерабатывала 132 млн. кг сырья в год. Потребление угля компанией выросло с 27 800 тонн в 1873 г. до 302 600 тонн в 1900 г., газа с 0,4 млн. до 18,9 млн. м³ (из них 12,6 млн для освещения и отопления). В тот же период с 1887 г. в «BASF» переходят на электрическое освещение, потребление которого в 1889 г. составляло 60 кВт/ч, а в 1900 г., в связи с использованием реакций электролиза, достигло 1 млн. кВт/ч. При этом площадь каждой фабрики увеличилась с 2 га в 1866 г. до 32 в 1900 г., покрывая в общей сложности 206 гектар, по которым проходило 42,6 км железнодорожных путей компании. Оборот «BASF» к 1872 г. составил 6 млн. марок, а доход — 2,9 млн., из которых 52% Энгельгорн определил направлять на развитие. Однако нужно отметить и обратные процессы: в 1884 г. «содовая фабрика» «BASF» свернула производство соды, которое вытеснил с рынка новый процесс её получения, придуманный бельгийским химиком Эрнестом Солвеем (Ernest Solvay).

Тем не менее, в общем палитра производимой продукции постоянно рослаю Прайс-лист 1873–1874 гг. включал в себя 21 категорию красок, включающих 81 наименование составов. Уже в это время глава компании столкнулся с фактами промышленного шпионажа из Лондона, но наём наиболее «продвинутых» учёных, таких как «сердце и душа эксперимента» Генрих Каро, принесший компании первый патент на получение бензола из газа, обеспечивал «BASF» постоянное научное преимущество. Каро возглавлял также Патентную лабораторию, куда вошёл профессор Генрих Бернтсен (Heinrich Bernthsen) из Гейдельберга, ставший основным ассистентом в главной лаборатории.

В 1889 г. Каро вошел в наблюдательный совет компании, в котором состоял до своей смерти в 1910 г. В исследовательской лаборатории ему ассистировал химик из «Haen» Карл Глазер (Carl Glaser), который усовершенствовал метод производ-

ства столь доходного ализарина, сделав продукцию более конкурентной, что увеличило обороты. Именно Каро пригласил в компанию Адольфа Байера для синтеза индиго. В 1901 г. ещё один ведущий химик компании, Рене Бон (Rene Bohn), положил начало производства нового класса красителей, создав синий «индантрен» [307; 312]. В этом же году ассистент химика Либерманна из России М.А. Ильинский открыл возможность создавать красители на основе производных антрахинона, которые из-за высокого качества вышли на второе место по объёмам производства [347; 348]. Второй областью применения антрахинона стала фармакология, где его использовали в качестве слабительного [349].

Закончилась эра природного индиго, начатая древними египтянами за 1500 лет до нашей эры [347]. В 1900 г. глава «BASF» Генрих Бранк (Heinrich Brank) выдвинул идею, согласно которой в связи с подавляющим распространением химического аналога все индийские производители индиго должны переквалифицироваться на производство продуктов питания [1]. Компания заместила годовой оборот натурального индиго, оцениваемый в 5–6 млн. кг стоимостью 60–80 млн. марок. Глава совета директоров «Vorstand» и наиболее влиятельная фигура в компании Бранк попробовал добиться аналогичного успеха, создав фармацевтическое направление, однако оно не принесло существенного успеха, оставаясь позади «Hoechst» и «Bayer» [307].

Еще в 1873 г. «BASF» объединил двух соучредителей: красильную компанию тайного коммерческого советника и депутата рейхстага Густава Зигле (Gustav Siegle) — «G. Siegle & Co. GmbH», доставшуюся ему от отца, и расположенное там же, в Штутгарте, химическое предприятие «Farbenfabrik Knosp» Рудольфа Кноспа (Rudolf Knosp) [62; 64; 65]. Фирма «R.E. Knosp, Chemical-Technical Article, Indigo, and Crimson Dyes» появилась в 1859 г. и являлась эксклюзивным агентом Перкина по продаже мовеина на территории Германии, Австрии, Пруссии, Голландии, Бельгии, Франции и Швейцарии и для Энгельгорна представляла интерес своими ноу-хау. К участию подключился директор «Württembergische Vereinsbank» д-р Килиан Штайнер (Dr. Kilian Steiner), сооснователь близких Энгельгорну «Creditbank» и «Hypothekenbank», ставший вице-президентом наблюдательного совета. В целом Зигле, Кносп и Штейнер получили 42% «BASF», Кносп стал председателем совета директоров, а усилиями Зигле у «BASF» появилась своя международная сеть по сбыту, возглавляемая его партнёром Августом Хансером (August Hanser) с 1889 по 1895 г.

Ещё одним присоединившимся стала компания «Dahl & Co.», с которой были оговорены условия разделения рынков по производимым продуктам. Таким образом, практически с момента основания была принята стратегия кооперации с потенциальными конкурентами. Как отмечают американские исследователи: «*Слияние трёх таких неравноценных партнёров не было очевидным. Естественно, лидирующий "BASF" предполагал обойти конкурентов, но более важным направлением компании… было выстроить прямые контакты со всеми внутренними и зарубежными потребителями… И поэтому компания собиралась обеспечить и удержать настолько большую часть рынка, насколько это было возможно*», чему и способствовала кооперация с конкурентами. Благодаря Кноспу к участию подключился издатель Эдуард фон Халбергер (Eduard von Hallberger), а благодаря Штайнеру Густав Мюллер (Gustav Muller) из торгующей красками компании «J.G. Muller & Cie» и Герман Ротшильд (Hermann Rothschild) [307], чья фамилия не нуждается в представлении.

Густав Зигле и его приятель Эдуард Пфайффер (Eduard Pfeiffer) в 1900 г. заложили основу рабочих ассоциаций Штуттгарта, систему безопасности труда, социальных отчислений, включающих оплачиваемые отпуска и медицинские страхования. Меценатство Зигле также распространялось на больницу в Фейербахе и фонд для малоимущих детей [66]. Это одни узнаваемые черты того, что по-немецки звучит как Neuordnung (новый мировой порядок); другими будут эффективное использование труда заключённых и система образования, построенная на вовлечённости корпораций в образование. На тот момент такой шаг мог показаться прогрессивным. В конце 1800-х гг. группа чикагских бизнесменов убедилась, что образование в Германии и Австрии опережает американское. «*В отличие от американских школ немецкие классы направляли детей двумя путями: одни из них становились менеджерами, а судьба других была становиться их служащими*», — писала Элизабет Грин в «U.S. News and World Report» [288].

Примечательно, что несмотря на щедрую благотворительность, Зигле оставил семье состояние в 30 млн. марок, сопоставимое с капиталом Вильгельма II, оцениваемого на тот момент в 36 млн. марок [64]. Одна из его дочерей вышла замуж за известного немецкого врача, пионера в области применения гипноза и парапсихологии барона Альберта фон Шренк-Нотцига (Albert Freiherr von Schrenck-Notzing) [67]. Основанная в 1889 г. компания Зигле «Offene Gesellschaft G. Siegle u. Co.» помимо изготовления красок занималась продажами «BASF» [64], которые в 1880-х гг. составили во Франции 6–7 %, в России 8–10%, в Австро-Венгрии 6%, в Азии 4%, в США уже 16,5–18%, а вот Англия, где красильная промышленность и зародилась, уступила «BASF» самую большую долю: на её территорию приходилось 19–27% продаж компании [63; 307].

В 1873 г. Густав Зигле отправился в Нью-Йорк для организации филиала совместно с «Pickhardt & Kuttroff»; предприятие стало вторым филиалом после Милана [307]. Также он с деловыми целями посещал Москву: растущие продажи, с одной стороны, и высокие российские пошлины на ввоз готовых красителей, с другой, побудили руководство основать в российской столице собственное производство из немецких полуфабрикатов, для чего в 1877 г. для фабрики было приобретено здание бывшей мыловарни в Бутырках, ставшее площадкой для предприятия, развивать которое были приглашены немецкие инженеры А. Гербст и В. Маслих [63]. Запускал производство Карл Глазер, прибывший «*набитый деньгами*», которые «*были необходимы для удовлетворения частных желаний всех представителей официальных служб*». Однако вскоре выяснилась его незаменимость на заводе в Людвигсхафене, где он работал в отделе производства ализарина, и он вернулся [307]. Обратной стороной деятельности немецких производителей в России было то, что они добились от правительства снижения пошлин на ввоз красителей и повышения пошлин на ввоз сырья, после чего крупнейший отечественный Щёлковский завод красителей стал нерентабельным и был закрыт [286]. Чтобы подозрения относительно деятельности представителей немецкого концерна в Москве не были голословными, приведу цитату из отчёта Попечителей иностранной собственности, составленного по итогам рассмотрения деятельности концерна «IG» в США в 1919 г.: «*Разъедание коррупцией было первоочередным методом крупных немецких хозяйств по обеспечению их бизнеса в стране. Взятки красиль-*

щиков платились постоянно, повсеместно и в больших масштабах… Эта коррупция была так всеобъемлюща, что мне лишь единожды попался американский потребитель, избежавший такого нездорового эффекта» [375].

Наступление немецких производителей красителей было повсеместным. К началу века немцы производили 80% красок [291], и, наращивая темп, в 1914 г. довели уровень контроля рынка красителей до 90% (88%, согласно исследованию Кембриджа). Считается, что 90% продукции немецких компаний шло на экспорт; в частности, для «Hoechst AG» экспорт перед Первой мировой войной составлял 88% продукции [139; 286; 307]. С 1873 по 1900 г. концерн «BASF» заработал 119 млн. марок, из которых 88 млн. было выплачено в виде дивидендов. В 1900 г. его оборот составил 34 млн. марок, компания контролировала 28% внутреннего и 24% мирового рынка красителей, изготавливаемых с помощью угля [307]. Даже в промышленно развитой Англии на долю немецких предприятий приходилось 80% красок [305] и 20% всех немецких продаж [307].

Среди причин, по которым английская химическая промышленность теряла место на рынке, британские авторы П. Гордон и П. Грегори отмечают: «*Лидерство Англии скоро кончилось, и к 1875 году Германия стала производить большую часть красителей. Некоторые ведущие немецкие химики, в частности Гофманн и Каро, вернулись из Англии в Германию, обогащённые ценным опытом. Они объединили свои усилия вместе с хорошо подготовленными специалистами, работавшими в германских научных учреждениях, чтобы создать солидный фундамент этой отрасли. В Англии, напротив, учебные заведения мало делали для подготовки химиков-органиков, и поэтому британская промышленность испытывала острый недостаток в самом необходимом — в хороших специалистах*» [305]. Насколько немецкий научный потенциал превосходил английский, можно судить по тому, что в 1900 г. на шести крупнейших немецких химических предприятиях насчитывалось более 650 квалифицированных химиков и инженеров (только в «BASF» их было 146 человек), а во всей английской промышленности по переработке каменноугольной смолы работало не более 40 химиков [12].

Согласно Б. Линдси, «*индекс грузовых тарифов на трансатлантические перевозки в 1840–1910 гг. в реальном исчислении упал на 70%*»; в ответ в «*1880-е–1890-е гг. ставки таможенных пошлин выросли… в Швеции, Италии и Испании. В США импортные пошлины… дополнительно выросли в 1890 г. с принятием закона Маккинли*». Но принятые меры не защитили национальные производства; *«никогда прежде потенциал международной специализации в деле создания богатства не был столь высок, причём благодаря непрерывному потоку технологических достижений он с каждым днём увеличивался. Однако в это же время страны начали закрывать свои границы»* [92]. Это не сыграло существенной роли, как отмечают ряд американских историков работе «Немецкая индустрия и глобальная деятельность BASF. История компании»: «*Действительно “война тарифов” между Немецким рейхом и Россией или Испанией временно снижала заработок из этих стран, но не отклоняла направление бизнеса от генеральной линии*» [307]. Так или иначе, немецкие корпорации упорно добивались захвата рынка.

К примеру, начиная с 1903 г. они продавали салициловую кислоту в США на 25% дешевле, чем в самой Германии. Это относилось и к брому, щавелевой кисло-

те, анилину и другим продуктам [12]. В исследовании Лефебра представлено другое мнение, согласно которому немцы манипуляцией цен добивались монополии и за десять лет такой политики закрыли три из пяти американских фабрик, производящих салициловую кислоту, а одна из оставшихся оказалась филиалом немецкой компании [375].

«*Проявлением борьбы между американскими и германскими монополиями был демпинг немецких химикатов на американском рынке, осуществлявшийся германскими капиталистами с целью нанести удар по химической промышленности США. Немецкие экспортеры продавали в США салициловую кислоту на 25% ниже её цены на германском рынке; в результате закрылась значительная часть американских предприятий по производству салициловой кислоты. По демпинговым ценам сбывались в США и немецкие красители, что сильно тормозило развитие американской лакокрасочной промышленности*»

М. Восленский «Тайные связи США и Германии»

Осознавая неспособность догнать Германию, в 1907 г. министр труда Великобритании Ллойд-Джордж выступил с требованием ограничить патентное право и обязать связанные с новыми патентами производства открывать своё технологическое содержание для работников предприятий. Если же технология не была запатентована на территории Англии, то и лицензия на производство аннулировалась [1].

Выигрышное положение немецкой промышленности отмечает Е. Панина: «*Германская промышленность вытеснила с лидирующих позиций англичан. Германские товары начали заполнять и английский рынок, что вызывало сильное беспокойство как предпринимателей, так и правительственных кругов*» [60]. Здесь необходимо пояснить, почему столь «сильное беспокойство» у английских правительственных кругов стали вызывать германские товары.

«*Химия взрывчатых веществ для военных целей имела огромное влияние на развитие минеральных и других основных богатств современной промышленности. Вполне достоверно, что превосходство Германии в области химических красок связано с непрестанными стараниями её учёных найти наилучшие составы и смеси для военных взрывчатых веществ*».

В. Ньюбольд «Как Европа вооружалась к войне (1871–1914)»

Дело в том, что красильная отрасль, видимо, всё время шла рука об руку с другой отраслью — военной. Впервые красящая способность синтетического состава была установлена в 1771 г. у пикриновой кислоты (тринитрофенол) [347], когда её получили воздействием азотной кислоты на краситель индиго. Хотя взрывчатые свойства пикриновой кислоты были установлены уже в 1799 г., до тех пор пока в 1886 г. французские инженеры не изготовили на её основе боеприпас под названием «мелинит», тринитрофенол продолжали использовать лишь как жёлтый краситель для шерсти и шёлка [350].

Российские испытания состава, который в Англии назвали «лиддит», окончились трагически и были остановлены, но он активно использовался против России

в ходе её войны 1904–1905 гг. с Японией, где снаряды на его основе назвали «шимозе» по имени японского инженера Симозе Масасика. От использования этого «красителя» отказались только в пользу более безопасного тринитротолуола [351].

У тринитротолуола своя история, также связанная с историей красителей. После того как в 1828 г. берлинский профессор Фридрих Велер получил из неорганической соли мочевину, стало ясно, что органические вещества можно получать искусственным путём [286]. Теперь в практику взрывчатых веществ вошёл органический пироксилин — нитроклетчатка. После того как нитроглицерин и пироксилин были уже не в состоянии удовлетворять требованиям военной техники к взрывчатым веществам, стали искать более дешёвые варианты, в том числе использовать продукты из каменноугольного дёгтя, важнейшими из которых явились пикриновая кислота и тринитротолуол, открытый ещё в 1863 г. опять же немецкий химиком Йозефом Вильбрандом. Эксперименты с продуктами, полученными из каменноугольной смолы, в свою очередь, открыли взрывчатые свойства большой силы некоторых химических соединений, входящих в её состав, что сделало уголь стратегическим ресурсом, а красильные и газовые фабрики наделило особым статусом составных частей военно-промышленного комплекса. В 1902 г. тринитротолуол стали применять как взрывчатое вещество, получая его обработкой толуола азотной кислотой, что по технике очень близко к изготовлению красителей [291].

Возникает вопрос: что было основным, а что побочным производством растущих как грибы красильных фабрик Германии? Малоубедительной выглядит версия, согласно которой каменноугольную смолу перерабатывали в газ для освещения ночных улиц, а из побочного продукта научились делать красители и взрывчатые вещества. Скорее, запустили процесс производства взрывчатых веществ, в мирное время использовавшийся для производства красок, а побочным газом освещали улицы. Однако классические истории концернов производство взрывчатых веществ почти не упоминают.

С анализом причин Первой мировой написано множество книг, но мне не встречалось рассмотрение в качестве таковой не просто геополитического передела, но передела рынков, в том числе не только красильного, но и взрывчатых веществ. В. Лефебр вполне точно подмечает «*удивительное совпадение между началом Великой войны и успешным завершением разработок определённых жизненно важных химикатов в Германии. До конца 1912 года Германия всё ещё зависела от других стран, в основном от Англии и её фенола, основного материала для пикриновой кислоты, также необходимого для красок. Далее же разработка завода "Bayer" обеспечила ей независимость в этом продукте, позволив экспортировать излишки*» [375]. Многое говорит в пользу того, что причины войны кроются именно в технологическом развитии Германии, контролировать которое методами свободной конкуренции было уже невозможно. Возникает также вопрос о направленности этого технологического развития: действительно ли основным занятием растущих красильных фабрик было производство красителей или они изначально были ориентированы на производство взрывчатых веществ?

Возможно, что опасность для конкурентов заключалась не в потере рынка красителей, хотя это и был весьма капиталоёмкий рынок, связанный с транснациональной коммерцией, охватывающей все части известной ойкумены. Так, Центральная

и Южная Америка поставляла кармин [307], которым окрашивали английские военные мундиры [309], Северная Америка — жёлтый флавин, добываемый из дуба, Индия — индиго, из Центральной и Южной Африки везли красный краситель из рокцеллы [307]. Немцы вольно или невольно замахнулись не только на передел доходного рынка красителей, но и, что более важно, на передел рынка взрывчатых веществ, обеспечивающих военные успехи, в том числе в колониальных войнах, а это могло означать приговор английскому могуществу не только в войнах за колонии, но и в более масштабном смысле влияния на геополитические процессы.

Кроме того, эксперименты с каменноугольной смолой могли бросить Англии вызов на не менее существенном для неё рынке наркотиков, как ни странно, также имевших в первую очередь военное назначение. Конечно, это произошло не сразу, сначала на основе всё тех же красильных концернов появилась целая фармакологическая индустрия. Как отмечает Лефебр: «*Важный компонент при синтезе лекарств производится из каменноугольной смолы, сырьё производилось в Соединённом Королевстве и экспортировалось в Германию, таким образом вкладываясь в их монополию. С другой стороны, британские производители удерживали за собой определённый ряд лекарств, таких как алкалоиды, газообразные анестетики и некоторые неорганические соли висмута и ртути*» [375].

«*В 1910 г. Бэкелэнд в Нью-Йорке начал изготовлять из карболовой кислоты (фенола) пластические массы, получившие затем самое широкое распространение. Параллельно с развитием промышленности красителей развивалась промышленность искусственных лекарственных и ароматических веществ. Сахарин и салициловая кислота, слабительные вещества и жасминное масло, ванилин и аспирин, салол и многие другие стали искусственно изготовлять из продуктов перегонки каменного угля*».

Д. Зыков «Уголь и химия»

В 1891 г., исследуя метиленовый синий краситель, Пауль Эрлих (Paul Ehrlich) обнаружил снимающий боль эффект, после чего «Hoechst» продвинул его на рынок как лекарство [307]. В 1893 г. компания, основываясь на работах Гофманна, исследовала возможность применения в медицине производных от угольной смолы и вышли на аналог хинина. После ряда неудачных экспериментов «Hoechst» выпустил жаропонижающее средство «анальгин» (антипирин). Несмотря на неприятный побочный эффект, ведущий к обострению гастрита, препарат ворвался на рынок, провозгласив эру синтетических имитаций натуральных препаратов. Он по сей день составляет около 50% от производства всех жаропонижающих и анальгетических средств [1; 10]. Через год «Hoechst» разработал противодифтерийную сыворотку, ставшую основой для введения массовой вакцинации в Германии [10].

В 1898 г. «AGFA» запустила производство рентгеновских пластин для новой области медицины, «Hoechst» финансировала работы лаборатории Эрлиха, что даст ему звание нобелевского лауреата, а «Hoechst» получила права на средство от сифилиса «Salvarsan», иногда относимое к первым антибиотикам [1; 5]. Инвестор, видимо, не остался в убытке, установив на него максимальную цену [61]. В Первую мировую как проявляющее вещество для фотопластин, которыми пользовались при

ведении фоторазведки, применялся глицин; позднее он стал успокоительным средством [375; 385].

В это время компания «Kalle & Co.» начала реализацию жаропонижающего препарата «ацетанилид». К сожалению для компании, этот препарат нельзя было запатентовать, потому что он был известен и его уже использовали многие конкурирующие предприятия в производственных процессах как промежуточное соединение. Основным и к тому же ядовитым компонентом состава является анилин. Выдача общего патента на всех привела бы к снижению прибыли, и тогда «Kalle & Co.» запатентовала название «антифебрин» как бренд и защищаемую патентным правом торговую марку. Это был прецедент, который положил начало мультипликации названий в фармакологии, продолжающейся по сей день.

В 1881 г., когда основатели компании «Bayer» уже умерли, зять одного из них, Карл Румпфф (Carl Rumpff), в течение года спонсировал трёх химиков из Страсбургского университета, ожидая от них новых цветовых комбинаций красителей. Это дало результаты, и бывшие студенты присоединились к компании как работники. Одним из них был Карл Дуйсберг, работник лаборатории «Elberfeld», который хотя и подключился к разработке синтетического эквивалента индиго, поначалу сопротивлялся своему назначению.

Позднее Румпфф, за племянницей которого ухаживал Дуйсберг, поручил молодому химику разработать аналог красителя «Congo red», что тому и удалось сделать в достаточно короткие сроки. Этот успех сделал его перспективным молодым человеком, который в 1884 г., будучи 23 лет от роду, зарабатывал 2 100 тыс. марок в год (в «BASF» столько же получал производственный мастер). Теперь уже он сам нанял группу студентов для экспериментальных работ, один из которых, Оскар Хинсберг (Oscar Hinsberg), станет известен открытием в 1887 г. «фенацетина», в России более известного как «цитрамон». «Bayer» так торопился превратить в заработок очередную эпидемию гриппа, что первая партия нового препарата была продана в использованных пивных бутылках, собранных в помещениях завода.

После очередного успеха на следующий год в компании начал работать отдел фармацевтики, и Карл Дуйсберг в качестве его руководителя отдал письменное распоряжение Артуру Айхенгрюну (Arthur Eichengrün) о приоритете новых разработок: «*Используя мировой опыт в философии, химии, медицине и фармакологии искать новые пути, чтобы заново вывести на рынок уже использовавшиеся препараты, применяя технологические возможности производства красок так, чтобы, используя их включиться в мировой рынок производства фармацевтических препаратов*». Этот успех, построенный на вторичном использовании продуктов переработки каменного угля, констатировала Национальная комиссия по здравоохранению Англии: «*В изготовлении средств — производных каменноугольной смолы преобладание было за Германией, и причина этого не в недостаточности умения или изобретательности части британских химиков, а в достижении высокой организованности немецкой химической индустрии, которая сделала возможным преобразовывать побочные продукты анилиновых фабрик в медикаменты высокого целебного уровня и коммерческой ценности*».

В результате поручения Дуйсберга Феликс Гофманн разыскал опыты Чарльза Герхарда, который ещё в 1854 г. попытался выделить ответственный за раздражающий эффект водород из салициловой группы, переместив его в ацетиловую и открыв таким образом ацетилсалициловую кислоту. Результат получился нестабильным и не совсем химически чистым, и Герхард отложил дальнейшие опыты, а Гофманн экспериментировал вплоть до 1897 г., когда в его лаборатории на свет появился всем известный аспирин. Впоследствии, уже в Третьем Рейхе, чтобы из-за еврейского происхождения Айхенгрюна скрыть его участие в разработках, будет придумана история о том, как Гоффманн, стараясь облегчить ревматические боли отца и при этом снизить побочный эффект силицина, стал соединять его с ацетиловой группой, повторив открытие Герхарда [1; 10; 307; 375; 384].

Однако аспирин не был сразу выведен на рынок: помимо прочих нежелательных осложнений считалось, что он изнашивает сердечную мышцу. Поэтому, несмотря на ярость предвкушавшего близкий успех Айхенгрюна, глава фармакологии «Bayer» Генрих Дрезер (Heinrich Dreser) переключил внимание на препарат, в котором, как ему казалось, был заложен больший экономический потенциал. Дрезер попробовал новый оздоровительный тоник на основе опиума, которому дали высокую оценку все испытуемые. Из-за особенного, героического состояния, в которое они приходили от его употребления, диацетилморфин стал всем известным героином [1]. К синтетическим наркотикам в компании «Bayer» обратились на пятнадцать лет позже, чем в «Hoechst AG», лишь в 1898 г. Именно тогда директор исследовательских программ Дрезер сообщил руководству компании о новом прорыве.

Героин был изобретён ещё в 1874 г. британским химиком Алдером Райтом из отходов производства морфина как новое химическое вещество — диацетилморфин. Тот собирался лечить им привыкание к морфию, применение которого в условиях боевых действий стало послевоенной государственной проблемой. Почти через четверть века после открытия Райта Феликс Гоффманн открыл средство повторно, при этом облагородив морфий уксусной кислотой. По мнению исследователей компании, препарат снимал боль лучше морфина и был безопаснее [22; 23; 139].

Так же, как и в США после Гражданской войны, осталось 400 тыс. зависимых от «армейской болезни» [24], которой называли наркотическую зависимость. Наркотики в войне применялись повсеместно, и иногда доходило до анекдотических сутуаций. Так, в 1917 г. британцы при оккупации Палестины сбрасывали турецким войскам опиум и гашиш с самолётов для понижения боевого духа [26]. Чаще происходило наоборот; дело в том, что изобретение шприца для инъекций, сделанное в 1853 г. Чарльз-Габриэлем Правазом, открыло следующий этап в истории наркотиков. Действие веществ, попадавших прямо в кровь, усиливалось в несколько раз. Для длительных и быстрых переходов солдатам делали инъекции от усталости. Военные использовали морфий вновь и вновь, а госпитали и больницы в считанные месяцы оказались под завязку набиты морфинистами, страдающими от «солдатской болезни», что стало неприятным последствием после победы Пруссии над Францией [23; 25].

С 1898 по 1910 г. героин заполнил аптеки, им лечили сердечные боли, проблемы с желудком, его прописывали при обширном склерозе и детям от кашля при гриппе. Любые предостережения о том, что в печени героин конвертируется в мор-

фин, объявлялись клеветой и угрозой научному прогрессу. Основным покупателем среди 22 стран были США. За пятнадцать лет была произведена 1 тонна чистого героина, выведшая «Bayer» как раз к началу Первой мировой в тройку крупнейших немецких химических компаний с более 10 тыс. сотрудников по всему миру. Таким успехом «Bayer» не мог не нажить себе недоброжелателей, ведь в замкнутой экономической системе если у кого-то прибавляется прибыль, то у другого она прямо или опосредованно убывает [22; 23], а к началу Первой мировой компания владела уже 8 000 патентов на краски, лекарства и химикаты [35]. Как пишет Д. Джеффрейс: «*На стыке веков не было компании богаче "Bayer"*».

Итак, вокруг немецкой научной школы сформировался субъект, способный бросить вызов «Old World Order» в лице англосаксонской и в частности британской монополии. Бросить в прямом смысле слова, ведь, как мы видим, история немецкой красильной промышленности — это в первую очередь история контроля над промышленностью взрывчатых веществ, история немецких медицинских предприятий — это тоже в первую очередь военная медицина, а также наркотики как средство осуществления блицкрига. И похоже, что на другом конце глобального мира не стали дожидаться, пока немецкая наука продолжит откусывать куски чужого пирога, тем более что в 1913 г. немцы покончили с британским контролем над селитрой.

«*Новый толчок продвижению вперед проблемы связанного азота дала первая мировая война. Расчёты германских империалистов на молниеносный исход её не оправдались. Запасы связанного азота в стране катастрофически истощались, а от чилийской селитры центральные державы были отрезаны блокадой английского флота. Но остаться без связанного азота означало оставить армию не только без хлеба, но и без взрывчатых веществ. Усилия немецких химиков, мобилизованных ещё накануне войны для преодоления этой угрозы, увенчались разработкой нового метода промышленного синтеза азотистых соединений не через окись азота, а через аммиак*».

Ю. Ходаков «Рассказы об азоте и фосфоре»

В результате блокады эта война для Германии могла закончиться на два года раньше [33], а по мнению самих химиков «IG Farben» — на три года [61], если бы в 1900 г. немецкий химик из Риги Вильгельм Оствальд (Wilhelm Ostwald) не заключил с «BASF» контракт на разработку синтеза аммиака, а со стороны концерна в проекте не принял бы участия выпускник Технического университета в Шарлоттенбурге и его будущий глава Карл Бош [27]. Было замечено, что при сжигании угля азот освобождается и уходит в атмосферу, при отсутствии же воздуха, в процессе коксования при изготовлении чугуна или при получении каменноугольного газа, использовавшегося при освещении городов, что было как раз стартовым бизнесом «BASF», около 15% азота выделяется в виде аммиака. За описание этого процесса Оствальд в 1909 г. получил Нобелевскую премию [2], но не удавалось получить аммиак в значительных количествах. При высоких температурах выход аммиака становился ничтожно малым, при низких становилась ничтожно малой скорость реакции и, соответственно, темпы производства [302].

Карлу Бошу, применив знания в металлургии, удалось найти ошибку в системе Оствальда и приблизиться к техническому решению фиксации азота из воздуха.

Следующий контракт со стороны «BASF» был инициирован членом совета директоров концерна Карлом Энглером, автором гипотезы органического происхождения нефти. Для контрактов на разработку процесса получения азотной кислоты путём окисления азота в электрической дуге и на синтез аммиака из азота и водорода он выбрал того самого алхимика Фрица Хабера [27].

Хотя Хабер родился в 1868 г. в Бреслау в семье еврейского оптового торговца лаками и красками, в 1892 г. он принял крещение [5]. Обучаясь в лучших университетах Европы (Гейдельберг, Вена, Цюрих и Технологический университет Карлсруэ), Хабер обрёл самые разносторонние знания и жизненный опыт. После студенческой жизни на его лысом черепе остался шрам от дуэли как наглядное свидетельство прусской гордости и упрямства. В 1908 г. он был приглашён в качестве директора института кайзера Вильгельма под Берлином, где на соответствующих должностях будут трудиться такие светила, как Макс Планк и Альберт Эйнштейн [1].

Помимо работы по контрактам с «BASF» в период с 1900 по 1905 г. Хабером было опубликовано более пятидесяти научных статей [2]. В 1902 г. он посетил США, изучая процесс синтеза аммиака на химических концернах в Ниагара-Фоллз; электродуговой способ был крайне дорогим, малопроизводительным и неэффективным. Хабер покинул США с осознанием того, что «*американская химическая промышленность и система технического образования выглядит примитивно по сравнению с немецкой*» [2]. Теперь ему представился случай доказать, что он не голословен.

Из работ Хабера следовало, что под давлением в 200–250 атмосфер и температуре 500–600 градусов в присутствии осмия или урана азото-водородная 10%-ная смесь соединяется в аммиак NH_3, после чего, смешав газы, процесс можно повторить, получив новую порцию. Ход реакции было возможно регулировать давлением, но также требовался катализатор. Заинтересовавшись в 1908 г. исследованиями Хабера, в следующие два года «BASF» не жалела средств на финансирование превращения экспериментов в понятный технологический процесс [16; 302].

Хаберовские эксперименты и ранее проводились на гранты «BASF», но в новый проект глава компании Генрих Бранк включил уже зарекомендовавшего себя Боша, и теперь задача химиков состояла в том, чтобы наладить производство жидкого аммония в промышленных масштабах [27]. Под руководством Хабера собрали установку, в которой водород и азот накачивались под высоким давлением и нагревались никелевой спиралью, а возле клапана находился катализатор, осуществлявший реакцию. Хабер с помощниками месяцы подбирал варианты соотношения температуры, давления и катализатор, наиболее эффективным из которых оказался уран [2].

Однако демонстрационная установка «каталитической машины» в июне 1908 г. не заработала [27]. Сложности с ней продолжались до 1 июля 1909 г., дня, когда загорелся участок с аппаратурой сжатия, после чего сутки ушли на ремонт. Бош покинул лабораторию разочарованным, а эксперт «BASF» по химическим реакциям Альвин Митташ (Alwin Mittasch) остался и к обеду следующего дня был вознаграждён: аппарат Боша наконец смог выделять аммоний в течение целой мину-

ты. Далее разработка требовала серьезных инвестиций и отладки, но после неожиданной кончины Бранка в 1912 г. Бошу пришлось отстаивать возможность продолжать эксперименты [1], в результате которых он впоследствии выявит, что к взрывам первых экспериментальных линий будет приводить образование метана, и найдёт решение и этой проблемы. Среди прочих технических сложностей агрегата технологию очистки водорода успешно решит молодой инженер Карл Краух [27], сыгравший не последнюю роль в будущем объединении «IG Farben». Окончательный вариант патента, полученного Хабером, звучал так: «*Процесс синтетического производства аммиака из его элементов, при котором соответствующая смесь азота и водорода подвергается воздействию нагретого катализатора, а готовый аммиак удаляется при постоянном давлении и передаче тепла от содержащих аммиак реагирующих газов к поступающей газовой смеси*» [2].

Однако проблемы возникали не только на технологическом уровне. В 1912 г. адвокаты конкурирующего «Hoechst» исками об авторском праве остановили строительство промышленной установки по синтезу аммиака, сославшись на теоретические дискуссии с Вальтером Нернстом на заседании Бунзеновского общества. Последний родился в Пруссии, окончил гимназию, специализирующуюся на медицине, но продолжил обучение по линии физики и математики под влиянием того самого члена Петербургской Академии наук Оствальда, чьё самолюбие успел задеть своей разборчивостью Бош. В момент назначения на должность главы Физико-химического института в Берлине в 1905 г. Нернст получил почётное звание «тайный советник» (Geheimer Regierungsrat) и всеобщее признание, открыв третий закон термодинамики прямо во время чтения вступительной лекции в Берлинском университете. Спор успел внесудебно погасить Хабер, сделав Нернста сотрудником «BASF» с годовым окладом в 10 000 марок [31]. Это стало ещё одним объединением учёных, уже на основе экономических интересов.

Наконец, в 1913 г. на заводе Оппау в трёх километрах от Людвигсхафена было пущено первое производство синтетического аммиака мощностью порядка 7 000 тонн в год. К 1914 г. промышленные комплексы «BASF» занимали площадь в 200 га, давая работу 11 000 человек. Наконец, введённую в эксплуатацию установку «BASF» не зря сравнивают с «Манхэттенским проектом» [12; 27]: изготовление азота из воздуха в промышленных масштабах бросало серьёзный вызов монополистам чилийской селитры из Лондона, вероятно, даже больший, чем очистка морфия, придуманная «Bayer». Опасения лорда Керзона воплотились в жизнь. Немецкие химики покусились не на Индию, но на то, чем была Индия: *они смогли получать стратегически важный ресурс*, при том буквально из воздуха.

Чтобы понять, насколько в этот раз серьёзным оказался удар по поставщикам селитры, нужно представлять, что перед войной Германия была главным её импортёром, потребляя почти 40% добычи, что составляло в 1912 г. 911 962 тонны, в семь раз больше, чем Великобритания [2]. Открытие синтеза азота привело к тому, что если в 1903 г. Чили поставляла 65,7 % всех нитратов, потребляемых в мире, то к 1937 г. её доля сократилась до 7,8%, а синтетический аммиак занял долю, равную 58,8%, что в натуральном исчислении составило 559 тонн [291].

«*Государства боролись не только за рынки сбыта и пригодные для колонизации области, но и за источники сырья, существенно необходимого для вероятного развития промышленности на много лет вперед. Великая война была вызнана не столько всемирным характером, который приняла торговля, сколько изменениями, происшедшими за последнее поколение в способах производства. Соперничающие промышленные объединения, естественно, старались монополизировать лучшие источники сырья и отрезать сбоим конкурентам доступ к богатствам, необходимым для успешного производства*».

В. Ньюбольд «Как Европа вооружалась к войне (1871–1914)»

3. Союз двух, трёх, четырёх…

«В годы перед Первой мировой войной "эффективность" стала дежурным словечком, а Германия — с её сильной армией и всеобщей воинской повинностью, контролируемой государством системой образования, научным и технологическим динамизмом, с высокой долей государственного сектора в экономике, защищенной таможенными пошлинами и объединённой в картели частной промышленностью, с её государственной системой социального страхования — представлялась источником угрозы и вдохновляющих идей».

Бринк Линдси «Промышленная контрреволюция».

Однако и немцам было у кого учиться «вдохновляющим идеям». В 1903 г. Дуйсберг отправился в США: во-первых, осмотреть площадку, которую «Bayer» застолбила себе под новое предприятие «Hudson River Aniline and Color Works», потребовавшее 200 000 долларов инвестиций, которые должны были дать старт бизнеса в США; во-вторых, почитать лекции по организации безопасности в химических лабораториях. Во время этой поездки Дуйсберг был восхищён индустриальным трестом, представленным Джоном Рокфеллером, — «Standard Oil», его масштабами, способами управления и регулирования конкурентной среды путём координации ценообразования [1].

Ещё в 1893 г. Дуйсберг посетил «BASF» и был поражён уровнем технологичности и организацией функционирования предприятия. Во-первых, в 1905 г. в «BASF» произошло разделение управления на производственный департамент Abteilungen F и отдел непроизводственной сферы (продаж и бухгалтерии) Abteilungen V. Во-вторых, «BASF» первым телефонизировал производство на заводе в Людвигсхафене в 1882 г.; в 1885 г. появилась телефонная связь уже между заводами. Тогда Дуйсберг впервые попытался объединиться с «Hoechst» и «BASF» на основе производства ализарина. Появился «синдикат в области красного красителя ализарина», на предмет которого «BASF» и «Hoechst» и так имели договорённость с 1881 г. [307].

Теперь же у Дуйсберга вновь родился грандиозный план. По прибытии домой он отправил 58-страничный меморандум на имя главы «Hoechst» Густава фон Брюнинга (Gustav von Brüning), «BASF» Генриха Бранка и «AGFA» Франца Оппенгейма (Franz Oppenheim), представлявший собой проект создания индустриальной коалиции. Дуйсберг был обрадован, когда означенные руководители согласились обсудить предложение на закрытой встрече в гостинице «Кайзерхоф» в феврале 1904 г. Однако план поддержали только Оппенгейм и Бранк, а фон Брюнинг наотрез отказался от какого-либо дальнейшего рассмотрения вариантов союза. Ответ на несговорчивость Брюнинга Дуйсберг нашёл в свежей утренней газете, рассказывающей о уже сформировавшемся союзе между «Hoechst» и «Leopold Cassella and Co.» — «Dual Alliance», формировавший взаимную стратегию с поставщиками. Союз не имел юри-

дического оформления, но фирмы договорились о консультировании друг друга в сфере бизнеса на всех уровнях. Они назвали свою ассоциацию «Сообществом интересов» (Interessen Gemeinschaft), при котором директора предприятий, формально оставаясь независимыми, не принимали каких-либо решений без предварительного согласования друг с другом. О желании присоединиться к этому союзу заявили ещё две фирмы — «Kalle & Co.» и «Griesheim Elektron» [1; 80; 307].

К слову сказать, те или иные союзы и ранее возникали между отдельными компаниями. Зачастую они были секретными, как договор между «Merck & Co.» и «BASF» по использованию анестетика и антисептика, существовавшего на рынке под названиями «blavin» и «goldin». Зачастую такие соглашения были вызваны объективными причинами. Вход на английский рынок был настолько сложным, что судебная тяжба «BASF» с английской «Ivan Levinstein» дошла до палаты лордов как высшей судебной инстанции. Окончательно ситуация решилась только в 1899 г. соглашением о желтом красителе цитронине, действие которого распространялось не только на Великобританию, но и на США.

В 1876 г. вокруг «BASF» возник союз «Duisburger Kupferhutte», который в 1881 г. оформился как объединение уже девяти производителей, включая одного английского партнёра. В следующем, 1877, году «BASF» заключил договор с английским предприятием «Burt, Boulton & Haywood» по использованию патента Уильяма Перкина, к которому подключились «Bayer» и «Hoechst» для совместной стратегии на английском рынке. В 1880 г. появилась регулирующая цены и количество выпускаемой продукции конвенция между «BASF» и «Hoechst» об использовании индиго. Судебный процесс между «Bayer» и «BASF» о праве на технологию получения ализарина на территории США продолжался девять лет с 1875 по 1884 г. и окончился победой «BASF» в четырёх судах. В итоге «BASF», «Bayer» и «Hoechst» под руководством Ф. Энгельгорна стали в составе нового союза контролировать 60% в равных долях и регулировали цены, в том числе и на американском рынке. В 1885 г. «Bayer AG» вошел с «BASF» в договоренность по производству олеума, по которому у «BASF» уже существовала договорённость с английским производителем «Brooke, Simpson & Spilleer» [307]. В этом же году судебные решения принудили компанию использовать патент на красный краситель совместно с «AGFA» [153]. В 1900 г. «BASF» заключил трёхгодичное соглашение с «Griesheim Elektron» по производству и продаже гидрата сернистой кислоты [307]. Постепенно кооперация всё усиливалась.

В 1903 г. именно красильный бизнес послужил основной площадкой для объединения химических фабрик, заключивших трестовое соглашение Interessen Gemeinschaft der Deutschen Teerfarbenindustrie (Сообщество интересов немецких производителей красителей), который ограничивался исключительно соглашениями касательно распространения красильных составов [5]. В 1904 г. был образовано очередное соглашение «Indigo-Konvention» по красителю индиго между «BASF» и «Hoechst»[80]. Также были образованы ещё два союза с капиталом 40–50 млн. марок каждый: возникший в 1904 г. «Dreibund-04», или Тройственная ассоциация, которая объединила «Bayer», «BASF» и «AGFA», и возникший в 1906 г. «Dreibund-06» как союз «Hoechst», «Cassella» и «Kalle» [1; 5; 61], в других источниках называемый «Dreiverband». В 1905 г. появился ещё один союз — «малый IG» между «Bayer» и «AGFA», этот союз был инициирован Дуйсбергом [307].

Возникновение таких альянсов — яркий пример, того что основатель теории игр нобелевский лауреат Джон Нэш (John Nash) описывал как поведение монополий на олигополистических рынках, при котором игроки предпочитают договариваться, а не изничтожать друг друга конкурентными войнами.

Примкнувшая к союзу «Kalle & Co. AG» была еще одной небольшой фирмой, стартовавшей всего с трёх работников, ютившихся на съёмной квартире в августе 1863 г. как «Chemische Fabrik Kalle & Co.». С 1885 г. фирма освоила производство лекарственных препаратов, в 1904 г. стала акционерной компанией, а в 1907 г. присоединилась к «Dreibund» уже как «Kalle AG»[84].

Фирма «Cassella Farbwerke Mainkur Aktiengesellschaft» брала своё начало во франкфуртском гетто, где её основал фон Леопольд Касселла (von Leopold Cassella) в 1798 г. Когда в 1828 г. к нему присоединился Людвиг Аарон Ганс (Ludwig Ahron Gans), фирма получила название «Leopold Cassella & Co.». В 1870 г. к работе подключились Бернхард Вайнберг (Bernhard Weinberg) и химик Август Леонхардт (August Leonhardt), основав совместно с Гансом «Frankfurter Anilinfarbenfabrik von Gans und Leonhardt», впоследствии «Leo Gans & Co.». Через девять лет они вышли на сотрудничество с мадридским филиалом компании Ротшильдов, получив финансовое подкрепление для своих проектов.

Под руководством Артура и Карла Вайнбергов, которые были племянниками Ганса, Леонхардта сменил химик Мейнхард Гоффманн (Meinhard Hoffmann), и в 1900 г. появился фармацевтический отдел, в работе которого принял участие лауреат Нобелевской премии «за работу по теории иммунитета» Пауль Эрлих [81; 142]. Известный иммунолог и бактериолог был, как и основатели компании, выходцем из еврейской семьи и помимо разработки на основе мышьяка лекарства от сифилиса «Salvarsan» известен систематизацией знаний о токсинах и антитоксинах, которые были стандартизированы в 1889 г. в виде Института разработки и контроля сывороток во Франкфурте-на-Майне [82].

Систематизацию процесса научного труда в Германии иллюстрирует последовательная институализация научных заведений. В 1876 г. был создан Императорский центр здоровья (Kaiserliches Gesundheitsamt), теперешнее Федеральное ведомство здравоохранения (Bundesgesundheitsamt), в 1905 г. — Научно-исследовательский институт лесного и сельского хозяйства (Biologische Anstalt für Land- und Forstwirtschaft), в настоящее время ставший Федеральным биологическим исследовательским центром (Biologische Bundesanstalt), и решающий более серьёзные задачи Институт физической химии и электрохимии Общества им. кайзера Вильгельма (Kaiser-Wilhelm-Institute), ныне Институт Макса Планка, который возглавит всё тот же Фриц Хабер, в 1912 г. получивший чин тайного советника [99; 387]. Согласно исследованию офицера британской химической службы Лефебра, Хабер приступил к разработке химического оружия в рамках института ещё до войны, ежедневно работая до самой ночи. Неудачный эксперимент привёл к гибели его ассистента профессора Закура (Sachur) [375].

«*Немцы надеялись на два основных и наиболее значительных центра исследований — уже обозначенный институт кайзера Вильгельма под руководством профессора Хабера и колоссальнейшие исследовательские центры “IG”... Говорят, и*

есть все основания этому верить, что "IG" был полностью укомплектован офицерами ещё до войны…. Получается, что возможно отдельная часть берлинских исследований проходила за пределами институтов, весь объём подготовительной работы по новым соединениям и разработка производственных процессов заранее оговорённых веществ происходила в лабораториях "IG"».

В. Лефебр «Загадка Рейна. Химическая стратегия во время мира и войны»

Автор отмечает, что влиятельность красильной индустрии в сфере производства химического оружия была настолько велика, что даже если новый компонент поступал на рассмотрение военного ведомства независимо от красильных лабораторий, его исследованиями всё равно занимались там: «*Мы можем сказать, что германцы обладали не просто "внутренней линией" химической войны, но исключительно эффективной системой в форме всеобъемлющего "IG"*» [375]. Так что возможно, что в войну химики «IG Farben» вступили ещё до войны и объединения в сообщество по интересам. К окончательному объединению концерны подтолкнула Первая мировая война. Дуйсберг в мемуарах отмечал: «*Большой "ИГ Фарбениидустри" удалось выковать лишь в 1916 г. в результате войны*» [61]. Процесс объединения научных школ и технологических активов, начавшийся с целью общей маркетинговой стратегии в результате Первой мировой, продолжился в первую очередь с целью согласованного использования ресурсов. Прусский военный министр генерал фон Фалькенгаузен, выступая в рейхстаге еще в феврале 1896 г., заметил: «*Во всём, что касается взрывчатых веществ, Военный совет всецело зависит от частной промышленности*» [36].

Обычный красочный завод T.N.T в Леверкузене, производящий 250 тонн химикатов в месяц, был перепрофилирован на взрывную продукцию в течение всего шести недель [375]. Уже через несколько месяцев после объявления войны все заводы «Bayer» были переведены на «военные рельсы» и начали производство мощной взрывчатки — тринитротолуола [35]. В мае 1915 г. «BASF» стал получать азотную кислоту, а из неё взаимодействием с содой стали производить синтетическую селитру [33]. Частная промышленность, в свою очередь, зависела от поставок. Как отмечает Стивен Боун: «*Когда разразилась Первая мировая война, её участники в первую очередь постарались закрепить контроль над нитратами и преградить доступ к ним противнику*». Захват 20 тыс. тонн нитратов, хранившийся в бельгийском порту Антверпена, не решил проблему для Германии, особенно с учётом того, что интенсивность сражений сильно возросла: за первые 35 минут сражения у Нев-Шапель было выпущено больше снарядов, чем за всю англо-бурскую войну. Все британские заводы производили меньше 20 тонн тротила в неделю, а немцы взорвали за эти полчаса около 2,5 тыс. тонн [2], то есть вся британская промышленность за неделю работы могла обеспечить боеприпасами лишь четыре с половиной часа ведения боя. Кроме всего прочего из-за потребностей войны цена на нитраты к 1917 г. подскочила в четыре раза [2].

«*В период Первой мировой войны коалиция держав, возглавляемая Британской империей, смогла одержать победу благодаря блокаде старого типа: нефть и каучук*

имеют большое значение для войны, Германия же не имела внутренних источников снабжения этими натуральными продуктами, а от внешних источников снабжения её отрезали, установив морскую блокаду».

Р. Сэсули «ИГ Фарбениндустри»

По свидетельству историка Барбары Такман, «*Германия, не строившая расчётов на длительную компанию, имела в начале войны запас нитратов для производства пушечного пороха всего на шесть месяцев, и лишь открытый тогда способ получения азота из воздуха позволил ей продолжить войну*» [44]. На первый план вышло обеспечение военной промышленности ресурсами. Из-за трудностей с получаемой из хлопка нитроклетчаткой Германия разработала процесс получения её из древесины, что легло в основу современного производства бездымных порохов [275]. Закончившийся глицерин немцы отчасти пытались производить, ферментируя пивные дрожжи с сахарозой, нитратами и фосфатами, что давало дополнительно 1 000 тонн глицерина в месяц [37], но и это не решало проблему. В связи с нехваткой глицерина для производства динамита было начато производство использовавшегося для алкидных смол этиленгликоля в промышленном масштабе [278].

Все эти сложности из-за блокады заставили немцев постоянно прибегать к различным ухищрениям, примером чему мог служить «фенольный заговор». Производство аспирина требовало фенола, но фенол применялся также в производстве взрывчатки, его доставка в США стала затруднительна из-за эмбарго Великобритании. Оказавшись на грани закрытия завода, «Bayer» пошёл на уловку, позднее известную как «Большой фенольный заговор». Фенол поставлялся известному изобретателю Томасу Эдисону, использовавшему его для производства грампластинок. После этого торговый агент «Bayer» Уго Швайцер (Hugo Schweitzer) использовал различных известных светских персон для сделок по закупке фенола у Эдисона и перепродаже его «Bayer» [5]. Для взаимодействия с подрядчиками Швайцер организовал «Chemical Exchange Association», которая заработала на его сделках около миллиона долларов, половина из которых досталась самому организатору. При этом Швайцер действовал совместно с финансовым советником в США д-ром Альбертом (Dr. Albert), связанным с немецкими спецслужбами. За время войны они совместно потратили 1,5 млн. долларов на пропаганду и шпионаж в пользу Германии. Кроме того, их усилиями тайно скупался бром как необходимый компонент химического оружия. Д-р Альберт в своём письме Швайцеру выражал надежду, что им удастся скупить весь производимый США бром [375].

Другим примером ухищрений стало появление у компании «Hoechst AG» первой коммерческой подводной лодки, поставлявшей в США сальварсан [139]. В конце концов на блокаду со стороны стран Антанты Германия ответила прекращением поставок анестезирующих средств, на которые у неё была монополия [12], после чего длительное время хирурги в США проводили, по их определению, «болгарские операции», то есть оперировали без анестезии, что отбросило американскую хирургию на полвека назад [375].

Всё-таки главным экспортным грузом подводных лодок по-прежнему оставались красители. Когда английский флот отрезал Германию от заокеанских рынков, председатель Американского объединения красильных фабрик заявил в Конгрессе:

«*Теперь американцам придётся ходить в белых костюмах!*». Отставание в изготовлении красителей было столь очевидным, что когда правительство Англии заказало одной из фирм США изготовление 100 тыс. флагов для армии, то условием было использование красок исключительно немецкого производства. Из-за блокады американская компания применила отечественные, но качество было столь разительным, что подлог был моментально вскрыт [286]. Английские исследователи П. Гордон и П. Грегори отмечают: «*Ситуация стала критической, когда выяснилось, что Англия не имеет достаточного количества красителей для крашения военной одежды, которые она была вынуждена закупать у Германии!*». До последнего времени внимание британского правительства концентрировалось преимущественно на текстильной промышленности, и только теперь ситуация подтолкнула его к созданию крупных предприятий, которые англичане стали выстраивать по примеру передовых немецких концернов «Bayer» и «BASF». В числе правительственных мер, приведших к 40%-ному росту производства красителей за 1913–14 гг., стало слияние нескольких мелких компаний под управление «British Dyestuffs Corporation», впоследствии ставшей основой для компании «Imperial Chemical Industries» [305].

Но немцы в части укрупнения промышленности продумывали уже следующий шаг. В это время из-за эмбарго будущий министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау пробил идею тотального учёта стратегических сырьевых материалов с переходом немецкой экономики к «долгой» войне и стратегическому планированию в масштабах страны. В министерстве был создан соответствующий отдел военных ресурсов с ним же во главе [5].

«*На деле, самой крупной фигурой германской военной промышленности является д-р Вальтер Ратенау из "A.E.G." — человек, которому в начале войны была поручена мобилизация германской военной промышленности. Так как он в качестве банкира, электрического короля, производителя станков, сталезаводчика и химического фабриканта уже находился в самом сердце всемогущего национального и международного осьминога, то эта задача не представила для него особых трудностей*».

В. Ньюбольд «Как Европа вооружалась к войне (1871–1914)».

Ратенау как нельзя лучше подходил к этой должности, так как был родом из семьи банкиров, в то же время являясь учёным. Его отец, воспользовавшись купленным у того же Эдисона патентом, основал немецкий аналог «General Electric» — «Allgemeine Elektricitäts-Gesellschaft», дававшую свет всей Германии, а за счёт инвестиций зарубежных банков — и таким городам, как Мадрид, Лиссабон, Генуя, Неаполь, Мехико, Рио-де-Жанейро, Иркутск и Москва. В 1889 г. он получил степень доктора, представив работу о поглощении света металлами, а в 1893 г., используя собственное открытие, основал электрохимические заводы в Биттерфельде и Рейнфельде. В 1899 г. Ратенау стал членом правления отцовской «AEG», а к началу войны входил в наблюдательные советы уже 80 германских и иностранных компаний. Кроме того он являлся доверенным советником кайзера Вильгельма II, который даже заходил к Ратенау в гости [38; 39].

Если Наполеону победу обеспечила созданная им система Генерального штаба, под руководством Ратенау во время Первой мировой вводили систему пла-

нирования более высокого порядка, распространяющуюся не только на боевые действия, но и на их обеспечение. Согласно схеме комитета по учёту стратегических материалов, поочерёдно в каждой отрасли был создан всеохватывающий картель, куда крупные предприятия входили сами, а аутсайдеров направляли принудительно [12].

Изучая конфликты, произошедшие за последние 200 лет, Айвен Аррегин-Тофт выяснил, что в 71% побеждала сильная сторона и лишь в 29% — более слабая с точки зрения наличия ресурсов, но при использовании слабой стороной нетрадиционных методов её успешность возрастала с 29 до 64% [131]. Именно поиском таких методов с применением химии стало заниматься «бюро Хабера», которое Фрицу Хаберу предложил учредить Ратенау для взаимодействия между научной и индустриальной средой химиков и военным ведомством в рамках планового института. От научных кругов требовали нетривиальных решений способов ведения войны, позволяющих одержать победу так называемой слабой стороной в условиях ограниченных ресурсов.

Со стороны военных организацию бесперебойного снабжения боеприпасами в ходе затяжного характера боевых действий курировал бывший военный министр, а теперь начальник штаба Эрих фон Фалькенхайн. Его советником по связям с германским военно-промышленным комплексом был майор Макс Бауэр, по выражению журналиста Би-Би-Си Д. Джеффрейса, «влиятельная, но теневая фигура» [5]. Им к работе в «комитете Хабера» был привлечён бывший конкурент главы комитета Вальтер Нернст, который описал это так: «*Бауэр, будучи майором Оперативного отдела Верховного командования армии, услышал о моём присутствии. Он нашёл меня, и мы подробно обсудили конкретные военно-технические вопросы. Непосредственным результатом этого явилось то, что… я уехал на своём автомобиле в Кёльн, чтобы провести испытания на полигоне Ван, расположенном около больших химических заводов Леверкузена. Я едва преувеличиваю, если скажу, что дальнейшее внедрение предложений, сформулированных вместе с Бауэром, приведёт к полному изменению ведения войны*».

Так Бауэру стало известно, что красильная промышленность — источник ядовитых химических веществ, и химики взялись нетривиальными решениями нивелировать нехватку взрывчатых веществ [41; 42]. Как писал глава «бюро Хабера»: «*Армейскому служаке, который привык лишь командовать, не хватает воображения, чтобы внести изменения в тактику, которых требуют технические новшества*» [2]. Однако новшеств было не так уж и много. Лефебр в своём исследовании о двойном применении компонентов химического оружия отмечает: «*Задействованные в них основные этапы действительны и для процессов, применяемых для производства некоторых красок, фармакологических препаратов или других химических продуктов, также совпадают технологические разработки, при которых разнообразные существующие заводы уже покрывают потребности задачи… всё химическое оружие вполне попадает под эти две категории*». В частности, хлорин является промежуточным компонентом производства индиго и красителя «sulphur black», созданного на основе соединения серы с активированным углём, фосген — для ярко-красного красителя «brilliant acid» [375].

«*Первая мировая война стала зваться “войной химиков”, так как провозгласила начало новой эры использования химического оружия. Однако большинство ключевых химических агентов, использованных во время войны, были исследованы в XVIII–XIX веках, включая хлорин (1774), синильную кислоту (1782), хлорциан (1802), фосген (1812), компоненты иприта (1822) и хлорпикрин (1848)*» [378].

Дж. Романо, Б. Люкей, Г. Салем «Компоненты химического оружия. Химия, фармакология, токсикология и терапия»

Удушающие свойства хлора были обнаружены в 1774 г. шведским химиком Карлом Шееле [378]. В 1811 г. Дж. Дэви, экспериментируя с хлорином, получил фосген [375]. Впервые применённый в июле 1916 г. французами хлорциан [386] был приготовлен в 1802 г. Клодом Бертолле [378]. Все эти вещества были побочными продуктами различных химических реакций, производимых на фабриках.

Уже в 1864 г. у «BASF» возникли первые проблемы с экологией после сброса высокотоксичной мышьяковой кислоты, и уже тогда остро встала проблема утилизации вредных отходов производства красок. В частности, в 1868 г. от использования мышьяка пришлось отказаться совсем [307]. Ветошь с мышьяком будут пробовать использовать японцы для преодоления русских окопных укреплений во время войны 1905 г. [378]. Но ядовитые соединения продолжали появляться в лабораторных колбах химических фабрик; в 1885 г. был получен дифенилхлорарсин, ставший в войну новым средством «синий крест» [373]. То есть, занимаясь проблемами экологии, в немецких химических концернах не могли не осознавать, что область исследований воздействия химических препаратов на организмы огромна и в будущем может стать элементом явной или скрытой военной стратегии препаратов двойного назначения. Исследуя тенденцию, В. Лефебр рассуждает о появлении «смертельных бактерий» или «радиоактивных бомб» ещё в 20-х годах прошлого столетия.

Пахнущий горчицей дихлорэтил сульфид был получен ещё в 1822 г. [378]. Другой компонент, получаемый обработкой алкидных смол из этиленгликоля, был выделен немецким химиком Виктором Мейером (Victor Meyer) в 1860 г. и описан им в 1884 г. как антифризное средство. Переработанное вещество первым привлекло внимание военного министерства Германии; так будет изготовлен иприт [61; 375]. Технология его получения как химического элемента, хотя и в не совсем чистом виде, появилась одновременно [373] с внедрением «BASF» получения хлора с помощью электролиза и технологию его сжижения в 1890 г. [307]. «Союзникам» же производство жидкого хлора пришлось спешно создавать в 1915 г. Во время производства иприта основным добавочным к переработанному этилену компонентом является сульфид натрия, уже в огромных количествах производимый «IG», а два технологических процесса идентичны процессам при производстве индиго [375]. Кроме того технологический процесс производства горчичного газа пересекается с процессом производства новокаина. Иприт, впервые применённый в июле 1917 г. в Германии, прозвали «LoSt» в честь разработчиков Ломмеля (Lommel) и Штайнкопфа (Steinkopf) [372]. В 80% применения химического оружия использовали именно «LoSt»; это вещество нанесло в восемь раз больше потерь в живой силе, чем другие средства [375; 378]. В. Лефебр также указывает: «*Горчичный газ демонстри-*

рует яркий пример органичного пути, по которому химическое оружие появилось из красильной индустрии, соединёнными усилиями тех самых производств, которые представляли собой крупные предприятия "IG" для производства индиго. То, что монополия на индиго потенциально подразумевает обладание горчичным газом, стало сюрпризом начала войны» [375].

Были у немцев и другие сюрпризы. $COCl_2$, или фосген, известный как компонент предшественников полиуретана, начал свою жизнь в качестве компонента искусственных красителей [68], открытого в 1883 г. сотрудником «BASF» Альфредом Керном (Alfred Kern), в то время инженером оборудования швейцарской компании «Bindschedler & Busch» (в будущем «Ciba») [307]. Когда Первая мировая война потребовала решения не только стратегических, но и тактических вопросов, таких как преодоление проволочных заграждений, то фосген стал химическим оружием, решавшее и те и другие [373]. Генерал Дебне (Debeney), глава Французского военного колледжа, признал, что «*оборона от газа выглядит более сложной, чем от аэропланов*» [375]. В целом же применение ядовитых компонентов красителей зачастую решало и вопрос их утилизации.

А. Де-Лазари пишет, что атаки разными видами химического оружия назывались «разноцветными атаками» в силу маркировки снарядов и полевых карт разными цветами [373]. Однако более соответствующим действительности представляется рассказ В. Лефебра о том, что немцы добавляли красильные составы в газовые снаряды, отчего места попаданий окрашивались пятнами разрывов, раскрашивая местность [375], в том числе показывая направление ветра. В любом случае это было прямой демонстрацией связи красильной промышленности и химического оружия.

При военном министерстве была образована особая, курируемая Хабером, химическая инспекция А-10 [387]. В 1915 г. в Леверкузен, где располагалась штаб-квартира «Bayer», была переведена из Берлина Военная химическая школа, в лаборатории которой работало 300 химиков; 1,5 тыс. технического и командного персонала [373] готовили войсковых химиков [61], на заводах «BASF» прошло секретную подготовку войсковое подразделение «Pionierkommando 36» — прообраз будущих войск химической защиты [1]. Огромное количество химических составов боевого назначения было подготовлено на фабрике «Hoechst». 300 химиков были наняты до войны и после её наступления их штат был расширен, ими для принятия решения в Берлине были подготовлены более 100 химических составов [375]. Своевременная подготовка таких войск позволила немцам иметь наименьший удельный вес потерь от применения химического оружия — 1,88%, против 5,97% у французской армии и 8,79% у английской.

Хотя европейские государства считались с Гаагской декларацией 1899 и 1907 гг., запрещающей применение ядовитых химических веществ, Нернст предложил уловку, позволяющую юридически обойти Декларацию, представив отравляющие вещества составной частью взрывчатки. Применённый в октябре 1914 г. под Нев-Шапель слезоточивый газ рассеивался зачастую так быстро, что англичане даже не узнавали, что подверглись атаке [378]. Результаты были невысоко оценены командованием, и тогда Хабер предложил применить газ в виде газового облака [373]. Первый эксперимент не имел успеха: начальник генерального штаба Эрих фон

Фалькенхайн сумел на спор выиграть шампанское за то, что продержался без видимого дискомфорта в течение пяти минут в облаке хлорсульфоната дианизидина, или «чихательного» порошка, как называли снаряды «Niespulver». Жертвой следующего эксперимента стал Карл Дуйсберг, в 1915 г. глотнувший фосгена. Эксперимент приковал смелого главу компании «Bayer» к постели на восемь дней, что оставило испытуемого быть как нельзя более довольным результатом [41; 42], и эксперименты продолжились.

После нескольких месяцев упорной работы профессор Хабер наконец нашёл правильный способ выпускания газа из баллонов: «*Новое оружие ... страшно самой своей новизной. Мы привыкли к разрывам снарядов, и артиллерия не вредит боевому духу, но газ напугает кого угодно*» [2]. Новый отравляющий газ на основе хлора, выпущенный «Bayer», носил секретное название «T-Stoff» [1]. Это был первый вариант слезоточивого газа на основе брома [375; 383]. Варианты этого состава, ксилилбромида [373], в котором основа заменялась карбонильной группой, далее именовались уже «B. Stuff» или «Bn. Staff», с добавлением хлористых соединений «K. Stuff» [375]. Под маркой «A-Stoff» применяли хлорацетон. Командой Хабера было проведено бесчисленное количество экспериментов на животных. Появился «закон Хабера», определявший математическое соотношение концентрации яда и времени его воздействия [378]. Наконец химическое оружие было применено против русской армии [1; 46] — на тактическом варшавском направлении. Выгода технического характера заключалась в почти полном отсутствии лесов в расположении русских войск, что и позволило сделать газ достаточно дальнобойным. Атака произошла 30 января 1915 г. на реке Равка, но вследствие замерзания газа на холоде не принесла видимых результатов [47].

Следующую атаку со смертельно опасным хлором немцы предприняли 22 апреля 1915 г., проведя операцию с весьма говорящим кодовым названием «дезинфекция». Её готовил Хабер, он же лично руководил и газовой атакой, прибыв на линию фронта с Бельгией в районе реки Ипр, наряженный в мешковатую военную униформу и пожёвывающий сигару. Его сопровождала команда молодых химиков, среди которых были будущие Нобелевские лауреаты Джеймс Фрэнк, Густав Герц и Отто Ган. Последний, сотрудник Эмиля Фишера, выходец из Франкфуртана-Майне, в будущем открытием расщепления тяжёлых ядер повлиял на ход военной истории гораздо больше своего начальника. Химический удар 168 тонн смертельного газообразного хлора, смеси, впоследствии получившей название «иприт», оказался сильным. Хотя союзники были своевременно предупреждены о возможности использования подобного оружия, они не приняли никаких мер предосторожности — два дивизиона французов после газовой атаки бежали в панике. Английским солдатам было роздано 90 тыс. противогазов, которые, как выяснилось, не защищали от вредного действия отравляющего вещества [1; 2; 47; 310], выпущенного из 6 000 стальных баллонов в течение пяти минут.

Хлор поражает дыхательные органы и все слизистые ткани, причиняя спазмы гортани и ощущение ожога. Во время этой атаки больше всего пострадали те, кто попытался бежать с поля боя, как это сделали алжирские войска. Отступившие пострадали больше, так как каждое движение усиливало действие газа, кроме того зачастую они бежали вместе с облаком, что увеличивало длительность воздействия [373].

Союзники потеряли 5 000 убитыми, и ещё 10 000 (15 000, согласно А. Де-Лазари) получили тяжёлые отравления. Немецкая «Kölnische Zeitung» писала об этом как о «*не только допустимом международным правом, но и необычайно мягком методе войны*». Пресса противоборствующей стороны писала о бесчеловечности такого метода [372], цинично забыв, что впервые в мире применение химического оружия разрешил английский парламент, 7 августа 1855 г. одобрив проект инженера Д'Эндональда, который предлагал взять Севастополь, отравив его гарнизон сернистым газом. Также в прессе умолчали и то, что в марте французы уже применяли свои химические 26-миллиметровые ружейные гранаты, правда, не достигнув заметных результатов.

Новая атака на русском направлении была предпринята ночью 31 мая 1915 г. Из-за неподготовленности солдаты приняли облако газа за маскировку атаки и проявили к его появлению больше удивления и любопытства, чем тревоги. Вскоре лабиринты окоп оказались заполненными примерно 9 000 погибших или умирающих людей, хотя атака была отбита. Англичане также в мае потеряли ещё 7 000 человек в результате четырёх химических атак, предпринятых немцами в том числе в районе Лоос, где ответная атака англичан в сентябре привела к потере от действия собственного химического оружия 2 911 человек, четверть которых генштаб списал на немецкие атаки. В июне десятитысячные потери понесли итальянцы от химической атаки австро-венгерских войск [373]. В августе 1915 г. немецкие военные приказом фон Фалькенхайна признали отравляющие газы методом ведения военных действий [375].

«*Машина и наука произвели в войне гораздо более быструю революцию, чем в мирных производствах, и вот почему: война — это дело организации и не терпит отлагательств. Государство… может позволять десяткам тысяч своих детей умирать в вонючих городских трущобах, но оно требует немедленного изобретения средств для борьбы с ядовитыми газами и для возвращения их тем, кто их выпустил*».

В. Ньюбольд «Как Европа вооружалась к войне (1871–1914)»

Химическая война набрала обороты с обеих сторон. С апреля 1915 г. усилиями политика и главы крупнейшей английской химической компании лорда Милтона в Англии появился отряд инструкторов по химической обороне, в мае в министерстве снабжения образован департамент траншейной войны (Trench Warfare Department), военные и гражданские химики которого составили совещательные научный и промышленный комитеты [373]. В Королевском обществе был организован химический подкомитет, в состав которого вошли лауреат Нобелевской премии по химии Уильям Рамзай и один из изобретателей радио физик Оливер Лодж, предвидевший военное использование атомной энергии [375]. В конце 1916 г. англичане применили новое химическое оружие — «газометы», использование которых получило особое развитие лишь в 1917 г.

Ответным решением германцев стало смещение основного акцента химического оружия с газобаллонного на артиллерийские химические снаряды, начиная с 1917 г. Через год 50% всех выпущенных немцами снарядов были химическими

[373]. Людендорф писал в мемуарах: «*Производство газа шло в ногу с увеличением выхода снарядов. Выпуск газа из цилиндров уменьшался и уменьшался, но соответственно возрастало использование газов в снарядах*» [375]. Применение ипритных снарядов в ночь на 13 июля 1917 г. под Ипром привело к потере 2 143 застигнутых врасплох англичан. С этого дня и до 4 августа в силу непрекращающихся обстрелов англичане потеряли ещё 14 726 человек. 1 августа немцы обстреляли снарядами с «жёлтым крестом» французские войска под Верденом, что сами французы оценили как одну из самых мощных химических атак. Кроме того, эффект распыления газа немцы стали использовать как инструмент оборонительной тактики, используя газовое облако как сдерживающий фактор.

В том же месяце под руководством А. Фрайса была создана включающая семь различных отделов Военно-химическая служба с Ганлонским опытным полигоном и лабораторией в Пюто около Парижа. Согласно утверждению В. Лефебра, учреждение было основано американцами, нуждающимися в прифронтовой лаборатории. Французы стали налаживать у себя производство фосгена, дополнительно выменивая у Англии недостающий хлор в обмен на фосфор. 18 июня 1918 г. на реке Марне Франция впервые использовала снаряды с ипритом. К этому времени её собственное производство этого вида химического оружия было поставлено в таком масштабе, что она могла снабжать им всех своих союзников [373; 375].

Производство отравляющих веществ было опасным, ослепших при работах французский министр наградил орденом Почётного легиона. Поэтому к производству были привлечены немецкие военнопленные. С ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г. производство хлорина и прочих отравляющих веществ составило 50 000 тонн, примерно ещё столько же производили в Англии. Однако сказывалось отставание в логистике: там, где немцы задерживали подвоз химических боеприпасов на неделю, «союзники» — на месяц [375]. В 1917 г. появился международный комитет по распределению всех запасов химических веществ. В мае прошла англо-французская химическая конференция, в сентябре аналогичная встреча собрала представителей Италии, Бельгии и США, где в апреле 1917 г. по предложению, сделанному Военно-научному комитету Национального совета главой Горного бюро В.Х. Маннингом, появилась экспериментальная станция, преобразованная затем в отдел исследований Американской химической службы. В октябре 1917 г. был создан Отдел химической службы, делившийся на 9 подотделов, охватывавших все вопросы химической борьбы и защиты от действия газов. В следующем году фабрики химического оружия, выросшие вокруг завода в Гэнпаудер-Нэке, были объединены в Эджвудский арсенал [373].

Одним увлечением Хабера была химия, другим — театр и драматургия, и первое добавило настоящего драматизма в его реальную жизнь. После описанных событий Хабер готовился провести атаку снова. Он ненадолго заехал домой и устроил вечеринку в честь своих успехов на военном поприще. Возможно, что именно это послужило толчком к семейной трагедии. Жена Хабера Клара Иммервар (Clara Immerwahr) покончила жизнь самоубийством выстрелом в сердце из табельного пистолета Хабера в знак протеста против использования знаний химии в военных целях (по крайней мере, такова официальная версия). Однако смерть первой женщины, получившей степень доктора химии в университетах Германии, не остано-

вила Хабера. Он даже не задержался на её похороны и уже на следующий день отправился на Восточный фронт [37]. Их сын Герман также совершит самоубийство из-за «подвигов» отца, но, как говорил сам Хабер: «*Во время мирного времени учёный принадлежит миру, но во время войны он принадлежит своей стране*» [310].

Еврейское происхождение не позволяло подняться в немецкой армии в звании выше унтер-офицера, но Хабера лично Вильгельм II сделал капитаном [387], после чего тот продолжил разрабатывать всё новые отравляющие газы и методы их распыления [2]. Всего в течение Первой мировой войны было разработано около 22 химических соединений [44], маркируемых различными цветами: слезоточивый газ — белым, фосген — зелёным (более точные данные приводит подполковник генштаба Российской империи А. Де-Лазари: смесь дисфосгена с хлорпикрином), а горчичный газ иприт (дихлордиэтилсульфид) — жёлтым [372; 373].

Фосген был впервые применён в декабре 1915 г. и оказался в 18 раз токсичнее хлорина. После того как войска Антанты разработали защитные маски против хлорина и фосгена, немецкие учёные создали более летальные составы [372]. Таким был газ на основе мышьяка и фосгена, одна из разновидностей которого была разработана Хабером и произведена на заводе «BASF», представитель которого доктор Буеб (Bueb) являлся одним из трёх советников Имперской комиссии Военного департамента со стороны промышленности. Также были разработаны газы комбинированного действия, «синий крест» (дифенилхлорарсин), первый технологический этап производства которого также идентичен производству азотосодержащих красителей [375] был открыт во второй половине XIX века и обладал способностью проникать через угольный фильтр [377]. Слезоточивое вещество, вызывая сильное чихание и рвоту, вынуждало противника сбросить противогаз и подвергнуться действию других отравляющих веществ. Арсины впервые применили англичане в ночь с 10 на 11 июля 1917 г. близ Ньюпорта во Фландрии [44]. Ещё одним изобретением химиков стали впервые применённые в 1915 г. огнемёты — Flammenwerfer. Огнемётные войска состояли из групп по 36 человек, перемещающихся на транспортном средстве. Началась работа по подбору наиболее эффективных зажигательных смесей [375].

Награды и почётные звания сыпались на Хабера дождём, его посвятили в рыцари, избрали своим почётным членом Мюнхенская, Прусская и Геттингенская академии, а авторские отчисления от «BASF» сделали богачом [2], но, как пишет Д. Джеффрейс, «*Фриц Хабер был так же амбициозен в бизнесе, как кайзеровский генералитет успешен на полях сражений. Через это они нашли друг друга в вопросах того, как национальные усилия в военной области направить на поиск прибыли и её роста*». Далее он описывает процесс, как «*фирмы по производству красок… оказались вовлечены в массивную систему, которая в конце концов была завязана в схему германских политиков и военного истеблишмента и всё возрастающую финансовую зависимость от государственных кредитов и контрактов*» [1], и главными участниками этих схем оказались члены «комитета Хабера». Скажем так: концерны воспринимали себя несомненными патриотами по отношению к Германии, но, видимо, по отношению к прибыли они воспринимали себя еще большими патриотами.

Новый трест стал уже не просто союзом промышленников; он включился в процесс непосредственного влияния на власть, что стало знаковым событием. 9 сентя-

бря 1916 г. Карл Дуйсберг и Густав Крупп были приглашены на частную встречу с новым главнокомандующим полевым маршалом Паулем фон Гинденбургом и генералом Эрихом фон Людендорфом. Организованная Максом Бауэром встреча проходила в вагоне поезда на немецко-бельгийской границе под звуки канонады. Гинденбург объяснял Дуйсбергу и Круппу, как он намеревается достичь преимущества над вражескими силами для ведения войны, принявшей слишком затяжной характер [1].

Как говорилось в предшествующей встрече записке майора Бауэра: «*Мы находимся в состоянии бесперспективной обороны, а тем самым — в величайшей опасности… Спасти нас может, вероятно, только человек сильной воли, который благодаря доверию, которым он пользуется, воодушевит народ на крайние жертвы*». Было решено, что военные действия должны перейти наконец в горячую фазу, а для этого должность начальника генерального штаба должна перейти к Паулю Гинденбургу, который уже через два дня принял выгодное для немецких производителей решение «*поднять производство снарядов и минометов вдвое, орудий, пулемётов и самолётов втрое*», обеспечивая производителей новыми заказами [38], что предусматривало расширение производства военной техники и снаряжения, в том числе и химического оружия. Предполагалось увеличить расходы на вооружение, а Дуйсберг с Круппом как лидеры индустрии могли рассчитывать на серьезное участие в доходах [1].

«*Обе знаковые программы — развитие химического оружия и синтетических нитратов — поставили немецкую промышленность во взаимозависимое положение по отношению к государству. Фирмы по производству красок, предыдущее поколение которых одинаково гордилось своей научной проницательностью, активностью в бизнесе и финансовой независимостью, теперь оказались вовлечены в систему, ведущую своё начало от сцепки германских политиков, военного истеблишмента и всё возрастающей финансовой зависимости от государственных кредитов и контрактов*».

Д. Джеффрейс «Синдикат дьявола. “IG Farben” и создание гитлеровской военной машины»

Участие это стало таковым, что 70% продаж «Hoechst AG» во время войны составляли взрывчатые вещества [139]. К 1917–18 гг. 78% продаж «BASF» составляли военное оборудование и стратегические материалы [1]. На государственные субсидии был отстроен очередной завод «BASF», способный выпускать до 7 500 тонн нитратов в месяц. Завод строился под руководством Карла Крауха (Carl Krauch), и уже в апреле 1917 г. из его ворот выехал первый состав с селитрой, один из вагонов которого украшала надпись: «Смерть французам» [33].

«*В конце 1916 года как результат пересмотра ситуации с производимой продукцией они [германцы] пришли к так называемой “программе Гинденбурга”. Она включала увеличение выпуска начинки для газовых снарядов, и её реализация в результате приобрела инерцию, продлившуюся до 1918 года. Стремительная экспансия в производстве необходимых по программе Гинденбурга химикатов была понятным указанием на прогресс, сделанный германцами в исследованиях производ-*

ства новых эффективных химических средств», — пишет В. Лефебр. По его оценке, в конце войны сообщество «IG» производило от 2 до 3 млн. химических снарядов в неделю [375]. Альянс военных с химическими корпорациями, вне сомнения, был выгоден обеим сторонам.

Кроме того, он разрастался, пополняясь новыми членами. В августе 1916 г. «Dreibund» в составе «Bayer», «BASF» и «AGFA» и Трёхстороннее объединение «Dreierverband» в составе «Hoechst», «Cassella» и «Kalle» создали трест красителей «Teerfarbenfabriken» [40], к которой присоединилась фирма «Weiler-ter-Meer», один из отцов-основателей которой Эдмунд тер Меер (Edmund ter Meer) занимался текстилем с XVI века. Их семейное предприятие разработало способ окраски шёлка, а в 1887 г. фирма «Dr. E. ter Meer & Cie» совместно с поставщиками «J.W. Weiler & Cie» организовала фармацевтическое направление [83]. «*Организацией совместной капитализации прибыли через перекрёстное владение акциями компаний друг у друга, а также другими привычными средствами были снижены риски, связанные с глобальной экспансией бизнеса и увеличивающимся ростом экспортных сделок…. Содружество было абсолютно закрытым. Прибыль компаний соединялась и делилась совместно на основании согласованного процентного участия. Управление фабриками осуществлялось независимыми администрациями, информирующими друг друга о ходе работ и опытов. Соглашение также включало совместное обхождение экспортных тарифов для материалов, сделанных вне Германии, а также прочие согласованные действия по затратам на что-либо когда-либо…*» [375]. Из описания В. Лефебра видно, что основой соглашения были всё-таки не патриотические, а коммерческие интересы «IG».

Помимо данной тенденции, при которой монополии и бизнес-структуры начинают управлять государственной политикой, что станет характерным для всего XX века, руководители «IG» обозначили ряд других черт, которые станут узнаваемы в ближайшем будущем. Так, Дуйсберг оценивая промышленный план, указал на нехватку рабочей силы, и в ноябре 1916 г. кайзеровские войска депортировали около 60 000 бельгийцев на заводы Второго Рейха [1].

Католический прелат Бельгии описывал процесс так: немецкие солдаты врывались в дома, силой грузили людей в машины и отправляли для пересадки на поезд. Геббельс ещё не занимал свой пост, а немецкая газета «Kölner Volkszeitung» уже тогда описала процесс депортации как проявление «истинного гуманизма, защищающего тысячи трудоспособных рабочих от безработицы». К середине ноября в немецких шахтах уже трудилось 40 000 бельгийцев. Представители немецкой оккупационной администрации прочёсывали рынки, театры, прочие общественные места, доведя число депортированных до 66 000 человек [46]. Банковской секцией оккупационной администрации в Бельгии заведовал будущий финансовый директор «IG Farben» Ялмар Шахт [37].

«*Германские власти, не довольствуясь военнопленными, насильственно увозили бельгийцев и трудящихся других оккупированных территорий на принудительные работы в Германию. В 1918 г. в Германии находилось около 150 тыс. одних бельгийцев. Голодом, угрозами и насилием немцы старались заставить бельгийцев подписывать контракт о “добровольной” работе в Германии. Положение бельгийцев*

в германских лагерях было настолько тяжёлым, что они тысячами умирали там от голода».

Е. Варга «Истощение экономических ресурсов фашистской Германии»

Трудовая повинность, была предусмотрена 52-й статьёй 4-й Гаагской конвенции о сухопутной войне от 18 октября 1907 г. [48], но условия содержания, согласно описанию Д. Джеффрейса, вряд ли соответствовали международному праву: «*В конце 1916 года, к примеру, сотни русских военнопленных были использованы для работ на заводах "BASF" в Опау, Людвигсхафене и Лойне, на новых фабриках компании на реке Заале и ещё тысячи были привлечены в процессе войны. Менеджеры Людвигсхафена были настолько рассержены яростными протестами против бедственного содержания и несъедобного питания, что для возвращения дисциплины перевели военнопленных на "строгий режим". Остаётся только догадываться, что это означало для несчастных русских*» [1]. В одном из своих писем 1915 г. немецкий физик Вильгельм Рёнтген, чья фамилии стала нарицательной, констатировал: *«В концентрационных лагерях русские должны как мухи умирать от сыпного тифа, ужасно!*» [49], однако в цивилизованной Европе это, как часто будет и впоследствии, тогда никого не беспокоило. Жизнь самих немцев также была не такой уж и сладкой — в прямом смысле слова. 1916 год стал самым сложным для Германии, зиму 1916–1917 гг. назвали брюквенной, так как все основные продукты питания (молоко, масло, жиры животные и растительные, хлеб и др.) были заменены брюквой. Германия по самоопределению превращалась в страну «гениально организованного голода» [48].

В этом контексте важно, что к основанному союзу в 1917 г. присоседилась фирма «Chemische Fabrik Griesheim-Elektron», дополнив новое корпоративное объединение «Kleine IG» [40]. Несмотря на внедрение ацетиленовой и дуговой сварки, производство алюминия с помощью электролиза и получение поливинилхлорида, получившего столь широкое распространение в современности, красильные фабрики в Оффенбахе в начале века оставались самым прибыльным направлением для «Griesheim-Elektron» [86]. Компания специализировалась на проведении реакций, связанных с электролизом, который стал занимать существенное место в технологии изготовления красителей, и развивалась за счёт поглощений «Oehler Werke» и «Chemikalien Werke Grieshrim», став крупнейшей красильной лабораторией [375]. «Griesheim-Elektron» была основана Людвигом Байстом (Ludwig Baist), чья династия гессенских фармацевтов упоминается ещё в XV веке. Основным направлением «Chemische Fabrik Louis Baist & Co.», открытой в середине XIX века при поддержке основателя будущего партнёра «IG Farben» компании «Degussa» Гектора Весслера (Hektor Rössler), стало производство сельскохозяйственных удобрений [85; 87].

Актуальность такого направления, возможно, была ничуть не меньшей, чем у взрывчатых веществ. В 1895 г. ещё один ученик Августа Гофманна, английский исследователь Уильям Крукс (William Crookes), впервые в публичном выступлении описал приближающуюся продовольственную катастрофу из-за истощения залежей чилийской селитры [302; 304].

В этот период ввозимые Англией удобрения стали предметов государственного интереса. Ещё выдающийся немецкий химик Юстус фон Либих (Justus von Liebig) писал про Англию: «*Она выгребает плодородность других стран… Она вспахала поля Лейпцига и Ватерлоо и Крыма и уже добралась до захоронений в итальянских катакомбах …она вывозит с чужих берегов навозный эквивалент трёх с половиной миллионов мужчин, как вампир, присосавшийся к шее Европы*». Крукс продолжил апокалипсические прогнозы, выступая в 1898 г. перед Британской ассоциацией развития науки [1]. Он призывал ликвидировать угрозу «азотного голода», научившись превращать атмосферный азот в искусственные азотные удобрения: «*Очень возможно, что этот скромный опыт приведёт когда-либо к большой промышленности, предназначенной решить великую проблему пищи*» [302]. В начале XX столетия профессора химии говорили студентам: «*Главным сырьевым источником для получения азотной кислоты является селитра, и именно чилийская, запасов которой при самом экономном расходовании её может хватить лет на тридцать. Что дальше будем делать, мы пока не знаем*» [16]. Таким образом открытие процесса синтеза азота Фрицем Хабером помимо обеспечения селитрой отодвинуло проблему быстро истощающихся чилийских нитратов [2] для удобрений.

Действительно, сегодня с помощью процесса Хабера – Боша производится более 100 млн. тонн азотных удобрений. От трети до половины атомов азота в наших телах получены с помощью этого процесса [5]. Правда у него есть и обратная сторона: окисленный азот, в течение 50 лет поступающий в почву, нарушил её естественный баланс, что привело к тому, что сегодня наш организм получает продукты с его повышенным содержанием, что может вызвать отравление [73].

Научный подход подтолкнул исследователей из «Hoechst» освоить выпуск препарата нитрагина, содержащего культуру способных связывать неорганический атмосферный азот бактерий Rhizobium, которую фермеры подсаживали в свои земли. Разработка стала следствием открытия Германом Гельригелем азотфиксирующих бактерий [27]. Так на коммерческой основе зарождалась микробиология. В тех же краях, на франко-германской границе в районе Страсбурга русский учёный Сергей Виноградский, открыв хемосинтез, по сути заложил основы микробной экологии и биогеохимии. По возвращении на родину он стал директором Санкт-Петербургого института экспериментальной медицины, где ему помогал Д. Заболотный, основатель отечественной эпидемиологии [132].

Несмотря на продемонстрированную способность преодолевать нехватку ресурсов силой научной мысли, немцы войну всё-таки проиграли. Тем не менее, стало очевидно, что в германских руках находится универсальная военная машина, в которой сосредоточены лучшая в мире научная школа и технологическое производство — кое-кто увидел в этом универсальный инструмент, используя который можно проложить себе дорогу к мировому доминированию. Даже после окончания войны центростремительные силы немецкого химического производства усиливались. Так, в августе 1919 г. появился «Азотный синдикат» в рамках «Stickstoff Syndicat GmbH» с преобладающей долей «BASF» [375].

«*В лице “ИГ” мы имеем организацию, зловещие предвоенные разветвления которой господствовали над всем миром — путём гегемонии над снабжением органическими химикалиями, необходимыми и для мирных и для военных целей. Эта организация была своего рода кровеносной системой германской агрессивной военной машины. Из немецких источников нельзя узнать многого о военной деятельности и будущем значении ИГ. Над всем этим делом как бы опущена завеса тайны, но те, кто опустил эту завесу, хорошо понимают значение “ИГ” как козыря в будущей игре*» [12].

В. Лефебр «Загадка Рейна»

4. Рождение «IG Farben»

«*После Первой мировой войны позиции германских монополий усилились в результате полученных во время войны огромных прибылей, разорения и ликвидации множества менее мощных предприятий, а также за счёт крупных займов, предоставленных главным образом США. Прошла новая волна концентрации производства и капитала, образовался ряд крупнейших монополистических объединений. В 1925 г. возник химический трест "ИнтересенГемейншафт Фарбениндустри". Он сосредоточил в своих руках все основные химические производства, почти всё производство красителей, значительную часть производства синтетического азота, бензина, каучука и других заменителей*».

Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. М.: Наука, 1965.

Свои активы немецкие химики начали терять непосредственно с началом Первой мировой, которая и остановила экономическую экспансию, построенную на их технической мысли. Воюющие стороны изымали активы по законам военного времени. В частности, российский «BASF» попал под особое правительственное управление под председательством представителя Министерства торговли и промышленности Н.А. Курова, с 1915 г. производя взрывчатые вещества уже для российской армии [63].

В тот же год британское правительство заявило, что аспирин больше не является эксклюзивным продуктом «Bayer», и вскоре в австралийском Мельбурне химик Джордж Николас выпустил новый бренд «Aspro», вскоре ставший лишь одной из множества вариаций препарата, который «Bayer» считал своим. Когда же дело дошло до оккупации вражескими войсками, то интерес к патентам у стран Антанты проявился ещё более откровенно. Британские и американские специалисты также обыскивали кабинеты и допрашивали специалистов [1].

«*Анализ показывает великолепную структуру вязкой сети, в которую Германия запутала и в которой удерживала индустрию органической химии других стран. Хотя в начале войны союзники медленно осознавали военное значение красильной индустрии, они всё же быстро разрушили продолжение её мирного существования, не представляя для себя столь унизительного положения.*»

В. Лефебр «Загадка Рейна»

Пожалуй, это высказывание было бы ещё более верным, если бы анализ офицера английской химической службы продемонстрировал, что своё угрожающее технологическое отставание в потенциально военной сфере стало союзникам понят-

но ещё до начала войны, ими же с указанной целью и развязанной. В США после объявления войны Германии 6 апреля 1917 г. Конгресс провёл Акт о коммерческой деятельности с представителями врага, по которому был составлен список активов Германии, подлежащих изъятию. Офис Попечителей иностранной собственности возглавил конгрессмен из Пенсильвании А. Митчелл Палмер (A. Mitchell Palmer). Он и помощник министра юстиции Фрэнсис Гарван (Francis Garvan) с энтузиазмом принялись выявлять немецкую собственность, оцениваемую в 950 млн. долларов, укрытых в различных холдингах и трестах.

4 ноября 1918 г. наблюдатель совета директоров завода в Людвигхгафене заговорил об оккупации «BASF» вражескими войсками. Несколько тонн химических компонентов и готовой продукции были отправлены вглубь Германии. Технические приборы и разработки были разрушены или спрятаны, но производство селитры осталось целым и немецкое «ноу-хау» превратилось в трофей. Бош изыскивал разные отговорки не запускать завод, но французские и американские специалисты и без этого активно изучали технологические процессы [1].

Желание добраться до немецких секретов было велико. Примером тому непростая история открытия первого антибактериального лекарства под названием стрептоцон. В 1909 г. доктор Генрих Герлейн оформил патент на терракотовый краситель. Впоследствии работая для Interessen Gemeinschaft, он продолжил проверять каждое новое сульфонамидное соединение не только в качестве красителя, но и в качестве медикамента, чему особым стимулом послужило сообщение другого немецкого учёного, Эйзенберга, в 1913 г. о том, что коричневый краситель хризодин, связанный с сульфаниламидом, уничтожает некоторые бактерии. После Первой мировой войны, в 1919 г., два специалиста Рокфеллеровского института в США, д-р Гейдельбергер и д-р Джекобс, самостоятельно добились некоторых успехов в изучении сульфопрепаратов, но им не хватало опыта, наработанного исследователями в Германии. Заставить немецкий концерн поделиться секретами было бы не так просто, если бы не условия, на которых закончилась для Германии Первая мировая [1; 12; 37; 52].

В рапорте 1919 г. попечители иностранной собственности предлагали оценивать активы «IG» с учётом инвестиций в масштабе почти 400 млн. марок: «*Не может быть сомнений, что огромная мощь этого коммерческого оружия была создана специально для предполагаемой войны, после войны предназначается для проведения в больших масштабах и с большим эффектом тех различных методов, которыми Германия обеспечивала конкурентные противостояния*» [375]. 172-я статья Версальского договора гласила: «*В течение трёх месяцев с момента вступления в силу настоящего договора правительство Германии раскроет правительствам стран Альянса состав и методы изготовления всех взрывчатых, отравляющих и прочих веществ, использованных в ходе войны или предназначенных для использования*» [2]. То есть договор обязывал Германию раскрыть технологию всех военных секретов, несмотря на то, что в своё время именно стремление защитить технологические секреты послужило причиной создания в «BASF» собственного строительного подразделения, занимавшегося возведением и монтажом технологических линий новых предприятий [307].

Чтобы представить важность владения технологиями, достаточно вспомнить, что после окончания войны «Bayer» через медицинские круги предложил англи-

чанам вернуть обратно африканские колонии в обмен на германин (Bayer-205). «Germanin» был получен в 1916 г. Рихардом Котэ, Оскаром Дресселем и Бернхардом Хейманом как лекарство от чумы крупного рогатого скота и сонной болезни, необходимое для освоения колоний. Его очень сложный состав хранился в тайне, и неизвестно, как закончились бы переговоры, если бы французский химик Фурно вовремя не разработал аналог немецкого препарата [12; 312].

Союзники пытались схватить и автора синтеза азота Фрица Хабера, но тот скрылся в Швейцарии. Пресса утверждала, что к нему присоединился глава «Bayer»: «*“New York Times” писала, что и “основная связка между “бизнесом” и генералом Людендорфом… самый активный пан-германист” Карл Дуйсберг скрылся в Швейцарии*», — описывает ситуацию Д. Джеффрейс: «*Это было неправдой, в начале декабря Карл Дуйсберг, как и большинство топ-менеджеров его предприятия, встретили новозеландские оккупационные войска в Леверкузене. Всё, что можно было конфисковать в счёт будущих репараций, бралось на заметку, по пятам войск шла дюжина французских военных специалистов по химии, рыскающих в поисках информации о технологиях производства взрывчатых веществ, газов, красок, нитратов и т.д.*» [1].

Хабер «всплыл» на поверхность в составе немецкой делегации на Парижской мирной конференции, куда прибыл вместе с Бошем. Вместе они стали свидетелями всё возрастающих требований и откровенного шантажа со стороны победителей, которые выторговали себе право до 1 января 1925 г. выкупить четверть Interessen Gemeinschaft по цене ниже рыночной при условии, что ни один патент или актив не будет возвращён прежним владельцам в счёт компенсации военных издержек, а права немецких торговых марок будут аннулированы. Несогласный с решениями Версаля Мендельсон-Бартольди писал своё видение причин войны, где её зачинщиком выставил Россию, но ещё одним требованием победителей стало сравнять с землёй сами немецкие предприятия, что вместе с предыдущим означало хоть и завуалированное, но обычное воровство технологии [1; 33].

Не дожидаясь окончательного решения, Карл Бош под покровом ночи спустился по карнизу, перелез через колючую проволоку, за которой содержалась немецкая делегация, и покинул отель-тюрьму для встречи с Жозефом Фроссаром (Joseph Frossard), служащим немецкого химического предприятия во Франции, конфискованного с началом военных действий. Через него Бош предложил передать союзникам технологию процесса Хабера – Боша лишь за 10% её номинальной стоимости в обмен на отмену решения о разрушении заводов в Леверкузене, Опау, Людвигсхафене, Лойне и Хёхсте и небольшое вознаграждение с каждой произведённой тонны продукции. Двумя днями позже Бош покинул территорию немецкой делегации уже через главные ворота для переговоров с французскими министрами. Он объяснял стратегическое значение химических предприятий в производстве удобрений и заявлял, что их закрытие вызовет в Германии голод. Французская сторона запросила строительство аналогичных предприятий на французской территории с обучением персонала. Бош просил вернуть 50% долю конфискованных предприятий [1].

Стратегия Боша основывалась на понимании, что недостаточно просто украсть патенты. Для немецкой научной школы это были годы исследований. Позже он высокомерно заявит о своих новых партнёрах: «*Французы могут обжигать кирпи-*

чи, но не изготавливать красители» [46]. Высокомерие Боша было оправдано. Хотя после войны красители помимо Германии стали производиться в Швейцарии, США, Японии и Великобритании, но их разработки в основном касались лишь усовершенствования уже открытых соединений. Одним из исключений можно назвать аквамариновые красители, разработанные химиками фирмы «Scottish Dyes», быстро поглощенной «Imperial Chemical Industries» (ICI) [305]. Вторым исключением был скачок химического производства Японии, в которой валовая продукция этой отрасли которой в 1914 г. составила 40 млн. долларов, а в 1933 г. — 250 млн.; но это происходило как раз под руководством немецких химиков [373].

Однако даже изготовление прототипов и аналогов лишало немецких производителей прежней доли прибыли. В 1920 г. рост промышленности Германии составил лишь 47% от 1913 г. [331]. Если экспорт немецких красителей в 1913 г. составлял 109 тыс. тонн, то в 1932 г. только 25 тыс. тонн, в то время как в Англии производство возрасло с 4 тыс. тонн в 1913 г. до 27 тыс. в 1936 г. [291].

Перед войной, в 1912 г., в Россию было ввезено 2 228 тонн красителей и ещё 8 400 тонн было произведено на немецких заводах на территории страны. Во время войны производство было остановлено и попытки создать отечественную красочную промышленность успеха не имели. К 1925 г. удалось наладить выпуск 4 304 тонн красителей. Дореволюционный уровень в размере 12 824 тонн был достигнут в 1932 г., после чего производство красителей полностью перешло на отечественное сырье [347].

В целом относительно 1913 г. рост промышленности США в 1920 г. составлял 11%, а в 1929 г. уже 73% [331]. Если в 1914 г. в США работало лишь 7 небольших химических фабрик, к 1932 г. их количество выросло до 87, увеличив оборот в 13,8 раз [291]. Если в 1918 г. месячная мощность химических предприятий составляла 0,6 тонн, то в середине 30-х годов — 35 тонн. Для сравнения: в этот же период Германия увеличила свою производительность с 1,5 до 20 тонн [373]. В США для использования немецких патентов тем же Фрэнсисом Гарваном, который, будучи помощником министра юстиции, изымал немецкие активы, теперь уже в должности попечителя иностранным имуществом был создан «Chemical Foundation», распределивший патенты по американским компаниям.

Однако заметим, что внесшие в фонд 125 тыс. долларов Дюпоны, получив ряд технологий [12], так и не смогли самостоятельно их освоить. Не дожидаясь, когда Бош отпустит какую-нибудь злую шутку и в их адрес, в компании «DuPont» прибегли к уловке. В Европу был послан один из директоров «DuPont» д-р Кунце (Kunze) с секретной миссией переманивания немецких технических специалистов, способных запустить производство. В октябре 1920 г. четырём специалистам «Bayer» по красящим составам Максу Енгельманну (Max Engelmann), Йозефу Флахслендеру (Josef Flachslaender), Генриху Ёрдану (Heinrich Jordan) и Отто Рунге (Otto Runge) был предложен невероятный по тем временам пятилетний контракт стоимостью $ 25 000 в год, что превышало их тогдашний заработок десятикратно. Прежде чем они покинули страну, немецкая пресса раздула громкий скандал о промышленном шпионаже, газеты запестрели заголовками: «Четверо предателей», «Американский заговор против немецкой промышленности красителей». Германия выписала ордер на арест химиков, но, «прибегая к помощи американской армии», все четыре хими-

ка были вывезены в США и приступили к работе в лаборатории «DuPont» [1; 46; 50]. В результате у Дюпонов появились две фирмы, выпускающие красильные составы, — «Allied Chemical and Dye» и «American Cyanamyde». Чтобы избежать эксцессов вновь, о получении технологии аммиачного процесса Хабера – Боша Дюпоны предпочли уже договариваться, отправив в 1919 г. в Швейцарию представителей [12]. Вскоре появилась ещё одна договорённость между «DuPont», немецкой компанией «Rohm und Haas» и «IG Farben» об использовании акриловой кислоты [54]. В 1924 г. у «Bayer» появилось очередное совместное с американцами предприятие «Grasselli Dyestuffs Co.», на 65% принадлежащее концерну и, как следует из названия, занимавшееся также красильными составами [12]. Экспансия «AGFA» выразилась в приобретении в 1928 г. нью-йоркской компании «Ansco Photo Products, Inc.», основанной ещё в 1842 г. [318].

Американский рынок был необходим немецким производителям, поэтому партнёрство было выгодно обеим сторонам. Бывшие противники могли понуждать немцев к научно-техническому сотрудничеству. Со своей стороны, немецкие компании в ситуации, когда их иностранные активы, товарные марки и патенты были экспроприированы, искали способ вернуться к деятельности [51].

Показателен пример того, как немцев отодвинули и от рынка оборота наркотиков. Если в 1915 г. фирма «Bayer AG» поставляла героин в 22 страны, то после Версаля, к 1922 г., наряду с Германией производство героина освоили в Италии, Франции, Нидерландах, Швейцарии, Японии, Советской России и Турции [294]. Первая мировая переделила рынок наркотиков, что указывает на реальные причины её начала. Стоит обратить внимание на то, что передел европейских территорий происходил так, что империи, как правило, разукрупнялись. Тем не менее, на Парижской конференции, проходившей как раз не в интересах Германии, был реализован и обратный процесс: появилось объединённое Королевство сербов, хорватов и словенцев. Когда журналист «Киевской мысли» Лев Троцкий писал: «*Сербию тщательно готовили для очень специальной роли*» [32], он, конечно, вряд ли предполагал (хотя специальность роли предвидел правильно), что объединённое королевство станет основным европейским поставщиком опиума.

Медицински обоснованное количество потребляемого героина в то время не должно было бы превосходить 10 тонн, однако между 1925 и 1930 г. его мировое производство достигло 34 тонн, выбрасываемые на рынок 23 компаниями, несмотря даже на то, что уже с 1924 г. федеральный закон США сделал любое использование героина незаконным [22; 23]. Попробую предположить, что с этого момента его цена выросла.

По совпадению в этом же году французская «Comptoir Central des Alcaloides» (Центральная компания по торговле алкалоидами), руководимая бельгийцем Полем Мошером, стала приобретать в Сербии земли под посевы мака. Его урожай в том году дал компании 38 400 килограммов продукта, а в 1925 г. почти удвоился. Себестоимость его из-за сокращения транспортных издержек была, естественно, ниже азиатского, и, кроме того, содержание морфина составляло не 9, а 13%. Неудивительно, что Югославии позволили не подписывать Ограничительную конвенцию 1931 г., по которой производство любых, в том числе и синтетических опиатов или кодеина согласовывалось четырьмя правительственными экспертами по

оценке потребности для медицинских и научных целей [34]. Таким образом, послевоенное устройство мира, устроившее на Балканах аналог современного Афганистана, и Ограничительная конвенция скорее устраняли для «Comptoir Central des Alcaloides» конкурентов, а не решали вопросы регулирования оборота опиумных препаратов.

Так была устранена конкуренция со стороны «Bayer». Не лучше шли дела и у других немецких химических производителей. 21 сентября 1921 г. на одном из предприятий «BASF» в пригороде Людвигсхафена Оппау сдетонировали 8 тонн некондиционных отходов нитратов и сульфатов аммония, что привело к гибели 560 человек и разрушило сам городок [33; 12]. Восстановление завода легло на плечи потомственного химика Карла Крауха, с 1912 г. являвшегося по сути правой рукой Боша и сумевшего защитить 60 патентов [33]. Краух проявил недюжинные организаторские способности, запустив завод менее чем через четыре месяца, но в октябре следующего года в результате крупнейшего пожара сгорели склады у фирмы «Kalle AG» [84].

После Рождества 1922 года немецкая сторона дважды просрочила выплаты по репарациям, нарушив график поставки телеграфных столбов и угля во Францию и Бельгию. В январе французские и бельгийские войска в составе 17 000 солдат пересекли границу в районе Рура — формально для того, чтобы забрать недополученные по репарациям товары, на самом же деле для установления полного контроля над немецкой промышленной зоной с целью не дать немецкой стороне умышленно обесценивать платежи по репарациям с помощью задержек или иным способом, и установления полного экономического контроля, который они намеревались получить по Версальскому договору. Отрезав регион от остальной Германии при слабом сопротивлении немецких жителей, Франция захватила и депортировала около 4 тыс. гражданских служащих, железнодорожных рабочих и полицейских в качестве заложников. Французские войска отгружали найденные готовые химикаты: повторялась ситуация декабря 1918 г. [1].

Развернувшееся революционное движение не решало экономических проблем Германии. На пике инфляции рабочий «Hoechst» успевал зарабатывать 10 млрд. марок в час при стоимости обеда в столовой 4,5 млрд. марок. Летом 1920 г. и осенью 1921 г. на заводе прошли демонстрации, вылившиеся в беспорядки [139]. Финансовая катастрофа привела к тому, что в 1923 г. «BASF» начал выпускать свою валюту — «анилиновый доллар»; реальный к тому времени стоил уже 4,2 триллиона марок. Это были отголоски общей финансовой катастрофы того времени. Вводились жёсткие нормы труда, весной 1921 г. попытка сделать фотографию рабочего привела к столкновениям, потребовавшим применения артиллерии; в результате погибли 30 рабочих и 1 полицейский [33; 12].

В 1920 г. предприимчивый заместитель начальника отдела контроля над конфискованными немецкими предприятиями в «Управлении по охране секвестрованной иностранной собственности» Эрл Маклайнток совершил поездку в Баден-Баден, где познакомился с Карлом Бошем и Германом Шмицем, будущим архитектором финансово-юридической схемы «IG Farben».

Его давний друг, способный химик, в прошлом владелец аптеки Уильям Уэйсс (William Weiss) в декабре 1918 г. приобрёл на подставные фирмы на аукционах, к

которым Маклайнток имел отношение, завод в Ренсселере. Собственность «Bayer» стала собственностью «Sterling Products, Inc.», а Маклайнток стал в новой компании младшим партнёром. В работе нового предприятия первооткрыватель обезболивающего «neuralgine» Уэйсс столкнулся с проблемой управления немецкоговорящим персоналом и с тем, что ключевые менеджеры предприятия были депортированы из США как иностранные агенты. Если производство красок было им быстро перепродано, то необходимость разбираться с фармакологическим производством привела его в 1919 г. в небольшой отель в Баден-Бадене, где он встретился с Дуйсбергом, начав сложные переговоры о сотрудничестве.

9 апреля 1923 г. они наконец договорились о разделе рынков сбыта. Фирма «Sterling», в качестве филиала получившая название «Winthrop Chemical Co.», имела право производить продукцию «Bayer» в Северной Америке, обладая эксклюзивными правами на продажу фармпрепаратов на территории США, Канады, Великобритании, Австралии и Южной Африки с условием, что половина прибыли возвращается в Леверкузен. Прибыль от продаж в Южной Америке делилась плавающей ставкой от 25 до 75% [1; 12; 37; 52].

«*В 20-е годы Уэйсс заключил с "ИГ Фарбен" соглашение сроком на 50 лет, по которому мир "по-братски" оказался поделён вплоть до Новой Зеландии и Южной Африки на два рынка сбыта. Ими была совместно создана компания "Альба фармацевтикал Ко", 50 процентов акций которой принадлежали "ИГ Фарбен". В течение последующих 30 лет "Альба", "Стерлинг" и "ИГ Фарбен" обменивались между собой членами советов директоров и изощрялись во всяческих хитроумных махинациях*».

Чарльз Хайэм «Торговля с врагом»

«Winthrop Chemical Co.» получила право на распространение того самого стрептоцона, который не смогли самостоятельно освоить исследователи Рокфеллеровского института и который в то же время являлся красителем на основе сульфаниламида. Новый патент в 1932 г. оформили сотрудники «IG» доктора Митч и Кларер. Через год доктор Ферстер в Дюссельдорфе спас с помощью стрептоцона, или, как его ещё стали называть, пронтозила, ребёнка от заражения крови, дав препарату дорогу к широкому применению. С этого момента препаратами этого направления в «IG» занимался доктор Герхард Домагк, но состав их по-прежнему тщательно скрывался [12]. Деловая переписка «IG» и «Winthrop» в 1934 г. содержит такие строки: «*Война цен выгодна только потребителю, а поддержание определённого уровня цен было бы выгодно для всех конкурирующих фирм*» [54]. Конкретно для этих компаний разделение труда сложилось следующим образом: немецкие химики работали непосредственно над технологиями, т.е. в этом симбиозе «Bayer» решал вопросы технического департамента, а компания «Winthrop» сконцентрировалась на фармакологическом бизнесе «Farbenfabriken Bayer» и приложила все усилия для создания лояльности потребителя к марке и продвижения продукции всех 63 филиалов [53]. Лишь к 1936 г. французский бактериолог Левадиди наконец установил, что стрептоцон являлся лишь тем самым сульфаниламидом, который Герлейн запатентовал ещё в 1909 г. и к открытию которого вплотную подошли специ-

алисты Рокфеллеровского института ещё 17 лет назад [12]. После этого его формула наконец стала доступна миру.

В 1920 г. не только Эрл Маклайнток пошёл навстречу немецким химикам. 1 июня этого года можно считать началом их более широкой реабилитации: Фриц Хабер получил в этот день в Стокгольме Нобелевскую премию, которую из-за печальной связи его имени с химическим оружием в целях политкорректности не вручал монарх Швеции. Мировая общественность тоже осудила выбор Нобелевского комитета, остановившего его на Хабере, зато его оправдывал сын Хабера Людвиг в мемуарах: «*Он действовал в интересах своей страны…. Верхи действуют беспринципно, прикрываясь национальными интересами, а подданные помогают правителям, оправдываясь, в свою очередь. Сожаление и раскаяние могут смягчить осуждение истории, но Хабер был слишком уверен в своей правоте, чтобы встать на этот путь*» [2]. Опасений относительно новых сомнительных «научных подвигов» Хабера не должно было возникать. Германии 171-я статья договора запрещала использование, производство или импорт химических составляющих, включая «*удушающие, отравляющие или иные газы и все аналогичные вариации*» [372]. Кроме того, в мае 1920 г. в Совете Лиги Наций появилась постоянная консультационная комиссия военных экспертов, переводившая производство «военных» газов под международный контроль путём разработки санкций к нарушителям запрета их использования [114], также наложенных на биологическое оружие. Аналогичный запрет приняли на себя все страны-участники Вашингтонского соглашения, заключённого во время конференции по ограничению вооружений, проходившей с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. [372].

Тем не менее, после того как Хабер занял также должность директора Института кайзера Вильгельма [2], он в начале 20-х годов открыл новую страницу истории отравляющих веществ, разработав инсектицид «Циклон А» [69]. В 1922 г., управляя группой учёных в составе Вальтера Хёрдта (Walter Heerdt), Герхарда Петерса (Gerhard Peters) и Бруно Теша (Bruno Tesch) [374], он совместно с Карлом Вурстером разработал более знаменитый «Циклон-Б» [37; 61]. В этом-то и была особенность нового оружия — оно обладало двойным назначением и всегда могло развиваться в виде гражданского варианта. Лефебр описывал свои опасения относительно химического оружия: «*Никакая инспекция или "секретный агент", находясь за соседним лабораторным столом, никогда не определит подлинную цель исследования новой краски*».

«*Что касается отказа от употребления ядовитых газов, то следует вспомнить, что ни одно могущественное боевое средство никогда не оставлялось без применения, раз была доказана его сила, и оно продолжало существовать вплоть до открытия иного, более сильного. Ядовитый газ показал себя в мировой войне одним из самых сильных видов оружия. Только по одной этой причине он никогда не будет упразднён. Употребление его нельзя приостановить каким-либо соглашением, потому что если путём соглашения можно приостановить употребление какого-либо могущественного оружия войны, то и всю войну можно было бы предотвратить соглашением*» [373].

А. Фрайс, К. Вест «Химическая война»

В британской лаборатории Портон Даун также проходили исследования на животных, о чём в 1922 г. доложил парламенту заместитель военного министра Уолтер Гиннесс (Walter Guinness). Эти эксперименты продолжились и впоследствии; к примеру, в 1924 г. таковых было произведено уже более тысячи. Женевский протокол 1925 г. несколько уменьшил их интенсивность, но с 1921 по 1937 г. всего было проведено 7 777 опытов на животных, не считая того, что с 1929 по 1930 г. участниками экспериментов химического оружия стали 520 добровольцев королевских ВВС и флота [372]. Иприт был применён Францией и Испанией в Рифской войне против берберских племён [389]. В 1918 г. в США произвели отравляющее вещество люизит, ранее исследовавшееся немецкими учёными; его отгрузили в американском порту, но война успела закончиться. Однако Япония будет использовать люизит в войне с Китаем с 1937 по 1944 г. [378]. Таким образом, применение химического оружия и военная наука в направлении его разработок не остановились.

Поэтому, если размышлять о реабилитации Хабера, несмотря на его действительные заслуги, признанные не только в мире, но и в СССР, где он в 1932 г. был избран почётным членом Академии наук [387], его возвращение к науке в сфере «двойного назначения» заставляет задуматься: не была ли реабилитация инспирированным извне «подкупом» учёного с намеренным возвратом к военным разработкам?

Примеры внешнего влияния на политику «IG» были. Так, исследование сульфаниламида проходило под знаком секретности именно потому, что его запрещало картельное соглашение со швейцарской красильной фирмой «Chemische Fabrik vormals Sandoz», принадлежащей банковскому семейству Варбургов. Тогда, в 1920 г., у швейцарцев слиянием «Sandoz», «Ciba» и «Geigy» появился свой красильный концерн [12; 288; 311], который, как видно из примера, мог направлять работу немецких коллег, несмотря на их превосходящие активы. К 1924 г. в немецкий химический конгломерат входили уже 37 промышленных предприятий и 91 сбытовой филиал, где трудилось около 100 тыс. рабочих и служащих [61], и он стоял на пороге нового слияния.

25 декабря 1925 г. «Bayer», «BASF», «AGFA», «Hoechst», «Griesheim Elektron» и «Weiler-ter-Meer» подписали соглашение о полной кооперации. «Kalle & Cassella», формально оставшись независимой, примкнула по отельному соглашению [1] к «Interessen Gemeinschaft Farbenwerke der Deutschen Teerfarbenindustrie» или, по самому известному названию, «IG Farben», в котором 42,5% акций всё же принадлежало главенствующей компании «Bayer» [57]. После слияния к 1926 г. уставный капитал составил около 1,1 млрд. рейхсмарок [80; 61]. Несмотря на инфляцию, обороты через три года увеличились лишь до отметки 1,4 млрд. [61]. При этом уже через год активы «IG» утроились [46], что, вероятно, объясняется тем, что в сейфы «IG Farben» хлынул многомиллионный поток иностранных займов [61] и новой стратегией развития концерна стало поглощение и взятие под контроль химических производств по всему миру.

«*В день поглощения “IG Farben” стоила 646 млн. рейхсмарок, а уже через год 1,2 млрд. Немецкие акционеры, банки, интернациональные финансовые институты наполнили международного колосса инвестициями. В течение следующих не-*

скольких лет гигант сделал ставку на поглощение компаний в области химии, стали, угля и топлива, таких как "Dynamit AG", "Rheinische Stahlwerke AG", "Koln-Rottweil AG", "Westfalishe-Anhaltische Sprengstoff AG" и "Deutsche Gasolin Group"».
Д. Джеффрейс «Синдикат дьявола. IG Farben и создание гитлеровской военной машины»

Следует обратить внимание, что все три предприятия — присоединённые в 1926 г. «Dynamit AG», «Rheinische-Westfaelische Sprengstoff AG» [12] и «Köln-Röttweil AG», — с которых стартовала стратегия поглощения вновь образованного химического треста, являлись крупнейшими немецкими лидерами в области производства именно взрывчатых веществ. Все они сразу же были включены в новую вертикально-ориентированную структуру подчинения [46], как это было в предыдущей версии «IG», куда малые предприятия сгоняли силой. Теперь шёл тот же процесс, но уже масштабнее. То есть если немцы готовили себя к войне мировой, то теперь кто-то шёл к войне сверхмировой, собирая под свой контроль всё новых и новых производителей военно-стратегического назначения.

Тот, кто вливал свои капиталы в «IG Farben», помогал открывать концерну двери, которые раньше для него были закрыты. Изначально попытка приникнуть на рынок взрывчатых веществ США в 1925 г. натолкнулась с угрозу всесторонней войны на всех иностранных рынках со стороны «DuPont» и его «Hercules Powder Co.» [12]. Теперь же «DuPont» вошла в коалицию с «Dynamit-Nobel», а к 1929 г. посредством филиалов мегаконцерна — американского «Winthrop Chemical», английского «Imperial Chemical» и японского «Mitsui» — существенные пакеты акций в «DuPont» и «Eastman Kodak» также перешли к «IG Farben». По договоренности холдинг приступил к изготовлению целлофана по лицензии «DuPont», а последняя стал собственником половины акций американской «Bayer Semesan Co.» и 6% обыкновенных акций «IG Farben» [70]. Появились картельные соглашения с швейцарской «Ciba» и французским гигантом «Kuhlmann» [1], приобретение которого было для сотрудников «IG Farben» чем-то вроде реванша за Версальский мир. Всё лето они скупали акции «Kuhlmann», за семь недель взвинтив их стоимость с 450 до 1000 франков. В ответ французы пошли на хитрость: при поддержке военного министра палатой депутатов в спешном порядке был принят закон, который разрешал выпуск восстанавливающих баланс дополнительных 100 000 акций; владеть ими имели право только французские граждане. В результате в 1927 г. между «IG» и «Kuhlmann» было подписано картельное соглашение, предусматривающее общие агентства продаж, обмен технической информацией и совместное ценообразование на продукцию.

Параллельно захвату французской химической промышленности «IG Farben» поглотила итальянскую «Montecatini» [37], а в Лондоне после признания, что конкурировать дальше ресурсов нет, в 1932 г. был окончательно присоединен английский концерн «Imperial Chemical Industries» (ICI) [12; 46]. Сегодня он известен как крупнейший мировой концерн «AstraZeneca»; частью его является другая известная компания — «Syngenta».

Головной офис этого английского аналога «IG» был расположен в известном здании «Millbank» [320], куда поступали раненые с химическими отравлениями

во время Первой мировой [375]. Он был создан по образцу немецких химических концернов примерно в то же время, в 1926 г. [12], соединив английские предприятия «Brunner Mond, Nobel Explosives», «United Alkali Co.» и «British Dyestuffs Corporation» [320]. Хотя среди держателей акций числился даже Невилль Чемберлен [319], у основания компании стоял один из лидеров британского сионистского движения Альфред Монд (лорд Мелчетт) [322]. Совместный контроль немецкого и английского химических гигантов по итогам 1927 г. распространялся на 80% мирового производства красителей, посредством чего они поделили весь мир за исключением СССР и США [54]. Кроме того, присоединив ICI, немецкий концерн приобрёл контроль над 95% всей английской химической продукции, 100% производства азота, 50% — красителей, существенной частью производства пороха и стрелкового оружия. Кроме того через «Imperial Chemical» у немецкого спрута появились связи с «De Beers» и «International Nickel Co. of Canada» [323].

В результате образовавшегося союза «IG Farben» в 1935 г. выступала консультантом по строительству крупнейшего химического завода на северо-востоке Англии для ICI [37]. В это время, в период с 1929 по 1938 г., «Imperial Chemical Industries» получила 73 млн. фунтов стерлингов прибыли [321]. Во время Второй мировой войны у «Imperial Chemical» появилось своё фармацевтическое производство, стартовавшее с внедрения в 1940 г. антималярийного препарата палудрин [320]. В этот период валовая прибыль концерна увеличились вдвое, с 9 млн. фунтов стерлингов в 1938 г. до 18,2 млн. в 1944 г. [321].

«*Поставки нефти гитлеровскому вермахту были весьма выгодны и английским нефтяным концернам. С одним из них — крупнейшим английским химическим трестом "Империэл кемикл индастриз" ("ИКИ") "ИГ Фарбен" поддерживал тесные картельные связи ещё с 1932 г. Заправилы "ИКИ" без малейших угрызений совести положили в свой карман огромные прибыли, полученные в результате поставок нефти нацистской Германии в период войны*».

Ф.Я. Румянцев «Концерн смерти»

Высокая доходность была обеспечена не только новой сферой, но и совместным с немцами ценообразованием, которое продолжалось даже несмотря на войну, во время которой британский химический концерн повысил цены, заставив правительства союзных стран заплатить ему немало лишних миллионов фунтов стерлингов. Скрытая связь английского и немецкого концернов никогда не прекращалась благодаря контакту через швейцарские банки [285].

«*Через Базель связи "IG Farben" распространялись по всему земному шару, расширяя сферу его химического бизнеса и устанавливая полностью скрытые акционерные интересы в компаниях Бельгии, Англии, Франции, Греции, Голландии, Венгрии, Норвегии, Польши, Румынии, различных нациях Южной Америки, в Швеции и Соединенных Штатах*» [37].

Лесли Воллер «Швейцарские банковские связи»

Швейцарские банки — это ключевое звено спрута, в мировых масштабах контролирующего производство взрывчатых веществ и прочих стратегических ресурсов. Щупальца его раскинулись по всему миру, а сердце, качавшее финансовые потоки, действительно находилось в Швейцарии, где появилась компания «IG Chemie», совет которой состоял из Карла Боша, главы «Standard Oil» Уолтера Тигла (Walter Teagle), президента «National City Bank» Чарлза Митчелла (Charles Mitchell), банкира Варбурга и финансового директора «IG Farben» Германа Шмица [61].

Финансовый «гений» «IG», раздававший и получавший международные кредиты, Герман Шмиц родился в бедной семье в Гессене в 1880 г. В 1906 г. он поступил на работу клерком в фирму «Metallurgische Gesellschaft Aktiengesellschaft», открытую тремя партнёрами — Вильгельмом Мертоном (Wilhelm Merton), Лео Эллингером (Leo Ellinger) и Захари Хохшильдом (Zachary Hochschild) в начале века в том же Франкфурте, где потом расположится головной офис «IG Farben». Фирма «Metallgesellshaft» как следует из названия, занималась оборотом меди, свинца, цинка, никеля и алюминия. Навыкам международного финансового менеджмента Шмиц обучался в концерне, по сути являвшемся прообразом будущего международного химического спрута, так как его отделения работали в Базеле, Амстердаме, Брюсселе, Стокгольме, Петербурге, Москве, Вене, Париже, Нью-Йорке, Мехико и в партнёрстве с компанией «Degussa» в Австралии [74]. М. Восленский пишет: «*“Металл-гезелльшафт” и тесно с ними связанные крупнейшие немецкие компании “Beep, Зонд-Хаймер унд К°” и “Aron Hirsch & Sohn”... “Америкен метал компани”... были связаны между собой посредством владения акциями и прочим имуществом, обмена директорами и т.п. Интересы этого гигантского концерна, главную роль в котором играли американо-германские монополии, выходили за пределы металлургии и распространялись на производство красителей, электротехнического оборудования и вооружений в США, Германии и Англии*» [123]. То есть специфика производства Шмицу была в общем-то понятна.

Упомянутый совладелец Арон Гирш (Aron Hirsch), также собственник занимающейся цветными металлами фирмы «Hirsch Kupfer- und Messingwerke AG», входил в руководство Берлинской фондовой биржи и «Deutsche Bank» [126]. В течение пяти лет Шмиц был ответственен за иностранные операции «Metallgesellshaft» у Вильгельма Мертона, а во время Первой мировой помогал и его сыну Рихарду. Так как все дедушки и бабушки Рихарда Мертона были евреями, то это, наверное, уникальный случай смешения ролей, когда в сталелитейной компании, принадлежащей евреям, финансовым облуживанием занимался немец. В конце концов за бесконечные биржевые игры с ценами на приобретаемые для военных нужд материалы Рихард Мертон был изгнан из военного министерства, и Карл Бош пригласил Шмица на должность финансового директора «BASF». С окончанием войны Шмиц войдёт в совет директоров и «BASF», и концерна «Metallgesellshaft» [1], ценные бумаги которого Шмиц положит в основу финансирования военной программы Третьего Рейха.

К моменту его возникновения и внедрения расовых доктрин в 1933 г. будет вынужден эмигрировать представитель семейства Альфред Мертон, а Ричард будет удерживать свой пост до конца, пока в период между 1935 и 1938 г. оставшиеся 8 из 11 членов правления не будут вынуждены в силу происхождения оставить свои посты. В 1939 г. Рихард станет англичанином, но примечательно, что два реальных

англичанина Оливер Литтелтон (Oliver Lyttelton) и Уолтер Гарднер (Walter Gardner) продолжат заседать в правлении «Metallgesellschaft AG» (MG) [74] даже после того, как Вторая мировая война разделит Англию и Третий Рейх как противников.

Когда в 1916 г. по программе Ратенау создавался прообраз будущего «IG», председателем стал Карл Дуйсберг, а одним из его помощников — Герман Шмиц [12]. Приятельские отношения с руководством «IG» сложились, когда Шмиц помог Бошу пролоббировать в правительстве строительство завода в Лойне, после того как от первой бомбардировки пострадали заводы в Опау и Людвигсхафене. Их общение продолжилось во время Версальской конференции [1], где Шмиц познакомился с будущим главным финансистом Третьего Рейха Ялмаром Шахтом, заразившим «*его идеей мирового финансового сообщества, не подвластного ни империям, ни войнам*» [37]. Сам Шахт эту заразную идею, возможно, подхватил от своих родственников в США: два его брата и три дяди были банкирами [89].

Чтобы оправдать высокое доверие, будущий кавалер двух Железных крестов Герман Шмиц совместно с Бошем, Краухом и Дуйсбергом [46] сразу принял на себя управление огромным сегментом экономики, включающим «BASF», «Ammoniakwerke Merseburg GmbH», «AG für Stickstoffdunger», «Deutsche Celluloid Fabrik AG», «Dynamit AG», «Rheinische Stahlwerke AG» [95]. Схема, которой руководствовался Шмиц, выстраивая финансовые отношения в концерне, сохранилась в одном из внутренних документов «IG Farben»: «*После Первой мировой войны мы все больше приходили к решению "раздавать" наши иностранные компании... так, чтобы участие "IG" в этих фирмах не фигурировало. Со временем такая система станет более совершенной... особое значение имеет то, ... что главы агентских фирм должны быть достаточно квалифицированы и для отвода внимания являться гражданами стран, где они проживают... Маскировка в прошлом не только давала большую выгоду в коммерческом и налоговом отношении, выражавшуюся во многих миллионах, но в результате минувшей войны маскировка дала нам также возможность в значительной мере сохранить нашу организацию, наши капиталовложения и возможность предъявления многочисленных претензий*» [37].

Для реализации этой схемы и появился швейцарский филиал. Коллегой Шмица по металлургическому концерну был Эдуард Грёйтерт (Eduard Greutert), частному банку «Greutert & Cie» которого принадлежала «IG Chemie» — швейцарское подразделение «IG Farben» [37], основанное в 1928 г. с условием иметь возможность быть в любой момент поглощённым «IG Farben». В правление обоих компаний входил Шмиц, швейцарская компания имела право выплачивать дивиденды «IG Farben», но формально их связи подверглись маскировке, при которой согласно внутренним директивам осуществлялось «*создание компаний в качестве фирм, учреждённых по закону соответствующей страны, и распределение акций этих фирм таким путём, чтобы не было видно участие в них "IG"*» [12].

Грёйтерт и Шмиц организовали финансовую структуру из 12 корпораций и 65 счетов, каждый из которых был открыт на новое имя и передавался по бесконечному кругу между сотрудниками «Greutert & Cie» и «IG Farben». «IG Chemie» также фигурировала под названиями «Internationale Gesellschaft für Chemische Unternehmungen AG» и «Interhandel» [37]. Как описывает ситуацию исследователь Дж. Маррс: «*Имена различных компаний и корпораций могли меняться и пе-*

реминиваться, создавая путаницу с определением собственника. К примеру, "IG Chemie" становилась "Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales SA". В то же время в Швейцарии эта же организация была известна как International Industrie und Handelsbeteiligungen AG, или Interhandel» [288].

«*"IG Chemie" контролировалась через привилегированные акции, представляющие лишь небольшую часть капитала, но консолидирующую право голоса. Привилегированные акции были размещены в сети компаний, представляющих собой лишь почтовые адреса, контролируемые доверенными людьми из "IG Farben" и швейцарским сооснователем Эдуардом Грёйтертом. Между "IG Farben" и швейцарскими холдингами была трёхуровневая взаимосвязь: договор о сотрудничестве 1929 года, доверенные представители владельцев, контролирующих привилегированные акции, и взаимные бизнес-интересы*» [91].

Mario König «Interhandel»

После смерти Грёйтерта контроль над «IG Chemie» перешёл к банку «Sturzenegger & Cie». При этом пять членов совета директоров «IG Chemie» являлись сотрудниками банка «H. & Cie Sturzenegger» [37]. Ещё «IG Farben» контролировал и «Deutsche Laenderbank», 60% которого принадлежала «IG Chemie», а возглавлял его всё тот же Герман Шмиц. Первой схемой, реализованной Шмицем, стала регистрация связанных с головным офисом швейцарской и французской компаний с целью ухода от налогов под прикрытие швейцарской компании «Société Suisse», под крыло которой были спрятаны и американские активы концерна. Интересы «Société Suisse», как и «IG Chemie», представлял юрист Джон Фостер Даллес, родственник государственного секретаря США Роберта Лансинга [37; 95; 288].

Также Шмиц в течение семи лет до войны входил в руководство «Chase Manhattan Bank», а с 1929 г. обладал правом голоса в совете директоров «National City Bank of New York» [288]. Примечательно, что формально управлявшаяся родственником Шмица фирма «IG Chemie» на 91,5% принадлежала именно этим двум американским банкам [88]. Однако, имея американское руководство, юридически они принадлежали швейцарской нейтральной стороне. Вырученные от продажи американским владельцам средства по очередной хитрой модели Шмица были возвращены в «IG Farben» в виде займов [12].

Банки эти традиционно относят к группе банков Рокфеллера, у руля которых с момента основания в начале 30-х годов находился младший брат матери Дэвида Рокфеллера Уинтроп Олдрич, о котором тот упомянул в мемуарах «*На протяжении 20 лет его нахождения у руля "Чейз" процветал. Уинтроп, однако, не имел подготовки банкира и редко занимался вопросами повседневной операционной деятельности банка*» [93]. Видимо, банковское дело в «Chase Bank» процветало вопреки знаниям и руководящим способностям дяди знаменитого семейства. «National City Bank» официально был возглавлен троюродным братом Дэвида Рокфеллера Джеймсом Рокфеллером только в начале 50-х годов [94]. «*Вопросами повседневной операционной деятельности*» в банке, видимо, занимался другой человек по фамилии Чарльз Митчелл (C. Mitchell), который являлся одновременно директором «Federal Reserve Bank of New York», «Warburg's National City Bank» и американско-

го подразделения немецкого химического монстра «American IG» [288]. В целом это был дублёр Шмица с американской стороны. При этом компании «American IG» и «Standard Oil» финансировали проекты друг друга [280]. Об этом альянсе Чарльз Хайэм писал: «*Американский концерн ["American IG"] и немецкий химический гигант — опора нацистской экономики "И. Г. Фарбениндустри" — поделили между собой мир, как рождественский пирог, на рынки сбыта своей продукции*» [88].

«*В период с 1927 г., всего через два года после создания картеля, и началом войны в 1939 г. размеры "И.Г. Фарбен" увеличились более чем вдвое. Финансисты с Уолл-стрита, которые давали займы Герману Шмитцу на создание картеля, на самом деле создали монстра… и этот монстр не проявлял готовности к сотрудничеству и уступкам, как они того желали*».

Дж. Фаррелл «Нацистский интернационал»

Американская линия «IG» — это по сути пуповина нового спрута, питающаяся от ФРС с Полом Варбургом во главе. Согласно американскому исследователю Энтони Саттону: «*Три дома с Уолл-Стрит — Dillon, Read; Harris, Forbes; и National City Bank — устроили три четверти всех репарационных кредитов, используемых для создания немецкой картельной системы, включавшей преобладание "IG Farben" и "Vereinigte Stahlwerke", которые вместе производили 95% взрывчатых веществ для нацистов во время Второй мировой войны*» [288]. Благодаря кредитам даже в разгар кризиса в 1933 г. «IG Farben» смог вложить 142 млн. марок в расширение производства [39]. По поводу этих займов Людвиг фон Мизес напишет: «*Этот бум для Германии был "синтетическим": он строился на постоянном притоке иностранного капитала. Стоило этому потоку остановиться и, более того, повернуть вспять, кумулятивный эффект действия бегства капиталов, репараций и выплат по кредитам бросал Германию за грань выживания*» [138]. Результатом было придание немецким предприятиям стратегического значения: нефтепереработка и производство синтетического горючего, а также прочие химические отрасли, воплощённые в «IG Farben», автомобилестроительной, авиационной, электротехнической и радиоприборостроительной промышленности, значительная часть машиностроения перешла под контроль международных финансовых групп [14].

Э. Саттон описал план и систему американских бондов как «*инструмент оккупации Германии американским капиталом и передачи в залог Соединенным Штатам гигантских реальных активов Германии*». Так как «*немецкие фирмы с американским участием исключались из плана при помощи такого инструмента, как временное иностранное владение*», нехитрые махинации позволяли точечно управлять процессом обложения данью (например, AEG был «*продан франко-бельгийскому холдингу и перестал соответствовать условиям плана Юнга*») [3]. Необходимо отметить, что необходимость контроля над сырьевыми монополиями американцы уяснили себе ещё во время работы комиссии Попечителей иностранной собственности [375].

«*По официальным данным министерства торговли США, с октября 1924 года до конца 1929 года германская промышленность получила через банки США свыше одного миллиарда долларов — внушительная сумма в те времена. Львиная доля*

этих денег досталась крупнейшим монополистическим объединениям — таким, как сложившийся в 1925 году концерн в области химической индустрии "И.Г. Фарбениндустри"».

Ч. Хайэм «Торговля с врагом»

В стальном тресте «Vereinigte Stahlwerke» в 1938 г. трудилось 200 тыс. человек, производивших около 40% выплавки чугуна и 30% выплавки стали, также их руками добывалось 15% добычи каменного угля [332]. О тесной связи с «IG Farben» будет писать советский разведчик Эрнст Генри: «*В настоящее время германский химический трест и германский угольный и стальной трест, Тиссен и Дуйсберг, руководитель "И.Г. Фарбениндустри" теснейшим образом связаны между собой. Это — единое целое. Правая рука Дуйсберга, финансовый директор "И.Г. Фарбениндустри", Шмиц входит в состав директората тиссеновского Стального треста, а химический трест владеет многими миллионами акций Стального треста*», однако он же отмечает: «*"И.Г. Фарбениндустри" с его миллиардами капитала, его армией в 130 тыс. рабочих… его разными видами участия в предприятиях других отраслей промышленности, его влиянием на банки, его сетью филиалов во всем мире уже сейчас опережает германский Стальной трест. Он уже сейчас, несомненно, гораздо сильней и влиятельней, чем британский химический трест Империал кемикл индастриз, — а в техническом отношении сильнее, чем гигантские предприятия американского химтреста Дюпон де Немур*» [218].

Стоит также привести еще одну важную цитату Дж. Фаррелла:

«*Другими словами, во время Второй мировой войны производство синтетического бензина и взрывчатых веществ (двух основных элементов современной войны) в Германии было сосредоточено в руках двух немецких синдикатов, созданных на займы, полученные от Уолл-стрита согласно плану Дауэса… гигантский стальной картель "Ферайнигте Штальверке" получил гарантированный заем в размере 70 миллионов 225 тысяч долларов от "Диллон, Рид энд компани" с Уолл-стрита, а американское подразделение "И.Г. Фарбен" под названием "Америкэн И.Г. кемикл" было посредником в получении займа в сумме 30 миллионов долларов "Нэшнл сити компани". С точки зрения немецкого бизнеса это означало, что к середине 1920-х гг. два из этих трёх гигантских картелей — "И.Г. Фарбен" и "Ферайнигте Штальверке" — могли практически контролировать промышленность, связанную с военным потенциалом Германии*».

Дж. Фаррелл «Нацистский интернационал»

План «Дауэса» был настолько «хорош», что самому Чарльзу Дауэсу в 1925 г. выписали премию… Нобелевскую [376]. Германию накачивали как европейского полицейского и одновременно как инструмент агрессии, о выгодоприобретателях которой заговорил ещё Ричард Сэсули, разбирая в 1945 г. оставшиеся во Франкфурте документы «IG Farben»: «*В США во время обеих мировых войн возникали крупные состояния неизвестно откуда. Некоторые ранее созданные состояния чрезвычайно увеличились*». В 1931 г. президент США, немец по происхождению Герберт Гувер встретился с финансовым директором «IG» Шмицем в Белом доме

[37]. Отсюда же и появление во власти представителей новой немецкой элиты с американскими корнями. Это не только глава Рейхсбанка Ялмар Шахт, но и глава МИД Иоахим фон Риббентроп, который до Первой мировой работал журналистом в США [266]. Связи эти в первую очередь обеспечивались американскими деньгами. Шмиц в лучших традициях «IG Farben» камуфлировал финансовую активность своего предприятия. Если в 1928 г. валовая прибыль «IG» составляла 257,14 млн. марок, а чистая — 122,8 млн., то в 1932 г. валовая прибыль выросла до 476,05 млн., а чистая упала до 49,5 млн. марок [28], то есть большая часть прибыли пошла в гашение кредитных обязательств в обход репарационных платежей.

К концу 1933 г. концерн «IG» уже расплатился с частью кредитов, увеличил численность сотрудников на 15% и заработал прибыль в 65 млн. марок, что превысило прошлогоднюю выручку на 32% [1]. Несмотря на это, общая тенденция сохранилась: доход концерна в 1935 г. составил 113,2 млн. рейхсмарок, при чистой прибыли 51,4 млн. До начала 1939 г. он последовательно возрастал, достигнув отметки в 227,3 млн., а чистая прибыль практически не выросла, поднявшись до 56,1 млн. Как отмечает А. Галкин, «*львиная доля доходов концернов с самого начала маскировалась под видом амортизационных отчислений*», которые по статистическим данным выросли с 61,8 млн. в 1935 г. до 171,2 млн. рейхсмарок в 1939 г.

Это ещё не всё. В 1935 г. от налогового обложения были освобождены определённые виды инвестиций [220]. В январе 1937 г. германское законодательство претерпело одно существенное изменение: держателям акций было запрещено проверять балансы, что дало возможность управляющему совету директоров скрывать детали сделок с инвесторами, так как «*национальные интересы требовали держать это в секрете*» [1]. Даже в 1940 г., когда трагедия Второй мировой уже разворачивалась вовсю, 300 американских компаний продолжали сотрудничать с Германией.

Этот процесс не был остановлен даже после того, как Германия объявила войну США. Если в 1941 г. 171 американская корпорация инвестировала в немецкую промышленность более 420 млн. долларов, то в 1942 г. уже «IG Farbenindustrie» будет кредитовать «General Motors» на 170 млн. рейхсмарок [72; 288]. Итак, в целом выгодоприобретателем «военного потенциала Германии» стал Уолл-стрит, но для полноты картины необходимо расшифровать схему участия различных представителей финансовых кругов в рамках картеля.

5. «Сообщество интересов» Варбургов, Рокфеллеров и Шрёдеров

«“И.Г. Фарбен” была частью более широкой международной кооперации между нацистской Германией и западными державами, особенно Соединенными Штатами».

Дж. Фаррелл «Нацистский интернационал»

Итак, по составу участников, задействованных в управлении Банка международных расчётов (Bank of International Settlements), можно предположить, какие силы установили контроль над Германией, распространяющийся на «IG Farben», которому позволялось и даже поощрялось столь активное поглощение военно-стратегических активов по всему миру. Позади картеля, который формально оставался немецким, стоял Уолл-стрит, который и обеспечивал тому политическую протекцию и финансовое обеспечение экспансии.

В связи с этим важно, что работоспособный Шмиц, помимо всего прочего, ещё в разное время занимал должность главы Рейхсбанка и Банка международных расчётов [95]. Последний был создан в рамках «плана Юнга», разработанного директором американского филиала компании Вальтера Ратенау «AEG» и компании «General Electric» Оуэном Юнгом (Owen Young) для обслуживания немецких репараций [37]. Текст договора, кстати, был составлен в юридической конторе «Sullivan & Cromwell» [324], представленной братьями Даллесами.

В состав комитета, разработавшего план, входили Дж.П. Морган, Герберт Гувер, Дж.Ф. Даллес, Аверелл Гарриман и куратор Шмица — Ялмар Шахт, который продолжал встречи в Базеле с американскими партнёрами и во время, и после окончания Второй мировой. Примечательно, что одним из первых председателей Банка международных расчётов стал отставной банкир из Федеральной резервной системы Гейтс МакГарра (Gates W. McGarrah) из рокфеллеровского «Chase National Bank»; на этом посту его сменил Томас Маккиттрик (Thomas McKittrick), будущий президент этого банка. Помимо председателя правления концерна «IG Farben» Шмица в состав правления самого Банка международных расчётов входили: будущий президент Рейхсбанка Вальтер Функ (Walther Funk), его заместитель Эмиль Пуль (Emil Puhl), имевший «солидные связи в США», в частности, как раз в «Chase National Bank», будущий генерал СС Эрнст Кальтенбруннер (Ernst Kaltenbrunner), глава кёльнского банка «J.H. Stein» Курт фон Шредер (Schröder), член Финансового комитета Лиги Наций, контролёр казначейства и директор Банка Англии сэр Отто Нимейер (Otto Niemeyer) и управляющий Банка Англии сэр Монтегю Норман (Montagu Norman) [37; 221]. Именно эти люди занимались репарациями Германии после войны.

Необходимо отметить тесное сотрудничество между главой Банка Англии Норманом и главным управляющим Федерального резервного банка Нью-Йорка Бенджамином Стронгом, который посредством начавшейся в 1916 г. частной переписки с представителями центральных банков европейских стран предложил создать совещание глав этих банков. С 1920 г. Норман регулярно посещал Нью-Йорк, а Стронг начал наносить визиты в Европу, всегда маскируемые как «отпуск», «посещение наших друзей» или «протокольный визит вежливости». При этом в Банке Англии, Франции и германском Рейхсбанке Стронгу предоставили рабочее место и секретаря. Французский экономист, представлявший Банк Франции на ряде важных конференций глав центральных банков, Шарль Рист отмечал: «*Идея сотрудничества между центральными банками разных стран, целью которого была выработка общей денежной политики, родилась сразу по окончании войны. До войны такое сотрудничество было спорадическим и осуществлялось лишь в исключительных случаях*» [339]. Банк международных расчётов и по сей день выполняет функцию координатора центральных банков различных стран. Для описываемых событий важно, что ветви правления банка условно пересекались с внутренними центрами силы внутри правления «IG Farben». Это показывает, что финансовые и промышленные сферы послевоенной Германии контролировались одними и теми же персонами.

Необходимо также обратить внимание на предшествовавший «плану Юнга» «план Дауэса», названный по имени генерала, занимавшегося во время Первой мировой военными поставками в Европу [330]. План предусматривал управление центральным банком Германии Генеральным советом, состоящим из «признанных экспертов мира финансов» из Великобритании, Франции, Италии, США, Бельгии, Голландии и Швейцарии [329]. По этому плану между 1924 и 1929 г. международные банки ссудили Германии 10–15 млрд. долларов [37]; из них 4 млрд. принадлежали банку «Dillon, Read & Co.» [324].

Официально расследовавший деятельность «IG» Ричард Сэсули так описывает новое здание головного офиса разрастающегося «IG Farben», расположенное на Кельбергерштрассе: «*Главное правление "ИГ" во Франкфурте находилось в новом здании, достаточно большом, чтобы разместить целое министерство. "ИГ Фарбениндустри" был почти самостоятельной державой*». В словах о «самостоятельной державе» важной оговоркой является «почти», о чем говорит тот факт, что новый офис «IG Farben» был отстроен на деньги банковской группы «Dillon, Read & Co.», принадлежащей Варбургам.

Финансовым обслуживанием «IG Farben» занимался «Deutsche Bank», почётным председателем которого был также Варбург [37; 61], и, наконец, в правление «IG» вошли Пол и Макс Варбурги [18; 288]; последний занял своё кресло в руководстве в 1929 г. [55]. Также к руководству «IG Farben» присоединился Х. Мец (H. Metz), директор «Warburg Bank of Manhattan», позднее влившегося в «Chase Manhattan Bank» [288]. Итак, можно с определённой долей вероятности утверждать, что Варбурги являлись основными держателями контрольного пакета нового «IG Farben», также как и прочей промышленности, слитой в концерны и монополии. Американский конгрессмен Луи Макфедден возмущался: «*После Первой мировой войны Германию захватили немецкие международные банкиры. Они довели*

её до бедственного состояния, они владеют ей, кормят, поят и доят её. Они скупили её промышленность, владеют закладными на землю, контролируют производство и все коммунальные службы» [90].

Участие в этой истории банкирского семейства Варбургов, приехавшего в Германию из Италии в средние века, столь велико, что требует отдельного внимания. Чтобы понять, что эта фамилия окажет на историю XX века самое значительное влияние, повторю: Пол Варбург стал первым главой ФРС США [37] и кредитовал Германию в Первую мировую, возглавляя «Kuhn, Loeb & Co.» [77]. В это же время партнёр гамбургского банка «M.M. Warburg & Co.» Феликс Варбург в канун Первой мировой, в 1910 г., организовал кредит для модернизации военно-промышленного комплекса Великобритании [283]. Согласно письменным показаниям немецкого торгового представителя в США Карла Хайнена, Германия во время Первой мировой кредитовалась у Макса Варбурга в Гамбурге, в немецком филиале фирмы «Kuhn, Loeb & Co.» [77].

На проходившей под председательством Дж. Моргана Версальской конференции [78] Пол Варбург присутствовал со стороны США, а со стороны Германии на ней заседал Макс Варбург [26], который помимо банковской деятельности во время мировой войны трудился в МИД Германии. От имени помощника госсекретаря по иностранным делам А. Циммермана он регулярно наведывался по дипломатической линии в Швецию, убеждая вступить в войну против России министра иностранных дел Кнута Валленберга, представителя другого банкирского семейства, который до назначения на государственную должность возглавлял Стокгольмский частный банк (Enskilda Bank). Маркус Валленберг (Marcus Wallenberg) станет наставником председателя правления Банка международных расчётов Томаса Маккиттрика (Thomas McKittrick) [37].

В той секретной «миссии Варбурга» в Швеции принимал участие и Макс Баденский [79]. Он сначала отказался подписывать мирный договор на приемлемых для Германии условиях, на которых настаивали кайзер и начальник штаба Людендорф, а потом объявил об отречении кайзера и назначил Маттиаса Эрцбергера для подписания Компьеньского перемирия [37]. Условия этого перемирия привели к столь разгромным для Германии последствиям, побудившим немецких химиков идти на любые уступки ради выживания и в конечном итоге к переходу в руки Варбургов всего концерна «IG Farben». Таким образом, если это была комбинация Варбургов по получению контроля над передовой немецкой химической промышленностью, то проведена она была блестяще. Видимо, другого способа сломать Германию не было. Недаром сотрудник политической разведки Великобритании писатель-фантаст Герберт Уэллс особо отметил в своей аналитической «Памятной записке»: «*Переворот в Германии является для союзников одной из главных целей войны*» [100].

Теперь трудно сказать с полной уверенностью, чьим продуктом стал «IG Farben». Соединиться химиков заставила необходимость контролировать рынки, а банкиров, — видимо, желание контролировать химиков, чтобы те не поделили рынки без их участия. Тем более рынки, имеющие отношение к военному производству. В любом случае новое «IG» обязано своим рождением признанию технологического гения немецких химиков со стороны американских банкиров и конкретно

Варбургов, потому что именно это семейство отметилось на поприще науки ничуть не меньше, чем в финансовой сфере. Интерес к знаниям в семействе показателен: старший сын главы банка Морица Варбурга, Аби, продал брату первородство и наследование банкирского дома в обмен на обещание снабжать его книгами до конца жизни, собрание которых стало названным его именем институтом в Лондоне, имеющим 300 тыс. томов различного содержания [316].

Нобелевским лауреатом по медицине станет биохимик Отто Варбург [17], связанный родственными узами с английской веткой банковского семейства [288]. При Институте кайзера Вильгельма Фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation) отстроил для Отто Институт клеточной физиологии, в котором тот работал настолько увлечённо, что даже не знал, что Германия вышла из Лиги Наций. Его самого и его институт не трогали пришедшие к власти нацисты согласно указанию Гитлера. Фюрер опасался ракового заболевания после операции на связках в 1935 г., а Отто Варбург в 1930 г. получил Нобелевскую премию за открытие «эффекта Варбурга», как раз описывающего процесс, как нормальные клетки, испытывая недостаток кислорода для производства клеточной энергии, приходят в зависимость от ферментации сахара, и, разрастаясь без кислорода, становятся злокачественными. Геринг составил для Варбурга необходимую родословную, чтобы учёный продолжил работу. Отто также показал канцерогенность пищевых добавок и сигаретного дыма. Результаты исследований привели его к тому, что он питался приготовленным своими руками хлебом и овощами с собственного огорода, что, видимо, подстегнуло интерес к проблеме у Гиммлера [313; 382].

Отто Варбург, так же, как и открывший расщепление тяжёлых ядер «отец ядерной химии» Отто Ган, был учеником директора Химического института Берлинского университета Эмиля Фишера, исследовавшего основы белковой жизни — протеины и создавшего первое простейшее искусственное соединение аминокислот [314] и первое снотворное — веронал [312]. Карьера Фишера сложилась под влиянием Адольфа фон Байера [17], протежировавшего изобретателя аспирина Феликса Гоффманна для работ в швейцарской «Farbenfabriken vorm. Friedr. Bayer & Co.» и давшего в своей лаборатории возможность раскрыть свой исследовательский талант первооткрывателю новокаина Альфреду Айнхорну (Alfred Einhorn). Последний вместе со своим сначала учеником, а впоследствии руководителем, будущим Нобелевским лауреатом Рихардом Мартином Вильштеттером трудился для компании «Hoechst» [10; 13]. Позднее Вильштеттер присоединился к работе в Институте кайзера Вильгельма, где начал изучать энзимы — катализаторы биохимических реакций в организме человека [15], а его коллегой по институту стал Фишер. Так что немецкие учёные тесно сотрудничали между собой, даже когда их химические фабрики ещё не были объединены в концерн.

Отец Отто Варбурга, кстати, был президентом Немецкого физического общества, и доказал правильность теории излучения Планка и фотохимического закона эквивалентности Эйнштейна [315]. В немецком доме банковского семейства частными гостями были не только физики-теоретики Планк и Эйнштейн, но и Фишер с Нернстом [19], которые позже вместе с Вильштеттером войдут в состав «бюро Хабера» [20], которое пыталось для оплаты репараций после войны извлекать золото из воды. А вот Варбургам золото из воды извлекать нужды не было, потому что Пол Варбург возглавлял ФРС США.

Также Варбурги контролировали «Deutsche Bank» [325], который являлся расчётным банком «IG Farben» [12]. В руководство обоих предприятий входили Шмиц [96] и сотрудник «Hoechst» Оскар Шлиттер [161]. Банк работал как центр распространения долговых обязательств, о чём в ходе Нюрнбергского процесса рассказывал Шмиц: «*Банковские переводы осуществлял "Deutsche Bank", в основном собирающий деньги с клиентов, направлявшиеся синдикатом банков, когда шла капитализация и становилась необходима эмиссия долговых обязательств. В принципе я старался никогда не прибегать к банковским кредитам*» [72].

Из архивов «Deutsche Bank» было изъято письмо начальника отдела внешнего шпионажа Абвера полковника Ганса Пикенброка на имя главы банка с 1938 г. Германа Абса, датированное 15 марта 1943 г.: «*Моим долгом является поблагодарить Вас за Ваше любезное и весьма ценное сотрудничество с нашим управлением*». 22 марта Абс отвечал: «*Благодарю Вас за Ваше дружеское письмо от 15 марта. Примите мои поздравления по случаю Вашего нового назначения. Я охотно и в любой момент готов оказывать свои услуги также и Вашему преемнику, подполковнику Хансену, которому я прошу Вас рекомендовать меня. Примите мои сердечные поздравления. Хайль Гитлер! Преданный Вам Герман Абс*» [95].

Герман Абс (Hermann Josef Abs), как и Шмиц, входил в правление «Deutsche Bank», на который возлагалось финансовое обслуживание «IG Farben» [37]. При этом он появился на политической арене до возникновения абвера или прихода Гитлера и намного пережил «тысячелетний» рейх — «классический пример непотопляемости высокопоставленного банкира», согласно Дж. Маррсу. Всё время, оставаясь видной политической фигурой, он продолжал работать членом правления более 40 банков и промышленных компаний, в том числе «Daimler-Benz», «Siemens» и «Continental Oil Co.», принадлежащей «IG» через «BASF». Кроме того Абс входил в Комитет немецкой экономики по России (Rußlandausschuß der Deutschen Wirtschaft) в период оккупации. Весь его трудовой путь проходил в полном взаимодействии с главой «Абвер-1» Пикенброком, хотя карьерному трамплину он обязан скорее браку с Инес Шницлер (Inez Schnitzler) [165; 166; 288]. Абс через руководство банком «Morgan Guaranty Trust of New York» был связан с лордом Хартли Шоукроссом (Hartly Shawcross), лидером одного из финансовых центров в лондонском Сити и будущим прокурором Нюрнбергского трибунала со стороны Англии [288].

Семья Шницлеров была неразрывно связана с банковским делом как минимум с середины XIX века, когда Карл Шницлер (Karl Schnitzler) женился на дочери основателя банка «J.H. Stein» Иоганна Штейна (Johann Stein), став его партнёром. Сын от этого брака Эдуард Шницлер продолжил банковскую династию, обучаясь в голландском «Bunge & Co.» и английском «Suse & Sibeth», а его брат вошёл в состав прусского правительства [167; 168].

В состав руководства «IG Farben» входили Пауль и Рихард фон Шницлеры как члены Наблюдательного совета [80], а также сын Пауля Георг в качестве заместителя главы правления, начальника отдела продаж красильных составов [171]; также он являлся директором филиала «IG» — «Gewerkschaft Auguste-Victoria». Ещё он входил в совет директоров «Vorstand» вместе с Густавом Штайном (Gustav Stein) из давшего старт династии банка «J.H. Stein» [80], в котором и начинал карьеру, уже в 1912 г. перейдя в «Hoechst» [171]. В свободное от работы время Ге-

орг проживал в своих различных домах, коллекционируя дорогие вина и предметы искусства [1].

Рихард Шницлер был женат на Оттилии фон Шварценштайн, чей предок создал парфюмерную промышленность, придумав «одеколон», а их дочь вышла замуж за барона Курта фон Шрёдера (Kurt von Schröder) [169; 170], представителя гамбургской династии банкиров из Гамбурга [172]. История компании «J. Henry Schröder & Co.» началась в 1804 г. с её основания Йоханном Генрихом Шрёдером [327]. Курт фон Шрёдер приходился внуком самому кайзеру Вильгельму, перед Первой мировой войной эмигрировал в США, где далеко продвинулся в финансовой сфере, став не только владельцем крупнейшего частного банка «J.H. Stein», но и совладельцем крупнейшей юридической конторы на Уолл-стрит «Sullivan & Cromwell», где состояли братья Даллесы [37]. В 1905 г. Бруно фон Шрёдер и его банк вошли в «*тот узкий круг лондонских финансовых домов, пользовавшихся признанным (пусть и неофициальным) влиянием... в правлении Английского банка*» [39].

Согласно Ю. Маллинзу, лишь 17 банков лондонского Сити утверждены Банком Англии в качестве торговых операторов и представители этих же банков преобладают в руководстве Банка Англии. «Schröder Bank» занимает в этом рейтинге вторую позицию, при том что «N.M. Rothschild» — лишь девятую. После того как в 1900 г. появился лондонский филиал «J. Henry Schröder & Co.», в коалицию с ним вступил Фрэнк Тайаркс (Frank Tiarks), член общества «Anglo-German Fellowship» и директор «Bank of England» с 1912 по 1945 г., то есть в течение всего периода «большого мирового передела». Президент «J. Henry Schröder Banking Corporation» лорд Арли (Lord Airlie) был женат на внучке Джона Райана (John Ryan), который, в свою очередь, выбрал в супруги дочь Отто Кана (Otto Kahn), партнёра банкиров Варбурга и Шиффа по «Kuhn, Loeb & Co.» [172; 288].

Именно с Куртом фон Шрёдером должен был решать проблемы отношений между США и Германией в случае начала войны глава Банка международных расчётов Маккиттрик, находясь с визитом в Берлине в начале 40-х годов [338]. Дж. Уилер, отвечавший после Второй мировой войны за создание профсоюзов в составе американской военной администрации, пишет: «*Барон Курт фон Шредер принадлежит ко всемирно известной банкирской семье. Филиалы банка Шредера были в Англии (лондонская фирма "Дж. Генри Шредер энд компани") и в Америке (нью-йоркская "Дж. Генри Шредер бэнкинг корпорейшн"). Вместе с "Диллон, Рид энд компани" американский филиал Шредера разместил после первой мировой войны большинство немецких частных займов. Связанные с этими займами юридические дела вела адвокатская фирма "Саливэн энд Кромвелл", возглавляемая Джоном Фостером Даллесом. К директорату "Дж. Генри Шрёдер бэнкинг корпорейшн" принадлежал и Аллен У. Даллес, который во время войны руководил операциями американской разведывательной службы в Германии*» [173]. Полученным в США кредитом «Schröder Bank» занимался Джон Фостер Даллес, также занимаясь юридическим обеспечением работы «Schroder, Rockefeller, Inc.», а его знаменитый брат являлся официальным уполномоченным «Schröder Bank» [288]. Аллен Даллес также возглавил компании «Schroder Trust Co.», «J. Henry Schroder Banking Corporation» [37] и «J. Henry Schroder & Co.» [326].

«*Связи “ИГ Фарбениндустри” с компаниями США возникли давно. В 20-х годах концерн проявил лихорадочную активность, восстанавливая и расширяя свои американские владения, конфискованные во время первой мировой войны как “вражеское имущество”. Ему оказывали содействие, явное и тайное, крупнейшие финансовые группы США — “Диллон Рид энд К°”, “Кун Леб энд К°”, “Дж. Генри Шредер бэнкинг корпорейшн”*».

Ф.Я. Румянцев «Концерн смерти».

Исполнитель того самого «фенольного заговора», когда во время Первой мировой немцы импортировали фенол через подставных лиц [355], сотрудник «Bayer» Уго Швайцер ещё в 1916 г. писал немецкому послу в США фон Берншторфу о назревшей потребности выборов президента, представления и партийная политика которого находились бы в гармонии с интересами компании. И, возможно, на эту роль подошёл бы 31-й президент США, немец по происхождению Герберт Гувер, который до мировой войны занимался золотоносными, лесными, рудными и прочими концессиями в России, Китае и Австралии [37; 328].

Прентисс Грей (Prentiss Gray), партнёр по банку фон Шрёдера в США во время Первой мировой войны, был уполномоченным советником Гувера и заведовал морскими коммуникациями, как и другой партнёр, Джулиус Барнс (Julius Barnes), который помимо консультирования будущего президента был главой зерновой госкорпорации «Grain Corporation of the U.S. Food Administration». Оба занимались поставками в Германию через Бельгию.

Гувер хотя и родился на территории США, покинул родину сразу после окончания Стэнфорда. Не имея какого-либо адреса проживания на территории Америки, он был зарегистрирован по тому же адресу, что и его консультант Барнс. Ещё один партнёр «J. Henry Schroder Banking Corporation» Джордж Забриски (George Zabriskie) стал главой сахарного комитета «U.S. Sugar Equalization Board». Большая часть сахарной промышленности Кубы принадлежала банку фон Шрёдера, а Рудольф фон Шрёдер руководил крупнейшим бразильским поставщиком кофе «Sao Paulo Coffee» [172; 288].

В 1926 г. республиканец Гувер на правах министра торговли создал консультативную комиссию по вопросам химического производства. Давний друг Герберта Гувера, в прошлом владелец аптеки, а теперь близкий партнёр «IG Farben» в США, владелец «Sterling Drug» Уильям Вейсс (William Weiss) младшим партнёром имел Эрла Маклайнтока, того самого высокопоставленного сотрудника в «Управлении по охране секвестрованной иностранной собственности», и ещё в 1920 г. установил контакт с Бошем и Шмицем. Последний в 1931 г. нанёс визит 31-му президенту США Гуверу в Белый дом. В мае 1938 г. Маклайнток совершил поездку в Базель, на заседание Банка международных расчётов, где встретился уже с Шмицем и Куртом фон Шрёдером. В этом же году Гувер встречался с Герингом и Гитлером и по возвращении в США объявил, что «почётная миссия Германии — на Востоке» [37]. По словам Ю. Маллинза: «*Не ограничивая себя знакомствами в Белом Доме, вскоре “J. Henry Schroder Corporation” приступила к дальнейшему продвижению не много ни мало развязывания Второй мировой войны. Добились этого финансированием в ключевой момент захвата Гитлером власти в Германии*» [172; 288].

Дж. Маррс отмечает, что в «Schroder Bank» был открыт персональный счёт Гитлера [288]. Согласно исследованию Отто Лемана-Руссбельдта, «*4 января 1933 года Гитлер был приглашён на встречу в "Schroder Bank", проходившую в Берлине*». В свою очередь, Виктор Перло в «Империи больших денег» («The Empire of High Finance») утверждает: «*Гитлеровское правительство сделало "London Schroder Bank" своим финансовым агентом в Британии и Америке. Персональный счёт Гитлера был открыт в "J.M. Stein Bankhaus" — немецком филиале "Schroder Bank"*». С особого счёта Шрёдера в банке «J.H. Stein» получал в личное распоряжение 100 тыс. рейхсмарок ежегодно и Гиммлер [173]. Ю. Маллинз считает, что именно Шрёдеры стояли за полётом Рудольфа Гесса для организации общего фронта против Советов [172; 288].

Кроме того, фон Шрёдер — ближайший друг промышленника Тиссена [288], финансировавшего приход Гитлера к власти. Банкир фон Шрёдер будет регулировать отношения Гитлера не только с «IG Farben», но и — через владение заводами фотоплёнки «Odin-Werke» — с экономическим советником фюрера Вильгельмом Кепплером (Wilhelm Keppler) [37], связанным с фирмой «Eastman Kodak» [89], доля в которой принадлежала «IG». Следующая череда встреч проходила в рамках «кружка Кепплера», который фон Шрёдер показательно назвал «вторым правительством Германии» и где Гитлеру «не дали покушаться на Швейцарию» [222] и Банк международных расчётов. На встрече в Далеме, также в присутствии Кепплера и Гиммлера, представили Иоахима фон Риббентропа, до Первой мировой работавшего клерком банка в Монреале и журналистом в Бостоне [37; 223; 224]. Согласно Ф. Румянцеву, ещё один представитель династии «*барон Бруно Шрёдер был тем, кто впервые ввёл Гитлера в круг рурских промышленников*» [61]. Фюрер был удобен, не вмешивался в экономические вопросы, видя в экономике «*лишь служанку, необходимую в жизни volkskörper (термин, введённый нацистами для обозначения национально-расового образования)*» [337].

Неудивительно, что к 1940 г. Курт фон Шрёдер вошёл в руководство «Deutsche Reichsbahn», совет директоров Рейха по экономическим вопросам, Группу высокопоставленных лидеров СС и, что самое важное, в Управление почты Рейха и совет директоров телефонной компании «IT&T» [172]. В последней акционером и членом совета директоров являлся не кто иной, как Вальтер Шелленберг, начальник VI управления (Служба разведки за рубежом) Главного управления имперской безопасности РСХА. Кроме того, дочерние фирмы «IT&T» в 1944 г. переводили деньги Гиммлеру [37]. С конца 30-х годов тесные контакты с Шелленбергом завязал Шмиц [88]. В совете директоров немецкой «IT&T» также состоял генерал немецких войск связи Фриц Тиле, а возглавлял компанию Герхард Вестрик (Gerhardt Westrick), состоявший в тесной связи с Джоном Фостером Даллесом. «IT&T» поставляла США предохранители вплоть до 1944 г. [288].

Помимо этого Курт фон Шрёдер и Шмиц представляли Германию в созданном для обслуживания репараций Банке международных расчётов. С 1936 г. у него завязалось тесное сотрудничество с Рокфеллерами в виде фирмы на Уолл-стрит «Schroder, Rockefeller, Inc.»; со стороны Шрёдеров в ней участвовал Карлтон Фуллер (Carlton Fuller), а пост вице-президента занял Авери Рокфеллер (Avery Rockefeller), основатель «Bechtel Corporation» [172; 288] и владелец 42% в компа-

нии Шрёдера, где в совете директоров заседал Аллен Даллес, а адвокатом была его с Джоном Даллесом компания «Sullivan & Cromwell».

«*Успешная политическая деятельность требовала большого количества денег. Вне сомнений, восхождение Гитлера значительно покрывалось поддержкой основных немецких банков — кёльнской банковской фирмой Шрёдера, "Deutsche Bank", "Deutsche Kredit Gesellschaft" и страховой компании "Allianz" — все были связаны с международными иностранными банками и компаниями, особенно выделялись банки США… в 1936 году "J. Henry Schroeder Bank of New York" вошёл в сотрудничество с Рокфеллерами. Названная "Schroeder, Rockefeller & Co, Investment Bankers" фирма являлась, по мнению журнала "Time", локомотивом оси Берлин – Рим*».

J. Marrs «The Rise of the Fourth Reich»

Близкими друзьями Шрёдера, состоявшими в «кружке Гиммлера», были Карл Линдеманн (Karl Lindemann) и Эмиль Хелфриш (Emil Helfferich) — руководители «Standard Oil» Рокфеллера [288]. В начале века, в 1902 г., Хабер, а через год Дуйсберг посетили США. Ранее говорилось о скептичном отношении Хабера к американскому технологичному уровню; Дуйсберг же нашёл, что́ в США достойно восхищения — монопольные структуры Рокфеллера [1].

В консультативную комиссию по вопросам химического производства Герберта Гувера вошли Ламот Дюпон, Уолтер Тигл из «Standard Oil» и Фрэнк Блэйр из «Sterling Drug» [37]. Регистратором этой дочерней для «IG Farben» компании, как и «General Analin and Film», стал «Chase Manhattan Bank». Когда «First National City Bank» Рокфеллера выпустил акции этого предприятия на сумму 13 млн. долларов, они были распроданы за одно утро. Само предприятие «American IG» было поглощено одним из собственных филиалов «General Analine Works», связи которого с «IG Farben» во время Второй мировой будут тщательно скрыты [1].

«*Уже к 1926 г. "ИГ Фарбен" снова имел обширные связи в разных отраслях химической промышленности США. Для координирования этих связей концерн через свой швейцарский филиал "ИГ Хеми" создал в Соединенных Штатах подставную фирму — "Американ ИГ кемикл корпорейшн", позднее переименованную в целях большей конспирации в "Дженерал энилайн энд филм корпорейшн"*».

Ф.Я. Румянцев «Концерн смерти».

Приобретением «IG» стало то, что, согласно Ю. Маллинзу, связи концерна с Рокфеллерами помогали устранять с американского рынка лекарства, составлявшие конкуренцию «Farbenindustrie», даже несмотря на их эффективность. «*Абсолютно каждый знает, что Рокфеллеры контролируют нефть, но большинство не знает масштаб рокфеллеровского могущества и влиятельности над современной медициной и лекарствами*» [288]. Генеральное соглашение, подписанное в 1929 г. сроком на 18 лет, делало стратегическими партнёрами «IG Farben» и «Standard Oil», директор которого Фрэнк Хауэрд писал своему коллеге: «*Можно сказать, что "ИГ" является нашим генеральным партнёром по делам, которые будут вестись в период с 1929 по 1947 г.*» [61].

«*В 1928 г. Шмитц объединил американские холдинговые компании концерна — "Американ байер", "General Analine Works", "Agfa-Ansco" и "Winthrop Chemical Company" — в дочерний швейцарский холдинг "IG Chemie", а в 1929 г. все эти фирмы были преобразованы в "American IG Chemical Corporation", впоследствии переименованную в "General Analin and Film"*».

Дж. Фаррелл «Нацистский интернационал»

Действительно, в 1929 г. слиянием «General Anilin Works», «Agfa-Ansco», «Winthrop Chemical Co.», «Magnesium Development Co.», а также «Sterling Drug» вместе с концерном Дюпонов появилась «American IG», будущая «General Analin and Film» (GAF) [37], в совет директоров которой входил сын Генри Форда Эдсел. 91,5% акций принадлежали свойственнику Шмицу [288], который вместе с Уолтером Тиглом из «Standard Oil», Эдселом Фордом и Чарльзом Митчелом из «National City Bank» стояли в основании самой компании. Помимо основателей в совет директоров вошел председатель Федеральной резервной системы Пол Варбург (Paul Warburg) [1] и Митчелл, также руководящий «National Sity Bank» Варбургов и «Federal Reserve of New York» [288]. Тогда же пост вице-президента «Sterling Drug» уже упомянутый Уильям Вейсс предложил секретарю президента Куллиджа, а потом и Гувера — Эдварду Кларку [37].

«*"И.Г. Фарбен": она проникла, в частности, в "Федерал резерв банк оф Нью-Йорк" (Чарльз Ф. Митчелл и Пол Варбург), в "Форд мотор компани" (Генри, а впоследствии Эдсель Форд), в "Банк Манхэттен" (Пол Варбург) и в "Стандард ойл оф Нью-Джерси"*».

Дж. Фаррелл «Нацистский интернационал»

С 1929 г. через «American IG Chemical Corporation» банк «J.P. Morgan» давал займы «IG Farben» [71]. Доля «J.P. Morgan Chase» при этом принадлежала опять же Варбургам [37]. Покровительствующая немецким химикам американская банковская структура была настолько сильна, что к началу Второй мировой войны прямо или косвенно контролировала 9 из 10 крупнейших банков США [76].

В свою очередь, главный финансист «IG» Герман Шмиц на Нюрнбергском процессе вспоминал о кредите в размере «что-то около» 170 млн. рейхсмарок, выданном в 1942 г. «General Electric» [72], входящей в финансовую группу «J.P. Morgan». Чтобы понять причины финансовой взаимовыручки немецко-американских корпораций, необходимо в качестве отступления рассмотреть историю ещё одного открытия немецких химиков, а также описать историю ещё одних бенефициаров картеля «IG Farben».

«*В конце 1938 года при поддержке официальных лиц нацистского руководства мастер камуфлировать корпоративные отношения Герман Шмиц придумал сложную схему маскировки реальных владельцев в заграничных подразделениях "IG", временно меняя их между несвязанными между собой филиалами и партнёрами. Шмиц знал, что его план будет работать, только если "IG" подберёт себе сговор-*

чивых нейтральных партнёров и бизнесменов в потенциально враждебных странах, кто временно вошёл бы в схему, а позднее вернул бы активы».

Д. Джеффрейс «Синдикат дьявола. "IG Farben" и создание гитлеровской военной машины».

Другими американскими «концами», которые Шмиц прятал в мутной воде финансовых махинаций, стали родственные связи с братом Дитрихом Шмицем, американским гражданином, через которого контролировалась «General Dyestuff Corporation» — один из американских филиалов «IG Farben» [54; 88]. Также американским гражданином, связанным родственными узами с руководством «IG», стал Уолтер Дуйсберг (Walter Duisberg), старший сын главы корпорации «Bayer» Карла Дуйсберга. В июле 1939 г. глава «Standard Oil» Уолтер Тигл объяснил молодому человеку, что по договоренности акции «IG» могут быть проданы только ангажированным компаниям, таким как «Standard», или же частным лицам, таким как Уолтер [1].

В хитросплетениях родственных и деловых связей пыталась разобраться комиссия по контролю над операциями с ценными бумагами, инициировав в 1938 г. расследование в отношении «General Analin and Film» (GAF), ранее являвшейся фирмой «American IG», поглощённой «General Analine Works», бывшей в то же время филиалом поглощаемой компании.

«*Его [Германа Шмица] управление было создано с помощью узкого круга близких родственников, стародавних сотрудников и личных друзей, которых он расставлял на стратегические позиции в "IG" и в его бизнес-окружении. Эти проверенные кадры, а также верные сторонники сыграли решающую роль в реализации генерального плана Шмица [Schmitz] для защиты зарубежных холдингов компании*».

J. Borkin «The Crime and Punishment of I.G. Farben»

Во время дачи показаний наставник Уолтера Дуйсберга, его тёзка, возглавлявший «Standard Oil», отрёкся от владения пакетом в полмиллиона акций, по которому голосовали на заседаниях «IG Chemie» [88] в Швейцарии. Лишь телефонограмма от 27 мая 1930 г., направленная вице-президентом «Standard Oil» Фрэнком Хауэрдом указывала, что имя Тигла было использовано для размещения акций и сокрытия финансового интереса настоящих инвесторов в «GAF». Также было установлено, что в 1932 г. Тигл получил письмо от управляющего директора «IG Farben» Вильфреда Грайфа, где было заявлено: «*"IG Chemie", как Вы знаете, филиал "IG Farben"*» [96]. После скандальных слушаний Тигл оставил правление концерна, а его место заняли партнёр банка «Dillon, Read and Co.», на деньги которого и будет построен головной офис «IG Farben», — Джеймс Форрестол, будущий военно-морской министр США, а также бывший министр юстиции США и адвокат «American IG» — Гомер Каммингс [54].

Кроме того, экс-главу «Standard Oil» вместе с Уильямом Фэришем (William Farish) и Фрэнком Хауэрдом (Frank Howard) вызвали в сенатскую комиссию, пристыдили за плохую память и оштрафовали каждого на 5 000 долларов [1]. Это не изменило ситуацию с пониманием реальных владельцев «IG Farben». В июне 1941 г.

комиссия призналась Конгрессу, что «*попытки установить собственность долей бенефициария в контрольном пакете акций оказались неудачными... американские инвесторы… находятся в специфическом положении тех кредиторов, которые не знают, кому принадлежит корпорация*» [12; 96]. Итогом стал собственный доклад «IG Farben», где концерн подытожил ситуацию: «*Около 1937 года… мы постарались улучшить наши мероприятия по маскировке, в особенности в наиболее подверженных опасности странах… Как вытекает из накопленного нами до сего времени опыта, наши мероприятия по маскировке оказывались во время войны весьма целесообразными, а в ряде случаев даже превзошли наши ожидания*» [12].

Уолтер Тигл всё же передал бразды правления компанией автору статей в журнале «American Magazine» Уильяму Фэришу. Тот собирался формально уступить «American IG» Состенесу Бену из «ITT», но министр финансов США Генри Моргентау не позволил в очередной раз спрятать концы концерна. Тогда Фэриш поставил несколько танкеров своей корпорации под панамский флаг, а в Гаагу через Лондон вылетел вице-президент «Standard Oil» и член совета директоров «Chase National Bank» Фрэнк Хауэрд, который провёл встречу с Фрицем Рингером из «IG Farben». От последнего согласно «Гаагскому меморандуму», предполагавшему продолжение сотрудничества между конернами независимо от участия стран в войне, Хауэрд получил ряд немецких патентов, которые оформлялись на «Standard Oil» так, чтобы конфисковать их в военное время не представлялось возможным. Этому предшествовала телеграмма, посланная нефтяной компанией немецкому партнёру 1 сентября 1939 г., с предложением выкупить доли: «*Единственное, чем мы руководствуемся при этом, — желание застраховать пусть небольшой интерес "ИГ Фарбениндустри" от неприятных последствий, которые может повлечь вступление США в войну против Германии, ибо очевидно, что в этом случае, если не принять предложенных нами мер, 20-процентная доля немецкого участия в нашем филиале перейдёт целиком под опеку Управления по охране иностранной секвестрованной собственности в США и окажется таким образом вне нашего контроля*».

Это был своевременный шаг, потому что 17 июля 1941 г. комиссия в составе Дина Ачесона, Моргентау, министра юстиции США Фрэнсиса Биддла и министра торговли Джесси Джонса приступила к составлению «чёрного списка» компаний, связанных со странами «оси», сделки с которыми объявлялись вне закона [280]. При этом даже Биддл в сентябре 1941 г. на страницах «Нью-Йорк таймс» самолично «покрывал» участие химического гиганта: «*Что касается доходов от сбыта аспирина компанией "Байер", то иностранные вкладчики их не получали вовсе. Точно так же отечественная американская продукция и разработка "Байер" новейших препаратов не имеют никакого отношения к связям с "IG Farben"*» [96]. На совещании 22 июля 1941 г. замещающий Моргентау Эдвард Фолей объяснил, что теперь, согласно президентскому распоряжению № 8389, заключать даже непрямые сделки со странами «оси» возможно только по личному распоряжению министра финансов.

До вступления США в войну было ещё пять месяцев, но внутри американской элиты она уже началась, и часть её старалась не дать другой объединиться с промышленным потенциалом Германии. 5 января 1942 г. на столе и.о. директора управления экономической войны Мило Перкинса появился «чёрный список» в первом

чтении, из которого Рокфеллер «узнал» о незаконных поставках «Standard Oil». В ответ решением Рузвельта при совете экономической войны появился специальный комитет по экспорту нефти и нефтепродуктов, который возглавил Макс Торнбург, правая рука Фэриша; последний и сам вошёл в состав комитета.

Тогда в феврале 1942 г. глава Управления по вопросам антитрестовского законодательства Министерства юстиции США Тэрмен Арнольд в сопровождении военного министра Генри Стимсона и военно-морского министра Франклина Нокса явился в штаб-квартиру «Standard Oil», находившуюся в доме № 30 на Рокфеллер-плаза, и потребовал направить в Управление по охране секвестрованной иностранной собственности все патенты, полученные по «Гаагскому меморандуму» между «Standard Oil» и «IG Farben», а также выплатить 1,5 млн. долл. штрафа. В ответ Фэриш согласился на выплату различными компаниями штрафа в 50 тыс. долл., в результате чего суд штата Нью-Джерси снял обвинения, предъявленные концерну, и на этом дело заглохло.

В марте компания «Standard Oil» была атакована новой комиссией под руководством уже будущего президента США Гарри Трумэна, на которой Арнольд представил документы о поставках синтетического каучука и о том, что Фэриш отказал Канаде в ознакомлении с патентами, важными для военной промышленности. Глава «Standard Oil» парировал тем, что сотрудничество с «IG Farben» было взаимовыгодным и принесло пользу США. Также последовало решение о том, что на время войны действие антитрестовского законодательства приостановлено, что выводило Арнольда из игры.

Тогда в мае на «Standard Oil» набросилась сенатская патентная комиссия во главе с сенатором Гомером Боуном, обвинившая нефтяной концерн в саботировании производства уксусной кислоты для военной промышленности США с одобрения партнёров из «IG Farben». Представитель министерства юстиции Джон Джэкобс утверждал, что «Standard Oil», также по просьбе немецкой стороны, саботировала производство взрывчатых веществ и синтетического аммиака и кроме того по вине компании Рокфеллера в США было ограничено производство смазочных материалов, необходимых авиации при полётах на больших высотах. На следующем выступлении в августе Джэкобс рассказал, что «Standard Oil» по ещё одной договорённости с «IG Farben» преднамеренно сократил производство метанола.

Ещё одной линией обвинения в августе стал рассказ техасского инженера нефтеперерабатывающего завода Р. Старнса о противодействии со стороны «Standard Oil» производству синтетического каучука, что не могло не заинтересовать председателя созданной Рузвельтом комиссии по вопросам производства синтетического каучука Бернарда Баруха.

Деятельность сенатской комиссии Боуна нанесла настолько непоправимый ущерб престижу «Standard Oil» и лично Тиглу и Фэришу, что откреститься от них поспешил сам Джон Рокфеллер, сославшись на то, что он был не в курсе деятельности своих топ-менеджеров. Первым психологический прессинг в прямом смысле не выдержал Фэриш: 29 ноября он скончался. Новым председателем правления стал Ральф Галлахер.

Смена руководства не изменила ситуацию. Поставки нефтепродуктов Третьему Рейху продолжались через Аргентину, Испанию и Швейцарию, власти которой

не возражали при условии, что «Standard Oil» держал в секрете название компаний, которым собирается поставлять продукцию [280]. Вся эта мутная история стала таковой потому, что и сам картель больше не представлял собой союза непосредственно немецких химических промышленников. Теперь, после реорганизации, он представлял собой инструмент военного решения нерешённых Первой мировой войной противоречий. Стоит добавить, что «IG» стала не просто военным картелем Третьего Рейха — Третий Рейх являлся всего лишь внешним оформлением «IG Farben», за которым стоял союз Рокфеллеров, Варбургов и связанных с лондонским Сити Шрёдеров, которые и подвели Германию под новую войну.

«*“Интеримпериалистские” или “ультраимпериалистские” союзы в капиталистической действительности… в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав — являются неизбежно лишь “передышками” между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики*» [345].

В. Ульянов (Ленин) «Империализм, как высшая стадия капитализма»

В первую очередь это был конфликт, вызванный борьбой за основную мировую эмиссионную валюту; основными претендентами являлись лондонский Сити и ФРС США. Этот породивший мировой финансовый кризис конфликт раскручивал колесо новой мировой войны, готовясь к которой, все стороны и участники старались заранее распространить свой контроль над стратегическими ресурсами или промышленными отраслями так, чтобы закончить войну с наиболее благоприятным для себя результатом. И в этом плане необходимо рассмотреть ещё один аспект противостояния, поясняющий битву вокруг «Standard Oil» и «IG Farben» в американском Конгрессе, тем более что некоторые политики того времени придавали ему значение большее, чем золоту.

«*I.G. по праву можно назвать “государством в государстве”... Без капитала Уолл-стрит “IG Farben” вообще не существовало бы, как не было бы и Адольфа Гитлера и Второй мировой войны*».

Николас Хаггер «Синдикат»

6. «Чёрное золото» алхимиков из «IG Farben»

«*Захватить нефть — захватить власть. Государству, захватившему власть над нефтью, обеспечена власть над морем с помощью тяжёлых масел, власть над небом с помощью бензина и газолина, наконец, власть над всем миром благодаря финансовому могуществу, которое даёт обладание этим продуктом, более ценным, более привлекательным, более могущественным, чем само золото*».

Жорж Клемансо, премьер-министр Франции

Китайцы использовали уголь для выплавки меди ещё за тысячу лет до н.э. [291] и долгое время имели немалую долю в мировом ВВП. Собственным богатейшим запасам угля во многом обусловлен экономический рост Германии [247], по сути и обусловленный угольной химической индустрией. Однако на 1937 год наибольшие мировые запасы угля были не у Германии, занимавшей лишь четвёртое место с показателем 345 млрд. тонн, а у США, где угля было целых 2 880 млрд. тонн. Второе место по запасам занимали Великобритания с Канадой и Ирландией, владевшие 1838 млрд. тонн, а третье — СССР, где залегало 1654 млрд. тонн. Заметим, что именно эти страны станут основными участниками Второй мировой войны, в немалой степени коснувшейся и Китая, занимавшего пятую по запасам позицию, составляющую 265 млрд. тонн [291].

«*1900-ый год, огромная Британская империя — однополярный мир, почему Британия правит всем … почему над её колониями никогда не заходит солнце, потому что она владеет главным энергоносителем эпохи… это уголь…. Но технологический прогресс, и появляется другой энергоноситель, появляется нефть, появляется электричество, и поэтому появляются новые хищники, это Германия, это США и отчасти Россия*» [236].

Г.Г. Малинецкий «Проектирование будущего и реальность XXI века»

Однако уголь — не только главный энергоноситель. Коксохимическое производство ещё во время Первой мировой войны было единственным источником толуола, а в дальнейшем его стали получать разгонкой некоторых сортов нефти и путем её химической переработки действием высоких температур. Помимо толуола из угля и нефти получают большие количества других химических соединений, из которых также можно получить взрывчатые вещества [275]. Людвиг Хаген — «*самый влиятельный из директоров Динамитного Треста Нобеля*» — по определению английского автора В. Ньюбольда — с рядом партнёров «*забрали в свои руки всё огромное множество предприятий, в которых нуждался кайзеризм для снабжения*

снарядами». Пороховой завод в Германии появился у Нобелей ещё в 1872 г. Даже на территории недружественной Японии у Нобелей функционировало «Японское акционерное общество взрывчатых веществ» [36]. При этом промышленной основой Нобелей было именно нефтяное производство. Потому как нефть — это не только «война моторов»; это «война» в самом широком смысле. Как и уголь, она — это прежде всего взрывчатые вещества.

Во время Первой мировой войны благодаря изобретению Хабера – Боша ресурсы взрывчатки в первые четыре месяца исчерпала не Германия, как это, видимо, ожидалось, а Великобритания, несмотря на заверения Адмиралтейства, что «секретные» заводы произведут достаточное количество толуола. Тогда в течение ночи на 30 января 1915 г. нефтяной завод в Роттердаме был демонтирован и вывезен кораблём секретной службы в Лондон, откуда переправлен в Сомерсет, став поставщиком нефтяного концерна «Shell», ежемесячно производившим 450 тонн готового тринитротолуола [274].

Нефть являлась ещё одним важным стратегическим ресурсом, и России с ним сильно повезло. В описываемый Г.Г. Малинецким 1900 год Россия добыла 631,1 пуд нефти, что составило 51,6% всей мировой добычи, а вместе с США эта доля составляла уже 90% [241]. Дальнейший рассказ покажет, что попытка проведения расследования в отношении американских активов «IG Farben», как и участие американского капитала в концерне, — не случайные события, а цепь драматического противостояния в борьбе за стратегический нефтяной ресурс, развернувшегося во время и после Первой мировой войны, что ещё раз возвращает нас к вопросу о её истинных причинах. И снова основной фронт этой борьбы не географически, но с позиции контроля пройдёт между США и Англией. Территориально самая ожесточённая битва развернётся вокруг нефтяных месторождений Ближнего Востока и Каспия.

В 1901 г. шах Персии уступил британской группе «Бирманская нефть» «*право на исследование и эксплуатацию в течение 60 лет всей персидской нефти, за исключением прикаспийских провинций*». Позднее это право перешло к «Anglo-Persian Oil Co.» [257]. Черчилль инициировал выделение 2,2 млн. фунтов на приобретение 51% (по данным А. Костона, 56%) пакета компании «Anglo-Persian Oil Co.», будущей «British Petroleum», после того как в 1910 г. в Персии официально обнаружили нефть [237], контроль над которой Англия не собиралась упускать.

Ещё за сто лет до того, как Ф. Фукуяма провозгласил Конец Истории, Берлинская конференция 1885 г., разделившая Африку, по сути провозгласила конец географии. Варианта открыть новые земли, которые могли бы стать источником ресурсов, для извлечения прибыли путём заселения их освобождающимися из-за механизации трудовыми резервами уже не было. Можно было только переделить уже открытые области, что как нельзя более прямо скажется на судьбе Российской империи, ставшей полем конкурентного противостояния Нобелей, Ротшильдов и Рокфеллеров, владевших «Standard Oil», директор которой Тигл забудет о своём участии в «IG Chemie» во время разбирательства в Конгрессе.

«*“Стандард ойл” вдруг резко снизила цены. Рокфеллер контролировал более 90% американского рынка и мог позволить себе снижения цен, разорительные для дру-*

гих фирм, — уловка, к которой он в случае необходимости будет прибегать ещё не раз. "Стандард ойл" главенствовала на нефтяном рынке по всему миру — кроме России».

Б. Осбринк «Империя Нобелей. История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России»

В конце XIX века владевшие «Standard Oil» Рокфеллеры периодически позволяли себе снижение цен, что дало им возможность захватить нефтяной рынок США. Частично это можно объяснить и обстоятельством, описанным в письме Людвига Нобеля: «*В американской системе капиталовложения в перевозку, хранение и сбыт продукции делаются из общественных средств*» [116], — то есть конкурентоспособность «Standard Oil» достигалась посредством лоббирования за государственный счёт, но при этом «*нефтяная прибыль, похоже, находит возможность по каким-то невидимым трубопроводам стекать прямо в частные карманы*» — обратил внимание на парадокс, сделавший из нефтяных компаний «государства в государстве», Ллойд-Джордж [274].

Мировая экспансия «Standard Oil» «упёрлась» в нефтяной рынок России [106], куда поставки керосина к 1890 г. сошли на нет. Более того, по разным оценкам, Россия сама поставляла на мировой рынок 45% нефти и 25% керосина [107]. Морской фрахт и тара составляли 50% стоимости керосина; переложить и эти расходы на плечи налогоплательщиков возможности у Рокфеллеров не было. Кроме того, М. Лазарев, прочитавший в феврале 1889 г. доклад Обществу содействия русской промышленности и торговли, отмечал: «*Крайняя простота заводского дела, а что самое главное — лёгкость добычи нефти при неглубоком бурении в 20–25 сажень, всё это настолько было доступно местным, туземным силам, что и стар, и млад, и русский, и армянин, и татарин, все, имевшее лишнюю копейку, бросилось тогда в нефтяное дело*» [380]. Мировую монополию Рокфеллерам помешал осуществить именно встречный демпинг российских нефтепродуктов. Бакинские нефтяные пласты залегали намного ближе к поверхности земли, чем самые известные в ту пору пенсильванские месторождения в США, и это значительно удешевляло и облегчало процесс бурения [112]. Как пишет шведская исследовательница Брита Осбринк, «*американцы стали прибегать к саботажу, распространению слухов и подкупу*» [116]. Дело в том, что в России они столкнулись с союзом Нобелей и Ротшильдов. Союзом изначально непрочным: объявляя о начале торговли нефтью в 1886 г., Ротшильды подчёркивали, что их «Caspian and Black Sea Petroleum Co.», известная ещё как «Bnito», будет использовать ценовой демпинг против Нобелей и независимых российских производителей [274], которые стали первыми жертвами крупных «акул» бизнеса. Ведь, согласно Лазареву, «*с развитием деятельности Товарищества братьев Нобель промышленники в Баку, как крупные, так и мелкие, находились в течение слишком шести лет в непрерывной взаимной борьбе*» [380].

«*Характерной особенностью российского, в частности, бакинского, нефтяного производства, являлось то, что в основе его высокой концентрации и дальнейшей монополизации было неравное соотношение сил, при котором крупнейшие фирмы (Нобеля и Ротшильда), владевшие всеми отраслями нефтепроизводства, проти-*

востояли мелким и средним фирмам с их примитивным способом добычи нефти и производства нефтепродуктов. Монополистические тенденции крупных фирм выявлялись уже с начала 80-х годов прошлого столетия в виде различных соглашений или картельных объединений, целью которых была монополизация производства» [259].

М.Ф. Мир-Бабаев «Бакинская нефть и Ротшильды»

Российская нефтедобыча увеличивалась весь XIX век, поднявшись с 750 тыс. галлонов в 1832 г. до 3,5 млн. в 1870 г. [264]. В преддверии 1890 г. 78,9% вывоза российского керосина контролировали Ротшильды, кредиты которых поощряли бакинских нефтепроизводителей расширять производство, что вызвало падение цен на керосин с 30 коп. за пуд в 1888 г. до 7 коп. в 1892 г. [108].

В 1880 г. Альфонс Ротшильд получил право льготного владения бакинскими нефтепромыслами, где создал нефтяную компанию «Русский стандарт» [381]. В 1886 г. младший представитель семейства приобрёл у промышленника Палашковского, испытывавшего трудности с оборотным капиталом, «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество» (Société commerciale et industrielle de naphte Caspienne de Bacou) с уставным капиталом в 25 млн. франков. Далее, в период финансового кризиса, кредитуя нефтепромышленников, банкиры продолжили скупку их активов. Важные для общества вопросы решались в Париже, петербургское управление под руководством представителя Ротшильдов князя Эристова в промысловые дела фирмы не вмешивалось. Также управление обществом осуществляли председатель Совета съезда бакинских нефтепромышленников австрийский подданный Арнольд Фейгель [108; 380], зять А. Ротшильда Морис Ефрауси и князь А. Грузинский [113].

Газета «Киевское слово» в 1899 г. писала, что реальное положение российской нефтедобывающей промышленности не было процветающим. И причины такого «*печального... положения*» связаны с тем, что «*ни бакинцы, ни батумцы никогда не были действительными экспортёрами*», не имея ни собственных судов, ни складов. «*В Лондоне образовались многочисленные синдикаты и акционерные компании, имеющие в России своих представителей из русских подданных... на имя которых и происходят продажи, в обход запрета на прямую продажу горнодобывающих предприятий иностранцам*» [264]. Главным инженером нефтепромыслового хозяйства Ротшильдов в Баку трудился Давид Ландау, отец будущего лауреата Нобелевской премии по физике Льва Ландау [113], а контролировали рынок российской нефти Ротшильды совместно с основателем этой всемирно популярной научной премии — самим Нобелем через «Союз бакинских керосинозаводчиков». Торговым агентом союза мог стать лишь обладатель готовой сбытовой сети на заграничных рынках, поэтому большинством паёв в нём — 9 610 и 5 870 — держали сами Нобели и Ротшильды [108], по сути управляя местными производителями.

Характеризуя контракты Ротшильдов с местными производителями, М. Лазарев сравнил их с «*кабалой, нисколько не отличающейся от той, которая установлена кагалом для имений юго-западного края*», потому что под видом комиссионных отношений по сути скрывалась обычная передача прав [380]. Ситуация, кстати, характерная для мировой нефтяной индустрии в целом, что видно, если ещё раз об-

ратиться к письму Людвига Нобеля: «*Говорят, что в американскую нефтяную промышленность вложено 400 миллионов долларов. Говорят, что компания "Стандард ойл" располагает 80 миллионами долларов и, тем не менее, в основном рассчитывает на спекулянтов*».

В 1897 г. управляющий Нобелей Ханс Ольсен наладил контакт с Жюлем Ароном, главой коммерческого отдела банковского клана Ротшильдов [116]. С 1900 г. для контроля над экспортом керосина возникло картельное соглашение между «Товариществом бр. Нобель» и ротшильдовским объединением «Мазут» [113]. Союз был сплочён задачей противостоять мировой экспансии «Standard Oil». Главный управляющий «Товарищества бр. Нобель» Густав Тернуддк делился планами в своём письме: «*В настоящее время положение таково, что рынок Российской империи целиком зависит от нас, и мы всерьёз подумываем о вытеснении американцев не только из Европы, но и из Азии. Теперь взгляды наши устремлены в одну точку — на Батум*» [116].

Об этом же пишет в своем исследовании В. Сеидов: «*Конкурентом Нобеля оставался рокфеллеровский Standard Oil Co., и поэтому Нобель рассматривал "Союз..." как начальный этап раздела мировых рынков*» [108]. Б. Осбринк добавляет: «*французские банкиры Ротшильды… увидели для себя шанс вывести дешёвую бакинскую нефть на расширяющийся мировой рынок и конкурировать там с компанией "Стандард ойл"*» [116]. Таким образом, образовавшийся картель стал картелем «против».

Такое видение подтолкнуло Нобелей к участию и в Европейском нефтяном союзе, организованном в 1906 г. «Deutsche Bank» для противостояния экспансии «Standard Oil». Нобелям в нём принадлежало 20%, Ротшильдам 24%, а «Deutsche Bank» 50% [105; 116]. Структура союза была опубликована в германском финансовом журнале «BankArchiv» в июне 1910 г., и, согласно публикации, он состоял из восьми компаний, из которых только одна — «Deutsche Osterreichische Naphta Import Gesellschaft» принадлежала напрямую Нобелю, ещё две были совместными с Ротшильдами. Три другие — «Deutsche Petroleum Handel Maatschappij», «Danisch Deutsche Petroleum» и «Schweizerische Petroleum» — напрямую контролировались «Deutsche Bank».

«Anglo-Persian Oil Co.» контролировалась совместно Ротшильдами через «Consolidated Petroleum Co.» и «Deutsche Bank» — через «General Petroleum Co.», а «Deutsche Petroleum-Verkaufs-Gesellschaft (DPVG)» принадлежала смешанному составу участников, в числе которых значился Венский банковский союз [105], возглавляемый Морицем Бауэром [110]. С учётом того, что, согласно проф. В. Катасонову, «Deutsche Bank» «*де-факто… находится под контролем Ротшильдов*» [109], а доля банка составляла 50,4% Европейского нефтяного союза [111], легко предположить, что и весь союз напрямую или аффилированно находился под контролем известного банковского семейства.

Определённые позиции в союзе играла и компания «Shell», отвечая за сбыт бензина [116], в то время воспринимаемого как побочный продукт перегонки нефти без значительного спроса [241]. Это важное обстоятельство, иллюстрирующее, что в первую очередь спросом пользовались фракции, пригодные для изготовления взрывчатых веществ, так как в качестве топлива нефть ещё не имела широкого применения.

Примечательна та же нерасторопность, которая проявилась при изобретении красителей. Процесс крекинга, позволяющий превращать в бензин до 70% неочищенной нефти вместо 10–20%, которые позволяют извлекать стандартный дисцилляционный метод, запатентовал гениальный русский инженер-архитектор В. Шухов в 1891 г., однако первые отечественные установки крекинга появились в СССР только в 1934 г. [289; 290].

«*Отстоять себе Румынию и объединить её с Россией против Рокфеллера*» — прокомментировал создание Европейского нефтяного союза В. Ленин [108]. После начала Первой мировой «Standard Oil» собирался выкупить этот союз, но такое предложение, естественно, было отклонено [116]. Не пускали Рокфеллеров и в Россию. Как пишет В. Косторниченко: «*Нельзя не обратить внимание и на то, что российское правительство одновременно стремилось не допустить к бакинским промыслам крупнейшую в мире компанию "Стандард Ойл"*», и в результате участие американских инвестиций в российской нефтепромышленности составило всего 0,5% [112]. Российское правительство — это Витте, лоббировавший намерение построить «*Сибирскую железнодорожную магистраль, благодаря которой нефтепродукты братьев Нобель можно было перевозить до самого Владивостока*» [116].

Несмотря на видимое совместное выступление Ротшильдов и Нобелей, Альфред Нобель вступил в переговоры с представлявшим «Standard Oil» Уильямом Либби из соображения «*лучше оба кармана наполнить. Нежели оба опустошить в безнадёжном соперничестве*» [116]. В результате стабильность союза Нобеля и Ротшильдов была окончательно поставлена под сомнение в 1895 г., когда Э. Нобель «от имени нефтяной промышленности России» и представитель Дж. Рокфеллера Либби «от имени нефтяной промышленности США» заключили предварительное соглашение о разделе рынков, где американской стороне предоставлялось 75% всего мирового сбыта, российской — 25%. Хотя оно не вступило в силу [108; 115], так как «Standard Oil» не могла гарантировать полную монополию на ценообразование, доверия между партнёрами не было с момента, когда Ротшильды в самом начале отношений потребовали себе контрольный пакет акций в «Товариществе бр. Нобель». После этого, по словам Густава Тернуддка, «*с невероятной беззастенчивостью*» была «*в определённых кругах развёрнута систематическая планомерная кампания по оговору нашего предприятия*» [116], теперь уже со стороны Ротшильдов. Думаю, Нобели прекрасно отдавали себе отчёт в том, что они станут следующими после российских производителей, кто будет лишён коммерческой самостоятельности. Вопрос был только в том, под чей контроль попадут их производства и как этот контроль будет выглядеть.

В рамках нарастающей конкуренции к делу подключилась финансовая группа Дрейфусов, скупив паи товарищества «Нефть» на сумму примерно в 1 млн. рублей. Это позволяло им принять активное участие в образовании русского нефтяного треста в Лондоне, которое в 1917 г. контролировало 22 фирмы и 9% российской добычи [108]. Ранее, в 1914 г., заручившись поддержкой большинства, компания попыталась захватить в свои руки «Товарищество бр. Нобель» [116]. Разгадав манёвр, Нобели сами стали скупать поглощающие его компании, но, как пишет В. Сеидов, «*события октября 1917 года остановили эту лихорадочную гонку*» [108]. Однако Дрейфусами дело не ограничилось.

«*Помимо Рокфеллера, Ротшильдов и Нобелей в последнее десятилетие XIX века в нефтяную войну включился ещё один клан. Родоначальником этого клана, благодаря которому появилась на свет компания «Шелл», стал бизнесмен англо-еврейского происхождения Маркус Сэмюэл. Приложив немалый труд, Маркус Сэмюэл наладил тесные связи с шотландскими торговыми домами в Калькутте, Сингапуре, Бангкоке, Маниле, Гонконге и других городах Индостана и Дальнего Востока*».

Б. Осбринк «Империя Нобелей. История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России»

Итак, на стороне Ротшильдов играло ещё одно семейство, отвечавшее за восточную сбытовую сеть. Маркус Сэмюэл-младший и Сэмюэл Сэмюэл в 1869 г. подключились к отцовскому банку «Samuel» Маркуса, ставшего в 1925 г. лордом Бирстедом, чьи предки прибыли в Лондон в 1750 г. из Голландии и Баварии. Начало карьеры Сэмюэла положила торговля мидиями, но новый виток в ней наступил после создания с помощью Ротшильдов компании «Shell Transport & Trading Co.» и открытия Суэцкого канала [116; 257; 258], принадлежность которого к Великобритании стала возможна благодаря кредиту в 4 млн. фунтов, предоставленному бароном Лайонелом Ротшильдом из «NM Rothschild & Sons» при содействии Дизраэли [230] и открытие которого случилось именно в 1869 г. В 1882 г. Англия оккупировала Египет, закрепив контроль над каналом [272].

В 1897 г. братья Сэмюэлы основали «Shell Transport», или «British Dutch» [116]. В этот же год в компании обратили внимание на то, что «Standard Oil» потихоньку скупает ценные бумаги общества [274], и у этого, видимо, были свои причины. Не факт, что известны все условия кредита, выданного на приобретение канала, так как «Standard Oil» неожиданно отказали в разрешении проводить танкеры через Суэц, и вся нефть, впоследствии шедшая на Восток этим путём, стала монопольно принадлежать компании Маркуса Сэмюэла-младшего совместно с домом Ротшильдов [116]. Всего из 69 нефтяных грузов, прошедших через Суэцкий канал к концу 1895 г., лишь четыре принадлежали конкурентам Маркуса [274]. С 1891 г. контора «Russell & Arnholz» через парламент и прямое обращение к министру иностранных дел лорду Солсбери лоббировала выдачу разрешения на проход через Суэц для других неназванных клиентов, которыми, по общему мнению, являлись Рокфеллеры, но им опять отказали. В 1901 г. Рокфеллеры предложили уже лично Маркусу Сэмюэлу 13 млн. долларов и директорский пост в «Standard Oil», а также покупку у него флотилии за 40 млн. долларов, но снова получили ожидаемый отказ [116; 274] в доступе к «ключу» от восточных ворот.

Восточная Азия окончательно стала вотчиной братьев Сэмюэлов. Сэм десять лет прожил в Японии, являясь организатором поставок оружия обеим сторонам в китайско-японской войне 1894–1895 гг. и послевоенного правительственного займа Японии со стороны лондонского Сити размером 4,5 млн. фунтов. Заём предусматривал создание железнодорожной инфраструктуры в префектурах Иокогама и Осака, что в целом ложилось в общую экспансионистскую политику Ротшильдов, инвестировавших в железнодорожные коммуникации по всему миру.

«*Во всём, что относится к искусству механики, англичане долго играли руководящую роль. Они были главными поставщиками угля и развили огромную железную и стальную промышленность. Они были первыми в признании необходимости строить железные дороги, они доставили значительную долю капиталов для прокладки рельсовых путей по всему материку Америки, в Азии, Африке и других странах. В качестве морской державы они, естественно, стремились монополизировать морские перевозки и постройку торговых судов для всяких целей и для всех хозяев. По всему миру английские товары перевозились на английских грузовых судах и английскими товарными поездами, распространяя английское влияние и собирая для англичан барыши далеко за пределами досягаемости пушек вездесущего английского военного флота*».

В. Ньюбольд «Как Европа вооружалась к войне (1871–1914)»

На Востоке фирма «Samuel Samuel & Co.» поначалу являлась дистрибьюторами рокфеллеровского керосина марки «Devoes». Он продавался в синих канистрах, которые местные жители использовали как черепицу. Однако племянники братьев Марк и Джо Абрахамс создали дистрибьюторскую сеть с собственными резервуарами, распространяя керосин «Shell» в новых, красных, канистрах. О том, как менялась доля рынка, можно было судить по меняющемуся цвету крыш домов, которые, как и азиатский керосиновый рынок, становились в прямом смысле «Rothschild», чему как раз способствовало закрытие Суэца и финансовый контроль над строительством Транссибирской магистрали. Ответ не замедлил себя ждать: в 1899 г. началось восстание ихэтуаней, которые под националистические лозунги разгромили резервуары «Shell», расположенные в Кантоне, Ханчжоу, Тяньцзине и Шанхае [274].

Но на азиатском театре у Сэмюэлов были не только враги. Маркус Сэмюэл дружил с Джином Кесслером [274], главой голландской компании «Koninklijke Nederlandsche Maatschappij tot Exploitatie van Petroleumbronnen in Nederlandsch-Indië» («Королевское общество по эксплуатации нефтяных месторождений в Нидерландской Индии»), впоследствии ставшего «Royal Dutch» [257]. В конце 1890-х гг. компания вела обширную исследовательскую деятельность по поиску нефти на Суматре, но в декабре 1900 г. Кесслер умер от сердечного приступа и в течение суток его заменил [274] Хендрик Огаст Вильгельм, вошедший в историю бизнеса как Генри Детерлинг и с юных лет работавший в «Dutch Twentsche Bank» в Амстердаме [257].

В 1903 г. в Шанхае по предложению Детердинга была реализована идея его предшественника на посту главы «Royal Dutch» и компания объединилась с «Shell» в качестве совместного предприятия с Ротшильдами, названного «Asiatic Petroleum Co.» [233; 274]. Окончательно союз был оформлен в январе 1907 г. В альянсе «Royal Dutch Shell» одна голова находилась в Лондоне, другая в Гааге: 40% принадлежало «Shell Trading & Transport» [274], а 60% — «Royal Dutch Petroleum» [116; 232]. Несмотря на то, что Маркус Сэмюэл занимал должность председателя, а Детердинг — исполнительного директора, основные решения принимал именно последний, лоббируя интересы парижского Ротшильда. Примечательно, что секретарём компании станет служащий по имени Дж. Кеннеди [274].

О политике Детердинга А. Костон писал: «*Связав свою судьбу с судьбой Сити, успешно сопротивляется яростным атакам своего американского конкурента*» [257]. Описывая политику «Royal Dutch Shell», исследователи Я. Кумминс и Дж. Бизант отмечают: «*Маркетинговая стратегия заключалась в том, чтобы максимально приблизить производство к клиентам и создать бизнес в Европе, Южной Америке, Вест-Индии и Южной Африке*». В Европе Маркус Сэмюэл вложил 90 тыс. фунтов в приобретение у «Deutsche Bank» немецкой компании «Gehlig-Wachenheim», поставщика российского керосина. В будущем она станет компанией «PPAG», которая совладела компанией «Steaua Romana» и приобретёнными Детердингом новыми нефтяными месторождениями в Румынии, что, вне сомнения, угрожало позициям «Standard Oil» [274], которых постепенно выталкивали еще и из Европы.

Несмотря на предложение, «Royal Dutch Shell» не просто отказалась от слияния со «Standard Oil», но и бросила вызов её монополии в самих США, приступив к бурению скважин в Калифорнии [116]. Компания «Shell of California» после пяти лет поисков, на которые ушло 3 млн. долл., наконец открыла месторождение в Аламитосе. На пике добычи «Shell» имела не менее 270 скважин ставшего самым производительным в мире месторождения на Сигнал-хилле, откуда ежедневно извлекали 6 тыс. баррелей сырья высочайшего качества [274]. Теперь 43% своей продукции «Royal Dutch Shell» извлекает из почвы США, спонсируя в противовес «Standard Oil» Демократическую партию и настраивая Конгресс и общественное мнение в прессе против треста Рокфеллера [257].

В 1909 г., после череды восстаний и революций, во главе Венесуэлы на четверть века оказался Хуан Висенте Гомес, ставший благодаря «Shell» самым богатым человеком не только своей страны, но и всей Южной Америки. При этом «забота» о населении у приведённого к власти диктатора выразилась в отказе от обычной на тот момент системы образования, потому что «*необразованные люди, несомненно, более счастливы*». В 1913 г. компания «Shell» вышла на рынок Южной Америки, благодаря геологу Ральфу Арнольду получив богатейшие месторождения Венесуэлы [274]. Чтобы проникнуть на рынок, компании нужно было взломать систему. Важно признание, сделанное командующим корпусом морской пехоты США генерал-майором Смедли Батлером: «*В 1914 году я помогал "обезопасить" Мексику, и особенно Тампико, для американских нефтяных компаний. Я помогал превратить Гаити и Кубу в "подходящее место" для накопления прибылей банком "Нэйшнл сити бэнк". Я помогал грабить полдюжины республик Центральной Америки для Уолл-стрита... В Китае в 1927 году я помогал присматривать за тем, чтобы "Стандард ойл" могла беспрепятственно делать свое дело*» [379]. В 1921 г. делегация Рокфеллера снова столкнулась с Джеймсом Ротшильдом прямо в приёмной диктатора [346].

В Мексике Детердинг выкупил общество «Мексиканский орёл» с огромными нефтяными концессиями и своим флотом, лишив Рокфеллеров рынка сбыта. Противостояние в Центральной Америке дало старт целой череде новых революций и переворотов, за которыми стоял передел нефтяных концессий. Вновь «Shell» появилась в Мексике уже позже, открыв компанию «La Corona» [257; 274], а революции продолжили сопровождать противостояние компаний уже на Востоке.

В 1903 г. Нобели провели переговоры с представителями конкурирующего «Standard Oil» в Берлине, а сразу вслед за этим — с Эдмоном Ротшильдом в Париже. По возвращении, готовясь к слиянию со «Standard Oil», они провели ревизию собственных нефтяных активов для расчёта курса акций, установив, что акции недооценены на 8–10%. Хотя новую цену представитель «Standard Oil» в Лондоне Джеймс Макдональд назвал слишком высокой, слияние Нобелей и Рокфеллеров не состоялась и по другой причине.

По странному стечению обстоятельств в Баку началась стачка, в результате которой у Нобелей сожгли 36 буровых вышек и разорили контору. Масло в огонь подлило противостояние на национальной почве, при котором погрому подверглись армянские предприятия [116]. Вне сомнения, у забастовок были серьёзные предпосылки. По свидетельству английского инженера Артура Биби-Томпсона, работавшего в бакинской нефтяной промышленности, смертность среди нефтяников была сравнима лишь со смертностью на золотых приисках в Африке [264]. Однако восстание произошло именно на предприятиях Нобелей.

Управляющий Вильгельм Хагелин был удивлён требованиями рабочих, потому как по сравнению с другими компаниями рабочий день у них был короче и кроме того они получали ежегодный процент от прибыли. Тем не менее, в Балаханах, где горело 300 нефтяных вышек, и Баби-Эйбате по всему городу виднелись сожжённые дома и окровавленные трупы. Волнения начались и в Батуми, организованные местными социалистами, среди которых был Иосиф Сталин. С 1901 г. он состоял в Тифлисском комитете РСДРП, в 1907 г. принимал участие в съезде социал-демократической партии в Лондоне, а по возвращении был избран членом бакинского большевистского комитета. На менеджмент «Товарищества бр. Нобель» постоянно совершались покушения, а в 1906 г. в беспорядках погиб батумский управляющий Хагер [116]. В 1927 г. В. Маяковский напишет:

«*Если держим наготове помпы*
на случай фабричных поджогов и пожаров
и если целит револьверы и бомбы
в нас половина земного шара —
это в секреты, в дела и в бумаги
носище суёт английский агент,
контрразведчик ему титул,
его деньгой англичанка мутит» [248].

Насколько справедливыми эти строки могли бы быть и для предреволюционного времени? Дело в том, что инициатором стачки был заместитель директора Биби-Эйбатской ТЭС в Баку Л. Красин, под руководством которого печаталась и распространялась через сбытовую сеть «Товарищества бр. Нобель» газета «Искра»; он же руководил подготовкой террористических актов, а впоследствии — боевой террористической группой при ЦК [116; 234; 235]. После революционных событий Красин станет представителем СССР в Лондоне, а во время этих событий, в 1919 г., управляющий делами Нобелей Артур Лесснер будет задаваться вопросом: «*Отношения с рабочими портились — прежде всего благодаря странной тактике*

англичан, всегда выступавших против работодателей. Они что, хотели так привлечь рабочих на свою сторону?» [116].

Корни «странной тактики англичан» было бы правильнее исследовать с момента подавления луддитского движения. За прошедшие после него сто лет английский истеблишмент, вероятно, осмыслил не только как подавлять рабочие движения, но и как управлять ими, эксплуатируя протестные настроения общества [117], чем и занимался в Баку и Батуми в начале XX века:

«*Существует банда "сестёр", возглавляемая двумя гигантами, "Shell" и "Exxon" (бывшая "Standard Oil")… История их конкурентной борьбы в масштабе всего мира долгое время была неразрывно связана с историей всего общества, финансируя целые нации, разжигая и поддерживая войны… Нередко они были похожи на частные правительства, в пользу которых некоторые западные страны преднамеренно отказались от своих дипломатических функций и международных интересов… они представляли намного больше, чем только самих себя; они были центральной частью целой экономической системы Запада*» (цит. по: [274]).

A. Sampson «The Seven Sisters»

Женевский Центр исследований предпринимательства и общества в 1995 г. писал: «*После пика 1901 года добыча нефти в Баку начинает падать... Революционное движение начала века, одним из главных очагов которого был Бакинский район и Батуми, где начинал свою деятельность Сталин, было одной из причин сокращения добычи нефти*» [117]. В сложившейся ситуации вопрос объединения в «Standard Oil» отложили до 1920 г. Конец братству Нобель предрекали и ранее, ещё после смерти в 1896 г. двоих представителей семьи — Роберта и Альфреда, но революционные волнения и падение конъюнктуры, приведшие к снижению доли России в мировой добыче в период с 1904 по 1913 г. с 31 до 9%, нанесли «Товариществу бр. Нобель» такой ущерб, что потребовалось девять лет работы, чтобы снова достичь уровня 1904 г. [116]. Конкурентное противостояние вышло на уровень, недоступный Нобелям. За два месяца до начала Первой мировой войны Уинстон Черчилль писал: «*Посмотрите, сколько в мире областей, богатых нефтью! И всего две гигантские корпорации — по одной в каждом полушарии — контролируют это пространство*» [274]. Они-то и станут основными участниками передела.

В то же время благодаря сделке Ротшильдов «Shell» стала самым крупным иностранным игроком, владеющим пятой частью всей нефти на российском рынке [274]. В 1912 г. банкиры переуступили «Royal Dutch Shell» участие в трёх основных нефтяных компаниях, оценённое в 35 млн. рублей, в обмен на 20% долю в компании, возглавляемой Г. Детердингом [108; 112]. Получив также банковские активы «Shell» в Париже, они сконцентрировались на привычном банковском бизнесе [113]. В источниках количественный показатель инвестиций Детердинга в бакинские промыслы приводится в размере 20 млн. долл., вложенных до 1917 г. [246]. Видимо, речь идёт о средствах, вложенных помимо покупки, стоимость которой Б. Осбринк оценивает в сумму, равную 27,5 млн. руб., отмечая, что «*так банкирский дом Ротшильдов избежал потерь, связанных с войной и русской революцией*» [116]. Новая форма союза была более устойчива, чем картельное соглашение с Но-

белями, которым, по выражению Виктора Ротшильда, теперь пришлось вести «*распродажу погорелого после большевистской революции добра*» [107]. Представитель Нобелей в 1919 г. безрезультатно провёл переговоры с Детердингом о слиянии, после чего переключил внимание на сделку со «Standard Oil of New Jersey» [116].

Возможно, неудача переговоров с «Shell» кроется в том, что секретная англо-французская конвенция, подписанная 23 декабря 1917 г. в Париже, поделила Россию на «зоны действия», по которой Кавказ и так становился такой зоной для англичан [239]. Но и американская сторона не спала. В 1917 г. репортёр «The New World» Лев Троцкий для проживания в Байонне и Нью-Джерси использовал предоставленную ему недвижимость «Standard Oil». *«Вскоре,* — писал о Троцком его коллега Уильям Стилл (William Still) — «*он поймёт, как могущественны банкиры Уолл-стрит, желающие финансировать революцию в России*» [288]. Упомянутый Ландау, кстати, станет стипендиатом Рокфеллеровского фонда и в конце 20-х годов будет открыто декларировать приверженность идеям Троцкого [333]. Революция в России не дала ей возможность участвовать в послевоенном переделе мира, а на этом фронте баталии только разворачивались.

В аналитической записке, составленной для главы политической разведки Стюарта Кэмпбелла её сотрудником Гербертом Уэллсом, последний вообще не включил Россию начала XX века в число субъектов мирового передела, старт которому дала Первая мировая: «*Только пять или шесть великих держав обладают экономическими ресурсами, необходимыми при современных условиях ведения войны, — это Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция, Германия, Япония и, быть может, Австро-Венгрия*». При этом зоной ответственности писателя-фантаста была именно Германия, о судьбах которой он писал: «*Относительно будущего немецких колоний я имею твёрдый взгляд, а именно, что эти колонии никогда больше не должны подпасть под контроль Германии в военных и военно-морских целях».* Далее Уэллс предлагал: «*Допущение Германии в Союз само по себе уже исключало бы враждебную монополизацию сырьевых продуктов. Наши условия мира могли бы поэтому выставляться как условия, на которых Германия может быть приглашена участвовать в "Союзе наций"*» [100]. Кстати, по условиям Лиги Наций любому принятому в это мировое сообщество государству предоставлялось равенство в эксплуатации недр Ближнего Востока [260].

Азербайджан, согласно договору от 27 апреля 1918 г., вошёл поначалу в сферу влияния Второго Рейха [118]. Германия нуждалась в нефтяных промыслах Баку, и очень кстати не так далеко — в лагерях Средней Азии — находились 40 тыс. немецких и австро-венгерских военнопленных [253], которые теперь могли быть использованы. Ровно через четыре месяца появилось приложение к Брест-Литовскому мирному соглашению со ст. 14: «*Россия по мере сил будет содействовать добыче нефти и нефтяных продуктов в Бакинской области и предоставит Германии четвёртую часть добытого количества, однако ежемесячно не менее определённого числа тонн*» [239].

Хотя Второму Рейху уже оставалось существовать недолго. По соглашению с Лениным в обмен на нефть Германия установила протекторат над территорией бакинских месторождений, чтобы обезопасить их от турецкого вторжения [116]. Скорость этих событий, последовавших за большевистским переворотом, застала во-

енный кабинет в Лондоне врасплох [253], однако, как и положено, уже в мае 1918 г. Азербайджан, Армения и Грузия провозгласили себя «независимыми государствами» [116]. Как оказалось, в 1918 г. Черчилль и глава «Shell» Детердинг предусмотрительно скупили во Франции все дореволюционные концессии в районе Баку [103]. Это не составляло сложности, потому что в то время годовой бюджет «Shell» уже превышал бюджеты некоторых европейских государств [274].

Лорд Керзон заявил, что англичане несут моральную ответственность за поддержку молодых государств Армении, Азербайджана и Грузии как антибольшевистских стран, на территории которых, как пишет эксперт по советской нефти Генрих Хассманн (Heinrich Hassmann), англичане тут же отменили «*экспроприацию нефтяной промышленности и восстановили прежних собственников*», а их инженеры приступили к ремонту насосных станций и железной дороги Баку – Батуми.

Лорд Бальфур был более прагматичен, чем Керзон, считая: «*Мы будем защищать Батум, Баку, железную дорогу между ними и трубопровод*», вместо того, чтобы «*тратить деньги и людей на приведение нескольких человек к цивилизации вопреки их воле*» [101]. Контролируя транспорт, англичане формировали ценовую политику и вывозили нефть нарастающими темпами. Если в 1918 г. из Баку вывезли 13,3 тонны, то в 1920 г. только за первые полгода — 153,22 тонны [124]. В 1919 г. представитель Нобелей Лесснер открыл источники вывозимого сырья: «*Не могу сказать, чтобы "английский" период пошёл на пользу Баку или нефтяной промышленности… наложить лапу на запасы продукции — это пожалуйста*» [116]. В декабре 1918 г. представитель «Bibi-Eibat Oil Co.» на ежегодном собрании кавказских нефтяных компаний в Лондоне (sic!) заявил: «*Русская нефтяная промышленность, широко финансируемая и правильно организованная под британским началом, была бы ценнейшим приобретением истории*» [240].

В это время английская политика маневрировала между национальными интересами горцев, которым давали понять, что поддерживают их в стремлении к независимости, и Добровольческой армии генерала Деникина, выступавшей под великодержавным лозунгом «Единая и неделимая» [240]. А. Красильников «*одним из основных покровителей русских белогвардейских эмигрантских кругов*» называет Детердинга [246]. В 1919 г. в штаб Вооружённых сил Юга России Деникина советником прибыл член «Круглого стола» и «отец геополитики» Х. Маккиндер [238].

Между тем в январе того же года «Standard Oil of New Jersey» перечислила правительству независимого Азербайджана 330 тыс. долл. за концессию на 11 нефтяных участков [116]. В марте в составе секретной международной миссии с Лениным встречался заместитель государственного секретаря Уильям Кристиан Буллит, при участии которого в 1935 г. появится первое торговое соглашение между СССР и США [254; 255]. Для нас интерес представляет то, что Буллит через своего брата, крупного американского банкира в Филадельфии, был тесно связан с «IG Farben» [280].

Параллельно компания «Standard Oil» провела инспекционную проверку оставшихся предприятий Нобеля, о покупке которых 12 апреля 1920 г. стороны подписали предварительный контракт [116]. Уже через две недели, 28 апреля 1920 г., части Красной Армии Тухачевского, в составе которой находились комиссар С. Киров и А. Микоян, разбив остатки войск Деникина, вошли в Баку, после чего была создана Азербайджанская Советская Социалистическая Республика [116; 239] и по-

ставлена точка в английских притязаниях на Кавказ. Возможно, что и результаты Февральской и Октябрьской революций необходимо рассматривать через их призму (первый «парад суверенитетов» с признанием Кавказа зоной английских интересов и появлением Азербайджана в целом аналогичен происходившему на Ближнем Востоке), а появление Красной Армии, прикрывшей сделку Нобелей и Рокфеллеров, — подытожить ленинским признанием, сделанным в 1918 г.: «*Да, революция наша буржуазная… этой необходимой ступени исторического процесса не перепрыгнуть*» [271].

Компромиссный синдикат «Front uni», созданный в 1922 г. «Standard Oil» и «Royal Dutch Shell», не функционировал [116], хотя компании договорились даже о финансовой блокаде Советской России [252]. Борьба за русский нефтяной рынок между транснациональными корпорациями вылилась в газетную полемику, в которой «Manchester Union» заявляла, что «*никаких переговоров с Советами быть не может, пока не будет выплачена компенсация*», а президент «Vacuum Oil» Уэйли парировал: «*Понятно, что мы заинтересованы в компенсации, … но вопрос компенсации будет обсуждаться, когда для этого будет подходящее время*» [251].

Интрига «покровительства» теневого истеблишмента США стране Советов кроется в том, что в начале 20-х годов в Лондоне произошла встреча Л. Красина и Г. Синклера из «Sinclair Oil Corporation», в руководство которой входили Теодор Рузвельт-младший, сын бывшего президента, его брат Арчибальд Рузвельт и директор «Chase Manhattan Bank» Уильям Бойс Томпсон. Вскоре А. Рузвельт подписал в Москве соглашение о предоставлении концессии на разработку месторождений в Баку и на Сахалине. Учреждались компании с равными долями, объёмом инвестиций не менее 115 млн. долл. и участием в прибыли 50/50 [103]. Реализоваться достигнутой сделке помешала крайне странная и скоропостижная смерть американского президента Уоррена Гардинга от отравления в 1923 г. [237].

Ещё более острый характер противостояние приняло на Ближнем Востоке. Научно-технический прогресс перевёл морской транспорт на нефть, сделав её самым значимым ресурсом с точки зрения транспортных перевозок, а значит и торговой логистики. Кроме того, по меткому замечанию лорда Керзона об итогах Первой мировой, «*союзники приплыли к победе на волне нефти*» [101]. В частности, нефть как транспортный ресурс был важен при контроле над удалёнными колониями. Идея пересадить королевский флот на нефтяное топливо, организовав себе рынок сбыта, принадлежало Маркусу Сэмюэлу. Им же было организовано первое показательное испытание для экспертов Адмиралтейства в 1902 г., но контракт на его обслуживание передали «Burmah Oil», а «Shell» сделали основным поставщиком авиационного бензина для королевских ВВС [274].

После удачного «плавания», которым для «союзников» стала Первая мировая, они, как и предусматривал меморандум Уэллса, посредством агентства «Public Trustee» лишили Германию активов нефтяной компании «Burmah Oil» [102], основанной Дэвидом Каргиллом, передавшего собственность Кемпбеллу Финлэю [276]. Конфискованные по законам военного времени 520 складов, 535 железнодорожных вагонов-цистерн, четыре баржи и 1 102 транспортных средства легли в основу известной ныне «British Petroleum» [102], в то время называвшейся ещё «Anglo-Persian Oil Co.». Последняя установила контроль над сбытовой сетью Европейско-

го нефтяного союза [116] и намеревалась осваивать нефтяные ближневосточные концессии, которые ранее Османская империя предоставляла «Deutsche Bank» и «Turkish Petroleum Gesellschaft». Теперь же в качестве версальского приза 75% всех ближневосточных концессий осваивали «Anglo-Persian Oil Co.» и «Royal Dutch Shell».

Приз этот для лондонского Сити был вполне заслуженным. По поводу нефтяного противостояния на Ближнем Востоке А. Костон пишет, что «*германо-турецкие и англо-арабские войска начали оспаривать друг у друга эту часть мира с таким ожесточением, какого не может объяснить близость святых мест*» [257], и это действительно так. С начала XX века Англия стала использовать натянутые отношения между арабами и турками, используя для подрывной работы договорённости с шейхом Кувейта и проспонсировав восстание имама Яхьи против турок в 1904–1905 гг. Перед самой войной, в 1913 г., в Париже состоялся арабский конгресс, по сути являвшийся организационным собранием, продолжившим подготовку арабских племен к восстанию.

С первых месяцев Первой мировой англичане приступили к фактической оккупации Ближнего Востока, 22 ноября 1914 г. они заняли вилайет Басра, через три года в их руках оказался Багдад. В 1918 г. английские военные губернаторы управляли уже Палестиной и Сирией, опубликовав англо-французскую декларацию, сообщавшую, что «*целью войны Франции и Великобритании против Германии является полное и окончательное освобождение народов Востока от ига Турции и учреждение национальных государств, построенных на инициативе и свободном выборе туземного населения*» [260].

По поводу событий, произошедших после победы, Уильям Энгдаль пишет: «*Не успели высохнуть чернила под Версальским договором, как влиятельные американские нефтяные магнаты из компаний Рокфеллера "Стандард Ойл" сообразили, что британские союзники ловко лишили их военной добычи*» [103]. После Первой мировой министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур препятствовал самостоятельному выступлению персидской делегации перед Советом министров иностранных дел Версальской конференции, и вскоре стало ясно, почему. 9 августа 1919 г. лорд Керзон объявил о завершении переговоров с Персией, которая обратилась к Великобритании с просьбой о ссуде в 2 млн. фунтов стерлингов под 7% и выражением готовности содержать английских советников и экспертов, а потенциальный кредитор соглашался пересмотреть грузовые тарифы и благоприятствовать строительству железной дороги. Все до одной персидские газеты выступили против. Публичный скандал вскрыл, что за перечисленные условия договора Форинофис через «Imperial Bank of Persia» передал 200 000 туманов премьер-министру Восук-од-Доуле и 100 000 туманов принцу Фирузу [101].

С лета 1919 г. госдепартамент США инструктировал советников и дипломатов «*уделять особое внимание содействию американским интересам в приобретении нефтяных владений за рубежом*» [101]. Компания «Standard Oil» последовательно работала в этом направлении, Рокфеллеры открыли в Англии «Anglo-American Petroleum Co.», а в Германии — «Deutsch-Amerikanische Petroleum AG» [106], 24-миллионные активы которой на 95% принадлежали «Standard Oil» и через которую не только прибрали к рукам половину немецкого рынка [12], но и успешно пре-

пятствовали созданию керосиновой монополии «Deutsche Bank», которой банк пытался достичь с 1911 г. [123].

Однако в Англии ещё в 1918 г. советник по нефтяному обеспечению Адмиралтейства адмирал Эдмунд Слэйд (Edmund Slade), следуя установке британского адмирала Джона Фишера «*кто владеет нефтью, тот правит миром*», опубликовал специальный меморандум. В нём установление контроля над месторождениями нефти в Иране и Месопотамии объявлялось главной задачей и для Великобритании, поэтому Слэйд разработал схему блокировки политики «открытых дверей» в отношении США [101; 231].

Раздел богатых арабских месторождений обеспечил «Anglo-Persian Oil Co.» добычу в 4 млн. тонн — больше, чем мог потребить британский флот. Поэтому компания в союзе с «Royal Dutch Shell» склонила французское правительство порвать со «Standard Oil», завоевавшей во время войны французский рынок, в обмен на долю в эксплуатации нефти в Месопотамии. В 1920 г. на встрече в Сан-Ремо было подписано соглашение о совместной «*франко-английской нефтяной политике в Румынии, Малой Азии, на территориях бывшей Российской империи, в Галиции, французских и британских коронных колониях*» [257]. Так было вскрыто старое противоречие, нараставшее ещё с довоенных времён, когда влияние «Standard Oil» на европейский рынок было существенным [105]. На эту встречу американских представителей французский премьер Александр Мильеран и Ллойд-Джордж даже не пригласили [103].

Это стало возможным, так как англичане действовали якобы по «волеизъявлению самого населения» Месопотамии, представительство которого в международных делах они обеспечили себе через «референдум», история которого не была предана широкой огласке. Суть его такова: на протяжении зимы 1918–1919 гг. англичане работали с местным населением, высылая выявленных противников протектората за пределы Месопотамии, лишив возможности голосовать часть населения под предлогом его отсталости, а также подкупом и обещаниями высоких постов привлекая на свою сторону влиятельных лиц во главе с Мухаммадом Али.

Полный текст мандата о протекторате до населения не доводили, он появился в лондонской прессе только через десять месяцев и гласил, что Англия в течение трёх лет имеет право держать свои и организовывать туземные войска «для защиты страны», не допуская отчуждения какой-либо её части. Местному населению гарантировалось свобода вероисповедания и обучения на родном языке. Контроль над внешними сношениями Месопотамии, согласно мандату, также передавался Англии [260], по причине чего она и представляла «молодые демократии» на конференции в Сан-Ремо, решения которой были опротестованы США.

Реагируя на протест, лорд Керзон откровенно сообщил, что американским компаниям на Ближнем Востоке концессий не полагается [103]. Английская монополия на Ближнем Востоке не состоялась благодаря поддержке со стороны «Standard Oil» персидских националистов, не допустивших ратификации соглашения с Британией и предоставивших «Standard Oil» концессии в северных провинциях [101]. Вспыхнули восстания. Чтобы удержаться у власти, Англия держала на Востоке, не считая авиации, армию в 200 000 человек, расходуя на них 32,5 млн. фунтов стерлингов в год. Лорд Асквит при обсуждении сметы в июле 1920 г. указал, что такие

расходы совершенно не интересах Англии, но через год Черчилль высказал противоположную точку зрения: «*Мы не можем… эвакуировав наши армии, оставить население на произвол судьбы… оставить евреев, чтобы их притесняли арабы, и не можем допустить, чтобы бедуины разграбили Багдад*». Действительно, с начала 1920 г. англичане силой 8 воздушных эскадрилий или другими способами расправились с 8,5 тыс. арабов, принимавших участие в восстаниях против английской оккупации. К примеру, город Кербела был принуждён к сдаче, будучи отрезанным от доступа к воде. Беспощадное истребление арабских селений происходило под прикрытием Государственного совета, состоявшего из лояльных англичанам представителей арабской элиты, где к каждому министру был приставлен английский советник, без согласия которого министр не имел права действовать. «Наведение демократии» происходило под руководством прибывшего 1 октября 1920 г. сэра Перси Кокса, который начал организацию «выборов» короля с того, что в апреле 1921 г. выслал из страны оппозиционного Саида Талиба, выступавшего за республику. Далее отстранение кандидатов происходило один за другим, пока не был избран сын эмира Мекки Фейсал, которого короновали на королевский престол Ирака в августе [103; 260]. Всю его администрацию контролировала «Anglo-Persian Oil Co.» вместе с «Royal Dutch-Shell», перераспределившей в свою пользу 75% всех концессий, приобретённых в виде версальской добычи [103]. Выбор пал на Фейсала не сразу; поначалу тот дважды безрезультатно просил выполнить обещанное Ллойд-Джорджем и Керзоном на мирной конференции в Париже, натыкаясь на циничные и сухие отказы [260]. Вопрос, видимо, решился после того, как Фейсал в 1919 г. подписал протокол о согласии арабов на создание еврейского государства на всей территории Палестины [262]. Об этом с ним договаривался ещё знаменитый Лоуренс Аравийский в обмен на признание независимости [263].

В 1921 г. «Таймс» прокомментировала происходящее на Ближнем Востоке так: «*Мы сомневаемся, сможет ли эмир Фейсал долго удержаться в Багдаде без помощи английских штыков*». Это было уместное замечание, потому что после водворения на трон Фейсала восстало мусульманское духовенство — муджтахиды, которых также пришлось выселять из страны [260].

«*Нефтяные сверхдоходы приносили выгоду лишь нескольким индивидуумам, которые получали её, не затрачивая особых усилий. Очевидно, безграничная поставка наличных денег обеспечивала нефтяных магнатов возможностью подкупать одних и шантажировать других представителей власти, что вызывало особое беспокойство*».

Кумминс Я., Бизант Дж. «Shell шокирует мир. Секреты и спекуляции нефтяного гиганта»

Надо заметить, что основу британской политики составляли не только штыки, но и «ослы, груженные золотом». На содержании Англии с июня 1916 г. находился Хусейн ибн Али, король провозгласившего независимость Хиджаза. Фактическим управлением Кувейта занимался английский советник, выдававший содержание султану Ахмаду ибн Джабар ас-Сабаху. При дворе султана Омана с 1921 г. для этих функций находился майор Т.И. Рэ. 180 тыс. фунтов стерлингов и английский воен-

ный аэродром получила «независимая» Трансиордания. Палестиной с июля 1920 г. управлял сэр Герберт Сэмюэл [260], сын главы финансовой структуры «Samuel and Montegu» и родственник Ротшильдов [261].

Будущего султана Омана Саида бин Тэймура британцы начали «опекать» ещё с учёбы в индийском колледже. В 1924 г. стартовала британская нефтеразведка, в 1932 г. англичане «выбросили за борт» отца Саида и молодой султан в возрасте 22 лет стал правителем Маската.

В 1937 г. «Iraq Petroleum Co.» (IPC) подписала соглашение о проведении геолого-разведочных работ, но первое месторождение Ибри было открыто только в 1948 г. Добычей англичанам всё же пришлось поделиться в 1954 г., когда появилось «Petroleum Development (Oman)» — совместное предприятие «Shell», «Standard of New York», «Mobil», «Compagnie française des pétroles» и «British Petroleum», в чьих руках была сосредоточена эксплуатация месторождения.

В этот период формально Оман управлялся министрами, но за единственным исключением все они были британцами, редко появляющимися на своих рабочих местах, где трудились их секретари и помощники, поэтому совершить очередной переворот не составляло труда. В 1970 г. британские должностные лица, используя министра обороны и главу разведывательной службы султана, вывезли Саида бин Тэймура в Лондон и «заточили» в отеле, а его место занял сын, выпускник Королевской военной академии Кабус бин Саид. Переворот официально приветствовали в «Shell», а новый правитель Омана стал активным и долгосрочным заемщиком у иностранных кредиторов. Я. Кумминс и Дж. Бизант в своей работе о «Shell» констатировали: «*История султаната — наиболее яркое подтверждение реальной власти, которую обрели нефтяные корпорации: одно лишь подозрение на присутствие нефти может преобразовать страну, сбрасывая с трона её правителя и заменяя его на политически более гибкого сына. Султаны могут править Оманом, сидя в своих великолепных дворцах… но реальная власть, управляющая войной и миром, определяющая повестку дня для правительства и в значительной степени диктующая характер и темпы развития страны, сосредоточена в руках Shell*» [274].

Н. Хаггер отмечает, что Саудовская Аравия как осколок Османской империи также «*по-прежнему оставалась в руках англичан, которые действовали через короля ибн Сауда … Ибн Сауд передал первую концессию на арабскую нефть британской инвестиционной компании Eastern and General Syndicate еще в 1923 году*» [104; 121; 245]. Сэр Перси Кокс с 1914 г. выплачивал королю ибн Сауду содержание в 60 тыс. фунтов в год в обмен на отказ вступать в отношения с кем-либо кроме Англии [260].

Главным советником ибн Сауда был английский агент Джон Филби, он же, по мнению современного исследователя Клаудио Мутти, сделал ваххабизм официальной идеологией Саудовской Аравии. Не менее важным было то, что на ибн Сауда Великобритания возложила защиту стратегически важного для поставок нефти Суэцкого канала и уже в 1928 г. британцы составили соглашение, ограничивающее действия иностранных нефтяных компаний, а «*Рокфеллеры обнаружили, что британцы через "Royal Dutch & Shell" блокируют их действия*» [104; 121; 245].

Тогда в борьбу за нефтяную монополию подключился частый гость частной резиденции Рокфеллеров «Pocantico Hills» в штате Нью-Йорк министр внутренних

дел у Рузвельта Гарольд Икес, впоследствии занявший пост координатора по энергоносителям в Агентстве национальной безопасности. «*Получить исключительные права на разработку нефтяных запасов в Саудовской Аравии, закрыв доступ к ним британским конкурентам*» — так была сформулирована Рокфеллерами и Икесом задача для «Arabian American Oil Co.» (ARAMCO). США решили выделить многомиллионную помощь Саудовскому королевству, что не осталось не замеченным в Великобритании [128].

«*Рокфеллеры… получили контроль над германскими химическими и фармацевтическими компаниями, а в 1926 году смогли объединить их в компанию I. G. Farbenindustrie AG. Черчилль был в ярости. Он блокировал действия Рокфеллеров в Саудовской Аравии. Британия отказалась дать сотрудникам Standard Oil визы и впустить в страну корабли, осуществлявшие необходимые поставки. Британская империя продолжала угрожать турецким, аравийским и иранским нефтепромыслам, контроль над которыми хотели получить Рокфеллеры*».

Н. Хаггер «Синдикат»

В Европе в 1926 г. компании «Standard Oil» и «Vacuum Oil Co.», сотрудником которой служил небезызвестный Адольф Эйхман, в обмен на 75-миллионный кредит получили право на продажу российской нефти через «Chase Manhattan Bank». Через год в СССР появился первый нефтеперерабатывающий завод «Standard Oil» [37; 122; 335]. В этом году СССР превысил уровень экспорта 1913 г., чему способствовала работа зарубежного представительства «Naphtha Syndicate», организация сбыта в Германии через «Немецко-российскую нефтяную компанию» («Deutsche-Russische Naphta Kompanie» — «Дерунафт»), в Англии через «Russian Oil Products» (ROP) при содействии компании «Arcos». Успешная ценовая конкуренция с Детердингом кончилась политическим скандалом и полицейскими обысками в офисах «Arcos» с целью обнаружения шпионской деятельности [252].

Возможно, что выйти на международные рынки СССР помогли новые партнёры. Председатель банковского комитета Палаты представителей США Луис Макфадден выступил перед членами Конгресса в 1932 г.: «*Откройте книги Военторга, торговой организации советского правительства в Нью-Йорке, Госторга, главного органа торговой организации Советского Союза, и Государственного банка СССР, и вы будете удивлены тому, сколько денег американцев пошло из казны Соединенных Штатов в Россию. Проверьте, какие сделки осуществлялись между Государственным банком СССР и "Standard Oil" Нью-Йорка*» [335].

Конфликт с советскими нефтяными представительствами продолжался несколько лет, пока 28 февраля 1929 г. «New York Times» не сообщила: «*В четверг Детердинг и британские нефтяные фирмы заключили мир… который… прекращает войну цен между британцами и Советами (РОП) на британском рынке... Главное достижение Советов заключается в том, что в договоре нет пункта о компенсации… Детердингу за национализированную собственность*» [252]. В тот же год было заключено Соглашение Акнакарри, послужившее основой нового мирового нефтяного картеля. В этом картеле «Standard Oil» и «Vacuum Oil Co.» наконец получили пакет акций «Turkish Petroleum Co.», теперь ставшей «Iraq Petroleum

Co.» (IPC). Как пишет в книге о монопольных корпорациях В. Жарков: «*Прекратились "войны цен" между "Сокони" и "Шелл" в Индии, затихла "война" в Мексике. Произошел чёткий раздел сфер влияния между американскими и английскими монополиями*» [334]. Нобели же в результате торгов и переуступок из нефтяных активов оставили себе только приобретённую в 1928 г. долю в «Gulf Oil» [116], практически уйдя с мировой арены борьбы за новый энергоноситель. Новый нефтяной картель являл собой хрупкое перемирие, которое можно проиллюстрировать словами лорда Мелчетта, основателя «Imperial Chemical Industries»: «*Картель, или объединение, существующее только ограниченное число лет, в действительности есть не что иное, как перемирие в промышленной войне, и люди не собираются передавать оружие и методы ведения войны тем, кто через несколько лет, возможно, снова будут с ними сражаться*» [54].

О том, что дело должно было кончиться новой войной, *«говорят многие специалисты (прежде всего, западные), занимающиеся глобальной историей и политикой, — главной причиной двух мировых войн было не что иное, как изъятие у Ротшильдов и консолидация Рокфеллерами евразийских нефтяных активов. Именно для этого Германию дважды натравливали на Британию (Гитлера, как и кайзера, Рокфеллеры исправно финансировали всю войну)*» — отмечает В. Павленко [228]. Рокфеллеры, а правильнее всё-таки будет упомянуть всё окружение ФРС, не случайно содействовали появлению «IG Farben». На его заводах ещё до начала Первой мировой войны проводились эксперименты по созданию синтетических заменителей каучука и нефти [61], которые становились ключевыми для морской и сухопутной транспортной логистики. Нефть, кроме того, оставалась источником толуола, посредством которого мировой истеблишмент взрывал старые государства, а из обломков создавал новые зоны влияния. Тот, кто покушался на нефтяную монополию, покушался не только на контроль над логистикой грузов, но и на способность к переделу зон контроля.

Овладение секретом изготовления таких ресурсов становилось принципиальным для конкурирующих сторон. Стремящимся к монополии Ротшильдам мешали не только концессии каспийской нефти, отданные «Standard Oil», но и новые патенты «IG Farben». Речь идёт о синтетической нефти, процесс получения которой был открыт в 1923 г. Фридрихом Бергиусом (Friedrich Bergius) — в 1907 г. докторским стипендиатом в университете в Бреслау, ассистировавшим Нернсту и Хаберу. При высокой температуре и давлении уголь способен обогащаться водородом, присоединяя его и превращаясь в жидкость, сходную с нефтяными продуктами [120; 247; 291]. В 20-х годах они разработали альтернативный вариант, при котором молекулы угля под действием пара разлагались на водород и моноксид углерода, которые, в свою очередь, вступали в реакцию друг с другом, в результате чего также синтезировалась нефть. Однако процесс Бергиуса был хорош тем, что с его помощью можно было получить и авиационное топливо [247]. Химик расстался со своим патентом в пользу «BASF» в 1925 г. [120] посредством сделки, которую оформлял Шмиц [182]. Второй находкой Бергиуса стал способ получения этилового спирта, завод по производству которого был открыт им в Рейнау в 1935 г. [353].

Кроме того, «BASF» стал правообладателем способа синтезации из угля метанола, который также можно использовать как транспортное топливо. Один из спе-

циалистов Боша в Опау Матиас Пьер (Matthias Pier), положил в его основу оборудование высокого давления, аналогичное тому, что «BASF» использовал для синтезации нитратов [1].

Существует и ещё одна причина, по которой американская элита и Рокфеллеры прежде всего были крайне заинтересованы в союзе с немецкими химиками, обладающими столь ценными умениями. Когда лорд Керзон воспевал «волны нефти», на которых союзники приплыли к победе, он не упомянул, что 80% (по данным А. Раевского, 85%) этих волн составили поставки из США, и хотя Рокфеллеры по-прежнему контролировали 84% американского бензинового рынка [125], запасов, по мнению экспертов, теперь оставалось на одно–два десятилетия [101; 124].

Компания «Standard Oil» находилась в поисках альтернативных нефтяных источников. В 1921 г. были приобретены 22 тыс. акров земли в штате Колорадо в надежде найти удачный с коммерческой точки зрения способ получения нефти из сланцевой глины. Однако на получение одного барреля сланцевого топлива уходила тонна породы. Промышленная интенсификация нефтедобычи путём кислотной обработки, запатентованная в 1885 г. химиком «Standard Oil» Германом Фрешем, началось только в 30-х годах [242]; гидроразрыв, по мнению историка науки Л. Грэхэма, был разработан русскими учеными в 1950-х гг. Однако «*никто так и не воспользовался этой блестящей идеей… теперь в Россию прибыли американские компании — Chevron, Exxon, BP, — которые учат русских, как работать с технологиями гидроразрыва*» [340].

Так как «сланцевую революцию» пришлось отложить по техническим причинам, синтетическая нефть немецких химиков с учётом угольных запасов США обещала стать надёжным источником топлива и взрывчатых веществ. Поэтому ещё в 1925 г. Бош заключил соглашение с «Standard Oil of New Jersey», или «Esso», по которому группа под руководством производственного директора завода в Опау Вильгельма Гауса (Wilhelm Gaus) посетила очистительный завод «Standard Oil» с целью использования его производных для применения патента Бергиуса [1; 5].

В 1926 г. «Standard Oil» стала активно изучать немецкие наработки. Начальник исследовательского отдела компании Фрэнк Хауэрд посетил завод в Лойне, где ему продемонстрировали пробное устройство производства топлива из угля. Увиденное произвело на него сильное впечатление. Этим же вечером Хауэрд отправил президенту компании Уолтеру Тиглу телеграмму: «*Это самый важный вопрос, стоящий перед компанией… [IG] способен производить высокооктановое топливо из бурого и других низкокачественных сортов угля с выходом половины используемого сырья. Это означает абсолютную независимость Европы в обеспечении себя нефтепродуктами. Все, что остаётся, — это ценовая конкуренция*».

Через несколько дней Тигл прибыл лично убедиться в правдивости полученной информации. После этого руководство «Standard Oil» провело там же, в Германии, совещание, на котором Хауэрд заявил: «Гидрогенизированный уголь, возможно, никогда не составит конкуренцию сырой нефти, тем не менее “националистический фактор” может привести к тому, что во многих странах, которые согласятся платить за это, может быть создано автономное производство топлива на базе гидрогенизации» [247]. Правда, ещё не менее года немецким химикам потребовалось, чтобы подобрать катализатор и довести оборудование до промышленной стадии.

В процессе Бергиуса, как и при синтезе азота, большую роль играют именно правильно подобранные катализаторы.

В апреле 1927 г. появилось первое топливо, произведённое заводом в Лойне. В конце следующего года выпуск превысил 67 000 тонн. Тем не менее, производство искусственного топлива было столь затратным, что заставило «IG» в 1929 г. понести 85 млн. рейхсмарок убытков, сохраняя стоимость продажи своего топлива на уровне рыночной. Тогда в ноябре 1929 г. Гаус, Шмиц, Август фон Книрим (August von Knieriem) и Бош прибыли в США, чтобы сделать предложение, от которого «Standard Oil» не смог отказаться: они решили продать Рокфеллерам права на производство синтетического топлива на внешних рынках в обмен на 2%, или 546 000 акций, компании «Standard Oil» на общую сумму 35 млн. долл.

Новое совместное предприятие «Standard IG», в котором 80% владела американская сторона, а 20% — немецкая, должно было совместно эксплуатировать производство синтетического топлива. Консенсус был резюмирован представителем «Standard Oil»: «*IG не будет вмешиваться в нефтяной бизнес, а мы не будем вмешиваться в химический*». Именно тогда родственник главы «Standard Oil» Хауэрд Тигл занял пост в новой дочерней компании «IG» — «American IG Chemical Co.». Также с «IG Farben» было заключено первоначальное соглашение о строительстве завода по гидрогенизации в Луизиане [1; 247].

Под контролем новых партнёров «IG Farben» вообще стало многое позволяться. В конце 20-х годов «Standard Oil» и «General Motors» разработали топливную присадку для авиационного бензина, производимую совместным предприятием «Ethyl Gasoline Corporation». Вопреки протестам правления этой корпорации «Standard Oil» содействовала созданию совместного с «IG Farben» предприятия «IG Ethyl GmbH», производящего в Германии тетраэтил в рамках соглашения «Benzinvertrag» [37].

Итак, открытие процесса синтезации нефти позволили «IG Farben» новым соглашением 1929 г. зайти в мировой нефтяной картель. Суть так называемого «International Hydro-Patents Co.» (IHP), заключённого между «IG», «Standard Oil» и «Royal Dutch Shell» [125], содержалась в программном заявлении: «*I.H.P. не должна пытаться создавать заинтересованность там, где её нет, [но] … Если бы гидрогенизация угля, смолы и т. п. была целесообразна с экономической точки зрения или же если бы она поощрялась из националистических соображений или в силу каких-либо специфических местных условий, то лучше будет для нас, нефтяных компаний, иметь долю в этом деле, получать от него возможную прибыль и обеспечить сбыт этих продуктов через нашу коммерческую сеть*» [12]. Таким образом, нефтяных монополистов устраивало наличие конкурента при условии контроля над сбытом стратегически важного ресурса. К чему идёт дело, можно было догадаться по предусмотрительности сотрудника американской стороны соглашения Фрэнка Хауэрда: «*Мы постарались по возможности разработать такое временное соглашение, которое действовало бы в условиях войны независимо от того, вступят ли в неё США или нет*» [127].

Дело в том, что одним из политических последствий союза по мировому контролю над нефтью, а значит, над логистикой и основным компонентом взрывчатых веществ стало знакомство и впоследствии дружба Генри Детердинга с род-

ственником Рокфеллера и главой «Standard Oil» Уолтером Тиглом [280], обозначив союз с Рокфеллерами. Детердинг оказывал финансовую поддержку Муссолини, предоставлял крупные кредиты Франко [274]. Его устраивали любые диктаторы, если свои диктаторские полномочия те распространяли и на вопросы концессий. В 1926–1927 гг. Детердинг организовал в Лондоне две конференции, на которых обсуждались планы военного удара по СССР и на которые были приглашены генерал Макс Гофманн и Арнольд Рехберг [249], крупный акционер «Wintershall AG» — компании концерна «IG Farben». Рехберг стоял за «планом Гофманна» [229] и ещё во время Первой мировой был движим такой идеей: «*Необходимо захватить по крайней мере всю русскую территорию по Урал включительно, где залегают огромные рудные богатства… Из всего этого вытекает следующее соображение: …попытаться создать общий фронт европейских великих держав против большевистской России*» [237].

Американский посол в Берлине Уильям Додд начал бить тревогу: «*Зачем компания "Стандард Ойл", штаб-квартира которой находится в Нью-Йорке, перевела сюда в декабре 1933 года один миллион долларов, чтобы помочь немцам производить бензин из битуминозного угля для использования в случае войны?*» [39]. «*Через два года Германия сможет производить достаточное количество топлива из угля для ведения продолжительной войны*» — писал он в январе 1933 г. в госдепартамент США [129].

Теперь, после раздела рынка, перегонкой нефти в Германии занимались и «Royal Dutch Shell», и «Anglo-Persian Oil Co.» (будущая «British Petroleum»), и «Standard Oil», в августе 1934 г. купившая у «North European Oil Corporation» 730 тыс. акров под крупные нефтеперерабатывающие заводы [37]. В этом же году Тигл застолбил буровые вышки в Венгрии. Фэриш в 1941 г. хлопотал о легальной продаже их «IG Farben», но сделке воспрепятствовал министр финансов Моргентау. Зато в Гамбурге Тигл выстроил завод по производству авиационного бензина, дававший Третьему Рейху 15 тыс. тонн бензина в день [280]. Отец печально известного американского президента Джозеф Кеннеди брался оформить для вице-президента «Standard Oil» Фрэнка Хауэрда документы на строительство нефтеперерабатывающих предприятий «IG Farben» во Франции и Великобритании [88].

Кроме того, под руководством Уильяма Фэриша «Standard Oil of California» отстроила нефтеперерабатывающий завод на Канарах. Как и Тигл, Фэриш был частым гостем у Шмица. Во время Второй мировой нефть для дальнейшей перегонки в Германию на этот завод завозили танкеры, укомплектованные немецкими экипажами. Вопрос заинтересовал военную разведку США, после чего Фэриш сменил регистрацию танкеров на панамскую. Но в 1941 г. на стол помощника госсекретаря Сэмнера Уэллеса всё-таки легло расследование о том, что «Standard Oil of California» и «Standard Oil of New Jersey» заправляют немецкие и итальянские торговые суда [280].

Американские компании «Romano-Americana» и «Astra Romana» занимались разработкой румынской нефти, о которой будет вспоминать Кейтель: «*Источник жизненной силы наших вооружённых сил приходил из нефтяных залежей в Румынии*» [127], а прикрывали это немецкие партнёры из «IG Farben». «*Для этой цели "И.Г. Фарбен" профинансировал создание генералом Яном Антонеску ру-*

мынской "Железной стражи" для надзора за нефтедобычей», — пишет немецкий экономист Уильям Энгдаль. Поставками румынской нефти занималась компания «Continental Oil», совет директоров которой состоял из Германа Абса из «Deutsche Bank», Карла Крауха из «IG Farben», министра экономики Вальтера Функа и присоединившегося благодаря протекции Геринга Карла Блессинга [128].

В 1935 г. Детердинг переехал в своё немецкое поместье, развёлся с дочерью российского генерала Лидией Кондауровой, женился на немке-секретарше и вошёл в тесный контакт с немецким политическим руководством, ведя переговоры о поставках нефти для Германии в кредит [249]. О его истинных целях писал репортёр «Los Angeles Times» Маркус Чайлд: «*Сэр Генри Детердинг… поддержал его огромной суммой… чтобы заполучить Гитлера для нападения на Россию с целью установить контроль над нефтяными месторождениями Баку*» [250]. Начиная с 1928 г. СССР стал закрывать скважины и отказывать в предоставлении концессий иностранным компаниям.

Показательно, что в этом же году была выкуплена советская сбытовая сеть, а ещё через год СССР прекратил поставки нефти в Германию по причине неплатежей [247]. Конфликт, скажем так, был обозначен. Смерть Детердинга в 1939 г. чуть было не передала активы «Royal Dutch Shell» по наследству в немецкие руки, но англичане «неожиданно» обнаружили, что «привилегированные акции» могут принадлежать только директорам [249]. Ситуация приобретала особый смысл в силу очевидной подготовки стран к новой войне.

К производству бензина, представляющего интерес для Luftwaffe, приступил крупнейший в Европе завод для получения синтетического топлива в Лойне [37; 128]. Однако оставалось существенным одно «но»:

«*Нацисты критиковали фирму за разработку слишком дорогого проекта, связанного с получением из угля жидкого топлива, именуемого синтетическим топливом, а также за то, что она получила под свой проект налоговые льготы от правительства. "ИГ Фарбен" вложила в разработку синтетического топлива очень крупные средства, но к 1932 году стало ясно, что проект не принесёт прибыли без государственной поддержки*».

Д. Ергин «Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть»

Действительно, целесообразность 300 млн. инвестиций в завод, производивший 2 000 баррелей топлива в сутки, поставило под вопрос то, что себестоимость так называемого лойна-бензина составляла 45 пфеннигов за литр против 7 за добытый литр ближневосточной нефти. Д. Ергин, оценивая её стоимость в долларах, называет 25 центов за баррель при продажной цене, равной на конец 1940-х гг. 2,5 долл. за баррель. Сравнивая эту же себестоимость с мексиканской нефтью, он приводит разницу между затратами и ценой в 30 раз [1; 247]. Тем не менее, за новую технологию в 1931 г. Бергиуса и главу правления «IG Farben» Боша наградили Нобелевской премией [247], а выпуск синтетического топлива постоянно рос, к 1935 г. достигнув 280 тыс. тонн [291]. Это было бы невозможно без государственной политической поддержки, образец которой глава «Bayer» видел воплощённым

в США.

«*В подходе к важным экономическим вопросам должно наступить изменение. Как это сделать, можно видеть на примере того, что происходит в Америке. Там всю политику делает коллегия хозяйственников. Когда нужно решить вопрос большого значения, они собираются, обсуждают этот вопрос, вырабатывают директивы, затем действуют в соответствии с ними*».

Карл Дуйсберг, статья в «Der Deutsche» от 4 декабря 1928 г.

В 1931 г. произошел первый контакт между «IG Farben» и Гитлером [46]. Немецкий концерн подписал ходатайство «Союза германских офицеров» генерала Рюдигера фон дер Гольца Гинденбургу с требованием установления диктатуры. На следующий год глава пресс-центра «IG» Генрих Гаттинау (Heinrich Gattineau) представил одному из своих коллег Генриху Бутефишу (Heinrich Butefish) Адольфа Гитлера. Последний пообещал после передачи ему правительственных полномочий всячески содействовать проектам концерна, в частности производству синтетического бензина [119], и гарантировать необходимые для его производства минимальные цены. Через год появился государственный контракт, по которому «IG Farben» стал поставщиком топлива для вермахта [130].

Список использованной литературы

[1] Jeffreys D. Hell's Cartel: "IG Farben" and the Making of Hitler's War Machine. N.Y., 2008.
[2] Боун С. Дьявольское изобретение. Динамит, нитраты и создание современного мира. М., 2008.
[3] Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. М., 2011.
[4] http://www.physchem.chimfak.rsu.ru/Source/History/Persones/Gerlach.html
[5] http://www.igfarben.ru/index/ig_farben_part3/0-9
[6] http://rt-russian.livejournal.com/504056.html
[7] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
[8] http://www.healtheconomics.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3715:---roche&catid=1:latest-news&Itemid=107#addcomments
[9] http://ru.wikipedia.org/wiki/Bayer
[10] Столяренко П. «История новокаина» http://www.critical.ru/actual/stolyarenko/novokain_1.htm
[11] http://www.brandpedia.ru/index.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=1103
[12] Сэсюли Р. ИГ Фарбениндустри. М., 1948.
[13] http://www.bayer.ru/content/?idp=code_165
[14] http://www.bayer.ru/scripts/pages/ru/about/history/1881-1914/index.php
[15] http://www.isramir.com/content/view/684/187/
[16] Инж. Д. Либов. Трагедия профессора Габера // Техника-молодёжи. М., 1942. № 1–2.
[17] http://www.physchem.chimfak.rsu.ru/Source/History/Persones/Fischer.html
[18] http://www.km.ru/front-projects/krestovyi-pokhod-zapada-protiv-rossii/evreiskie-sponsory-istrebitelya-evreev
[19] http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=252
[20] http://cyclop.com.ua/content/view/324/1/1/82/
[21] Коулман Дж. Иерархия заговорщиков. Комитет 300. М., 2011.
[22] http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%BD
[23] Азиз Р. Пуля-дура, а наркотик... молодец? http://1news.az/print.php?item_id=20080618111414150&sec_id=1
[24] http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%EE%F0%F4%E8%ED
[25] Д/ф «Наркотики Третьего Рейха»
[26] http://centrvlasti.ru/mir/kolco-vlasti/vtoraya-mirovaya-vojna/

[27] http://moikompas.ru/compas/karl_bosh_-_nobelevskiy_laureat_
[28] http://ru.wikipedia.org/wiki/Сукре,_Антонио_Хосе
[29] http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%F0%F3
[30] http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%EB%E8%F7%E5_(%E3%E5%EE%EB%EE%E3%E8%FF)
[31] http://moikompas.ru/compas/valter__nernst_nobelevskaya_prem
[32] Фурсов А.И. Психоисторическая война http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/
[33] http://moikompas.ru/compas/karl_bosh_2_nobelevskiy_laureat_
[34] Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. М., 2004.
[35] Болдырев Ф. Немецкий феникс. Уникальная стратегия "Байер" гарантирует концерну непотопляемость http://brandpro.ru/to-client/info/bauer
[36] Ньюбольд В. Как Европа вооружалась к войне (1871–1914). М., 1923.
[37] Перетолчин Д. Мировые войны и мировые элиты. Серия «Игры мировых элит». М., 2014.
[38] Садовая Г.М. Германия: от кайзеровской империи к демократической республике (1914–1922). Самара, 2008.
[39] Препарата Г.Д. Гитлер, Inc. http://www.e-reading.by/book.php?book=1003110
[40] http://de.academic.ru/dic.nsf/dewiki/659204
[41] http://www.docrafts.co.uk.moikompas.ru/compas/valter__nernst_nobelevskaya_prem
[42] http://www.docrafts.co.uk.moikompas.ru/compas/valter_nernst_nobelevskaya_prem-
[43] http://www.sammleraktien-online.de/html/de/details-artid-6962.html
[44] Белаш Е.Ю. Мифы Первой мировой. М., 2012.
[45] Варга Е. Истощение экономических ресурсов фашистской Германии. М., 1943.
[46] Borkin J. The Crime and Punishment of I.G. Farben. N.Y., 1978.
[47] http://statehistory.ru/1259/Zashchita-kreposti-Osovets--Ataka-mertvetsov/
[48] Портер К. Невиновные в Нюрнберге http://www.razym.ru/naukaobraz/istoriya/121120-karlos-porter-nevinovnye-v-nyurnberge-slovo-v-zaschitu-podsudimyh.html
[49] Гернек Ф. Пионеры атомного века http://litrus.net/book/read/13166
[50] http://www.igfarben.ru/index/ig_farben_2/0-4
[51] http://de.academic.ru/dic.nsf/dewiki/659204
[52] http://www.jonesgenealogy.net/getperson.php?personID=I1409&tree=Jones
[53] http://cavemanchemistry.com/cavebook/chaspirin.html
[54] Эдвардс К.Д. Международные картели в экономике и политике. М., 1947.
[55] http://www.km.ru/front-projects/krestovyi-pokhod-zapada-protiv-rossii/evreiskie-sponsory-istrebitelya-evreev
[56] Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время http://litrus.net/book/read/81422
[57] http://ru.wikipedia.org/wiki/Bayer
[58] http://ttolk.ru/?p=20969
[59] http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/63526/
[60] Панина Е.В. Взлеты и падения. Избранные главы экономической истории. М., 2011.
[61] Румянцев Ф.Я. Концерн смерти. М., 1969.
[62] http://www.chaika.ru/cities/28/obj_descr/18/292/
[63] http://toptigki.livejournal.com/47295.html
[64] http://de.wikipedia.org/wiki/Gustav_Siegle
[65] http://de.wikipedia.org/wiki/G._Siegle_%26_Co
[66] http://www.stuttgart.de/item/show/201235/1
[67] http://de.wikipedia.org/wiki/Albert_von_Schrenck-Notzing
[68] http://gearmix.ru/archives/6039

[69] http://sergeytsvetkov.livejournal.com/345049.html
[70] http://www.1917.com/History/I-II/1057929010.html
[71] http://isrtm.ru/post/140
[72] Manning P. Martin Bormann – Nazi in Exile. Toronto, 1981.
[73] http://doctorpiter.ru/articles/4443/
[74] http://www.encyclopedia.com/topic/Metallgesellschaft_AG.aspx
[75] http://www4ru.dr-rath-foundation.org/The_Hague/complaint/complaint00.htm
[76] Васильев Н. Америка с черного хода. М., 1955.
[77] Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.
[78] http://stories-of-success.ru/biografiya_dzhona_morgana
[79] Новикова И.Н. Швеция во внешней политике Германии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. М., 2013. № 9.
[80] http://de.wikipedia.org/wiki/I.G._Farben
[81] http://de.wikipedia.org/wiki/Cassella_Farbwerke_Mainkur#Geschichte
[82] http://n-t.ru/nl/mf/ehrlich.htm
[83] http://fakten-uber.de/dr._e._ter_meer_%26_cie
[84] http://fakten-uber.de/chemische_fabrik_kalle
[85] http://de.wikipedia.org/wiki/Ludwig_Baist
[86] http://fakten-uber.de/chemische_fabrik_griesheim-elektron
[87] http://fakten-uber.de/i.g._farben#Zweiter_Weltkrieg_und_der_Weg_nach_Auschwitz
[88] Хайэм Ч. Торговля с врагом. М., 1985.
[89] http://zavtra.ru/content/view/kto-privyol-gitlera-k-vlasti
[90] http://krizis.co.ua/main_presidents.php
[91] http://www.chronos-verlag.ch/php/book_latest-new.php?book=978-3-0340-0602-6&type=Summary
[92] Линдси Б. От мировой экономики к мировой войне http://economy-world.narod.ru/Biblio/world.htm
[93] http://economy-world.narod.ru/Biblio/JPMorgan-Chase.htm
[94] https://ru.wikipedia.org/wiki/Citibank
[95] Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего Рейха. М., 2008.
[96] Гриффин Дж.Э. Мир без рака — история витамина B17 http://www.goodreads.com/book/show/248783.World_Without_Cancer
[97] Данстен С., Уильямс Д. Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера. М., 2012.
[98] http://economy-world.narod.ru/Biblio/IndustryContra.htm
[99] http://de.wikipedia.org/wiki/Chemische_Industrie
[100] Стюарт К. Тайны Дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918. М., 1928.
[101] Ewalt D. The Fight for Oil: Britain in Persia, 1919 http://www.historytoday.com/donald-ewalt/fight-oil-britain-persia-1919
[102] http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/our-history/history-of-bp/early-history.html
[103] Энгдаль У.Ф. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок. М., 2014.
[104] Хаггер Н. Синдикат. М., 2007.
[105] Дьяконова И. Европейский нефтяной союз и Россия (по германским архивным документам) http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Dyakonova.html
[106] http://rbvekpros.livejournal.com/72714.html
[107] http://moskva.bezformata.ru/listnews/chernorabochij-revolyutcii-protiv-neftyanih/15461131/

[108] Сеидов В.Н. Архивы бакинских нефтяных фирм (XIX – начало XX века). М., 2009.
[109] http://communitarian.ru/publikacii/finansy/bankovskie_skandaly_kak_zerkalo_borby_za_mirovuyu_vlast_kartel_cds_i_vozniknovenie_novoy_tretey_sily_16082013/
[110] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82_%D0%90%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%91%D0%BB%D0%BE%D1%85-%D0%91%D0%B0%D1%83%D1%8D%D1%80_I
[111] http://de.wikipedia.org/wiki/Europ%C3%A4ische_Petroleum-Union
[112] Косторниченко В. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Kostornichenko.html
[113] http://www.oil-industry.ru/Hist_Journ/index.php?ELEMENT_ID=179422
[114] Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М., 2011.
[115] http://sra4.ru/%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C-%D0%BD%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%88%D0%B8%D0%BB%-D1%8C%D0%B4%D0%BE%D0%B2
[116] Осбринк Б. Империя Нобелей. История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. М., 2003.
[117] http://moskva.bezformata.ru/listnews/chernorabochij-revolyutcii-protiv-neftyanih/15461131/
[118] Пипия Г. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. http://www.genocide.ru/lib/pipia/4-2.htm
[119] Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.
[120] http://www.peoples.ru/science/chemistry/bergius/
[121] Гилберт М. Черчилль и евреи. М., 2010.
[122] http://www.rospisatel.ru/repjova-apostoly.htmë
[123] Восленский М. Тайные связи США и Германии. Блок империалистов против Октября (1917–1919) http://militera.lib.ru/research/voslensky/index.html
[124] Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927.
[125] Энгдаль У.Ф. Семена разрушения. М., 2009.
[126] http://de.wikipedia.org/wiki/Aron_Hirsch
[127] Полторак А., Зайцев Е. Рурские господа и вашингтонские судьи. Л., 1968.
[128] Энгдаль У. Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века
[129] http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/4116/
[130] http://de.wikipedia.org/wiki/Leunawerke
[131] http://www.dynacon.ru/content/articles/4224/
[132] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87
[133] http://polit.ru/article/2011/05/17/microbes/
[134] http://de.wikipedia.org/wiki/Werner_Daitz
[135] Бестужев И. Немецкие планы объединения Европы 1939–45 гг. http://www.zlev.ru/75_35.htm
[136] http://www4.dr-rath-foundation.org/brussels_eu/roots/27_daitz_lebensraum.html
[137] http://takie.org/news/kakoj_nacisty_videli_edinuju_evropu/2013-02-12-2584
[138] Галин В. Тупик либерализма. Как начинаются войны. М., 2011.
[139] http://de.wikipedia.org/wiki/Hoechst

[140] http://de.wikipedia.org/wiki/Adolf_Haeuser
[141] Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2004.
[142] http://de.wikipedia.org/wiki/Leo_Gans
[143] http://de.wikipedia.org/wiki/Walther_vom_Rath
[144] http://de.wikipedia.org/wiki/DELAG
[145] http://de.wikipedia.org/wiki/Clemens_Lammers
[146] http://de.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_von_Meister
[147] http://de.wikipedia.org/wiki/Walther_Leisler_Kiep
[148] http://de.wikipedia.org/wiki/Edmund_ter_Meer
[149] http://de.wikipedia.org/wiki/Arthur_von_Weinberg
[150] http://de.wikipedia.org/wiki/Cassella_Farbwerke_Mainkur
[151] http://de.wikipedia.org/wiki/Physikalischer_Verein
[152] http://de.wikipedia.org/wiki/Carl_von_Weinberg
[153] http://de.wikipedia.org/wiki/Agfa
[154] http://de.wikipedia.org/wiki/Franz_Oppenheim
[155] http://de.wikipedia.org/wiki/Paul_Mendelssohn_Bartholdy_der_J%C3%BCngere
[156] http://de.wikipedia.org/wiki/Otto_von_Mendelssohn_Bartholdy
[157] http://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_von_Simson
[158] http://de.wikipedia.org/wiki/Alfred_Merton
[159] http://de.wikipedia.org/wiki/Otto_von_Steinmeister
[160] http://de.wikipedia.org/wiki/Mitteldeutsche_Creditbank
[161] http://de.wikipedia.org/wiki/Oscar_Schlitter
[162] http://de.wikipedia.org/wiki/Golddiskontbank
[163] http://de.wikipedia.org/wiki/Hauck_%26_Aufh%C3%A4user
[164] http://de.wikipedia.org/wiki/Otto_Schniewind
[165] http://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Mosler
[166] http://de.wikipedia.org/wiki/Hermann_Josef_Abs
[167] http://de.wikipedia.org/wiki/Karl_Eduard_Schnitzler
[168] http://de.wikipedia.org/wiki/Eduard_Schnitzler
[169] http://de.wikipedia.org/wiki/Farina_(Familie)
[170] http://de.wikipedia.org/wiki/Richard_von_Schnitzler
[171] http://de.wikipedia.org/wiki/Georg_von_Schnitzler
[172] Mullins E. Secrets of the Federal Reserve http://www.whale.to/b/mullins5.html
[173] Уилер Дж. Американская политика в Германии. М., 1960.
[174] http://de.wikipedia.org/wiki/Hermann_Hummel
[175] http://de.wikipedia.org/wiki/Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft_zur_F%C3%B6rderung_der_Wissenschaften
[176] http://de.wikipedia.org/wiki/Julius_Hallervorden
[177] http://de.wikipedia.org/wiki/Richard_Kuhn
[178] http://istinclub.ru/teufel-im-barackenmeer
[179] http://imperialcommiss.livejournal.com/395397.html
[180] Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. М., 2003.
[181] http://khuka.by/vyipuski/1-vyipusk/myishlenie/genetika-cheloveka-i-massovyie-ubijstva
[182] http://de.wikipedia.org/wiki/Hermann_Schmitz_(Industrieller)
[183] http://de.wikipedia.org/wiki/August_von_Knieriem
[184] http://de.wikipedia.org/wiki/Fritz_Gajewski
[185] http://de.wikipedia.org/wiki/Christian_Schneider_(I.G._Farben)
[186] http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_B%C3%BCtefisch
[187] http://de.wikipedia.org/wiki/Otto_Ambros_(Chemiker)

[188] http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_H%C3%B6rlein
[189] http://de.wikipedia.org/wiki/Carl_Hagemann
[190] http://de.wikipedia.org/wiki/Hans_K%C3%BChne
[191] http://de.wikipedia.org/wiki/Friedrich_J%C3%A4hne
[192] http://de.wikipedia.org/wiki/Wilhelm_Rudolf_Mann
[193] http://de.wikipedia.org/wiki/Carl_Lautenschl%C3%A4ger_(Mediziner)
[194] http://de.wikipedia.org/wiki/Ludwig_Hermann
[195] http://de.wikipedia.org/wiki/Paul_H%C3%A4fliger
[196] http://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_B%C3%BCrgin
[197] http://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_B%C3%BCrgin
[198] http://de.wikipedia.org/wiki/Fritz_ter_Meer
[199] http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_Oster
[200] http://de.wikipedia.org/wiki/Max_Ilgner
[201] http://de.wikipedia.org/wiki/Erwin_Selck
[202] http://de.wikipedia.org/wiki/Mitteleurop%C3%A4ischer_Wirtschaftstag
[203] http://de.wikipedia.org/wiki/F-Kreis
[204] https://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%EE%E9%ED%FF_%E2_%CB%E0%E4%EB%EE%F3
[205] http://de.wikipedia.org/wiki/Ivy_Lee
[206] http://de.wikipedia.org/wiki/Max_Hahn
[207] http://de.wikipedia.org/wiki/Carl_Krauch
[208] http://de.wikipedia.org/wiki/Mineral%C3%B6lsicherungsplan
[209] http://de.wikipedia.org/wiki/Edmund_Geilenberg
[210] http://de.wikipedia.org/wiki/Deutsche_Akademie_der_Naturforscher_Leopoldina
[211] http://de.wikipedia.org/wiki/Chemiepark_Marl
[212] Грачева Т. Невидимая Хазария. М., 2009.
[213] Вильмаре П. де. Досье Сарагоса. Мартин Борман и Гестапо Мюллер после 1945 года http://lander.odessa.ua/lib.php
[214] Ибрагимова З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы второй мировой войны. М., 2003.
[215] http://de.wikipedia.org/wiki/Walther_Leisler_Kiep
[216] Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР http://scepsis.net/library/id_704.html
[217] http://prosvetlenie.net/show_content.php?id=43
[218] Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М., 2004.
[219] http://mikhailosherov.livejournal.com/725295.html
[220] Галкин А. Германский фашизм http://scepsis.net/library/id_2735.html
[221] http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/vprint/58928/
[222] http://www.km.ru/front-projects/krestovyi-pokhod-zapada-protiv-rossii/mutnye-soyuzniki
[223] http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165726812.htm?oam
[224] Емельянов Ю. Смертельная схватка нацистских вождей. За кулисами Третьего Рейха. Серия «Игры мировых элит». М., 2014.
[225] Голдберг Дж. Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. М., 2012.
[226] Леверкюн П. Служба разведки и контрразведки http://militera.lib.ru/h/ergos/13.html
[227] Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
[228] http://www.russiapost.su/archives/4010
[229] Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т.I Подготовка и развёртывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941 гг. М., 1973.

[230] Мортон Ф. Ротшильды. История династии могущественных финансистов. М., 2010.
[231] http://universe-tss.su/index.php?newsid=8364
[232] http://www.fundinguniverse.com/company-histories/royal-dutch-petroleum-company-the-shell-transport-and-trading-company-p-l-c-history/
[233] http://en.wikipedia.org/wiki/Asiatic_Petroleum_Company
[234] http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/krasin_lb.php
[235] http://www.krassin.ru/legends_born/leonid_krasin/
[236] Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и реальность XXI века http://www.youtube.com/watch?v=Kt6AuIENg5Q
[237] Перетолчин Д. Мировые элиты и Британский рейх во Второй мировой войне. Серия «Игры мировых элит». М., 2015.
[238] http://www.people.su/69251
[239] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B7%D0%B0_%D0%91%D0%B0%D0%BA%D1%83_(1918)
[240] http://www.moidagestan.ru/blogs/31791/14386
[241] http://vseonefti.ru/neft/10-faktov.html
[242] http://vseonefti.ru/upstream/frac.html
[243] Малинецкий Г.Г. Мировая наука и будущее России, ч. 1 http://www.youtube.com/watch?v=s7pxLEJeOGE
[244] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%80,_%D0%90%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D0%BA
[245] http://www.geopolitica.ru/article/islamizm-protiv-islama#.VOxEBv6GjIU
[246] Красильников А.Н. Политика Англии в отношении СССР. 1929–1932 гг. М., 1959.
[247] Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть http://polbu.ru/ergin_petroleum/ch19_all.html
[248] http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms8/ms8-200-.htm?cmd=2
[249] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B3,_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8
[250] http://royaldutchshellplc.com/2009/08/07/evidence-of-how-royal-dutch-shell-saved-hitler-and-the-nazi-party/
[251] http://ljwanderer.livejournal.com/242418.html
[252] http://ljwanderer.livejournal.com/243578.html
[253] http://www.odnako.org/magazine/material/politicheskaya-istoriya-knizhnie-anonsi-ot-andreya-fursova-18/
[254] http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bullit_w.php
[255] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D1%82,_%D0%A3%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BC
[256] http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/63279/
[257] Костон А. Финансисты, которые управляют миром. М., 2007.
[258] http://www.peoples.ru/undertake/founder/marcus_samuel/
[259] http://www.oil-industry.ru/Hist_Journ/index.php?print=yes&ELEMENT_ID=179422
[260] Шубин И. (Самарин) Арабы и Аравия в наши дни // Аравия и европейские державы. Сборник под общей ред. Ф. Ротштейна. М., 1924.
[261] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%8D%D0%BC%D1%8E%D1%8D%D0%BB,_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%9B%D1%83%D0%B8%D1%81
[262] Брин Б. И вечный бой... http://www.liveinternet.ru/users/3717443/rubric/2416814/
[263] Гилберт М. Черчилль и евреи. М., 2010.
[264] Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014.

[265] Хембергер Х. Экономика и промышленность фашистской Германии накануне и в ходе Второй мировой войны http://www.e-reading.by/chapter.php/1015782/15/Petrovskiy_-_Pochemu_Gitler_proigral_voynu?_Nemeckiy_vzglyad.html
[266] http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165726812.htm?oam
[267] Сталин И.В. Об угрозе войны // Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М., 1948.
[268] http://nnm.me/blogs/teufel65/pvo_germanii_protiv_vvs_ssha_sudba_zavoda/
[269] http://e-kin.livejournal.com/46356.html
[270] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%B0%D1%85,_%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80?previous=yes
[271] Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 37. М., 1974.
[272] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F3%FD%F6%EA%E8%E9_%EA%E0%ED%E0%EB
[273] https://www.youtube.com/watch?v=Anoe6_DGRUY
[274] Кумминс Я., Бизант Дж. Shell шокирует мир. Секреты и спекуляции нефтяного гиганта http://www.e-reading.by/chapter.php/6211/0/Bizant%2C_Kummins_-_Shell_shokiruet_mir.html
[275] Андреев К. Взрыв и взрывчатые вещества http://www.razlib.ru/tehnicheskie_nauki/vzryv_i_vzryvchatye_veshestva/p7.php
[276] http://en.wikipedia.org/wiki/Burmah_Oil
[277] Наум Ф. Нитроглицерин. М., 1934. http://pirochem.net/index.php?id1=3&category=chemvvisost&author=naum-f&book=1934&page=7
[278] http://www.ngpedia.ru/id333975p1.html
[279] Орлова Е. Химия и технология бризантных взрывчатых веществ http://pirochem.net/index.php?id1=3&category=azgotov-prim-vv&author=orlova-eyu&book=1973&page=1
[280] http://www.usinfo.ru/rockefeller.htm
[281] http://www.moneybum.su/aferi/715-2013-02-16-08-15-22
[282] http://traditio-ru.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC_%D0%9A%D0%B5%D0%BF%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D1%80
[283] http://www.nyjewishimprints.info/W/Warburg%20Felix.htm
[284] http://www.utro.ru/articles/2013/10/24/1152341.shtml
[285] Краминов Д.Ф. Правда о втором фронте. Петрозаводск, 1960.
[286] Парини В.Я., Казакова З.С. Палитра химии. М., 1964.
[287] Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991.
[288] Marrs J. The Rise of the Fourth Reich: The Secret Societies That Threaten to Take Over America. N.Y., 2009.
[289] http://mixednews.ru/archives/75040
[290] https://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%F0%E5%EA%E8%ED%E3
[291] Зыков Д.Д. Уголь и химия. М., 1940.
[292] Пленков О.Ю. Рай для немцев. М., 2011.
[293] Осовин И. Схватка за Антарктиду http://www.conspirology.org/2009/11/sxvatka-za-antarktidu-chast-7.htm
[294] http://nevozmozhnogo.net/faktyi/geroin-lekarstvo-ot-kashlya.html
[295] Конешова Е. Эколого-токсикологическое воздействие зомана и продуктов его детоксикации на животных http://earthpapers.net/ekologo-toksikologicheskoe-vozdeystvie-zomana-i-produktov-ego-detoksikatsii-na-zhivotnyh
[296] Прохоров И. Военная и экстремальная медицина. Ч. II http://coollib.net/b/247459/read
[297] http://de.wikipedia.org/wiki/Tabun
[298] http://de.wikipedia.org/wiki/Sarin

[299] Фурсов А.И. Русский интерес. Сборник научных трудов. М., 2014.
[300] Деятельность СВАГ и других советских ведомств по выявлению и использованию в интересах СССР учреждений немецкой военной науки и немецких военно-технических достижений
http://www.statearchive.ru/assets/files/Svag_nauka/05.pdf
[301] http://www.youtube.com/watch?v=qJnGSi9c-6E
[302] Ходаков Ю.В. Рассказы об азоте и фосфоре. М., 1958.
[303] https://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F3%F1%F1%E5%ED%E3%EE,_%C6%E0%ED_%C1%E0%F2%E8%F1%F2
[304] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%81,_%D0%A3%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BC
[305] Гордон П., Грегори П. Органическая химия красителей. М., 1987.
[306] https://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E8%ED%E8%ED,_%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9_%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E5%E2%E8%F7
[307] Abelhauser W., Hippel W. von, Johnson J.A., Stokes R.G. German Industry and Global Enterprise BASF: The History of a Company. N.Y.: Cambridge University Press, 2004.
[308] Шейхет Ф.И. Материаловедение химикатов, красителей и моющих средств. М., 1969.
[309] https://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%F0%EC%E8%ED
[310] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/241413
[311] https://ru.wikipedia.org/wiki/Sandoz
[312] Штрубе В. Пути развития химии. Том 2. От начала промышленной революции до первой четверти XX века http://chemlib.ru/books/item/f00/s00/z0000019/index.shtml
[313] http://www.smokershistory.com/OWarburg.htm
[314] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/196542
[315] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3,_%D0%AD%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C
[316] http://beiunsinhamburg.de/2010/%d0%b4%d0%b8%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%82%d0%b8%d1%8f-%d0%b2%d0%b0%d1%80%d0%b1%d1%83%d1%80%d0%b3%d0%be%d0%b2
[317] Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. М., 1947.
[318] http://de.wikipedia.org/wiki/Agfa
[319] http://www.bilderberg.org/bis.htm
[320] https://ru.wikipedia.org/wiki/Imperial_Chemical_Industries
[321] http://malayaencyklopediya.com/tom11/223.php
[322] Темпл Р. Мистерия Сириуса. М., 2005.
[323] http://ttolk.ru/?p=11639
[324] Кан А. Измена Родине. Заговор против народа. М., 1950.
[325] http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/vprint/59050
[326] http://www.rusfact.ru/node/4955
[327] http://www.europe-finance.ru/persons/item121
[328] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80,_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82
[329] http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%E9%F5%F1%E1%E0%ED%EA
[330] Кремлёв С. Россия и Германия: стравить! М., 2003.
[331] http://www.ateism.ru/forum/viewtopic.php?p=378126
[332] Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. М., 1965.
[333] http://ttolk.ru/?p=24382
[334] Жарков В.В. Клуб 200. Транснациональные монополии: структура и эволюция. М., 1974.

[335] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%84%D0%B0%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D0%BD,_%D0%9B%D1%83%D0%B8%D1%81_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%81
[336] Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940 гг.). СПб., 2001.
[337] http://rugraz.net/index.php/ru/publikationen/748-2011-09-09-19-24-51
[338] http://ss69100.livejournal.com/2379833.html
[339] http://so-l.ru/news/show/myurey_rotbard_velikaya_depressiya_v_amerike_pomosh_e
[340] http://devec.ru/nauka/estestvoznanie/1821-leon-nejfah-pochemu-blestjaschaja-rossijskaja-nauka-obrechena-ostavatsja-v-teni.html
[341] http://fakten-uber.de/i.g._farben
[342] Филатов А.В., Филатова В.Н. Меж войн и союзов. Прибалтика. Калининград, 2008.
[343] http://imesta.ru/places/show/251
[344] http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/61216/
[345] http://www.textfighter.org/raznoe/Polit/Article/lenin_v_imperializm_kak_vysshaya_stadiya_kapitalizma_elektronnaya_politologii.php
[346] http://smalltalks.ru/zoloto-i-vlast/111-rokfeller-3.html
[347] Коган И.М. Химия красителей. М., 1956.
[348] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B-4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
[349] http://bigmeden.ru/article/%D0%90%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD
[350] http://nnm.me/blogs/nebel0/shimoza
[351] http://www.pravda.ru/science/mysterious/past/14-05-2014/1207859-tsushima-0
[352] http://www1.lti-gti.ru/museum/koshits.htm
[353] http://www.chem.msu.su/rus/elibrary/nobel/1931-Bergius.html
[354] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BD,_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80
[355] https://en.wikipedia.org/wiki/Great_Phenol_Plot
[356] Малинецкий Г.Г. Технология прогресса http://www.youtube.com/watch?v=I8Zp67MvpC8
[357] Хасс Г., Шуман В. Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975.
[358] http://iforplanet.ru/?p=294
[359] http://www.kipnis.de/index.php/alexander/kurzbiografien/116-clemm-carl-1836-1899-chemischer-industrieller
[360] Диканский М.Г., Шильдкрут В.А. Международные монополии. Возникновение и развитие важнейших международных картелей. М., 1966.
[361] http://de.wikipedia.org/wiki/Chemische_Fabrik_Kalle
[362] Д/ф «Сергей Лебедев. Родоначальник химии полимеров» http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=SC6JsgbkTfE
[363] http://polit.ru/news/2015/07/25/lebedev
[364] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B8%D1%80,_%D0%A7%D0%B0%D1%80%D0%BB%D1%8C%D0%B7
[365] http://mixednews.ru/archives/75040
[366] https://de.wikipedia.org/wiki/Fritz_Hofmann_(Chemiker)
[367] http://lanxess.cn/en/about-lanxess-china/100-years-synthetic-rubber/history-of-synthetic-rubber-cn/biography-fritz-hofmann-china/

[368] http://de.wikipedia.org/wiki/Buna_(Kautschuk)
[369] https://de.wikipedia.org/wiki/Walter_Bock
[370] https://en.wikipedia.org/wiki/Brabag
[371] http://de.wikipedia.org/wiki/BRABAG
[372] Schmidt U. Secret Science. A Century of Poison Warfare and Human Experiments. N.Y., 2015.
[373] Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914—1918 гг. М., 1935.
[374] Дмитрич М. Сказки старого доктора http://www.e-reading.by/book.php?book=1019296
[375] Lefebure V. The Riddle of the Rhine. Chemical Strategy in Peace and War. N.Y., 1923.
[376] http://eto-fake.livejournal.com/841142.html
[377] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D1%85%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B8%D0%BD
[378] Chemical Warfare Agents. Chemistry, Pharmacology, Toxicology, and Therapeutics / Ed. by J.A. Romano, Jr., B.J. Lukey, H. Salem. N.Y., 2008.
[379] Аптекер Г. Лауреаты империализма: Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., 1955.
[380] Лазарев М.И. Современное положение русской нефтяной промышленности и нефтяного экспорта. СПб., 1889.
[381] Карпец В.И. Винздоры против Рюриковичей // De Aenigmate / О Тайне. Сборник научных трудов. А.И. Фурсов (сост.). М., 2015.
[382] http://mixednews.ru/archives/90128
[383] http://ru.knowledgr.com/01059493/%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%B4Xylyl
[384] http://big_medicine.academic.ru/1708/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A4%D0%95%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9D
[385] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD
[386] http://www.textreferat.com/referat-7319.html
[387] http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=15967
[389] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B8%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0

Ю.В. Емельянов

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОГО ПЕРВОМАЯ 1945 ГОДА

Емельянов Юрий Васильевич —
историк, кандидат исторических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	208
1. Разрубая гитлеровскую паутину	212
2. Цепляясь за призрачные надежды	216
3. Геринг против Гитлера	220
4. Гиммлер в поисках сепаратного мира	225
5. «Сейчас я должен готовить новое правительство»	231
6. Попытка оправдаться перед историей	236
7. Последний штурм	242
8. Первого мая 1945 г. на командном пункте В.И. Чуйкова	244
9. После 1 мая 1945 г.	266

Предисловие

24 октября 2006 г. во время празднования 10-летия одного московского издательства, состоявшегося в помещении ЦДРИ, я познакомился с художником Юрием Архиповичем Походаевым, который когда-то писал портрет Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова. Юрий Архипович рассказал, что в перерывах между сеансами маршал вспоминал наиболее интересные события своей жизни. Одним из таких он считал свою встречу со Сталиным, которая состоялась в 1945 г. после окончания войны, на черноморской даче. По словам Чуйкова, Сталин лично вышел к воротам дачи, чтобы встретить его, а затем долго беседовал с ним.

К сожалению, Чуйков ничего не рассказал Походаеву о содержании своей долгой беседы со Сталиным, а поэтому нам остаётся лишь догадываться, о чем могли говорить Генералиссимус Советского Союза и прославленный генерал. Разумеется, Чуйков мог немало рассказать о боевых делах своей легендарной армии. Но не исключено, что особый интерес для Сталина представляли воспоминания военачальника о событиях, которые разыгрались на его берлинском командном пункте 1 мая 1945 г.

В это время далеко не все в мире знали, что вскоре после полуночи 1 мая 1945 г. в Берлине произошли события, которые затем были многократно описаны в мемуарах и книгах по истории, а также были изображены по меньшей мере в десятке отечественных и зарубежных фильмах. Восстанавливая их по свежим впечатлениям, военный корреспондент П. Трояновский писал, что в ночь на 1 мая «на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово: “Капитуляция”. Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник генерального штаба генерал Кребс готов явиться к Советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона. Советское командование согласилось принять Кребса...»

За месяц до этого Геббельс, комментируя назначение генерала от инфантерии Ганса Кребса начальником генерального штаба сухопутных сил Германии, записал в дневнике, что тот «был нашим военным атташе в Москве». В Берлине хорошо знали и о примечательном эпизоде из московской деятельности Кребса. Ис-

полняя обязанности военного атташе, Кребс присутствовал на проводах министра иностранных дел Японии Мацуоки после подписания советско-японского договора о нейтралитете. Стремясь подчеркнуть верность СССР взятым на себя обязательствам по этому договору, И.В. Сталин и В.М. Молотов лично прибыли на вокзал и тепло приветствовали Мацуоку. В то же время советские руководители постарались здесь же продемонстрировать свою готовность соблюдать и договоры 1939 г., подписанные между СССР и Германией.

В правительственной телеграмме в Берлин посол Германии Фридрих Вернер Шуленбург писал 13 апреля 1941 г., что во время церемонии проводов, Сталин «громко спросил обо мне и, найдя меня, подошёл, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!». Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Комментируя эти слова Сталина, Шуленбург писал: «Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлёк всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом».

Удивительным образом через четыре года после этого эпизода бывший германский военный атташе Ганс Кребс направлялся на командный пункт бывшего советского военного атташе в Китае Василия Чуйкова, чтобы обратиться через него к Сталину с предложением мира, который Германия вероломно нарушила почти четыре года назад вопреки настойчивым усилиям СССР.

Позже маршал Чуйков писал в своих воспоминаниях: «В 3 часа 55 минут дверь открылась, и в комнату вошёл немецкий генерал с орденом Железного креста на шее и фашистской свастикой на рукаве. Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой делает мне приветствие по-своему, по-фашистски; левой подаёт мне свой документ — солдатскую книжку... С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковника фон Дуфвинг и переводчик. Кребс не стал ожидать вопросов. “Буду говорить особо секретно, — заявил он. — Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушёл от нас, покончив жизнь самоубийством”».

Затем Кребс передал Чуйкову документ о его полномочиях, подписанный новым министром по делам нацистской партии Мартином Борманом, и «Политическое завещание» Гитлера. Одновременно Кребс вручил Чуйкову письмо к Сталину от нового рейхсканцлера Германии Йозефа Геббельса. В нем говорилось: «Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушёл из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Новость о самоубийстве Гитлера и заявление Геббельса о готовности вести переговоры о мире с главой Советского Союза были настолько важными, что Чуйков и другие советские военачальники, вскоре подключившиеся к переговорам с Кребсом, на первых порах не стали вчитываться в «Политическое завещание» Гитлера. Между тем помимо демагогических заявлений в нем содержались сведения, носившие сен-

сационный характер. Два наиболее близких к Гитлеру лица — Геринг и Гиммлер — были объявлены врагами рейха. В состав нового правительства не вошли многие другие видные деятели из гитлеровской верхушки — Риббентроп, Розенберг, Шпеер. Зато в состав правящего триумвирата был включён беспартийный адмирал Дёниц.

В значительной степени эти перемены в руководстве Германии были следствием непрекращавшейся борьбой в правящих кругах Третьего рейха с самого начала его существования. Описывая обстановку в окружении Гитлера ещё до начала войны, бывший министр вооружений Германии Альберт Шпеер в своих воспоминаниях писал: «После 1933 г. быстро оформились соперничавшие группировки, придерживавшиеся противоположных взглядов. Они шпионили друг за другом, презирали друг друга... Смесь осуждения и неприязни стала господствующим элементом в партийной атмосфере... Влиятельные люди при Гитлере ревниво наблюдали друг за другом, как это всегда бывает с претендентами на трон. Довольно рано развернулась борьба за положение между Геббельсом, Герингом, Розенбергом, Леем, Гиммлером, Риббентропом и Гессом». Шпеер отмечал, что ведущие деятели рейха долго не замечали роста влияния Бормана, который ещё до войны неотлучно был рядом с Гитлером.

Характеризуя отдельные группировки и их лидеров, Шпеер писал: «Гиммлер общался почти исключительно со своими эсэсовскими последователями, на безграничное уважение которых он мог рассчитывать. Геринг также имел свою шайку почитателей, некритично восторгавшихся им. Она состояла отчасти из членов его семьи, отчасти из его ближайших сотрудников и адъютантов. Геббельс чувствовал себя легко в компании людей из писательских кругов и кинематографа. Любитель камерной музыки и гомеопатии, Гесс был окружен странными, но интересными личностями. Будучи интеллектуалом, Геббельс презирал грубых обывателей из мюнхенской группы. Они же в свою очередь смеялись над преувеличенными амбициями литературных академиков. Геринг не считал ни мюнхенских обывателей, ни Геббельса достаточно аристократичными для него и поэтому избегал общения с ними. Гиммлер, преисполненный миссионерской ролью СС, чувствовал себя выше всех. Гитлер имел свой кружок, который всюду следовал за ним. В него входили водители машин, его фотограф, его пилот и его секретарши. Состав этой компании не менялся».

Шпеер отмечал: «Гитлер соединял эти противоположные кружки вместе. Но после пребывания у власти в течение года ни Гиммлер, ни Геринг, ни Гесс не появлялись достаточно часто за его обеденным столом или во время просмотра кинофильмов. А поэтому нельзя было говорить о наличии “высшего общества” нового режима». К тому же, как отмечал Шпеер, «Гитлер не поощрял общения между руководителями. По мере же того, как ситуация становилась критической в последние годы, он внимательно и с большим подозрением наблюдал за любыми попытками сближения между своими соратниками».

Кадровые перемены 1945 г. отражали нечто большее, чем обычное завершение борьбы за власть внутри правящих верхов. Дело в том, что высшие деятели Германии руководили теми или иными направлениями государственной деятельности, обладая известной самостоятельностью в осуществлении своих властных полномочий в пределах значительных сфер влияния. Английский историк Алан Баллок утверждал: «Геринг, Геббельс, Гиммлер и Лей, каждый из них, создал свою частную империю для себя». Синхронная смена многих министров и других руководи-

телей означала не только распад этих «частных империй», но и провал политики в самых разных сферах государственного руководства Германией, а стало быть, глубокий кризис Третьего рейха, начавшийся задолго до начала боёв в Берлине.

В то же время очевидно, что новый состав правительства, утверждённый Гитлером в его «Политическом завещании», не мог сам по себе разрешить кризис, в котором оказалась Германия. Назначения Гитлера игнорировали то обстоятельство, что из всего состава правительства, перечисленного им в «Завещании», в окружённом советскими войсками центре Берлина оставались лишь трое: Геббельс, Борман и новый рейхсминистр пропаганды Вернер Науман. Новым рейхсфюрером и шефом германской полиции был назначен гауляйтер Ханке, который находился в окружённом советскими войсками Бреслау (Вроцлаве). Большинство же министров находились в разных частях Германии, ещё не занятых войсками Красной Армии и союзников. Назначения Гитлера свидетельствовали об окончательной утрате им чувства реальности.

В своем письме Сталину Геббельс писал, что Гитлер передал высшую власть троим — Дёницу, Борману и ему. Дёниц был назначен рейхспрезидентом, Геббельс — рейхсканцлером, а Борман — министром по делам партии. Однако роли в триумвирате, сформированном Гитлером, были не чётко определены.

Комментируя в своих воспоминаниях последние назначения Гитлера, Альберт Шпеер называл их «самыми абсурдными в его карьере государственного деятеля... Он не смог ясно определить, как это уже случалось в последние годы его жизни, кто обладает высшей властью: канцлер или его кабинет, или же президент. Согласно букве завещания Дёниц не мог сместить канцлера или кого-либо из министров, даже если бы оказалось, что они не годятся для работы. Так важнейшая часть полномочий любого президента была отнята у него с самого начала».

Было очевидно, что формирование последнего правительства Гитлером не устранило противоречия нацистского режима и не остановило острую борьбу за власть в его руководстве. Изучение фактов, относящихся к последним дням Третьего рейха, позволяет вновь поставить вопрос, который давно мучает исследователей разных стран мира: «Куда бесследно исчез Борман, уполномочивший Геббельса “установить связь с вождём советского народа?”». Более того, можно поставить вопросы, которые почему-то не ставили в течение почти 70 лет: «Почему переговоры генералов Чуйкова и Соколовского с Кребсом не привели к капитуляции Германии 1 мая?». «По какой причине через несколько часов после прибытия Кребса с письмом от Геббельса автор письма, его жена, их дети, а также его посланец к Чуйкову расстались с жизнью?». «Какие события, разыгравшиеся в бункере рейхсканцелярии 1 мая, повлияли на то, что были подписаны два акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил — 7 мая в Реймсе и в полночь с 8 на 9 мая в Берлине?».

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, следует учитывать, что борьба за власть в гитлеровском руководстве развертывалась в дни предсмертной агонии Третьего рейха, когда некоторые нацистские руководители пытались найти выход из отчаянного для них положения путём внешнеполитических маневров, пытаясь расколоть антигитлеровскую коалицию и заключить сепаратный мир. При этом они пытались выговорить для себя лично благоприятные условия за спиной Гитлера.

1. Разрубая гитлеровскую паутину

Весной 1945 г. стало ясно, что исход Второй мировой войны будет решаться в ходе битвы за Берлин. Сначала Гитлер пытался дать у стен Берлина решающее сражение, с помощью которого он рассчитывал перехватить инициативу. Затем он пожелал превратить свою гибель и падение столицы рейха в эпохальное событие германской истории, которое станет источником вдохновения для последующих поколений немцев.

Не меньшее значение придавали взятию Берлина и противники Гитлера. Мысль о том, что Советская Армия войдёт в Берлин, была высказана Сталиным ещё в декабре 1941 г. в разгар контрнаступления советских войск под Москвой в ходе переговоров с английским министром иностранных дел Э. Иденом. По свидетельству посла СССР в Великобритании И.М. Майского, в ответ на замечание Идена о том, что «сейчас Гитлер стоит под Москвой и до Берлина далеко», Сталин заметил: «Ничего... Русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз». В своем приказе от 1 мая 1944 г. И.В. Сталин писал: «Нужно преследовать раненого немецкого зверя и добить его в его собственной берлоге». Впоследствии эту фразу стали истолковывать как приказ взять Берлин.

К началу Ялтинской конференции советские войска стояли в 60 километрах от столицы рейха, а союзные части находились в нескольких сотнях километров от Берлина. Однако в своём выступлении на конференции 4 февраля 1945 г. начальник Генерального штаба Советской Армии А.И. Антонов предупредил: «Немцы будут защищать Берлин, для чего постараются задержать продвижение советских войск на рубеже реки Одер, организуя здесь оборону за счёт отходящих войск и резервов, перебрасываемых из Германии, Западной Европы и Италии».

Действительно, с середины февраля советское наступление на берлинском направлении приостановилось. На Западном же фронте союзники 8 февраля развернули продвижение вглубь Германии. Продвижению союзников способствовала готовность немецких военачальников быстро капитулировать перед англо-американскими войсками. 29 марта Геббельс признавал: «Вероятно, соответствует истине, что, как заявляют американские агентства печати, противник овладел мостами через Майн из-за предательства. Среди наших руководящих лиц на Запад-

ном фронте действительно есть такие элементы, которые хотели бы как можно скорее прекратить войну на западе и поэтому прямо или косвенно играют на руку Эйзенхауэру».

Немцы фактически перестали оказывать сопротивление войскам на Западном фронте, одновременно продолжая вести ожесточенные сражения против наступавшей Советской Армии. Это стало возможным благодаря тайным переговорам, которые вели немцы с англо-американскими союзниками. Расчёты Гитлера на то, что по мере приближения краха Германии противоречия между союзниками будут обостряться, не были беспочвенными.

25 марта Сталин в своём послании Рузвельту писал о «переговорах в Берне с немцами о возможности капитуляции германских войск и открытии фронта англо-американским войскам в Италии». Сталин обращал внимание на то, что «было отказано в участии советских представителей» в этих переговорах. Он писал: «К Вашему сведению должен сообщить, что немцы уже использовали переговоры с командованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт».

В своём ответе от 1 апреля Рузвельт отрицал факт переговоров о капитуляции и уверял, что сведения о переброске трёх немецких дивизий из Италии ошибочны. Он утверждал: «Всё дело возникло в результате инициативы одного германского офицера, который якобы был близок к Гиммлеру, причём, конечно, весьма вероятно, что единственная цель, которую он преследует, заключается в том, чтобы посеять подозрения и недоверие между союзников».

3 апреля Сталин опроверг утверждение Рузвельта о том, что «никаких переговоров не было». Он допускал, что президента США «не информировали полностью». Ссылаясь на данные военных, Сталин писал: «Переговоры были и закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия... И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США».

7 апреля Сталин писал Рузвельту: «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мёртвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Обвинения Сталина союзников в вероломстве были направлены Рузвельту, хотя в своём послании от 3 апреля советский руководитель писал: «Мне непонятно... молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во

всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам». Было очевидно, что сам Сталин считал бесполезным занятием читать мораль Черчиллю, который проявлял немалую активность с целью ослабить позиции СССР. В то же время резкие слова, обращённые к президенту США, имели определённую цель: Сталин давал понять, что, нарушая союзнические обязательства в Европе, Соединённые Штаты могут поставить под угрозу выполнение союзнических обязательств, взятых СССР в Ялте об участии в военных действиях против Японии. Ведь этого Рузвельт добивался от СССР с конца 1941 г.

Сталин достиг своей цели. США прервали переговоры с представителями немецкого военного командования. В своём послании, полученном в Кремле 13 апреля, Рузвельт благодарил Сталина за «искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошёл в прошлое, не принеся какой-либо пользы». Рузвельт выражал надежду на то, что в будущем «не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать». Он выражал уверенность, что «когда наши армии установят контакт в Германии и объединяться в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся». Было очевидно, что президент США не желает ссориться с советским союзником до окончания войны с Японией.

Тем временем в условиях, когда наступление Советской Армии сдерживалось упорным сопротивлением немецких армий, продвижение западных союзников успешно продолжалось, не встречая особого сопротивления. 28 марта Геббельс записал: «Вечером Эйзенхауэр объявил, что наша главная полоса обороны прорвана и теперь открыт путь прямо на Берлин».

Правда, как отмечал Геббельс 29 марта, через сутки позиция Эйзенхауэра относительно взятия Берлина изменилась, и он объявил, что не намерен наносить главный удар по германской столице. Но в тот же день Геббельс записал: «Монтгомери в своем заявлении подчеркнул намерение по возможности пробиться к столице рейха».

Такая позиция британского командующего отвечала политике его правительства. 1 апреля Черчилль писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».

В тот день, когда Черчилль направил послание Рузвельту, 1 апреля к Сталину были вызваны командующие фронтами Г.К. Жуков и И.С. Конев. Конев вспоминал: «Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своём большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А.И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С.М. Штеменко. Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос: “Известно ли вам, как складывается обстановка?”. Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которы-

ми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему: “Прочтите им телеграмму”.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии... Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю. После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне: “Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?”». Конев писал: «Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил: “Берлин будем брать мы и возьмем его раньше союзников”».

Присутствовавший на этом совещании Штеменко вспоминал, что после выступлений Жукова и Конева «Сталин сделал... вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12–15 дней».

16 апреля, в день начала Берлинской операции, Жуков сообщил Сталину, что, судя по показаниям военнопленного, немецкие войска получили задачу решительно не уступать русским и биться до последнего человека, если даже в их тыл выйдут англо-американские войска. Узнав об этом сообщении, Сталин, обратившись к Антонову и Штеменко, сказал: «Нужно ответить товарищу Жукову, что ему, возможно, не всё известно о переговорах Гитлера с союзниками». В телеграмме говорилось: «Не обращайте внимания на показания пленного немца. Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это сделаем».

2. Цепляясь за призрачные надежды

Хотя весной 1945 г. всем здравомыслящим людям было ясно, что дни Третьего рейха сочтены, Гитлер и немногие из его сподвижников всё ещё надеялись найти спасительный выход. В те дни, пытаясь «поднять моральный дух народа», Геббельс старательно подбирал в истории параллели, позволявшие ему увидеть сходство между отчаянным положением гитлеровского режима и иных государств, оказавшихся в схожей ситуации, но сумевших выйти из них с честью. 3 марта Геббельс писал: «Я читаю относящиеся к 1808 г. меморандумы Гнейзенау и Шарнхорста о подготовке народной войны. Тогда дела обстояли точно так же, как сейчас, и мы должны защищаться от врага теми же средствами, что и перед освободительными войнами».

Геббельс даже находил сходство между положением рейха весной 1945 г. и положением СССР во время обороны Москвы осенью 1941 г. Геббельс привёл слова генерала Власова, который в беседе с ним утверждал, что «всё советское руководство уже тогда потеряло голову; лишь Сталин продолжал упорствовать, хотя и был уже сильно измотан». Комментируя эти слова, Геббельс написал: «Положение было примерно таким, какое мы переживаем в данное время. И у нас ведь есть вождь, требующий любой ценой оказывать сопротивление и также снова и снова поднимающий на это дело всех других. Беседа с генералом Власовым подействовала на меня очень ободряюще. Я узнал из неё, что Советский Союз оказывался в точно таких же критических положениях, в каком оказались теперь мы, и что из этих критических положений всегда существует выход, если ты полон решимости и не падаешь духом».

Геббельс даже приписал Сталину слова Долорес Ибаррури («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»), которые якобы были им сказаны в наиболее тяжёлые дни войны для СССР. Геббельс приводил пример Черчилля, который после поражения английских войск летом 1940 г. «обратился к английской нации с великолепной речью и снова подстегнул её». Эти примеры Геббельс использовал для того, чтобы убедить Гитлера выступить с обращением к народу с призывом к борьбе. 28 марта Геббельс, по его словам, снова напоминал Гитлеру, «как поступали Черчилль и Сталин, когда их страны оказывались в кризисном положении».

Особенно часто Геббельс обращался к примеру Фридриха II, с трудом удержавшемуся у власти в ходе Семилетней войны. Более того, Геббельс даже пытался утверждать, что подобные «почти катастрофы» — это историческая судьба Германии. 28 февраля 1945 г. Геббельс писал в дневнике: «Мы должны быть такими, каким был Фридрих Великий. Фюрер полностью со мной согласен, когда я говорю о том, чтобы, если в Германии каждые 150 лет будет возникать такое же серьёзное критическое положение, наши внуки могли сослаться на нас как на героический пример стойкости». В эти дни Геббельс читал биографию прусского короля, написанную английским историком Карлейлем. По словам Геббельса, он изложил Гитлеру «некоторые главы из неё, которые его глубоко потрясли».

12 марта Геббельс, по его словам, передал «имеющийся у меня лишний экземпляр книги Карлейля “Фридрих Великий”, которая доставляет ему большую радость. Он подчёркивает, что мы должны сегодня подражать подобным великим примерам и что Фридрих Великий среди них — самая необыкновенная личность. Нам необходимо иметь честолюбивое стремление и ныне подать такой пример, на которые последующие поколения в периоды аналогичных кризисов и трудностей могли бы ссылаться так же, как мы сегодня ссылаемся на героев прошлого».

Явно выдавая желаемое за действительное, Геббельс обнаруживал сходство между Фридрихом и Гитлером: «По стоически-философскому отношению к людям и событиям фюрер очень напоминает Фридриха Великого... Фюрер — стоик и верный последователь Фридриха Великого. Он подражает ему сознательно и бессознательно».

Одновременно Гитлер, по словам Геббельса, дал «указание опубликовать в немецкой печати подробные рассказы о Пунической войне. Пуническая война наряду с Семилетней — это тот великий пример, которому мы сейчас можем и должны следовать. Собственно говоря, она ещё больше подходит к нашему положению, чем Семилетняя война, так как в Пунической войне речь шла более о всемирно-историческом решении, последствия которого сказывались на протяжении нескольких столетий. Да и столкновение между Римом и Карфагеном, в точности как нынешнее из-за Европы, было решено не в ходе одной войны, и то, кто будет руководить античным миром — Рим или Карфаген, — зависело от храбрости римского народа и от его руководства».

Однако ухудшающееся положение на фронтах не позволяло гитлеровцам находить успокоение в исторических сравнениях. 22 марта Геббельс писал, что Гитлера «приводит в отчаяние обстановка, складывающаяся на фронтах... И даже мои исторические примеры на этот раз не производят на него особого впечатления».

24 марта Геббельс вновь обратился к книге Карлейля. Он писал: «Читая его книгу, можно ещё раз увидеть, в каких критических ситуациях оказывался наш великий прусский король и с каким внутренним спокойствием, с каким поразительным стоицизмом он всегда с ними справлялся. Ему тоже иногда казалось, что он должен разувериться в истории, даже в самый чёрный час для него восходила новая яркая звезда, и Пруссия оказывалась спасённой в такой ситуации, когда он уже терял всякую надежду. Почему бы и нам не надеяться на столь же чудесный поворот событий!».

Определяя задачи отдела культуры своего министерства, Геббельс писал 4 апреля: «Анализ сочинений Клаузевица, статьи о Второй Пунической войне, за-

мечания по “Римской истории” Моммзена, статьи о письмах и сочинениях Фридриха Великого, жизнеописания величайших военных гениев всей истории человечества — вот намётки лишь немногих новых задач, которые больше отвечают требуемой цели, чем невинные развлекательные исторические анекдоты, лишённые всякого политического и морального смысла».

Не полагаясь только на исторические аналогии, Геббельс 24 марта дал очередные указания пропагандистам. Он писал: «Я ориентирую нашу пропагандистскую работу главным образом на выполнение отдельных конкретных заданий... В частности, мы намерены опубликовать ряд пророчеств, которые в народе сейчас приобретают большую силу... Чего только не сделаешь в эти критические времена, чтобы сохранить хорошее настроение народа!».

Геббельс писал 31 марта: «Мне доставили обширные материалы для организации астрологической или спиритической пропаганды, в частности, так называемый гороскоп Германской республики от 9 ноября 1918 г. и гороскоп фюрера. Оба гороскопа совпадают самым поразительным образом... Интересно, что оба гороскопа предсказывают улучшение нашего положения во второй половине апреля; в мае же, июне и июле обстановка якобы снова должна ухудшиться, но зато в середине августа военные действия вообще должны прекратиться. Дай-то Бог, чтобы это было так».

«Хотя и в этом случае нам, конечно, предстояли бы ещё несколько месяцев тяжёлой борьбы, но при наличии уверенности в том, что трудное время войны подойдёт к концу ещё в нынешнем году, перенести эти месяцы было бы гораздо легче, чем это будет в действительности. Я не вижу в подобных астрологических пророчествах никакого смысла, но задумал использовать их для ведения анонимной, скрытной пропаганды среди общественности, так как в нынешнее кризисное время большинство людей хватается за что угодно, даже за столь хрупкую соломинку».

Очередной «хрупкой соломинкой» стали события 12 апреля. В этот день Геббельс в ходе посещения боевой части в районе Кюстрина по своему обыкновению последних дней стал вспоминать Семилетнюю войну. Он говорил собравшимся офицерам о безнадёжном положении прусского короля Фридриха II и его решении принять яд. Затем Геббельс процитировал слова историка Карлейля: «Доблестный король! Подожди ещё немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоей судьбы уже встаёт за тучами и вскоре воссияет над тобой!». Геббельс сообщал, что в конце декабря 1761 г. неожиданно умерла царица Елизавета, а её наследник Петр III, являвшийся поклонником Фридриха, сразу после восшествия на престол заключил в марте 1762 г. мир с Пруссией, вернув занятые русскими войсками земли без компенсации. Это спасло Фридриха II.

Выслушав Геббельса, офицеры не скрывали своего скептицизма. Один из них даже спросил рейхсминистра: «Какая же царица должна умереть сейчас, чтобы спасти Германию?». У Геббельса не было ответа. Однако когда он вернулся в рейхсминистерство, ему сообщили о скоропостижной кончине президента США Рузвельта.

Геббельс тут же позвонил Гитлеру. Очевидцы утверждают, что он сказал по телефону: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Звёзды предсказывали, что поворот в судьбе свершится во второй половине апреля. И вот он настал!».

Однако повторения «чуда» времен Семилетней войны не произошло. Хотя Франклина Рузвельта сменил Гарри Трумэн, который впоследствии стал соучаст-

ником развязывания Холодной войны, в то время США не собирались разрушать антигитлеровскую коалицию, так как стремились заручиться военной поддержкой СССР в войне против Японии. Военные действия союзников против Германии продолжались. Через 4 дня после смерти Рузвельта, 16 апреля, Советская Армия развернула грандиозную операцию по окружению и взятию Берлина.

Успешное наступление Советской Армии Гитлер объяснял «изменой» военных. Штабной офицер записал в своем дневнике: «Когда в ночь с 20 на 21 апреля я докладывал Гитлеру о прорыве советских войск в районе Котбуса, который привёл к крушению восточного фронта и к окружению Берлина, я находился с ним — это был единственный раз — один на один. За несколько часов до этого Гитлер принял решение перенести свою ставку, штаб верховного главнокомандования, а также генеральные штабы сухопутной армии и военно-воздушных сил... в так называемую Альпийскую крепость, то есть в район Берхтесгадена и южнее... Гитлер внимательно слушал полное трагизма донесение, но снова не нашёл иного объяснения успеху советских войск, кроме слова “предательство”. Учитывая, что при этом не было свидетелей, я набрался храбрости и задал Гитлеру вопрос: “Мой фюрер, вы так много говорите о предательстве военного командования, верите ли вы, что действительно совершается так много предательства?”. Гитлер бросил на меня нечто вроде сочувствующего взгляда, выражая тем самым, что только дурак может задать такой глупый вопрос, и сказал: “Все неуспехи на Востоке объясняются только предательством”. У меня было такое впечатление, что Гитлер твёрдо в этом убежден».

И в то же время до последних дней своей жизни Гитлер продолжал цепляться за «соломинки». 22 апреля Гитлер принял предложение генерала Йодля о переброске вновь сформированной 12-й армии генерала Венка и 9-й армии генерала Буссе с западного фронта на восточный. Эти армии должны были двигаться в южные пригороды Берлина и, соединившись там, нанести удар по войскам 1-го Украинского фронта.

Тем временем бои уже шли в самом Берлине. Однако Гитлер не терял надежды на армию Венка. Позже командующий войсками в Берлине генерал Вейдлинг на допросе показал: «25 апреля Гитлер заявил мне: “Положение должно улучшиться. 9-я армия подойдет к Берлину и нанесёт удар по противнику вместе с 12-й армией. Этот удар последует по южному фронту русских. С севера подойдут войска Штейнера и нанесут удар по северному крылу”».

3. Геринг против Гитлера

Первые признания возможности поражения Германии возникли в гитлеровском руководстве ещё в начале 1943 г. Тогда же видные руководители страны заговорили о необходимости сместить Гитлера. После поражения под Сталинградом Геббельс, Шпеер, Лей и Функ предпринимали попытки ослабить позицию Гитлера, активизировав деятельность совета министров по обороне рейха, который возглавлял Геринг. Во время встречи с Геббельсом 2 марта 1943 г. Геринг говорил, что «фюрер постарел на пятнадцать лет за три с половиной года войны». Он поддержал попытки Геббельса «освободить фюрера от военного руководства», убрать из его окружения Бормана, Ламмерса и Кейтеля и передать руководство страны Совету министров обороны рейха во главе с Герингом. Однако тогда эти попытки были пресечены Борманом и Гиммлером.

В начале 1945 г. ряд руководителей Третьего рейха в поисках альтернативы Гитлеру вновь попытались обратиться к Герингу. Шпеер вспоминал: «Если бы Геринг, как второй человек в рейхе, присоединился к Кейтелю, Йодлю, Дёницу, Гудериану и мне и представил Гитлеру ультиматум, в котором мы бы потребовали сообщить его планы относительно завершения войны, то Гитлер был бы вынужден это сделать».

В середине февраля 1945 г. Шпеер направился к Герингу, чтобы изложить эти планы. Изучив предварительно размещение отдельных соединений вооружённых сил, Шпеер обнаружил, что вокруг Каринхалле размещена парашютная дивизия. В своей беседе с Герингом Шпеер откровенно поделился своим разочарованием в Гитлере. Геринг поддержал Шпеера. Однако из их переговоров ничего не последовало, а вскоре парашютная дивизия по приказу Гитлера была удалена из Каринхалле на фронт к югу от Берлина.

К этому времени Геринг превратился в постоянный объект нападок со стороны других руководителей рейха, верных Гитлеру. Его обвиняли прежде всего в неспособности военно-воздушных сил Германии дать отпор союзной авиации. 2 марта 1945 г. Геббельс записал в дневнике: «Безумные оргии воздушной войны не знают границ. Мы совершенно беззащитны. Рейх постепенно превращается в настоящую пустыню. Ответственность за это должен нести Геринг со своей военной авиа-

цией. Она не в состоянии как-то проявить себя хотя бы в обороне». В последние месяцы существования Третьего рейха Геббельс каждый день обвинял Геринга в своем дневнике и эти обвинения он повторял Гитлеру.

22 марта Геббельс писал: «В ходе воздушной войны, включая данные за декабрь, мы потеряли 353 тысячи человек убитыми. Устрашающее число, которое производит ещё более жуткое впечатление, если прибавить сюда 457 тысяч раненых. Это война внутри войны. Она принимает иногда ещё более ужасные формы, нежели война на фронте. Оставшихся без крова вообще невозможно подсчитать. В результате войны рейх превращён в сплошную груду развалин». В этом Геббельс винил лично Геринга. Нападки Геббельса на Геринга достигали своей цели: Гитлер всё чаще атаковал своего «премьер-министра».

1 апреля Геббельс писал: «В ходе совещания, на котором обсуждалась обстановка на Западном фронте, у фюрера снова была драматичная стычка с Герингом. Геринг опять оказался виновным в целой серии беспорядочных действий, которые просто выводят из себя. Я не могу понять, почему фюрер так долго терпит всё это». Геббельс был не одинок в своих нападках на Геринга, получая активную поддержку со стороны Бормана и других.

В своих воспоминаниях Риббентроп писал, что «всего за неделю до смерти фюрера я имел беседу с ним, в которой он охарактеризовал проблему люфтваффе как военную причину нашего поражения». Гитлер, по словам Риббентропа, «вновь и вновь говорил об этом с Герингом, но Геринг никакой не специалист в технике, да и слишком мало разбирался в типах самолетов. Когда, например, было объявлено об американском четырёхмоторном бомбардировщике “Летающая крепость”, Геринг сказал ему: это именно тот тип самолета, который он так желал видеть на вооружении у врага, ибо его легче всего уничтожить». Риббентроп «целыми часами спорил с Герингом о типах самолетов и высказывал ему свои совершенно расходившиеся с геринговскими взгляды, но тот со всей силой своей крупной личности отстаивал собственные убеждения, которым он, фюрер, как неспециалист не мог противопоставить соответствующие доводы. Начиная с 1940 г. люфтваффе, по его мнению, больше серьёзно не развивалась. Министерство авиации обюрократилось. Производство и типы выпускаемых самолетов определялись отнюдь не техническими и хозяйственными знаниями, и в результате развитие застопорилось».

Однако помимо субъективных факторов значительную роль в ослаблении авиации сыграло продолжающееся отступление германских войск, что вело к резкому сокращению их материальной базы. 16 марта Геббельс признал: «К концу месяца военная авиация имела всего 30 тысяч тонн бензина. Часть бензина сохраняется как последний резерв на крайние случаи. Поступление значительного количества бензина ожидается лишь осенью. До этого времени с нынешнего дня бензин будет расходоваться для обеспечения войск. В соответствии с наличием бензина из нашей программы вооружений будут изъяты все типы самолетов, за исключением пяти».

Несмотря на усилия Геббельса, Бормана, Риббентропа и других Гитлер не решался снять Геринга. Тем временем рейхсмаршал был занят эвакуацией своих сокровищ, которые были перевезены из Каринхалле в соляные копи под Зальцбургом. Геринг уговаривал Гитлера уехать с ним в Берхтесгаден и там организовать оборону. Фюрер отказался.

20 апреля Геринг присутствовал на праздновании дня рождения Гитлера. В тот же день Геринг выехал на машине на юг. Однако он не успел ещё покинуть Берлин, когда начался авианалёт. Герингу пришлось прятаться в бомбоубежище. Хотя Геббельс постоянно утверждал, что «к рейхсмаршалу люди питают настоящую ненависть», а «от его прежней популярности не осталось и следа», по словам Фришауэра, сопровождавший Геринга доктор Ондарза «был удивлен, как доброжелательно встретили люди под завывание бомб человека, обещавшего позаботиться об их безопасности. “Могу я представиться?” — спросил Геринг и тем вызвал всеобщий смех. Сделав паузу, он сказал: “Меня зовут Мейер!”. Народ загоготал. (Шутка Геринга объяснялась тем, что в начале войны он заявил: “Я не буду Герингом, если хоть одна вражеская бомба упадет на германскую землю. Если это произойдет, можете меня называть как угодно, хотя бы Мейером”.) Появились люди из других, расположенных поблизости бомбоубежищ, они просили рейхсмаршала оказать им честь и зайти поговорить с ними!». Эти впечатления подтверждала и жена Геринга: «Когда мы потом направились на юг, его повсюду встречали приветливо, даже в Пильзене».

В Оберзальцберге, куда прибыл Геринг, люди из его окружения призывали рейхсмаршала действовать решительно. Они ссылались на рассказ генерала Йодля, который сообщал: «Гитлер... физически не способен бороться, он боится быть раненым и попасть в плен к русским. Когда мы предложили ему отправить на Восток все войска с Западного фронта, он сказал, что не в состоянии принять такое решение, пусть этим займется рейхсмаршал. Кто-то заметил, что ни один солдат не станет сражаться за рейхсмаршала, но Гитлер заметил, что речь идёт не о борьбе. Когда дело дойдёт до переговоров, то рейхсмаршал проведёт их лучше».

После того, как генерал Колер передал Герингу эти слова Йодля, рейхсмаршал «казался растроганным». По словам Колера, Геринг «чувствовал себя в затруднительном положении. Он потребовал отчёта о военном положении, и я доложил ему с помощью карт. Потом он спросил меня, считаю ли я, что Гитлер жив или же он уже, возможно, назначил своим преемником Мартина Бормана. Я сказал ему, что Гитлер был жив, когда я покидал Берлин... Не исключено также, что Гитлер изменил свои планы». Колер стал уговаривать Геринга: «Пришло время действовать вам, господин рейхсмаршал! Своим вчерашним решением Гитлер назначил себя командующим войсками Берлина и практически отказался от политического управления государством и командования вермахтом».

В ответ Геринг сказал: «Мои отношения с Гитлером были настолько напряжёнными... Мог ли Гитлер не назначить Бормана своим преемником? Борман — мой смертельный враг, он только и ждёт удобного случая, чтобы расправиться со мной. Если я начну действовать, он назовёт меня предателем; если же я буду бездействовать, он обвинит меня в том, что я проявил слабость в час испытаний!».

23 апреля Геринг направил следующую телеграмму Гитлеру: «Мой фюрер! Поскольку Вы решили остаться в Берлине, согласны ли Вы, чтобы я принял на себя общее руководство рейхом в качестве Вашего заместителя при полной свободе действий в стране и за её пределами в соответствии с указом от 29 июня 1941 г.? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать, что Вы утратили свободу действий, и буду действовать в высших интересах страны и нашего народа. Невозможно выразить то, что я чувствую в самый тяжёлый час моей жизни. Да

защитит Вас Бог, и, может быть, Вы покинете Берлин и приедете сюда, несмотря ни на что. Преданный Вам Герман Геринг».

Одновременно Геринг объявил людям из своего окружения свой план действий. На следующее утро он собирался полететь к Эйзенхауэру. Он поручил Колеру написать обращение к вооруженным силам Германии с призывом продолжать сражаться против Советской Армии.

Шпеер, находившийся в бункере, когда телеграмма от Геринга была вручена Гитлеру, свидетельствовал, что последний прореагировал на неё апатично. Но тут принесли новую радиограмму от Геринга. В ней говорилось:

«Рейхсминистру фон Риббентропу.

Я запросил фюрера дать мне инструкции к 10 часам вечера 23 апреля. Если к этому времени станет очевидным, что фюрер лишён свободы действий для того, чтобы вести дела рейха, то вступит в силу закон от 29 июня 1941 г., в соответствии с которым я вступаю в наследство всех его постов как его заместитель. Если к полуночи 23 апреля вы не получите никаких указаний прямо от фюрера или от меня, вы должны немедленно прибыть ко мне самолётом.

Рейхсмаршал Геринг».

Этой радиограммой воспользовался Борман. По словам Шпеера, Борман «возбужденно восклицал: “Геринг — изменник. Он уже направляет телеграммы членам правительства и объявляет, что на основе его прав он займёт ваш пост в 12 часов ночи сегодня, мой фюрер”».

Шпеер вспоминал: «Хотя Гитлер оставался спокойным, когда была получена первая телеграмма, Борман сейчас выиграл игру». Гитлер поддержал Бормана, закричав: «Мне было давно известно, что Геринг обленился. Он позволил развалить авиацию. Он разложился. Его пример сделал разложение возможным во всём государстве. Кроме того, он в течение многих лет является наркоманом!». Борман предложил расстрелять Геринга. Гитлер в ответ закричал: «Нет, нет, не то! Я лишу его всех должностей и права быть моим преемником».

В Оберзальцберг Герингу была направлена телеграмма от Гитлера: «Ваши действия представляют собой высшую степень предательства по отношению к фюреру и национал-социализму. Наказание за предательство — смерть. Но, принимая во внимание ваши прежние заслуги перед партией, фюрер не наложит это высшее наказание, если вы уйдёте со всех своих постов. Отвечайте “да” или “нет”».

В это же время Борман направил радиограмму руководителям СС в Оберзальцберге Франку и фон Бредову с приказом арестовать Геринга за государственную измену. Борман писал им: «Вы отвечаете за это своими жизнями». В измене был обвинён также статс-секретарь правительства Ганс Ламмерс, которого также было приказано арестовать.

Вскоре Гитлер направил и другое послание Герингу: «Указ от 29 июня 1941 г. отменяется моим специальным распоряжением. Моя свобода действий не ограничена. Я запрещаю любые действия с вашей стороны в указанном направлении».

Получив эти послания из бункера, Геринг сообщил о них Гиммлеру, Йодлю и Риббентропу. Одновременно он им написал: «Фюрер информирует меня, что он сохраняет свободу действий. Сегодняшняя дневная телеграмма отменяется. Да здравствует Гитлер! Герман Геринг».

Совершенно очевидно, что вялое выступление Геринга против Гитлера было осуществлено лишь под давлением лиц, окружавших рейхсмаршала. Сам Геринг действовал нерешительно и непоследовательно.

Между тем Франк и фон Бредов уже прибыли в помещение, где находился Геринг. В руках у них были револьверы. Прибывший к Герингу Колер не мог соединиться с ним. А затем рейхсмаршал был арестован. Арестованными оказались все люди из окружения Геринга. К началу переговоров Кребса с Чуйковым все они, включая Геринга, находились под арестом.

4. Гиммлер в поисках сепаратного мира

Гораздо раньше своих коллег по гитлеровскому руководству о возможности поражения задумался Гиммлер, в лояльности которого Гитлер не сомневался, называя его «Верный Хайни». Страх поражения от Советской Армии заставлял всесильного руководителя СС искать пути к заключению сепаратного мира с западными державами. Участник антигитлеровского заговора среди военных Хассель писал в сентябре 1941 г.: «Совершенно ясно, что окружение Гиммлера всерьёз обеспокоено и ищет выхода». Весной 1942 г. Чиано в своем дневнике записал, что Гиммлер «ощущает пульс страны и хочет компромиссного мира».

Видимо, зная о настроениях своего шефа, начальник разведки СД Шелленберг спросил его в августе 1942 г.: «Не обдумал ли он альтернативные способы завершения войны?». Шелленберг убеждал Гиммлера, что добиться выгодного для Германии возможно сейчас, пока её руководители могут действовать с позиции силы.

Гиммлер согласился с доводами Шелленберга и приказал ему немедленно приступить к подготовке тайных переговоров. Гиммлер и Шелленберг решили, что Германия могла бы отказаться от большей части оккупированных территорий, но сохранить власть в регионах, считавшихся ими исконно германскими.

Гиммлер, по свидетельству Шелленберга, «пытался потихоньку создать новое руководство рейха, естественно, с одобрения Гитлера. Гиммлер был убеждён, что все, кто займет руководящие посты в правительстве, промышленности, коммерции и торговле, науке и культуре рейха... должны быть членами СС».

Во второй половине 1942 г. Гиммлер настаивал на использовании адвоката Лангбена и его связей в поисках сепаратного мира. Хассель записал в дневнике, что в декабре «Лангбен имел беседу с английским официальным лицом в Цюрихе и американским чиновником Хоппером в Стокгольме с одобрения СД». В качестве посредника в переговорах между Гиммлером и американским дипломатом Хьюиттом выступал и массажист Керстен. В ходе своих попыток сепаратного мира Гиммлер установил контакт даже с одним из лидеров антигитлеровского заговора министром финансов Пруссии Попитцем.

Однако разоблачение группы заговорщиков среди сотрудников военной разведки (абвера) заставило Гиммлера, с одной стороны, избавиться от Лангбена и тот

был арестован. С другой стороны, Гиммлер взял абвер под свой контроль, подчинив его подразделениям СД и гестапо.

В 1943 г. под началом Гиммлера находился аппарат СС, насчитывавший 40 тысяч человек, а аппарат Главного управления имперской безопасности (РСХА) — 60 тысяч.

Одновременно Гиммлер расширял границы своей власти, не отказываясь от обязанностей, которые фюрер возлагал на «верного Генриха». 20 августа 1943 г. Гиммлер был назначен рейхсминистром внутренних дел, заняв место Фрика. Считалось, что это назначение, сделанное по распоряжению Гитлера, несколько ослабит возраставшую власть Бормана.

В 1943 г. Гитлер снял ограничения на рост численности Ваффен СС, и в том году было сформировано восемь новых дивизий. К концу войны существовало 35 дивизий Ваффен СС, значительная часть которых была набрана за счёт населения оккупированных стран.

Гиммлер пытался взять под свой контроль разработку новых вооружений, которые могли бы нанести огромный урон антигитлеровской коалиции. Поэтому в 1943 г. он попытался отстранить Шпеера от контроля над испытательным полигоном, на котором разрабатывались первые немецкие ракеты «Фау-2».

В это время в нацистских верхах усиливалась борьба за влияние на Гитлера. В ходе беседы в начале ноября 1943 г. Гиммлер и Геббельс осудили «негибкую» политику Риббентропа и некомпетентность военачальников. Одновременно Гиммлер рассказал Геббельсу о заговоре, в котором участвуют Попитц и Гальдер. Гиммлер сообщил Геббельсу, что заговорщики стремятся войти в контакт с Англией. Очевидно, Гиммлер решил пожертвовать Попитцем ради усиления своего влияния на Гитлера. После этой встречи Геббельс записал в дневнике: «Гиммлер проследит, чтобы эти господа не причинили особого вреда своим трусливым пораженчеством. У меня сложилось впечатление, что внутренняя безопасность страны находится в надёжных руках Гиммлера».

Шпеер был свидетелем разговора Гиммлера с Гитлером осенью 1943 г. Гиммлер говорил Гитлеру: «Тогда вы согласны, мой фюрер, что я должен поговорить с Серым Преосвященством, притворяясь, что я иду с ними?». В ответ Гитлер кивнул головой. «Предпринимаются какие-то тёмные заговорщические действия. Возможно, что, если я сумею завоевать их доверие, то я сумею больше узнать от них. Но тогда, мой фюрер, если вы услышите что-то от третьей стороны, вы будете знать мотивы моих действий». Фюрер жестом выразил своё согласие, добавив: «Конечно, я полностью вам доверяю». Услыхав этот разговор, Шпеер решил узнать у адъютантов Гитлера, кого называют «Серым Преосвященством». Адъютант ответил: «Это — Попитц, министр финансов Пруссии».

Нам не всё известно о хитрой игре Гиммлера. Несмотря на то, что накануне 20 июля 1944 г. по всей Германии распространились слухи о готовящемся покушении на Гитлера, несмотря на то, что видные заговорщики, с которыми общался Гиммлер, точно знали об этом, Гиммлер не предупреждал Гитлера о возможности его убийства. То ли Гиммлер на самом деле не был поставлен в известность Попитцем и другими о готовившемся покушении, то ли рейхсфюрер СС решил не делиться секретом с Гитлером. Известно, что ни Гиммлер, ни Геринг не присутствовали на военном совещании в Растенберге, хотя обычно участвовали в подобных меропри-

ятиях. В то же время оба находились неподалеку от Растенберга. Геринг работал в своём штабе в 100 км от Растенберга, а Гиммлер проходил курс лечения у Керстена на вилле Хагенвальд-Хохвальд в Биркенвальде.

Узнав о покушении на Гитлера, рейхсфюрер СС почему-то не спешил вылететь в Берлин, где действиями по разгрому заговора руководил Геббельс. Вместо того чтобы отправиться в столицу рейха Гиммлер выехал в свою восточно-прусскую резиденцию и занялся уничтожением каких-то бумаг. Шпеер вспоминал: «Удивительным образом в эти критические часы Геббельс не мог связаться с Гиммлером. Ведь лишь у него имелись надёжные части, которые могли раздавить путч. Совершенно очевидно, что Гиммлер удалился и Геббельса это всё более и более беспокоило, потому что он не мог найти никакого объяснения для такого поведения. Несколько раз он выражал свое недоверие рейхсфюреру СС и министру внутренних дел. Свидетельством неопределенной ситуации тех часов стало выражение Геббельсом сомнений в надёжности такого человека, как Гиммлер».

Шпеер вспоминал: «Было уже за полночь, когда Гиммлер, которого никто не мог найти до сих пор, прибыл в резиденцию Геббельса. Прежде чем его кто-то стал расспрашивать, он стал подробно объяснять причины своего отсутствия». Затем он стал высмеивать заговорщиков, которые не смогли хорошо организовать переворот. Геббельс прервал его рассуждения и попросил Шпеера выйти.

Оставшись наедине, Гиммлер и Геббельс создали следственную комиссию, которая заседала в резиденции последнего. Затем к допросам заговорщиков, которые продолжались всю ночь с 20 на 21 июля, присоединился Кальтенбруннер.

Уничтожение компрометировавших его бумаг, а затем активное участие в следствии позволили Гиммлеру скрыть свои связи с заговорщиками. 3 августа в своем выступлении перед гауляйтерами, собравшимися в Познани, Гиммлер так объяснил свои контакты с Попитцем и Лангбеном: «Мы позволили этому посреднику болтать сколько влезет, и вот, в общих чертах, что он нам сказал: “Войну нужно остановить. Для этого — учитывая сложившуюся ситуацию — мы должны заключить мирный договор с Англией, но главным условием подобного мира является отстранение фюрера и его почётная ссылка”». Он уверял, что давно знал о заговоре и рассказывал о нем Гитлеру. Впоследствии по требованию Гиммлера Попитца и Лангбена судили на закрытом заседании суда. Оба были приговорены к смертной казни и казнены.

После ареста командующего Резервной армией Фридриха Фромма как участника заговора 20 июля 1944 г. Гитлер назначил Гиммлера на освободившееся место. Эта армия состояла главным образом из пожилых, но продолжавших носить форму офицеров, раненых, но не комиссованных солдат и стажеров-новичков, ещё не принимавших участие в боевых действиях. В это же время Гиммлер при поддержке Бормана учредил «Фольксштурм» — организацию из добровольцев, которые должны были принять участие в боевых действиях на территории Германии. Им же был разработан план создания «Вервольф» — подпольных вооружённых частей, готовых действовать на оккупированных землях Германии.

На этой почве Гиммлер ещё более сблизился с Геббельсом, который с лета 1944 г. был назначен Гитлером ответственным за осуществление «тотальной войны». Биографы Гиммлера Роджер Мэнвелл и Генрих Френкель подчеркивали:

«Высшее армейское командование находилось в опале, и эти двое — всю жизнь остававшийся сугубо гражданским человеком министр пропаганды и шеф тайной полиции, который никогда не командовал на поле боя даже взводом, — поделили между собой ответственность за будущие боевые действия. По свидетельству помощника Геббельса фон Овена, в ноябре Геббельс заявил: “Армия — Гиммлеру, а мне — гражданские аспекты войны! Вдвоём мы сумеем переломить ход кампании и добиться решающего перевеса!”».

К этому времени Геббельс уже перестал рассчитывать на поддержку Геринга, а начал систематическое наступление на него, не прекращая также атак на Риббентропа. В своих нападках на Геринга и Риббентропа Геббельс искал поддержки у Гиммлера. 7 марта 1945 г. Геббельс так описал беседу близкого к нему Альвенслебена с Гиммлером: «Они обсудили общее военное и политическое положение и при этом резко критиковали Геринга и Риббентропа. Гиммлер выразил пожелание как можно скорее ещё раз переговорить со мной. (Значит, такие разговоры уже велись ранее. — *Ю.Е.*) Я свяжусь с ним вечером, и мы договоримся о встрече у него в течение завтрашней среды. Я хочу ещё раз обсудить с ним не только военное положение, но и прежде всего кадровые вопросы политического и военного руководства рейха. Мне кажется, что пришло время внести ясность в проведение мероприятий во всех сферах. Нам нельзя больше терять слишком много времени».

На другой день, 8 марта встреча с Гиммлером состоялась, несмотря на болезнь рейхсфюрера СС. В тот же день Геббельс записал: «Гиммлер... перенёс тяжёлую ангину... Вид у него немного надломленный. Тем не менее мы можем весьма обстоятельно поговорить по всем актуальным вопросам. В целом Гиммлер держится очень хорошо. В двухчасовом разговоре с ним я могу констатировать, что в оценке общего положения наши взгляды полностью совпадают, так что мне нет надобности что-то добавлять к этому. Он в резких выражениях отзывается о Геринге и Риббентропе, которых считает повинными во всех ошибках в нашем общем руководстве войной, и здесь он абсолютно прав. Но и он не знает, как побудить фюрера расстаться с ними обоими и заменить их новыми, сильными личностями. Я сообщаю ему о своём предпоследнем разговоре с фюрером, — разговоре, в котором обратил внимание фюрера на то, что, в частности, если Геринг останется, то это угрожает привести, если не привело, к государственному кризису. Гиммлер подробно расспрашивает, какое впечатление произвели эти слова на фюрера. Хотя они и произвели на фюрера сильное впечатление, он тем не менее пока ещё не сделал выводов».

Поговорив о тяжёлом военном положении Германии, оба собеседника пришли к единому выводу: «Успешному военному руководству повсюду мешают Геринг и Риббентроп». Однако они не знали, что следует предпринять: «Ведь, в конце концов, нельзя же силой заставить фюрера расстаться с обоими».

Оба собеседника признавали безнадёжность военного положения Германии и искали выхода из него путём дипломатических маневров. Геббельс записал: «Гиммлер правильно обрисовывает ситуацию: разум подсказывает ему, что у нас мало шансов выиграть войну в военном отношении, но инстинкт говорит ему, что рано или поздно откроется политическая возможность, которую ещё можно будет употребить в нашу пользу. Гиммлер видит эту возможность больше на Западе, чем на Востоке. Он думает, что Англия образумится, в чём я несколько сомневаюсь. Гимм-

лер, как следует из его высказываний, полностью ориентируется на Запад; от Востока он вообще ничего не ожидает».

Создаётся впечатление, что в эти дни Геббельс доверял Гиммлеру. Подводя итог встречи, Геббельс писал: «Атмосфера в окружении Гиммлера очень милая, скромная и совершенно национал-социалистская. Она воздействует исключительно благоприятно. Можно только радоваться, что по крайней мере у Гиммлера ещё преобладает прежний национал-социалистский дух».

Геббельс видел то, что хотел видеть. По-иному оценивали «скромную», «милую» и «совершенно национал-социалистскую» атмосферу люди, наблюдавшие жизнь окружения Гиммлера изнутри. Так в письме, направленном Гиммлеру анонимным корреспондентом 14 января 1944 г., говорилось о взяточничестве, мошенничестве и грабежах, в которых были замешаны многие высокопоставленные руководители СС. Автор письма назвал по именам около десятка высших офицеров СС, которые вели роскошный образ жизни.

Кроме того, Геббельс, так высоко оценивавший свой ум и свою проницательность, не догадывался, что «скромный» «верный Хайни» уже давно плёл интригу с целью захвата власти. На определённом этапе рейхсфюрер СС искал поддержки у Риббентропа. В своих комментариях к мемуарам Риббентропа его вдова писала: «До окончательного разрыва моего мужа с Гиммлером дело дошло зимой 1941/42 г., когда рейхсфюрер СС попытался в длительной беседе привлечь его к созданию клики в собственных интересах. При этом возникла ситуация, которая дала моему мужу повод бросить реплику: «Гиммлер, я этого никогда не сделаю, я останусь лояльным фюреру!».

Гиммлер умело скрыл от Геббельса и своё подлинное отношение к Герингу. В конце апреля, когда Гитлер ещё был жив, Гиммлер рассказал Альберту Шпееру про Геринга: «Мы давно с ним договорились, что я буду у него премьер-министром. Даже без Гитлера, я сделаю его (Геринга) главой государства... Естественно, принимать решения буду я». Поддерживая выпады Геббельса в адрес Геринга, Гиммлер в то же время старался показать своему собеседнику невозможность осуществить перемены в руководстве страны, так как против этого выступает Гитлер, а к силе прибегать против воли Гитлера для Гиммлера немыслимо.

Скрыл Гиммлер и то, что его готовность начать переговоры о мире с Западом, давно привели к установлению соответствующих контактов с английской и американской разведкой. «Проницательный» Геббельс высмеивал в своём дневнике появившиеся в западной печати сообщения о том, что Гиммлер ведёт мирные переговоры с западными державами. 17 марта Геббельс писал: «Просто смешно, что в подобных сообщениях гарантом мира со стороны Германии вместо фюрера называют Гиммлера. Утверждается, что могущественная германская клика предложила голову фюрера в качестве залога. В этом, конечно, нет ни слова правды».

Типпельскирх писал: «В этот момент произошло событие, поразившее Гитлера точно гром среди ясного неба. Части использовавшихся в этом наступлении дивизий СС, в том числе отряды его личной охраны, на которых он полагался как на каменную гору, не выдержали: у них истощилась вера. В припадке беспредельного бешенства Гитлер приказал снять с них нарукавные знаки с его именем».

Гудериан вспоминал, что Гитлер хотел отправить в Венгрию его для исполнения этого приказа. Но Гудериан «отказался выполнять это распоряжение, предло-

жив возложить эту миссию на находившегося как раз здесь рейхсфюрера СС, непосредственного начальника войск СС и в первую очередь ответственного за состояние их дисциплины, чтобы он лично ознакомился там с положением. До последнего времени рейхсфюрер противился всякому вмешательству представителей армии в дела его соединений, а теперь он стал изворачиваться, но так как у меня были другие обязанности, ему пришлось согласиться. Особой любви в войсках СС выполнением этой задачи он не заслужил».

Геббельс явно сочувствовал Гиммлеру. 28 марта он записал: «Когда я представляю себе, как Гиммлер снимает шевроны с личного состава дивизий СС, у меня темнеет в глазах. На войска СС это подействует как шок». Геббельс даже позволил себе осудить решение Гитлера: «Фюрер в своих действиях больше ориентируется на материально-технические вопросы, нежели на проблему личных качеств людей. Из-за этого у него постоянно возникают конфликты с ближайшими сотрудниками. Вот и теперь, к примеру, Гиммлер... попал в опалу. Куда это приведёт? Что останется у нас, в конечном счёте?».

Наказание имело последствия, далеко идущие за пределы проштрафившихся эсэсовских дивизий. 8 апреля Геббельс признал в дневнике: «Больше всего меня удручают меры фюрера против дивизий СС, разумеется, угнетающе подействовавшие также на всех офицеров СС из моего окружения. Невозможно представить себе, какое у них теперь настроение. Очень хотелось бы им помочь, но не знаю, что могу сделать. При случае я всё-таки обращусь к фюреру и попрошу его несколько смягчить эту меру».

31 марта Геббельс признал, что «авторитет Гиммлера в глазах фюрера существенно упал». Однако в отличие от своих суждений по поводу ответственности Геринга за приближение Германии к катастрофе Геббельс был склонен объяснять поражения, за которые нёс вину Гиммлер, не его личными качествами, а объективными обстоятельствами. Он писал: «Нельзя не признать и того, что мы вообще попали в полосу неудач. И эти неудачи нужно относить не только за счёт неспособности помощников фюрера, но и за счёт недостаточности средств, которыми мы располагаем».

5. «Сейчас я должен готовить новое правительство»

Тем временем Гиммлер возобновил старые контакты с западными державами. Через генерала Вольфа Гиммлер вёл переговоры в Швейцарии с Алленом Даллесом и представителями английской разведки. Одновременно подобные переговоры велись через начальника зарубежной разведки Шелленберга, который установил контакт с представителем Международного Красного Креста графом Бернадоттом в Швеции.

17 февраля 1945 г. Бернадотт прибыл в Германию. Официально переговоры велись относительно судьбы шведов, находившихся в немецких концлагерях, и в них первоначально участвовали Риббентроп и Кальтенбруннер, а лишь затем состоялась встреча графа с Гиммлером. Рейхсфюрер не стал скрывать от Гитлера факта этих переговоров, но фюрер скептически оценил их значение, заметив: «С помощью такой ерунды в тотальной войне ничего не добьешься».

Правда, Гитлер не стал препятствовать этим переговорам, а потому в марте 1945 г. Бернадотт снова прибыл в Германию для окончательного решения вопроса о заключённых. Одновременно в марте 1945 г. в Швейцарию был направлен генерал Вольф для переговоров с Алленом Даллесом. Эти переговоры велись втайне от Кальтенбруннера.

2 апреля Гиммлер лично встретился с графом Бернадоттом. Гиммлер согласился на освобождение части скандинавских заключённых. Одновременно Гиммлер попросил Бернадотта связаться с союзниками от его имени, «если с Гитлером что-нибудь случится».

В эти дни Гиммлера одолевали сомнения, которыми он делился с Шелленбергом. Он говорил: «Шелленберг, по-моему, Гитлер уже не может предпринять ничего путного». На это он услыхал: «Все его последние поступки указывают на то, что пришло время действовать». «Но я не могу застрелить Гитлера, — жаловался Гиммлер Шелленбергу, — Я не могу и арестовать его, потому что тогда вся военная машина перестанет функционировать». В ответ Шелленберг сказал: «Многие высшие руководители СС всё ещё преданы вам, они выполнят любые ваши приказы. Вы достаточно сильны, чтобы арестовать его. Ну, а если не будет другого выхода, в дело вмешаются врачи».

20 апреля Гиммлер принял участие в приёме по случаю дня рождения Гитлера, состоявшемся в бункере рейхсканцелярии. На следующий день 21 апреля в Берлине Гиммлер тайно от Гитлера вёл переговоры с директором шведского отдела Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром, пытаясь наладить через него контакт с Эйзенхауэром, чтобы капитулировать на Западном фронте.

Узнав 23 апреля об аресте Геринга, Гиммлер, по словам Шпеера, не придал большого значения случившемуся. Он говорил: «Сейчас Геринг станет преемником... Я уже вступил в контакт с рядом лиц, которые войдут в мой кабинет. Скоро меня посетит Кейтель».

Гиммлер был уверен в прочности своего положения и своей незаменимости. Он изрекал: «Европа не сможет справиться без меня в будущем. Я буду нужен как министр полиции. Мне достаточно провести час с Эйзенхауэром, и он это поймёт. Они скоро осознают, что они зависят от меня. Иначе их ждёт безнадёжный хаос». По словам Шпеера, Гиммлер «говорил о своих контактах с графом Бернадоттом, в ходе которых речь шла о передаче концентрационных лагерей под контроль Международного Красного Креста». Шпеер замечал: «Теперь я понял, почему я увидел столь много машин Красного Креста в Саксенвальде вблизи от Гамбурга. Раньше всегда говорили о том, что следует уничтожить всех политических заключённых. Теперь Гиммлер пытался вступить в сделку с победителями».

В заключение беседы Гиммлер предложил Шпееру войти в его новое правительство. В свою очередь Шпеер предложил Гиммлеру свой самолет, чтобы слетать в Берлин и попрощаться с Гитлером. Но тот отказался от предложения. «Мне некогда, — сказал он. — Сейчас я должен готовить новое правительство. Кроме того, моя личность слишком значительна для будущего Германии, чтобы рисковать ей в ходе полёта».

Беседа была прервана появлением Кейтеля. Шпеер писал: «Уходя я слышал, как фельдмаршал тем же твёрдым голосом, каким он обычно провозглашал свои напыщенные и сентиментальные слова верности Гитлеру, теперь заверял Гиммлера в своей безоговорочной преданности и говорил ему, что он в полном его распоряжении».

23 апреля Гиммлер встретился в Любеке с Бернадоттом в консульстве Швеции. По воспоминаниям Шелленберга, Гиммлер сказал графу: «Нам, немцам, остаётся провозгласить себя побеждёнными, и я прошу передать мои слова через шведское правительство генералу Эйзенхауэру, чтобы все мы могли избежать дальнейшего ненужного кровопролития. Для нас, немцев, и в особенности для меня невозможно капитулировать перед русскими. Против них мы будем продолжать сражаться, пока на место немецкого фронта не встанет фронт западных держав».

Бернадотт записал такие высказывания Гиммлера: «Чтобы спасти от вторжения русских как можно большую часть Германии, я намерен капитулировать на западном фронте. Тогда западные союзники смогут развернуть свои войска на восточном фронте. Но я не готов к капитуляции на восточном фронте. Я всегда был и остаюсь заклятым врагом большевизма... Согласны ли вы передать моё официальное предложение министру иностранных дел Швеции, чтобы он известил о нём западных союзников?». Граф заверил Гиммлера, что «готов передать ваше официальное сообщение министру иностранных дел Швеции только при условии, если вы

пообещаете включить в предложение о капитуляции Данию и Норвегию». (Имелось в виду прекращение немецкой оккупации этих двух стран.)

Шелленберг вспоминал: «Гиммлер указал, что имеет право принимать решение по этому вопросу, так как гибель Гитлера — дело двух–трех дней. По крайней мере Гитлер погибнет в борьбе, которой он посвятил свою жизнь — борьбе против большевизма».

После долгой дискуссии Гиммлер написал письмо министру иностранных дел Швеции Христиану Гюнтеру с просьбой передать декларацию Гиммлера о прекращении войны командованию англо-американских войск и правительствам США и Великобритании.

В своих воспоминаниях Б.Л. Монтгомери писал, что 27 апреля он узнал от военного министерства Великобритании об этом предложении Гиммлера. Фельдмаршал писал: «Гиммлер утверждал, что Гитлер безнадёжно болен, а он (Гиммлер) находится в положении, позволяющим ему взять всю полноту власти в свои руки». Хотя Монтгомери утверждал, что «не придал большого значения этому сообщению», он замечал далее: «Продолжавшееся русское наступление было более опасным, чем разбитые немцы. Я знал, что с немцами практически покончено. Самая существенная и непосредственная задача состояла в том, чтобы со всей скоростью двигаться на запад и прорваться к Балтийскому морю, а затем создать фланг, повёрнутый на восток. Это было единственным способом не пустить русских в Шлезвиг-Голштинию и таким образом — в Данию». Таким образом, готовность Гиммлера капитулировать на западе вполне отвечала планам Монтгомери.

Монтгомери умалчивал о директиве, полученной им в эти дни от Черчилля: «Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было раздавать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось».

Несколько иные заботы были у американцев. В своей книге военных мемуаров «Крестовый поход в Европу» генерал Дуайт Эйзенхауэр писал, что по мере завершения военных действий в Европе «подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав оси. Россия официально всё ещё находилась в состоянии мира с японцами». Эйзенхауэр подчёркивал, что в США с надеждой восприняли «информацию», согласно которой «генералиссимус Сталин говорил Рузвельту в Ялте, что в пределах трёх месяцев со дня подписания капитуляции Красная Армия вступит в войну с Японией». Поэтому американцы не только стремились не обострять отношений с СССР, но и старались ускорить капитуляцию Германии, чтобы быстрее стал истекать трёхмесячный период до вступления Советского Союза в войну с Японией. Эта позиция американского правительства повлияла в конечном счёте и на политику Великобритании, хотя тайная директива Черчилля для Монтгомери относительно немецких солдат и их оружия не была отменена.

25 апреля в день встречи советских и американских войск на Эльбе, министр иностранных дел Великобритании Э. Иден и государственный секретарь США Э. Стеттиниус сообщили У. Черчиллю и Г. Трумэну о предложениях Гиммлера. Премьер-министр Великобритании и президент США расценили их как попытку посеять раздор между союзниками. Они заявили, что капитуляция возможна лишь перед всеми тремя союзниками одновременно.

Через два дня, 27 апреля, на неофициальной встрече английской делегации, прибывшей в Сан-Франциско для участия в учредительной конференции Организации объединенных наций, Энтони Иден как бы невзначай заметил: «Кстати, ... из стокгольмских источников нам стало известно, что Гиммлер сделал через Бернадотта предложение о безоговорочной капитуляции Германии перед американцами и нами. Разумеется, мы сообщили об этом русским».

Умело организованная «утечка информации» была тут же подхвачена средствами массовой информации. Присутствовавший на этой встрече директор Британской информационной службы в Вашингтоне Джек Уинокавр передал эту новость Полу Рэнкину из агентства Рейтер, но просил не указывать её источник. Рано утром 28 апреля эта новость появилась в лондонских газетах.

В 9 часов вечера 28 апреля из радиопередачи Би-Би-Си Гитлер узнал о переговорах Гиммлера с графом Бернадоттом. По словам очевидцев, Гитлер «побагровел, и его лицо исказилось до неузнаваемости». Потом он в бешенстве кричал о низком предательстве человека, которому доверял больше всех. Он объявил о лишении Гиммлера всех его званий. Прославленная лётчица Германии Ханна Рейч, отличавшаяся склонностью произносить длинные и эмоционально насыщенные монологи, впоследствии красочно описала этот приступ ярости фюрера. Она потом не раз повторяла приказ Гитлера, отданный им ей и Риттеру фон Грейму, только что назначенному вместо Геринга главнокомандующим военно-воздушными силами Германии: немедленно вылететь из Берлина, чтобы «арестовать Гиммлера как предателя».

Выполнить это было нелегко: фон Грейм был ранен в ногу и передвигался на костылях. Поэтому хотя он был посажен на борт лёгкого самолета, им управляла Ханна Рейч. Она подняла самолет в воздух прямо от Бранденбургских ворот. Под огнем советской зенитной артиллерии Рейч сумела вырваться из осаждённого Берлина и направила самолет в Плён, где располагалась штаб-квартира Дёница.

Авторы биографии Гиммлера Роджер Мэнвелл и Генрих Френкель писали: «В Плёне Дёниц... и Гиммлер... делили власть». По свидетельству Шверина фон Крозига, эти двое в конце концов договорились, что «будут верно служить признанному преемнику Гитлера, причём Дёниц явно рассчитывал, что место фюрера займёт Гиммлер, а сам он станет рейхсфюрером».

Дёниц не получил чёткого указания из Берлина об аресте Гиммлера. До него дошло лишь туманное распоряжение Бормана: «Немедленно и безжалостно покарать изменников». Р. Мэнвелл и Г. Френкель подчёркивают: «Только Грейм имел недвусмысленный приказ арестовать Гиммлера, однако он не мог его выполнить без поддержки Дёница, а тот всё ждал, что Гиммлер вот-вот сам станет фюрером. Нет никаких сведений о том, как прошла встреча Грейма с Дёницем, что они сказали друг другу, какое решение приняли». Очевидно одно: приказ Гитлера не был выполнен.

Правда, Рейч уверяла, будто она лично встретилась с Гиммлером и сурово отчитала его за «предательство фюрера». С явным недоверием к её рассказу британский историк Х.Р. Тревор-Роупер писал: «Нас осчастливили ярким, но возможно неточным отчётом о беседе Рейч с Гиммлером. Главная героиня, словно на театральной сцене, произносит страстные обличения, но они не трогают толстокожего негодяя из этой театральной постановки. А затем весьма кстати подоспевший воз-

душный налёт драматично прерывает этот спор». Что бы ни говорила Рейч, ясно, что она вряд ли пыталась арестовать Гиммлера. Да и она не могла это осуществить физически.

В Берлине же козлом отпущения был избран представитель Гиммлера в бункере Германн Фегеляйн. Он пытался скрыться, был обнаружен в берлинском квартале, который вот-вот должны были занять советские войска, и был приведен в бункер. То обстоятельство, что Фегеляйн был женат на сестре Евы Браун, не спасло его. 28 апреля он был расстрелян в саду рейхсканцелярии.

Тем временем ничего не подозревавший о событиях в Сан-Франциско и в бункере Гиммлер 28 апреля обсуждал с Шелленбергом ход переговоров с графом Бернадоттом. По воспоминаниям Шелленберга, Гиммлер дал ему «разрешение обсудить вопрос с графом о прекращении германской оккупации Норвегии и об интернировании в Швеции германских оккупационных войск до конца войны. Гиммлер заявил, что он готов пойти на такое же урегулирование и для Дании, но что окончательное решение будет принято позднее... В то время он продолжал считать само собой разумеющимся, что через день–два он в качестве преемника Гитлера сможет разрешать эти вопросы без каких-либо затруднений».

Между тем приказ Гитлера об аресте Гиммлера и проклятия в его адрес в «Политическом завещании» стали ещё одним свидетельством распада Третьего рейха. Человек, который отвечал за безопасность в государстве и порядок в стране, вступил в переговоры с противником и готовил захват высшей власти. Нацистский режим, внушавший значительной части человечества ужас и отвращение, прежде всего благодаря полицейскому террору, олицетворением которого был Гиммлер, лишился своей мощной опоры.

6. Попытка оправдаться перед историей

Вечером 28 апреля Гитлер вызвал к себе всех обитателей бункера, в котором он жил последние дни, и предложил им всем покончить жизнь самоубийством. В ночь с 28 на 29 апреля Гитлер зарегистрировал свой брак с Евой Браун. На свадебной церемонии все молчали, за исключением Геббельса, который пытался развлекать новобрачных и гостей.

В 4 часа утра 29 апреля Гитлер заверил подготовленные им личное и политическое завещания. «Политическое завещание» Гитлера было заверено четырьмя свидетелями: Йозефом Геббельсом, Мартином Борманом, Вильгельмом Бургдорфом и Гансом Кребсом. Три копии этого завещания были направлены 29 апреля Дёницу и Шёрнеру с тремя курьерами, которые должны были преодолеть позиции советских войск.

Это означало крах пустых надежд Гитлера, которыми он тешил себя до последних дней. К тому времени многие военные и политические руководители рейха уже давно осознали неминуемость поражения и предпринимали соответствующие меры. Поэтому Гиммлер уже давно пытался вести переговоры с представителями западных держав. Был готов к сепаратным переговорам Геринг. Гудериан подталкивал Риббентропа к заключению мира. О необходимости мирных переговоров говорил Геббельс. Отчаявшись убедить Гитлера в неизбежности краха, Шпеер готовил себе убежище в Гренландии.

Как бы Гитлер ни старался выдавать желаемое за действительное, он постоянно получал обильную информацию об отчаянном положении на фронтах и внутри страны, а потому в глубине души наверняка осознавал крушение своих амбициозных планов. Его план «решения германской проблемы» к 1943–1945 гг., изложенный им на совещании высших государственных деятелей и руководителей вооруженных сил Германии 5 ноября 1937 г., с треском провалился. Захваченные земли, которые должны были дать германскому народу «жизненное пространство», были утрачены, и война велась на германской территории. Миллионы немцев заплатили жизнями за попытку Гитлера расширить границы Германии. Немецкие дома уничтожались самолетами и артиллерией противника, а города превращались в охваченные пожарами развалины.

В последние дни рейха Гитлер не мог не видеть, что его усилия по превращению германского народа в послушное орудие реализации его планов, рушатся. Хотя Гитлер встречался с юными фольксштурмовцами, которые были готовы умереть за него, и знал, что старики и женщины осваивают технику стрельбы из фаустпатронов, он получал сведения о том, что нацистам не удалось поднять народ на массовое сопротивление армиям врагов, вступившим на территорию Германии. Он знал о многочисленных случаях дезертирства. Он читал донесения о том, что, ожидая приход войск противника, немцы в домах вывешивали самодельные белые флаги капитуляции, а в ряде городов союзников встречали цветами. Гитлер понимал, что его приказы, которые вели к разрушению всей системы жизнеобеспечения страны, саботировались в центре Шпеером и на местах — гауляйтерами. Беспрекословное исполнение приказов начальства, так характерное для немцев, прекратилось.

Упадок дисциплины ощущался даже внутри бункера. Шпеер вспоминал: «Гитлер, очевидно, заметил, что дисциплина в его окружении ослабла. Раньше, когда он входил в комнату, все вставали с мест и не садились, пока он не садился. Теперь люди продолжали сидеть, слуги принимали заказы от гостей, коллеги пили настолько много, что засыпали, сидя в креслах, а другие продолжали громко и несдержанно разговаривать. Возможно, он умышленно игнорировал происшедшие перемены».

Падала и вера рядовых немцев в Гитлера. Хотя немало людей в Германии всё ещё считали, что Гитлер в последний момент предпримет какой-то спасительный ход, Геббельс признавал, что фюрер стал одной из постоянных нападок в частных письмах немцев. Геббельс считал, что Гитлер сможет вернуть им веру в него, если выступит перед ними. Однако искусный оратор XX века молчал. Зная из своего профессионального опыта, что он сможет легко говорить, лишь откликаясь на господствующие в его аудитории мысли и с пафосом изрекая то, что скрыто в сознании слушателей, Гитлер не мог повторить то, о чём теперь думали немцы. Он знал, что немцы хотят мира любой ценой, а с такими призывами он не желал выступать.

Кажется, что способность Гитлера произносить эмоционально взвинченные речи иссякла. Вместе с тем истощились и его физические возможности. Достигнув немалых успехов в подчинении своей воли разгорячённых аудиторий, Гитлер привык к общению с людьми, в ходе которого он нередко доводил себя до крайнего эмоционального возбуждения, порой сбиваясь на истерику. Однако такой стиль общения стоил ему немалых эмоциональных и физических затрат и не мог не оказывать разрушительного воздействия на его организм. Сообщения об отступлении немецких войск, бомбардировках немецких городов и невыполнении его приказов доводили Гитлера до эмоциональных истеричных взрывов. Не случайно во время перепалок с Гудерианом, когда Гитлер был вне себя от ярости, генерала выводили из комнаты, так как пугались, что у Гитлера будет сердечный приступ.

Но даже когда внешне он выглядел спокойным, Гитлер страдал от стрессов. Решения, которые давались ему нелегко и вызывали в нём неуверенность, сопровождались головными болями и коликами в желудке. Чтобы снять стресс, он принимал всевозможные тонизирующие и стимулирующие снадобья, приготовленные лекарем Теодором Моррелем.

Вместе с крушением авантюристических планов Гитлера разрушалось его здоровье. Хотя он постоянно твердил о своей непреклонной воле, его плоть протесто-

вала против его нежелания считаться с реальностью. Каждый из тех, кто посещал Гитлера в его ставке во время войны, поражался тому, как быстро он деградировал в физическом отношении. А ведь Гитлер прилагал немало усилий, чтобы сохранять свои силы. Он убеждал себя и других в том, что его жизнь абсолютно необходима Германии. Для обеспечения своей безопасности он требовал оборудования подземных бункеров. Он воздерживался от привычек, вредных для здоровья. Он не курил и не употреблял алкогольные напитки. Он строго соблюдал здоровую вегетарианскую диету. Он находился под постоянным наблюдением врачей во главе с доктором Карлом Брандтом. Он не раз уходил в отпуска. Вечерами он отдыхал от дел, подолгу просматривая кинофильмы и погружаясь в легковесную болтовню.

Разумеется, война стала тяжёлым испытанием для всех руководителей воюющих держав. Однако с этим испытанием не справился лишь Рузвельт, который был частично парализован ещё задолго до начала войны. Гитлер не только не страдал от каких-либо тяжёлых заболеваний, но и был моложе других мировых руководителей.

Однако тот, кто в начале войны был бодрым 50-летним человеком, превратился к её концу в развалину. Вот как его описал ротмистр Герхард Больдт, который впервые увидел Гитлера в бункере в начале февраля 1945 г.: «Сильно согнувшись и шаркая ногами, он медленно идёт мне навстречу. Он протягивает мне руку и смотрит необычайным, пронизывающим взглядом. Его рукопожатие вяло и слабо, в нём не чувствуется сила. У него слегка трясется голова. Это стало заметнее, когда у меня было больше возможностей наблюдать за ним. Левая рука его висит как плеть, она сильно дрожит. Глаза его сверкают неподдающимся описанию огнем, взгляд почти страшен, неестественен. Лицо и мешки под глазами свидетельствуют о полном изнеможении. Он движется как старик. Это не тот излучаемый энергию Гитлер, каким его знал германский народ в прежние годы и каким его всё ещё изображает Геббельс в своей пропаганде. Медленно, волоча ноги, он в сопровождении Бормана подходит к письменному столу и садится перед картами генштаба...» 55-летний человек казался дряхлым стариком.

Быстрый физический упадок Гитлера отражал процесс его саморазрушения как личности, который вёл его к фатальному концу. Казалось, подсознание уже обрекло его на скорую гибель ещё до того, как он выстрелил себе в голову. Собственное самоуничтожение он проецировал и на руководимую им страну, народ которой так фанатично полюбил его и так высоко вознес. Затягивая войну и одновременно отдавая приказы об уничтожении хозяйства Германии, Гитлер сознательно обрекал страну на гибель.

Однако азартный игрок не оставлял надежды отыграться, хотя бы в отдалённом будущем. Обращаясь к примерам из истории, Гитлер не только пытался черпать в них надежду на неожиданный поворот судьбы, но и старался увидеть себя и Германию с точки зрения далекой исторической перспективы. Осознавая, что под его руководством Германия потерпела беспримерное крушение, Гитлер собирался взять реванш на страницах истории.

Поэтому его задачей стало сочинение соответствующей исторической версии в назидание потомству. Этой цели служило «Политическое завещание» Гитлера. В нём, как и в «Майн кампф», он связывал свою личную жизнь с судьбой Германии, а потому начал завещание с рассказа о том, как он пошёл служить доброволь-

цем в ряды кайзеровской армии в 1914 г. Гитлер постарался заверить германский народ в своей беспредельной любви к нему. Это чувство, уверял Гитлер, заставило его «принимать наиболее трудные решения, которые когда-либо выпадали на долю смертного». Вместе с тем он говорил, что принёс немалые жертвы ради служения Германии: «В течение трёх десятилетий я истощил моё время, мои творческие силы и моё здоровье».

Главным для Гитлера было стремление оправдаться за грандиозное поражение и скрыть свою ответственность за военную авантюру. Он провозглашал: «Неправда, что я или кто-то другой в Германии хотел войны в 1939 г... Я сделал слишком много предложений по ограничению и контролю над вооружением — они не могут быть проигнорированы последующими поколениями, — чтобы на меня возлагали ответственность за возникновение этой войны... Всего за три дня до начала германо-польской войны я предлагал английскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы, — решение, аналогичное тому, что было применено к Саарской области. Невозможно предать забвению это предложение... Я никогда не хотел, чтобы после ужасной Первой мировой войны последовала Вторая против Англии с Америкой».

Гитлер возлагал вину за развязывание Второй мировой войны на правящие круги Англии, которые, по его словам, «хотели войны». Особенно много обвинений в развязывании войны было брошено в адрес «международного еврейства». Утверждение, что Третий рейх был разбит действиями тайных сил, которые были издавна демонизированы и мистифицированы в общественном сознании многих немцев, позволяло Гитлеру уйти от объяснений, почему Германия ввязалась в войну, которую она не могла не проиграть, и скрыть авантюризм своей политики. Упоминая о «финансовых заговорщиках», для которых народы Европы являлись лишь «предметом купли и продажи» и объектом «биржевых акций», Гитлер сводил их лишь к лицам одной национальности. Одновременно Гитлер идентифицировал «международное еврейство» и влиятельных мировых финансистов. Так он мог оправдать поголовное уничтожение всех евреев на территории Германии и оккупированных земель. Это позволяло Гитлеру подтвердить правильность тех принципов, на которых строился Третий рейх и на которых должна была возродиться нацистская Германия.

Одновременно Гитлер возлагал вину за поражение рейха на своих бывших сподвижников. Он объявлял о том, что «Геринг, Гиммлер и их секретные переговоры с врагом, ведшиеся без моего ведома и против моей воли, а также их преступная попытка захватить государственную власть, помимо нелояльности лично ко мне, нанесли неисчислимый вред стране и всему народу». Он исключал из партии Германа Геринга и Генриха Гиммлера, снимал их со всех государственных постов. В одном месте завещания Гитлер, не называя Геринга и Гиммлера по фамилиям, упомянул «презренных тварей», которые подорвали «сопротивление» противнику.

Провозглашая неизбежность грядущего реванша, Гитлер писал: «Пройдут столетия, но и тогда из руин наших городов и монументов возродится ненависть к тем, кого мы должны благодарить за всё случившееся: международное еврейство и его пособников!». Лозунг ненависти к еврейству служил для Гитлера консолидирующей идеей и позволял ему поставить во главу угла возрождённого нацистского рейха те же принципы, которыми он руководствовался: «Наша задача на грядущие сто-

летия — продолжить созидание национал-социалистического государства, и понимание этого обяжет каждого служить общей цели и подчинить ей личные интересы... Превыше же всего, я призываю лидеров нации и всех подчинённых им неукоснительно соблюдать расовые законы и безжалостно противостоять общему отравителю всех народов — международному еврейству».

Исходя из неизбежности возрождения нацистского режима, Гитлер видел в крушении Германии великий урок для грядущих поколений немецкого народа. В «Завещании» он писал, что «шестилетняя борьба... войдёт когда-нибудь в историю как славное и героическое выражение человеческой воли и жизни». Он полностью игнорировал преступления, совершённые гитлеровской Германией под своим руководством, и восхвалял «бесчисленные подвиги и свершения наших солдат на фронте, женщин дома, достижения фермеров и рабочих, военные усилия — уникальные в истории — нашей молодежи, носящей моё имя».

Он выражал уверенность в том, что «самопожертвование наших солдат и моя связь с ними в смерти даст то зерно, которое тем или иным способом прорастёт и приведёт ещё раз к славному возрождению национал-социалистического движения и к осуществлению подлинно расового общества».

Намеченное же им собственное самоубийство Гитлер окружал героическим ореолом. Он провозглашал: «Я решил остаться в Берлине и принять добровольно смерть в тот момент, когда буду уверен, что резиденция фюрера и канцлера не может быть больше удержанной... Я не желаю оставаться в руках врага, намеревающегося поставить новый спектакль под еврейской режиссурой для ублажения оболваненных ею масс... Я умираю с лёгким сердцем». Очевидно, Гитлер был убеждён в том, что его решение остаться в осаждённой столице и его самоубийство станет вдохновляющим примером для будущих поколений германского народа.

Одновременно Гитлер призывал не прекращать вооружённое сопротивление. «Я требую от руководителей армии, флота и военно-воздушных сил всеми средствами поддерживать дух сопротивления наших солдат в национал-социалистическом смысле, особенно подчёркивая тот факт, что я сам — основатель и вождь этого движения, — предпочёл смерть трусливому бегству или капитуляции». Обращаясь к членам нового правительства, Гитлер требовал, чтобы они были «тверды, но справедливы; главное же — пусть они никогда не допустят, чтобы страх влиял на их действия, и пусть честь нации станет для них превыше всего на Земле». Он требовал «от всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин и женщин и всех солдат вооружённых сил, чтобы они остались верными долгу и до самой смерти подчинялись новому правительству и его президенту». Так высокопарными фразами Гитлер прикрывал банальный конец типичного авантюриста, запутавшегося в своей игре.

Узнав от маршала Жукова о самоубийстве Гитлера, Сталин сказал: «Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым». В фильме же «Падение Берлина», который создавался после войны под постоянным контролем Сталина, актер М. Геловани, исполнявший роль Верховного Главнокомандующего, произносил слова: «Он кончил как гангстер, как проигравшийся игрок».

Его наследники не спешили последовать его примеру, хотя вроде бы заверяли Гитлера в этом. Гитлер писал, что «Мартин Борман, доктор Геббельс и другие, включая их жён, добровольно присоединились ко мне здесь. Они не хотят покидать

столицу рейха ни при каких обстоятельствах, они желают умереть со мной. Тем не менее, я вынужден попросить их повиноваться моему приказу и в данном случае поставить интересы нации выше своих собственных эмоций». Получалось, что, не покончив жизнь самоубийством вместе с Гитлером, Борман, Геббельс и другие выполняли его приказ, который сводился к следующему: «Принять участие в продолжении борьбы, ведущейся всей нацией».

Правда, демонстрируя верность Гитлеру, за сутки до его самоубийства Геббельс сделал добавление к завещанию. Он писал, что «впервые в жизни в категорической форме» отказывается выполнить приказ Гитлера и «покинуть Берлин». Он объявлял о своём намерении «не покидать имперскую столицу даже в случае её падения и лучше кончить подле фюрера жизнь, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не смогу употребить её, служа фюреру». Впоследствии многие истолковали эти слова как свидетельство готовности Геббельса покончить жизнь самоубийством.

Однако не прошло и суток после самоубийства Гитлера, как Геббельс и Борман предприняли попытку прекратить безнадёжное сопротивление, которое им было завещано. А через два дня такие же усилия предпринял новоиспеченный президент Дёниц. Желание Гитлера, чтобы его самоубийство вдохновило его соратников, а также значительную часть германского народа, на продолжение борьбы не было реализовано. Как и все авантюристические расчёты Гитлера, его план, который должен был воплощаться после его смерти, провалился.

7. Последний штурм

Несмотря на то, что советским войскам противостояли мощные группировки войск противника, опиравшиеся на тщательно подготовленные оборонительные позиции, наступление на Берлин силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, начатое 16 апреля, успешно развивалось. 21 апреля войска 1-го Белорусского фронта перерезали берлинскую окружную автостраду и вырвались на северную окраину города. 23 апреля военный совет 1-го Белорусского фронта обратился к своим воинам с воззванием, в котором говорилось: «Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин, и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться... На штурм Берлина! К полной и окончательной победе, боевые товарищи!».

Днём 24 апреля армия Венка, на которую Гитлер возлагал все надежды на спасение от советского наступления, вступила в бои с войсками 1-го Украинского фронта. Однако 5-й гвардейский механизированный корпус генерала Ермакова успешно отражал её контратаки.

Жуков вспоминал: «С нарастающем ожесточением 25 апреля шли бои в центре Берлина. Противник, опираясь на крепкие узлы обороны, оказывал упорное сопротивление... Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества, которые давали им перед наступающей стороной бои в городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск».

Конев писал: «Распоряжения же Гитлера в этот период, все его усилия деблокировать Берлин, все отданные на этот предмет приказания — и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией Хенрици, и Шёрнеру с его группой войск, и гроссадмиралу Дёницу, который по идее должен был прорваться к Берлину с моряками, — всё это при сложившемся соотношением сил не имело под собой реальной базы. Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие попытки как заведомый абсурд. Это мы своими действиями (и предшествовавшими, и теми, которые развёртывались уже в ходе боёв за Берлин) сделали их нереальными. Замыслы

Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооруженного воздействия. Именно успехи советских войск, добытые в нелёгких боях за Берлин, с каждым днём, с каждым часом всё более обнажали иллюзорность последних надежд, планов и распоряжений Гитлера».

Также Конев писал: «День 25 апреля был полон крупных событий. Но самое крупное из них произошло не в Берлине, а на Эльбе, в 5-й гвардейской армии генерала Жадова, где 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретился с американскими войсками. Именно здесь, в центре Германии, гитлеровская армия оказалась окончательно рассечённой пополам». Встречи советских воинов с американскими солдатами произошли в районе Стрела и районе Торгау на реке Эльба. Они превратились в яркую демонстрацию солидарности народов антигитлеровской коалиции.

Это событие было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего и салютом в Москве. Сталин, Черчилль и новый президент США Трумэн заранее приурочили к этому ожидавшемуся событию свои выступления по радио. Эти речи, переданные по радио 27 апреля 1945 г., продемонстрировали всему миру единство союзников по антигитлеровской коалиции.

Разгром Советской Армией германских войск в Берлинском сражении, окружение Берлина и выход советских войск к Эльбе свидетельствовали о провале попыток ряда руководителей западных держав и прежде всего Черчилля ослабить значение советских успехов. Провалились и расчёты Гитлера на развал союзной коалиции до разгрома Германии.

Однако сопротивление немецких войск Советской Армии не ослабевало. Конев вспоминал: «Чем больше сужалась территория, занятая противником, тем сильнее уплотнялись его боевые порядки и увеличивалась плотность огня... Берлинский гарнизон продолжал ожесточённо сопротивляться и упорно дрался за каждый квартал, за каждый дом».

30 апреля в 14.25 войсками 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта была взята основная часть здания рейхстага. А через час Жукову сообщили, что над рейхстагом разведчики сержант М.А. Егоров и сержант М.В. Кантария водрузили Красное знамя.

Однако, как позже вспоминал Маршал Советского Союза И.С. Конев, «немцы, уже явно обречённые в эти дни на поражение, продолжали... упорно драться, используя каждую нашу оплошность. В целом же к концу 30 апреля положение берлинской группировки врага стало безнадёжным. Она оказалась фактически расчленённой на несколько изолированных групп. Имперская канцелярия, из которой осуществлялось управление обороной Берлина, после потери узла связи главного командования, находившегося в убежище на Бендерштрассе, лишилась телеграфно-телефонной связи и осталась с плохо работающей радиосвязью».

Советские люди ожидали в ближайшие часы падения Берлина, а вслед за этим капитуляцию гитлеровской Германии и завершение Великой Отечественной войны. Поэтому прибытие на командный пункт Чуйкова посланца гитлеровцев с белым флагом было ожидаемым событием. Однако вряд ли кто-либо догадывался тогда, что этот командный пункт превратится в важнейший центр мировой политики, в стенах которого решалась судьба Второй мировой войны.

8. Первого мая 1945 г. на командном пункте В.И. Чуйкова

Узнав о появлении Х. Кребса в расположении советских войск, Г.К. Жуков приказал генералу армии В.Д. Соколовскому прибыть «на командный пункт В.И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом». Одновременно Жуков связался по телефону со Сталиным, который приказал: «Передайте Соколовскому. Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, — не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад».

Жуков далее писал о звонке Соколовского «около 5 часов утра». По словам генерала армии, Кребс ссылался на отсутствие у него полномочий для переговоров о капитуляции. Соколовский также сообщал: «Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует послать их к чёртовой бабушке, если они сейчас же не согласятся на безоговорочную капитуляцию».

По словам Жукова, он поддержал Соколовского, добавив: «Передай, что если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесём удар такой силы, который навсегда отобьёт у них охоту сопротивляться». Далее Жуков писал: «В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не последовало. В 10 часов 40 минут наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города».

Наиболее полное описание переговоров с Кребсом содержится в книге маршала Чуйкова «Конец третьего рейха». Им посвящено более 30 страниц в главах «Визит Кребса» и «Берлинский Первомай». Маршал подчёркивал, что свидетелями переговоров стали писатель Всеволод Вишневский, поэт Евгений Долматовский, композитор Матвей Блантер. Переговоры стенографировались. Помимо начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Кребса в переговорах с немецкой стороны принял участие полковник генерального штаба фон Дуфвинг, выполнявший на переговорах обязанности адъютанта Кребса, а также немецкий переводчик.

Из рассказа Чуйкова, подкреплённого стенографическими записями, складывается иное впечатление о переговорах на его командном пункте, чем из воспоминаний Жукова. Если из воспоминаний Жукова можно придти к выводу, будто визит Креб-

са был кратким, а Сталин вообще запретил вести какие-то переговоры, то иные выводы можно сделать из рассказа Чуйкова. Во-первых, он сообщал, что переговоры шли почти **десять** часов и Кребс покинул командный пункт Чуйкова лишь в 13.08. Во-вторых, Чуйков рассказал об установлении телефонной связи между германской рейхсканцелярией и командным пунктом Чуйкова. (Этот факт был впоследствии отражён в киноэпопее «Освобождение».) В-третьих, на протяжении переговоров с Кребсом Чуйкову и Соколовскому не раз звонили некие вышестоящие лица. А ими могли быть Жуков или Сталин. Возможно, что Сталин, сначала сказавший о недопустимости каких-либо переговоров, затем разрешил их продолжение.

Камнем преткновения на переговорах стало нежелание новых вождей рейха пойти на капитуляцию без согласия Дёница. Для этого были известные основания.

Находившийся в Плёне гросс-адмирал получал скудную информацию о том, что происходило в бункере рейхсканцелярии в последние дни. Лишь через три часа после самоубийства Адольфа Гитлера и его жены 30 апреля в 18:35 Борман направил радиограмму Дёницу: «Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас в качестве своего преемника. Вам высланы письменные указания. Немедленно примите меры, необходимые в этой ситуации».

Никаких сообщений об уходе Гитлера из жизни гросс-адмирал не получил и мог считать, что высшая власть в Германии по-прежнему принадлежит фюреру. По этой причине он отправил в Берлин ответ, в котором выражал свою преданность Гитлеру. Ему Дёниц адресовал своё послание: «Если по воле Судьбы... мне суждено править рейхом в качестве вашего преемника, я приложу все силы, чтобы исход этой войны был достоин героической борьбы немецкого народа».

Сокрытие информации о самоубийстве Гитлера было вызвано тем, что Геббельс и Борман опасались Гиммлера, который находился в Плёне, где был и Дёниц. Очевидно, что, скрывая смерть Гитлера, его наследники считали, что пока Гиммлер считает фюрера живым, шеф СС не решится захватить власть. Не спешили они также обнародовать «Политическое завещание» Гитлера, в соответствии с которым Гиммлер был исключён из партии и лишен всякой власти. Скорее всего, они опасались, что преждевременная огласка лишь ускорит действия Гиммлера. Руководитель всесильной эсэсовской организации мог объявить переданное радиограммой «Политическое завещание» Гитлера фальшивкой, Геббельса и Бормана —изменниками, а то и убийцами Гитлера. Геббельс и Борман вряд ли сомневались в том, что Гиммлер мог поставить Дёница под свой контроль или даже объявить себя главой Третьего рейха.

У Геббельса, Бормана и их сторонников оставалось лишь «Политическое завещание» Гитлера для обоснования правомочности своего положения. Ссылаясь на гитлеровское завещание, Геббельс, Борман и их сторонники подчёркивали, что лишь они правомочны вести переговоры о капитуляции. Поэтому первыми, кто за пределами бункера узнали содержание завещания Гитлера, стали советские военачальники, а затем Сталин и другие советские руководители.Кребс говорил Чуйкову: «Полная и действительная капитуляция может быть решена легальным правительством. Если у Геббельса не будет договоренности с вами, то что получится? Вы должны легальное правительство предпочесть правительству предателя Гиммлера. Вопрос войны уже предрешён. Результат должен решаться с правительством, указанным фюрером».

На это Чуйков сказал: «Объявите волю вашего фюрера войскам».

В ответ Кребс, «волнуясь, уже почти кричит по-русски: “Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства!”».

Прибывший на командный пункт Соколовский, ссылаясь на Жукова, предложил Кребсу публично «объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам». Заметно оживляясь, Кребс ответил: «Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса. Я снова прошу послать к нему моего адъютанта».

Чуйков: «Надо передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства».

Кребс: «Сделаем паузу. Создадим правительство...».

Чуйков: «После полной капитуляции».

Кребс: «Нет».

Соколовский: «У вас есть Геббельс и другие — и вы сможете объявить капитуляцию».

Кребс: «Только с разрешения Дёница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Дёницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио».

Чуйков: «Сложите оружие, потом будем говорить о дальнейшем».

Кребс: «Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине».

Чуйков: «У вас есть коды, шифры и так далее?».

Кребс: «Они у Гиммлера». (Чуйков писал: «Мы с Соколовским невольно переглядываемся».) «Если вы разрешите паузу, мы придём к соглашению».

Было принято решение отправить полковника Дуфвинга к Геббельсу. Чуйков позвонил начальнику штаба и приказал обеспечить переход полковника и одновременно связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и таким образом установить связь Геббельса с армейским командным пунктом.

После ухода фон Дуфвинга беседа с Кребсом продолжалась. Генерал говорил: «Я думаю, уверен, что есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии. Это — Сталин. Он говорил, что Советский Союз невозможно уничтожить и также нельзя уничтожить Германию. Это нам ясно, но мы боимся англо-американских планов уничтожения Германии. Если они будут свободны в отношении нас — это ужасно...».

Соколовский: «А Гиммлер?».

Кребс: «Разрешите говорить прямо? Гиммлер думает, что германские войска ещё могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно!».

В 9.45 утра раздался звонок. Чуйков писал: «Советское правительство даёт окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция Берлина. В случае отказа — в 10 часов 45 минут мы начинаем новую артиллерийскую обработку города. Говорю об этом Кребсу. — Я не имею полномочий, — отвечает он. — Надо воевать дальше, и кончится всё страшно. Капитуляция Берлина — тоже невозможна. Геббельс не может дать согласие без Дёница. Это большое несчастье».

Соколовский: «Мы не пойдём на перемирие или на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?».

Кребс (снова и снова): «Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим создать правительство и сделать всё организованно».

Соколовский: «Пусть Геббельс объявит...».

Кребс (перебивая): «Но Дёниц — беспартийный. Легче решать ему. Пусть он и капитулирует, чтобы не нести напрасных жертв».

Соколовский: «Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого рацию в Берлине. Вы свяжетесь и с правительствами наших союзников».

Кребс: «Да, Геббельсу, пожалуй, придётся на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?».

Соколовский: «Можете ехать. Мы говорим вам всё напрямую. У вас положение безвыходное: даже нет связи между Геббельсом и Дёницем. А после капитуляции Берлина мы дадим вам самолет или автомашину и установим радиосвязь».

Кребс: «Нас не арестуют? Все военные, которые руководят капитуляцией, останутся на свободе? Или мы будем считаться пленными?».

Соколовский: «Мы не знаем, каковы будут решения союзных правительств».

Кребс: «Я снова повторяю свой вопрос: что нас ждёт после капитуляции?».

Соколовский: «Мы гарантируем членам нового временного правительства право снестись с союзными правительствами совершенно официально. Решения примут три союзных правительства, и, повторяю, вам сообщат».

Кребс: «Мне надо узнать, что думает доктор Геббельс. Надо сказать ему о варианте капитуляции Берлина».

Тем временем началась артиллерийская подготовка. Пролетели советские самолёты. В это время вернулся полковник фон Дуфвинг с переводчиком. Чуйков писал, что переводчик был очень взволнован. Он говорил: «Когда мы шли, я кричал: “Не стрелять, мы парламентеры”. Наши мне не ответили. Русский майор тянул провод для связи. На углу Принц-Альбертштрассе он был обстрелян с немецкой стороны. Его ранило в голову. Я стал кричать, чтобы не стреляли. Сам пошёл с кабелем. Полковник фон Дуфвинг снял шинель и оружие и направился с белым флагом вперёд. Обстрел продолжался. Ранило несколько русских солдат и офицера — командира роты: они стояли неподалеку, ожидая связи. Но её нет до сих пор. Со стороны русских она включена, а с нашей стороны — нет. Вероятно, боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено беспрепятственное возвращение».

«Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно, — распорядился Кребс. — Кто стрелял?».

«Должно быть, снайпер. Русский майор, очевидно, умрёт. Жаль...».

Кребс оставался на командном пункте Чуйкова. Присутствовавших покормили завтраком. Во время завтрака Кребс вспоминал, как был на первомайском параде 1941 г. в качестве помощника военного атташе. Он и Чуйков обменялись репликами, которые затем были использованы в фильме «Падение Берлина».

Кребс: «Первое мая у вас — большой праздник».

Чуйков: «А как же нам не праздновать сегодня — конец войны и русские в Берлине».

Наконец, была установлена телефонная связь с рейхсканцелярией. Кребс зачитал Геббельсу советские условия капитуляции:

«1. Капитуляция Берлина.

2. Всем капитулирующим сдать оружие.

3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.

4. Раненым обеспечивается помощь.

5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио».

Кроме того, Кребс сообщил Геббельсу, что по радио будет объявлено о предательстве Гиммлера. Геббельс потребовал возвращения Кребса, чтобы обсудить с ним все эти условия.

На прощание Кребсу было сказано: «Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер — изменник, и заявить трём правительствам — СССР, США и Англии — о полной капитуляции. Мы, таким образом, частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? Нет. Но даём вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даём вам право после капитуляции сделать заявление Союзным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства».

Кребс: «Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будет рассматриваться как список военнопленных?».

Ответ: «Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даём право представить список членов правительства, право связи с Дёницем. Но всё это после капитуляции».

Кребс: «С целью образования общего легального правительства Германии?».

Ответ: «Только для заявления и связи с правительствами государств нашей коалиции. Их дело решать, как будет дальше».

Кребс: «Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?». Получив положительный ответ, Кребс, по словам Чуйкова, «заверил, что постарается обо всем быстро договориться. 13 часов 08 минут. Кребс ушёл».

Весьма знаменательным является рассказ Чуйкова о том, как, попрощавшись, Кребс дважды возвращался «уже с лестницы: сперва он позабыл перчатки, которые положил на подоконнике вместе с фуражкой; однако, фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принёс в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя — я хорошо это помню — доставал бумаги из бокового кармана».

Чуйков так объяснял поведение Кребса: «По глазам и поведению было видно — генерал колебался: идти ему обратно в пекло или первому сдаться на милость победителя. Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он, возможно, охотно согласился бы».

Во второй половине 1 мая в бункере рейхсканцелярии: существующие версии.

Жуков вспоминал: «В 18 часов В.Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентера. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции. В ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась Имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев».

Однако нет никаких документальных доказательств того, что руководители нового правительства на самом деле отвергли согласованные с Кребсом условия капитуляции. Указанный немецкий парламентёр не предъявил никаких документов, свидетельствующих о том, что он действует по поручению Геббельса или Бормана. Не осталось никаких документов о заседании правительства Геббельса, на котором было принято решение отвергнуть согласованные условия капитуляции.

Утверждалось, что вечером 1 мая значительная часть обитателей бункера предприняла попытку прорыва из советского окружения. По оценке американского историка Уильяма Ширера, от 500 до 600 обитателей бункера, многие из которых составляли эсэсовцы, в конечном счёте сумели прорваться. Они затем оказались в западной части Германии, в оккупационных зонах союзников. Многие из бежавших потом беседовали с английским историком Х.Р. Тревором-Роупером, и их свидетельства позволили ему написать книгу «Последние дни Гитлера». Некоторые из них утверждали, что генералы Кребс и Бургдорф, а также чета Геббельсов не присоединились к группе прорыва, а покончили жизнь самоубийством. Перед этим Магда Геббельс с помощью врача умертвила своих детей. Борман же присоединился к участникам прорыва, но погиб в пути.

Однако никаких прощальных записок или завещаний Кребс и Бургдорф не оставили. Геббельс, который в течение значительной части своей жизни ежедневно писал, а затем наговаривал стенографисткам заметки о текущих делах для своего дневника (они заняли затем от 5 до 15 книжных страниц), почему-то не удосужился оставить хотя бы две–три строки, в которых объяснил бы отказ принять согласованные на переговорах Кребса с Соколовским и Чуйковым условия и своё намерение покончить жизнь самоубийством и убить своих детей. Загадочным является и исчезновение дневников Геббельса после 10 апреля 1945 года.

Порой ссылаются на «Добавление к политическому завещанию фюрера», написанное Геббельсом в 5.30 29 апреля. Хотя в этом письме была выражена готовность Геббельса пожертвовать своей жизнью, а также жизнями своих жены и детей, в нём не было сказано о планах самоубийства Геббельсов и убийства их детей. Скорее речь шла о том, чтобы умереть, сражаясь до последнего в Берлине. Главное же следует учесть: письмо было написано при жизни Гитлера и до обращения Геббельса к Сталину.

Тот, кого изображали затем человеком, давно решившимся свести счёты с жизнью, проявлял неординарное присутствие духа и деловую активность. Известно, что Геббельс был единственным, кто развлекал присутствующих на свадьбе Гитлера с Евой Браун. Он энергично взялся за исполнение обязанностей рейхсканцлера 30 апреля и направил в качестве такового послание Сталину утром 1 мая. Он не делал ни единого заявления о том, что не готов выполнить завещание Гитлера и не подавал в отставку с поста рейхсканцлера. Ни обращение Геббельса к Сталину, ни его активное участие в переговорах Кребса по телефону, ни его радиограммы Дёницу не вытекали из красивых слов, сказанных в письме, о готовности «рядом с фюрером закончить жизнь». Энергичные действия Геббельса в ходе его однодневного пребывания на посту рейхсканцлера не позволяют подтвердить его заявление, что жизнь утратила для него всякую ценность.

Внимательное описание Чуйковым Кребса и его поведения в течение десяти часов переговоров также не позволяет сделать вывод, что и для этого немецкого

генерала «жизнь утратила ценность». Совершенно непонятно, почему Кребс, который, по словам Чуйкова, так не хотел покидать командный пункт 8-й гвардейской армии, явно опасаясь за свою жизнь, вдруг решил уничтожить себя через несколько часов. Известно, что некоторые генералы вермахта покончили жизнь самоубийством в годы Второй мировой войны. Именно так поступил бывший начальник Кребса Модель, чтобы избежать пленения американцами. Однако ещё в 13 часов дня 1 мая Кребс всем своим поведением демонстрировал желание жить и явно страшился возвращаться в бункер. Он отнюдь не походил на человека, который был готов свести счёты с жизнью. Чего же боялся Кребс? Советского штурма или чего-то другого? Явное нежелание Кребса возвращаться в бункер могло свидетельствовать о том, что он знал об угрозе для своей жизни, исходившей от каких-то людей в бункере.

Вызывают сомнения и обстоятельства исчезновения Бормана. Если Борман отправлялся в опасный путь через линию огня, почему он не оставил какую-то записку своим родным и близким на случай своей гибели? Лев Безыменский упоминает записную книжку Бормана, найденную в бункере рейхсканцелярии. Последняя её запись гласила: «Попытка прорыва». На её основе трудно наверняка утверждать, что Борман принял участие в бегстве из бункера. Если же Борман на самом деле направился с участниками исхода из бункера, почему он оставил там свою записную книжку? Скорее всего, Борман записал высказанное кем-то мнение о «попытке прорыва», но после этого он почему-то перестал делать записи.

В то же время имеются документы, которые можно однозначно истолковать как свидетельства того, что ещё до и особенно после возвращения Кребса с командного пункта Чуйкова Борман и Геббельс принялись энергично действовать, готовя встречу с Дёницем, а не со смертью.

В своей книге Л. Безыменский привёл ряд посланий, направленных из бункера. 1 мая в 7.40 Дёниц получил радиограмму от Бормана, которая гласила: «Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам так скоро, как возможно. До этого, по-моему, ничего не следует предпринимать». После возвращения Кребса рейхсканцелярия более чётко сообщала о намерении Бормана прибыть к Дёницу. Радиограмма, полученная Дёницем в 14.46, гласила: «Рейхсляйтер Борман прибудет к вам уже сегодня, чтобы объяснить обстановку». Скорее всего, радиограмма свидетельствовала о готовности нацистов воспользоваться советским предложением о том, чтобы пропустить их к Дёницу. Ведь в радиограмме нет ни намека на трудности прорыва через советское окружение, а уверенно сказано о прибытии Бормана 1 мая.

Наиболее чёткие указания были даны в радиограмме из бункера рейхсканцелярии, которая была отправлена Дёницу в 15.18 Геббельсом и Борманом. Наконец наследники Гитлера решились сообщить о факте смерти Гитлера, хотя и не уточняя, как это случилось. Радиограмма гласила: «Гросс-адмиралу Дёницу. (Совершенно секретно! Передавать только через офицера.) Фюрер умер вчера в 15.30. Завещание от 29 апреля назначает вас рейхспрезидентом, министра Геббельса рейхсканцлером, рейхсляйтера Бормана партийным министром, министра Зейсс-Инкварта министром иностранных дел. По приказу фюрера завещание направляется из Берлина вам и фельдмаршалу Шёрнеру для того, чтобы обеспечить его сохранение для народа. Рейхсляйтер Борман попытается прибыть к вам сегодня и проинформировать

об обстановке. Вы должны сами решить, когда и в какой форме сообщить об этом в печать и войскам. Подтвердите получение. Геббельс. Борман».

Комментируя последнюю радиограмму, У. Ширер писал: «Геббельс не счёл необходимым проинформировать нового Вождя о своих намерениях». Ширер исходил из того, что уже к этому времени Геббельс решил покончить жизнь самоубийством. Между тем из послания, направленного Дёницу, следовало, что Геббельс являлся рейхсканцлером Германии. Почему он не сообщил Дёницу, что тот должен взять на себя всю полноту власти и действовать без рейхсканцлера? Скорее всего, Геббельс не информировал Дёница о своих планах покончить жизнь самоубийством, потому что таких намерений у него не было в момент отправления радиограммы.

Правда, было немало рассказано о самоубийстве Геббельса, его жены, а также убийстве их детей. В своей книге Х.Р. Тревор-Роупер, привёл показания адъютанта Геббельса гауптсштурмфюрера СС Гюнтера Швагермана. Тот утверждал, что вечером 1 мая Геббельс вызвал его и сказал: «Швагерман! Случилось величайшее предательство. Генералы предали фюрера. Всё потеряно. Я умру вместе с моей женой и своей семьёй... Вы сожжете наши тела. Можете это сделать?».

По словам Тревора-Роупера, Швагерман обещал это сделать. После этого адъютант направил шофера Геббельса и эсэсовца за бензином. «Вскоре (было половина девятого вечера) Геббельс и его жена прошли через бункер. У начала лестницы они миновали Швагермана и шофера Раха, который стоял с бензином. Они прошли мимо, не говоря ни слова, и поднялись по лестнице в сад. Почти немедленно прозвучали два выстрела. Когда Рах и Швагерман вышли в сад, они обнаружили два трупа на земле. Эсэсовский ординарец, который застрелил их, стоял рядом. Они послушно вылили четыре канистры бензина на трупы, зажгли их и ушли».

Эту же версию послушно повторил и Уильям Ширер в своём монументальном труде по истории Третьего рейха. Более того, опираясь на какие-то другие показания обитателей бункера, У. Ширер добавлял к сказанному некоторые детали: «Доктор и фрау Геббельс прошли через бункер, попрощались со всеми, кто встретился им в коридоре и поднялись по лестнице в сад. Там по их просьбе эсэсовский ординарец выстрелил дважды им в затылок. На трупы было вылито четыре канистры бензина, но кремация была не слишком хорошо проведена. Те, кто был в бункере, хотели присоединиться к массовому бегству, которое уже осуществлялось, а поэтому не было времени на то, чтобы сжигать тех, кто уже умер».

Рассказ о расстреле супругов Геббельс по их желанию вызывает сомнения. Прежде всего известно, что подобным образом никто из видных деятелей Третьего рейха не сводил счёты с жизнью. Обычно они травили себя ядом. Лишь Гитлер застрелился.

Рассказ искажает реальную обстановку в бункере вечером 1 мая.

Неспешный проход супругов по коридору, а затем по пустынной лестнице навстречу смерти, которая их поджидала примерно в 20.30, мог иметь место в уединённом загородном замке. Между тем с 18.30 начался последний этап советского наступления на рейхсканцелярию. На бункер падали бомбы с советских самолётов. Советская артиллерия вела по нему прицельный огонь. Внутри бункера скопилось около 500–600 человек, которые, по словам бывшего портного Гитлера, вели себя

как курицы с отрезанными головами. Трудно себе представить, что здесь могла разыграться торжественная сцена двойного убийства в стиле оперного спектакля.

Нелепым представляется монолог Геббельса, обращённый к Швагерману. Хотя сам Геббельс в своем дневнике не раз возмущался «изменой» тех, кто сдавал без боёв немецкие города англо-американским войскам, из приписываемых Геббельсу слов создаётся впечатление, будто он считал, что крах Германии из-за «величайшего предательства» случился за несколько минут до прихода к нему Швагермана. Дескать, поэтому Геббельс, вслед за Гитлером, решил покончить жизнь самоубийством. К тому же, судя по застенографированным словам Кребса, в это время Геббельс и его окружение считали главным предателем Гиммлера и были готовы по советскому радио объявить о его измене. Представляется, что эти слова за Геббельса сочинил эсэсовец, чтобы лишний раз выставить главными предателями военных, а не Гиммлера и его людей.

Иным был рассказ о смерти Геббельса и его жены в книге военной переводчицы Елены Ржевской, которая сама осматривала полуобгоревшие трупы супругов. Ржевская привела слова Хаазе, начальника госпиталя, расположенного вблизи от рейхсканцелярии: «Со слов первого сопровождающего врача Геббельса штандартенфюрера СС Штумпфеггера и доктора Кунца мне известно, что Геббельс и его жена вечером 1 мая совершили самоубийство, приняв сильнодействующий яд, какой именно сказать не могу».

Эти взаимоисключающие объяснения смерти супругов Лев Безыменский в своей книге «По следам Мартина Бормана» постарался соединить так: «Примерно в 21 час Йозеф и Магда Геббельс вышли из своей комнаты, надели пальто и пошли в сад. Раздался очередной выстрел: это кончилась жизнь Йозефа Геббельса». (В примечании Л. Безыменский пояснял: «Утверждают, что он не застрелился, а дал команду его убить».) «Рядом с ним упала Магда, проглотившая капсулу с ядом. На всякий случай охранник два раза прострелил оба тела и облил их бензином».

Один из авторов в интернете уверяет, что оба супруга сначала отравились, а затем им были сделаны «контрольные выстрелы в головы». Очевидно, что автор версии наслышан о современных киллерах. Трудно предположить, что Йозеф и Магда Геббельсы сначала приняли яд, а затем в предсмертном состоянии попрощались с людьми в коридорах и поднялись по лестнице, потому что действие яда было почти моментальным. Нелепым кажется и принятие ими яда уже в саду за секунды до роковых выстрелов эсэсовца.

Версию Швагермана, повторённую Тревором-Роупером, Ширером и многими историками, опровергает содержание медицинского протокола, составленного после осмотра тела Геббельса и процитированного Еленой Ржевской: «На обгоревшем трупе видимых признаков тяжёлых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено». (Стало быть, никто не стрелял в Геббельса.) «При обследовании трупа установлено наличие запаха горького миндаля и обнаружены кусочки ампулы во рту». Ржевская привела также «данные химического анализа»: «Химическим исследованием внутренних органов и крови определено наличие цианистых соединений. Таким образом, необходимо сделать вывод, что смерть... наступила в результате отравления цианистыми соединениями». Ржевская добавляла: «К такому же выводу пришли относительно причин смерти Магды Геббельс». (Стало быть, и в Магду Геббельс никто не стрелял.)

Из этого неопровержимого свидетельства следует, что показания о расстреле четы Геббельсов по их желанию вымышлены. Стало быть, придуманы также монолог Геббельса, рассказ о проходе четы Геббельсов по лестнице в сад и прочем. Возникает вопрос: стоит ли принимать на веру любые свидетельства бывших обитателей бункера, если они сочиняли истории лживые от начала до конца? Возникает также вопрос: зачем бывшим обитателям бункера сочинять заведомо лживые истории с таким обилием вымышленных деталей?

Неудивительно, что те же обитатели бункера по-разному излагали обстоятельства убийства детей Геббельса. У. Ширер утверждает, что «рано вечером 1 мая... игры детей были прекращены и им были даны смертельные инъекции. Возможно, это сделал тот же врач, который за день до этого отравил собаку фюрера».

Очевидно, исходя из каких-то показаний людей из бункера, Л. Безыменский в книге «По следам Мартина Бормана» утверждал: «В 17 часов Магда Геббельс хладнокровно закончила операцию — она отравила своих детей».

Несколько по-иному и более подробно рассказывал об этих событиях Елене Ржевской Гельмут Кунц, работавший врачом в санитарном управлении СС. По словам Кунца, Магда Геббельс пригласила его 1 мая в кабинет её супруга. Она сообщила о том, что примерно в 8–9 вечера будет предпринята попытка прорыва из бункера. Сказала она и о том, что Геббельсы решили умертвить своих детей. Магда просила врача помочь ей в этом. Вскоре появился Геббельс и поддержал просьбу супруги. Предложение Кунца передать детей в распоряжение Международного Красного Креста Геббельсы отвергли.

По словам Кунца, через некоторое время Йозеф Геббельс ушёл и его жена около часа «занималась пасьянсом». Затем Геббельс вернулся, а его жена вручила Кунцу «шприц, наполненный морфием». После этого Магда Геббельс прошла с Кунцем к детям, которые «уже лежали в кроватках, но не спали». Магда сказала детям, что доктор сделает им «прививку, которую сейчас делают детям и солдатам». Кунц сделал всем детям инъекции морфия. По словам Кунца, в это время было 20.40.

Через десять минут после того, как дети заснули, Магда Геббельс предложила доктору дать детям ампулы с ядом. Однако Кунц отказался это делать. Тогда фрау Геббельс позвала Штумпфеггера. Как утверждал Кунц, «вместе с Штумпфеггером она разжимала рот усыплённым детям, клала ампулу с ядом и сдавливала челюсти».

После этого Кунц спустился в кабинет Геббельса. Тот «в крайне нервозном состоянии расхаживал по кабинету». Магда Геббельс сказала мужу: «С детьми всё кончено, теперь нужно подумать о себе». Геббельс ответил: «Скорей же, у нас мало времени». После этого Кунц покинул бункер.

Эта версия содержит детали, которые кажутся малоправдоподобными. Предложение Кунца передать детей Геббельса в распоряжение Международного Красного Креста вряд ли учитывало конкретную обстановку. Кажется, что рассказчик исходил из того, что Международный Красный Крест был так же легкодоступен 1 мая в Берлине, как служба скорой помощи в мирное время. Для того чтобы связаться с этой организацией, потребовалось бы немало времени. Скорее всего, слова Кунца отражали его знакомство с предложением, сделанным 26 апреля главой германского отделения Красного Креста профессором и близким к Гиммлеру эсэсовцем Карлом Францем Гебхардтом Магде Геббельс. Тогда Гебхард предложил жене Геб-

бельса эвакуировать из бункера женщин и детей. Та отказалась. В тот же день, 26 апреля, Гебхардт окончательно покинул Берлин на машине Красного Креста. После этого никакой возможности воспользоваться услугами Красного Креста не было. Трудно предположить, что 1 мая врач больницы для эсэсовцев Кунц, не имевший никакого отношения к Красному Кресту, мог обратиться к Геббельсам с точно таким же предложением, как профессор Гебхардт 26 апреля.

Утверждение, что все дети в 20.40 «уже лежали в кроватках», хотя и «не спали» представляется правдоподобным по отношению к четырёхлетней Хайде, даже по отношению к шестилетней Хедде и восьмилетней Хольде. Однако сомнительным кажется, что девятилетний Хельмут, а тем более 11-летняя Хильда и 13-летняя Хельга так рано приготовились ко сну.

Вызывает сомнения и рассказ о Магде Геббельс, которая в обстановке всеобщего хаоса, планируя убийство своих детей и собственное самоубийство, в течение часа спокойно раскладывала пасьянс.

Разумеется, человеческое поведение в минуты кризиса может быть необычным. Но не исключено, что упоминание о пасьянсе сделано для того, чтобы усилить представление о Магде Геббельс как об исключительно хладнокровной убийце собственных детей.

Кажется малоправдоподобным, что Магда Геббельс вручила врачу шприц с морфием. (Почему у неё был шприц с морфием, а у врача не было?) Затем она весьма профессионально давила челюстями детей ампулы с ядом, в то время как эсэсовский врач Кунц отказался это делать и лишь с ужасом наблюдал за ее действиями. Не рождены ли эти рассказы желанием обелить эсэсовцев, показав, что они были непричастны к хладнокровным убийствам людей вне зависимости от пола и возраста?

Сомнительны и различные рассказы о судьбе Мартина Бормана. По словам ряда лиц, сбежавших из бункера, Борман отправился с ними. Личный шофер Гитлера Эрих Кемпка уверял, что Борман был убит советским снарядом. Правда, Л. Безыменский убедительно доказал, что свидетельства Кемпки были туманными и противоречивыми. На Нюрнбергском процессе Кемпка говорил, что танк, за которым шел Борман и ряд других людей, был взорван. На вопрос защитника Бертольда («Свидетель, вы видели, как Борман погиб во время взрыва?») Кемпка: «Да, я видел, как он ещё двигался, он вроде как падал или, точнее, отлетел в сторону». Бертольд: «Был ли взрыв настолько силён, что он, согласно вашим наблюдениям, Мартин Борман должен был погибнуть?». Кемпка: «Так точно».

В своей книге «Я сжёг Адольфа Гитлера» Кемпка несколько по-иному излагал случившееся: «Мы шли вперед рядом с танками, словно чёрные тени. Борман и доктор Науман шли почти вровень с башней с левой стороны от танка. Доктор Штумпфеггер и я шли позади... Внезапно противник открыл сильный огонь. Через секунду огромное пламя неожиданно вырвалось из нашего танка. Борман и доктор Науман, шедшие впереди меня, были отброшены взрывной волной. В ту же секунду я упал. Доктор Штумпфеггер свалился прямо на меня. Меня отбросило в сторону, и я потерял сознание».

Когда Кемпка пришёл в себя, он увидел «какую-то шатающуюся фигуру, подошёл поближе и узнал второго пилота Гитлера Георга Бетца, который тоже участвовал в прорыве. К моему ужасу, я увидел, что его голова ото лба до затылка раскрое-

на осколком снаряда. Он сказал, что, вероятно, это случилось с ним, когда взорвался танк, то есть от того же самого взрыва, который отбросил в стороны нас четверых — Бормана, Наумана, Штумфеггера и меня. Поддерживая друг друга под руки, мы медленно направились к Адмиральпаласту». Получается, что показания, которые Кемпка дал на Нюрнбергском процессе о том, как он был свидетелем падения Бормана от взрыва, были ложными.

Ссылаясь на руководителя «Гитлерюгенда» Артура Аксмана, У. Ширер утверждал, что тот «увидел тело Бормана под мостом, там, где Инвалиденштрассе пересекает железную дорогу. Луна осветила лицо Бормана, и Аксман увидел, что на нём не было следов ран. Он предположил, что Борман проглотил капсулу с ядом, когда понял, что шансов прорваться через русскую линию обороны нет». Трудно представить себе, что, разглядывая тело Бормана издалека при лунном свете, Аксман сумел точно установить отсутствие у него ран и его гибель от отравления ядом.

На самом деле Мартин Борман, поисками которого занимались значительную часть XX века, исчез бесследно. Совершенно неизвестны обстоятельства самоубийств генералов Ганса Кребса и Вильгельма Бургдорфа. Их тела не были найдены.

Совершенно очевидно, что вышеизложенные рассказы о последних часах правительства Геббельса – Бормана, а также Кребса и ряда других нацистских деятелей путаны, противоречивы, а потому вызывают сомнения.

Что же на самом деле произошло в конце 1 мая в бункере рейхсканцелярии? (Версия автора.)

Противоречия относительно событий в последние часы существования правительства нацистской Германии в Берлине и его руководителей заставляют искать иные версии того, как на самом деле завершалась агония Третьего рейха. Прежде всего правомерно поставить вопрос: какие цели преследовало правительство Геббельса – Бормана, направляя Кребса на переговоры к Чуйкову?

Объясняя поведение Кребса во время десятичасовых переговоров, Чуйков писал: «Чего же добивался от нас Кребс? Несомненно, он выполнял волю Геббельса и Бормана, которая была и его волей. Они рассчитывали смягчить противоречия между Советским Союзом и фашистской Германией известием о смерти Гитлера. Дескать, Германия расплатилась за миллионы жертв тем, что главный виновник войны сожжён. Но это не всё главное».

«Главное, — по словам Чуйкова, — было то, что гитлеровские главари, как и сам Гитлер, до последних часов своей жизни рассчитывали на усиление противоречий между нашей страной и её союзниками... Они искали трещину внутри антигитлеровской коалиции. Но такой трещины не нашли, её не было. Пробыв у нас около полусуток, генерал Кребс не увидел никаких колебаний нашей верности союзническому долгу. Наоборот, мы показали ему, что ни на шаг не отступим от решений Тегеранской и Ялтинской конференций... Генерал Кребс, несомненно, крупный разведчик и опытный дипломат, ушёл, как говорится, несолоно хлебавши. Очевидно, это была последняя попытка добиться раскола между союзниками. Потерпев неудачу, Геббельс и компания должны были принять какое-то решение».

Аргументы Чуйкова представляются разумными. Действительно, Геббельс и другие люди в гитлеровском руководстве, как ранее Гитлер, постоянно лелеяли надежды на раскол между союзниками. Попытки противопоставить западных союз-

ников СССР предпринимал и Кребс. Он говорил о том, что правительство Геббельса предпочитает вести переговоры с СССР. Он уверял: «Если Англия и Франция будут нам диктовать формулы капиталистического строя — нам будет плохо». Поэтому в ходе переговоров Чуйков и Соколовский постоянно подчёркивали необходимость согласования своих действий с другими союзниками по антигитлеровской коалиции. Это могло произвести впечатление на Кребса, и он мог сделать из этих слов соответствующие выводы.

Ни Чуйков, ни Соколовский не имели оснований верить на слово опытному дипломату и разведчику Кребсу. Тем более они не могли верить на слово сверхлгуну Геббельсу. Но лживость Геббельса всегда сочеталась у него со способностью трезво оценивать обстановку. Мог ли Геббельс рассчитывать на то, что трещина между союзниками, которая могла быть вызвана переговорами с Кребсом, приведёт к расколу, а тем более к вооружённому столкновению между ними? Мог ли Геббельс ожидать, что Советский Союз вступит в союз с его правительством в борьбе против Англии и США? В это трудно поверить. Скорее всего, Геббельс ясно сознавал обречённость своего положения. Советская Армия могла разбить остатки берлинской группировки в считанные часы. Реальная власть наследников Гитлера распространялась лишь на несколько берлинских кварталов. (Лев Безыменский даёт точные данные о территории, которую контролировало правительство Геббельса: «С севера на юг протяженность империи составляла ровным счётом 1650 метров — от моста Вейдендаммбрюкке до Принц-Альбрехт-штрассе; с запада на восток — 1150 метров — от Бранденбургских ворот до площади Шлоссплац».)

Хотя к моменту самоубийства Гитлера его власть была также ограничена несколькими кварталами Берлина, его авторитет в Третьем рейхе оставался беспрекословным. Поэтому Геббельс и Борман скрывали факт его смерти, так как знали, что их право говорить от имени Германии может быть оспорено теми, кто находился вне Берлина и ещё контролировал сохранившуюся под нацистской властью германскую территорию. Само правительство Германии, которое возглавлял Геббельс, представляло собой лишь видимость такового. Из 17 членов правительства, назначенных Гитлером, в Берлине имелись лишь трое: Геббельс, Борман и новый министр пропаганды Вернер Науман.

Настойчивое стремление наследников Гитлера собрать Дёница и всех членов правительства в Берлине, о чём постоянно говорил Кребс, их страхи, что инициативу в руководстве Германией может перехватить Гиммлер, вряд ли были хитрыми уловками с целью затянуть переговоры с советской стороной и скрыть свое желание распознать позицию СССР по отношению к западным союзникам. Заявления о том, что наследники Гитлера предпочитают вести переговоры с СССР, объяснялись просто: у окружённых советскими войсками не было иного выхода, как капитулировать перед ними. При этом они старались использовать возможность осуществить общую капитуляцию для того, чтобы продемонстрировать своё право говорить от лица всей Германии. Парадоксальным образом Геббельс, Борман и Кребс стремились доказать легитимность своего правительства капитуляцией. Видимо поэтому они на самом деле были готовы приказать берлинскому гарнизону капитулировать, а затем, после переезда Дёница с севера страны, подписать перед всеми союзными державами в Берлине капитуляцию Германии от имени всех ее руково-

дителей, назначенных Гитлером (рейхспрезидента Дёница, рейхсканцлера Геббельса, министра по делам партии Бормана). Но это означало одно: наследники Гитлера пытались выжить, сохранить свой статус членов законного правительства Германии, получив к тому же определённые гарантии личной безопасности. Вряд ли десятичасовые переговоры, в ходе которых выторговывались более удобные условия капитуляции, вёл самоубийца по приказу других самоубийц.

При этом Геббельс и другие не без основания полагали, что советское правительство вместе с союзниками готово принять капитуляцию у правительства, которое оказалось в берлинской ловушке, и тем самым завершить войну в считанные часы. В противном случае военные действия могли затянуться. Особенно невыгодным для СССР был бы захват власти Гиммлером, который уже вступил в тайные переговоры с агентами западных держав.

Хотя советские генералы заявили о своем отказе «помогать» Геббельсу «в создании правительства», они предложили Кребсу «после капитуляции Берлина» установить с помощью Советской Армии радиосвязь с Дёницем, а также воспользоваться советским самолётом или советской автомашиной, очевидно для того, чтобы доставить Бормана к Дёницу, а последнего — в Берлин. Советские генералы даже обещали известные гарантии безопасности для ряда лиц правительства Геббельса – Бормана. Одновременно советская сторона заявила о готовности предоставить Геббельсу радио для объявления Гиммлера «изменником». После этого опасный для Геббельса и Бормана рейхсфюрер СС мог быть взят под стражу.

Судя по внешнему поведению Кребса, нельзя принять утверждение Чуйкова о том, что «парламентер от руководства третьего рейха не согласился на капитуляцию». Отправляясь к Геббельсу, которому он продиктовал по телефону советские условия капитуляции, Кребс выразил надежду на то, что он «постарается обо всём быстро договориться».

Вызывает сомнение и утверждение Чуйкова о том, что Кребс «ушёл... несолоно хлебавши». Согласившись, что без Дёница Геббельс и Борман не имеют права на принятие решений от имени всей Германии, советская сторона поставила первым условием не «общую капитуляцию», а «капитуляцию Берлина». Советская сторона обещала не считать пленными тех, кто будет включён в список, составленный правительством Геббельсом. При этом офицерам сохранялись звания и даже холодное оружие. Советская сторона обязалась помочь правительству Геббельса в установлении связей с союзниками СССР по радио.

Исходя из содержания двух радиограмм, направленных Дёницу около 15.00 1 мая, нет никаких оснований полагать, что Борман, Геббельс и их сторонники были недовольны условиями капитуляции, которые были согласованы Кребсом с Чуйковым и Соколовским. Однако что-то произошло в бункере между 15.18 и 18.00, резко изменив ход дальнейших событий и действия обитателей бункера. Капитуляция берлинского гарнизона и подготовка капитуляции Германии были сорваны.

Прежде всего возникает вопрос: кто был заинтересован в срыве капитуляции? Можно предположить, что переговоры Кребса, предпринятые по инициативе Геббельса и Бормана, с самого начала вызвали неоднозначную реакцию у многих обитателей бункера. Хотя, с одной стороны, капитуляция открывала им возможность спасти свои жизни, с другой стороны, многие из тех, кто были готовы капитулиро-

вать перед западными державами, не желали и думать о капитуляции перед СССР. Они могли со злой иронией вспоминать недавние призывы Геббельса: «Берлин станет крепостью и монгольские орды разобьют себе головы о его стены! Части СС не отдадут Берлин! В ряды бойцов встанут два миллиона берлинцев. Если каждый из нас уничтожит хотя бы одного врага, от полчищ неприятеля не останется ничего! Но если среди вас есть пораженцы, я сам разделаюсь с ними!» Теперь тот же Геббельс, подобно проклинавшимся им «пораженцам», обращался к Сталину с просьбой начать переговоры о мире. Направление в советский штаб Кребса Геббельсом и Борманом могло быть воспринято как предательство в бункере и за его пределами в частях наиболее фанатичных сторонников нацизма.

Сопротивление этим переговорам проявилось в обстреле группы советских связистов, которые шли от командного пункта Чуйкова вместе с полковником фон Дуфвингом. Разумеется, это был далеко не первый случай во время Великой Отечественной войны, когда немецкие военнослужащие стреляли по советским парламентёрам и убивали их. Однако на сей раз огонь вели по группе, в которой были немцы, включая полковника фон Дуфвинга. Произошел ли этот обстрел из-за вопиющего нарушения воинской дисциплины, столь необычного для немецкой армии, или же это было следствием умышленных попыток сорвать переговоры с советской стороной? Не вследствие ли саботажа долго не работала телефонная связь между командным пунктом Чуйкова и рейхсканцелярией?

Не исключено, что в бункере многие быстро узнали о том, что новое правительство добилось от советских генералов безопасности лишь для узкого круга лиц. Совершенно очевидно, что из 500–600 лиц, которые оказались в бункере, лишь немногие могли рассчитывать попасть в заветный список тех, которым сохраняли воинские звания и даже холодное оружие. Будучи причастными к властным структурам рейха, они не желали делить судьбу с простыми солдатами окружённых частей вермахта, которые ценой тяжёлой борьбы и жертв до сих пор обеспечивали им сохранение жизни. Сознание, что они, как и рядовые солдаты, станут военнопленными, рождало у них желание бежать из бункера как можно скорее, прикрываясь бойцами вермахта, которые вели безнадёжную борьбу. В то же время, оказавшись вне перечня привилегированных лиц, они чувствовали себя преданными Геббельсом, Борманом и другими организаторами переговоров с советской стороной.

Чтобы реализовать планы своего спасения, противники капитуляции должны были отстранить от власти тех, кто готовил такое соглашение, то есть Геббельса, Бормана, Кребса и близких к ним людей. А возможно, и уничтожить их. Не этим ли объясняется их уход из жизни 1 мая 1945 г.?

Противоречия в рассказах о самоубийстве Геббельса и его жены, убийстве детей Геббельса, отсутствие трупов Кребса, Бургдорфа, Бормана не позволяют принять на веру различные заявления об обстоятельствах ухода из жизни этих людей. Видимо, те, кто распространял версию о расстреле Геббельсов по их желанию, не были свидетелями того, как на самом деле они умерли, но знали, что супругов должны были лишить жизни, а затем их трупы сжечь. Именно поэтому была сочинена версия о расстреле Геббельсов в соответствии с их волей. Возможно, что Геббельсы сумели опередить убийц, приняв яд. Но не исключено, что их насильно заставили проглотить яд.

Дети Геббельсов могли стать свидетелями расправы эсэсовцев со своими родителями. Поскольку комнаты, в которых находилось семейство Геббельсов, были расположены близко друг от друга, даже если убийство Йозефа и Магды не произошло на глазах детей, те могли услышать звуки борьбы, крики, разобрать отдельные слова отца или матери. Вряд ли подростки Хельга и Хильда, 9-летний Хельмут, 8-летняя Хольде не догадались, что происходит в соседней комнате. Они могли тут же рассказать страшную правду шестилетней Хедде и четырехлетней Хайде. В любом случае эсэсовцы постарались бы убрать невольных свидетелей. С такой же чудовищной жестокостью они всегда поступали по отношению к детям своих политических противников.

Тем временем из бункера уже сбежали те эсэсовцы, которые знали, что Йозефа и Магду собирались застрелить, и, оказавшись в плену у союзников, они повторяли версию о самоубийстве Геббельсов с помощью расстрела «по их собственному желанию», которая была запланирована, но не реализовалась.

Хотя рассказ о Магде Геббельс — отравительнице своих детей — производил сильное впечатление и лишний раз подтверждал бесчеловечность нацизма, нет нужды ради сохранения этой явно выдуманной эсэовским врачом Кунцем версии снимать обвинения в этих детоубийствах с эсэсовцев, виновных в этом, а также тысячах других жестоких преступлениях. То обстоятельство, что Магда Геббельс не была причастна к убийству своих детей, не обеляет супругу Геббельса, которая прекрасно знала обо всех злодеяниях нацистского режима и, без сомнения, одобряла их.

Хотя не исключено, что Борман в последнюю минуту мог переметнуться к тем, кто выступал против переговоров, а затем попытался прорываться с ними на запад, утверждение о том, что министр по связи с партией был с беглецами, вызывает сомнение. Почему все свидетели гибели Бормана, бежавшие с ним (Аксман, Кемпка, Науман, Штумфеггер и другие), уцелели? Почему только Борман был убит из-за взрыва танка или же принял яд? Не возникла ли версия о бегстве Бормана из бункера потому, что все знали о его готовящейся поездке к Дёницу, а затем у Дёница были найдены радиограммы об этой поездке? Вероятно, были приняты меры для того, чтобы труп Бормана так же бесследно исчез, как и трупы Кребса и Бургдорфа, но была придумана версия не о его самоубийстве, а о гибели по пути из бункера.

В то же время очевидно, что не все инициаторы и участники переговоров прекратили жить 1 мая. Из лиц, причастных к переговорам, уцелел полковник Теодор фон Дуфвинг, сопровождавший Кребса к Чуйкову. Правда, следует учесть, что в отличие от Кребса после возвращения с командного пункта Чуйкова полковник вернулся не в бункер, а к своему начальнику генералу Вейдлингу. А уже 2 мая фон Дуфвинг опять перешёл с белым флагом линию огня, чтобы по поручению генерала Вейдлинга объявить о капитуляции окружённых войск. Поскольку немецкая сторона не приняла условий капитуляции, предложенных ей 1 мая, фон Дуфвинг стал военнопленным и в качестве такового пробыл в советском плену до 1955 г. Лишь после соглашения советского правительства с правительством Аденауэра в сентябре 1955 г. в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и ФРГ фон Дуфвинг был освобождён из плена, вернулся в Германию и долго работал там в министерстве обороны. Совершенно очевидно, что у фон Дуфвинга желания покончить жизнь самоубийством не возникло, в отличие от Кребса. Тяга к самоубийству возникала почему-то лишь в бункере.

Предположению о том, что смерть настигала всех участников переговоров с советскими генералами, не соответствует также уход из жизни генерала Вильгельма Бургдорфа, отвечавшего за связь между верховным командованием и ставкой Гитлера. Генерал не был ни организатором, ни участником мирных переговоров.

Наконец, нет никаких свидетельств того, что недовольство переговорами с советской стороной привело к бунту обитателей бункера против правительства Геббельса – Бормана. Нет и свидетельств того, что, уступая этим настроениям недовольства, Геббельс и Борман резко изменили своё отношение к условиям капитуляции, которое было явно благожелательным к моменту ухода Кребса с командного пункта Чуйкова.

В то же время очевидно, что вскоре после 15.18 1 мая Геббельс, Борман и ряд других лиц не были свободны в своих действиях. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что после 15.18 Дёниц перестал получать радиограммы от них.

Считая разговоры о формировании правительства, необходимости установить связь с Дёницем и угрозе со стороны Гиммлера лишь уловками для прикрытия нежелания капитулировать, советские генералы вряд ли могли себе представить, что главным для нацистских верхов был вопрос об их власти. Советские генералы не могли понять ни степени авантюризма вождей рейха, ещё рассчитывавших на реванш, ни утраты ими чувства ответственности перед судьбами мира или хотя бы Германии, в результате чего обладание верховной властью даже в призрачном рейхе ставилось ими превыше факта крушения их страны. Между тем решение о капитуляции наследники Гитлера подчиняли стремлению овладеть верховной властью. Как и Гитлер, они верили в возрождение Третьего рейха и полагали, что удержание власти даже в ограниченном времени и пространстве даёт им какой-то шанс на реализацию их планов в будущем. Сам факт капитуляции от имени Германии служил Борману, Геббельсу и их сторонникам способом сохранения власти.

Борьба за власть, не прекращавшаяся в течение всего существования Третьего рейха и усилившаяся в его последние дни, ещё более обострилась после написания Гитлером завещания. Именно по этой причине ещё в последние часы жизни фюрера Борман 29 апреля направил трёх курьеров к Дёницу и Шёрнеру с текстами «Политического завещания». Курьерами были военный адъютант Гитлера майор Вилли Иоханнмейр, офицер СС и советник Бормана Вильгельм Зандер и чиновник министерства пропаганды Хайнц Лоренц. Из этого завещания Дёниц и Шёрнер должны были получить информацию об изгнании Геринга и Гиммлера из верхов нацистского государства.

Однако все три курьера, успешно преодолев советские позиции в трёх полосах окружения, не прибыли ни к Дёницу, ни к Шёрнеру. Позже Тревор-Роупер, ссылаясь на их рассказы, подробно расписал трудности, которые якобы встретили курьеры на своём пути. Они почему-то долго плыли по озеру Хавель на захваченной ими байдарке, которая перевернулась именно в тот момент, когда их будто бы должен был подобрать гидроплан, посланный от Дёница. Затем они долго брели до Эльбы и попали на территорию, оккупированную англо-американскими войсками. У. Ширер писал: «Майор Иоханнмейр в конце концов зарыл копию этого документа в саду своего дома в Изерлоне в Вестфалии. Зандер спрятал свою копию в сундук, который оставил в баварской деревне Тегернзее». Скрыл свою копию и Лоренц. Од-

нако, как писал Ширер, «будучи журналистом», Лоренц «был слишком словоохотлив, чтобы хорошо хранить свой секрет. Его несдержанность привела к обнаружению у него копии, а затем и к разоблачению остальных курьеров».

Обещание Геббельса Дёницу, переданное радиограммой в 15.18 1 мая, о скором прибытии к нему текста гитлеровского завещания, также не было выполнено. Срыв условий капитуляции, согласованных на командном пункте Чуйкова, не позволил Дёницу, а также миллионам немцев узнать про объявление Гитлером шефа СС «презренной тварью».

Никого из тех, кто засвидетельствовал «Политическое завещание» Гитлера (Геббельс, Борман, Кребс, Бургдорф), больше никто и никогда не видел в живых после 1 мая. (Если не считать спорных свидетельств о встречах с живым Борманом после 1945 г.) Кроме них, никто не мог подтвердить подлинность этого документа.

Хотя текст «Политического завещания» Гитлера уже попал в руки советских военачальников, на контролируемой нацистами территории подобные тексты были надежно спрятаны, а лица, засвидетельствовавшие завещание, были устранены. В этих условиях уцелевшие нацисты могли объявить текст, имевшийся у советской стороны, фальшивкой. Нет нужды говорить, что такой поворот событий был выгоден Гиммлеру, стремившемуся скрыть своё изгнание из руководства рейха и захватить верховную власть.

Чья же рука направила трех курьеров с текстом гитлеровского завещания не к адресатам — Дёницу и Шёрнеру, а по домам? Кто организовал уход из жизни Геббельса и других? Кто придумал версии про их самоубийства или гибель по пути из бункера? Кто заставил бывших обитателей бункера повторять эти лживые версии?

Известно, что значительную часть обитателей бункера составляли эсэсовцы. Планы Гиммлера о передаче немецких войск англо-американцам были, скорее всего, известны не только Кребсу, но и ряду видных эсэсовцев, преданных своему шефу. Некоторые из них, наверное, уже знали, что по приказу Черчилля англичане держат немецкие войска наготове, чтобы их можно было использовать против Советской Армии. Поэтому они поддерживали попытки Гиммлера добиться мира с западными союзниками. Не исключено, что в бункере находились люди Гиммлера, причастные к переговорам с англичанами о передаче немецких войск в их распоряжение.

Условия перемирия, согласованные на командном пункте Чуйкова, могли вызвать яростное возмущение среди эсэсовцев, хотя бы потому, что Кребс согласился объявить Гиммлера предателем по советскому радио. Объявление Гиммлера главным предателем и судьба Фегеляйна могли их убедить в том, что руководители нового правительства могут начать охоту на эсэсовцев.

В то же время эсэсовцы могли получить широкую поддержку со стороны тех обитателей бункера, которые решили, что они не будут включены в ограниченный список лиц, не подлежавших пленению. Во-первых, они попытались бы совершить побег из бункера. Во-вторых, они могли пытаться расправиться с теми, кто был готов капитулировать перед Советской Армией.

Но кто же мог возглавить организацию выступления эсэсовцев против Геббельса, Бормана и их сторонников? Это мог сделать лишь достаточно влиятельный нацистский руководитель. Как уже говорилось, кроме Геббельса и Бормана, в бункере

оставался ещё один член правительства — новый министр пропаганды доктор Вернер Науман. Он долго работал личным референтом Геббельса, а затем до 30 апреля 1945 г. был статс-секретарём министерства пропаганды.

Исходя из того, что Геббельс добровольно покончил жизнь самоубийством, Эрнст Генри писал: «Геббельс... был обязан тут же кому-то передать свои полномочия. Его отношения с Борманом были не из блестящих: Геббельс втайне презирал секретаря-лакея Гитлера, мешавшего ему встречаться с фюрером наедине. В однодневное правительство Геббельса входили двое близких ему людей: его прежний заместитель в министерстве пропаганды Науман и его бывший адъютант Ханке, эсэсовский генерал, назначенный в завещании Гитлера главой СС и начальником полиции взамен преданного анафеме Гиммлера. Это была одна клика. (Ханке и Науман были к тому же связаны друг с другом по совместной службе в Силезии). Эсэсовца Ханке в Берлине во время крушения третьего рейха не было, он находился в Силезии и спустя несколько недель был там убит. Из всех оказавшихся в столице членов правительства Геббельса “динамический” молодой эсэсовец Науман был единственным, кому Геббельс мог доверять достаточно, чтобы передать ему свои полномочия».

Но, если у внимательного исследователя нацистской Германии Эрнста Генри не было сомнений в том, что Науман мог заменить Геббельса и Бормана в качестве руководителя рейха, то, скорее всего, таких сомнений не испытывал и сам Науман. Можно лишь предположить, что Науман не стал ждать, пока Геббельс передаст ему свои полномочия, а устранил того, кто мог ему их даровать. Правда, он воспользовался устранением Геббельса и Бормана не для установления личной власти. Вряд ли на этом этапе Науман мог попытаться возглавить гибнущий рейх и развалившуюся нацистскую партию. В последние дни Третьего рейха Науман действовал исключительно в интересах своего главного начальника — Генриха Гиммлера, а, возможно, и по его приказу.

Ещё до прихода нацистов к власти Науман в 1929 г. вступил в ряды СС. Характеризуя Наумана в своих воспоминаниях, шеф эсэсовской разведки Вальтер Шелленберг писал: «Мне оказывал ценную помощь статс-секретарь Науман в министерстве пропаганды, пользовавшийся также полнейшим доверием Гиммлера... Это была динамичная фигура, всецело посвятившая себя задачам тайной службы». Эрнст Генри признавал: «Науман был личным эмиссаром Гиммлера при Геббельсе». Также очевидно, что в своих действиях по устранению политических соперников Гиммлера Науман опирался на дисциплинированную эсэсовскую организацию и её членов среди обитателей бункера.

Дальнейшая судьба Наумана показывает, что этот человек располагал мощной поддержкой неких тайных организаций, способствовавших возрождению нацизма в Германии. Очевидно, что усилия Наумана по устранению соперников Гиммлера 1 мая 1945 г., были впоследствии оценены недобитыми эсэсовцами. По словам Эрнста Генри, «именно Науман стал послевоенным фюрером нацистов». Вернувшись в Западную Германию в 1950 г. вскоре после создания ФРГ, Науман предпринял шаги для организации неонацистских политических партий. Знаменательно, что в окружении неонацистов Наумана оказался бывший лидер «Гитлерюгенд» Аксман, бежавший с ним из бункера.

1 мая 1945 г. Науман преуспел в своих действиях в интересах СС и Гиммлера. Соперники Гиммлера были уничтожены. Капитуляция войск, окружённых в Берлине, а также общая капитуляция Германии были сорваны. Вместе с другими обитателями бункера Науман сумел выбраться из Берлина за несколько часов до решения генерала Вейдлинга о капитуляции.

Но мог ли Науман сам организовать заговор против Геббельса и Бормана? Есть основания полагать, что эмиссар Гиммлера при Геббельсе действовал по приказам рейхсфюрера СС.

Судя по воспоминаниям Шелленберга, ему сообщили о самоубийстве фюрера 1 мая в 4 часа утра, как только он прибыл из Любека в штаб СС в Плёне. Очевидно, новость в Плён пришла ещё раньше. Если это так, то это доказывает, что Науман или какой-то иной сторонник Гиммлера в бункере сумел оповестить об этом штаб СС до того, как от Бормана и Геббельса пришла радиограмма о «смерти Гитлера». Возможно, эсэсовцы могли поддерживать связь по рации из бункера без ведома Геббельса и Бормана.

Альберт Шпеер сообщал в своих воспоминаниях, что он был у Дёница, когда тому принесли радиограмму Геббельса и Бормана, отправленную ими из бункера в 15.18. Шпеер утверждал, что Дёниц был возмущен ограничением своих полномочий. По словам Шпеера, Дёниц воскликнул: «Это невозможно!» и спросил: «Кто ещё видел радиограмму?». Оказалось, что, кроме присутствовавших, её видели лишь радист и адъютант гросс-адмирала Людде-Нейрат. Тогда Дёниц приказал взять у радиста клятвенное обещание хранить молчание. Радиограмма была заперта в сейф.

«Что мы будем делать, если здесь на самом деле появятся Геббельс и Борман? — спросил Дёниц. И, не дожидаясь ответа, сказал: “В любом случае я совершенно отказываюсь сотрудничать с ними”». Шпеер писал: «Этим вечером мы оба решили, что Борман и Геббельс должны быть арестованы».

Совершенно очевидно, что получение радиограммы, отправленной из бункера 1 мая в 15.18, резко изменило поведение Дёница. В то же время решение арестовать Геббельса и Бормана за то, что они сообщили новому рейхспрезиденту фамилии некоторых министров нового кабинета, кажется абсурдным, если не принимать во внимание борьбу за власть между наследниками Гитлера. Почему Дёниц считал свое назначение на основе ссылок на завещание Гитлера в радиограммах из бункера законным, но назначения Геббельса и Бормана на основе таких же ссылок на гитлеровское завещание в тех же радиограммах — противозаконными? Почему беспартийный адмирал Дёниц, который до самоубийства Гитлера и помышлять не мог о занятии высшего поста в нацистском государстве, в считанные часы встал на путь беспощадной борьбы с теми, кто до тех пор занимал значительно более крупные посты в иерархии рейха? Скорее всего, за решением Дёница арестовать Геббельса и Бормана стояла воля человека, который уже давно видел себя на посту нового фюрера Третьего рейха — воля Гиммлера. Очевидно, что уверенность Гиммлера в том, что он в ближайшее время возглавит правительство, основывалась на том, что он постоянно получал достаточно полную информацию о событиях в нацистских верхах и имел достаточно мощные способы воздействовать на их развитие.

В своих мемуарах Шпеер создавал впечатление, что решение об аресте Геббельса и Бормана было принято, когда он был наедине с Дёницем. Между тем из

воспоминаний Шелленберга следует, что 1 мая Гиммлер «встретился в Плёне с адмиралом Дёницем, новым главой германского государства, и они до поздней ночи обсуждали вопрос о том, какой политики следует придерживаться в ближайшем будущем». Шелленберг ограничивается упоминанием о кадровых переменах в правительстве Дёница, которые были осуществлены вопреки воле Гитлера по настоянию Гиммлера: «Гиммлер добился от Дёница, чтобы тот в качестве первого мероприятия сместил Риббентропа и назначил вместо него министром иностранных дел графа Шверина фон Крозига». Это также означало, что назначение Гитлером на этот пост Зейсс-Инкварта (что следовало из радиограммы Геббельса и Бормана) было также проигнорировано. Не исключено, что решение арестовать Бормана и Геббельса было принято Дёницом по настоянию Гиммлера, который в это время был с ним.

Радиограмма, посланная Геббельсом и Борманом 1 мая в 15.18, неслучайно стала переломным моментом в развитии событий в берлинском бункере. Для Гиммлера она стала сигналом к действию против своих соперников. В случае если бы Геббельс и Борман прибыли в Плён, они были бы арестованы. Но скорее всего Гиммлер дал также приказ Науману и остальным эсэсовцам в бункере арестовать всех своих политических соперников, а также лиц, засвидетельствовавших «Политическое завещание» Гитлера, и затем уничтожить их. Можно также предположить, что Науман и другие эсэсовцы выполнили этот приказ, арестовав Геббельса, Бормана, Кребса и Бургдорфа, а затем убив их или заставив принять яд. Опасения Кребса, что «Гиммлер может уничтожить членов нового правительства», не были напрасными.

Теперь в Плёне были лишь Риттер фон Грейм и Ханна Рейч, которые могли доказать «измену Гиммлера». Однако 2 мая фон Грейм весьма кстати «покончил жизнь самоубийством». Оставалась, правда, Ханна Рейч. Но она своими длинными, путаными и напыщенными монологами, в которых главное место отводилось рассказам о подвигах самой Рейч, лишь вызывала всеобщее недоверие и дискредитировала распространявшиеся слухи об изгнании Гитлером Гиммлера с высших постов и его исключении из партии.

Очевидно, плодом долгих дискуссий с Гиммлером стало также радиообращение Дёница, с которым тот выступил лишь через 7 часов после получения радиограммы из Берлина. Это было первым выступлением Дёница как главы германского рейха. Из выступления Дёница следовало, что он был единственным преемником Гитлера. Он ни слова не сказал о других назначениях в соответствии с гитлеровским завещанием.

В своем обращении по гамбургскому радио к народу Германии 1 мая в 22.20 Дёниц сообщал о «героической смерти Гитлера». Иронизируя на этот счёт, Ширер в то же время признал, что гросс-адмирал из скупых радиограмм на самом деле не знал обстоятельств ухода Гитлера из жизни.

Шелленберг уверял в мемуарах, что Гиммлер не слишком преуспел в навязывании Дёницу своего внешнеполитического курса. Он утверждал: «Адмирал и его приближённые — все они были офицеры вооруженных сил — совершенно не поняли значения политических шагов Гиммлера, выразившихся в обращении к западным державам». Но, возможно, такая оценка была вызвана тем, что Гиммлера в

эти часы внезапно охватила депрессия. Очевидно, несмотря на удовлетворение мерами по устранению своих соперников, Гиммлер не был доволен тем, что на пути к высшей власти внезапно оказался Дёниц. Также не исключено, что рейхсфюрер СС всё-таки сознавал, что тот рейх, которым он собирался управлять, стремительно сжимался как шагреневая кожа.

И всё же обращение Дёница к германскому народу в целом отвечало проводившемуся до тех пор курсу Гиммлера на одностороннюю капитуляцию перед англо-американскими войсками. Дёниц ясно давал понять, кто является главным врагом нацистского рейха. Он говорил: «Моей первой задачей является спасение Германии от разрушения продвигающимся вперед большевистским врагом. Для осуществления этой цели вооруженная борьба будет продолжаться. Поскольку реализации этой цели мешают англичане и американцы, мы будем вынуждены осуществлять нашу оборонительную борьбу также и против них. В этих условиях англо-американцы будут продолжать войну не за свои народы, а только ради распространения большевизма в Европе».

8. После 1 мая 1945 г.

О том, что правительство Дёница стало наращивать усилия, предпринимавшиеся до сих пор Гиммлером и его людьми по налаживанию отношений с западными союзниками, свидетельствовала деятельность Шелленберга, который по настоянию шефа СС был назначен заместителем нового министра иностранных дел фон Крозига. В согласии с ним Шелленберг принял участие в разработке соглашения о прекращении оккупации Норвегии и Дании.

Шелленберг вспоминал, что на первых порах изложенные им гиммлеровские планы капитуляции немецких войск в странах Скандинавии встретили сопротивление Кейтеля и Йодля. Однако Гиммлер сумел преодолеть возражения военных.

2 мая Дёниц перевёл свой штаб из Плёна во Фленсбург, расположенный на границе с Данией. Туда же переместил свой штаб Гиммлер. Он сравнительно быстро преодолел «временную депрессию», которая на несколько часов охватила его. Тревор-Роупер писал: «Его огромная охрана не была сокращена; за ним следовала вереница штабных машин; вокруг него толпились высшие эсэсовские офицеры... Делясь мыслями со своими подчинёнными, которые затем не стали их скрывать, Гиммлер упомянул о своей заветной цели: стать премьер-министром поверженной Германии под руководством Дёница. При этом Гиммлер давал понять, что необязательно он будет оставаться под начальством Дёница. Он намекал, что Дёниц стар, а его, Гиммлера, ждет ещё немало лет жизни и долгое пребывание у власти». Хотя очевидно, что Гиммлер был моложе Дёница (первому было 44, а второму — 53 года), гросс-адмирал не был в ту пору дряхлым стариком. Постоянно полагаясь на астрологические гороскопы, рейхсфюрер СС не смог предвидеть того, что Дёниц умрёт лишь в 1981 г. на 90-м году жизни, в то время как Гиммлеру не было суждено дожить до конца мая 1945 г.

Тем временем территория, находившаяся под контролем правительства Дёница, стремительно сокращалась. Теперь Дёниц и его военно-морское окружение, а также военачальники на различных участках Западного фронта исходили из невозможности продолжения военных действий.

2 мая генерал Блюментритт, командующий немецкими войсками, оборонявшими фронт от Балтийского моря до реки Везер, направил послание в штаб 2-й английской армии о готовности на следующий день капитулировать. Правда, в назна-

ченный срок генерал не появился, но он прислал сообщение о том, что в штаб будет направлена делегация на более высоком уровне.

3 мая в штаб Монтгомери прибыла делегация, направленная Кейтелем. Её возглавлял новый командующий военно-морским флотом Германии адмирал Ганс фон Фридебург. Он зачитал Монтгомери письмо Кейтеля, в котором тот предлагал англичанам принять капитуляцию трёх армий, отступавших под натиском Советской Армии между Берлином и Ростоком. Однако Монтгомери, судя по его воспоминаниям, «отказался рассматривать этот вопрос, заявив, что эти армии должны сдаваться русским». Отвечая, «Фридебург сказал, что сдаваться русским немыслимо, так как они — дикари, а немецких солдат пошлют прямо на работу в Россию». На это Монтгомери заметил, что «немцы должны были обо всём этом подумать, прежде чем начинать войну, особенно перед тем, как они напали на Россию в июне 1941 года».

После переговоров 4 мая верховное германское командование объявило о капитуляции перед английскими войсками Монтгомери всех частей, расположенных в северо-западной Германии, Дании и Нидерландах. 5 мая капитулировала группа армий под командованием фельдмаршала Кессельринга.

Гиммлер же рассчитывал уцелеть в поверженной Германии. 5 мая он провёл совещание высших чинов СС во Фленсбурге, на котором он детально изложил планы создания «реформированной» нацистской администрации в Шлезвиге-Голштинии. Гиммлер считал, что такая администрация, действуя как независимое правительство, может вступить в мирные переговоры с западными державами. Он заявил о своём намерении побеседовать с фельдмаршалом Монтгомери. Очевидно, что рейхсфюрер СС знал о том, что англичане сберегают немецкие вооруженные силы на случай возможного вооружённого столкновения с Советской Армией. Однако руководители СС, участвовавшие в совещании, с недоверием воспринимали планы Гиммлера.

В тот день, когда Гиммлер излагал планы воссоздания «реформированного» нацистского рейха, 5 мая в штаб Дуайта Эйзенхауэра прибыл представитель от Дёница. Эйзенхауэр вспоминал, что он «сразу же сообщил обо всём советскому Верховному Главному Командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Дёницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду. Советское Верховное Главное Командование назначило генерала-майора Суслопарова своим представителем».

В тот же день адмирал Фридебург прибыл в штаб генерала Эйзенхауэра в Реймсе, чтобы начать переговоры о капитуляции Германии. Эйзенхауэр писал, что переговоры с Фридебургом вёл начальник генерального штаба экспедиционного корпуса союзников генерал Смит. В ответ на заявление Фридебурга о том, что он «хотел бы уяснить ряд вопросов», Смит, по словам Эйзенхуаэра, «заявил Фридебургу, что нет смысла что-либо обсуждать, что наша задача сводится просто к принятию безоговорочной капитуляции. Фридебург возражал, заявив, что не имеет полномочий на подписание такого документа. Ему было разрешено передать по радио депешу для Дёница; в ответ сообщили, что Йодль выехал в нашу штаб-квартиру, чтобы помочь ему в переговорах».

Эйзенхауэр писал: «Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время с тем, чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат... Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не

прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления».

По словам Эйзенхауэра, «Йодль и Фридебург составили телеграмму Дёницу с просьбой дать им полномочия подписать акт о полной капитуляции, вступающей в силу через сорок восемь часов после его подписания. Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через сорок восемь часов, начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть западный фронт будет немедленно осуществлена».

Хотя глава советской военной миссии при штабе экспедиционных войск союзников генерал-майор И.А. Суслопаров был приглашён в качестве представителя СССР на переговорах с немцами, он был отстранён от них. Лишь поздно вечером 6 мая он был вызван в штаб Эйзенхауэра. Последний заявил, что он потребовал от Йодля безоговорочной капитуляции перед всеми союзниками и подписание капитуляции уже назначено в Реймсе на 2 часа 30 минут 7 мая. Пока Суслопаров направил в Москву телеграмму с просьбой дать инструкции, наступила полночь.

Между тем нажим Эйзенхауэра на немцев оказал на них действие. По его словам, «наконец, Дёниц понял неизбежность выполнения наших требований... Боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая... Необходимые бумаги были подписаны Йодлем и генералом Смитом в присутствии французского и русского представителей, подписавших документы в качестве свидетелей». К моменту подписания капитуляции ответ из Москвы ещё не пришёл, и тогда Суслопаров решил подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Эйзенхауэр утверждал, что уже в Реймсе была достигнута договорённость с Йодлем относительно подписания капитуляции в Берлине перед Советским Союзом. По словам Эйзенхауэра, он сказал Йодлю: «Вы официально и лично будете нести ответственность, если условия капитуляции будут нарушены, в том числе за прибытие немецких командующих в Берлин в такое время, какое будет установлено русским главным командованием для оформления официальной капитуляции перед тем правительством». Получалось, что капитуляция в Реймсе рассматривалась как капитуляция Германии перед США и Великобританией, но не перед СССР. Стремление западных союзников перехватить Победу у СССР при поддержке нацистских лидеров во главе с Гиммлером, пытавшихся капитулировать лишь перед англо-американцами, привело к подписанию акта о безоговорочной капитуляции в Реймсе в 2 часа 11 минут утра 7 мая.

В это время прибыл ответ Суслопарову из Москвы: никаких документов не подписывать! Тем временем правительство США сообщило в Москву о своём намерении объявить о капитуляции Германии 8 мая в 16.00 по московскому времени, «если маршал Сталин не выразит свое согласие на более ранний час».

7 мая в Кремле состоялось совещание Политбюро с участием представителей Генштаба. Как вспоминал Штеменко, «Верховный Главнокомандующий, как обычно, медленно прохаживался вдоль ковровой дорожки. Весь вид его выражал крайнее неудовольствие. То же мы заметили и на лицах присутствовавших. Обсуждалась капитуляция в Реймсе. Верховный Главнокомандующий подводил итоги, раз-

мышляя вслух. Он заметил, что союзники организовали одностороннее соглашение с правительством Дёница. Такое соглашение больше похоже на нехороший сговор. Кроме генерала И.А. Суслопарова, никто из государственных лиц СССР в Реймсе не присутствовал. Выходит, что перед нашей страной капитуляции не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой "капитуляции" можно ожидать плохих последствий».

«"Договор, подписанный союзниками в Реймсе, — продолжал И.В. Сталин, — нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть её подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством..." После этого Верховный Главнокомандующий потребовал соединить его по телефону с Берлином».

Как вспоминал Жуков, Сталин сообщил ему по телефону о капитуляции в Реймсе и, дав оценку этому событию, сказал: «Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы... Главноначальствующим в советской зоне оккупации Германии назначаетесь вы; одновременно будете и Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии».

О том, что в оценке различных актов о безоговорочной капитуляции не было ясности и у западных военачальников свидетельствуют мемуары Эйзенхауэра. Объявив в конце главы «Вторжение в Германию» о своём требовании к Йодлю обеспечить «официальную капитуляцию» перед советским правительством в Берлине, Эйзенхауэр в начале следующей главы («Последствия победы») утверждал: «По условиям подписанного акта о капитуляции руководители немецких видов вооружённых сил должны были прибыть в Берлин 9 мая, чтобы подписать **ратификацию** (подчёркнуто мною. — *Ю.Е.*) в русском штабе». Говоря о «ратификации», а не об акте о безоговорочной капитуляции перед СССР, Эйзенхауэр пояснял: «Эта вторая церемония, как мы понимали, должна была символизировать единство западных союзников и Советов и оповестить весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками». Из слов Эйзенхауэра неясно, что должна была собой представлять процедура в Берлине: «ратификацию акта о безоговорочной капитуляции» или же «символическую» церемонию единства антигитлеровской коалиции?

О том, что Эйзенхауэр знал, что СССР не был готов признать подписанный в Реймсе акт окончательным, говорит его решение не разрешать журналистам, приглашённым для освещения этого события, публиковать «материалы о капитуляции, пока не будет официального заявления, согласованного между союзниками». (Очевидно, что до подписания акта генерал Суслопаров сообщил Эйзенхауэру о том, что Москва ещё не дала ему такого разрешения.)

В то же время очевидно, что Эйзенхауэр уже 7 мая постарался принизить значение подписания акта о капитуляции в Берлине. Он писал: «На церемонию под-

писания капитуляции в Берлине были приглашены и западные союзники, однако я считал для себя неподходящим ехать туда. Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции, и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов. Поэтому я назначил своего заместителя главного маршала авиации Теддера представлять меня на церемонии... Спустя несколько месяцев я увидел в Москве кинофильм — всю эту церемонию в Берлине, заснятую на пленку».

В ночь с 8 на 9 мая в Карлсхорсте, в восточной части Берлина Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил был подписан начальником штаба Верховного главнокомандования Германии генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. Капитуляцию принял от СССР Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, а также командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, маршал авиации британских вооружённых сил Артур В. Теддер, главнокомандующий французской армии генерал Делатр де Тассиньи. Так, несмотря на то, что подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии в Берлине правительством Геббельса было сорвано эсэсовцами, направляемыми Гиммлером, роль нашей страны и Советской Армии в достижении Победы получила полное признание.

На процедуре подписания присутствовал и Суслопаров. Тут ему сообщили, что Сталин, позвонив по телефону, просил ему передать, что не имеет претензий к его действиям в Реймсе.

В своём обращении к народу по радио 9 мая И.В. Сталин говорил: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию. 7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая». Так Сталин определял отношение советского правительства к двум актам о капитуляции. Не отрицая значения акта, подписанного в Реймсе, Сталин объявлял его «предварительным», а «окончательным» считал лишь тот, что был подписан в Берлине.

В своём обращении к народу 9 мая Сталин сказал: «Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией... Германия разбита. Германские войска капитулируют». В то же время Сталин подчеркнул: «Советский народ торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

По мере приближения часа капитуляции становилось ясно, что попытки Гиммлера и возглавляемых им эсэсовцев удержаться у руководства побеждённой Германии безнадёжны. Военные, окружавшие Дёница, жаждали избавиться от тех, кто преследовал их после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., уничтожал их коллег и близ-

ких к ним людей. Для западных держав Гиммлер и его люди, их попытки добиться сепаратного мира были уже не нужны. Более того, зловещая фигура рейхсфюрера СС в правительстве Дёница мешала Западу говорить о торжестве дела демократии.

6 мая в разгар переговоров в Реймсе о безоговорочной капитуляции Дёниц направил Гиммлеру письмо: «Дорогой господин имперский министр! Учитывая нынешнюю ситуацию, я решил отказаться от дальнейшего сотрудничества с Вами в качестве имперского министра внутренних дел, члена имперского правительства, главнокомандующего резервной армии и главы полиции. Я объявляю все ваши должности упразднёнными. Я благодарю Вас за службу, которую Вы осуществляли ради Рейха».

Аналогичное письмо было адресовано Геббельсу. Ясно, что 6 мая Дёниц всё ещё не знал о его судьбе. А это, в частности, означало, что никто из обитателей бункера, кто мог бы принести вести о Геббельсе, не прибыл во Фленсбург. Очевидно, никто из них не спешил на службу к правительству Дёница, а старался как можно надежнее скрыться.

Такое же письмо было направлено Розенбергу, министру по оккупированным территориям на Востоке. (Удивительным образом такое министерство сохранялось в Германии до 6 мая 1945 г.) В отставку был отправлен и министр юстиции Отто Тирак. Так Дёниц постарался избавиться от наиболее одиозных личностей в своём кабинете.

Гиммлер продолжал надеяться на то, что он будет востребован западными державами. Он не отправился в бега, подобно Шелленбергу, который уже оказался в Швеции. По словам Тревора-Роупера, «он сохранял претенциозную службу: штат из 150 человек, радиоотряд, 4 машины с охранниками... Он написал письмо фельдмаршалу Монтгомери и каждый день осведомлялся, не пришёл ли ему ответ». Для этого были основания. То, чего добивался Гиммлер во время переговоров через посредство Бернадотта, воплощалось в жизнь. В английской зоне оккупации немецкие военные части не были расформированы. Около 1 миллиона солдат и офицеров вермахта не были переведены на положение военнопленных. С некоторыми из них проводились занятия по боевой подготовке.

Однако положение самого Гиммлера во Фленсбурге стало неопределённым. После капитуляции Германии Гиммлер решил, что надо скрываться. 10 мая он покинул Фленсбург вместе с частью своих приближенных на четырёх машинах. Путь был тяжёлым. Им приходилось ночевать на открытом воздухе или в зданиях железнодорожных станций. Через два дня беглецы добрались до устья Эльбы и, обнаружив, что переправы нет, бросили машины. Дальше они шли пешком, ночуя в крестьянских домах. 21 мая они достигли Бремерверде. К этому времени все участники группы сняли с себя знаки отличия СС и выдавали себя за бывших сотрудников тайной военной полиции. У Гиммлера были документы на Генриха Гитцингера, человека, который был приговорён Народным судом к смертной казни. Гиммлер сбрил усы и надел на глаз повязку.

В Бремерверде был установлен британский контрольно-пропускной пункт. Было решено, что первым его пройдёт один из беглецов — эсэсовец Киркмайер. Если его пропустят, за ним должны были последовать и остальные. Но Киркмайер не вернулся из пропускного пункта. Тогда Гиммлер и другие решили повернуть назад.

Через два дня, 23 мая британский патруль задержал группу нарушителей комендантского часа в городе Люнебург. Их отвели в лагерь для гражданских лиц. Через некоторое время один из задержанных пожелал встретиться с начальством лаге-

ря. Британский капитан Сильвестр вспоминал, как этот человек с повязкой на глазу снял её и надел очки. Затем он представился: «Я — Генрих Гиммлер».

В ходе тщательного обыска Гиммлера у него был изъят пузырек с жидкостью. Гиммлер утверждал, что это его лекарство от болей в желудке. Подозревая, что Гиммлер прячет яд во рту, капитан Сильвестр приказал принести бутерброды с сыром и чай для задержанного. Капитан полагал, что во время еды тот вытащит яд изо рта. Но этого не случилось. По словам Сильвестра, Гиммлер вёл себя спокойно, вежливо разговаривал и «временами казался даже весёлым».

В 20.00 приехал начальник разведки штаба Монтгомери полковник Майкл Мерфи, которому Гиммлер заявил, что у него есть письмо для Монтгомери. Мерфи решил ещё раз обыскать Гиммлера. Письма у Гиммлера не обнаружили. Его отвезли в следственный центр, где обыск проводили полковник Мерфи и армейский врач капитан С.Дж. Уэллс в присутствии старшины Э. Остина. Когда Уэллс попросил Гиммлера открыть рот, он сразу же увидел маленький чёрный шарик, торчащий между зубами в нижней челюсти. Уэллс засунул два пальца в рот Гиммлеру, но тот резко отдернул голову и сильно прикусил пальцы врача.

Все трое военных набросились на Гиммлера, пытаясь помешать ему проглотить яд. Когда же ему это удалось, военные в течение 15 минут боролись за его жизнь, давая рвотное, промывая желудок, применяя искусственное дыхание. Несмотря на эти усилия, рейхсфюрер СС умер.

Так закончилась жизнь одного из наиболее зловещих деятелей Третьего рейха, который до последних часов своего существования пытался расколоть антигитлеровскую коалиции и даже начать поход войск США, Великобритании и Германии против СССР.

Смерть рейхсфюрера СС не положила конец попыткам сохранить в неприкосновенности те силы в Германии, которые могли быть использованы против Советского Союза. В английской зоне оккупации солдаты и офицеры немецких войск по-прежнему не были на положении военнопленных, а во Фленсбурге сохранялось правительство Дёница. 14 мая Черчилль направил в министерство иностранных дел Великобритании меморандум, в котором предлагал использовать правительство Дёница в интересах держав Запада.

Советское правительство решило положить конец вопиющему нарушению условий капитуляции. Жуков вспоминал, как в середине мая он был вызван к Сталину. Маршал писал: «В кабинете Верховного, кроме него, находились В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов. После взаимных приветствий И.В. Сталин сказал: «В то время как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск. Я думаю, англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать их позже. А это прямое нарушение договорённости между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск».

По словам Жукова, Сталин потребовал «ускорить отправку нашей делегации в Контрольную Комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров». На это Молотов сообщил, что «советская делегация завтра выезжает во Фленсбург».

Генерал Н.М. Трусов рассказал писателю В.В. Карпову о том, как выполнялись эти указания И.В. Сталина: «15 мая 1945 года маршал Жуков вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что надо выехать во Фленсбург, и что Верховный Главнокомандующий утвердил меня от советской стороны для ареста правительства Дёница... Далее Жуков приказал подобрать группу в 20–25 офицеров по моему усмотрению, 17 мая быть во Фленсбурге и в возможно короткий срок выполнить это задание».

Н.М. Трусов вспоминал: «Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастики, фашистское приветствие поднятием руки и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различия. Было очевидно: здесь в полной мере продолжали существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы... Во Фленсбургском порту находилось много немецких вооружённых военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью, уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях отбивались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой. Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской Германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем — начальником штаба оперативного руководства». (Бывший начальник ОКВ Кейтель был к этому времени уже арестован.) Когда Трусов вошёл в кабинет Дёница, то увидел «на стене портрет Гитлера. При нашем появлении Дёниц встал из-за стола и пытался приветствовать нас традиционным жестом гитлеровцев».

Трусов возмущался: «Как будто не было ни поражения, ни подписания 8 мая акта о безоговорочной капитуляции. Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, даётся возможность сохранить кадры, переждать “ненастье”».

По его словам, Трусов «понимал: пока у Дёница и Йодля существует опора на реальную вооружённую силу, проведение нашей операции может не состояться. Поэтому я стал настоятельно требовать выполнения союзниками положений, зафиксированных в акте о безоговорочной капитуляции гитлеровцев, то есть разоружить их воинские части и корабли здесь, во Фленсбурге. После настойчивых и неотступных наших требований английская сторона всё же приступила к разоружению фашистов».

23 мая, в тот день, когда был схвачен Гиммлер, члены правительства Дёница во главе с гросс-адмиралом, а также Йодль и другие были арестованы. Трусов констатировал: «В целом, операция была проведена по намеченному плану и успешно. Правда, из-за невнимательности английской охраны адмирал Фридебург, уже после ареста, попросившись в туалет, отравился бывшей при нём ампулой с цианистым калием».

Попытки гросс-адмирала удержать на плаву остатки гитлеровского наследия провалились. Арест наследника Гитлера Дёница и членов его правительства положил конец существованию последнего обломка Третьего рейха.

Однако и после ликвидации правительства Дёница английские власти не прекращали попыток держать часть немецких войск наготове, чтобы их можно было повернуть вместе с англо-американскими против Советской Армии. Об этом свидетельствовал, в частности, примечательный обмен репликами между Сталиным и Черчиллем, состоявшийся на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.).

В ходе обсуждения темы нехватки угля и нехватке рабочей силы для его добычи в Западной Европе, Сталин сказал, что в СССР сейчас используется труд воен-

нопленных для работы в шахтах, а затем заметил: «400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила».

Осознав истинный смысл заявления Сталина, Черчилль тут же стал оправдываться: «Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки».

Однако Сталин не ограничился своим замечанием, а в конце заседания передал Черчиллю меморандум относительно имеющихся в Норвегии неразоружённых германских войск. Черчилль вновь стал оправдываться: «Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска». Ответ Сталина («Не сомневаюсь») был, очевидно, произнесён с ироничной интонацией, а потому вызвал смех. Продолжая оправдываться, Черчилль заявил: «Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу». Лишь через 10 лет, когда Черчилль вновь стал премьер-министром, он признал, что он лично отдал распоряжение не разоружать часть немецких войск, а держать их готовыми на случай возможного вооружённого столкновения с СССР в Европе летом 1945 г. На конференции Сталин нашёл наиболее удачный способ объявить союзнику о том, что он знает о его вероломных действиях, и вынудил Черчилля фактически признать факт нарушения Англией союзнических обязательств.

Обладая разнообразной информацией, Сталин умело пользовался ей, исходя, прежде всего из того, в какой степени имеющиеся у него сведения могут пойти на пользу дела. Когда было нужно, он мог резко отчитать Рузвельта за тайные переговоры американцев с немцами в Швейцарии. Однако на Потсдамской конференции Сталин думал прежде всего о необходимости сохранить единство трёх великих держав. Поэтому он не стал гневно обличать Черчилля за сохранение англичанами неразоружённых немецких дивизий, а ограничился метким заявлением, которое било не в бровь, а в глаз.

Сталин искусно пользовался богатейшей информацией, которую постоянно накапливал. Он прибегал к её огласке лишь в том случае, если был уверен, что это будет способствовать интересам страны. Зная от наших разведчиков о создании американцами атомного оружия, Сталин понимал, что теперь союзники попытаются использовать эту козырную карту для пересмотра итогов Второй мировой войны. Об этом свидетельствовало и сообщение Трумэна об успешном испытании атомной бомбы, которое американский президент сделал Сталину в перерыве конференции в присутствии Черчилля. В то же время Сталин знал: американцы ещё не уверены в том, что с помощью атомной бомбы они поставят Японию на колени. А поэтому Трумэн каждый день своих встреч со Сталиным начинал с вопроса о том, когда СССР объявит войну Японии. Ведь трёхмесячный срок для начала войны с Японией после капитуляции Германии, определённый Сталиным в Ялте, истекал в ближайшие дни после завершения Потсдамской конференции.

Лишь получив окончательное подтверждение Сталина о вступлении СССР в войну против Японии, Трумэн в письме своей жене написал, что тем самым достигнута главная цель, которую он перед собой ставил на конференции, и что он думает об американских парнях, жизнь которых будет теперь сохранена.

Но Сталин понимал, что после завершения войны с Японией прочность союза трёх великих держав подвергнется суровому испытанию. Поэтому на Потсдамской конференции он не раз ставил вопросы, решение которых могло способствовать продолжению сотрудничества между тремя державами. Он говорил об угрозах всеобщему миру, которые сохранялись и после разгрома Германии. Он подчёркивал важность демилитаризации Германии, говорил о той опасности, которая исходит от франкистской Испании, являвшейся пособницей гитлеровской коалиции. Он говорил и о необходимости провести суд над германскими военными преступниками. При этом он умело пользовался той информацией, которой он обладал. Во время обсуждения на Потсдамской конференции вопроса о перечне главных военных преступников, новый премьер-министр Великобритании К. Эттли заявил: «Я считаю, что Гитлер жив, а его нет в нашем списке». Далее стенограмма конференции гласит:

«Сталин. Но его нет в наших руках... Я согласен добавить Гитлера (общий смех), хотя он и не находится в наших руках. Я иду на эту уступку. (Общий смех.)».

Между тем уже в мае 1945 г. Сталин имел исчерпывающую и достоверную информацию о том, что Гитлер и его жена покончили жизнь самоубийством. Все доказательства этого были ему представлены. Сталин не стал раскрывать имевшиеся у него сведения, но в то же время он не погрешил против истины: Гитлера, которого можно было судить, не было «в руках» советских людей.

По этой же причине Сталин не старался развеять слухи и о других видных деятелей Третьего рейха. Как утверждал Тревор-Роупер, Сталин во время встречи с Гарри Хопкинсом 26 мая 1945 г. выразил сомнение в смерти не только Гитлера, но и Геббельса, Бормана, Кребса. Между тем Сталину было уже доложено про опознание трупов Геббельсов и их детей. Скорее всего, говоря о своих «сомнениях», Сталин преследовал определённую цель: убедить союзников в том, что враги, борьба против которых объединяла их четыре года, всё ещё живы и представляют потенциальную опасность.

В ходе войны Сталин убедился в том, что западные державы постоянно нарушали свои союзнические обязательства. Изменение политики по отношению к СССР стало все более явным по мере обретения Соединенными Штатами монополии на атомное оружие. Хотя после успешно завершённой Потсдамской конференции главы трёх великих держав активно продолжали деловую переписку, а 11 октября 1945 г. президент США просил Сталина принять американского художника Шандора, чтобы написать его портрет в память о сотрудничестве между СССР и США в годы Второй мировой войны, в США при поддержке Великобритании стали вынашиваться планы развязывания новой войны против СССР. За два дня до упомянутого выше письма Трумэна 9 октября 1945 г. комитет начальников штабов США подготовил секретную директиву 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», которая исходила из подготовки нанесения Америкой превентивного атомного удара по СССР. По мере быстрого накопления атомного оружия в США 14 декабря 1945 г. была подготовлена новая директива № 432/d комитета начальников штабов, в приложении к которой были указаны 20 основных промышленных центров СССР и трасса Транссибирской магистрали в качестве объектов атомной бомбардировки. В дальнейшем эти планы расширялись, а число городов и других населенных пунктов СССР, которые должны быть подвергнуты ядерной бомбардировке, умножалось.

Очевидно, что обвинения Сталиным союзников в вероломстве, которые он не раз высказывал им на протяжении войны, были ненапрасными. Получалось также, что расчёты Гитлера, а затем Гиммлера на вооружённое столкновение между союзниками по антигитлеровской коалиции не были столь уж химерическими.

Прилагая максимум усилий для того, чтобы предотвратить обострение отношений с союзниками, Сталин не спешил делиться с ними ни сведениями о самоубийстве Гитлера, ни данными о готовности Геббельса и Бормана капитулировать прежде всего перед Советским Союзом. Сталин не стал тогда поднимать историю о попытках союзников заключить сепаратный мир, их тайных переговорах с агентами Гиммлера. Не стал он предавать огласке и полученную им информацию о борьбе за власть в нацистских верхах в дни агонии Третьего рейха, когда Геббельс, Борман и другие противники Гиммлера неожиданно обратились за поддержкой к СССР.

Стараясь использовать нацистских руководителей даже после их смерти для того, чтобы сохранить после войны сотрудничество между великими державами, Сталин и другие руководители советского правительства настаивали на немедленном аресте и суде над оставшимися в живых главарями Третьего рейха.

В то же время, видимо, тайны последних дней существования Третьего рейха, интересовали руководителя Советской страны, внесшей решающий вклад в победу над гитлеровской Германией. Вероятно, это было главной причиной того, что осенью 1945 г., находясь в отпуске и едва оправившись от инсульта, Сталин пригласил на свою дачу в Сочи генерала армии Чуйкова. Нет сомнения в том, что подробный рассказ Чуйкова о ходе переговоров с Кребсом (а через телефонную связь и с Геббельсом) позволил генералиссимусу узнать те детали этой встречи, которые не зарегистрировала бесстрастная стенограмма (например, два возвращения Кребса к Чуйкову после прощания, эмоциональное состояние немецкого генерала и т.д.).

Нет сомнения в том, что проницательный советский руководитель разгадал многие хитросплетения борьбы нацистских пауков в той банке, в которую превратился гитлеровский бункер. В то же время очевидно, что подтверждение правды потребовало бы признаний со стороны эсэсовцев, вырвавшихся 1 мая 1945 г. из окружения советских войск. Однако Сталин знал, что все эти люди находятся за пределами советской зоны оккупации Германии и, возможно, сотрудничают с западными союзниками. Главная политическая задача для Сталина в это время состояла в том, чтобы любой ценой сохранить хотя бы остатки того сотрудничества с США и Англией, которое сложилось в годы войны, и сберечь мир, столь необходимый для восстановления разоренной Советской страны. Даже о наличии под командованием англичан целых немецких дивизий, вооружённых до зубов и готовых напасть на нашу страну, Сталин не стал громогласно заявлять за пределами стен Потсдамской конференции. Тем более не было практического смысла поднимать вопрос о том, как была сорвана капитуляция в Берлине после 1 мая 1945 г. и каким образом ушли из жизни Геббельс, Борман, Кребс и Бургдорф.

В значительной степени поэтому на долгие десятилетия сохранилась внутренне противоречивая и очевидно ошибочная версия о внезапном отказе Геббельса и Бормана от согласованной с ними капитуляции Германии и самоубийствах в бункере или неподалеку от него 1 мая 1945 г. Однако жизнь требует восстановления исторической истины во имя более глубокого понимания тех общественных процессов, которые породили нацизм и привели его к власти.

А.И. Фурсов

СЕРЫЕ ВОЛКИ
И КОРИЧНЕВЫЕ РЕЙХИ

Фурсов Андрей Ильич —
директор Центра русских исследований
Московского гуманитарного университета,
директор Института системно-стратегического анализа,
академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия)

1

Время идёт, и чем дальше в прошлое уходит война, тем больше загадок и тайн. В традиционном нарративе о войне образуется всё больше дыр. Растёт число вопросов. Кто был главным поджигателем войны? Противоречия каких стран сыграли решающую роль в возникновении Второй мировой войны? Какую роль сыграли британцы и американцы в приводе к власти Гитлера? Кто виноват в поражениях Красной армии летом 1941 г.? Почему «союзники» так долго тянули с открытием «второго фронта» и каковы были главные условия этого открытия? Готовилось ли руководство Третьего рейха к «жизни после смерти», к существованию в виде тайной глобальной сетевой структуры «Четвёртый рейх» и если да, то с какого момента и как? Кто создавал Четвёртый рейх? Какова судьба вождей Третьего рейха — действительно ли погибли те, кого официально объявили погибшими?

На часть этих вопросов пытаются ответить авторы книг, которые находятся в центре нашего обзорного эссе, выступают его организующим центром, своеобразным магнитом. Сразу предупрежу читателя — книг не узконаучных, т.е. написанных людьми, формально не относящихся к науке как институту в социологическом и ведомственном смыслах слова; авторы — журналисты, занимающиеся аналитикой. Но, во-первых, это не значит, что мы не имеем дело с рациональным исследованием — профессиональная аналитика не хуже, а нередко лучше и точнее социально-исторической науки. Во-вторых, последняя проблемами, о которых пойдёт речь, заниматься не любит. Об этом явлении, о его причинах имеет смысл поговорить, прежде чем перейти к разговору о книгах и той реальности, которую они отражают — как говорил непопулярный сегодня Ленин, тот, кто берётся за решение частных вопросов без предварительного решения вопросов общих, будет на каждом шагу натыкаться в решении частных вопросов на эти нерешённые общие.

К сожалению, официальная наука, та, которую англосаксы называют «conventional science» или «conventional scholarship», мало занимается острыми вопросами, делая вид, что официальные схемы и интерпретации в главном бесспорны, а дискутировать можно только по поводу деталей, мелких частностей. Причины очевидны. Во-первых, сама наука в её нынешнем состоянии и её организационных формах — структура довольно ригидная и иерархическая; пересмотр, тем бо-

лее кардинальный, схем, которые подаются в качестве незыблемых и в подтверждение которых написаны тонны диссертаций, обесценивает или, как минимум, ставит под сомнение и написанное, и иерархию. И может вскрыться: король-то голый — кандидат «А» вовсе не кандидат, а недоросль, доктор «Б» вовсе не доктор, а двоечник, академик «В» — в лучшем случае продвинутый семиклассник.

Во-вторых, наука — только в идеале поиск истины. Когда-то в «Зияющих высотах» А.А. Зиновьев заметил, что современная наука не есть сфера человеческой деятельности, участники которой только и заняты поисками истины. Помимо научности в науке содержится и антинаучность, которая нередко выглядит более научно, чем научность; антинаучность, согласно А.А. Зиновьеву, паразитирует на научности и соотносится с ней как сорняк и культурное растение. Сам факт существования антинаучности объясняется тем, что наука — массовое явление, управляемое социальными законами. В реальности же это один из организованных способов «жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добивающиеся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград)»[1], а формальная основа этого способа — деятельность, именуемая научной; формальная — поскольку «лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель»[2]. В связи с этим, фиксирует А.А. Зиновьев, третье, и, пожалуй, главное препятствие на пути научного познания социальных объектов — гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки. Парадокс? Отнюдь нет. По достижении определённого количества занятых лиц в любой организации происходят качественные изменения: мало того, что всё большая часть работы выполняется всё меньшим числом сотрудников, т.е. нарастает балласт, который социально играет всё большую роль, а его представители часто выталкиваются на руководящие должности со всеми вытекающими последствиями. Но, главное, на смену реализации содержательных, сущностных задач приходит воспроизводство функциональных и формальных сторон и прежде всего поддержание и укрепление иерархии. Последняя в науке лишь внешне имеет респектабельный академический вид, а по сути это обычная чиновничья «контора дяди Никанора», в которой старшие чиновники провозглашаются «крупными учёными», «членами» различных степеней. Как говаривал чеховский герой, а «заглянешь в душу — обыкновенный крокодил».

Теоретически в науке как форме профессиональной интеллектуальной деятельности авторитет должен определяться прежде всего профессиональными интеллектуальными достижениями. Однако на практике, поскольку наука развивается по социальным законам вообще и по законам социальности данной системы в частности, профессиональный (интеллектуальный, деловой) авторитет часто имеет тенденцию подменяться и вытесняться авторитетом социальным, ранговым, начальническим — и чем крупнее, а, следовательно, бюрократичнее организация, тем в большей степени. Результат прост — крупными учёными, научными авторитетами провозглашаются (назначаются) начальники — вожди «научных племён» или даже вожди «союзов научных племён», короче, если не научные ханы, то уж точно паханы. Такие паранаучные авторитеты — С.П. Новиков определил их как «сто-

[1] Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 28.

[2] Там же.

процентно фальсифицированных крупных учёных»[1] — получают соответствующие звания, автоматически дающие право на совершение (в реальности — присвоение чужих) «выдающихся открытий».

«Фальшивые учёные» нередко входят в роль и начинают всерьёз считать себя не просто учёными, но выдающимися учёными, много сделавшими для науки, почему-то полагая объём корыта, в которое удалось всунуть рыло, показателем научных достижений. Как социальные персонажи «фальшаки» обрастают кликами, кланами, камарильями, челядью, которые выступают в качестве ядер «научных племён» («scientific tribes»), т.е. именно того, что Т. Кун называл парадигмой — единством совокупности определённых подходов (способов ви́дения реальности и постановки вопросов) и научного сообщества, продвигающего или даже навязывающего эти подходы в качестве доминирующих. Парадигма, дополним мы Куна советским опытом (впрочем, почему только советским? в западной науке дела обстоят во многом так же, но там начальническая бездарь лезет не в членкоры и академики — там это не приносит значительных материальных благ, — а в мэтры научных школ и т.п.), есть иерархия авторитетов. Исследование происходит в определённом поле, по «понятиям» этого поля, часто с учётом мнения живого фальш-классика или установок усопшего (тотем, божок) авторитета, «приватизированного» стаей более или менее бездарных учеников или выдающих себя за таковых[2].

Покушение на племенные авторитеты, как правило, карается — от мелких подлостей (при защите диссертации, прохождении монографии, избрании по конкурсу на должность, например, профессора и т.п.) до остракизма или войны на социопрофессиональное уничтожение, на вытеснение из дисциплины. Иными словами: авторитет есть социальное оружие, кистень парадигмы как социального индивида. Он — одно из средств поддержания традиции, т.е. господства продукта (по)знания над процессом (по)знания, знания — над познанием, знания — над пониманием. Попробуй поставить под вопрос теорию относительности, Большого Взрыва или дарвиновскую теорию эволюции или теорию помельче, и на тебя обрушатся тысячи стрел научно-племенных лучников.

Известный науковед П. Фейерабенд верно заметил, что в науке оппонентов не столько убеждают, сколько подавляют: «Скептицизм сводится к минимуму; он направлен против мнений противников и против незначительных разработок… идей, однако никогда против самых фундаментальных идей. Нападки на фундаментальные идеи вызывают такую же “табу”-реакцию, как “табу” в так называемых примитивных обществах… фундаментальные верования защищаются с помощью этой реакции, а также с помощью вторичных усовершенствований, и всё то, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимой с

[1] Новиков С.П. Вторая половина XX века и ее итог: кризис физико-математического сообщества в России и на Западе // Историко-математические исследования. Вторая серия. М.: Янус-К, 2002. Вып. 7 (42). С. 354.

[2] Подр. о механизме клановости на примере науки позднесоветского общества см.: Фурсов А.И. Ещё один «очарованный странник» (о Владимире Васильевиче Крылове на фоне позднекоммунистического общества и в интерьере социопрофессиональной организации советской науки) // Русский исторический журнал. М., 1999, т. II, № 4, с. 349–487 (особ. с. 408–434). См. также: Палиевский П.В. К понятию гения // Пути реализма: литература и теория. М.: Современник, 1974. С. 104–116.

ней, либо рассматривается как нечто совершенно неприемлемое, либо — что бывает чаще — просто объявляется несуществующим».

Разбитая на зоны «научных племён», наука как иерархическая структура, освящённая определёнными интерпретациями, теориями, способами ви́дения болезненно реагирует на то, что может поколебать «средства освящения». В результате «нормальная наука» (Т. Кун) вытесняет всё острое либо на свою периферию, либо вообще за свои пределы, объявляя ненаучным.

«Цель нормальной науки, — писал Т. Кун, — ни в коем случае не требует предсказания новых видов явлений: явления, которые не вмещаются в эту коробку, часто, в сущности, упускаются из виду»[1]. И далее: «Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно они к тому же нетерпимы к созданию таких теорий другими. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает»[2]. Ну а то, что не предполагается, но возникает, объявляется либо «ненормальной наукой», либо «нормальной ненаукой», табуизируется или, в лучшем случае, маргинализируется в виде публицистики, «научпопа» и т.п.

Узкоспециализированная, бисерно-мозаичная наука продуцирует соответствующий ей тип образования, в котором узкая спецподготовка развивается в ущерб общетеоретической, панорамной, с одной стороны, и аналитике — с другой. Результат — «специалист-функция», «специалист-муравей». Тех, кто сопротивляется, стараются отсечь как можно раньше, не допустив в парадигму, а, следовательно, и в науку, — отчислить, не взять в аспирантуру, не дать защититься и т.п. Круг замыкается, нормальная наука торжествует в своем марше к импотенции и смерти, т.е. к кризису и крушению парадигмы, которая редко способна к саморазвитию. Реальное качественное развитие чаще всего происходит за пределами этого круга, куда, помимо прочего, выталкивают из нормальной науки тех, кто пытается заниматься, выражаясь куновским языком, не загадками, а тайнами — т.е. прежде всего теорией и методологией, ставит под сомнение парадигму. В таких случаях сообщество меняет тип отношения с *surveiller* («надзирать») на *punir* («карать») — привет Мишелю Фуко — и стремится нейтрализовать угрозу тем или иным «дисциплинарным» (во всех смыслах) способом. Не случайно серьёзные учёные заговорили о «новой инквизиции» в науке[3].

Мягкая форма «научно-инквизиционного» воздействия — это призыв не строить теории, а заниматься фактами, т.е. работать в сфере индуктивного знания. Важное само по себе, в «нормальной науке» оно получает гипертрофированное значение. «Нормальная наука» ориентирована на эмпирические факты, которые её представители принципиально путают с научными. А ведь научный факт — это эмпирический факт, включённый в ту или иную теорию: вне теории, вне системы причинно-следственных связей, которые определяются только на основе теории, нет научных фактов, только эмпирические, стремительно превращающиеся в мусор вне каузальной системы. Это — не говоря о том, что эмпирический и источни-

[1] Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 45.

[2] Там же. С. 45–46.

[3] Уилсон Р.А. Новая инквизиция. М.: Экслибрис, 2003.

коведческий идиотизм («идиот» — по-гречески «человек, который живёт так, будто окружающего мира не существует») не учитывает: это природа коварна, но не злонамеренна (Эйнштейн), а человек в качестве объекта исследования или источника (хронист, летописец, историк, респондент) могут не просто ошибаться, а сознательно искажать реальность. Причём одно искажение ложится на другое — и это подаётся в качестве эмпирической реальности. Я уже не говорю о переписывании и уничтожении письменных источников, а также об изготовлении, порой поточном, фальшивых источников.

Механику нормальной науки И. Солоневич описывал таким образом: «Профессор получает явление по меньшей мере из третьих рук. Явление попадает в профессорский кабинет, во-первых, с запозданием, во-вторых, в чьей-то упаковке и, в-третьих, подгоняется под уже существующую философскую теорию… гуманитарные науки недобросовестны, …они сознательно искажают факты, явления и события — в большинстве случаев даже и небескорыстно. Но дело-то обстоит так, что при данной методике общественных наук они ничего не могут понять, даже если бы и пытались сделать это добросовестно. Институты общественного мнения, вероятно, могли бы уловить сдвиги в психологии или в настроениях масс, установить некую закономерность этих сдвигов и на основании этого делать прогнозы, которые, по крайней мере, не были бы промахом на все 180 градусов. Но то, что мы называем гуманитарными науками, есть не только приблизительные науки. Это, если можно так выразиться, есть науки наоборот»[1].

Эта «наука наоборот», — профессорско-профанная наука (поскольку обратная сторона «сухого профессорства» — профанация), по поводу которой, на примере истории Гёте заметил, что она не имеет отношения к реальному духу прошлого — это «дух профессоров и их понятий, / Которой эти господа некстати / За истинную древность выдают». Всё это не значит, что «нормальная наука» абсолютно бесплодна, нет; более того, бывают периоды (например, 1950–1970-е годы для социальных наук), когда она на подъёме, но эти периоды для нормальной науки, во-первых, довольно кратки; во-вторых, развитие здесь всё равно идет по логике «нормальной науки», а потому достижения носят скорее количественный, чем качественный характер. В любом случае, однако, сегодня «золотой век» «нормальной науки» далеко позади.

В равной степени сказанное выше не означает, что в «нормальной науке» нет сильных, великолепных учёных — конечно, есть, и немало. Но чаще всего существуют они и добиваются результатов вопреки принципам организации «профессорско-профанной» науки, на борьбу с которыми у них уходит столько сил, что КПД значительно снижается. При прочих равных чем меньше деятельность исследователя определяется правилами, принципами и логикой нормальной науки, тем результативнее (в смысле «наука больших достижений») его работа. Наконец, значительно расширяет информационные и концептуальные возможности учёного, а также его сделочную позицию в «нормальной науке» функционирование в иной социо-информационной среде, будь то практическая политика, разведдеятельность и т.п. Так, Арнольд Тойнби-младший каждый год писал не только очередной том «Исследования истории» или заготовку к нему, но и — в качестве директора Королев-

[1] Солоневич И. Мировая революция, или новое изгнание из рая. М.: Москва, 2006. С. 380.

ского института международных отношений, одной из «фабрик мысли» «закулисы» — «Мировое обозрение», представлявшее не что иное как комбинацию политической и разведаналитики. Поэтому работы Тойнби свободны от типичных огрех профессорско-профанной науки, и он, как правило, не ловился на те глупости, на которые покупались даже такие мэтры, как Макс Вебер, чьим единственным locus standi и field of employment было «поле чудес» профессорско-профанной науки. Так и вспоминаются слова из песни: «Поле, поле, поле чудес — в стране дураков», где это поле чудес было помойкой, на которую «старшие товарищи» Лиса Алиса и Кот Базилио привели «младшего научного сотрудника» Буратино закапывать золотые. Профессорская наука чаще всего плохо связана с реальностью, поэтому когда её представителей выносит, например, во власть, то возникают конфузно-катастрофические ситуации, будь то профессора Муромцев и Милюков в 1906 г. или уж совсем фарсовые фигуры лаборантов и младших научных сотрудников в 1992 г. Впрочем, как правило, профессора во власти (да и в реальной жизни) самостоятельными фигурами не являются — и это тоже говорит об их науке.

Наконец, в-третьих, наука существует не сама по себе, она элемент властно-идеологической системы, того, что М. Фуко назвал «власть-знанием» (pouvoir-savoir). Впрочем, задолго до Фуко Велимир Хлебников написал: «Знание есть вид власти, а предвидение событий — управление ими». Классовый интерес, интерес верхов, господствующих групп встроен в научный дискурс. Как заметил И. Валлерстайн, поиск истины — это вовсе не бескорыстная индивидуальная добродетель, а корыстная социальная рационализация отношений господства, эксплуатации и накопления капитала.

«Поиск истины, — писал он, — провозглашённый краеугольным камнем прогресса, а значит, благосостояния, как минимум созвучен сохранению иерархически неравной социальной структуры в ряде специфических отношений»[1]. И далее: «Научная культура представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров для всех необходимых капитализму институциональных структур. Как общий и единый язык кадров, но не трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшей страты, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны той части кадров, которая могла бы поддаться такому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как “меритократия”, а раньше — как “la carrière ouverte aux talents”. Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможна, но так, чтобы не стать угрозой для иерархического распределения рабочей силы. Напротив, меритократия усилила иерархию. Наконец, меритократия как процесс (operation) и научная культура как идеология создали завесу, мешающую постижению реального функционирования исторического капитализма. Сверхакцент на рациональности научной деятельности был маской иррациональности бесконечного накопления»[2]. Иными словами, общественная механика социальных интересов способна превратить рациональную

[1] Wallerstein I. Historical Capitalism. Capitalist Civilization. L., N.Y.: Verso, 1999. P. 82.

[2] Там же. P. 84.

по определению деятельность — науку — в иррациональную, где бесконечное накопление фактов будет соответствовать бесконечному накоплению капитала (или власти), где описание всё более мелких деталей вытеснит опасную для иерархии теоретическую деятельность, где тайны систематически скрываются, а в качестве проблем подсовываются и рекламируются головоломки.

Иными словами, наука как исследовательский комплекс становится элементом того, что А. Грамши называл «культурной гегемонией» господствующего класса. Особенно ярко это проявляется в социальных и гуманитарных науках, которые нередко превращались не то что в системную функцию идеологии господствующего класса в целом (то, что К. Мангейм называл «тотальной идеологией»), а в конъюнктурную функцию идеологических представлений и заказа отдельных представителей или даже отдельного представителя этого класса.

2

Итак, существуют серьёзные внутринаучные и общесоциальные причины и механизмы вытеснения из сферы научного рассмотрения целого ряда проблем или недопущения целого ряда вопросов в научный дискурс. Речь, понятное дело, идёт об острых проблемах, которые либо бросают интеллектуальный вызов научному истеблишменту, грозя сдернуть с его мэтров тогу научности, либо угрожают социальным, классовым интересам тех, кто заказывает «научную музыку» и в случае чего может обратиться к «научной инквизиции». Зеркально этому существует комплекс вопросов, сомнительное официальное решение которых фиксируется как единственно правильное, в котором нельзя сомневаться, а потому даже научное рассмотрение этих вопросов трактуется в качестве преступления — как минимум, интеллектуального. Ясно, что всё это ведёт к деинтеллектуализации науки, и если конец XIII в. в Европе ознаменовался разводом между Верой и Разумом, то в конце XX в. наметился развод между Интеллектом и Наукой. С 1980-х годов, не случайно совпав с враждебными острой научной мысли неолиберальной контрреволюцией и её производным — глобализацией, процесс деинтеллектуализации, банализации и одновременно детеоретизации науки об обществе шёл по нарастающей, и только после кризиса 2008 г. ситуация начала меняться — но только начала, даже до рассвета ещё не так близко.

Куда же вытесняются острые, неудобные проблемы, исследование которых угрожает существованию научной иерархии и её отношениям с властями предержащими? Кто подхватывает брошенное другими в панике или в приступе алчности («доллар мутит разум») оружие и начинает действовать по принципу, который один датский учёный сформулировал как «В задачах тех ищи удачи, где получить рискуешь сдачи»? Сферы вытеснения — аналитически ориентированные журналистика, научно-популярная литература, эссеистика. Причем журналистика и т.п. здесь — форма, а аналитика, причём очень острая, — содержание. Агенты этой сферы — журналисты, писатели, выходцы из спецслужб, МВД, фрилансеры, наконец, те учёные, которые не могут реализовать себя в системе существующих парадигм по научно-профессиональным или идеологическим причинам, короче говоря, с точки зрения конвенциональной науки — аутсайдеры.

За последние десятилетия в мировом интеллектуальном пространстве произошла интересная вещь: рядом со всё больше превращающимся в «игру в бисер» научным дискурсом возник и быстро набрал силу интеллектуальный дискурс, который выполняет те функции и пытается решать те задачи, которые не выполняет и не решает «нормальная», т.е. профессорско-профанная, наука. Именно в его рамках создано немало сильных работ, бросающих вызов «профессорской» науке со стороны — from outside. «Аутсайдеры» свободны от сковывающих и деформирующих исследования догматических установок, причёсывающих исследователей под общую гребёнку как в интеллектуальном, так и в социопрофессиональном плане. Они не связаны дисциплиной, установками и мифами научного племени, поскольку чаще всего работают в одиночку или небольшой группой. Они вне мейнстрима с его оргструктурами, на иерархию и дутые авторитеты которых им глубоко плевать. Они, подчеркну, как правило, скептически относится к авторитетам — и групповым (традиция, школа), и индивидуальным (власть начальника). Именно поэтому «аутсайдерами» нередко становятся в результате вытеснения из «ниши» (ср. рецессивная мутация в биологии). Нередко же «аутсайдерами» становятся, напротив, из-за принципиального нежелания делать социоиерархическую карьеру (в большой научной организации последнее есть необходимое условие карьеры собственно научной, профессиональной, деловой — «Служенье муз не терпит суеты» и крысиных бегов), поэтому проблема авторитета как власти для «аутсайдера» существует минимально и не сковывает его: он может позволять себе не заниматься головоломками, а приступить к разрешению тайн, т.е. базовых фундаментальных проблем, для него наука — это творчество, радость бытия, удовольствие, а это эмоциональное состояние, как заметил когда-то Гегель, резко повышает интеллектуальные возможности. Собственно, точный смысл слова «дилетант» — этот факт очень любил подчёркивать наш замечательный биолог А.А. Любищев — означает не что иное, как «человек, получающий удовольствие от своей работы».Наконец, аутсайдеры, как правило, редко бывают узкими специалистами, в основном это универсалы-системщики, мастера синтеза, синопсиса и интеграции. И это ещё одна причина, почему они оказываются на периферии оргструктур. Отсюда же их конфликты с системой рутинного, узкоспециализированного образования.

Это не значит, что в «аутсайдерском секторе» нет шарлатанов, сбежавших туда непрофессионалов, авторов завиральных идей, «непризнанных гениев», — есть, но не больше, чем в «нормальной науке». Это не значит, что в «аутсайдерском секторе» нет слабых работ — есть, и много. Более того, даже в сильной аутсайдерской работе узкий специалист может найти уязвимые места — «срезать», как это проделывал один шукшинский герой, срезать — по мелкому, частному вопросу, за пределами которого узкий специалист не знает… ничего. Знать всё больше и больше о всё меньшем и меньшем — принцип «нормальной науки».

Кто-то скажет: надо объединить десяток узких специалистов. Но в том-то и штука, что, как говорил Эйнштейн, мир — понятие не количественное, а качественное: из тысячи джонок не сделать один броненосец, а из ста мышей — одну кошку. На экспертов, узких специалистов можно полагаться в решении только узкоспециальных, экспертных вопросов. Во всём, что выходит за эти рамки, у них нет никаких преимуществ перед неспециалистами. Скорее наоборот: бремя мелкоте-

мья, профессиональной ограниченности или даже «узкопрофессионального идиотизма», система корпоративных табу и т.п. — всё это вкупе с принципиальной неполнотой индуктивного знания ставит специалиста, особенно в периоды кризиса нормальной науки (а мы сегодня переживаем именно такой кризис), в менее выгодное положение по сравнению с теми, кто анализирует проблему, рассматривая её по-азимовски «с высоты».

Персонификатор нормальной науки концентрирует внимание на небольшой узкой сфере, исследуя «некоторый фрагмент природы (или общества. — *А.Ф.*) так детально и глубоко, как это было бы немыслимо при других обстоятельствах»[1]. В результате детализация частностей подменяет исследование целого, которое исчезает как объект исследования, сначала теоретические обобщения вытесняются эмпирическими, а эти последние — описаниями. В результате «нормальная наука» с определённого момента начинает превращаться в «бессмысленное нагромождение по существу бессмысленных фактов» (И. Солоневич) и в ней начинают культивировать тех, кто не умеет «находить суть за ворохом бросовых фактов» (О. Маркеев), тех у кого отсутствует быстролёгкость мышления и концептуальная комбинаторика. Более того, именно этот тип начинает задавать тон в нормальной науке, принципиально отрицая необходимость и возможность теоретических обобщений, как сейчас принято говорить, «большого нарратива». Есть такие «экземпляры», которые открыто отрицают возможность создания на научной основе обобщающих, т.е. теоретических трудов по истории мира в целом и крупных стран, потому что, видите ли, все темы прошлого дискуссионны; утверждается, что создание единой концепции будет носить идеологический характер, а потому надо писать работы, в которых просто перечисляются существующие точки зрения.

Читаешь такие перлы и задаешься вопросом: а имеют ли высказывающие их представление о том, что такое наука вообще и научная теория и методология в частности?

Во-первых, где гарантия, что множественность различных точек зрения — гарантия свободы от идеологии?

Во-вторых, общие концепции, теории строятся на основе не идеологии, а регулятивов научного знания — принципиальной проверяемости (верификация – фальсификация); максимальной общности, предсказательной силы (правило «бритвы Оккама» — entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem); преемственной связи (позитивная – негативная), или принцип соответствия и некоторых других.

В-третьих, совершенно убого и нелепо выглядит тезис о том, что отсутствие единой точки зрения по большинству вопросов в той или иной области знания, будь то физика или история, биология или социология, делает невозможной создание общей теории. Если бы это было так, то наука — а это и есть прежде всего теоретическое знание — была бы невозможна, но мы-то знаем, что это не так. Разбирая различные точки зрения на природу поля, Эйнштейн писал, что «сохраняется стремление к тому, чтобы многообразие явлений сводилось в чисто теоретическую систему из как можно меньшего числа элементов»[2]. Интересно, какую **идеологиче-**

[1] Там же, с. 46.

[2] Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Наука, 1965. С. 272.

скую схему собирался построить Эйнштейн? Зачем ему «большой нарратив»? А затем, что индуктивное знание имманентно носит незавершённый и недостаточный по своей природе характер; завершённость научному знанию обеспечивают дедукция и теория — несмотря на наличие различных точек зрения. Ну а тезис о том, что теория невозможна, потому что не может учесть всех деталей, попросту антинаучен: теория не может и не должна учитывать все детали — это функция описания; теория абстрагируется от деталей, отражая главное, сущностное, системообразующее, находя простое и ясное в сложном и запутанном.

В-четвёртых, подмена единой концептуальной интерпретации (или 2–3 конкурирующих) перечислением точек зрения вообще выводит исследование за пределы научного знания, поскольку:

а) в таком случае предполагается, что все точки зрения равноценны, т.е. отсутствуют научные принципы и регулятивы сравнения различных интерпретаций;

б) в таком контексте «точка зрения» может быть только описанием;

в) «мозаичный» подход исходит из ложной посылки о том, что исследователь идет от конкретного к абстрактному; на самом деле он идет от абстрактного к конкретному (метод восхождения от абстрактного к конкретному), а затем от конкретики — к более тонкой и содержательной абстракции; т.е. опять налицо принципиальное непонимание природы научного знания.

Впрочем, в-пятых, довольно часто всё объясняется очень просто. Как правило, о невозможности теории, «большого нарратива» говорят те, кто не способен на работу такого уровня — это примерно так же, как если бы импотенты или кастраты убеждали всех нормальных людей в невозможности секса. О невозможности теории говорят, как правило, те, кто не способен ею заниматься. Рожденный ползать летать не может, но почему он думает, что ползать рождены все? Почему полагает, что ползание (в данном случае — эмпирическое) — единственный способ передвижения? Да потому, что полёты других демонстрируют его убожество и неполноценность, причём в обсуждаемом случае не только профессиональную, но и общеинтеллектуальную.

Интеллектуальная импотенция, о которой идёт речь, небезобидна. Она выполняет вполне определённую социальную функцию, как и постмодернизм, отрицающий возможность теории, большого нарратива. Теоретическое объяснение истории — прошлой или настоящей — это всегда опасность для господствующих слоёв, поскольку оно вскрывает причинно-следственные связи (этим и занимается теория), без понимания которых факты — это мусор, помойка, которую импотенты от науки тщатся представить в виде «различных точек зрения». Не случайно западные фонды охотно выделяют гранты на эмпирические и третьестепенные проблемы, но практически не поддерживают серьёзные теоретические исследования — опасно. Поэтому гранты на изучение переживаний идентичности у геев и лесбиянок или гендерных отношений в Бирме XV в. — пожалуйста, а на анализ политической стратегии буржуазии современного Запада — нет. И, естественно, «нет» теоретическим штудиям; «да» в лучшем случае — эмпирическо-обобщающим, хотя эмпирическое обобщение и теоретическое обобщение суть принципиально разные, разнопорядковые процедуры.

Таким образом, сознательная детеоретизация и сознательный же отказ от исследования острых эмпирических проблем, событий — две стороны одной медали, одного дискурса. Именно это заставляет пристальнее присмотреться к друго-

му дискурсу — так называемому «аутсайдерскому знанию», которое в противовес профессорско-профанному можно назвать инженерно-конструкторским, а ещё точнее — аналитическим, поскольку к его достоинствам можно отнести системно-конструкторский подход к реальности.

Инженерно-конструкторский подход становится стержнем не столько дисциплины, сколько научной программы «аналитика». Разумеется, аналитический метод присутствует во всех дисциплинах, у которых самые разные реальные объекты исследования. Аналитика в качестве особой научной программы — это нечто иное. Это некий информпоток, в котором спрессована некая реальность и который и является объектом исследования; спрессованная реальность сквозь призму этого информпотока не столько исследуется, сколько расследуется. Специалист, занимающийся прошлым, в данном контексте выступает не столько как историк, сколько как следователь по особо важным историческим делам. Аналитика отличается от стандартных научных дисциплин не столько объектом исследования, сколько методом работы с информацией, который носит не междисциплинарный, а над- и трансдисциплинарный характер. К этому подталкивает острота анализируемых проблем, связанных со спорными, неудобными, а нередко опасными вопросами, в связи с чем данная аналитика часто оказывается острой аналитикой, и сама острота накладывает на эту сферу свой специфический отпечаток.

Внешне аналитика может выглядеть как журналистика, эссеистика или что-то ещё. Но это внешнее, оболочка. В действительности мы имеем дело с реальным исследовательским комплексом, который, развиваясь параллельно с «нормальной наукой», является в сфере рационального знания компенсаторной реакцией на эту науку. И, скажу прямо, при всех неточностях, погрешностях или даже ошибках этот комплекс в силу его эвристического потенциала намного более интересен, чем узкоспециализированная профессорско-профанная наука.

Особенно инженерно-конструкторский, остро-аналитический подход важен для изучения такой реальности, которая сознательно искажается — как правило, это относится к политике, причём тайной: к переворотам, заговорам, геополитическим спецоперациям и т.п. «Настоящий политический заговор, — пишет В.А. Брюханов, — весьма сложная система. Недаром гениальные заговорщики-практики совершали роковые ошибки, и редкий из заговоров достигал поставленных целей. В то же время к сегодняшнему дню создались и получили практическую отладку многие методы исследования сложных систем и управления ими — и дело не в формальном применяемом аппарате, а в принципах подхода к решению задач.

Мне трудно понять, как могут заниматься историей заговоров учёные, не знающие, как проходит сигнал по сложной радиотехнической схеме, или как работает система управления сборочным конвейером, или какие трудности встречаются при распределении финансов в крупных фирмах или государствах»[1]. В похожем ключе высказывался шеф гестапо Мюллер: «Надо бы поручить полицейским детективам писать историю. Она будет, возможно, не такой захватывающей, но во всяком случае куда более точной. Опирающейся на реальные факты»[2].

[1] Брюханов В.А. Заговор графа Милорадовича. М.: Астрель, 2004. С. 397–398.

[2] Дуглас Г. Вербовочные беседы. М.: Совершенно секретно, 2000. С. 220.

К сказанному В.А. Брюхановым добавлю: мне трудно понять, как могут анализировать социальную и историческую реальность те, кто не имеет навыков работы с огромными быстротекущими массивами информации, кто не умеет систематизировать информацию и выдавливать из неё, как из тюбика, знание, кто не умеет плавать в информпотоках и работать, отталкиваясь от совокупности косвенных свидетельств, как это делают разведчики, аналитики спецслужб и криминальные журналисты. Важнейшие события чаще всего решаются втайне и не фиксируются документально (это — не говоря о том, что реальная власть есть тайная власть). Такие события можно вычислить только по косвенным свидетельствам, а для этого нужна дедукция — надо знать, где искать. И нужно воображение — то качество, которое так ценили у учёных В. Гейзенберг, Ж. Гимпель и др. — список величин можно продолжать, если не ad hoc infinitum, то долго.

3

Одна из проблем, которую старательно обходит профессорская наука — судьба Гитлера и нацистской организации после войны. Профессорской науке всё ясно: Гитлер покончил самоубийством, а Третий рейх «рассосался», превратившись в мелкие организации «недобитков». Как говорил Людвиг Витгенштейн, некоторые факты и проблемы едва упоминаются из-за их общеизвестности, что создаёт иллюзию ясности и лучше всякого маскхалата скрывает и проблему, и саму реальность. Особенно если на это есть политический заказ, трансформированный в общепринятую научную проблематику, с одной стороны, и список табуированных «для серьёзного рассмотрения» вопросов — с другой. В то же время журналисты и аналитики вполне доказательно пишут о «Нацистском интернационале»/ Четвёртом рейхе как о мощной политической силе послевоенного мира и о том, что Гитлер, Борман и другие вожди рейха спаслись. В последнее время число таких работ выросло, будто кто-то хочет о себе напомнить. Но важнее понять, почему тематика Четвёртого рейха и судьбы Гитлера становится весьма актуальной в наши дни. Мы видим как в современном мире, в том числе и в связи с подъёмом Германии, с тем, что она стала экономическим лидером Европы, намечается тенденция к чему-то, явно напоминающему реабилитацию Третьего рейха. Параллельно с реабилитацией Третьего рейха идет процесс демонизации СССР, на который возлагается такая же вина в развязывании Второй мировой войны, как и на Германию.

Это очень выгодно главным поджигателям войны — англо-американскому капиталу, прежде всего финансовому, и обслуживающим этот капитал политикам. Сегодня их наследники прячут концы в воду и к тому же пытаются вытолкнуть Россию из числа держав-победителей. Советский коммунизм некие силы на Западе и их «шестёрки» в РФ пытаются приравнять к нацизму в качестве двух форм тоталитаризма, причём Третий рейх оказывается более мягкой формой. Ясно, что в самой Германии такой подход находит немало сторонников — эдакая интеллектуальная форма реванша за поражение от СССР, от русских. Поэтому всё, что связано с Третьим рейхом, с невыясненными вопросами его истории, с ролью американского и британского капитала, США и Великобритании в создании «Гитлер Инкорпорейтед», в спасении теми же американцами и Ватиканом нацистских преступников от

заслуженной кары, послевоенной судьбы нацистов и их «интернационала» — весьма актуально в наши дни и может стать ещё более актуальным завтра.

Причин тому несколько. Во-первых, целеполагание значительной части нынешних западных элит практически идентично нацистскому (новый мировой порядок, слой избранных, правящих миром, культ природы — экологизм/сатанизм, антихристианство, многое другое), да и на практике немало совпадений. В частности, надо помнить, что первым евросоюзом был гитлеровский и направлен он был на ликвидацию национальных государств в интересах финансово-аристократических олигархий: не случайно в 1930 г. Ялмар Шахт призывал европейских финансистов поддержать Гитлера именно потому, что он уничтожит национальные границы в Европе и создаст «Венецию размером с Европу». Если же говорить о дне сегодняшнем, то этнолингвистическая регионализация Европы, от которой выигрывают прежде всего немцы, идёт по немецким лекалам, в различных региональных ассоциациях доминируют немцы, а сама эта регионализация работает на подрыв национальных государств как на составляющую курса на установление нового мирового порядка.

Во-вторых, Запад, причём не столько немецкий (Германосфера), сколько англосаксонский (Англосфера), никогда не простит России (как бы она ни называлась) победы над Гитлером. Мало того, что эта победа сорвала планы глобалистов, она превратила Россию/СССР в сверхдержаву, на десятилетия перечеркнув усилия западных элит не только предшествующего 1945 году полустолетия, но огромной эпохи начиная с середины XVI в. Прав О. Маркеев: «С тех самых пор, как Россия осознала себя державой, всей мировой политикой управляла одна цель — сбить нашу Родину с этой оси»[1]. Всей мировой политики, поскольку рулить ей стремился Запад, для которого Россия была геополитическим, экономическим, цивилизационным, т.е. социосистемным противником, а ещё точнее — опасным Другим, а следовательно, Врагом. Неудивительно, что вся история России с XVI в. — это отражение агрессии исключительно с Запада, что откровенно признавали учёные такого масштаба как, например, А. Тойнби-младший.

Разгромом Гитлера в 1945 г. Россия продемонстрировала невозможность победы над ней путём внешней агрессии, и ставка в борьбе с ней Запада была сделана на подрыв изнутри с активным использованием классовой перевербовки на свою сторону части господствующих групп. В данном случае неважны субъект и механизм вербовки конкретных лиц: немецкая фельджандармерия в рамках программы вербовки детей 12–16 лет на юге России (включая Ставропольский край), ЦРУ в рамках работы со стажёрами Колумбийского университета или МИ-6, выкупающая информацию на крупного партийного руководителя у северокавказской мафии[2]. Важно другое — совпадение интересов целого сегмента советского правящего слоя с таковыми Запада и сдача этим сегментом страны в Холодной войне.

Однако наивно думать, что после этой сдачи Запад, включая нацистский интернационал, связанный с определёнными кругами и их закрытыми структурами связями, уходящими в 1920–1940-е годы, «простил» Россию. Нет, vae victis — горе побеждённым. Как заметил в своём интервью журналу «Однако» (2013, № 3) Алек-

[1] Маркеев О. Неучтенный фактор. М.: Оникс, 2008. С. 278.

[2] Резванцев А.А. В сетях шпионажа, или «час крокодила». М.: Вече, 2011. С. 290–300.

сандр Рар, победа в Холодной войне для США, Британии, Франции и Германии — ключевая, она «в глазах западного человека такой же триумф, как в глазах русских — победа над Гитлером»; в самой Германии господствует точка зрения, согласно которой американцы в 1945 г. спасли Германию не только от Гитлера, но и от русских. В то же время в глазах Запада, как верно отмечает А. Рар, Россия ещё не до конца капитулировала; полная капитуляция предполагает покаяние за коммунизм, уплату репараций (Западу мало изъятых из РФ в качестве дани за последние 20 лет двух трлн. долл. — *А.Ф.*), установление у себя либеральной демократии.

Сказанное А. Раром, можно вкратце сформулировать так: полная капитуляция — это отказ России от самой себя, от своей истории и от своей идентичности. Как заметил в своё время Л.В. Шебаршин, Западу от России нужно только одно — чтобы её не было. Причём не только в физическом смысле, но и в метафизическом, чтобы русские и в ментальном плане превратились в таких же биороботов, как нынешний средний западоид, в частичку послушной биомассы. Подчеркну: нужно Западу в целом, а не какой-либо одной стране. Некоторые геополитики в России полагают возможным союз со странами континентальной Западной Европы и чуть ли не противостояние вместе с ними США. В уже упоминавшемся интервью А. Рар верно напоминает: «В России не до конца понимают, что Западная Европа гораздо теснее связана с Америкой, чем это может показаться, если посмотреть на географическую карту. Европа опирается на поддержку США как самой сильной державы мира и ожидает, что Америка “подстрахует” Европу. Пока есть Америка, Европе не страшны внешние враги. Запад по-прежнему вдохновляется американским образом жизни, от которой, как у нас (в Западной Европе. — *А.Ф.*) считают, веет свободой. И после окончания Холодной войны, Запад уверен, что этим духом свободы надо осчастливить всё остальное человечество. […] Запад сегодня экспортирует “революцию среднего класса” по всему миру, и отнюдь не мирными средствами».

Здесь необходимо оговориться: то, что А. Рар назвал «революцией среднего класса», — это вывеска, на публику, «для прессы». Речь идёт об олигархической контрреволюции глобалистов, которые, объявляя «средним классом» те группы, которые легче поднять на антиправительственные действия, рушат неугодные режимы. Но нас в данном случае интересует не это, а фиксация А. Раром сущностного трансатлантического единства Запада (при всём брюзжании европейцев по поводу Америки) в его негативном отношении к России — как на уровне элит, так и на уровне обывателя, которому основательно промыли мозги, в том числе и по поводу того, что такое Россия и как к ней надо относиться.

В самом конце фильма К. Шахназарова «Белый тигр» есть такой эпизод. Постаревший и явно переживший 1945 год Гитлер, объясняя собеседнику мотивы действий нацистов, говорит, что Европа (именно Европа, а не только Германия) разгромлена, что его и Германию «представят как извергов рода человеческого, как исчадия ада. А мы просто нашли мужество осуществить то, о чём мечтала Европа. Мы сказали: вы об этом думаете, давайте, наконец, сделаем это. Это как хирургическая операция […] Разве мы не осуществили потаённую мечту каждого европейского обывателя? Разве не в этом была причина всех наших побед? Ведь все знали, что то, о чём они боялись рассказывать даже своим жёнам, мы объявили ясно и открыто, как подобает мужественному и цельному народу. Они (европейцы. — *А.Ф.*)

всегда не любили евреев. Всю жизнь они боялись эту мрачную угрюмую страну на востоке, этого кентавра, дикого и чужого Европе — Россию. Я сказал: просто давайте решим эти две проблемы, решим их раз и навсегда. Разве мы придумали что-то новое? Нет. Мы просто внесли ясность в те вопросы, в которых вся Европа хотела ясности. Вот и всё».

Кто-то скажет: мало ли что можно вложить в уста тому или иному персонажу в кино, фильм — не доказательство. Конечно, не доказательство. Но очень хорошая иллюстрация, особенно если вспомнить всё: что континентальная Европа пахала на Третий рейх в его войне с СССР; что итальянцы, венгры, румыны, прибалты и поляки воевали на стороне Гитлера; что каждый третий танк для восточного фронта был собран на чехословацких заводах; что с англичанами и французами, как отмечали многие, включая К. Шмитта, немцы воевали совсем по-другому, чем с русскими; что в последние дни войны, в момент Endkampf'а рейхстаг защищали эстонские и французские эсэсовцы; что англосаксы и Ватикан организовали спасение десятков тысяч нацистов, многие из которых с конца 1940-х годов стали работать в США против СССР; что сегодня Запад благосклонно смотрит на марширующих по улицам Риги и Таллинна эсэсовцев и в то же время негодует по поводу символики страны, победившей этих эсэсовцев. Монолог Гитлера из шахназаровского фильма великолепно иллюстрирует то, о чём идёт речь — об общеевропейском отношении к двум главным жертвам холокоста — русским и евреям. Ну а кому мало фильма, отсылаю к интервью человека, которого не заподозришь в любви к СССР, — К.К. Мельника, руководителя французских спецслужб в президентство де Голля, всю жизнь прожившего во Франции. Весьма перекликающееся по содержанию и тональности с раровским интервью называется «Франция не понимает и ненавидит Россию». Это говорится о стране, по поводу которой у нас существует миф, что французы относятся к России и русским лучше, чем другие европейцы. (К.К. Мельник считает: что бы ни говорили французы, они никогда не простят России разгром Наполеона, но дело, конечно, не только в этом.) Короче говоря, как пел А. Вертинский, «мы для них чужие навсегда». И эта чужесть отчётливо проявляется при сравнении отношения друг к другу европейцев и немцев, с одной стороны, и их общего отношения к России и русским, с другой. Именно поэтому для нас столь важна тематика Четвёртого рейха и связей нацистов с англосаксонским истеблишментом, здесь не должно быть никаких иллюзий, нужен трезвый взгляд: «мечтай, не став рабом мечтанья» (Р. Киплинг).

Негласное табу на Западе на серьёзные исследования бегства Гитлера и других руководителей Третьего рейха, на исследования Четвёртого рейха/«нацистского интернационала» обусловлено политико-идеологической опасностью таких работ для западной верхушки, прежде всего англосаксонской. Ведь в таком случае вскрывается тесный союз нацистов и определённой части правящих кругов США и Западной Европы, роль нацистов в переформатировании самих США и в разведслужбах и политических кругах НАТО. Послевоенный союз очень влиятельной части, верхушки западных элит с нацистами — вот что может вскрыть анализ «жизни после смерти» Гитлера, Бормана, Мюллера, Каммлера и других. О роли англо-американцев в приходе Гитлера к власти, в создании Третьего рейха и его финансово-экономической и военной накачке этими верхушками я уже не говорю. Поэтому тематика Четвёртого рейха важна не только в чисто научном плане, но и с точки зрения нынешне-

го этапа мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы, нынешней «пересдачи Карт Истории», нынешнего противостояния России и Запада, пока — психоисторического, информационного, а там Бог весть…

Поэтому, в-третьих, совсем злободневные причины. Мы видим, как в нынешней Германии, вопреки тому, что было в 1990-е – первой половине «нулевых», нарастают антироссийские и антирусские настроения. Удивительным образом это совпадает с укреплением власти в самой России и развитием, пусть через пень-колоду и часто больше на словах интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Не напоминает ли это разницу между 1920-ми и 1930-ми годами? Когда Советская Россия была слаба и, главное, ею заправляли сторонники мировой революции, западная верхушка, пусть с неохотой, готова была закрыть глаза на «особые» отношения между Веймарской Германией и СССР, хотя Вальтер Ратенау заплатил за это (впрочем, только ли за это?) жизнью. А вот как только СССР приступил к индустриализации, коллективизации и окончательно отказался от курса на мировую революцию, символически выдворив из страны в 1929 г. Льва Троцкого, англо-американцы начали двигать к власти Адольфа Гитлера, руша отношения между Россией и Германией и беря курс на их стравливание между собой.

Нынешняя РФ, при всём её сложном, мягко говоря, положении, — не ельцинская РФ времён «друга Билла» и, что важнее в данном контексте, «друга Гельмута». Усиление антироссийских настроений в Германии — это одновременно реакция трансатлантических элит на укрепление сделочной позиции РФ в условиях нарастающих проблем США, их провала в Сирии и нерешённой проблемы Ирана, с одной стороны, а с другой — опережающая реакция на возможное сближение Германии и РФ. При всей близости германской и американской деловой и политической элит такой вариант остается иррациональным кошмаром для трансатлантистов. Впрочем, в истории, особенно на изломах, в условиях кризиса порой побеждает именно иррациональное. В любом случае, рост антироссийских настроений в Германии и на Западе в целом, обусловленный тем, что РФ не собирается полностью капитулировать (на западном новоязе — «демократизироваться»), тем, что мы пытаемся «собирать свои пяди и крохи», — это ещё одна причина присмотреться к проблеме нацистского интернационала, в основе которого и среди причин возникновения которого — тесные связи, а нередко союз англосаксонских и нацистской элит. Тем более что и хронологический повод есть: 2013-й год — год 70-летия великого перелома в Великой Отечественной войне. 70 лет назад Красная армия сломала хребет вермахту и погнала его nach Westen, чтобы два года спустя одержать полную победу — нашу победу, которую, как стало ясно в 1944 г., мы одержим и сами, без так называемых союзников.

4

Авторы «Серого волка» сходу огорошивают читателя (разумеется, не очень подготовленного), причём не один раз. Во-первых, они уверенно утверждают: «…в конце Второй мировой войны Адольф Гитлер, величайший злодей в истории, сбежал из Германии и остаток жизни провёл в Аргентине; его заместитель по партии рейхсляйтер Мартин Борман, и Генрих «гестапо»- Мюллер, клю-

чевая фигура в разработке плана “окончательного решения еврейского вопроса”, также избежали наказания и присоединились к нему в Аргентине. Не менее вопиющий факт: Америка и Британия способствовали побегу сотен бывших нацистов, таких как учёный-ракетчик Вернер фон Браун и садист-эсэсовец Клаус Барбье, известный как Лионский Мясник. В послевоенные годы оба они работали на правительственные службы США, остальным же просто позволили избежать судебного преследования и поселиться в разных отдалённых уголках планеты»[1].

Во-вторых, авторы фиксируют тот факт, что, несмотря на все разговоры о том, что Гитлер покончил самоубийством, однозначных (в юридическом смысле) доказательств нет. ДНК-экспертиза фрагмента «черепа Гитлера» показала, что он принадлежал женщине 30–40 лет (но не Еве Браун). Уже доказано, что «труп Евы Браун» не имеет никакого отношения к Еве Браун; «фото ещё несожженного “трупа” Гитлера с пулевой раной на лбу широко распространялась после войны. Ныне считается, что это скорее всего повар из бункера, отдалённо напоминающий Адольфа Гитлера. Это было одно из, по крайней мере шести, тел «Гитлера», переданных советским представителям, причём ни одно из них не имело следов огня»[2].

ДНК-тест скелета Бормана, обнаруженного близ рейхстага, показал (об этом сообщили официальные власти), что он принадлежит кому-то из его старших родственников; а «кости Мюллера», эксгумированные в 1963 г., принадлежат вообще трём разным людям. В то же время есть немало свидетельств лиц, видевших фюрера и Еву Браун после войны. Но, похоже, это мало кого интересует, как и тот факт, на который указывают авторы: «В ФБР во времена директора Джона Эдгара Гувера хранились данные о каждом случае появления Гитлера вплоть до 1960-х годов»[3].

А вот свидетельств о том, что он вовсе не собирался кончать самоубийством и готовился к бегству, хватает. Например, Леон Дегрель после окончания войны рассказывал, что посещал Гитлера за день до того, как в Берлин вошли русские и что фюрер активно готовился к побегу. Леон Дегрель — человек весьма информированный. Несмотря на звание всего лишь штандартенфюрера СС, этот бельгиец был последним, 12-м рыцарем внутреннего (руководящего) круга СС («Орден Чёрного Солнца») и «по совместительству» возглавлял партию рексистов. Незадолго до своей смерти (1975 г.) Отто Скорцени именно Дегрелю и капитану I ранга ВМС Италии «чёрному князю» Валерио Боргезе делегировал свои полномочия по руководству тайными структурами «невидимого рейха»[4].

Оба эти персонажа не только колоритны, но и (особенно Боргезе) хорошо иллюстрируют смычку между послевоенным фашизмом и англо-американскими элитами, а потому об этих личностях, сделав небольшое отступление, надо сказать несколько слов. Дегрель после войны неоднократно говорил, что, вторгнувшись в СССР, вермахт вопреки ожиданиям столкнулся не с азиатами, а с самыми настоящими арийцами. Рассказывают, что в кабинете Дегреля после войны висели карти-

[1] Dunstan S., Williams G. Grey Wolf. The Escape of Adolf Hitler. The Case Presented. N.Y.: Sterling, 2011. P. XIX.

[2] Там же. P. 171.

[3] Там же. P. XXIV.

[4] Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М.: Веба; проект «Лубянка», 2008. С. 206.

ны, изображающие немца и русского — двух блондинов с голубыми глазами, сошедшимися в смертельной схватке. Дегрель выражал сожаление, что два «братских северных народа» уничтожали друг друга — не в первый раз, добавлю я, и вина на этом лежит на не вполне «северных» по генетике и даже по внешности руководителях Третьего рейха и подталкивавших их к агрессии против СССР англосаксам. Которым после окончания войны служил Дегрель.

«Чёрный князь» Юнио Валерио Боргезе — значительно более зловещий персонаж, одна из важнейших фигур в фашистской системе Италии. В 1945 г. американский разведчик Дж. Энглтон спас Боргезе как минимум от тюрьмы, и организатор морского спецназа (X MAS) муссолиниевской Италии, офицерский состав которого практически полностью был представлен выходцами из знатных итальянских семей, начал верно служить США и возглавлявшимся американцами наднациональным структурам мирового управления[1]. Сам Боргезе — представитель одного из знатнейших итальянских родов, тесно связанного с аристократическими фамилиями Паллавичини, Колонна, Орсини, профашистскими элементами Ватикана и военно-религиозным Мальтийским орденом. Именно Боргезе играл активную роль в «натовском бюро убийц» — созданной официально в 1956 г. структуре «Гладио» («Gladio» — «Меч»), специализировавшейся на политических убийствах и инкогнито направлявшей деятельность правых и левых (включая «Красные бригады») террористов. После неудавшейся попытки правого переворота в Италии в 1970 г. бежал в Испанию, где установил тесный контакт со Скорцени. Таким образом, выстраивается линия: Ален Даллес (ЦРУ, США) – Боргезе (Италия, НАТО, европейские католическая и финансовые корпорации) – Четвёртый рейх, т.е. нацисты. Именно младший Даллес играл одну из главных ролей во включении бывших нацистов в американские и натовские разведывательные структуры. Но вернемся к «самоубийству» фюрера.

Со временем стало выявляться, что показания «свидетелей» самоубийства Гитлера мало что стоят. Опираясь на свои исследования, а также на работы Е.М. Ржевской, А. Иоахимстиллера, В. Мазера, В.А. Брюханов писал: «Понятно, что Гитлер имел совершенно законное право побеспокоиться о своей жизни и здоровье чуть больше, чем это делали непосредственные руководители государств антигитлеровской коалиции вместе со всеми их многочисленными советниками и профессиональными убийцами, столь трогательно заботившимися о Гитлере вплоть до самого конца войны!

Гитлер и побеспокоился — об этом свидетельствовал известный персонаж, прославившийся своими запутанными и противоречивыми признаниями и показаниями, зубной техник Фриц Эхтман.

В мае–июне 1945 года он “опознал” “труп Гитлера” по якобы изготовленным им самим зубным протезам, которых он на самом деле не мог изготавливать — они были сделаны и установлены за несколько лет до его появления в окружении Гитлера.

Затем к лету 1947 года Эхтману уже основательно надоело сидеть в советской тюрьме, и он начал осторожно, но очень прозрачно намекать на то, что ещё в январе 1945 года получил чёткое задание на изготовление дубликатов искусственных зубов Гитлера для последующей их установки его двойнику.

[1] Подр. см. великолепную статью: Douglas A. Italy’s Black Prince: terror war against the nation-state // Executive intelligence review, 2005, Feb. 4. P. 55–71.

Но политическая конъюнктура складывалась так, что никто в этих откровениях Эхтмана тогда не нуждался, и пришлось ему посидеть ещё немало лет, а потом, позднее, возник спрос на совсем другие его показания — и уж он постарался не подкачать, снова доказывая, что в 1945 году опознал труп подлинного Гитлера, а потом вновь стал сеять в этом сомнения! Что сделаешь, если жизнь прирождённых или воспитанных лжесвидетелей обычно далека от безмятежности, покоя и комфорта и, главное, от последовательности!..»[1].

Зададимся вопросом: если Гитлер действительно уцелел, то могли ли об этом не знать лидеры держав — членов антигитлеровской коалиции? Не могли. Кстати, они никогда не утверждали, что у них есть доказательства смерти «Алоизыча». Сталин в Потсдаме (17 июля 1945 г.) настаивал, что Гитлеру удалось скрыться; Жуков (6 августа 1945 г.): «Опознанного трупа Гитлера мы не нашли»; Эйзенхауэр (12 октября 1945 г.): «Есть все основания утверждать, что Гитлер мёртв, но нет ни малейшего прямого доказательства этого факта».

В-третьих, С. Данстен и Дж. Уильямс подчёркивают (и убедительно доказывают этот тезис содержанием своей книги), что «побег Гитлера из Берлина… на удивление хорошо задокументирован»[2].

Думаю, если предположить, что мировые лидеры знали, что Гитлер жив (они ни разу не позволили себе прямо сказать, что он мёртв) и при этом не предприняли мер к его поимке, значит, речь должна идти о молчаливом согласии или просто о сговоре или, если угодно, о договорённости. Гитлеру могли позволить уйти в будто бы небытие — в обмен на что-то, на какие-то козыри, которые фюрер выложил на стол.

«Козыри» эти были представлены как «кнутом», так и «пряником». «Кнут» — угроза подвергнуть бомбардировке новым оружием восточное побережье США, и есть сведения, что демонстрация была проведена (американские власти представили её как взрыв снаряда или снарядов неподалеку от Нью-Йорка). Но «пряники» были значительно мощнее. Речь идет о трёх вещах.

Первое. Часть награбленных богатств; американцы захватили только «золото рейха» (около 20% общих «запасов»), которым профинансировали план Маршалла, но не нашли «золото партии», которым ведал обергруппенфюрер СС Франц Шварц, и «золото СС». Ограбление Европы было одной из составляющих гитлеровской политики в частности и Второй мировой войны вообще. Впрочем, по некоторым сведениям, военно-морская (sic!) разведка Германии ещё в 1931 г. составила список крупнейших государственных и частных коллекций произведений искусств, антиквариата и нумизматики в Европе. После оккупации нужно было только подгонять грузовики по означенным адресам. «История Второй мировой войны, — пишет А. Мосякин, — это не только вполне изученная картина военных действий, но и ещё не вспаханная целина бесконечных перемещений, насильственных изъятий и гибели культурного и исторического наследия целых народов. Под грохот пушек творился вселенский “круговорот сокровищ”. Эшелонами из одних мест в другие вывозились произведения искусства, ценности дворцов, музеев, церквей, и библиотек, частные и государственные архивы, имущество граждан. Сначала на-

[1] Брюханов В. Происхождение и юные годы Адольфа Гитлера. М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. С. 362.

[2] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. 249.

роды большинства европейских стран ограбили гитлеровцы и их приспешники, а потом награбленное ими "прихватизировали" победители. И здесь надо отчётливо понимать, что за этим стояло не примитивное воровство (хотя и оно имело место), а нечто гораздо большее. Ещё Гитлер хотел использовать награбленные им ценности как инструмент в будущих мирных переговорах. Об этом пишет в своих мемуарах Альберт Шпеер, о том же есть документы в архиве Г. Штайна»[1]. В данном контексте важно, что Гитлер исходно собирался использовать награбленное в качестве «гирьки» на весах мирных переговоров. А грабили немцы систематически и в огромных масштабах. Этим занимался Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg für die Besetzen Gebiete — ERR) под руководством Альфреда Розенберга. Это не говоря о том, что нацисты опустошили центральные банки всех захваченных стран.

Второе, и это очень важно, козырем мог быть убойный компромат на мировую верхушку, нарытый немецкой разведкой и агентурой влияния в 1920-е – первой половине 1940-х годов.

Третье — часть технических достижений рейха (патенты, технологии), который по ряду направлений обогнал СССР и США на десятилетия. По мнению К.П. Хидрика, одним из объектов технического отступного, переданного Борманом американцам, мог быть уран и взрыватели для атомных бомб, сброшенных в августе 1945 г. на Хиросиму и Нагасаки. В истории с Манхэттенским проектом есть одна загадка: американцам ещё в начале 1945 г. катастрофически не хватало урана, и они никак не могли произвести хорошие взрыватели — а в августе они уже сбрасывали атомные бомбы на японские города. В работе «Критическая масса: как нацистская Германия отдала обогащённый уран для создания американской атомной бомбы» К.П. Хидрик[2] пишет, что бомба «Little boy», сброшенная на Хиросиму, содержала 64,15 кг обогащённого урана — это практически всё, что было произведено с середины 1944 г. в США (в Оук Ридж, Теннеси), для второй бомбы урана не было, но бомба появилась.

Загадка разрешается, если предположить, что уран и взрыватели были переданы американцам в обмен на отказ от преследования после войны. Есть ли свидетельства в пользу такого предположения? Целый ряд исследователей, включая К.П. Хидрика (его работа основана на документах Национального Архива США), Дж. Фаррелла, Дж. Марса, Х. Стивенса и других считают, что есть. Главную роль в истории с передачей урана играла подводная лодка U-234. Она отплыла из Киля в марте 1945 г. На борту находился изобретатель взрывателя для атомной бомбы доктор Хайнц Шлике, два японских офицера — полковник ВВС Гэндзо Сёси и капитан ВМС Хидео Томокага, а также 240 метрических тонн груза, включая два разобранных истребителя МЕ-262, взрыватели и десять позолоченных цилиндров с 560 кг окиси урана (этого хватило бы для восьми таких бомб, типа той, что была сброшена на Хиросиму; у самих американцев едва хватило на одну).

---

[1] Мосякин А. За пеленой янтарного мифа: Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб. М.: РОССПЭН, 2008. С. 432.

[2] Hydric K.P. Critical Mass: How Nazi Germany Surrendered Enriched Uranium for the United States' Atomic Bomb. Spring (TX): Whitehurst, 2004.

Использование позолоченных цилиндров свидетельствует о том, что речь идёт о высокообогащённом уране-235: золото — эффективная защита от радиации. Члены команды посмеивались над японцами, под руководством которых вносили груз, замаркированный «U-235», полагая, что те перепутали номер подводной лодки (U-234). Но путаницы не было: маркировка U-235 означала уран, который предназначался для японцев и их бомбы. Однако 14 мая 1945 г. U-234 получила из Берлина приказ (реально его в это время мог отдать только Борман) сдаться американцам; узнав о сдаче, японцы покончили самоубийством и были похоронены в море. Когда американцы официально предъявили захваченный груз морскому ведомству, в нём отсутствовали оба истребителя и 70 т груза[1].

Уран-235 — далеко не единственный научно-технический «объект» для обмена, который могли предложить нацисты, были и другие, не говоря уже о «ненаучно-технических» (в том числе сведения о том, где спрятаны бесценные предметы искусства).

Размен части активов, техники и компромата на жизнь и послевоенное функционирование верхушки рейха в заранее созданных структурах, разумеется, аморален, но политически мог выглядеть весьма целесообразно в глазах всех участников сделки, особенно если учесть интерес американцев к использованию нацистов против СССР. Не надо забывать и тот факт, что Третий рейх был брутальным экспериментом по созданию нового мирового порядка, в котором была заинтересована западная элита в целом (отработка управления большими массами оболваненного населения, двухконтурная система власти — партия и неоорден СС, жёсткий социальный контроль и т.д.), и одновременно бизнес-проектом этой элиты. Достаточно взглянуть на связи американских и немецких финансистов и промышленников, на «ИГ Фарбениндустри». Если сделка, о которой идёт речь, состоялась — а, похоже, так оно и было — журналисты и учёные всех стран, обслуживающие свои верхушки, должны были «убедительно доказывать», что Гитлер мёртв, выполняя установку тех, кто знал правду и условия её рождения. Если бы люди узнали, что победители Зла пошли с ним на сделку, разрешив тому, кого заклеймили как «преступника № 1 всех времён и народов», жить спокойно и в комфорте, в то время как его ближайшее окружение (а по сути и его заочно) судили в Нюрнберге, то обнажившаяся правда вызвала бы грандиозный скандал и оборвала бы многие карьеры. Ведь сказал же как-то А.А. Громыко, что если бы мир узнал правду о реальности, то он взорвался бы. Поэтому фюрер должен был считаться мёртвым: «Следствие окончено, забудьте». И наука, а также журналистика — продажные или просто недалёкие — работали на эту «забывчивость».

Однако, как ни прячь, следы всегда остаются, их нужно уметь найти. Как говорил герой романа «Вся королевская рать» губернатор Вилли Старк: «Всегда что-то есть. Человек зачат в грехе и рождён в мерзости, путь его — от пелёнки зловонной до смердящего савана. Всегда что-то есть. Нужно только копнуть». Или: «Кто не слеп, тот видит», как говорил уже не литературный, а реальный герой Лаврентий Берия.

Вот как увидели бегство Гитлера С. Данстен и Дж. Уильямс, которые, используя воспоминания участников и некоторые документы, прошли по следам фюрера. Готовили бегство в течение нескольких месяцев Борман и шеф гестапо Мюллер. Корни

[1] Там же. С. 133 и след.; Marrs. Ук. соч. P. 67–71.

этого «тандема», не принадлежавшего в когорте «Alter Kämpfer» (Борман вступил в НСДАП в 1926 г., а Мюллер уже в 1930-е гг.), уходят в 1930 г., когда Мюллер помогал Борману запутывать следствие по делу Гели Раубаль — племянницы и, по-видимому, любовницы Гитлера, не то покончившей самоубийством, не то убитой самим Гитлером в припадке гнева (причины выдвигаются разные — здесь и ссора, и беременность Гели от Гитлера, и беременность от какого-то еврея-виолончелиста).

5

В пятницу 27 апреля 1945 г. Борман из нескольких вариантов ухода решил использовать подземный переход (450 м) к тоннелям метро, тоннели, а затем самолёт. Но сначала те, кто готовился бежать, должны были «умереть», точнее, умереть должны были двойники. С двойниками у Гитлера проблем не было — их у него имелось аж 12 (убит скорее всего был Густав Вебер, который стал заменять фюрера после покушения 20 июля 1944 г.), для Евы Браун тоже нашли какую-то молодую актрису из «гарема» Геббельса; нашли даже собаку-двойника для любимицы фюрера овчарки Блонди, с которой он не желал расставаться (немецкая педантичность и немецкая сентиментальность «в одном флаконе»). В полночь 28 апреля беглецы отправились в путь. В полночь 29 апреля был разыгран фарс с «самоубийством Гитлера и Евы».

В систему тоннелей метро группа вошла в районе станции «Кайзерхоф» (ныне — «Моренштрассе»), выйдя из здания станции «Фербеллинер Плац» беглецы сели в три танка «Тигр-II» и два полугусеничных бронетранспортера SdK3 251, которые отвезли их в находящейся в километре взлётной полосе на Гогенцоллерндам. Самолет Ju-52, которым управлял опытный лётчик гауптштурмфюрер СС Петер Эрих Баумгарт, приземлился в Травемюнде, откуда беглецы, пересев на Ju-252, вылетели в Испанию на военный аэродром Морон. «Пересадка Гитлера с немецкого «Юнкерса» Ju-252 на «Юнкерс» Ju-52 с бортовыми знаками Ejército del Aire — испанских ВВС — на испанской базе в Реусе 29 апреля была осуществлена быстро и в обстановке секретности»[1].

Ju-52 доставил Гитлера на Фуэртавентуру (Канарские острова), где его приняла на борт подводная лодка U518. Гитлер выбрал капитана именно этой подлодки — 25-летнего, но уже очень опытного Ганса-Вернера Оффермана. Проделав за 59 дней (по другой версии — 53 дня) путь в 8,5 тыс. км, U518 прибыла к берегам Аргентины (Мар дель Плата) в конце июля 1945 г. Удивительно, но как отмечают авторы «Серого волка», и об этой высадке сохранились воспоминания очевидцев — воистину «нет ничего тайного», «нужно только копнуть». Из Мар дель Плата беглецы вылетели в эстансию Сан-Рамон неподалеку от г. Сан-Карлос де Барилоче. Всем, кто работал на эстансии, прибывших представили как гостей хозяев. В марте 1946 г. работников эстансии собрали и сообщили, что гости погибли в автокатастрофе и запретили впредь обсуждать эту тему[2]. Таким образом, след четы герра и фрау Гитлер обрубался и заметался во второй раз, но теперь уже не в Берлине, а в Патагонии. Ну а беглецы обосновались всего в 90 км от Сан-Рамона — в эстансии

[1] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. 253.

[2] Там же. P. 238.

Иналько (близ деревни Вилья-Ангостура, прямо на границе с Чили). Иналько, воспроизводившая архитектурные элементы резиденции фюрера «Берхгоф» в Альпах, была главной резиденцией Гитлера с июня 1947 по октябрь 1955 г. А затем следы Гитлера теряются в очередной раз. По одной из версий, он умер в полдень 13 февраля 1962 г., по другой — менее точной — между 1960 и 1970 г.

Выскажу предположение: возможно, Гитлер действительно умер в 1962 г., но возможно и другое — очередной обрыв следа. Наконец, есть у меня сомнение и по поводу того, что в Латинской Америке жил Гитлер, а не двойник. Хотя сделка с мировой (прежде всего американской) верхушкой и могла быть заключена, Гитлер ни в коем случае не должен был верить янки. А потому скорее всего раньше или позже он должен был задействовать двойника. По логике в Барилоче должен был постоянно проживать именно один из двойников, а Гитлер, сделав пластическую операцию, мог жить где-то ещё, причём скорее всего не в Аргентине, Парагвае или на Мальдивских островах, а в Европе — в Австрии или Баварии: «Где умный человек прячет камешек? Среди камешков на морском берегу» (К.Г. Честертон), т.е. там, где заведомо не будут искать, тем более зная, что фюрер живёт в Барилоче. Ведь заявил же в 1943 г. Карл Дёниц: «Подводный флот Германии может гордиться тем, что участвовал в создании рая на земле, неприступной крепости для фюрера в одном из уголков земного шара».

Что касается Бормана, Мюллера и Каммлера, то с доказательствами их смерти дело обстоит совсем плохо. Обенгруппенфюрер СС Ганс Каммлер, под контролем которого находились все важнейшие работы рейха по созданию сверхоружия, а также тяжёлая дальняя транспортная авиация (несколько Ju-290 и два огромных Ju-390, «один из которых, согласно Агостону, 28 марта 1945 года совершил перелёт в Японию через Северный полюс»[1]) просто исчез — вообще, исчез с концами. Мюллер был признан погибшим (хотя Шелленберг в написанных под диктовку британцев мемуарах написал, что Мюллер и Борман «ушли» к русским — врал, естественно), родственники поставили надгробие над его могилой с надписью: «Дорогому папочке». Когда в 1963 г. могилу вскрыли, в ней обнаружили скелеты сразу трёх «папочек», и ни один из них не был Мюллером.

Единственное «свидетельство» смерти Бормана — сомнительные показания его дантиста, оказавшегося в советском плену. Симон Визенталь ему не поверил — и правильно сделал. Показательно, что когда в 1969 г. израильская разведка стала подбираться к монастырю доминиканцев Сан-Доминго (Галисия, Испания), там случился пожар, причём начался он аккурат с тех полок, где хранились записи о гостях монастыря за 1946 г.

Ещё одна интересная деталь. Сын Бормана Адольф в 1958 г. стал католическим священником, миссионерствовал в бельгийском Конго, был захвачен мятежниками и приговорён к смерти. «С фронта сняли роту десантников и в ночь перед казнью бельгийские парашютисты были сброшены на деревню. Мятежников перебили, и Адольф Борман оказался освобождён»[2]. Командовал десантниками знаменитый Боб Денар, по признанию которого ему и его отряду очень хорошо заплати-

[1] Фаррелл Дж. Чёрное солнце Третьего рейха. Битва за «оружие возмездия». М.: Эксмо, 2008. С. 141.

[2] Морозов А.В. Золото холокоста. М.: Вече, 2011. С. 275.

ли. Кто заплатил? Скорее всего Мартин Борман, тем более, что в Конго тогда было немало наёмников из бывших эсэсовцев (пройдет ещё немного времени, и противостоять им будут кубинцы во главе с Че Геварой, который после своей неудачной конголезской эпопеи эпатажно скажет: «Я ненавижу расизм и негров»).

По версии авторов, Борман оставался в Германии (то ли в Мюнхене, то ли даже в русском секторе — всё то же «где умный человек прячет камешек?») до июля 1946 г. Затем он перебрался в монастырь Сан-Доминго в Испании, а в конце лета 1947 г. решил, что настало время перебираться в Аргентину. Но перед этим во время визита Эвы Перон в Испанию (июнь 1947 г.) он скрепил печатями пакт нацистов с семьёй Перон: ценности на почти миллиард долларов в обмен на безопасную жизнь в Аргентине. Эва поставила Бормана в известность о том, что в своей стране аргентинцы оставляют ему четверть перевезённого в страну награбленного добра, а остальное передаётся через доверенных лиц на хранение в швейцарских банках. Оставшаяся часть была огромной.

«187 692 400 рейхсмарок золотом;
17 576 386 долларов США;
4 362 500 фунтов стерлингов;
24 976 442 швейцарских франков;
8 370 000 голландских флоринов;
54 968 000 французских франков;
87 кг платины;
2,77 тонны золота;
4 638 карат бриллиантов и других драгоценных камней.

Даже оставшаяся Борману четверть этого богатства была огромным состоянием. Вместе с инвестициями в более чем триста компаний по всему экономическому спектру Латинской Америки — в банковской сфере, промышленности и сельском хозяйстве (одна только корпорация Lahusen получила 80 млн. песо) — эти деньги стали «важным фактором в экономической жизни Южной Америки»[1]. Однако сути дела это не меняло: выражаясь нынешним языком, могущественного Бормана элементарно кинули. «Эта афера стала возможной благодаря потворству и молчаливому согласию людей, которым в Аргентине Борман доверял больше всех, — Людвига Фройде, Рикардо фон Лёйте, Рикардо Штаудта и Генриха Дёрге; все они имели доверенности на управление банковскими счетами, открытыми в Буэнос-Айресе для проведения операции “Огненная Земля”»[2].

Однако у Бормана и членов его «Организации» была хорошая память, и если Эвите, женщине умной и опасной, они ничего не могли сделать (по крайней мере открыто и сразу, но, как говорится, можно и другим способом: через какое-то время она заболела раком и спустя несколько лет умерла; это сегодня можно заблокировать ген p53, и человек умрёт от онкологии в течение трёх–четырёх месяцев; в 1940-е гг. немецкие врачи уже умели вызывать рак, хотя не скоротечный, — «натренировались» на заключенных в концлагерях). А вот предавшие Бормана банкиры «стали скоропостижно умирать один за другим. Генрих Дёрге скончался при зага-

[1] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. 264.

[2] Там же. P. 259.

дочных обстоятельствах в 1949 г.; Рикардо фон Лёйте был найден мёртвым на улице в Буэнос-Айресе в декабре 1950 г., а Рикардо Штаудт пережил Лёйте всего на несколько месяцев. Людвиг Фройде, центральная фигура в операции "Огненная Земля", умер в 1952 г., выпив отравленный кофе. Хуан Дуарте, младший брат Эвиты, в 1954 г. был убит выстрелом в голову; по официальной версии он покончил жизнь самоубийством»[1].

И опять же я не исключаю и в этом случае игру с двойником и обрывание следов. Поэтому аккуратнее будет сказать, что Гитлер умер между 1960 и 1970 гг.

6

Даже если бы С. Данстен и Дж. Уильямс не выложили огромный пласт информации и документальных свидетельств, заставляющих поверить в их версию, смерть Гитлера и без этого казалась бы весьма сомнительной. Во-первых, Гитлер не был суицидальным психотипом. Во-вторых, не для того верхушка с 1943 г. готовила послевоенный запасной аэродром в виде структур, кадров, активов, чтобы в 1945 г. фюрер ушел из жизни — так не бывает. Собственно, в послевоенной истории интересна не столько судьба Гитлера, сколько созданная Борманом, Мюллером и Каммлером глобальная финансово-политическая сетевая структура «Четвёртый рейх», которую нередко именуют «нацистским интернационалом», что на самом деле не одно и то же — частичное совпадение по принципу «кругов Эйлера»; как говорит нацист, один из персонажей романа О. Маркеева «Странник. Тотальная война»: «Рейх не исчез, он стал невидимым. И его война не проиграна. Она стала *тотальной*».

То, как готовилось создание этой структуры, исследует в своей работе «Четвёртый рейх» весьма интересный аналитик Джим Марс. Его работа вышла на несколько лет раньше «Серого волка», авторы которого использовали содержащуюся в ней информацию. Однако если их интересовало в ней только то, что может быть использовано в качестве иллюстрации к бегству Гитлера, то работа Марса затрагивает целый ряд намного более важных проблем, чем судьба супругов Гитлер, а именно наследие Гитлера — национал-социализм, «невидимый рейх». Во Второй мировой войне, считает Марс, потерпели поражение немцы, немецкая армия, но не нацисты, которые рассеялись по миру (включая США, где сотни бывших нацистов стали работать в военно-промышленном комплексе, как например, Вернер фон Браун, который осуществил наиболее важные запуски американских ракет именно 20 апреля — в день рождения фюрера), поддерживая, однако, тесные связи друг с другом.

Марс подчеркивает тот факт, что поражение нацизма не было зафиксировано юридически: Кейтель, а затем Йодль подписали капитуляцию от имени Верховного командования вермахта, армии, но не от имени государства и партии, а союзники в эйфории победы не обратили на это внимание: «…в документах о капитуляции Германии не упоминается немецкое правительство, руководство которым к тому времени по личному указанию Адольфа Гитлера, фюрера и рейхсканцлера, было передано гросс-адмиралу Карлу Дёницу, заменившему его в качестве президента Гер-

[1] Там же. P. 261.

мании в последнюю неделю войны. То есть немецкая *армия* капитулировала перед *армией* союзников, поскольку акт подписан только военными; для союзников правительства Германии просто не существовало. Таким образом, юридическая ситуация в конце Второй мировой войны оказалась *практически противоположной* той, что создалась после капитуляции Германии в Первой мировой войне. Союзники не оставили шансов заявить о том, что армия не капитулировала, но забыли упомянуть о правительстве Третьего рейха и, что более важно, о нацистской партии»[1].

Значительную часть своей работы Марс посвящает теме «тайная история Третьего рейха», показывая как США, американский капитал поднимал в 1930-е гг. военно-экономическую мощь Третьего рейха. Особенно он подчёркивает роль Рокфеллеров и их доверенных лиц Даллесов, особенно Аллена, будущего директора ЦРУ. По сути он говорит об американо-германском капитале, причём американский сегмент, как минимум, не менее виновен в развязывании Второй мировой войны, чем немецкий. Англо-американцы — Сити и Уолл-стрит — вкладывали в немецкую экономику, «несмотря на все эксцессы нацистского режима, и этот сговор продолжал работать даже после того, как в сентябре 1939 г. началась война»[2].

Разумеется, историю пишут победители, поэтому ни американцы, ни британцы не попали в число тех, кого замечательный советский писатель, лауреат Сталинской премии Николай Шпанов верно назвал «заговорщиками» и «поджигателями». Это прекрасно понимал, например, Черчилль, который произнес: «История будет добра ко мне, ведь я сам буду её писать». Старика Уинстона придётся огорчить до невозможности: историю пишет не только он, но и другие победители, в частности русские, и нет ничего тайного, что не стало бы явным, в том числе и роль англосаксов (британцев и американцев) в разжигании Второй мировой войны, в «наполнении сосуда до краёв».

Сегодня об этой роли писать тем более необходимо, что англосаксы (и их «пятая колонна» в РФ) все шире развёртывают пропагандистскую кампанию, цель которой приравнять гитлеровский режим к сталинскому и возложить на СССР такую же (если не больше) ответственность за развязывание Второй мировой войны, как и на Третий рейх; ну и само собой, обгадить нашу победу и вытолкнуть Россию из числа великих держав-победительниц. Вспомнить бы англосаксам поговорку: «Не бросай камни, если живешь в стеклянном доме», ведь исследования последних десятилетий со стеклянной ясностью показывают активную роль США и Великобритании в разжигании мирового пожара, в приведении Гитлера к власти, в накачивании военных мускулов Третьего рейха для удара по СССР, в стравливании Германии и СССР, в провоцировании Японии. Но «британско-американская свастика» в прямом и переносном смысле — это отдельная тема, и мы к ней обязательно обратимся к «радости» наших бывших союзников, а сейчас вернёмся к книге Марса.

После сражения на Курской дуге (июль–август 1943 г.) стало ясно, что Третьему рейху не устоять. Однако ещё в марте 1943 г. нацистское руководство в лице Бормана начало готовиться к «жизни после смерти», разрабатывая планы эвакуации верхушки рейха и награбленного богатства. Поразительный факт: уже весной

[1] Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. М.: Эксмо, 2011. С. 19–20.

[2] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. XXVIII.

1944 г. в Европе вышла книга известного в то время корреспондента Курта Рейса «Нацисты уходят в подполье». В ней детально описывались нацистские планы политического выживания (не говоря о физическом) в послевоенном мире.

«Они (нацисты. — *А.Ф.*), — писал Рейс, — обладают намного лучшими средствами перехода в подполье, чем какое-либо другое потенциально подпольное движение в мировой истории. В их руках вся структура (machinery) хорошо организованного нацистского государства. И у них большой запас времени, чтобы приготовить всё как надо. Они много работали, но они ничего не делали в спешке, не оставили ничего на волю случая. Всё было логически продумано и организовано до мельчайшей детали. Гиммлер [с Борманом] спланировал всё с исключительным хладнокровием. Он привлёк к работе только высококвалифицированных экспертов — самых квалифицированных в области подпольной работы […] Теперь, когда партия решила уйти в подполье, но всё ещё сохраняет свою организацию, всё, что она должна сделать, — это действовать в обратном порядке; то есть перевести — или, более точно, — перевести в направлении противоположном тому, что делали раньше, аппарат государства в партийный аппарат — не слишком трудная задача, поскольку оба аппарата организованы одинаково»[1].

Согласно Рейсу, первые сомнения по поводу судьбы рейха возникли у его руководства ещё до разгрома Шестой армии под Сталинградом. 7 ноября 1942 г., всего лишь через два дня после высадки союзников в Северной Африке, в Мюнхене состоялась встреча Гиммлера и Бормана. Гиммлер сказал следующее: «Возможно, что Германия потерпит военное поражение. Возможно даже, что ей придется капитулировать. Но никогда не должна капитулировать Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Именно над этим мы должны отныне работать». С этого момента начинается борьба между Гиммлером и Борманом за руководство созданием послевоенной глобальной нацистской сетевой структуры; в июле 1944 г. она достигнет предельной остроты, но победит Борман, т.е. не (нео)орденские, а партийные структуры рейха в союзе с финансистами.

В мае 1943 г. несколько крупных немецких промышленников встретились у Круппа в замке Хюгель близ Эссена. Было принято решение начать внешне дистанцироваться от нацистского режима — так будет легче работать после войны. «Развод» с самого начала был фиктивным, поскольку всё делалось с согласия верхушки рейха, в частности Геринга. Впрочем, не Геринг и не Гиммлер занимались реальной подготовкой эвакуации режима, а Мартин Борман.

Марс представляет следующую биографию Бормана: родился в 1900 г.; воевал в артиллерии (Марс, к сожалению, не упоминает, что, по некоторым сведениям, во время войны Борман попал в плен, провёл два года в Харькове, где, кстати, у его деда в XIX в. был «бизнес»). По возвращении в Германию Борман вступил во Фрайкор, отсидел в 1924 г. год в тюрьме за убийство своего бывшего школьного учителя, которого Борман счёл предателем; затем вступление в НСДАП и довольно быстрая карьера. После полёта Гесса (май 1941 г.) Борман, которого называли «Макиавелли за письменным столом» (Ева Браун — более хлёстко: «сексуально озабоченная жаба»), становится «наци № 2», а в 1943 г. обретает полноту контроля и над парти-

[1] Marrs J. The Rise of the Fourth Reich. The Secret Societies That Threaten to Take over America. N.Y.: William Morrow / Harper Collins, 2008. P. 32.

ей, и над экономикой рейха, включая работы по сверхсекретным техническим проектам. При этом ему удалось вырвать экономику из рук Гиммлера: он убедил Гитлера запретить шефу СС отдавать приказы гауляйтерам по линии СС.

10 августа 1944 г., т.е. сразу после разгрома армий группы «Центр» в Белоруссии и группы армии «Б» в Нормандии Борман собрал ведущих промышленников и финансистов рейха и партийных чиновников в отеле «Мэзон руж» (он же «Ратен хаус») в Страсбурге на совещание. Главной темой была разработка схемы, по которой в послевоенный период экономика Третьего рейха эффективно работала бы, принося прибыль. Схема стала известна под названием «Aktion Adlerflug» (операция «Полёт орла»), она была составным элементом долгосрочного геостратегического плана нацистов «Закат Солнца». По сути, пишет Дж. Фаррелл, это был «грандиозный план, составленный и принятый к исполнению лично рейхсляйтером нацистской партии Мартином Борманом ещё до окончания войны, он заключался в том, чтобы превратить *национал-социализм в международный фашизм*, проникнуть в ключевые институты — а затем и установить над ними контроль — тех государств, которые победили Третий рейх и вынудили нацистскую партию уйти в подполье»[1].

Это был план скрытого сохранения национал-социализма в послевоенном мире с помощью массового вывода из Германии капитала, золота, акций, облигаций, патентов, авторских прав и даже технических специалистов. Представитель Бормана обергруппенфюрер СС доктор Шайд, директор фирмы «Hermadorf und Schenburg Company» объяснил цель совещания так: «Немецкая промышленность (в лице её «капитанов». — *А.Ф.*) должна понять, что сейчас войну уже не выиграть, и предпринять шаги для подготовки послевоенной коммерческой кампании, которая в своё время обеспечит экономическое возрождение Германии. […] Нацистская партия понимает, что после поражения Германии наиболее известных её вождей обвинят как военных преступников. Однако в сотрудничестве с промышленниками она сможет устроить своих менее видных, но не менее важных членов на немецкие фабрики в качестве технических экспертов или сотрудников исследовательских и дизайнерских отделов»[2].В рамках этого плана Борман при помощи СС, «Дойче банка» (ДБ), стальной империи Франца Тиссена и, конечно же, «ИГ Фарбениндустри» создал 750 иностранных (по вывеске) корпораций, в том числе 233 в Швеции, 214 в Швейцарии, 112 в Испании, 98 в Аргентине, 58 в Португалии и 35 в Турции[3].

Участники совещания в «Мэзон Руж» понимали, что война проиграна, но было решено: Германия будет держаться и продолжать войну ровно столько, сколько нужно для достижения определённых целей, «которые обеспечат Германии экономическое возрождение после войны»[4]. И, разумеется, создание «невидимого рейха». Иными словами, держаться до тех пор, пока не будут эвакуированы руководство рейха, золото и награбленные сокровища, архивы, технология (патенты) и часть техники.

Пол Мэннинг, написавший о Бормане книгу, отметил, что тот использовал все возможные средства, чтобы скрыть реальных собственников созданных им корпо-

---

[1] Фаррелл Дж. Ук. соч. С. 7.

[2] Marrs J. Ук. соч. P. 110–111.

[3] Там же. P. 111.

[4] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. 86.

раций и их партнёров: подставных лиц, опционные контракты (опционы на бирже), соглашения о взаимной коммерческой деятельности, банковский индоссамент (т.е. передаточная надпись на обороте чека без указания лица, которому переуступается документ), депозиты условного депонирования, залоги, ссуды под обеспечение, права на первоочередной отказ, контракты по контролю и регулированию исполнения, сервисные договоры (на предоставление услуг), соглашения о патентах, картели, процедуры, связанные с подоходным налогом. При этом копии всех трансакций сохранялись, позднее их отправили в архив Бормана в Южную Америку.

Борман следовал стратегии председателя «ИГ Фарбениндустри» Германа Шмитца: названия различных компаний и корпораций постоянно менялись, чтобы запутать вопрос с собственностью. Так, «IG Chemic» превратилась в «Societé Internationale pour participations Industrielles et Commerciales SA», тогда как в Швейцарии эта организация была известна как «International Industrie und Handelsbeteiligungen AG», или «Interhandel». Руководителями компаний формально назначались граждане других стран. У самого Бормана был личный счёт в Рейхсбанке на вымышленное имя «Макс Хелигер», на который он переводил значительную часть богатства рейха. С помощью своего главного спеца по экономике доктора Хельмута фон Хуммеля Борман выводил эти средства из страны для их дальнейшего использования.

В 1941 г. 171 американская корпорация вложила 420 млн. долл. в немецкие компании. Когда началась война, оперативники Бормана в нейтральных странах (Швейцария, Аргентина) просто скупили американские акции, используя фонды иностранной валюты в отделениях ДБ и швейцарских банков в Буэнос-Айресе. Крупные бессрочные вклады были размещены в крупнейших банках Нью-Йорка. В центре этой программы бегства капиталов находился конгломерат «ИГ Фарбениндустри» (ИГ Фарбен), который обеспечивал Третьему рейху немало технических прорывов и о котором нужно сказать особо, поскольку в XX в. у этой структуры нет аналогов, так же, как в XVIII в. не было аналогов у британской Ост-Индской Компании, а ещё раньше — у Венеции. Причем если Венеция и Ост-Индская Компания — это один исторический ряд, то ИГ Фарбен — другой, альтернативный и, более того, бросивший вызов венецианско-британскому.

7

ИГ Фарбен — уникальная корпорация, мировой химический концерн, сыгравший решающую роль в обеспечении Германии технических возможностей вести войну против почти всего мира, продержавшись при этом почти шесть лет. В то же время будучи не просто корпорацией, а мировой пирамидой картелей, ИГ Фарбен стал моделью (впрочем, трудно повторимой) для развития глобальной корпоративной структуры. Ну а создавший ИГ Фарбен Карл Дуйсберг с полным основанием считался «величайшим промышленником мира» своего времени[1].

Формально концерн был создан 25 декабря 1925 г. как соединение шести химических компаний, однако его истоки уходят в последнее десятилетие XIX в. Вообще, когда мы говорим о немецких оружейных, химических и пр. корпорациях и бан-

[1] Jeffreys D. Hell's Cartel. IG Farben and the Making of Hitler's War Machine. L. etc.: Bloomsbury, 2008. P. 17.

ках, надо помнить следующее. В конце XIX – начале XX в. тесно связанный с Гогенцоллернами Тевтонский орден распродал бóльшую часть земельной собственности и инкогнито приобрёл на полученные деньги банки, а также вложил средства в промышленность, прежде всего в военную, химическую и угольную. Часть средств была вложена в немецкие университеты. Поэтому за крупными немецкими корпорациями и банками первой половины XX в. (как минимум) в той или иной степени маячит Тевтонский орден, традиционный враг тамплиеров, Приората Сиона и британских масонских обществ.

Первая мировая война стала стимулом для развития военной и химической промышленности. После образования ИГ Фарбен её возглавили незаурядные личности — Дуйсберг, Карл Бош, Карл Краух и другие. 1930-е годы стали периодом расцвета и небывалой мощи ИГ Фарбен, которая стала государством в государстве, поскольку организационно и по степени мирового охвата превосходила остальные немецкие концерны, да и не только немецкие.

Во-первых, в самой Германии ИГ Фарбен установила тесные связи со стальной империей Тиссена — до такой степени тесные, что Э. Генри считал необходимым рассматривать их как единое целое («Рур»).

Во-вторых, концерн очень быстро установил связи с американскими компаниями. Так, с компанией «Sterling Drug», с которой ИГ Фарбен подписала договор на 50 лет о фактическом разделе мира на сферы влияния, была создана совместная компания «Alba farmaceutical». Кроме того, с 1929 г. существовал филиал ИГ Фарбен в США — «American IG Chemical Corporation»[1].

В-третьих, концерн очень плотно отслеживал и контролировал политическую ситуацию в Германии. Его агенты присутствовали в центральных комитетах всех партий Веймарской республики. Отдел разведки концерна «Бюро НВ-7» занимался не только финансово-экономической, но и политической разведкой. Финансировался отдел не только самой ИГ Фарбен, но и ДБ, принадлежавшим Варбургам. После прихода Гитлера к власти к Бюро, в котором 18 месяцев проработал будущий принц Нидерландов Берхард, тесно сотрудничало с «Абвером», а сама система управления НСДАП в значительной степени была смоделирована по ИГ Фарбен. Блестящий аналитик и стратегический разведчик, левый глобалист Эрнст Генри в своей знаменитой работе «Гитлер против СССР» цитирует материалы газеты «Deutsche Front» об «ИГ Фарбен»: «“И.Г. Фарбениндустри”, вторая по мощности индустриальная держава Германии, располагающая капиталом в 1¾ млрд марок и армией рабочих, равной 175 тыс. человек, имеет производственную, торговую и рекламную сеть, охватывающую весь земной шар. Это трест, который почти в той же мере, что и Рур, создал новую экономическую мировую мощь Германии после войны; который своим синтетическим азотом, синтетическим бензином, синтетическим каучуком и искусственными тканями произвёл настоящую техническую революцию и основал в Центральной Германии новые индустриальные комплексы, простирающиеся на целые провинции — Лейна и Оппау; трест, который, наряду с тяжёлой промышленностью и почти наравне с ней, стал признанной “второй половиной” германской финансовой олигархии, “державой Лейна”, державой, по неко-

[1] Я благодарен Д.Ю. Перетолчину, обратившему мое внимание на этот факт.

торым причинам, более “прогрессивной” и эластичной, чем “держава Рура”, но так же, как и последняя, жаждущей контролировать национальное богатство. Верно ли, что эта капиталистическая группа восстала по каким-либо соображениям против Гитлера? Ведь именно химический трест сразу после войны, когда он ещё устанавливал свое “синтетическое” оборудование и вместе с Руром боролся за главное, самое необходимое ему сырье — уголь, ведь именно он финансировал фронт германских “либералов”. Это было в Германии далеко не тайной.

“И.Г. Фарбениндустри” контролировала самые крупные в Германии концерны либеральной прессы (Ульштейн и “Frankfurter Zeitung”) и имела своих тайных агентов в центральных комитетах фактически почти всех “веймарских” партий (“католический” лидер Ламмерс, друг Штреземана Вармбольд, “демократ” и государственный президент в Бадене Гуммель и т.д.). Правительства Штреземана и Брюнинга были тесно связаны с трестом. Когда все “левые” партии в Германии, за исключением коммунистов, образовали в 1931 и 1932 гг. совместный “единый фронт” для борьбы за переизбрание Гинденбурга на пост президента, против кандидатуры Гитлера, то не кто иной, как глава химического треста доктор Дуйсберг стал официальным председателем “Объединенного Гинденбурговского комитета” и “Бюро уполномоченных по избранию Гинденбурга”»[1].

На Гитлера (именно на него, а не на Г. Штрассера или Э. Рема) сделала ставку ИГ Фарбен ещё в 1931 г. И Гитлер не остался в долгу, обеспечив концернам то, что Э. Генри назвал «неофеодализмом королей сырья и энергетики».

К июню 1941 г. ИГ Фарбен окончательно сформировался как транснациональный гигант. Его роль в обеспечении военного потенциала рейха была настолько велика, что Ф. Рузвельт приравнивал ИГ Фарбен к вермахту. Он обеспечивавал в различных отраслях военной промышленности от 35 до 100% выпуска. В частности, на предприятиях ИГ Фарбен производился циклон-Б — пестицид, который использовался как средство дезинфекции помещений концлагерей и, согласно показаниям коменданта Освенцима Р. Хесса, которые из него буквально выбивали самым жестоким образом, для умерщвления узников. Тем не менее англо-американцы производственные корпуса концерна никогда не бомбили. После войны руководство ИГ Фарбен оказалось под судом. Большую часть оправдали, меньшая часть оказалась ненадолго в тюрьме Ландсберг в довольно комфортных условиях. Саму ИГ Фарбен Эйзенхауэр предлагал разбить на части ещё в 1945 г., однако это произошло только в 1952 г., когда на месте концерна появилось 12 разных структур. Когда в середине 1950-х гг. объём химического производства в ФРГ достиг уровня 1936 г., три меньших по размеру компании были поглощены более крупными, а к середине 1970-х гг. три наиболее крупных компании заняли место среди 30 крупнейших корпораций мира (сомневаюсь, что такое могло произойти без вливания нацистских денег; впрочем, это только предположение), причём каждая из них (Bayer, BASF, Karl Bosh) оказалась более прибыльной, чем когда-то ИГ Фарбен[2].

ИГ Фарбен контактировала с более чем 700 компаний в мире; в это число не входят ни компании, представляющие корпоративную структуру самой ИГ, покры-

[1] Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М.: Русский раритет, 2004. С. 234–235.

[2] Jeffreys D. Ук. соч. P. 343.

вающую 93 страны, ни 750 борманoвских корпораций. Концерн ИГ Фарбен находился также на вершине денежных трансфертов Рейха — как и ДБ, значительную роль в деятельности которого играл его председатель доктор Герман Йозеф Абс. Именно он консультировал Бормана по вопросу о том, как скрыть и защитить депозиты, размещённые в швейцарских банках. Абс не позволил немецким оккупационным властям во Франции закрыть два американских банка — «Morgan et Cie» и нью-йоркский «Chase» — или установить над ними контроль. В этом у него было полное понимание с лордом Хэтли Шоукроссом, лидером финансового центра Лондонского Сити и члена советов директоров многих международных компаний. И это понимание тоже работало на борманoвский «Полёт орла». А председатель концерна барон Шницлер в рамках программы рассредоточения кадров проделал следующий трюк. Появившись в Мадриде, он сообщил, что бежал от гестапо. Это была «легенда». На самом деле фон Шницлер из Мадрида должен был начать управлять перемещением денег через Испанию в Южную Америку при посредничестве двух испанских банков с характерными названиями: «Banco Alemán Transatlantico» и «Banco Germánico» (владельцем обоих был ДБ). Только по этому каналу в Буэнос-Айрес было переправлено около 6 млрд. долл.[1]

Во время войны ДБ координировал транзакции рейха с золотом, купив 4446 кг у Рейхсбанка и продав их Турции. Это золото было награблено в Европе. Согласно «Книге рекордов Гиннеса», самым крупным нераскрытым ограблением банка в мировой истории было исчезновение всей немецкой государственной казны (treasury) в конце войны.

Швейцарские чиновники утверждали, что во время войны их политика строилась на равновесии между союзниками и державами «оси». На самом деле швейцарские «весы» отчётливо перевешивали в нацистскую сторону. Именно швейцарские банки обеспечивали жизненно необходимые рейху каналы превращения награбленного в деньги; они финансировали операции нацистской разведки за рубежом, обеспечивая фонды для подставных компаний в Испании и Португалии[2]. Из награбленных нацистами 579 млн. долл. 410 млн. в конце войны находились в Швейцарии. Американцы и британцы знали об этом, но их юридическое давление на «альпийских гномов» ни к чему не приводило — у них не было «ключа», т.е. счетов и паролей, на которых лежали награбленные нацистами богатства. «И тут союзникам повезло. В одном из лагерей для военнопленных они разыскали хранителя чудовищного “золотого счёта” Третьего рейха, штурмбанфюрера СС Бруно Мелмера, скрывавшегося под личиной нижнего армейского офицерского чина. На допросе с пристрастием Мелмер назвал союзникам банк, номер счёта, куда поступало золото Рейхсбанка, и известный только ему пароль. А так как на “металлический счёт”, открытый на имя Мелмера, поступало золото из нацистских концлагерей, это грозило Швейцарии обвинением в пособничестве военным преступлениям гитлеризма. Швейцарская оборона была прорвана. После этого 25 мая 1946 г. в Вашингтоне было подписано секретное соглашение между швейцарской дипломатической миссией и правительствами США, Великобритании и Франции о “возвращении из

[1] Dunstan S., Williams G. Ук. соч. P. 140.

[2] Там же. P. 115.

Швейцарии золота, незаконно вывезенного Германией из оккупированных стран во время войны и отправленного в Швейцарию". В соответствии с ним Швейцарский национальный банк (SNB) перевел 250 млн. "обеспеченных золотом швейцарских франков" в золотой пул Тройственной комиссии»[1].

В Bank of England швейцарские банки тайно перевели нацистское золото на сумму 40 млн. фунтов стерлингов, а британцы поделились с Федеральным резервом США и Banque de France; затем швейцарцы передали США нацистского ценного имущества на 197 млн. фунтов. Иными словами, замаранные сотрудничеством с нацистами швейцарские банки начали активно сотрудничать с банками союзников, позволив им наживаться на награбленном. Это позволило «гномам» оставить себе 2/3 попавшего к ним нацистского золота.

Однако «наказание без вины не бывает» (Бл. Августин), и в 1990-е гг. грянул скандал. Всемирный еврейский конгресс обвинил швейцарские банки в незаконном хранении «золота холокоста» (чуть позже эксперты доказали, что денежная единица Швейцарии — франк — отлита главным образом из зубного золота). На помощь израильтянам бросился Клинтон, учредивший комиссию по золоту холокоста (сами США «закрыли тему» до 2055 г.), и бюрократ Айзенстат заставил «гномов» выплатить сначала 8 млрд. долл., затем ещё 6 млрд. 150 швейцарских страховых фирм признали себя банкротами. А вот банк «Credit Suisse» вывернулся: во всех отделениях банка одновременно произошли пожары, уничтожившие всю отчетность[2]: нет бумаг — нет дела. И виновных нет. Впрочем, можно сказать, что швейцарцы, выражаясь попросту, «огребли по полной». Хотя, конечно же, осталось у них много, а ещё больше хранится в США — получается, что именно на них сработал своим грабежом Адольф Гитлер. И здесь самое время взглянуть на американское участие и в помощи нацистам в вывозе немецких капиталов, и в присвоении награбленного ими.

Значительная часть богатства была вывезена из Германии Фрицем Тиссеном через его банк в Голландии, который, в свою очередь, владел «Union Banking Corporation» (UBC) в Нью-Йорке. Два крупных бизнесмена — члены совета директоров UBC поддерживали Гитлера: Джордж Герберт Уокер и его зять Прескотт Буш, отец и дед президентов США. Адвокатами, обслуживающими эти сделки, работали члены Совета по международным отношениям братья Даллесы — Аллен и Джон Фостер. В конце 1942 г. следствие связало Буша и нацистские деньги с бывшим офицером СС, одним из руководителей «ИГ Фарбениндустри» и секретарем одного из членов совета директоров этой корпорации и будущим основателем Бильдербергского клуба нидерландским принцем Бернхардом. В суде Буша защищал Аллен Даллес, выигравший дело. Ещё одним держателем акций UBC был железнодорожный магнат Э.Р. Гарриман, сын Э.Н. Гарримана, наставника Прескотта Буша. Ещё одним держателем был Аверелл Гарриман, назначенный в 1943 г. послом в СССР. Братья Гарриманы (банк Brown Brothers Harriman — старейший частный банк Америки) были членами йельского тайного общества «Череп и кости», тесно связанного с глобалистами из CMO.

[1] Мосякин А. Ук. соч. С. 460–461.

[2] Морозов А.В. Ук. соч. С. 244–145.

Записи слушаний суда 1942 г. над Прескоттом Бушем были уничтожены 11 сентября 2001 г., поскольку помещение, где они хранились в здании Мирового торгового центра, сгорело (там же и тогда же сгорели файлы по делу Энрон).

Не менее скандальный характер имели связи рокфеллеровской Standard Oil с нацистами. Standard Oil перевозила нефть в Испанию; Франко оплачивал её из фондов, разблокированных и переданных Федеральным резервным банком нацистской Германии из хранилищ Банка Англии, Банка Франции и, конечно же, Банка Международных расчётов (как без него). Из Испании нефть транспортировали в Гамбург: немецкие танки и самолеты, используя горючее Standard Oil, убивали американских же солдат — с 1944 г., а до и после этого — советских.

Рокфеллерам контакты с нацистами вышли боком — причём с неожиданной стороны. Вот как представляет ситуацию Марс. В 1944 г. Нельсон Рокфеллер был назначен на разведдолжность координатора внутриамериканских дел министром обороны Форестоллом. Главной задачей Рокфеллера было монополизировать латиноамериканское сырьё и не подпустить к нему европейцев. Рокфеллер и его друзья перехватили наиболее ценную собственность британцев в Латинской Америке. А если британцы начинали протестовать, Рокфеллер блокировал их доступ к сырью, столь необходимому в борьбе с Гитлером. Вскоре почти вся Латинская Америка оказалась под неформальным контролем Рокфеллеров. Однако когда Нельсон в обход Трумэна попытался продавить в ООН членство профашистской Аргентины, он лишился своей должности и полностью вернулся к «деланию денег». Его главным партнёром в этом в ту пору был Джон Фостер Даллес — «доверенное лицо в Фонде Рокфеллера» и коллега-заговорщик по упрятыванию (smuggling — «контрабанда») денег государств Оси в безопасные места»[1].

В 1947 г. Бен Гурион отчаянно пытался набрать голоса, чтобы обеспечить принятие резолюции о разделении Палестины и таким образом создании государства Израиль. Он обратился к Рокфеллеру, который вовсе не хотел заниматься этим вопросом. И тогда Бен Гурион занялся элементарным шантажом. Марс ссылается на бестселлер Джона Лофтуса (американский адвокат с беспрецедентным доступом к секретным материалам ЦРУ и НАТО и к бывшим разведчикам-оперативникам) и Марка Аарона (австрийский радиожурналист) «Тайная война против евреев: как западный шпионаж предал еврейский народ»[2], которые со ссылкой на американских разведчиков рисуют следующую картину: «Затем явились евреи с их досье. У них были его (Рокфеллера. — *А.Ф.*) банковские счета с нацистами, его подпись на корреспонденции, связанной с созданием Немецкого Картеля в Южной Америке, записи его разговоров с нацистскими агентами во время войны, и наконец, доказательства его сообщничества с Аллен Даллесом в вывозе нацистских военных преступников и денег из Ватикана в Аргентину»[3]. Рокфеллер пробежал досье глазами и начал холодно торговаться; в обмен на голоса представителей Латинской Америки в ООН ему нужны были гарантии, что евреи будут держать язык за зубами. А также

[1] Marrs J. Ук. соч. 138.

[2] Loftus J., Aarons M. Secret War against Jews: How Western Espionage Betrayed the Jewish People. N.Y.: St. Martin Griffin, 1994.

[3] Там же. P. 165 и след.

никаких свидетельств на Нюрнбергском процессе, никаких утечек в прессу о нацистах, живущих в Южной Америке или работающих на Даллеса и никаких сионистских боевых команд по их душу. «Выбор прост, — объяснил Рокфеллер «гостям». — Либо вы имеете возмездие, либо страну, но никак не то и другое вместе»[1].

29 ноября 1947 г. Генассамблея приняла решение, которого добивались евреи. Арабский мир был шокирован тем, что латиноамериканцы в последнюю минуту поменяли свою позицию. «Евреи выменяли свою новую страну за молчание, но они не собирались безропотно подчиняться условиям обмена. До сегодняшнего дня израильские лидеры в свою очередь шантажировали западных нанимателей нацистских беглецов и военных преступников, что гарантировало безоговорочную поддержку Израиля и его политики»[2].

Одновременно с созданием фундамента послевоенной нацистской экономики Борман озаботился созданием кадров послевоенного нацизма. Подготовка шла по двум направлениям: молодёжному и собственно кадровому. Весной 1943 г. изменились программы в военно-спортивных юношеских школах. Помимо военной подготовки ребят стали учить также организации саботажа, навыкам жизни в подпольных условиях и жизни за рубежом. С марта 1944 г. началась подготовка явок, укрытий, схем легализации. Успеху этих мероприятий способствовал плотный охват режимом населения: один сотрудник тайной полиции на 600 человек, один осведомитель на 300 человек.

В 1944 г. разведки англосаксов обратили внимание на внезапное исчезновение из политической жизни рейха ряда важных фигур — одни просто исчезли, другие покинули партию и СС и даже подверглись при этом преследованиям. Однако массовый характер подготовки будущего подполья принял на среднем уровне НСДАП. Партийные чиновники, известные лишь на локальном уровне, переводились в другой город, где они вдруг проявляли себя как антинацисты. Эти люди получали новые документы, их личные дела заменялись на новые или в старые вкладывались материалы об их негативном отношении к Гитлеру, партии и государству; некоторые даже оказывались на время за решеткой или в концлагере. Таких людей было 8–9 тыс. и союзники приняли их с распростёртыми объятьями, заполнив ими свою оккупационную администрацию. Рейс в 1944 г. считал, что нацистам понадобится 15 лет, чтобы вернуться на поверхность и увенчать успехом свой подпольный блицкриг, приведя своих людей де-юре или де-факто к власти в Германии (ФРГ): ирландскому подполью понадобилось столетие, чтобы достичь поставленных целей, итальянскому — полстолетие, бонапартистам — 35 лет, русским социалистам — 25. «Русским понадобилось проиграть две войны. Нацисты не могут ждать ещё одной проигранной войны. Они хотят прийти к власти, чтобы начать третью мировую войну […] Вооруженные супернаукой и супертехникой плюс тем, что они награбили, включая, возможно, сокровища Соломона, нацисты и их идеология оказались хорошо подготовленными, чтобы начать строительство Четвёртого рейха»[3].

Прежде всего им нужно было обеспечить бегство руководства рейха, прежде всего Гитлера и верхушки, а также вывоз образцов — супертехники, документа-

[1] Цит. по: Marrs J. P. 139.

[2] Там же.

[3] Marrs J. Ук. соч. P. 122.

ции, денег, драгоценностей и предметов искусства. Ещё во время войны нацисты (СС) создали целую сеть «тайных троп» (и обслуживающих их лиц, и структур, и убежищ) по всему миру, которые назывались «ratlines» (игра слов: крысиные тропы и одновременно тросы, за которые держатся). После войны эта сеть обеспечила уход нацистов из Германии. Главными тросами были «Kamaradenwerk» («Товарищеская работа») и ODESSA («Organisation der ehemaligen SS-Angehorigen» — «Организация бывших членов СС»). «Kamaradenwerk» была создана полковником Люфтваффе Хансом Ульрихом Руделем (2530 вылетов), а ODESSA — Борманом и Мюллером, а практическое руководство осуществлял Отто Скорцени. Автор гигантской «Энциклопедии Третьего рейха» Луис Снайдер определил ODESSA как «широкомасштабную подпольную нацистскую организацию перемещения людей». «Kamaradenwerk» работала в тесной связи с организацией, обладавшей огромными ресурсами и обеспечивавшей бегство большего числа нацистов, чем все другие организации, — Бюро по делам беженцев Ватикана.

Отношения между нацистами и папой Пием XI были прохладными. 10 февраля 1939 г., за день до очередной планировавшейся публичной антифашистской речи папа умер; официальная версия — сердечный приступ (речь после смерти так и не была найдена). По слухам виновником смерти папы был один из ватиканских врачей доктор Франческо Саверно Петаччи (отец Клары Петаччи, любовницы Муссолини, убитой вместе с ним); он якобы сделал папе смертельный укол. Слухи подтвердились информацией, обнаруженной в дневнике французского кардинала Эжена Тиссерана, начинавшего в качестве агента французской военной разведки. Новым папой под именем Пий XII стал кардинал Эугенио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, который значительно более дружелюбно относился к нацистам и одна из книг о котором называется просто: «Папа Гитлера».

Из Ватикана нацисты уходили в основном в Латинскую Америку — прежде всего в Аргентину, но также в Бразилию, Уругвай, Парагвай, Чили, Боливию, реже — в Испанию и Португалию, ещё реже — на Ближний Восток. Диктатор Аргентины Хуан Перон был поклонником Гитлера; огромное влияние на самого Перона оказывала его жена Эва (Эвита). Начав свою «карьеру» в качестве проститутки, она переходила от одного любовника к другому, выбирая всё более статусных (при этом всё больше презирая выходцев из элиты) и наконец оказалась в постели Перона. В 1947 г. она совершила широко освещавшийся в печати «Тур Радуга» по Европе. Тур был акцией прикрытия главной операции — размещения в швейцарских банках того, что семья Перон «позаимствовала» у Бормана, с одной стороны, и организацию перевода нацистских миллионов из Европы в Аргентину. Этим занимался руководитель «троса» «Die Spinne» («Паук») Отто Скорцени.

В Аргентине неплохо устроился и бывший шеф гестапо Мюллер, продолжавший контролировать тайную полицию этой страны даже после того, как в 1955 г. Перона свергли и тот отправился в Испанию. В Боливии под именем Клауса Альтманна поселился Клаус Барбье — «лионский мясник». Здесь он торговал оружием и стал одним из организаторов знаменитого Медельинского картеля. Нацисты вообще активно развивали наркотрафик в Латинской Америке. Резонов у них было два: один — экономический: деньги; второй — идеологический: продолжение уничтожения недочеловеков иным, чем раньше способом, с помощью наркотиков. Ну и

поскольку наркотики шли в США, это был ещё и способ непрямым образом поквитаться с американцами, которых немцы считали «сбродом мутантов всех рас, считающих себя суперменами».

Часть нацистов оказалась на Ближнем Востоке — в Египте, Сирии, Иране. Египетскую разведку на рубеже 1940–1950-х гг. возглавлял бывший шеф варшавского гестапо Л. Гляйм, взявший арабское имя Али Нашер. Там же служили бывший советник Гиммлера Б. Бендер (полковник ибн Салем), бывший шеф гестапо Дюссельдорфа Й. Демлер и немало других. Об активности О. Скорцени в Египте, о том, как он консультировал Насера, я уже не говорю. Арабский геополитический проект конца 1940-х гг., направленный против Израиля, США и СССР (и одновременно рассчитанный на усиление противостояния США и СССР на Ближнем Востоке) — это дело бывших эсэсовцев, чьи дети и внуки, нередко для вида приняв ислам, работали и работают в арабо-мусульманском мире. Этот мир манит их не только нефтью и газом, но и неким оккультным потенциалом, обладанием которым был озабочен орден Чёрного Солнца и особенно его верхушка во главе с 12 рыцарями.

Далеко не все нацисты, особенно из разведки, бежали из Германии. Часть их осталась в Германии, активно сотрудничая с американцами в рядах организации Гелена. Эта нацистская разведсеть стала глазами и ушами американцев в самом начале Холодной войны. В 1942 г. Гелен возглавил Fremde Heere Ost (Отдел зарубежных армий Востока) — сектор Генштаба, анализирующий разведданные, поступающие с восточного фронта. Чтобы избежать конфликтов с Абвером, Гелен создал свою сеть шпионов и информаторов — организацию Гелена. В апреле 1945 г. Гелен предложил свою Организацию британцам для борьбы с Россией, однако не получил ответа. Тогда, сложив свои архивы в 50 металлических контейнерах и спрятав их в трёх разных местах в Германии, геленовцы решили сдаться американцам и предложить им свои услуги.

Начальник штаба Эйзенхауэра Уолтер Беделл Смит (с 1950 по 1953 г. он будет директором ЦРУ, а затем сменит А. Гарримана в качестве посла в СССР) в нарушение американских законов привёз Гелена и его нескольких людей на своём самолете в Вашингтон. Договорились, что Гелен будет работать против русских в автономном режиме, но в рамках целей и задач, которые поставят американцы. Так на службу США было поставлено нацистское подполье в Германии, купившее тем самым себе свободу от преследований. В результате «практически всё, что США узнали о советских целях и возможностях в самом конце Второй мировой войны, пришло из антикоммунистического подполья, отфильтрованного через нацистскую организацию, связанную с международной финансовой элитой»[1].

Организация Гелена развивалась в тесном контакте с ЦРУ, будучи фактически его департаментом по русским и восточноевропейским делам. Она получила из фондов ЦРУ 200 млн. долл. — Аллен Даллес весьма ценил Гелена, о котором говорил, что у того ум профессора, сердце солдата и чутьё волка. В 1946 г. Гелен вернулся в Германию и начала создавать немецкую разведку — ещё до создания ФРГ. Численность его организации выросла с 350 чел. до 4000 чел.; с 1956 по 1968 г. Гелен,

[1] Marrs J. Ук. соч. P. 145.

рыцарь Мальтийского ордена[1], был президентом Bundesnachrichtendienst (BND) — немецкой разведки.

…В 1980 г. Мартин Борман, которому перевалило за 70, жил в Буэнос-Айресе, писал мемуары и продолжал много ездить по Америке. Под его контролем находилась огромная бизнес-империя. Ею управляли представители второго поколения нацистов — дети и племянники тех 100 тыс. высокопоставленных нацистов, которые перебрались в Южную Америку после войны. Они получили образование в лучших университетах Европы и Америки, а тайную подготовку — в таких владениях как Колония Дигнидад в Чили. В Чили бывшие нацисты зачастили после того, как в 1973 г. Киссинджер организовал приход к власти Аугусто Пиночета, чтобы защитить интересы Рокфеллера, патрона Киссинджера, в этой стране.

Возможно, одной из последних акций, которой руководил уже престарелый Борман, было заключение мира между Четвёртым рейхом и Израилем, а ещё точнее — между спецслужбой Четвёртого рейха «Дези» и «Моссад». После того, как «Моссад» выкрал Эйхмана, который спокойно жил в Южной Америке пока не начал писать мемуары, в которых, помимо прочего, рассказывал и о контактах между нацистами и сионистами, «Дези» и «Моссад» начали взаимный беспощадный отстрел сотрудников, агентов прикрытия, информаторов. Начиная с 1961 г. потери «Моссада» составляли более 10 человек в год[2]. Потери «Дези» если и были меньше, то ненамного. В 1980-е гг. стороны решили договориться. В Аргентине при «коспонсорстве» ЦРУ встретились Борман и некий «серый кардинал» из Израиля, когда-то руководивший еврейским лобби в США. Нацисты передавали Израилю золото (столько, что пришлось вывозить за два дня двумя транспортными самолетами «Геркулес») плюс 5 млрд. долл. трансфером через швейцарские банки (А.В. Морозов, приводящий изложенную выше информацию, предполагает, что в 1990-е гг. скорее всего именно на эти средства Израиль начнет стремительно разворачивать ядерную программу). Нацисты же получали гарантии неприкосновенности немецким и западноевропейским (но не восточноевропейским) нацистам от преследования со стороны Моссада и ЦРУ[3].

8

Главной целью Бормана и созданного им Четвёртого рейха как ядра нацистского интернационала в 1980 г., как и в 1945 г. оставались подъём Германии и возрождение национал-социализма. Что же получилось в сухом остатке на сегодняшний день? Каковы результаты, если подвести баланс. «Время господства Германии в Европе с госпожой Меркель в роли неофициального, но бесспорного

[1] Мальтийский орден (Орден Госпитальеров, Орден Родосских рыцарей) играет важную роль в религиозно-политической и финансовой жизни Запада. Помимо прочего, он осуществляет связь между Ватиканом и англосаксонскими спецслужбами ЦРУ и МИ 6. Последнее десятилетие орден активен в России, однако российские члены Ордена относятся к внешнему кругу и, естественно, не допускаются ни до реальных секретов, ни до принятия решений. Это, так сказать, членство, «нарисованное на холсте».

[2] Морозов А.В. Золото холокоста. М.: Вече, 2011. С. 214.

[3] Подр. см.: Морозов А.В. Ук. соч. С. 215–217.

лидера, фактически уже наступило», — писала «New York Times» в 2011 г. «Европа теряет свое демократическое лицо, а Германия всё больше утверждает свое доминантное положение» — это уже «Daily Mail» (август 2011 г.) в статье «Возрождение Четвёртого рейха, или Как Германия использует финансовый кризис для завоевания Европы». Автор этой статьи верно указал на связь финансов и финансового кризиса с подъёмом Германии — именно немцы больше всех выиграли от введения евро (2/3 экономического роста ФРГ в последнее десятилетие связаны с введением евро), а теперь, в случае отказа от него (этого хотят 51% немцев) меньше проиграет. В чём он ошибся, так это в нумерации — Четвёртый рейх уже существует, он был создан в 1943–1947 гг. и его финансовая база сыграла большую роль в подъеме ФРГ в 1950–1960-е годы, в феномене «германского чуда»; так это речь должна идти о Пятом рейхе.

Как и мечтали когда-то отцы — основатели Четвертого рейха — Германия — экономический лидер Европы: в 2011 г. ее ВВП составил 3 трлн. 280 млрд. 530 млн. долл. В Германии создаётся альянс крупнейших немецких компаний, который займется покупкой месторождений и добычей сырья во всём мире — серьёзная заявка. Не менее важно и то, что в финансовой борьбе в Европе немцы загоняют в угол своего главного противника — британцев, борьбу с которыми они ведут с 1870-х гг. Нынешняя политика ФРГ ведёт к утрате независимости банковской системы Великобритании, независимости Сити — главного мирового офшора, на что британцы никогда не смогут пойти; в этом плане угроза Кэмерона о возможном выходе его страны из Евросоюза — не пустой звук. Меры бюджетного регулирования, которые предлагают немцы, носят антилиберальный характер и ориентированы на серьёзную модификацию капитализма как системы. Председатель 42-го Давосского форума (25–29 января 2012 г.) немец Клаус Шваб открыто заявил о системном кризисе капитализма и о том, что эта система «уже не соответствует миру вокруг нас». В том же духе высказывается и А. Меркель. Она же первой среди западных лидеров начала атаку на мультикультурализм, который является интегральным элементом неолиберальной экономической схемы и вне её немыслим. Вслед за Меркель с критикой мультикультурализма выступили британский премьер Кэмерон (причём во время визита в Германию) и Саркози. Иными словами, именно Германии с её богатыми антилиберальными и антиуниверсалистскими, националистическая традициями мировая верхушка поручила начать демонтаж того, чем клялись в течение последних 30 лет. Это свидетельствует о серьёзном, качественном изменении места Германии в мировых раскладах. Ещё больше об этом свидетельствует событие, произошедшее 4 апреля 2012 г. В этот день одна из наиболее крупных немецких газет — «Sueddeutsche Zeitung» — опубликовала стихотворение нобелевского лауреата по литературе (1999 г.) Гюнтера Грасса «То, что должно быть сказано» («Was gesagt warden muss»). Это стихотворение — острая критика Израиля за его политику по отношению к Ирану, угрожающую уничтожением иранского народа плюс критика Германии за то, что продаёт Израилю оружие. Косвенно это и упрёк в адрес немцев, которые молчат, боясь обвинений в антисемитизме.

…Как заметил когда-то В.В. Маяковский, отвечая на вопрос В. Шкловского, как поэт мог написать строки: «Я люблю смотреть, как умирают дети», надо знать, когда написано, почему написано и с какой целью.

Момент для написания выбран удачно: Германия стала экономическим лидером и только что (3 октября 2010 г.) завершила выплату репараций по итогам Первой мировой войны (суммарно эквивалентны 100 тыс. т золота). Ключ к тому, почему и с какой целью написано, в том где и как опубликовано стихотворение: не только в немецкой газете, перевод тут же появился одновременно в трёх крупнейших мировых газетах — «La Republica» (Италия), «El Pais» (Испания), «The New York Times» (США). Такой одновременный североатлантический залп по Израилю не может быть случайностью; согласованное решение о такой акции может быть принято на уровне, существенно превышающем государственный — на уровне руководства наднациональных структур мирового согласования и управления.

Целей сразу две. Во-первых, «чёрная метка» Израилю и той части мировой еврейской диаспоры, которая поддерживает его жёсткий антииранский курс и грозит втянуть США в конфликт с Ираном, когда нынешней администрации и стоящим за ней кланам верхушки мирового капиталистического класса этот конфликт меньше всего нужен, нужны скорее всего переговоры. Во-вторых, и это главное, мировая публикация стихотворения фиксирует новый мировой статус Германии, и проявляется он прежде всего в снятии негласного запрета немцам критиковать Израиль и евреев, т.е., как заметили А.А. и Е.В. Денисовы, рушится психологическая доминанта «неизбывной вины немецкого народа перед евреями» — об этом красноречиво говорит и то, **кто** выступил со стихотворением, его биография: с ноября 1944 г. по апрель 1945 г. Грасс служил в Waffen SS. Иными словами, символическую акцию двойного психоисторического назначения проводит бывший эсесовец.

Стихотворение Грасса — не единственный пример постепенного снятия вины немцев за прошлое, а косвенно — с Третьего рейха, причём не только перед евреями, но и перед другими народами Европы и прежде всего перед русскими.

С 2004 г. в ООН каждый год проходит голосование по документу о недопустимости ксенофобии и расизма, в котором отдельной строкой подчёркивается недопустимость героизации нацизма. США, как правило, воздерживались, а европейские страны голосовали «за», т.е. против героизации нацизма. В 2011 г. 17 стран Евросоюза проголосовали против этого документа, открывая таким образом двери героизации нацизма. А годом раньше, в 2010 г., в Немецком историческом музее прошла выставка «Гитлер и немцы» с подзаголовком вполне в духе нацистской риторики: «Гитлер как воплощение народного идеала спасения нации». Готовится переиздание «Mein Kampf» — её не переиздавали не потому, что автор — Гитлер, а потому, что по немецкому законодательству в случае, если автор умер, не оставив наследников, то переиздание его трудов возможно только через 70 лет. Впрочем, ещё до истечения этого срока, по-видимому, выйдет цитатник из «Mein Kampf».

Ещё одна линия косвенной реабилитации нацизма и Третьего рейха — попытки приравнять рейх и СССР, гитлеризм и сталинизм, возложить на СССР такую же вину как на Германию за развязывание Второй мировой войны и представить нашу Великую Отечественную войну как схватку двух тоталитаризмов, из которых оба хуже. Уже и у нас появились подонки, именующие Великую Отечественную

«советско-нацистской» (т.е. внутритоталитарной) войной. Выходят целые сборники о Великой Отечественной, где в качестве равноправных представлены точки зрения российских и немецких историков на Вторую мировую, при этом не только немецкие историки, но и некоторые российские говорят о «борьбе тоталитаризмов», начисто забывая о том, что именно гитлеровская Германия совершила акт агрессии по отношению СССР, что именно её руководство ставило задачу физического и психоисторического уничтожения русских и что война с Гитлером была войной за физическое и историческое существование русских и других коренных народов России, прежде всего славянских. Тоталитаризм здесь ни при чём.

Итак, Германия на коне, её статус в мировой системе неуклонно повышается, экономически она сводит счёты с британцами; мечты нацистских бонз, создавших «невидимый рейх» сбываются? Разрушены СССР и Югославия, немцы отчасти поквитались с сербами; Германия «выиграла» у РФ Болгарию; неолиберальная (контр)революция ослабила позиции доллара. Deutschland опять über alles? Всё хорошо? Всё хорошо, но что-то нехорошо. И этого «нехорошо» навалом. Как говорили в советских фильмах, «рано радуешься, фашист».

Во-первых, никто не отменял документа под названием Kanzler Akt («канцлер-акт»), о существовании которого рассказал в начале XXI в. вышедший в отставку генерал немецкой разведки Камосса. В 1949 г., пишет он, руководство оккупированной Германии было вынуждено подписать с США документ (действием на 150 лет, т.е. до 2099 г.), согласно которому кандидатура канцлера ФРГ утверждается в Вашингтоне; кроме того, внутренняя политика, политика в области образования и СМИ, а также внешняя политика в значительной степени определяются в Вашингтоне. По Камоссе, «канцлер-акт» действует до сих пор — его никто не расторгал, а если учесть наличие американских баз в ФРГ и контроль над общественным мнением, то иначе, чем протекторатом США нынешнюю Германию, при всех её экономических успехах, назвать нельзя.

Во-вторых, не стоит забывать о степени экономической и политической интеграции немецкой верхушки в Pax Americana. В послевоенный период американские корпорации вложили в ФРГ огромные средства.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное: ситуация с человеческим материалом и демографией. Мало того, что в середине XXI в. немцев будет уже не 82 млн., а 59 млн., но к тому же значительный процент этого населения будут составлять турки, курды, арабы, африканские негры, т.е. те, кого нацисты считали расово неполноценными; полным ходом идет социальная деградация низов, включая нижнюю часть среднего класса. Недаром Т. Сарацин назвал свою книгу «Самоликвидация Германии». Согласно социологическим опросам, 40% немецких мужчин хотят быть домохозяйками, а 30% считают создание семьи «избыточной ответственностью». Впрочем, и с женщинами в Германосфере дело обстоит не лучшим образом, а как известно вырождение любого вида начинается с самок. В качестве иллюстрации достаточно посмотреть «трилогию» австрийского режиссера Ульриха Зайделя «Рай» («Любовь», «Вера», «Надежда»). Героиня первого фильма — неудачница, тихо сходящая с ума; героиня второго — её сестра, религиозная маньячка, заканчивающая тем, что делала с распятием Мадонна; героиня «Надежды» — дочь героини «Любви». Это перекормленное (100 кг) существо 13 лет, постоянно жую-

щее чипсы, попкорн и гамбургеры, лежащее на диване и треплющееся по мобильному — вот и вся бездумная активность, «рай» для тех, кто в Третьем рейхе проходил бы по графе «недочеловеки». Ситуацию не меняет то, что режиссер австриец, а не немец — он принадлежит Германосфере, да и Гитлер тоже был австриец.

С таким человеческим материалом не то что Пятый рейх, вообще ничего не построишь. «Пятый рейх» с неарийским лицом — такое деятелям Третьего и Четвёртого рейхов и в страшном сне не могло присниться. Выходит, что по иронии, или как сказал бы Гегель, по коварству Истории «нацистский интернационал» в течение семи десятков лет работал на биомассу, которой никакой рейх вообще не нужен, достаточно бутылки пива, шмата колбасы и резиновой куклы. В нашем фильме «Судьба барабанщика» один из героев (точнее, антигероев) спрашивает другого: «За это ли ты боролся, старик Яков?». Так и хочется задать риторический вопрос: «За это ли ты боролся, старик Мартин?». За Пятый рейх с турецкой феской, африканским лицом и арабской куфьей? Выходит, «крот истории» обманул нацистов, и Хеймдаль так и не протрубит в рог, возвещая начало Рагнарека — Последней Битвы. Хольмганг (Суд богов) распорядился иначе. И тем не менее у нацистов есть наследники в современном мире, но это тема отдельного разговора.

А.В. Островский

СОЛЖЕНИЦЫН, КГБ, КРУШЕНИЕ СССР

Островский Александр Владимирович —
историк, доктор исторических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие «Страшно умереть не опальным»	324
Глава 1. Волшебник Изумрудного города	327
Глава 2. Солженицын и КГБ	369
Глава 3. Три версии одного ареста	405
Глава 4. Отпечатки пальцев	439
Глава 5. КГБ, диссиденты и перестройка	488
Заключение	529

Предисловие
«Страшно умереть не опальным»

Когда в 1969 г. умер известный советский писатель Корней Иванович Чуковский, многие, чтившие его творчество, не пришли проститься с ним только потому, что не знали о его смерти. Бывший в доме умершего своим человеком, Александр Исаевич Солженицын, хотя и узнал о ней в числе первых, на похороны не пришёл тоже. Объяснив свой поступок нежеланием участвовать в казенной церемонии, он заявил: «Страшно умереть не опальным»[1].

3 августа 2008 г. А.И. Солженицын тоже покинул сей мир. Через несколько часов, обгоняя время, сообщение об этом разнеслось по всей планете. На протяжении трёх дней, пока его прах не был предан земле, о смерти писателя регулярно сообщалось во всех новостных выпусках. В понедельник 4-го соболезнования выразили президент США Дж. Буш, президент Франции Н. Саркози, канцлер Германии А. Меркель, генеральный секретарь Совета Европейского Союза, глава Европейского оборонного агентства Х. Солана. К ним присоединились президент Российской Федерации Д.А. Медведев и премьер-министр В.В. Путин.

«Кончина Александра Исаевича Солженицына — заявил глава российского государства, — тяжёлая утрата для всей России. Мы гордимся тем, что Александр Исаевич Солженицын был нашим соотечественником и современником. Мы запомним его как сильного, мужественного, обладающего огромным внутренним достоинством человека. А его писательская и общественная деятельность, весь долгий, тернистый жизненный путь останутся для нас примером истинного подвижничества, бескорыстного служения людям, Отечеству, идеалам свободы, справедливости, гуманизма»[2].

Телеграмму с соболезнованиями направило Министерство культуры РФ. «Уход Александра Исаевича — говорилось в ней, — боль всей России. Для современников Александр Исаевич был и останется воплощением совести нации, образцом внутренней свободы и человеческого достоинства». «Мы уверены, что его мысли, его судьба, его произведения останутся ориентирами для будущих поколений наших сограждан»[3].

---

[1] Решетовская Н.А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены. М., 1994. С. 169–170.

[2] Последнее лето Александра Исаевича // Литературная газета. 2008. 6–12 августа.

[3] Там же.

5 августа состоялось прощание с покойным. У гроба застыл воинский караул. «Церемония прощания с Александром Солженицыным, — говорилось в одном из новостных сообщений, — началась в столице в новом здании Российской академии наук на Ленинском проспекте… Несмотря на сильный дождь, с утра во вторник проститься с Солженицыным пришло ***множество людей***. У здания РАН выстроилась ***длинная очередь***»[1].

6-го на кладбище Донского монастыря состоялись похороны. Венки прислали почти все посольства, находящиеся в Москве. Средства массовой информации сообщали, что к монастырю пришло **ещё больше людей,** что народу было так много, что милиция вынуждена была ограничить доступ на кладбище. Земле А.И. Солженицын был предан с воинскими почестями.

Отмечая, что на прощании с писателем «ожидался большой наплыв публики», журнал «Эксперт» в то же время констатировал: «Но большого наплыва не случилось. В зале, где стоял гроб, было просторно, даже пустовато. Люди шли непрерывной чередой, но не помногу — несколько человек в минуту»[2]. Уточняя, «Новые известия» писали, что «в первой половине дня очереди почти не было»[3]. Видимо, именно в это время здесь побывал один из поклонников писателя Леонид Блехер, который затем сделал в интернете следующую запись: «Был на прощании с Солженицыным. ***Впечатление жутковатое. Там никого нет.*** Родственники, ещё человек десять. Организаторы суетятся»[4].

Видимо, только после того, как «организаторы» мобилизовали административный ресурс, «к вечеру очередь всё же выстроилась»[5]. Правда, она не превратилась в поток. Побывавший там Алексей Голубев написал на сайте «Эхо Москвы»: «Народу в Академии наук было совсем немного, жиденькая очередь да репортеры»[6].

Попытка установить, что означают звучавшие в тот день по радио и телевидению сообщения о «множестве людей», явившихся на прощание с писателем, привела к тому, что удалось обнаружить только две цифры: «более тысячи»[7] и «несколько тысяч»[8]. Но что такое даже несколько тысяч на 11-миллионную Москву?

Получается, что о смерти А.И. Солженицына больше скорбел Запад, чем Россия, больше Кремль, чем народ.

---

[1] Москва прощается с Александром Солженицыным // Сибирское агентство новостей. Красноярск http://krsk.sibnovosti.ru/glamour/55813-moskva-proschaetsya-s-aleksandrom-solzhenitsynym

[2] Привалов А. Солженицын. Шестого августа был погребён великий писатель — великий гражданин — и великий муж // «Эксперт», № 31 (620), Август 11, 2008.

[3] Зубченко Е. Когда и небо плачет. Москва простилась с Александром Солженицыным // Новые известия. 2008. 7 августа.

[4] «Простите нас, Александр Исаевич» // http://clubs.ya.ru/4611686018427392330/ replies.xml?item no=42464

[5] Зубченко Е. Ук. соч.

[6] Голубев Алексей. Я видел Солженицына (Четыре года не вместе). 3 августа 2012 г. // Сайт «Эха Москвы» http://www.echo.msk.ru/blog/al_golubev/915584-echo/

[7] Прощание с Солженицыным. Последняя воля писателя исполнена // Телеканал «Звезда». 6 августа 2008 г. (http://rutube.ru/video/2429d59e512f736528585fcafdef4f50

[8] Привалов А. Солженицын. Шестого августа был погребён великий писатель — великий гражданин — и великий муж // «Эксперт», № 31 (620), Август 11, 2008.

Действительно, «страшно умереть не опальным».

А ведь когда в 1994 г. писатель возвращался из-за границы, на всём пути от Владивостока до столицы его встречали толпы поклонников. Только в Москве к его поезду пришло несколько десятков тысяч человек. Почему же они не пожелали проводить своего кумира в последний путь?

Частично ответ на этот вопрос дал В. Войнович: «Я, — писал он о А.И. Солженицыне, — смотрел на него задравши голову и прижмуриваясь, чтобы не ослепнуть. Но вот он стал снижаться кругами и вопреки законам оптики становился не больше, а меньше».

Глава 1

Волшебник Изумрудного города

Великий писатель земли русской

Когда прощались с А.С. Солженицыным, многие называли его великим писателем. С кем только не сравнивали и не сравнивают его, но, наверное, самое лестное для него — сравнение с Львом Толстым.[1] И хотя о «великом писателе» написаны горы статей, книг и диссертаций[2], их авторы почему-то умалчивают, что Нобелевскую премию в области литературы он получил не за литературу, а за «***нравственную силу*** в традициях великой русской литературы»[3], т.е. не за форму, а за содержание, иными словами, ***за идеологию***.

«Александр Солженицын, — пишет основатель портала «Хронос» Вячеслав Румянцев, — является до такой степени общепризнанным “великим писателем”, что как-то даже рука не поднимается поколебать его мировую известность. Однако все-таки осмелюсь утверждать, что ***подавляющая часть его творчества к писательству не имеет никакого отношения***. Солженицын — публицист, что он доказал многими томами документальных текстов. Причислить же его к прозаикам возможно лишь по двум ранним рассказам, которые перед публикацией подверглись столь тщательной редактуре, что сейчас уж и не разберёшь, где рука “совести России”, а где безупречный стиль Твардовского»[4].

А вот, что пишет литературовед Г.А. Морев: «Солженицын перестал быть в середине 1960-х годов, с завершением “В круге первом” и “Ракового корпуса”, литератором в традиционном смысле. И “Архипелаг ГУЛаг”, и “Август Четырнадцатого” (как и всё “Красное Колесо”) уже были — каждый по-своему — силовыми акциями, текстами-ударами по СССР»[5]. Ина-

---

[1] Лурье Я.С. После Льва Толстого, Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб., 1993. С. 129–145; Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сборник статей. М.: Русский путь, 2010.

[2] См., например: Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии. СПб., 2007.

[3] Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия М–Я. М., 1987. С. 431.

[4] Румянцев В. Александр Исаевич Солженицын // Хронос. Всемирная история в интернете http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/solzenicyn.php

[5] Морев Г. На смерть Александра Исаевича Солженицына. Некролог / OpenSpace.ru, 05.08.2008 http://os.colta.ru/literature/names/details/2259/

че говоря, и «Архипелаг», и «Красное колесо» — это не литература, а политика[1].

О том, как далеко в критической оценке литературного творчества А.И. Солженицына ушла общественная мысль, свидетельствуют публикации В.С. Бушина, который обнаружил, что писатель, известный как «мастер языка», почти всю жизнь не расставававшийся со словарем В. Даля, издавший «словарь языкового расширения», языком, оказывается, владел не безукоризненно[2].

На это поклонники «великого писателя» могут возразить: подумаешь, писал «Вячислав» вместо «Вячеслав», «Керил» вместо «Кирилл», у него ведь было математическое образование. А потом ещё И.А. Крылов говорил: «Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться».

До каких же литературных «облак» удалось подняться А.И. Солженицыну?

Нам неизвестны его довоенные рассказы и произведения военного времени. Но позднее он сам признал первые пробы своего пера неудачными, отметив, что серьёзно стал писать, только оказавшись за колючей проволокой[3], когда начал автобиографическую поэму «Дороженька». Обратившись к этой поэме, я растерялся, не зная, что выбрать для иллюстрации его творчества. Помогла Людмила Ивановна Сараскина, которая в своей книге о А.И. Солженицыне, одобренной её героем, сочла возможным привести такой поэтический перл:

«…Она взросла неприобретливого склада,
И мне отца нашла не деньгами богата —
Был Чехов им дороже Цареграда,
Внушительней Империи — премьера МХАТа»[4].

Характеризуя А.И. Солженицына как поэта, В. Шаламов писал: «Это — безнадёжный стихотворный графоман с соответствующим психическим складом этой страшной болезни, создавший огромное количество непригодной стихотворной продукции, которую никогда и нигде нельзя предъявить, напечатать»[5].

В ссылке из-под пера А.И. Солженицына вышли пьесы «Республика труда» (другое название «Олень и шалашовка»), «Пир победителей» и «Пленники» (первоначальное название «Декабристы без декабря»).

«Прочитал Солженицына «Пир победителей»… — писал М.А. Шолохов. — Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в опереточном стиле да ещё виршами такими примитивными, каких избегали даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить ничего»[6].

---

[1] Подробнее: Цыганков Д.Б. Социологический анализ воззрений и общественной деятельности А.И. Солженицына. СПб., 1997.

[2] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. М., 2009. С. 69–72.

[3] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 10.

[4] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2008. С. 70.

[5] Шаламов. В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С. 374.

[6] Шолохов М.А. Письмо в Секретариат Союза писателей СССР. 8 сентября 1967 г. // Шолохов М.А. Письма. М., 2003. С. 389.

Не усмотрев в этой пьесе художественных достоинств, С. Залыгин, однако, счёл необходимым отметить, что «Пир победителей» — это гимн русскому офицерству[1]. Невольно вспоминаются пушкинские слова: «Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в самой подлости осанку благородства». О каком гимне может идти речь, если пьеса имеет обличительный характер, о чем говорит её ироничное название?

«Все командиры, русские и украинец, либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди, — констатировал М.А. Шолохов. — Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга… Почему осмеяны солдаты-русские… и солдаты-татары? Почему власовцы — изменники родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа?»[2]

Поражает текст «Пленников». Пьеса состоит из десяти картин. Первые две и последняя написаны в стихах, если их можно назвать таковыми, семь в прозе. Представьте. На сцену выходят герои, два действия изъясняются высоким штилем, затем вдруг переходят на прозу, а завершают опять стихами.

Удивляет и «Республика труда». Написать пьесу, в которой было несколько десятков действующих лиц, значит ничего не понимать не только в сценическом искусстве, но и в литературе. Не зря А.Т. Твардовский, отметив обилие героев, ограничился только одной фразой: «Вижу дело фуево»[3].

Таким образом, когда летом 1956 г. А.И. Солженицын в возрасте 37 лет возвратился из ссылки, в литературном отношении он ничего собою не представлял. А то, что к этому времени было написано им, свидетельствует скорее о затянувшемся ученичестве, чем о таланте.

В связи с этим нельзя не отметить, что в 37 лет умер А.С. Пушкин, в 35 — не стало С.А. Есенина, М.Ю. Лермонтов погиб, не дожив до 27. У всех к этому возрасту «болдинская осень» была позади. И какая «осень»! А ведь и другие выдающиеся писатели прожили немного: А.А. Блок — 41 год, Н.В. Гоголь — около 43, А.П. Чехов — 44.

Может быть, Александру Исаевичу удалось впоследствии не только догнать их, но и уйти далеко вперед?

В 1959 г. им были написаны два рассказа «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», в 1960 г. — киносценарий «Знают истину танки» и пьеса «Свеча на ветру». Сценарий и пьеса снова оказались неудачными, а два рассказа сделали А.И. Солженицына известным.

«Один день…» написан с максимально возможным для того времени приближением к действительности, что можно рассматривать как отход от социалистического реализма и возвращение к реализму критическому. С этим рассказом в нашу литературу вернулась проблема обычного, «маленького человека». Этого достаточно, чтобы оценить рассказ как необычное явление в послевоенной советской литературе.

---

[1] Залыгин С.П. Солженицын // Русские писатели XX века. Биографический словарь. 2004. С. 657.

[2] Шолохов М.А. Письмо… С. 389.

[3] Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7. С. 140.

Однако Лев Копелев был совершенно прав, когда назвал «Один день…» «производственной повестью». В этом отношении её новизна заключалась только в том, что вместо жизни рабочего, колхозника, учителя, врача была описана жизнь заключённого.

Оценивая это произведение, нельзя не отметить, что нам неизвестен его черновой вариант и мы судим о нём по напечатанному тексту. Между тем имеется свидетельство, что «Один день…» приобрёл современный вид во многом благодаря редакторской правке[1].

«Матрёнин двор» — довольно скромный журналистский очерк, достоинство которого только в том, что это одна из первых в советской литературе попыток показать нашу деревню без прикрас, такой, какой она была на самом деле. С этой точки зрения «Матрёнин двор» можно отнести к истокам того направления в советской литературе, представители которого получили название «деревенщики».

«После “Одного дня Ивана Денисовича”, превознесённого до небес, — пишет В.С. Бушин, — удивляли вещи, написанные торопливо, неряшливо, неглубоко: рассказ “Для пользы дела”, очерк “Захар Калита”, повесть “Раковый корпус”… Здесь громкая знаменитость представала писателем не только менее опытным, но и зачастую неумелым»[2].

«Раковый корпус» — по сути дела другой вариант производственной повести. «Один день» — о лагерной жизни, «Раковый корпус» — о больничной. И здесь, на мой взгляд, главное достоинство повести в том, в чем многие при её обсуждении видели недостаток и называли излишним «натурализмом», т.е. в стремлении показать больничную жизнь с максимальным приближением к реальности.

В 1966–1968 гг. повесть стала предметом открытого обсуждения, в ходе которого были отмечены её недостатки: «фельетонный разговор», «схематичность, прямолинейность, однозначность», «памфлетность», «публицистичность», «очерковость», «плакатность», «карикатурность», «примитивность»[3].

В 1968 г. на свет появился первый вариант романа «В круге первом»[4], в 1978 г. — второй вариант[5]. Это уже сложное многоплановое произведение, имеющее несколько взаимосвязанных сюжетных линий.

Роман имеет почти детективное начало. Советский дипломат Иннокентий Володин звонит в американское посольство и сообщает о предстоящей в США передаче одним советским разведчиком другому секретов американской атомной бомбы. Смысл этого шага — не позволить сталинскому режиму создать ядерное оружие. А дальше разворачиваются поиски дипломата.

Можно было бы ожидать, что Иннокентий Володин будет в центре романа. Однако главное внимание автор сосредоточил на заключённых «шарашки», которым доверено изобличить предателя. Это тоже любопытная коллизия, дающая большие

---

[1] Beam J. Multiple Exposure: An American Ambassador`s Unique Perspective on East-West Issues. N.Y., 1978. P. 232–233.

[2] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 42.

[3] Солженицын А.И. Собрание сочинений. Т. 6. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 33–57, 154–187.

[4] Солженицын А.И. В круге первом. Лондон, 1968; Нью-Йорк, 1968; Франкфурт-на-Майне, 1968.

[5] Солженицын А.И. Собрание сочинений. Т. 1–2. В Круге первом. Париж, 1978.

возможности, чтобы показать драму людей, находящихся за колючей проволокой, но продолжающих служить тому режиму, который лишил их свободы.

Между тем, и она не составляет основу романа. Хотя в центре него заключённый Глеб Нержин, отказавшийся участвовать в разоблачении дипломата, и завершается роман высылкой Нержина в лагерь, высылают его за отказ перейти из одного подразделения «шарашки» в другое. Одного этого достаточно, чтобы поставить автору за композицию двойку.

При чтении романа не покидает чувство неестественности, надуманности, бутафории. Достаточно вспомнить первые страницы, посвящённые звонку Володина в американское посольство. Опытный человек идёт на такой шаг, зная, что телефонные разговоры с посольством прослушиваются. Дипломат сообщает информацию, которую даже в разведке могли знать всего несколько человек. Сотрудник Министерства государственной безопасности, занимающийся прослушиванием телефонных разговоров американского посольства, во время своего дежурства конспектирует «Краткий курс истории ВКП(б)».

А кроме этого: психологически трудно объяснимое поведение Иннокентия Володина (ведь он был дипломатом, а не барышней и речь шла ни более ни менее как об измене Родине, за которую грозила смертная казнь), карикатурный Сталин, театрализованное описание встречи новичков и такое же описание суда над князем Игорем, неправдоподобный разговор заключенного Бобыкина с министром государственной безопасности Абакумовым, совершенно неубедительное объяснения высылки Нержина и т.д. Даже финал романа имеет фельетонный характер. По Москве идёт воронок с арестантами, на котором красуется надпись «Мясо». А иностранный журналист, отмечая в своем блокноте мелькание таких автофургонов, делает вывод о превосходном снабжении столицы продовольствием[1].

Если в нашей стране А.И. Солженицын приобрёл известность после издания рассказа «Один день Ивана Денисовича», мировую известность ему принесла не Нобелевская премия, а появившаяся уже после её получения книга «Архипелаг ГУЛАГ» (1973–1975).

В «Архипелаге» прежде всего бросается в глаза его объём — почти сто авторских листов. Выступая в кёльнском Институте славистики, В.П. Некрасов выразил сожаление, что книга не попала в руки редактора «Нового мира» Анны Самойловны Берзер, которая умела «отжимать воду» и без ущерба для содержания «Архипелага» сократила бы его объём по меньшей мере вдвое[2].

Но дело не только в рыхлости и водянистости книги, она имеет явно незавершённый, сырой характер. Об этом свидетельствует знакомство с его оглавлением: Ч.1 — 342 с., Ч.2 — 78 с., Ч.3 — 364 с., Ч.4 — 46 с., Ч.5 — 218 с., Ч.6 — 88 с., Ч.7 — 54 с. Причём часть 4-я (46 с.) по объёму меньше главы второй части 1-й (48 с.)[3]. Или автор неверно определил структуру своей книги, или у него не хватило времени для сбора необходимого материала.

---

[1] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 309.

[2] Шафаревич И. Слово о Солженицыне // Наш современник. 1990. № 1. С. 6.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5–7. М., 1991.

Даже беглое знакомство с «Архипелагом» обнаруживает такую его особенность как смысловое дублирование, которое составляет ***треть*** книги. Если принять во внимание более мелкие повторы, этот показатель приблизится к 40% всего текста. А если исключить из «Архипелага» тот материал», который был написан после 1967 г., т.е. если рассматривать только текст первой редакции, этот коэффициент составит ***почти 50%***. Как будто бы под одной обложкой механически соединены два «Архипелага», которые писались разными авторами[1].

При знакомстве с книгой в глаза бросается отсутствие единого замысла. С одной стороны, в её основу положен «принцип последовательных глав о тюремной системе, следствии, судах, этапах, лагерях ИТЛ, каторжных, ссылке и душевных изменениях за арестантские годы»[2]. С другой стороны, это попытка показать историю возникновения и развития советского террора, а значит историю возникновения и развития ГУЛАГа[3]. Но добиться гармонического сплава этих двух замыслов автору не удалось.

Причём в книге прослеживаются три совершенно разные концепции истории ГУЛАГа. Согласно одной из них, он возник в начале 1920-х гг. и просуществовал до середины 50-х. По другой, первые советские лагеря появились в 1918 г. Согласно третьей концепции, ГУЛАГ родился под залпы «Авроры», т.е. в октябре 1917 г. и продолжал существовать до конца 1960-х гг., когда был написан «Архипелаг»[4].

Уже после того, как на основании этого и некоторых других аргументов мною была выдвинута версия, что «Архипелаг ГУЛАГ» — это результат коллективного творчества[5], хорошо знавший автора Вячеслав Всеволодович Иванов («Кома») сделал заявление о том, что в этом произведении «***много кусков написано разными людьми***» и что на них приходится «***большая часть его*** (Солженицына — *А.О.*) ***главной книги***»[6].

В 1970 г. был издан роман «Август четырнадцатого», которым автор начал публикацию своей эпопеи «Красное колесо». Роман должен был охватить целую эпоху до конца 1920-х – начала 1930-х гг. Однако А.И. Солженицын оборвал его на весне 1917 г., оставив свою Вавилонскую башню недостроенной[7].

Смысл работы над «Красным колесом» — одна из самых таинственных загадок в биографии А.И. Солженицына. Можно понять Карла Маркса, который почти всю свою жизнь посвятил написанию «Капитала» и тоже не успел его завершить. Им двигало желание понять законы, определяющие функционирование современного общества. А что двигало А.И. Солженицыным? Неужели он хотел описать год за годом, месяц за месяцем, день за днём, час за часом всю историю российской революции? Но для чего? Если бы речь шла о научной хронике, это было бы понятно. Но ведь он писал художественное произведение.

---

[1] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 351.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 382.

[3] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 352.

[4] Там же. С. 352–354.

[5] Там же. С. 355–356.

[6] Саед-Шах А. Солженицын // Новая газета. 2005. № 63. 28–31 августа (интервью В.В. Иванова).

[7] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 392.

Сопоставляя «Август 1914», «Октябрь 1916» и «Март 1917», нельзя не обратить внимание на следующий факт. Если в первой редакции «Августа» главными действующими героями были вымышленные лица и через их судьбу автор пытался показать драматизм исторических событий, то уже во второй редакции их начинают оттеснять на второй план исторические персонажи. Ещё более заметно это в «Октябре», а в «Марте» вымышленные герои оказываются затерянными среди исторических лиц. Касаясь этой проблемы, А.И. Солженицын в интервью 1983 г. парижской газете «Либерасьон» сказал так: «В “Марте Семнадцатого”, в Февральской революции, я бы грубо определил, что сочинённые персонажи сведены до минимума, до 10%, по числу страниц…»[1].

Отмечая эту особенность своего произведения, Александр Исаевич преподносит её как достоинство, между тем это по меньшей мере композиционный недостаток.

«Что же касается “Красного колеса”, — писал В. Максимов, — то это не просто очередная неудача. Это неудача сокрушительная. Тут за что ни возьмись — всё плохо. Историческая концепция выстроена задним умом. Герои — ходячие концепции. Любовные сцены — хоть святых выноси. ***Язык архаичен до анекдотичности.*** Такую ***словесную мешанину*** вряд ли в состоянии переварить даже самая всеядная читательская аудитория»[2]

Подобным языком (одна из важнейших характеристик литературного произведения) написаны и другие произведения А.И. Солженицына[3].

Чтобы убедиться в этом, обратимся к «Раковому корпусу» и начнём с существительных: «сказала она через ***запашку***» (Солженицын А.И. Раковый корпус // Малое собрание сочинений. Т.4. С.8), «***нудьга***» (с. 13), «***серизна*** в лице» (с. 15), «***искорчины*** болей» (с. 37), «от ***выпаха*** усмешки» (с. 75), «лежал в ***обмоте***» (с. 80), «ему была ***нехоть*** смертельная» (с. 83), «с ***желвью*** под челюстью» (с. 85), «такая ***нудь*** и муть» (с. 99), , «с ***захрипом*** сказал» (с. 107), «и ***задышка***, и даже ***колотьё*** в груди» (с. 123), «на первом ***взросте***» (с. 207), «***средолетние***» (с. 216), «без ***перекрута*** бинтов» (с. 255), «главная ***ослаба***» (с. 257), «***пожимка*** губ» (с. 298), «***побежки***» (с. 376), «после тяжелого ***кровожадия***» (с. 392), «выработав в себе ***запышку***» (с. 406).

А вот глаголы, чтобы «жечь сердца людей»: «на шее у него ничего ***не мякчело***, а ***брякло***» (с. 80), «мог сейчас ***завеяться*** хоть на Колыму» (с. 80), «сколько Ефрем этих баб ***охабачивал***» (с. 84), «мать и не старалась его вернуть — ***сдыхалась***» (с. 100), «опять ему ***стрелило*** в голову» (с. 164), «это его ***раздражило***» (с. 200), «Вадим ***слаживал*** эту фразу» (с. 197), «четыре бетховенские удара напоминающе ***громнули*** в небо» (с. 206), «сколько раз ***урекался***» (с. 208), «нечего голову ***нурить***» (с. 248), «“Как фамилия” — ***пристигла*** она» (с. 253), «никогда она не сказала, но ***зинуло*** вдруг ему» (с. 287, «***заблуживаются*** человеческие мозги» (с. 353), «дёргался, плевался, стрелял мотоцикл — и ***заглохал***» (с. 396), «билет же ***вытарчивал*** из его пальцев» (с. 406).

А вот возвратные глаголы: «***раскидалась*** в муке ***по подушке***» (с. 156); «неподвижно ***хранилась*** нога» (с. 159), «***вылупляется*** новый метод» (с. 197), «лезть в автобус, ***душиться***» (с. 263); «***перепрокинулось*** в пальцах бездействующее перо»

[1] Там же. С. 393.

[2] Максимов В. Колонка редактора // Континент. 1991. № 69. С. 327.

[3] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С.70–72.

(с. 300); «второй выписался, а новый ***ждался*** завтра» (с. 303), «***вытолкнулся*** опять на перрон» (с. 407).

Заслуживают внимания и прилагательные: «на ***задышливой*** груди» (с. 36), «еще ***непокорчивая***» (с. 84), «***пронозливые*** минуты» (с. 125), «кости***, оброщенные мясом»*** (с. 164), «***отлеглые*** уши***»*** (с. 164), «***торчливые*** волосы» (с. 185), «волосами — ***выбросными*** из-под шапочки» (с. 190), «***нагрублая берегомая*** нога» (с. 205), «***укрупненными*** глазами» (с. 237), «***мреющее*** пятно» (с. 257), «клочок сада, ***отстоенного*** от городского камня» (с. 264), «***огрызлого*** упрямца» (с. 265), «***пожалчевшее*** Дёмкино лицо» (с. 304), «по усталому ***заморганному*** лицу» (с. 329), «со всё ***дослышивающими*** ушами» (с. 330), «***нанюханные*** коммерсанты» (с. 369), «***огрузненным*** вещмешком» (с. 393), деньги «уже ***достанные*** с избытком из глухого кармана» (с. 404).

А вот наречия: «***укрючливо***» (с. 79), «***вдосыть***» (с. 96, 207), «***невпродёр***» (с. 121) «***впробежь***» (с. 165), «***вполздорова***» (с. 210), «***впрозолость***» (с. 217), «***избоку***» (с. 289), «***предмертво***» (с. 342), «***вонько***» (с. 342), «***наотпашь***» (с. 252), «***внапашку***» (с. 331), «***вприлепку***» (с. 364); «***вокорень***» (с. 393).

А как вам деепричастия: «***бережа*** время» (с. 101) или «света даже не ***зажжа***» (с. 271)?

Не всегда А.И. Солженицын был в ладу и со стилем: «кожа обтягивала ***почти череп***» (с. 36), «вход нескольких ***сразу белых*** халатов» (с. 38), «совсем было ***ней*** не полезно» (с. 76), «мысли еще вились вокруг ее головы, как пчелы, долго ***спустя ворота***» (с. 77), «никогда ничем не болел — ни тяжёлым, ни гриппом, ни ***эпидемию***, ни даже зубами» (с. 78), «допытывалась Ася ***своё***» (с. 104), «деревья только чуть ***отзеленивали от серого***» (с. 264), «пришедшие в мир ***ни для чего***» (с. 270), «бланков, исписанных от руки, ***застрочливых*** под пером» (с. 281); «***прослушав*** зоину идею ***мимо***, Гангарт спросила» (с. 290), «***он ушёл (самому лечь)***» (с. 306), «состоял на постоянной работе ***нигде***» (с. 324), «а чем здоровей, тем реже, ***тем никогда***» (с. 352), «замазка падала на пол ***санитаркам подметать***» (с. 354), «***улыбаясь никому***» (с. 373), «чаинки никак не хотелось глотать, **а** ***сплескивать***» (с. 376), «мелькали калитки или туннелики узкие, ***согнувшись войти***» (с. 374), «уже ***много прошло дня***» (с. 387).

Не всегда Александр Исаевич понимал и употребляемые им слова: «***безобидной*** белой кожей» (с. 5) (как будто бывает обидная), «**окутывая** кашне» (с. 7) (окутывать — укрывать кругом), «с ***некрутящейся*** головой» (с. 37) (крутиться — совершать круговое движение), «он ***закатил*** штанину» (с. 39) (закатал, конечно), «отвёл Костоглотов ***большой*** рукой» (с. 45) (неужели другая рука была малой?), «вынул армейский пояс в ***четыре пальца толщиной***» (с. 120) (конечно, шириной), «опухоль легко ***обернулась*** шарфиком» (с. 309) (неужели сама?), «***до конца ли*** она ***домрёт***» (с. 343) (это от мреть или умереть?), «можно свой ***огородик посадить***» (с. 357) (посадить можно растение, а огород — засадить), «друг от друга ***отменяясь*** богатой шерстью» (с. 391) (отменять значит упразднять), «***захватывать очередь***» (с. 406) (в смысле занимать, но занимать и захватывать — не одно и тоже).

Очень свежо звучит: «комок опухоли — неожиданной, ***ненужной***, ***бессмысленной***, ***никому не полезной***» (с. 12), «травля однажды кликнутая, она ***не лежит, она бежит***» (с. 47), «***охват рака по шее***» (с. 78), «всю страну как бабу ***перещупал***» (с. 81), «что называли хорошим и о чём ***колотились*** люди» (с. 122), «***глазами***

ужаса» (с. 156), «не верил он в это переселение душ ***ни на поросячий нос***» (с. 163), «перед ***харей раковой смерти***» (с. 195), «перед ***пантерой смерти***» (с. 198), «взывает ***к батогу сатиры***» (с. 210); «на его ***эшелонированной голове*** (с. 272), «***тело*** вывалилось из этой стройной системы, ударилось о жёсткую землю и оказалось ***обеззащитным*** **мешком**» (с. 343), «ждал своего ***спецпайка*** внимания» (с. 348), «***раненный стон***» (с. 384), «***подушечные бастионы радостно били ему пулеметами в спину***» (с. 396).

Убейте меня, если это «великий, могучий, прекрасный русский язык»!

А ведь я привёл не все литературные перлы «Ракового корпуса». И это без повторов. Без опечаток. После того, как текст был прочитан ближайшим окружением автора, частично отредактирован в «Новом мире», побывал в редакции журнала «Нева», подвергся обсуждению в Союзе писателей, прошёл через руки редактора и корректора в первом издательстве, несколько раз просматривался корректорами при переизданиях. Иначе говоря, после того, как с повести была снята не одна стружка.

Что же тогда представлял собой оригинал?

И кто-то ещё сравнивает Солженицына с Толстым, ставит его выше Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова. О Горьком, Бунине и Куприне даже не упоминают. А ведь были ещё Булгаков, Платонов, Шолохов.

Какое бесстыдство! Дипломатичнее не назовешь.

О «чистоте» его имени

Однако даже тем, кто скромно оценивал литературные способности А.И. Солженицына, его личность казалась безупречной: «Личность С[олженицына] выше и сильнее его литературного таланта, в целом *подражательного, натужного, исчерпывающегося содержанием и сегодняшним*», — писал поэт Давид Самойлов[1].

Раскрывая секрет своего общественного влияния, А.И. Солженицын подчёркивал, что сила его «положения была в ***чистоте имени от сделок***»[2].

Не каждый может похвастаться этим.

Но разве не он, будучи сталинским стипендиатом, стремился уклониться от военной службы? Да ещё таким способом, на который отважится не всякий. Или это не сделка с совестью? И разве не он, когда всё-таки пришлось идти в армию, попытался пересидеть войну в обозе?[3]

Разве не он, будучи курсантом, высматривал, «***где бы тяпнуть лишний кусок***», «***ревниво***» следил за теми, «***кто словчил***», «больше всего» боялся «не доучиться до кубиков» и попасть под Сталинград[4].

А как вёл он себя, отработав «тигриную офицерскую походку»! И дело не только в том, что, сидя, выслушивал стоявших перед ним по стойке «смирно» подчинённых, что

[1] Самойлов Д. Из книги «Памятные записки» // Вопросы литературы. 1991. № 12. С. 115.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 73.

[3] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 27–30.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 120.

«отцов и дедов называл на “ты”» (они его «на вы», конечно), что у него был денщик, «по благородному ординарец», что требовал от него, чтобы он готовил ему «еду отдельно от солдатской», что заставлял солдат копать ему «землянки на каждом новом месте»[1]. Всё это предусматривалось уставом и существовавшими армейскими порядками.

А вот то, что рисковал жизнями людей и посылал их на гибель, чтобы только «не попрекало начальство», т.е. чтобы выслужиться — это уже на его совести. И гауптвахта на батарее, насчитывавшей всего 60 человек, — его собственное творчество. И вроде бы мелочь — снятый с «партизанского комиссара» ремешок, который преподнесли ему подчинённые — но мелочь показательная. Ведь не отругал, не осудил праведник своих подчинённых за грабёж, а с радостью принял краденое[2].

А вспомним поэму «Прусские ночи». Одного взмаха руки её главного героя было достаточно, чтобы тут же без суда и следствия расстреляли ни в чём неповинную женщину. К нему под дулом автомата приводил ординарец для удовлетворения его похоти перепуганную насмерть немку[3]? Конечно, автор и лирический герой — не всегда одно и то же. Но в данном случае прототипом главного героя был сам автор.

А как А.И. Солженицын характеризует себя в «Архипелаге»: «***вполне подготовленный палач», «может быть у Берии я вырос бы как раз на месте***», «***да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они***»[4]. Невероятно. Это значит, что по своим личным качествам автор «Архипелага» вполне мог быть не только арестантом, но и тюремщиком. И не простым тюремщиком, а «палачом». Да, что там мог быть. Разве, признавая свою командирскую жестокость, это он сказал не о себе: «В переизбытке власти ***я был убийца и насильник***»[5]?

Не всякий может написать такое. И не только из-за отсутствия смелости, но и из-за отсутствия оснований для подобной откровенности.

Что же толкнуло А.И. Солженицына на такой шаг? Этот вопрос давно занимает его современников. И на него уже дан ответ — опасения, что подобные разоблачения могут быть сделаны другими. Это, как кто-то очень удачно выразился, опережающая откровенность. После подобных откровений любое разоблачение может быть парировано утверждением: он ведь всё осознал, сам себя осудил и исправился.

Осознал ли? Исправился ли?

Неужели «вполне подготовленный палач», пройдя лагеря, мог стать человеком? Ведь он сам пишет, что в ГУЛАГе существовали звериные законы («хоть ты рядом и околей — мне всё равно» и «подохни ты сегодня, а завтра я»)[6]. Как же такие законы могли из палачей делать людей? И как можно говорить об исправлении, если Александр Исаевич так писал о себе: «***Жизнь научила меня плохому***, и плохому я верю сильнее» и с иронией характеризовал себя как «безнадёжно испорченного ГУЛагом зэка»[7].

---

[1] Там же. С. 121.

[2] Там же.

[3] Солженицын А.И. Протеревши глаза. М., 1999. С. 143, 146–149.

[4] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 124.

[5] Там же. Т. 6. С. 384.

[6] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 322.

[7] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 514. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 133.

Но допустим, что первые шевеления добра он испытал только на тюремной соломке, что только за колючей проволокой, пройдя все круги ада, стал настоящим человеком, готовым к бескомпромиссной борьбе с ненавистным ему советским режимом.

Но вот он встречает в ссылке Георгия Степановича Митровича. "Отбывший на Колыме десятку…, уже пожилой больной серб, неуёмно боролся за местную справедливость в Кок-Терке"[1]. Как же смотрел на эту борьбу закалившийся в лагерях А.И. Солженицын? Послушаем его самого: "Однако — я нисколько ему не помогал… Я таил свою задачу, я писал и писал, я берёг себя для другой борьбы позднейшей"[2]. И далее Александр Исаевич задается вопросом: "Но… права ли? Нужна ли такая борьба Митровича. Ведь бой его был заведомо безнадёжен". Правда, при этом А.И. Солженицын отмечал, что если бы все были такие, как Г.С. Митрович, мир был бы иным[3]. Но это если бы все. А поскольку не все, то получается, и бороться не нужно.

Не изменился Александр Исаевич и на воле. Описывая свою рязанскую жизнь, он признавался: «Безопасность приходилось усиливать всем образом жизни: …на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства…, ***не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда быть послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью***»[4]. А это разве не примирение с существующим строем? Разве это не сделка? Конечно, она оправдывалась благородной целью. Ведь Александр Исаевич писатель. У него историческая миссия.

Может быть, он стал другим позднее? Открываем «Телёнка» и читаем: «Стыдно быть историческим романистом, когда душат людей на твоих глазах. Хорош бы я был автор "Архипелага", если б о продолжении его сегодняшнем — молчал дипломатично»[5].

А ведь молчал, когда в 1964 г. его призывали выступить в защиту И.А. Бродского. И в 1966 г. отказался поставить свою подпись под письмом в защиту Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского. И в августе 1968 г. он, осудивший редакцию «Нового мира» за беспринципность, сам не решился на публичный протест. И в 1970 г. не откликнулся на призыв А.Д. Сахарова поддержать арестованных П.Г. Григоренко и А. Марченко. И летом 1973 г. не возвысил свой голос лауреата Нобелевской премии в защиту исключённого из Союза писателей РСФСР В.Е. Максимова[6].

Более того, Александр Исаевич продемонстрировал в отношении власти более уязвимый конформизм. «После встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле и после Вашей речи, Никита Сергеевич — докладывал Н.С. Хрущёву его помощник В.С. Лебедев 22 марта 1963 г., — мне позвонил по телефону писатель А.И. Солженицын и сказал следующее: "Я глубоко взвол-

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 290.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 9.

[5] Там же. № 8. С. 10.

[6] Максимов В.Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

нован речью Никиты Сергеевича Хрущёва и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего скромного труда. Мой звонок Вам объясняется следующим: Никита Сергеевич сказал, что если наша литература и деятели искусства будут увлекаться лагерной тематикой, то это даст материал для наших недругов и на такие материалы, ***как на падаль, полетят огромные жирные мухи***"»[1].

Далее А.И. Солженицын обратился к В.С. Лебедеву с просьбой взять на себя роль судьи в его споре с А.Т. Твардовским в отношении пьесы «Олень и шалошовка» и заявил, что ему будет «***больно***», если он поступит «***не так, как этого требуют***» от писателей «***партия и очень дорогой***» для него «Никита Сергеевич Хрущёв»[2].

Заканчивал свое сообщение В. Лебедев следующими словами: «Писатель А.И. Солженицын просил меня, если представится возможность, передать его самый сердечный привет и наилучшие пожелания Вам, Никита Сергеевич. Он ещё раз хочет заверить Вас, что он хорошо понял вашу отеческую заботу о развитии нашей советской литературы и искусства и ***постарается быть достойным высокого звания советского писателя***»[3].

Комментируя этот эпизод, В.Н. Войнович пишет, что если бы тогда он узнал о нём, образ рязанского праведника померк бы для него сразу[4].

Изображая себя непримиримым противником Советской власти и подчёркивая это при каждом удобном случае, А.И. Солженицын забыл, что не только не возражал в 1963 г. против выдвижения своей кандидатуры на Ленинскую премию, но и явно надеялся её получить. Как же так? Из «кровавых рук»?

Описывая свое вступление в Союз писателей РСФСР на рубеже 1962–1963 гг. и рассказывая, как звала его в Москву и обещала свою помощь литературная «чёрная сотня» (Михаил Алексеев, Вадим Кожевников, Анатолий Сафронов и Леонид Соболев), А.И. Солженицын скромно отмечает в «Телёнке»: «Чтобы только не повидаться с "***чёрной сотней***", чтоб ***только этого пятна на себя не навлечь***, я ***гордо*** отказывался от московской квартиры»[5].

Вот что значит забота о чистоте имени.

Не прошло трёх лет, и осенью 1965 г. Александр Исаевич совершил то, что Л.З. Копелев назвал «переходом Хаджи Мурата». Забыв о чистоте имени, не опасаясь на этот раз «***запятнать***» себя, А.И. Солженицын отправился в Москву на поклон к «чёрной сотне». Можно было бы допустить, что разуверившись с возможности пробиться на страницы печати с помощью А.Т. Твардовского, он из чисто тактических соображений решил использовать для этого противников «Нового мира». Однако нельзя не отметить, что на весы были брошены четыре небольших рассказика.

Но главное в другом: оказывается, вступив в переговоры с «чёрной сотней», Александр Исаевич, забыл о своей ***гордости*** и прежде всего обратился с просьбой не о публикации рассказов, а о квартире в Москве[6].

---

[1] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 5.

[2] Там же. С. 6.

[3] Там же. С. 7.

[4] Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С. 159–162.

[5] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 48.

[6] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 185–187.

Сколько презрения вложил А.И. Солженицын в описание своего знакомства с М.А. Шолоховым в 1962 г.: «Невзрачный Шолохов», «стоял малорослок и глупо улыбался», «на трибуне он выглядит ещё более ничтожным, чем вблизи»[1]. С М.А. Шолоховым многие раскланивались. «Я — не раскланиваюсь, — подчеркивал Александр Исаевич, — я — из другой республики». И всё-таки они познакомились («состоялось рукопожатие»): «Царь не царь, но был он фигурой чересчур влиятельной и ссориться на первых шагах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного»[2].

Так А.И. Солженицын писал позднее. А вот что писал он М. А. Шолохову через три дня после знакомства: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда моё неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного “Тихого Дона”...»[3].

Характеризуя свое «распрямление» и имея в виду 1965 г., А.И. Солженицын подчеркивал: «Я подхожу к невиданной грани: ***не нуждаться больше лицемерить***, никогда и ни перед кем»[4]. Так написано в его воспоминаниях «Бодался телёнок с дубом» на с. 96. А на с. 107 мы читаем следующие слова Александра Исаевича, сказанные им в беседе с А.Т. Твардовским: «Я по-прежнему с полной симпатией слежу за позицией и деятельностью журнала … (Здесь натяжка конечно)»[5]. Натяжка в данном случае — это и есть лицемерие.

Упрекая, а порою и открыто осуждая тех, кто отрекался и каялся под давлением власти, А.И. Солженицын забывает, что он тоже не избежал этого греха. Вспомним его обращение осенью 1965 г. к П.Н. Демичеву[6]. А письмо к Л.И. Брежневу от 25 июля 1966 г.?[7] Каким былинным героем-копьеборцем изображает себя Александр Исаевич на заседании Секретариата Союза писателей 22 сентября 1967 г. при обсуждении «Ракового корпуса»: один против всех. Но ведь и там он отрекался от самого себя, «***охаивал***» «***себя прежнего***»[8].

Широко распространено мнение, будто бы, оказавшись за границей, А.И. Солженицын, не считаясь с возможными последствиями, разразился критикой недостатков западного общества. Но так ли уж Александр Исаевич был безразличен к западному общественному мнению?

Вспомним «Письмо к вождям», которое он в зависимости от обстоятельств переписывал несколько раз. Сидя на подмосковной даче, можно было сравнивать аме-

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 63, 65, 74.

[2] Там же. С. 64, 65.

[3] Солженицын А.И. – Шолохову М.А. 20 декабря 1962 г. Из Рязани в Вешенскую // Литературная Россия. 1990. 23 мая. С. 19.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 96.

[5] Там же. С. 107.

[6] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 183–184.

[7] Там же. С. 197–199.

[8] Там же. С. 221–222.

риканский Сенат с «балаганом», а западную музыку характеризовать как «обезьянью». Но разве можно было позволить такое даже в Цюрихе? Прошло немного времени, и он, едва не ставший почётным гражданином Соединённых Штатов Америки, был приглашён выступать в том самом Сенате, который ещё совсем недавно называл «балаганом». Может быть, он отказался от приглашения, не желая быть шутом на балаганной сцене? Ничего подобного. Принял с радостью. Где же здесь принципиальность и последовательность?

И вовсе не критиковал он Запад. Он обвинял его в отсутствии воли. Он обвинял его в стремлении к разрядке. Он пытался растормошить западного зверя и натравить его на собственную страну.

Разве не в угоду Западу он переделывал «Август»? Разве не в угоду Западу он перелицевал «Круг»? Разве не в угоду Западу он переработал «Архипелаг»? Да что там «Архипелаг», переписывал собственную биографию.

А как он вёл себя, вернувшись в Россию? Сразу же, скажут его поклонники, возвысил свой голос против разрушительных ельцинских реформ? Возвысил, но поначалу обрушил свой гнев не на президента, а на Е.Т. Гайдара и его команду и назвал Ельцина своим именем только тогда, когда тот сошёл со сцены.

Зато, говорят его поклонники, он отказался от пожалованного ему Б.Н. Ельциным ордена. Отказался. Но когда? После дефолта 1998 г., за год до ухода Б.Н. Ельцина с политической сцены. Отказался. Но как? Заявил, что не может принять его из рук нынешнего президента, однако готов принять его потом. А что, потом это будет не ельцинский орден?

И если наш праведник такой принципиальный, как же он мог получить из рук этого же «преступного режима» дачный участок в четыре гектара на окраине столицы, причём не где-нибудь, а «в номенклатурном лесу среди нынешних вождей», т.е. среди вождей всё того же «преступного режима»[1]. Почему же получить из преступных рук орден нельзя, а участок можно? Почему получить орден из рук преступников нельзя, а жить бок о бок с ними на заповедной земле можно?

Какую же нужно иметь совесть, чтобы после всего этого говорить о «чистоте имени»?

В «Телёнке» рассказывается, как его помощница Е.Д. Воронянская не исполнила требование уничтожить имевшийся у неё экземпляр «Архипелага», как, оказавшись летом 1973 г. в КГБ, дала откровенные показания и как вскоре после этого, видимо, терзаемая раскаянием, покончила с собой. Как же реагировал на это Александр Исаевич? Вот свидетельство В.Е. Максимова: «Реакция нашего героя, большого человеколюбца, душеведа и христианина, на эту трагедию была библейски лапидарной: “***Она обманула меня — она наказана***”»[2].

Жестокость приведенных слов поразительна, особенно если учесть, что человек сам наказал себя смертью за проявленную слабость и наказал не в последнюю очередь потому, что не мог после этого спокойно глядеть в глаза своему кумиру. «Я, — отмечал по этому поводу В.Е. Максимов, — прожил жизнь, какую врагу не пожелаю,

[1] Войнович В.Н. Потрет на фоне мифа. С. 174.

[2] Максимов В. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

но нигде, даже на самом дне общества, ни от кого, даже от самого падшего, я в схожих ситуациях такого не слыхивал»[1].

При чтении «Телёнка» нельзя не обратить внимание на противостояние автора с А.Т. Твардовским. Объясняя его, А.И. Солженицын пишет: «Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дальше прилегать локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы»[2]. И далее: «Расхождение наше было расхождением литературы русской и литературы советской, а вовсе не личное»[3].

Можно по-разному относиться к А.Т. Твардовскому и как к поэту, и как главному редактору «Нового мира», и как к человеку, но бесспорно одно: он не сделал А.И. Солженицыну ничего плохого и по-своему всячески старался ему помогать, причём порою рискуя не только своей карьерой, но и журналом.

Поэтому можно понять Александра Исаевича, когда он, несмотря на различия в их взглядах, называл А.Т. Твардовского своим «литературным отцом»[4] и подписал ему свою телеграмму по случаю 60-летия словами: «неизменно нежно любящий Вас, благодарный Вам Солженицын»[5].

Уже, казалось бы, одно это должно было удержать Александра Исаевича от тех оскорбительных выпадов, которые были допущены им в «Телёнке» в отношении своего «литературного отца». Не удержался. Вот только два примера.

Осенью 1965 г. А.Т. Твардовский посетил Париж, где ему был задан вопрос о творческих планах А.И. Солженицына, на который Александр Трифонович якобы ответил, что чрезвычайная скромность писателя и его монашеское поведение не позволяют ему говорить о его творческих планах, но он уверен, что из-под его пера ещё выйдет много прекрасных страниц. Как расценил этот явно дипломатичный ответ Александр Исаевич: «Я от солёной воды во рту не мог крикнуть о помощи — и он меня тем же багром помогал утолкнуть под воду»[6].

Мы знаем, что тогда, осенью 1965 г., никто багром его под воду не «уталкивал» и вся истерия по поводу возможного ареста была делом его собственных рук. Мы ведь помним, как именно в это время «уталкиваемый под воду» писатель, с минуты на минуту ожидавший ареста, спокойно ходил в ЦК и «нагло» требовал там не просто квартиру, а квартиру с московской пропиской.

Для чего же тогда ему понадобился этот багор? Неужели для того, чтобы продемонстрировать свою неизменную и нежную любовь к своему литературному отцу? Неужели для того, чтобы показать, насколько он ему благодарен?

Весной 1967 г. А.Т. Твардовский побывал в Италии и там на вопрос: действительно ли у А.И. Солженицына есть произведения, которые он опасается вынуть из стола, ответил: «В стол я к нему не лазил», но «вообще с ним всё в порядке», «он окончил 1-ю часть

---

[1] Там же.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 111.

[3] Там же. С. 93.

[4] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 5.

[5] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 133.

[6] Там же. № 6. С. 94.

новой большой вещи», которую «хорошо приняли московские писатели»[1]. Ответ тоже дипломатичный. Как же на него отреагировал А.И. Солженицын? Вот его слова: «Сам в эти месяцы душимый, — он помогал и меня душить»[2].

Как же можно было испытывать благодарность и нежность к человеку, который помогал другим тебя душить? Значит, лгал, когда писал о неизменной нежности, значит, лгал, когда уверял в благодарности.

Александр Исаевич неоднократно подчеркивал, что ради идеи он готов идти на любые жертвы, даже на смерть. Так, в 1967 г. в своём «Письме к съезду» он заявил: «Никому не перегородить путей правды, и за движение её ***я готов принять и смерть***»[3]. Через шесть лет летом 1973 г. в «Письме вождям» А.И. Солженицын повторил ту же самую мысль: «Я, кажется, доказал многими своими шагами, что не дорожу материальными благами и ***готов пожертвовать жизнью***. Для вас такой тип жизнеощущения необычен — но вот вы наблюдаете его»[4].

В 1974 г., вспоминания события, предшествовавшие появлению «Архипелага», А.И. Солженицын утверждал, что на тот случай, если бы встал вопрос: жизнь детей или издание «Архипелага», им и его женой было принято «сверхчеловеческое» решение — «***наши дети не дороже памяти замученных миллионов***, той Книги мы не остановим ни за что»[5].

Поразительная самоотверженность. Пожертвовать близким тебе человеком труднее, чем пожертвовать собой. Многие ли способны на это?

В 1983 г. Александр Исаевич дал интервью корреспонденту газеты «Таймс», которое закончил словами: «Пришло время ограничивать самих себя в потребностях, учиться жертвовать собою для спасения родины и всего общества»[6]. Учиться? Но у кого? Конечно, у того, кто ради идеи, ради правды готов пожертвовать не только собою, но и своими детьми.

Но вот мы листаем воспоминания Александра Исаевича и читаем о том, как он проводил часть лета 1969 г. на берегу Пинеги вместе с одной из своих помощниц, ставшей позднее его женой, “Алей”, Натальей Дмитриевной Светловой. Здесь они обсуждали идею издания свободного от цензуры журнала. Полагая, что журнал следует издавать в СССР, а он как редактор «может быть здесь, а может быть и там», т.е. за границей, А.И. Солженицын пишет: «Аля считала, что надо на родине жить и умереть при любом обороте событий, а я, по-лагерному: ***нехай умирает, кто дурней***»[7].

Если бы эти слова Александра Исаевича передал кто-нибудь из его противников, их можно было бы поставить под сомнение как клевету. Если бы эти слова нашли отражение в воспоминаниях его нейтральных современников, можно было

---

[1] Там же. С. 111.

[2] Там же.

[3] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 116.

[4] Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 186.

[5] Солженицын А.И. На случай ареста // Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 70.

[6] Солженицын А.И. Интервью лондонской газете Таймс (интервью ведет Бернард Левин). Лондон, 16 мая 1983 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 120.

[7] Солженицын А.И. Бодался телёнком с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 8.

бы усомниться в их точности. Но приведённые слова содержатся в воспоминаниях самого А.И. Солженицына, переизданных трижды.

«***Нехай умирает, кто дурней***" — это значит, по мнению нашего праведника, ради идеи на костёр идут только дураки. И это говорил человек, призывающий к самопожертвованию? Достаточно одной этой фразы, чтобы понять истинную цену его призывов.

Вот его настоящее лицо: "***нехай умирает, кто дурней***".

Значит, всё, что говорилось им о готовности к самопожертвованию, — это ложь.

Приводя слова А.И. Солженицына из «Телёнка» «мои навыки каторжанские, лагерные», В.Я. Лакшин писал: «Эти навыки, объясняет его книга, суть: если чувствуешь опасность — опережать удар, никого не жалеть, легко лгать и выворачиваться, раскидывать "чернуху"»[1]. И далее В.Я. Лакшин делал заключение о том, что прошедший лагерную школу автор предстает со страниц своих воспоминаний не в образе безобидного «телка», а в виде «лагерного волка»[2].

Среди поклонников А.И. Солженицына могут найтись те, кто скажет: «Пусть он не был великим писателем, пусть порою он был бестактным и даже жестоким, пусть ему приходилось маневрировать и идти на компромиссы, зато он не побоялся рассказать правду о том обществе, в котором жил».

Ну, что же, давайте посмотрим, что такое солженицынская правда.

«Жить не по лжи»

Читатели «Архипелага», наверное, знают фотографию А.И. Солженицына в одежде зэка с номерами на шапке, куртке и брюках: сутулая фигура, голова, вобранная в плечи, угрюмое лицо. Известна и другое его фотографическое изображение в подобной же одежде с разведёнными в сторону руками: он в лагере во время обыска.

Когда я впервые увидел эти снимки, был поражён: неужели в особых лагерях не только фотографировали заключённых, но и выдавали им фотографии при освобождении?

Оказывается, снимки были сделаны позднее, уже в ссылке. А.И. Солженицын просто позировал перед объективом[3].

Играл и позировал он не только перед фотообъективом и телекамерами. Открываем его воспоминания и читаем: «Моя жизнь в Рязани идёт во всём… по-старому (в лагерной телогрейке иду с утра колоть дрова…)»[4]. Можно было бы допустить, что Александр Исаевич привёз из Казахстана «лагерную телогрейку» и сохранил её как реликвию. Но присмотритесь к его фотографии 1954 г. Неужели этот интеллигентный мужчина в выглаженной рубашке, с галстуком и в шляпе летом 1956 г. через полстраны вёз изношенную «лагерную телогрейку» потому, что не желал её выбрасывать и собирался носить дальше?

---

[1] Лакшин В.Я. Берега культуры. М., 1994. С. 358.

[2] Там же.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. М., 1991. С. 42, 93.

[4] Там же. С. 32.

Можно было бы допустить, что перед нами авторская фантазия, если бы не воспоминания Г.П. Вишневской. Описывая, как осенью 1969 г. А.И. Солженицын поселился у них на даче, она отмечает: «В шесть часов утра приехал Александр Исаевич, оставил свои вещи, а сам уехал в Москву поездом… Заходим в дом, и я хозяйским глазом вижу, что ничего не изменилось, никакого нового имущества нет. Лишь на кровати в спальне узел какой-то лежит… Что же за узел такой? Оказывается, это старый чёрный ватник, стёганый, как лагерный, до дыр заношенный. Им обернута тощая подушка в залатанной наволочке, причём видно, что заплаты поставлены мужской рукой, так же, как и на ватнике, такими же большими стежками… Всё это аккуратно связано веревочкой, и на ней висит алюминиевый мятый чайник. Вот это да. Будто бы человек из концентрационного лагеря только что явился и опять туда же собирается. У меня внутри точно ножом полоснуло»[1].

Неужели Александр Исаевич собирался ходить в «до дыр заношенном ватнике» в Жуковке, в элитном, закрытом для обычных людей посёлке, в котором жили правительственные чиновники и представители высшего слоя столичной интеллигенции?

А в том, что Александр Исаевич был способен на это, мы можем убедиться, читая его воспоминания. В декабре 1962 г. он, простой рязанский учитель, начинающий автор, по вызову ЦК на обкомовской машине едет в Москву на встречу руководителей партии и правительства с деятелями культуры: «Я, — пишет Александр Исаевич, — ***нарочно*** поехал в своём школьном костюме, купленном в “Рабочей одежде”. В чиненных-перечиненных ботинках с латками из красной кожи по чёрной, и сильно нестриженный… Таким зачуханным провинциалом я привезён был во мраморно-шёлковый Дворец Встреч… В раздевалке ливрейные молодцы приняли моё тёртое унылое длинное провинциальное пальто»[2].

Видимо, «в чиненных-перечиненных ботинках с латками» он появлялся и в других местах, свидетельством чего может служить разговор Натальи Алексеевны с К.И. Чуковским 19 июля 1966 г. Передавая её слова о своём муже, Корней Иванович записал: «Говорю ему: тебе нужны ботинки. А он: ещё не прошло десяти лет, как я купил эти»[3].

Подобным же образом Александр Исаевич любил показаться и на рязанских улицах. «Когда Солженицын приезжал в Рязань из Давыдова, — вспоминала А.М. Гарасева, — у него был вид старого колхозника из глухой деревни: куртка-стеганка (видимо, обыкновенный ватник, который называли фуфайкой или телогрейкой. — *А.О.*), шапка с ушами, и весь он выглядел каким-то усталым и измученным»[4].

В таком виде застал его бывший генерал П.Г. Григоренко, побывавший у него зимой 1968–1969 гг. в Давыдове: на плечах «фуфайка», на ногах «огромные зэковские бахилы»[5]. Весьма скромным был и ужин: «по кусочку свиного сала, чёрный хлеб, луковица, перловая каша-концентрат», «флакон из-под духов, в нём на 1/3

[1] Вишневская Г.П. Галина. Минск, 1997. С. 483–484.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 41, 43.

[3] Чуковский К.И. Дневник. 1930–1969 гг. М., С. 387.

[4] Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране…Воспоминания анархистки. М., 1997. С. 280.

[5] Григоренко П.Г. Воспоминания // Звезда. 1990. № 12. С. 169.

спирт», завтрак: «картофель», «снова по кусочку сала, луковица, соль, растительное масло», «снова накапали в рюмки спирта»[1].

Образ неприхотливого, бедствующего писателя А.И. Солженицын начал внедрять в сознание окружающих, как только стал выходить в люди. Рассказывая о своём первом появлении в редакции «Нового мира"», он пишет: "Расспрашивали о моей жизни, прошлой и настоящей, и все смущённо смолкли, когда я ***бодро ответил***, что зарабатываю преподаванием шестьдесят рублей в месяц, и мне этого хватает»[2]. В те годы за 60 руб. в месяц один человек прожить мог, но очень скромно. Чтобы это было понятнее, приведу следующий факт. Тогда в высших учебных заведениях студент получал стипендию только в том случае, если доход семьи составлял менее 100 руб. в месяц на человека.

Можно представить, как смотрели на Александра Исаевича сотрудники редакции «Нового мира». «Все были в восторге от того, — вспоминает В.Н. Войнович, — как он пишет, как держится и что говорит. Говорит, например, что ***писатель должен жить скромно, одеваться просто, ездить в общем вагоне и покупать яйца обыкновенные по девяносто копеек, а не диетические по рублю тридцать***»[3].

Эти обыкновенные яйца по девяносто копеек нашли отражение и в воспоминаниях самого А.И. Солженицына. Рассказывая, как однажды в 1967 г. он возвращался из Москвы в Борзовку, Александр Исаевич пишет: «Это было 8 июня, на Киевском вокзале, за несколько минут до отхода электрички на Наро-Фоминск, с продуктовыми сумками в двух руках, шестью десятками дешёвых яиц»[4]. Видимо, этот эпизод нашёл отражение в дневнике А.И. Кондратовича. 16 июня 1967 г. после одной из встреч с А.И. Солженицыным он записал: «Живёт ***стеснённо***. Уезжал в прошлый раз в Рязань. "Шесть десятков яиц увёз» — сказал мне. "А разве в Рязани нет их?" — "По девяносто копеек нет. Есть по рублю сорок. А на шесть десятков разница уже почти целый проездной билет"»[5]. Подсчитать разницу нетрудно. Три рубля.

Но, оказывается, в Рязани не было не только обычных яиц по девяносто копеек, но и хлеба. «Сегодня утром, — записала 4 марта 1967 г. Л.К. Чуковская в дневнике, — уехал от нас живший несколько дней Солженицын. Ватник, ушанка. Вынес из дверей на площадку тяжёлый мешок с хлебом и с трудом взвалил его на спину. Угловатый тяжёлый мешок, словно камнями набитый. Таким теперь всегда я буду помнить Солженицына»[6].

Мотив о бедственном положении, в котором долгое время находился писатель, звучит во многих воспоминаниях о нем. Так, в 1967 г. в беседе с Н. Бианки А.Т. Твардовский заявил: «У него за душой ведь нет ни копейки»[7]. «Денег у них не

[1] Там же. С. 170.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 20.

[3] Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. М.. 2002. С. 29–30.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 67.

[5] Кондратович А.И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С. 44.

[6] Чуковская Л.К. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне. Подготовка текста, комментарии и публикация С.Ц. Чуковской // Новый мир. 2001. № 9. С. 74.

[7] Бианки Н. Встречи в «Новом мире» (фрагменты из книги) // Книжное обозрение. 1990. 16 марта.

было, — вторила ему А.М. Гарасева, — они с женой копили их всю зиму на отпуск, а потом летом отправлялись по добытым адресам бывших лагерников»[1]. «Денег у Солженицына нет. Это ясно», — читаем мы в дневнике А.И. Кондратовича[2].

Наслушавшись рассказов Александра Исаевич, даже Г.П. Вишневская, которую очень трудно провести, с удивлением и восхищением пишет: «Жил Александр Исаевич ***на один рубль в день*** — так распределил он на много лет свой довольно большой гонорар за Ивана Денисовича»[3].

Лидию Корнеевну Чуковскую Александр Исаевич сумел убедить, что живёт в день всего на несколько копеек, отказывая себе во всём[4].

Но оказывается, если верить писателю, в его жизни бывали дни, когда он не мог наскрести на хлеб даже нескольких копеек. Выступая 20 марта 1976 г. в Мадриде, он с возмущением заявил: «Коммунистическая печать очень любит спекулировать на том, что вот Солженицын поехал на Запад и стал миллионером. Когда я в Советском Союзе ***голодал***, они не писали об этом»[5].

Чтобы понять, о чем идёт речь, как современник писателя могу сообщить: килограммовая буханка чёрного хлеба стоила тогда 14 копеек. Получается, что в жизни писателя были дни, когда он не мог купить даже чёрного хлеба. Пишу, и слезы катятся у меня из глаз.

Г.П. Вишневская уверена, что до получения Нобелевской премии, Александр Исаевич жил только за счёт гонораров от «Ивана Денисовича», но 30 марта 1972 г. в интервью «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» А.И. Солженицын назвал нам ещё один источник своих доходов: «После гонораров за «Ивана Денисовича» у меня не было существенных заработков, только ещё деньги, оставленные мне покойным К.И. Чуковским, теперь и они подходят к концу. ***На первые я жил шесть лет, на вторые — три года***»[6].

Откровения нобелевского лауреата настолько потрясли его поклоников, что один из них, американский писатель Альберт Мальц, направил в редакцию «Нью-Йорк таймс» письмо, в котором заявил о своей готовности помочь деньгами бедствующему собрату по перу.

Узнав об этом, Александр Исаевич был растроган. Поблагодарив А. Мальца за предложеннную помощь, он заявил, что «хотя и очень смущён» таким предложением, но «готов принять деньги», правда, как уважающий себя человек только с возвратом, т.е. «в долг»[7].

Однако если А.И. Солженицын на протяжении многих лет еле-еле сводил концы с концами, если он носил ботинки по десять лет и вынужден был появляться на

---

[1] Гарусева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране… С. 276.

[2] Кондратович А.И. Новомировский дневник. 1967–1970 гг. М., 1991. С. 97.

[3] Вишневская Г. Галина. С. 489.

[4] Чуковская Л.К. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне. Подготовка текста, комментарии и публикация С.Ц. Чуковской // Новый мир. 2001. № 9. С. 74.

[5] Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению. 20 марта 1976 // Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 458–459.

[6] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 103.

[7] Владимиров С. Солженицын в рубище // В круге последнем. М., 1974. С. 120.

рязанских улицах в сапогах и фуфайке, если иногда он жил даже впроголодь, то как ему удалось приобрести дачу за 2600 рублей[1], одну автомашину не менее чем за 3000[2], вторую за 7500 валютных рублей (1971 г.)[3], третью за столько же (1972 г.)[4]? А благоустройство новой квартиры? А ремонт дачи? А ежегодные комфортабельные поездки (и ведь останавливался не где-нибудь, а в таких, например, столичных гостиницах, как «Будапешт» и «Москва»)? Да если посмотреть на фотографии, обнаруживается, что Александр Исаевич и Наталья Алексеевна не ходили годами в одной и той же одежде.

Более того, как мы знаем, с 1 мая 1969 г. Наталья Алексеевна, оклад которой составлял 320 руб., вообще оставила работу. Причём, что следует подчеркнуть, почти за полгода до смерти К.И. Чуковского. В результате к весне 1972 г. Н.А. Решетовская пожертвовала примерно 11520 руб. Такое можно было позволить лишь при условии компенсации не меньшей суммы из другого источника. А ведь не следует забывать, что с конца 1969 – начала 1970 г., т.е. до получения Нобелевской премии, «нищенствующий» писатель стал содержать собственного адвоката и не где-нибудь в Рязани, а за границей.

К сожалению, у нас пока нет возможности получить полное и точное представление о бюджете семьи А.И. Солженицына до его отъезда за границу. Но некоторые расчёты сделать всё-таки можно. Как доцент Наталья Алексеевна Решетовская получала 320 рублей в месяц, пенсия её матери составляла 50 рублей, около 80 рублей приходилось на пенсию двух её тётушек: Марии Николаевны и Нины Николаевны[5]. Итого 450 рублей. Делим на пять членов семьи, получаем 90 рублей. Таким образом, даже если бы Александр Исаевич вообще не работал, у него была возможность жить не на один рубль, как он сумел уверить знаменитую певицу, а на три рубля в день.

Между тем у него были и гонорары. Сделанная мною попытка хотя бы ориентировочно определить их суммарный объём позволяет утверждать, что с ноября 1962 по март 1972 г. бедствующий писатель совершенно официально получил гонораров на сумму как минимум 60 тыс. руб., что не менее 6000 руб. в год или же более 500 руб. в месяц. 500 и 450 рублей — это 950 рублей, 180 руб. в месяц, или 6 рублей в день на одного человека.

Но и это не всё. Мы не учли ту часть наследства, которую Александр Исаевич получил после смерти К.И. Чуковского. Остаются неизвестными те гонорары, которые потекли с конца 1960-х гг. на его заграничный счёт за роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус». По свидетельству О. Карлайл, издательство «Харпер энд Роу» готово было выплатить писателю за роман только в виде аванса более 60 тыс. долларов[6].

---

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С. 94.

[2] В середине 1960-х годов оптовая цена автомобиля «Москвич-408» составляла 1444 руб. (Цены и ценообразование в промышленности СССР (1965-1970). Статистический сборник. Т. 1. М., б.д. С. 184). Между тем розничные цены на автомашины в те годы превышали оптовые в несколько раз.

[3] Запись беседы с Н.А. Решетовской. Москва // Архив автора.

[4] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 238.

[5] Запись беседы с Н.А. Решетовской. Москва. 17 апреля 2003 г. // Архив автора.

[6] Андреева-Карлай О.К. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 125.

Наконец, осенью 1970 г. Александр Исаевич стал нобелевским лауреатом, уже 27 ноября 1970 г. предложил своему адвокату Ф. Хеебу перевести «часть денег от Нобелевской премии» на его счёт «в шведский или швейцарский банк» и выразил надежду, что «в конце декабря или начале января» эти деньги будут в распоряжении Ф. Хееба. В связи с этим он писал: «Я прошу Вас мне лично перевести через Внешторгбанк 3000 долларов»[1]. В декабре 1970 г. затребованная сумма находилась на личном счёте Александра Исаевича[2].

26 августа 1973 г. Ю.В. Андропов докладывал в ЦК КПСС: «***За последние два года*** (т.е. с лета 1971 г. — *А.О.*) Солженицыным ***из иностранных банков*** получен 23301 инвалютный рубль, на которые он купил легковые автомобили марки Москвич-214 для своей первой жены Решетовской и матери второй жены — Светловой. Различные промышленные и продовольственные товары он, как правило, приобретает в валютных магазинах “Берёзка”»[3].

Этого, конечно Альберт Мальц не знал. Но какую же нужно было иметь совесть, чтобы, обладая такими суммами, изъявить готовность принять его помощь?

Таким образом, и лагерная телогрейка, и помятый алюминиевый чайник, и школьный костюм из магазина рабочей одежды, и чиненые-перечиненные ботинки, и зэковские бахилы, и решётка с тремя десятками яиц по 90 копеек, и разговоры о рубле в день использовались А.И. Солженицыным лишь как средство для создания образа не только гонимого, но и бедствующего писателя.

Независимо от того, как мы будем оценивать приведённые факты, очевидно одно: появляясь в самой скромной одежде, демонстрируя неприхотливость в отношении пищи, подчёркивая ограниченность финансовых средств, призывающий нас всех жить не по лжи, А.И. Солженицын не просто в каждом конкретном случае расчётливо играл разные роли, но и мистифицировал окружающих, т.е. попросту говоря, обманывал их.

На эту черту его личности уже обращено внимание, и он давно уже назван мастером полуправды[4]. Чтобы получить более наглядное представление, насколько наш герой любит правду, обратимся к конкретным фактам.

Начнем с мелочи.

Выступая 12 декабря 1974 г. на пресс-конференции в Стокгольме и демонстрируя своё отрицательное отношение к той шумихе, которая была поднята вокруг его имени, Александр Исаевич заявил, что после выхода в свет «Одного дня…» он «***девять лет вообще… не давал ни одного интервью***»[5].

Как же так? А интервью журналисту Виктору Буханову, опубликованное 25 января 1963 г. на страницах «Литературной России»? А описанное самим А.И. Солженицыным интервью японскому корреспонденту Седзе Комото 17 ноябре 1966 г.?

---

[1] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 138.

[2] Там же. С. 145.

[3] Там же. С. 238.

[4] Бушин В. Мастер полуправды // Молодая гвардия. 1992. № 1–2. С. 250–263.

[5] Солженицын А.И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. Ярославль. 1996. С. 167.

А интервью словацкому коммунисту-партизану Павлу Личко, опубликованное 31 марта 1967 г. на страницах братиславской газеты «Литературная жизнь»[1]?

Делая свое заявление, Александр Исаевич был уверен, что европейцы ни советских, ни словацких, ни японских газет не читают.

Подобным же образом изображает он и своё литературное творчество. «***Долгие годы*** в России, — заявил он 10 марта 1976 г. в интервью газете «Франс суар», — я должен был ***большую часть времени*** где-то работать — и для денег, и для того, чтобы не возбуждать подозрения властей»[2]. Это же он утверждал и в телеинтервью с Малколмом Магэриджем для Би-Би-Си 16 мая 1983 г.: «В Советском Союзе я никогда не мог… заниматься только литературой, я должен был ***всё время*** зарабатывать себе на жизнь ***чем-нибудь другим***»[3].

Можно представить, с каким уважением после этих слов должны были смотреть на него европейцы. Однако, как мы знаем, подобные откровения были далеки от истины. Если взять период с марта 1953 г. до февраля 1974 г., получается 21 год. Об учебной нагрузке Александра Исаевича в ссылке (1953–1956) нам известно только с его собственных слов, учебная нагрузка в Мезиновской школе вообще неизвестна. Что же касается Рязани, то поселившись здесь в 1957 г., А.И. Солженицын взял в школе только 15 часов в неделю — это немногим более 80% ставки, в следующем году оставил себе 12 часов, 67% ставки, затем 9 часов — 50% ставки, а с конца 1962 г. вообще ушёл из школы и перешёл, как говорится, на «вольные хлеба», пребывая в таком положении на протяжении одиннадцати лет, вплоть до высылки из Советского Союза в 1974 г.

Мог ли все это забыть Александр Исаевич к 1976 г.? Конечно, нет. Значит, лгал и со страниц газеты «Франс суар», и перед телекамерой Би-Би-Си.

А вот ещё одно его «откровение». Выступая 28 февраля 1977 г. перед жителями Кавендиша, он поведал им: «Мне скоро уже 60 лет, но ***за всю жизнь*** у меня ***никогда не было не только своего дома, но даже и определённого постоянного места, где бы я жил…*** первый свой дом и своё первое постоянное жительство мне удалось избрать лишь у вас, в Кавендише»[4]. Не часто увидишь человека, который почти всю свою жизнь провёл бездомным бродягой. Поэтому слушая эти речи, жители маленького американского городка, наверное, представляли своего знаменитого земляка ночующим под заборами и рыдали. Рыдали и гордились: ведь не опустился, не стал вором или убийцей и сумел сохранить гуманные традиции великой русской литературы.

Можно понять почему «бездомный» лауреат дурачил своих американских соседей. Они ведь не знали ни его биографии, ни России, но зачем перепечатывать эту ложь сейчас у себя на родине?

Не жалел Александр Исаевич красок и для характеристики той страны, из которой был выслан. Обращая внимание Запада на существование в Советском Сою-

[1] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 41, 202, 208–209.

[2] Солженицын А.И. Из интервью газете «Франс суар». Париж, 10 марта 1976 // Публицистика. Т. 2. С. 410.

[3] Солженицын А.И. Телеинтервью с Малколмом Магаръеджем для Би-Би-Си. Лондон, 16 мая 1983 // Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 144.

[4] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 136.

зе так называемой паспортной системы и характеризуя её как пережиток крепостного права, А.И. Солженицын так разъяснял это в своём первом крупном зарубежном интервью телекомпании CBS летом 1974 г.: «Паспортный режим. Режим прикрепления к месту. ***Вы не можете никуда уехать*** из этого местечка, ***из*** этого маленького ***поселка***, или ***города***, или ***деревни***, и вы находись во власти не то, что там центральных властей или советского аппарата, вы находитесь во власти — вот, здешнего начальника. И если вы ему не нравитесь, вы пропали. ***И уехать никуда нельзя***»[1] (8).

Существовавшая до середины 70-х годов паспортная система действительно имела черты крепостничества. С 1932 г. по начало 1970-х гг. паспорта выдавались только горожанам, сельские жители их, как правило, не имели. Между тем существовало требование, по которому на работу в городах брали только при наличии паспорта. Этим самым правительство сдерживало переселение из деревни в город. Однако остановить его оно не могла. Если в 1940 г. в городах проживало 33% населения, то в 1961 г. — уже 50, а в 1981 г. — 57[2]. Что же касается переселений из деревни в деревню и, тем более, из города в город, то на них паспортная система не имела никакого влияния и всё сказанное А.И. Солженицыным на этот счёт — чистая и заведомая ложь.

К числу подобных же «открытий», которыми писатель поражал своих западных читателей и зрителей, относится и следующее его утверждение. Полемизируя на страницах журнала «Foreign Affairs» с бывшим меньшевиком Д.Ю. Далиным, Александр Исаевич в статье под названием «Иметь мужество видеть» напомнил ему «о советской провинции, где ***не хватает картофеля до весны***, а ***других продуктов вообще не знают*** (и ***это***, мистер Далин, ***никак не гипербола***, вам только трудно это вообразить)»[3].

Вдумаемся в эти слова и попробуем «вообразить» то, к чему призывал А.И. Солженицын «мистера Далина». Из приведённых слов явствует, что к началу 80-х годов советская провинция жила только за счёт картофеля, которого, оказывается, не хватало даже до весны. Это означает, что провинция была обеспечена продуктом питания только восемь месяцев в году. Как же она жила весной и в начале лета? Неужели бедные провинциалы на протяжении четырёх месяцев питались травой и корой деревьев?

Теперь «вообразим» лучшее время в году, когда на столе появлялась долгожданная картошка. Поскольку ничего другого не было, её приходилось есть каждый день. Вероятнее всего, картофель варили, так как в сыром виде мы его почему-то не любим, а для жареного нужны жиры. Между тем других продуктов, по утверждению нашего правдолюба, провинция не знала. Не знала ни соли, ни масла, ни мяса, ни молока, ни яиц, ни овощей, ни фруктов. Не знала даже хлеба. Это покруче, чем в ленинградскую блокаду. И ведь как умели дурачить: никто, кроме А.И. Солженицына, полного отсутствия «***других продуктов***» в нашей стране не замечал.

---

[1] Солженицын А.И. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уолтер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Публицистика. Т. 2. С. 104.

[2] Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 233.

[3] Солженицын А.И. Иметь мужество видеть. Полемика в журнале «Foreign Affairs» // Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1985. С. 384.

Да, в советские времена провинция испытывала острую нехватку многих видов продовольствия. Я сам, родившийся и выросший в деревне, больше тридцати лет стоял в очередях за хлебом, мясом, сахаром и так далее. Но я не только не голодал, но и не видел, чтобы в послевоенные годы кто-нибудь умирал от голода. Зачем же доводить эту проблему до абсурда?

А вот другой перл, с помощью которых лауреат Нобелевской премии создавал себе за рубежом славу отважного правдолюбца: «У нас инвалидов Отечественной войны убирают из общества, чтоб их никто не видел, ***ссылают*** на отдалённые северные острова, — инвалидов, тех, кто потерял здоровье в защите родины. Инвалидов ***преследуют, притесняют***»[1].

Я не был сторонником прежней политической системы, но как современник А.И. Солженицына утверждаю: мне неизвестно ни одного случая, чтобы в советском обществе человека ***преследовали*** и тем более ***ссылали*** «на отдалённые северные острова» только ***за то, что он инвалид***, а вот то, что система социальной помощи инвалидам в те времена хотя и являлась очень несовершенной, но существовала и была во много раз гуманнее и эффективнее, чем сейчас, — это можно доказать без труда.

Есть ли у А.И. Солженицына хоть какие-либо материалы о преследовании советских инвалидов? Нет. Ни одного. Иначе бы он их обязательно привёл. Значит, опять перед нами сознательная ложь.

И уж совсем об анекдотичных фактах поведал писатель в 1976 г. в Испании: «Я смотрю, как у вас работают ксерокопии. Человек может подойти, заплатить 5 песет и получить копию любого документа. У нас это недоступно ни одному гражданину Советского Союза. Человек, который воспользуется ксерокопией не для служебных целей, не для начальства, а для самого себя, получает ***тюремный срок, как за контрреволюционную деятельность***»[2]. Этого Александру Исаевичу показалось недостаточным, и в другом интервью он уточнил: «В Советском Союзе за то, что в Испании стоит 5 песет — цена одной ксерокопии, — дают ***десять лет тюрьмы*** или запирают в сумасшедший дом»[3].

Вот так. За то, что советский человек, скажем, ксерокопировал на работе свидетельство о браке или ордер на квартиру — десять лет или психушка. Это при Брежневе. А за попытку создания антисоветской организации автор этих откровений получил только восемь лет. И когда? При Сталине.

Отметив, за какие пустяки в Советском Союзе можно угодить за решётку, далее А.И. Солженицын заявил: «В моей стране в течение 60 лет никогда не была объявлена ни одна амнистия»[4]. Обратив внимание на это заявление, В.С. Бушин назвал четыре амнистии[5]. Может быть, А.И. Солженицын плохо знал историю. Ничего подобного. В «Архипелаге» фигурируют три амнистии 1945, 1953 и 1955 гг. Значит, перед нами не ошибка, а сознательная неправда, т.е. неприкрытая ложь.

---

[1] Солженицын А.И. Телеинтервью с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на русском языке (23 октября 1981) // Публицистика. Т. 2. С. 569.

[2] Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению (20 марта 1976) // Там же. С. 453.

[3] Солженицын А.И. Пресс-конференция в Мадриде (20 марта 1976) // Там же. С. 466.

[4] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 74.

[5] Там же.

Чтобы западный обыватель не питал иллюзий насчёт разрядки, в одном из своих интервью Александр Исаевич поведал: «Приезжающие из советской провинции рассказывают, что за дружелюбные разговоры с иностранцами (***при выставках***) советских граждан ***открыто избивают тут же***, для поучения публики»[1].

Представляете? Чтобы скрыть свои агрессивные помыслы, советское правительство затеяло разрядку и, чтобы обмануть доверчивых иностранцев, поверивших в неё, стало организовывать культурные мероприятия, приглашая на них гостей из-за рубежа, но своих сограждан инструктировало, чтобы они демонстрировали гостям ледяную официальность, видимо, для того, чтобы иностранцы сразу поняли, что их обманывают. Ну, а тех сограждан, которые не понимали этого и вели себя с гостями дружелюбно, т.е. гостеприимно, тут же на этих мероприятиях прямо на глазах у всех для поучения публики избивали.

И это называется правдой?

«Правда» о ГУЛАГе

Именуя А.И. Солженицына великим писателем, Кондолиза Райс от имени Государственного департамента США заявила: «Главная заслуга писателя заключалась в том, что благодаря ему мир узнал правду об ужасах ГУЛАГа»[2].

Да, «Архипелаг» производит страшное впечатление. Однако когда В.С. Бушин попытался выяснить, откуда писатель черпал свою «правду» о ГУЛАГе, то был поражён.

«То и дело в его историях, — пишет он, — безымянно фигурируют “один врач” (Архипелаг ГУЛАГ. 1 изд.Т.3, *468*), “один офицер” (3, *525*), “водительница трамвая” (1, *86*), “водопроводчик” (1, *86*), “учительница” (3, *65*) и т.д. Иногда к профессии он, расщедрившись, добавляет психологический, физический или какой иной штришок: “один насмешливый сапожник” (3, *14*), “глухонемой плотник” (2, *287*), “полуграмотный печник” (2, *86*), “известный кораблестроитель” (3, *393*)… В других случаях указывает национальность и скажем, возраст: “одна гречанка” (3, *400*), “одна украинка” (3, *528*), “молодой узбек” (3, *232*), “чувашонок” (2, *288*), “один из татар-извозчиков” (1, *64*)… А встречается ещё и такое: “одна баба” (3, *377*), “один парень” (2, 2, 184), “один зэк” (3, *73*), “один очевидец” (3, *560*), “две девушки” (3, *246*), “двое ссыльных” (3, *397*), “три комсомолки” (3, *13*), “шесть беглецов” (3, *212*), “мужик с шестью детьми” (1, *87*), “несколько десятков сектантов” (2, *63*), “полсотни генералов” (1, *91*), “730 офицеров” (3, *34*), “свыше 1000 человек” молодёжи (3, *33*), “5000 пленных” (3, *32*)… И даже из этих тысяч ни одного живого имени!»[3].

«На страницах 287–288 второго тома «Архипелаг», — пишет В.С. Бушин далее, — читаем 13 леденящих кровь историй о беззаконии. В 9 из них нет не имён, ни дат, ни места происшествия, а только атрибуция такого рода: “портной”, “про-

[1] Солженицын А.И. Конец одного советского десятилетия (Нойе Цюрихер цайтунг. 15 января 1975) // Публицистика. Т. 2. С. 205.

[2] Москва прощается с Александром Солженицыным // Сибирское агентство новостей. Красноярск http://krsk.sibnovosti.ru/glamour/55813-moskva-proschaetsya-s-aleksandrom-solzhenitsynym

[3] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 201.

давщица”, “заведующий клубом”, “матрос”, “пастух”, “плотник”, “школьник”, “бухгалтер”, “двое детей”. В остальных четырёх историях есть кое-какие имена и названия, но они до того расплывчаты и неопределённы, что в сущности тоже ничего не дают: например, “Элочка Свирская”, “неграмотные старики Тульской, Калужской и Смоленской областей”, “тракторист Знаменской МТС”, а Знаменский район есть в областях Смоленской, Омской, Тамбовской и Кировоградской, да ещё в Орловской области, в Донецкой, на Алтае есть поселок Знаменка да в Калиниградкой области — поселок Знаменка»[1].

«Если теперь перейти к вопросу о цитатах и источниках в “Архипелаге”, то… цитат, сносок и ссылок на те или иные издания у него неизмеримо меньше, чем ссылок на такие источники, как: “говорят”, “вот говорят”, “говорили”, “как говорят”, “как некоторые говорили” и т.п. («Архипелаг», т. **1**. С. 45, 63, 138, 277, 433, 438, 459, 505, 504, т. **2**. С. 98, 125, 237, 241, 342, 381, 404, т. **3**. С. 237, 239, 240, 258, 316, 337, 381, 385 и др.). Или: “по слухам” (1, *354*), “по московским слухам” (1, *102*), “шли слухи” (2, *485*), “дошли слухи” (2, *280*), “прошёл слух” (1, *181*), “есть слух глухой” (1, *167*), “слух этот глух, но меня достиг” (1, *374*), “есть молва” (1, *113*), “мы наслышаны” (1, *289*) и т.д. Или ещё: “рассказывают” (2, *54*), “рассказывали” (1, *219*), “по рассказам” (3, *346*), “если верить рассказам” (1, *277*)»[2].

Неудивительно поэтому, что многие описываемые автором факты имеют фантастический характер. Вот несколько примеров.

Однажды, читаем мы в «Архипелаге», «роту заключенных около ста человек ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ НОРМЫ ЗАГНАЛИ НА КОСТЕР — И ОНИ СГОРЕЛИ» («Об этом мне рассказал один только человек, близко бывший: профессор Дмитрий Павлович Калистов[3], старый соловчанин[4], умерший недавно»[5]).

Невероятность этого факта видна невооружённым взглядом.

Что же касается источника информации, то я немного знал Дмитрия Павловича и могу сказать: неприятная была личность. На Соловках он находился всего несколько месяцев, затем был освобождён и служил вольнонаёмным. О его честности говорит тот факт, что незадолго до смерти его обвинили в «научной недобросовестности» (беру эти слова в кавычки, обвинения были серьёзнее).

«В другой раз», писал А.И. Солженицын, тоже за невыполнение нормы «оставили ночевать в лесу — 150 человек замёрзло насмерть», «взяли да заморозили в лесу сто пятьдесят человек»[6]. Где? Когда? Неизвестно, как неизвестно и то, откуда

---

[1] Там же. С. 200–201.

2 Там же. С.201–202.

[3] Фролов Э.Д. Профессор Дмитрий Павлович Каллистов (1904–1973). Штрихи к портрету // Мнемемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. профессора Э.Д. Фролова. Вып. 13. СПб., 2013. С. 433–446.

[4] В.С. Брачев. Из архива «Космической Академии наук». Дневник Д.П. Каллистова (1926–1927 гг.) // RUSSIAN STUDIES. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Т. II. Вып. 4. С. 315–327; Панеях В.М. Письмо академика Д.С. Лихачева о работах В.С. Брачева // Россия в XX веке. Сборник статей. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, Валерия Александровича Шишкина. СПб., 2005. С. 392–399.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6, С. 38.

[6] Там же. С. 38.

такие сведения. Хотя их нелепость очевидна. Если 150 человек заморозили за невыполнение плана, кто же после этого за них должен был выполнять «нормы», а за их невыполнение администрация лагеря несла ответственность собственной головой.

А.И. Солженицын с самым серьёзным видом писал, как однажды заключённая В.А. Корнева ехала из Москвы в купе, где было «тридцать женщин»[1]. «А осенью 1946 г. Н.В. Тимофеев-Ресовский ехал из Петропавловска в Москву в купе, где было ***тридцать шесть человек***! ***Несколько суток*** он ***висел*** в купе между людьми, ***ногами не касаясь пола***. Потом стали умирать — их вынимали из-под ног (правда, не сразу, ***на вторые сутки***) — и так посвободнело. Всё путешествие до Москвы продолжалось у него ***три недели***»[2].

А.И. Солженицын живописал, как в некоторых тюрьмах, рассчитанных на 3–4 тысяч человек, сидели по 40 тысяч, как в одной «камере вместо положенных 20 человек сидело 323», в другой тюрьме, рассчитанной на 500 человек, размещалось 10 тыс. заключённых[3]. Попробуем посчитать. В особых лагерях была норма — 1,8 кв. м на заключённого[4]. Это нары 1,8 м длиной, 0,5 м шириной и проход между нарами 0,5 м. За счёт двухъярусных нар норму можно было сократить до 0,9 кв. м. Однако если в первом случае норма была превышена более чем в 10 раз, на человека приходилось 0,18 кв. м, во втором случае (превышение нормы в 16 раз) — 0,11 кв. м, в третьем (превышение в 20 раз), остаётся 0,09 кв. м.

Касаясь сталинских репрессий в Ленинграде, А.И. Солженицын писал: «Считается, что ***четверть Ленинграда*** была ***расчищена*** в 1934–1935 гг.»[5]. В другом случае эта же мысль выражена несколько иначе: «Считается, что ***четверть*** Ленинграда была ***посажена*** в 1934–1935 гг.»[6]. В третьем случае читаем: «Так высылали Ленинград из Ленинграда»[7]. Это уже 100%-я «расчистка».

Вдумаемся в эти утверждения.

На 1 января 1934 г. в Ленинграде проживало около 2,4 млн. чел. Примерно 1,2 млн. в трудоспособном возрасте и 1,2 млн. нетрудоспособных, 0,6 млн. трудоспособных мужчин и 0,6 млн. трудоспособных женщин. Поскольку жертвами репрессий в основном были мужчины, получается, что в 1934–1935 гг. Ленинград лишился в одном случае почти всех своих трудоспособных мужчин, в другом — всего населения[8].

Это, как совершенно справедливо заметил В.С. Бушин, достойно Феклуши — странницы из «Грозы» А.Н. Островского, рассказывавшей небылицы о людях с пёсьими головами[9].

---

[1] Там же. Т. 5. С. 350.

[2] Там же. С. 350.

[3] Там же. С. 378–379.

[4] Инструкция о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 555–567.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 50.

[6] Там же. С. 50.

[7] Там же. С. 394.

[8] Между тем в 1936 г. в Ленинграде проживало 2,7 млн, человек, в 1939 г. — 3,2 млн. Неужели одних высылали и убивали, а других откуда-то привозили?

[9] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 202.

Подобный характер имеет и приводимая А.И. Солженицыным статистика сталинских репрессий.

Касаясь численности заключённых в сталинских тюрьмах и лагерях, он в первом томе «Архипелага» (1973 г.) со ссылкой на Д.Ю. Далина и Б.И. Николаевского назвал цифру «15 до 20 млн.» человек единовременно[1]. Эти цифры, видимо, показались ему преувеличенными, и в во втором томе (1974 г.) они были сокращены: «до 15 млн. заключенных»[2]. В 1976 г. в Мадриде Александр Исаевич скорректировал этот показатель до «12–15 миллионов человек»[3].

Между тем не нужно никаких документов, чтобы понять фантастический характер приведённых данных. Достаточно учесть, что в 1939 г. численность населения страны составляла немногим более 170 млн. чел., из которых менее 98 млн. приходилось на трудоспособное население, соответственно около 47 млн. мужчин и около 51 млн. женщин[4]. А поскольку население ГУЛАГА на четыре пятых состояло из мужчин[5], получается, что за колючей проволокой находилось от четверти до сорока процентов взрослого мужского населения. И при таких масштабах террора, будучи студентом (1936–1941), А.И. Солженицын не заметил его[6].

Что же касается официальных данных, то они свидетельствуют: максимальная численность населения ГУЛАГа вместе с находящимися в тюрьмах не превышала 3 млн. чел.[7] Цифра огромная. Невиданная до того в истории нашей страны. Но это не 20, не 15 и даже не 12 млн. человек.

Даже не пытаясь проанализировать приводимые ими цифры, А.И. Солженицын писал: «Пересидело на Архипелаге за 35 лет (до 1953 г.), считая с умершими, миллионов сорок (это скромный подсчет, это — трёх или четырёхкратное население ГУЛАГа, а ведь ***в войну запросто умирало по проценту в день***)»[8].

Давайте посчитаем. Если 40 млн. — это «трёх или четырёхкратное население ГУЛАГа», значит общая численность заключённых составляла 10–13 млн. человек в год. Смертность в один процент дает 100–130 тыс. умерших в день, 36,5–47,5 млн. в год, 146–190 млн. за четыре года войны.

Подобный же характер имеют и другие цифры, приводимые А.И. Солженицыным для характеристики советского террора. Так говоря о В.И. Ленине, писатель заявляет, что «он ***уничтожил целиком*** дворянство, духовенство, купечество»[9]. Обращаю ваше внимание: «***уничтожил***», причём «***целиком***». Если бы речь шла о лик-

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Paris, 1973. С. 587.

[2] Там же. Т. 2. Paris, 1974. С. 201. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 22.

[3] Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т. 2. с. 450.

[4] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 20, 28.

[5] Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социальные исследования. 1991. № 6. С. 23.

[6] Солженицын А.И. По минуте в день. М., 1995. С. 127.

[7] Земсков В.Н.: 1) Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

[8] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 401.

[9] Солженицын А.И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 // Публицистика. Т. 2. С. 179.

видации сословий, с этим нельзя было бы не согласиться. Однако Александр Исаевич имел в виду не деление общества на сословия, а уничтожение людей, принадлежавших к ним. Нелепость этого утверждения, явствует хотя бы из того, что В.И. Ленин сам был дворянином. Да, и Ф.Э. Дзержинский, и А.М. Колонтай, и А.В. Луначарский, и В.Р. Менжинский, и Г.В. Чичерин, и ещё многие, многие видные большевики тоже принадлежали к благородному сословию. А разве не было дворян в эмиграции? Да и первая жена Александра Исаевича тоже была дворянкой. Известно ли это Александру Исаевичу? Несомненно. Значит, перед нами опять ложь.

Продолжая эту же мысль, А.И. Солженицын утверждает: «Уничтожили ***целиком*** сословия — дворянство, офицерство, духовенство, купечество и отдельно по выбору — каждого, кто выделялся из толпы, кто проявлял независимое мышление. Первоначально самый сильный удар пришёлся по самой крупной нации — русской — и её религии — православию, — затем удары последовательно переносились на другие нации. Эти уничтожения ещё к концу спокойных 20-х годов составили уже несколько миллионов жертв. Тотчас вослед произошло ***истребление*** 12–15 миллионов самых трудолюбивых крестьян»[1]. Чтобы на этот счёт не было никаких разночтений, Н.Д. Солженицына уточняет: «При коллективизации (1930) вместе с главами семьи ***уничтожаются все члены её вплоть до младенцев*** — вот тактика коммунистов. Так было уничтожено ***15 миллионов душ***»[2].

Казалось бы, делая такие ответственные заявления, муж и жена Солженицыны должны были бы указать нам те сенсационные документы, в которых они обнаружили эти данные. Однако ни одной ссылки на них мы ни у Александра Исаевича, ни у Натальи Дмитриевны не найдём. И не случайно, потому что они хорошо знают, что приведённые данные почерпнуты не из документов, а из литературы и характеризуют не количество уничтоженных, а численность раскулаченных крестьян. Раскулаченных, значит, высланных из мест прежнего проживания, чаще всего на Север или же за Урал. Во время высылки в местах нового поселения не обходилось без жертв. Судя по воспоминаниям, их было много. Но, согласитесь, выслать и уничтожить — это не одно и то же. К тому же следует иметь в виду, что приведённые данные о количестве раскулаченных крестьян имеют расчётный характер и находятся в противоречии с документами, согласно которым общая численность высланных в 1930–1931 гг. из мест своего проживания крестьян и получивших статус спецпереселенцев, составляла не ***15, а 1,8 млн. чел***.[3] 1,8 млн. чел. — тоже огромная цифра, но это почти на порядок меньше, чем у А.И. Солженицына.

А погибло из них ещё меньше. Точная цифра неизвестна, но известно, что к 1936 г., когда бывшие «кулаки» были восстановлены в правах, их насчитывалось 1,5 млн. Неужели остальные 300 тыс. погибли? Нет. Выселение не означало ссылки. Поэтому переселенцы имели право в районах проживания работать не только в колхозах и совхозах, но и уходить на заработки. В результате многие переселенцы смогли завербоваться и уехать на стройки первых пятилеток.

---

[1] Солженицын А.И. Коммунизм к концу брежневского периода. Статья для газеты «Йомниури» // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 32.

[2] В защиту Александра Гинзбурга. Призыв Натальи Солженицыной // Русская мысль. 1978. 2 марта.

[3] Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 81.

«С 1943, когда война переломилась в нашу пользу, начался и с каждым годом до 1946 всё обильней, многомиллионный поток с оккупированных территорий и из Европы. Две главных его части были: гражданские, побывавшие под немцами или у немцев (им заворачивали десятку с буквой "а": 58-1-а); военнослужащие, побывавшие в плену (им заворачивали десятку с буквой "б": 58-1-б)»[1]. Причём, если верить А.И. Солженицыну, «судили ***большинство*** наших военнопленных»[2].

По данным Министерства обороны, всего попало в плен и пропало без вести 4559 тыс. советских солдат. К ним нужно добавить ещё около 500 тыс. мобилизованных в первые дни войны, но по тем или иным причинам, не попавшим в списки войск или же списки на которых оказались утраченными; в таком случае общую численность военнопленных и пропавших без вести следует увеличить до 5059 тыс. Из них 940 тыс. во время войны вернулись и были вторично призваны в армию. Следовательно, после окончания войны из немецкого плена могло вернуться около 4099 тыс. человек, однако было репатриировано всего лишь 1826 тыс.[3] На самом деле, по мнению В.Н. Земскова, около 1540 тыс., так как 286 тыс. находились на оккупированной территории, а поэтому их правильнее отнести к категории перемещённых лиц[4]. Из остальных 2273 тыс. какая-то часть бывших военнопленных, опасаясь наказания за сотрудничество с оккупантами, не вернулась домой, но подавляющее большинство их погибло.

Вопрос о судьбе вернувшихся советских военнопленных был специально рассмотрен В.Н. Земсковым. Из приведённых им данным явствует, что к 1 марта 1946 г. было репатриировано 1539 тыс. военнопленных, из них вернулись домой 282 тыс., были направлены в армию 659 тыс., зачислены в рабочие батальоны НКО 344 тыс., итого 1285 тыс., 83,5%. Из остальных 254 тыс. 28 тыс. находились на пересыльных пунктах или же использовались в советских учреждениях за границей. Поэтому в распоряжение НКВД было передано только 226 тыс. человек, или 15% репатриированных военнопленных и 4% их общего числа[5].

Такова правда о судьбе советских военнопленных.

Так же обстоит дело и теми гражданскими советскими людьми, которые были угнаны в Третий рейх. Всего за годы войны было вывезено в Германию 5270 тыс. человек, из них стали эмигрантами 451 тыс., погибли 2164 тыс., были репатриированы 2654 тыс.[6] Мы не знаем точно, сколько из них оказались в советских лагерях. Однако некоторое представление на этот счёт получить можно.

«Половина Архипелага, — утверждал А.И. Солженицын, — была Пятьдесят Восьмая»[7]. Если учесть, что политические заключённые были и по другим статьям

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 67.

[2] Там же. С. 68.

[3] Филимошин М.В. Людские потери вооруженных сил СССР / Мир и Россия. 1999. № 4. С. 95–97.

[4] Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования. 1995. №. 5. С.10–11.

[5] Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования. 1995. №. 5. С. 12; № 6. С. 6.

[6] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 738; Ермолов И.Г. Три года без Сталина. оккупация. Между нацистами и большевиками. 1941–1944 гг. М., 2010.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 192.

Уголовного кодекса, получается, что они составляли основную массу населения ГУЛАГа. Но вот перед нами данные статистики. На 1 января 1951 г. (пик численности заключенных) в ГУЛАГе было 2528,1 тыс. человек. Из них 1948,2 тыс. человек, 77,2% — это уголовники и только 579,9 тыс., 22,8% — политические, причём 566,7 тыс., 98% политических и 22% всёх заключённых по 58-й статье[1].

При этом нужно иметь в виду, что 58-я статья имела очень широкий спектр обвинений (факт, о котором сознательно умалчивал А.И. Солженицын): от измены Родине (58-1) до антисоветской пропаганды (58-10) и что подавляющее большинство, сидевших в 1951 г. по 58-й статье, обвинялись не в антисоветских разговорах, а в сотрудничестве с оккупантами.

Если из 580 тыс. политических заключённых отнять 226 тыс. военнопленных, останется 354 тыс. Можно не сомневаться, что подавляющее большинство из них были теми, кто сотрудничал с немцами (бургомистры, полицаи и т.д.). Поэтому можно утверждать, что из числа репатриированных гражданских лиц по обвинению в сотрудничестве с оккупантами могли оказаться в советских лагерях не более 177 тыс. человек, т.е. менее 7% общего числа репатриированных.

Такова правда «Архипелага» о судьбе бывших советских военнопленных и репатриированных гражданских лицах.

Подобный характер имеют и другие приводимые им цифры о советском терроре. «Это был 1937–38 год. У нас в Советском Союзе бушевала тюремная система. У нас арестовывали миллионы. У нас ***только расстреливали в год — по миллиону***!»[2]. И снова уже который раз без всяких ссылок. Может быть, их вообще нет в «Архипелаге»? Нет, ссылки на литературу и источники в нём имеются: например, точно указано, откуда автор извлёк сведения об участии заключённых в строительстве такой важной дорожной магистрали как Кемь-Ухтинский тракт[3]. Пожалуйста, откройте журнал «Соловецкие острова» за 1930 г. (сдвоенный номер два–три), найдите с. 57 и можете убедиться в точности приведённых автором сведений, а также установить их происхождение. А утверждение, что когда-то в нашей стране «***расстреливали в год — по миллиону***!» сделано без всяких ссылок на источники.

Неужели этот факт менее значим, чем участие заключённых в строительстве Кемь-Ухтинского тракта? Конечно, нет. И Александр Исаевич это хорошо понимает. Просто названная им цифра взята, как говорится, с потолка. А имеющиеся в нашем распоряжении и пока никем не опровергнутые официальные данные свидетельствуют, что в 30–50-е годы по политическим обвинениям было расстреляно около 800 тыс. человек[4], из них около 700 тыс. в 1937–1938 гг., около 100 тыс. за все остальные годы правления Сталина[5]. Цифры страшные. Но, согласитесь, есть разница: в год — по миллиону или менее миллиона за все годы сталинского террора.

---

[1] Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. Л., 2001. С. 22–23.

[2] Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т. 2. С. 450.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 37.

[4] Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 117.

[5] Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. Л., 2001. С. 18.

Сколько же было жертв советского террора всего? На этот вопрос Александр Исаевич даёт в «Архипелаге» следующий ответ: «по подсчётам эмигрантского профессора статистики Курганова» общее число погибших с 1917 по 1959 г. составило 66 млн. человек. Кроме того, опять-таки ссылаясь на профессора Курганова, он определяет военные потери в 44 млн. Итого 110 млн. — такую цену, по его мнению, заплатила наша страна за революцию[1]. Цифры впечатляющие. Позднее Александр Исаевич сделал примечание к ним: «Свой или чужой — кто не онемеет?»[2]. Полностью согласен.

Демонстрируя далее свою добросовестность, Александр Исаевич уточняет в «Архипелаге»: «***Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова***, но не имеем официальных»[3].

Уточнение потрясающее.

Как же можно использовать цифры, в достоверности которых нет уверенности? Если даже неизвестно, как они были получены и где опубликованы. Речь ведь идёт не о Кемь-Ухтинском тракте. Но и в этом случае никаких ссылок на источник сделано не было. Не появились они и позднее при переиздании «Архипелага». Правда, 26 февраля 1976 г. в своём интервью Би-Би-Си А.И. Солженицын мимоходом бросил фразу о том, что «беспристрастное статистическое исследование профессора Курганова» появилось на страницах газеты «Новое русское слово» «еще 12 лет назад», т.е. в 1964 г.[4]

О том, что самые «беспристрастные исследования» учёные публикуют только в газетах, это всем известно. Но вот какая получается неувязка. Если верить С. Максудову, то содержащая приведённые данные статья И.А. Курганова «Три цифры» появилась на страницах газеты «Новое русское слово» не в 1964, а в 1981 г.[5] К сожалению, отсутствие полных комплектов этой газеты за указанные годы в наших отечественных библиотеках не позволяет установить, кто же в данном случае прав.

В любом случае есть основания утверждать, что А.И. Солженицын заимствовал данные И.А. Курганова на слух. Приём для обоснования такого серьёзного обвинения, как стомиллионный геноцид, осторожно говоря, рискованный. Во всяком случае, он свидетельствует о том, что, рисуя картину ужасов (а они, к сожалению, были), автор «Архипелага» не заботился о проверке используемых им сведений. Ведь он же писал не научное, а художественное исследование.

Поскольку число 66 млн. вызвало противоречивые отклики, при переиздании «Архипелага» Александр Исаевич счёл необходимым уточнить, что оно характеризует количество погибших «с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. Париж, 1975. С. 10.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 8.

[3] Там же.

[4] Солженицын А.И. О работе русской секции Би-Би-Си // Публицистика. Т. 2. С. 359.

[5] Максудов. Потери населения в СССР в 1931–1938 гг. // СССР: внутренние противоречия. Т. 5. N.-Y., 1982. С. 176.

расстрелами»[1] и была получена «профессором Кургановым» «***косвенным путём***»[2]. Однако, что это за путь, Александр Исаевич до сих пор умалчивает.

Между тем, методика расчётов, использованных И.А. Кургановым, была невероятно проста. Используя коэффициент прироста населения накануне Первой мировой войны, он прежде всего определил ту численность населения, которую мог иметь Советский Союз при таком приросте к началу 1959 г., сопоставив затем полученный показатель с данными 1959 г., он обнаружил разницу в 110 миллионов. Таким же способом были определены потери советского населения за 1941–1945 гг. – 44 млн. чел. Расхождение между этими цифрами и составило 66 млн[3].

Используя подобную методику, А.И. Солженицын идёт дальше: «По расчётам, сделанным до 1917 года, по тогдашнему состоянию рождаемости — наша страна должна была иметь к 1985 г. — 400 миллионов человек, а имеет только 266, таковы потери от коммунизма»[4] — 134 млн. чел.

По данным переписи 1970 г., в России было 129,9 млн. чел., к 1991 г. численность населения увеличилась до 148,3 млн. или же на 14,2[5]. При подобных темпах роста через 20 лет она должна было достигнуть 169,4 млн. чел., а составила 142,9[6], разница = 26,5 млн. Если же сделать поправку на мигрантов, получится не менее 30 млн. Неужели это убитые и замученные ельцинским режимом и его наследниками?

Использовать для определения масштабов советского террора предложенную И.А. Кургановым методику расчётов значит ничего не понимать не только в демографии, но и в математике.

Подводя итог рассмотрения «Архипелага», В.С. Бушин сделал вывод: «Эти развороченные нами вороха анекдотических нелепостей, горы малограмотного вздора, бесконечные потоки маниакальной лжи, клеветы, злобы, болезненные фейерверки саморекламы и похвальбы — всё это “Архипелаг”»[7].

Получается, что, выступая против одной лжи, А.И. Солженицын под видом правды предлагал нам другую ложь. Но зачем? Ответ элементарно прост. «Архипелагу» отводилась роль идеологической бомбы, которая должна была взорвать существовавшие в нашей стране представления об СССР и тем самым способствовать его уничтожению.

«Как же такое могло быть, — воскликнут поклонники великого писателя, ведь он был патриотом своей Родины и как патриота его хоронили с воинскими почестями».

---

[1] Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т. 2. С. 451.

[2] Там же.

[3] Максудов. Потери населения в СССР в 1931–1938 гг. // СССР: внутренние противоречия. Т. 5. С. 178–180.

[4] Солженицын А.И. Коммунизм к концу брежневского периода статья для газеты «Йомиури» // Публицистика. Т. 3. С. 40.

[5] Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 67.

[6] Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. 2012. М., 2012. С. 75.

[7] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 199.

О его любви к родине

Сколько написано о патриотизме Солженицына!

Но как назвать патриотом человека, который сначала раздобыл справку для освобождения от военной службы, а когда она не помогла и в 1941 г. ему пришлось идти в армию, он, человек с редким здоровьем (немного не дожил до 90 лет), предпочёл начать свою борьбу с оккупантами за Родину с обоза. И только весной 1942 г., когда возникла угроза, что его направят на фронт, добился отправки в артиллерийское училище, что при желании и без всяких усилий мог бы сделать летом 1941 г.

Попав на фронт в 1943 г. и проведя на войне менее двух лет, причём вдали от передовой, А.И. Солженицын не постеснялся смешать с грязью тех, кто в 1941 г. находился в самом пекле войны и своими телами вымостил дорогу к Победе.

Обращаясь к событиям Великой Отечественной войны, вопреки реальным, всем известным фактам, вопреки тому, что написано об этом даже немецкими военными и историками, он пытался создать картину массовой паники, беспорядочного отступления, нежелания сражаться с врагом, почти поголовной сдачи красноармейцев в плен летом 1941 г., в результате чего немецкие войска якобы продвигались со скоростью 120 км в день[1] (как будто не было Брестской крепости, обороны Одессы, Смоленского сражения и т.д.).

Обратив внимание на то, что от Бреста до Москвы около тысячи километров, В.С. Бушин совершенно справедливо пишет, если бы «немецкое наступление продолжалось бы в таком темпе хоть восемь–десять дней, то уже 1–2 июля агрессор был бы под Москвой, а то и в самой Москве»[2]. Между тем враг смог подойти к столице только в середине октября, т.е. не через несколько дней, а через несколько месяцев.

Одновременно с этим А.И. Солженицын пытался создать впечатление, будто бы на захваченной врагами территории сотрудничество с оккупантами имело всеобщий характер, и всячески стремился его оправдать. Ну как не оправдать тех женщин, которые, как он писал, «сходились с противником не в бою, а в постелях»[3]? Ведь они «были покорены» «любезностью, галантностью, теми мелочами внешнего вида, внешних признаков ухаживания, которым никто не обучал парней наших пятилеток»[4]. И неудивительно, когда немецкие войска покатились назад, «за отступающей немецкой армией вереницей тянулись из советских областей десятки тысяч беженцев»[5], «население уходило массами с разбитым врагом, с чужеземцами — только бы не остаться у победивших своих – обозы, обозы, обозы…»[6].

Уходили, конечно, но не из-за любви, а от грозящей расплаты.

Касаясь проблемы власовцев, А.И. Солженицын писал в первом томе «Архипелага» (1973 г.): «Жители оккупированных областей презирали их как немецких

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 66.

[2] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 177.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 10.

[4] Там же. С. 10.

[5] Там же. С. 24.

[6] Там же. С. 21.

наёмников»[1]. Оказавшись за границей, через два года на страницах того же «Архипелага» вопреки фактам он писал: «Весной 1943 г. ***повсеместное*** воодушевление встречало Власова в двух его пропагандистских поездках — смоленской и псковской»[2].

30 июня 1975 г. А.И. Солженицын был в Вашингтоне, где выступил перед представителями профсоюзов АФТ-ИПП. Нарисовав мрачную устрашающую картину террора в советской стране[3], он в частности заявил: «И с этой страной… в 1941 году вся объединённая демократия мира: Англия. Франция, Соединенные Штаты, Канада, Австралия и другие мелкие страны, — вступили в военный союз. Как это объяснить? Как можно это понять?»[4]. Подобное высказывание некоторые западные средства массовой информации охарактеризовали как прогитлеровское[5].

Александр Исаевич попытался откреститься от подобного обвинения, заявив, что его неправильно поняли. Он, оказывается, осуждая Рузвельта за союз со Сталиным, имел в виду только то, что США могли разгромить фашистскую Германию без СССР[6]. Интересно — как? Ведь Германия напала не на США, а на СССР. В таких условиях отказ Америки от поддержки Советского Союза означал или предоставление СССР самому возможности разгромить Германию или предоставление Германии возможности разгромить СССР. В первом случае участие США в разгроме Германии было исключено. Но тогда получается, что писатель допускал неизбежность разгрома СССР и желал, чтобы США вступили в войну с фашистской Германией только после этого.

Рисуя ужасы ГУЛАГа, автор не только пытался оправдать власовцев (не понять, а именно оправдать), но и не мог скрыть сожаления, что Германия проиграла войну. «Если бы, — с возмущением пишет он, — пришельцы не были так безнадёжно тупы и чванны, не сохраняли бы для Великогермании удобную казённую колхозную администрацию, не замыслили бы такую гнусь, как обратить Россию в колонию, — не воротилась бы национальная идея туда, где вечно душили её, и вряд ли пришлось бы нам праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма»[7].

Не поверю, чтобы А.И. Солженицын не понимал, что «пришельцы», а правильнее сказать, оккупанты ведут войны не ради идей, не для того, чтобы принести на штыках счастье завоёвываемым странам, а для подчинения и эксплуатации покорённых народов. Поэтому было бы странно, если бы Германия не ставила перед собою превращения России в свою колонию. А ведь кроме этого существовал план «Ост», который предусматривал массовое уничтожение советского народа[8].

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Париж, 1973. С. 262–263.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 23.

[3] Солженицын А.И. Речь в Вашингтоне перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. 30 июня 1975 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1 Ярославль, 1995. С. 229–255.

[4] Там же. С. 236–237.

[5] Там же. С. 237.

[6] Солженицын А.И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета. 8 июня 1978 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 322.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 20–21.

[8] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978. С. 144–145.

Неужели, вздыхая об упущенных нацистской Германией возможностях, «великий праведник» и «гуманист» сожалел и по этому поводу?

В 1978 г. А.И. Солженицын опубликовал новый вариант романа «В круге первом», в основе которого лежала история с разоблачением советского дипломата Иннокентия Володина, который пытался предотвратить получение советскими разведчиками секрета производства американской атомной бомбы. Смысл этого поступка А.И. Солженицына раскрыл в монологе главного героя романа Глеба Нержина: «Не знаю…не знаю… — видно было в четвертьсвете, как ***мучился*** Нержин. — Пока не было атомной бомбы, советская система, худостройная, неповоротливая, съедаемая паразитами, ***обречена была погибнуть*** в испытании временем. А теперь если у наших бомба появится — ***беда***»[1].

Получается, что главный герой, прототипом которого был сам автор, «мучился» от одной только мысли, что, создав атомную бомбу, советская страна может не погибнуть «в испытании временем». Что нужно сделать, чтобы не допустить этого? Парализовать создание советской страной атомного оружия. В результате этого Иннокентий Володин изображался как герой, не желающий укрепления советской тоталитарной системы.

Этим самым автор поднимал очень важную проблему. Можно ли ставить знак равенства между Родиной и политическим режимом? И означает ли борьба с существующим в твоей стране политическим режимом борьбу с Родиной? Иначе говоря, кого мы имеем в лице Иннокентия Володина — предателя или гражданина?

Борьба с существующим политическим режимом может быть высшим проявлением гражданственности и патриотизма. Но не всегда. Она оправдана только в том случае, если способна привести к утверждению более разумного и справедливого режима. Если же борьба с одним антинародным режимом расчищает дорогу для другого, подобного же режима, участие в ней — это по меньшей мере глупость. Если смена режима несёт народу лишь новые беды и страдания, такая борьба заслуживает осуждения.

Как же с этой точки зрения следует подходить к данному роману? Прежде всего нельзя забывать, что, получив в свои руки ядерное оружие, США с самого же начала использовали его варварским образом. Вспомним Нагасаки и Хиросиму. А уже осенью 1945 г. приступили к разработке плана Третьей мировой войны с использованием этого оружия против советского народа[2].

Таким образом, независимо от того, как оценивать советскую тоталитарную систему, приходится констатировать, что если бы американской разведке удалось не допустить утечки информации и задержать создание советской ядерной бомбы, сейчас не было бы ни нашей страны, ни потомков нобелевского лауреата.

О том, что цель противостояния между США и СССР не имела никакого отношения к облагодетельствованию советского народа, свидетельствуют события последних лет. Тоталитарная система в нашей стране рухнула. И что последовало за этим? Спад производства, разрушение культуры, разгул преступности, полное крушение нравов, криминальное обогащение одних (очень немногих) и обнищание других (подавляющего большинства).

[1] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 250.

[2] Богданов Р.Г. Американские планы развязывания войны против СССР // Американский экспансионизм. Новейшее время. М., 1986. С. 209–229.

С учётом этого приходится констатировать, что, изображая Иннокентия Володина героем и призывая читателей своего романа следовать его примеру, А.И. Солженицын тем самым пытался героизировать образ предателя. Страна действительно нуждалась в борцах с тоталитарной системой, но в борцах за другие цели и другие идеалы.

«В СССР, — пишет Л.И. Сараскина, — с Александром Исаевичем сводили счёты старым способом — в жанре “травли с подлогом”. В мае 1982 года “Советская Россия” писала, будто Александр Исаевич, изгнанный из страны, бросил в лицо согражданам страшную угрозу: “Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!”». «И бедные запуганные сограждане даже не догадывались, что газета жульнически цитирует сцену из “Архипелага”, слова ***отчаявшегося зэка*** на Куйбышевской пересылке»[1].

Предоставим слово самому А.И. Солженицыну: «Больше всего, конечно, волновали пересылку сообщения из Кореи. Сталинский блицкриг там сорвался. Уже скликались добровольцы ООН. Мы воспринимали Корею как Испанию третьей мировой войны…

Так тошно нам было, что мы не могли подняться выше своей тошноты. Мы не могли так мечтать, так согласиться: пусть мы погибнем, лишь были бы целы все те, кто сейчас из благополучия равнодушно смотрит на нашу гибель. Нет, мы жаждали бури!...

– Так вы что ж: могли хотеть мировой войны?

– ***А давая всем этим людям в 1950 году сроки до середины 70-х — что же им оставили хотеть, кроме мировой войны***?

Мне самому сейчас дико вспоминать эти наши тогдашние губительные ложные надежды… Мировая война могла принести нам либо ускоренную смерть (стрельба с вышек, отрава через хлеб и бациллами, как делали немцы), либо всё же свободу. В обоих случаях — избавление гораздо более близкое, чем конец срока в 1975 году. На это и был расчёт…».

«До чего на Куйбышевской пересылке было вольно!... И, гуляя во дворе, мы запрокидывали головы к белесо-знойному июльскому небу. Мы бы не удивились и нисколько не испугались, если бы клин чужеземных бомбардировщиков выполз на небо. Жизнь была нам уже не в жизнь… и жаркой ночью в Омске, когда нас, распаренное, испотевшее мясо, месили и впихивали в воронок, мы кричали надзирателям из глубины: “Подождите, гады! Будет на вас Трумен! Бросят вам атомную бомбу на голову!” …И так уж мы изболелись по правде, что не жаль было и самим сгореть под одной бомбой с палачами. Мы были в том предельном состоянии, когда нечего терять»[2].

А затем эти же слова А.И. Солженицын вложил в уста одного из героев романа «В круге первом» дворника Спиридона: «Если бы мне, Глеба, сказали сейчас: вот летит такой самолет, на ём бомба атомная. Хочешь, тебя, как собаку, похоронит под лестницей, и семью твою перекроен, и ещё мильен людей, но с нами — Отца Усатого и всё заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ по ла-

[1] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 761.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 34–36.

герям, по колхозам, по лесхозам? …Я, Глеба, поверишь? Нет больше терпежу! Терпежу — не осталось! Я бы сказал, — он повернул голову к самолёту, — А ну! Ну! Кидай! Рушь»[1].

По словам А.И. Солженицына, когда началась Холодная война и особенно после раскола Европы в 1949 г. и Корейской войны 1950 г., заговорили о приближении Третьей мировой войны между США и СССР, в связи с чем якобы среди заключённых получили распространение надежды на поражение СССР в этой войне. «Скоро им (т.е. Советскому Союзу — *А.О.*) конец! В этом году будет война, и осенью обратно поедем»… Я писал уже, что ***и мы так верили, и мы так жаждали*** в те годы — в 49-м, в 50-м»[2].

Самое главное обвинение, которое было предъявлено А.И. Солженицыну, заключается в том, что он стал рупором тех сил, которые стремились к расчленению СССР.

«Я, — заявил на это борец против лжи, — не призывал к развалу СССР. Я не говорил: давайте развалим СССР. Я говорил ещё в 74-м году: СССР развалится. Советский Союз не может держаться, потому что он держится на ложной основе, на ложной федерации, на ложных построениях. Я только предсказывал, что он развалится… Вот как это было, и выворачивать не надо»[3].

Получается, оболгали человека. Он, оказывается, не хотел распада СССР и задолго до этого бил в колокола, чтобы не допустить этого. Пытался открыть глаза правительству на грозящую катастрофу, но оно ничего не хотело замечать.

Но вот перед нами интервью, которое он дал Эн-Би-Си вскоре после событий 19 августа 1991 г. и в котором назвал августовские события «***великой Преображенской революцией***»[4], а затем 30 августа направил Б.Н. Ельцину поздравительное письмо: «Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый вцепчивый и долголетний тоталитарный режим на Земле. Только теперь, а не шесть лет назад, ***начинается подлинное освобождение и нашего народа и, по быстрому раскату, — окраинных республи***к»[5].

Это значит, Александр Исаевич приветствовал первые симптомы распада СССР. И в этом нет ничего удивительного. Наше поколение хорошо помнит его статью «Как нам обустроить Россию», обнародованную тиражом в 27 млн. экземпляров осенью 1990 г. К этому времени уже начался так называемый «парад суверенитетов», а одна из советских республик (Литва) заявила о выходе из состава СССР.

В этих условиях и появилась статья А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию»[6]. Нарисовав страшную картину 70-летнего существования Советской власти, констатировав тяжёлое, болезненное состояние советского общества, А.И. Солженицын писал: «Берясь предположить, какие-то шаги по нашему выздо-

---

[1] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 113.

[2] Там же. С. 266.

[3] Цит. по: Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 233.

[4] Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С. 118.

[5] Там же.

[6] Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 538.

ровлению и устройству, мы вынуждены начинать ***не со сверлящих язв, не с изводящих страданий*** — но с ответа: а как будет с нациями? В каких географических границах мы будем ***лечиться или умирать***? А ***потом — уже о лечении***»[1].

«Надо теперь жестко в_ы_б_р_а_т_ь: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: ***растёт наша смертность и превышает рождения***, — мы так исчезнем с Земли! Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопёстрый сплав? — чтобы русским потерять свое неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её».

Во-первых, это была очередная ложь. Вплоть до 1992 г. рождаемость в России превышала смертность и численность населения росла. И только после того, как нас развели по «национальным квартирам», численность населения стала сокращаться, причём везде, а не только в России.

Сравнивая СССР с большой коммунальной квартирой и подчёркивая, что «во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови», Александр Исаевич предлагал начать с ликвидации СССР и создания на его руинах славянского государства, в состав которого могли бы войти Белоруссия, большая часть Казахстана, Россия и Украина[2].

Оставляя в стороне неудачное сравнение с коммунальной квартирой (правильнее сравнивать Советский Союз с общежитием), правомерно было бы задать автору статьи вопрос: если его «посильные соображения» действительно были направлены на то, чтобы облагодетельствовать народ, то почему он не поставил вопрос о необходимости выслушать его мнение? Ведь даже самый квалифицированный врач, прежде чем поставить диагноз и предложить лечение, обязательно выслушает больного. Единственный способ услышать голос нации — референдум. Поэтому если А.И. Солженицын действительно желал избежать «насилия и крови» и если он был уверен в правильности своего диагноза, он должен был предложить вынесение своих идей на общенародный референдум. Между тем его предложения сводились к тому, чтобы решить судьбу народов за их спиной.

Сколько грязи и лжи было вылито на большевиков за признание ими права наций на самоопределение! Однако, защищая это право, В.И. Ленин в своё время специально подчёркивал, что возглавляемая им партия не ставит перед собою цели разрушения российской государственности, точно также как признание права на развод не означает отказа от семьи и направлено лишь на замену вынужденного брака свободным[3].

Однако, по сути дела перенимая большевистскую идею права наций на самоопределение, А.И. Солженицын даже не ставил вопроса о необходимости создания на основе СССР действительно свободного и добровольного союза государств. Более того, он прямо заявлял: если отдельные союзные республики не пожелают выходить из состава СССР, Россия должна сделать это одна. Поэтому его программа обустройства России по существу представляла собою программу расчленения на-

[1] Там же. С. 539.

[2] Там же. С. 539–541.

[3] Ленин В.И. — Шаумяну С.Г. 6 декабря 1913 г. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

шей страны. И это в условиях, когда на Западе интеграционные процессы привели к созданию единой Европы. Более того, А.И. Солженицын прямо писал, что мы должны признать утопией возможность «***восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России***»[1]. И это слова патриота? Значит, не на возрождение России была направлена его программа «обустройства».

С чего же он предлагал начать решение данного вопроса? С объявления независимости отдельных советских республик. А если они не пожелают этого, «объявить о нашем отделении»[2], после чего «должны засесть за работу комиссии экспертов всех сторон» и решить не только вопрос о границах, но и «как наладится безболезненная разъёмка народных хозяйств или установление торгового обмена и промышленного сотрудничества на независимой основе». «Вся эта разборка может занять несколько лет»[3].

Итак, с одной стороны, Александр Исаевич осознавал, что «развод» не может быть моментальным, что он должен занять не один год; с другой стороны, предлагал начать с объявления независимости. Понимал ли он, к чему это должно было повести?

Провозглашение независимости отдельных республик означало, что с этого момента должны были прекратить действие все общесоюзные структуры: единая армия, единое ведомство внешней торговли, единые Государственный банк и Внешторгбанк, единая таможенная служба и т.д. В таких условиях должны были измениться не только взаимоотношения между отдельными республиками, но — и это самое главное — их взаимоотношения с внешним миром.

Если в 1990 г. 15 республик в составе Советского Союза представляли силу, с которой продолжали считаться ведущие мировые державы, то каждая отдельная республика и даже союз четырёх славянских республик сразу теряли прежнюю защищённость и становились менее конкурентоспособными на мировом рынке. А это создавало угрозу как товарной, так и валютной интервенции, которые могли иметь лишь одно следствие — банкротство экономики новорождённых независимых государств, превращение их в добычу иностранного капитала.

Нетрудно было предвидеть и то, что уничтожение одним росчерком пера общесоюзных структур делало неизбежным разрушение прежней экономической системы, элементами которой являлись отдельные республики. А разрушение системы или же хотя бы её паралич неизбежно должны были повести к банкротству отдельных предприятий и всей экономики бывших союзных республик.

Если бы А.И. Солженицын действительно стремился придать разводу безболезненный характер, то прежде всего он должен был предложить переходный период, в течение которого следовало произвести поэтапное расширение прав отдельных республик, которые приобретали бы самостоятельность только тогда, когда решались все спорные вопросы и создавались новые структуры, позволявшие более или менее цивилизованно осуществить перестройку как межреспубликанских, так и внешних отношений.

Между тем мысли о необходимости уничтожения СССР появились у А.И. Солженицына задолго до этого. Заканчивая четвёртый раздел своего «Письма вождям»

---

[1] Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 543.

[2] Там же. С. 548.

[3] Там же. С. 549.

(1973–1974 гг.), посвящённого необходимости перенесения центра тяжести с развития европейской части страны на развитие Сибири, а точнее «Северо-Востока», А.И. Солженицын сделал примечание: «Конечно, такое перенесение рано или поздно должно привести к тому, чтобы мы сняли свою опеку с Восточной Европы. Также не может быть и речи о насильственном удержании в пределах нашей страны какой-либо окраинной нации»[1].

Более категорично эта мысль была выражена в романе «В круге первом» (переработан в 1968 г., опубликован в 1978 г.), главный герой которого заявлял: «Мое мнение — решительно присудил Нержин: — для спасения России давно ***надо освободить все колонии***! (под колониями в данном случае имеются в виду союзные республики. — *А.О.*). Усилия нашего народа направить только на внутренне развитие!»[2].

А вот статья «Евреи в СССР и в будущей России» (1965–1968 гг.): «Я предвижу это счастливое (и раздорное) время (о, если бы до него дожить!), когда мы будем из клеток выпускать на волю своих окраинных пленников. Будет непонимание, будут обиды великодержавные и малодержавные, но всё это осветлится слезами радости, самыми высокими слезами человечества, Этой кажущейся жертвой Россия впервые очистится за много сотен лет — и тем освободит сама себя для развития внутреннего, для того, чтобы впервые и небывало обратиться всей внутрь себя»[3].

Вот как рисовал он решение данного вопроса среди тех, кому доверял в 1965 г.: «Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что ***надо расставаться с республиками***… Я им говорю, что Украина — всё должно отойти. — “Нет, нет”. “Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идёт. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради бога! Только решите вопрос по финансовым расчётам. Что нам предстоит? ***Это будет ужас***, если начнется развал у нас на Западе, да ещё совместно с центральным! Я вообще не знаю, что будет. ***Полный развал***»[4].

И после этого А.И. Солженицын имел совесть утверждать: «Я не призывал к развалу СССР… Я только предсказывал, что он развалится».

Идеи расчленения нашей страны бродили на Западе давно. 17 июля 1959 г. в США был принят закон о порабощённых нациях («PL 86-90»), который открыто провозгласил расчленение СССР как стратегическую цель США. С середины 1960-х гг. А.И. Солженицын стал рупором подобных идей.

Вот за что Государственный департамент США возвёл его в ранг «великого писателя». Вот за что он объявил его образцом нравственности, борцом за правду.

Но почему о смерти писателя скорбели в Кремле?

Почему в наших школах заставляют изучать лживый «Архипелаг» и на примере жизни его автора пытаются воспитывать подрастающее поколение?

---

[1] Солженицын А.И. Письмо вождям // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. Ярославль. 1995. С. 148–186.

[2] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 118.

[3] Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. Славянск, 2000. С. 3.

[4] Кремлёвский самосуд. Секретные документы о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 10–11.

Глава 2

Солженицын и КГБ

«Мастер конспирации»

Если обозреть жизнь А.И. Солженицына начиная с пребывания в ГУЛАГе и кончая высылкой за границу, мы увидим, что на протяжении почти двадцати лет его литературная деятельность находилась в резком противоречии с канонами советской идеологии. Со временем это противоречие приобретало всё более и более непримиримый характер. Одновременно писатель вступает в открытую схватку с советской системой, устанавливает связи с зарубежьем, становится кумиром диссидентского движения.

Где же на протяжении всех этих лет были органы госбезопасности? Что они делали, чтобы не допустить, пресечь или же парализовать подобную деятельность? Ничего.

Согласитесь — странно.

Признавая это «чудо», Александр Исаевич объяснял его, с одной стороны, своим конспиративным искусством, которое позволило ему долгое время держать КГБ в неведении о характере его литературного творчества и скрывать от него свои связи с зарубежьем, с другой стороны — полной бездарностью КГБ, который лишь совершенно случайно летом 1973 г. обнаружил «Архипелаг» и только тогда понял, с кем имеет дело[1].

Удивительно: учреждение, имевшее огромный и успешный опыт борьбы с иностранными разведками, оказалось бессильным перед непрофессиональным подпольщиком.

Что же за приёмы использовал он?

По свидетельству А.И. Солженицына, на путь конспирации он встал ещё за колючей проволокой, когда начал тайно сочинять стихи. А чтобы скрыть это от глаз надзирателей, не только сочинял всё в уме, лишь изредка прибегая к бумаге, но и на протяжении семи лет хранил сочиненное в памяти, в результате чего к началу ссылки набралось 12000 строк.

---

[1] См., например: Солженицын А.И. Интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения. Унтерэрендинген (Швейцария), 16 сентября 1993 г. // Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 405–406.

В ссылке он не только приобрёл домик на окраине поселка, не только не стал жениться, но и, освоив искусство «заначек», начал хранить всё написанное в тайнике, которым для него служил посылочный ящик с двойным дном, а когда уезжал в Ташкент, то спрятал свои рукописи в бутылке из-под шампанского, закопав её в огороде. Затем он приобрёл фотоаппарат и начал свои рукописи микрофильмировать. Микрофильмы не только проще было укрыть в тайнике, их можно было заделывать в обложку книг. Так, если верить Н.А. Решетовской, в 1956 г. её муж вывез некоторые свои рукописи из ссылки[1].

Как конспирировал А.И. Солженицын свою литературную деятельность в Мильцево, мы не знаем, но, вероятно, ничего нового в технике его конспирации не было, иначе он поведал бы нам об этом.

«В Рязани, — пишет Александр Исаевич, — я придумал хранение в проигрывателе: внутри нашёл полость, а сам он так тяжёл, что на вес не обнаружишь добавки. И халтурную советскую недоделку верха шкафа использовал для двойной фанерной крыши»[2].

В связи с этим «важней всего» для него был «объём» рукописи, «не творческий объём в авторских листах, а объём в кубических сантиметрах. Тут, — пишет Александр Исаевич, — выручали меня ещё не испорченные глаза и от природы мелкий, как луковые семена, почерк: бумага тонкая, если удавалось привезти её из Москвы: полное уничтожение (всегда и только — сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций: теснейшая строчка к строчке (не в один интервал, два щелчка, но после каждой строчки я выключал сцепление и ещё сближал от руки), без всяких полей и двусторонняя перепечатка: а по окончании перепечатки — сожжение и главного беловика рукописи тоже: один огонь я признавал надёжным ещё с первых литературных шагов в лагере»[3].

«Безопасность, — читаем мы далее, — приходилось усиливать всем образом жизни: в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомств, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости — потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздник, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа»[4].

А когда Александр Исаевич решил частично выйти из подполья и опубликовать свою повесть «Один день Ивана Денисовича», он стал передавать свои рукописи на хранение другим. Так, в 1959–1962 г. он сделал по крайней мере пять «захоронений»: два в Москве, два на Урале и одно в Крыму[5]. Со временем круг хранителей увеличился.

Затем появились связи с заграницей. Первоначально, если верить Александру Исаевичу, они шли только через Н.И. Столярову[6]. Потом появились другие опо-

---

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 35.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 9.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 9–10.

[5] Там же. С. 26. № 11. С. 124, 127.

[6] Там же. С. 59.

средованные каналы[1]. Наконец, он начал контактировать с иностранцами сам. «Теперь, — пишет он, — имею возможность открыть, во что поверить почти нельзя, отчего и КГБ не верило, не допускало: что ***многие передачи на Запад*** я совершал не через посредников, не через цепочку людей, а ***сам, своими руками***… но по вельможности своего сознания, по себе меря, не могли представить ни генерал-майоры, ни даже майоры, что нобелевский лауреат — сам, как мальчишка, по неосвещённым углам в неурочное время шныряет со сменной шапкой (обычная в рюкзаке), таится в бесфонарных углах — и передаёт. ***Ни разу не уследили и ни разу не накрыли*** — а какое бы торжество, что за урожай»[2].

И далее Александр Исаевич живописует, как ловко всё было продумано: «Из Рождества можно было гнать пять вёрст по чистому полю на полустанок, да одеться как на местную прогулку, да выйти лениво в лес, а потом крюку и гону. Из Жуковки можно было ехать не обычной электричкой (на станции то и дело дежурили топтуны) — а в другую сторону и кружным автобусом на Одинцово. Из Переделкина — не как обычно на улицу, а через задний проходной двор, где не ходили зимой, на другую улицу и пустынными снежными ночными тропами — на другой полустанок, Мичуринец. И перед тем по телефону с Алей — успокоительные разговоры, что мол спать ложусь. И — ночной огонёк оставить в окне. А если попадало ехать на встречу из самой Москвы, то либо выехать электричкой же за город, плутать в темноте и воротиться в Москву, либо, либо… Нет, городские рецепты пока придержим, другим пригодятся»[3].

Была, по словам Солженицына, продумана и связь. Условный звонок по телефону и ничего не значащий вопрос, например, это прачечная? А день и место встречи уже назначены[4].

Какая конспирация без кличек? Поэтому Е.Д. Воронянская именовалась ***Кью***, А.Б. Дурова — ***Вася***, Н.В. Кинд — ***Царевна***, Э. Маркштейн — ***Бетта***, Н.Д. Светлова — ***Аля***, Н.А. Столярова — ***Ева***, Н.А. Струве — ***Коля***, С.Н. Татищев — ***Эмиль***, ***Милька***, Ф. Хееб — ***Юра***, Е.Ц. Чуковская — ***Люша***, А.И. Яковлева — ***Гадалка***[5]. Если верить документам КГБ, А.И. Солженицына некоторые его сподвижники называли «***Скорпионом***»[6].

Таким образом, если верить А.И. Солженицыну, до высылки за границу ему удалось не только сохранить все написанное, но и обеспечить как полную тайну своего литературного творчества, так и зарубежные связи.

«Всегда они меня не дооценивали, — пишет он, имея в виду КГБ, — и до последних дней, пока не взяли “Архипелаг”, в самом мрачном залёте воображения, я

[1] Там же. С. 47–65.

[2] Там же. № 8. С. 69.

[3] Там же.

[4] Солженицын А.И. Интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения. Унтерэрендиген (Швейцария), 16 сентября 1993 // Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 405.

[5] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 119–146. № 12. С. 5–76.

[6] Рапорт старшего следователя В.В. Егерева. 10 августа 1973 г. // Вассоевич Л.А. «К 90-летию ФСБ»: О документальной основе радиосериала ТРК «Петербург. Документальное приложение (Следствие продолжается…Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Книга вторая. СПб., 2008. С. 391–393).

думаю, не могли представить: ну, что уж такого опасного и вредного мог он там сочинить? »[1].

Насколько же искусна была солженицынская конспирация?

Прежде всего, многое, о чем он пишет на этот счёт, существовало только на бумаге и с самого начала было предназначено не для того, чтобы переиграть КГБ, а для того, чтобы обмануть доверчивого читателя.

Мною уже были высказаны сомнения относительно достоверности нарисованной им картины литературного творчества за колючей проволокой. Напомню только одну деталь. Долгое время он повторял, что невозможность для узника ГУЛАГа записывать сочинённое заставляла его заниматься ***только*** поэтическим творчеством и хранить всё в памяти. Между тем совсем недавно нам стала известна его незаконченная повесть, над которой он работал в 1948 г., дошла до нашего времени и её рукопись, которую сохранила не кто-нибудь, а сотрудница МГБ Анна Васильевна Исаева[2], которой по существовавшим тогда законам за неформальную связь с заключённым грозила статья.

Запутался Александр Исаевич и в своей ссыльной конспирации. Первоначально он утверждал, что вернулся к обычному литературному творчеству весной 1954 г., когда Н.И. Зубов научил его делать тайники, затем стал датировать этот факт весной 1953 г., наконец, перенёс его на осень того же года. Чему же верить?

А если бы А.И. Солженицын действительно отправил из заброшенного в степи казахского поселка свои крамольные рукописи в Соединённые Штаты Америки на имя А.Л. Толстой, на этом вся его подпольная литературная деятельность и закончилась бы.

Описывая своё возвращение из ссылки, Александр Исаевич сообщал, что вслед за ним по почте прибыли три посылочных ящика, которые выслал ему Н.И. Зубов из Кок-Терека. Что было в них в них, Александр Исаевич как опытный конспиратор умалчивает, но подготовленный им читатель уже догадывается, что это были ящики с двойным дном и в них, конечно же, находились крамольные рукописи[3]. Но вот перед нами фрагменты из дневника Л.З. Копелева за 1956 г., из которых явствует, что свои рукописи А.И. Солженицын привёз из ссылки в обычной сумке[4].

В «Телёнке» рассказывается о том, как осенью 1965 г. он, «угрожаемый автор», «скрывался» от КГБ на даче К.И. Чуковского, как именно в это время здесь появилась вернувшаяся из Парижа Н.И. Столярова. «Мы, — пишет Александр Исаевич, — сделали вид, что незнакомы, и Корней Иванович снова знакомил нас»[5]. Вот что значит конспирация. Н.И. Столярова не оставила описания этого эпизода, но он нашёл отражение в дневнике К.И. Чуковского, который позволяет не только датировать эту встречу — 1 октября, — но и проверить искренность Александра Исаевича. «Вчера, — гласит запись в дневнике Корнея Ивановича, — была милая Столярова, привезшая мне подарки от Вадима Андреева. Она оказалась секретарём Эренбурга. ***С[олженицын] хорошо знаком с ней***"[6].

---

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 46.

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 345.

[3] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 123.

[4] Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1988. С. 74.

[5] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 25.

[6] Чуковский К.И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С. 379.

Для чего же Александру Исаевичу понадобилось освещать этот эпизод иначе? Чтобы читатель лишний раз убедился, каким опытным конспиратором он был: ведь он скрывал от К.И. Чуковского не знакомство с секретарем И.Г. Эренбурга, а тот канал связи, который был у него тогда с зарубежьем.

Подобный характер имела его конспирация и зимой 1965–1966 и 1966–1967 гг. на хуторе под Тарту. «Обе зимы, — пишет Александр Исаевич, — так сходны были по быту, что иные подробности смешиваются в моей памяти… В семь вечера я уже смаривался, сваливался спать. Во втором часу ночи просыпался, вполне обновлённый, вскакивал ***и при ярких лампах*** (выделено мной. — *А.О.*) начинал работу. К позднему утреннему рассвету в девятом часу у меня уже обычно бывал выполнен объём работы полного дня и я тут же начинал второй объём — управлялся с ним к 6-часовому обеду»[1].

Когда должен работать подпольный писатель? Конечно же, по ночам.

Но вот какая незадача. И Х. Сузи, приезжавшая на хутор по выходным дням, и Н.А. Решетовская, которая провела там полторы недели, свидетельствуют, что по ночам Александр Исаевич спал, как все, и работал тоже, как все, днём[2]. К тому же, по свидетельству Натальи Алексеевны не то, что ночью, но даже в сумерках работа осложнялась, так как имевшаяся в доме лампочка испускала очень слабый свет[3]. И это вполне объяснимо: ведь речь идёт не о городской квартире, а о хуторе.

Если одни виды конспирации существовали только на бумаге, то другие, хотя действительно использовались, но были рассчитаны не на КГБ, а на окружающих. Вспоминая свою переписку с А.И. Солженицыным, врач Эммануил Владимирович Орёл пишет: «У меня хранится несколько писем и открыток от Солженицына… Ни на одном из них нет ни обратного адреса, ни фамилии отправителя. Привычка старого зэка к конспирации”[4].

Спрашивается, а что в данном случае нужно было конспирировать? Ведь переписка, судя по воспоминаниям, имела самый невинный характер.

Другой такой же эпизод. Александру Исаевичу нужно послать в редакцию «Нового мира» свою повесть «Раковый корпус», на которую у него уже был заключён договор с журналом. Что сделал бы на его месте обычный неискушенный в конспирации писатель? Пошёл бы на почту и отправил рукопись, указав свой домашний адрес. Не таков был Александр Исаевич. Послал, пишет он, «Раковый корпус» «якобы из рязанского леса»[5].

Ещё более конспиративный характер имела его переписка с Н.И. Зубовым. Так, получив восторженный отзыв А.Т. Твардовского по поводу его повести «Один день Ивана Денисовича», А.И. Солженицын сразу же написал в Крым Н.И. Зубову: «Вас очень удивит, если я скажу, что (по стеснительности даже от Вас) я немного баловал литературой в свободное время, т.е. имел дерзость пытаться писать. Так я напи-

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 136.

[2] Сузи Х. Солженицын в Эстонии // Таллин. 1989. № 5(68). С. 120–121. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 281.

[3] Там же.

[4] Орел Э.В. Записки врача, сделанные в рабочее время // Куранты. 1991. 1 октября.

[5] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 107.

сал некую ***повестушку*** “Один день Ивана Денисовича”. И после XXII съезда мне показалось, что как раз самое время её напечатать бы — и отправил в “Новый мир”. Реакция превзошла самые радужные ожидания. Сочли, что я какой-то там самородок… Всё это меня удивило»[1].

Можно допустить, что А.И. Солженицын, опасаясь непрошеных читателей, стремился отвести подозрения от семьи Зубовых на счёт их осведомлённости о его литературном творчестве в Кок-Тереке, но для этого вполне достаточно было просто сообщить, что «написал некую повестушку». И всё.

А вспомним, как Александр Исаевич описывает свою работу на пишущей машинке: «…теснейшая, строчка к строчке (не в один интервал, два щелчка, но после каждой строчки я выключал сцепление и ещё сближал от руки), без всяких полей и двухсторонняя перепечатка»[2].

Сразу же нужно отметить, что отключать после каждой строчки сцепление и рукой сближать строчки — бессмысленное занятие, которое могло дать совершенно ничтожную экономию бумаги. Но дело даже не в этом. Можно допустить, что подобная техника печатания использовалась для хранения рукописей в тайнике, объём которого был ограничен. Но почему таким же образом Александр Исаевич печатал и те свои произведения, которые передавал в редакцию «Нового мира» для публикации? Разве их нельзя было напечатать обычным способом? Конечно, можно. Но кто догадался бы тогда, какой он искусный конспиратор?

Подобный же характер имела его конспирация и зимой 1968–1969 гг., когда в деревне Давыдово под Рязанью он встречался с бывшим генералом П.Г. Григоренко. Разумеется, встреча была назначена на ночь, генерал приехал последним автобусом. Разыскав нужный ему дом, он постучал в окно и по ошибке — в хозяйское. «Но, — вспоминал П.Г. Григоренко, — раньше неё подбежал к окну Александр Исаевич. Видимо, упреждая меня, не давая возможности назваться, он проговорил сквозь стекло: ***Федор Петрович***? ***А я Петр Иванович***. Сейчас открою Вам. Иди к сеням»[3].

Вот что такое конспирация. Непонятно, правда, от кого и зачем. Ведь бывший генерал, которого звали Петр Григорьевич и который до этого ни разу не встречался с писателем, не разобравшись в потёмках, мог подумать, что его с кем-то путают, а услышав, что он имеет дело с неведомым ему Петром Ивановичем, решить, что ошибся адресом. Ну, а если бы проснулась хозяйка и услышала, что по её дому разгуливает неизвестный ей Петр Иванович, могли быть и неприятности. Но все спали, и никого это не интересовало. Только бывший генерал мог понять, с каким великим конспиратором он имеет дело.

Если одни виды конспирации существовали только на бумаге, если другие использовались в расчёте на окружающих, то третьи хотя и могли иметь практический характер, но были, что называется, шиты белыми нитками.

Вспомним, как конспирировал Александр Исаевич в Рязани. Но с самого же начала им были допущены по крайней мере два крупных просчёта. Прежде все-

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 57.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 9, 25.

[3] Григоренко П.Г. Воспоминания // Звезда. 1990. № 12. С. 169.

го — неполная загруженность в школе: сначала 15, потом 12, затем 9 часов неделю. Факт редкий и сразу же привлекавший к себе внимание. Ещё более должен был привлечь внимание стук пишущей машинки, который слышали не только соседи по коммунальной квартире, но и жители всего дома, имевшего лишь два этажа, особенно весной, летом и осенью, когда были открыты окна, да и зимой при открытой форточке.

И действительно, как Александр Исаевич ни конспирировал свою литературную деятельность, оказывается, его коллеги по школе знали о ней и гадали только о том, чем конкретно он занимается?[1]

Можно, конечно, было прятать рукописи в патефон, можно было сделать для их сокрытия в платяном шкафу двойной верх. Однако Александр Исаевич сам же отмечает, что «все эти предосторожности были, конечно, с запасом»[2], т.е. если бы сотрудники КГБ действительно пришли с обыском, то был бы выпотрошен и патефон, и профессионально осмотрен платяной шкаф. Тогда для чего же все это делалось? Разве что для сокрытия рукописей от соседей или же непрошеных гостей.

Никак нельзя назвать удачным и то, как хранил Александр Исаевич свои рукописи за пределами дома. Сейчас нам известно несколько десятков человек, которые принимали в этом участие: Н.М. Аничкова, Лембит Аасало, И. Борисова, Е.Д. Воронянская, сестры А.М. и Т.М. Гарусевы, И.И. Зильберберг, Н.И. Зубов, Л.А. Капанадзе, Ю.В. Карбе, Н.И. Кобозев, А.И. Крыжановский, Л. Крысин, Н.Г. Левитская, Е. Бианки-Ливеровская, С. Осеннов, М.Г. Петрова, Б.А. Петрушевский, И.Д. Рожанский, Л.А. Самутин, Н.А. Семенов, Х. Сузи, три её подруги (Руть, Элло, Эрико), В.Л. Теуш, Г. Тэнно, Г.Н. Тюрина, Е.Ц. Чуковская, М.Н. Шеффер, Г.Е. Эткинд, А.И. Яковлева[3]. Через А.А. Угримова Александр Исаевич хранил рукописи у лиц, которых не знал сам[4]. Есть подозрения, что некоторые его бумаги Н.И. Столярова держала в архиве И.Г. Эренбурга[5].

Рассредоточение рукописей, безусловно, открывало возможность сохранить одни при провале других, но с увеличением мест хранения возрастала опасность утечки информации, а значит, и угроза провала. Более того, можно сказать, что опасность провала возрастала прямо пропорционально увеличению количества мест хранения. Неужели этого не понимал человек, который периодически с целью конспирации то отращивал, то сбривал бороду, человек, который не выходил на улицу, не взяв с собою сменную шапку?

Но Александр Исаевич использовал своих знакомых не только для хранения собственных рукописей. Начиная второе дополнение к «Телёнку», А.И. Солженицын писал: «Первое, что вижу: не продолжать бы надо, а дописать скрытое, основательней объяснить это чудо: что я свободно хожу по болоту, стою на трясине, пересекаю омуты и в воздухе держусь без подпорки. Издали кажется: государством

[1] Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1964. М., 1998. С. 47.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 9.

[3] Там же. № 11.С. 119–146. № 12. С. 5–76.

[4] Запись беседы с Т.А. Угримовой. Москва. 7 июня 2003 г. // Архив автора.

[5] Запись беседы с А.А. Васильевым. С.-Петербург. 20 мая 2003 г. // Архив автора.

проклятый, госбезопасностью окольцованный — как это я не переломлюсь? как это я выстаиваю в одиночку, да ещё и махинную работу проворачиваю, когда-то ж успеваю ***и в архивах рыться, и в библиотеках, и справки наводить, и цитаты проверять, и старых людей опрашивать, и писать, и перепечатывать, и считывать, и переплетать, — и выходят книга за книгой*** в Самиздат (а через одну и в запас копятся!) — какими силами? каким чудом? И миновать этих объяснений нельзя, а назвать ещё нельзее. Когда-нибудь, даст Бог, безопасность наступит — допишу»[1].

Это было сделано в Пятом дополнении — «Невидимки», в котором А.И. Солженицын назвал «***более ста***» фамилий[2]

Верхом наивности было бы думать, что все перечисленные лица являлись конспираторами. При таком разветвлении связей утечка информации была ещё более неизбежной.

О бездарности КГБ

Сколько усилий потратил Александр Исаевич для того, чтобы показать, как ловко он дурачил КГБ зимой 1965–1966 и 1966–1967 гг., как ему удалось со сбритой бородой незамеченным скрыться из Москвы и с помощью Арнольда Сузи найти прибежище на хуторе под Тарту, чтобы там вдали от всех написать первый вариант «Архипелага».

Прошло время, и обнаружилось, что приезжавшая к нему на хутор по воскресеньям дочь А. Сузи Хели находится в поле зрения КГБ[3]. Но если КГБ проявлял интерес к ней, тем более его должен был интересовать её отец: и потому что во время войны он рассматривался как кандидат на министерский пост в эстонском правительстве, и потому что за его плечами была неснятая судимость, и потому что один из его сыновей жил за рубежом. Но в таком случае через семью Сузи в поле зрения КГБ должен был оказаться и А.И. Солженицын.

Если с Хели Александр Исаевич встречался только на протяжении двух зим, то со Н.И. Столяровой — около пятнадцати лет. Между тем, оказывается, она тоже находилась под наблюдением органов КГБ, которые держали под контролем всю её переписку[4] и располагали «неопровержимыми данными» о её связях с «дипломатическими сотрудниками Франции»: С.Н. Татищевым, Клодом Круай, Ивом Амманом, Ж. Филиппенко и другими[5]. Очевидно, что КГБ не мог не отслеживать её контакты и с А.И. Солженицыным.

Следили и за другими лицами, входившими в окружение писателя. В своем августовском интервью 1973 г., посвящённом вопросу «о стеснениях и преследованиях», которым он подвергался, Александр Исаевич прямо заявил: «Слежка доходит

---

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 79–80.

[2] Там же. № 11. С. 119.

[3] Сузи Х. Хозяйка хутора Солженицына // Московские новости. 1990. 1 июля.

[4] Чехонин Б.И. Журналистика и разведка. М., 2002. С. 157.

[5] Там же. С. 158.

до того, что даже в отношении соприкасающихся со мною людей 5-е управление КГБ… и его 1-й отдел… дают письменные указания “выявлять посещаемые ими адреса”, т.е. спираль уже второго порядка»[1]. Об этом же позднее он писал в «Телёнке»: «Следило ГБ за приходящими ко мне, за уходящими, и с кем они там встречались дальше»[2]. Причём следили настолько бдительно, что некоторые встречи снимались на кинопленку. Так, когда в сентябре 1974 г. В.Н. Курдюмова вызвали на Лубянку, обнаружилось, пишет А.И. Солженицын, что там «отлично знали о нашей встрече в молочном магазине, даже фильм предлагали показать»[3].

КГБ использовал также систему прослушивания тех квартир, за которыми велось наблюдение. Причем если на счёт квартир В.Л. Теуша и Ю.Г. Штейна мы можем лишь строить предположения[4], то относительно квартиры Н.Д. Светловой на углу улицы Горького и Козицкого переулка имеются не только мемуарные[5], но и документальные свидетельства[6].

Ещё раньше, не позднее осени 1965 г., КГБ начал прослушивать квартиру научного руководителя Н.А. Решетовской профессора Н.И. Кобозева[7], которого А.И. Солженицын посещал по крайней мере на первых порах освоения московского пространства.

Имеются сведения, что прослушивали его и в Рязани[8].

По свидетельству Г. Вишневской, прослушивался и флигель на даче М.Л. Растроповича, в котором около пяти лет жил А.И. Солженицын[9]. «Они, — вспоминала певица, — во флигеле у Солженицына поставили передатчик», а «машина наблюдения постоянно стояла возле нашего забора, в ней всё время сидели четверо, не скрываясь»[10].

Как уже отмечалось, А.И. Солженицын использовал для хранения своих рукописей несколько десятков человек, а к его подпольной литературной деятельности было привлечено более ста человек. Вряд ли все они были конспираторами, но существовала и другая проблема — проблема осведомительства.

Существование в Советском Союзе системы осведомительства не нужно доказывать. Кого интересует эта тема, могу отослать к книгам Е. Альбац «Мина замедленного действия»[11], Ю. Щекочихина «Рабы ГБ»[12], Э.Ф. Макаревича «Политический

---

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8 С. 115.

[2] Там же. С. 69.

[3] Там же. № 12. С. 47 (имеется в виду встреча в августе 1973 г., во время которой А.И. Солженицын передал В.Н. Курдюмову для пересъёмки «Октябрь Шестнадцатого» //Там же. С. 46.

[4] Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия. 1976. С. 140.

[5] Юринский В. Записки управдома «Матрёнин двор» // Московские ведомости. 1990. № 10.

[6] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 217–221.

[7] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.. 2008. С. 544–547.

[8] Козлов В. Юные пионеры на грани «Рязаньгейта» // Вечерняя Рязань. 1991. 29 мая.

[9] Кредов С.А. Щёлоков. М., 2010. С. 240–245 (интервью Г.П. Вишневской).

[10] Там же. С. 242. См. также: С. 244.

[11] Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992. С. 49–60.

[12] Щекочихин Ю.П. Рабы ГБ: XX век. Религия предательства. Самара, 1999.

сыск»[1] и «Секретная агентура»[2], «КГБ: вчера, сегодня, завтра»[3], к воспоминаниям Ф.Д. Бобкова[4].

«Что спецслужба без агентов? — пишет со знанием дела Эдуард Федорович Макаревич, — Ноль. Работа с агентурой — основа спецслужбы, они глаза и уши её, поставщики информации. В КГБ существовало понятие “силы и средства”. Под силой подразумевался оперативный состав, под средствами — агентурный аппарат»[5].

Политическая агентура в нашей стране появилась ещё до революции. И ещё до революции появились первые документы, регламентирующую агентурную работу[6].

Знакомство с подобными документами первых лет советской власти свидетельствует, что ЧК не только использовала, но и совершенствовала этот опыт[7]. К сожалению, за последующие годы удалось обнаружить лишь два подобных документа — это Приказ НКВД СССР № 00149 от 07.02.1940 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР»[8] и «Положение об агентурном аппарате и доверенных лицах органов государственной безопасности СССР», утвержденное приказом Председателя КГБ СССР № 00140 от 4 июля 1983 г.[9]

На основании опубликованных данных можно утверждать, что для сбора информации КГБ использовал два источника: секретных агентов и доверенных лиц. Секретные агенты давали подписку о сотрудничестве и расписку о неразглашении, им присваивалась кличка, на каждого из них заводилось специальное дело[10].

В качестве доверенных лиц выступали лица, которые, контактируя с сотрудниками КГБ, делились с ними имевшейся у них информацией или же оказывали определённые услуги, но не выполняли специальных заданий, не ходили на конспиративные встречи и не имели кличек, на них не заводилось личное дело, иначе гово-

---

[1] Макаревич Э.Ф. Политический сыск. Офицеры и джентльмены. Истории, судьбы, версии. М., 2002. С. 205–214.

[2] Макаревич Э.Ф. Секретная агентура: штатным и нештатным сотрудникам посвящается. М., 2007.

[3] Государственная безопасность и демократия. Информ. бюл. междунар. конф. «КГБ: вчера, сегодня, завтра» — 1993 г.; КГБ: вчера, сегодня, завтра. III междунар. конф. 1–3 окт. 1993 г. Докл. и дискус. — 1994 г.; КГБ: вчера, сегодня, завтра. Междунар. конф. и круглые столы. Законодательство. Обществ. контроль. Спецслужбы и права человека. [Законодательство Рос. Федерации о спецслужбах. III–IV круглые столы, 9–10 апр., 10–11 дек. 1994 г. — [1995?]; КГБ: вчера, сегодня, завтра. Законодательство. Обществ. контроль. Спецслужбы и права человека. Междунар. конф. и круглые столы. 1997.

[4] Бобков Ф.Д. Мир — это война. (беседа ректора МосГУ И.М. Ильинского с генералом армии Ф.Д. Бобковым). 2007.

[5] Макаревич Э.Ф. Политический сыск. С. 205.

[6] Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 211–251.

[7] Альбац Е. Мина замедленного действия. С. 51–52.

[8] Приказ НКВД СССР № 00149 от 07.02.1940 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 484–497.

[9] Положение об агентурном аппарате и доверенных лицах органов государственной безопасности СССР», утвержденное приказом Председателя КГБ СССР № 00140 от 4 июля 1983 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова http://constitutions.ru/archives/6980

[10] Там же.

ря, они не оформляли свои отношения с КГБ документально и сотрудничали с ним по мере необходимости[1].

Велика ли была численность агентов и доверенных лиц КГБ к началу перестройки?

По утверждению Ф.Д. Бобкова, один осведомитель КГБ приходился на 300 человек всего и 150 человек трудоспособного населения[2]. Это значит, что в стране насчитывалось от полумиллиона до миллиона внештатных сотрудников КГБ, 0,5–1% всего и 1–2% взрослого населения. Участковый инспектор Октябрьского РОВД города Пензы майор милиции А. Клочков называл иной показатель — один осведомитель на 200 человек всего и 100 — трудоспособного населения страны, соответственно 1,5–2%[3], что даёт полтора миллиона человек. По некоторым данным, в ГДР и ЧССР «плотность агентуры» составляла один к ста, 1–2%[4]. Е. Альбац утверждает, что с КГБ сотрудничало около 3 млн. человек, т.е. один сотрудник на сто человек всего и пятьдесят человек трудоспособного населения, 1–2%[5]. Подобной же была «плотность агентуры» среди выселенных крымских татар[6]. Среди спецпоселенцев при И.В. Сталине она достигала пропорции один к пятидесяти, 1–2%[7].

В этом отношении несомненный интерес представляют данные об агентурно-осведомительной сети среди трудпоселенцев на 1 декабря 1944 г. Из них явствует, что на 643 986 человек поселенцев приходилось 174 резидента (куратора), 561 агент и 12 590 осведомителей. Следовательно, один осведомитель приходился примерно на пятьдесят поселенцев, что даёт около 2%. Если же брать только взрослое население, этот показатель будет выше примерно в два раза[8].

Когда я привёл эти цифры в разговоре с одним издателем, в прошлом работником КГБ, он заявил, что они, скорее всего, характеризуют численность агентуры без доверенных лиц.

Александр Исаевич утверждал, что по его статистике в городах вербовали каждого четвёртого[9].

Е. Альбац приводит утверждение бывшего полковника КГБ Ярослава Карповича, «всю жизнь проработавшего в идеологической контрразведке», будто бы с КГБ в той или иной форме сотрудничало «примерно 30 процентов взрослого населения»[10].

---

[1] КГБ: вчера, сегодня, завтра? // Русская мысль. 1992. 21 февраля.

[2] Караулов А. Вокруг Кремля. Т. 1. М., 1993. С. 432 (интервью Ф.Д. Бобкова).

[3] Иллеш А. Тайный агент: профессия или хобби? // Известия. 1990. 25 августа.

[4] Альбац Е. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1992. С. 61.

[5] Там же. С. 60.

[6] Макаревич Э.Ф. Филипп Бобков — профессионал «холодной войны» на внутреннем фронте // Диалог. 2000. № 10. С. 86.

[7] Земсков В.Н. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1992. № 2. С. 23.

[8] Земсков В.Н Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны Социологические исследования. 1992. № 2. С. 23.

[9] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 6. М., 1991. С. 397.

[10] Альбац Е. Мина замедленного действия. С. 60.

Когда ныне покойная античница Ирина Александровна Шишова, почти всю жизнь проработавшая в СПбИИ РАН, назвала кого-то из её коллег стукачом и предложила другому своему коллеге, долгое время близкому к руководству институтом, быть осторожнее с ним, тот ответил: «Ира, проще назвать, кто не стучит».

Ветеран КГБ Александр Кичихин заявлял, что с КГБ в разных формах сотрудничало «60–70 процентов населения страны»[1]

С.И. Григорьянц утверждает, что среди наиболее активной части советской интеллигенции степень плотности осведомителей с учётом доверенных лиц достигала 80%[2].

В связи с этим заслуживает внимание утверждение знаменитой певицы Г.П. Вишневской, которая, по её собственному признанию, в своё время тоже попала в сети политического сыска и смогла выбраться из них только благодаря вмешательству одного из её поклонников — тогдашнего главы советского правительства Н.А. Булганина. По словам певицы, «через вербовку проходили ***все солисты Большого театра***»[3].

Заслуживают доверия и приводимое Е. Альбац мнение, что с КГБ почти на сто процентов были связаны «кадровики», т.е. работники отделов кадров[4].

Если это не дезинформация, то объяснение, по всей видимости, следует искать в том, что в данном случае мы имеем дело с абсолютизацией плотности выборочных данных об осведомительстве в определённых слоях советского общества.

Рискну сформулировать следующий закон: показатель плотности осведомителей находится в обратной пропорциональной зависимости от близости к власти (экономической, политической, идеологической). Плотность сокращается по мере удаления от неё и возрастает по мере приближения к ней. Иначе говоря, по мере удаления от власти она стремится к нулю, по мере приближения к ней — к 100%. Географические, этнические, политические и социальные особенности той или иной страны, того или иного региона, не отменяя самой закономерности, влияют только на количественные показатели.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что КГБ не мог не иметь в окружении А.И. Солженицына своих людей. Александр Исаевич не только не исключает такой возможности, но и сам высказывал некоторые подозрения на этот счёт. Резюмируя их, А. Флегон отмечал: «Через 10 лет, когда его последняя любовница превратилась в его жену, он написал в одном из своих пасквилей, что его прежняя жена — агент КГБ. Зильберберг и Чалидзе, по словам Солженицына, — агенты КГБ. Братья Медведевы — агенты КГБ. Его бывший соавтор по ГУЛАГу Якубович — агент КГБ. Ростропович и его жена, которые спасали Солженицына в России и дали ему возможность писать книги, по заявлению Солженицына — агенты КГБ»[5]

Действительно в публикациях Александра Исаевича имеются намёки и даже утверждения о возможности сотрудничества с КГБ целого ряда лиц: А. Дольберга

---

[1] Там же. С. 59.

[2] Григорянц С.И. Четыре маски Андрея Синявского. Глава из книги «Полвека советской перестройки» // http://grigoryants.ru/sovremennaya-diskussiya/chetyre-maski-andreya-sinyavskogo/

[3] Вишневская Г.П. Галина. Минск, 1997. С. 171–177, 213–214.

[4] Альбац Е. Мина замедленного действия. С. 50.

[5] Флегон А. Вокруг Солженицына. Т. 2. Л., 1981. С. 904–905.

(Д. Бурга)[1], И.И. Зильберберга[2], Л.З. Копелева[3], П. Личко[4], братьев Ж.А. и Р.А. Медведевых[5], Л.А. Самутина[6]. В. Чалидзе[7], М.П. Якубовича[8]. В печати высказывались подозрения относительно и некоторых других лиц, с которыми прямо или опосредованно контактировали писатель: это В.Е. Максимов, М.В. Розанова, А.Д. Синявский, Е.Г. Эткинд[9].

О том, насколько все эти подозрения и обвинения обоснованы, судить непросто. Поэтому ограничимся только некоторыми фактами, которые позволяют делать на этот счёт более или менее определённые выводы.

Прежде всего это касается Г.П. Вишневской. Обнаружить в публикациях А.И. Солженицына обвинения её в связях с КГБ не удалось. Между тем из воспоминаний знаменитой певицы явствует, что на заре туманной юности она, как и её великий квартирант, тоже согласилась быть осведомителем и некоторое время даже писала доносы, разумеется, как утверждает она, самого невинного содержания. И только благодаря вмешательству Н.А. Булганина ей удалось освободиться от этой обязанности[10].

Контактировал А.И. Солженицын и с людьми, чьи связи с органами госбезопасности не вызывают сомнений. Как мы знаем, когда летом 1966 г. он решил обратиться с покаянным письмом на имя Л.И. Брежнева, его куратором оказался журналист Эрнст Генри.

Долгое время считалось, что под этим псевдонимом скрывался Семён Николаевич Ростовский[11]. И лишь совсем недавно стало известно, что Ростовский — это Леонид Аркадьевич Хентов, который родился в Витебске в 1904 г. и был сыном владельца спичечной фабрики. В начале Первой мировой войны его отец оказался в Германии и здесь был интернирован[12].

Осенью 1917 г. Э. Генри жил в Москве[13]. К этому времени он уже закончил четыре класса гимназии, проявив особые успехи в иностранных языках[14]. В 1918 г. после подписания Брестского мирного договора уехал к отцу. «По заданию Коминтер-

[1] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 95.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 132–133.

[3] Солженицын А.И. — Никифорову С.Н. 4 февраля 1993 г. // Наш современник. 2000. № 11. С. 218.

[4] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 94–95.

[5] Там же. № 9. С. 84–86.

[6] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 143–145.

[7] Там же. № 8. С. 53.

[8] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 292.

[9] Розанова М.В. Абрам да Марья // Независимая газета. 1993. 12 января.

[10] Вишневская Г.П. Галина. Минск, 1997. С. 171–177, 213–214.

[11] Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1995. С. 286.

[12] Петровский Л.П. Фронт Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6. С. 114–125.
Запись беседы с Михаилом Семеновичем Ростовским. Москва. Кафе Zen. 3 июня 2003 г. // Архив автора.

[13] Шахматов А. Время врывается в книги. Автограф даёт Эрнст Генри // Книжное обозрение. 1987. 11 сентября.

[14] Петровский Л.П. Фронт Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6. С. 115.

на и Коммунистического интернационала молодежи (КИМа), — пишет его биограф Л.П. Петровский, — начиная с 1919 г. он вёл нелегальную работу в Германии, Великобритании, Франции, Польше, Бельгии, Турции и других странах… Почти 15 лет провёл в подполье Германии, находясь там с 1919 по 1933 г.»[1]. Именно в Германии в 1922 г. Л.А. Хентов сменил свою фамилию и получил в советском посольстве паспорт на имя С.Н. Ростовского[2]. Вступив в КПГ, входил в состав её ЦК, сидел в Моабите, а также в тюрьмах Полицейпрезидиума и Плетцензее. После прихода Гитлера к власти, бросив архив, бежал в Англию[3]. С середины 1930-х по 1951 г. работал в Лондоне в советском посольстве[4].

Был ли Генри советским разведчиком? — задаётся вопросом Л.П. Петровский и даёт на него положительный ответ[5]. По собственному признанию Э. Генри, он работал за границей под руководством Отдела внешних сношений, который представлял собою одну из самых секретных структур Коминтерна и взаимодействовал как с ОГПУ-НКВД, так и с Разведывательным Управлением Генерального штаба[6].

В печати уже давно появились сведения, что во время пребывания в Англии Э. Генри имел непосредственное отношение к знаменитой кембриджской пятёрке (А. Блант, Г. Берджесс, Д. Маклин, К. Филби, Дж. Кернкросс)[7]. Долгое время он не признавал, но и не отрицал этот факт, а в 1986 г. сообщил, что в 30-е годы участвовал в вербовке выпускников Кембриджского университета и был связан как с профессором этого университета М. Доббом, так и с его учеником Г. Берджессом[8]. В 1951 г. вместе с Д. Маклином он вынужден был покинуть Британские острова[9].

В 1953 г. Э. Генри арестовали, и он пробыл в заключении до 1955 г. После освобождения и реабилитации посвятил себя журналистской деятельности. Стал членом Союза писателей СССР. В 1965–1969 гг. принимал активное участие в организации общественных выступлений, направленных против возможной реабилитации И.В. Сталина[10].

Среди ближайших друзей Э. Генри после его освобождения из заключения можно назвать бывшего дипломата Е.А. Гнедина[11] и историка Я.С. Драбкина[12]. А поскольку Е.А. Гнедин принадлежал к числу ближайших друзей Л.З. Копелева, не

---

[1] Там же. С. 116.

[2] Там же. С. 115.

[3] Шахматов А. Время врывается в книги. Автограф даёт Эрнст Генри // Книжное обозрение. 1987. 11 сентября.

[4] Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956-1975. / Camplied and edited by S.P. de Boer, E.I. Drissen and H.L. Verhaar. Hague – Boston – L., 1982. P. 156.

[5] Петровский Л.П. Фронт Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6. С. 117.

[6] Запись беседы с Владимиром Иосифовичем Пятницким. Петербург. 11 июня 2003 г. По телефону // Архив автора.

[7] Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. P. 156.

[8] Гордиевский О., Эндрю К. Разведывательные операции от Ленина до Горбачёва. М, 1999. С. 202.

[9] Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. P. 156.

[10] Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1995. С. 286.

[11] Запись беседы с В.И. Пятницким. С.-Петербург. 11 июня 2003 г. По телефону // Архив автора.

[12] Запись беседы с М.С. Ростовским. Москва. Кафе Zen. 3 июня 2003 г. // Там же.

исключено, что именно через него Э. Генри познакомился с А.И. Солженицыным. К сожалению, их контакты до сих пор остаются покрыты тайной. Однако для понимания интереса Э. Генри к писателю необходимо учитывать известное изречение «Бывших разведчиков не бывает».

Более серьёзного внимания заслуживает Н.И. Столярова.

Известно о ней пока немного. Жила она без семьи сначала в коммунальной, потом в однокомнатной квартире. По свидетельству лиц, знавших её, была очень деловым и целеустремлённым человеком, деньги и материальное благополучие её не интересовали, отличалась хладнокровием и конспиративностью, не любила вести праздные разговоры, имела широкий круг знакомств, среди которых преобладали или люди уже с именем, или диссидентская молодежь, поддерживала отношения со многими иностранцами, в своём кругу подчеркнуто демонстрировала антисоветские взгляды. Несмотря на то, что вращалась среди деятелей литературы и искусства, особого интереса к литературе и искусству не проявляла, была либерально настроенной патриоткой, что отделяло её и от Сахарова, и от НТС[1].

«Органы КГБ весьма умело держали под контролем всю переписку Столяровой и других активных деятелей диссидентского движения. Вместе с тем они располагали самой достоверной информацией об их деятельности, каналах связи, знали фамилии всех иностранных дипломатов-курьеров и даже студентов, изучающих в Москве русский язык и выполняющих роль “связных” с посольствами зарубежных стран»[2].

«На каждого сколько-нибудь заметного диссидента составлялись самые подробные оперативные справки-ориентировки. Несколько копий таких справок есть и в моём архиве, в том числе на Столярову, Лисовскую и некоторых других. Не стану распыляться, раскрою скобки вокруг уже известной нам Столяровой. Что было известно КГБ о ней? ***Самые сжатые сведения не уместить и на десяти страницах***»[3].

«После высылки писателя и создания фонда его имени ***стала одним из распорядителей поступавших из-за рубежа денежных средств***, вещей, антисоветской литературы. Обладает большим опытом конспиративной работы, умело организует и проводит конспиративные встречи, при общении с единомышленниками использует такие средства, как самостирающиеся доски, тайнопись, разного рода условности».[4]

«Органами КГБ получены неопровержимые данные, что к её нелегальному каналу связи с Западом имели самое прямое отношение на разных этапах дипломатические сотрудники Франции: С. Татищев, Клод Круай, Ив Амман, Ж. Филиппенко, Ф. де Сюрмен. Они регулярно встречались со Столяровой в её квартире в Даевом переулке возле Сретенки, приезжая туда на городском транспорте либо приходя пешком»[5].

---

[1] Запись беседы с Андреем Александровичем Васильевым. С.-Петербург. 20 мая 2003 г. // Там же.

[2] Чехонин Б. Журналистика и разведка. М., 2002. С. 157.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

«Возникает вопрос, — пишет Чехонин, — почему, зная обо всём, органы не пресекали подобную деятельность Столяровой и французских дипломатов? Его как раз и задал я сотрудникам Пятого управления КГБ. Ответили весьма логично: хотели и дальше через Столярову прослеживать все связи с диссидентами за рубежом и в СССР»[1].

Между тем в окружении И.Г. Эренбурга её подозревали в связях с КГБ и, как выразился один из её знакомых, смотрели на неё как на «Мату Хари»[2]. Чем же она вызывала подозрения? Главным образом тем, что она часто и свободно ездила за границу[3]. К сожалению, хроника её поездок пока неизвестна, но можно назвать несколько дат из неё: осень 1965 г.[4], 1970 г.[5], осень 1976 – весна 1977 г.[6], 1981 г.[7], 1983 г.[8] В 1984 г. в возрасте 72 лет она умерла[9].

Когда в 1977 г. срок визы Н.И. Столяровой уже подходил к концу, у неё возникло желание остаться за границей, но после некоторых колебаний она вернулась в Советский Союз. Сообщая об этом А.И. Солженицыну, Наталья Ивановна писала: «Из-за Вас мне выпало никому не достающееся счастье — спокойно, свободно, сильно, глубоко выбрать, с сознанием, ***не обременённым ни принципами (Бог с ними, ни разу не понадобились), ни "чувством долга" (противопоказанная мне категория), ни даже сознанием пользы, которую могу принести*** (даже к себе не отношусь утилитарно)»[10].

Как же человек, который не был «обременён принципами», человек, который никогда не испытывал «чувство долга», человек, который не думал о приносимой им «пользе», мог на протяжении нескольких десятилетий заниматься деятельностью, которая не только требовала времени, но и была связана с немалым риском?

Ответ на этот вопрос, по всей видимости, дают материалы полиции 30-х годов, которые недавно были опубликованы во Франции. Из них явствует, что в годы молодости Наталья Ивановна находилась в поле зрения французских спецслужб. Чем же она заинтересовала их? Оказывается, она «была связана в Париже с левыми евразийцами, уже завербованными тогда советской разведкой». Более того, опубликованные материалы свидетельствуют, что Наталья Ивановна «играла роль связной между этими евразийцами и разведкой»[11].

---

[1] Чехонин Б.И. Журналистика и разведка. С. 158.

[2] Запись беседы с Андреем Александровичем Васильевым. С.-Петербург. 17 мая 2003 г. По телефону // Архив автора.

[3] Там же. Запись беседы с А.Б. Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. // Архив автора.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 25

[5] Андреева-Карлайл О.В. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 221.

[6] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 29–30.

[7] Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М, 1988. С. 109.

[8] Запись беседы с А.А. Васильевым. С/-Петербург. 20 мая 2003 г.// Архив автора.

[9] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.30.

[10] Там же.

[11] Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб., 2001. С. 298.

Упоминаемые материалы появились во Франции в 1998 г.[1] В 2001 г. в отечественной печати почти одновременно на неё обратили внимание Носик[2] и А.Г. Вишневский[3], книга которого в 2008 г.[4] была переиздана. В 2004 г. на этот факт было обращено внимание и в моей книге о А.И. Солженицыне[5].

В 2011 г. на канале «Культура» был показан фильм «Исторические путешествия Ивана Толстого. 4-я серия. Писательская любовь Бориса Поплавского. Таня и Ева», в котором автор, используя уже упоминавшийся полицейский документ, сделал попытку через него посмотреть на последующую судьбу Натальи Ивановны Столяровой и обратил внимание на ряд странных эпизодов: а) почему-то до сих пор никто, кроме Е. Гинзбург, не упоминает о пребывании Н.И. Столяровой в лагерях, хотя пробыла она там восемь лет и лагерных воспоминаний уже появилось множество; б) очень странно, что такой острожный и близкий к власти человек, как И.Г. Эренбург, взял её к себе в секретари и ещё более странно, что КГБ не помешал этому; в) несмотря на то, что Н.И. Столярова была в гуще диссидентской интеллигенции, а затем даже возглавляла Фонд Солженицына, её ни разу не обыскали и не арестовали; г) поразительно, что она свободно ездила за границу, а в 1976–1977 г. не только пробыла там больше положенного срока, но и умудрилась без советской визы несколько месяцев пожить в США (и это не имело никаких последствий для неё); д) если при жизни Столяровой КГБ никак не беспокоил её, то после смерти сразу же опубликовал о ней статью в газете «Советская Россия». И.И. Толстой не обвинил Н.И. Столярову в сотрудничестве с КГБ прямо, но расшифровал её имя «Ева» как соблазнительница или провокатор[6].

Но если Наталья Столярова сотрудничала с КГБ, получается, что он не только с её помощью выводил А.И. Солженицына на международную орбиту, но и руководил Фондом Солженицына. А поскольку этот фонд материально поддерживал диссидентское движение, следует признать, что таким образом это движение поддерживал КГБ.

Правда, и в том случае, если ограничиться версией Б.И. Чехонина, исходившего из того, что Н.И. Столярова не имела к КГБ никакого отношения, но утверждавшего, что КГБ держал её под пристальным присмотром, чтобы через неё контролировать все её связи, получается, что КГБ смотрел сквозь пальцы и на её деятельность, связанную с А.И. Солженицыным.

Тогда следует признать, что КГБ не только был очень хорошо осведомлён о деятельности А.И. Солженицына, но и во многом способствовал ей. Именно с помощью Н.И. Столяровой были переправлены за границу его рукописи осенью 1964 г., именно она принимала участие в организации его встречи с О. Карлайл весной 1967 г., с

[1] Beaune, Daniele. L`enlevement du General Koutepov. Documents et Cjmmentaires. Publication de l`Universite de Provance.Aix-en-Provans. 1998. P. 105.

[2] Носик Б.М. Русские тайны Парижа. С. 298.

[3] Вишневский А.Г. Перехваченные письма. 1-е изд. М., 2001. С. 377–378, 564.

[4] Вишневский А.Г. Перехваченные письма. 2-е изд. М., 2008. С. 346–347.

[5] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 491.

[6] Исторические путешествия Ивана Толстого. 4-я серия. Писательская любовь Бориса Поплавского. Таня и Ева // ТВ Культура. 2011. http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/35465/episode_id/185482/video_id/185482

её лёгкой руки было опубликовано за границей «Письмо к съезду писателей», при её участии летом 1968 г. был переправлен за границу «Архипелаг», она свела А.И. Солженицына с Н.Д. Светловой[1], благодаря ей он познакомился с Э. Маркштейн, а та вывела его на Ф. Хееба, именно она играла важную роль в осуществлении связей РОФ с заграницей. Через неё шли связи во французское посольство.

Таким образом, те немногие сведения, которыми мы сейчас располагаем, свидетельствует, что: а) органы госбезопасности держали в поле зрения по крайней мере часть лиц, с которыми контактировал А.И. Солженицын, по этой причине он тоже должен был оказаться под его наблюдением и б) КГБ мог иметь своих людей в окружении писателя и располагать о нем самой конфиденциальной информацией.

Показательно, что когда в 1967 г. возникло Пятое управление КГБ и внутри него был создан специальный отдел за наблюдением и разработкой наиболее видных диссидентов, одно из первых мест среди них сразу же занял А.И. Солженицын[2].

В результате, по воспоминаниям последнего председателя КГБ В. Бакатина, отложившиеся в архиве этого учреждения материалы наблюдения за писателем составляли к августу 1991 г. ***105 дел***[3]. Три дела в год. Это значит, что органы госбезопасности следили буквально за каждым его шагом.

Что они знали о нём?

Поскольку А.И. Солженицын утверждает, что органы госбезопасности впервые получили представления о его подпольной литературной деятельности только в августе 1973 г., когда была арестована Е.Д. Воронянская, а затем обнаружена рукопись «Архипелага, начнем с этого года.

Из записки КГБ в ЦК КПСС от 17 июля 1973 г.: «19 июня с.г. в беседе с СУПЕРФИНОМ… и его другом БОРИСОВЫМ СОЛЖЕНИЦЫН призывал их изменить тактику ***борьбы с существующим в Советском Союзе государственным и общественным строем и перейти к активным формам враждебной деятельности***». Далее в записке говорилось: «Аналогичную беседу СОЛЖЕНИЦЫН провёл 16 июня с.г. с литератором КОРЖАВИНЫМ, которого убеждал в необходимости организованного противодействия мероприятиям государственных органов в отношении лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью». В записке также передавались слова, сказанные А.И. Солженицыным 2 июля «неродному сыну Дмитрию», которые, по мнению автора записки, свидетельствовали об «озлобленности» писателя в отношении советской власти. Особую тревогу КГБ вызывало, то что, «проводя работу по антисоветскому воздействию на лиц из своего окружения, СОЛЖЕНИЦЫН установил и расширяет с этой целью контакты в различных городах страны. Его единомышленники выявлены в Крымской области, Рязани, Там-

[1] В окружении Л.З. Копелева в 1970 г. высказывались подозрения, что КГБ имел самое непосредственное отношение к этому знакомству.

[2] Млечин Л. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1998. С. 500.

[3] Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 160–161.

бове, Новочеркасске и в других городах». Из числа его сторонников за пределами Москвы были названы ленинградцы «доктор филологических наук ЭТКИНД Е.Г.», бывший власовец «пенсионер САМУТИН Л.А.», «пенсионерка ВОРОНЯНСКАЯ Е.Д.» и «преподаватель музыки ИВАНОВА Е.В.». К записке были приложены «Фрагменты из воспоминаний Воронянской Е.Д.», в которых содержалась характеристика «Архипелага»[1].

Следовательно, уже к лету 1973 г. КГБ знал о существовании «Архипелага» и имел ясное представление о той позиции, которую занимал А.И. Солженицын. Поэтому арест Е.Д. Воронянской позволил КГБ получить лишь дополнительные документальные данные на этот счёт[2].

Но, оказывается, у органов госбезопасности не было иллюзий относительно характера деятельности «великого конспиратора» задолго до лета 1973 г. Как мы знаем, ещё 27 марта 1972 г. КГБ и Прокуратура СССР представили в ЦК КПСС записку, в которой не только говорилось об антисоветских взглядах А.И. Солженицына, но и ставился вопрос о необходимости лишения его советского гражданства и выдворения и СССР[3]. См. также опубликованную выписку «Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 30 марта 1972 г.», на котором обсуждался вопрос о диссидентском движении в нашей стране [4]

Примерно за полгода до этого, 27 октября 1971 г., ЦК КПСС был поставлен в известность о том, что А.И. Солженицын собирает материалы по истории власовского движения, при этом некоторые из них[5], использованные затем в «Архипелаге», цитировались[6]. Это значит, что к этому времени если не сам «Архипелаг», то по крайней мере названные материалы уже побывали в руках чекистов.

Но факт существования этой книги стал известен КГБ ещё раньше. Она упоминается в «Записке Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР и Прокуратуры СССР», адресованной ЦК КПСС 20 ноября 1970 г. [7] И в этом нет ничего удивительного, так как уже в 1969 г. сведения об «Архипелаге» появились на страницах зарубежной печати[8].

25 июля 1968 г., т.е. почти сразу же, как только была завершена вторая редакция «Архипелага», КГБ направил в ЦК КПСС специальную записку, в которой говорилось: «В настоящее время, по полученным данным, СОЛЖЕНИЦЫН ***заканчивает*** работу над новой рукописью объёмом около ***1500*** машинописных листов о важнейших этапах развития нашего государства в 1917–1960 годах под названием “Архипелаг Гулаг”»[9]. А поскольку вторая редакция этой книги действительно имела око-

[1] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 229–232.

[2] Там же. С. 229–232.

[3] Там же. С. 198–203.

[4] Там же. С. 203–217.

[5] Там же. С. 173–175.

[6] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 178–188.

[7] Кремлёвский самосуд. С. 132.

[8] Андреева-Карлайл О.В. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 204.

[9] Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. Москва – Париж, 1993. № 75. С. 178.

ло 1500 страниц, можно утверждать, что госбезопасность имела свою агентуру в ближайшем окружении писателя.

Но, оказывается, о работе над «Архипелагом» и о тех взглядах, которые Александр Исаевич высказывал в своём окружении, КГБ знал уже в 1965 г. 20 августа этого года он так информировали ЦК КПСС о А.И. Солженицыне: «Последний, как выяснилось в ходе проверки Теуша, является ***убеждённым врагом нашего строя и идейным противником марксизма-ленинизма***. Занимаясь изготовлением антисоветских рукописей, он вынашивает намерение публиковать их в дальнейшем за границей или же распространять на территории Советского Союза нелегальным путём»[1].

О том, насколько органы госбезопасности были осведомлены о взглядах и литературной деятельности подпольного писателя, свидетельствует «Меморандум по оперативным материалам о настроениях писателя А. Солженицына» от 2 октября 1965 г. Документ основан на записи прослушивавшихся разговоров и заслуживает того, чтобы привести его почти полностью. Прежде всего КГБ обращал внимание на высказывания А.И. Солженицына о В.И. Ленине:

«Я говорил вам о книге ФИШЕРА?… “Жизнь ЛЕНИНА”… У меня уже давно было совсем невосторженное мнение о ЛЕНИНЕ в период революции. Я вынужден был два месяца читать её, каждый день по 5 часов… я съэкономил на этом несколько лет, потому что я собирался сталкивать ленинские цитаты одну с другой… Теперь ничего не надо, всё сделано. По любому вопросу он дает: ЛЕНИН — вот, ЛЕНИН — вот. Это просто змея, это просто беспринципнейший человек. Если он буквально может вам сказать, что он за вас, а вы пойдёте к двери — он вам выстрелит в спину… Слушайте, прямо волосы дыбом становятся, когда читаешь… А вообще ЛЕНИН с момента переворота просто переродился, стал другим человеком… Он оппортунист… То есть он хватает возможность. Он как орёл видит мышь в поле. Он гениальный человек. Он сразу видит возможности. Он видит возможности победы или разгрома врага и всё, дальше он уже не интересуется, соответствует ли это теории, стоит ли это на нравственном уровне… Там потрясающие вещи… О том, что Советская власть прекратила своё существование 6 июля 1918 г… Власть Советов кончилась… Стала диктатура этой партии… Говоря о Советском правительстве, СОЛЖЕНИЦЫН заявил: …Это правительство без возможностей. У них просто нет приводов ни к идеологии, ни к массе, ни к экономике, ни к внешней политике, ни к мировому коммунистическому движению, ни к чему. Рычаги всех приводов обломались, не работают… Честное слово, у меня такое впечатление. Паралитики»[2].

Высказывания А.И. Солженицына по национальному вопросу уже процитированы выше.

Далее в «Меморандуме» были приведены слова А.И. Солженицына о возможности публикации его произведений на Западе: «Значит, “Энкаунтер” — английский журнал напечатал мои “Эссе” на почётном месте… могут меня спросить, мои ли “Эссе”? Я отвечаю незначащей фразой: “Я в “Новый мир” печатать обыч-

[1] Там же. С. 165.

[2] Кремлёвский самосуд. С. 9–10.

но отдаю”… Я решил не признавать полностью своего авторства “Эссе”… Я скажу: “Действительно я написал некоторые стихотворения в прозе. Сдал их в “Новый мир”… Там вы можете их найти. А остальные? Да мало ли что ходит?” А те, от которых я отказываюсь — рязанские…. Ловка подделка; может быть провокация; может быть, искреннее подражание. Я не знаю”. И всё. И если меня всё же потом прижмут…, я скажу: “…Что я, гимназист? Почему я должен отвечать?..” теперь я буду иметь косвенную информацию о том, какие планы созданы, где это будет храниться, кто будет этим заведовать, в каком случае это будет пускаться. Я дал им разработанное завещание. Я собираюсь всем, им, нанести первый удар, чтобы “Шарашка»” была напечатана в том виде, в каком она лежит. Но это не скоро… там вся поэма, там все стихи, пьесы… В случае моей смерти печатайте мгновенно, всё сразу. С начала моего ареста начинаете выдавать с периодом в три месяца по одной вещи… В случае сильной разнузданной газетной травли тоже, но реже — через полгода, через год»[1].

Объясняя, почему он придерживается выжидательной тактики и не желает идти на обострение отношений с властью, А.И. Солженицын заявлял: «Я сейчас пока должен выиграть время, чтобы написать “Архипелаг”… Я сейчас бешено пишу, запоем, решил сейчас пожертвовать всем остальным… Я обрушу целую лавину… Я ведь назначил время, примерно от 72 до 75 года. Наступит время, я дам одновременный и страшный залп»[2].

Когда ему был задан вопрос: “А если ход событий пойдет гораздо быстрее?” — СОЛЖЕНИЦЫН ответил: “Слава Богу, раньше, так раньше… Я пущу здесь по рукам всё и там опубликую (смеётся). Что будет, не знаю. Сам, наверное, буду сидеть в Бастилии. Но не унываю”»[3].

«О своей новой работе СОЛЖЕНИЦЫН говорит: “Я такую вещь дал сейчас, что мне “Шарашка” кажется ерундой… Я чувствую, что скоро придёт время, когда захотят услышать про Октябрьскую революцию, когда нужно будет объяснить. И вот это объяснение, я чувствую, что смогу дать художественно. И я должен его дать. Это сейчас моя главная задача… Вещь убийственная будет… “Архипелаг”. Это такая убойная вещь»[4].

«На вопрос: “Это что, художественная вещь?” — СОЛЖЕНИЦЫН ответил: “Я определяю так: опыт художественного исследования… Думаю, что к будущему лету я закончу “Архипелаг”»[5].

Таким образом, по крайней мере, с 1965 г. госбезопасность имела точное представление не только о тех взглядах, которые А.И. Солженицын высказывал в своем ближайшем окружении, но и о том, над чем он трудился и как планировал свою будущую жизнь. Поэтому версия, будто бы КГБ проспал его подпольную деятельность, а когда хватился, было уже поздно, не выдерживает никакой критики.

[1] Там же. С. 11–12.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 12–13.

[5] Там же. С. 13–14.

Как они с ним боролись?

Самое первое, самое простое и, наверное, самое распространённое, что делали органы государственной безопасности, чтобы парализовать деятельность лиц, чьи взгляды считались общественно вредными, — проводили так называемые «профилактические беседы».

«В соответствии с указаниями ЦК КПСС, — читаем мы в одной из записок КГБ 1971 г., — органы Комитета государственной безопасности ведут большую профилактическую работу по предупреждению преступлений, пресечению попыток ведения организованной подрывной деятельности националистических, ревизионистских и других антисоветских элементов, а также локализации возникающих в ряде мест группирований политически вредного характера. За последние пять лет выявлено 3096 таких группирований, профилактировано 13602 человека, входивших в их состав, в том числе 2196 участников 502 групп в 1967 г., 2870 участников 625 групп в 1968 г., 3130 участников 733 групп в 1969 г., 3102 участника 709 групп в 1970 г. и 2304 участника 527 групп в 1971 г.»[1]. «За период 1971–1974 гг. было профилактировано 63108 человек. За этот же период только путём профилактики пресечена на стадии формирования деятельность 1839 антисоветских групп»[2]

Как мы видим, КГБ вёл большую профилактическую работу. Однако с 1965 по 1974 г. он не предпринял в отношении Александра Исаевича никаких мер подобного характера, иначе бы последний обязательно поведал бы о них.

Возникает вопрос: почему?

«Среди интеллигентов, — пишет Э. Макаревич, — существовали настоящие фанатики идеологической борьбы с государством», профилактическая работа с которыми не имела смысла. Против таких лиц КГБ использовал другой приём, который на профессиональном языке назывался методом “массированного психологического воздействия”. В чем именно он заключался, Э. Макаревич не пишет, поскольку это, видимо, профессиональная тайна, сохраняющая своё практическое значение до сих пор. Но из его слов явствует, что применение этого метода вело к тому, что «человек в своём противостоянии власти, приблизившийся вплотную к статье 190-прим., вдруг замечал, что у него ***не клеится на работе***, что ***как-то не складывается жизнь, число бытовых неурядиц стало критическим***, от него ***отвернулись приятели*** и жить стало вообще неуютно. ***Стечение обстоятельств, но управляемых***»[3].

Иными словами, метод «массированного психологического воздействия» должен был привести к тому, что вместо борьбы с властью подпавший под действия этого метода диссидент вынужден был тратить свои усилия на борьбу за жизнь, за существование.

Применялся ли этот метод к А.И. Солженицыну? Нет. Более того, органы госбезопасности не мешали ему получать гонорары за не публиковавшиеся произведения, а также улучшать жилищные условия.

---

[1] Буковский В. Московский процесс. Париж – Москва. 1996. С. 93.

[2] Там же. С. 94.

[3] Макаревич Э. Политический сыск. С. 208.

И хотя деятельность А.И. Солженицына всё больше и больше расходилась с интересами советского государства, а его слава росла, КГБ ничего не предпринимал, чтобы противодействовать этому.

Между тем, чтобы дискредитировать А.И. Солженицына, достаточно было бы допустить «утечку» сведений о том, что все разговоры о его преследовании не соответствуют действительности, а далее не только указать выплаченные ему авансы и гонорары за неопубликованные произведения, но и сообщить о предоставленной ему трёхкомнатной квартире. Не сомневаюсь, многих его поклонников как у нас, так и за границей эти факты заставили бы задуматься. Между тем не было опубликовано даже официального сообщения о солженицынских рукописях осенью 1965 г.

КГБ бездействовал и в 1967 г., когда А.И. Солженицын выступил со своим «Письмом к съезду писателей» и стал превращаться в одного из кумиров диссидентского движения.

В.С. Бушин показал, что целый ряд содержащихся в этом письме утверждений были лишены оснований. Почему же нельзя было указать на это? И если в советской печати письмо предпочли замолчать, о нём писали за рубежом. Почему даже за рубежом КГБ ничего не было сделано для его опровержения?

Продолжал он бездействовать и в 1968–1970 гг., когда фамилия писателя появилась в списках кандидатов на Нобелевскую премию, хотя было очевидно, какое значение будет иметь присуждение этой премии человеку, открыто вступившему в противоборство с существовавшей политической системой. Единственно, что было сделано, — летом 1968 г. на страницах «Литературной газеты» появилась упоминавшаяся статья «Идейная борьба. Ответственность писателя», которая могла дискредитировать А.И. Солженицына в глазах законопослушных советских граждан, но лишь способствовала укреплению его авторитета как среди оппозиционно настроенной советской интеллигенции, так и за рубежом[1].

Ещё в большей степени способствовало этому его исключение осенью 1969 г. из Союза писателей и публикация на страницах «Литературной газеты» новой статьи, предлагавшей ему убираться за границу[2]. Подобные действия создавали Александру Исаевичу ореол гонимого писателя и тем самым способствовали присуждению ему Нобелевской премии.

И только после того, как он стал лауреатом этой премия, а за рубежом вышел его новый роман «Август четырнадцатого», на свет появился сборник статей «Пресса о Солженицыне», содержащих критические отклики на его роман. Однако даже этот сборник был издан на ротапринте тиражом всего в 100 экземпляров![3]

Получается, что на протяжении 1965–1971 гг. органы госбезопасности не предпринимали никаких мер, чтобы парализовать подпольную литературную деятельность писателя и прежде всего не допустить завершение им работы над «Архипелагом».

Более того, когда А.И. Солженицын опубликовал «Август четырнадцатого», в КГБ возникла идея издать его в СССР. «В противовес солженицынскому “Августу

[1] Идейная борьба. Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 353–357.

[2] Где ищет писательский талант и славу Нобелевский комитет // Комсомольская правда. 1970. 17 октября. См. также: Там же. С. 420–423.

[3] Пресса о Солженицыне. М., Изд-во Агентства печати Новости 1972. С. 109 (вклейка).

четырнадцатого" мы помогли Яковлеву написать "1 августа 1914". Даже хотели выпустить однотомник из этих двух произведений — яковлевского и солженицынского. Но в ЦК партии не оценили нашей идеи»[1].

И только в 1971–1973 гг., если верить А.И. Солженицыну, КГБ перешёл к активным действиям против него: начал шантажировать его «бандитскими письмами», хулиганскими звонками, передаваемыми через посредников угрозами, требованием денег и т.д. Таким образом, по мнению Александра Исаевича, его пытались заставить его отказаться от борьбы с советской системой или же уехать за границу[2].

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько эти сведения соответствуют действительности (хотя это тоже немаловажный вопрос), нельзя не отметить, что в распоряжении КГБ были гораздо более действенные средства для решения как одной, так и другой задачи. Если же он ограничился только названными мерами, то они или были направлены на то, чтобы подтолкнуть А.И. Солженицына к более крайним действиям, или представляли собою примитивную инсценировку борьбы с писателем.

Найдутся читатели, которые скажут: но ведь КГБ пытался устранить писателя. Действительно, в 1992 г. на страницах газеты «Совершенно секретно» журналист Д. Лиханов поведал сенсационную историю о покушении на А.И. Солженицына. Подобное открытие было сделано им на основании рассказа бывшего сотрудника Управления КГБ по Ростовской области полковника Бориса Александровича Иванова[3].

По словам Б.А. Иванова, днём 8 августа 1971 г. он был вызван к своему начальнику, который познакомил его с «гостем» из Москвы и поручил ему оказывать «гостю» содействие в наблюдении за приехавшим из Москвы А.И. Солженицыным. На Б.А. Иванова была возложена задача «оперативно проверять контакты и связи объекта», а затем все собранные «материалы отослать в Москву». Вечером Б.А. Иванов вместе с «московским гостем» поехали в город Каменск, где заночевал писатель, а утром вслед за ним — в Новочеркасск. Здесь Б.А. Иванов остановился в гостинице. Днём вместе с «московским гостем» и ещё одним незнакомцем он отправился на машине в город, где на одной из улиц они встретили А.И. Солженицына.

Дальше, по словам, Б.А. Иванова, события развивались следующим образом. Когда Александр Исаевич вышел из машины и зашёл в магазин, вслед за ним устремился один из московских спутников Б.А. Иванова, натянув при этом на руки, несмотря на жару, кожаные перчатки. Через некоторое время он вернулся и облегчённо сказал: «Все, крышка, теперь он долго не протянет». И хотя прямо это не говорилось, из дальнейшего разговора в машине Б.А. Иванов понял, что в магазине А.И. Солженицыну был сделан укол[4].

По свидетельству Александра Исаевича, в тот же день он почувствовал себя плохо, на его теле появились то ли волдыри, то ли ожоги, 11 августа на станции Тихорецкая он вынужден был сесть на поезд и вернуться домой[5].

---

[1] Макаревич Э. Политический сыск. С. 193.

[2] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 113–116.

[3] Лиханов Д. Смертельная жара // Совершенно секретно. 1992. № 4. С. 10–11. См. также: К истории покушения на А.И. Солженицына в августе 1971 г. // Русская мысль. 1992. 29 мая.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 675–683.

[5] К истории покушения на А.И. Солженицына в августе 1971 г. // Русская мысль. 1992. 29 мая.

«От Бориса Иванова посмертно, — пишет А.И. Солженицын, — дошла до меня собственноручная записка… где он перечисляет участников попытки убить меня в 1971 г. Приехавший из Москвы руководитель группы — Рогачёв Вячеслав Сергеевич, имея прикрытие Агентства печати «Новости» (АПН), т.е. удостоверение и визитную карточку корреспондента АПН. Убийца исполнитель — подполковник Гостев, имя, кажется, Виктор. После операции был направлен резидентом контрразведки в Болгарию… и ещё помощник Рогачева — Гусев Владимир»[1].

В этой истории много абсурдного.

Во-первых, совершенно непонятно, для чего необходимо было присутствие Б.А. Иванова в Новочеркасске, если поставленная перед ним задача заключалась в том, чтобы «проверять контакты и связи объекта, выявленные наружным наблюдением», а «***материалы отослать в Москву***». Во-вторых, очень странно, что в Новочеркасске «московский гость» взял его с собой на операцию, ведь даже самый неопытный убийца понимает: чем меньше свидетелей преступления, тем лучше. В-третьих, совершенно невероятно, чтобы профессиональный киллер в присутствии постороннего человека стал делиться своими впечатлениями о совершённом им покушении. В-четвёртых, В.С. Рогачев, который фигурирует в рассказе Б.А. Иванова как руководитель покушения, действительно был сотрудником АПН и поэтому никакого участия в покушении принимать не мог. В-пятых, совершенно невероятно, чтобы сотрудники КГБ, занимавшиеся подобной деятельностью, не только отправлялись на операцию с подлинными документами, но и называли свои настоящие фамилии первому попавшемуся им человеку, даже из органов КГБ.

Очевидно, что история, рассказанная Б.А. Ивановым, — это «газетная утка». Если бы Александр Исаевич верил в неё, он не ограничился бы её пересказом в своих мемуарах и потребовал бы от прокуратуры расследования.

На основании текстологического анализа «воспоминаний Иванова» В.С. Бушин не только поставил под сомнение их подлинность, но и высказал мысль о причастности к составлению этого апокрифа самого её героя — А.И. Солженицына[2].

Очень странно КГБ боролся с ним, когда появился первый том «Архипелага». Вскоре после его высылки за границу Агентство печати «Новости» издало сборник статей под названием «В круге последнем»[3]. Статьи имели своей целью дискредитацию не только книги «Архипелаг ГУЛАГ», но и её автора. Сборник был подписан к печати уже 13 марта 1974 г.[4], что свидетельствует о необыкновенной оперативности. Однако знакомство со сборником не может не вызывать удивления. Для разоблачения писателя были приглашены 35 авторов. Однако за небольшим исключением каждому из них было предоставлено всего по несколько страничек, в результате чего весь сборник составил лишь 172 страниц. Неудивительно, что подавляющее большинство публикаций — это совершенно бессодержательные гневные эмоции. Но самое поразительное заключалось в другом. Сборник статей был издан на

[1] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 111.

[2] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 358–374.

[3] В круге последнем. М., 1974.

[4] Там же. С.172.

ротапринте тиражом всего в 600 экземпляров[1]. Даже сейчас такой тираж считается ничтожным. В те времена обычным изданием считался тираж не менее 15 тыс. экземпляров. Издания массового характера, а рассматриваемый сборник имел смысл только в том случае, если был доступен массовому читателю, предполагали тираж не менее 50–100 тыс. экземпляров[2].

Это означает, что сборник статей «В круге последнем» представлял собою холостой залп, который создавал лишь видимость борьбы с А.И. Солженицыным. На второй и третий тома «Архипелага» названные учреждения не отреагировали даже так. Между тем молчание Москвы можно было расценивать как неопровержимость «Архипелага»[3].

По словам А.И. Солженицына, когда «Архипелаг ГУЛАГ» начал публиковаться на русском языке, Ассоциация американских издателей ещё до появления «Архипелага» в США предложила тогда широко опубликовать в Соединённых Штатах любые опровергающие материалы, «Тщетное великодушие! — гордо восклицает Солженицын в брошюре “Сквозь чад”, — кроме бледной статьи Бондарева в «Нью-Йорк таймс» да захлебной ругани АПНовских комментаторов, ничего не родили тотчас». И дальше с чувством ещё большего торжества: «Они ничего не родили в опровержение и до сих пор, за пять лет. Пропагандистский аппарат оказался перед “Архипелагом” в полном параличе: ни в чём не мог его ни поправить, ни оспорить… Потому что ответить — нечего». И наконец, уж вовсе упоённо: «За четырнадцать лет моих публикаций… не смогли ответить мне никакими аргументами или фактами, потому что ни мыслей, ни аргументов у них нет»[4].

В.С. Бушин выражает удивление, «почему в своё время не приняли предложение Ассоциации американских писателей», и высказывает предположение: «Может, действительно сразу-то с налёта не нашлось ни мыслей, ни аргументов»[5]

То, что советский агитпроп не отреагировал на «Архипелаг» так, как должен был сделать, — это действительно вопрос, который заслуживает самого серьёзного внимания. То, что у него «не нашлось ни мыслей, ни аргументов» — это верх наивности. Во-первых, даже если бы все использованные Солженицыным факты были бесспорными, а аргументы неотразимыми, в стенах Агитпропа работали такие мастера, которые могли нагромоздить гору лжи, которая бы затмила «Архипелаг». Во-вторых, и это самое главное, Агитпропу ничего не нужно было выдумывать, достаточно было посадить за «Архипелаг» нескольких специалистов (привлечь хотя бы того же В.С. Бушина), чтобы показать, на какой шаткой базе построено все здание «Архипелага».

Почему же Агитпроп промолчал? Можно допустить, что он решил не заострять на «Архипелаге» внимания. Пошумят, и всё стихнет. Но ведь «Архипелаг» был не

---

[1] Там же.

[2] Гаврилов Э.П. Издательство и автор. Вопросы на ответы по авторскому праву. М., 1991. С. 93.

[3] С 1965 по 1970 г. Отдел пропаганды ЦК КПСС возглавлял В.И. Степаков, после его отставки до начала 1973 г. эти обязанности исполнял А.Н. Яковлев, с 1974 по 1977 г. Георгий Лукич Смирнов (Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 126–129).

[4] Солженицын А.И. Сквозь чад. С. 20.

[5] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 20.

личной акцией Солженицына. За его изданием стояла администрация США. Агитпроп молчал, а за рубежом не только печали «Архипелаг», но и раздували в связи с этим антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. Поэтому те, кто рекомендовал эту страусиную тактику или были дураками (во что плохо верится), или же играли с американцами в четыре руки (что более вероятно).

Как мы знаем, в июне 1973 г. АПН заказало Н.А. Решетовской книгу воспоминаний о её муже. Наталья Алексеевна подчёркивала, что в данном случае инициатива исходила от неё и книгу она писала совершенно самостоятельно. Однако есть деталь, которая позволяет усомниться в этом. Обычно после представления рукописи в издательство она передаётся редактору. Здесь же всё было не так. Редактор — им стал Константин Игоревич Семенов — был назначен сразу же после заключения договора и к исполнению своих обязанностей приступил уже летом 1973 г.[1] Это значит, что Наталья Алексеевна с самого начала готовила воспоминания под контролем АПН. К намеченному сроку книга, по всей видимости, была представлена в издательство и к весне следующего года подготовлена к печати. Об этом свидетельствует записка Правления АПН, которую оно направило 17 апреля 1974 г. в ЦК КПСС. В ней говорилось:

«Агентство печати “Новости” вносит предложение об издании через зарубежные издательства на коммерческой основе рукописи Н. Решетовской “В споре со временем” (объем — до 15 печатных листов). Написанная в форме воспоминаний, книга бывшей жены Солженицына содержит письма, дневники, заявления бывших друзей и другие документы, свидетельствующие о том, что в “Архипелаге ГУЛаг” использованы лагерные легенды и домыслы. Кроме того, приводится ряд фактов неблаговидного, аморального поведения Солженицына. В рукописи Н. Решетовской можно проследить эволюцию взглядов Солженицына от троцкизма до монархизма… Крупные буржуазные издательства “Нью-Йорк таймс”, “Пресс де ля Сиде” (Франция), “Аллен Даво” (Швейцария) обратились в АПН с просьбой предоставить им права на издание воспоминаний Н. Решетовской. Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР»[2].

В 1974 г. воспоминания Натальи Алексеевны были опубликованы за рубежом[3], а в 1975 г. — в СССР. Однако до сих пор их не удалось обнаружить ни в одной отечественной библиотеке, так как тираж был полностью предназначен для заграницы[4].

Воспоминания Натальи Алексеевны ещё готовились к печати, когда в Париже на русском языке увидел свет второй том «Архипелага», из которого читатели могли узнать, как в 1945 г. на Калужской заставе А.И. Солженицына вербовали в осведомители. Казалось бы, что ещё надо — взять эти страницы да перепечатать, да приложить к ним воспоминания надзирателя «Сенина» (а «Сенин» мог вспомнить всё, что нужно), да сопроводить всё это необходимыми комментариями, да пустить

[1] Решетовская Н.А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 128–130, 140–144, 147–148, 150–151, 158–159.

[2] Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. Москва – Париж, 1973. № 75. С. 217.

[3] Там же. С. 229.

[4] Scammel M. Solzhenitsyn: A Biography. N.Y. – L., 1984. P. 1021.

в обращение: за границей — в печать, в нашей стране — в самиздат. Не сомневаюсь, число сторонников А.И. Солженицына заметно бы поредело.

Однако, что удивительно, КГБ ограничился тем, что организовал киноинтервью у бывшего меньшевика М.П. Якубовича, жившего тогда в Караганде, под названием «Постскриптум к “Архипелагу”». По имеющимся сведениям, М.П. Якубович поставил под сомнение возможность для человека, согласившегося быть агентом органов госбезопасности, отказаться от сотрудничества. Однако, как признаёт сам Александр Исаевич, это интервью широко не демонстрировалось[1].

Едва только А.И. Солженицын обосновался в Цюрихе, как к нему обратился с просьбой о встрече эмигрант Василий Васильевич Орехов (1896–1990)[2]. Уроженец Орловской губернии, он участвовал в белом движении, эмигрировал в чине капитана, жил в Болгарии. Франции, Бельгии. Был близок к генералам Врангелю и Кутепову. В 1929 г. основал журнал «Часовой». Создал и возглавил «Российское Национальное Объединение». В 1936 г. участвовал в гражданской войне в Испании на стороне Франко, затем сотрудничал с гитлеровцами, а в послевоенный период — с НТС[3].

А.И. Солженицын согласился на эту встречу не сразу. А когда встреча состоялась, В.В. Орехов, по словам Александра Исаевича, преподнес ему подарок: «Показал мне… ***два-три*** письма ***моих***! моим безусловно почерком, замечательно подделанные, и с моими выражениями (из других реальных писем), да не ленились лишний раз Бога призвать и с большой буквы — а никогда мною неписанные! Подивился я работе кагебитского отдела». И далее: «А плели они эту переписку с 1972 года. Сперва я будто запрашивал у Орехова материалы по Первой мировой войне, и он мне ***слал их — куда же***? а ***в Москву, на указанный адрес*** заказными письмами и с обратным уведомлением — и уведомления возвращались в нему аккуратно с “моей” подписью. Изумление? Да столько ли чекисты дурили! Затем, видимо, для правдоподобности “я” предложил ему ***сменить адрес — писать через Прагу***, через ***какого-то*** профессора Несвадбу. Тот подтверждал получение писем Орехова. А в конце 1973, когда уже завертели полную “конспирацию”, передали Орехову приглашение от “меня” встретиться нам в Праге, уже не для исторических материалов, а ***для выработки общего понимания и тактики***… да тут меня выслали». «Тут, — завершает свой рассказ А.И. Солженицын, — как раз брал интервью “Тайм”, я дал им в эту публикацию, факсимиле “моего” почерка, поймал КГБ на подделке…. И урок: не надо такие случаи пропускать: эта публикация ещё сослужит защитную службу в будущем»[4].

В своём обращении в журнал «Тайм» Александр Исаевич писал: «В 1972 г. Госбезопасность затеяла переписку с руководителем “Русского национального объединения” Василием Ореховым, редактором журнала “Часовой” (Брюссель), — переписку от моего имени, т.е. сочиняла письма к нему, подделывая мой почерк. Сперва

[1] Решетовская Н.А. В споре со временем. М., 1975.

[2] Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P. 951–952. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 6. М., 1991. С. 292.

[3] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 71.

[4] Романов Е.Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999. С. 314. Слово пробивает дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 416–417.

с невинными просьбами прислать материалы и воспоминания о 1-й мировой войне, потом и с приглашением приехать самому ***или прислать представителя "для связи"*** в Прагу. ***Поначалу эти фальшивые письма пересылались из Праги*** с обратным адресом известного писателя и психиатра Иозефа Несвадбы, затем — на конвертах появилось подставное лицо Отакар Горский с "домашним" адресом на учреждение (Прага, улица Революции, 1, где помещаются Чехословацкие аэролинии и туристические конторы), а телефон — из того района (улица Подкаштани и Маяковского), где расположены советское посольство и чешское ГБ. Как далеко зашла бы эта провокация, если бы меня не выслали, — не знаю. Вероятно, хотели арестовать в Праге приехавшего русского эмигранта и затем вокруг него сплести для уголовного суда мои "связи" с эмигрантскими организациями»[1].

Откликнулся на эту историю и В.В. Орехов, который прежде всего поделился своими сведениями об этой истории на страницах «Русской мысли»:

«Незадолго до высылки А.И. Солженицына, — писал он, — действительно, получил от него ***два*** письма. ***Зная его почерк***, я не имел никаких оснований сомневаться, что письма эти написаны им. В них не было ничего политического, вопрос шёл о сообщении ему ряда данных по истории войны 1914–1917 гг. В письмах этих меня удивило предложение снестись с его друзьями в Праге, причём указывалось два адреса. От этих же лиц, чехов, я получил также ***четыре письма*** на эту же тему. Не скрою, что меня удивило это приглашение в Прагу, куда, я конечно, никогда бы не поехал, но всё же мог так или иначе попасться на удочку. Как выяснилось после приезда А.И. Солженицына в свободный мир, письма эти он не писал, но сам признал, что подделан его почерк мастерски. Совершенно ясно, что КГБ надеялось завлечь меня или в Прагу или в пограничную с Чехословакией страну и создать новую историю "Треста". В "Часовом" я более подробно освещу эту гнусную провокацию, ещё раз показывающую, что тактика и приемы чекистов не изменились"[2].

Такая публикация под названием «Неудавшаяся советская провокация» действительно появилась на страницах журнала «Часовой», но своё обещание подробно осветить «эту гнусную провокацию» В.В. Орехов не сдержал. Новая публикация была также лаконична, как и письмо в редакцию «Русской мысли». То новое, что содержалось в ней, можно свести к трем пунктам: во-первых, оказывается, два письма А.И. Солженицына В.В. Орехов получил не из Советского Союза, а «из Чехо-Словакии», во-вторых, «в этих письмах сообщалось, что переписку с ним следует вести по двум адресам его друзей в Праге и указывались эти адреса», а в-третьих, в одном из писем содержалось «предложение посетить этих друзей в Праге или прислать к ним доверенного человека» [3]

Что бросается в глаза в этих объяснениях? Прежде всего то, что ни В.В. Орехов, ни А.И. Солженицын вообще не назвали московский адрес и не дали точных пражских адресов, по которым шла переписка. Не указали они ни название того учреждения, которое располагалось в Праге на улице Революция и которое исполь-

[1] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 71–72.

[2] Там же. С. 122–123. Сравните: Госбезопасность не унимается. Заявление А. Солженицына корреспонденту журнала «Time». 3 мая // Русская мысль. 1974. 30 мая.

[3] Там же.

зовалось для переписки с Отакаром Горским, ни номера его телефона. Удивительно и то, что ни В.В. Орехов, ни А.И. Солженицын не опубликовали тексты писем, которыми они обменивались.

Допустим (и это вполне вероятно), что вся переписка от начала до конца была мистифицирована КГБ. С какой же целью? Что касается «материалов по Первой мировой войне», то их получение трудно было поставить в вину лауреату Нобелевской премии. Может быть, его хотели «уличить» в связях с зарубежными спецслужбами? Но тогда почему вплоть до его высылки за границу этот замысел так и не был реализован? Получается, что переписка должна была сыграть свою роль уже после «выдворения» А.И. Солженицына за границу. Но какую? Снова напрашивается мысль об имитации борьбы с писателем. Причём в том письме, с которым А.И. Солженицын обратился в редакцию журнала «Тайм», бросаются в глаза следующие слова: «Именно потому, что этот случай строится на графологической подделке моих писем и такой приём может повториться в будущем, я и прошу «Тайм» оповестить о нём читателей, сопроводив фотоиллюстрациями»[1].

Вскоре увидела свет книга Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына». Если до недавних пор можно было лишь предполагать, кто его инспирировал, то теперь об этом мы можем судить на основании документов. Вот один из них — письмо заместителя председателя КГБ при СМ СССР С.К. Цвигуна в ЦК КПСС от 17 января 1977 г.: «Комитетом государственной безопасности проводятся мероприятия ***по дальнейшей*** дискредитации СОЛЖЕНИЦЫНА перед мировой и советской общественностью. В этих целях, в частности, ***подготовлена*** рукопись публицистического характера (прилагается), автором которой является чехословацкий журналист Т. Ржезач». Далее сообщались сведения о Т. Ржезаче и прилагалась аннотация на его книгу, которая имела «условное название» «Это не биография писателя, а протокол вскрытия трупа предателя»[2].

Сначала книга Т. Ржезача появилась в Италии[3], затем — в Советском Союзе[4]. Рассматривалась возможность её переиздания здесь массовым тиражом. Но затем от этой идеи отказались[5], а первое издание было реализовано таким образом, что книга оказалась совершенно недоступна обычному читателю.

Куда же она пошла? Оказывается, семь из десяти тысяч экземпляров были переданы КГБ. Остальная часть тиража «направлена через книжную экспедицию Управления делами ЦК КПСС членам ЦК КПСС, кандидатам в члены КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии КПСС, заведующим и заместителям заведующих отделами ЦК КПСС, заведующим секторами, руководителям групп консультантов и консультантам отделов оргпартработы, пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, международного, Отдела ЦК КПСС и Отдела внешнеполити-

[1] Неудавшаяся советская провокация // Часовой. 1974. № 576. С. 20.

[2] Ветров, он же Солженицын // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 72–77. Как нам теперь известно, подобный «протокол» был подготовлен совместными усилиями сотрудников 10-го Управления МВД ЧССР и 5-го Управления КГБ СССР (Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 сентября).

[3] Кремлёвский самосуд. С. 556–561.

[4] Там же. С. 563.

[5] Там же. С. 567.

ческой пропаганды, лекторам Отдела пропаганды ЦК КПСС, секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, Московского, Ленинградского и Киевского горкомов КПСС, заведующим отделами пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, руководителям лекторских групп, республиканскими, краевыми и областными домами политического просвещения (включая Москву, Ленинград и Киев), начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота и его заместителям, Комитету партийного контроля при ЦК КПСС (председателю, заместителям и членам Комитета), редакторам и членам коллегий газет, журналов и издательств ЦК КПСС, а также руководителям и работникам других центральных идеологических учреждений и ведомств ***по списку***, согласованному с Отделом пропаганды ЦК КПСС, Отделом внешнеполитической пропаганды и Общим отделом ЦК КПСС»[1].

Только один экземпляр этой книги оказался в Государственной публичной библиотеке им. В.И. Ленина, причём в Отделе для служебного пользования. В результате этого книга была почти недоступна не только массовому читателю, но и специалистам. Может быть, это было связано с нагромождением ошибок и нелепостей в книге Т. Ржезача? Нет, оказывается, заказчик остался доволен выполненной работой и участвовавшие в ней чекисты были даже отмечены наградой[2].

Ещё в мае 1975 г., сообщает А.И. Солженицын, «какой-то швейцарский журналист Петер Холенштейн, уже не знаю, подставной или нет, пишет мне в Цюрих, что ему доставлены документы большого интереса и вот он посылает мне копию одного: прежде чем его опубликовать, он, дескать, по добросовестности журналиста, хотел бы знать о нем моё мнение. В позднейшей переписке он сообщил мне, будто подбрасывалось ***целое собрание таких подделок*** — часть — через видного функционера ГДР».

«Видный функционер ГДР» — это, по всей видимости, член ЦК СЕПГ Генри Тюрк, который в это время проявил «интерес» к А.И. Солженицыну и в связи с этим не только побывал в СССР, но и интервьюировал здесь Н.Д. Виткевича. Не исключено, что во время этой поездки в его распоряжении оказались те самые документы, о которых мы узнаем из воспоминаний А.И. Солженицына и которые через него ушли на Запад.

Получив копию упомянутого документа, представлявшего, по свидетельству А.И. Солженицына, сфабрикованный от его имени лагерный донос 1952 г., он сразу же, 18 мая 1976 г. передал его телеграфным агентствам, охарактеризовав как фальшивку. «И, — пишет он, — ждал. Ждал, что начнут доказывать, настаивать, другие подделки совать. Нет! Трусливо подобрали растянувшиеся хвосты. Вместо бомбы вышла хлопушка»[3].

В то же 1976 г. в Лондоне появились воспоминания Ильи Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным», в центре которых была история с изъятием «архива» А.И. Солженицына осенью 1965 г. Особое внимание автор воспоминаний

---

[1] Там же. С. 566–567.

[2] Там же. С. 567–568. Солженицын А.И. Потёмщики не ищут света // Комсомольская правда. 2003. 23 сентября.

[3] Солженицын А.И. Сквозь чад. С. 12.

обращал на то, что Александр Исаевич, а затем «Литературная газета» почему-то утверждали, что архив был обнаружен на квартире Теушей, между тем как Александру Исаевичу с самого начала было известно, что КГБ изъял его на квартире И.И. Зильберберга. У читателей этих воспоминаний невольно возникал вопрос: откуда «Литературной газете» был известен факт подобного обыска? И невольно напрашивался ответ: только от КГБ. Неужели Александр Исаевич озвучивал версию, которая исходила из этого учреждения?

Тогда же, в 1976 г., в Дании вышла брошюра К.С. Симоняна «Кто такой Солженицын?"», в которой её автор, характеризуя свои взаимоотношения со знаменитым писателем и объясняя причину прекращения дружбы с ним, связывал это с тем, что А.И. Солженицын оклеветал его как на следствии в 1945 г., так и позднее в 1952 г., дав неверные показания[1]. Правда, у читателей брошюры невольно возникал вопрос: если все это являлось правдой, почему ни в 1945 г., ни в 1952 г. К.С. Симонян не был арестован?

Прошло ещё полтора года, и 15 февраля 1978 г. во втором номере гамбургского журнала «Neue Politik» появилась статья «Советская служба безопасности. Сообщение провокатора Ветрова — он же Александр Солженицын. Из посмертных документов Франка Арнау». Здесь был опубликован «донос», якобы написанный А.И. Солженицыным 20 января 1952 г. и подписанный кличкой «Ветров», который начал циркулировать ещё весной 1976 г.[2] Вот его текст:

«В своё время мне удалось по вашему заданию сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: "Ну, всё, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем". Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надёжную группу, в основном, из своих — бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 бараков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать "своих". Далее разговор дословно: "Она же займется и стукачами. Всех знаем. Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берёт штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то". Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолётов и собирают деньги. Теперь я окончательно убеждён в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля "а полячишка-то, вроде, умнее всех хочет быть, ну, посмотрим".

Ещё раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы ***уголовников***, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами. 20.1.52. Ветров».

---

[1] Simonjan K.S. Hvem er Solsjenitsyn? Melbyhus, 1976.

[2] Ветров, он же Солженицын // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 72–77.

На донесении сверху написано: «Сов. секретно. Донесение с/о Ветров от 20/I –52 г.» Чуть ниже под углом: «Доложено в Гулаг МВД СССР. Усилить наряды охраны автоматчиками. Стожаров». Ещё ниже: «Е.А.» и под донесением: «Верно: Нач. отдела режима и оперработы Стожаров»[1].

«Почерк, — комментирует этот документ А.И. Солженицын, — был неплохо подделан — применительно именно к лагерным моим годам (у моей первой жены сохранились мои фронтовые и лагерные письма…)… Почерк-то подделан, хотя на самом видном месте, в подписи, графический ляпсус (что полагается по правилам чистописания, а у меня исчезло ещё со школьных времён). Были заметные передержки и в языке, но главное — в сюжете: "донос"» на украинцев…, а нас-то с украинцами за две недели перед проставленной датой разъединили в разные зоны, — где же чекистам через 20 лет всё уследить? (хотя об этом и в "Архипелаге" написано, ч.V, гл.2[2], но они по лени не доглядели)… И какая же резолюция начальства на подготовку побега и восстания? — вместо молниеносного упреждающего удара, арестов — «доложено ГУЛаг СССР», — в сам ГУЛаг, в Москву! Далекошенько! Ну, можно ли нагородить столько профессиональных промахов?»[3].

К этому можно добавить ещё одну важную деталь. Экибастузский лагерь принадлежал к числу особых лагерей, предназначенных для содержания только лиц, проходящих по политическим статьям. Поэтому в них не было и могло быть уголовников, которые упоминаются в доносе. Это даёт основание рассматривать данный документ как фальшивку. Нетрудно догадаться, кто мог быть её изготовителем.

Но если бы в данном случае действительно преследовалась цель дискредитации А.И. Солженицына (а не версии о его связях с КГБ), то после его возмущённого письма начатая кампания не прекратилась бы. «Донос» обязательно был бы опубликован, для обоснования его достоверности могли «обнаружиться» другие, подобные же «документы», появились бы необходимые «свидетели» и т.д. Однако КГБ на удивление замолчал. В 1978 г. «донос» был напечатан гамбургским журналом «Нойе политик», но снова без должного информационного сопровождения[4].

Не успели разойтись круги после публикации Ф. Арнау, как в июне 1978 г. в США появилась книга Ольги Карлайл «Солженицын: В круге тайном», в которой она поделилась некоторыми воспоминаниями о своих контактах с писателем и попыталась раскрыть некоторые из тех пружин, которые привели к издательскому взрыву 1968–1969 гг., а затем присуждению А.И. Солженицыну Нобелевской премии[5].

Ещё летом 1977 г. миланское издательство «Тети и Ко» опубликовало книгу чешского журналиста Т. Ржезача «Спираль измены Солженицына»[6]. Вслед за тем было подготовлен её русский вариант. 22 марта 1978 г. он был сдана в набор в издательство «Прогресс» и уже 1 апреля подписан к печати[7].

---

[1] Там же. С. 75.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 171–172.

[3] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко между двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 71–72.

[4] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 122.

[5] Карлайл О. Возвращение в тайный круг. М., 2004.

[6] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А.И. Солженицыне. С. 563.

[7] Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. М., 1978. С. 5–6.

Книга Т. Ржезача представляла собою публицистическую попытку дать биографию писателя, начиная с его детских лет и кончая высылкой за границу. Характеризуя использованные им источники, автор перечислял около двух десятков лиц, с которыми он встречался и чьи сведения использовал при написании книги. Среди них мы видим Н.Д. Виткевича, И.И. Езепова, Л.З. Копелева, Н.А. Решетовскую и др.[1]

Казалось бы, это давало основание для серьёзной публикации. Однако знакомство с книгой оставляет очень неприятное впечатление. И дело не только в том, что с самого же начала в книге чувствуется очень тенденциозный отбор фактического материала, цель которого нарисовать неприглядный образ героя (трус, карьерист, развратник, антисемит, лагерный осведомитель), но и в том, что почти с самого же начала возникает ощущение недоверия к автору, к приводимым им фактам и даваемым объяснениям.

Прежде всего книга пестрит многочисленными ошибками и даже нелепостями. Так, Т. Ржезач отправляет Н.Д. Виткевича вместе с А.И. Солженицыным в Экибастуз, хотя первый там никогда не был[2]. Там же, в Экибастузе, Т. Ржезач знакомит А.И. Солженицына с Н.И. Зубовым, между тем познакомились они только в Кок-Тереке[3]. Крамольную переписку между А.И. Солженицыным и Н.Д. Виткевичем он объясняет их стремлением попасть за решетку и таким образом спасти свою жизнь, хотя, как мы уже знаем, А.И. Солженицын и Н.Д. Виткевич находились далеко от передовой и за всё время войны ни разу не были даже ранены[4].

Когда книга появилась в печати, Л.З. Копелев направил в редакцию эмигрантского журнала «Посева» возмущённое письмо, в котором заявил, что не давал Т. Ржезачу никакого интервью[5].

В том же 1978 г. в ГДР вышел в свет двухтомный роман «Der Gaukler», что означает «Фокусник», «Площадной шут». Автором романа был уже упоминавшийся Генри Тюрк, а главным героем — А.И. Солженицын.

Характеризуя этот роман, Александр Исаевич пишет: «КГБ вовсе убрано… зато вся моя жизнь с 1964 г. и литературная судьба пронизаны направляющей рукой ЦРУ: именно оно решило сделать из новомировского автора международную звезду, внушило мне писать “Архипелаг” и дало план его… А когда я послушно стал писать — то агентша ЦРУ в Москве ещё редактирует и меняет мои рукописи перед тем, как отсылать их на Запад. Она же диктует мне, какие надо делать заявления для печати, — и я их охотно делаю. ЦРУ же советует мне произнести речь перед съездом писателей, а если не удастся — то написать письмо к съезду вот по таким тезисам» и т.д.[6]

Кто инициировал написание романа, мы не знаем. Вероятнее всего, за Генри Тюрком, как и за Томашем Ржезачем, тоже стоял КГБ. Вскоре после этого в 1979 г. в СССР увидела свет рассчитанная на массового читателя книга Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой известный американист тоже характеризовал

---

[1] Там же. С. 5–6.

[2] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко между двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 131.

[3] Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 120.

[4] Там же. С. 97.

[5] Копелев Л.З. Подлог // Посев. 1978. № 11. С. 6.

[6] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко между двух жерновов // Новый мир. 1999. № 4. С. 80–81.

А.И. Солженицына как агента западных, прежде всего американских спецслужб. Показательно, что при этом он демонстрировал незнакомство ни с воспоминаниями Н.А. Решетовской, ни с книгой Т. Ржезача, ни с публикацией Ф. Арнау[1].

В литературе можно встретить мнение, что после 1978 г. произошёл «отказ Солженицына и его сторонников от сотрудничества с правозащитным движением» в СССР[2]. С этим мнение трудно согласиться полностью, так как продолжавший действовать в Советском Союзе РОФ поддерживал самые разнообразные течения внутри диссидентского движения, в том числе и правозащитное.

Но нельзя не обратить внимание на то, что с середины 70-х годов Александр Исаевич отказывается сотрудничать с «Континентом», а затем вступает в конфронтацию с некоторыми эмигрантскими кружками, в частности с тем из них, который сложился вокруг редакции начавшего выходить в 1978 г. в Париже под редакцией А.Д. Синявского и его жены М.В. Розановой нового журнала «Синтаксис». Среди непримиримых оппонентов А.И. Солженицына оказался Е.Г. Эткинд, который был близок к «Синтаксису» и являлся заместителем главного редактора нью-йоркского журнала «Время и мы».

Это наводит на мысль, что донос и книга Т. Ржезача были запущены в обращение или для шантажа А.И. Солженицына, или с целью имитации борьбы с ним, или же для того, чтобы дискредитировать появившиеся слухи о его связях с КГБ и тем самым бросить тень подозрения на любые попытки разобраться в данном вопросе.

Весьма своеобразный характер имела и другая акция КГБ, связанная с дискредитацией А.И. Солженицына, — распространение версии о его связях с ЦРУ. За рубежом она была облечена в форму художественного произведения, вышедшего из-под пера члена ЦК СЕПГ Генри Тюрка и не получившего распространения ни у на Западе, ни у нас[3]. В нашей стране нашла отражение в книге Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР»[4]. Причём, несмотря на то, что она имела заказной характер, КГБ не предоставил автору никаких разоблачительных материалов. Поэтому почти всё внимание автора было сосредоточено не столько на связях А.И. Солженицына с ЦРУ, сколько на характеристике его личности.

Готовилось ещё несколько книг против А.И. Солженицына[5], но они почему-то так и не увидели свет[6].

Сказать, что КГБ ничего не делал в отношении А.И. Солженицына, было бы не совсем точно. Однако, характеризуя эту деятельность советской власти, Александр Исаевич констатирует: «Сколько ни били по мне, только цепи мои разбивали»[7].

---

[1] Яковлев Н.Н. КГБ против ЦРУ. М., 1983. С. 187–217.

[2] Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс – М.,1992. С. 243.

[3] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–81.

[4] Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. 3-е изд. М., 1983. С. 187–217.

[5] Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. 1993. 75. С. 219–221.

[6] Автором одной из таких книг под названием «Не сотвори кумира» стал Л.А. Самутин (Самутина Т.П. Мой муж написал эту книгу по заданию КГБ // Книжное обозрение. 1990. 19 октября). Частично эта книга была опубликована в 1990 г. (Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 19–27. № 10. С. 46–55. № 11. С. 67–77), полностью в 2002 г. (Самутин Л.А. Я был власовцем…СПб., 2002. С. 185–306).

[7] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 41.

Действительно, пишет В.Н. Войнович, «чем круче с ним боролись, тем больше он укреплялся, и мы, жители того времени, с удивлением наблюдали, как государство, которое ещё недавно потопило в крови Венгерскую революцию, раздавило танками Пражскую весну, в стычке у острова Даманский проучило китайцев, с ним, одним-единственным человеком, ничего не может сделать»[1].

Что хотел выразить этими словами автор: восхищение, удивление или сомнение? После того, что мы имели возможность увидеть, о восхищении не может быть и речи. Не представляется убедительным и удивление. Остаётся одно — сомнение. Сомнение в том, что государство не могло ничего поделать с писателем-бунтарем.

Это сомнение представляется совершенно обоснованным. Но в таком случае бездействие государства следует рассматривать не как свидетельство его неосведомлённости, не как показатель растерянности и слабости, не как проявление непрофессионализма, а как отражение особой политики.

Если правительство ничего не делало в отношении А.И. Солженицына, чтобы парализовать его деятельность в СССР, значит, так было нужно. А так могло быть нужным только в двух случаях: а) если КГБ был заинтересован в развитии диссидентского движения и А.И. Солженицыну отводилась роль его катализатора или же б) если КГБ, преследуя подобные, а может быть, и другие цели, вводил в это движение своего человека.

В первом случае Александр Исаевич мог быть слепым орудием хитрой игры советских спецслужб, во втором — бойцом невидимого фронта.

[1] Войнович В. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С. 42.

Глава 3

Три версии одного ареста

По следам одного «откровения»

Обвинения А.И. Солженицына в связях с советскими спецслужбами возникли давно. Сам Александр Исаевич и его поклонники попытались создать видимость, что в основе этих обвинений лежит его собственное признание о вербовке в осведомители на Калужской заставе[1]. Однако, утверждают они, проявив минутную слабость и дав агентурную подписку, А.И. Солженицын от сотрудничества с органами государственной безопасности уклонился и мог бы не вспоминать об этом. Поэтому его откровение на этот счёт следует рассматривать как высшее проявление нравственности[2]. Между тем после высылки писателя за границу оно было использовано КГБ для его дискредитации, причём КГБ стал раскручивать эту версию, не останавливаясь даже перед использованием фальшивок[3].

Однако это не совсем так.

А.И. Солженицын сам указывает, что впервые подобное обвинение в его адрес было высказано ещё в 1971 г. эмигрантским профессором-филологом Н.А. Ульяновым на страницах издающейся в Америке газеты «Новое русское слово»[4].

В данном случае Александр Исаевич имел в виду статью Н.А. Ульянова «Загадка Солженицына»[5], в которой утверждалось, что никакого Солженицына не существует, а его произведения «являются лишь блюдом, изготовленным на ведьмовской кухне КГБ, стремящегося проникнуть на Запад и ослабить антисоветские круги»[6].

---

[1] Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 октября.

[2] См., например: Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 316–317.

[3] Паламарчук П. Александр Солженицын. Путеводитель. М., 1991. С. 31.
Сверстюк Е. Солженицына атакуют клопы // Глобус. Часть вторая. 2003. 5–11 мая.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 23.

[5] Ульянов Н. Загадка Солженицына // Новое русское слово. 1971. 1 августа. На данную статью был опубликован ответ: Поспеловский Д. Загадка Н.И. Ульянова // Там же. 1971. 15 августа (Никольсон М. Солженицын на мифотворческом уровне // Вопросы литературы, 2003. № 2. С. 63)

[6] Там же.

«***Гипотеза, высказанная Ульяновым***, — пишет М. Никольсон, — ***была популярна в кругах российских и польских эмигрантов в начале 70-х, в какой-то момент даже Владимир Набоков почти что поверил в нее***»[1].

Объясняя распространение этой гипотезы, М. Никольсон отмечает: «Такие подозрения было бы легко отмести как параноидальный эмигрантский рефлекс, однако нет сомнения в том, что сочетание литературной плодовитости, непокорности и кажущейся безнаказанности, ставших основными чертами образа Солженицына в общественном сознании на протяжении лет, предшествующих его изгнанию, подорвало доверие некоторых наиболее умудрённых читателей среди эмигрантов»[2].

Отражением этих настроений было появление 12 октября 1973 г. на страницах журнала «National Review» фотоподделки, на которой А.И. Солженицын был изображён у гроба И.В. Сталина. В 1978 г. эту фотографию поместил журнал «Нива», после чего удалось доказать, что в основе этой публикации лежала фотография прощания с А.Т. Твардовским, вместо которого кто-то умело вмонтировал изображение лежащего в гробу Сталина[3].

Когда Александр Исаевич оказался за границей, подозрения относительно его связей с советскими спецслужбами усилились, и ***11 мая 1974 г.*** (обращаю ваше внимание на дату) издаваемая Общероссийским монархическим фронтом в Аргентине газета «Русское слово» писала: «И об Иване Солоневиче был пущен слух, что он посланный советский агент. Теперь между прочим такие же слухи ходят и про Солженицына»[4].

Тогда же появился памфлет Бориса Солоневича, утверждавшего, что А.И. Солженицын — агент КГБ и отправлен за границу с целью разложения российской эмиграции[5].

Только после этого летом 1974 г. вышел из печати второй том «Архипелага» (сообщение об этом появилось в печати 13 июня)[6] и его читатели узнали о вербовке автора книги на Калужской заставе[7].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что первоначально эпизод с вербовкой А.И. Солженицына в «Архипелаге» отсутствовал. Во всяком случае, так явствует из утверждения Л. Копелева[8]. Это же заявила в беседе со мной Н.А. Решетовская, которая читала второй вариант книги весной 1968 г. и даже участвовала в его перепечатке.[9]

Таким образом, обвинение А.И. Солженицына в связях с КГБ появилось не после, а до того, как он поделился откровениями на счёт его вербовки[10].

---

[1] Там же. С. 64.

[2] Там же. С. 63.

[3] Там же. С. 65–66.

[4] Цит. по: Флегон А. Вокруг Солженицына. С. 491.

[5] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 59.

[6] См., например: Русская мысль. Париж, 1974. 13 июня. С. 1.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. Paris, 1974. С. 563.

[8] Письмо Л.З. Копелева А.И. Солженицыну. 30 января – 5 февраля 1985 г. // Синтаксис. Париж, 2001. № 37. С. 89. http://imwerden.de/pdf/syntaxis_37_pismo_kopeleva_ solzhenicynu.pdf

[9] Запись беседы с Н.А. Решетовской. Москва // Архив автора.

[10] «Однако Солженицын, не боясь передать беспоследственный «ветровский» эпизод в мировую гласность, не скрыл его и от товарищей, а рассказал, как он утверждает (2006), о вербовке и соседу

Показательно и другое. Оказывается, упоминавшийся ранее «донос Ветрова», появившийся в печати в 1976 г., был получен Ф. Арнау во время его пребывания в Москве 10–14 сентября 1974 г.[1] Это означает, что он был изготовлен КГБ если не к выходу второго тома «Архипелага», то по крайней мере сразу после него и должен был нейтрализовать те слухи о связях А.И. Солженицына с КГБ, которые невольно поползли после его откровений.

Когда в 1977 г. миланское издательство опубликовало книгу Т. Ржезача, содержавшую обвинение А.И. Солженицына в осведомительстве, а в 1978 г. гамбургский журнал «Нойе политик» обнародовал написанный солженицынским почерком донос, писатель был поставлен перед выбором: ***или подать в суд за клевету, или же промолчать и тем самым признать справедливость выдвинутых обвинений***.

Первый путь Александр Исаевич категорически отверг. «В суд — заявил он, — не подам, могу их успокоить. ***Правоту нет нужды взвешивать с нечистью на юридических весах***. Да и кто же судится с советским драконом? Да и он нас в лагеря посылал без суда»[2].

Да, с «советским драконом» судиться было невозможно. Но что мешало писателю возбудить обвинение в клевете против миланского издательства или гамбургского журнала? Если он не доверял обычному суду, почему нельзя было обратиться к мировой общественности и потребовать создания общественного суда? Не над собой. Над Т. Ржезачем, над Ф. Арнау, над издательством «Прогресс», над КГБ. Нерешительность писателя тем более удивительна, что опровергнуть аргументы Т. Ржезача не представляло никакого труда, а опубликованный донос — явная фальшивка.

Позиция, которую в 1978 г. занял А.И. Солженицын, тем более вызывает недоумение, что, заявив о своем принципиальном нежелании «***взвешивать***» правоту вместе с нечистью на «***на юридических весах***», он буквально через несколько лет подал в суд на А. Флегона[3], который в своей книге «Вокруг Солженицына» тоже привёл целый ряд нелицеприятных для лауреата Нобелевской премии, но гораздо более безобидных фактов[4].

Следовательно, отказываясь в 1978 г. судиться с Т. Ржезачем, Александр Исаевич руководствовался не отрицательным отношением к взвешиванию нечисти и правоты на юридических весах, а чем-то другим. Что же тогда могло удержать его от обращения в суд? Только одно — опасение, что во время разбирательства могут появиться более серьёзные аргументы в пользу выдвинутых обвинений, а также всплывут другие факты из его биографии, которые он скрывал и которые не делают ему чести. Но прежде всего он, видимо, опасался, что суд (обычный или общественный) обязан будет рассмотреть все обстоятельства, связанные с его первым арестом и историю с его вербовкой на Калужской заставе в 1945 г.

по Бутыркам Семёнову, и Копелеву с Паниным на шарашке в Марфино» (Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 378–379).

[1] Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 73.

[2] Солженицын А.И. Сквозь чад. Paris, 1979. С. 13.

[3] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Ч. 3 (1982–1987) // Новый мир. 2001. № 4. С. 81–86.

[4] Флегон А. Вокруг Солженицына. Т. 1–2. L., 1981.

И здесь прежде всего возникает вопрос: можно ли рассматривать его рассказ о вербовке как исповедь, как откровение человека, который проявил минутную слабость и потом всю жизнь мучился по этому поводу? Нет. Потому что в рассказанной им истории не хватает самого главного для откровения — искренности.

Прежде всего поражает своей неправдоподобностью описание самого процесса вербовки. У меня нет на этот счёт собственного опыта, но мне известны два факта вербовки. В одном случае человека вербовали в годы войны в армии для борьбы с немецко-фашистскими диверсантами, в другом уже в 1980-е гг. на имя вербуемого сначала была послана из-за границы посылка с энтеэсовской литературой, а затем, когда её перехватили, автору было предложено или доказать, что это ошибка, или же помочь установить, кому (если не ему) она в действительности предназначалась. И в одном, и в другом случае отказаться от сотрудничества было невозможно.

В связи с этим следует отметить, что вербовка осведомителей и агентуры велась на основании «Приказа НКВД СССР № 00149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» от 07.02.1940[1], в котором говорилось: «Всю представляющую оперативный интерес агентуру и осведомление работникам оперативно-чекистских отделов (отделений) иметь на личной связи. Использование остального осведомления производить через резидентскую сеть»[2].

Если верить А.И. Солженицыну, его резидентом или куратором стал «надзиратель Сенин»[3]. Сообщая об этом, Александр Исаевич сделал следующее весьма любопытное примечание: «Это очевидно была не настоящая его фамилия, он не русский был, а ***псевдоним*** для лагеря… Сенин был ни много ни мало — студент! — студент 4-го курса, вот только не помню какого факультета. Он, видно, очень ***стыдился эмведистской формы***, боялся, чтобы сокурсники не увидели его в голубых погонах в городе, и потому, приезжая на дежурство, надевал форму на вахте, а уезжая — снимал»[4].

В том факте, что «надзиратель Сенин» переодевался на работе, нет ничего необычного. Но кто поверит, что он, «надзиратель лагеря», жил и учился под одной фамилией, настоящей, а нёс службу в лагере под другой — вымышленной, и только потому, что стеснялся своей профессии. Если принять это свидетельство на веру, получается, что «стыдившийся эмведистской формы» «надзиратель» имел не только две фамилии, но и два паспорта, сочинённую автобиографию, фальшивый листок по учёту кадров. А в лагере в сталинские времена сидели такие беззаботные кадровики, которые не считали нужным даже проверить это.

На кого рассчитаны подобные небылицы?

В упоминавшемся приказе НКВД 1940 г. говорилось: «В качестве резидентов использовать только ***проверенных работников*** вольнонаёмного состава лагеря-колонии… *Все без исключения резиденты должны утверждаться Наркомом вну-*

---

[1] Приказ НКВД СССР № 00149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» от 07.02.1940 // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 494–497.

[2] Там же.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. М., 1991. С. 231.

[4] Там же. С. 227.

тренних дел союзной, автономной республики, начальником УНКВД края-области, на территории которых расположен лагерь»[1].

Не только сомнительным, но и невероятным представляется также утверждение А.И. Солженицына, будто бы он согласился давать информацию только о подготовке побегов. Неужели у осведомителей существовала специализация: одни давали сведения по побегам, другие — по антисоветским разговорам, третьи — по вредительству и саботажу, четвёртые — по террору, пятые — по шпионажу и так далее по всем статьям уголовного кодекса? Это, конечно, абсурд. Поэтому если бы Александр Исаевич изъявил готовность сотрудничать, то он должен был давать информацию по всем вопросам, которые интересовали лагерного кума[2].

А дальше А.И. Солженицына неожиданно выдернули из лагеря на Калужской заставе и отправили в «шарашку». Александр Исаевич пытался уверить своих читателей, что от сотрудничества с «лагерным кумом» он уклонился, а на шарашку его выдернул 4-й спецотдел МГБ. Просто так, даже не собрав о нём никаких сведений и не запросив лагерную оперчасть на Калужской заставе. Но это сказки только для наивных и легковерных.

Понимая это, А.И. Солженицын заявлял: «В пределах ГУЛАГа может и так, только из лагерька на Калужской заставе меня перемещали не внутригулаговским “спецнарядом”, меня “распоряжением министра внутренних дел” выдернули вне системы ГУЛАГа — *в Отдел Спецтехники МВД*, куда собирали специалистов из лагерей[3], — и поражённое начальство уже через два часа отправило меня прочь из лагерной зоны — в Бутырки»[4].

Приводя это свидетельство своего героя, Л.И. Сараскина упускает из вида, что независимо от того, кому подчинялись «шарашки», это были засекреченные научные объекты, поэтому перевод заключённого сюда предполагал выяснение всех необходимых сведений о нём, а такие сведения невозможно было получить без лагерной оперчасти.

Поэтому история с вербовкой А.И. Солженицын, рассказанная им самим, вызывает большие сомнения. Предвижу вопрос: но зачем ему понадобилось возводить на себя напраслину?

Напомню, что в юридической практике хорошо известны такие преступления как «самострел» и «самооговор». К самострелу некоторые военные прибегали в годы войны. Нанося себе увечья, они таким образом пытались избежать участия в военных действиях и тем самым спасти себе жизнь. К самооговору прибегают некоторые преступники до сих пор. Беря на себя ответственность за небольшие преступления, не имеющие к ним отношения, они тем самым пытаются избежать наказания за другие, более крупные преступления, совершённые ими.

---

[1] Приказ НКВД СССР № 00149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» от 07.02.1940 // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 494–497.

[2] Стремясь подчеркнуть распространенность подобного явления, А.И. Солженицын в брошюре «Сквозь чад» утверждает, что из «множества вербовок», «может быть», «две трети остаются потом без движения». Было интересно узнать, откуда у него такая статистика? (Солженицын А.И. Сквозь чад. Paris, 1979. С. 8).

[3] «Четвёртый Спецотдел МВД занимался разработкой научных проблем силами заключённых» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 418).

[4] Цит. по: Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 377–378.

Поэтому или история с вербовкой — это фантазия и тогда требует выяснения вопрос — для чего она понадобилась, — или же вынужденный по каким-то причинам пойти на откровение, Александр Исаевич попытался придать истории с вербовкой несерьёзный характер и тем самым нейтрализовать возможные подозрения относительно его сотрудничества с советскими спецслужбами.

Откровения А.И. Солженицына уязвимы и в другом отношении. Если принять его версию и допустить, что он был завербован в осведомители только «по побегам» и из-за отсутствия таковых за время пребывания в лагере никакой информации своему куратору не давал, то невольно возникает вопрос: как в таком случае развивались бы события дальше?

Л. Сараскина допускает, что «в условиях шарашки (из ведомства МГБ – МВД СССР) опера́ (из ведомства УИТЛАГ по Московской области) потеряли его из виду»[1]. Во-первых, «опера́» и в ГУЛАГе, и в системе 4-го спецотдела подчинялись одному и тому же ведомству — МГБ; во-вторых, факт сотрудничества заключённого должен был отражаться в личном деле заключённого, которое вместе с ним путешествовало из одного места заключения в другое[2].

Поэтому едва А.И. Солженицын переступил порог рыбинской шарашки и рыбинский кум навёл о нём справки, ему сразу же должна была стать известна история с вербовкой. А поскольку Александр Исаевич не был исключён из числа осведомителей, то в Рыбинске ***неизбежен*** был разговор на тему о продолжении сотрудничества. Почему же тогда решивший исповедоваться Александр Исаевич ничего не писал об этом?

Допустим, что ни в Рыбинске, ни в Загорске подобный разговор не состоялся, поскольку там А.И. Солженицын был недолго. Тогда он должен был состояться в Марфинской шарашке, в которой Александр Исаевич пробыл три года. К тому же, по свидетельству Л.З. Копелева, сменивший здесь майора Шевченко «подполковник Мишин» «пытался вербовать каждого, кто входил в его кабинет за письмом или с заявлением “на свидание”»[3]. А поскольку Александр Исаевич с заявлением «на свидание» появлялся в его кабинете не один раз, Мишин должен был вербовать и его. Между тем, несмотря на бедность материала на эту тему, несмотря на готовность поделиться собственным опытом, ни о новой вербовке, ни о попытке возобновить его сотрудничество в Марфинской шарашке Александр Исаевич тоже не упоминал.

Предположим, что в шарашках был избыток осведомителей. Но тогда о нём обязательно вспомнили бы в Экибастузе. Но и здесь, оказывается, на него не обратили внимания. И только весной 1956 г., когда А.И. Солженицын уже был в ссыл-

---

[1] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 317.

[2] Когда я спросил одного работника МВД, почему личные дела некоторых заключённых до сих пор не выдают исследователям, он сказал, что это зависит от того, сотрудничал этот заключённый с оперчастью или же нет. И если личные дела не выдаются, это одно из свидетельств, что заключённый сотрудничал с оперчастью. Не в этом ли причина того, что личное дело заключённого А.И. Солженицына до сих пор не только не опубликовано, но и не открыто для исследователей? Не в этом ли причина того, что до сих пор не открыты и не опубликованы ни следственное дело А.И. Солженицына, ни дело о его реабилитации? Не с этим ли связано то, что в советское время были изъяты из архивов и другие документы о его жизни после возвращения из ссылки?

[3] Копелев Л.З. Утоли мои печали. М., 1991. С. 51–52.

ке, в Кок-Тереке попытку завербовать его сделало Управление КГБ по Джамбульской области[1].

В этой истории тоже много странного. Но главное, чего не принял во внимание Александр Исаевич — прежде чем отправиться на встречу с ним в Кок-Терек, джамбульский сотрудник КГБ должен был навести справки о своём собеседнике. И тогда бы выяснилось, что тот ещё одиннадцать лет назад изъявил готовность сотрудничать и до сих пор в этом отношении оставался неиспользованным. И вот тут Александр Исаевич допустил прокол: ***его не могли вербовать*** в Кок-Тереке. Речь могла идти ***о возобновлении сотрудничества***.

Значит, и здесь мы имеем дело или с фантазией, или с неискренностью. Но что могло заставить А.И. Солженицына ввести в свою книгу этот эпизод? С одной стороны, возможно, объяснение нужно искать в том, что освобождение заключённого или ссыльного — очень удобный момент для его вербовки и, по всей видимости, накануне освобождения пытались вербовать многих. С другой стороны, этот эпизод должен подчеркнуть, что на протяжении всего пребывания за колючей проволокой и в ссылке Александр Исаевич не имел никакого отношения к осведомительству.

Поведав нам историю о его вербовке на Калужской заставе, Александр Исаевич явно недооценил значения своего рассказа. Данная им тогда расписка как каинова печать должна была сопровождать его до конца жизни.

В «Приказе НКВД СССР № 00149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» от 07.02.1940 г. говорилось, что на оперативные части лагерей возлагается «вербовка агентуры и осведомления среди заключённых преступников с ***расчётом на их дальнейшее использование по отбытии срока наказания***»[2].

И если чисто теоретически можно допустить, что во время его проживания в Мильцево и первоначально в Рязани КГБ не обращал на него внимания (мало ли учителей в стране), то после того, как «Один день Ивана Денисовича» принёс ему славу и его автор стал вхож в самые элитарные круги московской интеллигенции, трудно представить, чтобы органы госбезопасности не сделал даже попытки вернуть своего бывшего секретного агента «Ветрова» к сотрудничеству. Однако ничего подобного на эту тему Александр Исаевич не сообщал.

И уж совершенно невероятно, чтобы, располагая таким козырем как расписка о сотрудничестве, КГБ не использовал его, когда А.И. Солженицын стал переходить в открытую оппозицию к советской власти, когда появились сведения о его работе над «Архипелагом», когда он стал публиковаться за границей и превращаться в кумира диссидентского движения. Не дурацкими звонками, не глупыми письмами, не требованием денег, а всего-навсего одной его подпиской о сотрудничестве можно было и парализовать его деятельность, и лишить его большинства поклонников, и нейтрализовать его зарубежных покровителей.

Между тем, если верить Александру Исаевичу, имея на руках подобный документ, органы госбезопасности не пытались использовать его ни в шарашке, ни в ла-

[1] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 231–233.

[2] Приказ НКВД СССР № 00149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» от 07.02.1940 // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 494–497.

гере, ни в ссылке, ни в период его учительства, ни в период его фавора, ни в период опалы, ни тогда, когда он вступил в борьбу с советской системой.

Напрашиваются два возможных объяснения: а) на протяжении всего послевоенного периода, по крайней мере до 1974–1978 гг. А.И. Солженицын исправно сотрудничал с органами госбезопасности; б) вся история с вербовкой — это дымовая завеса, цель которой заключалась в том, чтобы скрыть более ранний и, видимо, более серьёзный факт сотрудничества с органами госбезопасности, а если на этот счёт появятся разоблачения, списать их на якобы имевшую место лагерную вербовку, которая не имела практических последствий.

В связи с этим особого внимания заслуживает первый арест А.И. Солженицына и всё то, что последовало за ним.

«Ни на что непохожий арест»

Как установлено, публикации о А.И. Солженицыне появились в печати ещё до того, как на страницах журнала «Новый мир» увидела свет его повесть «Один день Ивана Денисовича»[1]. В первой биографической справке о нём, напечатанной «Советской Россией» 28 ноября 1962 г., не только упоминался его арест, но и говорилось: был арестован «*по необоснованному политическому обвинению*»[2]. Эта формулировка нашла отражение в небольшом редакционном представлении читателям автора повести «Один день Ивана Денисовича» в «Роман-газете», которая перепечатала повесть в начале 1963 г.[3]

Но что скрывалось за словами «необоснованное политическое обвинение», можно было только предполагать. Ясность в этот вопрос внёс сам А.И. Солженицын. 25 января 1963 г. на страницах еженедельника «Литературная Россия» журналист Виктор Буханов опубликовал его интервью, в котором писатель, говоря о своём аресте, уточнил, что был жертвой *«злого навета», т.е. клеветы*[4].

В том же году повесть «Один день Ивана Денисовича» вышла в виде книги, в предисловии к которой было сказано ещё более определённо: «Арестован по ложному доносу»[5].

Получатся, что кто-то из недругов А.И. Солженицына написал на него «ложный донос», следствие не разобралось в существе дела, в результате фронтовой офицер восемь лет провёл за колючей проволокой и ещё три года в ссылке.

Однако эта версия просуществовала недолго.

В марте 1967 г. Александр Исаевич дал новое интервью, на этот раз словацкому журналисту Павлу Личко. Интервью, предназначенное уже не для отечествен-

---

[1] Островский А.В. Солженицын А.В. Прощание с мифом. С. 135–137.

[2] Косолапов П. Новое имя в нашей литературе // Советская Россия. 1962. 28 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 43.

[3] Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Роман-газета. № 1(277). М., 1963. С. I.

[4] Буханов В. У Солженицына в Рязани // Там же. С. 48.

[5] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 104.

ного читателя. В нём он заявил, что причиной ареста явилась его переписка военных лет с другом детства: «Я был арестован из-за своих наивных детских идей. Я знал, что в письмах с фронта запрещено писать о военных делах, но я думал, что можно было реагировать на другие события. В течение длительного времени я посылал другу письма, ***ясно критикующие Сталина***»[1].

Вот вам и навет. Вот и клевета.

В 1970 г. А.И. Солженицын стал лауреатом Нобелевской премии. В 1971 г. на страницах «Ежегодника Нобелевского фонда» появилась его автобиография, в которой говорилось: «Арестован я был на основании цензурных извлечений из моей переписки со школьным другом в 1944–1945 гг., главным образом за ***непочтительные высказывания*** о Сталине… Дополнительным материалом "обвинения" послужили найденные у меня в полевой сумке ***наброски рассказов и рассуждений***»[2].

В 1967 г. А.И. Солженицын направил письмо в Секретариат Союза писателей СССР, в котором с возмущением писал: «Лекторы МГК распространяют новые лживые версии о том, будто я "сколачивал в армии" то ли "пораженческую", то ли "террористическую" организацию. Непонятно, почему не увидела этого в деле Военная коллегия Верховного Суда»[3].

«В феврале 1945 г. СОЛЖЕНИЦЫН был арестован и позднее осужден особым совещанием НКВД СССР по ст. ст. 58-10, ч.II и 58-11 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. По оперативным данным, он допускал антисоветские выпады и клеветнические измышления в адрес СТАЛИНА. На следствии он сначала отрицал предъявленные ему обвинения, а затем признал себя виновным в проведении антисоветской агитации и попытке создать антисоветскую группу»[4]

А в 1970 г. за границей в издательстве «Посев» появилось первое, шеститомное собрание сочинений писателя, в котором было опубликовано Определение Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации писателя, в котором говорилось, что его обвиняли не только в распространении антисоветских взглядов, но и намерении создать антисоветскую организацию[5].

27 марта 1972 г. КГБ информировал ЦК: «В период Отечественной войны, не имея нужной среды в армии, излагал свои взгляды в письмах, дневниках, составлял программу переустройства социалистического общества. При первой возможности попытался сколотить антисоветскую организацию за что и был осуждён в 1945 г… (В 1956 г. реабилитирован)»[6].

Прошло ещё два года, и 2 февраля 1974 г. А.И. Солженицын выступил с «Заявлением прессе», в котором, полемизируя со своим бывшим другом Н.Д. Виткеви-

[1] One Day with Solzhenitsiyn. An Interview by Pavel Licko // Solzhenitsiyn. A Documentary Record. Edited and with an Introduction by Leopold Labedz. Baltimore, 1972. P. 34.

[2] Солженицын А.И. Автобиография // Левитская Н.Г. Александр Солженицын: Библиографический указатель. Август 1988–1990. М., 1991. С. 10.

[3] Солженицын А.И. В Секретариат Союза писателей СССР. 1 декабря 1967 г. // Кремлёвский самосуд. С. 70.

[4] Информация КГБ при СМ СССР — ЦК КПСС. 5 июля 1967 г. // Кремлёвский самосуд. С. 50.

[5] Солженицын А.И. Собрание сочинений. Франкфурт-на-Майне, 1970. Т. 6. С. 151–153.

[6] Записка КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР — ЦК КПСС. 27 марта 1972 г. // Кремлёвский самосуд. С. 198.

чем, заявил: «Отлично знает он, что от моих показаний не пострадал никто, а ***наше с ним дело*** было решено независимо от следствия и ещё до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась ***целый год***) с ***бранью*** по адресу Сталина, и потом — из "***Резолюции № 1***", изъятой из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и ***осуждавшей наш государственный строй***» [1].

В 1978 г. А.И. Солженицын пояснял: «***Это был документ, зарождающий новую партию***. А к тому прилегали и ***фразы переписки*** — как после победы мы будем вести "***войну после войны***"»[2].

Таким образом, за двенадцать лет из-под пера Александра Исаевича вышли три совершенно разные версии его первого ареста. Факт уже сам по себе примечательный, особенно для человека, призывающего жить не по лжи.

Но дело не в том, чтобы в очередной раз уличить А.И. Солженицына в неправде. Этот арест во многом предопределил всю его будущую жизнь. Поэтому для правильного её понимания необходимо знать, что же произошло с ним в 1945 г. на самом деле?

Поразительно, после крушения советской системы прошло уже почти четверти века. Александр Исаевич был обласкан и усыпан почестями новой властью. Однако ни оперативные материалы, связанные с контролем над его военной перепиской, ни его следственное дело, ни личное дело заключённого, ни дело Военное коллегии Верховного суда о его реабилитации до сих пор не опубликованы. Более того, все они остаются для исследователей недоступны. Только два человека получили возможность познакомиться с ними и частично предать их огласке.

Первым такую возможность получил бывший заместитель главного военного прокурора СССР генерал-лейтенант юстиции в отставке Борис Алексеевич Викторов, который сначала поделился предоставленными ему материалами с военным журналистом полковником А. Ключенковым, опубликовавшим их в февральском номере журнала «Советский воин» за 1990 г.[3], а затем в том же году обнародовал их в книге «Без грифа секретно»[4].

Затем такую же возможность получил журналист Кирилл Анатольевич Столяров. Предоставленный ему материал о А.И. Солженицыне он обнародовал в 1997 г. в книге «Палачи и жертвы»[5], а в 2000 г. перепечатал в книге «Игры в правосудие»[6].

Так в печати появилось постановление, на основании которого, по утверждению названных авторов, был произведён арест А.И. Солженицына.

Знакомство с этими публикациями обнаруживает между ними целый ряд расхождений, причём не только стилистического характера. Это наводит на мысль, что

---

[1] Солженицын А.И. Заявление прессе. 2 февраля 1974 г. // Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 68.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

[3] Ключенков А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С. 4–5, 22–23, 82–83.

[4] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М., 1990. С. 301–308.

[5] Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 333–345.

[6] Столяров К.А. Игры в правосудие. М., 2000. С. 297–320.

в распоряжении А.А. Ключенкова был не сам документ, а его изложение. В связи с этим обратимся к тому тексту, который был опубликован К.А. Столяровым, по его словам, «без существенных сокращений»:

«Гор. Москва, 30 января 1945 года.

Я, ст. оперуполномоченный 4 отдела 2 управления НКГБ СССР[1], капитан Госбезопасности ЛИБИН, рассмотрев поступившие в НКГБ СССР материалы о преступной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, урож. гор. Кисловодска, русского, беспартийного, с высшим педагогическим образованием, находящегося в настоящее время в Красной Армии в звании капитана,

НАШЁЛ

Имеющимися в НКГБ СССР материалами установлено, что СОЛЖЕНИЦЫН ***создал антисоветскую молодёжную группу и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации***.

В переписке со своими единомышленниками СОЛЖЕНИЦЫН критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций, постоянно повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителя партии тов. СТАЛИНА.

Так, в одном из писем к своему единомышленнику ВИТКЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫН 30 мая 1944 года писал:

"…Тщательно и глубоко сопоставив цитаты, продумав и покурив, выяснил, что (Сталин) понятия не имеет о лозунгах по крестьянскому вопросу и (нецензурно) мозги себе и другим. В октябре 17 года мы опирались на всё кр-во, а он утверждает, что на беднейшее…".

В письме к ВИТКЕВИЧУ от 15/VIII – 44 г. СОЛЖЕНИЦЫН указывает:

"…3) В отношении теоретической ценности (СТАЛИНА) — ты абсолютно прав. Больше того, (он) очень часто грубо ***ошибается*** в теории и я наглядно мог бы продемонстрировать тебе это при встрече на примере трёх лозунгов по крестьянскому вопросу (одному из кардинальнейших вопросов Октябрьской р-ции)".

В письме к своей жене РЕШЕТОВСКОЙ в ответ на её сообщение о результатах экзаменов, которые она сдавала в аспирантуру, СОЛЖЕНИЦЫН 14/X – 44 г. писал:

"….А что ты не ответила на вопрос о ***трёх*** сторонах диктатуры пролетариата, не унывай, ибо это уже не ленинизм, а позже — понимаешь? И ничего общего с серьёзной теорией не имеет. Просто кое-кто, не понимая всей глубины бесконечности, любит примитивно считать на пальцах".

По этому же поводу СОЛЖЕНИЦЫН пишет ВИТКЕВИЧУ:

"…Я указал ей (жене), что всякие учения о ***трёх*** сторонах, ***пяти*** особенностях, ***шести*** условиях никогда даже не лежали рядом с ленинизмом, а выражают чью-то манеру считать по пальцам".

В письме тому же адресату СОЛЖЕНИЦЫН 15 августа 1944 года указывал о необходимости после войны обосноваться в Ленинграде, мотивируя это следующим:

[1] С 14 апреля 1943 г. по 4 мая 1946 г. Второе управление Народного комиссариата государственной безопасности возглавляло контрразведку (Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Составители А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М., 1997. С. 125).

"…Москва тоже не нужна, а нужен Ленинград, не свободный город торгашей, а пролетарский и интеллигентный умный город… К тому же по традициям (подумай!) чужд (СТАЛИНУ)".

Будучи на фронте, СОЛЖЕНИЦЫН в письмах советует *единомышленникам* ***избегать боёв***, беречь "силы" для активной борьбы после войны.

В письме ВИТКЕВИЧУ от 25 декабря 1944 года он пишет:

"…Письмо и злоба твоя отозвались во мне очень громко… Я всегда *стараюсь избегать боя* — главным образом потому, что надо ***беречь силы***, не растрачивать резервов — и не тебя мне пропагандировать в этом…".

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 146 и 157 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

"СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича ***подвергнуть обыску и аресту*** с этапированием в Москву для ведения следствия…"»[1].

Постановление было подписано начальником 4-го отдела Второго управления НКГБ СССР подполковником А.Я. Свердловым и заместителем наркома госбезопасности Б.З. Кобуловым. 31 января его утвердил заместитель Генерального прокурора СССР, главный военный прокурор А.П. Вавилов[2].

Как писал К.А. Столяров, из прокуратуры постановление было передано в Главное управление контрразведки (СМЕРШ) Народного комиссариата обороны СССР, которое тогда возглавлял В.С. Абакумов. Отсюда 2 февраля 1945 г. за подписью генерал-лейтенанта Бабича в контрразведку «Смерш» Второго Белорусского фронта ушла секретная телеграмма № 4146 о необходимости ареста А.И. Солженицына[3].

По свидетельству А.И. Солженицына, его арестовали 9 февраля 1945 г. на командном пункте 68-й Севско-Режицкой бригады, который располагался в Восточной Пруссии на побережье Балтийского моря в небольшом городке *Вормдитт*[4]. Вормдитт — это современный польский городок Орнета Варминско-Мазурского воеводства (менее 10 тыс. жителей), километров 40–50 южнее границы с Калининградской областью.

«Комбриг, — читаем мы в «Архипелаге ГУЛАГ», — вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряжённой неподвижной в углу офицерской свиты ***выбежали*** двое контрразведчиков, в несколько ***прыжков*** (видимо, до этого служили в балете или в ансамбле песни и пляски. — *А.О.*) пересекли комнату и, четырьмя руками ***одновременно*** (значит, долго тренировались — *А.О.*) хватаясь за звёздочку на шапке (зачем? — *А.О.*), за погоны (обратите внимание — за погоны, а не за погон. — *А.О.*), за ремень, за полевую сумку, ***драматически закричали*** (в два голоса — *А.О.*): "Вы арестованы!"»[5].

---

[1] Там же. С. 333–335.

[2] Там же. С. 335.

[3] Там же. С. 340.

[4] Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y – L. 1984. P. 142; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 137.

[5] Там же. С. 23.

Попробуйте, если у вас есть хотя бы небольшое воображение, представить эту картину, не забывая при этом, что двое обыкновенных контрразведчиков имели только четыре руки. Читать без улыбки приведённые строки нельзя. Не нужно большого ума, чтобы понять: нарисованная А.И. Солженицыным картина — плод фантазии, причём очень примитивной. Но тогда следует признать: или никакого ареста не было, или же его обстоятельства были такими, что Александр Исаевич предпочёл их скрыть.

Далее, по А.И. Солженицыну, контрразведчики («капитан и майор») «выпотрошили» его полевую сумку, сорвали погоны, сняли с шапки звёздочку, забрали ремень, после чего вытолкали арестованного во двор, посадили в чёрную эмку и повезли в контрразведку штаба армии, которая находилась в прусском городке *Остероде*[1].

Остероде — современный польский город Оструда в Варимнско-Мазурском воеводстве (более 30 тыс. жителей), который находится примерно 50–60 км. южнее городка Орнета (ранее — Вормдитт).

И здесь не всё сходится. Неужели, «выпотрошив» полевую сумку, смершевцы забыли вывернуть карманы шинели, гимнастерки и брюк. Ведь там, кроме всего прочего, могло находиться и оружие. Понятно, почему контрразведчики забрали ремень, но ведь в момент ареста на А.И. Солженицыне их было два: один поверх шинели, второй — поверх гимнастерки.

«В ту ночь, — пишет Александр Исаевич, — смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались), и с любезностями вручили её мне и просили говорить шоферу, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привёз в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер»[2].

С одной стороны, подобная ситуация была вполне возможна, так как в это время Советская Армия находилась на чужой территории, куда вступила всего за несколько дней до этого. Однако на карте могли быть обозначены только населённые пункты (например: *Вормдитт* и *Остероде*). Между тем получается, что в отличие от смершевцев командир батареи звуковой разведки А.И. Солженицын знал не только, как добраться из Вормдитта до Остероде, но и где в Остероде размещалась только-только прибывшая туда контрразведка армии.

Вопрос о контактах А.И. Солженицына с органами госбезопасности до войны остаётся пока в сфере предположений. Но его контакты с военной контрразведкой не вызывают сомнений. Очевидно, что без её ведома Н.А. Решетовская никак не могла получить в 1944 г. фальшивые документы, беспрепятственно добраться до линии фронта и провести на батарее мужа целый месяц[3].

Поскольку от Вормдитта до Остероде 50–60 км, на автомашине этот путь можно было проделать за час–полтора. Однако в свой первый карцер А.И. Солженицын попал только за полночь. «Я, — вспоминал он, — как раз был четвёртым, втолкнут уже после полуночи» в карцер армейской контрразведки[4].

---

[1] Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P. 145.

[2] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 24.

[3] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 38–39.

[4] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 24.

На следующий день ***утром*** арестованных построили во дворе. «Когда меня из карцера вывели строиться, — пишет Александр Исаевич, — арестантов уже стояло семеро, три с половиной пары, спинами ко мне. Шестеро из них были в истёртых, все видавших русских солдатских шинелях… Седьмой же арестант был гражданский немец… Меня поставили в четвёртую пару, и сержант татарин, начальник конвоя, кивнул мне взять мой ***опечатанный***, в стороне стоящий ***чемодан***. В этом чемодане были мои офицерские вещи и ***всё письменное, взятое при мне*** — для моего осуждения»[1].

Как же в одном и том же чемодане могли одновременно оказаться офицерские подштанники и криминальные рукописи? И виданное ли дело, чтобы улики против себя транспортировал сам арестант? Тем более что их было не так много, чтобы поместиться в полевой сумке одного из контрразведчиков.

Но главное в другом: откуда к утру 10 февраля в армейской контрразведке у А.И. Солженицына появился чемодан? Неужели комбат всякий раз отправлялся с ним на командный пункт? Но тогда почему он не был упомянут в описании ареста? А если Александр Исаевич прибыл по вызову командира без чемодана, откуда он взялся в контрразведке армии к утру следующего дня?

Как мы уже знаем, в постановлении НКГБ об аресте А.И. Солженицына говорилось: «подвергнуть ***обыску и аресту***». Но обыскать означало не только вывернуть карманы и выпотрошить полевую сумку, но и произвести тщательный осмотр всех солженицынских вещей. Следовательно, с командного пункта смершевцы должны были направиться к месту размещения солженицынской батареи, где, по свидетельству А.И. Солженицына, у него «были и запрещённая литература, и трофейный приёмник»[2].

В «Архипелаге» этот факт не нашёл отражения, зато он описан в поэме «Дороженька», из которой явствует — чемодан А.И. Солженицына передал смершевцам один из его подчинённых — «Илья»[3].

Как поведал Александр Исаевич Л.И. Сараскиной, после его задержания на командном пункте один из контрразведчиков позвонил «на звукобатарею, приказав собрать» его «личные вещи». «Чемодан с личными вещами по команде с КП собирал ничего не подозревавший ординарец Захаров и благодаря догадливому сержанту Соломину ничего из тех трофеев контрразведка не получила»[4]. После этого А.И. Солженицына привезли на батарею и И. Соломин передал ему чемодан[5]

Это вполне соответствует воспоминаниям сержанта Ильи Соломина. По его свидетельству, однажды к батарее звуковой разведки подъехала чёрная «эмка», из которой вышли два офицера-контрразведчика и, забрав с собой Александра Исаевича, уехали. Через некоторое время офицеры вернулись и потребовали вещи А.И. Солженицына. Уложив их в чемодан, И.И. Соломин передал его контрразведчикам. При этом у И.И. Соломина не возникло даже подозрения, что его команди-

[1] Там же. С. 122.

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 271.

[3] Солженицын А.И. Протеревши глаза. М., 1999. С. 153.

[4] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 271.

[5] Там же. С. 272.

ра арестовали. Произошедшее он оценил как отъезд А.И. Солженицына для выполнения какого-то задания[1].

Из «Архипелага» мы знаем, как во время обысков срывали обои, разбивали сосуды, взламывали полы[2]. Почему же, если А.И. Солженицын действительно был арестован, офицеры-смершевцы вопреки поступившему из Москвы приказу не стали производить обыск на его батарее и доверили сбор его личных вещей ординарцу? Неудивительно поэтому, что у И.И. Соломина остались и письма, которые получал А.И. Солженицын, и его рукописи. Всё это он затем после демобилизации передал Н.А. Решетовской.

«***На другой день после ареста***, — пишет Александр Исаевич, — началась моя пешая Владимирка: из армейской контрразведки во фронтовую отправлялся этапом очередной улов. От Остероде до Бродниц гнали нас ***пешком***»[3].

Когда арестованные были построены, «сержант татарин» приказал Александру Исаевичу взять свой чемодан. Как же реагировал на это арестованный комбат? «Я — офицер. Пусть несёт немец»[4]. И «сержант татарин» приказал «немцу» нести чемодан А.И. Солженицына. «Немец, — вспоминал Александр Исаевич, — вскоре устал. Он перекладывал чемодан из руки в руку, брался за сердце, делал знаки конвою, что нести не может. И тогда сосед его в паре, военнопленный, Бог знает, что отведавший только что в немецком плену (а может быть, и милосердие тоже), — по своей воле взял чемодан и понёс. И несли потом другие военнопленные, тоже безо всякого приказания конвоя. И снова немец. ***Но не я***»[5].

В Бродницах, где находилась контрразведка 2-го Белорусского фронта, Александр Исаевич, по его словам, провёл трое суток[6]. Если А.И. Солженицына арестовали 9 февраля, ночь с 9 на 10-е он провёл в Остероде, 10-го из Остероде отправили в Бродницы, а в Бродницах он провёл трое суток, получается, что или в дороге он провёл более суток[7], или из Бродницы его отправили далее 13 февраля. Однако 14-го он ещё был там.

«Арест, — писал К.А. Столяров, — был произведён 9 февраля, однако оформление бумаг на 2-м Белорусском фронте несколько задержалось — они датированы 14 февраля»[8]. Что это за бумаги, названный автор не указал, но две из них можно назвать точно: это протокол об аресте и протокол об обыске[9].

«В [следственном] деле, – писал Б.А. Викторов, — есть список, отобранного у Солженицына при аресте. В нём записаны: портрет Троцкого, портрет Николая II,

[1] Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 53.

[2] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 14–16.

[3] Там же. С. 121. По другому утверждению А.И. Солженицына, в Остероде он провёл сутки (Там же. С. 21–22).

[4] Там же. С. 122.

[5] Там же. С. 123.

[6] Там же. С. 21, 380.

[7] Бродницы — это, видимо, Бродница, Куявско-Мороского воеводства, сейчас 28 тыс. жителей, примерно в 60 км. южнее города Остроуда. Пешком даже без остановок требовалось не менее 15–20 часов.

[8] Столяров К.А. Палачи и жертвы. С. 340.

[9] Основанием для такого предположения служит то, что в описании ареста А.И. Солженицына на командном пункте факт составления подобного протокола отсутствует.

дневник»[1]. Неужели командир батареи, советский офицер носил в своей полевой сумке портреты не только свергнутого царя — «Николая Кровавого», но и «врага народа» Л.Д. Троцкого, обвинявшегося в связях с гестапо? И почему Б.А. Викторов «забыл» назвать другие «вещественные доказательства», об изъятии которых писал сам А.И. Солженицын («резолюция № 1», рукописи рассказов, размышления)?

В «Архипелаге» А.И. Солженицын даёт яркое описание того, как перевозили заключённых: переполненные вагоны, грязь, холод, отсутствие воды, голодный паёк, грубость конвоя и т.д.[2] А как этапировали его самого?

«После *суток* армейской контрразведки, после трёх суток в контрразведке фронтовой…, — пишет он, — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду ***как вольный***, и ***среди вольных***, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у параши»[3]. И далее: «На ***одиннадцатый*** день после моего ареста три смершевца-дармоеда… привезли меня на Белорусский вокзал Москвы»[4]. А затем метро «Белорусская», Охотный ряд и знаменитая Лубянка[5].

Как же так? Оказывается, не всех арестованных этапировали. Некоторых доставляли со спецконвоем. Со спецконвоем, который состоял из трёх смершевцев, в обычном плацкартном вагоне приехал в Москву и Александр Исаевич[6].

«Это называется — спецконвой… Переезжать так достаётся немногим. Мне же в моей арестантской жизни припало ***три раза***. Спецконвой дают *по назначению высоких персон*. Его не надо путать со спецнарядом, который подписывается в аппарате ГУЛАга. Спецнарядник чаще едет общими этапами»[7]. «Вот с тех-то островов ***с одного на другой, со второго на третий*** меня и перевозили спецконвоем: двое надзирателей да я»[8].

Спецконвой, — читаем мы в справочнике Жака Росси, — это конвой, состоящий из нескольких человек и сопровождающий «срочно вызываемого заключённого или небольшую группу с места отправления до самого места назначения» или же конвой «***для выполнения совершенно секретного задания***, например, для сопровождения людей к месту их массовой казни»[9].

Чем же была вызвана необходимость срочной доставки А.И. Солженицына в Москву в 1945 г.? Почему нельзя было дождаться первого арестантского вагона, идущего на восток и отправить в Москву вместе со всеми? Но если не было срочности, остаётся «совершенно секретное задание».

Итак, мы можем констатировать, что на сегодняшний день точная, документально обоснованная картина первого ареста А.И. Солженицына отсутствует. Из

---

[1] Ключенков А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С. 23, 82.

[2] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 347–424.

[3] Там же. С. 21–22.

[4] Там же. С. 21.

[5] Там же. С. 22.

[6] Там же. С. 21–22, 408–409.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 408. См. также: Там же. С. 393.

[8] Там же. С. 409.

[9] Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. Лондон, 1987. С. 376–377.

двух известных нам версий его задержания версия самого А.И. Солженицына представляется совершенно неправдоподобной. Если же принять версию И.И. Соломина, получается, что никакого ареста 9 февраля 1945 г. не было.

Это полностью согласуется с тем фактом, что при «задержании» А.И. Солженицына не было исполнена элементарная процедура — не было произведено обыска у него на батарее. Да и его личный обыск, о котором пишет он, нельзя назвать обыском в полном смысле этого слова. И хотя Викторов и К.А. Столяров утверждали, что в следственном деле имелся протокол обыска, его текст неизвестен.

Неизвестен нам и протокол ареста. По утверждению названных авторов он был составлен только 14 февраля, т.е. в день отправки А.И. Солженицына из фронтовой контрразведки в Москву, хотя, по его словам, во фронтовой контрразведке он провел трое суток.

Необычно, что арестованный привёз охранявших его смершевцев в армейскую контрразведку, необычно, что якобы обнаруженные в его полевой сумке криминальные материалы нёс не конвойный, а сами заключённые по очереди, необычно, что арестованного офицера сопровождал довольно увесистый чемодан с его вещами, необычно, что из фронтовой контрразведки в Москву его доставили спецконвоем в обычном плацкартном вагоне.

Удивительное следствие

Если исходить из того, что А.И. Солженицын был доставлен на Лубянку для следствия, в стенах НКГБ должно было отложиться специально следственное дело. За прошедшие после крушения СССР годы это дело можно было не только опубликовать, но и соответствующим образом откомментировать. Однако до сих пор мы имеем о нём только случайные, непроверенные сведения.

На Лубянку А.И. Солженицын был доставлен 19 февраля 1945 г.[1]

О ходе следствия мы тоже можем судить главным образом на основании его собственных воспоминаний, а также материалов, введённых в оборот Б.А. Викторовым и К.А. Столяровым. Из них явствует, что заведённое на А.И. Солженицына в НКГБ СССР дело имело номер № 7629[2], а следствие вёл помощник начальника 3-го отделения 11-го отдела 2-го Управления НКГБ капитан государственной безопасности И.И. Езепов[3].

По свидетельству А.И. Солженицына, вначале его поместили в одиночку, затем около 23 февраля перевели в общую камеру — № 67[4], из неё — в камеру № 53[5]. Александр Исаевич называет шесть своих сокамерников[6], из них наиболее близко

[1] Решетовская Н.А. Хронограф // Архив Н.А. Решетовской.

[2] Столяров. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 344.

[3] Там же. С. 340.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 134.

[5] Там же. С. 151, 155.

[6] Там же. С. 134–168.

он сошёлся с Аргольдом Сузи[1] — несостоявшимся кандидатом на пост министра эстонского правительства[2].

Как явствует из опубликованных материалов, на первом допросе 20 февраля А.И. Солженицын отверг предъявленное ему обвинение[3]. 26 февраля на вопрос И.И. Езепова, с какой целью он хранил портрет Л.Д. Троцкого, Александр Исаевич якобы заявил: «Мне казалось, что Троцкий идёт по пути ленинизма»[4]. Сказать такое в 1945 г. означало подписать себе обвинительный приговор. На очередном допросе 3 марта последовало признание вины[5].

В своё время А.И. Солженицын описал более тридцати способов воздействия на подследственных для получения необходимых показаний, но не привёл ни одного факта из собственного опыта. И неслучайно. «Мой следователь, — пишет он, — ничего не применял ко мне, кроме бессонницы, лжи и запугивания — методов совершенно законных»[6].

В первом издании «Архипелага» (1973 г.) он объяснял это следующим образом: «Содержание наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих. Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня»[7].

Во втором издании (1980 г.) мы читаем: «Содержание одних наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих; от момента, как они стали ложиться на стол оперативников цензуры, наша с Виткевичем судьба была решена, и нам только давали довоёвывать, допринести пользу. Но беспощадней: ***уже год каждый из нас носил по экземпляру*** неразлучно *при себе в полевой сумке*, чтобы сохранилось при всех обстоятельствах, если один выживет — ***«Резолюцию № 1», составленную нами при одной из фронтовых встреч***… Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня»[8].

Итак, в первом издании «Архипелага» излагалась вторая версия ареста, сформулированная в 1967 г. в интервью П. Личко, во втором издании — уже третья версия. Попробуем разобраться и прежде всего обратимся теперь к «Резолюции № 1»[9].

Во время встреч с Н.Д. Виткевичем я трижды просил его раскрыть содержание этого документа и объяснить, почему он так странно назывался, всякий раз Николай Дмитриевич искусно уходил от ответа[10]. Более «откровенным» в этом отношении оказался А.И. Солженицын:

«Я, — утверждает он, — не считаю себя невинной жертвой, по тем меркам. Я действительно к моменту ареста пришел к весьма уничтожающему мнению о

---

[1] Там же. С. 145, 152–153.

[2] Там же. С. 153.

[3] Столяров К.А. Палачи и жертвы. С. 342.

[4] Там же. С. 343.

[5] Там же. С. 342.

[6] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 108.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С. 144.

[8] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

[9] Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т .3. Ярославль, 1997. С. 376–379.

[10] Запись бесед с Н.Д. Виткевичем. Брянск. 8, 9 и 10 января 1993 г. // Архив автора.

Сталине, и даже с моим другом, однодельцем, мы составили такой письменный документ о ***необходимости смены государственного строя*** в Советском Союзе»[1].

«“Резолюция” эта, — читаем мы в «Архипелаге», — была — энергичная сжатая критика всей ***системы обмана и угнетения*** в нашей стране»[2]. Раскрывая характер этой критики, Александр Исаевич 28 апреля 1992 г. в интервью С. Говорухину уточнил, что советская система характеризовалась в названном документе как феодальная[3]. А затем «Резолюция № 1» «как прилично в политической программе, набрасывала, чем государственную жизнь исправить»[4]. К сожалению, ни Н.Д. Виткевич, ни А.И. Солженицын не раскрыли конкретное содержание своей программы «исправления» «государственной жизни»[5]. Далее, если верить А.И. Солженицыну, в «Резолюции» говорилось: «Наша задача такая: определение момента перехода к действию и нанесение решительного удара по послевоенной ***реакционной*** идеологической надстройке»[6]. Завершалась «Резолюция» словами: «Выполнение всех этих задач невозможно без организации»[7].

«Даже безо всякой следовательской натяжки, — резюмирует А.И. Солженицын, — ***это был документ, зарождающий новую партию***. А к тому прилегали и ***фразы переписки*** — как после победы мы будем вести “***войну после войны***”»[8].

Та борьба, на путь которой якобы встал автор этого документа, требовала от него не только осознания, что созданная к началу войны советская система не имела никакого отношения к социализму, не только стремления к переустройству общества на более гуманных и справедливых началах, но и совершенно исключительных моральных качеств, прежде всего готовности к самопожертвованию.

Обладал всем этим наш герой?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, вспомним, как в студенческие годы он, клянясь в верности советской власти и ленинизму, пытался уклониться от военной службы, причём таким способом, на который решится не каждый, вспомним, как он надеялся пересидеть войну в обозе, как будучи курсантом, со страхом думал о возможности попасть под Сталинград, а, став командиром батареи, вёл себя с подчинёнными как самодур, стремясь выслужиться, бросал людей под пули, создал на батарее собственную гауптвахту, вспомним «Прусские ночи».

Как же такой человек, по собственному признанию, бывший одновременно не только образцовым офицером, но также «насильником» и «палачом», мог возмутиться верховным главнокомандующим, вступить в рискованную переписку со сво-

[1] Солженицын А.И. Выступление по французскому телевидению. Париж, 9 марта 1976 // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 385.

[2] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

[3] Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 377.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

[5] Во время встреч с Н.Д. Виткевичем 8–10 января 1993 г. я несколько раз задавал ему этот вопрос, и всякий раз он или отделывался общими словами или же переводил разговор на другую тему.

[6] Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 377.

[7] Там же.

[8] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

им другом и обвинять главнокомандующего в военных просчётах, теоретических ошибках и, тем более, в военно-феодальных методах руководства страной. Столь же невероятно, чтобы такой человек именовал в переписке И.В. Сталина «Паханом» и готов был к борьбе с существовавшим строем.

Одно никак не стыкуется с другим. А поскольку нет никаких оснований сомневаться в самобичевании Александра Исаевича, возникают сомнения относительно «Резолюции № 1».

Когда же Александр Исаевич, если верить ему, осознал порочность советской политической системы, пришёл к убеждению о необходимости борьбы с нею и оказался морально готов к ней? Некоторое представление на этот счёт, казалось бы, даёт одно из его писем, адресованных Н.А. Решетовской в конце 1944 – начале 1945 гг.:

«С удивлением, — писал он, — обнаруживаю, каким переломным оказался для меня истекший 26-й год жизни… Все изменения, которые накапливались во мне конец 41-го, 42-й и 43-й год — ***все они с беспощадной отчётливостью вскрылись в 44-м***. Кроме ленинизма и желания всю жизнь отдать за него — всё, что было дорого мне в 41-м или ниспровергнуто и — не хочется понимать или переосмыслено по-новому»[1].

Если верить этому письму, получается, что решающее значение в переоценке ценностей имел для А.И. Солженицына 1944 г. Между тем, по его же собственному свидетельству, «Резолюция № 1» появилась на свет уже ***2 января 1944 г.***, т.е. до пересмотра Александром Исаевичем своих прежних взглядов[2].

По утверждению А.И. Солженицына, этот документ существовал в двух экземплярах, один из которых был изъят из его полевой сумки, второй находился у Н.Д. Виткевича. Поскольку до недавних пор Н.Д. Виткевич подтверждал этот факт, 10 января 1993 г. я обратился к нему со следующими вопросами:

«– Если “Резолюция № 1” существовала, она должна была сохраниться в Вашем следственном деле?

– Никто Вас к нему не допустит.

– Но факт её существования должен был отразиться в выданном Вам Определении Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации. Нельзя ли с ним познакомиться?

– К сожалению, нет, оно отдано мною в собес”.

Понять этот отказ нетрудно. Н.Д. Виткевич, если верить ему, был осуждён только по ст.58-10, при наличии же у него упоминаемого документа неизбежно было обвинение и по ст.58-11.

«– Ещё раз хочу спросить, для чего вы составляли “Резолюцию № 1”?

– Dixi et animam meam levavi (сказал — облегчил душу).

Не могу скрыть удивления.

– Мы, конечно, думали и о борьбе.

– Для чего “Резолюция” была в двух экземплярах?

---

[1] «Такая война не может быть вничью»: Из фронтовых писем А. Солженицына жене Наталье Решетовской // Сын отечества. 1992. № 25. 19 июня. С. 8–9.

[2] Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 377.

– Вопрос не имеет смысла.

– Почему же? Если Вы просто хотели выговориться, разрядиться, достаточно было одного экземпляра, а если их было несколько…?

Пауза. Понять её нетрудно. Если «Резолюция № 1» существовала в нескольких экземплярах, налицо факт её распространения, который можно было квалифицировать как действие, направленное на создание антисоветской организации. Видимо, взвесив за и против, Н.Д. Виткевич продолжил диалог:

– Может быть, второго экземпляра и не было.

– Следовательно, если "Резолюция № 1" существовала…

– Значит, у меня её не было»[1].

Итак, в ходе этой беседы главный корреспондент А.И. Солженицына и один из «участников» создаваемой им антисоветской организации признал, что он «Резолюции № 1» не имел. А значит, всё, что до нашего разговора он утверждал на этот счёт, мистификация. Невольно возникает вопрос: а была ли «Резолюция № 1» у А.И. Солженицына?

Если бы у него действительно был обнаружен документ, свидетельствующий о его намерении создать антисоветскую организацию и была установлена его принадлежность к антисоветской группе, то все её члены обязательно оказались бы в поле зрения следствия. Кто же входил в состав этой группы? Б.А. Викторов утверждает, что, кроме Н.Д. Виткевича в материалах следствия фигурировали Л.В. Власов, Н.А. Решетовская и К.С. Симонян[2]. Н.Д. Виткевич, который, по его словам, ознакомился с протоколами допросов А.И. Солженицына позднее, «уже на свободе», называет ещё двух человек: Л.А. Ежерец[3] и приятеля Л.В. Власова, фамилию которого он запамятовал[4].

По долгу службы следователь И.И. Езепов обязан был привлечь к следствию всех упомянутых лиц. Однако, как писал Б.А. Викторов, «***никто из этих лиц» не был даже допрошен***»![5] Данный факт подтверждают Л.В. Власов[6], Н.А. Решетовская[7], К.С. Симонян[8] и сам А.И. Солженицын[9].

Так быть не могло.

Если никто не был даже допрошен, значит, не было и не могло быть обвинения в подготовке к созданию антисоветской организации.

Не всё понятно и с Н.Д. Виткевичем, которого А.И. Солженицын называет своим «подельником». Александр Исаевич был арестован 9 февраля, Николай Дмитриевич — 22 апреля (уже в Берлине). Следствие над первым велось на Лубянке, над

---

[1] Запись беседы с Н.Д. Виткевичем. Брянск. 10 января 1993 г. // Архив автора.

[2] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 306.

[3] Виткевич Н.Д. Меня предал Солженицын // В круге последнем. М., 1974. С. 140.

[4] Там же. С. 141.

[5] Там же. С. 141.

[6] Власов Л. Солженицын в Прибалтике (мои встречи с Александром Солженицыным и Натальей Решетовской) // Славяне. 1991. № 2. С. 28.

[7] Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 54–57.

[8] Simonjan K.S. Hvem er Solsjenitsyn? Melbyhus, 1976.

[9] Солженицын А.И.: 1) Сквозь чад. Paris, 1979. С. 48; 2) Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102.

вторым — в контрразведке фронта. По этой же причине не было на следствии ни перекрёстных допросов, ни очных ставок[1].

Если бы обвинение ограничивалось криминальной перепиской, подобное развитие событий было возможно. Но оно было бы исключено, если бы А.И. Солженицын и Н.Д. Виткевич проходили по одному и тому же делу о намерении создать антисоветскую организацию.

Обращает на себя внимание и то, что «Резолюция № 1» почему-то не фигурировала в протоколе отобранных у А.И. Солженицына вещей[2]. Более того, Б.А. Викторов вообще не заметил её в следственном деле[3]. Не упоминается она ни в Определении о реабилитации А.И. Солженицына[4], ни в тех прошениях о помиловании, с которыми последний обращался в 1947, 1955 и 1956 гг.

Так, в прошении 1947 г. он писал: «Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам и неправильно критиковал отдельных писателей и наши литературные издательства». И всё[5]. В прошении 1955 г. на имя Н.С. Хрущева он прямо подчеркивал: был арестован и осуждён «***только на основании моей вздорной юношеской переписки*** с моим другом»[6]. Эта же мысль нашла отражение в прошении 1956 г. на имя Г.К. Жукова: «Мне ставилась в вину ***единственно*** моя личная переписка со старым другом детских лет, к тому времени тоже капитаном Красной Армии, но на другом фронте — переписка, содержавшая рассуждения на политические темы», «переписка эта и послужила ***единственной*** причиной ареста»[7].

Невозможно представить, чтобы, ходатайствуя о пересмотре дела, А.И. Солженицын рискнул написать такое, зная, что в следственном деле лежит «Резолюция № 1».

Что же мы видим?

Во-первых, получается, что А.И. Солженицын составил «Резолюцию № 1» ещё до того, как пережил разочарование в И.В. Сталине и в советской системе.

Во-вторых, всё, что нам известно о А.И. Солженицыне до его ареста исключает возможность участия его в составлении подобного документа.

Во-третьих, несмотря на то, что в «Резолюции № 1» шла речь о создании антисоветской организации, никто кроме А.И. Солженицына не был привлечён по этому делу даже в качестве свидетеля.

В-четвёртых, один из «авторов» «Резолюции № 1» Н.Д. Виткевич, опровергая тем самым свои предшествовавшие утверждения, признался в том, что лично у него подобного документа не было, а значит, он не фигурировал и в его следственном деле.

---

[1] Шпачков В. Уже в четвёртом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

[2] Ключенков А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С. 23, 82.

[3] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 301–308.

[4] Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

[5] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 307.

[6] Столяров К.А. Палачи и жертвы. С. 350.

[7] Там же. С. 256–257 (фото).

В-пятых, этот документ не упоминался в первом издании «Архипелага»,

В-шестых, его существование не нашло отражения ни в ходатайствах А.И. Солженицына о помиловании 1947–1956 гг., ни в Определении о его реабилитации.

В-седьмых, «Резолюцию № 1» не заметил в его следственном деле военный прокурор Б.А. Викторов, занимавшийся его реабилитацией.

Исходя из этого, можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с мистификацией.

Не всё просто и с перепиской.

«Когда я потом в тюрьмах рассказывал о своём деле, — пишет А.И. Солженицын, — то нашей наивностью вызывал только смех и удивление. Говорили мне, что других таких телят и найти нельзя. И я тоже в этом уверился. Вдруг, читая исследование о деле Александра Ульянова, узнал, что они попались на том же самом — на неосторожной переписке…»[1]

Участник группы Александра Ульянова П. Андреюшкин, чьё письмо, содержащее фразу о терроре, привело к раскрытию готовившегося покушения на Александра III, мог не знать о существовании перлюстрации[2], а Александр Исаевич этого не мог не знать, так как на всех конвертах, уходящих во время войны из армии, ставился штамп «Проверено военной цензурой»[3].

Я не знаю, как это делалось во время войны, но когда в 1970 г. я был призван в армию, то во время пребывания на курсах молодого бойца (так назывался период с момента прибытия в часть до принятия присяги) с нами была проведена специальная беседа о необходимости хранить военные тайны, в ходе которой было сообщено, что все солдатские письма проходят цензуру.

Понимая, что некоторым читателям известен данный факт, А.И. Солженицын дополняет свою версию утверждением, будто бы он думал, что военная цензура контролирует только военные тайны[4], и почему-то полагал, что к своим обязанностям она относится формально[5]. Между тем нетрудно понять, что, обнаружив письмо с антисоветскими высказываниями, цензор обязан был обратить на него внимание, в противном случае его могли обвинить в сокрытии криминальной информации со всеми вытекающими для него самого последствиями — статья 58-12 Уголовного кодекса РСФСР (недонесение)[6].

Из беседы с Н.Д. Виткевичем:

– Переписка велась через полевую почту. Неужели не боялись?

– Она же имела конспиративный характер.

– Ваша конспирация была слишком прозрачной.

---

[1] Там же. С. 101.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1987 г.: Сборник, составленный А.И. Ульяновой-Елизаровой. М.–Л., 1927. С. 357.

[3] Запись беседы с военным историком В.М. Лурье. С.-Петербург. 10 октября 2002 г. По телефону // Архив автора.

[4] Солженицын А.И. Протеревши глаза. М., 1999. С. 223.

[5] Солженицын А.И. Телеинтервью компании Останкино (Интервью ведет Станислав Говорухин). Кавендиш, 28 апреля 1992 // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 378.

[6] РСФСР. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1943. С. 31.

– Ну… думали, свобода слова.
– У нас?
– Нам всё равно нечего было терять. Смерть постоянно висела над нами.
– У Вас может быть, но Александр Исаевич был далеко от передовой.
Новое затруднение с ответом.
– Ну… просто лезли на рожон»[1].
В чём же заключалась конспиративность этой переписки?

Если верить её корреспондентам, несмотря на «ребяческую беззаботность», у них хватило ума не упоминать И.В. Сталина своим именем. В беседе со мной 8 января 1993 г. Н.Д. Виткевич заявил: «Сталина мы называли ***Пахан***»[2]. О том, что в своей переписке они «поносили Мудрейшего из Мудрейших», «прозрачно закодированного» ими «в Пахана», А.И. Солженицын пишет как в «Архипелаге»[3], так и в автобиографической поэме «Дороженька»[4]. В этом он пытался уверить С. Говорухина[5]. Об этом же со слов Александра Исаевича пишет и Л.И. Сараскина[6].

Тому, кто хоть немного знаком с той эпохой, трудно представить себе критическую переписку о И.В. Сталине, в которой последний фигурировал бы под своей фамилией. Ещё более невероятно обозначение его в подобной переписке кличкой «Пахан». И дело не только в настроениях и условиях того времени. Если бы И.В. Сталин действительно упоминался в переписке под такой кличкой, то, независимо от её содержания, тогда этого было достаточно для привлечения авторов писем к ответственности, так как подобная кличка означала не только оскорбление верховного главнокомандующего, главы партии и государства, но и характеристику существовавшего политического строя как преступного по своему характеру. Абсурднее конспирацию вряд ли можно вообразить. Поэтому все утверждения на этот счёт не заслуживают ни малейшего доверия.

Что же было криминального в переписке Н.Д. Виткевича и А.И. Солженицына? Если вернуться к приведённому ранее тексту «Постановления» об аресте, то в нём фигурировали фрагменты солженицынских писем, содержавшие критику И.В. Сталина как теоретика.

Стремясь получить на этот счёт более полное представление, я в одной из бесед с Н.Д. Виткевичем специально задал ему вопрос о содержании переписки:
– О чём писали?
– Критиковали военное руководство.
– И всё?
– И всё.
– А теоретические вопросы затрагивали?
– Может быть».

---

[1] Запись беседы с Н.Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

[2] Там же.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 101.

[4] Солженицын А.И. Протеревши глаза. С. 115–116.

[5] Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино» (интервью ведёт Станислав Говорухин). Кавендиш. 28 апреля 1992 гг. / Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. 1997. Ярославль.

[6] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С.242.

Здесь Николай Дмитриевич испытал некоторое затруднение и ничего более о переписке вспомнить не смог. В черновой записи у меня отмечено: «Уходит от вопросов»[1].

Оказывается, один из корреспондентов не только плохо помнил содержание переписки, из-за которой оказался за колючей проволокой, но и характеризовал его иначе, чем постановление об аресте.

Ещё более удивительно в этом отношении Определение военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации А.И. Солженицына: «Из материалов дела видно, что Солженицын ***в своём дневнике*** и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н.Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности социалистической революции в нашей стране и неизбежной победе её во всем мире, высказывался против культа личности Сталина, ***писал о художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов, о нереалистичности многих из них, а также о том, что в наших художественных произведениях не объясняется объёмно и многосторонне читателю буржуазного мира историческая неизбежность побед советского народа и армии и что наши произведения художественной литературы не могут противостоять ловко состряпанной буржуазной клевете на нашу страну***»[2].

Итак, по мнению Военной коллегии Верховного суда СССР, главное место в переписке А.И. Солженицына и Н.Д. Виткевича занимала не критика И.В. Сталина как теоретика и военачальника, а критика «***художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов***».

Три источника и три совершенно разные характеристики криминальной переписки. Особенно поразительно расхождение между двумя официальными документами.

Таким образом, приходится констатировать, что и вторая версия ареста А.И. Солженицына, в основе которой якобы лежало его обвинение в антисталинской переписке, не только ничем не обоснована, но и внутренне противоречива, а поэтому тоже не выдерживает критики.

Есть во всей этой истории и другие нестыковки.

Вернёмся к постановлению об аресте. В нём говорилось: «Имеющимися в НКГБ СССР материалами установлено, что СОЛЖЕНИЦЫН ***создал антисоветскую молодёжную группу и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации***. В переписке со своими единомышленниками СОЛЖЕНИЦЫН критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций, постоянно повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителя партии тов. СТАЛИНА».

Если исходить из воспоминаний А.И. Солженицына, получается, что контрразведка сначала обратила внимание на его переписку с Н.Д. Виткевичем, а затем уже, изъяв у него «Резолюцию № 1», обнаружила, что дело не ограничивается перепиской. Между тем, из постановления об аресте явствует, что НКГБ уже к 30 января 1945 г., т.е. за полторы недели до ареста А.И. Солженицына знал, что он не только

[1] Запись беседы с Н.Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

[2] Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

«создал антисоветскую молодёжную группу», но и «проводит работу по сколачиванию антисоветской организации». Откуда?

6 июля 1941 г. ГКО принял постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» и поставил задачу организовать 100%-ный просмотр военной корреспонденции[1]. 13 июля Приказом НКО СССР и НКВ МФ СССР было утверждено «Положение о военной цензуре воинской почтовой корреспонденции», намечена её структура, определён круг сведений, дающих право на конфискацию корреспонденции[2].

Обнаружив криминальную переписку двух офицеров, сотрудник военной цензуры был обязан поставить в известность об этом своё непосредственное начальство, а оно, в свою очередь, — контрразведку. Установив в этой переписке состав преступления, контрразведка должна была поставить вопрос об аресте её авторов. А поскольку А.И. Солженицын и Н.Д. Виткевич принадлежали к среднему командному составу, для этого необходимо было получить разрешение Военного совета армии или фронта[3]. После этого дело можно было передавать соответственно в военную прокуратуру армии или фронта. Между тем, если исходить из официальной версии, получается, что оно миновало контрразведку армии, фронта, Народного комиссариата обороны СССР и оказалось в НКГБ, который и возбудил дело против А.И. Солженицына перед Военной прокуратурой СССР.

Если бы речь шла о каком-либо чрезвычайно важном деле, это можно было бы понять. Это можно было бы понять, если бы А.И. Солженицын имел генеральский чин. Между тем, он носил всего лишь капитанские погоны, да и предъявляемое ему обвинение не имело чрезвычайного характера. И уж тем более, казалось, не существовало оснований для срочного этапирования его в Москву под спецконвоем.

Есть в этом вопросе ещё одна странная деталь: дело о Н.Д. Виткевиче расследовалось фронтовой контрразведкой, затем рассматривалось фронтовым трибуналом; дело А.И. Солженицына расследовалось НКГБ и было решено Особым совещанием при НКГБ. А.И. Солженицын пишет, что в Особое совещание дело было передано только потому, что оснований для судебного приговора не было. Но почему же их оказалось достаточным для Н.Д. Виткевича и недостаточно для А.И. Солженицына? Значит, дело в чём-то другом.

Рассказывая о своём первом аресте, А.И. Солженицын пытался убедить читателей в том, каким «ленивым» был его следователь и сколько ловкости проявил он, чтобы не утянуть за собой кого-либо ещё. В этом отношении показательна история с его военным дневником, в который, если верить ему он на протяжении нескольких лет записывал всё, что слышал. «Эти дневники были — моя претензия стать писателем. Я не верил нашей удивительной памяти и все годы войны старался за-

---

[1] Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб., 2008. С. 147.

[2] Из приказа НКО СССР и НКВМФ СССР № 00110 о введении военной цензуры воинской почтовой корреспонденции. 13 июля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. (22.06.1941 – 31.08.1941). М., 2000. С. 308–310 (электронная версия) http://mozohin.ru/article/a-102.html

[3] Север А. «Смерть шпионам!». Военная контрразведка СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 11.

писывать всё, что видел (это бы ещё полбеды), и всё, что слышал от людей. Я безоглядчиво приводил там полные рассказы своих однополчан — о коллективизации, о голоде на Украине, о 37-м годе и по скрупулёзности и никогда не обжигавшись с НКВД, прозрачно обозначал, кто это мне всё рассказывал»[1].

Можно допустить (хотя и в это плохо верится), что первоначально А.И. Солженицын мог не задумываться о судьбе своих записей. Но неужели он продолжал сохранять подобную наивность и после того, как принял решение о необходимости создания антисоветской организации и стал вынашивать замыслы о привлечении в неё своих знакомых?

Как же повёл себя А.И. Солженицын на следствии, зная, какой криминал он привёз в своём чемодане?

«От самого ареста, когда дневники эти были брошены оперативниками в мой чемодан, осургучены и мне же дано везти тот чемодан в Москву — раскалённые клещи сжимали моё сердце. И вот эти рассказы, такие естественные на передовой, перед ликом смерти, теперь достигли подножия четырёхметрового кабинетного Сталина — и дышали сырою тюрьмою для чистых, мужественных, мятежных моих однополчан»[2].

«Эти дневники больше всего и давили на меня на следствии. И чтобы только следователь не взялся попотеть над ними и не вырвал бы оттуда жилу свободного фронтового племени — я, сколько надо было, раскаивался и, сколько надо было, прозревал от своих политических заблуждений. Я изнемогал от этого хождения по лезвию — пока не увидел, что никого не ведут ко мне на очную ставку; пока не повеяло явными признаками окончания следствия; пока на четвёртом месяце все блокноты моих военных дневников не зашвырнуты были в адский зев лубянской печи, не брызнули там красной лузгой ещё одного погибшего на Руси романа и чёрными бабочками копоти не взлетели из самой верхней трубы»[3]

Всё это очередная писательская фантазия. И про передовую, которой за три с лишним года пребывания в армии он ни разу не видел. И про четыре блокнота дневников, которые якобы сам привёз в Москву в осургученном чемодане. И про ленивого следователя, не удосужившегося заглянуть в дневник. И про то, что по окончании следствия дневники «зашвырнуты были в адский зев лубянской печи».

Во-первых, имеются сведения, что все свои блокноты с дневниковыми записями до лета 1944 г. Александр Ильич отправил в тыл вместе с Н.А. Решетовской, которая перед этим несколько месяцев жила у него «на передовой». Подтверждением этого является книга Л.И. Сараскина, в которой она не только ссылается на солженицынские дневники как один своих источников, но и цитирует их[4]. Поэтому изъять у А.И. Солженицына могли только один блокнот с записями, относящимися к последнему году его пребывания в армии.

Зачем же понадобилось увеличивать их количество в четыре раза? Чтобы читателю стало понятно, какой огромный труд представляло бы для следователя зна-

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 103.

[2] Там же. Т. 5. С. 103.

[3] Там же.

[4] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 202, 204, 210.

комство с ними. Однако независимо от того, сколько было изъято блокнотов с дневниковыми записями, следователь не мог не познакомиться с ними, так как знал, что по завершении следствия с его материалами будет знакомиться прокурор. И не дай бог, если бы он обнаружил в дневниках криминальные записи.

И действительно, если верить постановлению о реабилитации, следователь не только обратил внимание на дневник, но и использовал его в качестве обвинительного материала (см. далее). Причём сам дневник благополучно сохранился до начала перестройки. Сообщая о том, что в 1990 г. в КГБ СССР были уничтожены 105 дел, по которым проходил А.И. Солженицын, последний председатель КГБ СССР В. Бакатин писал: «Однако сохранилось досье, относящееся к его первому аресту в 1945 г.». И далее: «В этом деле были его фронтовые письма и рукописи, в том числе ***дневник***. Бесценные документы было решено передать Солженицыну через Президента СССР Горбачёва. Тот в свою очередь попросил это сделать писателя Сергея Залыгина»[1]. В 1992 г. в интервью С. Говорухину А.И. Солженицын признал факт передачи ему документов его следственного дела, но дневник среди них не упомянул[2].

Почему же А.И. Солженицын на весь мир объявил о гибели своего военного дневника? А потому, что ничего криминального в нём не было. Откуда это известно, спросите Вы? А оттуда, что никого из его сослуживцев по «передовой» не только не арестовали, но даже не допросили.

Как бы там ни было, через три месяца следствие по делу А.И. Солженицына завершилось. 28 мая 1945 г. он был вызван на последний допрос, на котором, кроме капитана И.И. Езепова, присутствовал «военный прокурор Главной военной прокуратуры Красной армии подполковник юстиции Котов»[3]. Первым протокол этого допроса опубликовал Б.А. Викторов, затем К.А. Столяров. Сравните:

Б.А. Викторов	К.А. Столяров
«В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю». Вопрос: «В чём именно?». Ответ: «В том, что начиная с 1940 г. при встречах и в переписке с другом — Виткевичем Николаем Дмитриевичем, клеветал на вождя. В отдельных вопросах был убеждён, что Сталин не имеет ленинской глубины. *Утверждал в этих письмах и разговорах*, что мы	«Да, в предъявленном мне обвинении виновным себя признаю. Вопрос: В чём именно? Ответ: «В том, что начиная с 1940 г. при встречах и в переписке с другом детства ВИТКЕВИЧЕМ Николаем Дмитриевичем мы клеветали на вождя *партии, отрицая его заслуги в области теории, утверждая, что* в отдельных вопросах он якобы не имеет ленинской глубины… *Мы клеветали на ряд*

[1] Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 161. По свидетельству Л.И. Сараскиной, это произошло в 1989 г. (Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 243).

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 102. Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино» (интервью ведёт Станислав Говорухин). Кавендиш. 28 апреля 1992 гг. / Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. 1997. Ярославль.

[3] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 340.

не были полностью готовы к войне в 1941 г. Утверждал и соглашался в письмах и разговорах с Виткевичем об отсутствии свободы слова и печати в нашей стране. *Мы действительно записались в так называемые революционеры*. Мы считали, что создание, *я подчеркиваю*, антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах. *Вот на все эти темы я вёл разговоры с друзьями детства, ещё кроме Виткевича — Симоняном К.С., Решетовской Н.А. и Власовым Л.В.*» (Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М., 1990. С.305–306).

мероприятий внутренней политики Советского правительства, утверждая, что якобы не были полностью готовы к войне 1941 г. *В этих же беседах мы клеветнически* утверждали, что в Советском Союзе отсутствует свобода слова и печати и что её не будет и по окончании войны. *В связи с этим мы пришли к выводам о необходимости в будущем создания антисоветской организации и эти свои намерения мы записали в так называемой* ***резолюции № 1***. Мы считали, что создание антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах». (Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 341).

Сопоставление текста протокола допроса А.И. Солженицына 28 мая 1945 г., цитируемого Б.А. Викторовым и К.А. Столяровым, обнаруживает не только совпадения, но и *существенные расхождения*. Достаточно отметить, что в тексте К.А. Столярова фигурирует «резолюция № 1», а в тексте Б.А. Викторова — нет.

6 июня 1945 г., на свет появилось обвинительное заключение[1] и А.И. Солженицын был переведён из Лубянской тюрьмы в Бутырскую[2].

Началось ожидание приговора.

Странный приговор

Текст обвинительного заключения по делу А.И. Солженицына нам неизвестен. Лишь частично мы можем судить о нём на основании свидетельств самого Александра Исаевича, Определения Военной коллегии Верховного суда СССР о его реабилитации, а также публикаций Б.А. Викторова и К.А. Столярова.

«Процитирую, — писал К.А. Столяров об обвинительном заключении, — начало и конец: “…В НКГБ СССР через Военную Цензуру поступили материалы о том, что командир батареи звуковой разведки Второго Белорусского фронта — капитан СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич в своей переписке ***призывает знакомых к антисоветской работе***…

[1] Там же. С. 344.

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 169.

…Виновным себя признал. Изобличается вещественными доказательствами (***письма антисоветского содержания, т.н. резолюция № 1***).

Считая следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания обвиняемого суду, руководствуясь ст.208 УПК РСФСР и приказом НКВД СССР № 001613 от 21.XI.1944 года — следственное дело № 7629 по обвинению СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича направить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР...

Обвинительное заключение составлено 6 июня 1945 года в городе Москве…».

«Вместе с капитаном Езеповым, — отмечал К.А. Столяров, — этот документ подписали его начальники — полковник Иткин… и подполковник Рублев, а двумя днями позже его утвердил комиссар государственной безопасности 3 ранга Федотов»[1].

Иначе характеризовал констатирующую часть обвинительного заключения Б.А. Викторов, по словам которого в ней говорилось: А.И. Солженицын «с 1940 года занимался антисоветской агитацией и предпринимал шаги к созданию антисоветской организации». «В связи с этим ему было предъявлено обвинение по ч.1. ст.58-10 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за антисоветскую агитацию, и по ст.58-11 УК, предусматривающей ***ответственность за создание антисоветской организации***»[2].

О том, что Александр Исаевич обвинялся по двум статьям, говорится в недавно обнаруженной в архиве карагандинской прокуратуры карточке заключённого[3]. Это же следует из опубликованного текста Определения Военной коллегии Верховного суда СССР о его реабилитации[4]. Подобным же образом характеризовал в 1964 г. содержание предъявленного ему обвинения сам А.И. Солженицын[5].

В первом издании «Архипелага» читаем об обвинительном заключении: «Подписал вместе с 11 пунктом. Я не знал тогда его веса, ***мне говорили только, что срока он не добавляет***»[6]. Ах, какая наивность! Он, видите ли, думал, что обвинение в намерении создать антисоветскую организацию, тем более в условиях войны, «не добавляет срока».

Во втором издании у этих слов появилось продолжение: «Подписал вместе с 11 пунктом (***уж "Резолюция" на него тянула***). Я не знал тогда его веса…» и далее по тексту[7]. И здесь мы видим, «Резолюция» появилась только во втором издании «Архипелага». Но, упомянув её, Александр Исаевич тем самым усилил весомость предъявленного ему обвинения, после чего его наивность приобретает смехотворный характер.

Чтобы лучше представлять положение, в котором находился А.И. Солженицын летом 1945 г., прежде всего вспомним один лагерный анекдот, который он приводит в «Архипелаге» как реальный факт: «На новосибирской пересылке в 1945 г. конвой

---

[1] Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 344.

[2] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М., 1990. С. 306.

[3] Могильницкий В. Человек под номером // Труд. 1998. 13 января.

[4] Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

[5] Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 11. С. 162.

[6] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Paris, 1973. Т. 1. С. 151.

[7] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 107.

принимает арестантов перекличкой по делам. “Такой-то!” — “58-1а, 25 лет”. Начальник конвоя заинтересовался: “За что дали?” — “Да, ни за что” — “Врёшь. Ни за что десять дают”»[1].

Если тогда «ни за что» давали «десятку», сколько же должен был получить человек за антисоветскую пропаганду, составление «Резолюции № 1» и намерение создать антисоветскую организацию?

Обратимся к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., который продолжал действовать и в 1945 г. Вот как в нём была сформулирована первая часть знаменитой статьи 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 – 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою ***лишение свободы*** на срок не ниже 6 месяцев»[2].

О том, что означала формулировка «***лишение свободы***», мы можем судить на основании 28-й статьи УК РСФСР, в которой говорилось: «Лишение свободы устанавливается на срок от одного года до 10 лет, а по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах (ст. ст. 58-1а, 58-6, 58-7, 58-9 настоящего Кодекса) — на более длительные сроки, но не свыше 25 лет»[3]. Это значит, что статья 58-10 (часть первая) предусматривала наказание до 10 лет.

Выбор наказания зависел от наличия как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств. Смягчающие обстоятельства определялись статьей 48, из которой явствует, что у Александра Исаевича было только одно такое обстоятельство — привлечение к ответственности в первый раз[4]. Что же касается отягчающих обстоятельств, то они были перечислены во второй части статьи 58-10, ***по которой, кстати, и обвинялся А.И. Солженицын***.

В ней говорилось: «Те же действия (т.е. действия, указанные в первой части этой статьи — *А.О.*) при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или ***в военной обстановке***, или ***в местностях, объявленных на военном положении***, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса»[5].

Это значит, что, вынося приговор, Особое совещание должно было руководствоваться ст. 58-2, которая предусматривала два вида наказания: «***высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся*** с конфискацией имущества и лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением ***при смягчающих*** обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трёх лет с конфискацией всего или части имущества»[6].

---

[1] Там же. С. 210.

[2] РСФСР. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1943. С. 30.

[3] Там же. С. 12.

[4] Там же. С. 22.

[5] Там же. С. 22.

[6] Там же. С. 27.

Поскольку такая мера, как лишение гражданства в годы Великой Отечественной войны, не применялась, а смягчающих обстоятельств в деле А.И. Солженицына по существу не было, то в соответствии с действовавшим в 1945 г. Уголовным кодексом РСФСР ему ***угрожала высшая мера наказания — расстрел***.

Это тем более следует подчеркнуть, что он обвинялся сразу по двум статьям 58-10 и 58-11. Последняя статья гласила: «Всякого рода деятельность, направленная к подготовке и совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы»[1].

Чем следовало руководствоваться в данном случае, мы можем узнать из статьи 49-й: «Когда в совершенном обвиняемым действии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора суда, суд определяет соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершённых преступлений и ***наиболее тяжкую меру социальной защиты***»[2]. В комментариях к данной статье специально подчёркивалось, что в рассматриваемом случае «в качестве основной меры социальной защиты» суд должен использовать «***наиболее суровую меру***»[3]. В данном случае такой мерой был расстрел.

Однако знаменитое Особое совещание проигнорировало статью 58-2, не пожелало руководствоваться статьёй 49-й УК РСФСР и сохранило Александру Исаевичу жизнь, чтобы он имел возможность позднее описать его безжалостность. Если «ни за что» давали «десятку», если «десятку» Н.Д. Виткевич получил по одной статье 58-10[4], то Александр Исаевич по двум статьям (58-10 и 58-11) был приговорён к восьми годам заключения[5]. «При этом, — писал он позднее в прошении на имя министра обороны СССР Г.К. Жукова, — ***даже не было решения о лишении меня воинского звания и орденов***»[6].

А поскольку ни следователь, ни прокурор, ни Особое совещание не могли игнорировать действующий Уголовный кодекс РСФСР, можно с полным основанием утверждать, что обвинение по двум статьям (58-10, ч.2 и 58-11) и приговор о восьмилетнем сроке наказания находятся в ***непримиримом противоречии*** друг с другом.

В связи с этим особого внимания заслуживает опубликованный К.А. Столяровым документ под названием «Сведения о прохождении службы в Советской Армии и о наградах». Он был составлен А.И. Солженицыным 31 августа 1955 г. и за-

---

[1] Там же. С. 30–31.

[2] Там же. С. 22.

[3] Постановление 23 Пленума Верховного суда СССР. 1929 г. // Уголовный кодекс. М., 1938. С. 131–132.

[4] Запись бесед с Н.Д. Виткевичем. Брянск. 10 января 1993 г. // Архив автора.

[5] Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

[6] Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 256–257 (фото).

вершался словами: «Судебного решения по моему делу вообще не было, а было лишь административное решение ОСО НКВД от 7.7.45 (8 лет ИТЛ ***по 58-10-ч.II***)». Обратите внимание — ***по статье 58, пункт 10, часть 2-я***, т.е. антисоветская агитация[1]. И всё. И никакой ст.58-11.

Подобным же образом характеризовал А.И. Солженицын вынесенный ему приговор и в своём ходатайстве на имя Г.К. Жукова, В нём говорилось: «Меня не судили, а вынесли административное постановление ОСО МВД от 7.7.45 — 8 лет Исправ. труд. лагерей, ***ст.58-10-ч.II***»[2].

Таким образом, ходатайствуя в 1955–1956 гг. о пересмотре дела, А.И. Солженицын утверждал, что в основе его обвинения лежала только переписка с Н.Д. Виткевичем, и специально подчёркивал, что обвинялся лишь по одной статье 58-10-ч.2. Правда, и по этой статье ему угрожал расстрел. Но невозможно представить, чтобы человек, ходатайствующий о пересмотре своего дела, сознательно искажал и характер предъявлявшегося ему обвинения, и неправильно называл статью, по которой ему был вынесен обвинительный приговор.

Допустим, что обвинение соответствует действительности. Тогда следует поставить под сомнение все известные нам источники о характере приговора. А это не только утверждения самого А.И. Солженицына, но и Определение военной коллегии Верховного суда СССР, опубликованные документы следственного и реабилитационного дел.

Если допустить, что документы, характеризующие приговор, подлинные, тогда следует признать сфальсифицированными сведения о характере обвинения, которые опять-таки содержатся в воспоминаниях А.И. Солженицына, определении Военной коллегии Верховного суда СССР, опубликованных материалах следственного и реабилитационного дел.

Таким образом, и в одном, и в другом случае приходится не только поставить под сомнение утверждения А.И. Солженицына, но и констатировать, что ***названные официальные документы были сфальсифицированы***. А поскольку доступ к ним до сих пор закрыт, подобная фальсификация могла быть осуществлена только на официальном уровне.

Итак, что же мы видим? «Ни на что непохожий арест», грубейшее нарушение распоряжения Военной прокуратуры СССР о производстве обыска, составление протокола личного обыска и протокола об аресте через пять дней после самого ареста, странное этапирование в Москву под спецконвоем в плацкартном вагоне, совершенно невероятное следствие, противоречия в изложении содержания обвинения, находящийся в противоречии с Уголовным кодексом РСФС приговор Особого совещания и расхождения в изложении самого приговора.

Интересная деталь: когда в 1948 г. «подельники» А.И. Солженицын и Н.Д. Виткевич встретились в «шарашке», ни один из них не проявил интереса к тому, как оказался за решеткой другой. Причём, по утверждению, Н.Д. Виткевича, на эту тему они ни разу не беседовали друг с другом и позднее, на воле. ***Невероятно***. Как будто говорить на тему о причинах и обстоятельства ареста им было запрещено.

---

[1] Там же.

[2] Там же.

Исходя из этого, можно сделать следующие выводы:

А) вся история с созданием антисоветской организации представляет собою выдумку и вопрос заключается только в том, когда именно эта история появилась;

Б) никаких убеждающих доказательств того, что в основе ареста лежала переписка, содержащая критику Сталина, не приведено, а те источники, которые введены в оборот, на этот счёт перечёркивают друг друга;

В) на основании этого можно утверждать, что до сих пор даже формальная причина ареста нам неизвестна;

Г) следовательно, или Солженицын был вынужден скрывать причину своего ареста, или же его арест имел фиктивный характер как способ создания ему соответствующей легенды;

Д) тот факт, что все известные нам на этот счёт сведения исходят не только от А.И. Солженицына, но и от органов советского государства, с которыми он вёл борьбу, и находятся между собою в полном соответствии, даже тогда, когда содержат внутренние противоречия, даёт основание утверждать, что мы имеем дело с игрой в четыре руки.

Косвенно в пользу этой версии могут служить следующие слова из «Телёнка»: «Арест, — писал А.И. Солженицын, — был смягчён тем, что взяли меня с фронта, из боя; что было мне 26 лет; что кроме меня никакие мои сделанные работы при этом не гибли (их не было просто); что затевалось ***со мной что-то интересное, даже увлекательное; и совсем уже смутным (но прозорливым) предчувствием — что именно через этот арест я сумею как-то повлиять на судьбу моей страны***»[1].

Мог ли так размышлять человек, перед которым открывалась перспектива: или на кладбище, или в ГУЛАГ. В первом случае возможность «повлиять на судьбу страны» была исключена полностью. Казалось бы, не открывала надежд на это и перспектива оказаться за колючей проволокой. И уж тем более трудно было представить себе пребывание здесь «интересным» и «даже увлекательным».

Так мог смотреть из тюремного окна в своё будущее лишь человек, для которого арест являлся не карой, не наказанием с неизвестными последствиями, а лишь формой прикрытия какой-то многообещающей деятельности.

Если с учётом этого проследить жизненный путь А.И. Солженицына после ареста, нельзя не отметить много странностей. Вот только некоторые из них, которые можно рассматривать как косвенное подтверждение сформулированной версии.

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 79.

Глава 4

Отпечатки пальцев

В роли заключенного

Куда только не бросала судьба заключённых: угольные копи Воркуты, медные рудники Джезказгана, золотые прииски Колымы, сибирские и северные лесоповалы[1]. А куда она забросила А.И. Солженицына? Из краснопресненской пересыльной тюрьмы в кузове обычной грузовой машины с летним ветерком его доставили в «подмосковную Швейцарию»[2].

«Один час переезда сюда с Красной Пресни», говорится в «Архипелаге», и «мы въехали в черту небольшого квадрата лагеря Новый Иерусалим». «Зона Нового Иерусалима нравится нам, она даже премиленькая: она окружена не сплошным забором, а только переплетённой колючей проволокой, и во все стороны видна холмистая, живая деревенская и дачная, звенигородская земля»[3].

И далее: «***Первый день в лагере***! И врагу не желаю этого дня! Мозги пластами смещаются от невместимости всего жестокого. Как будет? Как будет со мной? — точит и точит голову, а работу дают новичкам самую бессмысленную, чтоб только занять их, пока разберутся. ***Бесконечный день***. Носишь носилки или откатываешь тачки, и с каждой тачкой только на пять, на десять минут убавляется день, и голова для того одного и свободна, чтобы размышлять: как будет? как будет?.. мы видим бессмысленность перекатки этого мусора, стараемся болтать между тачками». Так продолжается до тех пор, пока не «начинают вызывать новый этап по несколько человек в контору для назначения», т.е. для распределения по видам работы на время пребывания в лагере[4].

Невольное чувство, которое возникает при чтении этого текста, — недоверие: откуда к приезду нового этапа набралось столько мусора, что для его уборки потребовалось около сотни человек (заключённых доставили сюда в «кузовах» несколь-

---

[1] Кузьмин С.И., Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1992; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998.

[2] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 13.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 112.

[4] Там же. Т. 6. С. 116.

ких машин)?[1] И это в «лагпункте»[2], где было только два барака[3], а значит, не более 400 заключённых[4].

«Часу не прошло — читаем мы в «Архипелаге» далее, — один из наших этапников уже приходит сдержанно сияющий: он назначен инженером-строителем по зоне». И ещё один: ему разрешили открыть парикмахерскую для вольных на заводе. И ещё один: встретил знакомого, будет работать в плановом отделе»[5]. И снова, что ни утверждение, то вопрос. Зачем инженер-строитель в лагпункте, обслуживающем небольшой кирпичный заводик? Неужели в Новом Иерусалиме не было парикмахерских? Какое дело лагерному начальству до внешнего вида вольных рабочих? Да и встретить знакомого в лагере, тем более способного влиять на распределение заключённых по виду работы, это всё равно, что найти иголку в стоге сена.

Но главное не в этом. Описывая «первый день в лагере» и «вспоминая» детали, которые похожи на вымысел, Александр Исаевич забыл такую мелочь, как ***карантин***.

«Карантин, — делится в интернете своими воспоминаниями кто-то из бывших заключенных, — это первое, с чем знакомится зек по приезду в лагерь. Он является порогом тюремного дома как в следственном изоляторе, так и в зоне». «Время нахождения в карантине обычно не более 2-х, 3-х недель. За это время новичков стригут, моют, выдают робу, берут анализы, подвергают психологическим тестам, знакомят с особенностями зоны»[6].

Может быть, карантин — современное изобретение? Ничего подобного.

«Все принятые в места заключения, — гласила ст.110 «Исправительно-трудового кодекса РСФСР, утверждённого 16 ноября 1924 г… — немедленно после их прибытия в место заключения подлежат медицинскому осмотру, после чего больные изолируются, а остальные подвергаются санитарно-гигиеническим мероприятиям и помещаются в особые камеры, где отбывают установленный карантин»[7].

Карантин был предусмотрен и Положением об исправительно-трудовых лагерях, которое было утверждено 7 апреля 1930 г. «После регистрации и осмотра все прибывшие в лагерь заключённые направляются ***для отбытия установленного карантина***»[8].

Карантин фигурирует в воспоминаниях многих лагерников, причём некоторые из них называют и его продолжительность. П.И. Якир, прибывший в колонию для малолетних в 1938 г., писал: «Первые 14 дней был карантин»[9]. В. Александровский

---

[1] Там же. С. 112.

[2] Там же. С. 117.

[3] Там же. С. 112.

[4] По существовавшим нормам, бараки были рассчитаны на 100–200 человек.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 6. С. 113.

[6] Карантин в зоне // Блог двух зеков из Татарстана http://2zeka.ru/post/tag/karantin

[7] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. 1924. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 43.

[8] Положением об исправительно-трудовых лагерях. 7 апреля 1930 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 гг. М., 2000. С. 67.

[9] Якир П.И. Детство в тюрьме. Л., 1972. С. 125.

называет продолжительность карантина в три недели, поясняя: это срок инкубации брюшного тифа[1]. Именно такой предусматривалась продолжительность карантина в особых лагерях[2].

Для чего нужен карантин: во-первых, это, как уже говорилось, санобработка в виде стрижки и бани (или душа), во-вторых, переодевание в лагерную одежду, в-третьих, размещение в бараках или камерах, в-четвёртых, медицинское освидетельствование, в-пятых, распределение на работу; в-шестых, ознакомление с правилами пребывания в заключении.

Описывая свой первый день в лагере, А.И. Солженицын не только упустил такую мелочь, как карантин, но и допустил ещё одну, связанную с этим, «неточность». Готовясь к встрече с лагерным начальством, он «в этот день нарочно» «нарядился» (гимнастерка со «стоячим воротом», «широкий офицерский ремень», «галифе», да, наверное, и хромовые сапоги), чтобы начальство сразу же обратило на него внимание: «ничто мне, что тачку катать» (так в тексте) и таким образом сумел получить должность мастера глиняного карьера[3].

По свидетельству А.И. Солженицына, «в своём военном одеянии»[4] (в другом случае: «в своем офицерском одеянии»[5]) он затем ходил и на работу. «Ходил в военном», пока продолжал оставаться на должности мастера[6]. И только после того, как его отправили в карьер простым рабочим, вспоминал он, «мне пришлось расстаться с моей военной формой, потому что дурно в ней копать глину. Гимнастерку и галифе я спрятал в свой чемодан, а в лагерной каптёрке получил латаное линялое тряпьё, выстиранное будто после года лёжки в мусорном ящике» (правда, работал он в карьере всего «пять дней»)[7].

Когда израильская читательница «Архипелага» Лия Горчакова познакомилось с этим эпизодом, она обратилась к своему мужу Генриху Натановичу, который тоже побывал в ГУЛАГе, и тот заявил: «“Широкий офицерский пояс” — в лагере абсолютно исключается! Прибыв на Лубянку, он (А.И. Солженицын — *А.О.*) его и в глаза больше не видел» [8].

«Да и “нарядился нарочно”?! — уточнял Н.Н. Горчаков, — в лагерях не наряжались! Ещё в самом начале, только прибыв в лагерь, зек мог какое-то короткое время (видимо, в первые дни карантина, до бани — *А.О.*) быть одетым в своё, не казённое. Но в военном никого в лагерях я никогда не видел — так ведь могли и в побег уйти». И далее: «Сразу после пересылки все свои вещи сдавали в каптёрку — ***до твоего освобождения***»[9].

---

[1] Александровский Вадим. Записки лагерного врача. М., 1996. С. 6.

[2] Инструкция о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 6. С. 116.

[4] Там же. С. 117.

[5] Там же. С. 120.

[6] Там же. С. 121.

[7] Там же. С. 120–121.

[8] Горчакова-Эльштейн Л. Жизнь по лжи. 2009. С.

[9] Там же. С.

Статья 118 «Исправительно-трудового кодекса РСФСР» 1924 г. гласила: «Предметы вещевого довольствия, выдаваемые заключённым, составляют: одежда, бельё, обувь и постельные принадлежности»[1]. Об этом же говорилось во «Временной инструкции о режиме содержания заключённых в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», утверждённой 2 августа 1939 г. Один из пунктов этой инструкции (37) специально предусматривал выдачу заключённому «в личное пользование» необходимых ему вещей («верхняя одежда, обувь, бельё, постельные принадлежности и т.д.»)[2].

Из этого вытекает: заключённый А.И. Солженицын находился в Новом Иерусалиме на особом положении, так как не проходил карантин, после распределения на работу продолжал носить прежнюю офицерскую одежду и совершил переодевание в лагерную одежду по собственному желанию, а не по требованию администрации лагеря.

Получив лагерное обмундирование, А.И. Солженицын должен был щеголять в нём и в дальнейшем, о чём свидетельствует 38-й пункт «Временной инструкции»: «При направлении заключённого из одного лагеря (лагподразделения) в другой или в колонию, с убывающим заключённым сверяется наличие у него полученных вещей в личное пользование и необходимые изменения вносятся в арматурную книжку, которая пересылается вместе с личным делом заключённого»[3].

Это значит, что когда 9 сентября 1945 г. А.И. Солженицына перевели из Нового Иерусалима в Москву на Калужскую заставу[4], он должен был прибыть туда в той лагерной одежде, которая была на нём до этого, а здесь или остаться в этой одежде или после нового карантина получить новую. Однако когда А.И. Солженицын прибыл в Москву и «на второй день» предстал перед начальником лагучастка, на нём опять были «галифе, заправленные в сапоги» и «длиннополая шинель»[5].

Здесь через некоторое время его снова переодели в лагерную одежду[6], в которой летом 1946 г. должны были доставить в Бутырскую тюрьму. Все прибывающие в тюрьму тоже проходили карантин. Повествуя в романе «В круге первом» о том, как принимала Лубянка Иннокентия Володина, А.И. Солженицын упоминает санобработку (стрижку волос, приём душа) и пишет: «Затем ему выдали грубое застиранное белье с чёрными штампами “Внутренняя тюрьма” на спине и животе»[7].

Между тем, рассказывая о своём знакомстве в Бутырской тюрьме с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, А.И. Солженицын писал: «Застигнутый врасплох, я сто-

---

[1] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. М., 1924 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 44.

[2] Временной инструкции о режиме содержания заключённых в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР. 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 457–473. См. также: «Табель вещевого довольствия заключённых, находящихся в лагерях и ИТК ГУЛАГа НКВД СССР» (Там же. С. 484–485).

[3] Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 457–473.

[4] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 18–19.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 6. С. 170

[6] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 20, 39.

[7] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 269.

ял перед ним в своей длинной затасканной шинели и в зимней шапке (***арестованные зимой обречены и летом ходить в зимнем***)»[1]. Оставим на совести автора зимнюю шапку на его голове летом 1946 г. в душной камере Бутырской тюрьмы. Мало ли дураков, которые в это могут поверить. Главное в другом. Оказывается, и на этот раз то ли А.И. Солженицына доставили в тюрьму в военной форме, то ли переодели в неё уже здесь[2].

Показательно, что когда летом 1946 г. А.И. Солженицына снова доставили на Лубянку, ему снова удалось избежать переодевания. Рассказывая об этом эпизоде с его слов, Л.И. Сараскина пишет: «Раздевание догола, ощупывание, стрижка волос на голове и в местах их скопления на лице и теле, снова одевание (*в свою одежду без пуговиц и застёжек*), опять раздевание и опись особых примет, измерение роста, *помывка, прожарка*[3], фотографирование, отпечатки пальцев… Весь этот *приёмный конвейер* изматывает и подавляет, хотя с точки зрения тюрьмы, процедуры подчиняются внятной логике и давно заведённому порядку: предварительный обыск, установление личности, приём под расписку, основной обыск, первая санобработка, запись примет и медосмотр»[4].

Не распространялись на заключённого А.И. Солженицына и некоторые другие правила.

Н.А. Решетовкая вспоминала, что после перевода Александра Исаевича в Москву она навещала мужа два раза в неделю[5]. А весной 1946 г. А.И. Солженицын сообщил жене «слух, что свидания будут разрешаться теперь ***не больше 1–2 раз в месяц***. Просто дрожь берёт перед такой жестокостью!»[6].

Между тем Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. гласила: «74. Заключённым свидания разрешаются 1 раз в 6 месяцев и в порядке поощрения лучшим производственникам до 1 раза в 3 месяца»[7]. Но на заключённого А.И. Солженицына это правило не распространялось.

Кто же допускал это? Ответ на этот вопрос даёт та же «Временная инструкция»: «Заключённым, осуждённым за преступления, перечисленные в п. “а” № 65, свидания допускаются только с разрешения начальника ГУЛАГа НКВД. Заключённым, осуждённым за преступления, перечисленные в п. “б” № 65, свидания допускаются только с разрешения начальника лагеря по обязательному согласованию с 3 отделом»[8].

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 414.

[2] В военной форме А.И. Солженицын возникает на страницах «Архипелага» еще по крайней мере два раза (Там же. С. 368–369, 411). И когда Л.З. Копелев летом 1947 г. появился в марфинской шарашке, он увидел А.И. Солженицына «в застиранной армейской гимнастерке» (Копелев Л.З. Утоли мои печали. С. 32)

[3] О «прожарке» см. также: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 380

[4] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 322–323.

[5] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 21, 22.

[6] Там же. С. 25.

[7] Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 457–473.

[8] Там же.

А поскольку А.И. Солженицын принадлежал ко второй группе лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, то разрешение на отступления от правил, регулирующих свидания, мог дать только начальник лагеря по согласованию с оперчекисткой частью (так к тому времени стали называться третьи отделы). Но что могло подвигнуть начальника лагеря и оперчасть на то, чтобы взять на себя ответственность за нарушение «Временных правил» ради совершенно неизвестного им заключённого?

Был в этой инструкции ещё один пункт, который предусматривал свидания только «в свободное от работы время» (п.78)[1]. Одним таким днём было воскресенье[2]. А когда А.И. Солженицын встречался с женой в будние дни, ведь у него свободным был только вечер? Но, как явствует из воспоминаний Н.А. Решетовской, первое их свидание состоялось днём прямо на вахте лагеря[3].

Из воспоминаний Н.А. Решетовской явствует, что А.И. Солженицын не только регулярно встречался с женой, но и столь же регулярно получал передачи. Упомянутая Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР[4] гласила: «81. Заключённым разрешаются передачи (посылки). Передачи бывают: а) при предоставлении свиданий; б) путём получения посылок по почте раз в месяц». А далее шло уточнение: «Заключённым, осуждённым за контрреволюционные преступления, получение передач (посылок) разрешается в 3 месяца один раз».

В 1940 г. это ограничение было отменено: «Получение передач (***посылок***) разрешается всем заключённым, независимо от характера совершённого преступления, без ограничений»[5].

Однако в данном случае речь шла только о посылках. Передачи при свидании остались в зависимости от тех правил, которые регулировали сами свидания. Следовательно, позволяя А.И. Солженицыну нарушать существующие правила о свиданиях, администрация лагеря тем самым позволяла ему получать передачи не раз в полгода, в три месяца или в месяц, а два раза в неделю.

В связи с этим заслуживает внимания ещё один факт. Первую передачу в Новом Иерусалиме А.И. Солженицын получил не от своей жены, а от её тёти — Вероники Николаевны Туркиной, которая для этого специально ездила в Новый Иерусалим[6]. А так как передачи могли поступать к заключённым, или по почте, или же во время свидания, получается, что В.Н. Туркина в сентябре 1945 г. получила свидание с А.И. Солженицыным. Причём в этом отношении она была не единственным человеком. Как пишет Л.И. Сараскина, демобилизованный И.М. Соломин в мае 1946 г. тоже «навестил бывшего командира на Калужской»[7].

---

[1] Там же.

[2] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 21, 22.

[3] Там же. С. 20.

[4] Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М.: «РОССПЭН», 2003. С. 269–319.

[5] Циркуляр Главного Управления Исправительно-трудовых лагерей НКВД Союза ССР 21 января 1940 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 474–475.

[6] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 19.

[7] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 318.

Между тем во «Временной инструкции» однозначно говорилось, что свидания разрешаются «только с прямыми родственниками (женой, мужем, родителями, детьми) заключённых»[1].

Несмотря на то, что А.И. Солженицын и Н.А. Решетовская довольно часто встречались на Калужской заставе, они регулярно переписывались.

Из «Временной инструкции»: «86. Заключённым разрешается вести переписку без ограничения. Заключённым, осуждённым за контрреволюционные преступления, перечисленные в п. «а» № 65, разрешается переписка один раз в три месяца. Заключённым, осуждённым за контрреволюционные преступления, перечисленные в п. «б» № 65, разрешается переписка 1 раз в месяц»[2], это же правило существовало и в шарашках[3], а в особом лагере, куда он был отправлен летом 1950 г. разрешалось только четыре письма в год[4].

Это значит, что с августа 1945 по февраль 1953 г. А.И. Солженицын мог отправить около 75 писем. Между тем, по свидетельству Н.А. Решетовской, в её архиве сохранилось «172 тюремно-лагерных письма и 13 открыток»[5]. Получается, что правила, регулирующие переписку заключённых, на А.И. Солженицына тоже не распространялись.

Тем, кто знаком с литературой о А.И. Солженицыне, известна его арестантская фотография, на которой он изображён по пояс с бритой головой и в какой-то куртке. Оказывается, эта фотография была сделана на Калужской заставе. «Неожиданно, — вспоминала Н.А. Решетовская, — присылает фотографию. Уму непостижимо, как ему удалось сфотографироваться за колючей проволокой?»[6]. Добавлю от себя — и переслать фотографию на волю.

Таким образом, после объявления приговора человек, называвший И.В. Сталина «Паханом», характеризовавший советское государство как феодальное и готовившийся к борьбе с ним (к «войне после войны»), не только начинал своё «хождение по мукам» в «подмосковной Швейцарии» и в самой Москве, но и находился здесь на совершенно особом положении.

А поскольку администрация лагеря и в Новом Иерусалиме, и в Москве, допуская нарушение существовавших правил содержания заключённых, не могла не понимать, что подвергает себя определённому риску, то на подобные нарушения она могла пойти только под действием каких-то влиятельных структур. Но кто мог, с одной стороны, протежировать заключённому А.И. Солженицыну, с другой стороны, гарантировать администрации лагеря защиту от возможных служебных неприятностей, а может быть, и уголовного наказания? Только органы государственной безопасности.

---

[1] Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 457–473.

[2] Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 457–473. В 1945 г. заключённым ИТЛ было разрешено отправлять до двух писем в месяц (История сталинского ГУЛАГА. Т. 4. С. 264).

[3] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 327.

[4] Временная инструкция о режиме содержания заключённых в ИТЛ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

[5] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 8.

[6] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 39.

«Ядерный физик»

Описывая свои первые лагерные будни, А.И. Солженицын подчёркивал нечеловеческие условия, в которых находились новоиерусалимские заключённые: для сна «голые вагонки» — «это четыре деревянных щита в два этажа на двух крестовых опорах — в голове и ногах», «матрасов в лагере не выдают, мешков для набивки — тоже. Слово "бельё" неведомо… здесь не бывает постельного, не выдают и не стирают нательного, разве что на себе привезёшь и озаботишься. И слово "подушка" не знает завхоз… Вечером ложась на голый щит, можешь разуться, но учти — ботинки твои сопрут. Лучше спи в обуви. И одежонки не раскидывай: сопрут и её»[1].

Работали заключённые в три смены[2] по 8 часов[3]. Но, по словам А.И. Солженицына, хотя первая смена возвращалась с работы «в третьем часу дня», барак успокаивался и засыпал только «с половины двенадцатого»[4].

Несмотря на это, уже в одном из первых писем А.И. Солженицын писал: «Особо прошу Вас привезти мне: 1) писчей бумаги любого качества: 2) пару простеньких блокнотиков: 3) пару тонких тетрадочек: 4) 2–3 стальных пера, которые бы только писали: 5) ручку тонкую: 6) пару мягких карандашей»[5].

Почти одновременно с этим, отмечала Н.А. Решетовская, он «просит меня прислать ему список ***книг и учебников английского языка***, которые сохранились у нас от его мамы. Особенно просит найти учебник Берлитца и англо-русский словарь Боянуса, карманный с международной транскрипцией. Он не на шутку решил усовершенствовать знание английского языка»[6].

«Через неделю в письме к тёте Вероне он повторяет просьбу об учебниках и словарях, добавив к ней лёгкие английские книжки с подстрочными словарями и уроками-лекциями Института иностранных языков, отпечатанных в виде брошюр»[7].

Из писем А.И. Солженицына явствует, что занятия английским языком он продолжал и в Москве на Калужской заставе[8].

А.И. Солженицын был невероятно прагматичным человеком. Поэтому если, попав в лагерь, он в нечеловеческих условиях начал изучать иностранный язык, причём не немецкий, а английский, значит, эти знания ему могли понадобиться в ближайшем будущем. Но где? Ведь не на кирпичном же заводе в Новом Иерусалиме и не стройках Москвы. Значит, оказавшись за колючей проволокой, А.И. Солженицын начал готовиться к какой-то другой деятельности, за пределами этих двух лагерей. Но разве может обычный заключённый знать, где и в каком качестве он будет отбывать свой

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 113.

[2] Там же. Т. 6. С. 114.

[3] Там же. Т. 6. С. 120.

[4] Там же. Т. 6. С. 114.

[5] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 15–16.

[6] Там же. С. 16–17.

[7] Там же. С. 17.

[8] Там же. С. 23–24.

срок? Конечно, нет. Но тогда следует признать, что кто-то, от кого зависела судьба А.И. Солженицына, указывал ему соответствующие ориентиры.

Примерно в январе 1946 г. «в наш лагерь, — пишет А.И. Солженицын, — приехал какой-то тип и давал заполнять учётные карточки ГУЛАГа… Важнейшая графа там была “специальность”. И чтоб цену себе набить, писали зэки самые золотые гулаговские специальности: “парикмахер”, “портной”, “кладовщик”, “пекарь”. А я прищурился и написал: “ядерный физик”»[1].

«Ядерным физиком я отроду не был, только до войны слушал что-то в университете, названия атомных частиц и параметров знал — и решился написать так. Был 1946 г., атомная бомба была нужна позарез. Но я сам той карточке значения не придал, забыл»[2].

Хотя Александр Исаевич учился на физико-математическом факультете, но окончил университет только с одной специальностью — «преподаватель математики»[3]. Поэтому если бы в НКВД или в НКГБ (в 1946 г. они были переименованы в МВД и МГБ) обратили внимание на него как на ядерного физика, обман обнаружился бы сразу. Следовательно, или весь эпизод с анкетой придуман, или же данная профессия была указана А.И. Солженицыным ***под чью-то диктовку***.

На этот эпизод можно было бы не обращать внимания, если бы не воспоминания Л.В. Власова, с которым А.И. Солженицын познакомился в 1944 г. и который после окончания войны узнал от Н.А. Решетовской об аресте А.И. Солженицына[4]

«Мысль одна, — читаем мы в воспоминаниях Л.В. Власова, — если нельзя помочь, то как облегчить положение узника? Страна готовилась к выборам в Верховный Совет СССР. На встрече с избирателями Берия говорил о необходимости быстро овладеть секретом атомной энергии. Я подумал: Солженицын имеет два высших образования (окончил физико-математический факультет Ростовского университета и Московский институт истории, философии и литературы — заочно). Такой человек вполне мог бы принять участие в подобных изысканиях. Об этом в адрес Берия и улетело моё послание»[5].

В этом свидетельстве много странного: во-первых, что Л.В. Власов, случайный знакомый А.И. Солженицына, знал о нём как о физике или математике, во-вторых, трудно поверить, что он мог вступиться за малознакомого ему репрессированного человека, а в-третьих, откуда ему было известно, что существовавший советский атомный проект курировал Л.П. Берия, в «избирательной речи» которого, кстати, на эту тему не было ни слова[6].

Можно было бы отнести эти воспоминания к фольклору. Однако, как явствует из письма А.И. Солженицына Н.А. Решетовской от 18 июля 1946 г., такое письмо Л.В. Власова действительно обсуждалось[7].

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 409.

[2] Там же. С. 409.

[3] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 27.

[4] Там же. С. 66.

[5] Там же. С. 67.

[6] Там же.

[7] Решетовская Н.А. В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006. С. 41.

В связи с этим обращает на себя внимание следующий фрагмент из «Архипелага»: «На долгие воскресные дневные проверки во дворе я пытался выходить с книгой (подальше держась от литературы, всегда — с физикой)»[1]. Этот факт нашел отражение и в переписке А.И. Солженицына с женой. 26 марта 1946 г. он писал ей: «Зубрю сейчас физику».[2]

Таким образом, оказавшись за колючей проволокой, А.И. Солженицын начал изучать не только английский язык, но и физику. Значит, в ближайшее время ему, математику, могли понадобиться и знания по физике. Но где? Чтобы понять это, посмотрим, какая физика его интересовала. В одном из писем жене он просил принести ему «физику Михельсона», «Физическую химию Бродского», а потом и «Теорию относительности Эйнштейна» Макса Борна[3].

«Физика» Владимира Александровича Михельсона (1860–1927) выдержала 10 изданий. Предварительное издание появилось ещё в 1913–1914 гг.[4] В первом томе рассматривалась такая проблема, как молекулярная физика, во втором — строение атома. Выдержавшая 5 изданий «Физическая химия» Александра Ильича Бродского тоже содержала сведения о строении атома[5]. Книга крупнейшего специалиста в области атомной физики Макса Борна о теории относительности к тому времени переводилась в нашей стране дважды[6].

«За десять лагерных месяцев, — пишет Л. Сараскина о А.И. Солженицыне, — он успеет основательно проштудировать ***несколько учебников по физике***, вчитается в Макса Борна, увлечётся теорией относительности Эйнштейна»[7].

Таким образом, назвавшись «ядерным физиком», А.И. Солженицын не только не забыл об этом, но и начал знакомиться с «ядерной физикой».

Более того, как явствует из книги Л. Сараскиной, «в конце мая» 1946 г. А.И. Солженицыне писал жене: «У нас тут имеются сведения, что при СНК создано специальное 1-е управление под руководством Берия, которое ни на что не взирает в борьбе за создание атомной бомбы. Нужен заключённый — его освобождают и посылают туда, куда им требуется»[8].

Все письма заключённых передавались на волю в незапечатанном виде и проходили перед отправкой проверку. Как же из лагеря могло уйти письмо, в котором

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 6. С. 175.

[2] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 23.

[3] Там же.

[4] Михельсон В.А. Физика. Вып.1–2. М., 1913–1914. См. также: 1-е изд. Т. 1–2. М., 1922. 2-е изд. М.–Пг., 1923–1926. Физика. Механика, теплота, свет, электричество и магнетизм. М–Л., 1930. 4-е изд. М., 1930: 6-е изд. М., 1931. Т. 1. 7-е изд. М., 1933. 8-е изд. М.–Л., 1934. Т. 1. Механика, молекулярная физика, термодинамика. Т. 2. 9-е изд. Электричество. Оптика. Строение атома. М.–Л., 1938. 10-е изд. Т. 1. М.–Л., 1939: Т. 2 Электричество. Оптика. М.–Л., 1940.

[5] Бродский Александр Ильич. Физическая химия. Т. 1. Свойства материи и химическая кинетика. Т. 2. Химическая термодинамика и статика, электрохимия и фотохимия. Харьков, 1932. 282+380 с. 2 изд. Харьков, 1933. 3-е изд. М.–Л., 1934–1936; 4-е изд. М., 1935. 5-е изд. М., 1944.

[6] Борн М. Теория относительности. Пг., 1922; Борн М. Теория относительности Эйнштейна и её физические основы М.–Л., 1938;

[7] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 319.

[8] Там же. С. 320.

упоминалось совершенно секретное «1-е управление» и фигурировала фамилия его первого начальника Л.П. Берия?

Более того, поскольку решение о создании упоминаемого А.И. Солженицыным управления имело совершенно секретный характер, оно было известно только очень узкому кругу лиц, ещё уже был круг лиц, которым было известно, что общее руководство по созданию советской атомной бомбы действительно возглавляет Л.П. Берия. Каким же образом всё это знал заключенный А.И. Солженицын, который находился в лагпункте, занимавшемся обычным строительством, и вряд ли знал даже фамилию начальника своего СМУ (строительно-монтажного управления)?

А дальше случилось неожиданное. «Моя лагерная жизнь, — писал Александр Исаевич, — перевернулась в тот день, когда я со своими скрюченными пальцами (от хватки инструмента они у меня перестали разгибаться) жался на разводе в плотницкой бригаде, а нарядчик отвёл меня от развода и со внезапным уважением сказал: “Ты знаешь, по распоряжению министра внутренних дел…”»[1].

Это произошло 18 июля 1946 г., когда с Калужской заставы А.И. Солженицына снова перевели в Бутырку[2]. «Через две недели (30 июля), — пишет Л.И. Сараскин, разумеется, со слов своего героя, — его вызвали на Лубянку. Снова был знакомый цикл — с боксами, коридорами, банями и прожарками»[3].

«Допрашивал меня какой-то в штатском; — вспоминал А.И. Солженицын, – но так как полковник перед ним вертелся, мне стало ясно, что в штатском был генерал. Он спросил, занимался ли я атомной физикой. Я отвечал: с общими вопросами знаком, физмат кончал. “А с какими вопросами?” Я нарисовал принципиальную кривую, которая показывает, где какие возможности атомной бомбы существуют, где нет, по атомным весам, по физическим элементам. Он понял, что я не вру. Поинтересовался: “А экспериментальный опыт имеете?” Я признался, что эксперимента не знаю. “Хорошо”. Лубянка отпустила с миром»[4].

Получается, что А.И. Солженицын неслучайно зубрил физику.

Однако приведённый разговор, конечно, выдумка. Как уже отмечалось, чтобы установить, занимался ли А.И. Солженицын в студенческие годы атомной физикой, достаточно было обратиться к его диплому, в котором значилось, что он закончил физмат по специальности «математик» и уже по одной этой причине никакого экспериментального опыта в атомной физике не имел и не мог иметь. А вести пустые разговоры с ним никто бы не стал.

Однако сам факт пребывания А.И. Солженицына летом 1946 г. на Лубянке и разговор с ним о ядерной физике заслуживает внимания. Получается, что летом 1946 г. рассматривалась возможность привлечения его к атомному проекту. А поскольку Александр Исаевич не имел к ядерной физике никакого отношения и это прекрасно было известно на Лубянке, речь могла идти об использовании его прежде всего в качестве секретного сотрудника.

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. 408–409.

[2] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 41.

[3] Сараскина Л. И. Александр Солженицын. С. 322.

[4] Там же. С. 322–323.

До 1945 г. строго засекреченные работы в этом направлении вели два учреждения: Радиевый институт в Ленинграде и ФИАН в Москве. Ни одно, ни другое учреждение к числу «шарашек» не принадлежали. Однако в 1945 г. сотрудничать с Советским Союзом в создании атомной бомбы согласились некоторые немецкие физики-атомщики (как из числа военнопленных, так и живших в Германии). Среди них — Манфред Ардене, Густав Герц, Роберт Доппель, Хайнц Позе, Николаус Риле, Карл Циммер, Макс Штеенбек и др.

20 августа 1945 г. для объединения деятельности и ускорения работ по созданию атомной бомбы был создан Специальный комитет под председательством Л.П. Берии и ПГУ при Совмине СССР под руководством бывшего наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова[1].

20 января 1946 г. приказом НКВД в рамках этого ведомства было создано специальное 9-е управление для руководства использованием иностранных специалистов, которое возглавил А.П. Завенягин.[2]

«В своем отчёте Сталину 23.12.46 г. И.В. Курчатов сообщал, что всего в 9-м Управлении МВД СССР работает 257 немецких специалистов. Из них 122 доставлены из Германии, а 135 из лагерей для военнопленных» [3].

При участии этих учёных и было создано несколько атомных шарашек[4]: «*на заводе № 12 (директор докт. Риль) в Ногинске — 14; в Институте "Г" (директор проф. Герц) в Сухуми — 96; в Институте "А" (директор Арденне) в Сухуми — 106; в Лаборатории "В" (проф. Позе) в г. Обнинске — 30*».[5]

Сколько времени А.И. Солженицын пробыл на Лубянке, мы не знаем. Но известно, что именно здесь произошло его знакомство с Николаем Васильевичем Тимофеевым-Ресовским (1900–1981).

Известный русский биолог-генетик, он долгое время работал в Германии, стал невозвращенцем, был причастен к германскому атомному проекту. «13 сентября 1945 года Тимофеев-Ресовский был задержан опергруппой НКВД города Берлина, этапирован в Москву и помещён во внутреннюю тюрьму НКГБ. 4 июля 1946 г. Военная коллегия Верховного суда РСФСР приговорила его к 10 годам лишения свободы по обвинению в измене Родине»[6].

Н.В. Тимофеев-Ресовский вспоминал: «Завенягин и Курчатов хотели в атомную систему меня забрать вместе с моими старшими немецкими сотрудниками: физиком Циммером, радиохимиком Борном, радибиологом Качем. Завенягин для меня готовил объект на Урале»[7].

---

[1] Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров, 2003. С. 69.

[2] Приказ МВД СССР «Об обеспечении размещения специалистов в Институт «Б» 9-го управления МВД СССР. № 00512. 31 мая 1946 г. // Там же. С. 472–473.

[3] Симоненков В. Шарашки. Инновационный проект Сталина. М., 2011. С. 70.

[4] Об использовании немецких специалистов см: Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2 . М.–Саров, 2000. С. 81, 122, 281–283, 312, 319–321, 340–341, 355–356, 375–378, 389–390, 479–485, 534–537, 546–548, 604–605.

[5] Симоненков В. Шарашки. Инновационный проект Сталина. М., 2011. С. 70.

[6] Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев Ресовский. 1900–1981 гг. М., 2002. С. 234–236.

[7] Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М., 2008. С. 315

Среди прочих учреждений, которые должно было возглавить руководимое А.П. Завенягиным управления, находился «институт Б»[1]. Он должен был разместиться в Челябинской области, причём ремонт помещений для него планировалось завершить к 1 июня 1946 г.[2]

Директором института был назначен А.К Уралец, Н.В. Тимофееву-Ресовскому планировалось доверить руководство Радиобиологическим отделом[3]. Выявленные документы свидетельствуют, что А.П. Завенягин обратился к наркому государственной безопасности В.Н. Меркулову с просьбой по завершении следствия передать Н.В. Тимофеева-Ресовского в распоряжение только что созданного 9-го Управления НКВД 4 февраля 1946 г. и тогда же получил согласие наркома[4].

Поэтому в Бутырской пересыльной тюрьме Н.В. Тимофеев-Ресовский ждал распоряжения о направлении его на Урал.

Уже один тот факт, что «ядерный физик» А.И. Солженицын «случайно» оказался в одной камере с человеком, который участвовал в германском атомном проекте и которого именно в это время планировалось привлечь к советскому атомному проекту, заслуживает особого внимания. Однако совпадения на этом не заканчиваются.

По свидетельству А.И. Солженицына, Н.В. Тимофеев-Ресовский организовал в камере своеобразный семинар по обмену научными знаниями и профессиональным опытом[5]. Поэтому, когда появился Александр Исаевич, ему тоже было предложено провести беседу. Виктору Когану запомнилось, что будущий писатель познакомил их с техникой звуковой артиллерийской разведки[6]. А.И. Солженицын утверждает, что темой его выступления был рассказ об одной только что вышедшей книге.

«Тут я вспомнил, — писал он, — что недавно в лагере была у меня ***две ночи*** принесённая с воли книга — официальный отчёт военного министерства США о первой атомной бомбе. Книга вышла этой весной. Никто в камере её ещё не видел»[7].

Речь идёт о книге Г.Д. Смита «Атомная энергия для военных целей. Официальный отчёт о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США» (276 с.). Она увидела свет в США 12 августа 1945 г.[8], сразу же привлекла к себе внимание НКГБ[9], немедленно была переведена на русский язык, 10 ноября сдана в на-

---

[1] Приказ НКВД «Об организации 9-го управления НКВД СССР». 20 января 1946 г. // Некрасов В.Ф. НКВД-МВД и атом. М., 2007. С. 446.

[2] Приказ МВД СССР «Об обеспечении размещения специалистов в Институт «Б» 9-го управления МВД СССР. № 00512. 31 мая 1946 г. // Там же. С. 472–473.

[3] Там же. С. 137–138.

[4] Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. 1900–1981. М., 2002. С. 236–237.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 414.

[6] Коган В. Два обращенца // Континент. Париж, 1981. № 29. С. 153.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 414.

[8] Смит Г.Д. Атомная энергия для военных целей. Официальный отчёт о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США. М., 1946. С. 5

[9] Докладная записка Б.Л. Ванникова и В.А. Махнева Л.П. Берия об издании книги Г.Д. Смита. 22 января 1946 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т.II. Атомная бомба 1945–1954. Кн. 2. Москва–Саров, 2000. С. 402–403.

бор и 30 января 1946 г. подписана к печати[1]. К 26 февраля 1946 г. тридцатитысячный тираж был отпечатан в типографии НКВД[2]. После этого необходимо было произвести фальцовку и переплёт, а также дать отлежаться каждой книге под прессом. Для этого требовалось не менее двух недель. Поэтому к читателям книга могла пойти только во второй половине марта. 12 тыс. экземпляров предполагалось распределить «через Академию наук, Наркомпросс, Комитет по делам высшей школы и КОГИЗ», остальные 18 тыс. направить в свободную продажу[3]. Учитывая, что для этого требовалось соблюсти определённые формальности, можно утверждать, что до библиотек книга могла дойти в лучшем случае в конце марта – начале апреля. Если взять ещё время на обработку новой литературы, то читателям она могла стать доступной никак не ранее апреля 1946 г.[4]

А как она оказалась у заключённого А.И. Солженицына на Калужской заставе? Если верить Н.А. Решетовской, услышав об этой книге, она одной из первых взяла её на абонементе библиотеки МГУ и передала мужу в лагерь на Калужской заставе[5]. Когда именно это произошло, она не писала, но в её воспоминаниях есть деталь, которая позволяет получить представление на этот счёт.

По свидетельству Н.А. Решетовской, первоначально она встречалась с мужем «два раза в неделю»[6], затем «в конце апреля» в лагере объявили карантин, а после карантина разрешили свидания «не больше одного–двух раз в месяц»[7]. Это значит, что А.И. Солженицын мог получить книгу Г.Д. Смита на «две ночи» не позднее второй половины апреля, т.е. сразу, как только книга стала доступна читателям[8].

А через некоторое время «рекомендованный» Л.П. Берии «ядерный физик» оказался в одной камере с человеком, который ещё совсем недавно был причастен к немецкому атомному проекту и по этой причине знал по крайней мере некоторых немецких физиков-атомщиков, которые согласились участвовать в создании советской атомной бомбы[9].

Это наводит на мысль, что летом 1946 г. А.И. Солженицын неслучайно оказался в одной камере с Н.В. Тимофеевым-Ресовским.

---

[1] Смит Г.Д. Атомная энергия для военных целей. Официальный отчёт о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США. М., 1946. С. 2

[2] Докладная записка Б.Л. Ванникова и В.А. Махнева Л.П. Берия об издании книги Г.Д. Смита. 22 января 1946 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т.II. Атомная бомба 1945–1954. Кн. 2. Москва–Саров, 2000. С. 403 (примечания).

[3] Там же. С. 402.

[4] Правда, объявление о её выходе в свет появилось в «Книжной летописи» только осенью 1946 г. (Книжная летопись. 1946. № 42. С. 19).

[5] Запись беседы с Н.А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

[6] Решетовская Н.А. В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006. С. 22.

[7] Там же. С. 25.

[8] Сараскина: «жадно проглотит вышедший весной и принесённый с воли официальный отчёт военного министерства США о первой атомной бомбе» (Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 319).

[9] Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М., 2008. С. 315.

Однако произошел непонятный сбой. После оглашения приговора Н.В. Тимофеев-Ресовский был направлен не на Урал, где для него уже создавалась научная лаборатория, а в Карлаг[1]. А А.И. Солженицына отправили в Рыбинск[2].

По островам «Архипелага»

Перед этим «его снова вызвали на беседу, уже в самих Бутырках: “Математик?” “Да”. “Рассчитать колебательный контур можете?” “Конечно, могу”. И его наметили для работы по специальности в радиотехническую шарашку»[3]. В данном случае имеется в виду шарашка, существовавшая под Москвой в бывшем имении Рябушинских Кучино. Она занимались разработкой радиоаппаратуры, используемой спецслужбами для разведки, прослушки, оперативной связи[4].

И хотя А.И. Солженицын закончил физико-математический факультета, по специальности был математиком, его направили не в Кучино, а в Рыбинск (тогда Щербаков) в авиационную «шарашку».

Получается, что к 18 июня 1946 г., когда распоряжением министра внутренних дел А.И. Солженицына из лагеря перевели в Бутырскую тюрьму для направления в шарашку, этот вопрос был решён без учёта его профессиональной специализации! Но тогда получается, что он был нужен в шарашке не как специалист, а как глаза и уши МГБ.

27 сентября 1946 г. А.И. Солженицын прибыл в Рыбинск, а 4 октября 1946 г. писал жене: «У меня жизнь, как у моряка — нынче здесь — завтра там»[5]. И действительно, в Рыбинске А.И. Солженицын пробыл всего около полугода. Уже «перед Новым годом» «стало известно, что вскоре ему предстоит покинуть авиазавод». 21 февраля 1947 г. его отправили в Загорск, откуда в июле того же года перевели в Москву в марфинскую шарашку — НИИ связи[6]. Здесь он пробыл до мая 1950 г., когда был отправлен в экибастузский особый лагерь. 23 августа 1950 г., по дороге на новое место, А.И. Солженицын снова писал жене: «Предчувствия говорят мне, что ***мои странствия*** ещё не закончились. ***Много ещё может быть их***»[7].

Таким образом, за восемь лет А.И. Солженицын побывал на шести «островах» ГУЛАГА (Новый Иерусалим, Москва, Рыбинск, Загорск, Москва, Экибастуз).

Неужели это была судьба всех заключённых? Ничего подобного. Например, В. Фрид пробыл в Воркутинском лагере все 8 лет. Перемещения заключённых, как правило, происходили в трёх случаях: а) при переводе из лагеря в «шарашку», б) за

[1] И только после того, как эта ошибка была обнаружена, в конце того же 1946 г. его отправили на Урал. Туда же были переведены К.Г. Циммер, Г.И. Борх, А.З. Кач и Н.В. Риль (Там же. 237-240.)

[2] Рябой В.: 1) А.И. Солженицын в Рыбинске // Рыбинские известия. 1992. 24 ноября: 2) Был ли Солженицын в Рыбинске?: История одного поиска // Золотое кольцо. Ярославль, 1992. 22 декабря; 3) Была ещё одна жена… // Рыбинск. 1993. № 35 (май).

[3] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 323.

[4] Площадка «А» НИИ-1, бывшая Кучинская шарашка (Железнодорожный) http://wikimapia.org/

[5] Солженицын А.И. — Решетовской Н.А. 4 октября 1946 г. // Решетовская Н.А. В круге втором. С. 45.

[6] Там же. С. 62.

[7] Солженицын — Решетовской. 23 августа 1950 г. // Там же. С. 132.

допущенные нарушения с целью ухудшения условий содержания и в) в случае реорганизаций в лагерях и «шарашках».

Перевод А.И. Солженицына из Нового Иерусалима в Москву на Калужскую заставу он объяснял реорганизацией, заменой советских заключённых на кирпичном заводе немецкими военнопленными. Сложнее объяснить его перевод из московского лагеря в рыбинскую «шарашку».

А чем был вызван его перевод из Рыбинска в Загорск? Как пишет со слов А.И. Солженицына Л.И. Сараскина, «шарашка в Загорске занималась световой бомбой»[1]. Может быть, для этого понадобился математик? Но именно в таком качестве он использовался и в Рыбинске. Может быть, в Рыбинске были «лишние» математики или у него не сложились отношения с начальством. Однако в действительности оно не хотело его отпускать. Из этого можно сделать только один вывод: в Загорске А.И. Солженицын нужен был не как математик, а в каком-то другом качестве[2].

И действительно, хотя «в декабре 1946-го в Рыбинск поступило срочное распоряжение о переводе математика Солженицына в Загорск» и «тогда же из Москвы в Загорск сообщили, что шлют к ним Солженицына-физика»[3], по прибытии в Загорск он не был назначен ни физиком, ни математиком. «Здесь, — писал Александр Исаевич жене, — есть возможность использовать меня только как ***переводчика*** с немецкого и с английского, а математическая работа, если и будет, то ***не ранее осени***[4].

Это значит, что распоряжение о переводе его в Загорск в качестве математика и сообщение в Загорск о направлении туда его как физика имели фиктивный характер. Это можно было бы как-то объяснить, если бы А.И. Солженицын был известен как великолепный переводчик с немецкого и английского. Однако его профессиональный уровень в этом отношении был невысок. В результате за четыре месяца пребывания в Загорске он сумел побывать не только переводчиком, но и математиком, и библиотекарем[5].

В Загорске А.И. Солженицын тоже пробыл недолго, всего четыре месяца, после чего оказался в марфинской шарашке[6]. И здесь первоначально его использовали как библиотекаря[7] (должность, которую он затем передал штатному сотруднику МВД[8]). Это значит, что и сюда он был переведён не как специалист, а как оперативный работник.

Особого внимания заслуживает пребывание А.И. Солженицына не только в шарашках, но и на этапах и в тюрьмах, где в течение первых двух лет после ареста он провел почти половину времени. Лубянка (февраль–июнь 1945 г.) – Бутырки – Красная Пресня (июнь–август 1945 г.) – Бутырки – Лубянка – Бутырки – Иваново – Рыбинск (июнь–сентябрь 1946) – Бутырки (февраль–март 1947 г.). Не ставя

[1] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 326.

[2] Там же. С. 326–327.

[3] Там же. С. 326–327.

[4] Там же. С. 327.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 296.

[6] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 328–329.

[7] Там же. С. 331.

[8] Там же. С. 338.

перед собою задачу специального рассмотрения этого вопроса, отмечу только некоторые наиболее подозрительные факты.

В июне 1945 г. после оглашения приговора А.И. Солженицына перевели в Бутырскую тюрьму[1], где он пробыл около двух месяцев и за это время побывал, как минимум, в трёх–четырёх камерах. В одной из камер он оказался вместе с заключённым Вячеславом Добровольским, потом «в Бутырской церкви» — с Георгием Ингалом, затем в «бутырской камере, полубольничной», с Борисом Исаковичем Гамеровым (1923–1946). Все они были однодельцами[2].

В феврале 1947 г. из Рыбинска в Загорск А.И. Солженицына могли доставить таким же образом, каким он был доставлен туда, т.е. в обычном арестантском вагоне. Однако его отправили со спецконовем. «Мой переезд предполагается в такой же комфортабельной форме, как я ехал с фронта», — сообщал он жене 20 февраля 1947-го. А на следующий день два конвоира и в самом деле взяли его на этап — ехали обычной электричкой (это, конечно, ошибка, нужно читать: обычным поездом — *А.О.*) из Рыбинска в Москву, на Ярославском вокзале сели в трамвай (спецконвой, предъявив кондуктору удостоверения, билетов не брал), от остановки пешком шли до ворот “Санатория Бутюр”, где ожидался знакомый ритуал приёмки»[3].

Ранее уже отмечалось, что под спецконвоем заключённых доставляли в двух случаях: а) если необходима была срочная доставка их из одного места в другое и б) если это было связано с проведением каких-либо специальных операций.

Как известно, от Рыбинска по железной дороге можно добраться до Ярославля, а от Ярославля до Загорска. Иначе говоря, из Рыбинска в Загорск А.И. Солженицына могли доставить за несколько часов. Между тем его сначала привезли в Москву, здесь разместили в Бутырской тюрьме и только потом отправили в Загорск.

Может быть, таким был ритуал — из одной шарашки в другую напрямую не перевозили. Однако в 1947 г. из Загорска А.И. Солженицына сразу же доставили в Москву в марфинскую шарашку.

В связи с этим обращает на себя внимание то, что в Бутырской тюрьме он пробыл почти две недели. «В третьей Бутырке, — вспоминал А.И. Солженицын в 2001 г., — сижу до 6 марта 1947. 6 марта меня берут на этап, то есть сажают в простую электричку, два человека со мной спецконвоиров, едем на Загорск, слезаем и топаем по Загорску пешком».

А поскольку со спецконвоем его могли доставить в Загорск в любое время (для спецконвоя это: два–три часа туда и два–три часа обратно), получается, что в конце февраля – начале марта 1947 г. А.И. Солженицын срочно понадобился в Бутырской тюрьме. Было бы интересно узнать, с кем именно он здесь встречался. Но пока нам известна только одна фамилия — биолог С.Р. Царапкин[4]. И надо же так случиться, что он работал с Н.В. Тимофеевым-Ресовским сначала в Москве, потом в Берлине, а в 1947 г. был направлен к нему на Урал, куда к этому времени он был доставлен из Карлага[5].

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 169, 419.

[2] Там же. Т. 5. С. 422.

[3] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 325–326.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 413.

[5] Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев Ресовский. С. 470, 484.

В феврале 1953 г. А.И. Солженицына снова взяли на этап и отправили в ссылку (в Джамбульскую область, в районный центр — поселок Кок-Терек). «И замелькали опять Павлодарская, Омская, Новосибирская пересылки… от Новосибирска завернули нас на юг… На станции Джамбул нас высаживали из Столыпина всё с теми же строгостями, вели к грузовику», который и доставил ссыльных в Кок-Терек[1].

А теперь давайте посмотрим на карту.

От Экибастуза железная дорога вела на восток до Павлодара (130 км), Павлодар не связан с Омском прямым железнодорожным сообщением. Чтобы добраться до него, нужно сначала доехать до Кулунды (это восточнее Павлодара, 150 км), затем повернуть на север и добраться до станции Карасук (ещё около 200 км) и уже оттуда, двигаясь на северо-запад, можно добраться до Омска (не менее 400 км). Новосибирск лежит на железной дороге восточнее Омска на расстоянии примерно 650 км. Новосибирск не связан прямым железнодорожным сообщением с Джамбулом. Чтобы добраться до него, необходимо повернуть на юг и добраться до Барнаула (230 км), от него через Павлодар (500 км) вернуться в Экибастуз (130 км) и далее добраться до Целиноградa, сейчас Астана (300 км), оттуда дорога на юг и приведёт в Джамбул (1650 км).

Таким образом, примерно за месяц с 9 февраля по 4 марта 1953 г. А.И. Солженицын проделал маршрут длиной около 4,5 тыс. км, из которых более полвины не имели никакого отношения к конечному пункту его путешествия. Но тогда получается, что путешествие по маршруту Экибастуз – Павлодар – Омск – Новосибирск – Барнаул – Павлодар – Экибастуз было связано с какими-то другими целями.

Чем объясняются все эти приключения, ещё предстоит выяснить. Но напрашивается предположение, что и в тюрьмах, и на этапах его использовали для оперативной разработки заключённых.

Георгий Коваль

Если первые два года А.И. Солженицын кочевал по ГУЛАГу, то в марфинской шарашке он пробыл почти три года. Первоначально в качестве библиотекаря, потом его как математика перевели «в группу, изучавшую звучание русской речи»39. Здесь произошел эпизод, который получил отражение в романе «В круге первом».

Как мы уже знаем, А.И. Солженицыным было опубликовано два разных варианта романа «В круге первом». В последнем варианте стержень романа составляет история с разоблачением дипломата Иннокентия Володина, сообщившего в американское посольство о предстоящей передаче в США советскому разведчику материалов, необходимых советским физикам для создания атомной бомбы. А далее в романе описывается, как удалось поймать и изобличить предателя.

По свидетельству Л.З. Копелева, в основе этого сюжета лежала подлинная история. «Поздней осенью 1949 года» он был вызван к своему начальнику, который ознакомил его с записью нескольких подслушанных органами госбезопасности телефон-

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 274–277.

ных разговоров. В ходе одного из них неизвестный сообщил в американское посольство, что в США направлен советский разведчик для получения сведений об атомной бомбе, и указал возможное место его встречи со своим американским партнёром[1].

Для идентификации голоса этого неизвестного и установления его личности срочно была создана специальная секретная лаборатория, в которую был приглашён Л.З. Копелев[2]. Почему он был включён в эту группу? Его достоинство заключалось в знании иностранных языков. Это значит, что к сличению были представлены записи как на русском, так и на иностранном языке.

О том, как развивались события дальше, мы имеем две версии.

По одной из них, исходящей от Л.З. Копелева, «в первый же день» он познакомил с полученным им заданием А.И. Солженицына[3]. «Солженицын, — вспоминал Лев Зиновьевич, — разделял моё отвращение к собеседнику американцев. Между собой мы называли его “сука”, “гад”…»[4]. Установив общность взглядов в данном вопросе, Л.З. Копелев привлёк Александра Исаевича к выполнению этого государственно важного и сверхсекретного задания[5].

В результате на свет появились «два больших толстых тома», которые содержали «отчёт о сличении голосов неизвестных А-1, А-2, А-3, А-4 (три разговора с посольством США и один с посольством Канады), неизвестного Б. (разговор с женой) с голосом подследственного Иванова», позволившем изобличить изменника[6].

А вот что писал А.И. Солженицын Сергею Николаевичу Никифорову, вместе с которым находился в Марфино: «Дорогой Серёжа. Очень благодарен тебе за твою информацию о содержании двух толстых книг Копелева (“Утоли мои печали” и “Хранить вечно”. — *С.Н.*). ***Я и не думал их читать***: и по толщине, и по тому, что никак не предполагал найти в них что-нибудь разумное или душеполезное. Сейчас ***ты мне заменил чтение***. Просто волосы дыбом становятся от этих высказываний, которые он сам и выкладывает. ***Значит, он посылал доносы через оперов — а как же иначе***? Врёт он, что я “увлечённо участвовал в его игре”. Дело было, как описано в “Круге” (имеется в виду роман «В круге первом». — *А.О.*): он открыл мне тайну, чтобы завлечь меня в его группу, а я отказался наотрез. Но у меня в тот самый момент сверкнуло, что это — потрясающий сюжет для романа, и я расспросил его о подробностях, сколько он мне сказал (***Фамилии “Иванов” не назвал***). ***Итак, черноты его падения — я не знал до вот этого твоего письма***. А обрисовал (в “Круге”) его — как твердолобого марксиста искреннего в убеждениях, а в отношениях к людям доброго. Ты, ***может быть, сообщишь мне главные страницы Копелева, на которых всё это содержится***? (Сообщил. — С.Н.). Поссорились мы с ним осенью 1973. В 1983–85 обменялись несколькими письмами на Западе, и снова поссорились уже навсегда… Крепко жму руку. Солженицын. ***4 февраля 1993 г.***»[7].

---

[1] Копелев Л.З. Утоли мои печали. С. 110–115.

[2] Там же. С. 115.

[3] Там же. С. 117.

[4] Там же. С. 118.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 121.

[7] Никифоров С.Н. Каким он был, таким он и остался // Наш современник. 2000. № 11. С. 218.

Кому же верить?

Чтобы понять это, необходимо учесть — в письме С.Н. Никифорову А.И. Солженицын кривил душой, будто бы только от него узнал, что Л.З. Копелев называл его своим соучастником по разоблачению «дипломата Иванова». Чтобы убедиться в этом, откройте часть воспоминаний А.И. Солженицына «Зёрнышко», которая появилась на свет в 1987 г., т.е. за шесть лет до письма С.Н. Никифорову[1], и вы узнаете, что А.И. Солженицын и Л.З. Копелев поссорились в 1983–1985 гг. как раз из-за того, что последний предал огласке данный эпизод[2].

Воспоминания Л.З. Копелева о его пребывании в шарашке были опубликованы в 1981 г.[3] Своими воспоминаниями на этот счёт Л.З. Копелев поделился и с одним из первых биографов А.И. Солженицына Майклом Скэммелом, книга которого была издана в 1984 г. и сразу же стала известна А.И. Солженицыну[4]. Комментируя книгу М. Скэммела, А.И. Солженицын писал в «Зёрнышке», обращаясь к Л.З. Копелеву как источнику своего биографа: «Так — зачем же так, Лёва?? Зачем ты для Скэммела это выдумал? ***Ведь в твоих печатных воспоминаниях — ничего подобного нет***»[5].

Уже одного этого достаточно, чтобы поставить искренность А.И. Солженицына под сомнение.

Однако в нашем распоряжении имеется ещё один факт, позволяющий поставить в этом вопросе точку. Дело в том, что в романе А.И. Солженицына не просто упоминается советский разведчик, который должен был получить сведения об американской атомной бомбе, но и названы его имя и фамилия — Георгий Коваль[6]. Поскольку они фигурировали в романе, то почти все воспринимали их как вымышленные. Однако, когда в 1981 г. Л.З. Копелев опубликовал воспоминания и в них тоже воспроизвел эту же фамилию (правда, без указания имени)[7], подчеркнув её подлинность[8], его свидетельство о причастности А.И. Солженицына к разоблачению предателя сразу же приобрело весомость.

Л.З. Копелев писал, что «в первый день» после сделанного ему предложения рассказал «обо всём Солженицыну» только с одной целью, чтобы привлечь его к сотрудничеству[9]. И если при этом он, по свидетельству Александра Исаевича, не назвал ему «фамилию Иванова»[10], ещё менее вероятно, чтобы он назвал ему фамилию «Коваля».

Для того чтобы понять это, необходимо учесть, как стало известно сравнительно недавно, Георгий Абрамович Коваль был агентом Главного разведывательного

---

[1] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–141.

[2] Там же. С. 97–98.

[3] Копелев Л.З. Утоли мои печали. Анн-Арбор, 1981.

[4] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–141.

[5] Там же. С. 97–98.

[6] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 1. В круге первом. С. 12–13.

[7] Копелев Л.З. Утоли мои печали. С. 112–113,116.

[8] Там же. С. 114.

[9] Там же. С. 114.

[10] Никифоров С.Н. Каким он был, таким он и остался // Наш современник. 2000. № 11. С. 218.

управления и с 1940 по 1948 г. жил в США[1]. По этой причине под своей настоящей фамилией он был известен в «центре» буквально нескольким лицам, все остальные в ГРУ, знавшие о его существовании, в лучшем случае могли знать его только под агентурной кличкой «Дельмар»[2], а уж о предстоявшей операции, связанной с передачей разведданных об американской атомной бомбе, даже в ГРУ вообще должны были знать единицы.

Очевидно, что в таких условиях, получив предложение об участии в разоблачении предателя, Л.З. Копелев не только дал подписку о неразглашении, но и был предупреждён, что в случае её нарушения его будут судить не по 121 ст. УК РСФСР, предусматривавшей наказание за разглашение государственной тайны до трёх лет, а по ст.58-1, за измену Родине. Поэтому самое большее, что он мог сделать, да и то согласовав этот шаг с оперуполномоченным на шарашке, это изложить А.И. Солженицыну только суть дела (без всяких имен).

Это значит, что имя и фамилию советского разведчика (Георгий Коваль) А.И. Солженицын мог узнать только в том случае, если принимал участие в разоблачении предателя. А к участию в этом разоблачении должны были привлечь в первую очередь своих людей, т.е. тех, кто сотрудничал с органами государственной безопасности и кто в этом отношении пользовался полным доверием.

Из шарашки в лагерь

14 мая 1950 г. А.И. Солженицын писал жене: «Я живу по-прежнему, здоров, бодр, изменений в жизни пока никаких»[3], а 19-го его перевели в Бутырскую тюрьму и затем снова отправили в лагерь, причём на этот раз не в исправительно-трудовой, а в особый[4]. В Бутырской тюрьме он пробыл более месяца. В день отправки в лагерь, вспоминал он, «на Казанском вокзале услышали о начале корейской войны»[5], которая началась рано утром в воскресенье 25 июня 1950 г.[6]

Что же произошло?

Н.А. Решетовская, явно со слов мужа, писала, что в «шарашке» Александр Исаевич стал всё больше заниматься своими делами в ущерб государственным. Это было замечено, и его отправили в лагерь: «Монотонная работа, — утверждала она, — которую Саня должен был выполнять год за годом, — становилась постылой, забрасывалась. Он всё больше внимания уделял своим делам… А какому начальству нужен такой зэк? В результате… муж убыл на восток»[7]. Во-первых, выполняемая в «шараш-

[1] Латынина А.Н. «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет» Два варианта “Круга”: взгляд из сегодня» // Новый мир. 2006. № 6. С. 168–176.

[2] Лота В. Его звали «Дельмар» // Красная звезда. 2007. 25 июля.

[3] Решетовская Н.А. Хронограф // Архив Н.А. Решетовской.

[4] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 118.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 29.

[6] Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М., 2005. С. 76.

[7] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 26.

ке» работа была не «монотонной», а творческой, а во-вторых, можно подумать, что работа в лагере была интереснее и приятнее.

Сам А. Солженицын предложил три версии своего расставания с «шарашкой», что уже само по себе показательно.

Одна из них нашла отражение в «Архипелаге»: «Я вдруг потерял вкус держаться за эти блага. Я уже нащупывал новый смысл тюремной жизни… Дороже тамошнего сливочного масла и сахара мне стало — распрямиться», и я «казённую работу нагло перестал тянуть»[1]. Оказывается, в лагерях не нужно было «тянуть» «казенную работу» и можно было «распрямиться». Правда, это видел и понимал только А.И. Солженицын. Остальные заключённые, которым был доступен только старый «смысл тюремной жизни», называли лагеря «каторгой», а «шарашки» — «райскими островами». Непонятно лишь, зачем открывший «новый смысл тюремной жизни» Александр Исаевич написал свой «Архипелаг»?

По другой версии, которая нашла отражение в воспоминаниях Л.З. Копелева (см. также роман «В круге первом»), в 1950 г. А.И. Солженицыну было предложено перейти из акустической лаборатории в математическую группу, он отказался и за это вообще был удалён из шарашки[2]. Это объяснение тоже вызывает сомнения. Во-первых, вряд ли А.И. Солженицын, который был и математиком, и библиотекарем, и переводчиком, стал бы рисковать своим положением по такому поводу, а во-вторых, не следует забывать, что почти одновременно с ним из шарашки были удалены ещё несколько человек, в частности, Перец Герценберг и Дмитрий Панин[3].

Уже в эмиграции А.И. Солженицын предложил третью версию: «Я в артикуляционной группе лепил безжалостные приговоры престижным секретным телефонным системам и за то загремел в лагеря»[4]. Эта версия представляется более правдоподобной. Однако она тоже вызывает сомнения, так как оставляет без объяснения, каким образом в одной связке с Александром Исаевичем оказались П. Герценберг и Д. Панин?

Видимо, сознавая несерьёзность этих объяснений, Н.Д. Виткевич выдвинул ещё одну версию. По его утверждению, подобная перетасовка в шарашках была обычным явлением и вызывалась необходимостью сохранения секретной информации, к которой были допущены заключённые, для чего их за три года до освобождения отстраняли от секретов и переводили на общие работы или отправляли в ссылку[5]. Почему же тогда некоторые заключённые (например, Л.З. Копелев) из шарашки сразу же выходили на волю?[6]

Обилие версий свидетельствует о стремлении Александра Исаевича и его товарищей скрыть реальную причину его отправки в лагерь.

В конце концов А.И. Солженицын позволил своему биографу Л.И. Сараскиной остановиться на первой версии, которая и нашла отражение в её книге. В качестве

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 28.

[2] Копелев Л.З. Утоли мои печали. С. 136.

[3] Панин Д.М. Лубянка–Экибастуз. Лагерные записки. М., 1991. С. 268, 280.

[4] Солженицын А.И. Угодило зёрнышко между двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4 . С. 100.

[5] Шпачков В. Уже в четвёртом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

[6] Копелев Л.З. Утоли мои печали. С. 325–326.

иллюстрации к этому Л.И. Сараскина приводит в своей книге письмо А.И. Солженицына Н.А. Решетовской от 26 июня 1950 г., в котором он информировал жену о некоторых обстоятельствах своего отъезда из Марфино. К 2008 г., когда вышла книга Л.И. Сараскиной, упоминаемое письмо уже было введено в оборот Н.А. Решетовской. Поэтому есть возможность проверить искренность биографа А.И. Солженицына. Сравните:

Сараскина	Решетовская
«Обстоятельства шаг за шагом ускоряли отъезд и сделали его неизбежным… Я принял известие о своём отъезде совершенно равнодушно, а во все последующие дни испытывал скорее облегчение, чем сожаление» (С.350).	«Если ты получила только моё письмо от 15 мая, то ты долгое время находилась, а может быть находишься и сейчас в приятном заблуждении, что я — на старом месте, на самом деле через 4 дня после него — 19 мая, я ***совершенно неожиданно для себя*** уехал оттуда, правда, не думал, что это будет так скоро, очень хотелось прожить там ещё до следующего лета, но обстоятельства ***шаг за шагом*** ускоряли отъезд и сделали его неизбежным. ***Уехал я вполне по-хорошему***, так что ты не беспокойся» (С.118)

Перед нами явная фальсификация со стороны Л.И. Сараскиной.

Что явствует из письма А.И. Солженицына: а) в 1950 г. в шарашке возникли какие-то обстоятельства, которые сделали неизбежным его отъезд оттуда; б) если первоначально события развивались медленно, затем между 15 (четверг) и 19 мая (понедельник) произошло что-то чрезвычайное и привело к тому, что автор письма немедленно был взят на этап; в) сам А.И. Солженицын покидать шарашку не желал и до середины мая надеялся провести в ней ещё хотя бы год; г) неожиданное событие, резко изменившее его жизнь, не было связано с изменением отношения к нему со стороны начальства шарашки («уехал я вполне по-хорошему»).

В письме Н.А. Решетовской 3 июля он писал более определённо: «Я до 19 мая не хотел уезжать»[1].

Почему Л.И. Сараскина сфальсифицировала это письмо? Потому что оно ломает всю нарисованную ею под диктовку А.И. Солженицына картину, объясняющую причину отъезда.

О том, что А.И. Солженицын был доволен своей жизнью в шарашке, свидетельствует и другая часть его письма от 26 июня 1950 г., тоже опущенная Л.И. Сараскиной, где он писал: «***Очень доволен последними минувшими двумя годами***»[2].

Излагая содержание письма 26 июня, Н.А. Решетовская писала: «Если условия окажутся тяжёлыми, Саня мыслит попробовать написать заявление в Рыбинск, где

[1] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 121.

[2] Там же. С. 119.

он работал в 46–47 гг. и откуда его с такой неохотой отпускали. Он надеется, что его туда возьмут с удовольствием»[1].

Но потом Александр Исаевич, видимо, передумал и написал в Рыбинск с этапа: «В Рыбинск Саня все-таки отослал заявление насчёт работы, чувствуется его с трудом скрываемой душевное смятение перед неизвестностью и предстоящими трудностями»[2].

23 августа 1950 г.: «Не решил ещё твёрдо и сам, буду ли писать заявление в старое (46–47) место работы. То, которое я написал из Куйбышева, не могло возыметь действия, поскольку я находился в пути следования, Может быть, напишу через месяцок. Может быть, это приведёт к успеху»[3].

1 декабря 1950 г.: «Так и просился, как намеревался в старое место работы. Да и возьмут ли меня туда, особенно когда осталось так немного? Если в судьбе моей за год не произойдет изменений к лучшему, с конца весны или с лета начну хлопотать»[4].

И ещё через несколько месяцев. 17 марта 1951 г.: «До июня ничего предпринимать не буду, в июне напишу заявление в то место работы, где был в 46–47 гг. — может быть возьмут? Но шансов, конечно, очень мало, ещё меньше, чем было их в 46 г., когда я и не подозревал об их существовании»[5].

Вот и желание опуститься на самое дно.

Всё это свидетельствует о том, что сочинённая А.И. Солженицыным легенда не имеет под собой никакого основания. А поэтому вопрос и причинах его отправки в Экибастуз остается открытым.

Что же пытался скрыть А.И. Солженицын?

Когда мы говорим о переводе А.И. Солженицына из шарашки сначала в Бутырскую тюрьму, а потом в особый лагерь, необходимо иметь в виду, что для этого нужно было соблюсти определённые формальные процедуры. Во-первых, для этого нужно было решение 4-го спецотдела, который ведал шарашками и который в 1947 г. направило А.И. Солженицына в Марфино; во-вторых, для перевода его из шарашки в тюрьму требовалось согласовать этот вопрос с тюремным управлением и получить оттуда соответствующее распоряжение; в-третьих, необходимо было решение Главного управления лагерей, в распоряжение которого после шарашки должен снова поступить А.И. Солженицын и которое должно было установить новое место отбывание остающегося срока.

В «Инструкции о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР» мы читаем: «2. Заключённые направляются в особые лагери по назначению Министерства Государственной безопасности СССР. Направление заключённых в особые лагери и перевод их из одного особого лагеря в другой производится по персональным нарядам ГУЛАГа МВД СССР по согласованию — МГБ СССР»[6].

---

[1] Там же. С. 118.

[2] Там же. С. 121.

[3] Там же. С. 127.

[4] Там же. С. 143.

[5] Солженицын — Решетовской. 17 марта 1951 // Там же. С. 148. Когда А.И. в 1950 г. писал в Рыбинск, там авиационной шарашки уже не было.

[6] Инструкция о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

Это означает, что руководство марфинской шарашки сначала должно было обратиться к своему руководству, которое, в свою очередь, — в ГУЛАГ МВД СССР, а тот — в МГБ СССР, после чего должен был последовать «специальный наряд». Только после этого А.И. Солженицына могли сначала перевести в пересыльную тюрьму, потом отправить в особый лагерь.

Всё это требовало гораздо больше времени, чем четырёх дней (с 15 по 19 мая, тем более что один из них, 18-е, приходился на воскресенье). Но в таком случае получается, что он был выслан из шарашки в чрезвычайном порядке, без соблюдения необходимых формальностей и уже в Бутырской тюрьме более месяца дожидался решения своей судьбы.

Но что могло потребовать столь срочного перевода из шарашки в тюрьму?

Существовала ещё одна проблема. А.И. Солженицын был приговорён к отбыванию срока в ИТЛ. Правда, в 1948 г. было принято решение очистить ИТЛ от политических преступников. Но при этом чётко очерчен их круг. «1. Особые лагери МВД СССР организуются для содержания осуждённых к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. ***Содержание в особых лагерях заключённых, осуждённых за другие преступления, — запрещается***»[1].

С этой точки зрения для перевода А.И. Солженицына в особый лагерь не было достаточных оснований. Пересмотреть решение ОСО можно было только в том случае, если бы в «шарашке» А.И. Солженицын совершил новое преступление, которое не позволяло увеличить ему срок заключения, но давало возможность ужесточить условия отбывания остающегося срока. Однако, как писал А.И. Солженицын жене: «Уехал я вполне по-хорошему».

О том, что А.И. Солженицын действительно расстался с руководством шарашки «по-хорошему», свидетельствует следующий факт. «Единственная книга, которую Солженицын довёз до Экибастуза, — пишет Л.И. Сараскина, — был второй том Даля»[2]. Как и когда он попал к нему? Может быть, Наталья Алексеевна купила в букинистическом магазине? Или кто-нибудь прислал в качестве подарка с воли? Нет, оказывается, «к величайшей радости» Александра Исаевича он обнаружил его в марфинской библиотеке[3] и увёз с собою как «марфинское наследство» [4].

Но тогда получается, что А.И. Солженицын присвоил казённую книгу. Куда же смотрел «сотрудник МГБ», которому он в своё время передал библиотеку[5]? Ведь, наверное, он должен был проверять формуляры выбывающих из шарашки. Но даже если бы он допустил халатность, то все выбывающие из шарашки должны были проходить

[1] Инструкция о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 356.

[3] Там же. С. 331.

[4] Там же. С. 356.

[5] Там же. С. 338.

обыск, а их вещи должны были подвергаться досмотру. Не будем забывать, что это было не просто место заключения, но и режимный объект. Тогда следует признать, что, расставаясь с А.И. Солженицыным, руководство шарашки на память сделало ему подарок — позволило увезти с собой приглянувшуюся ему библиотечную книгу.

Итак, сам А.И. Солженицын покидать шарашку не желал, ничего криминального не совершил, с администрацией шарашки у него были самые хорошие отношения. Что же тогда произошло между 15 и 19 мая, почему перевели в тюрьму, а из тюрьмы не в исправительно-трудовой, а в особый лагерь?

В связи с этим следует обратить внимание на то, что почти одновременно из шарашки были высланы П. Герценберг и Д. Панин. Это даёт основание думать, что их отъезд объединяла одна общая причина. И если мы не знаем, почему были высланы Д. Панин и А.И. Солженицын, то известно, почему был выслан Перец Герценберг.

П. Герценберг стал прототипом одного из героев романа «В круге первом» — раскаявшегося осведомителя Руськи Доронина[1], который был изгнан из шарашки за то, что не только раскрыл факт своего сотрудничества с органами МВД, но и провалил еще нескольких осведомителей[2]. А поскольку почти одновременно с ним на этап последовали Д. Панин и А.И. Солженицын, напрашивается вывод, что именно они между 15 и 19 мая 1950 г. и были «засвечены» П. Герценбергом, после чего использование их в шарашке как секретных сотрудников потеряло смысл. Направление в особый лагерь должно было парализовать возможное распространение слухов на этот счёт.

Видимо, именно по этой причине Д. Панин предпочёл в своих мемуарах вообще обойти стороной вопрос об истории с П. Герценбергом[3], а в объяснении того, каким образом после марфинской шарашки он оказался в особом лагере, пустился в такие же неправдоподобные объяснения, как и А.И. Солженицын: во-первых, ему якобы тоже надоело быть в шарашке, во-вторых, он «стремился закончить лагерное образование в спецлагерях», а поэтому с марта 1947 г. стал уклоняться от работы[4].

Странная операция

Как мы знаем, одним из документов, предназначенным для того, чтобы парализовать версию о связях А.И. Солженицына с КГБ, стал так называемый «донос Ветрова». Его можно было датировать любым числом. Почему же КГБ остановил свой выбор на дате 20 января 1952 г.? Напрашивается предположение, что это было связано со стремлением нейтрализовать какие-то слухи о поведении А.И. Солженицына в экибастузском лагере, относящиеся к этому времени.

Что же тогда произошло? Именно в эти дни (по утверждению А.И. Солженицына, 22 января) после возвращения заключённых с работы произошло нападение на барак усиленного режима, который представлял собою лагерную тюрьму. По утверждению А.И. Солженицына, об этом он узнал после возвращения с работы,

---

[1] Никифоров С.Н. Каким он был, таким он и остался // Наш современник. 2000. № 11. С. 210–227.

[2] Солженицын А.И. В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 2. С. 178–187.

[3] Панин Д.М. Лубянка–Экибастуз. Лагерные записки. М., 1991. С. 282–307.

[4] Там же. С. 295–296.

уже находясь в столовой, поэтому к бунту заключённых его бригада не имела никакого отношения[1].

Когда началась стрельба, вспоминал А.И. Солженицын, он был возле своего барака, у входа в который «образовалась губительная толкучка», наконец, «двери освободились», «мы вошли последние». «В бараки за нами преследователи не врывались. Они заперли нас», и «ночью бараки были заперты»[2].

В этом нет ничего удивительного. Из Инструкции о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР: «От отбоя ко сну и до утреннего подъёма двери бараков находятся на запоре. Заключённым запрещается хождение из барака в барак» [3].

На следующий день лагерь забастовал. Единственным бараком, который вышел на работу, был барак, в котором находилась бригада А.И. Солженицына. Объясняя этот факт, он писал: «***Ночью бараки были заперты***, на следующее утро, 23 января, не дали встретиться разным баракам в столовой и разобраться. И некоторые обманутые бараки, в которых никто явно не пострадал, ничего не зная, вышли на работу, в том числе и наш. Мы вышли, но никого не выводили из лагерных ворот после нас; пуста была линейка, никакого развода. Обманули нас»[4].

А поскольку очерёдность и график следования бригад на завтрак никто не отменял, то дело не в том, что «разным баракам» «не дали встретиться» «в столовой и разобраться», а в том, что, по свидетельству Д.М. Панина, только их барак 23-го не присоединился к голодовке и отправился в столовую, а оттуда на поверку и во главе с бригадирами на работу.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что, по утверждению А.И. Солженицына, лагерный бунт произошел 22 января, а по свидетельству С. Бадаша, 21-го[5]. Так же датирует это событие и Д. Панин[6].

Забастовка продолжалась до 26 января.

«Следующий день, 27 января, — писал А.И. Солженицын, — был воскресенье. А нас не гнали на работу — навёрстывать…, а только кормили, отдавали хлеб за прошлое и ***давали бродить по зоне. Все ходили из барака в барак***»[7].

Поразительно, А.И. Солженицын, отбывший в особом лагере два с половиной года, не знал, что свободное хождение по территории особого лагеря было категорически запрещено не только ночью, но и днём.

Статья 11 Положения об особых лагерях гласила: «Хождение заключённых из барака в барак запрещается»[8]. Об этом же свидетельствует ст.30: «Заключённым за-

---

[1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 173–183.

[2] Там же. С. 174–175.

[3] Инструкция о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 175.

[5] Бадаш С. Открытое письмо Солженицыну. Декабрь 2002 г. Постскриптум. Февраль 2003 г.// Журнал «Вестник. Online. 2003. № 15. 23 июля http://www.vestnik.com/issues/2003/0723/win/badash.htm

[6] Панин Д.М. Лубянка–Экибастуз. С. 335.

[7] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 180.

[8] Инструкция о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР. 1950 г. // Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. С. 555–567.

прещается: — в свободное от работы время до поверки передвигаться в пределах зоны лагерного подразделения, а также хождение из одного барака или производственного помещения в другое (за исключением помещений бытовых и медико-санитарных учреждений под наблюдением надзорсостава)»[1].

Получается, что на заключённого А.И. Солженицына эти статьи тоже не распространялись.

По словам А.И. Солженицына, 28-го состоялось собрания бригадиров, на котором, если верить ему, он высказал лагерному начальству горькую правду о жизни заключённых, после собрания отправился в санчасть и на следующий день его положили в больницу[2]. С. Бадаш пишет, что 29-го в лагерь приехала какая-то комиссия, заключённые предъявили ей свои требования и только после этого было созвано собрание бригадиров. Если события развивались именно так, то А.И. Солженицын не принимал участие в этом собрание и вместо него отправился в больницу.

Читатели «Одного дня Ивана Денисовича», наверное, помнят, как главный герой рассказа Иван Шухов, почувствовав себя плохо, бросился утром до развода в медсанчасть к дежурному фельдшеру, но освобождения от работы не получил[3].

В описании этого эпизода А.И. Солженицын допустил по крайней мере две неточности. Прежде всего речь идёт о ст.31 Положения об особых лагерях, которая гласила: «Заключённым разрешается: а) посещать в условленные часы ***под наблюдением надзирателя*** бытовые и медико-санитарные учреждения». Следовательно, Иван Шухов не мог сам обратиться в медсанчасть, туда его мог привести только надзиратель. Во-вторых, А.И. Солженицын упустил из вида ст. 77: «Освобождение от работ по болезни производится ***вольнонаёмным врачом или начальником санчасти***». Это значит, что обращение И. Шухова к фельдшеру даже при содействии надзирателя не имела смысла.

На это можно сказать, что за время пребывания в лагере сам А.И. Солженицын не обращался в медсанчасть и мог не знать указанных правил. Однако 29 января он все-таки лёг в больницу: «Едва раскрыли бараки, я показался врачам и меня назначили на операцию»[4]. Из этого явствует, что если бы Александр Исаевич обращался к врачам, то его должен был привести к ним надзиратель. И если его не только освободили от работы, но и положили в больницу, то только по решению начальника санчасти.

Объясняя это, А.И. Солженицын писал в «Архипелаге»: «Болезнь моя не была неожиданностью, много лет была у меня одна опухоль, которая по сути дела не тревожила, и я относился к ней беспечно, а лучше было бы, если бы я побеспокоился раньше. Но ***с лета прошлого года она стала расти быстрее***. Я всё думал, что обойдётся, что если операция окажется необходимой, то ***сделаю её после окончания срока, и только в январе она стала расти столь быстро***, что откладывать дальше было опасно. В последних числах января я лёг в больницу»[5].

---

[1] Там же.

[2] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений.Т.7. Архипелаг ГУЛАГ. С. 173–183.

[3] Там же. Т. 3. Рассказы. С. 14–17.

[4] Там же. Т. 7. С. 181.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 181.

«Я, — писал он, — лежу в больнице среди раненых, калеченных в ту кровавую ночь. *Есть избитые надзиратели до кровавого месива — им не на чем лежать, всё ободрано*»[1].

По словам А.И. Солженицына, госпитализировали его 29 января, 12 февраля сделали операцию, 26 февраля выписали из больницы. 1 марта Александр Исаевич писал домой, что «***рана уже зажила***, что ходит он нормально и что ***через неделю, если его не переведут в другое место, выйдет на работу***»[2]. Таким образом, Александр Исаевич лёг в больницу 29 января, а вернулся к работе не ранее 8 марта; итого 40 дней — 14 до операции и 26 дней после.

Первый вопрос, который возникает при обращении к этой истории: что делал А.И. Солженицын в больнице с 29 января по 12 февраля? Неужели две недели ушли на подготовку к операции? Конечно, нет. Вся подготовка могла заключаться в сдаче необходимых анализов (что, кстати, можно было сделать и амбулаторно) и вряд ли требовала более одного–двух дней. Что же Александр Исаевич делал в больнице остальные 12–13 дней?

«***Как раз накануне*** назначенной мне операции, — писал А.И. Солженицын, — арестовали и хирурга Янченко, тоже увели в тюрьму»[3]. Между тем С. Бадаш поставил под сомнение это утверждение. «***Вы пишете, что Вас должен был оперировать врач Янченко, тогда как единственным хирургом в Экибастузе был врач из Минска, из давно обрусевшей немецкой семьи, Макс Григорьевич Петцольд***»[4].

И в том случае, если Янченко всё-таки был хирургом, и в том случае, если в больнице был только один хирург М.Г. Петцольд, версия А.И. Солженицына, будто бы он ожидал операции в больнице из-за отсутствия хирурга, не выдерживает критики: ***хирурга можно было бы подождать не в больнице, а в бараке***.

Поразительно и другое. «Через несколько дней, — пишет со слов А.И. Солженицына Л.И. Сараскина, — в больницу доставили другого хирурга, тоже зэка, немца Карла Фёдоровича Дониса, и 12 февраля он сделал операцию»[5].

Можно было бы допустить, что он был «доставлен» или для того, чтобы заменить арестованного Янченко, или же для помощи М.Г. Петцольду, но вот что писал А.И. Солженицын: «Я лежу в послеоперационной. ***В палате я один***»[6]. И в другом месте: «В той самой послеоперационной, откуда ушёл на смерть Корнфельд, ***я пролежал долго и всё один***»[7]. Но почему один? По одной версии: «такая заваруха, что ***никого не кладут***, замерла больница»[8]. По другой версии: оказывается, «***из-за ареста хирурга операции остановились***»[9].

---

[1] Там же. С. 183.

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 382.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 184.

[4] Бадаш С. Открытое письмо Солженицыну. Декабрь 2002 г. Постскриптум. Февраль 2003 г. // Журнал «Вестник. Online. 2003. № 15. 23 июля http://www.vestnik.com/issues/2003/0723/win/badash.htm

[5] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 381.

[6] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 184.

[7] Там же. Т. 6. С. 383. См. также: С. 382.

[8] Там же. Т. 7. С. 184.

[9] Там же. Т. 6. С. 383.

И одно объяснение и другое имеют надуманный характер.

Если принять первую версию, возникает вопрос: а куда делись те, кто пострадал 21 января? Если принять вторую версию, то остается непонятным, почему не оперировал М.Г. Петцольд и почему после 12 февраля ничего не делал К.Ф. Донис.

Неужели К.Ф. Донис был «доставлен» только для того, чтобы прооперировать А.И. Солженицына? Какое же нужно было занимать в лагере положение, чтобы хирурга пригласили из другого лагеря только для операции ему одному, оставив без медицинской помощи «раненых» и «искалеченных в ту кровавую ночь», «избитых до кровавого месива» надзирателей, которым «не на чем» было даже «лежать, всё ободрано».

Вызывает удивление и другое. Если К.Ф. Донис был приглашен только для операции А.И. Солженицыну, что он делал в лагере до 19 февраля, когда его то ли вернули в прежний лагерь, то ли отправили ещё куда-то? Неужели его держали в лагерной больнице, чтобы он наблюдал за прооперированным им А.И. Солженицыным? Не слишком ли большая честь для простого зэка?

Сам А.И. Солженицын приложил усилия, чтобы убедить читателей, что у него была очень непростая операция. «После операции, — вспоминал А.И. Солженицын, — я лежу в хирургической палате лагерной больницы. Я не могу пошевелиться, мне жарко и знобко»[1]. По его словам, даже через неделю после операции, 19 февраля, он лежал «с незажившими швами» [2] и «едва мог ноги спускать с кровати»[3].

«И вот, — утверждает Станислав Говорухин в своем фильме о А.И. Солженицыне, — ***ещё не выздоровевшего, слабого, с незажившим швом***, его посылают в литейный цех» (получается, что швы у А.И. Солженицына оставались незажившими и через месяц после операции)[4]. Откуда же знаменитому режиссеру известно это: ведь в экибастузком лагере он не был, а подобным откровением Александр Исаевич печатно так до конца дней своих и не поделился. Остается только одно: значит, поведал о сем режиссеру во время съёмок фильма.

Для того, чтобы понять, насколько эта информация соответствует действительности, прежде всего необходимо знать, где у А.И. Солженицына находилась удалённая опухоль и что собою она представляла. На этот счет Александр Исаевич ограничился весьма туманными словами: «Мне пришлось носить в себе ***опухоль с крупный мужской кулак. Эта опухоль выпятила и искривила мой живот***, мешала мне есть и спать, я всегда знал о ней… Но не тем была она ужасна, что ***давила и смещала смежные органы***, страшнее всего было, что она испускала яды и отравляла тело»[5].

Если исходить из этого утверждения, получается, что опухоль находилась в брюшной полости. Удаление такой опухоли предполагало вскрытие этой полости, что могло иметь своим следствием и потерю крови, и необходимость наложения нескольких швов: по крайней мере одного внутреннего и одного внешнего.

---

[1] Там же. Т. 6. С. 382.

[2] Там же. Т. 7. С.184.

[3] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 381.

[4] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 274.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 395.

Но даже если взять в качестве примера одну из самых распространённых внутриполостных операций — удаление аппендицита, то, как говорится в «Большой медицинской энциклопедии» 1975 г. издания, «через 2–3 часа после операции больному разрешается поворачиваться в постели». При нормальном заживании «на 2–3-й день» «больному разрешается вставать», «на 8–9-е сутки» он «может быть выписан из стационара»[1].

Могу подтвердить это как человек, перенесший такую операцию. 29 апреля 2014 г. у меня был удалён запущенный аппендицит. Первая операция оказалась не совсем удачной, поэтому 3 мая пришлось оперировать вторично. 8-го меня планировали выписать, но из-за неожиданно повысившейся температуры от этого отказались, утром 12-го, на девятый день после второй операции, швы сняли и меня выписали.

Можно было бы допустить, что операция у А.И. Солженицына прошла неудачно или имела осложнения. Но тогда он обязательно поведал бы об этом со страниц «Архипелага» или «Теленка», а может быть, не один раз напомнил бы об этом в своих интервью. Если же вплоть до самой смерти хранил на этот счёт молчание, значит, никаких проблем не было. И действительно, 1 марта 1952 г. он писал жене, что операция «прошла благополучно и осложнений не дала»[2].

Уже одного этого достаточно, чтобы поставить нарисованную А.И. Солженицыным картину под сомнение. Между тем, как явствует из того же письма от 1 марта, удалённая у А.И. Солженицына опухоль находилась не ***в брюшной полости***, как уверял он позднее, а ***в «паху»***[3]. Этот факт подтверждается и некоторыми другими данными[4]. Поэтому, заявляя, что он носил в себе опухоль с большой мужской кулак, которая выпятила живот, А.И. Солженицын просто напросто дурачил своих читателей.

Но если опухоль (даже величиной с большой мужской кулак) находилась не в брюшной полости, а в паху, она не только не могла «выпятить» и «искривить» живот, не только не «***давила и смещала смежные органы***», но и не требовала сложного хирургического вмешательства.

И действительно: «***Операция***, — писал А.И. Солженицын жене 1 марта 1952 г., — ***длилась около получаса под местной анестезией***»[5].

И для такой операции потребовалось привозить хирурга из другого лагеря! И после такой операции А.И. Солженицын неподвижно лежал в послеоперационной[6]. И после такой, успешной прошедшей операции через неделю, 19-го, он «едва мог ноги спускать с кровати»[7]. Это, конечно, развесистая клюква, которой «великий писатель» так любил кормить своих доверчивых поклонников.

---

[1] Петров Б.А., Исаков Ю.Ф. Аппендэктомия // Большая медицинская энциклопедия. 3 изд. Т. 2. М., 1975 С. 113–114.

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 382.

[3] Там же. С. 382.

[4] Там же. С. 402.

[5] Там же. С. 382.

[6] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. С. 382.

[7] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 381.

Для сравнения: первая моя операция на аппендицит длилась более двух часов, вторая — ещё полтора часа, на следующий день после первой операции я начал вставать, сначала ходил по палате, потом по коридору, постепенно увеличивая расстояние и продолжительность прогулок, на пятый день после второй операции стал делать зарядку.

Уже после того, как вышла в свет моя книга «Солженицын: прощание с мифом», у меня тоже в паху была удалена опухоль, причём подготовка к операции, заключавшаяся в сдаче необходимых анализов, потребовала всего двух приходов в поликлинику. Операция, как и у А.И. Солженицына «длилась около получаса» и тоже «под местной анестезией», после чего я собственными силами на общественном транспорте добрался до дома (это заняло у меня более часа), два или три раза являлся на перевязку, через пять дней с меня сняли бинты, и я отправился на работу.

Исходя из всего сказанного, считаю возможным утверждать, что А.И. Солженицыну нечего было делать в больнице две недели до операции и две недели после неё, а затем еще как минимум полторы недели находиться на «бюллетене». ***Если он действительно пробыл в больнице и на «бюллетене» почти полтора месяца, то находился в лагере на особом положении и держали его в больнице не из-за операции, а чтобы уберечь от возможной расправы***[1].

В связи с этим заслуживают внимания некоторые другие факты, содержащиеся в «Архипелаге», в частности тот факт, что после больницы А.И. Солженицын не вернулся в свою бригаду. По его утверждению, последний год пребывания в лагере он работал литейщиком[2]. Однако, как обратил внимание В.С. Бушин, бывший литейщик только четверть века после этого узнал, что такое вагранка[3].

Рассказывая о строительстве Беломоро-балтийского канала, в первом издании «Архипелага» (1974 г.) А.И. Солженицын писал о том, что там многое делась вручную. Не хватало колёс для тачек и «и тачечные колёса тоже отливают в самодельной вагранке»[4]. Однако вагранка — это «шахтная печь для плавки чугуна, а также для обжига руд цветных металлов»[5]. Получить металл, необходимый для изготовления колес, в вагранке было можно, но отливать в ней металлические изделия невозможно.

После выхода этой книги в свет бывшему литейщику указали на допущенную им ошибку. Поэтому во втором издании он исправил её так: «И тачечные колеса тоже отливают из самодельной вагранки»[6]. Если быть точным, то колеса, конечно, отливали из расплавленного металла, причём не прямо из вагранки. Да и «самодельная вагранка» звучит не очень удачно.

Проработав год в литейном цехе, А.И. Солженицын плохо представлял не только, что такое вагранка, но и что такое литьё.

---

[1] Требует проверки свидетельство М.Н. Полторанина, что операцию А.И. Солженицыну делали не в Экибастузе, а в Спасске (Запись беседы с М.Н. Полтораниным. Москва. 2 октября 2012 г. // Архив автора)

[2] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 185.

[3] Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. С. 274.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1974. Т. 2. С. 90.

[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1998. С. 67.

[6] Солженицын А.И. Собрание сочинений. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ. Вермонт–Париж, 1980. С. 87.

«Солженицын, — пишет со слов своего героя Л. Сараскина, — не вернулся на должность бригадира, чтобы не быть на виду, сам попросился в литейное производство, подсобником, и попал на тяжёлую физическую работу, в жаркий цех. Там, полагал Солженицын, он и заработал метастазы: *вдвоём с напарником приходилось* ***носить литьё***, *по 75 килограммов на каждого, и* ***разливать его в формы***». По 75 кг на каждого, т.е. 150 кг на двоих.

Оставляя для онкологов вопрос о влиянии переноса тяжестей на появление и развитие метастазов, нельзя не обратить внимания на такую деталь как «литьё», без которой так же нельзя представить металлургический процесс, как и без вагранки.

Если исходить из приведённых выше слов, получается, что литьё — это расплавленный металл. Я был в литейном цехе один раз на экскурсии. Поэтому, не имея на этот счет личного опыта, вынужден обратиться к справочной литературе, в которой мы может прочитать: «Литьё — технологический процесс изготовления заготовок (реже — готовых деталей) заключающийся в заполнении предварительно изготовленной литейной формы жидким материалом». «Литьём называют также продукцию литейного производства, художественные изделия и изделия народных промыслов, полученные с помощью литья».

Какое же «литьё» носил с напарником Александр Исаевич? Поскольку «технологический процесс» сразу же следует исключить, речь может идти только о продукции литейного производства, т.е. о предметах, получаемых с помощью литья. Но каким образом им удавалось «разливать» их в формы, об этом мы уже никогда не узнаем.

Как тут не вспомнить незабвенного автора «Гаврилиады» Ляписа Трубецкого, который писал: «Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным домкратом»[1].

Однако дело не в том, насколько «великий писатель» владел русским языком, а в том, где Александр Исаевич провёл свой последний год в ГУЛАГе и чем действительно занимался. Неужели человек, 12 месяцев проработавший в литейном цехе, пусть даже подсобным рабочим, так и не усвоил, что такое вагранка и литье?

Реабилитация

В 1956 г. с А.И. Солженицына была снята судимость, после чего он подал на реабилитацию[2].

«Летом в Москве, — пишет А.И. Солженицын, — я позвонил в прокуратуру: как там моя жалоба? Попросили перезвонить — и дружелюбный простецкий голос следователя пригласил меня зайти на Лубянку потолковать»[3]. Голос следователя был дружелюбным потому, что после XX съезда КПСС началась реабилитация необоснованно репрессированных. «14 июня 1956 года, — говорится к книге К.А. Столярова, — помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Прохоров обратился в КГБ с просьбой выполнить некоторые следственные дей-

[1] Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. С. 180

[2] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 409.

[3] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. С. 297.

ствия, необходимые для принятия решения ***по жалобам*** Солженицына»[1]. Это дело было поручено капитану КГБ Орлову, от прокуратуры его курировал подполковник юстиции Горелый[2].

По всей видимости, именно с капитаном Орловым и встретился А.И. Солженицын на Лубянке 6 июля 1956 г.[3] В первом издании «Архипелага» Александр Исаевич так описывает свой разговор со следователем: «Он даже смеётся над моими остротами 44-го года о Сталине. "Это вы точно заметили". Он ***хвалит мои фронтовые рассказы, вшитые в дело***, как обвинительный материал. "В них же ничего антисоветского нет. Хотите — возьмите их, попробуйте напечатать". Но голосом больным, почти предсмертным я отказываюсь»[4].

Во втором издании «Архипелага» этот разговор изображён несколько иначе: «Он даже смеётся над моими остротами 44-го года о Сталине. "Это вы точно заметили". Всё ему ясно, всё он одобряет, только вот одно его забеспокоило; в "резолюции № 1" вы пишете: "выполнение всех этих задач невозможно без организации". То есть, что же, вы хотели создать организацию?

– Да не-ет! — уже заранее обдумал я этот вопрос. — "организация не в смысле совокупности людей, а в смысле системы мероприятий, проводимых в государственном же порядке.

– Ах ну да, ах ну да, в этом смысле! — радостно соглашается следователь.

Пронесло.

Он хвалит мои фронтовые рассказы…». И далее по тексту[5].

И здесь мы видим, что «Резолюция № 1» появилась только во втором издании «Архипелага».

Читая приведённый диалог, нельзя не отметить, что, по словам самого же А.И. Солженицына, в упоминаемом документе не только давалась характеристика советской политической системы как феодальной, но и обосновывалась необходимость её ликвидации, причём вопрос об организации рассматривался именно «в смысле совокупности людей»: «Выполнение этих задач невозможно без организации. ***Следует выяснить, с кем из активных строителей социализма, как и когда найти общий язык***»[6].

Поэтому если бы в этом разговоре «Резолюция № 1» действительно обсуждалась, то радостно согласиться с А.И. Солженицыным следователь КГБ никак не мог. Это даёт основание думать, что добавленный во второе издание «Архипелага» разговор имел место только в воображении автора.

Вспоминая свои отношения с А.И. Солженицыным, Л.З. Копелев отмечал: «В 1956–1957 гг. он был учителем в поселке Торфопродукт. Мы переписывались. Я

---

[1] Столяров К.А. Палачи и жертвы. С. 355.

[2] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 308.

[3] Решетовская Н.А. Хронограф // Архив Н.А. Решетовской.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. Париж, 1976. С. 464–465.

[5] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 7. 297–298.

[6] Там же. Т. 5. С. 102. Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино» (интервью ведет Станислав Говорухин). Каевндиш. 28 апреля 1992 гг. / Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. 1997. Ярославль. С. 377.

ходил в приёмную Верховного суда узнавать, когда, наконец, оформят его реабилитацию. Изредка он приезжал»[1].

Дело с реабилитацией двигалось медленно. Свой вердикт на этот счёт КГБ вынес только осенью 1956 г. «29 сентября, — писал К.А. Столяров, — заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант… П.И. Ивашутин утвердил подготовленное следователем капитаном Орловым заключение», согласно которому следовало «возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором СССР о внесении протеста в Верховный Суд СССР на предмет отмены постановления Особого совещания от 7 июля 1945 года в отношении Солженицына А.И. и прекращении его дела по п. “б” ст.204 УПК РСФСР»[2].

Прошло ещё три месяца, и «28 декабря Главная военная прокуратура направила в Военную коллегию Верховного суда СССР поднадзорный протест за подписью генерал-майора Терехова, где ставился вопрос об отмене постановления ОСО НКВД и прекращении дела Солженицына по п.5 ст.4 УПК РСФСР, то есть за отсутствием состава преступления»[3].

А «6 февраля 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР… вынесла определение, полностью реабилитирующее А.И. Солженицына, о чём его уведомили 2 марта»[4].

Впервые этот документ был оглашен в 1964 г. в связи с выдвижением А.И. Солженицына на Ленинскую премию[5], а опубликован в 1970 г. в первом издании собрания его сочинений, изданном во Франкфурте-на-Майне[6], и с тех пор печатался неоднократно[7].

Сравнивая отдельные публикации, можно заметить, что между ними нет расхождений по содержанию, но они различаются датировкой. Первая публикация имела дату 1956 г.[8], все последующие — 1957 г. Можно было бы допустить, что в первую публикацию вкралась опечатка. Но оказывается, что подобное расхождение наблюдается и в исходящем номере документа: «4н – 083/***56***» в первом случае и «4н – 083/***57***» — во втором (конечные цифры являются обозначением года). Это даёт основание думать, что перед нами не опечатка, а сознательное изменение в датировке документа. Но чем это вызвано, сказать трудно.

Вот текст «Определения»:

---

[1] Орлова Р.Д., Копелев Л.З. Мы жили в Москве. С. 75.

[2] Столяров К.А. Жертвы и палачи. С. 355–356.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва (1961–1964): страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С. 122–123.

[6] Солженицын А.С. Собрание сочинений. Т. 6. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 151–153.

[7] Медведев Ж. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 38–40; Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196; Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 371–373.

[8] О том, что А.И. Солженицын был реабилитирован в 1956 г., говорится и в «Записке КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР», направленной в ЦК КПСС 27 марта 1972 г. (Кремлёвский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 198).

«Верховный Суд Союза ССР
Определение № 4н-083/57
Военная Коллегия Верховного Суда СССР
в составе: Председательствующего полковника юстиции Борисоглебского и членов — полковников юстиции Долотцева и Конова
рассмотрела в заседании от 6 февраля 1957 г.
протест Главного военного прокурора
на постановление Особого Совещания при НКВД СССР
от 7 июля 1945 г.,
на основании которого по статьям 58-10, ч.2 и 58-11 УК РСФСР был заключён в ИТЛ сроком на 8 лет

Солженицын Александр Исаевич рождения 1918 г., уроженец г. Кисловодска, с высшим образованием, до ареста являлся командиром батареи, участвовал в боях против немецко-фашистских войск и был награждён орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Заслушав доклад тов. Конова и заключение зам. Главного военного прокурора — полковника юстиции Терехова, полагавшего протест удовлетворить,

Установила

Солженицыну вменялось в вину то, что он ***с 1940 года и до дня ареста*** среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию и ***предпринимал меры к созданию антисоветской организации***.

В протесте Главный военный прокурор ставит вопрос об отмене в отношении Солженицына указанного постановления Особого Совещания и прекращения о нём дела за отсутствием состава преступления на следующих основаниях:

Из материалов дела видно, что ***Солженицын*** в своём ***дневнике*** и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н.Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности социалистической революции в нашей стране и неизбежной победе её во всём мире, высказывался против культа личности Сталина, писал о художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов, о нереалистичности многих из них, а также о том, что в наших художественных произведениях не объясняется объёмно и многосторонне читателю буржуазного мира историческая неизбежность побед советского народа и армии и что наши произведения художественной литературы не могут противостоять ловко состряпанной буржуазной клевете на нашу страну.

Эти высказывания ***Солженицына*** не содержат состава преступления.

В процессе проверки жалоб Солженицына были допрошены Решетовская, Симонян, Симонянц, которым ***Солженицын*** якобы высказывал антисоветские измышления. Указанные лица охарактеризовали ***Солженицына*** как советского патриота и отрицали, что он вёл антисоветские разговоры.

Из боевой характеристики на ***Солженицына*** и отзыва, служившего вместе с ним капитана Мельникова видно, что ***Солженицын*** с 1942 года до дня ареста, т.е. до февраля 1945 года находился на фронтах Великой Отечественной войны, храбро сражался за Родину, неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение ***Солженицына*** было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям.

Исходя из изложенного, Главный военный прокурор считает, что осуждение Солженицына является неправильным и в связи с этим ставит вопрос о прекращении о нём дела на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР.

Рассмотрев материалы дела и дополнительный материал проверки, соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, и принимая во внимание, что в действиях Солженицына нет состава преступления и дело о нём подлежит прекращению за отсутствием состава преступления, Военная коллегия Верховного Суда СССР

определила:

постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 7-го июня 1945 года в отношении ***Солженицына*** Александра Исаевича отменить и дело о нём за отсутствием состава преступления на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР ***прекратить***.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: ст. офицер Военной коллегии

майор о/с (Дегтярев)»[1].

Знакомство с «Определением» вызывает странное чувство.

Во-первых, нельзя не отметить некоторое расхождение между этим документом и приведённым ранее текстом постановления об аресте А.И. Солженицына, а также опубликованными фрагментами материалов следственного дела, о чём уже шла речь ранее.

Во-вторых, если в постановляющей части Определения говорится, что А.И. Солженицыну вменялись в вину антисоветские разговоры, которые он вёл со своими знакомыми «с 1940 года и ***до дня ареста***», то допрошены были лица, которые могли подтвердить или опровергнуть этот факт только в отношении 1940–1941 гг. А далее «до дня ареста»?

В-третьих, в «Определении» вообще обойдена стороной обоснованность обвинения А.И. Солженицына в том, что он «предпринимал меры к созданию антисоветской организации». Ведь подобные меры можно было предпринимать, не только не ведя антисоветских разговоров, не только не оставляя следов в дневнике и переписке, но и изображая себя преданным советской власти человеком.

Поэтому отмену подобного обвинения следует считать немотивированной.

Редкий дебют

А.И. Солженицын любил живописать, как ему совершенно случайно удалось опубликовать свой рассказ «Один день Ивана Денисовича». Однако даже он признаёт, что разрешение на эту публикацию дал Президиум ЦК КПСС. Немного было литературных произведений, судьба которых решалась бы на таком высоком уровне. И если руководство партии обращалось к тому или иному произведению, то только тогда, когда оно было необходимо в идеологической стратегии партии.

В четверг 15 ноября 1962 г. со своим новым рассказом «Случай на станции Кочетовка» А.И. Солженицын отправился в «Новый мир». «Незадолго до ухода Александра Исаевича, — читаем мы в воспоминаниях Н.А. Решетовской, — Твардов-

[1] Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

скому принесли сигнальный экземпляр 11-го номера. Он предложил его автору “Денисовича”, но Александр Исаевич скромно отказался»[1].

Сигнальный экземпляр появляется тогда, когда начинается переплёт отпечатанного издания, поэтому между подписанием «сигнального экземпляра» и поступлением тиража в систему распространения всегда проходит время, которое зависит как от величины тиража, так и от скорости переплётных работ. Поэтому № 11 «Нового мира» никак не мог выйти в свет ни 17 (суббота), ни 18 ноября (воскресенье).

Между тем утром 18-го в «Известиях» на повесть «Один день Ивана Денисовича» появилась рецензия К.М. Симонова «О прошлом во имя будущего»[2]. В этот день, когда её читали по всей стране и даже за рубежом, Александр Исаевич снова был в Москве[3] и здесь в редакции «Нового мира» получил возможность познакомиться с этой публикацией[4].

Те, кого статья К.М. Симонова не оставила равнодушными, бросились в библиотеки, но там 11-го номера «Нового мира» ещё не было. Не было его ни в киосках «Союзпечати», ни в редакции самого журнала.

19 ноября открылся Пленум ЦК КПСС, среди участников которого находился и А.Т. Твардовский. На следующий день, вечером, первые переплетённые к тому времени экземпляры 11-го номера «Нового мира» были доставлены в ЦК и только здесь его смог приобрести Александр Трифонович. «Вечером, — читаем мы в его “Рабочих тетрадях”, — поделился с Заксом, а он говорит, что весь день в редакции бог весть что — звонки, паломничество. В киосках — списки на № 11, а его ещё там и нет, сегодня, должно быть, будет»[5].

Но ни 20-го, ни 21-го этот номер в киосках не появился.

Зато 22-го появилась новая рецензия на «Один день Ивана Денисовича». Она была написана Г. Бакланом и опубликована в «Литературной газете»[6]. Описывая эти же дни, Н.А. Решетовская отмечает, что «англичанин Паркер», решивший переводить «Ивана Денисовича», «требует консультации с автором и его фото»[7].

А повести ещё не было.

23 ноября хвалебную рецензию В. Ермилова на эту повесть напечатала «Правда»[8]. 24-го в Рязань с поручением взять у Александра Исаевича интервью был направлен корреспондент ТАСС П.И. Косолапов. А.И. Солженицын отказался

---

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С. 69.

[2] Симонов К. О прошлом во имя будущего // Известия. 1962. 18 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 19–21.

[3] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С. 70.

[4] Солженицын А.И. Радиоинтервью к 20-летию выхода Одного дня Ивана Денисовича для Би-Би-Си. 8 июня 1982 г. // Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 24.

[5] Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 7. С. 140.

[6] Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Литературная газета. 1962. 22 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С. 21–26.

[7] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С. 73.

[8] Ермилов В. Во имя правды, во имя жизни. По страницам литературных журналов // Правда. 1962. 23 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С. 26–28.

от встречи, но пообещал написать автобиографию[1]. 26 ноября на заключительном заседании Пленума ЦК КПСС выступил Н.С. Хрущёв. Перечисляя достижения советской литературы последнего времени, он назвал фамилию А.И. Солженицына[2].

А повести ещё не было.

В этот день Александр Исаевич снова едет в Москву. Всё расписано: «На следующий же день, — вспоминала Н.А. Решетовская, — он будет в театре "Современник" читать художественному совету пьесу. Через день должен встретиться с представителем "Роман-газеты" и впервые присутствовать на спектакле в "Современнике". Надо принять переводчиков на английский и французский языки, фотокорреспондента ТАСС, побывать в издательстве "Советский писатель", в "Новом мире", где ждёт гонорар и ***накопилась почта***, повидаться с друзьями, развить и начать новые интересные знакомства с Анной Ахматовой, Варламом Шаламовым, вдовой писателя Булгакова»[3].

А повести ещё не было.

По приезде в Москву А.И. Солженицын передал П.И. Косолапову свою автобиографию[4], на следующий день всесоюзное радио познакомило с нею своих слушателей[5]. Тогда же «ТАСС разослал по многим газетам статью с биографическими данными Солженицына под названием "Имя, новое в нашей литературе" — была опубликована 28 ноября 1962 г. в "Московской правде", в "Советской России" и во многих республиканских и областных газетах». 28 ноября появилась хвалебная статья А. Дымшица в «Литературе и жизни»[6]. В тот же день Рязань посетил корреспондент АПН И. Кашкадамов. Не застав А. Солженицына, он познакомился в школе с его личным делом и 1 декабря на страницах (Учительской газеты) опубликовал статью «Учитель с улицы Революция»[7]. 1 декабря был сдан в набор № 1 (277) «Роман-газеты» на 1963 г., полностью состоящий из «Одного дня Ивана Денисовича»[8].

И только в самых последних числах ноября – начале декабря, когда имя А.И. Солженицына приобрело широкую известность, 11-й номер «Нового мира» пошёл к читателям. Так, в Мурманске он появился около 1 декабря и, «как рассказывают киоскеры, был раскуплен за несколько минут»[9]. В Москве он стал более или менее доступен читателям не ранее 7 декабря[10].

---

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 79–80.

[2] Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С. 141.

[3] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 83.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Дымшиц А. Жив человек // Литература и жизнь. 1962. 28 ноября.

[7] Кашкадамов И. Учитель с улицы революции // Учительская газета. 1962. 1 декабря.

[8] Роман-газета. 1963. № 1(277). А.И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича. М., 1963. С. 47.

[9] Бройдо Е. Такому больше никогда не бывать // Полярная правда. Мурманск, 1962. 2 декабря. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 17.

[10] Тарасова Н. Вхождение Солженицына в советскую литературу и дискуссия о нём // Солженицын А.И. Собрание сочинений. Т.6. Франкфурт-на-Майне. 1970. С. 200.

«А ещё несколько дней спустя, — вспоминает Н.А. Решетовская, — получив письмо из Всесоюзного общества “Международная книга”, мы узнали, как уверенно зашагал по миру “Иван Денисович”. Общество уже заключило договоры на издание повести с издательством “Голланц” (Лондон) и “Жильяр” (Париж), в ближайшее время будут заключены договоры с итальянским издательством “Эйнауди” (Турин) и американским издательством “Даттон” (Нью-Йорк), вопрос об издании повести на немецком языке рассматривается западногерманским издательством “Револьт” (Гамбург), получены запросы из Дании, Голландии, Швеции и Норвегии»[1].

Касаясь появления этой повести, писатель Ион Друцэ тогда же, что называется по горячим следам, писал: «Её стали рецензировать до выхода в свет, по типографским оттискам»[2]. «Нехорошо — вынужден был признаться в январе 1963 г. журналисту В. Буханову и сам Александр Исаевич, — что первые рецензии появились практически до выхода первой книги»[3].

Так А.И. Солженицын вошёл в литературу.

Согласитесь, это очень мало напоминает ту картину, которая позднее была нарисована им самим.

Если допустить, что повесть А.И. Солженицына появилась в печати случайно, как объяснить, что ещё до выхода её в свет весь советский информационный аппарат был мобилизован на то, чтобы сделать ей рекламу. Осечка действительно произошла, но она была связана не с тем, что цензура случайно пропустила повесть, а с тем, что типография, в которой печатался одиннадцатый номер «Нового мира», не смогла уложиться в установленный график, в результате чего Агитпроп ЦК КПСС начал публиковать рецензии тогда, когда повести ещё не было.

Странные совпадения

Осенью 1965 г. А.И. Солженицын вдруг забрал из редакции «Нового мира» свой роман «В круге первом». Объясняя свой шаг, Александр Исаевич связывает его с арестом Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского[4].

Однако сделано это было до названных арестов, когда роману ничто не угрожало[5]. Ничто не угрожало ему в сейфе «Нового мира» и после этих арестов. ***Это значит, что в начале сентября 1965 г. роман понадобился где-то ещё***. Куда же автор понёс его «прятать»? Оказывается, в редакцию газеты «Правда» и на квартиру В.Л. Теуша.

И надо же так случиться, что именно в эти дни вокруг кресла главного редактора «Правда» развернулась ожесточённая борьба. В таких условиях солженицынский роман приобрёл в редакции газеты характер мины замедленного действия, а Ю.Ф. Карякин и А.И. Солженицын, сознательно или бессознательно, оказались в

---

[1] Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 100.

[2] Друце И. О мужестве и достоинстве человека // Дружба народов. 1963. № 1. С. 272–274. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С. 32.

[3] Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. С. 51.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 77.

[5] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 168–169.

роли «минёров». Правда, эта мина не понадобилась. 21 сентября А.М. Румянцев и так был отправлен в отставку.

Более своевременным оказалось появление романа на квартире В.Л. Теуша, куда именно в это время планировался визит КГБ, о чём свидетельствует специальная «Записка» КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР, направленная ими 20 августа 1965 г. в ЦК КПСС. В ней отмечалось, что с осени 1964 г. «среди некоторых групп творческой интеллигенции и молодёжи» стала распространяться анонимная рукопись антисоветского характера, посвящённая повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», автором которой был В.Л. Теуш. Далее отмечалось, что В.Л. Теуш проявляет «большую активность ***по перепечатке, хранению и распространению*** идейно-порочных произведений писателя СОЛЖЕНИЦЫНА»[1].

Считая «принятие мер по линии КГБ непосредственно в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА» «политически неоправданным», так как это «вызовет нежелательную для нас активность антикоммунистических элементов на Западе», авторы записки предлагали завести по факту распространения упомянутой рукописи уголовное дело и с этой целью «произвести допросы ТЕУША и его связей, обыски в ***местах*** хранения рукописей ТЕУША и ***неопубликованных произведений*** СОЛЖЕНИЦЫНА и другие следственные действия», что «позволит пресечь вредную деятельность ТЕУША и связанных с ним лиц, неизбежно приведёт к общественной изоляции СОЛЖЕНИЦЫНА, после чего можно будет решить вопрос о мерах ***по локализации его идейно-порочного влияния***»[2].

И вот в этот самый момент А.И. Солженицына забирает свой роман из редакции «Нового мира», где он мог спокойно лежать и дальше, и относит его на квартиру В.Л. Теуша. Как развивались последующие события, мы знаем. Известно и то, что произведённый у В.Л. Теуша обыск не повлёк за «собою судебной или иной ответственности ТЕУША», а также способствовал не «локализации», а, наоборот, усилению «***идейно-порочного влияния***» А.И. Солженицына.

Ещё более странным в этой истории является другой факт.

В «Телёнке» нашли отражение две совершенно разные версии изъятия солженицынского архива: по одной из них, более ранней, «архив» был обнаружен на квартире В.Л. Теуша, что не соответствует действительности, по второй, более поздней, — на квартире И.И. Зильберберга, как было на самом деле.

Почему же вопреки фактам А.И. Солженицын первоначально утверждал, что архив был изъят у В.Л. Теуша? Ведь у него не было никакой личной заинтересованности в сокрытии правды от будущих читателей его воспоминаний. Но тогда получается, что первоначальная версия была нужна кому-то другому.

Впервые её обнародовала летом 1968 г. «Литературная газета» в редакционной статье «Идейная борьба. Ответственность писателя». В ней говорилось: «Машинописные копии некоторых рукописей Солженицына, как анонимные, были обнаружены при обыске и изъяты вместе с другими компрометирующими материалами в Мо-

[1] Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. 1993. № 75. С. 165.

[2] Там же. С. 166.

скве у некоего гр. Теуша… *Среди рукописей, изъятых у гр. Теуша, оказалась, например, пьеса "Пир победителей"*»[1].

Тогда опубликовать подобное можно было только с подачи КГБ СССР.

И действительно, 5 октября 1965 г. председатель КГБ при СМ СССР В. Семичастный подписал секретный документ под названием «Информация Комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР», адресованный в Отдел культуры ЦК КПСС. Вот его текст: «Комитет государственной безопасности направляет один экземпляр рукописи романа А. СОЛЖЕНИЦЫНА "В круге первом", пьес "Республика труда" (под псевдонимом Степана Хлынова) и "***Пир победителей***", а также поэму "Невесёлая повесть", этюды и крохотные рассказы… ***Все эти материалы были изъяты при обыске 11 сентября 1965 г. у близкого знакомого А. Солженицына Теуша В.Л.***»[2].

Следовательно, версия об изъятии архива А.И. Солженицына на квартире В.Л. Теуша родилась осенью 1965 г. на Лубянке. Чем было вызвано её происхождение? Ответ может быть только один. По каким-то причинам КГБ не желал, чтобы в связи с изъятием солженицынских рукописей в начатом уголовном деле фигурировала фамилия И.И. Зильберберга[3].

Но в таком случае мы должны констатировать, что первоначально в воспоминаниях А.И. Солженицына фигурировала версия, исходившая от КГБ. Причём Александр Исаевич пытался пресечь имевшие хождения слухи о причастности к провалу его архива И.И. Зильберберга и, по утверждению последнего, стал связывать его провал с именем В.Л. Теуша ещё до публикации «Литературной газеты»[4].

Что это случайное совпадение или же согласованные действия?

Рассказывая о событиях осени 1965 г., Н.А. Решетовская сообщила мне ещё один очень любопытный факт. Оказывается, 11 сентября 1965 г. на квартире И.И. Зильберберга наряду с прочими рукописями А.И. Солженицына была обнаружена его поэма «Прусские ночи»[5].

Однако в опубликованном И.И. Зильбербергом протоколе обыска она не значится[6].

В это самое время, 5 октября 1965 г., КГБ направил в ЦК КПСС два документа: а) специальный меморандум «По оперативным материалам о настроениях писателя А. Солженицына», в котором говорилось о его отрицательном отношении к В.И. Ленину («это просто змея, это беспринципнейший человек»), о работе над «Архипелагом ГУЛАГ» («вещь убийственная будет»), о грядущем развале СССР («надо расставаться с республиками»), и б) «Аннотацию по роману А.И. Солженицына "В круге первом", из которой явствовало, что он отожествлял советское государство с ГУЛАГом и стремился вызвать у читателя «ассоциации нашего госу-

[1] Идейная борьба. Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 349.

[2] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 25.

[3] В связи с этим обращает на себя внимание то, что в протоколе обыска, опубликованного И.И. Зильбербергом, отсутствуют фамилии понятых и офицеров КГБ, производивших обыск (Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1996. С. 73–77).

[4] Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976. С. 100.

[5] Запись беседы с Н.А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

[6] Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия. 1996. С. 73–77.

дарства с фашистским режимом»[1]. Если к этому добавить «Пир победителей», который содержал реабилитацию власовцев, то в ЦК, казалось бы, не должно было быть иллюзий относительно А.И. Солженицына.

Между тем именно в это время он свободно посещал ЦК КПСС (куда имели доступ очень немногие писатели, причём только из числа проверенных), по его же собственным словам, «нагло» требовал квартиру и, самое удивительное, в начале 1966 г. получил её [2].

Подобным же образом развивались действия и в 1973 г., когда А.И. Солженицын дал команду публиковать за границей первый том «Архипелага». Объясняя этот шаг, он связывает его с арестом Е.Д. Воронянской и последовавшей затем конфискацией рукописи книги у Л.А. Самутина[3]. «Разве бы я сам решился», — восклицает он в «Телёнке»[4].

Между тем уже весной 1973 г. Александр Исаевич приезжал в Ленинград прощаться со своими знакомыми, одновременно он стал изымать у них свои письма и не позднее 17 июля заявил, что «Архипелаг» будет напечатан уже в 1973 г.[5] Летом того же года, ещё до смерти Е.Д. Воронянской, в письме к Э. Маркштейн он уточнял, что «Архипелаг» потребуется «раньше, чем предполагалось»[6]. Тогда же он прекратил работу над романом «Октябрь шестнадцатого» и обратился к В.Н. Курдюмову с просьбой перефотокопировать его рукопись[7]. К тому же времени относится решение А.И. Солженицына переоформить на Н.А. Решетовскую оставшуюся за ним после развода Борзовку, что до этого он намеревался сделать только ко времени издания «Архипелага»[8], а покидая дачу ***16 августа*** Александр Исаевич прощался с ней «***навсегда***»[9].

Получается, что в то самое время, когда КГБ выходил на след Е.Д. Воронянской, арестовывал и допрашивал её, а затем делал вид, что ищет «Архипелаг», ничего не знавший об этом А.И. Солженицын уже сворачивал свои дела, готовился к отъезду за границу и уже ждал момента, чтобы дать команду о публикации за границей своей книги.

Что это? Опять совпадение?

Ответ на этот вопрос даёт изданный в 2007 г. библиографический указатель, посвящённый А.И. Солженицыну. В нём приведён полный перечень публикаций «Архипелага» на русском языке. Открывается он следующим изданием: «15. ***Ар-***

---

[1] Информация Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. 5 октября 1965 г. // Кремлёвский самосуд. С. 8–25.

[2] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом.

[3] Вассоевич Л.А. «К 90-летию ФСБ»: О документальной основе радиосериала ТРК «Петербург. Документальное приложение // Следствие продолжается…Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Книга вторая. СПб., 2008. С. 388–395.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 40.

[5] Кремлёвский самосуд. С. 236.

[6] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 57.

[7] Там же. С. 46.

[8] Решетовская Н.А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 152.

[9] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 37.

хипелаг ГУЛАГ: Опыт худож. исслед., 1918–1956. Т. 1–2. — М.: Изд-во полит. лит, 1972. – 607 с.: ил., портр. — Перед загл.: Пролетарии всех стран соединяйтесь! — На обороте тит. л.: Печ. по постановлению ЦК КПСС. Ред. — учен. секретарь Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М.В. Искров»[1].

Поскольку указатель был издан Российской национальной библиотекой, но ни в РНБ, ни РГБ обнаружить такое издание «Архипелага» не удалось, я обратился к издателям с вопросом: на основании чего оно было включено в указатель[2]. Мне ответили, что соответствующие сведения на этот счёт были получены из Фонда А.И. Солженицына от Надежды Григорьевны Левитской[3], фигурирующей в воспоминаниях писателя в числе так называемых «невидимок»[4]. На мою просьбу дать мне её координаты в названном фонде мне заявили, что свяжутся с Надеждой Григорьевной сами и в ближайшее время дадут мне ответ на интересующий меня вопрос, при этом было сказано, что 1972 г. — это опечатка[5]. Не получив обещанного ответа, через некоторое время я позвонил ещё раз, и мне было заявлено, что отвечать на мой запрос фонд не будет, так как упомянутый выше указатель не издавал[6]. Подобный ответ означает только одно — издание «Архипелага» 1972 г. — это не опечатка.

Но тогда получается, что к 1972 г. текст «Архипелага» уже был на руках у КГБ и в 1972–1973 гг. он лишь имитировал поиски и обнаружение этого произведения, чтобы дать А.И. Солженицыну повод для немедленной публикации книги за границей.

Среди тех материалов, которые были использованы А.И. Солженицыным при написании «Архипелага», особого внимания заслуживают архивные источники. Их немного, и почти все они извлечены из фондов бывшего Центрального Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации), о чём свидетельствуют фигурирующие в книге архивные шифры. До недавнего времени эти материалы были засекречены. Факт, который отмечается и в «Архипелаге»[7].

На основании собственного опыта могу сказать, что тогда для работы с подобными документами требовался специальный допуск (на архивном жаргоне — форма). В зависимости от степени секретности он имел разные номера. Так, для работы с дореволюционными документами можно было обойтись формой № 4. Для работы с советскими документами требовалась как минимум форма № 3. Использованные А.И. Солженицыным материалы вряд ли можно было получить без формы № 2 или № 1. В тех учреждениях, в которых велись засекреченные исследования,

---

[1] Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии. СПб., 2007. С. 24. М.В. Искров работал ученым секретарем ИМЛ с 1957 по 1975 г. (РГАСПИ — Островскому А.В. № 1455. 9 июня 2014 г. // Архив автора)

[2] Островский А.В. — Лельковой Н.К.18 мая // Там же.

[3] Азиатцев Д.Б. — Островскому А.В. 26 мая 2014 // Там же.

[4] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 455–457.

[5] Запись разговора по телефону с секретарем Фонда А.И. Солженицына. 28 мая 2014 // Архив автора.

[6] Запись разговора по телефону с секретарем Фонда А.И. Солженицына. 4 июня 2014 // Там же.

[7] Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 6. М., 1991. С. 13, 16–17.

допуск давался первым отделом, в остальных — отделом кадров. В любом случае его можно было получить только с разрешения КГБ.

Чем выше была секретность, тем сложнее было получить допуск, тем строже контролировалась работа исследователя. Все делавшиеся в спецхране выписки из документов просматривались работниками архива, которые имели право по своему смотрению полностью или же частично изымать сделанные исследователем записи, что делалось с помощью ножниц или чёрной туши. Причём категорически запрещалось фиксировать в выписках из документов архивные шифры. К тому же сама рабочая тетрадь с выписками на руки исследователю не выдавалась и пересылалась по месту его работы соответственно в первый отдел или в отдел кадров.

Как же спецхрановские архивные материалы оказались в распоряжении А.И. Солженицына? Предположим, что он работал в ЦГАОР. Но тогда нужно признать, что к этим материалам он был допущен с разрешения КГБ. Более того, тот факт, что ему удалось сделать выписки из документов с указанием архивных шифров, следует рассматривать как свидетельство того, что для него в архиве были созданы особые условия. В противном случае необходимо констатировать, что выписки из архивных материалов специального хранения он получил из чужих рук. Но если бы это было сделано кем-то из исследователей или архивных работников на свой страх и риск, то его личность была бы установлена сразу после выхода в свет «Архипелага», а за этим обязательно последовали бы санкции. Однако, насколько известно, никто из исследователей и сотрудников ЦГАОР в связи с этим не пострадал. Не нашёл отражения данный факт и в «Пятом дополнении» к «Телёнку» — «Невидимки». Более того, этот «доброжелатель» там даже не упомянут.

И в том случае если А.И. Солженицын сам работал в спецхране, и в том случае, если спецхрановские материалы были получены им из чужих рук, оказывается, что КГБ не только был в курсе работы писателя над «Архипелагом», но и содействовал ей.

Имел А.И. Солженицын доступ и к другим закрытым материалам.

В «Телёнке» он рассказывает, что «свои люди» были у него и «в спецхране Ленинки»[1]. Я не буду демонизировать работников спецхрана (по своему опыту могу сказать, что там были разные люди), но все они не только проходили проверку КГБ, но и находились в двойном подчинении. Поэтому их либерализм имел чётко очерченные границы. В своё время в той же Ленинке мне, уже кандидату наук, члену КПСС, было отказано в выдаче книги Л.Д. Троцкого «Моя жизнь», несмотря на то, что все необходимые для этого формальности мною были соблюдены.

А.И. Солженицын вспоминал, что его поклонники работали и «каком-то библиотечном партийном фонде, да где? На площади Дзержинского, прямо против Большой Лубянки! И что за фонд! Из каких-то полузапретных, но всё ещё не уничтоженных книг, так что была у них возможность списывать якобы уничтоженные, а на самом деле не уничтожать, — мне, например, давать… И один раз настояли они — посетить их прямо там, в фонде, походить вдоль полок»[2].

---

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 36.

[2] Там же. С. 39.

Причём даже после 1965 г., когда на руках уже были и «Пир победителей» и другие его антисоветские вещи. Когда в ЦК КПСС уже было известно, что он пишет «Архипелаг».

Отмечая факт слежки КГБ за ним и близкими к нему лицами, А.И. Солженицын привёл в журнальном издании «Телёнка» (1991 г.) следующий факт: «В марте 1972 г. как-то раз доброхоты в одном учреждении, где ***прохожий гебист*** положил портфель и отлучился в другую комнату, с отчаянной смелостью заглянули в портфель, успели перекопировать и передать мне:

«I отдел 5 Управл. КГБ при СМ СССР – Широнину; Ленинград, УКГБ- Носыреву. ***6 марта*** вечерним поездом из Москвы в гор. Ленинград в сопровождении "***НН***" выезжает жена "***Паука***" — Решетовская Наталья Алексеевна. Просим Вас дать указание продолжить мероприятие "НН" в отношении Решетовской, выявлять посещаемые адреса. В Ленинграде Решетовская ориентировочно пробудет до 19 марта. Зам. начальника Управления КГБ ген-майор Никишкин»[1].

Названными им «доброхотами» были, если верить ему, «двое парней в Радиокомитете на Новокузнецкой»[2].

Как же приведённый документ мог оказаться в портфеле «***прохожего гебиста***» в Москве на Новокузнецкой? Ведь он был направлен в Управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Конечно, в Москве в 5-м Управлении КГБ должен был отложиться отпуск этого документа (его копия). Но подобное письмо, имевшее оперативный характер и относившееся к числу совершенно секретных, никто не имел права положить в портфель и вынести из здания ни на Лубянке, ни на Литейном. Да кому и зачем его нужно было таскать в портфеле?

Можно было бы допустить, что по наивности А.И. Солженицын стал жертвой чьей-то мистификации. Однако обращает на себя внимание, что в опубликованном документе совершенно точно названы фамилия начальника Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Д.П. Носырева, а также работника 5-го Управления КГБ В.С. Широнина и допущена неточность лишь в передаче фамилии заместителя начальника этого управления, которого звали не Никишкин, а В.С. Никашкин. Я не знаю, как с этим обстоит сейчас, но в былые времена эти фамилии в телефонных справочниках не печатали. Поэтому они были известны только лицам, работавшим в КГБ или же близким к этому учреждению.

Но самое главное в другом: в документе приведена оперативная кличка, под которой А.И. Солженицын действительно проходил по наружному наблюдению и которая в те времена принадлежала в стенах КГБ к числу совершенно секретных, — «Паук»[3]. Это значит, что даже если рассматриваемый документ представляет собою мистификацию, всё равно к ней были причастны органы госбезопасности.

Но зачем и кому нужна была такая мистификация?

Была ли А.И. Солженицыным опубликована копия подлинного документа или его подделка, ещё предстоит выяснить. Предстоит выяснить и то, с какой целью она

---

[1] Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 25.

[2] Там же. № 12. С. 40.

[3] Васильев П. «Аббат» выходит на связь (беседа с Г. Якуниным) // Аргументы и факты. 1992. № 1. С. 5. Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 160–161.

была ему передана. Однако в данном случае более важным является другое — отсутствие в опубликованном тексте фамилии упоминаемого в нём агента наружного наблюдения, вместо которой значится «НН» и обозначенное подобным же образом название проводимого «в отношении Решетовской» «мероприятия»[1]. Этого не могло быть ни в оригинале, ни в копии документа. Не могло этого быть и в том случае, если бы он была подделан.

Но тогда следует признать, что фамилия агента наружного и название операции были исключены при публикации самим Александром Исаевичем.

Получается, что «Паук» даже в 1991 г. в далёком Вермонте, предавая этот документ огласке, ***соблюдал интересы ведомства***!!!

Невероятно, но факт.

Оказывается, и ведомство блюло интересы своего непримиримого противника. 3 июля 1990 г., когда А.И. Солженицыну ещё не было возвращено гражданство, КГБ уничтожил «путём сожжения» все 105 дел «оперативной подборки на “Паука”», а затем через С.П. Залыгина ему были переданы материалы, «относящиеся к его первому аресту в 1945 г. и его реабилитации в 50-е годы»[2].

Итак, мы рассмотрели несколько эпизодов биографии А.И. Солженицына, которые свидетельствуют не о противоборстве, а о сотрудничестве между ним и КГБ[3].

В связи с этим особого внимания заслуживает письмо А.И. Солженицына, которое он направил из ссылки Н.А. Решетовской 12 сентября 1953 г. (обращаю внимание на дату): «Знаешь ли ты, моя девочка, что твой выход замуж есть пока ***единственная неудача*** в моей жизни»[4].

А как же арест? А восемь лет неволи? Неужели все это было для А.И. Солженицына мелочью по сравнению с верностью жены? Обращаемся к тому же письму и читаем далее: «***Если я не испорчу своей жизни её концом, то я жизнью прожитой удовлетворён***. Кульминация уже, вероятно, позади»[5].

Вдумайтесь в приведённые слова. Это писал человек, которому шёл 35-й год. Человек, с отличием закончивший университет, успешно прошедший войну и оказавшийся за колючей проволокой, пишет: «***Я жизнью прожитой удовлетворён***». И это после восьми лет заключения. Невероятно!

Удивляет и то, что он, оказавшийся на краю земли, в заброшенном казахском посёлке, считал, что «***кульминация уже, вероятно, позади***». Это значит, что осенью 1953 г. находящийся в ***бессрочной ссылке*** А.И. Солженицын и, казалось бы, не имевший никаких оснований для надежд на перемену в своей судьбе, готовился к какой-то развязке.

Но ещё более поражают следующие слова из того же письма: «***Счастливее жизнь могла, конечно, сложиться, но лучше — вряд ли***»[6].

---

[1] Показательно, что А.И. Солженицын сохранил подобное обозначение даже в третьем издании своих воспоминаний: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 297.

[2] Бакатин В. Избавление от КГБ. С. 160–161.

[3] По свидетельству М.Н. Полторанина, когда был ликвидирован Экибастузский лагерь, один из его бараков был сохранен. Это был барак, в котором жил А.И. Солженицын (Запись беседы с М.Н. Полтораниным. Москва. 2 октября 2012 г. // Архив автора).

[4] Решетовская Н.А. В круге втором. С. 168.

[5] Там же. С. 171.

[6] Там же.

Так мог писать только человек, для которого пребывание в заключении было не наказанием, не личной трагедией, а одним из видов деятельности, которой он не только был удовлетворён, но и считал своей жизненной удачей.

В 2004 г., т.е. ещё при жизни писателя, в своей книге «Солженицын: прощание с мифом» я счёл возможным сделать следующее заключение: «Всё это вместе взятое даёт право на существование версии о возможных связях А.И. Солженицына с советскими спецслужбами и ставит его перед необходимостью дать объяснения по тем фактам, которые бросают на него тень подозрения.

Более того, на мой взгляд, лица, в той или иной степени оказавшиеся причастными к созданию существующего мифа о А.И. Солженицыне, активно сотрудничавшие с ним, способствовавшие получению им Нобелевской премии, связанные с Российским общественным фондом, ИМКА-пресс и т.д., тоже обязаны или отвести все подозрения от своего кумира (в противном случае они в разной степени ложатся и на них), или же, признав их обоснованность, снять подобные же подозрения с себя.

Если А.И. Солженицын предпочтёт сохранить молчание или отделаться общими словами, как он поступил в отношении публикаций Ф. Арнау и Т. Ржезача, высказанное предположение о его возможных связях с советскими спецслужбами можно будет считать доказанным.

Если вместо гласного разбирательства по мне будет открыт огонь, то для любого думающего человека такое развитие событий тоже будет означать только одно — предложенный в данной книге подход к разгадке мифа о А.И. Солженицыне ведёт к истине»[1].

Поскольку ни сам А.И. Солженицын, ни его ближайшие соратники, ни его поклонники не отреагировали на мое обращение, в 2007 г. я счёл возможным публично бросить А.И. Солженицыну обвинение в том, что он является «литературным Азефом»[2].

И этот шаг тоже был оставлен без возражений.

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что первый арест А.И. Солженицына являлся фиктивным и имел своей целью создание ему соответствующей «легенды», под прикрытием которой он должен был жить и действовать в последующем.

Чисто теоретически могло быть несколько вариантов его использования: а) в тюрьмах и лагерях для получения необходимых сведений от осуждённых лиц, представляющих для государства особое значение, б) на «шарашках» и других секретных объектах, связанных с оборонной промышленностью, в) на воле среди лиц, настроенных антисоветски, побывавших в заключении или же имеющих выходы на иностранцев, наконец, г) для работы за границей.

Пусть не покажется это нескромным, но поскольку почти все средства массовой информации подвергли мою книгу о А.И. Солженицыне своеобразному остракизму как не заслуживающую внимания, приведу несколько иных оценок.

Литератор Семен Ефимович Резник: «Автор не имел доступа к личному архиву Александра Исаевича, не мог задавать вопросы ему и его близким. Зато он тща-

[1] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 525.

[2] Загадки вождей XX века // Новый Петербург. 21 июня 2007.

тельно проштудировал всё написанное Солженицыным, нашёл множество мелких и крупных противоречий в том, что он писал о себе и своей работе. Ещё больше несоответствий обнаружено им при сопоставлении мемуарных текстов Солженицына со свидетельствами других участников событий, с опубликованными документами. Все несоответствия им тщательно проанализированы. На каждую цитату, факт, документ даётся точная ссылка (чем, заметим в скобках, Сараскина себя не утруждает). Из 730 страниц книги ссылки на источники занимают 150 страниц. Автор потратил на эту работу 12 лет (1991–2003). Скрупулёзность работы А. Островского поражает. Написанная сухо и академично, его ***книга осталась почти не замеченной***, но ей суждена долгая жизнь»[1].

Единственная рецензия на мою книгу была опубликована в газете «Республика Татарстан». Её название «Крушение последнего мифа» говорит само за себя[2].

Вскоре после того, как книга вышла в свет, из Мюнхена мне позвонил Кирилл Викторович Хенкин, который представился не как эмигрант, не как бывший сотрудник радио «Свобода», а как «ученик Абеля». Поздравив меня с выходом книги, он сказал, что давно подозревал А.И. Солженицына в связях с КГБ и что мне, по его мнению, удалось доказать это[3].

А вот мнение питерского адвоката Владимира Генриховича Захарова:

«После четверти века в уголовной юстиции я кое-что смыслю в доказательствах, слышу малейшую фальшь и никому заранее не верю. Но доктор исторических наук Александр Владимирович Островский (в случае с этим учёным, впрочем, не степень делает ему честь, но он делает честь степени, которая сама по себе ничего не значит) заставил меня поверить. Его умение собирать, оценивать и выстраивать доказательства выше всяких похвал»[4].

И далее: «Всех, в ком рассудок ещё не угас; всех, кто хочет излечиться от либерал-кретинизма, как и от национал-психоза; всех, кого всерьёз интересует тема взаимоотношений КГБ и КПСС, роль КГБ в сокрушении КПСС и гипотеза об А.И. Солженицыне как успешном проекте Комитета государственной безопасности Советского Союза — всех любознательных и небезнадёжных отсылаю к замечательно честной фундаментальной книге А.В. Островского “Солженицын. Прощание с мифом”. Там есть что почитать, о чём подумать. Было бы чем…»[5].

---

[1] Резник С. Сквозь чад и фимиам // Заметки по еврейской истории. 2008. № 12(103) http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer12/SReznik1.php

[2] Куницын Б. Крушение последнего мифа // Республика Татарстан. Казань. 2005. № 41–42 (25377). 3 марта (пятница)

[3] Запись беседы с Кириллом Хенкиным. По телефону. Мюнхен – С.-Петербург. 2004 г. // Архив автора.

[4] Захаров В.Г. Дон Кихот как предчувствие. СПб., 2010. С. 346

[5] Захаров В.Г. Сокровище Нибелунгов // Нева. 2007. № 8. С. 54.

Глава 5

КГБ, диссиденты и перестройка

КГБ и диссиденты

Поскольку факт сотрудничества А.И. Солженицына с советскими спецслужбами можно считать доказанным, получается, что советские спецслужбы не только контролировали, но и направляли его деятельность (как литературную, так и общественную), которая имела откровенно антисоветский характер. Более того, имя А.И. Солженицына стало знаменем диссидентского движения, а его литературные произведения, особенно «Архипелаг ГУЛАГ», широко использовались зарубежными спецслужбами в идеологической войне против Советского Союза.

Как же совместить эти, казалось бы, взаимоисключающие факты?

До сих пор взаимоотношения между КГБ и диссидентами рассматриваются только с точки зрения противоборства этих двух сил и не учитывается то, что «***КГБ имел широкую сеть осведомителей, в том числе свою агентуру в движении диссидентов***»[1].

Агенты КГБ в буквальном смысле слова пронизывала некоторые диссидентские и эмигрантские группы, даже целые организации. «В эмиграции, к примеру, — писал В.Е. Максимов, — они проникли всюду — в газеты, журналы, на радио, в университетские и политические круги Запада, разлагая окружающую среду ложью и клеветой и различными рода инспирациями»[2].

Примером такого проникновения может служить Народно-трудовой союз (НТС). Характеризуя эту организацию, бывший работник 5-го Управления КГБ СССР подполковник Александр Николаевич Кичихин утверждал: «Многие наши сотрудники в кулуарах управления говорили довольно откровенно: ***если бы КГБ не подкреплял НТС своей агентурой, союз давно бы развалился***. А ведь прежде чем внедрить агента, его надо соответствующим образом подготовить, сделать ему диссидентское имя, позволить совершить какую-то акцию, чтобы за границей у него был авторитет. Кроме того, каждый из них должен был вывезти с собой какую-то стоящую информацию, высказать интересные идеи — плод нашего

---

[1] Чехонин Б.И. Журналистика и разведка. С. 156.

[2] Максимов В.Е. Открытое письмо председателю КГБ при Совете министров СССР В.В. Бакатину. 25 августа 1991 г. // Синтаксис. 1991. № 31. С. 156.

творчества. Вот и получалось, что мы подпитывали НТС и кадрами, и, так сказать, интеллектуально»[1].

Может быть, это самореклама? Нет, оказывается, подобного мнения придерживаются и некоторые активные деятели диссидентского движения. Так, В.К. Буковский характеризует НТС как «***организацию — двойного агента***», искусственно поддерживаемую «***и КГБ, и ЦРУ***»[2].

Подобные настроения проникли даже внутрь НТС, результатом чего стало дело Юрия Чикарлеева. Он, видный и давний деятель союза, в конце 70-х годов поставил перед руководством организации тот же самый вопрос и назвал в качестве подозреваемых им лиц сначала М.В. Назарова, затем Е.Р. Романова. Руководство Союза попыталось замять возникшее дело, а когда это не удалось, исключило Ю. Чикарлеева из своих рядов. Была сделана также попытка привлечь его к суду за клевету как в ФРГ, так и во Франции, но первый суд ограничился лишь предостережением обвиняемому, второй закончился ничем[3].

Прошло несколько лет, и один из инфильтрированных в НТС работников КГБ сам назвал себя. Им оказался полковник КГБ Ярослав Васильевич Карпович, который, по его словам, в 70-е годы был резидентом Народно-трудового союза в Москве и в таком качестве ездил за границу для встреч с руководителями Союза, в частности с Е.Р. Романовым[4]. Тот факт, что ни журнал «Грани», ни журнал «Посев», ни информационный бюллетень НТС «Встречи» никак не отреагировали на эту публикацию[5], даёт основания думать, что сообщённые Я.М. Карповичем факты соответствуют действительности и полковник КГБ на самом деле был резидентом НТС в столице[6].

Это значит, что энтеэсовские «молекулы» в Москве были по меньшей мере под контролем КГБ, а если принять во внимание, что Я.В. Кичихин являлся резидентом НТС, то через него КГБ имел возможность и направлять деятельность НТС в столице.

«Точно так же, — пишет Л.М. Млечин, — обстояло дело с Организацией украинских националистов. Если посмотреть списки руководителей ОУН, то окажется, что ***чуть ли не каждый второй был нашим агентом***»[7].

Отмечая проникновение КГБ в заграничные организации, В. Максимов писал: «***Думаю, куда разрушительнее их деятельность сказывается на родине***»[8].

Глубокое проникновение КГБ в диссидентское движение признавал бывший член Политбюро ЦК КПСС, один из ближайших сподвижников М.С. Горбачёва

---

[1] Млечин Л.М. Председатели КГБ: рассекреченные судьбы. М., 1999. С. 503.

[2] Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва, 1996. С. 169.

[3] Чикарлеев Ю. Трагедия НТС. Эпизод тайной войны. Нью-Йорк, 1987.

[4] Щекочихин Ю. «Наш человек» в НТС // Литературная газета. 1990. 5 декабря.

[5] С этой целью мною были просмотрены три названные издания за 1990–1991 гг.

[6] По свидетельству одного из ленинградских энтеэсовцев Р.Б. Евдокимова, ему было известно, что Я.В. Карпович приезжал за границу для переговоров от имени московской группы НТС (Запись беседы с Р.Б. Евдокимовым. С.-Петербург // Архив автора).

[7] Млечин Л.М. Председатели КГБ: рассекреченные судьбы. М., 1999. С. 503.

[8] Максимов В.Е. Открытое письмо председателю КГБ СМ СССР В.В. Бакатину. 25 августа 1991 г. // Синтаксис. 1991. № 31. С. 156.

А.Н. Яковлев. 29 июля 2001 г., характеризуя в эфире радио «Свобода» деятельность Ю.В. Андропова, Александр Николаевич заявил: «Он постепенно диссидентское движение насыщал своими работниками… Я читал эти бумаги, я всё знал, что происходит в диссидентском движении по их запискам — кто за что, кто к кому приставлен, кого надо выслать за границу, кого вместе с ним послать, чтобы он за ним глядел... И так далее»[1].

Наличие влиятельной агентуры КГБ в диссидентском движении отмечал другой достаточно осведомлённый на этот счёт человек — бывший сотрудник, а затем заместитель заведующего Международного отдела ЦК КПСС, позднее помощник М.С. Горбачёва как генерального секретаря ЦК КПСС, Анатолий Сергеевич Черняев[2].

Доказывать сейчас причастность КГБ к диссидентскому движению уже не нужно[3]. Проблема заключается в выяснении того, зачем это ведомство насыщало его своими людьми?

Диссидентство, т.е. инакомыслие, как умонастроение существовало на протяжении всего советского периода, в том числе при Сталине. Диссидентство как движение зарождается и получает развитие после его смерти. По всей видимости, не будет ошибки, если сказать, что у его истоков стоят малоизученные волнения студентов Московского университета, произошедшие осенью 1953 г.[4]

Следующей важной вехой стал 1956 г. Это был не только XX съезд КПСС, но и то, что последовало за ним: чтение закрытого письма ЦК КПСС с изложением доклада Н.С. Хрущева, мартовские события в Грузии, Постановление ЦК КПСС о культе личности Сталина, события в Польше и Венгрии, публикация и обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым», появление за границей романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Именно с этого времени берут свое начало два явление: самиздат и тамиздат. Причём, как это было признано и КГБ, и историками диссидентства, именно распространение самиздатовской и тамиздатовской литературы привело к складыванию неформальной организационной структуры диссидентства.

Важной, можно даже сказать, поворотной вехой в его истории стал 1965 г., когда были арестованы, а затем преданы суду два писателя — Андрей Синявский и Юлий Даниэль[5]. Эти два события сыграли важную роль в возникновении так называемого правозащитного движения, а имя А.Д. Синявского приобрело знаковый характер.

Андрей Донатович Синявский родился в Москве в 1925 г. Его отец, в прошлом эсер, дважды (в 1924 и в 1950 г.) арестовывался. В 1943–1945 гг. А.Д. Синявский служил в армии, в 1945 г. поступил на филологический факультет МГУ. Закончив университет (1949), а затем аспирантуру (1952) и защитив кандидатскую диссерта-

---

[1] Наши гости: Лицом к лицу. Александр Яковлев. 29 июля 2001 г. // Радио «Свобода» http://archive.svoboda.org/programs/FTF/2001/FTF.072901.asp

[2] Черняев А.С. «Хочу сказать правду» // Еврейское слово. 2005. № 18 (241) (электронная версия: htth://www.e-slovo.ru

[3] Щаранский Н. Не убоюсь зла. М., 1991. С. 74–75, 97–105, 128–129, 173–174; Граждане, все мы жертвы // Литературные новости. 1992. № 7. С. 12–13.

[4] Таранов Е. «Раскачаем Ленинские горы»: Из истории «вольнодумства» в Московском университете (1955–1956 гг.) // Свободная мысль, 1993. № 3.

[5] Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990.

цию по роману А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина», работал в Институте мировой литературы, в 1957–1958 гг. преподавал в МГУ на факультете журналистики, с 1958 г. — в Школе-студии МХАТ, был одним из ведущих литературных критиков журнала «Новый мир». В 1960 г. вместе с И. Голомштоком издал книгу «Пикассо», в 1964 г. — написанную вместе с А. Меньшутиным книгу «Поэзия первых лет революции. 1917–1920». С 1956 г. начал печататься за границей под псевдонимом «Абрам Терц», за что в сентябре 1965 г. был арестован вместе с Ю. Даниэлем и предан суду, отбыл в заключении шесть лет, после чего получил возможность уехать за границу. Жил в Париже, преподавал в Сорбонском университете, издавал журнал «Синтаксис», который стал одним из духовных центров антисоветской эмиграции[1].

Прошло время, и в 1984 г. А.Д Синявский со страниц своего автобиографического романа «Спокойной ночи» поведал о том, как ещё в студенческие годы его вербовали советские спецслужбы[2], а затем признал данный факт в полемике, которая развернулась вокруг его романа[3]. Разногласия в возникшем споре вызвали два вопроса: удалось ли органам госбезопасности завербовать Андрея Донатовича и, если удалось, сотрудничал ли он с ними?

В романе А.Д. Синявский писал, что его главный герой, прототипом которого являлся он сам, был завербован[4], но в упомянутой полемике заявил лишь, что его «пытались» завербовать, не конкретизируя, как, кто и когда[5]. По свидетельству его жены М.В. Розановой (Кругликовой), в 1948 г. её муж, будучи студентом филологического факультета МГУ, не только получил со стороны органов госбезопасности предложение о сотрудничестве, но и «согласился» на него. Оправдывая этот шаг, она отмечает: «В сталинские времена могущественной Лубянке не отказывали»[6]. Поэтому первый вопрос можно считать решённым.

Сложнее обстоит дело со вторым вопросом. По свидетельству А.Д. Синявского, когда органы госбезопасности вербовали его, перед ним ставилась одна задача — следить за однокурсницей Элен Пельтье, бывшей дочерью адмирала, французского военно-морского атташе в Москве. Однако Андрей Донатович сообщил Элен о сделанном ему предложении, и они разыграли сцену размолвки, после которой отношения между ними прервались, возможность слежки за нею со стороны А.Д. Синявского исчезла и органы госбезопасности оставили его в покое. Снова вспомнили о нём только в 1952 г. В романе описывается, как главный герой на воен-

[1] Синявский А. Д. 127 писем о любви: [В 3 т.] / Предисл. Л. Флейшмана и М. Розановой, подгот. текста и примеч. М. Розановой]; Изд. подгот. при участии О-ва «Мемориа». М.: Аграф, 2004. Т. 1. 464 с. Т. 2. 576 с.; Т. 3. 480 с.

[2] Терц А. (Синявский А.Д.). собрание сочинений в двух томах. Т. 2. Спокойной ночи. М., 1992. С. 544–610 (глава «Во чреве китовом»).

[3] Вместо колонки редактора: О «руке КГБ» и прочем // Континент. Париж, 1986. № 49. С. 337.

[4] Терц А. (Синявский А.Д.). собрание сочинений в двух томах. Т. 2. Спокойной ночи. М., 1992. С. 544–610.

[5] Вместо колонки редактора: О «руке КГБ» и прочем // Континент. Париж, 1986. № 49. С. 337.

[6] Розанова-Синявская М.В. Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 20 января. В печати упоминается рукопись М.В. Розановой «Некоторые уточнения к статье С. Хмельницкого», в которой она подтвердила данный факт (Заключая разговор // Континент. Париж, 1986. № 50. С. 381–382), однако при подготовке этой статьи к печати обнаружить её не удалось.

ном самолёте был доставлен в Вену, куда именно в это время должна была приехать Элен. Цель его необычного путешествия заключалась в том, чтобы свести Элен в ресторане с одним из сотрудников Л.П. Берия. Эту случайную встречу предполагалось зафотографировать, чтобы затем шантажировать или саму Элен, или её отца. Но главный герой романа снова поставил свою подругу в известность о планах советских спецслужб, на чём его контакты с этими службами прекратились[1].

Вскоре по выходе романа в свет оба факта были подтверждены Элен Пельтье (в замужестве Замойска)[2]. На основании этого защитники А.Д. Синявского утверждают, что ни о каком его сотрудничестве с органами госбезопасности не может быть и речи[3].

Вывод явно поспешный.

Прежде всего необходимо отвлечься от истории с Элен Пельтье и установить, в каком качестве Андрей Донатович был завербован: как доверенное лицо или тайный агент? Если органы госбезопасности пытались использовать его как доверенное лицо, то нарисованная им картина вполне вероятна. Если же он был завербован как агент, то его деятельность в таком качестве не могла ограничиваться одной Элен и разыгранный разрыв отношений между ними не мог быть основанием для прекращения его отношений с органами госбезопасности.

Как мы уже знаем, агента от доверенного лица в советское время отличало не только то, что сотрудничество первого с органами госбезопасности было регулярным (а не от случая к случаю), но и то, что оно закреплялось специальными документами, из которых нам известны по крайней мере два: подписка о сотрудничестве и расписка о неразглашении[4]. Были ли отношения студента А.Д. Синявского с органами госбезопасности оформлены документально? Да. По словам М.В. Розановой, согласившись на сотрудничество, её муж «дал» необходимые «подписки» и «расписки»[5].

Из этого можно сделать вывод, что он был завербован как агент и история с Элен Пельтье — лишь один из эпизодов в его взаимоотношениях с органами госбезопасности.

Когда роман «Спокойной ночи» появился в печати, один из его героев, выведенный под именем Сергей как осведомитель, выступил в печати и раскрыл свою фамилию. Это был ближайший товарищ А.Д. Синявского того времени, тогда тоже

---

[1] Терц А. (Синявский А.Д.). Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. Спокойной ночи. М., 1992. С. 544–610.

[2] Письмо Э. Пельтье (Замойска) первоначально было напечатано в газете «Монд» 26 октября 1984 г. (Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11), а затем — в журналах «Время и мы» (1986. № 91. С. 218–237), «Двадцать два» (1986. № 49. С. 221–222) и «Континент» (1986. № 49. С. 338–339. № 50. С. 380–381).

[3] Эткинд Е.Г. Андрей Синявский чист перед богом и людьми // Время и мы. № 91. (перепечатано: Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11). Розанова-Синявская М.В.: 1) Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 21 января. 2) …надцатый суд над Синявским // Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11.

[4] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. Т. 6. М., 1991. С. 227–231.

[5] Розанова-Синявская М.В. Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 21 января. См. также: Терц А. (Синявский А.Д.). Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. С. 586.

студент Сергей Хмельницкий, по свидетельству которого они были завербованы оба и имели одного куратора («резидента»)[1].

Статья С. Хмельницкого вызвала взрыв возмущения. Его обвинили в том, что он сознательно клевещет на А.Д. Синявского. Однако возникает вопрос: зачем? Ведь о том, что под именем Сергей выведен он, могли догадаться очень немногие. Эти немногие уже давно обвиняли его в этих связях на основании других фактов. Между тем выступив со статьей, С. Хмельницкий предал эти факты самой широкой огласке.

Если воспоминания С. Хмельницкого ничем нельзя было опровергнуть, их нельзя было и признать бесспорными. Ситуация изменилась, когда в 2011 г. его жена сообщила в своих воспоминаниях, что муж поставил её в известность о сотрудничестве с КГБ ещё в начале 1950-х гг., когда они поженились. А вскоре сообщил ей и о том, что с органами сотрудничает его друг — А.Д. Синявский[2].

Однако ещё до того, как эти воспоминания увидели свет, точку в споре поставила М.В. Розанова. 8 октября 2005 г. в беседе с Иваном Толстым на радио «Свобода» она признала факт сотрудничества А.Д. Синявского с органами госбезопасности.

Отметив, что «все вещи Андрея Синявского, посланные за границу, передавала за границу, печатала за границей и доверенным лицом Синявского за границей стала не кто-нибудь, а именно Элен Пельтье-Замойская», Мария Васильевна сказала: «Может быть, случилось это только потому, что Андрей Синявский ***согласился на неё доносить***, да, ***расписался в КГБ***, что будет, а потом пошёл к ней и всё рассказал. И ***что и как доносить, они уже решали вместе. А если что-то сообщить, то в какой форме***»[3].

Значит, рассказанная в романе история с размолвкой — литературный вымысел.

В связи с этим, как отмечает С.И. Григорьянц, «вполне заслуживает доверия рассказ Александра Даниэля со слов и отца и матери (порознь) о том, что Синявский ещё в конце пятидесятых годов предупредил их о том, что дал подписку в КГБ»[4]. Очевидно, что такое предупреждение не имело бы смысла, если бы Андрей Донатович к этому времени, т.е. к концу 1950-х гг., порвал свои отношения с КГБ.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются три свидетельских показания (в том числе одно, принадлежащее жене А.Д. Синявского, у которой не было резона клеветать на мёртвого супруга) о том, что, дав в 1948 г. подписку, А.Д. Синявский сотрудничал с советскими спецслужбами.

Что же тогда послужило причиной его ареста в 1965 г.?

С.И. Григорьянц склонен считать, что А.Д. Синявский был арестован для того, чтобы сделать ему соответствующее имя и затем отправить за границу[5]. Не отрицая пра-

[1] Хмельницкий С. Из чрева китова // Континент. 1992. № 71. С. 315–346.

[2] Хмельницкая В. Так сложилась наша жизнь. СПб., 2011. С. 114–121.

[3] Андрей и Абрам: Путешествие по биографии Синявского. К 80-летию со дня рождения писателя // Радио «Свобода» http://archive.svoboda.org/programs/otbl/2005/otbl.100905.asp

[4] Григорьянц С.И. Четыре маски Андрея Синявского. Глава из книги «Полвека советской перестройки» // Сайт С.И. Григорьянца http://grigoryants.ru/sovremennaya-diskussiya/chetyre-maski-andreya-sinyavskogo/

[5] Григорьянц С.И. Четыре маски Андрея Синявского. Глава из книги «Полвека советской перестройки» // Сайт С.И. Григорьянца http://grigoryants.ru/sovremennaya-diskussiya/chetyre-maski-andreya-sinyavskogo/

ва этой версии на существование, думаю, что требует проверки и другая версия — арест мог быть вызван фактом двойной игры А.Д. Синявского. А затем уже после ареста между ним и КГБ могло быть достигнуто соглашение о его использовании за границей[1].

И действительно: а) А.Д. Синявский был освобожден досрочно на определённых условиях, которые пока нам неизвестны, б) между ним и КГБ была достигнута договорённость, в соответствии с которой он не должен был изменять свои идеалистические взгляды, в) КГБ предоставил ему возможность не только выехать во Францию, но вывезти с собою некоторые культурные ценности, на вывоз которых существовал запрет, и г) А.Д. Синявскому было сохранено гражданство, которого он никогда не лишался[2].

Вдумайтесь в этот факт. Гражданин СССР живёт в Париже, читает лекции в Сорбонне, издает антисоветский журнал «Синтаксис» и является одним из столпов русской антисоветской эмиграции. Эдак к 1985 г. он и советскую пенсию заработал.

В чём заключалось значение ареста А. Синявского и Ю. Даниэля? С него берёт начало так называемое правозащитное движение. Уже 5 декабря 1965 г. в Москве состоялся митинг в защиту советской конституции, а затем началась «петиционная кампания». В 1968 г. стала выходить «Хроника текущих событий», в 1969 г. возникла так называемая «Инициативная группа»[3].

Центрами диссидентского движения в Москве стали «диссидентские салоны», важнейшим из которых была квартира сына советского командарма — Петра Ионовича Якира[4].

«Благодаря своему имени, — писал А. Амальрик, — он был вхож в круги истеблишмента, но тяготел к демократической публике… Квартира его всегда была полна людьми, иногда довольно странными»[5].

«Он, — отмечал Юлий Ким, — на свой лад входил в моду, внимание известных людей ему было приятно, перед ним распахивались многие двери, а что касается его дверей, то они просто не закрывались, в квартире народ толокся постоянно и кто только в ней не побывал»[6].

«Это был, что называется, открытый дом, — вспоминал С.А. Ковалев, — где вечно толклись знакомые, полузнакомые и вовсе незнакомые люди. Мы обычно собирались для составления текстов в большой комнате, где полстены было завешано иконами старинного письма» [7].

---

[1] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. С. 486.

[2] Там же. С. 486–488.

[3] Безбородов А.Б. и др. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР в 50–80-е годы. Учебное пособие. М., 1994. Королева Л.А. Диссидентское движение в СССР в 60–70-е годы. Автореферат… кандидата исторических наук. М.. 1995. Афанасьева Л.П Личные архивы деятелей диссидентского движения в России 1950–1980-х гг. Автореферат… кандидата исторических наук. М., 1996. Кириллов В.М. История репрессий и правозащитного движения в России. Учебное пособие. Екатеринбург, 1999.

[4] Островский А.В. Квартира Якиров. К истории диссидентских салонов // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. СПб., 2014. С. 286–295.

[5] Амальрик А. Записки диссидента. М., 1991. С. 136.

[6] Ким Ю. Дело Петра Якира // Звезда. 1997. № 3. С. 195.

[7] Ковалёв С.А. Воспоминания // http://index.org.ru/memoirs/kovalev.html (Sergei Kowaljov, Der Flug des weissen Raben/ Von Sibirien nach Tschetschenien: Eine Lebensreise — Rowohlt/Berlin, 1997).

«Квартира, — вспоминал А.Э. Левитин-Краснов, — всегда переполненная народом. Проходной двор. И кого здесь только нет: научные работники, дети бывших высокопоставленных лиц, вернувшиеся из лагерей, куда их загнали Сталин и Берия, студенты, приехавшие из провинции, демократические мальчики и девочки со всей Москвы, крымские татары, украинцы, белорусы, евреи всех мастей, со всего Советского Союза, эстонцы, латыши, литовцы. Изредка здесь мелькают немецкие, английские, французские журналисты — и наряду с этим опустившиеся пропойцы, ночующие на вокзалах. Всем одинаковый приём, для всех ласковое слово, ну и чарка водки»[1].

Однако квартира Якиров была известна в Москве не только как место встреч диссидентствующей интеллигенции. Вспоминая о её посещениях, А. Лавут отмечал, что там всегда можно было получить необходимые «тексты»[2], т.е. самиздат и тамиздат.

Из воспоминаний Л.Б. Терновского: «Где ещё тогда я мог увидеть всю эту уйму Самиздата, — вольные статьи, размышления, обращения?! Изданные неподцензурно романы Солженицына, книги Замятина, Орвелла, А. Кестлера? И совсем недавние самиздатские творения — “Мои показания” А. Марченко, “Полдень” Н. Горбаневской и первые номера “Хроники”? И не только увидеть, но и взять почитать и дать почитать своим знакомым» — восклицает Л.Б. Терновский[3].

В начале 1968 г. у П. Якира был произведен обыск, который длился чуть ли не целый день[4]. Ю. Ким, сообщивший об этом факте, к сожалению, умолчал о его результатах. Но можно не сомневаться, что от всех самиздатовских публикаций квартира была очищена. Через три года, по свидетельству Л.Б. Терновского, «в январе 72 г. на “Автозаводе” грянул … обыск», «из квартиры увезли ***чуть ли ни грузовик*** крамольного Сам- и Там-издата»[5]. Обратите внимание. Это по меньшей мере сотни килограммов, скопившиеся за три года.

Но и этим не ограничивалось значение квартиры П.И. Якира как диссидентского центра. «На нём, — утверждал Юлий Ким, — лежала очень важная часть этой работы — это связь с иностранцами. Он не боялся, у него было человек пять–шесть иностранных корреспондентов, у него были все ***их телефоны***, и он передавал информацию о нарушениях прав человека совершенно ***беззастенчиво***»[6].

Тайные связи с заграницей имели А.Д. Синявский, Б.Л. Пастернак, М.А. Нарица, В.Я. Таршис, Ю.М. Даниэль, А.И. Солженицын. Однако это были личные связи. То, новое, что появляется в 1966–1968 гг. — это групповые связи. Первоначаль-

---

[1] Левитин-Краснов А.Э. Родной простор С. 41.

[2] Памяти Александра Лавута // Гефтер. Интернет-журнал. 2013. 04.07. № 106 http://gefter.ru/archive/9305

[3] Терновский Л.Б. Отпущенное слово. С. 78.

[4] Юлий Ким о Петре Якире и деле № 24. Пятерка и пятерышники-5 Управление КГБ Передача 9 (ведущий Владимир Тольц) // Радио Свобода. 29 сентября 2012 г. 08.00 http://www.svoboda.org/content/transcript/24725176.html

[5] Терновский Л.Б. Отпущенное слово. С. 78.

[6] Юлий Ким о Петре Якире и деле № 24. Пятёрка и пятёрышники-5 Управление КГБ Передача 9 (ведущий Владимир Тольц) // Радио Свобода. 29 сентября 2012 г. 08.00 http://www.svoboda.org/content/transcript/24725176.html

но в роли таких связных выступали Андрей Амальрика и Павел Литвинов. Осенью 1968 г., заявил позднее на следствии В.А. Красин, он тоже «установил контакты с иностранными корреспондентами» и «до ареста в декабре 1969 г. регулярно передавал им клеветнические документы». «В мае 1969 г. познакомил с иностранными корреспондентами П. Якира, после чего на встречи с корреспондентами ездили вдвоём» [1].

«В 1969 г., — свидетельствовал В. Красин, — установил контакты с эмиссарами НТС, приезжавшими в СССР под видом туристов и привозившими НТСовскую литературу. Распространял полученные материалы, в том числе программу НТС, содержащую установку на свержение советской власти вооружённым путем. Обращался к приезжавшим с просьбой привозить не любую литературу, а только ту, которая больше всего нужна для распространения, для чего составил рекомендательные списки, содержавшие до 50-ти наименований самых злобных антисоветских произведений. Просил также привозить деньги. ***Первая доставка денег*** в количестве 4000 рублей состоялась в октябре 1969 г. Дал адреса, куда привозить литературу и деньги, а также предложил пароль, по которому приезжавших можно опознать»[2].

Датируя свое знакомство с П.И. Якиром серединой 1960-х гг., А.Э. Левитин-Краснов писал: «С 1965 года именно квартира Петра Ионовича Якира становится центром демократического движения»[3]. Это преувеличение. Подобное место в диссидентском движении квартира Якиров заняла не сразу. Есть основания думать, что это произошло примерно в 1968–1969 гг.

«После ареста Л. Богораз и П. Литвинова в августе 1968, — пишут Д.Е. Зубарев и Г.В. Кузовкин, — Я[кир] становится наиболее известной фигурой в правозащитном движении, в особенности — в глазах диссидентов из провинции, а также зарубежных журналистов, с которыми он помногу и открыто общается. В 1969–1972 Я[кир] и его квартира, всегда открытая для визитёров, были символами диссидентской Москвы»[4].

По другим данным, в это время по популярности с П.И. Якиром конкурировал генерал П.Г. Григоренко. И только после его ареста 7 мая 1969 г. П.И. Якир оказался самым известным диссидентом. Однако в организационном отношении лидировал гораздо менее известный Виктор Александрович Красин. И только после того, как в конце 1969 г. П.И. Якир был выслан из Москвы, он превратился в диссидентских кругах в фигуру номер один.

По утверждению А. Амальрика: «После арестов Литвинова, Григоренко и Красина самым видным и активным участником Движения оказался Петр Якир»[5]. Та-

[1] Красин В. Суд. Воспоминания. С. 101.

[2] Там же. С.102.

[3] Левитин-Краснов А.Э. Родной простор. С. 40-41.

[4] Зубарев Д.Е., Кузовкин Г.В. Якир Петр Ионович // Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Составители Г.В. Кузовкин и А.А. Макаров. М., 2009. Биографический комментарий (Мемориал. Официальный сайт — http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html).

[5] Амальрик А. Записки диссидента. С.136.

кого же мнения придерживается С.А. Ковалёв: «После ареста Петра Григорьевича Якир стал, пожалуй, самым известным диссидентом в стране»[1].

В 1972 г. П.И. Якир был арестован, дал на следствии и в суде откровенные показания, после чего был выслан в Рязань, а оттуда уже через год получил возможность вернуться в Москву.

Между тем ещё до ареста его деятельность породила подозрения. «Якир, — вспоминал Михаил Рувимович Хейфец, — с самого начала вызывал недоверие у людей, давно его знавших. Помню, пришел я в гости к выдающемуся писателю России Юрию Домбровскому… В тот самый день, ещё до меня, в гостях у Домбровского побывал Якир и предложил ему вступить в возглавляемую им группу. "Я ответил, — рассказывал мне Домбровский, — никогда я не буду с тобой в одной организации". — "Почему же, Юрий Осипович?» — спросил я Домбровского. "***Якир — провокатор!***"»[2]

В дополнение к этому М.Р. Хейфец приводит в воспоминаниях свидетельство «Сергея Ивановича из Прибалтики»; под таким именем из Эстонии в Москву приезжал Сергей Иванович Солдатов. Повстречавшись с московскими диссидентами, он потом рассказывал: «Странное впечатление осталось тогда от Якира. Испугали его глаза, я даже сказал кому-то: "***Сегодня видел нашего Азефа***"»[3].

Юрий Федорович Карякин утверждал, что однажды он прямо заявил П.И. Якиру: «***Ты же типичный Нечаев***. И прости, сейчас не могу тебе дать по морде только потому, что ты пережил и перестрадал куда больше моего. И рука у меня не поднимется. Но ***ты играешь роль провокатора***»[4].

Долгое время никаких доказательств о провокаторской деятельности П.И. Якира известно не было. И вдруг в 1996 г. грянула сенсация. В печати появились воспоминания В.С. Фрида, который сообщил, что во время отбывания второго срока (1944–1952) П.И. Якир признался ему, что был завербован НКВД ещё во время отбывания первого срока (1937–1942)[5]. Позднее появились сведения о том, что, отбыв первый срок, П.И. Якир стал бойцом ОСНАЗ НКВД (НКГБ)[6], а затем был арестован не только за антисоветскую пропаганду, но и за то, что разгласил факт вербовки[7].

Едва с диссидентского небосклона сошла звезда П.И. Якира, как на ней появилась звезда академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Долгое время А.Д. Сахаров был известен только узкому кругу лиц. В 1966 г., накануне XXIII съезда КПСС, стали циркулировать слухи, будто бы планируется политическая реабилитация И.В. Сталина. В связи с этим на свет появилось адресованное съезду и ушедшее в

[1] Ковалёв С.А. Воспоминания // http://index.org.ru/memoirs/kovalev.html

[2] Хейфец М.Р. Избранное в трёх томах. Т. 1. Место и время; Русское поле. Харьков, 2000. С. 140.

[3] Там же.

[4] Карякин Ю.Ф. Перемена убеждений. От ослепления к прозрению. М., 2007. С. 100.

[5] Фрид В. 58 ½. Записки лагерного придурка. М., 1996. С. 179–180.

[6] Обвинительное заключение по следственному делу по обвинению Якир П.И., Толстопятова А.И., Тухачевской С.М., Уборевич В.И. // Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой / Сост. Ю. Кантор. М., 2009. С. 157.

[7] Зубарев Д.И. Кузовкин Г.В. Якир Петр Ионович // Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Составители: Г. В. Кузовкин, А. А. Макаров.
М., 2009. С. 152 http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html

самиздат письмо протеста, под которым поставили свои подписи 25 видных деятелей науки, литературы и искусства, в том числе и А.Д. Сахаров[1].

Организатором этой акции был журналист Эрнст Генри. Под этой фамилией, как мы знаем, скрывался известный советский разведчик С.Н. Ростовский, он же Л.А. Хентов[2]. А поскольку бывших разведчиков не бывает, мы имеем право констатировать, что данная акция была организована советскими спецслужбами. Подобная мысль посещала и тех, кто ставил свои подписи под этим письмом. «Сейчас я предполагаю, — вспоминал А.Д. Сахаров, — что инициатива нашего письма принадлежала не только Э. Генри, но и его влиятельным друзьям (где — в партийном аппарате или в ***КГБ***, или ещё где-то — я не знаю)»[3].

О том, что сбор подписей под этим письмом был по меньшей мере санкционирован на самом высоком уровне, свидетельствуют воспоминания М. Коларова, который вместе с Э. Генри собирал подписи. Когда они пришли к скульптору С.Т. Конёнкову, то прождали его ответа полтора часа. В конце концов С.Т. Конёнков от подписи письма отказался. Зачем же он так долго держал у себя визитеров? По утверждению М. Коларова, в течение этих полутора часов скульптор с кем-то консультировался. Сам М. Коларов называет фамилию М.А. Суслова[4], но не следует забывать, что во время проживания в США жена С.Т. Конёнкова Маргарита Тимофеевна, урожденная Воронцова (1896–1980), была связана с советской разведкой и, как известно, сыграла важную роль в получении через А. Эйнштейна информации об американском атомном проекте[5].

Это была не первая и не последняя акция, в которой участвовал Эрнст Генри. 30 мая 1965 г. он обратился к И.Г. Эренбургу с получившим хождение в самиздате открытым письмом по поводу оценки им роли И.В. Сталина. В 1967 г. получил резонанс его спор с академиком А.Д. Сахаровым, нашедший отражение на страницах «Политического дневника». В 1968 г. Э. Генри предложил А.Д. Сахарову написать статью о роли и ответственности интеллигенции в современном мире. Осенью 1969 г. он организовывал протест против романа Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?». Имеются сведения, что Э. Генри общался не только с А.Д. Сахаровым, но и некоторыми другими диссидентами, например, с П.Г. Григоренко, Р.А. Медведевым, А.И. Солженицыным[6], а также входил в число лиц, причастных к издававшемуся Р.А. Медведевым «Политическому дневнику»[7].

---

[1] Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х годов. Учеб. пособие для студентов по курсу отеч. истории новейшего времени. М., 1994. С. 24.

[2] Петровский Л.П. Фронт Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6. С. 114–125; Драбкин Я.С. Эрст Генри — «наш человек в XX веке» // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 175–189.

[3] Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 90.

[4] Коралов М.М. Как товарищ Сталин собирал автографы // Новая газета. 2010. № 121.

[5] Влюбленный Эйнштейн // Итоги. 2001. № 29 (267). 24 июля; Руденко И. Удивительная судьба Маргариты Коненковой. Любила Эйнштейна и работала на НКВД // Комсомольская правда. 2005. 5 сентября.

[6] Там же. С. 95–96. Григоренко П.Г. Воспоминания // Звезда. 1990. № 10. С. 199. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 101. Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С. 39–40, 44–45.

[7] Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. М., 2003. С. 138.

Конечно, Эрнст Генри мог поставлять КГБ информацию о диссидентском движении, но мы видим, что он играл не только пассивную роль. Ведь сбор подписей под письмом к XXIII съезду КПСС имел своей целью оказать влияние на руководство партии, способствовал пробуждению политической активности и даже переходу в оппозицию к существующему режиму некоторых из тех, кто подписал это письмо.

А среди них, как мы знаем, находился академик А.Д. Сахаров, для которого это был первый открытый политический шаг. Причём Андрей Дмитриевич специально отмечал, что после этого «Генри приходил ещё много раз» и информировал его о происходивших политических событиях[1]. Именно бывший разведчик способствовал тому, что имя засекреченного академика впервые появилось на страницах самиздата. Именно он попытался опубликовать его статью об интеллигенции на страницах «Литературной газеты». Характеризуя свою идейную эволюцию, Андрей Дмитриевич отмечал, что большое влияние на него оказал Р.А. Медведев, особенно знакомство с рукописью его книги о сталинизме. Между тем, как выясняется, впервые об этой книге он узнал от Эрнста Генри и именно Эрнст Генри познакомил его с Р.А. Медведевым[2].

Важным шагом на пути превращения А.Д. Сахарова в активного деятеля диссидентского движения стало написание им «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). Их инициатором был его коллега Ю. Живлюк, о котором Андрей Дмитриевич сам же писал: «***Есть у меня впечатление, может, неверное, что какие-то отношения были у Живлюка и с КГБ (с его прогрессивными кругами, скажем)***»[3].

Исходя из этого, мы можем утверждать, что приобщение А.Д. Сахарова к диссидентскому движению произошло во многом благодаря усилиям КГБ[4].

Поскольку приобщение А.Д. Сахарова к диссидентскому движению было произведено, вероятнее всего, втёмную и именно так КГБ, судя по всему, использовал его в дальнейшем, рядом с ним должны были люди, которые могли бы не только давать о нем КГБ исчерпывающую информацию, но и оказывать на него соответствующее воздействие. С учётом этого специального внимания заслуживает Е.Г. Боннэр, ставшая в 1972 г. женой академика[5].

Тень КГБ лежит и на некоторых других именах, сыгравших важную роль в формировании и распространении оппозиционных настроений в советском обще-

---

[1] Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 90–91.

[2] Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С. 39–40.

[3] Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 94.

[4] Рассказывая о своих родственных связях, А.Д. Сахаров умолчал об одной очень важной родственной линии. Дело в том, что сестра его отца Татьяна Ивановна была замужем за потомком декабриста Николаем Вячеславовичем Якушкиным, брат которого Иван Вячеславович стал академиком ВАСХНИЛ, а его сын Дмитрий Иванович, состоявший в двоюродном родстве с Андреем Дмитриевичем, — генералом КГБ.

[5] «Сахаров, — пишет Евгений Жирнов, — казался человеком, которым будет несложно управлять. На Лубянке решили использовать его «втёмную», окружив нужными людьми» (Жирнов Е. Операция «Академик» // Коммерсант-власть. 2000. № 3(354). 25 января. С. 62–64).

стве. Прежде всего это Е.А. Евтушенко[1]. У нас нет оснований утверждать, что он был агентом КГБ, но есть оснований говорить о его сотрудничестве как с этим учреждением, так и с другими советскими властными структурами. В формировании патриотического оппозиционного движения видную роль сыграл Владимир Солоухин. Его тоже подозревали в связях с КГБ, о чем он вспоминал и сам[2]. Еще в 1960–1970-е гг. заговорили о сотрудничестве с КГБ И.С. Глазунова[3]. В самое последнее время появились обвинения в связях с КГБ знаменитого советского барда Владимира Высоцкого[4]. Я не могу представить его в роли информатора, но использовать его в другом качестве КГБ мог. Давно тянется шлейф подобных слухов и за Р.А. Медведевым[5].

Все эти подозрения требуют проверки.

В любом случае можно констатировать, что КГБ одной рукой боролся с диссидентством, другой поддерживал его, а может быть, и направлял через свою агентуру. Признавая подобный, по сути дела провокаторский характер деятельности КГБ, Э.Ф. Макаревич пишет: «Работа нередко бывала на грани провокации. Но провокациям в 60–70-е годы ставился предел, установленный самим же КГБ»[6]. Можно подумать, что пределы для своих секретных сотрудников не устанавливал С.В. Зубатов.

Ещё дальше в оценке подобной деятельности КГБ идет уже упоминавшийся Анатолий Сергеевич Черняев, который утверждает, что «Андропов не только придумал диссидентское движение» и «раскрутил его», но и «дирижировал» им[7].

В связи с этим возникает вопрос: в чем же заключался смысл подобное политики КГБ? На этот счёт в литературе существует три точки зрения.

Первая из них была изложена бывшим полковником КГБ СССР А. Голицыным, который бежал за границу и там издал книгу «Новая ложь вместо старой. Коммунистическая стратегия обмана и дезинформации». В ней он заявил, что, по имеющимся у него данным, в 1950-е гг. в руководстве страны был разработан план лжелиберализации, который заключался в том, чтобы, не меняя советской системы по существу, создать видимость её демократизации, одним из компонентов которой должно было стать существование управляемой оппозиции, т.е. диссидентства[8].

Версия А. Голицына получила полную поддержку такого известного диссидента, как Сергей Иванович Григорьянц[9].

---

[1] Евтушенко Е.А. Не умирай прежде смерти. М., 2006. С. 38–39, 186–200.

[2] Солоухин В.А. Чаша. Роман-эссе. Владимир, 2006. С. 17–21.

[3] Колодный Л. Любовь и ненависть Илья Глазунова. М., 2007. С. 410–415.

[4] Раззаков Ф.И., Крыжановский М. Высоцкий — суперагент КГБ. М., 2013.

[5] Авторханов А. Рой Медведев и его роль в советском диссидентстве // Столица. 1991. № 1. С. 6–9.

[6] Макаревич Э.Ф. Политический сыск. С. 209.

[7] Черняев А.С. «Хочу сказать правду» // Еврейское слово. 2005. № 18 (241) (электронная версия: htth: //www.e-slovo.ru

[8] Golitsyn, Anatoliy. New Lies for Old: The Communist Strategy of Deception and Disinformation. N.Y., 1984. 412 p. (существует электронная версия). В интернете есть перевод 25-й главы этой книги. См. также рецензию на нее: Мянович Т. Тень КГБ в ореоле Горбачёва. Немецкая книга о перестройке // Континент. М; Париж, 1992. № 71. С. 218.

[9] Григорьянц С.И. Четыре маски Андрея Синявского. Глава из книги «Полвека советской перестройки» // Сайт С.И. Григорьянца http://grigoryants.ru/sovremennaya-diskussiya/chetyre-maski-

С одной стороны, после смерти Сталина определённая либерализация действительно имела место. Это касается и изменения направления некоторых журналов (например, «Новый мир»), и создания новых театров («Современник», «Таганка»), и митингов у памятника Маяковскому[1] и т.д.

Однако неужели в планы лжелиберализации входило создание правозащитного движения, возрождения религиозных течений, формирование откровенно антисоветских групп?

Иную позицию в данном вопросе занимает известный журналист Евгений Жирнов. Исходя из того, что после смерти И.В. Сталина произошло ограничение власти органов государственной безопасности, особенно тех её структур, на которые была возложена борьба с «внутренним врагом», Е. Жирнов пишет: «У них был только один способ вернуть себе прежнее положение в структуре КГБ — превратить отечественных правозащитников в нечто, хотя бы внешне представляющее угрозу для советской власти». Отсюда стремление к созданию «карманной оппозиции», чтобы таким образом показать необходимо существования органов государственной безопасности, расширение его штатов, увеличение их финансирования и расширение их прав[2]. Подобным же образом объясняют политику КГБ в отношении диссидентского движения А.С. Черняев[3] и И. Фёдоров[4].

Не отрицая того, что подобные стремления могли существовать у определённой части руководства КГБ, не следует забывать, что это была опасная игра, игра с огнём, которая могла стоить карьеры. Ведь перед лицом растущего диссидентского движения партийное руководство могло пойти не только на укрепление органов КГБ, но и на обновление не справляющихся со своими обязанностями руководящих кадров.

Поэтому, на мой взгляд, объяснение отмеченного выше парадокса следует искать в той борьбе между «либералами» и «консерваторами», которая с переменным успехом шла в правящих верхах советского общества на протяжении всего периода после смерти И.В. Сталина. В этой борьбе диссидентское движение необходимо было определённым силам в руководстве страной для борьбы со своими консервативными противниками, для подготовки условий для реформирования страны, а может быть, и ликвидации советской системы.

Когда в 2004 г. вышла моя книга «Солженицын: прощание с мифом», в основу которой была положена названная версия, многим она показалась абсурдной. Прошло время, и отношение к ней стало меняться. А в 2011 г. появилась книга А.П. Шевякина «КГБ против СССР: 17 мгновений измены»[5].

---

andreya-sinyavskogo/ 2) Прощание. Гибель правозащитного демократического движения в России // Там же: http://grigoryants.ru/stati-raznyx-let/proshhanie/

[1] Поликовская Л. Мы предчувствие, предтеча. М.,1997.

[2] Жирнов Е. Операция «Академик» // Коммерсант-власть. 2000. №3 (354). 25 января. С. 62–64.

[3] Черняев А.С. «Хочу сказать правду» // Еврейское слово. 2005. № 18 (241) (электронная версия: htth: //www.e-slovo.ru

[4] Автор размещенной в интернете книги «Истинные причины развала СССР».

[5] Шевякин А.П. КГБ против СССР. М., 2011; 2013.

«Крестный отец» перестройки

Численность диссидентского движения была невелика. Даже по мнению В.К. Буковского, она вряд ли превышала 10 тысяч человек[1]. Между тем наряду с активным диссидентством существовало диссидентство пассивное, которое кто-то очень удачно назвал «внутренней эмиграцией». По сведениям КГБ СССР, «потенциально враждебный контингент» в СССР «составлял 8,5 млн. чел.»[2].

Ещё более многочисленной была та часть оппозиции, представители которой стремились не к уничтожению существующей политической системы, а её реформированию. Если мы возьмем её численность лишь в два раза больше численности «враждебного контингента» и учтём, что приведённые цифры относятся к взрослому населению, получится, что в явной оппозиции к власти находилось не менее пятой части населения.

На самом деле недовольство существующим положением имело ещё более массовый характер.

В отличие от активного диссидентства пассивная оппозиция находилась на самых разных этажах советского общества, в том числе внутри партии, в партийном и государственном аппарате.

«Происходила своеобразная деидеологизация руководства (и кадров в целом), — пишет бывший работник аппарата ЦК КПСС К.Н. Брутенц, — эрозия его «марксистско-ленинской идейности, в верности которой клялись более всего. Причём в этом процессе — как это ни выглядит парадоксально — ***руководство и аппарат опережали значительную часть общества***»[3].

В результате этого «идеология становилась маской, скрывавшей безыдейность вождей»[4].

Вот, например, откровения уже известного нам А.С. Черняева: «У меня не то что принципов, у меня убеждений никогда не было. Да, я был 48 лет членом партии, но никогда — убеждённым коммунистом»[5]. И это признание человека, который долгие годы работал в Международном отделе ЦК КПСС и даже был заместителем заведующего отделом, человека, который курировал международное коммунистическое движение.

«Деятели, — утверждал А.Н. Яковлев, проработавший в аппарате ЦК КПСС около двадцати лет, причём не где-нибудь, а главным образом в Отделе агитации и пропаганды, — были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. ***Все до одного***, и я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостным, истинные убеждения держали при себе»[6].

---

[1] «Я вдруг расцвёл в удивительно сжатые сроки». Писатель Владимир Буковский в беседе с Андреем Карауловым // Независимая газета. 1992. 31 января.

[2] Быков А. Индустрия терроризма // Новости разведки и контрразведки, 2003. № 7–8. С. 30.

[3] Брутенц К.Н. Несбывшееся. С. 37.

[4] Там же. С. 38.

[5] Черняев А.С. «Хочу сказать правду» // Еврейское слово, 2005. № 18 (241) (электронная версия: http://www.e-slovo.ru

[6] Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Пер. с франц. М., 2001. С. 13.

Утверждая, что в аппарате КПСС никто не верил в коммунистические идеалы, А.Н. Яковлев, по всей видимости, сгущал краски. Но то, что отмеченное им двоедушие существовало и имело массовый характер, не вызывает сомнения. Существование «двоемыслия», а то и «троемыслия» среди своих коллег по аппарату ЦК КПСС признавал и К.Н. Брутенц[1][506].

«По моим наблюдениям, – читаем мы в его воспоминаниях, — среди членов руководства второй половины 70-х годов доктринально «заряженными» — конечно, по-разному — оставались лишь Андропов, Суслов, Пономарёв и в какой-то мере Громыко»[2].

Таким образом, получается, что из примерно 25 человек, входивших в высшее руководство партии, по мнению К.Н. Брутенца, только четверо сохраняли доктринальную приверженность марксизму. Уже одного этого достаточно, чтобы понять масштабы идейного перерождения руководства.

Генри Киссинджер вспоминал, как во время встречи с М.С. Горбачёвым, которая состоялась в начале 1989 г., Михаил Сергеевич заявил, что «они с Шеварднадзе» (первый секретарь ЦК Компартии Грузии) ещё «где-то в 70-е годы пришли к выводу, что коммунистическую систему следует изменить ***с головы до*** ног»[3]. Более того, по свидетельству Г.Х. Шахназарова, однажды в его присутствии М.С. Горбачёв заявил: «Разорили страну, народ держали впроголодь, запороли сельское хозяйство… ***Какой это к чёрту социализм***»[4].

Однако и в 70-е, и в 80-е годы Михаил Сергеевич продолжал клясться в верности этому несуществующему социальному строю.

Факт подобного двоедушия нашёл отражение в одном из интервью Э.А. Шеварднадзе. Он признался: открыто мы говорили одно, в узком кругу — другое. «На вопрос, когда примерно началось такое неформальное общение», Эдуард Амвросиевич заявил: «Я бы особенно выделил 1975 и 1976 годы и более позднее время. К началу 80-х годов нам уже всё было вполне ясно. Первый вывод, к которому мы пришли, заключался в том, что необходим серьёзный ремонт»[5].

На самом деле к началу 80-х годов Э.А. Шеварднадзе думал уже не о ремонте советской системы. Когда в 1981 г. историк Г. Шарадзе обратился к нему с предложением о приобретении в США архива грузинского меньшевистского правительства, срок хранения которого истекал в 2000 г., Эдуард Амвросиевич заявил, что он может не беспокоиться, к тому времени советской власти в Грузии уже не будет[6].

Имеются сведения, что не считал советское общество социалистическим и шеф КГБ. «По крайней мере, дважды в моём присутствии, — вспоминал о Ю.В. Андро-

[1] Брутенц К.Н. Несбывшееся. С. 19–21.

[2] Там же. С. 38.

[3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 727.

[4] Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. С. 304–305.

[5] Харт Г. Россия потрясает мир. Вторая русская революция и её воздействие на Запад. М., 1992. С. 94.

[6] Виноградов Б. Шеварднадзе знал о крахе коммунизма в 1981 году // Известия. 1997.11 октября.

пове Г. Корниенко, — он говорил примерно так: какой там, к чёрту, развитой социализм, нам до простого социализма ещё пахать и пахать»[1][512].

Этому как будто бы противоречит приведённое свидетельство К. Брутенца. А.И. Вольский тоже утверждал, что «Андропов по-настоящему верил в коммунизм». Однако, обращая внимание на то, что китайские коммунисты открыли свою партию для «буржуев», Аркадий Иванович отмечал, что даже такие оппортунисты, как «лидеры КПРФ», не способны на такой шаг, «а Андропов бы на такое пошёл»[2][513]. Вот и весь «коммунизм» в понимании Ю.В. Андропова.

В заключение можно привести воспоминания племянницы Л.И. Брежнева. Однажды, когда ее отец спросил брата, «будет ли когда-нибудь коммунизм», Леонид Ильич засмеялся и сказал: «Ты это о чём, Яша? Какой коммунизм? Царя убили, церкви уничтожили, нужно же народу за какую-то идею зацепиться»[3].

На основании этого можно утверждать, что, исповедуя марксизм-ленинизм как религию и требуя от рядовых членов партии, чтобы они ни на йоту не отступали от идеологических догм, сами руководители партии и государства в своём подавляющем большинстве в эти догмы уже не верили.

В связи с этим недалека от истины была одна из поклонниц А.И. Солженицына, которая утверждала в 70-е годы, что «советское правительство за валюту готово продать не только отца родного, но и весь марксизм-ленинизм с его тремя источниками»[4], что, как мы знаем, позднее и произошло.

«В 70–80-е годы, — писал К.Н. Брутенц, — самыми “продвинутыми” в смысле деидеологизации и одновременно самыми идеологически крикливыми были комсомольские вожди (“комсомолята”), соединяющие горластость, напористость и звучные декларации о “верности” партии с редким цинизмом и голым практицизмом, с безудержным карьеризмом и подхалимством». Отмечая этот факт, К.Н. Брутенц охарактеризовал его как «симптом» «ускорявшегося перерождения и загнивания режима»[5].

Между тем он свидетельствовал не просто о «загнивании» и «перерождении», а о том, что, имея подобную смену, КПСС не имела будущего.

Одним из важнейших факторов подобного перерождения являлось формирование внутри советского общества того «нового класса», о неизбежном появлении которого предупреждал ещё Л.Д. Троцкий[6]. Особую роль в его формировании сыграла экономическая реформа 1965 г., которая привела к тому, что через 20 лет в советской стране на разных этажах общества имелись уже сотни тысяч лиц, которые владели крупными, в том числе миллионными, денежными средствами и которые были заинтересованы в ликвидации советской системы[7].

---

[1] Корниенко Г. Холодная война: свидетельство её участника. М., 1995. С. 223.

[2] Озерова М. Спаситель с Лубянки // Московский комсомолец, 2002.19 ноября (интервью А.И. Вольского «Андропов хотел перестройки»).

[3] Брежнева Л.И. Племянница генсека. С. 389.

[4] Кремлёвский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 234.

[5] Брутенц К.Н. Несбывшееся. С. 38.

[6] Андреев С.: 1) Причины и следствия // Урал. 1988. № 1. С. 104–138; 2) Структура власти и задачи общества // Нева. 1989. № 1. С. 144–173.

[7] Островский А.В.: 1) Кто поставил Горбачёва. С. 95–114; 2) К вопросу о предпосылках крушения советской системы // Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования. М., 2013. С. 285–293.

В оценке того, с какими намерениями Ю.В. Андропов пришёл к власти, можно встретить диаметрально противоположные мнения.

«План Андропова по спасению социализма, — утверждал А.Н. Яковлев, — если судить по его высказываниям, состоял в следующем: в стране вводится железная дисциплина сверху донизу, координированно идёт разгром инакомыслия, ожесточается борьба с коррупцией и заевшейся номенклатурой, под строгим контролем происходит умеренное перераспределение благ сверху вниз, проводится партийная чистка. Убираются из номенклатуры все, кто неугоден КГБ… Меня, например, поразило его предложение “О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени”. Андропов заранее готовил списки для арестов и лагерей»[1].

1 января 1984 г. в США вышла уже упоминавшаяся книга Анатолия Голицына[2]. Книга была начата в 1969 г., завершена в 1981–1982 гг. и подготовлена к печати в 1983 г.

Излагая содержание её предпоследней, 25-й, главы, один из рецензентов писал, что автор «предсказал события послебрежневской фазы: новый генсек начинает демонстративную либерализацию и вводит элементы экономики свободного рынка, в значительной степени исчезает цензура, появляются свободные политические партии, наступает сверхразрядка в глобальном масштабе и подписание беспрецедентных соглашений о разоружении, советские войска выводятся из Афганистана, разрушается Берлинская стена, в Польше власть берет “Солидарность”, в Чехословакии на политическую сцену возвращается Дубчек, в СССР Андрей Сахаров играет официальную политическую роль — и это всё в книге, которая была закончена в 1983 году»[3].

Как мы теперь знаем, многое из этого прогноза осуществилось.

«Именно в КГБ, — заявил в интервью газете «День» один из генералов этого учреждения, не пожелавший обнародовать свою фамилию, — появилась в начале 1980-х годов группа молодых специалистов, которые контурно обозначили проблему реформ»[4].

«Существует мнение, — писал бывший начальник ПГУ КГБ СССР Л.В. Шебаршин, — что идея реформ, штаб реформы складывались в системе КГБ и разведки»[5]. Полностью разделяя это мнение, он отмечает: «Мы лучше, чем кто-либо, видели, что отставание Советского Союза от развитого мира не только не сокращается, но стремительно нарастает, и было совершенно очевидно, что ***полумеры***… обречены на неудачу»[6].

---

[1] Яковлев А.Н. Омут памяти. Сумерки. С. 559.

[2] Golitsyn Anatoliy. New Lies for Old: The Communist Strategy of Deception and Disinformation. N.Y., 1984. 412 p.

[3] Мянович Т. Тень КГБ в ореоле Горбачёва. Немецкая книга о перестройке // Континент. М; Париж, 1992. № 71. С. 218.

[4] После Герострата. Командировка на Лубянку. Беседу вел В. Ряшин // День. № 17. 26 апреля – 2 мая 1992 г. С. 3.

[5] Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 329.

[6] Там же. С. 219–220.

И действительно, едва заняв пост генсека, Ю.В. Андропов отдал распоряжения о подготовке реформ.

По свидетельству Н.И. Рыжкова, бывшего тогда заместителем председателя Госплана СССР, в воскресенье 20 ноября 1982 г. Ю.В. Андропов пригласил его к себе и, поставив в известность о намерении создать Экономический отдел ЦК КПСС, предложил ему возглавить этот отдел. Н.И. Рыжков согласился и 22 ноября был утверждён Пленумом ЦК КПСС в должности секретаря ЦК[1].

«В застойном 1982 г. меня, — вспоминает Т. Корягина, — в то время старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института при Госплане СССР привлекли к работе по разработке экономических реформ»[2].

«Спустя ***две недели после смерти Брежнева*** (т.е. около 24 ноября, сразу же после пленума ЦК КПСС. — *А.О.*), — утверждает Т.И. Корягина, — по решению Политбюро была создана рабочая группа, целью которой стала ***теоретическая разработка*** экономической реформы… Работали мы при Межведомственном совете по изучению опыта стран — членов СЭВ, причём трудиться приходилось под грифом “секретно”»[3]. Состояла «рабочая группа из работников Госплана, Совмина, министерств, ведомств и науки»[4].

15 декабря 1982 г. Совет Министров СССР поручил Госплану СССР подготовить «предложения по дальнейшему расширению хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений и усилению их ответственности за результаты работы»[5].

12 февраля Н. К. Байбаков направил Н.А. Тихонову «Тезисы доклада о расширении хозяйственной самостоятельности промышленных объединений и предприятий и повышении их ответственности за результаты хозяйственной деятельности». 5 мая предложения Госплана были рассмотрены на совещании в Совете Министров СССР. Совещание высказало рекомендации по дальнейшей доработке этих предложений[6].

Через некоторое время после ноябрьского пленума примерно в середине декабря, когда формирование Экономического отдела уже подходило к концу, Ю.В. Андропов пригласил к себе М.С. Горбачёва, В.И. Долгих, Н.И. Рыжкова и поставил перед ними задачу: разобраться в состоянии экономики, а также наметить пути и методы ее реформирования[7].

«Считаю, — утверждает Н.И. Рыжков, – что истоки перестройки относятся к началу 83-го года, к тому времени, когда Андропов поручил нам — группе ответ-

---

[1] Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. С. 37–38. Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

[2] Корягина Т. Политику они превратили в фарс. Беседу вел М. Рыжакин // Политика. 1991. № 8.

[3] Корягина Т. Мы стали свидетелями антиперестройки (беседу вел О. Величко) // Литературная Россия. 1992.10 января.

[4] Байбаков Н. К. Совет Министров СССР. 13 мая 1983 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 142. Д. 5. Л. 83.

[5] «Тезисы доклада о расширении хозяйственной самостоятельности промышленных объединений и предприятий и повышении их ответственности за результаты хозяйственной деятельности» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 142. Д. 5. Л. 112–123. Байбаков – Тихонову. 12 февраля 1983 г. II. Там же. Л. 111.

[6] Байбаков Н.К. Совет Министров СССР. 13 мая 1983 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 142. Д. 5. Л. 83.

[7] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. II Архив автора.

ственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачёву, подготовить принципиальные предложения по экономической реформе»[1].

«Ещё за два года до столь разрекламированного апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, — вспоминает А.И. Лукьянов, — Ю. Андропов пришёл к выводу о необходимости разработать программу перестройки промышленностью, а затем и всем народным хозяйством. Тогда к этой работе (***а она проходила у меня на глазах***) были привлечены М. Горбачёв, Н. Рыжков, В. Долгих… Ряд видных представителей науки и производства»[2].

В результате этого, как пишет Н.И. Рыжков, «в начале 83-го» началась работа по подготовке «***долгосрочной программы кардинальной перестройки управления народным хозяйством***»[3].

Считая, что «просто размонтировать коммунистическую систему нельзя — наступит хаос», Ю.В. Андропов, — как считают М. Калашников и С. Кугушев, — в поисках «выхода из тупика» решил встать на путь конвергенции[4], т.е. сочетания элементов плановой и рыночной экономки.

Отмечая, что истоки перестройки следует искать уже в статье Ю.В. Андропова о Карле Марксе, Л.И. Абалкин отмечает, что «в тех наметках» была заложена идея «рынка»[5]. О том, что Ю.В.ёАндропов планировал переход к рыночной экономике, свидетельствовал и его сын Игорь[6].

«Юрий Владимирович, — вспоминал А.И. Вольский, — мучительно переживая сложившееся положение дел, искал выход на пути ограниченных ***рыночных*** реформ. Естественно, с приоритетом государственной собственности и при сохранении “командных высот”»[7].

Вспоминая тот год, генерал Л.Г. Ивашов, возглавлявший секретариат министра обороны Д.Ф. Устинова, сообщает: «В записках, которые мне, как начальнику секретариата члена Политбюро, приходилось читать, говорилось, например, что плановая система хороша, но социалистическое соревнование уже не является решающим стимулом в развитии народного хозяйства, ***нужно переходить на рыночные отношения***. Именно Андропов стал предлагать частичный отход от 100-процентного планирования: надо оставлять резервы предприятиям»[8].

Летом 1982 г. в беседе с работником аппарата ЦК КПСС В.Н. Севруком Ю.В. Андропов заявил, что главный способ поднять сельское хозяйство — это дать, как

[1] Ненашев М.Ф. Последнее правительство СССР. Личные свидетельства. Диалоги. М., 1993. С. 23.

[2] Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. Размышления, диалоги, документы. М., 1999. С. 55.

[3] Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. С. 46–47.

[4] Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Погружение. С. 310–311.

[5] Абалкин Л.И. На перепутье. Размышления о судьбах России. М., 1993. С. 239.

[6] Сын Генсека Игорь Андропов: Отец планировал скрутить коррупцию и перейти к рынку http://www.kp.ru/daily/23757/56350/

[7] Евдокимов П. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9. С. 4–5 (интервью А.И. Вольского).

[8] Викторов Ю. Маршал советского оборонно-промышленного комплекса Дмитрий Устинов как государственный деятель и просто человек // Независимое военное обозрение. 2008.14–20 ноября. С. 14–15 (интервью Л.Г. Ивашова).

в Венгрии, «колхознику возможность быть хозяином произведённого продукта». А для этого «надо развязать руки предприимчивым людям». Пусть будут «частные маленькие мастерские, магазинчики, рестораны на подряде у коллектива. Ну, зачем их тянуть в железные лапы министерств». Но, конечно, «крупная промышленность, оборонка, природные ресурсы должны быть только общенародным достоянием»[1].

По свидетельству уже упоминавшейся Т.И. Корякиной, когда в ноябре 1982 г. была создана их «рабочая группа, целью которой стала теоретическая разработка экономической реформы», то главная задача этой реформы была сформулирована как «развитие ***частного и кооперативного сектора*** в народном хозяйстве Советского Союза с учетом опыта стран — членов СЭВ»[2].

Вспоминая о деятельности этой группы, Т.И. Корягина утверждает: «Уже тогда был заложен курс на акционирование, ***частную собственность***, определены раскрепощение цен, ***переход к рыночной экономике*** смешанного типа»[3].

Когда в 2008 г. я поинтересовался у Н.И. Рыжкова, были ли ими тогда получены от Ю.В. Андропова какие-либо указания, он ответил так: «Нам было предложено подготовить проект перехода к ***многоукладной рыночной экономике***, который предполагал создание рядом с государственным ***частного сектора***»[4].

В.А Крючков тоже утверждал, что, планируя экономическую реформу, Ю.В. Андропов имел в виду «***многоукладность*** в экономике, включая ***частную собственность***»[5].

«В конце 1983 г. — вспоминает профессор Тартуского университета М.Л. Бронштейн[6], — мне довелось лично познакомиться с Михаилом Горбачёвым. По поручению Андропова тот собрал для обмена мнениями группу учёных-рыночников». Это были «сторонники реформирования с повышением степени самостоятельности и ответственности на уровне предприятий и регионов»: М. Бронштейн, Т.И. Заславская, А. Келнынш, В. Тихонов[7].

Во время встречи речь шла «о ***введении модели*** нэпа», т.е. о создании многоукладной рыночной экономики. «Вроде бы установилось взаимопонимание»[8].

О том, что обсуждение проблемы нэпа не было случайностью, свидетельствует то, что не позднее 10 декабря 1983 г. издательство «Прогресс» опубликовало очередной том «Истории марксизма», который фактически реабилитировал Н.И. Бухарина как теоретика[9].

---

[1] Севрук В. Три встречи с Андроповым // Семь дней. Минск. 2004. № 7. http://7days.belta.by/7days.nsf/last/E560E23F21BBB8DE42256E39004516EA70penDocument

[2] Корягина Т. Мы стали свидетелями антиперестройки (беседу вел О. Величко) //Литературная Россия. 1992.10 января.

[3] Корягина Т. Политику они превратили в фарс (беседу вел М. Рыжакин) // Политика. 1991. № 8.

[4] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва // Архив автора.

[5] Владимир Крючков: «В разговорах на другие темы он становился обычным человеком» // Известия, 2004. 9 февраля. С. 15.

[6] Бронштейн М. На рубеже эпох. Таллин, 2002. С. 49.

[7] Кузнецова Н. Как это начиналось. К 15-летию восстановления государственной независимости Эстонии II Молодежь Эстонии. 2005. 5 мая (интервью М. Бронштейна) (электронная версия) http://www.moles.ee/06/May/05/12 – 1.php

[8] Бронштейн М. На рубеже эпох. Таллин, 2002. С. 24.

[9] Черняев А.С. Совместный исход. С. 546.

По свидетельству Н.И. Рыжкова, Ю.В. Андропова «интересовали проблемы хозяйственного расчёта и самостоятельности предприятий, ***концессий*** и кооперативов, ***совместных предприятий*** и ***акционерных обществ***»[1].

Это означает, что, собираясь осуществить переход к многоукладной экономике, Ю.В. Андропов тоже планировал привлечь в неё иностранный капитал, используя для этого такие средства, как концессии и совместные предприятия.

В связи с этим Институт мировой экономики и международных отношений получил задание специально проработать этот вопрос и представить свои предложения.

«В начале 1984 года, — вспоминал его директор А.Н. Яковлев, — институт направил в ЦК записку о необходимости создания совместных предприятий с зарубежными фирмами. Предлагалось создать три типа предприятий: с западными странами, с социалистическими и развивающимися. Наши предложения аргументировались назревшими задачами постепенного вхождения в мировой хозяйство. Меня пригласил к себе секретарь ЦК Николай Рыжков и, надо сказать, проявил большой интерес к этой проблеме, расспрашивая о деталях предложения, поддержал его общую направленность»[2].

«Именно в начале 83-го, — пишет Н.И. Рыжков, — эти “крамольные мысли” стали обретать плоть, оказавшись в основе ***долгосрочной программы кардинальной перестройки управления народным хозяйством***»[3].

Как конкретно протекала эта работа, ещё предстоит выяснить, когда исследователи получат доступ к необходимым документам.

Есть основания думать, что Ю.В. Андропов: а) разделял намечавшиеся преобразования в экономике на ближайшие и отдалённые, т.е. собирался разработать две программы: программу-минимум и программу-максимум и эта работа, судя по всему велась параллельно, и б) прежде чем ломать старое и вводить новое, считал необходимым проверить это на практике в виде эксперимента.

14 июня 1983 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 659 «О проведении экономического эксперимента в ряде министерств по расширению хозяйственной самостоятельности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению ответственности за результаты своей работы»[4].

В постановлении были названы отрасли, которые с 1 января 1984 г. должны были перейти на эксперимент, а также изложено его содержание. Главное место занимали две идеи: а) сокращение плановых показателей и б) расширение прав предприятий в использовании фондов и денежных средств[5].

1 августа 1983 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1479, которым была создана специальная Комиссия по руководству экономическим экспериментом[6].

---

[1] Ненашев М.Ф. Последнее правительство СССР. Личные свидетельства. Диалоги. М., 1993. С. 23–24 (интервью Н.И. Рыжкова).

[2] Яковлев А.Н. Омут памяти. С. 226–227.

[3] Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. С. 46–47.

[4] ГАРФ. Ф. 1546. Оп. 142. 1983 г. Д. 6. Л. 1.

[5] В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР // Правда, 1983. 26 июня.

[6] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 145. Д. 1. Л. 6.

Как пишет Игорь Юрьевич Андропов, в 1983 г. «было решено начать с января 1984 г. несколько крупномасштабных экспериментов, охватывавших предприятия шести важнейших министерств»[1]. О масштабах эксперимента свидетельствуют следующие цифры. Так, ограниченный хозрасчёт с правом директоров по договорам брать заказы «со стороны» был введён на 1850 предприятиях Белоруссии, Литвы и Украины[2].

Проделав определённую подготовительную работу, Ю.В. Андропов решил вынести вопрос о разработке экономической реформы на декабрьский 1983 г. Пленум ЦК КПСС. По всей видимости, в связи с этим 28 ноября 1983 г. ЦЭМИ направил Ю.В. Андропову записку «О разработке комплексной программы развития и совершенствования системы управления народным хозяйством»[3].

Эта идея нашла отражение в обращении Ю.В. Андропова к участникам пленума: «Назрел вопрос, — писал он, — о разработке ***программы комплексного совершенствования всего механизма управления*** народным хозяйством»[4].

Предложение было поддержано пленумом[5] и воспринято как руководство к действию[6]. Несмотря на отсутствие Ю.В. Андропова, декабрьский 1983 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление о дальнейшем совершенствовании управления народным хозяйством[7]. На основании этого 4 января 1984 г. Президиум Совета Министров СССР постановил предложить всем ведомствам подготовить свои предложения по вопросу о совершенствовании управления народным хозяйством[8] и поручил Госплану подготовить «Программу комплексного совершенствования механизма управления»[9].

12 января 1984 г. Н.А. Тихонов созвал совещание, на котором со ссылкой на решения Декабрьского Пленума ЦК КПСС 1984 г. поставил задачу «обобщить результаты проделанной работы по улучшению управления и планирования, совершенствования стиля и методов хозяйствования и подготовить предложения об организации дальнейшей работы в этой области с указанием важнейших проблем, основных этапов работы, сроков их выполнения и состава необходимых для этого работников, имея в виду обеспечить завершение всей этой работы в сроки, позволяю-

---

[1] Мешков А. Осторожный постепеновец. Игорь Андропов рассказывает о том, как понимал реформы его отец // Независимая газета. 1999. 26 июня. С. 9.

[2] Сироткин В. Кто разворовал Россию. С. 136–137. См. также: Воловой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991. С. 249.

[3] Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. С. 207–208.

[4] Текст выступления генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю.В. Андропова // Правда, 1983. 27 декабря.

[5] Постановление Пленума ЦК КПСС «О проектах государственного плана экономического и социального развития СССР и государственного бюджета СССР на 1984 г.» // Правда, 1983. 28 декабря.

[6] О принципиальных направлениях совершенствования управления // ГАРФ. Оп. 144. Д. 1493. Л. 7.

[7] Об организации работы по дальнейшему совершенствованию управления экономикой в соответствии с решениями декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // ГАРФ. Ф. 1546. Оп. 144.1984. Д. 3.

[8] Протокол совещания у председателя Совета Министров СССР товарища Тихонова Н.А. 27 февраля 1984 г. с участием секретаря ЦК КПСС Рыжкова // ГАРФ. Ф. 1546. Оп. 144.1984. Д. 1493. Л. 1.

[9] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 3. Л. 16.

щие учесть разработанную систему мероприятий в плане на 12-ю пятилетку» (т.е. до конца 1985 г.)[1].

6 февраля 1984 г. председатель Госплана Н.К. Байбаков направил в Совет Министров соображения по поводу поставленной перед ним задачи «Об организации работы по подготовке программы комплексного совершенствования механизма управления». Среди прочих мер он предложил создать для руководства этой работой специальную комиссию Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством[2].

Такая комиссия действительно была создана, но это произошло уже после смерти Ю.В. Андропова.

Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 г., Ю.В. Андропов заявил: «Мы в своём общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и ***стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах*** и соответствующее этому совершенствование ***производственных отношений», а также «во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой***»[3].

Вспоминая беседы с Ю.В. Андроповым, Г.А. Арбатов писал, что он «считал необходимым развитие демократии»: «по тогдашним временам идеи, которые он высказывал, были смелыми, хотя сейчас показались бы очень скромными»[4].

Об этом же вспоминает и Ханс Модров. В одном из разговоров с членом ЦК СЕПГ Бруно Маловым Г.Х. Шахназаров «поведал, что получил предложение Андропова разработать предложения, каким образом можно было бы демократизировать общество и партию. Шахназаров изложил кое-что на бумаге и подал это Андропову. Тот внимательно изучил эти идеи, но отложил их в сторону, заметив, что людей надо сначала накормить и одеть, прежде чем они смогут заниматься политикой»[5].

Это значит, что Ю.В. Андропов не отверг предложения Г.Х. Шахназарова, но признал их несвоевременными. Г.Х. Шахназаров издал две книги воспоминаний, однако содержание своих предложений, к сожалению, не раскрыл.

Однако имеющиеся воспоминания позволяют судить, в каком направлении работала мысль генсека. По свидетельству В.М. Чебрикова, Ю.В. Андропов вполне серьёзно рассматривал проблему альтернативности выборов. «Ещё в середине 70-х, — вспоминал В.М. Чебриков, — Юрий Владимирович часто и подробно рассуждал о необходимости демократизации… Он, например,

---

[1] Протокол совещания у председателя Совета Министров то в. Тихонова Н.А. 12 января 1984 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 3. Л. 1–2. См. также: Стенограмма совещания у Председателя Совета Министров то в. Тихонова Н.А. по некоторым вопросам совершенствования управления народным хозяйством. 12 января 1984 г. //Там же. Л. 5–15.

[2] Байбаков Н.К. Совет Министров СССР. 6 февраля 1984 г. // ГАРФ Ф. 5446. Оп. 144. 1984. Д. 3.Л. 16–30. Н.И. Рыжков утверждает, что инициатива создания такой комиссии исходила от него (Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. С. 65)

[3] Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 287.

[4] Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. С. 323.

[5] Модров Х. Перестройка: как я ее вижу. Личные воспоминания и анализ десятилетия, изменившего мир. М., 2003. С. 20.

считал, что на выборах в Верховный Совет должен быть не один, а несколько кандидатов»[1]. «А почему бы не проводить выборы в Верховный Совет по-настоящему, — заявил он однажды, — чтобы можно было выбрать среди нескольких кандидатов»[2].

12 октября 1983 г. Ю.В. Андропов дал поручение продумать вопрос об усовершенствовании системы выборов[3]. Причем он допускал «возможность расширения некоторых демократических процедур» уже на ближайших выборах в Верховный Совет СССР[4].

В связи с этим следует обратить внимание также на то, что при Л.И. Брежневе возродилась идея о «необходимости разграничения функций партийных и государственно-хозяйственных органов», идея, которая, как мы помним, возникла ещё при И.В. Сталине[5].

«На каждом съезде партии и почти на каждом Пленуме, — пишет В.А. Медведев, — говорилось о необходимости решительной борьбы с подменой государственных и хозяйственных органов партией, но сдвиги если и происходили, то в сторону усиления партийного контроля и диктата»[6].

Говоря о позиции Ю.В. Андропова по этому вопросу, В.В. Шарапов пишет: «Его беспокоило, что партия из политического органа превращается в хозяйственный механизм, подменяя тем самым Советскую власть. Но ведь ещё Ленин предупреждал, что самая страшная беда будет, если партия превратится в государственный аппарат»[7].

О том, что Ю.В. Андропов считал необходимым изменить роль партии в обществе, пишет и другой член его команды — А.Г. Сидоренко: «Он считал необходимым, чтобы она постепенно освобождалась от несвойственных ей функций»[8].

«Большинство из нас, — пишет Н.И. Рыжков, — не очень понимало, почему партийные комитеты должны безраздельно руководить экономикой»[9].

Как мы помним, Ю.В. Андропов с этой идеей выступал ещё в 60-е годы. В 70-е годы этот вопрос попытался поднять А.Н. Косыгин. Однако встретил серьёзное сопротивление со стороны Л.И. Брежнева и его ближайшего окружения.

Между тем позиции А.Н. Косыгина и Ю.В. Андропова в этом вопросе существенно расходились. Если первый выступал за ликвидацию отраслевых отделов

---

[1] Цурканов Г. Последние откровения бывшего главы КГБ. 6 января 2001 // Courier. RU (интервью В.М. Чебрикова).

[2] Греченевский О. Андропов Forever // Завтра. 2004. Октябрь. № 42(569). С. 6.

[3] Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. С. 185.

[4] Там же. С. 155–156. См. также: Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. С. 285.

[5] Печенев В.А. Горбачёв: К вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С. 96.

[6] Медведев В.А. В команде Горбачёва. С. 73.

[7] Бондаренко А.В. Генсек из КГБ. 12 ноября 1982 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В. Андропов II Красная звезда. 2002.12 ноября (интервью А. Бондаренко с Ф.Д. Бобковым и В.В. Шараповым).

[8] Сидоренко А.Г. Таким мы знаем Ю.В. Андропова // Команда Андропова. М., 2005. С. 61. См. также: Бобков Ф.Д. Власть и КГБ. С. 160.

[9] Рыжков Н.И. Перестройка: история измены. С. 69.

ЦК и перенесение центра руководства экономикой из Центрального Комитета в Совет Министров, то второй шёл в этом отношении значительно дальше.

«Он, — вспоминал об Ю.В. Андропове Е.И. Синицын, — приходил к выводу, что промышленностью должны управлять не отделы ЦК КПСС, параллельные им отделы Совмина и Госплана, а отраслевые банки… Юрий Владимирович полагал, что его план идёт дальше реформы Косыгина, выводит предприятия из-под мелочной опеки райкомов, обкомов и отделов ЦК»[1]

Став генсеком, Ю.В. Андропов уже 7 декабря 1982 г. выразил тревогу по поводу «срастания ответственных работников аппарата ЦК с министерствами»[2]. Но когда он попытался поставить вопрос о необходимости практического решения данного вопроса, то столкнулся с сильным сопротивлением. Ему возражали: «Если первые секретари партийных комитетов отдадут экономику на откуп хозяйственникам — у нас всё развалится»[3].

Считая необходимым освобождение партии от руководства экономикой, Ю.В. Андропов понимал, что «подобная реформа не стыкуется с «руководящей ролью КПСС»[4]. Со ссылкой на В.А. Крючкова М. Вольф утверждал, что при Ю.В. Андропове «обсуждалась даже возможность допустить существование других партий»[5]. «Думаю, — заявил позднее В.А. Крючков, — что при Андропове или позже мы ввели бы также плюрализм мнений, множественность партий (которую мы ввели в 1990 году, отменив статью 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС)»[6].

По свидетельству Н.И. Рыжкова, Юрий Владимирович обращал внимание на то, что до революции в России на официальном уровне не использовалось понятие «национальность», а использовалось понятие «вероисповедание». Обращал он внимание и на то, что понятие «национальность» не существовало в США. Поэтому обдумывал возможность отменить его и в СССР[7].

При этом речь шла не только об отмене соответствующей графы в анкетах. Как вспоминал А.И. Вольский, перед ним была поставлена совершенно конкретная задача: «ликвидировать построение СССР по национальному принципу»[8].

Насколько удалось установить, впервые А.И. Вольский сообщил об этом в 2002 г. в интервью «Московскому комсомольцу». «Вызывает меня однажды Юрий Владимирович и говорит: “У нас слишком много субъектов СССР. Давайте сведём их все в 15–16 экономических регионов и сделаем их, ***как штаты в США***. Ведь разделение по национальному признаку не характерно ни одной стране мира, кроме нашей! Так что вы продумайте и начертите мне карту этих регионов!”»[9].

---

[1] Синицын Е.И. Андропов вблизи. С. 133.

[2] Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. С. 148.

[3] Печенев В.А. Горбачёв: К вершинам власти. С. 97.

[4] Синицын Е.И. Андропов вблизи. С. 133.

[5] Вольф М. «Я не был советским сателлитом» // Известия. 2001.17 августа.

[6] Владимир Крючков: «В разговорах на другие темы он становился обычным человеком» II Известия. 2004. 9 февраля. С. 15.

[7] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

[8] Воспоминания А. Вольского «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169. 12 сентября. С. 1, 7 (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).

[9] Озерова М. Спаситель с Лубянки // Московский комсомолец. 2002. 19 ноября. С. 2 (интервью А. Вольского «Андропов хотел перестройки»).

Этот же эпизод нашёл отражение в интервью А.И. Вольского, которое посмертно было опубликовано на страницах «Коммерсанта».

«Как-то генсек меня вызвал: “Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе ***штатов*** на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР”»[1].

По свидетельству Аркадия Ивановича, сначала он пытался решить эту задачу сам, затем привлёк на помощь академика Евгения Павловича Велихова. Они «сидели почти месяц», в результате было подготовлено «15 вариантов» нового административного деления нашей страны[2]. В одном случае А.И. Вольский утверждал, что они с Е.П. Велиховым «нарисовали» «29 округов»[3]; в другом случае, что последний вариант предполагал разделение СССР на 41 штат»[4].

Поскольку в 1983 г. население СССР составляло около 270 млн., на каждый штат могло приходиться не более 7 млн. чел. В это время в Молдавии проживало 4 млн., в Прибалтике — 8 млн., в Закавказье — 15 млн., в Белоруссии — 10, в Казахстане — 15, в Средней Азии — 30, на Украине — 50, в России — 140[5].

Следовательно, планируемая реформа должна была повести к децентрализации главным образом двух республик: Украины (7–8 штатов) и России (около 20).

«Закончили, — вспоминал А.И. Вольский, — красиво оформили, и тут Юрий Владимирович слёг. Не случись этого, успей он одобрить “проект”, с полной уверенностью скажу: секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, бурно аплодировали бы мудрому решению партии»[6].

Что же должны были представлять эти новые административные единицы? К сожалению, А.И. Вольский оставил этот вопрос открытым. Но из его воспоминаний явствует, что Ю.В. Андропов прямо поставил перед ними задачу перекроить карту страны «по типу Штатов»[7] и в окончательном варианте новые административные единицы прямо называл «штатами»[8].

Если так, то «советские штаты» должны были иметь свою конституцию и свои законы, т.е. иметь такой же статус, как и союзные республики.

---

[1] Воспоминания А. Вольского «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169. 12 сентября. С. 1, 7 (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).

[2] Озерова М. Спаситель с Лубянки // Московский Комсомолец. 2002. 19 ноября С. 2 (интервью А.И. Вольского «Андропов хотел перестройки»).

[3] Евдокимов П. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9 (120), сентябрь. С. (Интервью А. И. Вольского).

[4] Воспоминания А. Вольского «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169. 12 сентября. С. 1, 7 (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).

[5] Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 5.

[6] Воспоминания А. Вольского «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169. 12 сентября. С. 1, 7 (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).

[7] Евдокимов П. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9. С. 4–5 (Интервью А.И. Вольского).

[8] Воспоминания А. Вольского «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169. 12 сентября. С. 1, 7 (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).

О том, что подобный проект мог встретить поддержку на местах, свидетельствуют воспоминания Х. Модрова. Вспоминая о Г.В. Романове, он писал: «К началу 80-х годов он предложил концепцию “Интенсификация-90”. С её помощью он хотел для начала обеспечить динамичное развитие Ленинградской области, предоставив ей больше самостоятельности. Я думаю, он хотел поднять её до ранга союзной республики»[1].

Однако речь шла не только о создании на территории СССР нескольких десятков «штатов». Как утверждал А.И. Вольский, желая «провести коренную реформу госустройства СССР», Ю.В. Андропов одновременно «***мечтал о межрегиональных рынках***»[2].

Какая же могла быть связь между разделением страны на «штаты» и созданием «межрегиональных рынков»? Получается, что создаваемые в результате административной реформы «штаты» должны были стать ***субъектами*** рыночных отношений. Это наводит на мысль, что Ю.В. Андропов обдумывал возможность введения так называемого регионального хозрасчёта.

По утверждению бывшего директора ЦЭМИ Н.П. Федоренко, идея «регионального хозрасчёта» действительно возникла «в начале 80-х годов»[3].

Но своими корнями она уходит ещё в 60-е годы, когда два новосибирских экономиста Борис Павлович Орлов и Рувин Исакович Шнипер поставили вопрос о необходимости заинтересовать в результатах труда не только предприятия, но и отдельные регионы[4].

В последующем эта идея разрабатывалась коллективом новосибирских экономистов во главе с Александром Григорьевичем Гранбергом, который в марте 1984 г. на семинаре «Анализ и моделирование социально-экономического развития экономических районов и их взаимодействие» выступил со специальным докладом на эту тему[5].

«Идея, — объяснял он позднее, — состояла не в том, чтобы скопировать “хозрасчёт” предприятий, а в том, чтобы расширить экономические права и ответственность региональных звеньев, сделать их ***экономическими субъектами***, т.е. наделить их в области экономики определёнными правами»[6].

И далее: «Я со своими соратниками начинал с региональных и межрегиональных моделей централизованной экономики. Постепенно у нас созревало понимание того, что регион — это не только часть единого народнохозяйственного комплекса, что необходимо устанавливать связь между расходами и доходами на территории, между эффективностью экономики региона и тем, что он получает из центра

[1] Модров Х. Перестройка: как я ее вижу. М., 1999. С. 18.

[2] Озерова М. Спаситель с Лубянки // Московский комсомолец. 2002.19 ноября. С. 2 (интервью А.И. Вольского «Андропов хотел перестройки»).

[3] Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М., 1999. С. 444.

[4] Орлов Б.П., Шнипер Р.И. Экономическая реформа и территориальное планирование. Новосибирск, 1968.

[5] Гранберг А.Г. Межрегиональное экономическое взаимодействие: понятие и модели. Новосибирск, 1984.

[6] Российские особенности в региональном разрезе // ЭКО. 1998. № 6. С. 90–100 (интервью академика А.Г. Гранберга).

в виде фондов для развития социальной сферы». «Проблема ставилась так: как построить экономические связи, чтобы они стали эффективными не только для страны в целом, но и для каждой республики, каждого региона»[1].

Поиски путей решения этой проблемы привели к мысли о необходимости предоставить регионам экономическую самостоятельность, чтобы они могли рассчитывать не на средства из союзного бюджета, а на результаты своей экономической деятельности. Так родилась идея регионального хозрасчета.

Не отрицая существования сторонников этой идеи в столице, Н.П. Федоренко пишет, что её разработка велась «главным образом за пределами Москвы». Причем «одним из ведущих “теоретиков” в данной области стал эстонский профессор Бронштейн»[2].

Как мы уже знаем, в конце 1983 г. он познакомился с М.С. Горбачёвым, когда тот по поручению Ю.В. Андропова собрал группу экономистов для обсуждения вопроса о планируемой экономической реформе. По воспоминаниям М.Л. Бронштейна, приглашенные М.С. Горбачёвым экономисты были «сторонниками реформирования» экономики «с ***повышением степени самостоятельности*** и ответственности» не только «на уровне предприятий», но и «***регионов***»[3].

М.Л. Бронштейн не пишет, как далеко в «повышении степени самостоятельности» отдельных регионов они предполагали тогда идти. Но нельзя не учитывать, что в кабинете М.С. Горбачёва речь шла «о ***введении модели*** нэпа»[4], т.е. о переходе к рыночной, многоукладной экономике. Это означало, что рассматривалась возможность предоставления предприятиям полного хозяйственного расчёта. Поэтому не исключено, что тогда же рассматривалась и проблема «регионального хозрасчета».

Подводя итог этого обмена мнений, М.Л. Бронштейн отмечал: «Вроде бы установилось взаимопонимание»[5].

Однако между предприятием и регионом существует одно принципиальное различие. Предприятие — это закрытая система, ограждённая «забором», имеющая вход и выход, а регион — система открытая. Следовательно, чтобы она могла более или менее самостоятельно распоряжаться своими ресурсами, её тоже необходимо «закрыть».

Регион мог предпринимать любые меры по повышению эффективности своей экономики, но союзное правительство имело возможность использовать плоды этой эффективности в своих интересах с помощью только двух инструментов: цены и денежной эмиссии. Что можно противопоставить этому? Ничего эффективнее собственной валюты и таможенного контроля люди пока не придумали.

Но таможня и собственная валюта предполагают границы, а границы — не только пограничников и собственные войска, но и собственность на землю. Всё это невозможно без права устанавливать свои законы.

---

[1] Там же.

[2] Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. С. 444.

[3] Бронштейн М. На рубеже эпох. С. 49.

[4] Кузнецова Н. Как это начиналось. К 15-летию восстановления государственной независимости Эстонии // Молодежь Эстонии. 2005. 5 мая (интервью М. Бронштейна) (электронная версия).

[5] Бронштейн М. На рубеже эпох. С. 24.

«Экономическая самостоятельность, — писал академик Н.П. Федоренко, — предполагает защиту регионального рынка, а защитить его можно только известными всему миру способами: собственной валютой, а значит, таможнями, а значит, границами и т.д.». «Таким образом, невинная с виду идея со скромным названием на самом деле являлась экономическим обоснованием сепаратизма»[1].

Таким образом, в то самое время, когда А.И. Вольский готовил разделение СССР на несколько десятков штатов, М.С. Горбачёв обсуждал идею расширения хозяйственной самостоятельности отдельных административных единиц и создания «межрегиональных рынков».

Но если эти две идеи (разделение СССР на несколько десятков штатов и перевод их на региональный хозрасчёт) были взаимосвязаны между собой, их реализация могла не оживить, а взорвать Советский Союз. Неудивительно поэтому, что позднее М.С. Горбачёв обвинял «новосибирских экономистов» в том, что они якобы «доказывали целесообразность распада Союза»[2].

Помощник Ю.В. Андропова В.В. Шарапов утверждает, что Ю.В. Андропов первым стал употреблять не только понятие «перестройка», но и понятие «гласность»[3].

«Важной задачей, — писал Г.А. Арбатов, — Андропов также считал улучшение отношений руководства с интеллигенцией»[4]. В 1983 г. перед отъездом на юг он поручил Г.А. Арбатову «подготовить записку к крупному (это было его выражение) разговору об отношениях и работе с интеллигенцией… Складывалось впечатление, что он отходит от первоначального замысла “малых дел”, готовится поставить крупные, жизненно важные вопросы»[5].

«Вскоре, — пишет Г.А. Арбатов, — я отправил ему свою записку, некоторое время спустя он по телефону меня поблагодарил и сказал, что читал её, многое в ней ему показалось интересным и он надеется вскоре со мною её обсудить, чтобы дать поставленным вопросам ход»[6].

В своей записке Г.А. Арбатов ставил вопрос о пересмотре роли Главлита: «Его дело — не допускать выхода в свет контрреволюции, порнографии и выдачи государственных тайн. И всё»[7].

Следовательно, речь шла об отмене цензуры, а значит, об идеологическом плюрализме, что по существу предполагало отказ партии на монополию на идеологию. И это вполне логично, если допускалась возможность демократизации общества и перехода к политическому плюрализму, т.е. многопартийности.

По всей видимости, Ю.В. Андропов планировал скорректировать политику государства и в отношении церкви. Основанием для такого предположения служит

[1] Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. С. 444.

[2] Российские особенности в региональном разрезе // ЭКО. 1998. № 6. С. 90–100 (интервью академика А.Г. Гранберга).

[3] Генсек из КГБ. 12 ноября 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В. Андропов // Красная звезда. 2002. 12 ноября (интервью А. Бондаренко с В. В. Шараповым).
2006. № 9. С. 4–5.

[4] Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. С. 323–324.

[5] Там же. С. 328.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 331.

тот факт, что в 1983 г. по его распоряжению церкви вернули Свято-Данилов монастырь, который затем был отреставрирован и стал резиденцией патриарха[1].

«Да, — пишет А.С. Грачёв, — в разговорах с близкими ему сподвижниками в Кремле Андропов называл своей целью позволить советскому обществу то, что позволяет себе Запад: большую свободу мнений, информированности, разнообразия в обществе и искусстве»[2].

Иначе говоря, демократизация общества рассматривалась как постепенный процесс, развитие которого ставилось в зависимость от успехов в экономике.

Таким образом, Ю.В. Андропов обдумывал план радикальной перестройки советского общества, которая должна была захватить все его сферы: экономику, систему партийного и государственного управления, идеологию и т.д. Причем речь шла не о косметическом ремонте, а о создании совершенно новой модели советского общества.

Н.И. Рыжков считает, что предполагалось реформировать его по китайскому варианту[3]. Такого же мнения придерживался А.И. Вольский[4]. Однако с этим трудно согласиться.

Во-первых, для китайского варианта характерно сохранение руководящей роли партии, между тем как Ю.В. Андропов имел в виду отстранение партии от власти и переход к многопартийной системе. Во-вторых, для китайского варианта характерно сохранение монополии партии на идеологию и связанной с этим цензуры, в то время как Ю.В. Андропов предполагал отказаться от цензуры и, следовательно, перейти к идеологическому плюрализму. В-третьих, китайский вариант предполагает сохранение унитарного государства, а тот вариант преобразований, который начал разрабатывать Ю.В. Андропов, имел целью децентрализацию управления страной по типу США.

Поэтому в основе разрабатываемой Ю.В. Андроповым программы реформ лежала идея конвергенции. Отмечая, что новый генсек готов был пойти на конвергенцию, Ф.М. Бурлацкий приводил слова Ю.В. Андропова, что «Запад должен пройти свою часть пути навстречу нам»[5].

Какими темпами новый генсек собирался идти к этой цели, мы не знаем. По одним воспоминаниям, планируемая перестройка должна была составить целую эпоху в истории нашей страны, охватывающую примерно 15–20 лет. По другим, хотя планы «ещё только вынашивались», и «этот процесс» развивался очень медленно[6], Ю.В. Андропов считал: «нужно ускоренно осуществить ***совершенствование всей политической и экономической системы***»[7].

Кто же прав? Для ответа на этот вопрос прежде всего следует учесть, что начатый 1 января 1984 г. эксперимент требовал не менее двух лет. Если взять ещё год

---

[1] Константин Михайлович Харчев II Дар любви. М., 2003. С. 181–195.

[2] Грачёв А. Смерть динозавра // Московские новости. 1994. 22–29 мая. С. 9.

[3] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

[4] Евдокимов П. Человек со знаком качества (интервью А.И. Вольского) // Спецназ. 2006. № 9. С. 4–5.

[5] Бурлацкий Ф. Потаенный Андропов // Известия. 2004. 15 июня. С. 15.

[6] Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. С. 324.

[7] Генсек из КГБ. 12 ноября 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В. Андропов // Красная звезда. 2002. 12 ноября (интервью А. Бондаренко с В.В. Шараповым).

на подведение итогов, получится, что экономическая реформа должна была начаться примерно в 1987 г.

К тому времени Ю.В. Андропов собирался внести некоторые коррективы в политическую систему. Так, уже в декабре 1982 г. он поднял вопрос о необходимости ограничения власти партии, а осенью 1983 г. дал указание подумать о возможности внесения коррективов в систему предстоявших в 1984 г. выборов.

Показательно, что мысль Ю.В. Андропова в отношении необходимых реформ работала в том же направлении, в котором работала и мысль американской администрации.

17 января 1983 г. Р. Рейган подписал «Директиву 75», в которой ставилась задача: «Способствовать в допустимых для нас рамках процессу перемен в Советском Союзе в направлении большего плюрализма в политической и экономической системах при постепенном сокращении власти привилегированной правящей элиты»[1].

Мы не знаем, чем руководствовался и какие цели перед собою ставил Ю.В. Андропов. Что же касается США, то они исходили из того, что децентрализация советского общества открывает возможность для разрушения советского государства как единой корпорации.

«Экономическая децентрализация, — считал З. Бжезинский, — будет неизбежно означать политическую децентрализацию», а «децентрализовать» советскую империю «значит вызвать её распад»[2].

На мой вопрос, в чем они видели свою главную задачу, В.А. Медведев ответил: раскрепостить советское общество, устранить всё, что связывало его внутренние силы или же, как он сам это сказал, прежде всего «развинтить» старую систему. Но ведь если «развинтить» систему, она просто развалится.

В связи с этим Н.И. Рыжкову мною был задан другой вопрос: думали ли они о возможных издержках экономической реформы. Ведь даже у лекарств есть противопоказания. Желая заострить проблему, я сформулировал её так: создавая яд, готовили ли вы противоядие? Ответ был отрицательным[3].

А ведь у них перед глазами был опыт Венгрии, Польши, Югославии, которые к 1985 г. имели суммарный внешний долг только по долгосрочным кредитам более 60 млрд. долл. Причём долг появился всего лишь за 10–15 лет и был связан с проведением экономических реформ. Учитывал ли Ю.В. Андропов негативный опыт «рыночного социализма»?

Собираясь реформировать советское общество, Ю.В. Андропов считал необходимым прекратить Холодную войну и вернуться к разрядке. Среди тех идей, которые в этой связи рассматривались в ближайшем окружении генсека, следует назвать идею заключения договора между ОВД и НАТО о неприменении силы: а) по отношению друг к другу, б) по отношению к участникам собственных блоков, в) по отношению к третьим странам[4][1368].

---

[1] Мэтлок Д.Ф. Рейган и Горбачёв. С. 70.

[2] Цит. по: Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайные пружины перестройки. М., 1998. С. 74.

[3] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

[4] Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. С. 322.

Подписание такого договора, писал Г.А. Арбатов, прежде всего означало бы отказ от «доктрины Брежнева»[1], т.е. от защиты, как говорили тогда, «завоеваний социализма» в других странах военными средствами. В первую очередь это, конечно, касалось Польши, ситуация в которой по-прежнему оставалась напряжённой, так как платить по внешнему долгу становилось все труднее и труднее.

Отказ от «доктрины Брежнева» в тех условиях по существу означал отказ от борьбы за сохранение своего влияния в Центральной Европе, т.е. предоставление странам этого региона возможности повернуться лицом к Западу.

Заключение договора о неприменении силы, несомненно, имело бы своим следствием вывод советских войск из Афганистана и отказ от военной помощи другим странам.

По свидетельству Н.И. Рыжкова, при Ю.В. Андропове рассматривался также вопрос о вступлении СССР в МВФ и ГАТТ[2], т.е. вопрос об интеграции СССР в мировую экономику.

Таким образом, тот прогноз, который на рубеже 1983–1984 гг. сделал А. Голицын о будущей политике нового генсека, не был лишён оснований. А это значит, что не был лишён оснований и тот ореол «либерала», который начали создавать вокруг имени Ю.В. Андропова западные средства массовой информации.

Можно встретить мнение, что после смерти Ю.В. Андропова в феврале 1984 г. начатая им работа по подготовке перестройки была остановлена. Однако это не соответствует действительности.

В качестве примера можно указать на деятельность Комиссии Тихонова, которая была создана уже при К.У. Черненко[3] и которая к весне 1985 г. подготовила «Концепцию совершенствования хозяйственного механизма предприятия»; в её основе лежала идея о ***переходе к многоукладной рыночной экономике***[4]. По утверждению Н.И. Рыжкова, который принимал участие в её разработке, планировалось оставить в руках государства 50% собственности, 30% должна была составлять корпоративная собственность, 20% — индивидуальная[5].

Рассмотренный материал свидетельствует, что к 1982 г. в руководстве страны уже были люди, которые готовы были к тому, чтобы сломать советскую систему. При этом намечались две группировки: одну можно назвать технократической, другую — криминальной. Первая стремилась к тому, что получило название рыночного социализма, вторая — к полной ликвидации государственной собственности и советской системы. До 1985 г. группировки взаимодействовали, причём первая играла ведущую роль. После 1985 г. между ними развернулась борьба, которая привела к победе второй группировки.

---

[1] Там же.

[2] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. Москва. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

[3] Островский А.В. Кто поставил М.С. Горбачёва? С. 398–405.

[4] Там же. С. 223–224, 226, 241, 397–405.

[5] Запись беседы с Н.И. Рыжковым. 22 июня 2009 г. // Архив автора.

Глупость или измена

11 марта 1985 г. новым генсеком стал М.С. Горбачёв.

Есть основания предполагать, что М.С. Горбачёв начал сотрудничать с органами государственной безопасности ещё в студенческие годы. В 1966 г. рассматривалась возможность назначения его начальником Управления КГБ по Ставропольскому краю, а в 1969 г. — заместителем председателя КГБ СССР. В 1978 г. Ю.В. Андропов способствовал выдвижению М.С. Горбачёва в Москву на пост секретаря ЦК КПСС, а когда стал генсеком, сделал его если не вторым, то третьим человеком в руководстве партии. Именно КГБ содействовал тому, чтобы после смерти К.У. Черненко М.С. Горбачёв стал его преемником[1].

Широко распространено мнение, будто бы М.С. Горбачёв и его команда пытались реформировать советское общество чуть ли не вслепую.

«Никакой программы перестройки не было, — писал бывший шеф КГБ СССР Владимир Александрович Крючков. — Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собою этот замысловатый лозунг. ***Попытки выяснить***, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные и перспективные задачи решаем, ***наталкивались*** на многословие Горбачёва, а то и ***на глухую стену молчания***»[2].

Отрицает существование программы перестройки и один из ближайших сподвижников М.С. Горбачёва Вадим Андреевич Медведев: «В дискуссиях последних лет часто звучит вопрос: имел ли Горбачёв, начиная перестройку, её программу? Конечно, тщательно разработанной по всем пунктам и подпунктам программы не было, да и не могло быть. ***Была сумма идей, на основе которых постепенно формировался новый политический курс***»[3].

На этом же настаивал другой сподвижник генсека Александр Николаевич Яковлев. Причём он утверждал, что «преобразования в 1985 году начались ***без плана и даже без идей***». «Что касается плана, — разъяснял Александр Николаевич, — то его и не могло быть. Кто в то время мог принять “план” коренной реформации общественного строя, включавший в себя ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности? Кто? Аппарат партии и государства? КГБ? Генералитет?»[4].

Однако, как установлено, придя к власти, М.С. Горбачёв немедленно собрал в своём ближайшем окружении предложения по реформированию страны, а затем создал специальную рабочую группу под руководством А.Н. Яковлева и поручил ей составление концепции перестройки.

А.Н. Яковлев с лета 1983 г. возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Общее представление о той позиции, которую он занимал на заре перестройки, дают два вышедшие из-под его пера и «относящиеся к декабрю 1985 г.»[5] документа. Представляя их в 2001 г. читателям, А.Н. Яковлев

---

[1] Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? С. 473–477, 502–515.

[2] Крючков В.А. Личное дело. Ч. 1. М.. 1997. С. 257. См. также: Там же. С. 292.

[3] Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 29–30.

[4] Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 376. См. Так же: Яковлев А.Н. «Нам приходилось лгать и лицемерить» // Вечерняя Москва. 2001. 11 июля.

[5] Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. М., 2008. С. 779.

писал: «Один — из моего архива, другой — из архива Горбачёва»[1]. Один опубликован под названием «Тезисы об основных слагаемых перестройки»[2], другой — под названием «Императив политического развития»[3].

В первом из них, который можно назвать «манифестом перестройки» или же программой-максимум, А.Н. Яковлев характеризовал марксизм как «неорелигию, подчинённую интересам и капризам абсолютистской власти, которая десятки раз возносила, а потом втаптывала в грязь своих собственных богов, пророков и апостолов»[4]. Считая, что «политические выводы марксизма неприемлемы для складывавшейся цивилизации», автор названного документа предлагал отказаться не только от марксизма и социализма. «Речь идёт…, — писал он, — о замене тысячелетней модели нашей государственности»[5]. Главной целью перестройки, по его мнению, должна была стать реставрация частной собственности, которая привела бы к «рыночной экономике» и «своеобразной деиндустриализации страны»[6],

Во втором документе намечались некоторые конкретные шаги, направленные на достижение конечных целей: освобождение партии от хозяйственных и других государственных функций, переход к двухпартийной системе, введение альтернативных выборов, децентрализация управления, «осуществление права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение», переход к полному хозяйственному расчёту, «трансформация монополии внешней торговли» и т.д.[7]

Концепция перестройки под названием «Предложения по реформированию экономии и политической системы» (32 с.) была составлена не ранее 18 марта и не позднее 23 апреля[8].

14 декабря 1997 г. на страницах «Minneapolis Star-Tribune» М.С. Горбачёв заявил, что общий смысл перестройки сводился к следующему: а) «ликвидация монополии государственной собственности», б) «раскрепощение экономической инициативы и признание частной собственности», в) «отказ от монополии коммунистической партии» на власть и идеологию, г) «плюрализм мысли и партий», д) «реальные политические свободы», е) «создание основ парламентаризма»[9]. Эти цели полностью соответствовали той концепции перестройки, которая была разработаны весной 1985 г.

---

[1] Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001. С. 242.

[2] Там же. С.242–246; Тезисы А.Н. Яковлева об основных слагаемых перестройки // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. Составитель А.Н. Яковлев. М., 2008. С. 63–69.

[3] Яковлев А.Н. Омут памяти. С. 246–250; Записка А.Н. Яковлева М.С. Горбачёву «Императив политического развития» о необходимости всестороннего реформирования советского общества» // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. С. 28–38.

[4] Тезисы А.Н. Яковлева об основных слагаемых перестройки // Там же. С. 64.

[5] Там же. С. 64–65.

[6] Там же. С. 66–68.

[7] Записка А.Н. Яковлева М.С. Горбачёву «Императив политического развития» о необходимости всестороннего реформирования советского общества // Там же. С. 28–38.

[8] Запись беседы с М.Н. Полтораниным. 2 октября 2012 г. // Архив автора.

[9] Jahnson D. From Stagnation to Perestroika to Chaos. By Mikhail Gorbachev // Minneapolis Star-Tribune. 1997. 14 December (http://cdi.org/russia/johnson/1435.html##1). Цитируется в переводе: Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 18.

В своей книге «Глупость или измена. Расследование гибели СССР» я выдвинул версию о том, что, начиная перестройку, М.С. Горбачёв и его ближайшее окружение ставили перед собою цель не создание социализма с человеческим лицом, как это провозглашалось, а вхождение СССР в «общеевропейский дом».[1]

О том, что эта версия не лишена оснований, свидетельствует дневник ближайшего помощника М.С. Горбачёва Анатолия Сергеевича Черняева, который 21 января 1990 г. записал: «Всё очевиднее, что поначалу общеевропейский дом будет без нас»[2].

Это означает, что генсек и его окружение действительно ставили перед собою задачу вхождения советской страны в «общеевропейский дом». Об этом свидетельствует и подписание СССР в январе 1989 г. Венской конвенции, признавшей приоритет международного законодательства над национальным[3], и публикация в январе 1988 г. на страницах «Правды» статьи «Мировое сообщество управляемо»[4], означавшей готовность советского руководства присягнуть мировому правительству, и разработка концепции «общеевропейского дома», обсуждавшейся на заседании Политбюро ЦК КПСС в марте 1987 г.[5]

Между тем необходимо понять: достижение этой цели было невозможно при сохранении советского блока и Советского Союза в прежнем его виде. Поэтому вхождение нашей страны в общеевропейский дом предполагало ликвидацию «мировой системы социализма» (вместе с Советом экономической взаимопомощи и Организаций Варшавского договора), расчленение СССР (по другому — превращение его в конфедерацию), приватизацию государственной собственности, отказ от монополии партии на власть и идеологию, переход к альтернативным выборам и многопартийности.

Именно в этом направлении и намечала реформирование страны разработанная весной 1985 г. концепция перестройки.

18 апреля 1985 г. М.С. Горбачёв познакомил со своими «планами перестройки советской экономики» прибывшего в Москву директора Вестминстерского банка Фридриха Вильгельма Кристианса. Вестминстерский банк хотя и считался тогда английским, давно принадлежал к числу международных банков, входящих в финансовую империю Ротшильдов. Ф.В. Кристианс принадлежал также к руководству Дойче банка[6].

5–6 октября 1985 г. М.С. Горбачёв совершил свой первый заграничный визит в качестве генсека и посетил Париж[7]. «После первой встречи и продолжительной беседы один на один с Горбачёвым в Елисейском дворце в октябре 85-го, — пишет бывший пресс-секретарь генсека А.С. Грачёв, — президент Франции Франсуа Миттеран сказал своим ближайшим советникам: “***У этого человека захватывающие планы***, но отдаёт ли он себе отчёт в тех непредсказуемых последствиях, которые может вызвать попытка их осуществления?”»[8].

---

[1] Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 36–48, 662–664.

[2] Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008. С. 838.

[3] Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 301.

[4] Шахназаров Г.Х. Мировое сообщество управляемо // Правда. 1988. 15 января.

[5] Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 159. См. также: Отвечая на зов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 321–362 (раздел «Европа — общий дом»).

[6] Там же. С. 41.

[7] Там же.

[8] Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001. С. 165.

«На Миттерана, — пишет А.С. Грачёв, — явно произвела впечатление решимость нового лидера подвергнуть критическому ***пересмотру все основные механизмы советской системы***»[1]. «Главное, чем он поразил и “воспламенил” социалиста Миттерана, пожалуй, ещё больше, чем суперконсервативную Тэтчер, был ***развёрнутый план внутреннего раскрепощения советского общества***»[2].

Выслушав эти откровения, Ф. Миттеран заявил: «Если вам удастся осуществить то, что вы задумали, это будет иметь всемирные последствия»[3].

Получается, что «концепция перестройки», известная только очень узкому круг лиц, близких к новому генсеку, утаённая от руководящих органов партии, до сих пор скрываемая от нас, готовилась для рассмотрения за пределами страны.

Известный нам материал показывает, что исчезновению Советского Союза с карты мира предшествовали: а) возникновение и обострение экономического кризиса, б) ослабление союзной власти и постепенная утрата ею контроля за происходящими событиями, в) рост оппозиционного, в том числе национального движения, возрастание его влияния и постепенный захват им власти на местах, г) крах прежней идеологии и распространение новых идеологических ценностей.

Возникает соблазн рассматривать гибель СССР как результат развития этих и некоторых других, подобных же процессов. Однако такой подход к данной проблеме был бы допустим только в том случае, если бы названные процессы имели спонтанный характер.

Между тем, как уже отмечалось, даже М.С. Горбачёв и его ближайшие сподвижники признают, что к 1985 г. экономического кризиса в стране ещё не было. Следовательно, он возник и стал приобретать катастрофический характер лишь в годы перестройки. И хотя его предпосылки складывались в предшествующую эпоху, политика реформаторов вела не к подавлению кризисных тенденций, а к их стимулированию.

Это были: 1) антиалкогольная кампания, пробившая первую серьёзную брешь в бюджете страны, 2) отказ от монополии внешней торговли, во многом способствовавший возникновению отрицательного внешнеторгового сальдо, что ещё сильнее било по бюджету и способствовало росту внешнего долга, 3) экономическая реформа 1987 г., стимулировавшая сокращение производства, подтолкнувшая рост инфляции и тоже ударившая по бюджету, 4) создание кооперативов, положившее начало приватизации государственной собственности и легализации криминального капитала, открывшее возможность для перекачивания государственных средств в частный сектор.

Та группировка, которая объективно выражала интересы формировавшейся подпольной буржуазии, с самого начла пошла на союз с иностранным капиталом и, опираясь на его поддержку, сумела оттеснить, а затем и разгромить технократическую группировку. Особенно острый характер эта борьба приобрела в 1990 г. при обсуждении программы «500 дней», одна из целей которой заключалась в том, чтобы легализовать теневой капитал и предоставить ему возможность скупить государственную собственность[4].

---

[1] Там же. С. 165.

[2] Там же. С. 183.

[3] Там же. С. 184.

[4] Островский А.В. О предпосылках крушения советской системы // Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования. М., 2013. С. 285–293.

Подобный же искусственный характер имели развивавшиеся в стране политические процессы. Взятый руководством партии курс на децентрализацию экономики сопровождался децентрализаций управления — резким ослаблением союзных и усилением республиканских органов. Дестабилизирующую роль в тех условиях играло самоотстранение КПСС от власти, что имело следствием утрату оперативного контроля над экономическими и политическими процессами в масштабах всей страны. Причем и первое, и второе проводилось «архитекторами перестройки» целенаправленно, поскольку итогом задуманной ими политической реформы должно было стать превращение СССР в конфедерацию.

Между тем исторический опыт свидетельствует: конфедерация как форма государственного устройства — это не только редкое явление, но и переходная форма или к федерации, если на конфедеративной основе объединяются независимые государства, или к совокупности независимых государств, если на конфедеративную основу переходит федерация. Следовательно, превращение СССР в конфедерацию представляло собою закамуфлированное разрушение союзного государства.

Можно было бы допустить, что складывание экономического кризиса и ослабление центральной власти имели своим следствием рост массового недовольства в стране и консолидацию оппозиции, которая, вопреки желаниям «архитекторов перестройки», ещё больше дестабилизировала ситуацию в стране и сделала развивающиеся процессы неуправляемыми.

Однако, как было показано, решающую роль в разжигании массового недовольства, в провоцировании национальных конфликтов и организации оппозиции как в центре, так и на местах играли ЦК КПСС и КГБ СССР. Причём начало этой деятельности относится к 1987–1988 гг., т.е. к тому времени, когда экономический кризис только зарождался, а политическая реформа только планировалась.

Это означает, что «архитекторы» перестройки специально вызывали к жизни разрушительные социальные и политические силы.

Более того, факты свидетельствуют, что СССР не развалился, а был расчленён, причём форсированно и с грубейшим нарушением действовавших законов. Особенно это касается периода с 19 августа по 26 декабря 1991 г., когда в республиках развернулся захват союзной собственности и средств массовой информации, искусственное разрушение союзных государственных структур. По сути дела это был растянувшийся на четыре месяца ползучий государственный переворот.

Именно к 1987–1988 гг., то есть к тому времени, когда планировалась политическая реформа и страна ещё находилась на пороге экономического кризиса, относится начало идеологического перевооружения общества, осуществлявшееся руководством партии под знаменем идеи гласности. Началось оно с критики сталинизма, закончилось дискредитацией марксизма и советской власти.

«Гласность, — пишет Ф.М. Бурлацкий, — стала едва ли не главным тараном, разрушившим коммунистическую систему». «“Огонек”, “Московские новости” и “Литературная газета”, а вслед за ними — и новые издания и во многом телевидение раскачивали общественное мнение и ***направляли недовольство*** против системы власти»*[1].

[1] Настоящая работа издана после кончины А.В. Островского. Источники этой и ряда следующих ссылок (до Заключения) не удалось установить. В тексте эти ссылки отмечены звёздочкой. Зная исключительную научную честность, а также щепетильность А.В. Островского в цитировании, мы не сомневаемся в точности цитат. – *Прим. ред.*

Таким образом, все те факторы, которые привели СССР к гибели, были приведены в действие «архитекторами перестройки».

Нет, утверждает А.С. Ципко: «Команда Горбачёва, за ***редким исключением***, не сознавала, что на самом деле своей политикой гласности стимулирует контрреволюцию»*.

Оставляя слова о «редком исключении» на совести А.С. Ципко, обратимся к воспоминаниям А.Н. Яковлева, возглавлявшего в 1985–1988 гг. Отдел пропаганды ЦК КПСС. Неужели и он не понимал, что делает?

Объясняя свою позицию в этом вопросе, Александр Николаевич писал: «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще»*.

«Советский режим, — пишет, во многом повторяя А.Н. Яковлева, один из руководителей латышской оппозиции Я. Видиньш, — можно было разрушить только с помощью гласности и партийной дисциплины, прикрываясь фразами о преобразовании социализма». Поэтому сначала, по его словам, удар был направлен по Сталину, потом по Ленину, потом по всей советской системе*.

Для успешной реализации планов «перестройки» нужна была массовая поддержка. А поскольку к середине 1980-х годов диссидентское движение было немногочисленным и наиболее активные её группы были разгромлены, на сцене появляются новые силы, получившие название «неформалов».

Летом 1993 г. я встретился в Москве с бывшим инструктором одного из московских райкомов партии Николаем Ивановичем К. На первый же вопрос, который был задан мною: «Чем Вы занимались в годы перестройки?», Николай Иванович ответил: «Зубатовщиной» и рассказал, как участвовал в создании неформальных организаций в Москве. Причём, по его словам, первоначально совершенно искренне, так как думал, что речь идёт об очищении советского общества от поразившей его скверны. И только потом стал понимать, куда «перестройка» ведёт на самом деле.

В моей книге «Глупость или измена: расследование гибели СССР» показано, что все или почти все неформальные организации, в том числе народные фронты, создавались по инициативе и при участии двух учреждений: ЦК КПСС и КГБ СССР.

Чем руководствовались реформаторы?

В поисках ответа на этот вопрос следует обратить внимание, что с самого начала перестройки советским руководством был провозглашен лозунг «Европа — наш общий дом» (1985 г.), затем была разработана и утверждена Политбюро ЦК КПСС концепция «общеевропейского дома» (1987 г.), признана возможность единого планетарного руководства миром (1988 г.) и, наконец, подписана Венская конвенция, провозгласившая верховенство международного права над национальным (1989 г.).

В связи с этим представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу. Перестройка была задумана как подготовка к вхождению советской страны в мировую экономику и созданию не только «общеевропейского дома», но и «нового мирового порядка».

Для этого, как уже отмечалось, требовалось, чтобы: а) СССР отказался от своих сфер влияния, б) были ликвидированы СЭВ и ОВД, в) изменился экономический, политический и духовный облик советской страны, г) произошло разделение СССР на более мелкие государства.

И действительно, рассмотренный материал свидетельствует, что к началу перестройки у М.С. Горбачёва имелся общий замысел реформ, цель которых заключалась в ликвидации Советского Союза как государства-корпорации.

«Замысел, — признался бывший генсек в 1992 г., — был собственно в том, чтобы сломать хребет тому тоталитарному монстру, который у нас стали называть Административной Командной Системой»*.

Для достижения этой цели планировалось: произвести приватизацию государственной собственности и восстановить многоукладную рыночную экономику; отстранить КПСС от власти и создать многопартийную политическую систему; отказаться от монополии «марксистско-ленинской» идеологии и перейти к буржуазной идеологии западного образца; передать собственность и власть из центра в республики и превратить СССР в конфедерацию или содружество; встать на путь разоружения и отказаться от сфер влияния за рубежом, прежде всего в странах Восточной Европы.

Если принять эту версию, политика М.С. Горбачёва и его ближайшего окружения приобретает определённый смысл. Весь вопрос заключается только в том, от кого могла исходить такая программа и понимали ли реформаторы, к чему может привести ее осуществление?

Может быть, М.С. Горбачёв и его соратники не понимали, какими последствиями обернется для страны «отречение» КПСС от престола? Для ответа на этот вопрос следует вспомнить, как в 1984 г. М.С. Горбачёв выступал против передачи реальной власти от партии к советам. «***Ведь, у нас***, — говорил он, — ***нет механизма, обеспечивающего саморазвитие экономики***… В этих условиях, ***если первые секретари партийных комитетов отдадут экономику на откуп хозяйственникам*** — у нас ***всё развалится***»*.

Следовательно, если, понимая это, став генсеком, М.С. Горбачёв сразу же поднял вопрос о необходимости разделения властей, которое он сам позднее назвал «отречением от престола», значит, он сознательно взял курс на разрушение советской системы.

Может быть, «архитекторы перестройки» не понимали, чем обернётся реформирование СССР по тому варианту, который был ими избран?

Ответ на этот вопрос дают уже приводившиеся признания А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе, которые были сделаны ими в беседе с бывшим директором Агентства национальной безопасности США У. Одомом: «Они знали, что Советский Союз разрушится»*.

Понимал это и М.С. Горбачёв. Вспомним, как в 1987 г. он отговаривал В.И. Воротникова от создания Коммунистической партии РСФСР, утверждая, что это будет первым шагом на пути развала СССР, и как в 1989–1990 гг. эта же идея реализовывалась под его руководством.

Может быть, реформаторы думали, что распад СССР откроет перед бывшими советскими республиками возможность для более успешного развития? Выступая 14 июля 1989 г. на заседании Политбюро, М.С. Горбачёв заявил: «***Все проработки, которые до сих пор сделаны, приводят к выводу: распад на многие годы выбьет из колеи все нации***»*.

А вот его же прогноз, сделанный весной 1990 г.: «Меня воодушевляет, что нынешние поколения… нашли в себе силы взять на себя ответственность за карди-

нально новое общественно-историческое решение, невзирая на невероятные политические, экономические, психологические ***трудности***, которые нас ждут на этом пути. ***Всё ещё впереди, в том числе и главные трудности***»*.

О том, какие трудности М.С. Горбачёв видел впереди, мы уже знаем. Вспомним его выступление 12 октября 1987 г. в Ленинграде на Марсовом поле, где он напоминал ленинградцам о блокаде. 9 января 1991 г., если верить Ф.Д. Бобкову, Михаил Сергеевич сказал В.А. Крючкову: «Внуков жалко»*. Значит, понимал, что начатая им перестройка не даст благотворных результатов ни в ближайшем, ни в отдалённом будущем.

Может быть, такой прозорливостью отличался только генсек? Нет. Вот что записал в дневник 15 ноября 1990 г. А.С. Черняев: «***Разрушить прежнюю систему без хаоса невозможно***. Но люди не хотят расплачиваться за 70 лет преступной политики. И никогда не поймут, почему, чтобы стать цивилизованной страной в конце XXI в., надо пройти через голод, развал, разгул, преступность и прочие наши прелести»*.

Однако речь шла не о превращении СССР в «цивилизованную страну». В то самое время, когда А.С. Черняев писал приведённые строки, МВФ и другие международные структуры уже имели план перевода советской экономики на рыночные отношения, предусматривавший ***деиндустриализацию*** советских республик и превращение их в сырьевой придаток мировой экономики*.

Показательно, что А.Н. Яковлев тоже видел одну из главнейших задач начатых преобразований в деиндустриализации3817. Между тем деиндустриализация, если перевести этот термин на более понятный язык, означает уничтожение промышленного потенциала и связанной с ним инфраструктуры, т.е. питающих его энергетических мощностей, обслуживающих его транспортных путей, готовящей для него специалистов системы среднего и высшего профессионального образования, работавших на него конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов и т.д.

«Самый главный герой перестройки М.С. Горбачёв, — отмечал позднее В.И. Воротников, — в своих интервью с середины 1992 г. нагло и бессовестно заявляет, что весь “демократический переворот” он так и замышлял с самого начала, но скрывал это, двигаясь по этапам. Иначе, заявляет он, “если б я тогда провозгласил конечную цель, то меня неминуемо свергли”. До какого же чудовищного цинизма по отношению к своей стране и к своему народу надо дойти, чтобы делать такие заявления»*.

Более откровенно признавался в этом А.Н. Яковлев.

«В конце концов я пришел в одному выводу: этот строй можно взорвать только изнутри, используя его тоталитарную пружину — партию. Используя такие факторы, как дисциплина и воспитанное годами доверие к Генеральному секретарю»3821. А вот его слова из другого интервью: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал к чему дело идет»*. «Советский тоталитарный режим, — признавался он, — можно было ***разрушить*** только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, ***прикрываясь*** при этом интересами совершенствования социализма»*.

«С самого начала перестройки, — пишет Ф.Д. Бобков, — всё делалось продуманно и неторопливо, наши лидеры понимали: если сразу объявить свою конечную цель — заменить социалистический строй и распустить компартию — нетрудно себе представить, какое это вызвало бы народное негодование»*.

Заключение

Подводя итоги революции в России и констатируя её неудачу как революции социалистической, Л.Д. Троцкий предсказал две возможные перспективы: или новая революция или реставрация капитализма. Причём реставрация была возможна не только в результате интервенции, но и в результате перерождения партийно-советского аппарата.

Последующее развитие событий полностью подтвердило сделанный прогноз. В связи с этим стоящая перед исследователями задача заключается в выяснении того, как происходило перерождение советской элиты и как внутри нее зрели реставрационные устремления.

А поскольку А.И. Солженицын был проектом советских спецслужб и они не только контролировали, но и направляли его деятельность, её можно рассматривать как отражение той закулисной борьбы, которая шла после смерти И.В. Сталина в верхах советского общества.

«После смерти Сталина, — пишет Ф. Раззаков, — КГБ активно помогал высшему руководству СССР создавать в стране государственно-монополистический капитализм нового типа. Вот почему с конца 50-х годов (с хрущёвской оттепели), в стране начала активно формироваться новая буржуазия прозападного толка. Именно ей отводилась роль того мостика, который должен был помочь высшему советскому истеблишменту войти в мировую элиту»[1].

Провозглашенная в 1917 г. диктатура пролетариата уже в 1918 г. превратилась в диктатуру партии, диктатура партии — в диктатуру вождей, которые вынуждены были маневрировать между интересами крестьянства и рабочих, между интересами народа и международного финансово-промышленного капитала[2].

Л.Д. Троцкий, который изнутри знал реальное положение дел в стране, писал в 30-е годы, что советский пролетариат «всё ещё остается угнетённым классом». «***Источником угнетения является мировой империализм, передаточным механизмом угнетения — бюрократия***»[3].

---

[1] Раззаков Ф. Другой Владимир Высоцкий. М., 2011.

[2] Троцкий Л.Д. Нерабочее и небуржуазное государство? // Бюллетень оппозиции. 1938. № 62/63. С. 19.

[3] Там же.

Что конкретно скрывалось за этим утверждением Л.Д. Троцкого, ещё предстоит выяснить. Однако есть основание думать, что те финансово-промышленные группировки Запада, которые отнюдь не бескорыстно сначала помогли большевикам прийти к власти и победить в гражданской войне[1], а затем участвовали в стройках первых пятилеток[2], получили возможность оказывать влияние на политику советского государства[3].

В результате на определённом этапе развития советского общества стал складываться своеобразный союз между стремящейся к реставрации частью советской партийно-государственной элиты и сотрудничавшим с нею в разных сферах деятельности иностранным капиталом[4].

Не в этом ли заключается объяснение, почему о смерти А.И. Солженицына скорбели как в Кремле, так и в Белом доме?

Кто-то предложил после смерти писателя поставить ему памятник в Москве вместо поверженного памятника Дзержинскому. Полностью поддержал бы эту идею, если бы не сомневался, что правильнее: поставить его на Лубянке под окнами ФСБ или в Лэнгли под окнами ЦРУ.

---

[1] Дипломат в одеждах арестанта: из берлинских воспоминаний Карла Радека // Там же. Вып. 1. С. 84–139. Ашберг У. Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира» // Там же. Вып. 2. С. 3–94. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.

[2] Sutton A. C. Western Technology and Soviet economic Development. Vol.1. 1917 to 1930. Stanford. 1968. Vol. 2. 1930–1945. Stanford. 1971.

[3] В связи с этим заслуживает внимание свидетельство известного советского ученого электротехника Льва Термена: «Самым, пожалуй, интересным, — вспоминал он, — была организация прослушивания квартиры Сталина». «В его рабочем столе и в разных частях его квартиры государственной безопасностью были установлены специальные микрофоны» (Механик Лев Термен. «Я подслушивал Кремль» (беседу вел Д. Лиханов) // Совершенно секретно. 1991. № 4. С. 30). Интересно, кто мог подслушивать Сталина?

[4] Позвонивший мне после выхода в свет книги «Солженицын: прощание с мифом» К.В. Хенкин сказал, что его давно удивляла согласованность в действиях КГБ и ЦРУ за границей (Запись беседы с К.Хенкина. Мюнхен- С-Петерубрг. По телефону. 1974 г. // Там же. См. также: Дипломат в одеждах арестанта: из берлинских воспоминаний Карла Радека // Там же. Вып. 1. С. 84–139. Ашберг У. Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира» // Там же. Вып. 2. С. 3–94. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.

К.А. Черемных

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ШИФРЫ ЭПОХИ

Опыт расплетения узлов идеологии, клиники и конъюнктуры

Черемных Константин Анатольевич —
аналитик

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Новый пролеткульт у храма науки	534
2. Территория большой психиатрии	544
3. Спрос на патологию	547
4. Пленник мысленного шара	552
5. Откуда у Фрейда арийская грусть?	559
6. Мексиканские страсти Варбурга	564
7. Кредо и страхи семьи Джорджа Сороса	568
8. Мечты и искушения одного эрцгерцога	577
9. Странный протеже странного лорда	583
10. Второе дно ревизионизма	587
11. Этот дивный галлюцинаторный мир	594
12. Гендерный язык заговорщиков	597
13. По ту сторону советского схизиса	603
14. Ещё один «план Даллеса»	611
15. Семейное бредообразование и глобальная идеология	616
16. Неприкаянные мегаломаны	523
17. Тупик Виленского	633
18. Подвижники и короеды	641
19. Тезисы о цивилизационном иммунитете	644

1. Новый пролеткульт у храма науки

Сегодняшнее поколение мировых бунтовщиков многим отличается от поколения рубежа XIX–XX веков. В частности, оно не приучено к напряжению интеллекта в библиотечной зале, равно как и к напряжению мускулов за ротапринтом: и то, и другое заменяет компьютер, привычный, как очки или зубная щетка.

Однако у нового поколения амбиций не меньше, чем у интеллигенции, строившей диктатуру пролетариата. Если вы думаете, что их единственная страсть — свержение всех и всяческих авторитарных режимов, то вы ошибаетесь. То, что может показаться политическим средством — например, защита Pussy Riot или Химкинского леса, — фактически является частью великой (в их представлении) цели. Вхождение в светлое (в их представлении) будущее предполагает революцию далеко не только в политике.

Как политические, так и культурные революционные интенции этого поколения, в отличие от их предшественников, фактически не являются никаким новым словом — иначе бы у них не ходил в кумирах Борис Акунин, автор легко усваиваемых бутафорий из do-it-yourself декораций светской жизни полуторастолетней давности. В сфере материальной культуры их точкой отсчёта является поздний нигилизм, волей судьбы оказавшийся на обочине мировых потрясений, поскольку творцы XX века отвергли это направление (Пролеткульт и др.) как бесплодное и, соответственно, никчемное.

Они берутся исправить досадную (в их представлении) ошибку истории. На портале «OpenSpace», который взял на себя резервные функции во время «судьбоносного» марша миллионов 12 июня 2012 г., размещена обширная апологетическая статья о Казимире Малевиче, который был не понят идеологами и практиками пролетарской революции. Вместо того чтобы полностью уничтожить классическую литературу, архитектуру и музыку, оппортунистические (в их представлении) народные комиссары решили сохранить наследие прежних веков, и более того — фуй, фуй! — взяли его на вооружение.

Но это не единственная ошибка, которую бунтари сегодняшнего дня хотят исправить.

Екатерина Евгеньевна Мень, филолог, литератор и самодеятельный психолог (точнее, по честному признанию, — ретранслятор достижений западной психологии), а также активист «болотной революции», заявила на своей странице в ЖЖ, что преодоление тоталитаризма необходимо также в области отечественной психиатрии (1). В этой сфере аналогом «Рафаэля», которого нужно сжечь «во имя нашего завтра», объявлен концепт академика АМН СССР Андрея Владимировича Снежневского о субстрате и процессе (nosos et pathos) шизофрении.

Предшествующее поколение ниспровергателей тоже революционизировало одновременно агрономию и языкознание, не обязательно обладая систематизированным образованием в этих сферах. Однако, взявшись за ту или иную область, то поколение яростно вгрызалось в гранит отраслевых знаний и обязательно привлекало специалистов-попутчиков, прежде чем что-либо ниспровергать. Помимо этого, в самом целеполагании их отраслевых переворотов — удачных и неудачныхё— была логическая последовательность. При этом они не ретранслировали, а хотя бы пытались либо изобретать новое, либо до неузнаваемости переделывать существующее — о чём свидетельствует цитируемое ниже субъективное, но добросовестное исследование истории психоанализа в Советской России, произведённое А.М. Эткиндом.

Филолог и литератор Е.Е. Мень по каким-то причинам занялась проблемой детского аутизма. Я не буду высказывать предположений о побуждающем мотиве, поскольку давал в 1984 г. клятву Гиппократа, обязывающую к этике и деонтологии в профессиональной деятельности — и, соответственно, при использовании профессиональных знаний. (По тем же причинам ниже в тексте будут встречаться аббревиатуры вместо имён живых людей или людей, у которых живы близкие родственники. Оговорюсь сразу, что эти принципы я намеренно, произвольно (arbitrarily) не распространяю на глобальный истеблишмент и специально объясню, почему.)

В эфире телеканала «Дождь» Екатерина Евгеньевна с высоты знаний, почерпнутых у непререкаемо авторитетных для неё западных специалистов, утверждала, что все дети-аутисты а) на самом деле хотят говорить и б) не говорят потому, что не могут справиться с собственными эмоциями. Из этого допущения прямо следует, что любого ребенка-аутиста можно компенсировать с помощью психологических (немедикаментозных) средств. Речь идёт исключительно о компенсации — посредством создания вокруг этих детей супердеонтологической, то есть оранжерейной среды. Стремиться к излечению, согласно авторитетам госпожи Мень, вовсе не нужно. Эта ненужность обосновывается неологизмами, ловко переведёнными на русский: «нейротипики» — это обычные люди, «нейроотличные» — это аутисты. Двойное значение слова «отличный» в русском языке привносит ноу-хау: быть аутистом лучше, чем нормальным человеком. Ergo не следует извлекать аутиста из его особого мира: пусть там живёт.

Я не зря так подробно излагаю теорию, позаимствованную Екатериной Евгеньевной у современных якобы учёных. На самом деле это не учёные, а функционеры. Они в той же степени не-специалисты в психологии, не говоря уже о клинической психиатрии, в которой защитник абстрактных прав человека в Чечне — не специалист по культуре Чечни. Функционер, находящийся на службе глобального управленческого аппарата, в данном случае из системы современной Всемир-

ной организации здравоохранения (ВОЗ), стрижёт под одну универсальную гребенку абсолютно разные клинические состояния, не считая нужным разбираться в их причинах и даже в их содержании.

Поясняю: аутизм — это не заболевание, а синдром. Он возникает по разным причинам и имеет разные исходы. Рассматривать этот синдром вне других синдромов — значит априорно отказываться от установления диагноза. Что это означает на практике? Это означает, например, что если аутичный ребенок, помимо нарушений общения, страдает нарушениями восприятия — например, слуховыми галлюцинациями, то мы можем об этом узнать посредством суррогатов речевого контакта (предлагаемых авторитетными для г-жи Мень функционерами), а можем не узнать. А поскольку мы заведомо отказываемся от диагностики и лечения основного заболевания, то мальчик или девочка как ходит с «голосами», так и будет ходить. А «голоса» могут что-нибудь приказать сделать. Не обязательно доброе. Не обязательно с собой — может быть, с мамой. Я не стал бы об этом говорить, если бы с этим не встречался в клинике.

Когда в процессе разработки приоритетного национального проекта «Здравоохранение» узкие профессионалы правдами и неправдами старались включить тот или иной институт в программу, один особо ушлый нейрохирургический коллектив умудрился добиться включения в перечень высокотехнологических услуг имитацию операций на макете головы. Психологическое лечение аутизма неустановленного генеза — сродни лечению макета головы.

Какое отношение это имеет к выбрасыванию за борт революции академика Снежневского? Прямое. Потому что Андрей Владимирович Снежневский был классиком нозологической психиатрии. Того направления, которое стремится к поиску первопричины, и даже если эту первопричину сегодня установить невозможно — к отграничению одних состояний и процессов от других, которые по-разному возникают, протекают и лечатся. Сначала установи, что скрывается за фасадом синдрома, а потом уже лечи.

Почему мишенью революционерки стал именно академик Снежневский, а не кто-нибудь ещё? Потому что в конце 1980-х гг., в позднюю перестройку, в мировых, особенно британских и американских, СМИ была развёрнута кампания против так называемой карательной психиатрии, персонифицируемой (уже посмертно) интеллектуальным лидером советской психиатрической школы. Имя Снежневского было приравнено к «психиатрическому Сталину». За что? За гипердиагностику. То есть за наклеивание «ярлыка шизофрении» произвольно, по ничтожным основаниям и по поведенческим, в том числе политическим мотивам.

С чего эта кампания начиналась? С подписания Советским Союзом Хельсинского соглашения. Правда, в 1970-х гг. претензии к советской психиатрии у мировой общественности возникли не по поводу диагностики, а по поводу применения отдельных видов психотропных препаратов (галоперидола) к конкретным диссидентам Ковалеву и Плющу. Нельзя сказать, что это помогло другим диссидентам — Илье Габаю, Юрию Титову, Льву Лубману, Владимиру Данилову. Все они оказались на долгожданной воле наедине со своими психозами. И никто не составляет мартиролог из известных в узких кругах трагических исходов — итогов отказа от лечения.

В 1974 г. ленинградский судебный психиатр Марина Вайханская эмигрировала на Запад с запрятанной в багаж связкой историй болезни — «доказательством карательной медицины». Её супруг Виктор Файнберг неоднократно арестовывался за участие в политических протестных акциях, в том числе в знаменитой акции против ввода войск в ЧССР. Правда, в первый раз этот правозащитник лечился ещё в 1950-х гг., и диагноз «шизофрения» поставила ему профессор Раиса Яковлевна Голант, принадлежавшая отнюдь не к так называемой московской школе (склонной к широкому толкованию шизофрении), а к ленинградской (склонной, наоборот, к гипердиагностике). Голант, более того, числится в «жертвах Снежневского», о чём будет сказано ниже.

Чем закончилась эта история? Файнберг ни политиком, ни литератором не стал. Спустя много лет его видели в Париже в компании чеченского оппозиционера-эмигранта Ахьяда Идигова. Файнберг утверждал, что накануне специально подосланный агент ФСБ пытался проломить ему голову (комментарии лиц, которые его знают, были весьма выразительны) (2). Врач Вайханская сделала профессиональную карьеру психоаналитика. Для остальных последствия состояли в том, что в начале 1990-х гг., когда в России был страшный дефицит психотропных средств (большинство импортировалось из ГДР, ЧССР и союзной Югославии), директорам отечественных медицинским учреждений отказывали в поставке лекарств на том основании, что наша психиатрия недостаточно демократизирована.

Больше всего тогда не хватало антидепрессантов. Но в тот период некоторые новаторы из Независимой психиатрической ассоциации — я имею в виду её соучредителя Александра Пинхосовича Подрабинека — считали, что в росте суицидов ничего ужасного нет. Поскольку в любом случае один человек, то есть психиатр, не имеет права вмешиваться в частное решение другого человека, то есть больного, в частности, в решение о самоубийстве.

С тех пор многое изменилось как на фармацевтическом рынке, так и в головах. Независимые психиатры сами столкнулись на практике с последствиями «либерализации диагностики». Далеко не все больные, оказавшиеся от психиатрического наблюдения после того, как эксперты НПА признали их здоровыми или лёгкими невротиками, оказались им в итоге благодарны, не говоря об их родственниках. Оставшиеся без диагноза больные были автоматически выброшены из очереди на улучшение жилищных условий по медицинским показаниям, без льгот на покупку лекарств, которые стали многократно дороже, без пенсий по инвалидности.

Закон «О неотложной госпитализации», принятый под давлением озабоченного мирового сообщества, запретил недобровольно стационировать больных за исключением случаев, когда состояние пациента угрожает жизни его или окружающих. То есть если больной склонен к агрессии и/или суициду (депрессивно-бредовые больные иногда убивают вместе с собой родственников, чтобы спасти семью от грозящего всем, как им кажется, преследования или катастрофы — это называется расширенным суицидом), то согласия больного не требуется. А как быть в случае, если мир кажется в обострении цветущим и прекрасным, собственные возможности безграничными и скромный инженер отправляется в дорогой ресторан, по пути раздаёт деньги прохожим, а когда попадает в долги, беззаботно подписывает с малознакомым доброжелателем договор о продаже квартиры? Он ведь нико-

го не убивает, он, напротив, готов каждого встречного расцеловать. Его действия «всего лишь» опасны для экономического состояния его самого и его родственников. Но таких больных было не разрешено стационировать законом, принятым как раз в момент возникновения свободного рынка недвижимости.

Благодаря либеральному подходу к психиатрическому учёту, позволявшему теперь «освобождаться» от него по желанию, в райсоветы и облсоветы в 1990 г. было избрано множество граждан, ранее проходивших лечение у психиатра. Один такой депутат Ленсовета устроил в Мариинском дворце приёмную Богородичного центра, другой закрылся в кабинете с оружием и был извлечён оттуда санитарами. А депутат Выборгского райсовета П. выбросил с пятого этажа свою супругу, а затем умудрился (1992 год, демократия) с удостоверением проникнуть на борт самолета Петербург – Берлин, с которого также был извлечён.

Бунтарям 2010-х гг. уже неоднократно ставилось в упрёк желание вернуть Россию в 1990-е гг. Впрочем, литератор Екатерина Мень апеллирует к временам хрущёвской оттепели. Она нашла в 1960-х гг. антитезу тоталитарному Снежневскому в лице ленинградского профессора Андрея Сергеевича Чистовича, которого именует не больше и не меньше как «Вавиловым в психиатрии».

При этом революционерка ссылается на два текста: а) на редакционную статью в журнале Независимой психиатрической ассоциации за январь 2004 г. и б) на недавно переизданную полемическую книгу Чистовича «Психиатрические этюды».

Что же революционного написала редакция НПЖ в 2004 г.? Дословно следующее:

От редактора. Ю.И. Полищук, в течение многих лет работавший под руководством А.В. Снежневского, с полным основанием пишет о несправедливости утверждения, что концепция шизофрении Андрея Владимировича создала основу для злоупотребления психиатрией в политических целях. Такую основу создал тоталитарный режим, несовместимый ни с адекватным пониманием феноменологического метода (противоположного принципу партийности в науке), ни с правовой регуляцией психиатрической помощи. Концепция А.В. Снежневского послужила лишь удобным поводом для злоупотреблений. В 1917–1935 гг. она спасала от расстрела, в 1960–1980 гг. — служила дискредитации и подавлению правозащитного движения, т.е. нормальной самодеятельной социальной активности, идущей снизу. Если даже и ставить проблему таким образом, то она касается не концепции шизофрении А.В. Снежневского, а её ***догматического использования эпигонами****. Такая вульгаризация имеет место в отношении всех научных школ, именно она содействовала антинозологизму и антипсихиатрии.*

А.В. Снежневский — исторически, реально крупнейшая фигура отечественной психиатрии второй половины XX века: это и клиницист, и ученый, и лектор, и организатор, и создатель научной школы.

Но он ещё в полной мере и явление своей эпохи — эпохи Большого Террора, Павловской сессии, тоталитарного духа. Андрей Владимирович — квинтэссенция того и другого. Это Моцарт и Сальери в одном лице. Это Карл Шнайдер отечественной психиатрии. Надо знать, насколько и для немецких коллег это до сих пор крайне болезненный вопрос. Но наша ситуация совершенно другая. Она неизмеримо дальше от разрешения.

А.В. Снежневский — это узел по-прежнему самых острых и фундаментальных проблем — профессиональных, научных, этических... Значимость этих проблем так велика, а излом так глубок, что позволяет заглянуть и глубже и дальше по всему кругу проблем отношения каждого психиатра и психиатрии в целом с политикой и идеологией властей, с больными как «объектами диагностики» и «объектами реабилитации», с научными идеалами, с оппонентами, со своей собственной властью и самим собой.

Школа Т.И. Юдина, Л.М. Розенштейна, С.Г. Жислина и А.С. Кронфельда, тонкая профессиональная интуиция как результат постоянной клинической деятельности, проницательная опора на идеи Клауса Конрада и общих патологов — И.В. Давыдовского, С.Н. Давиденкова, на В.Х. Василенко позволили — вопреки неизбежной идеологизированности той эпохи — создать выдающуюся оригинальную концепцию и свою крупную школу в психиатрии. Это Рубен Наджаров и Таксиархис Пападопулос, Григорий Роштейн и Моисей Вроно, Марат Вартанян и Николай Жариков, Анатолий Ануфриев и Николай Шумский, Александр Тиганов, Анатолий Смулевич, Ирина Шахматова-Павлова и многие другие ныне здравствующие клиницисты.

Неоценимой заслугой А.В. Снежневского были издание классической монографии В.Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» и Т.И. Юдина «Очерки отечественной психиатрии» в 1951–1952 гг., активная поддержка Э.Я. Штернберга после его возвращения из ссылки. ***Поучительна борьба А.В. с паранаукой****. Но главное, в чем мы видим непреходящую заслугу А.В. Снежневского, что в решающий, критический для отечественной психиатрии момент, когда она* ***попала в трясину вульгарной физиологизации,*** *он удержал её в русле высокого клиницизма, верности лучшим отечественным традициям. Он собрал коллектив своего института по деловым качествам, не считаясь с анкетными данными.*

Однако А.В. Снежневский — грандиозный по размаху и драматизму урок для всех не только своими продуктивными вкладами, но и своей оборотной стороной диктатора и разрушителя. Глубоко неверно даже в юбилейной статье не очертить его теневые контуры, которые срослись с его продуктивным вкладом в историю отечественной психиатрии (...). Это искажённое понимание феноменологической школы К. Ясперса... Это авторство центрального доклада на Павловской сессии 1951 г., разгром неврологического («психоморфологического») направления в психиатрии (М.О. Гуревич, Р.Я. Голант, А.С. Шмарьян), а затем соматоинфекционного (А.С. Чистович, А.Л. Эпштейн), с сожжением сборника научных трудов Игренской психиатрической больницы под ред. А.Л. Эпштейна, уничижение психотерапевтического направления (за исключением С.И. Консторума). Это расширительная диагностика шизофрении, использованная для немедицинских целей, в том числе собственными руками, например, в экспертизе генерала П.Г. Григоренко (1964 г.). Это диктаторский образ правления, запечатлённый в самом его облике.

За несколько лет до смерти А.В. заглянул ей в лицо, — диагноз рака лёгкого преобразил этого железного человека: он начал сокрушаться, что в Павловскую сессию «наломал дров» и — более того — отступил от непререкаемого тона в отношении собственной концепции... О вкладе А.В. Снежневского можно сказать так

же, как о З. Фрейде: мы чтим автора, грандиозность его вклада, критикуем догматические редакции его концепции и боремся с издержками их практического использования (3).

Мы вернёмся к этому тексту. Но сразу отметим, что:

а) независимые психиатры признали, что А.В. Снежневский был не просто крупной, но выдающейся, системообразующей фигурой в отечественной психиатрии и значимой фигурой мировой науки. Это естественно: во-первых, большое видится на расстоянии, во-вторых, руководство по психиатрии под редакцией Снежневского (1983) — объёмистый белый двухтомник, аккумулировавший передовые достижения мировой нозологической психиатрии во всем комплексе, включая морфологию и иммунологию, остался непревзойдённым отечественным manual в этой дисциплине (4);

б) независимые психиатры считают, что (абстрактный) тоталитаризм несовместим с правовым регулированием психиатрической помощи. Но парадокс состоит в том, что в конкретных условиях сталинского СССР и были выстроены все системы медицинской помощи, зато распад СССР, мягко говоря, не расширил прав психически больных на лечение — учитывая минимальную платежеспособность этой категории, а о состоянии системы призрения инвалидов говорят регулярные пожары в интернатах со сгнившими коммуникациями;

в) независимые психиатры противопоставляют феноменологический метод «принципу партийности науки», который будто бы повсеместно внедрялся — где именно в медицине? У нас применялся партийный подход к туберкулезу или гангрене? Если речь идёт о психиатрии, где в учебниках сталинского времени хоть одна придуманная партией болезнь или отвергнутое партией лекарство? Отмена некоторых средств (сульфозин, амитал-натрий) — явление времен перестройки, во втором случае — абсолютно клинически неоправданное, зато отвечающее на политическое давление извне. Если это партийность, тогда какой партии? Республиканской партии США?

г) независимые психиатры признали, что учение Павлова («вульгарная физиологизация») была тормозом развития медицинской науки, но при этом нашли альтернативу Павлову в лице Фрейда, считая австрийского психолога «грандиозной фигурой»;

д) независимые психиатры признали и напомнили международным начётчикам, что психиатрический диагноз во многих случаях был спасением от уголовного преследования, в том числе от высшей меры. Но вот ограничение этого периода 1930-ми годами — либо заблуждение, либо подтасовка, либо невротическое (истерическое) вытеснение: здесь вижу, здесь не вижу.

Мне приходилось повторно освидетельствовать больного М., директора колхоза в Новгородской области, в сердцах обругавшего советскую власть и осуждённого по ст. 58 в 1951 г. Комиссия во главе с проф. Е.С. Авербухом признала его невменяемым на момент совершения преступления. Другое дело, что к гипердиагностике шизофрении этот случай не имел никакого отношения: М. был поставлен диагноз паранойяльной психопатии.

От ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду в начале 1980-х гг. в психиатрической больнице № 3 г. Ленинграда были освобождены проходив-

шие по одному делу граждане В. и С. Одному был поставлен диагноз «шизофрения», другому — «паранойяльная психопатия». Катамнез (послебольничное наблюдение) показал, что спасённые от тюрьмы своей политической деятельности не оставили и в то же время в поле зрения районного психиатра больше не попадали. Тем не менее, ближайшие коллеги В. по политической деятельности не раз замечали, что у него периодически возникает ощущение преследования, не имеющее реальных оснований, в том числе в 1990-х гг., когда он окончательно перестал интересовать компетентные органы. С этими состояниями В. справлялся самостоятельно или с помощью близких, обходясь без лекарств. С годами он изменился внешне, эти изменения хабитуса (стигмы) бросаются в глаза не только профессионалам. Тем не менее, он продолжает творческую деятельность, и признаков распада эмоционально-волевой сферы у него не наблюдается. Иными словами, если следовать систематике А.В. Снежневского – Р.А. Наджарова, имеет место приступообразное малопрогредиентное течение шизофренического процесса. Постфактум можно считать, что судебные эксперты приняли 30 лет назад гуманное решение, освободив В. от тюрьмы. Они спасли его от декомпенсации процесса, неизбежного в условиях зоны. Но попади он тогда в руки независимых психиатров, его ждали бы исправительные работы по полной программе, которые этому человеку со слабой физической конституцией, несомненно, сократили бы жизнь: «реабилитированный» по психическому статусу, он вышел бы из тюрьмы с кардиологической инвалидностью. Если бы вообще вышел.

В «чёрный список» психиатров-карателей А.П. Подрабинек включил, в частности, ныне покойного заведующего кафедрой Ленинградского Педиатрического института Федора Измайловича Случевского. Для упомянутого больного В. великим счастьем оказалось то обстоятельство, что его консультировал не Случевский — поскольку этот человек с военной косточкой, не вполне разделявший подход Снежневского (то есть рассматривавший шизофрению в более узких рамках), признал бы его, во-первых, психопатом, а во-вторых, вменяемым. Я много раз присутствовал на клинических разборах под председательством Случевского и не помню такого случая, чтобы он не признал психопата пригодным к военной службе. Случевский был убеждён, что армия любого психопата не декомпенсирует, а исправляет. Ровно обратный подход был у заведующего отделением пограничной психиатрии Института им. Бехтерева, «твёрдого снежневца» В.М. Воловика. На самом деле истина, как и во множестве других случаев, лежит посредине: есть разные психопатии как по «радикалу», так и по степени выраженности.

Ныне ставшие умеренными революционеры из НПА, признавая значение фигуры А.В. Снежневского, сохранили чёрно-белое мышление в характеристике теоретических споров в отечественной психиатрии. По этой причине «гуманистка» Екатерина Мень, ссылаясь на цитированную выше статью, обожествляет теоретического оппонента Снежневского — профессора Военно-медицинской академии А.С. Чистовича.

Если бы у госпожи Мень хватило усидчивости, чтобы преодолеть умственную лень и толком познакомиться с наследием автора, она прочитала бы не только приглянувшиеся ей «Психиатрические этюды» Чистовича, но и «Записки старого психиатра» (5). Из того большого и очень интересного текста, насыщенного клиниче-

ской феноменологией, следует: а) Чистович вовсе не считал, что шизофрении не существует; б) те формы психозов, которые он относил к инфекционным, другие авторы, в том числе московские, в изрядном числе случаев отнесли бы к неопределённому понятию «органического поражения головного мозга». Иначе говоря, поставили бы под сомнение инфекционную природу, но не стали бы отрицать экзогению.

Действительно, в 1962 г. на Всесоюзном совещании по проблеме шизофрении имела место интереснейшая открытая всесоюзная дискуссия, на которой Снежневскому и его сотрудникам оппонировали Чистович, Петр Фаддеевич Малкин (Куйбышевский мединститут) и Абрам Лазаревич Эпштейн (Днепропетровский мединститут). Действительно, большинство поддержало «линию Снежневского». Но из этого не следовало, что оппоненты подверглись партийному взысканию, не говоря о репрессиях. Если говорить о том, какую роль эта дискуссия, навеянная ветрами хрущёвской оттепели, сыграла в психиатрии, то следует признать, что оппоненты Снежневского оказались не на высоте исключительно из-за Эпштейна. Поскольку из всех троих оппонентов только Эпштейн, исходя из собственной догматики, назначал больным, которых признавал «инфекционными психотиками», астрономические дозы антибиотиков. Что касается Чистовича и Малкина (оставившего в наследство непревзойдённое исследование органических психических расстройств), то они лечили психозы нейролептиками, но при этом поступали осторожнее, чем многие московские и ленинградские коллеги: подозревая органическую «подкладку», они выбирали более щадящие препараты (дающие меньше осложнений).

Однако дискуссия 1962 г. была «дуэлью» не нозологистов и антинозологистов, а двух направлений нозологистов между собой. Обе стороны искали первопричину. Совсем другой спор в 1970-х гг., когда готовился к изданию белый двухтомник, происходил в общей медицине. И здесь аргументы Снежневского были адресованы не только психиатрам. Поэтому он ссылался не только на них, но и на Ипполита Васильевича Давыдовского — классика отечественной патологической анатомии, который утверждал, что у любой болезни есть предрасполагающий фактор, причина и поводы. При этом поводы могут быть разнообразны (переутомление, переохлаждение, стресс и т.п.), а причина — одна.

Давыдовский был сыном православного священника, как и Дмитрий Евгеньевич Мелехов — создатель системы врачебно-трудовой экспертизы в психиатрии и один из немногих авторов (в советский период) работ о взаимоотношениях психиатрии и церкви. Главный спор в отечественной медицине был спором о монокаузальности или так называемой «полиэтиологичности». Второй подход активно навязывался извне, его «привезли» с международных конференций.

Снежневский победил в своей отрасли, в то время как коллеги из других отраслей медицины капитулировали, поскольку такие диагнозы, как «ишемическая болезнь сердца» или «хроническое нарушение мозгового кровообращения», — это уход от нозологического подхода. Это признание множественности причин, что в науке означает отказ от исследования причинного фактора (например, этиологии атеросклероза), а в практике — триумф симптоматических средств, которые не лечат, зато вызывают привыкание. Равно как и триумф услуг, дающих временное, физиологическое или психологическое облегчение.

О прямых бенефициарах полиэтиологического подхода на Западе догадаться легко. Частный врач столь же заинтересован в повторном посещении больного, как фармацевтическая корпорация — в прибыли от сбыта технологически несложной, но широко востребованной продукции. «Полиэтиологизация» была одним из приёмов в строительстве унифицированного общества потребления на основе гипермонополизации рынков. Из больного хроническим гайморитом можно выкачать несравнимо больше средств, если он будет ежедневно получать симптоматические средства от насморка, чем если его однократно оперировать.

Точно такой же отбор происходил и в секторе услуг — в частности, психотерапевтических. Больше того, психотерапия вторгалась в чужую область и пыталась наводить в ней собственные порядки. Это происходило именно в начале 1960-х гг., когда возникла так называемая антипсихиатрия — направление, представленное очень узким кругом клиницистов (Р.Д. Лэинг, Т. Сас и др.), но широко популяризированное кинематографом, прежде всего культовым фильмом «Полёт над гнездом кукушки». Антипсихиатрия не просто отрицала существование шизофрении «как класса» — она пыталась «помножить на ноль» результаты многолетнего труда научных школ, прежде всего германской и русской, произвольно игнорируя не только клинические, но и биохимические и морфологические доказательства необратимых изменений, происходящих в головном мозгу в длиннике больших психозов (независимо от того, называть их шизофренией или нет).

Любопытно, что при создании культового кино, вошедшего в «джентльменский набор» революционера 1960-х гг., творчество исподволь вступило в спор с теоретической абстракцией антипсихиатров: рядом со здоровым и главным героем мы видим в клинике типичных больных с длительным стажем, с чертами следа болезни (дефекта) в мимике, жестикуляции, общении — глубоко изменённых людей, которым никакое психологическое толкование их состояния не поможет стать снова такими, каким они были до болезни.

Этот конфликт художественной правды с теорией понятен: любой режиссер театра и кино имеет бэкграунд изучения истории культуры, в которой помимо королей, поэтов, иконописцев и кардиналов фигурируют юродивые, колдуны, отшельники-еретики и отшельники-святые, придворные маги и ворожеи, преследуемые церковью. Аномальных личностей, с годами меняющих образ жизни и внешность, слишком много, чтобы их отрицать как художественную реальность.

Философские статьи, отталкивающиеся от двух–трёх историй болезни, никогда бы не «родили» целое направление, претендовавшее на немедленное воплощение в жизнь, если бы заведомая антинаука, явно расходящаяся с реальностью, не получила дополнительный политический импульс — в дополнение к рыночной конъюнктуре услуг. Это ясно уже из «катамнеза» этого направления — оно сходит со сцены с завершением «революции 60-х».

2. Территория большой психиатрии

Психотерапевтическое направление с момента своего возникновения на самом деле не претендовало на чужую территорию. Зигмунд Фрейд и его последователи лечили тех, кого считали невротиками, — больных с пограничными психическими расстройствами. Интерпретируя сны, они не отождествляли сон с галлюцинаторно-бредовыми переживаниями, которые в бодрствовании толкают людей на нелепые поступки. В свою очередь, мастера гипноза намеренно избегали пациентов, ощущающих преследования, зная, что это обычно приводит к обострению бреда и один такой больной может испортить весь эффект массового сеанса.

Русская школа клинической («большой») психиатрии имела своих классиков ещё в XIX веке. Одним из них был Виктор Хрисанфович Кандинский, двоюродный брат художника, врач-ординатор, написавший брошюру, достойную докторской диссертации, — «О псевдогаллюцинациях» (1881). В отличие от французских коллег, склонных к блестящим внешним описаниям, Кандинский систематизировал продуктивную симптоматику психозов, проведя грань между зрительными и слуховыми обманами, возникающими первично (галлюцинациями) и происходящими из бредовых переживаний: во втором случае больной, увидев огромного льва, кладущего лапу ему на плечо, не испытывает ужаса: видение «иллюстрирует» его бред, в котором он считает себя пэром Англии.

Эта систематизация помогла русской психиатрии принять и впоследствии развить нозологический подход Эмиля Крепелина и Ойгена Блейлера. Тот факт, что именно психиатры-немцы, отделяя главное от второстепенного, нашли общие признаки в множестве вариантов клинических картин и предложили объединяющие термины эндогенных психозов (шизофрения и маниакально-депрессивный психоз), интерпретируется этнопсихологически: немецкий ум более склонен к абстрагированию, чем французский или итальянский. И именно педантичные и терпеливые немцы впервые (Клотц, 1827) занялись динамическим наблюдением душевнобольных и прогнозом исходов (6).

И опять же именно немцы (хотя первый объединяющий диагноз звучал как «раннее слабоумие») опровергли вывод француза Бенедикта Мореля о «законе де-

генерации» при эндогенных психозах: в отличие от ряда наследственных первичных атрофий головного мозга (например, болезни Хантингтона) утяжеление течения и более ранний дебют в следующем поколении не характерны для шизофрении. Тот факт, что эндогенные психозы не «менделируют», как цвет крыльев дрозофилы, позволил позже придти к выводу о том, что передаётся предрасположенность (pathos schizophreniae по Снежневскому), а саму болезнь, процесс (nosos), вызывает пока не выявленный агент — возможно, медленный вирус, один из множества, обитающего в человеческом организме. Риск «дегенерации», впрочем, возрастает при близкородственных браках (инбридинге).

Главный общий феномен, объединяющий множество клинических картин — схизис (расщепление личности) может проявляться самым разным образом. В продуктивной симптоматике — синдром двойника, диалог двух непрерывно спорящих «голосов». В негативной (дефицитарной) — расщепление эмоциональных связей, амбивалентность (любовь–ненависть), расщепление воли — амбитендентность, чередование противоположных мотиваций, дезорганизующее поведение. При простой форме болезни, когда обеднение эмоций и воли происходит без продуктивной симптоматики, схизис также выявляется. «О чём ты думаешь, Миша?» — спрашиваешь больного, неделями не встающего с койки. «Я думаю — лечь на левый бок или на правый», — отвечает дефективный больной.

В клинической практике психоз, воспринимаемый больным как нечто чуждое, возникшее извне — «наваждение», когда человек распознаёт у себя начало приступа, предупреждает об этом родных, а иногда и сам приходит к участковому психиатру за направлением в больницу, называют «краевым», а болезнь, развивающуюся исподволь и прорастающую личность изнутри, — «ядерным». Это деление подчёркивает принципиальное различие в прогнозе. Индикатор самого благоприятного прогноза в описании психического состояния выражается тремя словами: «личность противопоставлена болезни».

Классическое течение краевого психоза — очерченные приступы, как правило, с изменением аффекта (тревогой, возбуждением), бессонницей, и феноменами бредовой дереализации (ложное узнавание, чувством «уже виденного» или «никогда не виденного»), летучими (несистематизированными, интерпретативными) идеями особого значения, отношения, преследования — всё это в комплексе именуется острым чувственным бредом. На пике приступа наступает помрачение сознания с изменением восприятия времени и пространства, больной ощущает отрыв от земли, полёт над землей, разделение своей личности на несколько частей, распад тела на атомы.

В острейшем варианте помрачение сознания с переживаниями перехода в другую реальность переходит в более глубокое расстройство, в котором переживания уже не запоминаются (аменция), при этом может повышаться температура, возникать сыпь, отёки, вплоть до симптоматики, неотличимой от инфекционно-токсического шока. Такие состояния, иногда грозящие смертью от острой надпочечниковой недостаточности (тканевое дыхание угнетается гипертермией выше 42 градусов, дерегуляция сердечно-сосудистой деятельности приводит к коллапсу), в донозологический период относили к инфекционным психозам. Диагностическая трактовка таких состояний и была основным предметом спора между коллективом

Снежневского и «неврологическим направлением» (А.С. Шмарьян, Р.Я. Голант), которое оплакивается в цитируемой выше статье в НПЖ. Это был этап осмысления массива феноменологии, обогащённого данными только шагнувшей вперёд лабораторно-инструментальной базы и первыми итогами медикаментозной терапии — которая, как выяснилось, способна не только снимать продуктивную симптоматику, но и упорядочивать мышление и аффект.

Однако в начале века этого опыта ещё не было. Тогда часть московских профессоров приняла термин «шизофрения» в штыки: объединение психозов, представляющихся разными по происхождению (например, дебютирующих после родов или стресса), под одной рубрикой они считали неправомерным. К этим сомневающимся принадлежал и В.П. Сербский, имя которого носит нелюбезный диссидентам Институт общей и судебной психиатрии.

Снежневский учился у Тихона Ивановича Юдина, который работал у Крепелина. Автор термина «ипохондрическая шизофрения» Семён Конторум учился у Артура Кронфельда, преподававшего в Берлине и Москве. Само понятие о вялотекущих шизофрениях было позаимствовано у Ойгена Блейлера («мягкие формы»), а не выдумано «врачами-карателями». Груня Ефимовна Сухарева и Татьяна Павловна Симсон, родоначальницы советской детской психиатрии, еще в конце 1920-х гг. описывали мягкие (малопрогредиентные) варианты разных форм шизофрении в школьном возрасте.

Советская психиатрия была свободнее американской и европейской. Кафедра Крымского мединститута во главе с профессором А.Н. Корнетовым (7) внесла очень интересный вклад в исследование психиатрической нозологии, сопоставляя средний возраст дебюта, тип течения (степень благоприятности, оцениваемый по динамике личностных изменений) и фабулы (тематику) переживаний у мужчин и женщин. Выводы, к которым пришли авторы, характеризовали не болезнь, а принципиальную разницу между полами: мужской пол — авангард человеческой цивилизации, женский пол консервативнее, прагматичнее и больше сосредоточен на личном, чем на общественном. И в рамках собственной эволюции большой психоз (шизофрения) поражает мужскую часть населения тяжелее, её дебюты у мужчин возникают раньше (в возрасте от 3 до 12 лет на трёх заболевших мальчиков приходится одна девочка). Мужчинам больше свойственны непрерывные психозы, женщинам — приступообразные, при которых исход благоприятнее. У женщин фабулы психотических переживаний приземлённее и в большинстве случаев включают сексуальные сюжеты. Будь такая работа опубликована на Западе, авторам не дали бы покоя возмущённые феминистки.

3. Спрос на патологию

«В деревне никто не сходит с ума», — утверждал Иосиф Бродский и был неправ. В русской культуре юродивый — фигура совсем не обязательно городского быта, а образы колдуний в фольклоре традиционно помещаются в сельский ландшафт. В деревне душевнобольной заметнее, чем в городе, и его поведение больше контрастирует с бытовой моралью. Особенно поведение «одержимой бесом» женщины — в силу тех особенностей, о которых писали сотрудники Крымского мединститута.

Психотическая патология встречается в любой среде и местности. Другое дело, что предметом всеобщего внимания оказываются известные люди и их окружение. Кроме того, в силу комплекса биологических и генетических причин болезнь приумножается в благородных фамилиях или изолированных религиозных или этнических популяциях. И, кроме того, психическая патология «ходит вместе» с творческими, да и не только творческими талантами. Отсюда появилось меткое французское определение шизофрении как «болезни королей и поэтов».

О взаимодействии таланта и душевной болезни первым из крупных психиатров написал Чезаре (Йезекиэль) Ломброзо, более известный как основоположник криминологической антропологии. Период 1860–1920 гг., когда на фоне упадка монархий на мировую сцену вышли фигуры и движения ниспровергателей, а философия и психология обогатилась новыми яркими и необычными авторитетами, давал много пищи для размышлений. Тем более что этот период обозначился не только прогрессом индустриальной цивилизации, но и стремительным развитием прессы.

Революционная публицистика издевалась над странностями монархов, цепляясь за каждый повод. Охранители устоев, напротив, стремились изобразить больными ниспровергателей. С развитием газетной индустрии критик уравнялся в статусе с художником слова — чему в России способствовал Некрасов, поставивший литературный памятник Добролюбову.

Но ни революционеры, ни философы, ни критики, бросившие вызов консервативным ценностям и классическому художественному творчеству, сколь бы ни вдохновлялись независимостью от влияния на их разум «сверху», со стороны государства и церкви, ничего не могли поделать с «влиянием изнутри». Психозы узни-

ков — декабриста Батенькова, землевольцев Ишутина и Худякова, народовольцев Конашевича и Арончика — ещё можно было, на уровне представлений того времени, списать на эффект тяжёлой неволи. Однако самоубийство в депрессии короля литературной критики Дмитрия Писарева в эту интерпретацию не укладывалось. Как и внезапный конец карьеры его коллеги Варфоломея Зайцева, замкнувшегося в себе и ушедшего в монастырь.

«Наконец-то ушло это наваждение», — говорила Наталия Александровна Герцен, когда у неё завершился приступ галлюциноза — и вместе с ним страсть к террористу Сергею Нечаеву. Тяжёлый непрерывно текущий психоз у сына Николая Гавриловича Чернышевского описан в романе Владимира Набокова «Дар».

Сами русские просвещенцы, заимствовавшие взгляд на мир у немецких агностиков и британских эмпирицистов (Локк был вначале кальвинистом, затем социнианцем; Дарвин был атеистом во втором поколении), были склонны объяснять душевные болезни результатом банальных внешних воздействий на гомеостаз организма. Писарев, страдавший биполярным аффективным психозом, маниакальную фазу не считал болезнью, хотя осознавал, что с ним происходит что-то необычное («опрокинув в уме своем всякие Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себе каким-то титаном, Прометеем, похитившим священный огонь»). В этом состоянии, которое у него не дошло до крайней степени возбуждения, он «опрокидывал в себя» Аристотеля и строчил бесконечный доклад о судьбе человека. За манией, в которой он и перестал быть христианином, пришла затяжная депрессия, причём с выраженным ипохондрическим элементом; в отличие от чистого меланхолика он испытывал резко выраженный, физиологический страх смерти. В это состоянии, по его самоописанию, его взгляд на мир достиг предельного скептицизма и одновременно он зафиксировался на собственном здоровье, считая причиной болезни неправильный режим в предыдущий период (когда он, как всегда бывает в мании, неделями не спал) и неправильное питание. Чтобы выйти из тягостного состояния, когда «даже свет и темнота, луна и солнце на небе казались мне декорациями и входили в состав общей громадной мистификации» (этот феномен именуется деперсонализацией), он практиковал различные диеты. Самоубийство он совершил на пике второй по счёту депрессии, когда к острой тревоге, в которой он не находил себе места, присоединился бред преследования.

Биологам-натуралистам, фотографически точно описанным Тургеневым в образе Базарова, была свойственна рациональная, вульгарно физиологическая интерпретация как здоровых, как и болезненных движений души, которая сама по себе воспринималась ими как разновидность физиологического отправления. Эра Просвещения развернула интерес учёных от человека к окружающему миру, что отождествлялось с прогрессом — при том, что понимание человеческой природы и мотивов человека, в том числе и собственных, упростилось до примитивности, скатилось на уровень ньютоновской механики. В то же время открытия, сделанные в точных науках, повышают как самомнение, так и убеждённость в неограниченных возможностях человека, который кажется более могущественным, чем Творец. И более того, ни в каких высших силах «над собою» не нуждается: они мешают, досаждают, строят препятствия к исследованиям, не дают сворачивать познавательные «Казбеки и Монбланы».

«Новые люди», о которых упоминают Достоевский и Толстой, формируют мыслительную среду, отвергающую вместе с «ненужным» Творцом духовную иерархию, поскольку открытия идут вразрез с поверхностно понятым Священным Писанием. Чем дальше, тем привычнее душевные движения объясняются законами физики и ещё не развитой физиологии. Законы термодинамики вторгаются как в романистику, так и в психологию; сложнейшие психопатологические феномены объясняются простым замедлением или ускорением нейрональных связей. Эмпирицистская психология внедряется в чужое пространство, а свой интерпретативный аппарат заимствует из законов термодинамики.

Открытие генов и элементарных частиц имплицитно подрывает картину теистической предопределённости: и человек, и Создатель знают, что ничего не знают, частицы создают равновесие сами по себе, закон сохранения и превращения энергии определяет всё сущее, от движений планет до движений души.

В так называемом Серебряном веке идеалы империи расходятся с интересами монархий — они становятся замшелым препятствием, как и землевладельческий класс. Монархические семьи уступают во влиянии финансистам, они внедряются в геополитику, ставя под контроль своих частных интересов и дипломатию, и генералитет. Idée fixe всех держав становится покорение Востока, а idée fixe востребованных и тиражируемых философов — идея сверхчеловека, «отменяющая» заповеди авраамических богословий.

Самый яркий выразитель идеи сверхчеловека Фридрих Ницше к концу жизни своим неадекватным поведением раскрывает тайну собственного антихристианства. Когда он три дня не выходит из гостиничного номера и никого туда не впускает, забеспокоившиеся коллеги просят портье открыть дверь запасным ключом снаружи. За дверью творится ужасное: стены измазаны экскрементами философа, а сам он, совершенно голый, вопрошает с перекошенным от гнева лицом: «Как вы смели потревожить Бога?»

Но Ницше не рухнул с пьедестала. Конъюнктура времени, именуемого декадансом, сложилась. Элиты зациклены на сверхъестественном; в то же самые крайние патологии воспринимаются как результат простых внешних воздействий. Именно в этот период складывается представление о том, что психиатром, что будто бы равнозначно психологу, может быть любой обыватель, изучивший курс физики.

В то же время массовая пресса, жаждущая прибыли, удовлетворяет спрос обывателя, а обывательское сознание тянется к аномалиям. На глазах у потеснённых и приниженных церквей то, что считалось грехом, возводится в массовый культ. Все познавательные запреты отменены, и в то же время пустота на месте авторитетов жаждет заполнения. Для творческих личностей с психическими аномалиями создается беспрецедентно благоприятная среда.

«Серебряный век» характеризуется беспрецедентным контрастом сред. Идея сверхчеловека, вдохновляющая военачальников, парадоксально сочетается с интеллектуальной властью аномальных лиц — хрупких, изломанных, вычурных персонажей, которые в предшествующий период имели бы репутацию маргиналов от науки, искусства, литературы — неучей, пасквилянтов, графоманов, извращенцев. Более того, эти же модные маргиналы легко принимают разные вариации идеи сверхчеловека, как и идеи сверхнации, чему способствует разрыв не только между

обществом и религией, но и между политикой и религией. Это бросается в глаза в равной степени в русской и немецкой культурах, и две империи становятся заложниками расчётливого англо-американского целеполагания.

В канун Первой мировой войны субкультура столиц преодолевает культуру наций, поскольку пресса ищет тиражи. Это время царствования не государей, а журналистов. Императорские фамилии преследуют борзописцы, не упуская случая уличить коронованных особ в неадекватности. Охранительное мышление пытается отвечать той же монетой. Университетскую профессуру рвут на части, выкручивая руки: с нами или против нас? Прогрессист или мракобес? А в это время высшие круги, принимающие решения, как старое дерево, разъедает насквозь агентура, торгующая мистикой.

Вместе с религиозной моралью массовая аудитория утрачивает способность к критике к собственным действиям, даже к простой саморефлексии. Идолами становятся интеллектуалы, идеологи и мнимые провидцы, которых не только инквизиция, но и любая имперская власть (кроме британской начиная с XVIII века) изолировала бы от общества. Модно богохульство, и точно так же модна тяга к самоубийству (культовая фигура поэзии — Семён Надсон). В числе кумиров урбанистической популяции — как клинические парафренные больные («мегаломаньяки»), типажи вроде Ницше, отрицающие Творца по той причине, что отождествляют с Творцом самих себя, так и хронические меланхолики-ипохондрики, у которых картина мира сформирована восприятием окружающего как мёртвой декорации или машины, уничтожающей человека (типаж Льва Шестова, затем Франца Кафки).

Забегая вперёд, заметим, что опыт манипуляции массами через моду на патологию в начале XX века будет осмыслен и поставлен на службу геополитическими манипуляторами, чтобы многократно воспроизводиться для подрыва государств изнутри через деструкцию традиционных обществ. Подобно тому, как в рядах террористической «Народной воли», основные кадры которой под британской опекой были рекрутированы герценовским кружком — составной частью транснационального сообщества сокрушителей континентальных империй, критическую массу агитаторов составляли патологические личности с предрасположенностью к шизофрении, диссидентство 1970–80-х гг. будет состоять преимущественно из «естественных изгоев», со скачкой реформаторских идей и сниженной мотивацией самосохранения — как пятеро из восьми участников упомянутой демонстрации 1968 г., как множество активистов НТС, СМОТ, «Мемориала», Демократического союза, кружков националистов и отказников. Тот же стереотип станет путеводным при выборе активистов китайской (особенно тибетской) оппозиции и «арабской весны». Вышеописанные типажи парафренных больных будут востребованы для руководства массовыми сектами — «Фалуньгун», «Аум Синрике», а депрессивные ипохондрики, как из академических, так и из общественных структур, станут идеальными пропагандистами экологических фобий.

Начало XX века, таким образом, — период великого эксперимента с колоссальными ставками, когда большими игроками финансового мира впервые в равной мере высоко востребована как психическая неадекватность самодержцев, которых закономерно окружают маги и парапсихологи, так и затуманивание сознания критической массы творческой, научной, чиновной, военно-разведывательной и, наконец, богословской интеллигенции.

В Серебряный век гуманитариям труднее всего: неокантианство, смешиваясь с оккультизмом, ищет и находит благоприятную среду для обитания и размножения, довлея над творческими кругами и над литературой. Башня Вячеслава Иванова становится центром культа, источником сокровенных знаний, мерилом престижа. Он притягивает одновременно либералов и консерваторов, которых объединяет нечто «по ту сторону». Pathos здесь, несомненно, присутствует (например, старший брат Мережковского болен злокачественной шизофренией). И более того, импульсы pathos не подавляются, а культивируются, в том числе в сексуальных извращениях, больше мотивированных культом, чем врождёнными особенностями сферы влечений.

Этим дышит эпоха. Столицы из центров государственных стратегий становятся центрами тиражирования разврата, поощрённого учёным сословием. «Пришла проблема пола, румяная фефёла, и ржёт навеселе», — писал Саша Чёрный. Откуда пришла? Из столицы империи Габсбургов Вены, где финансовый капитал впервые подчинил себе монархические интересы. Оттуда же придёт нацизм.

4. Пленник мысленного шара

В 1993 г. увидело свет исследование Александра Марковича Эткинда «Эрос невозможного» (10) об истории психоанализа в Советской России. Автор неравнодушен к предмету, он оплакивал судьбу центральноевропейского учения, в чужой цивилизационной обстановке и в особом времени трансформированном, но так и не признанном.

Нетрудно было догадаться, что пересмотр истории начала XX века, начавшийся в период перестройки с реабилитации «левых и правых уклонистов» в ВКП(б), докатился в постперестройку до реабилитации психоанализа и для попытки его самоутверждения в политике. Так оно и случилось: первым указом Бориса Ельцина после выборов 1996 г. был указ о поддержке психоанализа. Но триумф был недолговечным: в практической политтехнологи монополию перехватило нейролингвистическое программирование — синтез учения И.П. Павлова с гипнозом, которым Фрейд не пользовался, а в системе медицинской помощи лечение, требующее одновременно временных, финансовых и непосредственно психологических затрат, не могло быть востребовано реальным рынком середины 1990-х гг., когда размножившиеся было частные клиники для среднего класса потеряли пациентов и в большинстве обанкротились. По той простой и известной причине, что в период борьбы за выживание количество неврозов сокращается. А психозы, статистика которых неподвластна войнам и революциям, остались в сфере государственной медицины.

Упования на возрождение психоанализа и его экспансию в новой России до среднезападного уровня исходило, судя по аргументам Эткинда, из того, что на смену идеологическому и культурному диктату наконец пришёл диктат «постмодернизма, признающий множественность, эклектичность и неслиянность сознаний как основной принцип современной жизни, возвращающейся от “систем” и “измов” к “здравому смыслу”». Так тогда виделось из Парижа.

Однако труд Эткинда, утратив отраслевую актуальность, интересен и сегодня. Диалектическое отрицание отрицания (Ельциным — Горбачева) ввело новые краски в только что обелённые и приукрашенные образы партийных и литературно-театральных жертв репрессий. Всё оказалось не просто сложно, а ещё сложнее. Эткинд с самозабвенным художественным нарциссизмом расставлял точки над i, воз-

вышая себя столь же последовательно, как Катаев, но не над современниками, а над ушедшими учителями. И в итоге, вопреки собственному подчёркнутому антисталинизму, не только объяснил, но и оправдал логику сталинских решений, воспринимаемых как репрессии учёного сословия. А помимо этого, вопреки столь же подчёркнутому еврейскому комплексу, убедительно и профессионально раскрыл всю противоречивость отношений между германской и еврейской культурами в Европе после Первой мировой войны, открывая путь к самым разным новым интерпретациям.

Эткинд напомнил о многих деталях истории советской науки, которые даже в новое время было не принято обсуждать. Например, о том, что классик детской психиатрии Лев Семенович Выготский не только состоял в Российском психоаналитическом обществе, но и считал, что психоанализ вполне совместим с учением Павлова об условных рефлексах. Это документируется цитатой из совместной работы Л.С. Выготского и А.Р. Лурия (1925): «У нас в России фрейдизм пользуется исключительным вниманием не только в научных кругах, но и у широкого читателя. В настоящее время почти все работы Фрейда переведены на русский язык и вышли в свет. На наших глазах в России начинает складываться новое и оригинальное течение в психоанализе, которое пытается осуществить синтез фрейдизма и марксизма при помощи учения об условных рефлексах». Таким образом, Выготский видел в павловианстве удобное связующее звено между марксизмом и фрейдизмом. Отсюда (спасибо Эткинду) становится понятно, что Леонид Рубинштейн не терпел Выготского не по причине личного соперничества, а по идеологическим мотивам: сам он приложил огромные усилия к тому, чтобы создать телеологическую концепцию развития человека «в обход» павловианства и проистекающей из него теории отражения.

Как далее документирует Эткинд, идея совмещения психоанализа с павловианством была близка Л.Д. Троцкому (цитата из Жана Марти: «Наиболее серьёзной фигурой, стоявшей за событиями, был Лев Троцкий, имевший специальные причины для поддержки психоанализа»). Программа педологии, оглашённая на 2-м Психоневрологическом съезде (1924) Ароном Залкиндом, в «Красной Нови» интерпретировалась так: «Социогенетическая биология в соединении с учением о рефлексах, при осторожном использовании ценнейшего ряда фрейдистских понятий и отдельных его экспериментальных методов, сильно обогатят био-марксистскую теорию и практику».

«Самым ценнейшим» фрейдистским понятием, очевидно, в этой практике была сублимация. А.Б. Залкинд прославился своими попытками регламентировать половую жизнь, став прототипом товарища Дисциплинера в опальной пьесе Сергея Третьякова «Хочу ребёнка». А.С. Макаренко рассказывал о том, как ему приходилось отбиваться от проверки чиновницы-педолога в связи с беременностью одной из воспитанниц его интерната. «Как, у вас девочки рожают детей? — «А что же они ещё могут рожать»? Однако ценность соединения «ценнейших понятий» с павловианством могло преследовать лишь одну цель — отчуждение детей от своих родителей, от родовой истории в процессе конструирования нового обобществленного человека.

«*Уводя от исследования сексуального либидо в поиск иных движущих человеком сил, линия этих поисков была, пожалуй, противоположна мировому направле-*

нию развития психоанализа», — заключает Эткинд. И в том же тексте приводит поучительные примеры случаев, когда психоаналитики 1930-х гг. при оказании «помощи» политическим и культурным деятелям СССР добивались отнюдь не сублимации, отнюдь не отвлечения пациентов от их сексуальных проблем, а напротив, погружения в них с печальными последствиями. Это случай с Адольфом Иоффе, который покончил с собой; это случай с Михаилом Зощенко, которому досталось в специальном постановлении ВКП(б) за книгу «Перед восходом солнца», и наконец, с Сергеем Эйзенштейном, который не смог закончить фильм «Иван Грозный».

Впрочем, во всех трёх случаях психоаналитики оказываются как бы ни при чём: Иоффе якобы был психологически травмирован опалой Троцкого, Зощенко якобы не ожидал партийной критики, а Эйзенштейну психоанализ якобы не мешал, а помогал творить.

Однако, во-первых, никакая угроза ареста на момент суицида над Иоффе не витала, а классическая эндогенная депрессивная фаза, как и прежние, должна была спонтанно завершиться, и он её преодолел бы, не получи от психоаналитиков оценки, воспринятой как приговор. Зощенко страдал, говоря современным общепринятым языком, органическим поражением головного мозга со стойкими невротическими (!) психическими нарушениями. Он был фиксирован на нарушениях потенции в результате повреждения подкорковых структур (что бывает очень часто), и для его компенсации требовалась разъяснительная психотерапия и с ним, и с его родственниками, а для снятия фиксации был вполне уместен гипноз. Вместо этого психоаналитик Марголис разъяснял ему, что он страдает комплексом кастрации, а «вечный фетиш большого бюста женщины, так влекущий и так мучающий» его, «указывает путь к комплексу Эдипа и только к нему». После чего наша литература потеряла яркого сатирика, а получила литературного онаниста, копателя во вторичных переживаниях, переносимых на окружающих. Много ли мы от этого приобрели, как и сам Зощенко? Эткинд считает, что много. Но это его частная точка зрения.

О том, что происходило с несчастным Эйзенштейном, можно судить по специальному исследованию Оксаны Булгаковой (11). Он штудирует диссертацию Льва Выготского «Психология искусства», он изучает ранние работы Александра Лурия о сексуальных обрядах примитивных народов, пишет письма немецкому специалисту по нетрадиционным половым ориентациям Магнусу Гиршфельду, затем углубляется в оккультную литературу и в итоге садится за бесконечный путаный труд под названием «Метод», в который «пытается вместить теорию плазмы и теорию относительности Эйнштейна, аналитическую геометрию Декарта и мистику чисел пифагорейцев». Под влиянием Гиршфельда он переосмысливает диалектику, считая теперь, что она прямо связана с бисексуальностью, благо Гиршфельд ему подсказал, что Гегель был бисексуалом. Все названные выше разнородные учения, теории и понятия у него связываются через музыкальный ритм, который он ещё до «просвещения» успешно использовал в своих фильмах. Эту связь ему также подсказали: посещая в начале 1930-х гг. лекции лингвопалеонтолога Н.Я. Марра, он, по интерпретации Булгаковой, пришёл к прафеноменам техник репрезентации в их соединении с ритмом и движением.

Что заинтересовало Эйзенштейна у Марра после психоаналитических сеансов? Больше всего — *«ступенчатая конструкция» в первобытном мышлении, а именно:*

– амбивалентность в языке, позволяющая связать моторику и троп (метонимию, метафору, загадку) при опоре на магические практики: неназывание, переносное называние, ритуальные жесты заклятия и проч.;

– Мужское, Женское, бисексуальное как телесная форма выражения этой амбивалентности;

– выражение этой амбивалентности в характере (Джекилл и Хайд) и конкретной личности художника (Льюис Кэрролл и Чарльз Доджсон);

– выражение этой амбивалентности в "вечных" сюжетах (поиски отца).»

О. Булгакова также очень туманно поясняет, что лекции Марра ввели Эйзенштейна «в круг идей одного из наиболее влиятельных направлений в изучении мифов на основе теории имён. Подобно тому, как Марр искал соединения первичных корней с первичными смыслами, эта школа пыталась разгадать забытое значение имени бога, утрата которого приводит к иррациональности мифов (если найти первосмысл слова, можно понять, какое содержание скрыто в загадке бога)». В примечании рецензент называет имена представителей этого круга — Аби Варбург и Эрнст Кассирер.

Аби Варбург, родной брат соучредителя Федерального резервного банка Пауля-Морица (Пола) Варбурга, члена совета директоров Рейхсбанка (1933–38) Макса Варбурга и основателя международной организации еврейской помощи «Джойнт» Феликса Варбурга, на несколько лет раньше Эйзенштейна совершал «паломничество» в Мексику для изучения древних цивилизаций. В центре интересов Аби в течение многих лет была античная (дохристианская) составляющая культуры эпохи Возрождения. Его интересовало дионисийское начало и сексуальная символика в греческой и римской архитектуре, а затем в живописи Возрождения, из которого и возник проект «Атласа Мнемозины». У Аби были сложные переживания идентификации: он говорил о себе, что по рождению он еврей, по воспитанию немец, а по духу флорентиец (семейство происходило из Италии). В 1919 г. Варбург госпитализировался в психиатрическую клинику, что подобострастные биографы объясняют «душевной травмой» либо от ужасов Первой мировой, либо от страха перед антисемитами (хотя из вышеприведенного самоопределения следует, что еврейскими комплексами он не страдал, как, очевидно, и его братья). Первое, что сделал Аби Варбург после выхода из клиники, — выступил с лекцией об истории культа змеи и его отображения в архитектуре. Это был год мюнхенского путча.

Так или иначе, Эйзенштейна одновременно лечили и индоктринировали. Продуктом того и другого стал замысел повествования «в форме шара», с целью тотальной семиотизации мира. Проект такого масштаба достоин и большого художника, и особого времени, постоянно ставящего сверхзадачи. Однако семиотизируемый мир включает не только реальность. Из Мексики он привозит описание василады — гротескного юмора, связанного с наркотическим состоянием. При этом он заранее подготовлен к наблюдению транса, поскольку доброжелатели снабдили его книгой троцкистки Аниты Бреннер, где о ней упоминается, а супруг Бреннер, французский мистик Жан Шарло, пишет его портрет. Его обхаживают, как «вратаря республики» из книги Льва Кассиля.

О. Булгакова удивляется тому, что в черновиках Эйзенштейна нет ссылок на русских философов, кроме широко популяризированного на Западе Розанова. Но

ведь он общается преимущественно с иностранцами, такие возможности для него не ограничены. Он читает Маутнера — и ему уже не интересен Бахтин.

Другое дело, что его тянут с собой в Среднюю Азию Выготский и Лурия, рассчитывая изучить местные племена по схеме мексиканских, — но экспедицию не разрешают. Дочь Лурия потом пояснит, что замысел истолковали как фашистский — исходящий из посылки о неразвитости изучаемых народов.

Он хочет обобщить свой художественный опыт, а вокруг ходит толпа советчиков, принуждающая из этого обобщения сделать «общую теорию всего» и сбоку обязательно привязать наркотический бантик.

Конспект книги уже содержит выдержки из Маркса и Сталина. Он доходит до упоминания диалектики. И тут — понеслось.

«Диалектика есть проекция в сознание (в философскую концепцию) бисексуальности нашего строения. Легенды о разделении полов. Бисексуальность, как пережиточная форма — воспоминание имевшего места явления (в Ребре и выделении Евы) бисексуальности…

«Наиболее архаический тип, близкий к сексуально-недифференцированным праотцам, деление Ад[ама] и Евы, существа Платона, история Лилит и скрепленности спинами первых людей (по Каббале) и ***потому более близкий к “единству с вселенной”, более близкий к вегетативным явлениям****. Сюда же войдёт многое из дородовой биологической драмы по [Charles Stockard] “The Physical Basis of Personality”. Напр[имер] вопрос Twins [близнецов] — одного пола, ибо возникают в одном яйце. [...]* ***Гений — вообще человек, ощущающий диалектический ход вселенной и способный включаться в него. Бисексуальность, как физиологическая предпосылка должна быть у creative dialectics…»***

Бахтин, начавший с тезиса о первичности языка перед мышлением, тоже доходит до «сексуально недифференцированных праотцев», до андрогина — что Эткинд связывает с прямым влиянием Вячеслава Иванова, приводя цитату: «*Как мыслитель и как личность Вяч. Иванов имел колоссальное влияние... Все его современники — только поэты, он же был и учителем*».

Эйзенштейну не нужен Иванов: его свели с «учителями учителей». Но он их не просто эпигонски повторяет, считая безусловные авторитетами: он включает их аргументы в собственный концепт. Правда, при этом оказывается, что ход рассуждений понятен лишь ему одному.

«*Книга Эйзенштейна поражает дидактичностью основной (“универсальной”) концепции и разноголосием языков, монтажом фрагментов “чужого” материала, который оформляется контекстом как “свой”*», — замечает Михаил Ямпольский. «*Теоретические фрагменты, “цитаты”, присвоены Эйзенштейном и преобразованы в симптомы его собственной болезни. Всё начинается с его собственных интимных проблем и возвращается к этим проблемам. Он страдает от слабости воли, которая проявляет себя в сексуальных подавлениях, но воля сама есть продукт торможения в рефлексологических терминах. Найти глубинную схожесть между волей и рефлексологическим автоматизмом не только теоретическая, но и терапевтическая необходимость. Весь проект теоретизирования создается эйзенштейновской болезнью. И регулируется схожестями и несхожестями, корнями, уходящими в его личный опыт*».

О. Булгакова бросается на защиту гения: «*На попытки избавиться от невроза, депрессии и сомнений указывают уже первые эйзенштейновские записи — "My Art in Life". Но теорию как терапевтический анализ, кажется, ещё никто не писал*».

Действительно, у больного эндогенной (или иной) депрессией, как и у невротика, самоанализ не разовьётся в универсальную концепцию, доходящую до философских и религиозных абстракций. Депрессивный больной или невротик при самых больших стараниях рационализировать или мистифицировать происходящее с ним не продемонстрирует в своем ходе мыслей бросающихся в глаза сбоев логики, являющих собой ассоциацию по поверхностному сходству. Сама же Булгакова признает, что трактат представляет собой «запутанную сеть гипертекста, который развивается не линеарно и принуждает менять уровни в направлении часто непредсказуемых ассоциаций».

Невозможно себе представить, чтобы Эйзенштейн, в подлиннике читавший Гегеля, знал только один закон диалектики — о единстве и **борьбе** противоположностей и не понимал суть диалектики — рождение нового качества, а не противодействие двух вечных начал. Чтобы свести воедино Гегеля, Николая Кузанского и андрогин, недостаточно одной склонности к высокому абстрагированию. То, что заметил Ямпольский, представляет собой описанное всеми классиками-психиатрами структурное расстройство мышления, из-за которого логика автора убедительна лишь для самого автора, а читатель (почитатель, как Булгакова) в лучшем случае восторгается формой и элементами содержания.

Такая логика называется паралогикой, и она свойственна «болезни королей и поэтов», а вовсе не депрессии и неврозу. Жалобы астенического характера, с которыми больной шизофренией приходит к врачу, включаются одними авторами в первичную негативную симптоматику, другими (со ссылкой на нейрофизиологические исследования) — в раннюю продуктивную.

Это был не невроз и не депрессия. Несчастный Эйзенштейн ошибся адресом: он пришёл не к психиатру, а к психоаналитику, и тот, произвольно интерпретируя психотические симптомы как невротические комплексы, декомпенсировал больного, направив его сохранный творческий потенциал в русло бесплодных, ходящих по кругу рассуждений. А заодно свёл одновременно с психологами, возводящими извращения в норму, и с искусствоведом — братом банкира, формировавшим культурный облик нацистской Германии (арийская мистика, римский стиль министерских зданий, греческий — стадионов и т.д.).

Александр Эткинд сокрушается, что психоанализу не дали в Советской России по-настоящему развернуться. И при этом проговаривается, что Бахтин также прошёл терапию в одном флаконе с индоктринацией: «*Если бы развитие психоанализа в России проходило в более нормальных условиях, концепция Бахтина могла бы быть ассимилирована и, возможно, придала бы русскому психоанализу свою национальную окраску подобно тому, как позже это удалось сделать Лакану во Франции. Наряду с осознанием роли языка и лингвистических структур этот вариант отличался бы, вероятно, меньшей жесткостью и дисциплинированностью терапевтических отношений, большей свободой действий аналитика, меньшей манипулятивностью терапии. Диалогизм Бахтина позволил бы дать этим особенностям техники концептуальное осмысление.* ***Через Бахтина и его круг православная фи-***

лософская традиция имела шанс вступить в контакт с основными направлениями европейской мысли столетия, психоанализом и структурализмом...»

Вот как много, оказывается, мы потеряли! А помешал Сталин, директивно положив конец и психоаналитической обработке интеллектуалов, и педологическому воспитанию детей (несмотря на ссылки педологов на умершего к тому времени Павлова), высказываясь на партконференциях «зачем-то» о вещах, выходящих за рамки государственного строительства — например, о том, что мышление первично по отношению к языку, а не наоборот. У него было только, «всего лишь» богословское образование, а пришлось поневоле стать «в языкознаньи также корифеем». В результате его вынужденных вмешательств русское православие «всего лишь» не ушло в теософию. Спасибо Эткинду: он разъяснил нам масштаб и смысл философского подвига генсека и генералиссимуса. О его значении мы сегодня догадаемся сами.

5. Откуда у Фрейда арийская грусть?

Через всю книгу Эткинда сквозной нитью проходит образ Сабины Шпильрейн, непосредственной ученицы Фрейда и участницы съездов Международного психоаналитического общества. Утверждается, что именно её авторитет обеспечил признание на «высшем уровне» Русского психоаналитического общества и она же обратила Выготского в психоаналитическую «веру». Та же «роковая женщина» якобы сыграла существенную роль и в отношениях Фрейда с К.Г. Юнгом: два корифея посвятили аж 40 писем осуждению этой персоны, поскольку она была влюблена в Юнга (фактически — своего врача) и досаждала ему письмами.

Единственная положительная героиня всего повествования, которой уже, казалось бы, можно ставить памятник, под конец характеризуется выводом, весьма характеризующим как её саму, так и очарованного ею Эткинда. Нежелание Сабины Шпильрейн покинуть Ростов накануне прихода нацистов, по его интерпретации, объяснялось тем, что она ждала прихода немецкой армии с надеждой. Для «наивной девушки», оказывается, немецкая нация была нацией великого Юнга, и она не ожидала, что её поставят к стенке вместе с другими ростовскими евреями. То есть была настолько аутична, чтобы не знать об «окончательном решении еврейского вопроса»? Или настолько оптимистична, чтобы ждать от немцев восстановления справедливости, нарушенной вышеназванным постановлением?

«Знала ли Сабина, что со своим интересом к “неуловимому” и к духу расы Юнг примыкал одно время к нацистскому движению?» — вопрошает автор, поднимая другую поныне неудобную для научного сообщества тему: ведь Юнгу на мировом уровне симпатии к нацизму прощены — так же, как и Мартину Хайдеггеру. Так же, как банкирам Варбургам и голландскому принцу Бернарду прощено пребывание в рядах СС, Отто Хану — участие в германских ядерных разработках, Альберту Эйнштейну — в Манхэттенском проекте, а нацистским профессорам Фрицу Ленцу и Ойгену Фишеру — их научное обоснование улучшения человеческой расы.

Разгадка, видимо, состоит все-таки в аутизме, но не детском, а приобретённом — по причинам, которые автор — бывший сотрудник НИПНИ им. Бехтерева — отказывается признать болезненными, но не изложить не может. В одном из писем к Сабине Шпильрейн Фрейд желал ей «полного излечения от фантазий», ко-

торые состояли… в её желании родить нового Спасителя от смешанного арийско-семитского союза с Юнгом.

Истерия или шизофрения? На этот вопрос, как мне представляется, отвечает сама смерть Сабины Шпильрейн. Два корифея, столь много времени посвятившие себя общению с ней, сочли бред величия за фантазию — в чём её выжившим потомкам, которых обхаживает Эткинд, остаётся только их и винить.

В процитированном выше письме к Сабине Шпильрейн есть замечательный пассаж: «Сам я, как Вы знаете, излечился от последней толики моего предрасположения к арийскому делу. Если ребёнок окажется мальчиком, пожалуй, я бы хотел, чтобы он превратился в стойкого сиониста. В любом случае он должен быть темноволосым, хватит с нас блондинов. Пусть избавимся мы от всего “неуловимого”! Мы евреи и останемся ими. Другие только эксплуатируют нас и никогда не поймут и не оценят нас», — пишет Зигмунд Фрейд.

Излечиться можно от болезни, наваждения, дурной привычки. Как следует из признания Фрейда, арийский пафос когда-то затронул его, а потом уходил постепенно, «толикой за толику». И уезжать из Вены он не хотел вплоть до 1938 г., хотя его книги были сожжены в 1933 г. Оставалась «толика надежды»? Существенная деталь: психологу и члену НСДАП Антону Зауэрвальду было поручено в освободившейся после разрешённого отъезда квартире Фрейда открыть Музей расовых исследований — то есть мемориализировать жилище «идеологического врага».

Отношения эксплуатации, на которые жалуется разочарованный Фрейд, являются синонимом не отчуждения и не вражды, а только подчинения, уязвляющего самолюбие. Фрейд обижен на то, что рейх не использовал психоанализ так, как он рассчитывал, не стал частью арийского мифа. Альтернативный сионистский идеал, к которому он решил склониться, никак не связан с иудаизмом: незадолго до отъезда Фрейд пишет работу «Моисей и монотеизм», в которой пророк изображается не более чем племенным вождём. Это некая мечта об интеграции своего учения в другую культуру на другой территории — не осуществленная из-за болезни, из-за болей в челюсти (эпителиома глотки), из-за которых — или по иной причине? — он спустя год жизни в Лондоне настаивает на эвтаназии, хотя до сих пор его выручал кокаин.

Первая возможная причина — вынужденный отрыв от привычной венской среды, перемещение в английскую культуру из родной германской. Связь с этой средой вряд ли умещается в термин «ассимиляция». Отказ австрийца Гитлера от услуг еврейского интеллекта — крах не только иллюзий Фрейда. Это крах традиции партнерства Габсбургов с еврейскими банкирами и советниками, это крах еврейского участия в германских делах при Бисмарке и Вильгельме. В русскоязычной берлинской «Еврейской газете» потомок ветерана Первой мировой войны Карл Абрахам, опираясь на рассказы отца, напоминает, насколько массовым было участие евреев в германской армии — 95 тысяч из 550 тысяч, «то есть практически в каждой семье был солдат». Это был призыв эпохи вызова человека Богу, призыв империи, раздавившей монархии и увлекшейся «Философией истории» Гегелем и «Заратустрой» Ницше (12).

«Поражение Троцкого поставило точку над целым периодом истории, может быть, лучшим временем для интеллектуалов. Политическая победа Сталина означала победу мрачной самоцельной силы над светлыми абстрактными мечтаниями,

победу воли над разумом, почвы над культурой, харизмы над утопией, Ницше над Гегелем». Этот стон А.М. Эткинда выражает не философскую позицию — вряд ли он не читал расистскую «Философию истории», — а то же самое разочарование, которое постигло Сабину Шпильрейн. Влияние Ницше не только на Горького, но и на Ленина и Сталина — для него аксиома, вытесняющая исторические и политические аргументы на основе «актуализации латентных признаков», как сказал бы специалист из школы Снежневского.

«Светлые абстрактные мечтания» психоаналитиков, как и их воспреемников из Франкфуртской школы, изначально базировались на германском величии, на новой роли Германии в геополитике, на равных с Великобританией и Соединенными Штатами. Это им был дорог Ницше — во всяком случае, дорог больше, чем Кант, в жизни не противоречивший «сложившемуся порядку» и не склонный к геополитической романтике. Тот же Эткинд признает, что педология в советской интерпретации, которой покровительствовал Троцкий, была выражением идеи переделки человека, навеянной Ницше. Идеи, от которой Сталин в итоге отказался, вместо этого обратившись к церковной и военной традиции, запечатлённой в родовой памяти. И тот же Эткинд признаёт, что в Германии для Сабины Шпильрейн самой большой ценностью был именно Ницше:

«Шпильрейн трактует “вечное возрождение” и идею сверхчеловека как результат идентификации Ницше с матерью: его любовный союз с матерью таков, что он не представляет себя иначе, как собственную мать, и свою мать иначе, как самого себя. Он беременен сам собою, и потому, действительно, готов возрождаться вечно. И он сам, и человек вообще, и всё человечество в целом для Ницше равно матери, вынашивающей великолепное дитя. Человек — это то, что нужно преодолеть, потому что человек родит сверхчеловека».

И в этом она солидарна со своим возлюбленным Юнгом, из чего и рождается так называемая «фантазия» о мессианском слиянии арийского и еврейского начал: «Такой подход в более чистом виде соответствовал методологии Юнга, как раз тогда подытоженной в “Метаморфозах и символах либидо”. Юнг впоследствии указывал на то, что идеи Шпильрейн связаны с одной из глав его книги, в которой он рассказывает о двойственном значении материнской символики. Возможно, это и так, но скорее оба они основывались на одном и том же источнике, которым был Ницше. Как раз в это время ницшеанские мотивы становятся очень частыми в письмах Юнга».

Юнгу, действительно, некуда деться от Ницше: переживания, связанные с собственной матерью, для него не менее актуальны. И точно так же, как у Ницше, его отношение к своей матери — отношения симбиотической зависимости, любви-ненависти. Начиная с того периода, когда его мать, изначально — эксцентричная и властная глава семейства, начинает закрываться в комнате и беседовать с призраками, а потом на полгода помещается в психиатрическую клинику. Переживания болезни матери — первопричина интереса Юнга и к психиатрии (в чём он не одинок), и к Фрейду, который убеждает его в своей версии его собственных «эдиповских» переживаний. Другое дело, что к Ницше Юнг приходит не сразу: несколько лет он спорит с Фрейдом, сопротивляется «дионисийскому» началу (его отец-подкаблучник всё же был пастором), брюзжит на других коллег Фрейда: «Доктор Гросс заходит слишком далеко со своей модой на сексуальные короткие замыка-

ния… Доктор Эйтингон позволяет себе расторможенное отреагирование сексуальных инстинктов». Он долго страдает, прежде чем признаться Фрейду в главной собственной проблеме, не имеющей отношения к Эдипову комплексу: «Моё отношение к Вам скорее носит характер “религиозного” преклонения. Хотя это не так уж беспокоит меня на деле, мои чувства неприятны и смешны для меня, и я не могу отрицать их эротическую подоплеку. Это отвратительное ощущение восходит к случаю, когда я мальчиком стал объектом сексуального покушения со стороны мужчины, которого я боготворил. Поэтому я боюсь Вашего доверия. Я также опасаюсь реакции с Вашей стороны, когда я говорю о своих интимных делах».

Юнг к этому времени отслужил в швейцарской армии, защитил диссертацию по психиатрии, был женат и имел детей. Однако амбивалентность в отношениях с Фрейдом (как и с матерью) только усугубилась после признания. А особенно после того, как в 1913 г. Юнг начал «видеть видения и слышать голоса». (Фактически это был второй приступ: первый развился в 12 лет после эпизода, когда на него «навалился мальчик», тогда Юнг полгода не выходил из дома.)

Переживания юности, в которых он признался, отразились в теоретических расхождениях с Фрейдом: в юнговской схеме личности-мужчины присутствует женское начало, anima, которое приходится постоянно подавлять. Коллективное бессознательное, дух нации, помогает этому избавлению.

Этот ход рассуждений перекликается с переживаниями Отто Вейнингера — венского студента, который во время работы над диссертацией о бисексуальности почувствовал, что у него есть двойник («Тебе не приходила в голову мысль о двойнике? Вдруг он сейчас появится, а?.. Это тот, кто всё знает о человеке. Даже то, о чём никто не рассказывает», — говорил он своему другу Артуру Герберу) и принял решение покончить с собой, но затем «решил, что не время», и занялся сочинением 600-страничной книги «Пол и характер». В книге он обосновал отказ от собственного еврейства тем, что евреи, как и негры, «насквозь пропитаны женским началом», в отличие от арийцев, и перешёл в католицизм. Ни смена веры, ни путешествие (его притягивала Венеция) не спасли от рецидива депрессии и переживаний, связанных с двойником: в 23 года он застрелился в доме Бетховена, оставив записку: «Я убиваю себя, чтобы не убить другого».

Как сами психотические переживания (положительный бред двойника), так и попытки личности найти способ избавления от них в случае с Вейнингером скорее типичны, чем оригинальны. Что касается идеологического содержания совершенного им выбора и его мотивов, а также вкусов и оценок («Вагнер — вторая по величине личность в истории после Христа»), то они кажутся противоестественными только ретроспективно. Фабула бреда была созвучна настроениям времени (1903), которые психоз лишь утрировал.

Вейнингер, как пишет О. Булгакова, оказал сильное влияние на Сергея Эйзенштейна — «*не прогнозами смерти цивилизации в связи с нарушением равновесия биологической бисексуальности в сторону Женского (и еврейского) в современной культуре, а культурологической концепцией Мужского и Женского и трактовка биполярности в мифе об андрогине, идущем от Платона и алхимии к Сведенборгу. Сведенборг понимал андрогина как парадигматический образ совершенного человека, воплощающего первичное единение Мужского и Женского и обладающего поэтому полнотой в самом себе, включая полноту знания*».

Спасибо за разъяснение. Вейнингеру было трудно преодолеть свой синдром двойника: он начитался работ Эммануэля Сведенборга — талантливого инженера-изобретателя, которому однажды «видение» сказало, что он — Пророк и поэтому не должен есть мяса, и который был бы высмеян и забыт, если бы не конъюнктура раскола и трансформации христианства, из которой возникает одновременно Сведенборговская церковь, масонская ложа и британское Вегетарианское общество.

Вейнингера тянула в Италию та же самая сила, что привлекала Аби Варбурга. Античное начало, воплощаемое в официозном искусстве, создаст ауру, которая неудержимо вовлечёт в себя швейцарского немца Юнга, поставив себе на службу его гомосексуальные комплексы. Та же аура какое-то время действовала и на Фрейда.

6. Мексиканские страсти Варбурга

Вторая возможная причина суицидального исхода Зигмунда Фрейда состоит в его собственной эндогении. Фрейд в 1900 и 1923 гг. переносил психотические приступы, умещающиеся в диагностические рамки периодической депрессии. Двое из его многочисленных племянников покончили с собой в юношеском возрасте. Оказало ли это влияние на его мировоззренческие представления? С 1920 г. в его работах появляется термин Todestrieb — стремление к смерти, которое в последних его учебниках квалифицируется как самостоятельная побуждающая сила наряду с либидо. По существу его картина мира становится дуалистической начиная с Jenseits der Lustprinzip: помимо принципа удовольствия существует мотив, реализующийся не обязательно в суициде, а например, в возделывании земли. Его ученики назовут эту второе начало mortido, а в мифологической интерпретации — Thanatos в противоположность Eros, и этот дуализм станет неотделимым от фрейдизма как философии и от психоанализа как практики.

Вслед за его прямым учеником Паулем Федерном изучение мотивов суицида заинтересует Эрика Берна — который, впрочем, под видом дополнения к психоанализу разработает собственное учение — скрипт-анализ, не оставляющее от психоаналитической трактовки человеческого выбора камня на камне.

Непосредственный ученик Фрейда Вильгельм Райх сосредоточится на изучении психической энергии. Как и Берн, он откажется от дуалистической («равновесной») картины мира. За это он будет жестоко наказан: его лабораторию закроют, а книги сожгут. И не в СССР и не в нацистской Германии, а в «цитадели свободы» — США. Больше того, эксперты придут к выводу о том, что он страдает душевным заболеванием с идеями величия. Поскольку Райх дважды нарушит неписаные правила поведения: вступит в компартию и займется исследованиями, отнесёнными к спецведомствам, — при этом не давая спецведомствам никаких обязательств.

Если бы психологическая наука в США была свободна от наднаучной и надполитической конъюнктуры, основы фрейдизма (положения о комплексах Эдипа и Электры и построенные на них методы индивидуальной «терапии») были бы давно признаны если не шарлатанством, то субъективизмом профессионала, путающего науку с искусством. Иначе говоря, его удачные опыты лечения были бы призна-

ны результатом его врачебного дара, но не теории. Ведь не считаются же в нашей стране наукой несомненно удачные опыты Владимира Дурова с передачей собакам мысленных команд: у Дурова собаки исполняли вслух не озвученные команды, а у коллег этого не получалось: это было искусство.

В отличие от фрейдизма, учение Берна о психологических трансакциях между тремя элементами предсознания (Родитель, Взрослый, Ребенок), а также о предсознательном выборе индивидуальной судьбы применимо к любому человеку, включая глухонемого, перед которым психоаналитик бессилен. Но Берн, вместо того чтобы засекретить свои открытия, изложил их настолько популярно, что ими мог бы воспользоваться и геополитический соперник.

Тайны психической энергии, поставленные на службу государственным интересам, в свою очередь, избавили бы народы от разрушительных войн в случаях, когда некий лидер «должен уйти», но не хочет. Райх влез в государственную епархию — и стал неудобен.

В то же время, хотя начало XX века с его модой на иррациональное и интересом к подкорковым мотивам давно прошло, психоанализ остался и стимулируется в научной среде и в информационном поле. Никто не запрещает называть фрейдизм шарлатанством, но эти оценки мейнстрим признаёт не более чем частной точкой зрения. Мейнстрим его культивирует: на одно скептическое высказывание о Фрейде следует целая серия похвал, его не только ставят в один ряд с Эйнштейном, но даже сравнивают с Платоном и Фомой Аквинским. Более того, сама принадлежность к роду Фрейдов открывает настежь дорогу к карьере в самых разных областях, как и к сватовству с титулованными особами. Фрейд не был банкиром, однако его род почитается так же, как род Варбургов или Рокфеллеров.

Эта волна признания заслуг следует за «сексуальной революцией», которая выносит на поверхность его последователей — Герберта Маркузе и Жака Лакана, в то время как его критик Сартр, несмотря на известность, теряется на фоне новых «светильников разума».

Примечательно, что авторы апологетических опусов основную заслугу Фрейда усматривают не в его исследованиях сновидений, не в его систематике неврозов, не в описании механизмов психологической защиты, развитом Анной Фрейд (эта часть его учения, несомненно, вносит вклад в поведенческую психологию и даже в этнопсихологию), а в объяснение индивидуального развития Эдиповым комплексом. Позитивно оценивается именно тот самый спекулятивный элемент учения, который в сочетании с психотехниками разного сорта оправдывает отчуждение человека от его рода, «освобождение от гнёта» родительского влияния. Эта конъюнктура настолько сильна, что Эрик Берн в своей последней книге «Что мы говорим, когда здороваемся» — чтобы с ней не случилось того же, что с наследием Вильгельма Райха? — опровергает сам себя, отказывая человеку в выборе позитивного скрипта в пользу освобождения от любого «навязанного родителями» сценария (впрочем, эти завершающие абзацы написаны так вымученно и неубедительно, что воспринимаются именно как подцензурный компромисс, а от лечебной практики «освобождение» заведомо оторвано, поскольку автор не объяснил, зачем и каким образом его реализовать).

Райх не оказался бы жертвой американской карательной психиатрии, если бы овладение психической энергией не было idée fixe англо-американского финансо-

вого истеблишмента — и в конце XIX века, когда миф о сверхцивилизации воплотился в романе Эдварда Булвера-Литтона «Вриль. Сила грядущей расы» (1871), и в 1920–30-х гг., когда Великая депрессия пошатнула основы «американской мечты», и в конце 1940-х гг., с возникновением ядерного паритета. И во всех случаях — при развязывании Первой мировой, при подготовке Второй мировой, при внедрении постиндустриальной парадигмы — искатели магического начала обращались к дохристианской культурной истории и к культам примитивных народов.

Кафедра психиатрии Крымского мединститута, в противоположность психологам из гнезда Выготского и их братьям по разуму из гнезда Аби Варбурга и Эрнста Кассирера, интересовалась не преемственностью магических рецептов, а наследованием душевных болезней. Злокачественность течения и ранний дебют, по оценке А.Н. Корнетова и сотрудников, коррелируют не только с полом, но и с этническим происхождением. Ранняя детская недифференцированная шизофрения — «привилегия» развитых цивилизаций, а острейшие и кратковременные, не оставляющие заметных последствий психозы свойственны, напротив, молодым этносам, ввиду длительной изоляции задержавшимся в развитии.

Коллектив Корнетова обратился к материалам старшего поколения отечественной психиатрии. В работах дореволюционных авторов острейшие кратковременные психозы, именуемые эпизодическими, описывались у ряда северных и восточносибирских племен. С такой же клиникой встречались сотрудники профильных НИИ у граждан ряда африканских стран. Иностранцы в советский период не стационировались в обычные межрайонные больницы, и этот контингент автоматически «доставался» научным учреждениям. Практическая сложность состояла в том, что в НИИ в отличие от межрайонных больниц пациентов (а иностранцев тем более) не разрешалось физически ограничивать, а в этом была объективная потребность. Приходилось идти на ухищрения — использовать, например, без записи в истории болезни такой мощный, но запрещённый к применению препарат, как оксибутират натрия.

Кроме того, только у отдельных примитивных народов описывались массовые индуцированные психозы, которыми от одного больного «заражалась» целая деревня. В 1982 г. мне попалась на глаза небольшая междисциплинарная работа, выполненная группой специалистов из Хабаровска, где изучалась связь между практикой шаманов в Якутии и наследственной предрасположенностью к острейшим периодическим психозам. По данным этого исследования, искусство вхождения в так называемый транс (в бытовом, а не научном применении этого термина) было результатом передачи во многих поколениях искусства управления собственным состоянием — сдерживания начала психоза, о приближении которого свидетельствовали мучительные мигренозные боли, и «высвобождении» его в культовых действиях, при которых экстатические переживания передавались всей «пастве».

У племён Дальнего Востока краеведы и местные писатели (в частности, Рувим Фраерман в повести «Васька-гиляк») отмечали традицию употребления эйфоризирующих растительных препаратов. Как и у племён Центральной Америки, употребляющих мескалинсодержащие грибы для культовых целей, смысл традиции состоял в достижении состояний, аналогичных естественным.

Аналогичный «спиритуальный опыт» привлекает в Центральной Америке вначале британских розенкрейцеров, затем теософский кружок Елены Блаватской, за-

тем Аби Варбурга, племянник которого Джеймс Пол Варбург в Конгрессе США публично обосновывает неизбежность создания глобального правительства.

Персональный фактор, конечно, имел значение, о чём свидетельствует описание мексиканского паломничества Аби Варбурга его биографом Марио Люшером:

*«Другие фотографии явно демонстрируют желание Варбурга непосредственно участвовать [в ритуале]. На следующей картинке мы видим его рядом с танцором Хопи, окружённым индейскими масками. Они были сделаны по случаю Hemiskatchina-Dance, ритуал Хопи, связанный с будущим урожаем. У Варбурга была возможность присутствовать на этой церемонии, во время которой индейцы, надевшие специальные маски, посещали деревню и приносили благословение богов своими танцами. Простое присутствие полубожества Качины и их строго ритуализированные танцы гарантировали успех церемонии. Они, однако, приписывали своё могущество полностью своим маскам, которые превращали их обладателя в своего рода демона-посредника между богами и людьми. Ношение маски и посредством этого следующее преображение в Качину было доступно лишь мужчинам, прошедшим инициацию в сообществе Хопи. Во время танцев актёры удаляются на край деревни, чтобы отдохнуть и там же снять маски, что делает место табуированным для любого "не-Качины". В середине этой сцены мы обнаруживаем Варбурга, принуждающего одного из танцоров позировать вместе с ним для фотографии, действие, которое привлекает внимание окружающих их индейцев. В очевидном случае трансгрессии Варбурга, в порыве провозгласить себя сверхъестественным существом на целлюлоиде, попытке участвовать в "свободном действии, выходящем за пределы шизофренического", (**переживание многих личностей одновременно, как он называл это),** становится очевидным. Как показано на следующей картинке, Варбург не побоялся сам надеть эту сакральную маску в надежде пережить магическое преображение в Качину»* (13).

В 1930-х гг. в Мексику возвращаются Оскар Ичазо и Клаудио Наранхо — ученики Георгия Гурджиева, которые приносят эту практику в Esalen Institute, где при участии Тимоти Лири и Ричарда Альперта непосредственно практикуется воспроизводство острых шизофренических психозов при помощи естественных и искусственных галлюциногенов. Дальнейшие опыты на калифорнийской базе, на территории бывшей мексиканской крепости Президио, включают эксперименты с биоэнергетическим преодолением физических барьеров и одновременно (под тем же руководством генерала Стабблбайна) — с обучением грудных детей половым извращениям с поглощением кала и мочи друг друга. «*Образы мочи и кала амбивалентны, как и все образы материально-телесного низа: они одновременно и снижают-умерщвляют и возрождают-обновляют, они и благословенны и унизительны, в них неразрывно сплетены смерть с рождением, родовой акт с агонией*», — рассуждал индоктринированный Бахтин.

7. Кредо и страхи семьи Джорджа Сороса

Наследие Аби Варбурга почитается не только в Лондоне, где работает институт, названный его именем и сегодня сосредоточенный на влиянии исламской цивилизации на европейское Возрождение (в период, когда «арабская весна» провозглашается аналогом европейского лютеранства). Его высоко ценит фонд «Открытое общество» Джорджа Сороса, что навлекает на спекулянта-филантропа и сторонника легализации наркотиков дополнительные упрёки.

Джорджа Сороса американские правые католики считают коммунистом, русские националисты — сионистом, а израильские правые — предателем еврейства: широко известно участие Сороса в финансировании саботажных антиправительственных кампаний через множество опекаемых пацифистских, правозащитных и гендерных структур — как еврейских, так и арабских. Пристрастные биографы упоминают о его бытовой неряшливости, об эпизодах неадекватного поведения, но чаще всего цитируются его признание в мечте о власти над миром, которые он в детстве старался вслух не озвучивать («я воображал себя чем-то вроде Бога»), так как боялся, что его сочтут сумасшедшим. Сорос разоткровенничался при Клинтоне, когда пришёл к выводу, что его мечта сбылась: «То, что раньше было советскими республиками, теперь — соросовские республики… Зачем нужно НАТО, если есть мой фонд?» и т.п. Идеи величия?

Отец Джорджа (Дьердя) Сороса, Тивадар Шварц, был человеком, без преувеличения, редкой судьбы: он удивительным образом дважды выпутывался из опасных военно-политических обстоятельств. Во время Первой мировой войны Тивадар, солдат австрийской армии, оказался в лагере для военнопленных в Якутии. Оттуда, по словам его сына, он уже во время гражданской войны якобы бежал на плоту, не зная даже направления: «Они (участники побега) долго плыли вниз по реке. И только когда стало холодно, догадались, что все реки здесь впадают в Ледовитый океан, тогда сошли с плота и пошли наугад через тайгу» (14).

Позже Джордж Сорос добавил к этому рассказу, что его отцу помогло знание языка эсперанто, которым он увлекался: начальник лагеря тоже увлекался эсперанто, и Тивадар и двое других эсперантистов имели в лагере особые привилегии… Историю про плот он в этом интервью не комментировал.

История путешествия через Сибирь была изложена самим Тивадаром в романе «Современные Робинзоны», опубликованном на эсперанто. Из повествования следовало, однако, что Тивадар вначале из сибирского лагеря для военнопленных скрылся в Японию, а пресловутое путешествие на плоту было частью путешествия его и нескольких других заключённых из японского лагеря для перемещенных лиц через Россию в Европу.

Маршрут путешествия в изложении Тивадара Шварца был таким: по Транссибирской железной дороге от Хабаровска до Ксеньевской, трудный переход через реку Черный Урюм, поход через сибирскую тайгу, остановка у кочевников-арачонцев (видимо, орочей) и наконец, возвращение к цивилизации на плоту по реке Витим.

Для чего понадобилось уходить от цивилизации, чтобы с такими усилиями к ней возвращаться? И в чём была цель такого путешествия в Европу, к которому по пути примкнули австрийцы Сепи и Дельфи, в пути съевшие своего товарища Ганса?

На германском портале Arcadepub.com история дополняется весьма любопытной деталью: «По пути обратно в Венгрию ему также удалось заехать в Москву, где он содействовал созданию Советской ассоциации эсперанто».

Так что это было — побег, авантюра человека с психопатическими наклонностями, каких в истории эсперантизма много (взять священника Иннокентия Серышева, в годы революции сначала пытавшегося проповедовать на эсперанто, затем написавшего статьи «О признании Красного Китая» и «О Соединённых Штатах человечества», бродившего пешком по Японии, а затем осевшего в Австралии и снова в качестве священника удивлявшего русских эмигрантов предложением купить острова в Полинезии и создать там государство), этнографическая экспедиция или разведывательная операция?

Последний вариант кажется на первый взгляд наименее вероятным: Австро-Венгерская империя пала, Венгерская Советская республика разгромлена, правое правительство молодого Хорти, по идее, никак не должно симпатизировать анархо-интернационалистским языковым экспериментам…

Для бдительных американских республиканцев увлечение отца Сороса эсперанто — одно из доказательств принадлежности всего семейства к коммунистическому лобби. Участие в советском мероприятии 1920 г. — лишняя «улика».

Но тогда возникают вопросы не только к Соросу, но и к Миклошу Хорти. Как он допускает на своей территории явно ультралевое движение интеллектуалов?

В 1922 г. Тивадар Шварц начинает выпуск в Будапеште журнала «Literatura Mondo» — «Мир литературы», который становится центром кристаллизации литературы на эсперанто, форумом, где публикуют свои первые работы писатели-эсперантисты Кальман Калочай и Дьюла Баги.

И никто не мешает самовыражаться ни Соросу, ни Шварцу, ни Калочаю, ни Баги. Другое дело, что венгерские классики эсперанто, мягко говоря, очень далеки от коммунизма. В названиях произведений Калочаи — «Секретные сонеты», «Эзопова мудрость», «Двенадцать ночей дьявола» — какие-то идеи явно звучат, но отнюдь не левые. Ещё его перу принадлежит «Свобода и любовь» — но это избранные переводы Петефи.

Дьюла Баги менее склонен к мистике. Он написал три книги о жизни австро-венгерских военнопленных в Восточной Сибири, но не авантюрных, а трагических. Он больше прославился гуманистическим романом «Зелёное сердце». В этом есть логика: символ эсперантистов — зелёная пятиконечная звезда. Зато его письмо-обращение к братскому народу удмуртов и стихи, посвящённые родству венгерского и эстонского народов, ни к какому интернационализму отношения не имеют. Эта песня — из другой оперы.

Нельзя сказать, что Баги был единомышленником главы Всемирной ассоциации эсперантистов (САТ) Эжена Ланти: тот проповедовал «безнациональность», а вовсе не венгерско-эстонскую дружбу.

Эжен Ланти с начала 1930-х гг. критикует Сталина. По времени его разочарование в советском руководстве совпадает с опалой Троцкого, который, как и А.В. Луначарский, поддерживал эсперанто, более того, считал его языком мировой революции. Принято считать, что два судебных процесса против советских эсперантистов (1937 и 1938) — результат расхождения руководства САТ с формулой Сталина о построении коммунизма в отдельно взятой стране, и отсюда же — квалификация эсперантистов как троцкистов.

Но всё было сложнее. Первые аресты эсперантистов относятся к 1936 г. Первые две «жертвы произвола» — Оскар Янович Лейланд, периодически путешествующий в буржуазную Эстонию, и бывший торгпред СССР в Германии, уроженец Берлина Герберт Ильич Муравкин.

В том же году руководство Союза эсперантистов советских республик (СЭСР) публично и организационно отмежёвывается от САТ. Тем не менее, в апреле 1937 г. арестовывают как Владимира Варанкина, старейшего эсперантиста и поэта, продолжающего контакты с САТ, так и бывшего комиссара и лояльного председателя СЭСР, латыша из остзейских немцев Людвига Карловича Дрезена. Роковую роль для Дрезена играет донос, инициативно составленный украинским советским писателем Владимиром Саввичем Кузьмичём. Там утверждается, что Дрезен рекомендует организации активизировать контакты с «будапештским центром», в том числе с литераторами Калочаи и Баги.

Вторая волна арестов — результат допросов бухгалтера СЭСР А.Т. Самойленко, экспедитора Г.А. Степанова и заместителя главы московского клуба эсперантистов В.И. Горожеева. Экспедитор, безразличный к «делу эсперантизма», механически перечисляет имена, встречавшиеся ему по переписке. Горожеев, имя которого назвал Степанов, старается обелить себя (он будет выведен В.Т. Шаламовым в рассказе «Эсперанто» под фамилией Скоросеев, в том же ИТЛ пребывает зэк «Нарынский» (Миримский?), обвинённый в шпионаже в пользу Венгрии и этим гордящийся). Однако логика вынесенных приговоров свидетельствует о том, что НКВД руководствовался прежде всего показаниями Самойленко. Бухгалтер, ранее работавший в Наркомвнешторге, рассказал, что в 1925 г. познакомился в Берлине с членами Союза советских студентов Гербертом Муравкиным и Владимиром Маркузе. Последний, по его словам, завербовал его для работы на германскую разведку, а затем, после отъезда в СССР, поручил передавать сведения Муравкину.

«С приездом из Германии в СССР БАТА Иосифа — Венгрия, а потом — МУРАВКИНА (1933 г.), к-р. шпионская деятельность значительно оживилась и при-

няла широкие размеры по всему СССР. На воинских предприятиях организовывались эсперантские ячейки бюро межрабсвязи. Из числа их вербовали людей для шпионской работы и через них получали необходимые шпионские сведения, которые шли, главным образом, в Германию для немецкой разведки», — написал Самойленко.

Венгр Йожеф Бата, до 1932 г. состоявший одновременно в компартиях Германии и Венгрии, в 1933 г. приехал в Москву. Именно этот человек, через запятую названный в инициативном доносе Кузьмича, интересовал НКВД. И не просто в связи с «будапештским центром», а потому что в период второго судебного процесса над Матьяшем Ракоши, участником венгерского восстания 1919 г., тайно отправленным в Венгрию в 1924 г., выяснилось, что этого коммуниста-сталинца сдал полиции Хорти именно Бата.

Матьяш Ракоши в 1935 г. на повторном суде был приговорен к пожизненному заключению; через пять лет Москва его обменяет на трофейные венгерские знамёна. А НКВД занялось Батой и его контактами в СССР. В числе контактов помимо попавшего под раздачу Дрезена оказались сотрудники не только Наркомвнешторга, но и Наркомсвязи, один из них — бывший заместитель наркома Николай Моденов, а также сотрудник Союзвзрывпрома Григорий Демидюк. Показания на Бату, кроме его супруги, дали ещё двое эмигрантов из Венгрии. При этом речь шла о его работе на венгерскую, а не германскую разведку. Ещё одним подозреваемым (и расстрелянным) оказался Федор Павлович (Ференц) Робичек — сын заместителя министра почты Венгерской Советской Республики. Ещё одним — Михаил (Миклош) Аронович Розенфельд, на момент ареста — заместитель главы НКВД Таджикистана.

На кого на тот период работали Герберт Ильич Муравкин и Владимир Максимович Маркузе, о которых сегодняшние составители мартирологов почему-то не плачут?

Название «Союзный центр», которые составители мартирологов позиционируют как типичную для сталинских палачей следовательскую фикцию, упоминал на допросах только А.Т. Самойленко. «В основном для германской разведки», — писал он. А ещё для какой? А «Будапештский центр» — тоже вымысел? Тогда что такое «центр кристаллизации эсперантистов», о котором сейчас пишут немецкие историки? И если московские эсперантисты ни к какой антигосударственной деятельности причастны не были, то как объяснить их концентрацию в государственных ведомствах связи и на предприятиях, связанных с радиоприборами и взрывотехникой?

(Примечательно, что высшая мера досталась немногим. Её избежал один из самых активных «международников» П.Д. Мостепанов; её избежал, несмотря на ответственную должность, Н.Д. Моденов. И даже П.Н. Шумилов, на первом допросе в 1937 г. показавший, что намеревался «взорвать Красную площадь», был осуждён всего на 5 лет ИТЛ, поскольку год спустя от своих показаний отказался. Двое подозреваемых проходили судебно-психиатрическую экспертизу в НИИ Сербского, из них один сразу признан невменяемым, другому 8-летний срок был сокращён до 3 лет, после чего он воевал в звании старшины и заслужил Орден Красной Звезды. И это в тот период, который считался самым брутальным…)

По возвращении в Венгрию отец Сороса продолжал преподавать эсперанто. Об источниках своего состояния он не распространяется, но семья была зажиточ-

ной ещё в 1930-е гг. В 1936 г. якобы из-за антисемитизма он сменил фамилию семьи, Шварц (которая распространена и у немцев и «подозрительной» не является), на «Сорош», что по-венгерски означает «наследник», «преемник», а на эсперанто — «взлетим вверх». С приходом немцев 1944 г., если верить его мемуарам «Маскарад» (1965), семья сменила жительство и приобрела фальшивые документы, «чтобы слиться с местностью, как поступают животные: это называется мимикрия». Далее рассказывалось о «тысячах людей», которым Тивадар помог, снабдив фальшивыми документами. За некоторые авантюры платить приходилось местным чиновникам-коллаборантам, которым автор не сочувствовал: «Наша семья недостаточно конвертировалась в христианство, чтобы отвечать хлебом на брошенный камень».

В завершающей части книги, написанной в авантюрном жанре с весёлым оттенком бахвальства, описывается битва советских и нацистских войск за Будапешт. Здесь есть трогательный эпизод: Сорос-старший и двое юношей помогают 17-летнему немцу-новобранцу спастись от неминуемого растерзания. На улице стоит советский танк, экипаж которого состоит из четырёх евреев (sic), и участь белокурого и синеглазого мальчика предрешена. «Мы помогли юноше забраться на подоконник, и представитель Третьего рейха сбежал из страны, оккупированной евреями».

Образ «еврейской оккупации», очевидно, был навеян более поздними событиями — приходом к власти коммуниста Ракоши и экспроприацией семейства. Джордж Сорос ещё в 1946 г. намеревался сбежать в Москву, «чтобы понять секрет власти». Но после 7 месяцев диктатуры Ракоши отец отправляет его в Англию, где в Лондонской экономической школе он учится у Карла Поппера и Фридриха фон Хайека.

Матьяш Ракоши (Розенфельд), уроженец Воеводины, в период Первой мировой войны — как Дьюла Баги и Тивадар Шварц — побывал в лагере для военнопленных в Восточной Сибири и был женат на якутке Феодоре Корниловой. У Шварца, похоже, сразу несколько причин для страха перед Ракоши. Он не только безжалостно расправляется с бывшими коллаборантами — особенно из партии «Скрещенные копья» Ференца Салаши (Салашьяна), которой Рейх передал власть силой в октябре 1944 г. Он помнит и «уклонистов» в коммунистических рядах и не может не быть наслышан об эсперантистах из того «Будапештского центра», сотрудник которого его сдал. Не потому ли Шварц сменил фамилию — не только свою, но и всей семьи — в 1936 г., что в это время Бата был арестован в Москве?

Вторая книга мемуаров Тивадара Сороша «Маскарад» была издана в 1965 г. Автор гиперболизировал свои заслуги в спасении евреев в период, когда его сын начал делать карьеру в США (он получил гражданство в 1961 г.). Можно предположить, что к сыну и отцу были вопросы в спецслужбах США, касающиеся времен как Первой, так и Второй мировой войны. В 1969 г. регистрируется Quantum Fund (на британских Вирджинских островах, право вкладывать средства по действовавшему законодательству граждане США не имели).

В 1998 г. заслуги Тивадара были поставлены под сомнение: республиканские оппоненты Сороса выяснили, что в 1944 г. он и юный Дьердь были завербованы в юденрат (выполнявший, как и в других странах, надзор за еврейским населением) и участвовал в описи имущества евреев, у которых нацисты конфисковывали собственность.

В телеинтервью Ларри Крофту Сорос изложил собственную версию событий: когда отец изготовил всей семье фальшивые документы, он заплатил взятку сотруднику министерства сельского хозяйства, чтобы тот взял к себе в дом 14-летнего Дьердя. При этом он признал, что присутствовал при описании конфискуемого имущества, но не очень понимал ситуацию в своём юном возрасте. В другом интервью он назвал тот период самым счастливым в своей жизни. Сведения о том, что он раздавал листовки, выпущенные юденратом (при этом выдавая себя за венгра), он не комментировал.

В 2006 г. тема конфискаций вновь заинтересовала республиканцев в связи с делом Кэтрин Швейцер в Австралии. Это была еврейка, у которой в Будапеште было конфисковано имущество по наводке юденрата. Швейцер сообщила, что в соседнем квартале Сиднея поселился еврей, описывавший её имущество. Через месяц Швейцер была найдена убитой, полиция подняла аналогичный случай с другим уроженцем Будапешта, датируемый 2000 г.

Позже Майк Кауфман в апологетической книге о Соросе назвал фамилию чиновника, у которого временно проживал Сорос с документами на фамилию Киш-Баумбах (без имени) и описал эпизод, когда Дьердь Сорос присутствовал при описи имущества крупного землевладельца Мора Корнфельда. О деловых отношениях между Тивадаром и Баумбахом ничего не говорится. По версии Кауфмана, мальчик «бродил по поместью, общался с прислугой Корнфельда, учился кататься на лошади, но больше всего боялся, чтобы кто-нибудь не увидел, как он писает (т.е. что он обрезан)». Эта выдержка из книги Кауфмана вывешена в рубрике «Часто задаваемые вопросы» на личном сайте Сороса.

В этом эпизоде пиар опять вступил в противоречие с фактами: выяснилось, что семья не была религиозной, более того, мать ранее перешла в католицизм. Сам Сорос проговорился, что его мать стыдилась своего происхождения. В итоге в той же рубрике на своём сайте под подзаголовком «религия» Сорос поясняет, что он атеист и «уважает все вероисповедания и религиозные практики».

В США Сорос дважды женился, обе супруги были англосаксонского происхождения. 12 июля 2013 г. стало известно, что 82-летний финансист помолвлен с 40-летней телеведущей Тамико Болтон (грузинского происхождения по матери), занимающейся рекламой йоги. Дочь Сороса от первого брака, Андреа Сорос-Коломбель, в 1993 г. основала Trace Foundation, который «поддерживает культурную преемственность и устойчивое развитие тибетских сообществ на территории Китая».

Вопреки декларируемому атеизму в 1997 г. Сорос заявил о значении веры (faith) для западной цивилизации в период, когда слепая вера в свободный рынок создает тягу к чрезмерному обогащению крупных капиталистов. «Откровение» последовало за его участием в российском аукционе на 25% акций ОАО «Связьинвест».

Однако в 2004 г. в ходе кампании в пользу демократа Джона Керри Сорос высмеял Джорджа Буша за его религиозность, интерпретируя её как мотив для глобальной антитеррористической кампании и для вторжения в Ирак и Афганистан. Тогда же Сорос финансирует организацию MoveOn, которая поддерживает создание палестинского государства. В 2006 г. он одобряет саудовскую Арабскую мирную инициативу, после чего в Jerusalem Post его характеризуют как «self-hating Jew», «еврея, ненавидящего самого себя».

Фактически отношение Сороса к своему этносу амбивалентно: с одной стороны, он многократно упоминает холокост и заверяет, что его отец спасал евреев, с другой, объясняет равнодушие к Израилю равнодушием к племенным отношениям. В то же время он неравнодушен к племенам Южной Африки. Первый благотворительный филиал его фонд открывает в 1979 г. в ЮАР для поддержки чернокожих студентов, после «падения апартхейда» финансирует племенные проекты зулусов.

Лоялен ли глобалист Сорос к какой-либо нации или её наследию? В 1984 г. он открывает в Будапеште Центральноевропейский университет, в который входят чиновники правительства Кадара. С венгерскими служащими он не находит разногласий — в отличие от чиновников Сербии и Хорватии после распада СФРЮ.

В Сербии основная претензия к Соросу связана с его поддержкой сепаратистов Воеводины, входившей в состав Австро-Венгрии. На ленте, выпускавшейся в 1990-х гг. дочерней структурой CEU — Open Media Research Institute, столь же пристально отслеживается трансильванское движение в Румынии и активность венгерских партий в Словакии. Премьер Словакии Владимир Мечьяр становится его третьим личным врагом — после Милошевича и Туджмана. В Чехии Сорос вызывает раздражение у Вацлава Клауса.

Ненависть Франьо Туджмана к Соросу («он тут создал второе правительство») сочетается с подозрениями к семье Габсбургов.

В 2005 г. Сорос вместе с Георгом фон Габсбургом входит в состав Международного центра демократического перехода (ICDT) при Совете за сообщество демократий. Вместе с ними в совете директоров — экс-госсекретарь Мадлен Олбрайт, бывшие послы США в Венгрии Роберт Блинкен и Герберт Уокер, принц Иордании Хасан бин Талал (на тот момент — президент Римского клуба), экс-глава МИД Польши Бронислав Геремек, президент Белградского фонда политического совершенствования Соня Лихт, посол Георг (Дьердь) фон Габсбург, президент Эстонии Тоомас Гендрик Ильвес, экс-президент Шри-Ланки Чандрика Бандаранаике, экс-глава МИД Украины Борис Тарасюк, а кроме того — глава Международного центра переходной юстиции Александр Борэн, знакомый ему по ЮАР.

Эсперантистская деятельность была возрождена при Хрущёве под эгидой ССОД в 1962 г. (год исключения Ракоши из ВПТ), в позднюю перестройку активизировалась, в начале 1990-х гг. рухнула, а спустя десять лет вновь оживилась. В 2009 г. в Эстонии пришедшая к власти правая коалиция, глава которой Т.Х. Ильвес входит в состав Мадридского клуба и ICDT, активизировала преподавание угрофинского «диалекта» эсперанто.

Тибор Шварц-Сорош, — конечно, своеобразная личность. Вероятно, гипертимная, судя по одинаковой задорности его повествований о самых жестоких временах века, судя по его приспособляемости и даже по избранной для семейства фамилии. Его известный всему миру сын, возможно, перенёс в детстве аффективный (маниакальный) психотический эпизод, который мог развиться в болезнь, но не развился (в таких случаях говорят: «болезнь постучалась в двери, но они не открылись»).

Но действия и отца и сына логичны. И в длиннике можно усмотреть не только общую логику, но и общую лояльность.

Миклош Хорти, правивший Венгрией до 1944 г. (хотя ещё в 1938 г. Салаши опубликовал сведения о еврейском происхождении его супруги), имел официаль-

ный статус протектора (регента) Королевства Венгрия. Гитлер не был уверен в его лояльности именно потому, что в этом статусе была зафиксирована лояльность австро-венгерскому императорскому семейству, хотя Хорти не имел права — по итогам Версальских соглашений — вернуть Габсбургов на трон.

Швейцарский профессор Богдан Гаврилишин, друг Отто фон Габсбурга, одновременно обучал Украину «азам рыночной экономики» и курировал возрождение скаутского движения, ради этого лично вступив в ряды «пластунов». При его участии Сорос открывал в 1989 г. структуру своего института под названием «Видраджэнне».

Гаврилишин подчеркивает, что принц Отто сыграл очень важную роль в восточноевропейских «бархатных революциях» (не упоминая, впрочем, о роли посла США в Венгрии, члена Совета по международным отношениям Марка Палмера). Действительно, в 2009 г. Deutsche Welle назвала мероприятие, организованное Отто в венгерском городке Шопрон у австрийской границы двадцатью годами ранее, «пикником, изменившим европейскую историю».

Мероприятие в Шопроне 19 августа 1989 г. действительно была не демонстрацией и не съездом, а завтраком на свежем воздухе — предшественником сегодняшних «прогулок» оппозиции, перед которыми органы правопорядка законодательно безоружны, поскольку это не митинг. Тысячи оппозиционеров из разных стран Восточной Европы жарили стейки, закусывали и пили пиво, а в это время пограничники Австрии и Венгрии торжественно открывали ворота на Братиславском шоссе — невдалеке от того места, где 27 июня того же года министры иностранных дел двух стран Алоиз Мок и Дьюла Хорн символически взрезали пограничное ограждение. Как потом похвалялся Отто фон Габсбург, «Панъевропейский пикник» был тестом на реакцию Москвы: именно тогда стало ясно, что Берлинскую стену можно валить. А через год в Львове начался выпуск журнала «Державність» с Соросом в редакционном совете, где популяризировался миф об Украине как «четвёртом Риме».

Принц Отто, которому только в 1965 г. было возвращено австрийское гражданство, двадцать лет заседал в Европарламенте, представляя там баварский ХСС. Его сверхценный интерес к наследию Российской империи не ограничивался Украиной. В 2000 г., порицая Владимира Путина за операцию в Чечне, Отто многозначительно заявил, что в России «о самоопределении где только не говорят — от Тувы до Мордовии».

Если мордва принадлежит к угро-финскому языковому семейству, как и привлекавшие внимание эсперантиста Баги эстонцы и удмурты, то Тува, где конкурируют буддизм и шаманские культы, казалось бы, астрономически далека от даже самых гипотетических границ великой Австро-Венгрии. Но вряд ли случайно Отто женил своего сына Карла на баронессе Франческе, дочери земельного магната Генриха фон Тиссена-Борневисы. Баронесса, как и его отец, была увлечена Востоком, а в особенности «делом Тибета», и была близко знакома с далай-ламой.

Карл фон Габсбург с января 2002 г. занимает должность (специально для него созданного) генерального директора Организации непредставленных народов (UNPO). Генеральным секретарем UNPO уже через год становится Марино Буздакин, уроженец г. Умаго в Истрии (ныне Хорватия), член итальянской Радикальной партии и Транснациональной радикальной партии.

Итальянская Радикальная партия больше всего известна портретом Махатмы Ганди на партийных билетах и скандальной славой порнозвезды, венгерской еврейки Илоны Сталлер по прозвищу Чиччолина. Она была депутатом итальянского парламента вместе с Эммой Бонино, которая затем возглавила Комитет ООН по правам человека и избрана в руководство Международной кризисной группы (ICG) вместе с Соросом и Збигневом Бжезинским.

Эта организация, проповедующая антипрогибиционизм в любой форме (включая полное равенство прав для лиц с сексуальными извращениями и полную свободу производства и распространения наркотиков), одновременно является одной из немногих в мире политических структур, пропагандирующих эсперанто.

Эсперанто также пропагандируется японской сектой оонто, основанной в 1892 г. В данном случае это не прихоть и не исполнение чьих-то желаний, а часть вероучения: секта считает изобретателя глобального языка Людвига-Лазаря Заменгофа святым. В 1990 г. делегация секты оонто приезжала в СССР и была принята президентом-генсеком М.С. Горбачевым.

Генсеку, к этому времени ставшему пантеистом и мысленно обитавшему в наднациональном пространстве, имя Заменгофа было дорого: «гилелизм», изобретенный этим уроженцем Белостока, был пантеистическим концептом, предполагавшим строительство храмов объединенной глобальной религии под зелёным знаменем (16).

Насколько повлиял на Сороса пантеистический бэкграунд эсперантизма? Теория открытого общества позаимствована им у своего соотечественника Карла Поппера. Однако именно Сорос превратил её в универсальную теорию, выходящую за рамки экономики и политики. Уместно предположить, что заменгофовский гилелизм и есть главное, что он унаследовал от отца. А поскольку гилелизм изначально был альтернативой сионизму, неприятие Сороса правыми израильскими кругами (и напротив, признание левыми) имеет не только политическое, но и мировоззренческое основание. Другое дело, что не каждый политик и публицист в современном Израиле знает о Заменгофе. Отсюда и возникает «когнитивный диссонанс»: то, что кажется «раздвоением личности», восходит к цельному, хотя и весьма своеобразному идейному источнику.

8. Мечты и искушения одного эрцгерцога

В январе 2010 г. премьер-министр и кандидат в президенты Украины Юлия Владимировна Тимошенко ошарашила многих своих избирателей, заявив, что если бы она жила в 1918–1919 гг., она вступила бы в Корпус сечевых стрельцов. Юлии Владимировне тогда задали вопрос: значит ли это, что она вступила бы потом в УПА? Она промолчала. Между тем был бы уместен другой вопрос: почему её «исторически манило» участие в Украинском сечевом стрелецтве (УСС) именно с 1918 г.? Ведь корпус УСС был создан австро-венграми ещё в 1913 г. из молодёжных (скаутских) организаций «Сокіл» и «Пласт».

Заявление Тимошенко можно интерпретировать как месседж или крик о помощи в канун выборов: симпатии к ней в 2007 г. публично высказал Отто фон Габсбург — почётный член фракции Европейской народной партии в Европарламенте. А отдельным отрядом сечевых стрельцов, образованных из УСС, именно с марта 1918 г. (после заключения Брестского мира, о котором хлопотал Троцкий) руководил Вильгельм Франц фон Габсбург, уроженец г. Пула в Истрии, именовавший себя «Василь Вышиваный» и ещё с 1911 г. (год основания «Пласта» в Львове) мечтавший стать королём Украины. О его планах русской армии было известно ещё с 1915 г., когда начальник жандармского управления Галичины генерал Мезенцев обнаружил в тайнике собора Св. Юра проект присоединения Украины к Австро-Венгрии, согласованный Веной с греко-католическим митрополитом Андреем Шептицким: там упоминалось имя Вильгельма-Франца, ещё не назвавшегося Вышиваным.

Современная украинская историография отводит Вильгельму-Вышиваному весьма скромную роль: так, в «Истории национального движения Украины 1800–1920» ему посвящены лишь несколько абзацев, причём подчёркнуто, что в отличие от периода 1915–1916 гг. стрельцы под его предводительством не одержали ни одной победы. Легион опоздал на защиту Львова, а летом 1918 г. сам претендент на престол, несмотря на предложения генералов Болбочана и Петрива, побоялся силой взять власть у гетмана Скоропадского.

В апологетической публицистике (С. Пинчук в «Зеркале недели», А. Коваленко в «Газете по-украински») Вышиваный изображается как «очень авторитетная

фигура», что «доказывается» присвоением ему звания полковника президентом Западно-Украинской народной республики Евгением Петрушевичем. Персона королевских кровей с высшим военным австрийским образованием не заслужила ни генеральского звания, ни должности командующего УСС и подчинялась Евгению Коновальцу. И в итоге нашла предлог для выхода из игры — договор Симона Петлюры с Пилсудским, предусматривающий поддержку в захвате Киева в обмен за передачу Галиции Польши.

Та же персона в мае 1920 г. публикует написанную с обидой статью о предательстве украинского и еврейского населения (Пинчук и Коваленко о евреях стеснительно не упоминают, хотя поводом для статьи был еврейский погром в Львове), за что удостоилась гнева от собственного отца-«полонофила» Стефана, ранее претендовавшего на польский престол. Снова обходя деликатную этническую тему, Пинчук и Коваленко не поясняют, чем мотивировалась досада отца: два брата Вильгельма, Альбрехт и Лео, служили в польской армии, также с династическими намерениями, а в это время режим Пилсудского мобилизовал население против «жидобольшевиков».

И, несмотря на это, та же персона королевских кровей год спустя снова претендует на украинский трон при поддержке поверженного главы королевского семейства Карла Габсбурга: провал Троцкого и Тухачевского в кампании против «белополяков» вдохновляет на разработку военной авантюры. В 1921 г. Петлюра, находясь в Польше, отправляет в Вену бывшего посла ЗУНР в венгерском парламенте Мыколу Василько — яркого авантюриста, ранее ограбившего Селянскую кассу. Мыкола, имеющий к тому времени титул барона фон Вассилько, умудряется убедить свергнутого Карла Франца Иосифа Габсбурга в том, что он со своими могущественными полками и венгерским монархическим подпольем вернёт ему трон — не в Вене, так в Будапеште, а заодно вернёт под власть Габсбургов Галицию, Буковину и Подкарпатскую Русь путем коронации Вильгельма-Вышиваного на украинский престол. Афера проваливается, и Карла Франца Иосифа после попытки путча в Будапеште англичане высылают на остров Мадейра.

Карл Габсбург, которого глава Габсбургской комиссии Австрийской Академии наук Гельмут Румплер называет «дилетантом, не способным к политике», поддался не только на обаяние барона фон Вассилько, но и на заверения самого Вильгельма Вышиваного. Профессор Йельского университета Тимоти Снайдер в увлекательной биографии Вышиваного «Красный принц: тайные жизни одного из эрцгерцогов Габсбургов» (17) пишет, что в этот период Вышиваный общался также с бывшими чинами германского правительства, в том числе Эрихом Людендорфом и Максом Бауэром, и утверждал, что за ним стоят «Белый интернационал, Украинский Синдикат, Свободные казаки и Зелёный интернационал» (то есть эсперантисты?) и что в одной Вене у него 40 тыс. подпольщиков из «свободных казаков».

Вышиваный действительно увлечён ролью «красного принца» — как назвал сам себя, отказав польским помещикам вернуть обобществлённые украинские земли. При этом он развешивает эту «лапшу» так убедительно, что ему поначалу верят. Он производит «многоходовые финансовые комбинации». А потом, после высылки Карла, наступает «отрезвление», и он бежит из Австрии, изготовив себе паспорт с именем Василь Вышиваный. Бежит в Испанию под крыло дяди Альфонса, оставив

оружие, собранное для борьбы с большевиками. Два года о нём не слышно, потом оказывается, что Вильгельм активно торгует в Испании недвижимостью и обращается за кредитами к самому Дж.П. Моргану.

Этот период биографии украинский официоз игнорирует. Между тем в книге Снайдера описывается история, достойная романа. В 1926 г. Вышиваный прибывает во Францию, где ему уже купили виллу. Он снова общается с украинской диаспорой, финансирует эмигрантскую газету, ведёт речи о «соборной Украине», и в то же время его видят на набережных Сены в женском платье и в компании то испанского принца, то шоколадного африканца. С гомосексуальными партнерами он просаживает полученные в Испании деньги, а заодно и виллу. Безответно (в силу голубизны) влюблённая в него дама-эмигрантка по имени Полина Куйба достаёт для него несколько миллионов у французских Ротшильдов, но он просаживает и эти деньги. Тогда Полина представляет в другой банк фальшивую расписку, и гуляка-педераст оказывается под судом. На этом суде Полина поясняет, что собирала средства на благое дело — восстановление империи Габсбургов, а эмигрант-писатель Василь Панейко характеризует её пассию так: «Эрцгерцог сам не верил в свое украинское будущее. Но он продолжал втирать очки наивным людям, стараясь извлечь из этого материальную выгоду».

Эксцентричный эрцгерцог бежит в Вену, суд заочно приговаривает его к пяти годам тюрьмы, а Отто фон Габсбург, сын Карла, вынужден устроить «внутреннее расследование», чтобы оправдаться перед Ротшильдами. В итоге Вильгельм лишается рыцарского титула в ордене Золотого Руна. Сам же Вильгельм утверждает, что стал жертвой чехословацкой разведки, а также коварного Панейко, работающего на Москву.

Дальше о нем опять не слышно до 1937 г. В это время Отто мечтает о восстановлении австрийской монархии, об этом хлопочет барон Фридрих фон Вейснер. И тут Вильгельм публично заявляет, что он против восстановления монархии, если этим занимается еврей фон Вейснер. У Вильгельма возникли новые прожекты, теперь уже связанные с Гитлером. Он стал антисемитом и взял немецкое гражданство — в отличие от Альбрехта, захотевшего остаться поляком и отправленного в концлагерь. Получив вместе с сестрой Элеонорой, вышедшей замуж за немца, долю польского имущества Габсбургов, Вышиваный ведёт переговоры с УПА. К концу войны его легко вербуют одновременно англичане и французы, и он теперь хлопочет за УПА перед Парижем. После войны он остаётся в английской зоне оккупации, и там в 1947 г. встречается с представителем правительства де Голля. Сразу же после этого его похищает НКВД и вывозит в Киев, где он оканчивает жизнь в Лукьяновке — умирая, по апологетической версии, от туберкулеза.

В суверенной Украине, где в Львовском музее висят портреты Шептицкого и кардинала Иосифа Слипого, из фигуры Вильгельма — жертвы сталинских репрессий — должны, казалось бы, сделать икону, поставив памятники на центральных площадях. Тем более что на Габсбургов ориентируются сторонники отделения Западной Украины (которые считают Львов самой «проблемной» частью своего прожекта — очевидно, ввиду всё того же польского фактора). Тем более что в июле 2011 г. австрийский парламент отменил закон, не позволявший членам монархической семьи занимать государственные должности, и теперь Карл фон Габ-

сбург вправе последовать политическому примеру болгарского наследника Симеона Сакс-Кобург-Готского.

Однако ни ныне покойный Отто фон Габсбург, ни его сын Карл в своих многочисленных интервью не упоминают о сгинувшем в застенках родственнике. В самом деле, его витиеватый жизненный путь не только не красит его самого, но и выдаёт некоторые наследственные черты рода.

По данным испанского генетика Г. Альвареса, в роду Габсбургов коэффициент инбридинга (внутреннего скрещивания) достигает 25%, обгоняя другие европейские монархические фамилии. Этим обстоятельством эксперт объясняет обилие психической и врожденной неврологической патологии в семье.

В истории Габсбургов галлюцинаторно-бредовыми расстройствами страдала прабабушка Карла V Изабелла Кастильская, а также его мать, известная под именем Хуана Безумная: она возила по городам гроб почившего супруга, отказываясь его хоронить, поскольку слышала из гроба его голос, а затем не выдала замуж младшую дочь, требуя её постоянного присутствия, так как «через неё» слышала тот же голос. Последний испанский король династии Филипп не имел наследников ввиду тяжёлой врождённой патологии с задержкой развития и судорожными припадками; он был косноязычен, слюняв и неадекватен в поведении. Множество членов семьи умерли либо сразу же после рождения, либо в раннем детском возрасте.

На рубеже XIX–XX веков психические нарушения становятся проблемой престолонаследия уже в Вене. Единственный сын-наследник императора Франца-Иосифа эрцгерцог Рудольф 30 января 1889 г. пускает себе пулю в лоб у трупа своей несовершеннолетней любовницы, скончавшейся от осложнений аборта; по официальному заключению Ватикана, принц был в «состоянии психической неуравновешенности». Тогда имперские власти пытались распространить версию смерти кронпринца от аневризмы аорты. Эрцгерцог Франц-Фердинанд, по описанию историка Михаэля Фройнда, «был мрачен внутренне и внешне, распространял вокруг себя ауру странности, отбрасывая тень жестокости и импульсивности».

Запутанная судьба Василя Вышиваного являет собой клиническую картину циклотимии с гипоманиакальными фазами, манифестирующими гиперактивностью, псевдологией и переоценкой собственной личности. Интерпретации парижских проблем граничат с идеями преследования; в свою очередь, побег из Вены в 1922 г. вызывает подозрения о депрессивно-параноидных расстройствах в этот период. И наконец, смена юдофилии юдофобией может быть проявлением психотической амбивалентности, а вовсе не приспособления к политической конъюнктуре.

Все биографы Вышиваного сталкиваются с противоречием: с одной стороны, современники описывают его как крайне непрактичную, легковесную, инфантильную личность, а с другой — признают, что по меньшей мере четыре раза в жизни он быстро и успешно обогащался (в том числе при получении польского наследства). Это противоречие объясняется только динамикой психопатологии: в субклинической гипомании мышление ускоряется, память и внимание улучшаются, как и способность презентовать себя влиятельным лицам. В декомпенсации, когда начинается скачка мыслей, галопирует аффект, нарушается сон и «вылезают» расстройства влечений, тот же человек кажется окружающим чудаком, инфантилом, пусто-

порожним хвастуном, а его действия на практике вредят его же собственным планам, благо планы могут меняться по нескольку раз за сутки или даже за час.

Юлия Тимошенко, оказавшись в Лукьяновской тюрьме, похоже, восприняла эта совпадение как знак судьбы, и её многочисленные неизлечимые заболевания, сменяющие друг друга по хорошо описанному Фрейдом стереотипу конверсионной исторической симптоматики, подсознательно воспроизводят недуг её кумира-стрельца. И если она не называет его имя вслух, то лишь потому, что не получила пока прямого соизволения от его родни.

Вряд ли случайно Тимошенко раньше «весны» в Египте и московского митинга на Болотной использовала в своей символике белый цвет — цвет «антикоррупции», цвет лотоса и цвет Белой армии одновременно. Вряд ли эта идея, наряду с другими элементами символики оккультного характера, наряду с интересом к Японии, могла взяться «с потолка». И вряд ли случайно за неё вступается далай-лама.

Восточные увлечения Отто фон Габсбурга относились ещё к началу 1920-х гг. Вскоре после провала монархического заговора своего отца он сблизился с графом Рихардом Николаусом фон Куденхове-Калерги, сыном австрийского родовитого дипломата и медсестры-японки, который тогда был увлечён идеей создания единой человеческой расы. Первым шагом для этого должно было стать объединение Европы, для пропаганды которого в 1922 г. Отто и Куденхове учредили Пан-Европейский союз. Идеи Куденхове, как он сам подчёркивал, должны были стать альтернативой мировому коммунизму, и особо важной задачей граф считал вовлечение состоятельного еврейства, не заражённого коммунистическими идеями. В процессе слияния рас, как пояснял Куденхове в книге «Практический идеализм», еврейство, опережающее другие расы в интеллекте, компенсирует своё отставание в физическом развитии.

На первом съезде Пан-Европейского движения присутствовали, в частности, Эйнштейн и Фрейд. Интерес философов-атеистов к инициативе Отто и Рихарда объяснялся, очевидно, не только пацифистским, но и антиклерикальным аспектом начинания. Куденхове и Эйнштейн разделяли симпатию к эссеисту и поэту-экспрессионисту Курту Гиллеру, яркому публицисту и борцу за права гомосексуалов, а также за право на аборт и суицид, который боготворил Шопенгауэра и Канта и презирал Гегеля, в связи с чем был отторгнут марксистскими кругами. В 1929 г. Гиллер сменил упомянутого Магнуса Гиршфельда, хорошо знакомого Фрейду сексолога, в должности председателя Научного гуманитарного комитета, отстаивавшего права сексуальных меньшинств.

Альберт Эйнштейн и Мартин Бубер, подписывавшие воззвания Научного гуманитарного комитета, в 1925 г. вместе с Фрейдом были избраны в правление открывшегося накануне Еврейского университета в Иерусалиме. Ещё одним членом правления стал Феликс Варбург. В 1933 г. Гиллер окажется в тюрьме (хотя и ненадолго), а Макс Варбург, брат Аби и Феликса, напротив, будет избран в совет директоров германского Райхсбанка, где будет заседать ещё пять лет.

Таким образом, нельзя сказать, что Отто фон Габсбургу были совсем чужды те формы поведения, которые демонстрировал в Париже его кузен Вильгельм. Однако, очевидно, он не был уверен в том, что украинское общество в силу христианского влияния в полной мере оценит «продвинутые» веяния, которыми в период, во-

шедший в историю как декаданс (распад, разложение), увлеклась верхушка европейской земельной аристократии в едином порыве со сливками венской интеллигенции.

По свидетельству Олега Хавича, одного из идеологов строительства «соборной Западной Украины», Отто фон Габсбург в 2007 г. выступал в горсовете города Черновцы «с лекциями об угрозах европейской идентичности — это было такое классическое консервативное видение». Именно поэтому Хавич и его братья по разуму уповают на нынешнего кронпринца Карла, уже основавшего фонд в Львове «для поддержки культурных проектов не только в Галичине, Буковине и Закарпатье, но и в Подолье и Волыни». Вряд ли Хавич, презрительно отзывающийся о буддистах, в курсе связей семейства Карла и Франчески. А поскольку книга Куденхове «Практический идеализм» с 1925 г. не переиздавалась, пантеистический бэкграунд PEU ему, скорее всего, также неведом.

Судьба Вышиваного — самый большой зуб семейства Габсбургов на Россию. Это единственный представитель рода в XX веке, который был дважды опозорен на одной и той же территории, мало того, оказался там в плену и, мало того, там погиб. Возможно, под пытками. И даже нельзя исключить, что пытки были особо издевательскими. И эти подробности могут всплыть.

Но больше всего насолил семейству Тимоти Снайдер из Йельского университета. Вряд ли случайно его детальная биография Вышиваного обильно цитируется в энциклопедиях — она вошла в международную конъюнктуру периода глобального финансового кризиса.

Мировоззрение Габсбургов-младших «раздвоилось» между монархической традицией и глобальной повесткой дня. Отто фон Габсбург неоднократно настаивал на том, что Европа должна быть самостоятельным полюсом мирового влияния. В концептах Куденхове-Калерги его больше привлекало панъевропейство, чем идея смешения рас и конфессий. Нельзя исключить, впрочем, что в 1920-х гг. он (вместе с частью транснационального финансового сообщества) представлял себе будущий мир глобализированным, но евроцентричным. Но история распорядилась иначе.

Решение Иоанна Павла II беатифицировать Карла Франца Иосифа можно считать попыткой Ватикана поставить его сына перед идеологическим выбором. Этот жест с учётом биографии последнего австро-венгерского императора можно рассматривать и как смысловой вызов американоцентричной пантеистической модели глобального мира.

Сегодня, когда европейская экономическая система рассыпается, когда на страницах британского New Statesman Ангелу Меркель сравнивают с Гитлером, а Ватикан является объектом непрерывного медиа-разоблачения в педофилии, этот жест выглядит смешно и грустно.

9. Странный протеже странного лорда

Отто фон Габсбург, после «бархатных революций» в Восточной Европе возмечтав о новой экспансии своего семейства на Украину, в начале 1990-х гг. столкнулся с весьма неожиданной конкуренцией. «Володарем» Украины объявил себя персонаж, доселе известный как Алексей Анжу-Долгорукий.

У этого персонажа, родившегося в 1946 г. в Бельгийском Конго под именем Алексис Бримейер, была весьма сомнительная репутация. Ещё в десятилетнем возрасте он пытался присвоить себе бельгийский графский титул. Позже за присвоение французского графского титула он попал под суд. Тогда он отправился в Неаполь, где познакомился с престарелым графом Дурасовым, чудаком и гомосексуалом, в 1920-х гг. присвоившим титул Анжу-Дураццо. Уже после смерти старого извращенца Алексис продемонстрировал подписанную им бумагу о том, что он является наследником рода Анжу. В 1971 г. в Париже он уже заявил, что по материнской линии является потомком Романовых — через великую княжну Марию Николаевну, якобы выжившую и покинувшую Украину вместе с последним командующим армии гетмана Скоропадского Александром Николаевичем Долгоруковым. Родственники Долгорукова подали на него в суд, после чего он сбежал в Грецию, где представлялся уже потомком византийских императоров. Затем с паспортом на имя «Анжу-Долгорукий» отправился в Испанию, где приобрёл документы о принадлежности к роду Бурбонов-Конде.

Мошенник, эпизодически попадающий в скандалы в связи с неадекватным поведением (аналогичным эксцессам Василия Вышиваного), имел, однако, неких влиятельных покровителей. Первый фальшивый паспорт он получил от принципалитета Силэнд — асфальтированной платформы у берегов Англии, которую международная группа авантюристов, связанных со спецслужбами, объявила независимым государством и занималась много лет не только выпуском почтовых марок, но и «суверенной» контрабандой. В Греции его видели в компании офицеров НАТО. Но его главным «капиталом» было письмо от лорда Луиса Маунтбеттена о том, что он, Алексис, действительно принадлежит к роду Романовых. В отличие от вороха других писем и грамот, которыми щеголял Алексис, оно было подлинным.

Неудивительно, что сразу же после распада СССР на свет появилась «автобиография» под заглавием «Я, Алексей, правнук царя», а вслед за ней — актив-

ная медиа-кампания. Популяризацией «Анжу-Долгорукого-Романова» занималась в России газета «Слово и дело», учрежденная Санкт-Петербургским университетом: откровения мошенника печатались из номера в номер. Между тем на Украине «Закарпатская правда» поведала аудитории, что в 1939 г. в городе Хусте фантомная республика Карпатская Украина накануне интервенции венгерских (!) войск успела короновать Николая Александровича Долгорукова (18). И что его отец, Александр Николаевич, двумя десятилетиями раньше также получил «державу» из рук гетмана Скоропадского. При этом сообщалось, что Александра Николаевича замучили большевики.

На самом деле, по данным киевского историка Ярослава Тинченко (19), для Скоропадского Долгоруков (командовавший его войсками меньше месяца) «был крайне невыгодным главнокомандующим. Князь мнил себя чуть ли не вторым Наполеоном, с мнением других военных не считался, а самого гетмана даже слегка презирал, как изменника. На своем посту Долгоруков успел издать множество приказов, шедших вразрез с официальной политикой гетмана и даже опровергавших некоторые указы Скоропадского. В начале декабря 1918 года Долгоруков почти полностью вышел из подчинения Скоропадского, теперь даже номинально не признавая его власти. Он грозился устроить крестовый поход на большевистскую Москву, собирался под своей рукой объединять все антибольшевистские силы на территории бывшей Российской империи, а в случае необходимости — умереть на виду вверенных ему войск. 14 декабря 1918 года Скоропадский и Долгоруков бежали. Но если Скоропадский оставался в своём дворце даже после официального отречения, то Долгоруков оставил штаб сразу же после известий о вступлении украинских частей в Киев. Отдав офицерским дружинам приказ стягиваться к Педагогическому музею, князь Долгоруков, возможно, намеревался и сам отправиться туда. Но оказался не в петлюровском плену, разделив участь своих офицеров, а в… Германии». И скончался в итоге в Париже в 1948 г.

Начало 1990-х гг. было временем не только романтизации, но и мифологизации Белого движения. О доблестях Долгорукова-старшего в должности командующего полком кавалергардов в России писали больше, чем на Украине. В это время Алексис Бримейер посетил Белград и объявил себя ещё и наследником рода Неманичей, представляясь Алексисом Романовым-Неманичем-Долгоруким. Тут уже заволновалась Европейская монархическая ассоциация, а также Мальтийский орден, ибо Алексис объявил себя (очередным) покровителем «экуменических мальтийцев».

Неизвестно, во что вылилась бы эта кампания, если бы в марте 1995 г. Алексис Бримейер не скончался в Мадриде от СПИДа. После чего ушёл в отставку глава МИД Испании, который, как оказалось, одновременно числился главой МИД «свободного принципалитета Силэнд», а на Украине вакансию самозванца занял Николай «Романов»-Дальский, также объявивший себя покровителем Экуменического Мальтийского ордена, а киевский патриархат — подлинной Русской православной церковью. И по совпадению в его псевдоструктуры записался Глеб Якунин, которого покровители российских христианских демократов (ХДСР) в Брюсселе считали британским агентом.

Душевнобольных претендентов на наследство Романовых на протяжении XX века было множество, но никто не пользовался таким патронажем, как бисек-

суал и неудержимый псевдолог Алексис Бримейер. Его популяризаторы в Санкт-Петербургском университете в этот период планировали открыть российское представительство молодежной организации НАТО — Young Europeans for Security (YES). Колониальные амбиции вошли в созвучие с имперскими «заскоками» отдельных членов британской королевской семьи, а самозванство — с такими же плодами болезненного воображения отдельных русских дворян.

Лорд Луис Маунтбеттен, урожденный Баттенберг, всю жизнь был неравнодушен к российскому престолу. Он до конца своих дней (погиб в 1979 г. в результате собственной неосторожности: отправившись на деревянной лодке ловить раков, был взорван вместе с лодкой сепаратистами из ИРА) бережно хранил фото Марии Николаевны, к которой когда-то питал нежные чувства.

Это была персона королевских (гессенских) кровей с выдающимся послужным списком (генерал-губернатор Индии и Бирмы, затем глава генштаба Великобритании и глава военного комитета НАТО) и столь же выдающимися странностями. Как писал его биограф Филипп Циглер, он «с кавалерийским напором стремился выдать небылицы за факты, чтобы приписать себе исключительную роль в истории» (20). Луис Маунтбеттен приписывал себе все заслуги в освобождении Индии, на практике пытаясь ускорить этот процесс, что привело к большому кровопролитию в Панджабе. Когда его племянник Филипп стал принцем-консортом Великобритании, лорд заявил, что эпоха Виндзоров сменилась эпохой Маунтбеттенов. Королеве это показалось наглостью. Тогда он стал обхаживать принца Чарльза, сватая ему собственную внучку, чтобы «эра Маунтбеттенов» наступила хотя бы ценой близкородственного брака.

В 1967 г. лорд Маунтбеттен пытался уговорить научного советника правительства лорда Солли Цукермана и медиа-магната Сесила Кинга устроить переворот с целью свержения лейбористского правительства Гарольда Вильсона. Поводом были его собственные представления о том, что Вильсон тайно работает на Советский Союз.

Алиса Баттенберг — принцесса Греции, сестра Луиса и мать Филиппа — в 1928 г., после вынужденного бегства с супругом из Афин в Париж, сначала стала крайне религиозной, потом стала слышать послания с неба и объявила себя целительницей. В 1930 г. её впервые госпитализировали в берлинскую клинику-санаторий Эрнста Зиммеля, откуда она была выписана с диагнозом «шизофрения». Затем её пришлось «недобровольно отделить от семьи» и поместить ещё на два года в швейцарскую клинику Кройцлинген. Семейная жизнь с принцем Андреем на этом закончилась. В неустойчивой ремиссии она вернулась в Грецию, откуда захотела совершить поездку в Индию, где её охотно приняли ввиду её увлечения индийской философией. Но по прибытии в Индию она впала в возбуждённое состояние, которое она потом описала как «выход из телесной оболочки». Свои дни она закончила в Букингемском дворце, куда её поместили под надзор родственников и слуг.

Принц Филипп воспитывался преимущественно дядей Луисом, в связи с чем и принял фамилию Маунтбеттен. После войны в Японии Филипп увлёкся местным гуру по имени Окада Мокичи — в прошлом традиционным синтоистом, испытавшим «озарение» и создавшим затем собственную Церковь Всемирного Мессианства. Культ был построен на особых методах целительства. Уместно предполо-

жить, что Филипп испытывал какие-то неприятные ощущения, от которых с помощью Окады хотел избавиться.

Своего странноватого и дискордантного сына Чарльза принц Филипп отдал на попечение южноафриканского мистика Лоренса ван дер Поста, любителя африканской магии и ученика Юнга. На тот момент, когда ван дер Пост встретился с Юнгом, австрийский корифей окончательно ушёл в восточную мистику и перевёл Тибетскую книгу мёртвых. Ван дер Пост возил принца в Ассизи, чтобы тот подобно Франциску Ассизскому научился разговаривать с цветами.

Цветы, водоросли, насекомые и прочие представители дикой природы стали предметом узконаправленной заботы Филиппа. При этом он не прерывал связей с Окадой. Когда Филипп возглавил Всемирный фонд дикой природы (WWF), Mokichi Okada Association соучредила с WWF Ассоциацию религиозной консервации и финансировала форумы под председательством принца, на которых идеи ограничения народонаселения внушались иерархам различных церквей и приравненных к ним харизматических культов.

Принц Филипп известен своей замкнутостью, внешней суровостью, которая прерывается неуместными репликами и шутками, забавляющими только его самого. Из-за его рекомендации английским студентам в Китае «Смотрите, чтобы у вас не сузились глаза» Лондону пришлось официально приносить извинения Пекину. Не меньше шокировал публику его пассаж в интервью: «Если мне суждена реинкарнация, то я бы хотел прожить следующую жизнь в облике смертельного вируса».

Воинствующее мальтузианство Маунтбеттенов не является предметом стыда или даже смущения. Во-первых, родители Филиппа числятся в списке героев Холокоста за спасение во время войны еврейской семьи Коэнов. Во-вторых, сверхценная идея сокращения человеческой популяции вкупе с легализацией гомосексуальных браков находится в самом центре современного мирового идеологического мейнстрима.

10. Второе дно ревизионизма

Ключевые события середины XX века, предопределившие и распад СССР, и закат Европы, осмысляются российской аудиторией упрощённо и фрагментарно. Отчасти по той причине, что книжный рынок ориентируется на легко усвояемую и в то же время претендующую на сенсационность продукцию. Есть и другая причина — стойкий стереотип, сформированный валом мемуаров начала 1990-х гг., где стереотипное топтание на памяти И.В. Сталина соседствовало с идолизацией и мистификацией деятельности зарубежных спецслужб.

Этому спросу на легкоусвояемое идеально соответствует книга Стюарта Стивена «Операция «Раскол» (Operation Splinter Factor), изданная в Филадельфии в 1974 г. (21) и спустя 28 лет — «не прошло и полвека» — поданная в России как историческое откровение.

Э. Макаревич, автор предисловия к российскому изданию, объясняет «невнимание» к книге Стивена тем, что она была неудобна и Вашингтону, и Москве. Однако уместно предположить и другое: историки её проигнорировали ввиду поверхностности, а ангажированная пресса — из-за расхождения с конъюнктурой.

Вообще говоря, С. Стивен, по рождению Стефан Густав Кон (1935–2004) — слишком своеобразная и стигматизированная личность, чтобы служить надёжным историческим источником. Талантливый и энергичный редактор, невероятный болтун, анонсировавший собственные статьи под вымышленным именем «слушателя» по радио, дважды увольнялся со скандалами из правых британских газет в связи с публикацией заведомо ложных сенсаций, одна из которых была чистым заказным измышлением (подделка письма британского лорда), другая — перепечаткой статьи малолетнего сына консерватора Майкла Говарда, дискредитирующая Тони Блэра. Ещё один скандал был связан с публикацией версии о том, что Мартин Борман жив и прячется в Южной Америке.

Эксцентричному редактору многое прощалось за его обаяние и чистосердечное раскаяние после очередного разоблачения. Разоблачался он и буквально, продемонстрировав (с непонятной целью) своему коллеге по редакции, что он, хотя и еврей, не обрезан. Фактически он был евреем по отцу и немцем по матери, и это было источником его комплексов, которые, по словам его коллеги Питера Добби, подсо-

знательно принуждали его постоянно доказывать свою «британскость» (в том числе игрой в крикет) и свою благодарность стране, которая приютила смешанную католическую семью его родителей. Во всех без исключения некрологах симпатия сочеталась с ироническим описанием психопатического поведения (22, 23, 24).

«Благодарность приютившей стране» в вышеназванной сенсационной книге выражается в том, что Стивен при анализе послевоенных чисток в Восточной Европы прибегает ко всем возможным ухищрениям, чтобы затушевать роль британских спецслужб: дело Ласло Райка в Венгрии, дело группы Сланского в ЧССР и опала Владислава Гомулки и Мариана Спыхальского в Польше изображались как результат единоличной разработки Аллена Даллеса с помощью его агента Йожефа Швятло и используемого втёмную двойного агента-неудачника Ноэля Филда.

Поверхностность, свойственная манере психопата-циклоида, состояла: а) в старании блеснуть новизной концепции (выгодной, впрочем, не только автору, но и МИ-6); б) в обилии белых пятен, делающей эту концепцию неубедительной. Лишь «на бегу», однократно, поясняя, что жертв всех трёх чисток подозревали в титоизме, автор вообще не рассматривает подоплеки отношений Москвы и Белграда в их динамике. Вообще не упоминается имя Моше Пьяде («шавки Тито», по определению Сталина), контакты с которым инкриминировались Сланскому и Клементису (25).

Никак не анализируются мотивы А.И. Микояна, предупредившего чехословацкий ЦК об опасности, грозящей Сланскому. «Повисает в воздухе» смысл процитированного письма Ракоши Готвальду, где ему заблаговременно предлагается принять меры к английским агентам в КПЧ (называются глава МИД Владимир Клементис, его заместитель Артур Лондон, глава Госплана Людвиг Рейка, замминистра внешней торговли Эуген Лебл и секретарь КП Словакии Отто Шлинг). И наконец, упоминание в чешском процессе имени депутата Палаты общин от лейбористской партии Великобритании, полуфинна-полуамериканца Кони Зиллиакуса объясняется внутренней интригой в этой партии — хотя каким образом эта интрига встраивается в игру Даллеса, остаётся непонятным.

Точно так же остается непонятным внезапное освобождение Ноэля Филда и его брата. Прежде всего потому, что внешняя политика Хрущёва (точнее: Микояна – Хрущёва) представлена в книге как последовательное продолжение курса Сталина. А как тогда понять его попытку флирта с Тито?

Западная публицистическая конъюнктура не могла «взять на вооружение» книгу Стивена по другой причине. Она вышла в свет после уже новых — 1968 года — политических чисток в Польше, которые проводил Гомулка и которые имели вполне определённый акцент «десионизации». И западный медиа-мэйстрим теперь, постфактум, переоценивал направленность судебных процессов 1956 г. над чекистами Ромковским, Рожанским и Фейгиным, тогдашнюю опалу Болеслава Берута, Якуба Бермана, а также Юлии Брыстингер, руководившей антирелигиозным отделом польского Министерства общественной безопасности. Ставить антисемита Гомулку (Александр Галич уже назвал его «гомункулюсом») на одну доску с жертвами чешских процессов Сланским, Лондоном, Швейкой казалось теперь нонсенсом.

В то же время ломать копья с опровержениями по тем же конъюнктурным причинам западному мейнстриму было невыгодно. Потому что стоило копнуть чуть глубже — и выяснилось бы, что арест Ласло Рейка в Венгрии готовил не только Ра-

коши, но и «икона» демократического социализма Имре Надь, в ту пору вполне лояльный сталинистскому руководству ВПТ.

Что касается советской партийной историографии брежневского периода, то она была ограничена вовсе не боязнью КГБ СССР признать, что их служба, по выражению Э. Макаревича, «недотянула» и пошла на поводу у Даллеса. Во-первых, ведомство Андропова не собиралось защищать деяния Сталина: ни секретный доклад Хрущёва, ни решения XX и XXII съездов не пересматривались, в этом не был заинтересован Брежнев по своим причинам, Андропов — по своим. Матьяш Ракоши, отстранённый Хрущёвым, оставался в ссылке, а Янош Кадар, предавший Райка, вполне устраивал и Хрущёва, и Брежнева как политический партнёр. Обнародовать письмо Ракоши Сталину о вскрывшихся фактах вербовки Райка советским ГРУ без уведомления государственного руководства КГБ, естественно, не считало нужным, а без этой исторической детали подоплека дела была неполной. «Заметание под ковёр» старых и новых внутренних противоречий объяснялась не только нежеланием давать повод недружественным внешним силам для новых интриг, но и намеренным умалчиванием — для сохранения лица — о ключевом психологическом факторе целого ряда восточноевропейских брожений, а именно о факторе личностного контраста Хрущёва и Сталина. Хрущёв, мягко говоря, не был той фигурой, которая могла навеять страх на Гомулку или Надя.

С другой стороны, если бы теория единого авторства Даллеса соответствовала действительности, контрпропаганда 1970-х гг. взяла бы книгу Стивена на вооружение. Сюжет мог бы вылиться в новую многосерийную психологическую драму Юлиана Семёнова (зацикленного на Даллесе) с трагической фигурой Ноэля Филда а-ля профессор Плейшнер.

Но увы, во-первых, красивый концепт, построенный на нескольких личных свидетельствах, не соответствовал действительности. Трайчо Костев действительно имел дело с окружением Тито. Гомулка не имел к нему никакого отношения, зато был терпим к верующему большинству. Дело Сланского было фактически несколькими делами, искусственно связанными в одно по инициативе окружения Готвальда, который в итоге действительно воспользовался и компроматом ЦРУ, и собственными данными об израильских связях группы Сланского — в момент, когда Сталин был заведомо в конфликте с правительством Бен-Гуриона, которое предпочло США в качестве союзника.

Неряшливая книга Стивена вскользь упоминает о расхождении Сталина с Бен-Гурионом, но умалчивает о том, что именно противоборство с Англией стало мотивом для признания Израиля. (Жорес Александрович Медведев потом распишет этот сюжет подробно, вместе с сюжетом о миссии Михоэлса и его сплетнях. К сожалению, в его добросовестном анализе бэкграунда этих сюжетов не хватает одного эпизода — физической ликвидации в Тель-Авиве почти всей советской агентурной сети накануне первых выборов в кнессет, которую исполнила, как утверждалось, американская «спецбригада», присланная Меиром Лански.)

Неряшливая книга Стивена игнорирует и более важную причину послевоенной геополитической напряжённости — стремление Сталина вернуть России контроль над Босфором и Дарданеллами и всемерное противодействие Лондона этим планам.

Раскол Союза коммунистов Югославии в момент образования Коминформа и долгие попытки Сталина до разрыва с Тито уговорить его отказаться от британского патронажа, добросовестно отражены в книге Предрага Миличевича «Осторожно — ревизионизм» (2001), где опубликована эта неофициальная переписка (26).

Известно, что Даллес действительно был в восторге от «дел, которые натворил» Йожеф Швятло (Флейшхарб), используя Филда в качестве «меченого атома». Более того, он мог приписать себе по карьерным соображениям конфликты сразу в нескольких компартиях, сказавшиеся на экономике советских сателлитов. Однако, во-первых, самый серьёзный экономический удар по Венгрии нанес не Даллес, а Хрущёв, сместив Ракоши (при котором объём промышленного производства по сравнению с уровнем 1938 г. утроился). И в лице того же Хрущёва советское руководство потеряло авторитет в Польше. Но не потому, что он отступил перед переизбранным польским ЦК, избравшим генсеком реабилитированного Гомулку.

Даже если в Москве, как считает Стивен, «прокуковали» избрание Гомулки и из-за этого были вынуждены стерпеть и освобождение кардинала Стефана Вышинского, это не объясняет «толерантности» Москвы к судебным процессам против вышеназванных кадров МОБ Польши. Теория Стивена совершенно не объясняет, почему кардиналу в 1950 г. было разрешено возвратить католической церкви собственность, и почему в заключении он оказался в 1953 г. Именно после смерти Сталина польские чекисты-евреи при правлении Болеслава Берута (Рутковского), «распоясались» и обрушили на духовенство всю тяжесть карательной машины. Мотивы этого решения скрыла остающаяся «загадочной» смерть Берута в Москве 12 марта 1956 г., после открытого Микояном XX съезда.

После распада СССР и последующего обнародования многих архивных документов того времени в Великобритании и США вышел в свет целый ряд серьёзных исследований, посвящённых политическим кризисам в странах Восточной Европы. В частности, в 2004 г. в Нью-Йорке опубликована книга Джоанны Гренвилл «Первая косточка домино: Международное принятие решений в период венгерского кризиса» (27). В ней подробно описаны и планы Лондона и Вашингтона по сдерживанию влияния СССР в Восточной Европе, и внутриполитические события, предшествовавшие политическим кризисам в Венгрии и Польше. Автор специально приводит слова Дж. Карлейля о том, что описание любых внутриполитических событий искажается, если не принимать во внимание общемировой контекст.

Как следует из анализа Дж. Гренвилл, в середине 1950-х гг. стратегия Белого дома Дуайта Эйзенхауэра предусматривала создание в странах Восточной Европы Добровольческого корпуса мира. Для этой цели использовались агенты-эмигранты правых убеждений, не приемлющие коммунизм по религиозным мотивам.

У британских спецслужб возможности были значительно шире благодаря влиянию в Югославии. Режим Тито, в этот период расширяя свободы самовыражения, по оценке Гренвилл, рассчитывал на позитивную оценку Вашингтона, в том числе и Аллена Даллеса. Однако смысловая сторона сдвига, происшедшего в Венгрии, не имеет отношения ни к противопоставлению христианства коммунизму, ни к дезинформации, в которой участвовал Швятло.

Дж. Гренвилл подчеркивает, что Имре Надь, которого поддерживали интеллектуалы из «кружка Петефи» (И. Лакатош и др.), с одной стороны, воспроизводил

идеи Лайоша Кошута о создании Дунайской конфедерации, а с другой, как и Тито, ассоциировал себя с «третьим путём» и всецело одобрял пять принципов «панча шила» Бандунгской конференции Движения неприсоединения (1955). То есть принципы, сформулированные на основе буддийской, а вовсе не христианской этики. В исходном варианте Пяти заповедей первая из них — ахимса, то есть отказ, воздержание от причинения любого вреда живым существам.

И тот же Надь в октябре 1956 г., за две недели до своей декларации о выходе из Варшавского договора, писал письмо в Москву о том, что кризисом в Венгрии могут воспользоваться Соединённые Штаты. При этом от левых убеждений он (как позже Дубчек в Чехословакии) не отказывается. Он с некоторых пор иначе их понимает.

Коронным преимуществом Лондона было влияние на левые умы — влияние, реализуемое не через хитроумные средства воздействия на массовое сознание, а через индивидуальную обработку ключевых политических фигур. Сталин уже с этим сталкивался. Ничем иным не объясняется внезапная отставка главы НКИД Максима Литвинова (Валлаха) в мае 1939 г. и последовавший «процесс дипломатов», по которому проходил, в частности, глава пресс-службы НКИД Евгений Гнедин, сын Александра Парвуса. В том, что многолетнее пребывание Литвинова в Лондоне в 1900-х гг. не осталось без последствий для его мировоззрения, свидетельствует и переезд его вдовы в Лондон в 1972 г., и диссидентская карьера его сына.

Русскоязычная «Википедия» считает нужным сообщить о контактах Литвинова с экстравагантным Уильямом Буллитом — в 1919 г. первым посланником Белого дома в Советскую Россию, а в 1933–36 — послом в Москве; в статье о Буллите упоминается устроенный им в Москве бал, который стал прообразом «Бала Сатаны» в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Со ссылкой на Ф.Д. Волкова упоминается, что «в годы Второй мировой войны» Буллит призывал «повернуть оружие против СССР» (!). Также приводится заглавие работы Буллита «Вильсон: Психологический этюд», написанной совместно с Фрейдом.

А.М. Эткинд уделяет Буллиту много внимания: по его сведениям, он сначала лечился у Фрейда, затем стал его другом и помогал ему с отъездом в Англию. «Американский финансист Джеймс Пол Варбург устраивал вместе с Буллитом в 1933 г. экономическую конференцию в Европе», сообщает Эткинд. Варбург выбрал Буллита как лучшего переговорщика, идеального знатока Европы и талантливого устроителя неформальных мероприятий. Другие источники называют Буллита «человеком тайны и парадокса», «многократно меняющим взгляды». По версии Эткинда, «озорник» (по описанию Варбурга) Буллит был прототипом Воланда в «Мастере». Пышный «Фестиваль весны» в Спасо-Хаусе 1 мая 1935 г., под впечатлением которого написана эротическая сцена Бала Сатаны, включал «сцену, изображающую колхоз» (как сообщал посол в депеше в Вашингтон) с медведями и козлами. Как подчёркивает Эткинд, многие участники бала (Тухачевский, Егоров, Радек, Бухарин, Мейерхольд) «вскоре стали жертвами беспричинных расправ».

Максим Литвинов представлял СССР в Лиге Наций. Тогда же в аппарате Лиги Наций работал публицист и разведчик Конни Зиллиакус.

Зиллиакус, которого С. Стивен изображает крайне левым маргиналом в среде респектабельных лейбористов, фактически был участником самых серьёзных гло-

бальных игр. Начнем с того что он был сыном Конрада Циллиакуса, финского социалиста шведского происхождения, в 1905 г. уличённого в попытке хищения боеприпасов царской армии для финских сепаратистов на корабле «Джон Графтон» (операцию финансировал военный атташе Японии в Европе Акаси Мотодзиро, которому подчинялся легендарный англо-японский агент Сидней Рейли и которого японские историки считают также спонсором восстания на броненосце «Потёмкин»). Когда операция по доставке оружия сорвалась, Циллиакус-старший сбежал в Японию (28).

Сын финского сепаратиста, работавшего на японские деньги, учился в Швеции, независимой Финляндии и США, благо его мать была американкой немецкого происхождения. Вступив в Лондоне в лейбористскую партию, он был принят на работу в МИД и служил вначале в секретариате Лиги Наций (откуда демонстративно уволился после того, как она «проглотила» аншлюс Чехословакии), а во время войны — в Министерстве информации. «Маргинал» печатался под псевдонимом Vigilantes — Бдительный. В 1949 г. Зиллиакус был исключён из фракции лейбористов за то, что проголосовал против вступления Великобритании в НАТО. Он возглавил Независимую лейбористскую группу, а уже год спустя покинул её в связи с тем, что левое большинство этой группы поддержало Сталина против Тито. Позже его исключают из партии за публикацию в чешской газете, но в 1952 г. принимают снова, и «маргинал» до самой смерти в 1967 г. заседает в палате общин.

В правой прессе, в которой печатался С. Стивен, прочно освоившийся в британском истеблишменте Зиллиакус в силу конъюнктуры квалифицировался как левый, поскольку был одним из основателей Кампании за ядерное разоружение (CND). Идеологом этой группы — прямого предшественника «нового левого движения» 1960-х гг. — был граф Бертран Рассел, сыгравший первостепенную роль как в закладке идеологических основ Движения неприсоединившихся стран, так и в использовании его для раскола советской зоны влияния в Европе. «Гуманист» Рассел, которого Хрущёв считал союзником, поскольку принимал его «рационализм» за атеизм. Тем более что граф сам активно способствовал подмене понятий во множестве статей и эссе о том, что наука вытесняет религию с мировой арены.

Петиция против американской войны во Вьетнаме, которую в 1965 г. подписал Зиллиакус, также была не выражением позиции частного лица левых убеждений, а частью игры, в которую энергично затягивали хрущёвский ЦК вместе с советской научно-технической элитой, — игры, результатом которой стало образование Римского клуба. Это произошло не при Эйзенхауэре, а при Линдоне Джонсоне.

Тем большевиком, который в 1905 г. на финской территории ожидал груз с «Джона Графтона», был Литвинов. Тем большевиком, который писал Троцкому положительную рекомендацию на Брюса Локкарта (будущего начальника политической разведки Великобритании), был тоже Литвинов. В русскоязычной «Википедии» опубликованы выдержки из доносов, которые он писал на разоблачителя Локкарта — Георгия Чичерина.

Хрущёв в своих мемуарах «Время. Люди. Власть» посвятил целую главу доказательству антисемитизма Сталина, а в качестве примера привёл (без доказательств) план физического устранения Литвинова, которое готовил Сталин (29). В западном медиа-мейнстриме этот фрагмент стал основанием для датировки «на-

чала борьбы с космополитизмом» за десять лет до того, как это слово появилось в газете «Правда».

Никита Сергеевич очень сильно, до непристойности сильно, старался приукрасить свой имидж перед внешней аудиторией. И понятно, по какой причине: его дружба с Гамалем Абдель Насером и Ахмедом Бен Беллой — на той же почве воинствующего атеизма — создала стойкие подозрения в его адрес и со стороны международной еврейской общественности, и в тех московских интеллигентских кругах, где с придыханием встретили разоблачение сталинского культа.

Лежала ли на столе Аллена Даллеса папка с названием «Операция “Раскол”»? Вполне вероятно. Для выводов об углублении раскола в компартиях Восточной Европы были более чем достаточные основания. И в этом расколе был заинтересован и Аллен Даллес, и его брат Джон Фостер Даллес, и семейство Рокфеллеров.

Самый большой интерес в ту пору состоял в том, чтобы соперничающая система раскололась надвое, чтобы разделились СССР и Китай. Это событие 1956 г. было фатальнее восточноевропейских дрязг. Понятно, почему С. Стивен об этом не упоминает: то, что натворил Хрущёв — по подсказке, но в силу собственных мотивов, невозможно при всём желании свалить на Даллеса.

Но восточноевропейские дрязги были фрагментом другого начинающегося раскола, прошедшего через весь коммунистический истеблишмент, а затем через всё общество Советского Союза. Об этом ниже.

11. Этот дивный галлюцинаторный мир

Бертран Рассел, как и Конни Зиллиакус, в начале 1920-х гг. посещал Советскую Россию и питал симпатии к революции. Однако атеистом он стал с того момента, когда хорошо изучил биографию своего отца, закоренелого мальтузианца, и своего деда-министра, близкого к семье Дарвина.

Атеистом был и ближайший друг Рассела Людвиг фон Витгенштейн — более того, их считали любовниками. Граф регулярно спасал Людвига от попыток самоубийства, к которым тот был склонен не из-за своих симпатий к Отто Вайнингеру, а ввиду собственного психического заболевания.

Nosos et pathos schizophreniae пронизывал всё сообщество лондонских интеллектуалов, из которого образовался Всемирный союз консервации природы (IUCN) — предшественник Бильдербергского клуба. Все три дочери Бертрана Рассела страдали шизофренией. Род Витгенштейнов, в начале XX века богатейший в Австрии после Ротшильдов, «приобрёл» психотическую предрасположенность предположительно от бабушки Людвига (которая была теткой Фридриха фон Хайека). Мать страдала тревожными расстройствами, трое родных братьев Людвига в юности покончили с собой. Ещё один брат, Пауль, высказывал идеи воздействия в адрес Людвига: «Я не могу играть на рояле, пока ты в доме: твоя тоска проникает ко мне в комнату, просачиваясь под дверью». Людвиг поначалу показался своему педагогу Расселу «тронутым», но затем тот восхитился его изысками ума. Первая депрессия у Людвига развилась по возвращении с войны (в Галиции), но «толчком» стало не поражение Австрии, а смерть его любовника Давида Пинсента. Людвиг удалился преподавать математику в деревенскую школу, где зверски избивал детей, пока родители не обратились в полицию; не дожидаясь полицейского, Людвиг исчез, позже объяснив знакомым, что «не хотел ни перед кем извиняться», и устроился садовником в монастырь, собираясь уйти в монахи. Но депрессия отступила, сменившись гиперактивностью, и Людвиг занялся проектированием дома для своей тетки. С большим трудом Рассел и Кейнс уговорили его вернуться к науке и преподаванию в Кембридже. Его труды по математической логике создали ему славу. Но в конце 1940-х гг. он опять выходит из строя. В повторных депрессиях он морил себя голодом до тяжёлой анемии. В 1951 г., за

две недели до смерти от рака простаты, он заявил, что с его мозга впервые спала пелена, до последнего дня диктовал философский труд и умер со словами «Я прожил замечательную жизнь».

Семья ближайшего единомышленника и коллеги Рассела, сэра Джулиана Хаксли, также пестрит психозами. Прадед, сэр Леонард Хаксли, скончался в приюте Барминг в состоянии «раннего инфантильного слабоумия». Брат прадеда Джордж переносил состояния то «крайней тревоги», то «эйфории», в последних безудержно тратил деньги. Его дочь Мэри сразу же после замужества «стала неадекватна», с годами превратилась в «овощ» и умерла от застойной пневмонии. Дед, сэр Томас Генри Хаксли, учился на врача; первый раз побывав на вскрытии, почувствовал себя плохо и несколько месяцев не выходил из дома, «впал в летаргию», при этом считая, что отравился формалином. Позже он перенёс ещё три приступа болезни. Один из братьев, Тревенен, покончил с собой в депрессии в юности. Другой, писатель Олдос Хаксли, в 1937 г. полностью изменил образ жизни, стал вегетарианцем и занимался медитацией, что объясняли влиянием Кришнамурти и Свами Прабхаванды. Его дальнейшее увлечение галлюциногенами, в том числе ЛСД, в свою очередь, объясняли тем, что его совратил Элистер Кроули. Сам Олдос Хаксли говорил, что «в новую эру лидеры мира, вместо того, чтобы применять насилие, будут **управлять людьми посредством введения в младенческое состояние и наркогипноза».** Прабхаванда прервал с ним отношения, зато Хаксли написал эссе «Двери восприятия», ставшее культовым произведением хиппи, а спустя шесть лет — утопию «Остров», полную противоположность своей антиутопии «Этот дивный новый мир». Идиллию острова увенчивали попугаи, произносившие фразы-лозунги, воодушевлявшие обитателей.

Сэр Джулиан Хаксли, естествоиспытатель, энтузиаст защиты животных и многолетний глава британского Евгенического общества, страдал ремитирующим (приступообразным) психозом с 1913 г. В структуре первого приступа на фоне депрессии присутствует бесплодная борьба мотивов: переживая свою безответную влюблённость, он ощущает борьбу двух начал — похоти и вины. В 1919 г. после женитьбы сэр Джулиан, уже известный биолог, переносит ещё один, теперь уже биполярный аффективный приступ.

Совместно с супругой в 1920-х гг. Хаксли путешествует в Восточную Африку. Побывав на плато Серенгети, сэр Джулиан приходит в восторг: из-за того, что здесь распространена муха цеце, люди здесь перестали селиться, и в результате живая природа сохранилась в своей первозданности. Яркое впечатление постпсихотика дает пищу для философских обобщений.

В 1941 г. Хаксли пишет о целесообразности массовой стерилизации малообеспеченных слоёв: «Длительная безработица должна быть основанием для кастрации… Никто не сомневается в полезности селекции генетического материала в сельском хозяйстве — так почему же не применить это к человеку?»

В отличие от коллег из Третьего рейха сэр Джулиан был в большей степени социал-дарвинистом, чем расистом. В диком животном мире он различал примитивные и продвинутые виды, но не допускал мысли об истреблении примитивных созданий, поскольку фауна «самоочищается» от неполноценных особей посредством сексуальной селекции (т.е. самки не выбирают неполноценных самцов).

Свою должность вице-президента в Евгеническом обществе он оставил не из-за того, что на фоне практики нацистов это направление стало считаться «нетолерантным», а из-за тяжёлого психического расстройства, которое вывело его из строя на три года. Преодолеть психоз врачам удалось только с помощью электросудорожной терапии. Происхождение болезни британские «эпштейны» связали с гепатитом, перенесённым во время очередной поездки в Западную Африку.

В 1946 г. выздоровевшего Хаксли избирают генеральным секретарем ЮНЕСКО, с трибуны которого он выступает за решительное сокращение численности населения на планете. Те же идеи проповедуются в соучрежденном им, Расселом, Эйнштейном и Джоном Дьюи Международном союзе за гуманизм и этику (IHEU).

Сталинское Политбюро и Ватикан реагируют на это одинаково негативно. После этого Хаксли «окончательно излечивается» от симпатий к СССР и организует кампанию в защиту советских генетиков. В его представлении Трофим Лысенко — не менее опасный идеалист, чем Святой престол. «Марксизм-ленинизм стал догматической религией, и свидетельством тому служат репрессии», — догадывается мальтузианец-догматик Хаксли вслед за Расселом. Вместе с Расселом и Джоном Бойнтоном Пристли (который также был соучредителем CND) Хаксли вносит в палату общин законопроект, разрешающий однополые браки. Полный спектр неомальтузианских идей изложен Хаксли в эссе «Перенаселённый мир» (The Crowded World), опубликованном в 1958 г.

Собственные воззрения он именует «трансгуманизмом». В усовершенствованном виде они сводятся не только к очистке от неполноценных особей, но и к «биологическому и социальному смешению» лучшего генетического материала всех трёх рас («дивизионов») человечества. Это, в его представлении, должно заменить «богоцентрическую концепцию цивилизации» на «эволюционно-центрическую». Некоторые критики считали Хаксли не атеистом, каким он считал себя сам, а «религиозным натуралистом».

«Религиозный натурализм» пользуется спросом не только в узком кругу научного истеблишмента, но в равной степени в высшем (семейном) кругу американской бизнес-элиты и в монархических семействах Европы. Самыми решительными воспреемниками идей Хаксли оказываются британский принц-консорт Филипп Маунтбеттен и голландский принц-консорт Бернард.

«Дело генетиков» при Хрущёве было преподнесено как одно из самых веских и убедительных свидетельств не только произвола Сталина, но и его идейной косности. Евгенический аспект советских генетических исследований остался в тени — и всплыл в перестройку, когда писатель-демократ Даниил Гранин написал апологетический роман о Николае Тимофееве-Ресовском, работавшем в нацистской Германии. Статусные антифашисты не покоробились. Они не покоробятся и в постперестройку, когда режиссер Михаил Литвяков устроит в Санкт-Петербурге показ фильмов Лени Рифеншталь. Ведь в рамках того же фестиваля презентуется антисталинская поделка Сокурова.

12. Гендерный язык заговорщиков

Пути античеловеческих идей в XX веке и особенно в 1960–70-х гг. необходимо изучать для понимания исторических катастроф — таких, как распад Восточного блока и крах СССР. Однако такое исследование сопряжено с интеллектуальным усилием, для многих — насилием над собой в процессе ломки собственных стереотипов. И они легко замещаются поверхностными интерпретациями, сводящими подтекст противостояния прошлого века к гениальному расчёту отдельно взятого американского чиновника, якобы объехавшего Сталина на эксплуатации его «паранойи».

Это упрощение удобно трижды. Во-первых, постепенная утрата советского влияния в Восточной Европе сводится к ошибкам Сталина. Во-вторых, поддерживается легенда о его паранойяльных подозрениях, в том числе этнических. В-третьих, ЦРУ рисуется как центр глобального принятия решений, а роль британской короны, финансовых семейств и образованных ими параполитических структур, равно как и роль транснациональных теневых кланов, остаётся побоку.

Демонизация Аллена Даллеса как автора плана морального разложения советского общества является общим местом отечественной публицистики. Хотя нельзя сказать, что суть так называемой доктрины чем-либо отличается от стандартных рецептов духовного порабощения любой цивилизации, представляющей реальную и потенциальную угрозу глобальному субъекту. В то же время в разных редакциях одного и того же текста, регулярно тиражируемого в книгах и статьях, ни слова нет о методах идеологической обработки, предметом которого является не сознание масс, а мышление элит. Если Даллес действительно допустил столь откровенное и страстное (чрезмерно страстное для холодного стратега) высказывание о стратегических целях, удивительно, что из его изложения выпал или был выпущен этот аспект идеологической войны.

Над нами смеются. В английской Wikipedia уже размещена статья «План Даллеса», где скрупулезно прослежена эволюция мифа о доктрине от романа Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин» до монографии Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР». И приведено сопоставление с «Коммунистическими правилами революции», якобы обнаруженными войсками Антанты в Дюссельдорфе в 1919 г. и пе-

репечатанными в 1946 г. правым американским журналом Moral Re-Armament — совершенно аналогичными по смыслу (30), а также с руководством «Промывание мозгов», сочинённым основателем Сайентологической церкви Л. Роном Хаббардом и приписанным Л.П. Берии.

Аллен Уэлш Даллес, сын священника Аллена Мэйси Даллеса и дядя римско-католического кардинала Эвери Даллеса, был правым политиком до мозга костей. Но это не освобождает его от подозрений со всех сторон. Тот факт, что в 1916 г. в Швейцарии он отклонил ходатайство Ленина о поездке в США — а значит, общался с Лениным, в глазах правых католиков-изоляционистов прямо увязывается с провалом операции в Заливе Свиней, после которой он был снят с должности Джоном Кеннеди. Но та же обида на президента, а также подозрения в адрес одного из его агентов, Фрэнка Стерджеса, в глазах демократов служит основанием для подозрений в причастности к убийству Кеннеди.

С. Стивен шёл по наезженной колее. В конце 1960-х гг. в США было опубликовано множество работ о подоплёке убийства Кеннеди, где муссировалось использование братьями Даллесами русских эмигрантов, сочувствующих кубинским контрас — католикам и антисемитам. Домыслы о русском эмигрантском подполье затушёвывали и личную заинтересованность Линдона Джонсона в устранении Кеннеди, и претензии к Кеннеди со стороны семьи Рокфеллеров.

Придавая особое значение пребыванию Ли Харви Освальда в Минске, некоторые авторы путали понятия «белый русский» (бывший белогвардеец») с понятием «белорус». Одной из самых зловещих фигур изображался эмигрант из России, выходец из остзейской помещичьей семьи и якобы прожжённый антисемит Жорж де Мореншильдт.

Пресловутый Мореншильдт покончил с собой в депрессивно-параноидном приступе, в бреду у него были одновременно ЦРУ, КГБ и сионисты. Неудивительно: внимание к его персоне следователей и прессы изничтожило его деловую репутацию и привело к разорению; рухнул, в частности, его красивый проект индустриального развития Гаити. Потомок остзейских дворян был яркой личностью, он постоянно эпатировал публику неполиткорректными шутками на самые разные темы, а также хождением в полуголом виде по провинциальному американскому городку, вызывая негодование и местных католиков, и коллег-эмигрантов. Периодически он срывался в авантюрные путешествия по Африке, где зарабатывал большие деньги, которые тут же проматывал. Версия о его деятельности в качестве агента Даллеса не стоила ломаного гроша: эксцентричный гуляка-болтун был не в состоянии не только хранить тайны, но даже не привлекать внимания: он был, наоборот, виден всем за версту. Подобно Вильгельму-Вышиваному, он то умудрялся добиться доверия у сильных мира сего, включая Жаклин Кеннеди, то сам активно разрушал собственные мегапроекты.

Подставная версия о Мореншильдте уводила в сторону от международной теневой подоплеки убийства, до которой удалось докопаться прокурору Нового Орлеана Джиму Гаррисону: он получил улики в отношении бизнесмена Клея Бертрана, он же Клей Шоу, директора Ново-Орлеанской международной выставки. Клей Шоу входил в совет директоров швейцарской компании «Международные промышленные выставки» (Permindex). Основатели этой компании, которая к этому времени

подозревалась в подрывной деятельности в Италии и Франции (где контрразведка вышла на её след в расследовании покушения на де Голля), представляли собой крайне пёстрое сборище. Вместе с базельским банкиром Гансом Зелигманом, владельцем «Schlumberger Ltd.» Жаном де Менилем и дядей египетского короля Фарука бизнесменом Муниром Шурбаги в совет директоров входили три итальянских правых радикала, в их числе — граф Гуттьерес ди Спадафора, экс-министр сельского хозяйства при Муссолини. Экс-премьер Венгрии в 1946–47 гг. Ференц Надь, бежавший в США от Ракоши, соседствовал в совете директоров с генерал-майором Ференцем Шимонфаем, бывшим коллаборационистом. Этот состав «противоречиво» дополняли три лица еврейской национальности — канадский юрист Луис Мортимер Блумфилд, советник сенатора Маккарти Рой Кон, который был прокурором в процессе супругов Розенберг, и, наконец, Джорджо Мантелло, он же Дьердь Мандель, дипломат с репутацией антифашиста, спасавший венгерских евреев от отправки в Аушвиц. Однако окончательную пикантность этому набору лиц придавало присутствие в списке Джузеппе Бонанно — представителя влиятельнейшей мафиозной итало-американской семьи, который вместе с Коном официально представлял интересы «Lionel Corporation».

Джиму Гаррисону заткнули рот: его уличили в контактах с теневыми конкурентами Бонанно. Блумфилд, несмотря на запросы французской контрразведки о его связях с постнацистской OAS (покушение на де Голля, по их данным, финансировал израильский банк «Hapoalim»), был избран в правление Еврейского университета в Иерусалиме и стал вице-президентом канадского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF). До расследования связей с британскими спецслужбами дело не дошло — хотя Блумфилд начинал карьеру в миссии SIS в Палестине. Клей Шоу был признан невиновным. Рой Кон попал под суд за давление на свидетелей и финансовые махинации, компрометируя Маккарти. Джорджо Мантелло (усилиями семейства Валленберг) числится в анналах героев Холокоста, хотя утверждалось, что на спасении узников гетто он хорошо заработал на безопасной должности посла Сальвадора в Швейцарии.

Роспуск комиссии Гаррисона (как и последующий отказ вдовы Блумфилда предоставить допуск к его архивам) помог спрятать в воду самые разные концы. Во-первых, теневые. Блумфилд, в 1940-х гг. возглавлявший 5-й департамент ФБР, был личным адвокатом семейства Бронфман и, очевидно, служил посредником между этим семейством и группировкой Бонанно, а также с их партнёрами во Франции и Израиле. Во-вторых, политические: несмотря на участие в правых инициативах, Рой Кон, партнер Бонанно, был функционером Демпартии США. В свою очередь, Блумфилд, консультировавший Бен-Гуриона, финансировал Гистадрут — профсоюз, ставший финансовой и электоральной базой левой израильской партии «Авода». Наконец, Крестьянская партии Венгрии (Партия миноритарных владельцев, крестьян и граждан), которой Москва не помешала выиграть выборы 1945 г. и остаться младшим партнером ВКП в 1947 г., также относилась к левому спектру.

Имре Надь, однофамилец Ференца Надя, был министром сельского хозяйства во временном (теневом) просоветского правительства Белы Миклоша в 1944–45 гг. Когда генерал-перебежчик Миклош был лишён депутатского мандата по инициативе коммунистов, коммунист Надь был приглашён Золтаном Тильди, премьером от Кре-

стьянской партии, на должность главы МВД и занимался земельными проблемами (и в этот период семейство Сорос не пострадало). С приходом Ракоши, когда премьером был «левый крестьянин» Иштван Доби, Надь был министром сельского хозяйства. В 1952 г. доверяющий ему Ракоши утверждает его премьером. Однако 1 ноября 1956 г. Надь заявляет о выходе своей страны из Варшавского договора, при этом подчёркивая, что остаётся коммунистом. Его непосредственно поддерживает ЦРУ через посольство США в Белграде, и в югославском посольстве он и прячется.

Высказывалось предположение о том, что Зелёный интернационал, поддержкой которого хвастался Василь Вышиваный, был на самом деле Международным аграрным бюро (МАБ) — объединением крестьянских партий восточноевропейских стран. Действительно, МАБ было основано в 1921 г., а в начале 1930-х гг. было известно как Крестинтерн и рассматривалось как противовес Коминтерну. Другое дело, что венгерская Крестьянская партия, хотя и появилась на свет раньше других (1908), в первоначальный состав МАБ не входила. Более того, Москва допускает её парламентскую победу в 1945 г., предпочитая её Партии независимости Венгрии Белы Миклоша. Генерал-перебежчик выходит из доверия — то ли благодаря тогдашним интригам Имре Надя, то ли по той причине, что трансильванец Миклош накануне своего выхода из подчинения германской Первой танковой армии хлопотал о скорейшем выходе Венгрии из войны, чтобы сохранить её в прежних границах. А возможно, в этом играет роль недооценка коварства Лондона — не только позиции Черчилля по отношению к СССР, которая будет сформулирована в Фултонской речи, но и планов по сохранению влияния в Восточной Европе посредством манипуляций внутри левого движения, по следам разработок Пальмерстона середины XIX века. И не только в Восточной Европе, но и на Ближнем Востоке — с использованием связей в теневых кругах, которые налаживались ещё в начале века в подмандатной Палестине и Египте, где король был пешкой в английских руках.

Блумфилд работал с венграми, но не на «великую Венгрию»: именно оно помог эмигрировать румынскому наследнику престола Каролю II — родственнику короля Георга и кавалеру британского Ордена Подвязки. Венгры были только инструментом, составной частью левой антисоветской, «неприсоединившейся» Восточной Европы. Ставкой на кону был план Маршалла. Ференц Надь сбежал из Венгрии в 1947 г. при содействии Управления оккупированных территорий ЦРУ, которое занималось как вербовкой бывших нацистских специалистов, так и формированием новых антикоммунистических групп на случай дальнейшей экспансии СССР. В связи с планом Маршалла в ЦРУ было сформировано Управление политической координации, глава которого Фрэнк Визнер и считается в многочисленных источниках куратором Ференца Надя. Тот же Визнер занимался пропагандой плана Маршалла в США.

Фрэнк Визнер в 1956 г. настаивал на оказании прямой помощи «бунтарю» Имре Надю, однако не встретил поддержки со стороны Эйзенхауэра. При этом известно, что ранее к Визнеру имел претензии глава ФБР Эдгар Гувер. Существенно, что эти претензии касались «эксцессов» Визнера в Румынии: участвуя в помощи королевской семье, Визнер не удержался от романа с принцессой Караджей. Гувер жаловался Визнеру на Даллеса — как считается, по мотивам личной зависти. Но причины могли быть и другими — психопатологическими. Это — третья сфера, где дальнейшее расследование было прервано роспуском комиссии Гаррисона.

Как Гувер, так и его протеже Рой Кон, и его партнер в Permindex Клэй Шоу были гомосексуалистами (через новоорлеанское гей-комьюнити Гаррисон и вышел на след).

После смерти от осложнений СПИД Кон стал героем кинематографа: в «Ангелах в Америке» ему на смертном одре приходит видение казнённой Этель Розенберг, и даже в «Симпсонах» фигурирует юрист с голубыми волосами с насморочным голосом Кона.

Не исключено, что и другие отношения в рамках Permindex строились на гендерной идентификации, преодолевающей этнические и сословные «предрассудки». Джим Гаррисон и его коллеги крупно скомпрометировали консерваторов в глазах общества: ведь вся антикоммунистическая риторика Маккарти была построена на противопоставлении нормального консервативного американца «коммунистическим извращенцам». Гувер и Кон в своей работе на ФБР пытались «властвовать собой», скрывая свои порывы от общества.

Гувера могли раздражать не только гетеросексуальные эксцессы Визнера, но и его контакты с бисексуалом Кимом Филби, которого тот пытался вербовать. Однако для настороженности в адрес Визнера помимо «гендерных» были и другие основания, которые могли быть причиной и недоверия высшего руководства.

Гиперактивность Визнера, как и его эксцессы, имели болезненную подоплеку. После венгерских событий 1956 г. он оказался в клинике, где провёл полгода и подвергся лечению электрошоком. Даллес, который его высоко ценил, даже после этого назначил Визнера главой лондонской резидентуры, но у бывшего аса разведки рецидивировала депрессия, и в 1962 г. он добровольно покинул службу.

До 1968 г., когда «третий путь» воплотится не в хрупком альянсе мелкобуржуазных партий, а в мощном антиавторитарном пафосе послевоенного «разочарованного» поколения, когда восстанет Чехословакия, пройдет ещё 12 лет. С беспрецедентными жертвами во Вьетнаме, более того — с идеологической уступкой, в которой государство предаёт честь собственных солдат. При том, что Лондон, играющий в этой операции — в лице графа Рассела с его гомосексуальным протеже Витгенштейном в том числе — ещё более активную роль, не принуждается к подобным жертвам.

С подачи Хрущёва на эксплуатации «дела врачей» будут ломаться и крошиться ряды левой оппозиции в Европе и Америке, труды марксиста Дьердя Лукача будут намеренно издаваться под одной обложкой с опусами «третьего пути», в рамках Пагуошских переговоров будут намеренно «вовлекаться в диалог» советские учёные еврейского происхождения. Диалог предназначен для продвижения манипулятивной «теории конвергенции», которую в Москве отстаивает освобождённый из Сухановской тюрьмы Евгений Гнедин.

Благодушное согласие СССР на присоединение к Хельсинкскому соглашению, которым был удивлён даже Генри Киссинджер, станет ахиллесовой пятой, удобной для эксплуатации. Одновременно с нападками на советскую психиатрию будет эксплуатироваться проблема «отказников», на которой будет надуваться, как резиновый ядерный гриб, имидж академика Андрея Сахарова («Толстого сегодняшней эпохи», как назовет его Гнедин).

А в советской беллетристике образ монстра будет по-прежнему делаться из Аллена Даллеса. И не только в советской, но и в американской. Мертвых пинать удобнее, и это относится не только к Сталину. В американском фильме «JFK» Джиму Гаррисону, постфактум опять сделанному героем, будет приписано намерение вызвать Даллеса на допрос. Зато личный архив Блумфилда так и не распечатан — под тем предлогом, что этого не позволяет его вдова.

13. По ту сторону советского схизиса

В период своей жизни в Лондоне в 1910-х гг. Максим Литвинов возглавлял Герценовское общество. Имя Александра Ивановича Герцена, «разворачивавшего революционную агитацию» на британские деньги, становится культовым в определённом кругу научной и политической элиты при Леониде Брежневе. А именно — в кругу считающихся опальными интеллектуалов, которым покровительствует Юрий Владимирович Андропов.

«Крестным отцом» Андропова был, и об этом хорошо известно, Отто Вильгельмович Куусинен. У него странная репутация в современной литературе. Испаноязычная Wikipedia именует его предшественником перестройки. В свою очередь, российско-израильское совместное предприятие русскоязычной «Википедии» «Ежевика» утверждает, что именно Куусинен был первым партаппаратчиком, употребившим слово «космополитизм» — раньше Андрея Жданова.

Любопытно, что в соответствующей статье «Ежевики» начало кампании по борьбе с космополитизмом датируется — зря Никита Сергеевич старался — не 1939, а 1946 годом. При этом, как ни странно, изложение событий обрывается в 1949 г., до «дела поэтов» и «дела врачей». Повествование, непонятно почему включающее при этом постановление оргбюро ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», на что-то натыкается и не двигается дальше. И можно догадаться, на что — на «ленинградское дело», сложное для интерпретации. Поскольку его главную фигуру, Александра Алексеевича Кузнецова, не подозревали в сионизме — наоборот, он в нём подозревал многих деятелей, вплоть до министра Абакумова. И только потом пострадали те, кто его арестовывал.

Назначенцы Кузнецова имели впоследствии репутацию «русского крыла» в партийном аппарате. Об этом вспоминал, в частности, второй секретарь Карело-Финского обкома и бывший партизан Геннадий Куприянов. Когда началась чистка, он был уверен, что его подчинённый Андропов за него вступится — он тоже считался своим. А Юрий Владимирович взял и предал его. По подсказке Отто Вильгельмовича.

Алексей Николаевич Крылов, хорошо знающий Куприянова и других пострадавших, считает, что Андропов, который работал в Петрозаводске, был вовсе не Андроповым, а английским агентом Гленном Миллером (31).

Его подозрение, хотя и экзотично, оказывается вполне созвучным тому, что о Куусинене писал первый заместитель главного редактора «Литературной газеты» Юрий Изюмов (32):

«*Отто Вильгельмович очень интересная фигура. В молодости он вращался на политическом Олимпе Финляндии, водил дружбу с богатыми и влиятельными масонами. 9 лет был депутатом сейма, 6 лет возглавлял социал-демократическую партию. Потом — "на подпольной работе" (согласно справочникам). С 1921 по 1943 г. — один из руководителей Коминтерна. С 1941 года до самой кончины (1964 г.) член ЦК ВКП(б), а при Хрущёве — секретарь Центрального Комитета КПСС. В 1939-м был один неординарный эпизод, связанный с советско-финской войной. Куусинен возглавил тогда созданное на случай нашей победы, в которой никто в СССР не сомневался, правительство народной Финляндии. Как же его поносили на Западе! Везде, кроме Великобритании.*

В ЦК КПСС Куусинен ведал международными вопросами. В том же 1957 году, когда Хрущёв выдвинул его секретарём ЦК, Андропов с должности посла в Венгрии сразу стал заведующим подведомственным Куусинену отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, а через пять лет — секретарём ЦК. Отто Вильгельмович подготовил себе надёжную смену. Британия высоко оценила его заслуги перед спецслужбами. Как пишут в таких случаях, по некоторым данным, секретным указом королевы он награждён высшим британским орденом, получил рыцарское звание, а коллегами назван самым успешным агентом в их тёмной истории. Последняя жена Куусинена откровенно написала в своих мемуарах: "Его ведь, в сущности, мало интересовал Советский Союз. Строя свои тайные планы, он не думал о благе России"».

Другие авторы уместно напоминают о дружбе Куусинена с Николаем Бухариным. По совпадению с сыном и вдовой Бухарина был очень близок Евгений Гнедин, и вместе они входили в круг опального, но защищённого Андроповым философа Михаила Яковлевича Гефтера, который писал о необходимости «соединения Маркса с Герценом» и почитал Бахтина. В том же кругу вращался молодой американец Стивен Коэн, ныне работающий в Колумбийском университете. Имя Бухарина упоминается некоторыми источниками в связи с масонами из Сведенборговской ложи.

Англоязычная Wikipedia сообщает о Куусинене, что в период обучения в Хельсинкском университете будущий социал-демократ «увлекался фенноманским консерватизмом и алкиоизмом».

О чем идёт речь? Фенноманами называла себя партия, отстаивавшая независимость финнов от влияния Германии и Швеции. Основателями были швед Йохан-Вильгельм Снельман, добившийся от Александра II права на эмиссию финской валюты, и ботаник Элиас Леннрот, издатель «Калевалы». В 1894 г. от партии отделилась антимосковская Партия младофиннов, в которой англофильское крыло («воробьёв») возглавлял Каарло Юхо Столберг. С 1919–25 гг. он был президентом Финляндии, а в 1946 г. стал советником президента Паасикиви.

Слово «алкиоизм» происходит от имени Сантери Алкио, первоначально младофинна, основателя Партии центра, представлявшей интересы мелких собственников. Он был сторонником независимости, пацифистом (агитировал против воин-

ской повинности) и антиклерикалом: «Мы должны освободить прекрасное учение Христа от тирании богословов». В 1920-х гг. он увлёкся Махатмой Ганди, которого воспитали в лондонском Вегетарианском обществе — дочерней структуре Сведенборговской церкви. И в то же время Алкио поддерживал проект Соединённых Штатов Европы.

В русской «Википедии» о нём написано больше, чем в английской, причём с придыханием: «*Он полностью принимал великую идею Ю. В. Снельмана о финском цивилизованном государстве и обществе и оставался верным этой миссии до конца жизни. Официально движение придерживалось нейтральной линии в политических дебатах того времени, но это было скорее программным фасадом. На самом деле под руководством фенноманов и при преобладании финской сельской молодежи, оно было одним из главных оплотов феннофильства. Для Алкио было очень важно, чтобы движение стало чем-то принципиально новым — культурно-просветительским и "охранительным" движением. Основной задачей ставилось искоренение "испорченности нравов и невежества" и укрепление веры в здоровые ценности сельской жизни. Их было необходимо оберегать от урбанизации, создавая защитный панцирь от соблазнов индустриального образа жизни. Эти отправные точки аграрного движения стали непосредственным направлением развития Аграрного союза*».

Интересные симпатии были у марксиста Куусинена. Впрочем, к моменту, когда Алкио погрузился в гандизм, Куусинен уже работал в Коминтерне, снабжая сторонников в Финляндии средствами от продажи контрабандных бриллиантов. Его супруга работала на ГРУ, в том числе в течение трёх лет в США.

Контрабандная практика Коминтерна навела Максима Калашникова на вывод о том, что «коммунисты-интернационалисты» в динамике оказались в орбите «Сообщества тени», центром которого являются США. Мне представляется (с учётом сказанного выше о Ференце Наде), что в эту гипотезу следует внести уточнение: вначале в этой орбите оказались «международные аграрии».

Куусинен как раз следил за тем, чтобы сеяние революции не превращалось в лавочку: он курировал в Коминтерне Интернациональную контрольную комиссию. Не исключено, что эта функция, вкупе с «алкиоизмом», сформировала некие стереотипы, оказавшие влияние на его протеже Андропова.

По вопросу о происхождении Андропова языки Wikipedia не сходятся. Итальянская называет его по отцу Либерманом. Англоязычная считает его отца армянским дворянином. Фамилия матери, Флеккерштейн, происходит от её отца, шведа, родившегося в Выборге. Приёмного отца, уточняет русскоязычная «Википедия».

Второй карманный диссидент Андропова, Рой Александрович Медведев, иллюстрирует книгу двумя загадочными профилями, далёкими от славянских и скандинавских.

Загадка Андропова была бы весьма интересна Эрику Берну. Жизненный сценарий (скрипт) формируется у человека из образов родителей. Если на их месте пустота, то она заполняется образами, созданными приёмными родителями или детским учреждением. Теория Берна подтверждается опытом послевоенных советских беспризорников, которые знали об отце только то, что он погиб как герой, и многие детдомовцы с таким внутренним стимулом выходили в люди.

После смерти о юношеских представлениях Андропова что-то по капле становится известно. Например, о том, что он болезненно воспринимал черносотенцев. Мне представляется, что на проблему идентичности больше указывают другие детали — например, дружба с семьей Чуковских с её как этнической, так и исторической внутренней проблемой.

Лидия Корнеевна Чуковская писала предисловие к тюремным мемуарам Евгения Гнедина. Эпиграфом служит объявление в Sachsische Arbeiter Zeitung: «Извещаем о рождении крепкого, жизнерадостного врага государства. Наш сын родился в Дрездене утром 29 ноября... И хотя он родился на немецкой земле, у него нет родины... Мальчик будет нами воспитан как боец в рядах социально-революционной армии. Парвус и его жена». Так, по Берну, и создаются жизненные сценарии. Сам Гнедин приводит цитату из протокола допроса военного атташе в Берлине: «Если (такие-то и такие-то) сволочи, то Гнедин — трижды сволочь!» (33) Такие формулировки палкой не выбивают.

Будь у Андропова подобный сценарий, судьба не хранила бы его ни в Петрозаводске, ни в Будапеште. Воображаемый ангел-хранитель у него, несомненно, был. Какого происхождения? По финским законам сына уроженки Выборга могли признать финном.

Соответственно, его образ родины расплывчат.

Другой вопрос — всё ли в его биографии определяется берновским скриптом? Иначе говоря — всё ли укладывается в психическую норму?

Он имеет репутацию бытового аскета. Это вынужденный аскетизм — результат нефрита. Традиционное партийное застолье для него «заказано». Внешняя отгороженность может интерпретироваться этим. Но есть ли у него друзья? Что-нибудь известно об эмоциональной стороне личной жизни?

В Будапеште он приобретает славу двуличного дипломата, с которым откровенность противопоказана. Он может продемонстрировать радушие и потом ударить в спину.

В депешах в Москву он вначале защищает Ракоши. Когда Москва вынуждает Ракоши уйти, к нему захаживает его преемник, нерешительный и непопулярный Эрне Гере, также еврей. Общается он с ним более чем доверительно — жалуется, что «Имре Надь всем хвастается, что он имеет поддержку от Микояна».

В то же время он — свой человек в «кружке Петефи», в «штабе революции». По словам цитируемого Крыловым полковника Шандор Копачи; Андропов «производил впечатление сторонника реформ. Он часто улыбался, у него находились лестные слова для реформаторов, и нам было трудно уразуметь, действовал ли он только согласно инструкциям или по личному почину».

Кому он симпатизирует — непонятно. Время идёт. Когда дело доходит до бунта, он, по выражению генерала Белы Кираи, вдруг станет «инквизитором». Реформаторы будут подавлены так жестоко, что дальнейшие антисоветские настроения в Венгрии гарантированы без всякой вашингтонской пропаганды.

Джоанна Гренвилл подчеркивает, что и в Будапеште, и в Варшаве в глазах поднявшей голову оппозиции власть «ассоциировалась с евреями». Может быть, Андропов воспринимал их как черносотенцев и оттого проявил коварство? Или в избыточной жестокости был дальний план? Оставим этот вопрос пока открытым.

В 1957 г. после изгнания Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним» главы МИД Шепилова в Политбюро вновь оказывается Куусинен. Его забирают из Карелии после смены президента Финляндии. Одновременно его избирают в Академию наук. А Карело-Финская ССР понижается в статусе до АССР.

С уходом Семичастного, за год до событий в Чехословакии, Андропов становится главой КГБ СССР. Семичастный и Шелепин имели репутацию членов «русской партии». Триумф «интернационалистов»? Начальником военной контрразведки одновременно становится Виталий Федорчук, пришедший из ЗГВ, в 1950–52 — начальник управления особых отделов в Австрии. Спустя три года он уходит с повышением в ранге в Киев. Из какой он «партии»? В Киеве о нём говорят, что он «ищет масонов даже у себя под кроватью».

В 1972 г. профессор А.Н. Яковлев публикует в «Литературке» статью «Против антиисторизма», где заведомо критикуются одновременно «западники» и «деревенщики», но «западник» назван в единственном числе (И. Забелин), а «деревенщики» — во множестве и с издёвкой по поводу «тайны русской души». В 1959–60 гг. он учился в Колумбийском университете вместе с Олегом Калугиным. Его отправляют в Канаду

А в российской интеллигенции продолжается дуэль. Одни читают «Новый мир», другие — «Наш современник». Читающие «Новый мир» толпятся за билетами на Таганку, где царствует опальный, но защищённый Любимов. Функционеры. И офицеры. И врачи-психиатры.

Психологи упиваются ротапринтным Фрейдом, солидарно иконизируют Выготского и «полуподпольно», в рамках «психодинамики», практикуют психоаналитические методики. В самиздате в одном наборе с Пастернаком тиражируются мистик Кришнамурти, нарколог Гроф и сексолог Кратохвил. Общий рефрен: мы до сих пор ничего не знали, от нас всё скрывали, и вот теперь наконец до нас доходят истины, уже открывшиеся продвинутым коллегам по соцлагерю.

В 1979 г. решается вопрос о вводе войск в Афганистан. Побеждает точка зрения Андропова, который пугает Политбюро угрозой халифата в Средней Азии.

Этнический комплекс? Корреспондент EIR Тану Майтра неоднократно беседовал в Таджикистане с офицерами, почитавшими Андропова. И одновременно — исламиста Ахмад Шаха Масуда, а вовсе не гражданского президента Наджибуллу.

После серии странных несчастных случаев в 1982 г. меняется власть. Не ориентирующийся в пространстве Брежнев видел своим наследником Щербицкого. Но преемником становится Андропов.

Короткое правление Андропова знаменуется возвышением Гейдара Алиева и падением Щёлокова, заменяемого Федорчуком. На экраны выходит фильм «Преферанс по пятницам», где впервые показывают самый элитный ленинградский дом на улице Рубинштейна, где угнездилась продовольственная мафия. Генсек собирает вокруг себя Арбатова, Бовина, Бурлацкого, именуя их «аристократами духа».

Либеральная интеллигенция ходит сначала с воодушевлённым видом, потом с озадаченным. В новогоднюю ночь её балуют по телевизору западной киноклассикой, а спустя три месяца с экранов кино исчезают все иностранные фильмы, кроме ГДР-овских. А партийное руководство ГДР никак не может понять, что от него хочет Андропов.

Либералы окрылены делом Трегубова и свержением демонстративно разжалованного Щёлокова. Через три месяца любого, кто появляется в магазине в рабочее время, упаковывают в участок — хоть работягу, хоть артиста.

Отношения с Америкой доходят до предела напряжённости после истории с корейским «Боингом». Но вдруг генсек читает письма Саманты Смит и объявляет, что сворачивает проекты альтернативного СОИ.

Некоторые американские энтузиасты СОИ видели в проекте возможность для совместного прорыва в новые технологии и новые миры. Удаётся добиться реакции генсека. Он заявил, что в отличие от Брежнева, является не атлантистом, а континенталистом.

Означает ли его континентализм примирение с Пекином? Наоборот: Бурлацкий пишет о Китае как об опасной феодальной империи, хуже халифата. Так какая у него ориентация? Евроцентричная? Оставим пока этот вопрос открытым.

Когда становится известно, что генсек безысходно болен, региональная партийная пресса издевается над ним в открытую. Перед уходом в мир иной он оглашает имя своего наследника — это Горбачев. Об этом говорил даже Джеймс Бейкер с высокой трибуны.

Из Канады возвращается Яковлев, и раскол элиты и литературы выходит на новый виток.

В Ленинграде научная и клиническая психиатрия делится на два лагеря. Она бы и не хотела делиться, но парткомы распространяют литературу, которая делит. Например, полемику «деревенщика» Астафьева с интернационалистом Эйдельманом.

Врачи, отложив истории болезни, пишут друг на друга доносы. Федор Измайлович Случевский не поладил с главврачом Арнольдом Петровичем Зайцевым. Зайцев имеет репутацию «русопята». Соответственно, Случевский автоматически попадает в демократический лагерь. А парторг больницы Эльманович, верный Зайцеву, — в патриотический. «У меня дедушка был ксендз», — говорит Эльманович.

…Об А.Н. Яковлеве в Ленинграде ходят слухи, что он все-таки тайный «русак», благо близкий к нему А.Я. Дегтярев патронирует отряд историков язычества, загадочно именуемых волхвами. Потом израильский профессор Илья Земцов — человек из когорты Гейдара Алиева — расскажет, что Яковлев курировал неофициальные советские контакты с Израилем.

Годы спустя Владимир Крючков будет утверждать, что Андропов считал Яковлева проходимцем. (К этому времени выдвиженец его босса Алиев возглавит самое самодостаточное государство экс-СССР.)

У Юрия Изюмова другие сведения: Андропов одновременно давал фору Горбачеву, Лигачеву и Яковлеву. Действительно, на свободные выборы выходят Народные фронты и Объединённый фронт трудящихся. Либералы именуют себя левыми, а «правые» — ругательное слово, означающее одновременно «партократ» и «антисемит». Общество «Память» политической силой не становится, зато становится пугалом на Западе и на интеллигентской кухне.

В Ленинграде психиатры-либералы ликуют: главным психиатром назначена Людмила Рубина. Её предшественник Владимир Барабаш в газете «Приморские новости» излагает свои представления о тлетворном генетическом влиянии

на организм и судьбу славянина даже однократного соития с еврейкой. Его избирают в Международную академию экологии. В Бехтеревском институте с восторгом встречают высокого гостя — далай-ламу, перед которым накануне раскрылись двери секретных советских НИИ. Главные инженеры крупнейших заводов делегируют на Байкал топ-менеджеров для участия в организационно-деятельностной игре «Лель». У директората появляется новый авторитет — Фридрих фон Хайек. Мизантропия транслируется будущими приватизаторами, «заряженными» в австрийском Институте прикладного системного анализа (IIASA).

Лигачёвский сухой закон, аналогичный тому, который в Финляндии писал Сантери Алкио, сменяется полной свободой торговли. Административно введённые кооперативы перепродают переданную и стыренную собственность по рыночным ценам. Союзный бюджет истощается. Россия экономически эмансипируется от СССР.

Лозунги «За нашу и вашу свободу» и «Освободимся от подбрюшья» взаимодополняемы, как «инь» и «ян». Яковлев печатает труды о покаянии и об информационной теории, но впоследствии признается, что он не «деревенщик» и не интернационалист, а буддист из японской партии-секты «Сока гаккай».

К «Памяти» примыкает ханты-мансийский писатель Юван Шесталов. Ему приклеивают ярлык «Юван, не помнящий родства». Однако газету «Шаман», где он печатается, распространяют активисты Ленинградского Народного фронта. В газете тема НЛО соседствует с темами языческого быта, а родство угро-финских народов распространяется на волжских мусульман. Об этом читателя просвещают профессора из Хельсинкского университета.

Вот теперь уместно вспомнить и о финнах, объединяющих Европу, и о венгерской расправе, и о так называемом континентализме. О пантеизированных Габсбургах, о графе Куденхове, о Фрейде, Эйнштейне, Расселе.

Что является первоисточником схизиса в обществе? Массовый психоз? Меряченье? Но наша цивилизация — не первобытное племя и в шаманы уходят единицы. Большинство просто не понимает, куда его тащат и зачем, — просто ощущает, как рушится всё вокруг, от производственных связей до человеческих.

Заговор? Тогда с какого времени?

Нам усиленно внушают, что всё это устроил Аллен Даллес. Поэтому качественная литература о событиях XX века остаётся неведомой аудитории. Поэтому остаются белыми пятнами вторжение в Афганистан, ирано-иракская война, «бархатные революции» в Восточной Европе, истоки кавказских войн, беловежский процесс.

Поэтому раскол никуда не девается. Нами можно играть и дальше. Наши умы можно и дальше дёргать за ниточки, расчленяя на племена и низводя до инстинктов.

В реабилитированной пьесе Булгакова есть фраза о том, что разруха начинается в головах. И даже понятно, в каких головах.

Когда Андропов начинал процесс Трегубова, льстецы называли это возвращением к ленинскому стилю, а наследование власти Горбачеву генерал Юрий Любимов интерпретировал мизантропической теорией Голгофы.

А может быть, всё немного проще? Может быть, на кухне у Гефтера Юрию Владимировичу читал свои мемуары (33) Евгений Гнедин, где были такие пассажи, например:

«Я полагал, что, ***если раскрыть тайну бюрократизации, то можно возродить творческое революционное начало.***

...Я как-то отметил для себя слова Ницше, смысл которых был тот, что правда открывается, только если вся история воспринимается как лично прожитая, как результат личных страданий.

...В метаморфозе, произошедшей со мной в сухановской тюрьме, была ещё одна сторона, относящаяся не к сфере интеллекта, пожалуй, и не эмоций, а скорее ***инстинктов...*** *»*

И Юрий Владимирович слушал. И с ним произошло то, что называют озарением. Этот термин существует не только в богословии и научной мысли, но и в психиатрии.

Может быть, Андропов выбрал преемником Горбачёва по той причине, что только с ним мог найти общий особый язык. По той же причине, по которой Магнусу Гиршфельду было интересно общаться с Эйзенштейном, Расселу с Витгенштейном, а Фрейду с Юнгом. Другие его смыслов просто не могли воспринять — кто в силу возраста, кто в силу психической нормы.

Так или иначе, поведение Андропова — что в Венгрии в 1956-м, что в ГДР в 1983-м, что во внутренней политике, что во внешней, оставляет впечатление клинической амбитендентности, выходящей за рамки pathos в область nosos. То же касается логики выбора союзников. Прогредиентность доказывается процессом.

Линдон Ларуш и его коллеги характеризуют Андропова как «глубоко мистифицированную личность», упоминая о его увлечении проблемой неопознанных летающих объектов.

А сотрудники Горбачёва, тщетно пытавшиеся помочь ему возродить его проект Социал-демократической партии, не являясь специалистами, описывают у него классические структурные расстройства мышления — соскальзывания, смысловые инверсии, паралогизмы. «Когда он начинает мысль, совершенно непонятно, каким поворотом она закончится», — рассказывал мне один бывший спичрайтер.

Горбачёв тоже соприкасался с НЛО. А Андрей Дмитриевич Сахаров, говорят, даже вёл переговоры с инопланетянами. Возможно, на балконе в горьковской квартире, куда его выставляла Елена Георгиевна, когда надоедал.

Этично ли это обсуждать? Позволяет ли это медицинская этика? У каждого правила бывают исключения. Бывает жизненная необходимость в хирургии. Бывает историческая необходимость в правде.

14. Ещё один «план Даллеса»

Нами играют и дальше. Наши умы и дальше дёргают за ниточки — в том числе и очень незаурядные умы. Частный пример — популярность в отечественной аналитике старых баек на новый лад. Например, о том же пресловутом Аллене Даллесе.

В 1917 г. Даллес опубликовал документы, доказывающие изготовление «Протоколов сионских мудрецов» русской разведкой. Но в кругах еврейской общественности есть подозрения в отношении его самого: он работал в 1933–35 гг. в Германии, а затем в Швейцарии, где отмывались нацистские капиталы, а после войны курировал операцию Paperclip по доставке германских специалистов-ракетчиков в США. Уже после смерти Даллеса претензий добавилось: в 1950-х гг. он контактировал с египетскими «Братьями-мусульманами». Тогда «Братья-мусульмане» ориентировались на Лондон в противовес прогерманским националистам. Но к концу 1980-х гг. к «Братьям», особенно в израильской прессе, огульно причисляли последователей Саида Кутба.

Новые зловещие черты в портрет Даллеса внесли Джон У. Лофтус и Марк Ааронс — авторы серии книг, изобличающих корпоративные интересы США, прямым инструментом которых якобы был Даллес, в сделках с арабскими нефтяными королевствами и Ватиканом в ущерб евреям и государству Израиль.

Одним из доказательств двуличия американского истеблишмента был эпизод с американским разведывательным кораблем Liberty в 1967 г., который потопили израильтяне, считая, что судно отслеживает передвижение войск на Голанах.

Впрочем, один из выживших офицеров только спустя десять лет после выхода в свет книги Лофтуса и Ааронса «*Тайная война против евреев: Как западный шпионаж предавал еврейский народ*» (34) рассказал, что Liberty на самом деле шёл вовсе не из Египта, что его задачей было отслеживание сирийской авиации и что судном командовал вовсе не майор Блюз, как написано у авторов разоблачения, тем более что майор — звание армейское, а не флотское. Майор Блюз существовал, но он был переводчиком с арабского и ничем не командовал в свои 24 года (35).

Но, несмотря на «прокол» с Liberty, несмотря на явно однобокое выведение всей геополитики из нефтяных аппетитов, книги Лофтуса и Ааронса были «под-

няты на знамёна» влиятельной фракцией правого истеблишмента США, включавшей Ричарда Перла, Джеймса Вулси и разоблачителя «теорий заговора» Дэниела Пайпса. Их совершенно не смущал коммунистический бэкграунд Ааронса. Более того, Лофтуса избрали вице-президентом Музея Холокоста в Майами и президентом частного международного клуба Intelligence Summit, с трибуны которого российских чиновников, включая Евгения Примакова и Сергея Шойгу, обвиняли в перепрятывании иракского оружия массового уничтожения в Сирии. Потом выяснилось, что Intelligence Summit финансируется фондом Михаила Чёрного, а этот предприниматель имеет даже в Израиле неоднозначную репутацию. Только после этого из совета директоров Intelligence Summit вышли подрабатывавшие там Вулси и Джон Дейч.

Скандал, возникший вокруг клуба, связывали с назначением Джона Негропонте на пост директора национальной разведки. Можно считать тогдашнее унижение Перла, Пайпса и компании результатом игры кланов, в которой победил «просаудовский клан», но у Буша и Негропонте могли быть и другие поводы для «прикрытия лавочки» (позже открывшейся снова). Начнём с того, что Лофтус и Ааронс приписывали профашистские симпатии не только Прескотту Бушу — отцу Буша-старшего, имевшего отношение к IG Farbenindustrie, но и всему семейству Бушей. Эти симпатии, в свою очередь, притягивались за уши к контактам Белого дома с «Братьями-мусульманами», начатыми Эйзенхауэром. Те же симпатии приписывались (якобы также насквозь антисемитскому) семейству Кеннеди, а следующими «виноватыми» были Никсон и Киссинджер вместе с Рокфеллерами и Джимми Картером. Это несмотря на то, что Рокфеллеры, «архитекторы» приручения Саудовской Аравии вместе с Даллесами, терпеть не могли Никсона и спровоцировали Уотергейтский скандал для его устранения. Но у авторов всё «складывается»: Никсон дружил с католическим кардиналом Нью-Йорка.

Джон Лофтус на многочисленных конференциях в Иерусалиме постоянно подчёркивал, что он не еврей, а ирландец-католик, однако эта «объективность» выдавала с головой истоки его предвзятости. Доказательная база всей серии книг строится на постулате о том, что коварные британцы, душители (ирландской) свободы, намеренно «продали» Америке собственную сеть «арабов-фашистов». В эту категорию зачисляются без каких-либо различий и «Братья-мусульмане», и саудовские ваххабиты.

Изначальная ригидная концепция, возводящая фактор нефти в абсолют, а германское происхождение (в том числе Киссинджера) — в отягчающее обстоятельство, с каждой книгой обрастала новыми доказательствами, притягиваемыми за уши. При этом Лофтус регулярно настаивал на том, что его версия американской истории XX века ни в коем случае не является теорией заговора. Несмотря на то, что его логика полностью соответствовала критериям теории заговора, составленным сочувствующим ему Пайпсом — только вывернутой наоборот, не «жидомасонского», а антисемитского и антиизраильского.

Как и в случае с Мореншильдтом, критикам книги не хватает профессиональной экспертизы. Любой представитель московской психиатрической школы описал бы Лофтуса как классического паранойяльного психопата. Его взгляд узконаправлен, как луч стационарного прожектора, и всё новые детали выискиваются из того

же поля зрения, определённого абсолютно субъективными, произвольными критериями. Он видит в политике США 1920-х гг. Рокфеллеров и Бушей, но в упор не замечает Варбургов. Он видит взаимосвязанные интересы британского и голландского семейств, но в упор не замечает семейств Габсбургов и Ротшильдов. Он фиксируется на английских играх с арабским духовенством, но в упор не замечает французских игр. Он фиксируется на сырьевом лобби Республиканской партии и в упор не видит нарколобби Демократической партии. При этом когда реальность входит в грубое противоречие с его схемами, он не пытается признать хоть единственную собственную ошибку, а пытается притянуть реальность за уши к своим схемам.

Соглашаясь на председательство в Intelligence Summit, разоблачитель корпоративных интересов не был смущён тем фактом, что эта структура финансируется из сомнительных источников. Его «луч прожектора» этого не улавливал — как и явной неадекватности ряда других приглашённых ораторов с собственными концептами иракской и сирийской угрозы. Вполне уместно предположить, что Негропонте «закрыл лавочку» просто по той причине, что участие крупных чинов в экстравагантной тусовке компрометировало разведывательное сообщество в целом.

Как интерпретирует Лофтус итоги «арабской весны», имеющие измеримый экономический, явный геополитический и впечатляющий культурный результат? Он их сводит к «глупости на 90% и интересам на 10%» (36).

Он утверждает, что весь замысел арабской трансформации якобы преследовал цель «выращивания» либеральных арабских партий, а провал этих либералов и триумф «Братьев-мусульман» якобы является «просчётом Freedom House» и IT-менеджеров. Несмотря на то, что уже в 2007 г. и в Совете по международным отношениям, и в Госдепе США сложился полный консенсус относительно ставки на «Братьев». Несмотря на то, что семья Саудов смертельно боится повторения египетского опыта и всемерно старалась помешать в Египте победе этих «Братьев».

Пресловутые 10% экономической подоплеки Лофтус сводит исключительно к нефти. Несмотря на то, что пресловутые Рокфеллеры давно ушли с сырьевых рынков. Несмотря на то, что демократ Барак Обама чаще и дольше общается с Хамидом Карзаем, чем со всеми аравийскими монархами вместе взятыми. Несмотря на то, что даже такой прожжённый ооновский бюрократ, как Антонио Мария Коста, прямым текстом заявил ещё в январе 2009 г. в интервью венскому журналу «Профиль»: «Во многих случаях деньги, поступающие от наркотиков, являются единственным на данном этапе ликвидным инвестиционным капиталом. Во второй половине 2008 г. ликвидность была главной проблемой банковской системы, и, таким образом, ликвидный капитал стал важным фактором» (37).

Ещё одна личность такого же склада, с таким же здоровым цветом лица в преклонном возрасте, с такой же постоянно торжествующей улыбкой всезнающего искателя правды, — американец из Польши Ян Томаш Гросс, автор романов «Страх», «Соседи» и «Золотой урожай» на одну и ту же тему — о зоологическом антисемитизме поляков и вообще католиков. Роман «Соседи» о еврейском погроме в польской деревне Едбавне, со сжиганием заживо и отрубанием голов, пользуется равной популярностью в Израиле и Германии.

Berliner Zeitung, поощряя направление исследований, присовокупляет к нему суждение второстепенного израильского писателя Эфраима Кишона (Ференца

Гоффмана), в 1981 г. из-за «непонятости» переехавшего в Швейцарию: «Национал-социалистическая Германия, осуществляя “решение еврейского вопроса”, выполняло общеевропейский проект… Посткоммунист Квасьневский принёс публичные извинения, но этого не сделала столь сильная в польском обществе церковь»…

Тема исторической вины Ватикана становится общим местом историографической конъюнктуры уже после того, как упомянутые Лофтусом ватиканские банки выполняют свою миссию по поддержке «Солидарности» — под предлогом исчезновения ксендза Попелюшки, ныне почитаемого в гомосексуальных кругах. Эта тема поднимается, когда уже использованный ЦРУ и теневикам банковский капитал становится предметом внешнего интереса. Кампания разворачивается на фоне кризиса в католической церкви и борьбы за Святой престол. Едва преемником поляка Иоанна Павла становится немец Ратцингер, как ему напоминают о его «нацистском прошлом» (в гитлерюгенде). Делает это Дэвид Роткопф (38), президент международной консалтинговой фирмы Garten Rothkopf (специализация — реформы глобальной энергетики), а ранее — основатель и директор корпорации Intellibridge («Разведывательный мост»). Это тот самый Дэвид Роткопф, который вызывает гнев целого ряда мейнстримных изданий своим бестселлером «Суперкласс» о мировых банковских и сырьевых воротилах, который становится настольной книгой для поколения Occupy и Anonymous.

В отличие от Лофтуса и Гросса Роткопф — статусный профессионал, прикидывающийся конспирологом. Различие между паранойяльной личностью и манипулятором, «косящим» под паранойяльную личность, читается не только по биографии и кругу интересов, который не сужен на узком фрагменте текущей истории, но и по эффекту, на который рассчитано творчество автора. Роткопф пытается не убедить в своей правоте и не поделиться выборочными эксклюзивными знаниями, а поставляет пищу для эмоциональных реакций, добиваясь доверия аудитории в пресловутом коррупционном вопросе, чтобы тут же начать её обрабатывать по религиозной части. Его можно сравнить с владельцем панк-группы Pussy Riot Плуцером-Сарно, который собирает русский мат и конструирует перформансы не ради сексуального просвещения и не ради устранения социальной несправедливости.

Даже Уолтер Зеев Лакер, весьма предвзятый автор, не причислял Ватикан к партнёрам Гитлера и ЦРУ одновременно. «Всем известно, что Святой престол был не в состоянии усмирить Гитлера», — писал он.

Примечательно, что если набрать в «Яндексе» имя Уолтера Лакера, половина ссылок выпадут на книгу 1994 г. «Чёрная сотня», за которую он получил репутацию русофоба (только внимательный В. Кожинов обращает внимание на то, что книга была написана фактически со слов сотрудника Горбачёв-фонда Валерия Соловья). Между тем Лакер, несмотря на пожилой возраст, — не зацикленный, рефлексирующий автор. Его последние книги о судьбе СССР («Мечта, которая рухнула») и о кризисе Европы («Последние дни Европы», «Конец европейской мечты»), остались у нас незамеченными. Не удостоился адекватного внимания в России и главный исторический труд Тимоти Снайдера — монография «Кровавые поля: Европа между Гитлером и Сталиным» (39), где документируется массовое целенаправленное уничтожение нацистами славянских народов — не газом «Циклон В», а просто голодом. Американский автор — редкий случай — не уравнивает мас-

штаб жертв нацизма и коммунизма, и, более того, за нас доказывает, что термин «Холокост», или «Катастрофа», должен быть применён и к славянским народам. В книге много передержек, но это добросовестный труд. Однако российской аудитории «скармливаются» либо неряшливая конспирология Лофтуса с Ааронсом, либо, «наоборот», тексты ревизионистов, отрицающие сам факт применения газа «Циклон В» — и тем самым снимающие историческую вину, в частности, с Макса Варбурга.

15. Семейное бредообразование и глобальная идеология

Глобальная конъюнктура выбирает из философских и исторических трудов только то, что «соответствует моменту». В начале 1990-х гг., например, имя немецкого философа и политика Макса Вебера ритуально упоминалось российскими либералами, воспитанными в австрийском IIASA, и их наставниками из Mont Pelerin Society (основанного Отто фон Габсбургом и Фридрихом фон Хайеком) исключительно в контексте протестантской этики — как альтернативы коммунистической этики и морального фундамента возрождаемого капитализма. На самом деле это был не капитализм, а Вашингтонский консенсус, в котором Европа ещё мнила себя самостоятельным полюсом, притягивающим утраченные австро-венграми земли. На самом деле Макс Вебер, во-первых, был не лютеранином, а кальвинистом и в силу этого стал неокантианцем. Во-вторых, его критика германского экспансионизма была выгодна Габсбургам, и потому это имя было поднято на щит. В-третьих, Вебер был автором не только «Протестантской этики», но и книг «Древний иудаизм» и «Религия Индии: социология индуизма и буддизма». В-четвёртых, его мировоззрение существенно менялось, в том числе и в динамике его психического состояния: в 1903 г. он был вынужден оставить университет ввиду психического заболевания и вернулся в Гейдельберг только в 1919 г. И наконец, его главным предметом интереса были не секреты экономического роста, а аскетизм (нестяжательство) в противоположность «рационализму и интеллектуализму», воплощение которого он видел как в политике Ватикана, так и в германской имперской политике.

В начале XX века из наследия Вебера конъюнктура выбрала вовсе не его «принцип методологического индивидуализма», а его критику бюрократических иерархий, вытесняющих магию и мистику предопределением, а в экономике — планированием (которое, по его мнению, невозможно). Этот элемент оценили будущие «классики» Франкфуртской школы, которых подняла на щит уже конъюнктура 1960-х гг. В свою очередь, его ориенталистские исследования увлекли его друга-психиатра Карла Ясперса, который в 1960-х гг. был записан в классики экзистенциализма, хотя сам он себя не относил к этому направлению.

Из Ясперса, в свою очередь, управляемая мировая аудитория извлекла только то, что было искусственно актуализировано в эпоху New Age, — а именно его вы-

вод об особом «осевом времени» VI–II вв. до н.э., когда Восток и Запад независимо друг от друга достигли вершин естественного и философского познания. Но и в этом глубоком исследовании был проявлен интерес лишь к отдельным фигурам и событиям: в частности, из исследования Ясперса была извлечена и искусственно раздута фигура индийского императора Ашоки, который был невероятно свиреп, заживо сжигал за неповиновение собственных жён, однако после кровавого покорения буддийского царства Калинга, увидев горы трупов, «внутренне изменился», принял буддизм и стал повсеместно насаждать вегетарианство и строить буддийские храмы.

Историческая аллегория с императором Ашокой как ключ к замочной скважине подходил к истории войны США во Вьетнаме, где проблемой агрессоров стала не только советская поддержка северян, но и сопротивление населения, в том числе южновьетнамского, католицизму, который навязывал сайгонский диктатор-марионетка Нго Дин Зьем. Именно с Ашокой, а не с джайнизмом, стали связывать «философию ненасилия» (ахимсу), благо император, перенесший внутреннее «преображение», в своих эдиктах проповедовал завоевание не посредством военных действий, а посредством мирного обращения в свою веру (дхаммы).

Эта аллегория была «скормлена» Джимми Картеру — любимому президенту Рокфеллеров и весьма своеобразной личности.

Джеймс Эрл Картер сделал карьеру в военно-морских силах США, а именно на подводном флоте. Длительное и опасное пребывание в замкнутом пространстве сыграло, видимо, роль того «толчка», повода, который произвел с ещё кандидатом в президенты внутреннюю трансформацию. «Озарение» наступило, когда Картер присутствовал при ликвидации последствий аварии АЭС в Канаде. Картер стал первым американским лидером, фанатически приверженным альтернативной (дружественной природе) электроэнергетике. Именно тогда была принята серия экологических законов, сдерживающих экономическое развитие и вынуждающих к аутсорсингу промышленных мощностей в страны «Третьего мира». Глава приобретшего особый статус Агентства по защите окружающей среды Билл Дрейтон основал в 1981 г. фонд имени Ашоки — Ashoka Foundation, с тех пор постоянно финансируемый Рокфеллерами. Так называемое «социальное предпринимательство» (индивидуальный непроизводственный мелкий бизнес), лоббируемое этим фондом, и представляет сегодня воплощение идей Вебера.

Президентство Картера ознаменовалось Кемп-Дэвидским миром, за который он был удостоен Нобелевской премии, и в то же время — началом кампании в Афганистане, сводившим на нет «ашокианскую» этику. Картер не доверял своим промышленникам и в то же время доверял наркоторговцу и банкиру Агахоссейну Абеди. Он ратовал за права человека и попустительствовал религиозной диктатуре в Пакистане. В его собственном представлении в этом не было никаких противоречий: введение диктатуры затруднило реализацию пакистанского атомного проекта, а в Афганистане, как он считал, советское планирование удушало свободное предпринимательство. Над ним издевались даже иранские революционеры, отказываясь выдать пленённых американских послов.

Причин для издевательства было достаточно. В 1973 г. Картер оказался единственным свидетелем полёта НЛО в штате Джорджия (специалисты пришли к вы-

воду, что он принял за НЛО планету Венера). В 1979 г. он заявил, что во время рыбной ловли его преследовал вплавь гигантский заяц с огромными челюстями. В обоих случаях он не поддавался разубеждению.

Отслужив четыре года, Картер посвятил себя не бизнесу, как его предшественники и преемники, а защите прав человека. В июле 2011 г. он высказался за свободу употребления наркотиков, в мае 2012 г. — за повсеместное разрешение гомосексуальных браков. В основанной им группе The Elders объединилась мировая правозащитная элита с мировыми функционерами, одобряющими легализацию наркотиков. На его «антитоталитарных» убеждениях сделали колоссальные состояния кто угодно, только не он сам.

Странному провинциалу, в юности обитавшему во временном жилье, удалось стать президентом, как пишет его биограф Лоренс Шауп, исключительно потому, что его поддерживала «элитная часть американской прессы». С первого года правления его считали марионеткой Рокфеллеров: в его администрации оказалось 26 членов Трёхсторонней комиссии.

Семейство магнатов десятилетиями контролировало нефтяной бизнес, фактически создав монополию, и вросло во все высшие звенья американского управления. Если считать сырьевые интересы доминирующим двигателем и средством контроля над миром, то выход Рокфеллеров из этого бизнеса следовало бы считать либо иррациональным решением — ввиду коллективного «преображения» в духе императора Ашоки, либо продуманной сменой основного источника прибыли.

«Озарение» коллективным не бывает. В то же время логика смены глобальной парадигмы, теснейшим образом связанной с семейством Рокфеллеров (первая конференция Римского клуба состоялась в их европейской резиденции), не выводится исключительно из сферы интересов.

Винифред Рокфеллер-Эмени, дочь Перси Рокфеллера, в 1950 г. лечилась в санатории в связи с «нервным расстройством». 15 марта 1951 г. она совершила расширенный суицид, задушив себя и двоих дочерей-подростков в гараже выхлопным газом.

Вторая дочь Перси, Исабель Рокфеллер-Линкольн (была замужем за потомком Абрахама Линкольна), с 1930 г. до своей смерти в 1980 г. не показывалась на публике.

Дочь его брата Уильяма, Этель Джеральдина Рокфеллер, вышла замуж за Марселлуса Хартли Доджа, владельца оружейной компании Remington Arms. Их единственный сын погиб, врезавшись в осветительный столб на машине, после чего семья сменила место жительства и проживала раздельно в двух домах. Решение разъехаться, возможно, было связано с тем, что Джеральдина приютила огромное количество собак, которым посвятила себя полностью. Муж занялся лошадьми.

Эдит Рокфеллер-Маккормик, дочь президента Standard Oil Джона Д. Рокфеллера-старшего и сестра Джон Д. Рокфеллера-младшего, бросалась в глаза своей эмоциональной неадекватностью. Когда ей сообщили о смерти её пятилетнего сына, она только кивнула и продолжала принимать гостей на званой вечеринке. Зато спустя 12 лет она сама обратилась к Юнгу в связи с депрессивным состоянием и длительно лечилась. В 1923 г. ей пришло озарение о том, что она является перевоплощением жены фараона Тутанхамона. С этого времени она стала спонсором феминистских инициатив, в частности, Всемирной женской ярмарки. В раннем детстве умерли двое из её пяти детей.

Сам Джон Рокфеллер-старший из 98 лет своей жизни 40 лет посвятил экологической благотворительности. По его инициативе были созданы национальные парки Grand Teton в США и Virgin Isles National Park на Виргинских островах. Он же учредил один из первых крупных природоохранных фондов — Conservation Foundation. Он в 1924 г. спонсировал Американскую лигу контроля рождаемости евгенистки-феминистки Маргарет Зангер. Его супруга, Эбби Олдрич, была увлечена Востоком и в особенности буддизмом. Родная сестра Эбби была глуха и слабоумна в связи с наследственным синдромом Вандерберга.

Один из его сыновей, Джон Д. Рокфеллер-младший, сразу же после окончания колледжа отправляется в Японию, где участвовал в конференции Института тихоокеанских отношений (Institute of Pacific Relations). В 1952 г. он учреждает Совет по народонаселению, поощряющий распространение контрацептивов и аборты «для повышения цивилизационного уровня примитивных народов». В 1963-м он открыл при Третьем фонде Рузвельта Азиатскую культурную программу сближения западной и восточной культур, после его смерти преобразованную в Азиатский культурный совет. Ближний Восток интересует его не меньше, чем Япония: он финансирует археологические раскопки в египетском Луксоре и строительство Палестинского археологического музея в Восточном Иерусалиме.

Лоренс Спелман Рокфеллер, брат Джона-младшего и Эдит, первоначально был венчурным капиталистом, инвестируя в том числе в атомную энергетику. С 1935 г. он увлекается зоологией и входит в совет попечителей Нью-Йоркского зоологического общества. В 1950-х гг. он посвящает себя развитию национальных парков и экотуризма. Он учреждает Американское общество консервации природы и открывает национальные парки в 6 штатах. Затраты на эти цели явно превышают доходы от экотуризма. С середины 1970-х гг. его увлекает психокинетика. Он финансирует PEAR Labs, инициирующую проект Stargate, к которому вместе со специалистами-технологами и военными разведчиками привлечены лица с паранормальными способностями, в том числе ясновидящие. Параллельно он вкладывает средства в изучение так называемых «ведьминых кругов» на сельскохозяйственных плантациях, а затем посвящает себя проблеме НЛО, которой досаждает сначала Джорджу Буша-младшему, затем Биллу Клинтону. Свое имение Лоренс и его супруга Мэри завещали Службе национальных парков. Дочь Лоренса Мэрион занимается узкопрофильной благотворительностью: она финансирует художников-целителей, считая их «вестниками глобальных перемен».

Независимо от Лоренса (и наследственности его ветви семейства), судьба живой природы увлекает банкира Дэвида Рокфеллера, который покровительствует Римскому клубу. Его Global Development Fund предназначен для поддержки «проектов устойчивого развития» и христианско-мусульманского диалога. Четверо его детей посвящают себя экологическим проектам. Впрочем, Эбби-младшая в юности увлекается Фиделем Кастро, затем становится радикальной феминисткой и только потом глубоко уходит в экологизм. Её особенно интересует проблема рециклинга человеческих экскрементов.

Нельсон Рокфеллер, брат Джона-старшего и Дэвида, посвящает себя бизнесу и политике, но его сына Майкла всё это не интересует: он увлечён первобытными племенами и экзотической природой Новой Гвинеи, где и гибнет при неизвестных обстоятельствах.

Годфри Рокфеллер-младший, представитель ещё одной ветви семьи, ради живой природы совершал чудеса, сажая свой 37-футовый вертолет на теннисную площадку длиной 40 футов, чтобы не повредить траву на прилегающем участке. Он был исполнительным директором Всемирного фонда дикой природы.

Сенатор Джей Рокфеллер в 2010 г. разочаровался в Бараке Обаме из-за того, что тот слишком непоследовательно внедряет альтернативную энергетику. Однако в канун выборов он активно подыграл демократам, присоединившись к британской кампании против Руперта Мердока. Его сын Джастин Рокфеллер получил титул «Доброго предпринимателя» от Ashoka Foundation за программы венчурного микрофинансирования. Джастин также заботится об «улучшении коммуникации между политиками и студенческой молодежью», для чего учредил свою неправительственную организацию Generation Engage. У его родной сестры Эйлин Рокфеллер-Гровальд более узконаправленные интересы: она изучает «связь мысли и тела, так называемый эмоциональный ум (emotional intelligence)».

Отделить патологию от индоктринации в этом массиве нелегко. В том числе потому, что родители со «сдвигом» на экологии активно влияют на своих детей. Алида Рокфеллер-Мессинджер, спонсирующая экологические организации, а также Центр общественной целостности (Center for Public Integrity), рассказывала, что её отец Джон Д. Рокфеллер-младший учил её благотворительности с пятилетнего возраста.

Так или иначе, львиная доля рокфеллеровских фондов вкладывает средства в проекты консервации живой природы, в организации, занимающиеся индоктринацией экологизма в мировые религии, наряду с спонсированием универсального новейшего искусства, в особенности инсталляций на тему войны и секса.

В этом мейнстримном направлении задействованы и средства других транснациональных элитных семейств. Так, в феврале этого года Якоб Ротшильд вместе с британским принцем Чарльзом анонсировали инвестиции в проект 40 электростанций на биогазе (бытового и сельскохозяйственного происхождения).

В роду Ротшильдов, где, подобно их самым заботливым покровителям Габсбургам, часто встречаются родственные браки, также встречается психическая патология. Джеймс Эдуард де Ротшильд, сын Натаниэля Ротшильда-старшего и его французской кузины Шарлотты де Ротшильд, покончил с собой в тяжёлой депрессии, при этом страдая «множеством других болезней». Георг Ансельм Альфонс Ротшильд, сын Альфонса Джеймса Ротшильда и баронессы Беттины Каролины де Ротшильд, умер в частной психиатрической клинике. Его младший брат Оскар Рубен Ротшильд покончил с собой в возрасте 21 года.

Последнее самоубийство датируется 1996 г. и было (в отличие от предыдущих) неожиданностью для династии. В возрасте 41 года повесился на поясе от купального халата барон Амшель Меир Джеймс Ротшильд, никогда не отличавшийся странностями успешный финансист. Были слухи об убийстве, однако в узких кругах циркулировала ещё одна версия, высказанная близким знакомым семьи. У барона Амшеля имелись сексуальные проблемы: ради возбуждения он эпизодически сдавливал себе сонную артерию и однажды «перестарался». Версия представляется убедительной, поскольку в младших поколениях семейства чаще встречаются патохарактерологические расстройства (психопатии), чем психозы. Эрик де Ротшильд

одевался в диковатые чёрно-серебряные туалеты и заказал Энди Уорхолу свой портрет в голом виде, Натаниэль-младший имел репутацию «ходячего афродизиака», не пропуская ни одной юбки. Рафаэль, брат Эстер де Ротшильд, бродяжничал и скончался от передозировки героина.

Из членов рода, в начале века XX фактически управлявшего Францией, контролировавшего Суэцкий канал и спонсировавшего сионистское движение на разных этапах, всецело поглощён изучением биологических видов был только Виктор Ротшильд, которому было адресовано знаменитое письмо лорда Бальфура. По описанию это была глубоко шизоидная личность, однако психотических расстройств у него не наблюдалось.

Из двух знаменитых семейств, о соперничестве которых ходят легенды, к формированию глобальной повестки дня ближе всё-таки Рокфеллеры. Это немецкое семейство больше отягощено психозами (хотя не склонно к инбридингу) и в то же время более влиятельно как в финансовом, так и в политическом отношении. Дэвид-старший и Дэвид-младший — не психотики, но убеждённые глобалисты-экологисты — представлены не только в Бильдербергском обществе, но и в калифорнийском Богемском клубе, где вырабатываются стратегические решения глобального масштаба. В отличие от банков и неправительственных организаций в Богемском клубе лиц еврейского происхождения мало. Куда чаще встречаются немецкие, итальянские и греческие фамилии.

Амброз Бирс, один из учредителей Богемского клуба, беллетрист с явными некрофильскими (психопатическими) наклонностями, безвестно исчезнувший в последние дни войны с Мексикой, составил Словарь дьявола — якобы шутливый, эпатажный глоссарий, в котором мальтузианство определено вполне серьёзно и исторически проиллюстрировано: «лучшим мальтузианцем был царь Ирод».

Манхэттенский проект, одобренный под кронами Богемской рощи, был результатом письма, которое отправил в Вашингтон Альберт Эйнштейн. Имя пантеиста-фаталиста, внедрившего кантианство в физическую науку, вполне закономерно присвоил институт, вооружённый мизантропической версией индийской «ахимсы» (ненасилия) ради разрушения цивилизаций. Внедрение этих технологий в практику «арабской весны» 2011 г. лишило Европу рынков сбыта и источников эффективных, то есть натуральных энергоносителей и обрекло на уничтожение европейский полюс влияния, на который вместе с Габсбургами сделали ошибочную ставку Ротшильды.

Конкуренция двух глобализированных семейств преувеличена; они сосуществуют и в институтах (например, в совете директоров Питерсоновского института мировой экономики), и в финансовых структурах, и в международных закрытых клубах — Le Cercle, Pilgrim Society. Однако кризис европейского проекта можно считать победой Калифорнии над Веной, победой одного центра совращения глобальных элит над другим.

Чем располагает Вена? Проект международного языка не состоялся. Проект объединённой Европы, манипулирующей левыми и правыми смыслами, тоже не состоялся. Флирт австро-венгерской «панцивилизации» с исламом промелькнул в последний раз в 1991 г. в прожекте «Идель-Урал», скопированном у нацистов. Далай-лама десятилетиями находится на содержании ЦРУ, а не Габсбургов. Что

осталось? Психоанализ? Эту лавочку можно закрыть в один день, учредив в Калифорнии, в клинике на горе Кармель, где работал Эрик Берн, Международный центр скрипт-анализа.

Сто лет назад Япония, которую финансировали Шиффы и Варбурги против Российской империи, была одной из системообразующих держав. Сейчас Токио, десятилетиями выручавший Америку покупкой ценных бумаг, остаётся наедине с долгом и Фукусимой. В Китае первопроходцами были Рокфеллеры, и, судя по смене руководства Asia Society и косвенно — по последним внутриэлитным конфликтам, их влияние в Пекине возрастает.

Силиконовая долина, где теперь концентрируется управление сетевыми сообществами, находится в Калифорнии. Языки программирования давно отправили эсперанто на пенсию, и его постигла та же судьба, что и его предшественника — волапюк.

Кумиром новейшего левого направления стал ученик Жака Лакана, президент Люблянского общества теоретического психоанализа и международный директор Биркбекского института гуманитарных наук Лондонского университета Славой Жижек. Он уже сказал о Джордже Соросе всё, что он о нем думает (40).

Одно наследственное безумство повергает другое. Черчилль рассматривал две мировые войны как одну — тридцатилетнюю войну XX века. Вместе с «холодной войной» и последующим освоением средств глобального информационного контроля это — столетняя война.

16. Неприкаянные мегаломаны

Ригидные некоррегируемые концепции бытия и истории могут не заполнять страниц и эфира, а много лет жить собственной жизнью в повреждённом разуме, пока однажды не выдадут себя в холодно и тщательно, до мелочей просчитанном агрессивном акте. Это было описано в романе Набокова «Двойник», логика героя которого представляла собой последовательную конструкцию, где была лишь одна изначальная болезненная ошибка: герой-убийца, рассчитывавший получить крупную страховку, был убеждён в том, что его жертва как две капли воды похожа на него. А это не соответствовало действительности.

Грань между сверхценной идеей психопата и бредовой идеей душевнобольного действительно трудно различима, если подтекст человеческих действий скрыт от окружающих. И даже оказываясь при свете софитов и в зале суда, клинический паранойяльный типаж для обширной аудитории становится кумиром, а его судьи — представителями «подавляющей бюрократии». Во-первых, потому, что многим таким неожиданным антигероям, в том числе террористам, откровенно и на удивление солидарно сопереживает медиа-мейнстрим. Во-вторых, потому, что мотивы паранойяльных личностей, выражающих свои концепции в раскольниковском «самосуде», не аутичны, не оторваны от реальности, а прямо отталкиваются от неё. И в рядах сочувствующей публики, которые многократно приумножены прессой, неизбежно присутствуют другие лица с психическими отклонениями.

В 1935 г. кафедра психиатрии Одесского мединститута проводила интереснейшее исследование — анализ зависимости фабул бредовых переживаний от общественных процессов (на Украине особенно бурных и противоречивых в начале века). К сожалению, с тех пор работы на такие темы не печатались, и феноменологическая часть науки от этого много потеряла. Однако по опыту того межрайонного учреждения, в котором я работал 16 лет, — а туда стекались пациенты с одной трети пятимиллионного мегаполиса — я могу засвидетельствовать, что наступление горбачёвской перестройки, а затем реформ Ельцина – Гайдара очень существенно отразилось на содержании бредовых картин. Вместо КГБ в период Горбачёва больных стали преследовать пришельцы на НЛО, а известный всему стационару пациент, «управлявший» солнечной системой, объявил себя не просто богом, а «эколо-

гическим богом шести планет». При Ельцине НЛО стушевались, уступив место американской разведке.

Больные ходят рядом с нами, социально дезадаптируются, как и обычные граждане, только раньше и безнадёжнее их, и потому регулярно появляются на протестных акциях разного рода и под разными лозунгами, порой переходя линию фронта в силу собственного понимания справедливости и правды, которая иногда не искажена, а напротив, последовательна, но утрирована по форме («люди, которых мы называем шизофрениками, воспринимают происходящее трагичнее, чем мы», — писал Кемпинский (39).

До совершения радикальных действий переживания больных, остро реагирующих на текущую политическую реальность, могут казаться вполне адекватным отражением мэйстримных идей. Эксцессу Андерса Брейвика предшествовала, как мы помним, реплика канцлера Германии Ангелы Меркель о полном фиаско политики мультикультурализма.

Брейвик, в 2002 г. перенесший «нервный срыв», никого потом не беспокоил много лет со своей ригидной некорригируемой концепцией. Прежде чем надолго уединиться, он путешествовал и старался найти братьев по разуму, выбрав для этого столь разные страны, как Белоруссия и Израиль. Уединившись, он скупал оружие и взрывчатку. И лишь после массового самосуда публика ознакомилась с его обширным, как труд Эйзенштейна, трактатом, где он неоднократно ссылался, как на образец, на отбывающего пожизненное заключение террориста Теда Качинского.

История с Качинским известна всей Америке. Вундеркинд с коэффициентом интеллекта 169, подающий надежды доцент кафедры математической логики, ученик знаменитого Вилларда ван Ормана Квайна, он вдруг в 26-летнем возрасте покидает научную и преподавательскую деятельность в Калифорнийском университете (Беркли) и поселяется в уединённой хижине без электричества и водопровода — как он объяснит родителям, чтобы «проверить свою способность к полному самообеспечению». Впрочем, спустя несколько лет он обратится к ним за крупной суммой, не объяснив её назначения. После семи лет отшельничества он начинает изготовлять взрывные устройства и отправлять их частным лицам; одна из жертв — лесопромышленник, другая — владелец компьютерного магазина, ещё несколько — специалисты-инженеры и психологи. Одно из взрывных устройств закладывается в багажник пассажирского самолета. У посылок странная особенность: в пакет с взрывчаткой обязательно закладывается кусочек коры дерева.

Эксперты ФБР условно именуют неизвестного террориста, использующего один и тот же тип взрывчатки, «Унабомбером». Он, впрочем, пытается выдать себя за организацию, отправив короткий «манифест» в New York Times от имени «организации FC». В 1995 г. он даёт о себе знать пространным текстом «Индустриальное общество и его судьба», где отдельные словосочетания набраны заглавными буквами, а врагом названа «система», уничтожающая дикую природу и контролирующая человеческий разум. Как следует из текста, «Унабомбер» рассчитывает на побуждение «свободных людей» (вымышленное FC — «Союз свободы») к революции против системы. Его сдаёт ФБР его родной брат Дэвид, узнав Теодора по стилю: в год своего ухода от цивилизации он написал эссе об «индустриальном обществе». В момент ареста в обросшем и вонючем дикаре (Теодор не мылся целый год) быв-

шие коллеги не могут узнать талантливого докторанта-математика. Отмытый Теодор безмятежен, не тяготится допросами, не боится наказания и настаивает на публикации своего витиеватого труда за счёт продажи своей хижины.

Некорригируемые концепции вынашивали, при неведении окружающих, организатор взрыва в Оклахома-Сити Тимоти Маквей, а также Джаред Ли Лафтон, застреливший шесть человек и причинивший тяжкие увечья депутату Конгресса Габриэле Джиффордс в Тусоне, штат Аризона. Оба считали себя «борцами с системой», оба были разочарованы в религии и ненавидели любую власть, как за действительное насилие, практикуемое государством, так и за «чинимый» над ними контроль мышления. В обоих случаях жертвы, как и избранные мишени Качинского, лишь персонифицировали власть, не принадлежа к кругу лиц, принимающих решения, а большинство пострадавших составляли случайные прохожие, включая детей.

Маквей, как и Брейвик, ссылался на прецеденты — а именно на супругов Рэнди и Вики Уивер, которые уединились в Руби Ридж, убили офицера Службы маршалов и стреляли по вертолёту с телеведущим Джерально Риверой, и на Дэвида Кореша, предводителя харизматической секты «Ветвь Давидова». Общность в его представлении сводилась к тому, что сектанты также противостояли власти. Рэнди Уивер скупал оружие, как Качинский и Холмс, готовясь к противостоянию тому, что он называл ZOG — «сионистскому оккупационному правительству». При этом всем своим детям он давал еврейские имена.

В каждом из вышеназванных случаев (как и в случае с поджигателем провинциального театра Джеймсом Холмсом), поведенческие девиации были заметны невооружённым глазом задолго до трагедий. У Качинского, Маквея и Лафтона была общая черта биографии: над каждым из них издевались в школе. Жертвами подростковых издевательств чаще всего бывают дискордантные шизоиды («гадкие утята»), зацепкой и поводом при этом служит как их моторная неловкость, так и коммуникативная несостоятельность. Если так называемый холодный шизоид реагирует на приставания маской презрения — невербально, но эффективно, а так называемый «блеклый» шизоид беден мимикой и незаметен в классе, то дискордантный типаж привлекательнее всего как мишень для эксперимента: чем сильнее его обидеть, тем забавнее он будет краснеть, сопеть, метаться, прятаться от обидчика, и при этом, скорее всего, никому не пожалуется, поскольку учителей он тоже раздражает и догадывается, что они его переживаний не поймут.

Из трёх разновидностей шизоидии именно дискордантная является маркером pathos по Снежневскому, то есть предрасположенности к психотическому процессу. Моторная неловкость имеет тот же источник, что и неспособность «постоять за себя» в общении: в раннем детстве этот человечек был настолько погружён в собственный яркий внутренний мир, что не был способен — а часто и не был мотивирован — копировать манеры окружающих, то есть усваивать те неписаные правила бытовой адаптации, которые не излагаются ни в каких учебниках. Иначе говоря, первоисточником его внешне воспринимаемой чудаковатости была патология восприятия, которая могла включать и зрительные обманы, и феномены дереализации. Так, Качинский в раннем детстве избегал не только людей, но и высоких домов — очевидно, ему казалось, что высокая стена может на него упасть. Столь же типичен для этого типажа страх перед перспективой (агорафобия) или замкнутым пространством (клаустрофобия).

Дискордантная шизоидность может компенсироваться особыми, тепличными условиями, в которых важна неизменность среды и наличие близкого человека, постоянно опекающего подростка и заменяющего друзей. Такие подростки декомпенсируются при смене места жительства, при болезни родителей (как это было с Юнгом) и при их разводе. Из всех вышеназванных лиц гармоничная родительская семья была только у Теодора Качинского, но это было многодетное семейство, в котором ему не доставалось особого внимания.

Как упоминалось выше, фабула переживаний существенно определяется общественной и идеологической конъюнктурой. Вышеназванные террористы воспитывались в очень специфическом обществе, которое определяло, часто вопреки их особенностям, их иерархию ценностей. Казалось бы, к юношескому возрасту незащищённый подросток должен оценить опеку со стороны государства, которое может предоставить особые условия — направить в детский санаторий, обеспечить пособием по безработице или, наоборот, принять в колледж для особо одарённых. Но в системе представлений всех чудаков, ставших террористами, на первом месте с большим отрывом в иерархии ценностей стояла свобода. Как у хрупкой орхидеи принцепс в одноименном (явно проективном) рассказе В.М. Гаршина.

Более того, идеал свободы в описанных случаях включал свободу пользования оружием: Маквей даже был участником общественной организации, ратовавшей за расширение этой свободы. Американская цивилизация поощряла личную инициативу, но реализация этих возможностей зависела и от свойств личности. Зависть к «более приспособленным» закладывала основы будущего бунтарства.

В стране, где государственная идеология определяется Конституцией, а многообразие религий ничем не сдерживается, а напротив, поощряется, отмежевание группы верующих от секты («церкви») адвентистов седьмого дня в новую секту («церковь») давидианцев выглядело обычным явлением и не привлекало внимания ни муниципалитетов, ни прессы. Когда предводительница этой дочерней секты Флоренс Гутефф в 1959 г. «анонсировала» второе пришествие Христа, это тоже никого не удивило: ведь профетические культы в США многочисленны и равноправны с прочими, всякий «балуется» с религиозными смыслами как считает нужным. И никто не мешал этой секте проповедовать в других странах. Тем более что с точки зрения идеологического мейнстрима, распространение в Израиле особых, вегетарианских кибуцев — не только не странное, но и общественно полезное дело.

Ни местная общественность, ни пресса не придали значения повторному расколу, когда от давидианцев отделилась «Ветвь Давидова» — после того, как Бенджамину Родену в видениях пришел Христос, «взявший его за пижаму» и сообщивший, что его второе имя — Ветвь, и эта группа присвоила небольшому холму имя библейской горы Кармель: ведь в стране десятки сект, считающих Америку новой Палестиной. Даже тот городок, в который удалилась группа Вернона Хауэлла, не признавшая Родена, назывался Палестайн. А ещё одна гора Кармель находится в Калифорнии и носит это название с 1602 г., когда туда прибыла миссия розенкрейцеров.

Только когда Хауэлл, взяв себе имя Давид Кореш, пожаловался на Родена в прокуратуру в связи с его попытками эксгумации ради демонстрации чуда воскрешения, «Ветвь Давидова» обратила на себя внимание на местном уровне. Потом сто-

ронники Кореша и Родена обстреляли друг друга, но никто не изъял у явно неадекватных харизматиков оружие. Роден попал на принудительное лечение в психиатрическую больницу только год спустя, когда зарубил топором ещё одного «прихожанина», объявившего себя Мессией. А Кореш только обрадовался решению вопроса, став единоличным предводителем и — как он теперь считал — Агнцем Божиим. Все последующие три с половиной года сектанты беспрепятственно скупали оружие, собрав внушительный арсенал, а «агнец» обзаводился множеством «телесных и духовных» жён, в том числе 11–12-летних. И когда наконец до ФБР дошли сведения о том, что «агнец» собрался осуществить коллективное самосожжение, началась осада псевдо-Кармеля, продолжавшаяся 51 день с десятками жертв с обеих сторон.

Однако Давид Кореш стал примером для подражания «антисистемщику» Маквею не после этой перестрелки, а после суда с широчайшим освещением в местных, региональных, федеральных и международных СМИ, которые в один голос обрушились на государственное ведомство за «преднамеренное массовое убийство». И точно так же Качинский стал примером для Брейвика в силу широчайшего сочувствия, окружившего его и его команду адвокатов.

Нельзя сказать, что взгляды Теда Качинского были далеки от мейнстрима. По существу они ни в чём не противоречили содержанию агитации Greenpeace, Conservation International, Earth First, равно как и Международного бюро по климатическим изменениям при ООН. Отличие состояло лишь в том, что в бредовую систему Качинского попали психологи, занимающиеся технологиями обработки массового сознания. Но и этот аспект его антисистемного (в его представлении) пафоса не был аутистичным, не пришёл «из ниоткуда»: в своем опусе Качинский обильно цитировал французского «христианского анархиста» Жака Эллюля. Последний как воспитывал, так и продолжает воспитывать новое поколение «внесистемщиков», ассоциирующих анархию с подлинным Христом, а подлинного Христа — с неприкосновенностью дикой природы.

Если клиника психозов несколько различается в «старых» и «молодых» этносах, то частота заболеваемости не зависит от среды, от войн и революций. Зато частота случаев психотической агрессии со смертельными исходами определяется не биологией, а традициями общества, как и бредообразование.

В США число государственных и общественных служб правопорядка больше, чем в любой из западноевропейских стран. Помимо ФБР и Службы маршалов (которая отслеживает исполнение судебных решений), помимо Службы внутреннего налогового надзора (FRS) и Службы контроля над алкоголем, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами (BATF) в США существуют и активно действуют многочисленные добровольные организации по слежке за поведением граждан. Однако крупнейшая из этих организаций Guardian Office оказалась совершенно беспомощной перед Церковью сайентологии, поскольку эта так называемая церковь, а фактически типичнейшая харизматическая секта, внедрила в неё множество собственных агентов, чтобы — по аутистическим мотивам своего основателя Рона Хаббарда — разоблачить в коррупции Службу внутреннего налогового надзора.

Хаббарда, точно так же как и Родена с Корешем, государство могло, казалось бы, вовремя остановить, сэкономив огромные средства на бесчисленные судебные

процедуры. Мешала Конституция, на которую ссылаются не только харизматические галлюцинирующие псевдомессии, но и рядовые сектанты, и их адвокаты, и особенно журналистское сообщество. А глобальный идеологический мейнстрим, поощряющий «альтернативные верования», включал в свой пантеон и не давал в обиду своих столпов, у которых учились харизматики. Авторитет Фрейда ни на йоту не поколебался после того, как у него поучился Хаббард, заложив в основу своей идеологии «излечение» всех неофитов от влияния родителей.

В популярной отечественной литературе харизматические секты, и особенно часто — сайентология, причисляются к инструментам манипуляции американских спецслужб. Этот штамп гуляет из книги в книгу точно так же, как несуществующая «стратегия Даллеса». Поводы для такой мифологизации существуют. Их два — склонность харизматических сект к агрессивному прозелитизму и бэкграунд отдельно взятой «альтернативной религиозной организации» — так называемой Церкви объединения Сан Мен Муна.

Сан Мен Мун не только состоял на службе и содержании ЦРУ, но и в дальнейшем финансировал американские спецоперации и даже СМИ (Washington Times). О целеполагании его найма свидетельствует как доктрина Муна, так и его взаимодействие с правыми антикоммунистическими организациями (Антибольшевистский блок народов, Всемирная антикоммунистическая лига). Один из его последних «подвигов» Муна, лично приближенного к семейству Бушей, — нейтрализация обращённого в его веру Луиса Фаррахана, лидера негритянской организации Nation Islam. Правого харизматика мог нейтрализовать только другой правый харизматик.

Однако конъюнктура, десятилетиями востребовавшая Муна, ушла в прошлое. Он был нужен преимущественно для облегчённого обращения в веру атеистов. Сегодня атеизм не является мишенью «крестового похода» — напротив, он в различных формах поощряется. Сегодня авангардом американской идеологической и информационно-психологической войны является не правый, а левый истеблишмент США. Сегодня глобальная повестка дня предполагает не объединение христианства, а его разложение, не поощрение союза мужчины и женщины, а полная легитимация противоестественных союзов.

В отличие от Муна Рон Хаббард доставлял только проблемы американским спецслужбам — начиная с эпизода во время службы в армии, когда он, командуя судном, велел открыть огонь по островам, принадлежавшим Мексике. С его «церковью» в США вынуждены считаться, поскольку она ничем формально не противоречит Конституции. Использовать её во внешнеполитических целях можно только в отдельных ситуациях, когда под её влияние попала — гипотетически — некая статусная личность, которая в соответствии с доктриной полностью исповедалась о своих детских годах жизни. Но чтобы воспользоваться этими данными, ЦРУ должно держать в составе секты целый батальон агентов, причём каждый из них, подвергаясь такому же допросу, не должен себя выдать. Это более затратно, чем способствовать экспансии этой секты только с той целью, чтобы она меньше мешала в самой Америке. Но даже такие усилия не оправданы: во-первых, «пассионарность» сайентологов пошла на спад после смерти Хаббарда («выбравшего для жизни другую планету», как объяснили его последователям), во-вторых, их доктрина содержит лишь один «полезный» глобальному истеблишменту элемент — цивили-

зационную и родовую деидентификацию адептов. Между тем существует множество новых экспансивных сект, где присутствует сразу несколько «полезных элементов». Так, объединение харизматических церквей, имевших представительство в Санкт-Петербурге, в 1995 г. возглавил пастор южнокорейской «экологической церкви» под названием «Еммануил». В Москве в тот же период распространялась секта «Центр космического разума».

Встреча Сан Мен Муна с Михаилом Горбачёвым, организованная в 1990 г., лишний раз тешила самолюбие Джорджа Буша-старшего. Однако тот международный конгломерат, который ангажировал Горбачёва и позволил Бушу приписать себе эту победу, ему не принадлежавшую, не преследовал целью «мунизацию» нашей страны. Цель как была, так и состоит в расколе и ликвидации авраамических религий и их ценностных приоритетов. Личности с хронической психической патологией, в том числе харизматики, для этой цели востребованы. Однако подобных агентов идеологического влияния скорее будут искать внутри или на периферии духовных иерархий, чем «катапультировать» извне.

Номинально левый американский истеблишмент имеет многодесятилетний опыт манипуляции одновременно номинально левыми и правыми (в отечественном понимании — почвенническими) раскольниками. Реальная игра на раскол началась ещё в начале 2000-х гг., когда в Интернете появились соперничающие православные сообщества, сами себе присваивающие «ники». Эта игра уже дала результат на Украине. «Имущественная» кампания против патриарха Кирилла — только дебют партии, в которой непременно займёт центральное место сексуальная тема. Группа Pussy Riot цитирует Бахтина. Она знает правила игры. Ей подсказали рецептуру, удобную для применения, пока православная общественность гоняется за третьестепенными врагами.

…В отличие от США, в Австралии «церковь» Хаббарда запрещена — на основании заключения государственной межведомственной экспертизы, в которую входили психиатры. Исходя из истории всей жизни и творчества этого «пророка», его псевдологии, выражающей бред величия, его кампаний, мотивированных параноидной настроенностью, австралийские эксперты постановили, что учение: а) болезненно по происхождению и определяется бредовыми причудами автора; б) тоталитарно; в) опасно для общества.

Однако особенности американской общественной и законодательной системы — не единственная причина феноменально потворствующих условий для укоренения бреда в псевдорелигиях, как и для мотивированного бредом террора. Другая причина заложена в американской системе психиатрической науки и практики.

Доминирующей структурой американской психиатрии является Американская психиатрическая ассоциация. Несколько делегатов из АПА в период перестройки приезжали в Ленинград и с разрешения властей проводили альтернативное медицинское освидетельствование больных, совершивших преступления. Одному из пациентов, много лет получавшему пенсию по инвалидности с диагнозом «шизофрения», американские гости выставили диагноз «гомосексуальная паника». И более того, озвучили этот диагноз самому пациенту — после чего он, несмотря на дефект психики, впал в реактивное возбуждение, клянясь и божась, что никогда в жизни не испытывал влечения к своему полу. Невозмутимые гости ссылались

на результаты психоаналитического опроса, выявившего подавленные влечения, из которых, по их мнению, и произошла вся симптоматика.

«Когнитивный диссонанс» был предопределён и культурой, и наукой. Отцы-основатели германской психиатрии, у которых учились отечественные классики, начиная с Артура Кронфельда и Петра Ганнушкина, для американских светил никакого авторитета не имеют. Хотя термин «шизофрения» в американской Систематике психических расстройств (DSM) присутствует, болезнь как процесс с её динамикой и морфологическими проявлениями исследуется отдельными группами исследователей (например, школой Гайдушека-Джиббса), в то время как система учёта больных как таковая отсутствует. Соответственно, один и тот же больной, оказавшись в поле зрения врачей с интервалом в несколько лет, каждый раз оказывается первичным и может трактоваться и лечиться диаметрально противоположно, особенно если переезжает из штата в штат.

Наиболее авторитетными историческими фигурами в АПА являются Адольф Мейер и Роберт Шпитцер. Швейцарец Мейер учился нозологии у Ойгена Блейлера, но в период работы в США всё больше склонялся к истолкованию эндогенных болезней психологическими влияниями — разумеется, на основе психоанализа. Шпитцеру принадлежит «заслуга» в исключении гомосексуализма из категории психических аномалий. Спустя 27 лет, впрочем, американский классик осторожно поднял вопрос о возможности смены ориентации некоторыми лицами с гомосексуальной на гетеросексуальную. Гнев и возмущение общественности было трудно передать. На АПА обрушились не только ЛГБТ-организации, но и сайентологи, давно считающие ассоциацию (как и любых психиатров) лютым врагом человеческой свободы. Шотландец Роберт Кэмерон, единственный крупный американский психиатр, близкий к германской нозологической школе, не стал классиком: не потому, что озвучил тезис о межрасовых различиях, а потому, что участвовал в экспериментах «МК-Ультра» под эгидой ЦРУ.

Как можно догадаться, психологическая трактовка эндогенной болезни не способствует её лечению патогенетическими средствами: если псевдогаллюциноз и бред инопланетного воздействия возник из гомосексуальной паники, то несчастного будут мучить расспросами про Эдипов комплекс. А если даже психоз признан «эпизодом с симптомами шизофрении», то происходящее с больным после выписки уже никого не интересует: ведь это эпизод. Он свободен как истинный американец: он может жить на помойке, питаясь объедками, а может возглавить 625-ю харизматическую секту и вооружиться пулемётом для выполнения религиозной миссии.

«Надоедливая» опека над больным в системе советского психиатрического учёта удерживала сотни тысяч больных от социальной дезадаптации. Как правило, пациент рассказывает постоянно наблюдающему его психиатру куда больше, чем родственникам. Правильно подобранное поддерживающее лечение часто предупреждало декомпенсации в течение многих лет. Я наблюдал больного с хроническим бредом двойника, который благодаря поддерживающей терапии и адекватной заботе любящей супруги, вовремя консультирующейся заочно с врачом, двадцать лет не попадал в стационар, защитил кандидатскую диссертацию и написал три монографии.

«Свобода от опеки» для больного с непрерывно текущей симптоматикой и связанной с нею прогрессирующей дезадаптацией приводит не только к «социальному дрейфу» (термин из американской психиатрии), но и к трагическим исходам. Самый яркий пример — не Холмс и не Лафтон, а легенда Америки, гениальный инженер, бесстрашный летчик и способный кинорежиссёр Говард Хьюз. Человек, которого у нас называли американским Чкаловым, в 1950-х гг. оставил творческую деятельность, перестал жить дома, вначале обитал в гостинице, потом часто менял одну гостиницу за другой, потом истратил свои средства на приобретение отелей в собственность, чтобы избавиться от мнимого преследования и отравления. Его нашли на улице, обросшего, с пятисантиметровыми ногтями, неузнаваемого и предельно истощённого: он по бредовым мотивам отказался от еды и, нигде не находя покоя, бродяжничал как клошар. Спасти его не удалось: изобретатель, внесший колоссальный вклад в инженерный ум и престиж Америки, умер от голода в богатейшей стране мира. А юрист, который зарабатывал на его нелепых покупках гостиниц, получил гонорар за мемуары.

…Поскольку перестройка осталась в прошлом, к американским «высоким мнениям», как и к французским, можно, казалось бы, не прислушиваться. Но к этому принуждает Международная классификация болезней ВОЗ 10-го пересмотра, максимально приближенная к американской DSM-III. На её основании строится статистика и в нашей стране. И с каждым годом эта статистика становится всё более бессмысленной, поскольку ни о чем не говорит — ни о тяжести дебюта, ни о качестве и динамике (прогредиентности) процесса, ни о характере изменений личности. Первый вопрос, с которого в германской и отечественной клинике начиналось обследование больного, — о наследственности — теперь задавать и вовсе незачем. В смысловой тупик поставлена медико-социальная экспертиза: с одной стороны, больной явно изменён, это бросается в глаза, его нигде не принимают на работу, а если принимают грузчиком, то он (педагог или художник в преморбиде) там не справляется, не вписывается в дружный коллектив. Но на каком основании признать его инвалидом, если в диагнозе стоит «острый эпизод»? И какова вообще для эксперта, который призван оценить тяжесть болезни и её социальный прогноз, польза от классификации, где (в отличие от отечественной систематики Р.А. Наджарова) никак не отражена степень прогредиентности процесса?

Кому нужна классификация, где процессы не отделены от состояний, нозологические диагнозы чередуются с синдромами и просто с отдельными симптомами («навязчивое ковыряние в носу»), а часть синдромов исключена, вымарана: есть паранойяльный синдром с сутяжным бредом, но отсутствуют паранойяльные синдромы бредового изобретательства и реформаторства. Почему с каждым изданием Международная классификация болезней всё больше удаляется от диагностики во внешнее описание на уровне примитивного мышления («что вижу, о том пою»)? Почему высший профильный глобальный институт «разворачивает обратно» научное познание, особенно в сфере психиатрии? Похоже, эта дисциплина стала такой же парией в новой глобальной повестке дня, как и ядерная энергетика. Она слишком склонна к анализу и синтезу. Если, разбивая предрассудки и штампы, профессионально и доступно изложить результат её огромного документированного опыта, общество может догадаться о том, что его судьбами распоряжаются деградиро-

ванные инбридингом семейства, ведомые иррациональными и садистическими мотивами.

Психиатрия мешает геополитике. Дополнительно свидетельство тому — отсутствие переводов на английский язык не только работ русских психиатров, но и таких клиницистов, как немец Карл Леонгард и поляк Антоний Кемпинский. Отсутствие результатов их труда в языке международного общения делает мировой дискурс психиатрии неполноценным — что особенно бросается в глаза на фоне обилия Фрейда и Грофа, рассчитанных вместе с целительским хламом на массовое потребление и на массовую примитивизацию умов.

17. Тупик Виленского

Мы уже говорили о том, что восприятие реальности модифицируется через медиа по рыночным законам. Но конъюнктура в информационной сфере определяется не только прибылью от реализации. Реализуемое влияет на умы и эмоции властителей, интеллектуалов и широкой массы населения. Если уже по общему предмету и общей интонации заголовков в национальной прессе очевидно, что в стране ведется медиа-кампания, противопоставляющая население власти, то сама миссия, которую несёт на себе власть, — не только военно-политическая, но и социальная — ставит вопрос о том, откуда, для чего и кем направляется информационная агрессия. И точно так же, если популярная историческая публицистика, в том числе переводная, хором выпячивает второстепенные смыслы, оставляя в тени главное и стратегически важное, власть по тем же мотивам вправе вмешаться в этот внешне автономный процесс.

Вопрос «кому выгодно?» не устарел и не устареет, пока существует геополитика. Если бы это вопрос не задавал себе Сталин, он не выстроил бы систему цивилизационной защиты, позволившей стране встретить войну в духовном всеоружии, которое преобладало над материальным. И напротив, несравнимо более экономически мощный Советский Союз 1980-х гг. был обречён прежде всего в силу смысловой беспомощности, подобно царской России 1910-х гг.

В войне смыслов первая задача — персональная дискредитация соперничающей стороны, за которой следует разгром самих смыслов. В каждом теоретическом направлении есть представители, ударяющееся в крайности и дискредитирующие этим учителей. В том числе и в психиатрии.

Авторы НПЖ пишут о том, что у Снежневского были «клевреты», возводившие его теорию в абсолют, «более верующие католики, чем папа римский». Святая правда! Только имена этих клевретов авторы почему-то избегают называть. Между тем для тех, кто работал в клинике в 1980-х гг., участвовал в заседаниях Психиатрического общества и выписывал Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова, эти имена никакого секрета не составляют.

Если «ленинградскую школу» дискредитировал А.Л. Эпштейн, то школу Снежневского дискредитировали Анатолий Болеславович Смулевич, Лев Лазаревич Рохлин и Александр Моисеевич Вейн. Все три профессора произвольно (то есть игно-

рируя параклинические методы исследований) втаскивали в рами шизофрении широкий круг хронических ипохондрических состояний, то есть таких расстройств, при которых больной испытывает неприятные, трудно описываемые ощущения в разных частях тела. При этом Смулевич и Рохлин помещали эти расстройства в рамки шизофрении, а Вейн и его школа — в рамки аффективных психозов, а конкретно — вялотекущих депрессий.

Два из этих трёх имён помещены авторами НПА в число заслуженных, выдающихся учеников Снежневского, то есть намеренно «обелены». По какой причине? Боюсь, что разгадка никакого отношения ни к психиатрии, ни вообще к медицине не имеет. Авторы видят заслугу Снежневского в том, что он привлекал себе в штат специалистов, «невзирая на анкетные данные». Иными словами, «клевретов» ругать возбраняется по причине «пятого пункта». Даже если эти «клевреты» в клинической практике, назначая нейролептики органикам-непсихотикам, не снимали, а обостряли болезненные симптомы.

Независимые психиатры и не подозревали, из какого угла на них обрушится уничтожающая критика. Приведенный выше пассаж о том, какое влияние оказало на Снежневского его онкологическое заболевание, глубоко возмутил Олега Григорьевича Виленского — ещё одного профессора с «анкетными данными», на тот момент преподававшего в Израиле.

Вот что написал Виленский (42), вступаясь за бывших московских коллег:

«По поводу биографии Снежневского А.В. на страницах Независимого психиатрического журнала (http://www.npar.ru/journal/2004/1/snezhnevski.php)

На страницах Независимого психиатрического журнала была недавно опубликована биография великого русского психиатра — академика Андрея Владимировича Снежневского. Общепризнано, что он был крупнейшим советским психиатром и одним из ведущих специалистов в мире. Между тем, эта заметка наряду с дежурными формальными комплиментами насыщена резко отрицательными выпадами в адрес великого психиатра. Конкретно, по пунктам.

1. Повторяется нелепое обвинение в адрес А.В. Снежневского, что он специально создал теоретическую концепцию, на основе которой группа диссидентов была, якобы, необоснованно помещена на принудительное лечение в психбольницу. Приводится навязший на зубах пример с генералом Григоренко…

2. Далее, Снежневского обвиняют в том, что он, в начале 50-х гг., якобы, разгромил и запретил концепцию «мозговой патологии» Гуревича М.О., Голант Р.Я. и Шмарьяна А.С. Не знаю, участвовал ли в этом академик, но сама по себе концепция «мозговой патологии», которую справедливо называли «мозговой мифологией», оказалась несостоятельной…

3. И, наконец, Снежневского обвиняют в том, что он, якобы, разгромил профессоров Чистовича А.С. и Эпштейна А.Л. и сжёг сборник трудов практических врачей Игренской психбольницы.

По сути. Профессора Чистович и Эпштейн выдвинули концепцию, согласно которой болезнь под названием «шизофрения» не существует, а все (абсолютно все!) психические расстройства связаны с «хронической инфекцией».

Профессор Чистович проповедовал свои идеи в Ленинграде, но не получил поддержки. Он провёл последние годы своей бренной жизни в НИИ психиатрии име-

ни Бехтерева (на больничной койке). Профессор Эпштейн получил удобное поле для реализации своих идей — в Днепропетровской областной психиатрической больнице (Игрень), главный врач которой Зеленчук И.П. своим приказом запретил ставить больным диагноз «шизофрения», как компрометирующий их честь и достоинство. Профессор Эпштейн занялся на этой основе диагностической лечебной работой. В эти годы я жил и работал в Днепропетровске и знаю всё происходившее в деталях. «Диагностика» проф. Эпштейна исключала беседу с больным и сводилась лишь к перкуссии и аускультации головы, а лечение — к гигантским дозам антибиотиков (десятки миллионов единиц). Вся эта вакханалия продолжалась около 10 лет и только в 1959 году днепропетровский облздравотдел создал комиссию, куда вошли профессора терапевты, невропатологи и психиатры из Днепропетровского мединститута и Харьковского НИИ психиатрии, которая, изучив сотни историй болезни и обследовав сотни больных, дала резко отрицательную оценку всей этой «деятельности». Главврач Зеленчук и профессор Эпштейн были уволены. Кстати, профессор Эпштейн часто получал лечение в психбольнице, а главврач Зеленчук умер в доме престарелых для психохроников. Непонятно, каким образом днепропетровский облздравотдел мог действовать по приказу Снежневского? О сборнике трудов врачей больницы мне лично не известно, непонятно только, зачем его нужно было сжигать и откуда у автора статьи такая информация.

И ещё одно. В биографической заметке со злорадством говорится, что Снежневский скончался от рака лёгкого, а перед смертью — покаялся (в чём и перед кем?). Цинизм этого заявления не нуждается в комментариях.

Профессор О.Г. Виленский

Иерусалим, 2007.»

К чести для Виленского следует признать, что для него «пятый пункт» не был предметом табу: белоруса Чистовича и еврея Эпштейна он красил в одинаковый уничижительный цвет. При этом в обоих случаях, отбрасывая деонтологию, подводил под уничижение медицинский фактор. То есть связывал «антишизофренизм» обоих профессоров с их собственными психотическими расстройствами.

Однако в этом медицинском аспекте, как говорят в Одессе, есть две большие разницы. Во-первых, если Эпштейн отличался странностями много лет, то Чистович был госпитализирован в старческом возрасте с отнюдь не эндогенной, а типично атеросклеротической клиникой. И не он один, а несколько профессоров — выдающихся психиатров и неврологов — окончили свои дни в клинике 3-го геронтологического отделения Института им. Бехтерева. Так как в те времена это было единственное специализированное геронтологическое отделение на весь Ленинград. На этом же отделении мучительно умирал бывший главный психиатр Ленинграда, один из создателей системы советской психиатрической помощи Георгий Викторович Зеневич. Умирал от уремической комы: его перевели в бессознательном состоянии из лёгочной клиники ВМА, где из-за неряшливости медсестры после инъекции у него развился абсцесс, который просмотрели.

Если же говорить о реальном бэкграунде полемики Чистовича, то нельзя не отметить, что он был военным психиатром, а инфекционные психозы во время и после войны действительно были реальностью, как и в 1920-е гг. А кроме того на его

взгляды в области происхождения психозов оказал влияние авторитетный для него (и, к сожалению, не только для него) Иван Петрович Павлов. В «Записках старого психиатра» всё это изложено.

Во-вторых, психическими заболеваниями страдали не только «антишизофренисты». Доктор наук М., очень известная фигура в детской психиатрии, многократно стационировалась с острыми шизоаффективными приступами. Что не мешало ей диагностировать шизофрению решительнее и чаще, чем её ближайшим коллегам. Она считала, как и В.М. Воловик, что в случае с определением годности к военной службе лучше передиагностировать, чем недодиагностировать. Влиял ли на этот взгляд опыт её собственных переживаний? Если и влиял, то совсем не в ту сторону, которую Виленский приписывает Чистовичу, а наоборот.

Если мерить меркой Виленского «московскую школу», то противоположная крайность тоже окажется неоднородной. Л.Л. Рохлин и А.Б. Смулевич — абсолютно разные личности. Льву Лазаревичу избранная им тематика помогла сделать молниеносную карьеру: он тонко и рационально чувствовал конъюнктуру. Анатолий Болеславович был «клевретом» в силу других свойств. Чтобы избежать долгого описания, рекомендую читателю найти и сравнить его портрет с портретом Геннадия Эдуардовича Бурбулиса. Это один и тот же фенотип и психотип. Существует категория шизоидных личностей, предрасположенных к идеологическому начётничеству и к персональному прислуживанию одновременно. Когда на очередной научной конференции неподвижный, замкнутый, бледный, тощий и аскетически суровый Анатолий Болеславович оказывался рядом с пышущим здоровьем, широкогубым, рассказывающим анекдоты Григорием Яковлевичем Авруцким, не было лучшей иллюстрации к монографии Эрнста Кречмера «Строение тела и характер».

Я не зря подчеркиваю субъективизм Виленского (увы, мой спор с ним уже не может быть очным, он умер в 2010 г.). Дело в том, что Олег Григорьевич, несмотря на дистанцию от Москвы до Иерусалима, стал в некотором роде иконой для добросовестных отечественных консерваторов-охранителей — в частности, для уважаемого мной Николая Старикова. В 2007 г., в год своего ядовитого ответа независимым психиатрам, Виленский издал книгу «Психиатрия. Анализ общественно-политических движений», которая многим кажется убийственной: она не оставляет камня на камне от всего правозащитного сообщества, в том числе от гомосексуального, феминистского и экологистского движений. Именно на основании расширительной психиатрической диагностики.

Цитировать Виленского (43) одно удовольствие: «*Вялотекущая шизофрения с сутяжно-паранойяльным синдромом может проявляться в форме борьбы не за свои права, а за интересы других людей или всего общества в целом. Такие больные, часто забрасывая свои дела, посвящают всё свободное время и силы поискам нарушений законов, "прав человека", и вообще различных злоупотреблений и недостатков. При этом они изучают юридическую литературу и сами пишут целые трактаты по этим вопросам…*»

Однако Николаю Старикову следовало бы перечитать материалы круглого стола в «Литературной газете» в августе 1989 г., где Виленский, ещё москвич, «препарировал» Сталина, ссылаясь на диагноз, якобы поставленный Бехтеревым в 1927 г. (44): «*Замкнутость, необычайная подозрительность, крайне своеобразное мыш-*

ление, при котором любые реальные факты игнорировались или подчинялись его собственным идеям, грандиозные мании величия и преследования с периодическими обострениями, многомиллионные жертвы, которые Сталин приносил с исключительной лёгкостью ради утоления собственного бреда и страха перед "врагами", — всё это укладывается в схему "параноидной шизофрении". Будучи одержимым бредовыми идеями величия и преследования, Сталин чётко ориентировался в окружающем и отлично понимал, что он совершает невиданное в мировой истории нарушение законов и моральных норм, что миллионы рядовых граждан, уничтоженных по его приказу, ни в чём не повинны, а дела их сфабрикованы. Поэтому, если допустить, хотя бы теоретически, возможность судебно-психиатрической экспертизы Сталина, то, несмотря на диагноз психического заболевания, он, я уверен, был бы признан вменяемым и должен был бы нести ответственность за свои преступления».

И тот же Виленский рассуждал: «*По-видимому, отшельники и монахи — это, как правило, больные шизофренией*» (45).

Это вполне логично. Стопудово. Ведь если озабоченность другими народами и молитва за другие души — это признак душевного расстройства, то тогда и любое неэгоистическое действие — признак душевного расстройства. А монахи занимаются даже антиэгоистическими действиями — «следовательно», саморазрушающими. Они борются с побуждениями собственной плоти, они себя истязают, тащат за волосы с земли на небо. Ещё и не ради себя, а ради паствы? Ну, тогда точно неадекватны, вычурны и нелепы!

Догматик-доктринер на либеральном собрании распространил границы психозов до столь невиданных широт, что далеко переплюнул и Смулевича, и начальника спецотделения Института Сербского Дмитрия Романовича Лунца. Никому из коллег Снежневского по разработке систематики психических болезней не приходило в голову «запихивать» в эндогению целые сословия. Никому из специалистов ВНЦПЗ и его томского филиала, изучавших генетику, иммунологию и морфологию психозов с учётом опыта зарубежных коллег, не приходил в голову вывод о «нарастающей шизоидизации» населения Земли, являющейся чистой фантазией Виленского (46).

А наши сегодняшние охранители очаровались Виленским — и попали, мягко выражаясь, пальцем в небо. Попали в типичнейшего клеврета.

Клеврет отличается от ученика тем, что не стремится развить и улучшить достижения своего учителя, а вместо этого выхолащивает учение, превращая его в механическое прокрустово ложе, «в колею глубокую», из которой не выбраться.

Виленский, увы, был таким же примитивизатором Снежневского, как Смулевич и Рохлин. И разница лишь в том, что в Израиле его «узкоколейность» подпитала банальная и крайне популярная у советских переселенцев неприязнь к израильским левым, которые в их представлении составляют однородную антигосударственную массу, неотделимую от внешних благодетелей вроде Сороса.

Это восприятие крайне пристрастно. Иронист Игорь Губерман писал о таких людях: «… и личный занавес железный везёт под импортной рубашкой». Поправевший иммигрант, зацикленный на агентах арабского влияния, делит окружающий мир на чёрное и белое, теряет способность к восприятию не только красок, но

и объёма, перестаёт быть художником — как перестали быть художниками писатели, ударившиеся в правозащиту. Получается «правозащитник наоборот», в бытовой жизни — такой же надоедливый и скучный доктринёр, воспринимаемый окружающими с жалостью.

Прежде чем восторгаться обобщениями Виленского, отечественным охранителям следовало в комплексе оценить не только доктринальные истоки, но и сиюминутные конъюнктурные стимулы этих обобщений — хотя бы для того, чтобы отграничить собственно концепцию от повода для её предъявления. А помимо этого, прежде чем брать концепцию на вооружение, продолжить её логику — и представить себе мир, полностью «освобожденный» от pathos schizophreniae в расширенном понимании Виленского, на практике — мир без больших страстей и порывов вдохновения, мир, замкнутый в упорядоченном и усреднённом потреблении. И задуматься о том, какое будущее ждало бы такой воображаемый мир, если бы он существовал.

Более того, предъявление такой концепции обществу вряд ли способно найти тот отзвук, который охранителям хотелось бы найти для реализации собственных идей. Ведь охранитель, спасая общество от разложения, а страну — от распада, всегда ищет ту опору, на которой общество должно стоять насмерть и не сходить с места, устоять перед разлагающим давлением. Но совокупность обывателей, смотрящих только «под ноги» и движимых только рациональным бытовым расчётом, вполне может прийти к коллективному представлению о том, что разрыв национальной ткани менее хлопотен, чем её сохранение, что «пастьба» на одной поляне более осмыслена, чем покорение пространств, что раз мы курские, то нам моря не надо, и пускай ингерманландские плавают, если хотят.

Мне много раз в жизни приходилось сталкиваться с бытовыми, рассудочными сторонниками расчленения нашей страны, один из них работал вице-губернатором в успешном и самодостаточном черноземном регионе. В их суждениях не присутствовало никаких формальных логических нарушений — разве что отсутствовало понимание того факта, что на мировом уровне сильные считаются только с сильными, а мотивы агрессии совсем не обязательно рациональны. Но они и не утруждали себя геополитическими премудростями — как всякий человечек малого масштаба, они поднимали бровки: а зачем?

С Виленским можно спорить по мелочам — в его собственной логике. Во-первых, сам Бехтерев, якобы ставивший диагноз Сталину, однажды лечился в Петербурге в психиатрической больнице (ныне № 6). Острейший психоз с онейроидной клиникой, переходящей в аменцию, Чистович отнёс бы к инфекционным. Но с позиции школы Снежневского, у молодого учёного, будущего академика, имел место приступ фебрильной шизофрении. И уж тем более — с позиции лично Виленского, который произвольно включает в шизофрению и иные состояния с расстройствами терморегуляции (следуя доведенной до абсурда логики Вейна, отрицающего как класс органические заболевания ЦНС с преимущественным поражением межуточного мозга).

Во-вторых, не приходило ли в голову Виленскому поинтересоваться родственниками покойного В.М. Бехтерева, в частности академиком Н.П. Бехтеревой? Для начала просто всмотреться в лицо этой женщины во второй половине жизни? И на-

конец, поинтересоваться логикой развития её своеобразного учреждения в Петербурге и истоками её иррациональной ненависти к институту имени своего деда?

В-третьих, к вопросу об идеях преследования: существовали ли заговоры с целью физического уничтожения Сталина — или для такого умысла ни у кого не было никаких поводов?

В-четвёртых, вот случай для Виленского. Один из основателей НПА, профессор К., настырно доказывал встречному и поперечному, что от больного шизофренией может заразиться любой проживающий с ним в одном подъезде. Этот профессор не придумал вирусную теорию происхождения больших психозов, но настолько её утрировал, что в ней невооружённым глазом читалось отражение припрятанных (диссимулируемых) собственных болезненных страхов. Здоров или болен этот гипердиагност?

И наконец, в-пятых: не производит ли сам Виленский своей фиксацией на всеобщем диагностировании впечатления паранойяльной личности?

Но всё это мелочи. Главная проблема не в том, кто где лечился или напрасно не лечился. Проблема в подходе, который напрасно вдохновил наших охранителей. Тем более что профессор Виленский не только был доктринёром, но и представлял собой тип, который нередко характеризуют как «салонный дурак». Доказываю его фразой: «Как реакция на гитлеровский геноцид в СССР возникло гонение на генетику». Известно, что происходит с дураком, а точнее, его лбом, когда ему предлагают помолиться.

Главная проблема в том, что, увлекая охранителей своим подходом, Виленский, камуфлирующий собственные израильские страхи, загнал добросовестных русских охранителей в смысловой тупик. Стоит им попытаться воспользоваться его подходом, как вслед за Pussy Riot мы получим не горстку, а весьма внушительный отряд граждан с диагнозами и без, с духовным, военным, инженерным, педагогическим и медицинским призванием, который скажет власти, персонифицированной охранителями:

– Да, мы ненормальные, потому что мы неравнодушны.

– С нами Пушкин, Достоевский, Толстой, Гоголь, Гаршин, Леонид Андреев, Велимир Хлебников, Блок, Белый, Маяковский.

– С нами Галилей и Коперник, с нами Колумб и Магеллан, с нами врач Пастер, миссионер Ливингстон и этнограф Маклай, с нами все первопроходцы, изобретатели и революционеры.

– С нами русские святые. И все христианские святые. И апостолы. И если хотите, Христос, считавший себя сыном Божиим, вместе с Иосифом, которому приходили видения.

И такие демонстранты будут правы.

Потому что поиск, порыв, мотив спасения душ и жизней — свойство, отличающее не патологию от нормы, а человека от низших существ.

Потому что талант, а тем более воля, не исчерпывается патологией, даже если она следует рядом. Потому что не болезнь, а личность и среда определяет применение задатков во благо или во зло. И общественная среда, которую своей энергией и примером заряжает человек с даром вождя и полководца, может поднять ценностную планку до того градуса, когда самопожертвование становится нормой.

А если в мире есть области, где природа и архитектура генерируют импульсы низменных, животных начал, то это неизведанное явление не имеет отношения к дару и болезни.

Потому что в великой русской литературе весь верхний ряд занимают личности с отклонениями более чем пограничного характера, но это не уменьшает масштаба личностей и творений.

И не только в русской. Виктор Гюго, у которого брат и дочь были психически больны, в единственном числе занимает верхний ряд французской литературы. Акутагава Рюноскэ и Юкио Мисима — в японской.

Такие демонстранты будут правы. Но то, как они распорядятся своим протестным импульсом, определится масштабом их личностей и свойствами среды.

И поэтому, если применить элементарную фантазию и продолжить сюжет гипотетического Crazy Riot здесь и сейчас, то «революция ненормальных» будет неизбежно сопровождаться издержками.

Акт второй: рядом с вышеназванными лозунгами появится непрошеный лозунг: «С нами Чайковский, Нуриев, Виктюк, Борис Моисеев и Гидо Вестервелле».

Акт третий: расцветают все цветы. Регистрируется Партия за право отделения каждого человека от России с земельным участком, пропорциональным доле собственности (организация с примерно таким названием в 1990-х гг. была действительно зарегистрирована в Петербурге, её основал террорист Александр Шмонов, «жертва карательной психиатрии»). Из больниц и казематов, обнимаясь, выходят на волю душевнобольные вместе с разом реабилитированными извращенцами, включая серийных убийц, справедливо реабилитированных по той причине, что они мотивировались нарушениями влечений.

Акт четвёртый: на свободных выборах побеждает самая мотивированная, целеустремленная и фактически самая психически здоровая из революционных отрядов-партий. Та самая, которая вышла с плакатами про Чайковского. На выборах она, разумеется, эксплуатирует не только свободы своего меньшинства, но прежде всего самые популярные антикоррупционные темы.

Акт пятый: депутат от партии Гоголя обвиняет предводителя партии Чайковского в прослушивании, преследовании и воздействии с помощью марсиан.

Акт шестой: партия Чайковского исключает партию Гоголя из правительства, объявляет диктатуру и запрещает гетеросексуальные браки.

Акт седьмой: жертвами экспериментов в первую очередь оказываются сами же душевнобольные, именем которых делалась революция. С ними в массовом порядке происходит то же, что с Говардом Хьюзом.

Занавес.

18. Подвижники и короеды

Тупик Виленского — знакомый тупик для тех, кто читал Григория Петровича Климова и думал потом, не стоит ли пойти и повеситься.

Выход из этого тупика, самый наглядный, — в той же русской культуре.

Владимир Набоков написал помимо «Дара» непревзойдённо подробную биографию Гоголя, представляющую собой историю болезни образца начала XX века.

Детские рассказы Набокова и его романы «Двойник» и «Защита Лужина» представляют собой явный результат саморефлексии. Интерес к патологии в жизни других классиков профессиональный психотерапевт вполне уместно интерпретирует как своеобразный механизм защиты. (Следует заметить, что систематика механизмов защиты, составленная Анной Фрейд, действительно является ценным вкладом в психологическую науку и не представляет собой произвольную экстраполяцию, как Эдипов комплекс.)

Так же можно интерпретировать и обилие в романах Достоевского персонажей, страдающих «падучей»: их мышление и поведение автор намеренно отчуждает от собственной личности, словно освобождаясь от накопившегося груза.

Но в отличие от героев набоковских романов герои Достоевского сами пытаются преодолеть свою патологию. Это происходит и с Раскольниковым, образ которого может служить пособием для специалистов по психопатологии террора. Опорой для этого преодоления становится религиозная этика, очищенная от деспотического налета, отображённого в «Карамазовых» как чуждая надстройка, искажающая саму веру.

Такое происходило не только с героями, но и с живыми людьми.

Андрей Белый периодами испытывал страх преследования, был внешне странен и одинок, просиживал часы за столоверчением в башне Иванова в компании теософов и просто извращенцев. Но его личность что-то хранило. Скорее всего, Бог, воплощённый в отце. В 1905 г. он сделал невероятное — выдернул из себя всю накопившуюся мерзость и вложил в персонажа романа «Петербург», в аутичного отцеубийцу. Лев Выготский увидел в этом романе антисемитизм (это было самое первое эссе будущего подтанцовщика Фрейда и Троцкого), хотя обижаться было уместнее финнам на «Пеппа Пепповича Пеппа».

Юрий Карлович Олеша с первых осознанных лет страдал разнообразными комплексами и остро переживал свою неполноценность. Он вложил её в своего антигероя Кавалерова, оттенив контрастом с героем своего времени. Казалось, он вовсе ничего от себя не оставил. Но то, что осталось, воплотилось в детской сказке, очень актуальной сегодня, если её внимательно читать: идеалом антигероев, Трёх толстяков, было превращение людей в заросших шерстью животных. Олеша предсказал паранойяльную идею Рокфеллеров, ныне господствующую в мировом истеблишменте.

Катаев снисходительно присвоил Олеше прозвище «ключик». И случайно попал в точку.

Олеше повезло: в отличие от Эйзенштейна и Зощенко доброжелательные марголисы его не «лечили». И он поэтому не ходил по кругу, а прорывался сквозь болезнь изо всех сил — в пору, когда ещё не было, к сожалению, лекарственных средств, снимающих неврозоподобную симптоматику.

В отличие от Набокова, от Ходасевича («Некрополь»), от Катаева («Алмазный мой венец») Марина Ивановна Цветаева в своей портретной галерее своих современников целенаправленно разделяла болезнь и личность. И в жизни, и в творчестве она давала талантам авансы, с русской безбрежной щедростью и с точным немецким расчётом на аудиторию через сто лет.

Если Набоков и Ходасевич расчленяли своих современников как энтомологи, чтобы в конечном счёте от них осталась одна прозрачная оболочка, то Цветаева, наоборот, собирала по частям личности крайне своеобразных людей, где патологию перевешивали исключительные черты таланта и нравственности, и получались литературные надгробья с размашистыми признаниями в любви. Ей можно поставить в упрек обратную крайность — идеализацию, но всем известно, как она была взыскательна: она не идеализировала кого попало, и не создавала такие же надгробья своим многочисленным пассиям: она выбирала, кто достоин надгробья, а кто нет, и видела в этом некий особый долг.

Собственный жизненный расчёт Цветаевой не состоялся по стечению обстоятельств, в которых она вместе с семьей зависела от чиновников от госбезопасности и от литературы. Ее смерть — редкий случай абсолютно мотивированного самоубийства здорового верующего человека. И редкая по яркости иллюстрация контраста между гибелью большой души, верной цивилизации, стране и власти, и спокойным выживанием маленьких душонок, делавших маленькие карьеры на унижении великих.

Это стечение обстоятельств персонифицировал драматург Константин Тренёв. Его маленькая душонка затравила большую душу. Так же было с Пушкиным и Дантесом.

В период перестройки было модно грызть образы титанов. Человечки малого масштаба концентрировались в «Огоньке», и такая же короедская микрофлора оккупировала театр. Потом время расставило многое по местам, иногда жестоко. В феврале 1992 г. я беседовал в Иерусалиме с Юрием Карабчиевским, который в перестройку посвятил себя вивисекции Маяковского. На короеда было жалко смотреть: до него дошло, что он был литературным участником геополитического преступления, безвозвратно уничтожившего единственный мир, в котором он мог существовать.

Юрий Аркадьевич Карабчиевский покончил с собой в июле 1992 г. в клинической депрессии. В этом состоянии любой человек воспринимает мир трагически, но классическая меланхолия включает ещё и переживание вины — не только за такие собственные действия, которые человек до приступа признал своей непоправимой ошибкой и которые касались всего общества, но и за прегрешения малого масштаба — перед родными и близкими.

Отряд короедов не заметил потери бойца: он был погружён в рефлексию в связи со сменой конъюнктуры, безвозвратно уронившей тираж больших журналов. У властителей дум, если бы их вправду тревожила общественная несправедливость, был шанс вырасти в масштабе**,** возвысив голос в защиту миллионов незащищенных — в том числе душевнобольных, хуже всех адаптировавшихся к павловскому обмену купюр, а потом к гайдаровскому замораживанию пенсий. Но эти невидимые миру слезы их не интересовали. А зачем?

Грызение титанов — признак карликовости.

Забота о миллионах и ответственность за миллионы — подлинная, а не показная, как у карьерных правозащитников, — признак масштаба личности.

19. Тезисы о цивилизационном иммунитете

На круглом столе в августе 1989 г. Сталина грыз не один Виленский, а целый консилиум короедов. Их уже сейчас никто не помнит. А Сталин живёт во всём, что при нём и его волей было создано и спасено. Этот груз созданного и спасенного на весах истории многократно перевешивает потери и издержки.

Загадка Сталина, как и загадка гениев вообще, имеет отношение к генетике, но выходит за рамки психиатрии и психологии. Энергетика личности, которая вынуждала Черчилля при входе Сталина вставать, не описывается в рамках синдромологии и не прививается аутотренингом или гипнозом. То же касается Наполеона и Жанны д'Арк, всуе упоминаемых Виленским.

Еще одна область загадок — дар предвидения. Он тоже не укладывается в синдромы и не воспитывается. Нострадамус, Мартелли, Робида, Ванга, целый ряд менее ярких провидцев, включающий Распутина, — особая категория, общим свойством которых является уникальная способность к эйдетизму (зрительному произвольному воспроизведению и созданию образов).

Родственны ли эти свойства душевным болезням? Существует некое звено предрасположенности, которое их связывает. Но предрасположенность, как было сказано выше, не тождественна причинному фактору болезни, разрушающей личность. И если этот фактор, поисками которых занимались Гайдушек и Джиббс, будет найден, из этого не следует, что, научившись предотвращать шизофрению, мы тут же уничтожим гениев.

Но на сегодняшний день это фантазии. Медицина едва научилась справляться с опасными инфекциями, да и среди инвазий умеет оперативно лечить только гельминтозы. Все то, что мы называем хроническими болезнями, — это неизлечимые болезни. Изучение генеза атеросклероза — на ещё более зачаточной стадии, чем изучение генеза шизофрении. Не следует обольщаться.

Зато сегодня мы сталкиваемся со страдающими людьми, ушедшими в мир переживаний, которых вместо адекватной и непубличной профессиональной заботы окружают сплетни и пересуды. Говорящие головы в рейтинговых программах берутся исправлять и политику, и медицину. Татьяна Толстая считает себя вправе судить о том, что делать с не выходящим из дома математиком Перельманом: с высо-

ты её точки зрения — пусть уединяется дальше, потому что если лечить, то сразу пропадет талант. Эксперимент действительно интересный: умрёт учёный на улице, наложит на себя руки или совершит какую-нибудь агрессивную нелепость, опубликовав трактат на 1500 страниц? Зато потом он будет гарантированно оплакан — вместе с теоремами, давно брошенными в нелеченном бреду.

Зато сегодня больным с начавшимся непрерывным течением болезни не оказывают самую действенную помощь — шоковую терапию, дающую ремиссии на много лет. Покорно усвоенная систематика, где вообще нет упоминания о течении процесса, нивелирует — по совсем не медицинским причинам — результаты исследований и практики. Зато у клиник беспрепятственно митингует секта «Фалуньгун», основатель которой, считающий себя царём космоса, был комиссован из китайской армии после затяжного психоза.

Зато сегодня и каждый день нам приходится сталкиваться с разнообразными толкованиями исторических смыслов и очень часто — с выворачиванием их наизнанку по мотивам, которые внешне кажутся узкогрупповыми, но при этом удивительно попадают в такт глобальной античеловеческой философии.

Авторы этих вывернутых истолкований под лупой выискивают психотические расстройства у Сталина и Путина, но не видят их в упор у Горбачева и Яковлева, не говоря о законодателях мод — Фрейде, Юнге, Расселе, и не только не видят, но и изо всех сил стараются скрыть прямое родство античеловеческих концептов и практик начала XX и начала XXI века. Блоггерская болтовня о ненормальности руководителей страны и церкви в точности воспроизводит газетную травлю имперской власти сто лет назад. Медиа-публика, наклеивающая ярлыки и дающая непрошеные советы, не знает и знать не хочет, что ежедневно травмирует страдающих людей и их родственников. А интервенции разрушительных смыслов никто не мешает.

Мировая информационная обстановка 2012 г. была сродни фронтовой. Линии добра и зла различимы. Недавняя демонстративная самоидентификация Захара Прилепина — пример выбора между сталью и молью, к которому вынудила моль.

Моль оккупирует не только Болотную площадь. Куда больше моли расселось в 1990-е гг. в дипломатическом корпусе, образовательной бюрократии и мейнстримных СМИ, где вольготно себя чувствует.

В июне этого года на портале ИТАР-ТАСС в рубрике «Эхо планеты» была опубликована статья Константина Кедрова о Витгенштейне под заглавием «Великий дилетант» (47). Создателю «лингвистической философии, которая учит, что не только мы говорим языком, но и язык говорит нами» был воздан не только профессиональный, но и персональный панегирик — вплоть до оправдания избиения им мальчика, который стал после этого инвалидом. Как утверждает Кедров, Витгенштейн работал на советскую разведку и завербовал Кима Филби и всю так называемую «английскую пятерку».

Ход мыслей немудрящ. Витгенштейн посетил СССР в 1935 г. Он был гомосексуалом. Он «поэтому» был антифашистом. И «потому же» плохо относился к ядерному оружию. И «поэтому» вербовал агентов для России, тоже гомосексуалов.

Автор игнорирует тот факт, что Витгенштейн учился в одном классе с Адольфом Гитлером, что и помогло ему потом при трёх четвертях еврейской крови получить в Германии статус Mischling (полукровки) лично от фюрера в виде редкого исключения. Что неудивительно, поскольку существенных идеологических раз-

ногласий у них не было. Английское гражданство Витгенштейн запросил только в 1939 г., на год позже Фрейда.

Автор игнорирует тот факт, что Витгеншейн всю жизнь был солипсистом-эгоцентриком, почитателем Ницше и Вейнингера, астрономически далеким не только от левых идеалов, но и от тени заботы о ближнем.

Для автора почему-то не является авторитетом такая перестроечная фигура, как Генрих Боровик, по версии которого, Филби и его первая жена Алиса Кольман были рекомендованы советской разведке давним лондонским агентом, англичанкой Эдит Тудор Харт. Рекомендованы потому, что были увлечены левыми идеями. Кто сыграл в этом первоначальную роль — отец, перешедший в ислам ориентолог, или коммунистка Алиса — другой вопрос. Факты же состоят в том, что это был человек из совсем другого «материала», чем Витгенштейн, что подтверждается ранней биографией искателя; что он был женат ещё дважды — в последний раз в СССР, где ему ничто не мешало жить жизнью холостяка, подобно Гуверу, если того требовала его натура. Но натура того вовсе не требовала. А вот общение с действительным гомосексуалом Бёрджесом, проблемой всей «пятерки», может быть, и вынуждала забраться с ним под одеяло — чего только не приходится делать дипломатам и разведчикам (пример — «роман» Г.В. Чичерина с министром иностранных дел Веймарской республики графом Брокдорфом-Ранцау, сыгравший роль в подготовке жизненно важного для Советской России Рапалльского договора).

И наконец, автор старательно оберегает репутацию Бертрана Рассела, которым был очарован Хрущёв из-за своей антирелигиозности. Поскольку Витгенштейн не мог быть агентом без ведома Рассела, а значит, и Рассел (оправдывавший ядерный удар по СССР, пока Москва не обзавелась ядерным оружием) был агентом.

Произвольное умолчание в мейнстримных СМИ не может считаться правом публициста на «художественное видение». Публицист — не художник, история — не tabula rasa, а точная наука, а масс-медиа — не лужайка для случки, а поле мирового сражения. И произвольное умолчание, и намеренное искажение смыслов — это информационно-психологическая операция, а не просто враньё в интересах меньшинства, имеющего глобальное лобби в силу соответствия мальтузианским сверхзадачам.

Цель названной выше операции — не просто возвысить «историческую роль» гомосексуалов, а заслонить смысловым суррогатом реальные исторические смыслы. И прежде всего — ту притягательную силу советской модели, которая увлекала людей разных цивилизаций и рас, которая мобилизовала освободительные армии и партизанские отряды, подняла огромный Китай из общества, где встречались архаические ритуалы родовой мести, в передовую цивилизацию, обеспечила ядерный паритет, построила на долгие годы геополитический щит, предотвратила войны и бедствия на нашей территории вплоть до поздней перестройки. До того периода, когда на сцену вышли короеды истории и осквернители святынь, когда прежде сдерживавшие свои импульсы извращенцы растормозились и пошли убивать ради оргазма.

Публицистический изыск можно и должно отличать от намеренной лжи, а обыкновенную намеренную ложь — от подмены понятий. А среди разновидностей подмены понятий должно различать те, которые прощать нельзя.

Средства общения следует отличать от средств влияния на массовое сознание, а в последних выводить моль — дустом. Это нормальная защитная деятельность,

как деятельность иммунной системы в биологическом организме. Чужое должно распознаваться и отторгаться.

Говорить о психозах надо, и доступным языком. Но языком профессиональным и ответственным — и в клиническом, и в общественном смысле.

Пророки и святые, которыми движет мотив спасения, формируют и отстаивают системы ценностей народов и цивилизаций, создают смыслы для несчётных поколений, возвышают человека над прочими биологическими созданиями.

Основатели сект, которыми движет в лучшем случае эндогенный бред величия, подменяют смыслы и понятия иногда до противоположных, крошат и дробят цивилизации, страны и общины, и если им удаётся, за их спинами легко обнаруживается рука неверующего хозяина.

Есть разница?

Врач-ординатор Виктор Хрисанфович Кандинский воспроизводил на бумаге собственные переживания, чтобы внести вклад в отечественную и мировую науку, ещё не знающую средств лечения. Он отделил себя от болезни не только для спасения своего духа, но и для понимания психозов множеством коллег: доступно описать психические автоматизмы может только тот, кто это пережил сам. Он вёл себя так же, как инфекционисты того времени, испытывавшие вакцины на себе.

Профессор Зигмунд Фрейд отделил от своего горячо любимого «Я» один симптом, обсосал, обслюнявил и развернул в теорию. Облегчившись и без труда найдя заинтересованных патронов, он заставил множество способных и мыслящих людей копаться в самих себе неделями, месяцами, десятками лет. Личные неврозы он сделал семейными, а неврозоподобные переживания вялотекущих эндогенных больных усугубил, извратил, загнал в замкнутые круги, убил на корню их замыслы, заставил их вдохновение рождать уродов.

Есть разница?

Неизвестно, переносил ли Сталин эндогенное, спонтанное ощущение преследования. Если будут найдены убедительные доказательства того, что периодически или эпизодически он от него страдал, то его масштаб личности от этого только возрастёт: значит, он преодолевал не только внешние, но и внутренние разрушительные импульсы. И несмотря на них, генерировал целеполагание, преодолевавшее энтропию на половине земного шара.

А Горбачёв шёл на поводу у внутренних разрушительных импульсов. Мало того, поддавался на все соблазны, паразитирующие на этих импульсах.

Есть разница? Издержки подстёгнутой им энтропии легли на миллионы граждан России и Евразии. И на граждан опекавшихся СССР развивающихся стран, опущенных обратно в дикарство.

Это тот душевнобольной, которого следовало остановить. В Китае так сделали с генсеком Чжао Цзыяном, и страна остановилась над бездной.

Душевная болезнь — ниспосланное испытание, с которым каждый человек справляется по-своему. Если преморбидно сформированная личность противопоставлена болезни, она проходит через испытание — более того, мобилизует весь сохранный потенциал, и он противостоит энтропии как внутри, так и в окружающей реальности.

Человек, которому ниспослана тяжёлая форма расстройства, не постепенно изменяющая, а стремительно уничтожающая личность, не в силах ничего сделать ни

с собой, ни с обществом: у него разрушается воля, а морфологически это сказывается в дегенерации нейронов лобных долей.

Человек с благоприятным течением душевной болезни, периодическим или вялотекущим, в силах осознать факт болезни, особенно если видит её следы в своем роду. Если он при этом плывёт по его течению, и более того, увлекает вместе с собой свое хозяйство, нацию, глобальное сословие, мы вправе назвать такого человека одержимым.

Одержимость объективно воспринимаема, различима, видна. Её нельзя допускать к управлению. Это возможно, что доказано не только примером Китая, но и историей нашей страны. Пример — избавление Екатериной от Петра III — брутальный, но необходимый и ответственный шаг. Противоположный, трагический и поучительный пример — неспособность бояр и семьи остановить Иоанна Грозного, заболевшего в середине своего правления и утратившего способность сопротивляться галлюцинаторно-бредовым переживаниям. Если мы сравним издержки в одном и другом случае, мы захотим поставить Екатерине памятник из золота.

Если одержимость угнездилась на уровне структур, от которых зависят судьбы многих государств и всего мира, если античеловеческая идея, вылившаяся в систематизированный бред, стала мейнстримной идеологией — например, современное неомальтузианство, оно же постиндустриализм, то этой идее следует сопротивляться. Если мир — большое хозяйство, а главные хозяева одержимы, и у нас сегодня нет сил сопротивляться в одиночку, значит, следует искать союзников и вместе с ними готовить глобальный Reason Riot — бунт разума.

Хозяйский разум цивилизации, защищающей себя, выстраивает несколько линий обороны, в том числе и внешнюю, на идеологически зараженной территории, где работать не легче, чем в условиях военной оккупации, и где на свой страх и риск сопротивляются отдельные группы, возглавляемые редкими, уникальными — и, несомненно, аномальными личностями. В 1930-х гг. опасным отщепенцем считался ушедший от Фрейда Вильгельм Райх, сегодня его роль досталась Джулиану Ассанжу — ожившему герою сказки Олеши, сыну циркача, канатоходцу, выбившему окно в идеологическом дворце Международного бюро по изменению климата (IPCC) и именно из-за этого, а не из-за кражи дипломатической переписки ставшему изгоем.

Хозяйский разум, активно и целенаправленно преобразующий природу для нужд цивилизации, для общего блага, ставит себе на службу таланты, помогает им разрешить свои внутренние мучения, и они находят себе место и роль — как нашёл Булгаков, когда писал «Белую гвардию», как нашёл Пастернак, включившийся во фронтовую пропаганду.

Хозяйский разум отстаивает и результат труда учёных-естественников, и результат труда языковедов. Политическое вмешательство в эти сферы нормально и оправдано. Ненормально потворствовать псевдо-вере, выводящей смыслы из цифр, псевдо-биологии, выводящей сознание из выделительной системы, псевдолингвистике, выводящей мышление из языка.

Защита этих дисциплин, точно так же как защита истории вообще и истории отечественной науки в частности — составная часть защиты цивилизации. Это не вопрос вкуса, академической правоты или партийной лояльности. Это вопрос жизни и смерти.

Список использованной литературы

(1) http://katya-men.livejournal.com/126853.html
(2) http://www.westeast.us/51/article/2004.html
(3) http://www.npar.ru/journal/2004/1/snezhnevski.htm
(4) Руководство по психиатрии / Под ред. акад. АМН СССР А.В. Снежневского. В 2-х т. М., 1983.
(5) Чистович А.С. Из воспоминаний старого психиатра. Л., 1977.
http://www.audiolit.ru/works/index.php?SECTION_ID=32&ELEMENT_ID=1661
(6) Каннабих Ю.В. История психиатрии. М., 1928.
(7) Корнетов А.Н., Самохвалов В.П., Корнетов Н.А. Клинико-генетико-антропометрические данные и факторы экзогенной ритмики при шизофрении. Киев, 1984.
(8) Герцен и Запад. М., 1985.
(9) Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
(10) Эткинд А.М. Эрос невозможного. М., 1993.
(11) Булгакова О. Версия как утопический проект // НЛО. 2007, № 88.
http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/bu3.html
(12) http://www.evreyskaya.de/archive/artikel_424.html
(13) http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=142
(14) http://cityroom.blogs.nytimes.com/2010/12/16/how-do-you-say-billionaire-in-esperanto/
(15) http://donh.best.vwh.net/Esperanto/Literaturo/Poezio/vagabondo/19.html
(16) Shor E. L.L. Zamenhof and the Shadow People // The New Republic, 30.12.2009.
http://www.tnr.com/print/article/books-and-arts/ll-zamenhof-and-the-shadow-people
(17) Snyder T.D. The Red Prince: The Secret Lives of a Habsburg Archduke. Basic Books, 2008.
(18) «Закарпатська правда», 18 березня 1993.
(19) Тинченко Я. «“Белая гвардия” Михаила Булгакова»
http://fb2.booksgid.com/content/E9/yaroslav-tinchenko-belaya-gvardiya-mihaila-bulgakova/53.html#.UDnZiMEaOgM
(20) Ziegler P. Mountbatten. New York, 1985.
(21) Steven S. Operation Splinter Factor. Philadelphia, 1974.
http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/1003481/Stiven_Styuart_-_Operaciya__Raskol_.html
(22) http://www.guardian.co.uk/media/2004/jan/20/pressandpublishing.guardianobituaries
(23) http://www.pressgazette.co.uk/story.asp?storyCode=28569&sectioncode=1
(24) http://www.dailymail.co.uk/debate/columnists/article-228170/Farewell-Clive-Chiswick.html#ixzz2499Ldrk2

(25) http://www.workersliberty.org/story/2012/02/06/slansky-trial-performance
(26) Миличевич П. Осторожно — ревизионизм. Что потеряли трудящиеся в результате разрушения социалистических стран. М., 2001.
(27) Granville J. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956. Texas, 2004.
(28) Futrell M. Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland 1863–1917. L., 1963.
http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/TUzilliacus.htm
(29) Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). М., 1999. http://www.hrono.info/libris/lib_h/hrush35.php
(30) http://www.snopes.com/language/document/commrule.asp
(31) http://samlib.ru/k/krylow_a_n/33-1.shtml
(32) Изюмов Ю.П. По чьим трупам шли к власти Андропов и Горбачёв.
http://za-kaddafi.zews.su/biblioteka/istoriya-rossii/321-sssr-po-chim-trupam-shli-k-vlasti-andropov-i-gorbachev
(33) Гнедин Е.А. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977.
(34) Loftus J.W., Aarons M. The Secret War Against the Jews: How Western Espionage Betrayed the Jewish People. New York, 1994.
(35)http://www.usslibertyinquiry.com/commentary/ahrons-loftus/analysis.html
(36)http://wn.com/john_loftus запись 2
(37) http://www.iht.com/articles/reuters/2009/01/25/europe/OUKWD-UK-FINANCIAL-UN-DRUGS.php
(38) http://www.theatlantic.com/personal/archive/2009/03/the-aids-libel/56057/
(39) Snyder T.D. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. Basic Books, 2010.
(40)http://scepsis.ru/library/id_683.html
(41) Kepinski A. Schizofrenia. Warszawa, 1979.
(42) http://vilenskyog.narod.ru/new.html
(43) http://vilenskyog.narod.ru/Analiz.html
(44) Чехонин Б.И. Журналистика и разведка. http://evartist.narod.ru/text16/003.htm
(45) http://davydov.blogspot.com/2009/08/blog-post_7967.html
(46) http://beon.ru/discussion/104-968-vilenskii-read.shtml
(47) Кедров К. Великий дилетант // Эхо планеты, ИТАР-ТАСС, 27.06.2012 http://www.itar-tass.com/c43/457952.html

Н.В. Кравчук

О ЗАГАДКАХ 1986 ГОДА

Кравчук Николай Васильевич —
доктор физико-математических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Не загадка, а разгадка! 655
2. Замечания о предыстории проблемы 661
3. Подробнее о ЧАЭС 668
4. Поиски деталей «паззла» 671
5. Построение картины аварии 683
6. Восстановление картины аварии 689
7. Заметки о ещё одной катастрофе 1986 года (и о «запланированных диверсиях») 695

И сказал Иисус… «Итак, не бойтесь их:
ибо нет ничего сокровенного,
что не открылось бы, и тайного,
что не было бы узнано»
Матф. 10:26

Всякий человек, живущий на постсоветском пространстве, увидев это заглавие, прежде всего вспомнит о Чернобыле, и будет прав, поскольку авария на ЧАЭС представляет собой загадку № 1. Но многие также припомнят и катастрофу советского круизного лайнера «Адмирал Нахимов», случившуюся четыре месяца спустя. Были тогда и другие загадки, и даже вне СССР (к примеру, катастрофа челнока «Челленджер» в США), но здесь мы ограничимся двумя вышеупомянутыми, тем более что обе будет обсуждать один автор — Николай Васильевич Кравчук, исследовавший в своё время эти темы. Причём первой из них посвящены не только его статьи, но и книга «*Загадка Чернобыльской катастрофы. Опыт независимого исследования*», изданная в 2011 г. в Москве, на которой и будет базироваться его изложение здесь. Для удобства читателя мы сохраним здесь нумерацию ссылок из этой книги, тогда как она сама будет иметь номер 24 в списке литературы, а дополнительные же ссылки будут идти под последующими номерами.

Но для начала приведём выдержки из «Вступительного слова» к [24], которое написано рецензентами книги — профессорами И.А. Кравцом и В.А. Вышинским и носит выразительное название:

1. Не загадка, а разгадка!

Рецензия эта начинается цитированием известного литератора С. Залыгина, редактора журнала «Новый мир», который, представляя документальную повесть Г. Медведева «Чернобыльская тетрадь»[1], в 1989 г. писал: «*Нельзя устранить катастрофы, не зная их причин и всех причинных обстоятельств*». Затем он предостерегает против *успокоительных настроений*, ибо это, по его мнению, грозит в будущем «*ничем иным как повторением катастрофы*».

В конце концов С. Залыгин приходит к примечательному выводу: «*Путь здесь один:* ***самое тщательное исследование всех деталей и подробностей чернобыльской катастрофы****, так как отнюдь не исключено, что любая из упущенных сегодня деталей её когда-нибудь станет главной причиной следующего и следующего бедствия*» — яснее тут не скажешь!

«Всё это говорилось двадцать лет назад, но можем ли мы утверждать, что к настоящему времени уже известны "*все детали и подробности чернобыльской катастрофы*", а тем более — **все причины её**? Несмотря на то, что за время, прошедшее с 26 апреля 1986 г., были проведены тысячи исследований её, притом разного рода — и экспериментальных, и теоретических, написаны горы отчётов и многие тысячи статей и книг!

К тому же стоит напомнить, что к решению указанной проблемы были подключены сотни научных институтов и организаций из всего Советского Союза, возглавляемые, как правило, академиками. И, казалось бы, ситуация должна была уже проясниться если не полностью, то в достаточной мере — для того, чтобы можно было с уверенностью определить основные *причины* катастрофы. Однако следует честно сказать, что после известного отчёта для МАГАТЭ, опубликованного в 1986 г.[2] (который трудно признать удовлетворительным), попыток *всеобъемлющего* анализа произошедшего тогда так больше и не появилось.

А вот что появлялось: приведём версию, содержащуюся в официально изданной книжке А. Коваленко и А. Карасика «Чернобыль сегодня и завтра» (изд. «Знание», 1988 г.). И там о причинах (два года спустя после аварии!) говорится так: «*Не-*

[1] Она была издана затем — как отдельная книга [1] — в Киеве в 1990 г.

[2] См. [2] в списке литературы.

прерывное повышение радиоактивности вследствие парообразования привело к мгновенному критическому скачку мощности» (с. 5). Прочитав это, задумайтесь — что можно понять из этого набора слов? Но наши авторы бодро продолжают: «*По расчётам советских экспертов, первый пик друг мощности достиг 100-кратного превышения номинальной мощности в течение 4 секунд. Разрушение 4-го блока вызвали два последовавших за другом взрыва. Первый произошёл после взаимодействия топлива и теплоносителя* (?)*, второй — после взрыва оболочки реактора и соединения воздуха со смесью горячего водорода и окиси углерода* (?!)». Далее же утверждается: «*По своей природе взрывы не были ядерными. Они произошли в результате контакта раскалённого топлива с водой и могут быть квалифицированы как паровые взрывы, включающие топливные материалы*» (?!).

«*Затем выделение энергии* (?!) *сдвинуло и опрокинуло 1000-тонную защитную крышку реактора, разрушило все трубы высокого давления, выбросило некоторые элементы конструкции активной зоны и часть здания* (?!)» (там же), и т.д. и т.п.… Так можно ли было воспринимать всё это как объяснение, да и понимали ли сами авторы, что они пишут? Весьма сомнительно — а ведь это уже 1988-й год!

И далее практически все «юбилейные» (к 10-летию, 20-летию аварии) сборники материалов по Чернобылю касались описания героических действий персонала ЧАЭС, пожарных и остальных ликвидаторов аварии, но вовсе не выяснения причин её! Потому становится понятным, почему вместо всего этого появилось множество (больше сотни) других, неофициальных версий, обычно делающих ударение на одной группе обстоятельств, но противоречащих остальным таковым. И *чем дальше в лес, тем больше дров*, так что появились фантастические версии — от якобы космических воздействий на реактор до влияния совсем уж «паранормальных» феноменов. Понятно, что и такие версии вряд ли приемлемы для серьёзных людей.

В настоящей работе автор пошёл иным — *прямым* — путём, поставив с самого начала во главу угла задачу: объяснить все наблюдаемые во время аварии явления и показания очевидцев, как и экспериментально установленные последствия её, причём ранее неоднократно описываемые в литературе! Более того, при сём он сумел чётко определить роль разных (разумных) версий событий в собственном *целостном анализе* развития аварии, придав основным из них своё место в нём. Нам представляется очень важным и то, что автором дано естественное объяснение тому известному обстоятельству, что после аварии с 4-м блоком больше ничего катастрофического не случилось, хотя это предсказывали очень многие — ибо уже *не могло* произойти, согласно проведённому им анализу.

Затем рецензенты приводят ещё один отзыв — уже от ветерана ядерных испытаний, д-ра воен. наук С.И. Недоурова: «*Для научного обоснования причин аварии на ЧАЭС требуется и подлинно научный метод исследования, основанный на оценке особенностей физики ядерных процессов. Такой вариант анализа* ***впервые*** *предложил Николай Кравчук… К сожалению, его версия аварии на ЧАЭС не нашла должного развития ни в 2006, ни в 2007–2008 годах, заинтересованного обсуждения её на страницах СМИ не получилось… До сознания большинства читателей приведённые автором аргументы до сих пор не дошли*».

Отметим, что вышеприведенная рецензия давалась на рукопись книги в 2009 г. А вот в 2013 г. появился материал — отзыв на книгу, свидетельствующий, что всё

ж аргументы автора «дошли до сознания читателей». По крайней мере, некоторых, но зато столь серьёзных, как профессор, доктор технических наук М.К. Родионов, народный депутат Верховной Рады Украины 3-го созыва, статья которого была опубликована 26 апреля 2013 г. (в украинской газете «Коммунист»; приведена ниже полностью) под заглавием:

Чернобыль: Невыученные уроки?

Учёный — это не тот, кто много знает,
а тот, кто способен отделить
главное от второстепенного.
Альберт Эйнштейн

Как известно, ровно через год после объявления М. Горбачёвым «перестройки» в СССР (и «нового мышления для всего мира»?!), в Чернобыле случилась «крупнейшая техногенная авария XX века» ядерного характера, которая и перевела «перестройку» на рельсы «катастройки». И очень скоро — спустя всего лишь пять лет — произошла и «крупнейшая геополитическая катастрофа», как точно выразился Президент РФ В.В. Путин о развале Советского Союза. Впрочем, ныне уже многие осознали, что именно Чернобыль послужил одним из *детонаторов* процесса развала, причём в результате его мы получили и *психологический*, и *социальный «Чернобыль»* на всей территории СССР (а не только Украины)!

Ну, что социальный — понятно, это каждый видит своими глазами, а вот почему психологический? По-моему, начиная с Чернобыля-86, все мы получили глубокий *психологический шок* (а потом и *надлом*), во многом *исказивший сознание* ещё советских людей — ведь именно оттуда пошло то всеобщее недоверие к власти, к её действиям, и к способности её говорить правду… Стоит спросить «пересічного» украинца о Чернобыле, и подавляющее большинство скажет, что *большая брехня* началась именно тогда; впрочем, продолжается она и по сегодня. Потому в нашем обществе и укоренилось стойкое недоверие ко всем и всяческим версиям о причинах аварии на ЧАЭС, которые насчитывают уже сотнями, не позволяя составить объективное представление о ней.

Правда, о *причинах*-то стали говорить всё меньше — достаточно посмотреть «юбилейные» сборники, чтобы убедиться — уже с середины 1990-х годов в них всё реже появляются аналитические материалы. А всё больше пишут о героизме пожарников да ликвидаторов, с одной стороны, да о заражённых территориях — с другой. Но если вспомнить не столь давнее изречение, что *героизм в мирное время появляется, как правило, вследствие преступной небрежности или халатности*, то этим и можно объяснить упомянутое смещение акцентов!

Но, тем не менее, со временем на свет появлялись всё новые подробности аварии, хотя, как известно, простое накопление фактов и «вновь открывшихся обстоятельств» ещё не решает проблему. А чтобы понять произошедшее на ЧАЭС, установить причины аварии, необходимо было воссоздать картину развития аварии — последовательную и научно обоснованную, т.е. необходим был *качественный* скачок. И это удалось сделать нашему земляку Кравчуку Николаю Васильевичу в книге «*Загадка Чернобыльской катастрофы. Опыт независимого исследования*», изданной в Москве.

Для того чтобы представить, как рождалась у него физическая картина аварии, я хочу вернуться на семь лет назад, когда в Киеве (с 23 по 25 апреля 2006 г.) проходила конференция «*Чернобыль + 20*», посвящённая 20-летию аварии. Причём, кроме официальной части — с президентами, министрами и пр. — параллельно ей проходила *рабочая, научная* конференция в Доме учителя на ул. Владимирской, где присутствовали многие десятки учёных и политиков из многих стран мира. Одним из первых на пленарном заседании там выступил американский профессор-ядерщик Э. Лайман, и то, что он сказал, было неожиданным для многих: мол, если бы реактор 4-го блока не стали «тушить», т.е. засыпать всякой всячиной, то и масштабы радиоактивного загрязнения были бы намного меньшими! Он сослался на американские данные, полученные тогда же и показывающие, что уровень радиоактивности уже через пару суток стал резко падать…

Ясно, что выступление это вызвало и вопросы, и дискуссию. И тут председательствующий на заседании экс-министр радиационной безопасности ФРГ д-р Кирхнер (физик по профессии), даёт слово для вопроса научному сотруднику Института теоретической физики Н.В. Кравчуку. Но уже после первых его фраз председатель просит выйти Николая Васильевича (уже как «коллегу», по его словам) — на сцену, к микрофону, и изложить свое видение, так что выступал тот минут 15–17, и в результате получилось полноценное выступление! А во время последующего перерыва его окружили коллеги с вопросами и т.п., и мне не удалось тогда с ним познакомиться. А позже прочёл статью Кравчука в газете «2000», хотя и с сокращениями, и с явно «легковесными» комментариями… После того о нём ничего не было слышно — оказалось, что очень скоро его «попросили» на пенсию — подход его к аварии на ЧАЭС «кого-то» не устраивал!

И можно понять мой интерес, когда в прошлом году увидел упомянутую книгу Кравчука, который ещё возрос, когда я открыл её и увидел «Вступительное слово» двух рецензентов — докторов наук, озаглавленное ими так: «Не загадка, а разгадка!»… А затем, ознакомившись с этой достаточно сложной работой, хочу сразу выделить её особенности: с одной стороны, необычным оказался и стиль книги, и метод изложения. Они направлены на то, чтобы подтолкнуть читателя к *самостоятельным выводам* — после усвоения тщательно подобранных автором материалов, и свидетельств очевидцев аварии, как и мнений различных исследователей проблемы — от академиков до публицистов (соответствующего уровня, естественно).

С другой — автор исходит из сведений, уже известных ранее и описанных большей частью в таких книгах, как «*Чернобыль: Документальное повествование*. 1991» Ю. Щербака, и «*Чернобыльская тетрадь*» Г. Медведева, да в юбилейных сборниках 1990-х гг. При этом Николай Васильевич отмечает (с юмором) и те «версии», которые основаны на неких домыслах или фантазии авторов. Но в дальнейшем изложение «уплотняется», приводится много реальных фактов и свидетельств очевидцев, выделяя особо существенные моменты в них. После чего автор приходит читателю на помощь, излагая самые необходимые сведения из атомной физики и конструкции ядерных реакторов, как и более тонкие вещи, данные в компактной форме. Конечно, усвоение всего этого требует от читателя известных интеллектуальных усилий, хотя и тут самые важные моменты выделяются (жирным шрифтом).

Но дальше автор, по-моему, слишком уж скромничает, утверждая, что *цельную картину* аварии уже всякий может сложить из этих выделенных частей, как из паззлов (это детская игра, в которой из различных перемешанных кусочков требуется сложить картинку). На самом деле автор по профессии является физиком-теоретиком (в области квантовой теории, где у него тоже свои *оригинальные* представления, изложенные в монографиях), потому все построения и в данной книге базируются на солидном теоретическом фундаменте. Это-то и позволило ему сложить из них *цельную картину* аварии — не только «играя» упомянутыми «паззлами», но и добавляя другие существенные части, да устанавливая их связи друг с другом. А в результате в книге «*действительно дается самое полное с физической точки зрения объяснение* ***причин*** *аварии*», говоря словами рецензентов её — на нынешнее время, конечно.

Также Н. Кравчук *смог объяснить практически все наблюдаемые при аварии события, да и её последствия*. В первую очередь это касается ранее замалчиваемого факта *нескольких* «взрывов» (хотя отмечаемого всеми очевидцами!) — он связал их *с физическими процессами*, проходившими на 4-м блоке, и показал, что каждый из них был следствием определённых, сложившихся на тот момент, физических обстоятельств.

В свою очередь, каждый из них порождал новую ситуацию в реакторе, разрешающуюся очень скоро новым «взрывом» — и вот ***в таком понимании Кравчук был первым***. Причем важно и то, что это позволило включить подходы *других серьёзных* авторов в такую *единую* картину. А закончилась же вся эта эволюция последним, *главным взрывом*, имеющим *квазиядерную* природу, по терминологии автора (американцы же называют это явление *неэффективным ядерным* взрывом), который и разметал верхнюю часть блока. При этом из активной зоны реактора вылетела и подавляющая часть содержимого, что подтверждают последующие наблюдения «сталкеров» — в первую очередь К. Чечерова, самого известного из них.

Все это детально обосновывается в книге, а в конце приведены и выводы из проведенного анализа, из чего можно заключить: если бы сразу было *полное представление* о происшедшем, то и действия были бы иными, по сути, подтвердив сообщение американского профессора, упомянутое выше. Поэтому понятно, почему результаты Н. Кравчука замалчиваются в Украине, а он ведь докладывал их, начиная с конца 2008 г. в разных институтах, на разных научных собраниях, и публиковал их по частям в научных изданиях. Хотя нельзя не сказать, что некоторые местные «спецы» уже умудрились использовать некоторые из его результатов в своих публикациях — безо всяких ссылок на авторство, конечно!

А вот крупные специалисты — российские академики В.Н. Страхов и А.А. Рухадзе, как и академики НАНУ В.И. Старостенко и Э.В. Соботович, которые имели *свои собственные версии*, да и другие профессионалы (в основном из России), после дискуссий признали как убедительность картины аварии на ЧАЭС, предложенной Н. Кравчуком, так и его личный вклад в понимание происходившего 26 апреля 1986 г. И понятно, что дело это непростое, ибо затрагивает оно оправданность таких проектов, как «Укрытие», и подобных ему, у которых «кормится» немало людей из власти и около неё… Но более важно *извлечь уроки* для будущего безопасного развития атомной энергетики, которая и сегодня отнюдь не исчерпала свой потенциал, по моему убеждению.

В заключение хочется пожелать, чтобы о работе, проделанной Николаем Васильевичем ещё пять лет назад, о его книге узнали побольше, хотя тираж её составил всего 500 экз., что мало и для самой России, не говоря уже об Украине. Более того, в беседе с ним я узнал много больше, чем затронуто в книге, так что есть надежда, что найдутся люди, поспособствующие расширенному и дополненному изданию книги Кравчука.

А то ведь создаётся впечатление об использовании давно известного приёма: если не можешь опровергнуть или хотя бы оспорить выводы автора, то лучше замолчать его. Тут вспомнился и «принцип», изложенный несколько лет назад (и по иному поводу) в известной российской газете «Завтра»: «*В наше время самый простой способ убить героя — это лишить его доступа к информационному полю*» (А. Витухновская)! Но сила-то коммунистов, со времён В.И. Ленина, была в том, чтобы говорить правду, сколь бы неудобной для некоторых она ни была…

М. Родионов, Киев.

А теперь предоставим слово самому автору — Николаю Васильевичу Кравчуку, который популярно расскажет **о своём видении** Чернобыльской катастрофы, используя некоторые материалы из упомянутой книги [24], хотя далеко не все.

2. Замечания о предыстории проблемы

Хорошо помню, что о «какой-то аварии» в Чернобыле впервые я услышал утром 27 апреля 1986 г. в автобусе, когда ехал в Киев из села на Житомирщине, но что там взорвалось и как, никто не знал. Какую-то определённость внесло следующее сообщение ТАСС от 29 апреля: «*От Совета Министров СССР: На Чернобыльской АЭС произошла авария, повреждён один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия*».

Правда, успокоения в народ оно не внесло — многие слушали забугорные «голоса», естественно, подогревавшие панические настроения, которые и без того нарастали… Потом появлялись другие официальные сообщения, но из них трудно было представить картину происшедшего и масштабы аварии, а тем более — причины её. К тому же, когда я осенью того же года встретил В. Черноусенко, активного участника работ по ликвидации аварии, знакомого мне по работе в Институте теорфизики в Киеве, то спросил: что там случилось? На это он ответил так: *«Вряд ли при нашей жизни узнаем это точно, ибо все сведения об аварии получают гриф секретности»*. Сам я, хотя и представлял себе в общих чертах, как работает реактор, но никогда не имел касательства ни к атомной энергетике, ни к проблемам, связанным с нею. А вот «прикасалась» она ко мне несколько раз, но коротко сказать об этом не получится, ибо все детали этого процесса могли бы составить целый психологический этюд.

Здесь же отмечу только, что первое *конкретное* предложение заняться сей проблемой исходило от Нобелевского лауреата, академика РАН А.М. Прохорова. И случилось это в декабре далёкого 2001 г. в Москве, во время беседы с ним по поводу моей работы по квантовой теории (точнее — книги, результаты которой я докладывал у него в институте). Александру Михайловичу понравились некоторые мои суждения в этой области (особенно выводы, отличающиеся от общепринятых), и он предложил установить сотрудничество — для начала между определёнными группами учёных из России и Украины. В частности, Прохоров написал официальное обращение к Президенту НАНУ Б.Е. Патону (копия которого прилагается).

Но затем, в менее официальной обстановке, он предложил: «*А не заняться ли Вам проблемой Чернобыля, ибо в ней имеется немало пробелов и, хотя последнее время по-*

являются работы, противоречащие официальной версии той аварии, там определённо нужен новый взгляд на проблему в целом». Я стал возражать — мол, не являюсь специалистом, но Александр Михайлович, как оказалось, уже навёл справки обо мне и сказал: «*Вряд ли Вы, закончив кафедру "теории атомного ядра" физфака МГУ, да ещё в Дубне, при ОИЯИ, да имея научным руководителем Дмитрия Ивановича Блохинцева, моего хорошего знакомого, совсем уж ничего не знаете… А то, что не являетесь узким специалистом, как раз хорошо — проявите себя как в этой книге — нестандартно. Более того, я знаю, что упомянутые специалисты с большим скрипом отходят от привычных для них схем и представлений, да и последние 15 лет очень убедительно это доказывают! Добавлю к сему ещё и то соображение, что тогда нам было бы легче налаживать сотрудничество с вашей Академией вообще*».

Признаюсь честно — тогда я всё ж уклонился от прямого ответа, хотя, если бы академик Прохоров не скончался менее чем через месяц после нашей встречи, то вполне вероятно, что вскоре включился бы в эту проблематику. Однако после кончины Александра Михайловича (8.01.2002 г.) не получилось никакого сотрудничества вообще, а лично я именно тогда первый раз потерял работу (в Институте математики НАНУ), так что стало не до того…

О Чернобыле я вспомнил лишь в начале 2006 г. — когда в популярной на Украине газете «2000» началась дискуссия о причинах аварии. Вспомнил и те работы серьёзных учёных, о коих мне говорил покойный Александр Михайлович, и пригляделся поближе к данной теме. Очень скоро стало ясно, что в море информации о ней много неясного, а то и просто ложного, так что из лабиринта сего без «нити Ариадны» не выбраться. Сперва попытался выяснить хронологию событий, но и тут разнобой, всё в тупик попадаешь, затем нашел 4-томник «*Чернобыльская катастрофа: причины и последствия*», изданный белорусами ещё в 1993 г., и понял — ясности становится ещё меньше!

Для начала решил разобраться с *процессом разгона* реактора, используя работы московских академиков Г. Кружилина и А. Рухадзе (с соавторами), как и украинского академика Э. Соботовича. Выяснилось, что при штатном состоянии реактора и в частности — топлива (а это официально не подвергалось сомнению!) разгон его за 8–10 сек никак не мог состояться. Кстати, как до аварии, так и после её и другие реакторы попадали в сходные аварийные ситуации, но разгон-то длился десятки минут, а не секунд — значит, тут ситуация была явно нестандартной…

Вот по этому-то поводу я и высказался на международной конференции «Чернобыль + 20» (о чём подробнее написал М. Родионов), а затем в заметке в «2000», но *картины* аварии тогда у меня ещё не было, признаюсь честно. И тем не менее, вышесказанного оказалось достаточно, чтобы вскоре я потерял работу (в ИТФ НАНУ) и оказался на пенсии (в размере менее $ 40 в месяц) — кому-то «наверху» выступление не понравилось… И снова было не до Чернобыля — надо было выживать. Однако летом 2008 г. мне предложили поработать над этой проблемой в Институте геофизики НАНУ — там разрабатывалась гипотеза о влиянии некоего *локального* землетрясения на аварию. И тут уж началась настоящая серьёзная работа, так что через полгода я представил в качестве отчёта свою *картину развития взрывного процесса*, которая исключала возможное влияние землетрясения, а получалось скорее наоборот — именно взрыв мог индуцировать оное!

Тут замечу, что некоторые журналисты впоследствии приписали мне утверждение, будто это я открыл, что на ЧАЭС было 4 взрыва. Напомню, в официальной версии говорилось об одном «паровом» взрыве, и я сначала в это верил (иногда упоминали о двух). Каково же было моё удивление, когда узнал — из показаний свидетелей, приведённых в книгах Ю. Щербака и Г. Медведева, да и в других — их было **не менее трёх**, хотя чаще говорили о четырёх!

И тут зародились сомнения — почему же об этом никто официально не упоминал? Это и стало главной «фишкой» для дальнейших размышлений, особенно когда я рассматривал различные версии событий. У одних причина — «паровой взрыв», у других — взрыв «парогазовой» горючей смеси, у третьих — взрыв «ядерной мины» и т.д. и т.п. (подробнее о них сказано в [24]), так что затем именно ими авторы объясняют и разрушения, наблюдаемые на 4-м блоке.

Потому, если пытаться *прямо соединить* их в одну схему, то получается, как в том анекдоте — пострадавший выстрелил в себя четыре раза — дважды в сердце, а затем дважды — в голову, притом каждая рана была смертельной! Но и отмахнуться от показаний свидетелей тоже нельзя, тем более что о первых «взрывах» они говорили чаще как об «ударах», а не взрывах — почему?

Были и другие несогласованности, и тут очень важными для меня оказались показания опытного реакторщика Ю. Трегуба, начальника предыдущей смены, очень живо описавшего цепочку событий с «внутренней» точки зрения, т.к. он всё время находился у пульта управления 4-м блоком. Подчеркну, что всё это было изложено в книге Ю. Щербака, а затем повторялось и в других источниках.

Второй толчок дали показания опытного турбиниста Р. Давлетбаева, бывшего там же, хотя привёл он их только через 10 лет в юбилейном сборнике (до того они были засекречены — ранее он отказывался о них говорить Ю. Щербаку, в частности)! Были существенные наблюдения и у других свидетелей, и все они взяты из открытой литературы, в том числе из толстой книги Н. Карпана «Чернобыль: месть мирного атома» (которую я приобрёл перед самым Новым 2010-м годом у его дочери).

Это сотрудник ЧАЭС из научной физлаборатории, наблюдавший всё *прямо на месте*, но лишь с утра 26 апреля. Правда, важные сведения он до сих пор «выдаёт» понемногу, небольшими порциями… При этом ни с ним, ни с кем другим из свидетелей и сотрудников я *лично не встречался* и не говорил — впрочем, они и не настроены на какие-либо дискуссии и разговоры, к сожалению. Так что я вовсе не открывал упомянутых «взрывов», а просто *объяснил их* в одной картине аварии.

Но прежде, чем перейти к более подробному изложению результатов книги, отмечу — случилось так, что предложение написать данную статью поступило мне ровно *через три года* после завершения её. Я хорошо помню, как тогда с облегчением положил готовый текст в папку, полагая, что никогда больше не вернусь к этой теме — в ней для меня всегда было что-то отталкивающее, возможно, потому, что никогда не встречал столько недоговорённостей, умолчаний, а то и просто брехни, как выразился уважаемый проф. Родионов. Причём я увидел это с самого начала, когда некий «внешний импульс» побудил меня приступить к проблематике Чернобыльской катастрофы. Признаюсь, что шла работа без вдохновения — как будто чувствовал, что навлекаю на себя разного рода неприятности.

Впрочем, и потом я занимался ею лишь эпизодически, но, в конце концов, придумал для себя стимул — рассмотреть всю эту проблематику как *логическую* загадку-паззл, с тем, чтобы всякий мыслящий человек мог сложить этот паззл из частей, которые я подготовил и выделил жирным шрифтом, что заметил и М. Родионов. И я посчитал, что это удалось, ибо толковые люди в основном разобрались в аргументации и даже иногда дополняли её, правда, не всегда удачно…

Учитывая всё это, начну всё ж из рассуждений общего характера о своём видении *истории вопроса* — в частности, о том, как, когда и почему возникла идея «*атомной электрификации* всей страны». Но для этого придётся изложить и предысторию, в которой есть любопытные моменты, в том числе и личностного характера. Так, обращаясь к прошлому, я попытался понять, почему решил поступать после школы именно на физический факультет МГУ, притом решил в последний момент? Тем более, что за год до того ещё лелеял детскую мечту о небе — хотел быть лётчиком, а весной 1961 г. и полёт Ю. Гагарина оказался перед глазами! Но как раз глаза меня и подвели в этом — не прошёл я потребную медкомиссию именно из-за них. В результате оказался-таки на физфаке, и это был наилучший для меня выбор, хотя осознал это лишь много позже. Видимо, судьба вела меня именно туда.

Но был ещё и ореол вокруг физики, сложившийся именно в 1950-е гг., были соответствующие книги (в основном **научная** фантастика) и фильмы… В свою очередь, всё это было следствием большого проекта, как теперь понимаю — проекта *Большой Науки*, который недавно описал журнал «Знание-сила», возникшего параллельно и на Западе, и в Союзе. А базой его и там, и тут был Атомный проект, из коего позже вышла атомная энергетика, как и люди, начинавшие её. Можно даже сказать, что последняя была зеркальным отражением Атомного проекта, но зеркало-то оказалось «кривоватым»…

Ныне известна история проекта — как он начинался, известны основные его герои и действующие лица. Меньше известно, сколько усилий и средств на него пошло, но ясно, что в десятки раз больше, чем тратилось на всю советскую науку до войны и во время её. Это одно обстоятельство, но не менее важно и другое — резко повысился статус учёного вообще, а особенно учёного-естественника, прежде всего — физика.

Тем более что считалось — ныне ученые-то свои, т.е. в большинстве имеют рабоче-крестьянское происхождение и поддерживают «линию партии», а если и колеблются, то вместе с «линией»… Тем же из них, кто был прямо связан с «атомными делами», оказывалось предпочтение во многих практических аспектах, как правило — им легче было защитить диссертацию (тем более — по закрытым темам), проще и быстрее стать академиком и т.д. и т.п.

Но затем, по достижении определённого рубежа — овладения атомным оружием, а затем и термоядерным, да новыми средствами его доставки — наступило некоторое охлаждение, наметилось «перенасыщение» кадрами упомянутого проекта, особенно после хрущёвских «мирных инициатив». И руководители *Большой Науки* стали искать и предлагать новые направления исследований (не менее «важные», чем прежние), а одним из главных стала атомная энергетика — имею в виду не только АЭС, но и атомное судостроение и т.п. — я ещё помню проекты «атомных паровозов»! Но были не только прожекты, а и конкретные дела, начатые ещё

при И.В. Сталине — так, первую гражданскую АЭС в Обнинске начали строить в 1951 г., а в эксплуатацию ввели в 1954 г., хотя мощность она имела всего 5 МВт.

Отмечу, что одним из руководителей там был известный физик Д.И. Блохинцев, с которым я сблизился 12 годами позже — именно он сагитировал меня пойти на его кафедру (теории атомного ядра), находившуюся в Дубне, известном тогда ядерном центре, первым директором которого тоже был он. Правда, задачи, которые мне предложил Дмитрий Иванович, относились к области теоретических оснований квантовой механики, а вовсе не к атомной проблематике.

А вот его детище — Обнинская АЭС — вполне успешно функционировало более полувека (поскольку делали её ответственные и понимающие толк люди!), обогревая да освещая город, показав своим примером возможности атомной энергетики. Отметим сразу, что параллельно, уже в 1952 г., был создан известный НИКИЭТ — Научно-исследовательский и конструкторский институт энергетической техники, который возглавил академик Н.А. Доллежаль. Впоследствии (в 1989 г.) он написал книгу «У истоков рукотворного мира», к которой мы ещё будем обращаться.

Таким вот образом и начал реализовываться проект *Большой Науки*, но бурное развитие его началось лишь в 1960-х гг., когда он получил поддержку руководства СССР. Позволю высказать ниже свои соображения по этому поводу. Известно, что так называемый «*Карибский кризис*» осенью 1962 г. поставил мир на грань ядерного конфликта; впрочем, и до того советскому руководству были известны вполне конкретные планы Пентагона ядерной войны против СССР (который разрабатывал их ещё с середины 1945 г.!). К моменту же упомянутого кризиса оказалось, что ядерный арсенал США составлял около двух с половиной тысяч боезарядов — т.е в 17 больше, чем имелось у нас!

И здравомыслящим людям в нашем руководстве стало ясно, что при таких условиях говорить о «мирном соревновании» с Западом не просто сверхнаивно, а сверхглупо! Для этого нужны не красивые слова, а *реальное равновесие сил*, и в первую очередь — ядерных. Такой ответ Америке вскоре и реализовался в виде *СЯС* (стратегических ядерных сил), образуемых «ядерной» же триадой: *МБР* (межконтинентальные ракеты), *стратегические бомбардировщики* и *АПЛ* (атомные подводные лодки-ракетоносцы). Но это потребовало значительного увеличения числа ядерных боезарядов, и тут планы *Большой Науки* совпали со стратегическими интересами государства, поскольку АЭС могли давать не только электроэнергию и тепло; на них массово нарабатывался и *плутоний*, в частности — на уран-графитовых реакторах (типа РБМК).

С другой стороны, ядерное топливо для них самих в значительной мере получали на радиохимических комбинатах из отработанного на корабельных реакторах (в т.ч. и на АПЛ) топлива, так что упомянутые выше проекты были тесно увязанными друг с другом, хотя открыто об этом не говорилось. Именно поэтому в НИКИЭТ решили строить АЭС на базе двух типов реакторов — водо-водяного ВВЭР, и уран-графитового РБМК (что значит — реактор большой мощности, кипящий). ВВЭР был двухконтурным, более безопасным, но и более дорогим, а РБМК — одноконтурным, более «простым и экономичным» и более мощным.

Но *такая «простота» оказалась хуже воровства* (как обычно и бывает), что показал анализ аварии на ЧАЭС в нашей книге. Причём РБМК был значительно бо-

лее (радиационно) опасным и при штатных режимах работы его, не говоря уже об аварийных.

А ведь выбор-то был — к примеру, в 1974 г. в Чехословакии был построен тяжеловодный реактор на АЭС «А-1». Он оказался и практически безопасным, и экономичным, ибо мог работать на природном (или слабо обогащённом) уране, да имел вдобавок систему газового охлаждения. Но этим проектом СССР так и не воспользовался, ибо задачи, видимо, были иными.

Да РБМК имел, казалось бы, и явные преимущества: во-вторых (ибо о первом и главном было уже сказано), конструкция его во многом напоминала (военные) промышленные реакторы, работавшие у нас уже давно. Например, акад. Доллежаль в своей книге писал: «*При сооружении реактора* (РБМК. — *Н.К.*) *мы сможем использовать кооперативные связи между машиностроительными заводами, сложившимися ещё при изготовлении первых промышленных реакторов. И это позволит справиться с задачей за 5–6 лет*». А затем замечает, что «*американцы тратят на это 8–10 лет*», и приводит другие экономические и технические соображения. Но продолжим разговор о достоинствах РБМК.

В-третьих, вырабатываемая на нём энергия обходилась на 30–35% дешевле, чем на ВВЭР, и к тому же на них имелся механизм непрерывной замены отработавшего топлива на новое, без останова реактора, так что процесс производства электроэнергии не прерывался.

И, наконец, в-четвёртых — среди разработчиков бытовала уверенность в создании блоков всё большей мощности. Так, уже к середине 1970-х гг. появились проекты реакторов РБМК-1500, РБМК-2000, РБМК-2400 и даже РБМК-3600! Причём два реактора первого типа, с мощностью 1500 МВт, были введены в эксплуатацию на Игналинской АЭС (Литва) уже в 1984 и 1987 гг. соответственно.

Замечание 1. Кстати сказать, в те же годы не только СССР, но и, к примеру, Франция использовала отработанное в гражданских энергетических реакторах топливо после его переработки на радиохимических заводах, в частности, на заводе PU-1 комплекса «Маркуль», а затем и на PU-2 — с целью извлечения плутония. Последний затем использовался для производства ядерных боезарядов (более чистый), а также и топлива для ЯР (ядерных реакторов).

А буквально на днях МРК (Международное радио Китая) сообщило, что и Япония, обладающая тремя десятками АЭС (с 55 ЯР на них), хотя и представила отчёт в МАГАТЭ только о 640 килограммах, поставленных ей США уже давно — якобы для «исследовательских целей», имеет запасы плутония, исчисляющиеся тоннами! Так что не стоит и нам «посыпать главу пеплом»…

Я же с 1967 г. знал позицию акад. Блохинцева касательно вышеупомянутой «гигантомании» в атомной энергетике — ещё тогда он резко возражал против неё. Ибо считал, что при увеличении размеров активной зоны реактора в определённых ситуациях возникает опасность фактического разделения её на несколько зон (о чем я упоминал и в книге [24]), что и наблюдалось на практике.

Замечание 2. На практике наблюдалось и большее — к примеру, весной 1985 г. на ЧАЭС в регламент были внесены дополнения, разрешающие эксплуатацию блоков её на мощности, *превышающей проектную*, так что она иногда оказывалась даже *107% от номинальной*! Это опять же делалось якобы с благой целью роста

производства электроэнергии, так что такой рост был и *официально утверждён* в плане уже на 1986-й год.

И только после аварии эту практику прекратили, уменьшив мощность действующих РБМК до 75% от номинальной. Отметим тут же, что и время срабатывания системы управления защитой (СУЗ) с прежних 18–21 сек уменьшили до 2,5 сек, т.е. в 8 раз! Любопытно, что в России затем были сделаны и более радикальные выводы, а именно — реакторы РБМК-1000 стали заменять новыми, более безопасными МКЕР-800, с меньшей на 73% мощностью…

Для Большой же Науки все эти проекты позволяли сохранить и финансирование (!), и научные кадры, и систему их подготовки, сложившуюся в предыдущий период; правда, требовательность к ним всё время снижалась (т.е. зеркало «искривлялось»), о чём будет речь ниже. Но в масштабах государства результат был достигнут: к концу 1970-х гг. СССР достиг паритета с Западом не только по числу боеголовок, но и по «ядерной триаде». А к концу 1986 г. у СССР имелось около 140 тонн оружейного плутония, а число боеголовок достигло 45 тысяч. США же имели 500 тонн урана-235 оружейного качества ещё в 1967 г., тогда как у СССР даже к 1986 г. его было меньше.

Но хотя паритет по вооружениям, в т.ч. по СЯС, у СССР с Западом тогда имелся, у последующих руководителей нашего государства обнаружилась недостача иного компонента — мозгов (когда они начали уничтожать свой арсенал, с таким трудом накопленный). Впрочем, не только у них, но и у большинства наших сограждан, что и привело к последующим «Чернобылям» — социальному, экономическому и, наконец, — на Украине — к политическому.

Но «вернёмся к нашим баранам» и напомним динамику развития атомной энергетики, которая началась из первой — Обнинской — АЭС. Лишь через 10 лет после неё (в 1964 г.) был сдан в эксплуатацию первый блок Ново-Воронежской АЭС (уже с реактором ВВЭР-210; далее речь будет идти только о *первых* блоках соответствующих АЭС, указывая тип ЯР его, и срок сдачи в эксплуатацию, не говоря о последующих блоках этой АЭС).

За ней последовали Кольская АЭС (ВВЭР-440, 1973 г.) и небольшая Билибинская АЭС, сданная в начале 1974 г. А практически одновременно с ней — 1-й блок Ленинградской АЭС, оснащённый уже (новым) реактором РБМК-1000; через два года были сданы Курская АЭС, с таким же РБМК-1000, и Армянская АЭС, но с реактором ВВЭР-440.

В следующем 1977 г. был введен в эксплуатацию 1-й блок интересующей нас здесь ЧАЭС, первой на Украине, — всё с тем же РБМК-1000, но подробнее о ней будем говорить ниже, а сейчас перечислим другие АЭС, вводившиеся именно на Украине.

За ЧАЭС последовала Ровенская АЭС (ВВЭР-440, 1980 г.), ныне имеет она четыре блока; далее — Южно-Украинская АЭС (ВВЭР-1000, 1982 г.), ныне три таких же блока. За ней последовали Запорожская АЭС (ВВЭР-1000, 1984 г.), ныне там работают шесть однотипных блоков, и Хмельницкая АЭС (два ВВЭР-1000, 1987 г. и 2004 г.). И как бы нынче на Украине ни ругали атомную энергетику, но именно она, а не только российский газ, обеспечила и обеспечивает до сих пор «энергетическую независимость» её… Следующая тема — более подробное рассмотрение истории этой злополучной ЧАЭС.

3. Подробнее о ЧАЭС

Решение построить так называемую *Центрально-Украинскую* АЭС (первую на Украине) появилось в середине 1960-х гг., и стоит отметить, что строить её сперва планировали на реке Рось, вблизи города Белая Церковь, недалеко от Киева. Но затем эта речка была признана недостаточно водной, и 15.04.1966 г. на заседании Техсовета Минэнерго СССР место строительства определили вблизи села Копачи Чернобыльского района, у реки Припять (т.е. в полтора раза дальше от Киева). А в начале следующего 1967 г. совместным постановлением ЦК КПУ и Совмина УССР планируемую АЭС назвали *Чернобыльской.*

В октябре того же года был утверждён Технический проект реактора нового типа РБМК-1000, который уже строился под Ленинградом. Касательно станции в целом, приказом Минэнерго СССР в 1971 г. генеральным проектировщиком её был утвержден известный НИИ «Гидропроект» им. С.Я. Жука (г. Москва), который разработал и рабочие чертежи. При этом проектом была увеличена мощность ЧАЭС до 4 МВт (т.е. число блоков возрастало до 4). Тогда же и начали строить одновременно 1-й блок и город энергетиков Припять, причём это строительство было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

В результате «ударной» работы уже 1.08.77 г. была начата загрузка ядерного топлива в этот блок, так что и этот, и следующие за ним этапы осуществлялись с заметным *опережением* технологического графика — с тем, чтобы ЧАЭС дала первый ток к 60-й годовщине Октябрьской революции. Более того — это произошло на пять дней раньше… Стоит отметить, что и физический пуск, и связанные с этим эксперименты тоже осуществлялись (хотя и не все!) с подобным опережением графика. А 24.05.78 г. 1-й блок достиг уже проектной мощности 1000 МВт, т.е. *на два месяца раньше* технологически запланированного срока.

Точно так же шла работа по строительству 2-го блока — запущен 21.04.78 г. и 3-го — запущен 03.12.81 г. Так и 4-го — 31.12.83 г. он начал выдавать электроэнергию, а к 1 января 1986 г. был осуществлён весь проектный замысел — мощность всех 4-х блоков АЭС превысила 4 миллиона КВт; на самом деле она бывала и большей, как увидим в дальнейшем… Более того — рядом с этими блоками строились 5-й и 6-й блоки-миллионнники, причём строители стремились ввести в действие 5-й к концу 1986 г., но не получилось.

Мы не случайно указывали сроки сдачи этих сложнейших объектов, причем с вводом очередного блока сроки обычно сокращались. Особенно показательны они для блоков № 3 и № 4 — точно перед Новым годом! — дабы отрапортовать и получить премию за перевыполнение плана. На деле всё это означало штурмовщину и пренебрежение технологическими нормами — они исполнялись на тяп-ляп, а важные предпусковые эксперименты так просто откладывали «на потом»…

В качестве примера приведем выписку из решения суда над виновниками аварии на ЧАЭС (1987 г.): «*31.12.1983 г., несмотря на то, что на четвёртом энергоблоке не были проведены необходимые испытания, Брюханов подписал акт о приёмке в эксплуатацию пускового комплекса на блоке как энергоблока в опытную эксплуатацию*» (из [4], с. 371).

Что же касается персонала, то к тому времени все АЭС в СССР были переданы из Среднемаша в Минэнерго, что повлекло за собой много отрицательного — уменьшилась требовательность к кадрам, ослаб режим безопасности. Но вот финансирование сохранилось, так что зарплата директора АЭС, да и персонала в разы превышала зарплату на тепловых электростанциях, к примеру. Так, директор АЭС получал 1100–1200 рублей в месяц, что почти равнялось министерской зарплате, и даже заместитель главного инженера имел около 800 рублей! Да и рядовой сотрудник АЭС получал 300 рублей и выше, т.е. больше старшего научного сотрудника в столичном НИИ. Кроме того, постоянно давались премии за превышение плановых показателей: К примеру, за ту ночь на 26 апреля «*испытателям была обещана премия по 400 рублей каждому за успешное окончание испытаний. По тем временам это была крупная сумма, сравнимая с нынешними украинскими 20 тысячами гривен, и с российскими 75–100 тысяч рублей*», пишет Б. Горбачев ([25], с. 473) — сведущий в этих делах человек)…

Но в то же время росло и число *аварийных ситуаций* — так, на 1-м блоке ЧАЭС 9 сентября 1982 г. произошла серьёзная авария, кратко описанная в [24], причём тут практически повторилась ситуация, которая случилась на Ленинградской АЭС ещё в 1975 г. И не зря позже атомщик проф. Б. Дубовский сказал, что аварию на Ленинградской АЭС 1975 г., как и таковую на ЧАЭС 1982 г., следует рассматривать, «*как репетицию аварии 26 апреля 1986 г. на ЧАЭС*» ([25], с. 352–353). Кстати, точно так же выразился председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков на заседании Политбюро после Чернобыльской аварии ([16])!

Впрочем, на одной ЧАЭС в период 1983–1985 гг. произошло 5 серьёзных аварий и 63 отказа основного оборудования, сопровождавшихся большим материальным ущербом, по данным генерала КГБ Ю.В. Петрова (в интервью 1998 г.; см. [25]). Но при всем этом коллективу постоянно шли премии, и более того — директора АЭС Брюханова собрались награждать орденом Ленина!

Замечание 3. Что же касается атмосферы, царившей среди коллектива станции, то ещё в [4] отмечалось свидетельство журналистки припятской газеты «Трибуна энергетика» Л. Ковалевской о моральном «климате», сложившемся на ЧАЭС задолго до аварии: «*Я считаю, что одной из причин аварии на ЧАЭС была ненормальная обстановка, сложившаяся там. “Случайный” человек туда попасть не мог. Даже будь он семи пядей во лбу, специалист класснейший. Потому что в дирекции работали целые династии, семейственность процветала… Там высокая зарплата, они*

получали за вредность… Друзья, знакомые. Если одного критикуют — все сразу кидаются его защищать, не разбираясь даже в сути.

Если провинится простой рабочий — его накажут. Но если администрация, верхушка — им всё сходит… Это было как государство в государстве» (с. 28).

Более того, всё это в полной мере касалось трудовой и технологической дисциплины; так, приводится пример, когда в зале управления реактором «*можно было видеть человека, сидящего на щите управления. Там, где кнопочки, рычажки*»! (там же, с. 29). Кроме того — все там знали также, что «*были там и остановки по вине персонала. Были и "свищи" в паропроводах,… к этому так относились: "Ну свистит, ну и бог с ним!"*» (там же).

Но пар-то ведь был радиоактивным!

Об этом Л. Ковалевская писала в газете ещё **до** аварии. Однако и потом, когда Ю. Щербак сообщает о своей встрече вместе с ней, с ветеранами ЧАЭС уже осенью 1987 г., то большинство из них выступали с «*яростным неприятием… Ковалевской не простили горькую правду! Из-за того, что она СВОЯ и посмела рассказать всему миру неприглядную истину…*» (там же, с. 31).

Замечу также, что когда я попытался пару лет назад связаться с Л. Ковалевской, членом Союза журналистов Украины, то мне там сообщили, что живёт она нынче в Канаде, у дочери, — здесь она не смогла жить…

Кстати сказать, практически о том же говорил и новый директор ЧАЭС М. Уманец на оперативном совещании 23 февраля 1988 г.: «*У нас на станции внедряется круговая порука*», и приводит конкретные примеры этого (см. [17], с. 96). Хотя она, как мы видели, была там изначально!

4. Поиски деталей «паззла»

При более внимательном рассмотрении различных вариантов и версий событий на ЧАЭС выяснилось, что большинство (серьёзных) исследователей прямо-таки «зациклились» на анализе *хронологии событий*, впрочем, оно и понятно, почему. Действительно — это самый простой способ определить «критические точки», т.е. те моменты, в которых проявляют себя новые обстоятельства, начинаются (или заканчиваются) определённые процессы, связанные с состоянием всего блока, или, по крайней мере — реактора, точнее, его активной зоны. При этом приводятся аргументы типа того, что моменты эти зафиксированы машиной, а машина ведь не ошибается, в отличие от человека с его субъективными ощущениями, в т.ч. и с чувством времени.

Однако ещё в серьёзном белорусском сборнике [5], изданном через семь лет после аварии, констатировалось, что «*в среде специалистов вопрос возникновения и протекания аварии не считается окончательно решённым*» (с. 66)! И объясняется это тем, что «***хронология событий развития аварии в период с 01 часа 23 минут 04 секунды до разрушения реактора в 1 час 24 минуты имеет существенные пробелы и противоречия**, обусловленные недостатками систем регистрации в условиях быстро протекающих процессов*» (там же). Заметим сразу же, что, согласно официальным данным, **разрушение** реактора произошло не позднее, чем в 23 минуты 49 секунд (см. [16]), но не исключено, что и раньше, в 23 минуты 40–41 секунду, по «*хронологии Б. Горбачева*».

Официальную хронологию детально расписал Н. Карпан в своей первой книге [16], опираясь на наличие якобы новых данных (полученных из показаний приборов и т.п.). Касательно этих данных, чуть ниже приведём показания В. Жильцова, специалиста по расшифровке информации по работе АЭС, — из книги Ю. Щербака [4]. А сейчас отметим, что тот же Н. Карпан в последней своей книге [17] уже открыто говорит «*о фальсификациях, т.е. переписывании документов о катастрофе*» — по меньшей мере, относительно действий пожарников, как и документов штаба гражданской обороны (с. 14 в [17]).

Касаясь же возможности фальсификаций и других документов, приведём свидетельства В. Жильцова из [4], точнее, выдержки из них. Он занимался расшифров-

кой информации с «*некоего подобия "чёрного ящика" — одной из программ под кодовым названием ДРЕГ (диагностика и регистрация) на штатной информационно-вычислительной машине "СКАЛА". Она частично выполняет функцию "чёрного ящика". Для нас это был единственный объективный источник информации, который позволил привязать события ко времени, расставить их в последовательности, сопоставить с данными, почерпнутыми из оперативных записей в журналах, из объяснительных записок персонала и личных бесед с участниками аварии.*

Эта бесценная информация сохранилась в виде двух бобин магнитной плёнки… Одна бобина содержала записи диагностики и регистрации параметров как раз в предаварийный период и в процессе аварии, а вторая — последние расчётные программы, расшифровка которых позволила нам достаточно объективно восстановить картину возникновения и развития аварии.

Первую расшифровку записей мы проводили… в лагере "Сказочный" (куда попали 29 апреля после обеда. — *Н.К.*)… *Она была распечатана на "СКАЛЕ" в 1-м блоке ЧАЭС… Ещё раз перепроверили все эти записи, уточнили и продолжили расшифровку. А за оперативными журналами пришлось съездить на станцию, потому что* ***сначала нам было предоставлено только несколько журналов. Многих очень важных журналов не хватало****. Таких поездок за журналами было несколько.*

Мы отрабатывали шесть различных версий — в том числе самых крайних… Беседовали с персоналом, они писали объяснительные…, но порою в них содержались несколько противоречивые сведения. Одному… показалось, что ***взрыв произошёл со стороны машзала — он так услышал****. Другой утверждал, что взрыв раздался где-то в подреакторном пространстве. Третьему показалось — и это подтвердили ещё несколько человек, — что было* ***два взрыва в районе центрального зала.*** *Это совпало с мнением работников станции, которые случайно были на седьмом этаже в АБК-2 и не только слышали взрывы, но и ВИДЕЛИ ВСЁ ЭТО*» (обо всём этом подробнее см. [4], с. 182–183).

Кстати, Жильцов утверждает, что даже **программу выбега нашли не сразу** (! — *Н.К.*), а также отмечает: «*примерно 1–2 мая картина стала проясняться. Из 6 рабочих гипотез, принятых сначала, осталась одна. И после этого наше представление практически не менялось. Оно просто уточнялось. К 5 мая у нас уже была совершенно определённая версия*» (там же, с. 185).

Потому естественно, что «*7 мая я возвратился в Москву. Дальше наша работа продолжалась уже в Москве. Все материалы были переправлены с нами. Несколько мешков документов, журналов, магнитные ленты — всё, что было у нас под рукой*» (там же, с. 185–186). Ну а дальше Жильцов пишет об уточнениях и т.п., но одно ясно — **все документы были уже в Москве**, так что понятно, как академик Г. Кружилин мог пользоваться ими.

А вот насчёт того, что и Н. Карпан сумел найти *новые документы* и выстроить ([16]) свою версию аварии, то тут есть определённые сомнения, но об этом ещё будет речь. Суть версии Н. Карпана состоит в том, что *виноват во всём реактор, его конструкция, но никак уж не персонал*! При этом доказательства понять непросто — они как раз и идут «*расчётным путём из упрощённых моделей*» (причём различных таковых), говоря словами того же В. Жильцова (см. выше). Более того, Карпан на страницах 264–293 своей книги [16] привёл массу отступлений от требова-

ний правил и норм безопасности на АЭС, так что можно только удивляться, как такие реакторы были допущены к строительству и как они же работали **после** 1986 г.!

Замечание 4. Возможно, поэтому последний в книге [17] уже не говорит о «деталях», но даёт *новый сценарий* развития аварии (о коем речь будет идти ниже), попутно *признав наличие фальсификаций официальных документов*, что мы отмечали выше. Но более важными нам представились его показания о *свежих следах* аварии, заметно отличающиеся от других (в т.ч. и приведённых нами выше), притом в некоторых моментах настолько, что учёт их существенно меняет картину **дня и вечера 26.04.86**, к примеру.

Это были материалы из [24], а сейчас приведём новые таковые из книги [25], где упомянутый выше Б. Горбачёв критикует официальную хронологию, считая её сфальсифицированной, и защищает свою. Но из наличия фальсификаций в хронологии вытекает и изменение представлений о ходе аварии. Так, в [25] им приводится следующий любопытный факт.

Ещё в 1997 г. сотрудники НИКИЭТ обнаружили, что все рассуждения о «положительном паровом эффекте», якобы возникшем при продвижении концевиков стержней СУЗ в активную зону (о чём много и пространно говорится в толстой книге Н. Карпана [16], к примеру), превысившем величину реактивности 4b, несостоятельны. И дело в том, что реально они вошли в активную зону не более чем на 60 см и никакого влияния оказать не могли! Таким образом, все официальные версии аварии зависают в воздухе…

Более того — появляются всё новые свидетельства о фальсификациях аварийных документов, и мои подозрения, высказанные в работах [15, 24], всё больше превращаются в уверенность. Так, в [25] приведены показания следователя ГПУ (Главной прокуратуры Украины) С. Янковского: «*Мне довелось быть участником этого расследования с первых часов после аварии до направления уголовного дела в суд. Это уникальное по своему документальному содержанию уголовное дело, состоящее из 57 томов следственных документов и многих приложений, доселе лежит мёртвым грузом в архиве Верховного суда России. Многие из приложений до сих пор сильно "фонят", но зато заключают в себе убийственную по своей силе информацию. Уверен, что о большинстве документальных данных многие в Украине даже и не слышали. Дело-то было совершенно секретным, а первичные документы мы изъяли на станции незамедлительно, и* ***к вечеру 28 апреля 1986 года они были уже в Москве****. То, что потом изучали многочисленные специалисты, было в основном какими-то урезанными копиями или вообще фальсификатом*» (с. 435). Видимо, это относится и к вышеприведенным показаниям В. Жильцова, как и к воспоминаниям некоторых членов Правительственной комиссии — они явно подгонялись под официальную версию; впрочем, это как раз те, о коих я не упоминал потом в [24], как об элементах целого «паззла».

Так что я и пришёл, в конце концов, к выводу: начинать надо из *показаний свидетелей* аварии, притом не специально подобранных, что часто встречается в работах тех авторов, которые привязаны к одной версии — с целью подтвердить именно её, а имеющихся в давно опубликованных книгах, вроде [1, 4]. Начнём со свидетельств людей, оказавшихся той ночью вблизи 4-го блока — их не так много, но и не мало! Сначала — из показаний *случайных,* в общем-то, свидетелей, находив-

шихся *вовне* и видевших всё со стороны, будучи притом достаточно близко от места аварии (отмечу сразу: для меня большинство их были неизвестными ранее — до написания работ [13–15, 24]). Сперва отметим свидетельства, приведённые в [1], вот только расположим их *в порядке удаления от блока*.

1. Первыми идут свидетельства двух рыбаков — Протасова (наладчика из Харькова) и местного жителя Пустовойта, которые находились ближе всех, так как сидели «*в 240 метрах от 4-го блока, как раз напротив машзала …, на берегу подводящего канала, и ловили мальков*» (с. 60). Но скоро их идиллия была нарушена: «*они услышали* ***вначале два глухих, словно подземных, взрыва внутри блока***. *Ощутимо тряхнуло почву,* ***последовал мощный паровой*** (?! — *Н.К.*) ***взрыв****, и только* ***потом, с ослепляющим выбросом пламени, взрыв реактора с фейерверком*** *из кусков раскалённого топлива и графита. В разные стороны летели, кувыркаясь в воздухе, куски железобетона и стальных балок*» (там же). Причём рыбаки эти… преспокойно продолжили своё занятие, видели весь процесс тушения, и так до рассвета. А в результате «*рыбаки схватили по 400 рентген каждый. За ночь они загорели до черноты, будто в Сочи месяц на солнце жарились. Это и есть ядерный загар*» (там же, с. 60–61).

2. Затем, чуть далее находился второй очевидец Д.Т. Мирушенко, сторож «*в управлении Гидроэлектромонтаж, которое располагалось уже в 300 метрах от 4-го энергоблока*», который сообщил: «*Услышав первые взрывы, подбежал к окну. В это время раздался* ***последний страшный взрыв, мощный удар, похожий на звук во время преодоления звукового барьера реактивным истребителем, яркая вспышка озарила помещение****. Вздрогнули стены, задребезжали и во многих местах повылетали стёкла,* ***тряхнуло пол под ногами****. Это взорвался атомный реактор. В ночное небо взлетели столб пламени, искры, раскалённые куски чего-то*» (там же, с. 57).

А затем «***большой клубящийся чёрно-огненный шар стал подниматься в небеса****, сносимый ветром. Потом сразу же за главным взрывом начался пожар кровли машзала и деаэраторной этажерки*» (с. 58). Сам же Мирушенко оставался на посту до самого утра.

3. Да и Ю. Щербак привёл аналогичные показания Н. Бондаренко, работавшего на азотно-кислородной станции, «*где-то в 200 метрах от 4-го блока. Мы почувствовали подземный толчок, типа небольшого землетрясения, а потом, секунды через 3–4, была вспышка над зданием 4-го блока. Я как раз посредине зала находился…, повернулся, а тут как раз в окно вспышка такая — типа фотовспышки*» ([4], с. 47).

4. В [1] затем приводятся показания оператора бетоносмесительного узла ЖБК Чернобыльской АЭС И.П. Цечельской, находившейся «*на расстоянии 400 метров от 4-го энергоблока, и также услышавшей* ***взрывы — четыре удара,*** *но она осталась работать до утра*» (там же, с. 58). Т.о., внешние свидетельства практически совпадают.

5. Кроме того, Г. Медведев приводит также свидетельства пожарника, тушившего пожар на ЧАЭС (и лечившегося затем в 6-й клинике Москвы), который находился несколько далее и так описал произошедшее: «*Вдруг послышался* ***сильный выброс пара****. Мы этому не придали значения, потому что выбросы пара происходили неоднократно… Я собирался уходить отдыхать, и в это время — взрыв. Я бросился к окну, за взрывом мгновенно последовали следующие взрывы*». Таким образом, по свидетельству пожарника: «***взрывов было как минимум три. Или***

больше» ([1], с. 55), и он далее добавил: «*Я увидел* ***чёрный огненный шар, который взвился*** *над крышей машинного отделения 4-го блока*» (с. 56).

6. Подобные свидетельства приведены и Ю. Щербаком в [4]: Пожарник Л.М. Шаврай (ВПЧ-2) свидетельствует, что по тревоге выскочил на двор, и видит: «***облако такое, столб огня и облако чёрное над трубой… От самого блока — красный столб, дальше — синеобразный, а выше — гриб чёрный***. *Полтрубы закрывал. Верхнюю часть трубы. Мы в машину — скок, живо туда подъезжаем, смотрим — нету ни шара, ни облака, всё светло*» (с. 53).

7. А вот другой пожарник, Г.М. Хмель, уже из Чернобыля, вспоминает так: «*Подъехали, сразу нам видно — горит пламя.* ***Как облако*** *— пламя красное*» ([4], с. 57).

Замечание 5. Что касается свидетельств очевидцев аварии *внутри 4-го блока*, там есть много любопытного, но здесь отметим только, что и через год после аварии Р.И. Давлетбаев, зам. начальника турбинного цеха, когда к нему обратился Г. Медведев и «*попросил его рассказать, как было в ту ночь 26 апреля 1986 г., то он сказал, что ему запретили говорить о технике. Только через первый отдел*» ([1]), с. 16–162)! Однако 10 лет спустя обстоятельства изменились, видимо, так что Давлетбаев рассказал очень важные вещи, к рассмотрению которых мы вернёмся позже.

8. До сих пор приводились частные, отрывочные наблюдения, но имеется достаточно широкое и полное описание всей картины ЧАЭС сразу после аварии — тоже фактологическое, без особых интерпретаций... Его дал главный инженер ВПО Союзатомэнерго Б.Я. Прушинский, прибывший из Москвы раньше всех с группой специалистов, в которой были: заместитель начальника этого ВПО Е.И. Игнатенко, представитель института НИКИЭТ К.К. Полушкин и др. Приведём здесь элементы его свидетельств, изложенных в книге [1], потому что в них имеется панорамное видение места действия, в котором прямо-таки ощущается процесс, происходивший здесь совсем недавно:

Примерно в районе 13 часов Б. Прушинский с фотографом и К. Полушкиным на вертолёте гражданской обороны облетели АЭС, а затем зависли на высоте ~150 метров над 4-м блоком, рассмотрели его, а затем и сфотографировали. В частности, у них «*сложилось впечатление, что* ***помещение главных центробежных насосов*** **(ГЦН)** ***разрушено взрывом изнутри***. *Но сколько же было взрывов*?» (с. 101). И далее — «*стены сепараторного помещения снесены, за исключением уцелевшего огрызка со стороны центрального зала* (ЦЗ). *Между огрызком стены и завалом — зияющий чернотой прямоугольный провал в* ***шахту прочноплотного бокса*** *или в помещение верхних коммуникаций реактора. Похоже, что часть оборудования и трубопроводов выдуло взрывом оттуда.* ***То есть оттуда тоже был взрыв****, поэтому там чисто, ничего не торчит…*» (там же, с. 101–102).

И уже тогда и Прушинскому, и Полушкину стало ясно, что «*доклад Брюханова ошибочен, если не лжив. А на земле вокруг завала чёрные россыпи графитовой кладки реактора… Ведь раз графит на земле, значит… Не хотелось сознаваться себе в простой и очевидной теперь мысли: реактор разрушен*» (с. 102). Но затем приводятся и дальнейшие наблюдения; выделим некоторые из них: «*На крыше блока "В"* ***чётко видны куски графитовой кладки реактора, квадратные блоки с дырками посредине***. *Тут ошибиться невозможно — вертолёт завис на высоте каких-нибудь полторы сотни метров… Куски графита равномерно разбросаны и*

*на кровле ЦЗ 3-го энергоблока, и на кровле блока «В»… **Графит и топливо видны и на смотровых площадках венттрубы***» (там же).

Далее они увидели, что «***будто изнутри разворочена плоская крыша машзала,** торчит искорёженная арматура, порванные металлические решетки, чёрные обгорелости*» (с. 103). Потом вертолёт завис прямо над реактором и «*фотограф сделал несколько снимков*», остальные смотрели вниз, где заметили «*чёрный прямоугольник бассейна выдержки отработанного топлива. Воды в нём не видно.*

*«Топливо в бассейне расплавится» — подумал Прушинский. Реактор… Вот оно — круглое око реакторной шахты. Оно будто прищурено. **Огромное веко верхней биозащиты реактора развёрнуто и раскалено до ярко-вишневого цвета.** После фотографирования… “Отход!” — приказал Прушинский…*

“Да, ребята, это конец” — задумчиво сказал К. Полушкин».

Таким образом, картина достаточно чётко и ярко вырисовалась уже тогда, **днём 26 апреля**, оставалось лишь сделать потребные, **адекватные ситуации** выводы. Увы — их не сделали ни тогда, ни позже…

Ситуацию к вечеру 26 апреля Медведев описал коротко и выразительно, хотя и не совсем точно (ибо сам он тогда там не был): «*Примерно к 19 часам кончились все запасы воды на ЧАЭС. Насосы, с таким трудом запущенные электриками, остановились. Радиоактивность стремительно росла, разрушенный реактор продолжил изрыгать из раскалённого жерла миллионы кюри радиоактивности. В воздухе весь спектр радиоактивных изотопов, **в т.ч. плутоний, америций, кюрий***» ([1], с. 113). И действительно, с 19–20 часов 26 апреля «*разгорелся реактор*» ([4], с. 77), утверждал также и С.К. Парашин, секретарь парткома ЧАЭС. Хотя 26 апреля «*в 2.10–2.15 ночи на станции… пожара уже не было*» — утверждал он (с. 75).

А вот свидетельства Г. Шашарина ([6]), приводимые нами в [24], ныне представляются, мягко говоря, неточными, ибо не вписываются в окончательно сложившуюся в [24] картину происшедшего, потому и не приводятся здесь.

Да и вообще не будем пока говорить о последствиях аварии, а перейдём к свидетельствам *участников событий*, ощущавших их *изнутри*. Самыми информативными оказались свидетельства тех очевидцев (в основном сотрудников ЧАЭС), которые находились в момент аварии в помещениях 4-го блока или рядом с ними. Тем более что эти люди имели практический опыт и обладали обостренным «чувством времени». Автор должен признаться, что читал большинство свидетельств из [1, 4, 6] уже после того, как имел свою картину произошедшего, сложившуюся теоретически, потому наиболее важными естественно представлялись те из них, которые так или иначе согласовывались с общим видением.

Одними из самых информативных представляются показания *Ю. Трегуба*, начальника предыдущей смены 4-го блока: СИУР (старший инженер управления реактором) Л. Топтунов после падения мощности — при переходе с ЛАР (локального автоматического регулирования) на АР (автоматическое регулирование) «*стал стержни защиты вынимать, чтобы мощность удержать… **Тянул почему-то больше с 3 и 4 квадрантов***». После чего Трегуб указал ему: «*Надо равномерно вынимать*» и стал подсказывать, откуда можно вытаскивать СУЗ, а Топтунов или слушал его, «*или делал по-своему*»! После того, «*как стали на автомат при мощности 200 МВт, я ушёл от Топтунова*».

Замечание 6. Ради полноты отметим показания свидетеля *М.А. Ельшина* из [16]: «*В процессе снижения мощности СИУР не удержал блок на мощности и "уронил" его. Аппарат сильно "отравился" и СИУР его не удержал.* ***Тогда Юрий Трегуб*** (? — *Н.К.*) ***начал поднимать блок с нуля*** *(зайчик на узкопрофильном приборе "общая мощность" мелькал около нуля). В это время Леня Топтунов стоял рядом со мной. После того, как Трегуб стабилизировал мощность и* ***включил АРМ****, я ушёл к себе на рабочее место НС ЦТАИ-2. Это было* ***после часа ночи****, когда я убедился, что регулятор АРМ в работе*» (с. 346).

Но продолжим *показания Трегуба*, ибо вскоре — через 23 минуты — начался эксперимент, следующим образом: в 01 час 23 минуты 04 секунды 26 апреля 1986 г. «*была дана команда. НСБ* (начальник смены блока) *её дал. СИУТ Киршенбаум* (старший инженер управления турбиной) *Акимов отключил стопорный клапан… Мы не знали, как работает оборудование от выбега, поэтому* ***в первые секунды … появился какой-то нехороший звук****. Я думал, это* ***звук тормозящейся турбины… как если бы "Волга" на полном ходу начала тормозить и юзом бы шла. Такой звук ду-ду-ду-ду…, переходящий в грохот. Появилась вибрация здания***».

Впрочем, люди думали ещё, что «*это, наверное, ситуация выбега*». А далее он продолжает: «*БЩУ* (блочный щит управления) ***дрожал, но не как при землетрясении. Если посчитать до 10 секунд — раздавался рокот, частота колебаний падала, а мощность их росла. Затем прозвучал удар****… Удар этот был не очень — по сравнению с тем, что было потом, хотя сильный удар. Сотрясло БЩУ.*

И когда СИУТ (Киршенбаум) *крикнул "Гидроудар в деаэраторах!", я заметил, что заработала сигнализация ГПК* (главных предохранительных клапанов)*. Мелькнуло в уме: "8 клапанов… открытое состояние!".*

Я отскочил и в это время ***последовал второй удар. Вот это был очень сильный удар. Посыпалась штукатурка, всё здание заходило… свет потух****, потом восстановилось аварийное питание*». А чуть ниже уточняет: «*Открытие одного ГПК — это аварийная ситуация, а 8 ГПК — это уже было такое… что-то сверхъестественное*» ([4], с. 41–42).

Также о двух (а то и более) последовавших через несколько секунд друг за другом взрывах говорили С. Газин (СИУТ из предыдущей смены) и Ю. Бадаев (работавший на вычислительном комплексе «Скала»): Когда СИУР «*нажал кнопку полного погашения реактора, буквально через 15 секунд* (?! — *Н.К.*) *— резкий толчок, и ещё через несколько секунд — толчок более мощный. Гаснет свет и отключается наша машина*» (там же, с. 45). В других публикациях говорится и о не менее чем о четырёх взрывах, заметим. Упомянутые обстоятельства выделял позднее и эксперт следственной комиссии В. Жильцов (см. там же, с.183), начальник лаборатории ВНИИАЭС (Всесоюзного научно-исследовательского института АЭС).

Далее приведу свидетельство одного из главных участников тех событий — зам. главного инженера станции А. Дятлова, который по сути и командовал сменой. Он был знающим технику специалистом, и потому стоит отметить, как он представлял себе ситуацию на 4-м блоке сразу после взрыва: «*разорвались технологические каналы* (ТК), *в результате чего в реакторном пространстве* (РП) *поднялось давление и* ***оторвало 2-х-тысячетонную конструкцию, пар устремился в зал и разрушил здание*** (?! — *Н.К.*)***, верхняя конструкция после этого "села" на***

место. Что-то её подбросило, и она стала на ребро *— до этого я не додумался, да дела это и не меняло*» (там же, с. 338). Оказывается, очень даже меняло, как увидим позднее!

Несмотря на такое понимание ситуации, которое Дятлов якобы сообщил директору ЧАЭС Брюханову, выше эта информация почему-то не пошла, хотя на рассвете 26 апреля стало видно, что «*взрыв полностью снёс крышу, западную стенку центрального зала, развалил стену в районе машзала*», согласно показаниям Н. Карпана, замначальника ядерно-физической лаборатории ЧАЭС. Но и эта информация, по его свидетельству, «*оседала в бункере на уровне директора и главного инженера… и её не пропускали дальше*» ([4], с. 79–81).

Стоит привести и размышления Г. Медведева о том, как он видел развитие ситуации: «*В ряде режимов эксплуатации ЯР возникает необходимость переключать или отключать управление локальными группами (СУЗов).*

При отключении одной из таких локальных систем (интересно бы указать, какой именно! *— Н.К.*) *Л. Топтунов не смог устранить появившийся дисбаланс в системе регулирования… В результате мощность ЯР упала до величины ниже 30 МВт тепловых. Началось отравление реактора продуктами распада. Это было началом конца*» ([1], с. 34). Таким образом, было ясно, что «*реактор отравляется, надо или немедленно поднять мощность, или ждать сутки, пока он разотравится*» (там же, с. 36). Но тут Дятлов потребовал поднять мощность, и «*только к 1 часу 00 минутам 26 апреля 1986 года её удалось стабилизировать на уровне 200 МВт тепловых*» (с. 37). Но как это было сделано? «*Чтобы компенсировать отравление,* ***придётся подвыдернуть ещё пять-семь стержней из группы запаса…*** *Может, проскочу…» — рассказал Л. Топтунов в припятской медсанчасти незадолго до отправления в Москву*» ([1], с. 37).

А чуть ниже Медведев пишет: «*Реактор стал малоуправляемым из-за того, что Топтунов, выходя из “йодной ямы”,* ***извлёк несколько стержней из группы неприкосновенного запаса***» (с. 38)! А затем резюмирует: «*То есть способность реактора к разгону превышала теперь способность имеющихся защит заглушить аппарат. И всё же испытания решено было продолжить… До взрыва оставалось 24 минуты*». Отметим тут же, что на самом деле были извлечены все, кроме 1–2, стержни из той «группы неприкосновенного запаса», как аргументируется в книге [1]!

Таковы показания и размышления участников событий, сделанные ими по горячим (буквально) следам событий. Сюда следовало бы добавить и показания учёных, показавших отсутствие ядерных реакций в реакторе уже с конца первой декады мая (о чём см. там же), но об этом позже. Ну а потом было официальное заявление со своей версией произошедшего, и надо сказать — достаточно близкое к реальной картине, но явно **неполное**.

Впрочем, кое-какие новые обстоятельства, проливающие новый свет на происходившее, отмечались уже на судебном заседании (увы, закрытом!), где несколько человек засвидетельствовали, что той ночью 26.04.1986 г. аварии предшествовало не только электротехническое испытание, но ещё и другое — **измерение вибрации на ТГ-8, который работал с неисправным подшипником № 12 более двух лет**, хотя об этом было известно многим!

Об этом обстоятельстве до сих пор явно не упоминается в большинстве работ, но почему? И коль уж упомянуто о суде, то стоит привести и некоторые другие, существенные, на наш взгляд, обстоятельства, связанные с изложенным выше.

Замечание 7. В связи с этим представляется уместным, следуя «подсказке» С. Залыгина (см. Вступительное слово), различать *причины* и *причинные обстоятельства*. Так, будем понимать под *причиной* обстоятельство, которое влечет за собой некое действие, прямо влияющее на ход событий, тогда как под *причинным обстоятельством* — таковое, которое *может способствовать*, хотя бы и косвенно, определённому действию или явлению. Таким образом, хотя роли тех и других, в общем-то, различны, в реальности же грань между ними является довольно зыбкой, в чём мы убедимся и на примере рассматриваемых здесь последовательностей событий. Потому при анализе всех причин и причинных обстоятельств той аварии следует учитывать и это, так что доверять, по нашему убеждению, следует в первую очередь точным *теоретическим построениям*, а уж потом субъективным интерпретациям, которые наличествуют в приводимых выше свидетельствах, как уже наверняка заметил внимательный читатель.

В моей книге [24] отмечен ряд обстоятельств, которые *ни в одной* из версий не привлекали достаточного внимания, хотя и отмечались на судебных заседаниях; некоторые приведём здесь (за деталями отсылаем к самой книге). Так, широкой общественности малоизвестно, что эксперимент с выбегом был тогда не единственным — были ещё и так называемые *вибрационные испытания*. На суде помощник прокурора задал старшему инженеру АЭС Фомину следующие вопросы:

«*Вам было достоверно известно, что* ***вибрационные испытания проводились одновременно с выбегом****?*

Фомин: *Я не предполагал.*

Помощник прокурора: *Совместимы ли два этих испытания?*

Фомин: ***Не совместимы. Они требуют разных режимов работы ТГ****.*

Помощник прокурора: *А Вам известно, что* ***это одна из причин аварии****?*» ([17], с. 136). А затем выяснилось, что **ни директор ЧАЭС Брюханов, ни другие руководители якобы не знали о «выбеге»!**

Свидетель Давлетбаев показал, что представителям Харьковского турбинного завода «*хотелось сделать замеры вибрации во время испытаний на выбег. Дятлов разрешил*» (там же, с. 181).

Но затем свидетель Метленко (электрик) заявил: «*Вначале были закончены испытания по вибрациям*»; на вопрос председателя суда он ответил, что это мешало его программе. «*В 1 ч. 23 мин. приступили к работе над программой,… при около 2500 оборотах ТГ-8 Акимов дал команду СИУРу глушить реактор. Через несколько секунд раздался взрыв. По моему мнению, это был мощный, продолжительный гидроудар*» (в [17], с. 171).

Однако в книге [16] приведены и материалы **предварительного** следствия, где на первом допросе тот же Метленко существенно уточнил этот момент — после того, как Акимов дал команду, «***примерно через 20 сек на оборотах 2400 произошел взрыв***».

На втором допросе добавил, что «***выбег длился порядка 40 сек, а потом произошел сбой***». На третьем же он уточнил: «***Когда обороты турбины снизились до 2100 оборотов, а частота соответственно до 35 Гц, напряжение 0,7 номи-***

нального, я услышал раскатистый гром, как бывает при гидроударах. Звук шёл со стороны машзала. Началась сильная вибрация здания. С потолка посыпался мусор. Было впечатление, что БЩУ разрушается» ([16], с. 351).

Дятлов же показал: «*Метленко отключил ТГ* ***после*** *первого удара*» (там же, с. 154). Свидетель Орленко (электроцех) показал: «*Я наблюдал за амперметром. Заметил, как снижалась частота тока и упала. Где-то* ***через 30 сек началась вибрация***» (там же, с. 181).

Тот же Метленко на вопрос помощника прокурора о *тревожных ситуациях* на БЩУ (большом щите управления) отметил: «*Да, что-то было в 00 ч. 28 мин*.» (это был провал мощности до нуля, по показаниям приборов — *Н.К*.). *Ещё* ***такие моменты были: «… например, при виброиспытаниях***» ([17], с. 473). Это подтвердил и свидетель Г. Лысюк (там же, с. 478).

Замечание 8. Чтобы суммировать ситуацию с этими испытаниями, приведём весьма существенные свидетельства Р. Давлетбаева, который уже упоминался. Он дал — через 10 лет после аварии (!) — показания в статье в [7]: «*К утру 25 апреля работы по ТГ-7 были закончены, после чего он был отключён от сети. По ТГ-8 оставалось выполнить замеры вибрации в процессе его разгрузки и отключить его от сети. Особенно тщательно предстояло замерить* ***вибрацию подшипника № 12 ТГ-8****…*

После пуска блока выявился серьёзный конструкционный недостаток: подшипник работал с повышенной виброскоростью,… и уменьшить вибрацию до величин, допускаемых ГОСТ, не удалось*…*

Между тем вибрация привела к усталостной трещине сварки маслопровода подшипника, *в результате чего появилась пожароопасная течь масла, временно ликвидированная работниками цеха...*

Именно поэтому на испытаниях присутствовали работники ХТЗ (Харьковского турбинного завода) — ***для замера вибрации турбин*** *с помощью специальной аппаратуры на базе автомобиля, т.е. чтобы провести тщательные замеры вибрационных параметров подшипника генератора ТГ-8*» (с. 368–369).

Возвращаясь к показаниям Давлетбаева, далее он, под конец программы испытаний, «*наблюдал по тахометру за оборотами ТГ-8. Как и следовало ожидать,* ***обороты быстро падали за счёт электродинамического торможения генератора****… Когда обороты ТГ снизились до значения, предусмотренного программой испытаний, генератор развозбудился, т.е. блок выбега отработал правильно, прозвучала команда Акимова заглушить реактор, что и было выполнено СИУРом*» (с. 370).

Однако после этого очень скоро «*послышался гул… **Сильно шатнуло пол и стены**, с потолка посыпалась пыль и мелкая крошка**…, затем сразу же раздался громовой удар, сопровождавшийся громоподобными раскатами.** Освещение появилось вновь…*» ([7], с. 371). –

Замечание 9. Любопытными представляются и весьма откровенные размышления И. Казачкова (НСБ), приведённые Ю. Щербаком: «*Почему ни я, ни мои коллеги не заглушили реактор, когда уменьшилось количество защитных стержней?* ***Да потому, что никто из нас не представлял, что это чревато ядерной аварией****. Мы знали, что делать этого нельзя, но не думали…*

Никто не верил в опасность ядерной аварии, никто нам об этом не говорил*. Прецедентов не было. Я работаю на АЭС с 1974 года и видел здесь гораздо более*

жестокие режимы… Я так скажу: ***у нас неоднократно было менее допустимого количества стержней — и ничего. Ничего не взрывалось, всё нормально проходило***» ([4], с. 366). А вот что он заметил о СИУРе Л. Топтунове: «*Он ведь четыре месяца только СИУРом работал, и* ***за это время ни разу не снижали мощность***» (с. 367). Так разве можно было ставить его на время испытаний?!

А под конец Казачков выразил типичную, общую для всех сотрудников ЧАЭС, позицию, весьма напоминающую «мантру»: «*Рано или поздно такой аппарат должен был взорваться… Всё дело в недостатках самого реактора РБМК. Нигде в мире такие реакторы не строят*» (там же, с. 367–368). И этим обычно заканчивались все показания… А вот В. Жильцов сделал ([4]) весьма интересные наблюдения касательно работы всей атомной отрасли, по сути: «*До сих пор (до аварии) всё тщательно измерялось и проверялось только в начальный период на "свежей" зоне в период физического пуска реактора. Исходная, "нулевая" точка всегда была надежной. Но что происходило с реактором в процессе его работы — тем более что каждый реактор работал и вёл себя по-разному — никто ничего не знал* (! — *Н.К.*). ***Либо довольствовался тем минимумом знаний, который удавалось получить расчётным путем по упрощённым моделям****. Проведение же каких-либо экспериментов с целью уточнения физических характеристик реактора в процессе работы категорически пресекалось, поскольку это шло в ущерб плану по выработке электроэнергии*» (с. 379) — вот так и «доработались», в конце концов, до аварии!

Теперь приведём наблюдения о том, что было **после аварии**. Сначала отрывки из позднейших свидетельств Б. Прушинского, приведённых в [1]: «*Четвёртого мая вылетел на вертолёте к реактору вместе с акад. Велиховым. Внимательно осмотрев с воздуха разрушенный энергоблок, Велихов озабоченно сказал: "Трудно понять, как укротить реактор…". Это было сказано после того, как ядерное жерло было уже засыпано 5 тысячами тонн различных материалов…*» (с. 129).

Далее (на стр. 139) Медведев опять цитирует того же Велихова, сказавшего (уже 7 мая) министру А.И. Майорцу следующее: «*Чернобыльский взрыв хуже Хиросимы. Там была одна бомба, а здесь радиоактивных веществ выброшено в 10 раз больше. И* ***плюс ещё полтонны плутония***»! Но адекватных выводов снова не последовало. Хотя как раз под 7 мая Медведев отмечал: «*В Чернобыле временами резко возрастает активность воздуха.* ***Плутоний, трансураны*** *и прочее*» (с. 131). И даже «***2 июня…*** *реактор выплюнул из-под наваленных на него мешков с песком и карбидом бора очередную порцию ядерной грязи*»!

Уместно привести замечания и ликвидаторов, тоже квалифицированных специалистов-ядерщиков, в которых высказаны любопытные предположения, не рассматриваемые в официальных версиях событий.

Замечание 10. Уже позже, в 1988 г., исходя из результатов детального обследования состояния 4-го блока, И. Камбулов (начальник экспедиции Курчатовского института) без экивоков выразился так: «*Размеры каньона, в котором расположена реакторная шахта, 24′24 метра… Мы сами были в плену представлений об объёме топлива* (остававшегося в реакторе. — *Н.К.*). *И когда вошли в шахту и не обнаружили в ней ничего выше 24-й отметки — это была мировая сенсация: только на нижних отметках порядка 3–4 м, у самого основания реактора что-то сохранилось. Какая-то каша. А выше — одна "Елена". Всё остальное пусто.*

Графит частично вылетел, частично сгорел. Частично остался — там ещё лежали блоки. По-видимому, ***был локальный взрыв — может быть, и не один —*** *когда произошло расплавление, своего рода микрокотел*» (в книге [4], на с. 441).

Замечание 11. А теперь считаем нужным привести также мнение Ю. Самойленко (позднее гендиректор ГПО «Спецатом» в Припяти): «*Если чётко говорить,* ***то реактор разгорелся почти через сутки после аварии — к 23 часам 26 апреля. И закончил он гореть к шести часам утра***», т.е. горел 7 часов. Хотя по версии Н. Карпана из [17], процесс этот шёл где-то с 19–20 часов 26 апреля, а закончился к 4 часам утра 27-го, т.е. реактор горел около 8 часов.

И Ю. Самойленко объясняет это так: «*Аппарат обезвожен, происходит естественный разогрев топлива, потому что охлаждения нет, плюс хороший доступ воздуха в результате разрушения какой-то зоны реактора. Загорелось топливо, поднялась температура. Где-то в пределах 1000 или более градусов началось интенсивное соединение графита и урана с образованием карбида урана. Вот он-то и горел. И когда оттуда всё выдуло в виде радиоактивного облака, аппарат сам и загасился… Всё улетело в атмосферу*». А затем продолжает: «*А остальные выбросы, которые теперь мы называем “протуберанцами”, были вызваны забрасыванием реактора мешками с песком и свинцом. Вот к чему привела засыпка реактора*»! (там же, на с. 249–250).

Касательно же «массового героизма» персонала ЧАЭС, приведу лишь свидетельство В.П. Волошко, председателя Припятского горисполкома: «*Из 5,5 тысяч человек эксплуатационного персонала АЭС 4 тысячи исчезли в первый же день в неизвестном направлении…*» ([1], с. 99)! Да, были там и настоящие герои — они перечислены в [1, 4] и других книгах, но не все из них искупили свою вину за аварию… Однако бросается в глаза и то, насколько дружно сотрудники ЧАЭС до сих пор ругают конструкторов реактора и винят именно их в аварии, причём чем дальше, тем больше!

5. Построение картины аварии

Для дальнейшего надо понять, что же происходит в самом ядерном реакторе (ЯР), для чего приведём некоторые сведения в стиле «Занимательной физики», тогда как достаточно полное, хотя и краткое, описание всего этого можно найти в параграфах 4 и 5 книги [24]. В ЯР типа РБМК загружается «горючее» в виде таблеток оксида урана UO_2, причём под знаком U скрываются две разновидности урана, называемые его *изотопами*. Это атомы — «близнецы», приписанные к одному номеру 92 (= заряду ядра, т.е. числу протонов в нём) в таблице Менделеева (сокр. М-таблица), ядра которых отличаются только числом нейтронов, и которые обычно имеют весьма различные физико-химические свойства. Так, уран имеет 14 изотопов, из которых в природе встречаются только три, но нам здесь интересны лишь два из них — ^{238}U (уран-238), и ^{235}U (уран-235), являющиеся главными акторами.

Дело в том, что только они, да ещё один изотоп, ^{233}U, могут делиться после поглощения их ядрами одиночных нейтронов, однако *распад* каждого из них происходит при весьма *различных* обстоятельствах и влечёт разные же последствия. Так, ядро «лёгкого» урана-235 при поглощении *теплового* нейтрона (т.е. имеющего энергию менее 0,1 Эв) распадается согласно следующей символической формуле:

$^{235}U + n = A_1 + A_2 + 2{,}5n + 200$ МэВ (1)

Из формулы видно, что на выходе кроме ядер-осколков A_1 и A_2 (суммарная масса которых меньше массы исходного ядра) снова получаются два или три свободных нейтрона. Причём каждый из них в принципе способен вызвать распад других ядер посредством таких же реакций (1) — если попадет в них. Последняя оговорка весьма существенна — ведь в природном уране на одно ядро изотопа ^{235}U приходится 139 ядер других изотопов урана!

И вот если два–три таких нейтрона при определённых обстоятельствах, о которых речь будет ниже, тоже породят реакции типа (1), тогда и получается *цепная реакция* деления (в данном случае — урана). Особо подчеркнём, что один тепловой нейтрон высвобождает в результате элементарного акта, т.е. процесса (1), энергию в сотни млн. раз большую!

Замечание 12. Это явление было открыто О. Ганом и Ф. Штрассманом, чуть позже объяснено О. Фришем и Л. Мейтнер, а затем полностью разъяснено теорети-

чески на базе «капельной модели» ядра Н. Бором (в 1939 г.). А через год оно было подтверждено экспериментом, который показал, что ядра-осколки A_1 и A_2 являются *изотопами* элементов *бария* (№ 56 в М-таблице) ^{137}Ba и радиоактивного *криптона* (№ 36 в М-таблице) ^{84}Kr соответственно.

Но и в СССР спонтанное деление урана *независимо* в том же 1940 г. обнаружили советские физики Г.Н. Флёров и К.А. Петржак.

В действительности оказалось, что при делении ядер урана *большинство* нейтронов вылетают из них *сразу* (это *быстрые* нейтроны, имеющие энергии порядка 1–15 МэВ), но есть и *меньшая доля* их, обычно меньше, чем 1–1,5% (обозначаемая как b), нейтронов *запаздывающих* — вылетающих из осколков ядра некоторое время спустя — от долей секунды до минут ([9]), имеющих энергии до 0,1 эВ, и потому называемых также *тепловыми* (или *медленными*).

В большинстве работающих ныне ЯР используются нейтроны *второго типа*, и чтобы «включить в игру» часть быстрых нейтронов, используется *замедлитель,* т.е. вещество, способное «притормозить» их, превращая в тепловые, которые затем более эффективно поглощаются другими ядрами ^{235}U, вызывая их деление.

А ЯР является тем устройством, которое способно использовать энергию, выделяющуюся в реакциях типа (1), для нагрева теплоносителя, который применяют затем для выработки электроэнергии через турбогенератор (сокр. ТГ) [8]. Для реактора РБМК топливом служил слабо обогащённый (от 1,8 до 2% — по ^{235}U) природный уран (впрочем, для корабельных ЯР необходимо обогащение топлива до более чем 20% — по ^{235}U).

Отметим, что наиболее эффективным замедлителем в ЯР является «тяжёлая» вода D_2O, но можно использовать и простую («лёгкую») воду H_2O. Однако в случае ЯР типа РБМК для этого использован особо чистый графит, почему они и называются *уран-графитовыми* (*кипящими*) реакторами. А в общем-то при работе ЯР *образуются около двухсот изотопов в качестве продуктов деления*, но только часть их — как осколки в процессе (1), остальные же — как продукты распада *других изотопов* [9]. Та же реакция (1) используется при создании *оружия*, хотя для этого необходимо повысить содержание ^{235}U до более 90%, и разрушающее действие атомной бомбы обусловлено колоссальным выделением энергии. Но взрыв получается лишь тогда, когда лёгкий уран сплотится в *единое компактное тело критической массы* (которая для него составляет около 50 кг)!

ЯР же использует энергию деления ^{235}U «постепенно» — для нагревания теплоносителя, поэтому И.В. Курчатов называл его «тлеющей атомной бомбой»; другое название — «атомный котёл», что тоже понятно, почему… Но кроме лёгкого урана, в ЯР присутствует гораздо больше изотопа ^{238}U. А с последним ситуация несколько иная: попадание нейтрона (притом *быстрого* — с энергией ~15 Мэв) в ядро урана-238, хотя и не расщепляет его, однако тоже приводит к *ядерным трансмутациям*, которые можно изобразить следующей цепочкой:

$^{238}U + n \rightarrow {}^{239}U \rightarrow {}^{239}Np \rightarrow {}^{239}Pu.$ (2)

Из неё видно, что в этом процессе **появляется новый элемент — *нептуний*** (с номером 93 в М-таблице) ^{239}Np, *который тоже нестабилен, имея период полураспада всего в 56 часов*, после чего появляется ещё один новый элемент (№ 94 в М-таблице), названный *плутонием Pu*. Также выделяется определённая порция энергии, хотя и меньшая, чем в (1), но об этом скажем позже.

Замечание 13. Вышеуказанные две реакции являются главными для понимания нашей темы, и тут стоит отметить отличие физики микрообъектов от обычной классической физики. Если в рамках последней нейтрон (и протон) представлять в виде маленького твёрдого шарика, а атомное ядро — в виде большого шара, «склеенного» из таких шариков, то ясно, что попадание медленно двигающегося (низкоэнергетиче-ского) шарика в большой (состоящий из 235 таковых) произведёт незначительный эффект. А попадание быстрого (высокоэнергетического) шарика даже в больший (из 238) вполне может разбить его (т.е. ядро) вдребезги. В физике же микромира, как видим, эффект совершенно обратный — в этом-то и проявляется её специфика…

Вернёмся к плутонию. Он был обнаружен при изучении ядерных реакций в ЯР, хотя позже нашли его следы и в природе, правда, настолько редкие, что общий вес его на Земле оценивают не более чем в один килограмм. С другой стороны, на всех работающих АЭС на планете за год нарабатывается ныне около 60 тонн плутония (см. [26])!

Плутоний имеет 15 изотопов (с массовыми числами от 232 до 246), но и тут *делящимися* среди них есть лишь три изотопа: ^{238}Pu, ^{239}Pu, да ещё ^{241}Pu, которые потому обычно и используются на практике. Но при этом лишь два последних могут порождать цепную реакцию — поскольку они делятся при поглощении *медленных* нейтронов, а значит, могут использоваться в качестве топлива для ЯР. ^{239}Pu часто используется и для создания атомных бомб, тем более что его критическая масса почти на порядок меньше таковой для урана — она составляет от 5,6 до 10,5 кг (в зависимости от чистоты ^{239}Pu от примесей). Кроме всего прочего, отметим: плутоний очень и очень ядовит…

Однако нам он интересен здесь тем, что при работе ЯР лёгкий уран потребляется (или выгорает), тогда как плутоний **накапливается**, причём его «*коэффициент размножения со временем увеличивается…, сечение* ^{239}Pu *больше, чем в два раза превосходит сечение* ^{235}U», согласно очень интересной книге американских авторов [9]. Вот откуда взялись те полтонны плутония в ЯР, о коих говорил акад. Велихов!

Но это не всё — еще академик Прохоров привлёк моё внимание к работам авторов-радиохимиков, точнее, к результатам измерений изотопного состава остатков топлива, которые были проведены ранее академиком Э.В. Соботовичем с сотрудниками ещё в 1986 г. (и опубликованы в статье [20], а затем и в ряде позднейших его работ), как и к работам других авторов.

Но ведь упомянутые исследования ещё с 1990 г. показывали, что «*повсеместно отмечалось избыточное содержание изотопов урана* U^{235} *и* U^{234}*… В почвах ближней зоны ЧАЭС присутствует* ***специфическая форма техногенного урана, характеризуемая высокой степенью обогащения изотопом*** U^{235}**» (там же, с. 888).**

Затем авторы этой статьи сделали осторожное замечание: «*Что же касается непосредственного источника поступления в окружающую среду этой мелкодисперсной формы урана, то он, к сожалению, пока не установлен…*

Присутствие на РБМК-1000 ядерного топлива такой степени обогащения трудноо́бъяснимо*. Тем не менее, эта гипотеза среди всех прочих представляется нам наиболее приемлемой***» ([20], с. 888; выделено нами. — *Н.К.*).**

Кроме того, не только **вне блока** наблюдались упомянутые «странности». И в самом деле, в работе [21] (уже других авторов) читаем: «*К моменту аварии в ак-*

тивной зоне реактора… большая часть загрузки имела выгорание от 11 до 15 Мвт сут/кг, ***в активной зоне было также некоторое количество свежего топлива***» (с. 39; выделено нами. — *Н.К.*). В результате исследования авторами «*препаратов вторичных урановых материалов, взятых с поверхности лавообразной топливосодержащей массы*» во **внутренних** помещениях блока «*соотношение пиков* ^{235}U *и* ^{238}U *соответствует обогащению ~2%. Можно было бы предположить, что исследуемые минералы выросли из свежего топлива.* ***Вместе с тем пик*** ^{239}Pu ***примерно в 2,5 раза больше, чем*** ^{235}U*, хотя* ***для случая среднего топлива отношение Pu/U должно было бы быть в 5 раз меньше.*** *Такое несоответствие велико и не может быть объяснено методическими погрешностями. Также маловероятно, что отношение Pu/U вследствие каких-либо геохимических факторов становится больше, чем в исходном топливе*» ([21], с. 42–43; выделения наши. — *Н.К.*). Иначе говоря, авторами выявлено **превышение отношения плутония к урану в 5 раз** (!), как если бы это должно было быть. А завершают они так: «*Таким образом, вопрос об изотопном отношении в продуктах изменения облучённого ядерного топлива остаётся открытым*» (с. 43).

Таким образом, авторы статьи как бы подводят нас к мысли, что всё это уже было в реакторе той апрельской ночью 1986 г. Но мы-то приводили цитаты из [9], где содержатся возможные объяснения такого явления, из которых следует, что упомянутое изотопное отношение возможно, если в каких-то двух или более полиячейках ТВС не были заменены свежими, тогда избыток ^{239}Pu **(как и** ^{235}U**) мог стать источником повышенного потока нейтронов.**

Теперь отметим ещё один момент — к сожалению, в ажиотаже, который наблюдался после аварии, да и впоследствии никто не обратил должного внимания на аргументацию главного конструктора реактора академика Н.А. Доллежаля. Так, в 1988 г. он высказал следующее мнение, к которому следовало бы отнестись со всей серьёзностью (цитируется по книге [16]): «*Ни здесь, ни в любом другом энергетическом реакторе атомный взрыв случиться не может в силу естественных физических причин. Ведь для него* ***необходимо, чтобы лёгкий изотоп урана (в чистом виде!) сплотился в компактное тело определённой массы****. Только при таком условии возможна цепная реакция с мгновенным выделением гигантской энергии*». И это абсолютно верно — при «штатных начальных условиях»… Поэтому далее он уточняет их так: «*А в реакторе, в ТВЭЛах* (тепловыделяющих элементах. — *Н.К.*)*, этот изотоп лишь обогащает уран природный, он рассеян в нём, его содержание составляет всего несколько процентов*»! И это звучит как подсказка — а что случится, если этот изотоп (**или же изотоп** ^{239}**Pu**) **не везде рассеян**?!

Именно под влиянием этих работ и неких теоретических расчётов я и предположил (в заметке [10]), что главной причиной аварии было нарушение изотопного состава топлива в некоторых ТВЭЛах, отличного от штатного. Но как объяснить это, я тогда не знал — разве что предположить сознательную диверсию, хотя и были сильные сомнения в возможности осуществить нужную подмену. Однако позже, после внимательного исследования всей проблемы в целом, получилась картина, уже не требующая такой подмены.

Вдруг мне сообщили, что якобы академик Э. Соботович отказался от своих выводов, и я решил выяснить это у него самого. Пришел к нему на приём в Институт

радиохимии поверхностей НАНУ, где он был директором, но сначала Эмлен Владимирович отнесся ко мне с прохладцей — тем более что пришёл я к нему менее чем за полчаса до обеда (а он строго придерживался режима питания, как мне сообщили позже). Но когда он узнал, что я принёс ему своё видение аварии, то проявил большой интерес, отложил как обед, так и намеченные встречи со своими сотрудниками, и беседа наша длилась более двух с половиной часов, пока секретарь директора буквально не выставила меня из кабинета! Говорили мы о разном, и многое узнал я от него — из первых уст, но когда сообщил ему о слухах, Эмлен Владимирович возмутился: «*Наоборот, я имею подтверждение тех данных*!».

Затем Соботович предложил свою версию явления, объяснив, что чаще всего на специальных химкомбинатах перерабатывали уже использованное в реакторах на АПЛ (подводных лодках) высокообогащённое топливо, понижая уровень обогащения по урану-235 до требуемых для РБМКА 1,8–2%. А делалось это сложными и дорогостоящими радиохимическими методами, и тут Эмлен Владимирович говорит мне: «*А вы знаете, в те позднезастойные годы везде царил редкостный бардак. И я не исключил бы возможности того, что какие-то "рационализаторы" решили сократить и удешевить (чтобы получить премию) процесс упомянутой переработки исходного материала путём механического его измельчения, разбавив затем чем-то нейтральным… Вот это-то определённо могло приводить к появлению локальных скоплений урана-235, и таким образом стать причиной катастрофы*!».

Признаюсь, что меня сильно поразило замечание Соботовича, хотя я и не стал включать его в свою работу, тем более что уже пришёл к иному выводу. А именно, что главным виновником аварии был всё же плутоний-239, который не надо было вносить в реактор (что утверждают некоторые журналисты), ибо он там и нарабатывался, притом достаточно интенсивно, хотя об этом старались не упоминать! При этом по регламенту ТВС (топливные сборки) следовало *регулярно переставлять* из одной зоны в другую *в определённом порядке*, а затем тоже *регулярно изымать*. Об этом я узнал из книги американцев Белла и Глесстона «Теория ядерных реакторов», изданной в Союзе ещё в 1974 г. А если бы их вовремя не изъяли, или не переставили, то и получили бы требуемый избыток. Но все эти процессы должны были отражаться в оперативных журналах, которые после аварии, как ныне известно, не выдавались даже членам правительственной комиссии по несколько дней, а то и недель! Почему? — возникает вопрос. А потому, чтобы срочно переписать их, и делал это, по-видимому, не один человек — что может объяснить наблюдаемую доныне «солидарность» и сплочённость персонала станции.

Теперь опишем, как мог случиться «паровой взрыв», для чего следует кратко описать конструкцию РБМК-1000. Активная зона (АЗ) его заключена в прочный стальной цилиндр высотой 7 метров и диаметром 11,8 метра, стоящий на таком же стальном основании, опирающемся на массивный металлический крест, который, в свою очередь, лежит на железобетонном днище реакторного пространства (РП). Само оно представляет собой прямоугольный железобетонный «ящик» со стенками 25×25 метров и высотой около 26 метров, стенки которого выполнены из особо прочного железобетона толщиной 1,8 метра.

АЗ накрыта массивной стальной крышкой, так что сама она есть как бы громадная металлическая «кастрюля», причём масса крышки, по оценкам разных ав-

торов, составляет от 1500 до 2000 тонн (а ведь ещё есть тысячетонная крыша реакторного пространства)! Внутри же этой герметической «кастрюли» размещена кладка из графитовых блоков с отверстиями для ТК (технологических каналов); последние представляют собой толстостенные металлические трубы (толщина 4–5 мм), проходящие как через крышку, так и днище, такого диаметра, чтобы в них помещались ТВС (тепловыделяющие сборки, т.е. собранные из ТВЭЛов) и проходил достаточный объём воды-теплоносителя.

Все размеры там, в т.ч. высота ТВС, рассчитаны так, чтобы вода, подающаяся *отдельно* в каждый ТК снизу под давлением в 75–80 атм, к выходу из ТК уже превращалась в пар, который через барабан-сепараторы идёт на турбину (ТГ). И таких ТВС в РБМК-1000 имелось 1659 штук. Подчеркнём, что концы ТК прикреплены к крышке и к днищу (приварены к ним) так, чтобы ни пар, ни вода не попадали внутрь АЗ (и тем более — в РП!), т.е. каждый ТК автономен в известном смысле. Но когда разрушается хоть один ТК, происходит серьёзная авария ЯР, называемая в просторечии «малый козёл» — таковая и произошла на блоке № 1 на ЧАЭС 9.09.1982 г. Там по ошибке ремонтников был перекрыт клапан для пропуска воды через ТК, вследствие чего не было циркуляции воды через него, и через «*40 секунд ТВЭЛы в нём разогрелись до температуры 800° С*», затем из-за подъёма давления пара произошёл разрыв ТК и пароводяная смесь проникла в АЗ — в графит и т.д. Но и при этом персонал блока удерживал его на мощности 700 МВт около 20 минут ([24])! В результате катастрофы удалось избежать, заглушив блок, и он был остановлен на продолжительный ремонт.

6. Восстановление картины аварии

Однако 26 апреля 1986 г. разрушился не один канал и не два — и разрушались они по причине проведения эксперимента по «выбегу» на неисправном турбогенераторе ТГ-8. Детально всё описано в [24], а тут отметим: очень важными оказались вышеупомянутые свидетельства Ю. Трегуба и Р. Давлетбаева, причём именно Трегуб первым описал явление *очень сильной тряски* всего здания блока, которое так и оставалось необъяснённым — о нём просто не упоминали! Но через 10 лет в юбилейном сборнике привёл свои свидетельства и Давлетбаев — он сообщил, что подшипник № 12 турбогенератора ТГ-8 барахлил ещё до «испытаний», притом настолько, что треснул его масляный кожух, который спешно заварили. И именно на ТГ-8, зная об этом, проводились «испытания по выбегу», при которых перекрывалась подача пара на турбину, и она должна была, вращаясь уже по инерции, крутить генератор, давая некоторое время электроэнергию «на нужды блока».

Таким образом, турбина с неисправным подшипником оказывалась под нагрузкой. Но известно, что всякая (и вполне исправная) турбина имеет свою резонансную частоту, при прохождении которой начинается сильная тряска, и каждый турбинист с опытом знает, что при испытаниях и целый цех может разрушиться, а тут вам ещё и нагрузка! Вот это и породило явление, описанное Трегубом, да и не только им, но почему-то о нём умалчивали даже на суде, к тому же закрытом…

Возникает вопрос — а почему бы не провести эти испытания на том же блоке, но на другом, вроде бы вполне исправном турбогенераторе ТГ-7 — это мне было непонятно. Но в реальности сей ТГ-8 при частоте около 35 Гц (соотв. при 2400 об./мин), судя по показаниям свидетелей, вошёл в зону резонанса, что сразу же проявилось в «*сильнейшей вибрации здания… Было впечатление, что БЩУ-4 разрушается*», вспоминал и Г. Метленко.

Кстати, стоит процитировать и слова Главного конструктора РБМК-1000 акад. Н. Доллежаля, тоже приведённые в юбилейном сборнике (т.е. 10 лет спустя): «*Причины аварии… нужно видеть не только в активной зоне реактора, но во всем комплексе блока, т.е. в реакторе совместно с контуром многократной циркуляции теплоносителя. В 1-контурных ядерно-энергетических установках, к которым относится и РБМК-1000, характерной является взаимосвязь физических процессов,*

протекающих в активной зоне реактора, и теплофизических процессов, протекающих в контуре теплоносителя»! Ну, а затем идёт реалистическое описание им активной зоны, где, из-за «*резонансных колебаний… первыми разрушились технологические каналы или, вернее, часть их*» (большие подробности и уточнения имеются в книге [24]).

И тут много больше, чем в случае с 1-м блоком, и пара и воды попало в АЗ, подняв в ней давление, причём быстрее, чем в описанном выше случае (но все ж не мгновенно), до 100 атм, а может, и больше. Вот тогда и началось явление, отмеченное В. Перевозченко и названное «пляской кубиков» (см. [24]), но в результате крышка «кастрюли» приподнялась, оторвав ещё больше каналов. А когда пар вышел в щель, давление его упало и крышка (двухтысячетонная!) упала на место, что и прозвучало как удар, отмеченный свидетелями. Затем процесс этот повторился, уже быстрее, избыток пара вышел, и снова удар — второй!

А далее пошла реакция образования гремучей водородно-кислородной смеси (есть расчёты, что 5 тысяч $м^3$ её могли образоваться за 3 сек), после чего произошел *объёмный* взрыв. Некоторые журналисты писали, что якобы ещё одним моим нововведением и явился сей объёмный взрыв. Это не так — о таковом писал ещё Г. Медведев в своей книге, хотя и в ином контексте, а мой же вклад состоит в том, что именно *промежуточный*, третий, взрыв был объёмным. Как заметил академик РАН В. Страхов, а за ним (независимо) и академик Э. Соботович, он-то и играет в моей картине аварии важнейшую роль. Сам я осознал это, разговаривая с капитаном 2-го ранга О. Ларюшиным по иному поводу, когда услышал от него: «*А ты знаешь, что у всех наших газохранилищах при строительстве применялся объёмный взрыв — он так уплотнял их стенки, что утечек газа никогда не случалось*!»

Это замечание и привело меня к представлению о роли третьего взрыва: после первых двух «паровых» в активной зоне реактора порушилась её жёсткая структура из топливных каналов и графитовых сборок, описанная выше, — топливные таблетки из разрушенных ТВЭЛов (а это цилиндрики диаметром 10 мм, и такой же высоты) в значительной мере превратились в «кашу», которую третий взрыв затем и «размазал» по стенкам активной зоны. В результате сего в каком-то месте у низа стенки и образовалось локально более-менее компактное тело критической массы — скорее всего, из плутония-239, поскольку она в несколько раз меньше таковой для урана-235, хотя наверняка и он там присутствовал, как и другие изотопы.

Потому и произошел главный — **четвёртый** взрыв, имеющий ядерную природу, хотя это не был классический взрыв атомной бомбы, ибо «горючее» тут не было компактифицировано, как в ней (потому мы назвали его «квази-ядерным»). Многие авторы, в т.ч. Н. Карпан, нажимают на то обстоятельство, что в реакторе было от 50 до 180 «критических масс», из чего ретивые журналисты заключили, что «*в Чернобыле взорвалось от 50 до 200 атомных бомб типа хиросимской!*», как не раз доводилось читать. Но это утверждение обманное, ибо «взрывчатка» тут должна быть «единым компактным телом», которое взрывается, лишь когда достигнута критическая масса. Конечно, возможно, что в результате четвёртого взрыва могла бы образоваться где-то в АЗ ещё такая же ситуация, но это маловероятно. А потому и мощность взрыва никак не могла превышать 15 килотонн, а скорее всего, была заметно меньшей — не более 5 Кт, ибо сейсмический сигнал, отмеченный сейсмографами,

говорил о сотрясении в 3–3,5 балла, тогда как взрыв 15-килотонного заряда производит таковое в 5 баллов (согласно [26]).

Однако её оказалось вполне достаточно, чтобы произвести наблюдаемые разрушения блока — подбросить и перевернуть «крышку», а главное — сделать то, чего никак не могли сделать предыдущие удары и взрывы, а именно — выбросить из АЗ практически всё содержимое (а его было около 2200 тонн!), которое находилось выше эпицентра взрыва. Правда, около 40% выброшенных крупных фрагментов, отразившись от подброшенной крышки «кастрюли», оказались в пределах РП, и это проявило себя потом, как увидим...

Часть же, находившаяся вблизи эпицентра и ниже, расплавилась и попала в подреакторное пространство — когда нижняя крышка АЗ была «отдачей при выстреле» опущена вниз — в виде лавообразных масс (известная «слоновая нога» и т.п.)

Кроме того, около 30–40% содержимого вылетело вверх в виде облака ионизированной плазмы (причём температура её кратковременно могла достигать десятков тысяч градусов!) и микрочастиц, что объясняет наблюдаемые очевидцами снаружи явления, такие как «фотовспышку», «гриб» и столб неподвижного «пламени» (на самом деле плазмы). А явление ЭМИ (электромагнитного импульса), наблюдающееся при ядерных взрывах даже в ограниченном объёме, объясняет наблюдавшиеся при аварии отключения электроэнергии не только на 4-м, но и на 3-м блоке (см. в [25]), которые объясняли тем, что якобы были «перебиты кабели», чего не обнаружили…

Но напомним далее, что кроме лёгкого урана и плутония в ЯР имелись огромные массивы урана-238, которые подвергались атаке множества быстрых нейтронов, образовавшихся в результате взрыва и теперь ничем не тормозившихся, а это приводило к вступлению «в полную игру» реакции (2)! Напомним, что в результате ядерных трансмутаций, изображённых в (2), из урана-238 — **через нептуний-239** — появляется, с периодом полураспада в 56 часов, уже плутоний-239. Свидетельством чего и явилось наблюдаемое утром 26 апреля в развалах появление нептуния (через спектр его гамма-излучения, при том, что он составлял 17% от общего такового!), как промежуточного элемента в этой реакции. А там, где измерить что-либо было невозможно, например, в РП, его наверняка было ещё больше!

Потому последовавшие вечером «взрывы» в пределах РП, в основном, были вполне ожидаемы — появлению критической массы плутония в завалах способствовали даже те небольшие сбрасывания в РП кусков, находившихся на крыше блока и смежных помещений — т.о. тут героизм пожарных и других сыграл весьма и весьма злую шутку… Впрочем, ещё раньше Г. Медведев оценивал работу части персонала 4-го блока сразу после взрыва так: «*Что касается действий Акимова, Дятлова и Топтунова и помогавших им, то их работа, полная самоотверженности и бесстрашия, тем не менее, была направлена на усугубление аварийной ситуации*» ([1], с. 85). Но я всё ж разделил бы ответственность — вина-то прежде всего лежит на их начальнике Дятлове, тем более что он выжил, в отличие от других…

Во всяком случае, впервые чётко описанное в [17] Н. Карпаном — очевидцем (хотя и после 25 лет молчания!), явление **взрывов уже вечером 26 апреля** является прямым и убедительным доказательством справедливости картины аварии, описанной мною ранее в работах [13–15], что я и отметил в [24]. Правда, сам он (всё ж не поняв моей картины полностью), говорил о «пожаре», тогда как на деле это были

те же квази-ядерные взрывы, но ближе к форме «пшиков», которые периодически наблюдают работники радиохимических комбинатов, — я благодарен проф. Г. Бондаренко, рассказавшему мне об этом явлении.

Но они сыграли гораздо более гнусную роль в радиоактивном заражении многих территорий в ближних и дальних окрестностях ЧАЭС — уровень его сразу повысился более чем в 10 раз! И основные выбросы за пределы блока произошли как раз тогда. А ведь стоило периодически заливать упомянутые развалы раствором борной кислоты ([24]), и последствия были бы намного меньшими — но для этого руководителям комиссии надо было представлять себе механизм аварии!

Относительно вопроса об «умышленности» аварии, о чём много писали журналисты, касаясь моей книги [24], начну с того, что упоминавшийся выше академик Страхов, очень известный учёный и общественный деятель России, прочтя мою работу, сказал: «*Николай Васильевич, у меня сложилось впечатление, что это было гениально спланированное преступление*!» Ранее, *до того*, как сложилась полная картина аварии, я тоже был близок к подобной оценке, однако замечание Владимира Николаевича заставило меня ещё раз посмотреть на весь процесс, тем более что я усматривал разницу между «спланированным» и «реализованным»…

Замечание 14. Ещё одно — с момента аварии и до сегодняшних дней в литературе бытует мнение (в т.ч. среди «спецов») о таком недостатке, как отсутствие «сверхпрочного герметичного колпака» над реактором, т.к. тогда якобы устранялись бы все угрозы. Конечно, такие «колпаки» были бы хороши для того, чтобы обеспечить реактор от артобстрела или от падения самолёта и т.п. Но из приведенного выше очевидно, что если бы таковой и был над парой 3-й и 4-й блоков (а иначе его не построить, ибо находились они на одном фундаменте, притом буквально через стенку), то и были бы разрушены оба! Да при ядерном взрыве (каковой и наблюдался) никакой колпак не только не помог бы, а наоборот — усугубил бы масштабы катастрофы.

Конечно, нет сомнений в том, что главной причиной аварии стал «человеческий фактор» (хотя не только персонал станции). Да, реактор РБМК не был «дуракоустойчивым», но ко взрыву его прямо подвели всё же люди — персонал блока! Но затем, оценив вероятность «спланированного развёртывания событий», оказалось (детали см. в книге), что она не могла превышать одной миллиардной! Я осознал, что предсказать, т.е. спланировать *именно такое* развитие событий, *со всеми его последствиями*, чисто теоретически было невозможно. Для этого были необходимы «натурные» испытания с однотипными реакторами, но в Союзе ничего подобного не было!

Правда, за восемь месяцев до Чернобыля (точнее, 10.08.1985 г.) и у нас на Дальнем Востоке, в бухте Чажма, состоялся вроде бы похожий «катаклизм» — там «рванул» реактор на АПЛ К-421, но не только реактор там был другой, там всё было по иному, о чём подробнее говорится в нашей книге [24].

С другой стороны, в США вышеупомянутые «натурные» испытания с взрывами реакторов были, хотя с реакторами иного типа — на быстрых нейтронах, о чем писалось в книге Белла и Глесстона. Несмотря на то, что многие следствия этих взрывов очень похожи на таковые для Чернобыля, связать это с РБМК достаточно проблематично, на мой взгляд, поэтому в моём тексте нигде не говорится об «умышленной» аварии на ЧАЭС.

Кроме того, совсем недавно я узнал о следующем событии: 10.04.1986 г. на полигоне Невада в США был произведён подземный ядерный взрыв такой мощности, что там произошел выброс не только радиоактивных газов и пыли, но и твёрдых обломков… Это привело к радиоактивным осадкам не только на территории США, но и в Канаде, если не дальше. Любопытно то, что виновник аварии — Минэнерго США — признал эти факты только **после** аварии на ЧАЭС, так что совсем не исключено, что немало обнаруженных тогда на Западе выпадений радиоактивных осадков попросту свалили на Чернобыль (см. [25])!

Под конец хочу выразить признательность составителям сборника, т.к. только благодаря этому я просмотрел и некоторые материалы моих оппонентов — местных авторов, появившиеся после работ [13–15], а особенно после [24], где систематически изложен мой подход. Мне известно, что они знали и об упомянутых работах, знали и содержание моих публичных выступлений на конференциях, семинарах и учёных советах в нескольких НИИ. К сожалению, эти авторы, выхватив некоторые элементы из неё, попытались встроить их в свои представления, что приводило к курьезным ситуациям.

Например, Н. Карпан в [17] тоже заговорил об объёмном взрыве, и о реакторе, как о «кастрюле» с «крышкой», и о ядерном взрыве тоже, но… у него сперва случается последний взрыв, а за ним — паровой, и уже напоследок — объёмный (?! — см. с. 59). Б. Горбачев заимствовал меньше, но ни один из них не упомянул о моих работах, как и о том, что ныне имеется логически непротиворечивая, физически замкнутая картина аварии! Ну и бог с ними…

С другой же стороны, мне интересно было узнать некоторые новые сведения об аварии, тем более что практически все они естественно вписываются в мою картину, что и подтверждают в очередной раз правильность её.

Кроме того, знакомство с [17] и [25] оказалось полезным для меня в следующем плане: оба автора всё время вращаются в очень специфической среде чернобыльцев, а потому знают многих людей, о которых я и не слышал. В частности, Б. Горбачев в [25] назвал «истинного виновника аварии», тогда как я знал одного А. Дятлова, который диктовал, по сути, преступные приказы персоналу 4-го блока, о чём рассказано в [24], но я никак не мог понять его мотиваций.

А вот Горбачев указывает на некоего Г. Копчинского, о коем я до него и не слыхал, поскольку не упоминался он ни в одной из ссылок. Он в то время работал в Москве, в аппарате ЦК КПСС (в секторе по надзору над АЭС [25]), и Б. Горбачев сослался на другого автора — В. Комарова — «*единственного из участников ликвидации аварии на ЧАЭС, который набрался мужества дать показания по этому вопросу*» (с. 476). Из его показаний следует, что именно Г. Копчинский отдал так называемый «двойной приказ» лично А. Дятлову: продолжать испытания, сперва по телексу, а затем устно по телефону. И это несмотря на то, что реактор «провалил мощность» практически до нуля, да и вообще в активной зоне перед взрывом было всего 2 стержня СУЗ (там же). Далее подробно рассказывается о карьерных мотивах А. Дятлова, да и других руководителей ЧАЭС, и в связи с этим приводятся выразительные цитаты. Упомянутый Г. Копчинский, оказывается, ныне живёт в Киеве и снова занимается «проблемами безопасности АЭС», но уже в международном масштабе! У меня нет комментариев.

Отмечу, что в третьей декаде мая со мной по телефону связались представители некой группы, якобы «из Москвы, снимающей документальный фильм о Чернобыле», и просили интервью по поводу книги [24]. Но когда я пришёл на встречу, то оказалось, что это мероприятие американцев, а русскими были только журналист Фёдор, бравший интервью, да переводчица. Ну что делать, изложил я им свой сценарий развития событий, настолько популярно, что сей журналист заявил: «*Наконец-то и я всё понял, а то через книгу вашу пробиться мне было не под силу*»!

Однако интересовала их не физика, а конкретные люди — виновники аварии, и я отослал их за такими сведениями к упоминавшемуся Б. Горбачёву. Но оказалось, что они уже с ним имели беседу и его версия их не устроила, как я понял — упоминался какой-то союзный «замминистра в Минэнерго» с фамилией то ли Шамшин, то ли Шашурин (?). Поскольку ничего этого и никого я просто не знал, то ответил — ищите, ребята, а я тут — пас… Моя задача была — дать физическую картину аварии, а не производить какие-то следственные действия.

Тогда они спрашивают: а кому в верхушке Союза была выгодна авария? Отвечаю, что, по моему мнению, самому М. Горбачёву она была крайне невыгодна — она выбивала из его рук козыри в переговорах о сдаче Союза на как можно более выгодных условиях и для него, и для подельников. А вот прямой выгодой она оказалась для вашего президента Р. Рейгана, *отпетого лицедея*, который её и использовал, чтобы морально раздавить недалёкого и слабовольного, да и разумом не шибко-то отмеченного М. Горбачёва! Но такой ответ американцам не очень понравился, на том и распрощались…

7. Заметки о ещё одной катастрофе 1986 года (и о «запланированных диверсиях»)

А теперь перейдём к другой катастрофе того времени, которая тоже «достала» меня лишь летом 2006 г., когда упоминавшаяся выше газета «2000» напечатала статью проф. В.Д. Кучина под названием «*Чернобыльская катастрофа: первое звено в цепи запланированных диверсий*». Уважаемый профессор выдвинул там также «*гипотезу о взаимосвязи некоторых крупных диверсий нашего времени и об их целенаправленности*» и выстроил цепочку якобы последовательных диверсий. По его мнению, происшедшая через 4 месяца после Чернобыля катастрофа вблизи Новороссийска и была *следующей диверсией*.

Напомню, что 31 августа 1986 г. на выходе из бухты Новороссийского порта сухогруз «Петр Васев» неожиданно протаранил большой советский круизный лайнер «Адмирал Нахимов», что привело к значительному числу человеческих жертв. Я помню эту аварию — тогда о ней чего только не писали досужие журналисты, тем более что начиналась пора «гласности» (но не ответственности, к сожалению)… Понять тогда что-либо было не легче, чем о Чернобыле! Но, как мы видели выше, утверждение об аварии на ЧАЭС как о «запланированной диверсии» не получает однозначного подтверждения.

А вот в случае упомянутого столкновения эта гипотеза просто излишня, как сейчас увидим, используя снова же *чисто физические* соображения.

Расскажу, как я это понял, читая следующее описание аварии В. Кучиным: «*Капитан сухогруза с побелевшим лицом, намертво уцепившись в штурвал, направил судно на теплоход и истошно орал мотористам: "Полный вперед!"*». Помню, что тогда подумал — видимо, этот В. Ткаченко, капитан сухогруза, был ненормальным…

Но через месяц в той же газете появляется статья «Пароход "Адмирал Нахимов" и запланированные диверсии» уже профессионала, капитана дальнего плавания Л. Марфутина. Он сперва аккуратно исправил допущенные не-моряком Кучиным явные несуразности, а затем так описал реальную ситуацию (ибо хорошо знал старпома «Капитана Васева» и других членов экипажа): «*Капитан Ткаченко не отходил от прибора САРП* (система автоматической радиолокационной прокладки. — *Н.К.*)*, он уставился в экран и ожидал, когда прибор сработает и решит назревающую проблему, как срабатывал много раз прежде, выручая капитана и выводя судно из самых сложных позиций.*

Действительно, этот ***умный прибор мог*** *рассчитать параметры встречного судна или другого объекта,* ***идущего на пересечение***, ***дать команды на автоматические приводы руля или в машину, и судно самостоятельно изменяло курс, уменьшало, стопорило или давало задний ход****. Кроме того, Ткаченко ждал, когда "Нахимов" ляжет на свой новый курс. Поэтому не уменьшал ход*» (выделено мной. — *Н.К.*).

Таково точное и профессиональное описание ситуации, причём практик Марфутин далее даже разъясняет, почему Ткаченко спешил — он стремился успеть стать к причалу под разгрузку! Но оказалось, что сия «*умная система не сработала, ... да и "Нахимов" отворачивал на слишком малые углы — по 5–7 градусов. На больший угол делать поворот было опасно, с левого борта очень близко находился берег*»!

Когда я прочёл эти строки, то показалось, что уже встречал аналогичный случай, о чем расскажу ниже. Но сначала взглянул на начало статьи, где речь шла о размерах «Нахимова» — он был длиной 175 метров, имея водоизмещение 23360 тонн и скорость 16 узлов. И хотя размеров «Васева» Марфутин не приводил, из контекста статьи ясно, что был он существенно меньше «Нахимова».

Затем читаю в статье Марфутина: «*Во время предварительных переговоров вахтенный "Васева" пообещал пропустить "Нахимова" — следуйте своим курсом и не беспокойтесь*» — очень существенный момент ситуации! Правда, в конце концов сам капитан Марфутин конфузится и приходит к заключению: «*Нет ответов на важные вопросы: почему такое произошло не в экстремальных условиях, и почему грамотные, с большим опытом судоводители, управлявшие исправными, оснащёнными современными приборами судами не смогли обеспечить безопасное расхождение*».

А вот проф. Кучин в своей статье очень просто объяснил всё происшедшее — «*воздействием психотронного излучения на мозг капитана Ткаченко*» с некоего американского крейсера, находившегося где-то у берегов Болгарии. Но беда-то вся в том, что за двадцать прошедших лет (это писалось в 2006 г. — *Н.К.*) что-то не слышно и не видно *каких-либо убедительных доказательств* наличия таких «*психотронных излучателей*», причём могущих воздействовать *избирательно* на мозг того или иного капитана, но не других людей!

Потому приходится искать ответ попроще, и вот каков он вкратце, по моему мнению: *упомянутые судоводители не смогли предотвратить аварию именно* ***потому, что находились в обычных условиях и полагались исключительно на «умные приборы»****, тогда как надо было знать законы физики (точнее — гидродинамики) и думать собственной головой*! Впрочем, нельзя исключать и *обыкновенного разгильдяйства*, так характерного для тех времен — см. высказывание акад. Э. Соботовича выше.

А ведь в данном случае достаточно было бы знакомства с известной книгой Я. Перельмана «Занимательная физика», которую подарил мне отец ещё в шестом классе, и которая стала тогда настольной для меня. Я специально нашел её, чтобы привести точную цитату.

«*Осенью 1912 года с океанским пароходом "Олимпик" (тогда одним из величайших в мире судов) произошел следующий случай: "Олимпик" плыл в открытом*

море (! — *Н.К.*), *а почти параллельно ему, на расстоянии сотни метров, проходил с большой скоростью другой корабль, гораздо меньший, броненосный крейсер "Гаук". Когда судна почти поравнялись* (я использую это описание вместо картинки, приведённой в книге. — *Н.К.*), *произошло нечто неожиданное: меньшее судно стремительно свернуло с пути, словно повинуясь какой-то неведомой силе, повернулось носом к большому пароходу и,* ***не слушаясь руля*** (так что можно было не «вцепляться в руль»! — *Н.К.*), *двинулось почти прямо на него. Произошло столкновение. "Гаук" врезался носом в бок "Олимпика"; удар был так силён, что "Гаук" проделал в борту "Олимпика" большую пробоину*».

Нужно ли комментировать этот текст или достаточно будет поменять названия судов? По моему убеждению, это как раз и описывает финал рассматриваемого нами случая, и не надо было капитану Ткаченко ни вцепляться в руль, ни доверять прибору — траектории судов не пересекались, а были параллельными — этого было достаточно, и при описанных обстоятельствах всё шло к катастрофе автоматически!

Любопытно отметить, что суд в 1912 г. признал виновным капитана «Олимпика» (?!), хотя виновным явно был капитан «Васева», то бишь «Гаука». Но наш суд — через 77 лет — оказался более «справедливым», и обвинил обоих капитанов в равной мере. А кто-то ещё говорит, что знание физики для юристов необязательно…

Таким образом, ответ в данном случае получаем из элементарной физики; впрочем, она же помогает и в других случаях — катастрофе «Курска» в 2000 г., падении башен-близнецов ВТЦ в Нью-Йорке в 2001 г., да и в других. Так что полезно знать физику, да и думать надо *своей* головой!

Возвращаясь к списку «запланированных диверсий» В. Кучина, заметим, что попали в него и землетрясение в Армении 1988 г. (г. Спитак), и взрыв газа на железной дороге под Свердловском и т.п., но все они выходят за рамки нашей статьи.

Однако проф. Кучин забыл упомянуть такие «мелочи», как массовые «психотерапевтические» сеансы А. Кашпировского, А. Чумака и других «экстрасенсов», тем более что они привязаны по времени к рассмотренным выше катастрофам — случайно ли? Помните, как размахивали руками да впадали в транс тогда ваши знакомые и близкие — вылечился ли кто из них от своих болячек?

И тут мы подходим к большой теме — роли СМИ (средств массовой информации) в нашей недавней истории — именно они популяризовали упомянутых «психознахарей», да создавали тот «информационный шум», который мешает людям думать своей головой — дУмать, а не думАть, как в Прибалтике, помогая создать тот социальный Чернобыль, который мы переживаем (см. [18]). Сами же они в процессе перехода превратились в СМДИ (средства массовой дезинформации), а на Украине и более того — в СМДБ (средства массовой дебилизации), заслужив почётное название: «имени д-ра Йозефа Геббельса» — вот что явилось финалом такого «развития».

Список использованной литературы

1. Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь. Киев: Дніпро, 1990.
2. Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ // Атомная энергия. 1986. Т. 61, вып. 5. С. 301.
3. Кравчук Н.В. Ещё один вариант анализа причин аварии на ЧАЭС // Киев. Еженедельник «2000». 2006, № 17.
4. Щербак Ю.Н. Чернобыль: Документальное повествование. М.: Сов. Писатель, 1991.
5. Чернобыльская катастрофа: причины и последствия, Часть 1. Минск: Тест, 1993.
6. Чернобыль. 10 лет спустя. Неизбежность или случайность? М.: Энергоатомиздат, 1995.
7. Чернобыль. Катастрофа. Подвиг. Уроки и выводы. М.: Интер-Весы, 1996.
8. Доллежаль Н.А., Емельянов И.Я. Канальный ядерный энергетический реактор. М.: Атомиздат, 1983.
9. Белл Д., Глесстон С. Теория ядерных реакторов. М.: Атомиздат, 1974.
10. Кравчук Н.В. Что же на самом деле произошло на ЧАЭС? // Досвітні вогні. Киев, 2006. № 21.
11. Аптикаев Ф.Ф., Барковский Е.В., Кедров О.К., Копничев Ю.Ф., Омельченко В.Д., Страхов В.Н. О сейсмическом событии 26 апреля 1986 года в районе Чернобыльской АЭС // Физика Земли. 2000. № 3. С. 75–80.
12. Васильев В.Г., Кендзера А.В., Омельченко В.Д., Старостенко В.И., Страхов В.Н., Яницкий И.Н., Чернобыльская катастрофа. Геофизические аспекты // Геофизический журнал, Т. 28, № 3. 2006. С. 19–33.
13. Кравчук Н.В. Розвиток уявлень щодо сутності аварії на ЧАЕС 26 квітня 2006 р.: ретроспективний погляд. // Матеріали XIV Всеукраїнської конференції істориків освіти, науки і техніки. Київ, 2009.
14. Кравчук Н.В. Эволюция представлений о характере Чернобыльской катастрофы // Матеріали VIII Всеукраїнської конференції „Актуальні питання історії науки і техніки" Київ, 2009. С. 165–168.
15. Кравчук Н.В. Ещё раз о характере взрыва 4-го блока ЧАЭС // Геофизический журнал. 2010. Т. 32, № 1. С. 34–44.
16. Карпан Н.В. Чернобыль. Месть мирного атома. Киев: ИКК «Баланс-клуб». 2006.
17. Карпан Н.В. От Чернобыля до Фукусимы. Киев: С. Подгорнов, 2011.
18. Кравчук Н.В. Мифы «Смутного времени» и его реалии. 4-е изд. Киев: Киевская правда, 2005.

19. Кружилин Г.Н. О характере взрыва реактора РБМК-1000 на ЧАЭС // Доклады РАН. 1997. Т. 354, № 3. С. 331–332.
20. Соботович Э.В., Чебаненко С.И. Изотопный состав урана в почвах ближней зоны ЧАЭС // ДАН СССР. 1990. Т. 315, № 4. С. 885–888.
21. Кузьмина И.Е., Лобач Ю.Н. Ядерное топливо и особенности формирования аэрозолей в объекте «Укрытие» // Атомная энергия, 1997. Т. 82, вып. 1. С. 39–44.
22. «Сухари и пряники ЧАЭС» (интервью с В. Борцом) // «2000» от 14.VII. 2006.
23. Аптикаев Ф.Ф., Барковский Е.В., Кедров О.К., Копничев Ю.Ф., Омельченко В.Д., Страхов В.Н. О сейсмическом событии 26 апреля 1986 года в районе Чернобыльской АЭС // Физика Земли. 2000. № 3. С. 75–80.
24. Кравчук Н.В. Загадка Чернобыльской катастрофы: Опыт независимого исследования. М.: АИРО-XXI, 2011.
25. Гусев О.П. 25 років віч на віч з Чорнобилем. Київ, 2012.
26. Белозерский Г.Н. Радиационная экология. М.: Академия, 2008.

Примечание: В [24] везде, где встречается название «калифорний», следует читать — **нептуний** (там вкралась непонятная мне описка).

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

DE SECRETO / О СЕКРЕТЕ. Сборник научных трудов.
А.И. Фурсов (сост.). 4-е изд.
М.: Товарищество научных изданий КМК. 2022. 699 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов
Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 12.10.2022. Тираж 1500 экз. Заказ №
Формат 70×100/16. Объём 44 п.л. Усл. печ.л. 57,2. Бумага офсетная.